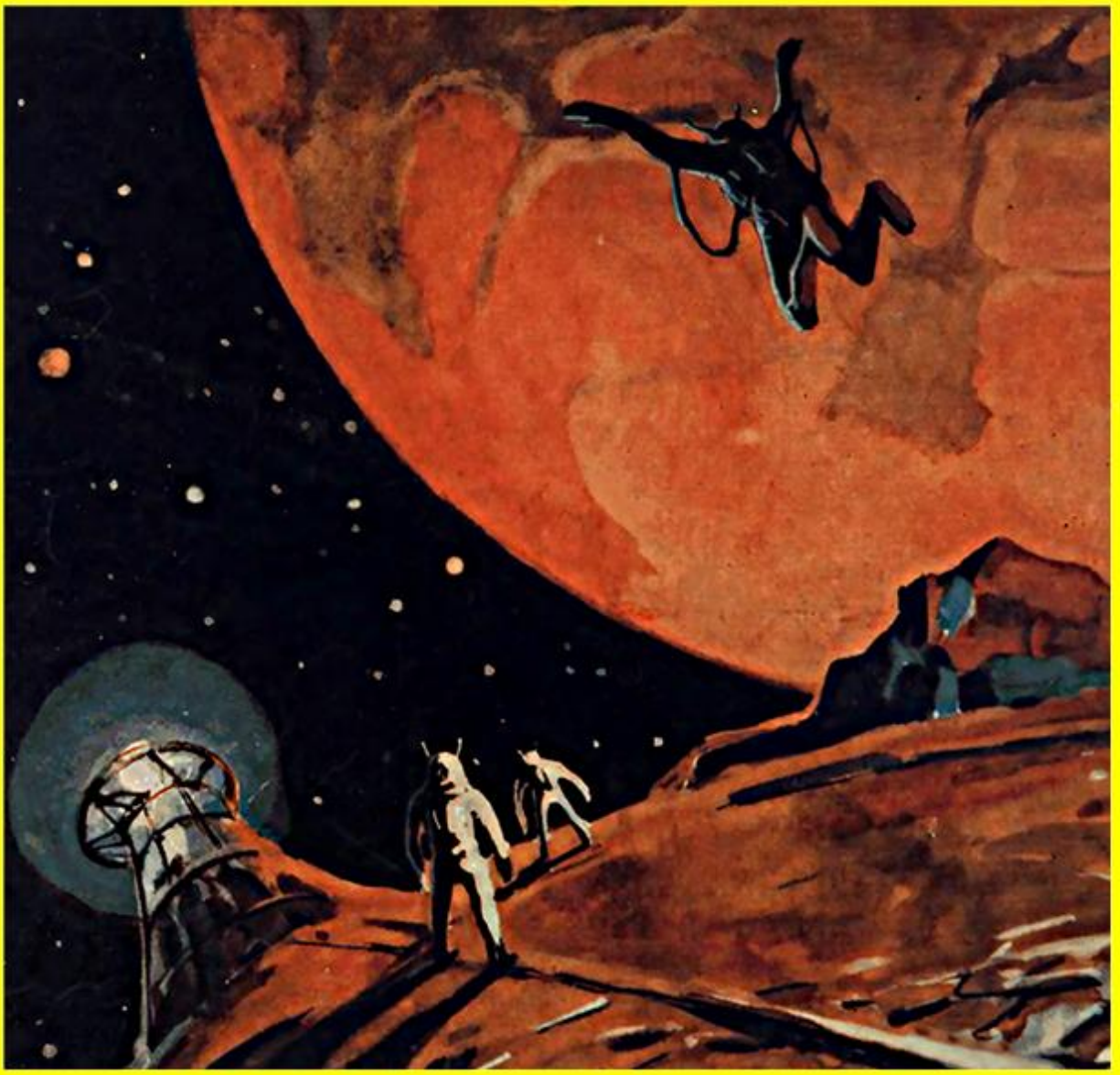
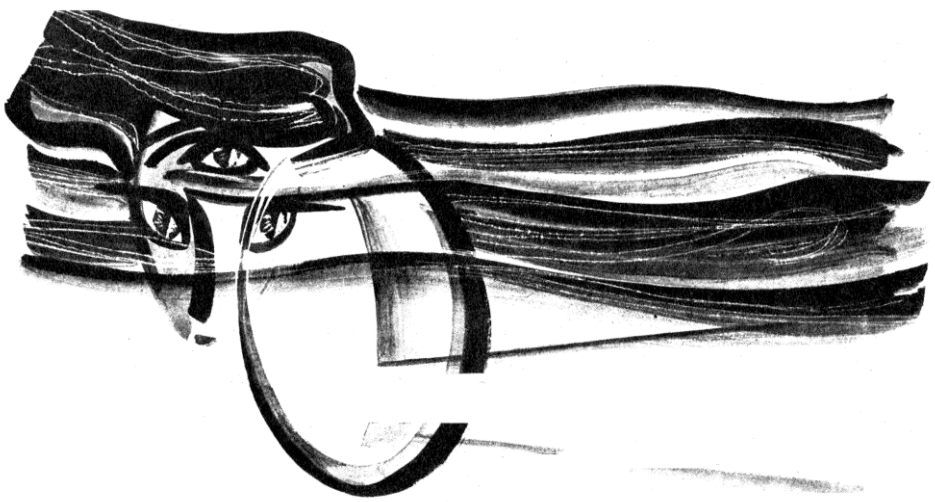

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

СБОРНИК

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

СТАРАЯ « МАРСИАНСКАЯ» ФАНТАСТИКА

МОЯ ЛЮБИМАЯ КНИГА
2019

Георгий Мартынов

220 ДНЕЙ НА ЗВЕЗДОЛЕТЕ

Научно-фантастическая повесть

Перед стартом

Москва. 1 июля 19..года.

Завтра старт...

Ровно в десять часов утра космический корабль, управляемый Сергеем Александровичем Камовым, оторвется от Земли...

Думал ли я когда-нибудь о возможности лететь с ним?

Конечно, нет! Как и все, я издали следил за его первыми полетами и восхищался ими. Камов и Пайчадзе казались мне особыми людьми, далекими, как то небо, в которое они проникли; и мне никогда не приходила в голову мысль, что я смогу стать их товарищем в полете, хотя бывали минуты, что я мечтал об этом, тоже, вероятно, как всё...

Как странно, что такая, казалось бы, совершенно неосуществимая, мечта вдруг стала реальной действительностью!

Много чудесного предстоит нам увидеть за время нашего далекого пути. Хватит ли у меня сил описать всё это так, чтобы и другие, не видевшие, увидели? Должно хватить! Для этого я принят в состав

экспедиции. Мое дело — запечатлеть всё на бумаге, на фотопленке, на киноленте. Мой дневник, который я начинаю сегодня, будет тем материалом, из которого я надеюсь создать книгу о полете после того, как вернусь на Землю через долгие семь с половиной месяцев. Ни одна самая мелкая подробность не должна пройти мимо этих страниц...

Сейчас только 9 часов, и я могу записать много. В двенадцать надо будет лечь спать.

Засну ли я?.. Вряд ли мне это удастся...

Когда я выразил Сергею Александровичу сомнение в исполнимости его требования спать последнюю ночь перед стартом, он сказал:

— А вы всё-таки лягте, а заснете или нет, — будет видно. Самое главное — это физически отдохнуть.

Я обещал ему и выполню свое обещание, а пока буду писать обо всем, что предшествовало сегодняшнему вечеру.

Начну с самого начала...

29 апреля, почти ровно два месяца тому назад, наш главный редактор пригласил меня в свой кабинет. Я только накануне вернулся в Москву, был занят приведением в порядок собранных материалов, и мысль о новой командировке не приходила мне в голову.

Когда я вошел, редактор пригласил меня сесть.

— Мы хотим предложить вам, — сказал он, — не совсем обычную командировку... — Он посмотрел на меня и, видя, что я собираюсь ответить, быстро закончил: — Экспедиция очень необычайна и может оказаться опасной.

За секунду до этого я твердо намеревался отказаться, так как устал и не был расположен ехать куда бы то ни было, но последние слова редактора меня заинтересовали.

— Опасности меня не пугают, — ответил я. — Чем необычнее задача, тем она интереснее.

— Я был уверен в таком ответе, — сказал редактор. — Вы молоды и здоровы. Вы хороший фотограф и способный журналист. Кроме того, вы умеете работать с киноаппаратом. Именно те качества, которые требуются в данном случае. Но настаивать на вашем согласии я не буду. Вы вправе отказаться.

— Я не думаю отказываться от чего бы то ни было, — сказал я.

Он посмотрел на меня с выражением, которое в тот момент показалось мне непонятным, и усмехнулся.

— Тем лучше, — сказал он. — Вы, конечно, знаете, кто такой Камов?

Я вздрогнул при этом вопросе. Камов?.. Конструктор и командир первого в мире космического корабля. Человек, дважды покидавший Землю. Неужели я не ослышался?..

— Конечно, — ответил я. — Кто же его не знает!

«Так вот почему он назвал экспедицию очень необычайной», — подумал я. Имя Камова не оставляло никаких сомнений, что дело идет о полете вглубь солнечной системы, быть может, на одну из планет. Кто из нас не мечтал совершить такое путешествие? Но одно дело — мечтать, а другое — когда вам неожиданно предлагают такой полет в действительности...

— Если хотите, — сказал редактор, — то можете принять участие в его новой экспедиции.

— А куда она направляется?

— Это мне неизвестно, — ответил он. — Если вы согласны, то подробности узнаете от самого Камова.

— Почему вы именно мне предлагаете это?

— Вы кажетесь наиболее подходящим человеком.

Всё это было так внезапно и удивительно, что я почувствовал необходимость собраться с мыслями.

— Разрешите дать ответ завтра.

— Не торопитесь! — сказал редактор. — Такое предложение надо хорошо обдумать, чтобы не пожалеть впоследствии о принятом решении, каково бы оно ни было.

Сказать, что я провел спокойную ночь, — значило бы сказать неправду. Я не новичок в экспедициях. Исполняя свои обязанности корреспондента, я побывал во многих местах земного шара, я был на Южном полюсе, в Центральной Африке и на Гималайских горах.

Но всё это было на Земле....

Теперь же мне предлагают покинуть ее и лететь неведомо куда, за десятки, а может быть, и сотни миллионов километров...

Вспомнились книги, которые мне приходилось читать по астрономии...

Вселенная... Бесконечное пространство, где, подобно пылинкам, движутся звезды... Расстояния, превосходящие человеческое воображение, отделяют их друг от друга... Мрак... Холод.

Мне ясно представился крохотный космический корабль, окруженный со всех сторон безграничной пустотой, и внезапная слабость в ногах заставила меня сесть на стул...

Отказаться?.. Никто не осудит меня за это... Остаться на нашей милой, привычной Земле...

«И навсегда сохранить воспоминание о собственном малодушии, — подумал я. — Упустить такой случай и потом всю жизнь жалеть об этом».

Было три часа ночи, а я еще ни на что не мог решиться. Желание и невольный страх боролись друг с другом, поочередно одерживая победу.

В конце концов у меня разболелась голова и я настежь открыл окно, подставив лицо влажной прохладе ночного ветра.

С высоты восьмого этажа, где я жил, открывался широкий вид на город. Во многих местах уже сияли огни праздничной иллюминации. Далеко-далеко красными точками горели звезды Кремля.

Москва!.. Родной город, где я родился и вырос. Столица страны, которая дала мне всё, что у меня есть.

«Чего ты боишься? — сказал я самому себе. — Разве в тех экспедициях, в которых ты участвовал, не было опасностей? Разве не приходилось тебе рисковать жизнью?»

Я подошел к столу и вынул из ящика портрет Камова. «Лунный Колумб» — как называли его некоторые иностранные газеты — был изображен в профиль. Нависшие густые брови, крупный нос и резко очерченные линии губ и подбородка делали его немного похожим на знаменитого полярного исследователя — Роальда Амундсена.

«Этот человек, — подумал я, — не боится. В третий раз он готовится покинуть Землю. Смело и уверенно идет он к поставленной цели».

Меня вдруг охватило чувство нестерпимого стыда. Как мог я, хотя бы на миг, поддаться позорному страху!

Что случилось со мной? Родина зовет меня к исполнению долга, мне доверяют ответственную задачу.

Я со всей силой воображения, на которую был способен, представил себе снова космический корабль, висящий в темной холодной пустоте, но... не почувствовал никакого страха.

Непонятное малодушие исчезло.

На следующее утро я сказал редактору, что согласен лететь куда угодно.

— Мы ни минуты в этом не сомневались, — сказал он.

С понятным волнением нажал я вечером того же дня кнопку звонка у двери квартиры Камова.

Сейчас, сию минуту, я лицом к лицу увижу того, кто первый за всю историю человечества покинул Землю и открыл людям путь в безграничные просторы вселенной...

Мне открыла дверь Серафима Петровна Камова.

— Сергей Александрович ждет вас, — сказала она, когда я назвал свою фамилию.

Я вошел в кабинет знаменитого звездоплавателя.

Мне не приходилось раньше встречаться с Камовым, но я сразу узнал его, когда он поднялся мне навстречу из-за письменного стола. Он был таким, каким я и представлял его по бесчисленным фотографиям. Выше среднего роста, с широкими плечами, немного грузной фигурой. Движения неторопливы и уверенны. Во всем облике было что-то властное, внушающее мысль, что это человек сильного характера и несгибаемой воли. Больше всего меня поразили его глаза. Совсем черные, кажущиеся вследствие этого бездонно глубокими, они были полны какого-то необычайного спокойствия. Мягкие волосы серо-стального цвета красиво оттеняли высокий лоб. Его лицо нельзя было назвать красивым. Этому мешали слишком густые брови и немного массивная нижняя челюсть. Самое правильное было бы назвать это лицо мужественным.

Он крепко пожал мне руку и сказал:

— Рад вас видеть, товарищ Мельников.

Усадив меня в глубокое кресло, сам сел напротив.

— Давайте познакомимся, — сказал он. — Прежде всего, — сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— На вид я не дал бы вам больше двадцати пяти, — сказал Камов. — Где вы так сильно загорели? В сравнении с лицом ваши волосы кажутся совсем белыми.

Я рассказал ему о своей двухмесячной поездке по Казахстану, из которой вернулся два дня назад.

— И сразу хотите отправиться в новую экспедицию? — улыбнулся он. — Вы твердо решили лететь с нами? Хорошо ли вы обдумали это решение? Ведь вы не знаете, куда мы направляемся.

— Это верно, — сказал я. — Цель экспедиции мне неизвестна, но одно ваше имя говорит за то, что ее надо искать за пределами Земли. Если вы согласитесь взять меня с собой, я не переменю решения.

— А как у вас со здоровьем? Вам придется пройти очень строгий медицинский осмотр.

— В этом я уверен, товарищ Камов. В прошлом году я проходил комиссию перед участием в южной полярной экспедиции, и врачи не нашли у меня ни одного дефекта. Я абсолютно здоров.

Он взялся рукой за подбородок. Я много раз видел потом этот характерный для него жест.

— Глядя на вас, — сказал он, — легко этому поверить. Ну, что ж! Если так, я очень рад. Значит, у нас по-прежнему будет четыре человека. Когда была решена наша экспедиция, мы предполагали взять только научных работников. Кроме меня, их было трое. Все они были давно отобраны и около года проходили специальную подготовку. Но месяц тому назад случилось несчастье, и мы потеряли одного из своих товарищей...

Он замолчал и пристально посмотрел на меня. Потом одобрительно улыбнулся.

— По вашему лицу незаметно, — сказал он, — что мои слова произвели на вас плохое впечатление. Вы имели право подумать, что человек погиб от чего-нибудь, связанного с подготовкой к экспедиции.

— Я именно так и подумал.

— И это вас не испугало?

Я пожал плечами.

— Я хорошо сознаю, что ваша экспедиция — не увеселительная прогулка.

— Наш товарищ, — сказал Камов, — погиб при автомобильной катастрофе. Машина, на которой он ехал, упала с высокого обрыва. Мы потеряли одного участника будущего полета. Заменить его другим научным работником мы не можем, — осталось слишком мало времени. Для научной работы в условиях космического полета нужна длительная подготовка.

— И тогда вы решили заменить его журналистом?

— Нет, не совсем так, — сказал Камов. — Это моя идея соединить в одном лице журналиста, фотографа и кинооператора. Главная задача была в том, что на корабле должен находиться специалист по астрономической съемке. Наш погибший товарищ прошел курс этого дела, и если мы можем обойтись без него, как астронома, то без фотографа и кинооператора не можем. Вот почему мы приглашаем вас.

— Но ведь я не имею понятия об астрономической съемке.

— Мы вас научим. Именно поэтому мы и просили дать нам человека, имеющего опыт. Научить вас специальным приемам астрономической съемки будет не так уж трудно. А то, что вы опытный журналист, тоже пригодится. По возвращении надо будет рассказать народам о полете.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — сказал я. — Но мне хотелось бы знать, — куда вы направляетесь?

— Желание вполне законное, — сказал Камов. — Вообще мы не делаем тайны из наших намерений, но не опубликовали время старта. Дело в том, что, когда мы достигли Луны, некоторые из наших зарубежных «друзей» пришли в ярость, что их опередили...

— Вы говорите о Хепгуде?

— Да, о нем. Нам известно, что его звездолет почти готов, и он, конечно, захочет взять реванш и первым достигнуть одной из планет. Наша экспедиция имеет не спортивные, а чисто научные цели, но всё же мы не хотим уступать и первенство, — он улыбнулся. — Вам я, конечно, скажу, хотя бы потому, что вы должны знать, на что идете.

Он замолчал и довольно долго смотрел на меня своими странно спокойными глазами.

— Медицинские требования, — медленно сказал он, — предъявляемые к участникам полета, отличаются от обычных. Возможно, что вы не будете допущены...

Он опять замолчал, потом продолжал уже обычным тоном:

— Но если это случится, то вы, конечно, сохраните тайну. Вы знаете, что мой первый полет был пробным и в нем участвовал я один. Корабль облетел вокруг Луны и вернулся на Землю. Второй полет я совершил вместе с астрофизиком Пайчадзе. Мы опустились на поверхность Луны и провели на ней несколько часов. Оба полета показали, что материальная часть работает безотказно, и тогда было решено осуществить третью экспедицию — достигнуть планеты Марс и по пути осмотреть Венеру. Вас это не пугает?

— Нисколько! — ответил я совершенно искренно. — Теперь я еще больше хочу принять участие в полете, но меня смущает малый объем той работы, которая мне предназначена. Оправдает ли она мое участие?

— А откуда вы знаете, что объем вашей будущей работы мал? — спросил Камов.

Я почувствовал, что краснею.

— Мне кажется...

— А пусть вам не кажется, — перебил Камов. — Ваша задача очень ответственна. Изучение тех снимков, которые вы сделаете, имеет для науки большое значение, и наши ученые дадут вам обширное задание. В свободное время вы будете помогать мне в управлении кораблем.

Я посмотрел на него с изумлением.

— Не удивляйтесь! — улыбнулся Камов. — Это не так страшно. Управление космическим кораблем в полете не сложно. Другое дело — подъем, спуск или полет вблизи крупных планет. В этих случаях дело усложняется. Наша «рулевая рубка», если можно так ее назвать, оборудована замечательными приборами. Вы с ними освоитесь в первые же дни полета.

— Сколько времени продлится экспедиция?

— А как вы думаете?

— Я полагаю, что года два или три.

Камов засмеялся.

— Атомная техника, — сказал он, — развивается быстро. Если полеты к Луне заняли у нас — первый два, а второй один день, то с тех пор мы далеко шагнули вперед. Вся экспедиция рассчитана на двести двадцать пять дней, то есть на семь с половиной месяцев.

— Так мало!..

— За эти семь с половиной месяцев, — продолжал Камов, — мы пролетим расстояние, немного большее чем полмиллиарда километров. Средняя скорость корабля составит сто две тысячи шестьсот километров в час.

— Это как в сказке!..

Камов покачал головой.

— Эта скорость не так велика, как вам кажется, — сказал он. — Техника идет по пути достижения скоростей, достаточных для свободного полета на любую планету, не считаясь ни с какими сроками, а наш корабль вынужден строго придерживаться графика, так как его скорость меньше, чем скорость Земли по ее орбите. Догнать Землю мы не смогли бы.

— Мне кажется, что и сто две тысячи шестьсот километров чудовищно много. Вы в три часа будете около Луны. Через две секунды ваш корабль будет невидим с Земли.

— Нет! — сказал Камов. — Если бы мы вздумали начать путь сразу с такой скоростью, то корабль продолжал бы лететь с мертвым экипажем. Человеческий организм не может выдержать такого ускорения. Мы начнем полет относительно медленно, и только через двадцать три минуты сорок шесть секунд корабль достигнет своей максимальной скорости в двадцать восемь тысяч пятьсот метров в секунду[1].

Он называл эти головокружительные цифры с таким невозмутимым видом, как будто дело шло об автомобильной прогулке.

[1] Скорость Земли по орбите составляет 29,76 км/сек.

— Если бы мы, — продолжал он, — летели к Луне по прямой линии, то достигли бы ее через три часа пятьдесят три минуты, но наш путь будет почти перпендикулярным к линии Земля — Луна. Луну вблизи мы вообще не увидим. Вы сможете полюбоваться на нее с расстояния большего, чем наблюдаете обычно.

— Это жаль!

— Но зато вы увидите ту ее сторону, которая скрыта от нас.

— Благодаря вам, — сказал я, — весь мир знает, что невидимая сторона Луны ничем не отличается от видимой, но взглянуть своими глазами, конечно, очень интересно. Разрешите задать вам один вопрос.

— Пожалуйста!

— Вы сказали, что по пути к Марсу намерены осмотреть Венеру. Это мне не совсем понятно.

— Что именно не понятно?

— Как вы попадете к Венере на пути к Марсу. Их орбиты лежат в противоположных направлениях от Земли.

— Ваше недоумение было бы законно, — ответил Камов, — если бы планеты были неподвижны. Но они движутся и притом с различными скоростями. Часто, бывает, что обе, то есть Венера и Марс, находятся по одну сторону от Земли. Чтобы вам стал яснее наш маршрут, я нарисую его на бумаге.

Он взял карандаш и быстро провел на листе несколько окружностей. Несмотря на то, что он рисовал без циркуля, они получились замечательно ровными. Я сохранил этот рисунок на память...

— Смотрите, — сказал Камов: — точка в центре, обведенная маленьким кружком, изображает Солнце. Первый круг — это орбита Венеры. Между нею и Солнцем есть еще планета Меркурий, но я опускаю его орбиту, так как она нам не нужна. Второй круг — это орбита Земли. Третий — орбита Марса. Если бы я соблюдал правильный масштаб, то изобразить планеты на этом листе было бы невозможно: они были бы не видны на нем. Но это не план, а схема. Кружки, которые я помечаю цифрой «1», — это положения планет в момент нашего старта. Движения всех планет по их орбитам направлены в одну сторону. На этом рисунке — справа налево. От кружка, изображающего Землю, я начинаю наш маршрут пунктирной линией. Вот! В этой точке мы встретим Венеру...

Он нарисовал второй кружок на орбите Венеры и пометил его цифрой «2».

— Отсюда мы направляемся тем же путем к Марсу и встретимся с ним вот здесь, а затем — обратно к Земле, которая за это время успеет пройти больше половины своего годового пути и будет находиться примерно вот тут...

— Ясно! — сказал я.

— Этот рисунок не более чем грубая схема, — заметил Камов. — Орбиты планет не замкнуты, так как Солнце, увлекая их за собой, само движется в пространстве; но так вам должно быть понятнее.

— Благодарю вас! Мне всё совершенно ясно.

— Вот теперь вы вполне поймете, почему мы не можем ни на один день отложить старт. Это собьет все расчеты.

— Понимаю!

— На сегодня этого достаточно. За семь с половиной месяцев пути мы успеем обо всем переговорить. Ваше участие в экспедиции начнется с завтрашнего утра, когда вас осмотрит медицинская комиссия. Чтобы подготовить вас к полету, нельзя терять ни одного дня.

На этом наш первый разговор с Камовым закончился.

Было за полночь, когда я пришел домой.

Над крышами домов поднималась Луна. На ней побывал человек, с которым я говорил сегодня. «Кто знает!.. Может быть, и я попаду когда-нибудь на ее сверкающую поверхность...»

«Сверкающую». Я вспомнил статью Камова, в которой он писал, что поверхность Луны, темная и мрачная, покрыта скалами густо-коричневого цвета, и улыбнулся над своей восторженностью.

Там, в непосредственной близости, всё выглядит иначе, чем с Земли. Блестящие планеты — в действительности темные, не светящиеся тела. Скоро я сам буду на одной из них...

«Буду ли? А что, если завтра приговор врача навсегда закроет передо мной такую возможность? Как тяжело будет пережить это разочарование!»

Я очень плохо спал и эту ночь. Лежа в постели с открытыми глазами, я прислушивался к медленному ходу часов на стене, и временами мне казалось, что они совсем остановились.

Я заснул под самое утро, и во сне меня не оставляла всё та же мысль о возможном провале всех моих стремлений.

Но все страхи оказались ложными. Комиссия, состоявшая из трех врачей, под председательством известного профессора, долго и тщательно выстукивала, выслушивала и измеряла меня. Проверяли зрение, слух, вращали на какой-то специальной карусели и даже

заставили несколько минут провисеть вниз головой на особых петлях, после чего опять принимались за бесконечные выслушивания.

В заключение старик профессор, похлопав меня по спине, сказал слова, сладкой музыкой прозвучавшие у меня в ушах:

— Идеальный организм! Можете, молодой человек, отправляться хоть на Полярную звезду, если вам так надоела наша Земля.

Врачи засмеялись.

— Готовьтесь к полету! — серьезно сказал профессор. — Помните, что, если перед стартом у вас окажется хотя бы насморк, вы не будете допущены. Соблюдайте строгий режим, — он указал на одного из членов комиссии. — Доктор Андреев специально прикреплен к участникам экспедиции. Советуйтесь с ним как можно чаще. Работа, отдых, пища, развлечения — всё должно проходить под его контролем. Вы больше не принадлежите себе.

Пройдя комиссию, я поехал прямо к Камову, чтобы получить у него указания для начала работы. Он меня, по-видимому, ждал и обрадовался, когда я сказал, что всё в порядке.

— Мне было бы жаль потерять вас, — сказал он. — Очень рад, что этого не случилось. Познакомьтесь! — прибавил он, подводя меня к высокому худощавому человеку, сидевшему у письменного стола. — Константин Евгеньевич Белопольский — мой помощник в космическом полете.

Имя, названное Камовым, было мне знакомо. Белопольский — однофамилец знаменитого русского астронома — был автором многочисленных астрономических книг, и я сам изучал в школе астрономию по его учебнику.

Когда Камов назвал мою фамилию и сказал, что я участник будущего полета, Белопольский пожал мне руку, но, как мне тогда показалось, сделал это совершенно равнодушно. Даже тени улыбки не появилось на его лице, покрытом глубокими морщинами (хотя ему только сорок пять лет), и он не сказал ни одного из тех слов, которые принято говорить в подобных случаях.

Помню, что на меня произвело неприятное впечатление это молчание, и я даже подумал, что иметь такого спутника в долгом путешествии не особенно большое удовольствие.

Как я знаю теперь, крайняя молчаливость является отличительной чертой этого человека, который может долго говорить только об астрономии и математике.

Совершенно иначе встретил меня четвертый участник экспедиции — Арсен Георгиевич Пайчадзе, с которым я познакомился двумя днями позже.

Еще молодой, не старше тридцати пяти лет, он был широко известен как выдающийся знаток спектрального анализа[2]. Влюбленный в астрономию, называющий ее «верховной наукой», Пайчадзе способен часами говорить о какой-нибудь звезде или туманности. Говорит он не очень хорошо, с заметным грузинским акцентом, но я знаю, что студенты университета, где он преподает астрономию, любят его слушать.

— Борис Николаевич Мельников? — спросил он, пожимая мне руку с такой силой, что я сморщился от боли. — Слышал про вас. Участвовали в полярной экспедиции.

— Участвовал, — сказал я.

— Тогда на полюс, теперь на Марс. Боитесь полета?

— Если говорить откровенно, боюсь немного.

Возможно, что я не ответил бы так кому-нибудь другому. Но вся небольшая тонкая фигура Пайчадзе, его смуглое лицо с коротко подстриженными черными усиками над верхней губой, его ласковые глаза сразу произвели на меня такое впечатление, как будто я знаю его уже много лет.

— Не удивительно, — сказал он. — Перед полетом на Луну я очень боялся. Не спал. Потерял аппетит.

— А теперь не боитесь?

— Теперь нет. Космический полет не страшен. Не надо бояться.

— Меня очень беспокоит, смогу ли я оправдать доверие.

— Будете так думать, — не оправдаете. Надо быть уверенным. Наверное, думаете — случайно попал в полет. Ткнули пальцем — попали в меня. Неверно! Сергей Александрович не возьмет случайного

[2] Спектральный анализ – исследование химического состава тел при помощи изучения испускаемого или отражаемого ими света.

человека. Наводил справки. Советовался. Не надо ни в чем сомневаться.

Он заставил меня рассказать ему мою биографию, сам рассказал о себе, и мы расстались друзьями. За два месяца, которые прошли с тех пор, я убедился, что Пайчадзе — человек приветливый, общительный и будет хорошим товарищем в полете. На нашем корабле мое место — в одной «каюте» с ним, и это меня очень радует.

Потянулись дни напряженной и увлекательной работы. Слова Камова, что мне дадут обширное задание, оправдались. Объем порученной мне работы громаден. До сих пор я и не подозревал о тех применениях фотографии, которым меня научили. Снимки в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, снимки объектов, покрытых туманной или облачной дымкой, снимки Солнца и его «короны» и многое, многое другое. Пришлось пройти целый курс. Помимо двух специально прикрепленных ко мне консультантов по астрономической съемке, со мной занимались мои будущие спутники — Камов и Белопольский. Сергей Александрович знакомил меня с устройством корабля и работой приборов управления, а Белопольский — с основными понятиями о звездной навигации.

Дней не хватало. Я работал по восемнадцати часов в сутки и часто, приехав домой, вместо того чтобы спать, садился к письменному столу.

Так продолжалось до тех пор, пока наш врач, Степан Аркадьевич Андреев, не заявил решительного протеста.

— Я не могу допустить, — сказал он Камову, — чтобы Мельников работал без отдыха. Если так будет продолжаться, то он не будет допущен к полету. Я отвечаю за него и за всех вас перед правительственной комиссией.

— Я понимаю, — ответил Камов, — но что я могу сделать? Мы готовились год, а Борису Николаевичу предоставлено только два месяца.

— Всё равно, я не разрешаю ему не спать по ночам, — стоял на своем врач. — Он должен спать восемь часов в сутки. Всё остальное время в вашем распоряжении.

На том и порешили. С этого дня он лично отвозил меня домой и уходил только тогда, когда я засыпал.

Кончилось это тем, что он поселился у меня в комнате, чему я был очень рад, так как Степан Аркадьевич был на редкость занимательным рассказчиком. Лежа в постели, он начинал рассказывать какой-нибудь случай из своей медицинской практики. Он считал это полезным для моего мозга отвлечением от изучаемых вопросов, но нередко, увлекшись воспоминаниями, забывал о времени и тогда, внезапно заметив, что предательская стрелка далеко ушла от положенного часа, прерывал рассказ на самом интересном месте и сердито ворчал на меня:

— Спать! Спать! И о чем вы только думаете?!

Однажды у нас зашел разговор о будущем полете и о влиянии на организм невесомого состояния, в котором мы будем находиться во всё время пути. Степан Аркадьевич жалел, что не может участвовать в экспедиции.

Наблюдение за деятельностью органов тела, в таких условиях было бы очень интересно для меня, — сказал он.

— Меня очень удивляет, — заметил я, — что в составе экспедиции нет врача.

— Почему нет? У вас есть врач.

— Кто?

— Сергей Александрович.

— Как, разве он врач?!..

— А вы не знали этого? Камов окончил медицинский институт специально для того, чтобы не было надобности в лишнем человеке, которому в межпланетном рейсе почти нечего будет делать. Он знал, что экспедицию всё равно не отпустят без врача.

— Когда он успел?..

Было чему удивляться. Я знал, что Камов окончил институт гражданского воздушного флота и заочно — физико-математический факультет университета, но суметь получить еще и третий диплом...

— Когда он успел? — повторил я.

— Сергей Александрович замечательный человек, — задумчиво сказал Андреев. — Он не только получил диплом врача, но и работал несколько лет в московских больницах. Он ничего не делает наполовину. Жизнь, целиком отданная идее, утраивает силы человека.

В напряженной работе как-то незаметно приблизился день старта. Корабль и его экипаж были готовы. За три дня до отлета Камов в сопровождении нас троих, в последний раз осмотрел звездолет. Были испытаны все приборы и аппараты, проверен груз. Камов и Белопольский проверяли корабль в целом. Пайчадзе — астрономическую часть, а я — свое фото-и кинохозяйство. В моем распоряжении находятся три киноаппарата: один переносный и два вмонтированных в стенки корабля, могущие работать автоматически; четыре великолепных фотоаппарата, каждый с шестью сменными объективами, и маленькая фотолаборатория. Всё это поражает своим техническим совершенством, как, впрочем, и весь наш корабль. Экспедиция Камова, с присущей нашей стране продуманной щедростью, снабжена всем, что только может понадобиться при любых мыслимых обстоятельствах. Ничто не забыто, ничто не упущено из виду. Тщательно и заботливо предусмотрено и сделано всё, чтобы обеспечить успех.

Следующая запись в моем дневнике будет уже сделана в полете.

На сегодня хватит... Десять минут первого...

За мной заедут в 7 часов утра.

Итак, последняя ночь на Земле!..

Завтра старт в неведомое!

Старт

3 июля 19..года.

18 часов по московскому времени.

Тридцать два часа полета...

Прошли первые сутки. Идут вторые. Я знаю об этом по часам. На нашем корабле смены дня и ночи нет и не будет. Солнце непрерывно освещает правый борт, и корабль регулярно плавно поворачивается, чтобы равномерно нагревалась вся поверхность его корпуса.

Двигатели давно прекратили работу, и мы летим по инерции со скоростью — двадцать восемь с половиной километров в секунду. Мы не чувствуем этого. Кажется, что корабль неподвижно висит на одном месте. Земля осталась далеко позади.

Звезды повсюду. Со всех сторон нас окружают бесчисленные светящиеся точки. Млечный Путь виден весь, как исполинское кольцо. Солнце сияет нестерпимо ярко, но в непосредственной близости к нему видны звезды. Странное зрелище! Солнце и звезды на черном фоне. С Земли небо никогда не кажется таким черным. Простым глазом видно, что та звезда дальше, а эта ближе, но как они все далеки!..

Корабль висит в центре бесконечного пространства...

Та самая картина, которая так пугала меня на Земле, здесь она не вызывает страха. Нет ощущения, что под нами бездна, потому что такая же бездна находится со всех сторон, а понятия «верх» и «низ» давно уже спутались. Как только перестали работать двигатели и корабль полетел по инерции с постоянной скоростью, тяжесть исчезла, а с нею вместе исчезли обычные представления. По привычке считаю, что под ногами «низ», а над головой «верх», но мне ничего не стоит повернуть свое тело на сто восемьдесят градусов, и тогда то, что было верхом, становится низом — и наоборот. Для этого достаточно сделать легкое усилие, используя как точку упора какой-нибудь неподвижно укрепленный предмет или просто стену.

Я ничего не вешу!..

Ощущение невесомости, о котором я так много думал перед полетом и которого чуть-чуть боялся, оказалось совсем не, страшным и даже приятным. За одни сутки я вполне освоился с ним.

Вот сейчас я пишу за столом. Мне удобно; но как это выглядит со стороны?..

Наша каюта не велика. Одна стена полукруглая — это борт корабля. В ней круглое окно. Когда им не пользуются, оно закрыто снаружи тяжелой стальной плитой (тяжелой на Земле, но здесь она ничего не весит). Задняя стена прямая и идет от одного борта к другому. В ней «дверь» — круглое отверстие диаметром в один метр. Если мне надо выйти из каюты, то я, слегка оттолкнувшись от чего-нибудь, проплываю в нее, как рыба. Две боковые стены представляют собой правильные, полукруги и не имеют отверстий. На одной из них находится стол, привинченный наглухо, и я сижу за ним прямо на воздухе. Левая рука лежит на столе и придерживает тетрадь, в которой я пишу. Если я сниму руку, то от моего дыхания тетрадь немедленно

улетит. Она улетела бы, даже если бы весила полтонны (на Земле), так как здесь все предметы одинаково ничего не весят. Мускульного усилия, которым я прижимаю тетрадь к столу, достаточно, чтобы удерживать меня самого на месте.

Кроме стола, в каюте находится шкаф, в котором помещаются инструменты, приборы и наши личные вещи. Он сделан из алюминия и занимает всю стену напротив стола. Когда я «сижу» за столом, то шкаф, относительно меня, находится «на потолке», а если я повернусь ногами к нему, то «на потолке» окажется стол.

Никаких постелей в каюте нет. По обеим сторонам окна висят две сетки с металлическими пряжками. В них мы должны спать. Делается это так: слегка оттолкнувшись от чего-нибудь, подплываешь в воздухе к сетке и, поместившись в ней, застегиваешь пряжки. Невесомое тело ни на что не давит, и спать можно в любом положении, как на мягчайшем пуховике. Сетка не дает моему телу двигаться по каюте во время сна. Дело в том, что в нашем невесомом мире время от времени возникает чуть заметная сила тяжести. Это происходит тогда, когда корабль поворачивается вокруг своей продольной оси. Как ни мала эта сила, но ее достаточно, чтобы я проснулся совсем не там, где «лег». Точнее говоря, это не тяжесть, а центробежный эффект. Когда происходит поворот, все незакрепленные предметы начинают двигаться.

Эта же причина вызывает красивую иллюзию, которой мы можем любоваться в окно. В момент поворота создается впечатление, что вся вселенная сдвигается с места и медленно поворачивается вокруг корабля. Зрелище неописуемое!

Как я упоминал, отсутствие тяжести стало настолько привычным, что мы его просто не замечаем. Но я хорошо помню, сколько разговоров вызвала эта особенность звездолета, которую Камов вынужден был оставить в интересах астрономических наблюдений. Создание искусственной тяжести путем быстрого вращения затрудняло бы работу с телескопом; и правительственная комиссия в конце концов согласилась, что этим удобством надо пожертвовать тем более, что виднейшие врачи Советского Союза решительно высказывались за полную безвредность для человека длительного невесомого состояния.

По этой же причине Камов отказался от регулирования температуры внутри корабля изменением окраски корпуса с помощью сдвижной чешуйчатой оболочки — способа, предложенного еще К.Э. Циолковским. Повороты звездолета вокруг продольной оси давали возможность легко направить телескоп в любую сторону.

Следует упомянуть об одной важной подробности. Круглая дверь всегда закрыта герметической крышкой. При переходах из одного помещения в другое мы обязаны закрывать за собой все двери, что делается простым нажатием кнопки.

Дело в том, что межпланетное пространство не пусто. В нем движутся бесчисленные частицы материи размером начиная от пылинки и до огромных масс. Встреча корабля с подобными блуждающими телами, по мнению Камова, почти невозможна, но всё же такая встреча не может считаться исключенной. Если один из таких камней или даже крохотный кусочек налетит на корабль, то при огромной скорости обоих тел это вызовет более или менее сильный взрыв. В борту корабля образуется пробоина, а так как снаружи совершенно отсутствует воздух, то в эту пробоину с силой устремится воздух, находящийся внутри корабля. В несколько секунд весь экипаж звездолета погибнет. Но так как корабль разделен на герметически закрытые отсеки, подобный конец экспедиции становится маловероятным.

Если борт окажется пробитым в такой момент, когда в каюте кто-нибудь находится, и взрыв не будет слишком сильным, можно спастись, приложив к пробоине пластырь. Такие пластыри разложены всюду. Они различных размеров и должны плотно закрыть отверстие, так как воздух внутри корабля давит на все предметы с такой же силой, как и на Земле, то есть с силой одного килограмма на каждый квадратный сантиметр, а снаружи, повторяю, давления нет. Но при этом, конечно, надо действовать с быстротой молнии.

Сейчас в каюту «входил» Пайчадзе. Чтобы открыть дверцу шкафа, он принял такое положение, что оказался висящим над моей головой под прямым углом.

Я знал, что, как он, так и предметы, находящиеся в шкафу, не могут упасть на меня, но сила «земных» привычек заставила сделать движение в сторону. Тетрадь немедленно отлетела в другую.

Арсен Георгиевич заметил это и рассмеялся. Он вынул из шкафа какой-то прибор и, ловко повернувшись в воздухе, оказался в одном положении со мной. По пути он успел поймать мою тетрадь.

— Можно прочесть? — спросил он.

Я кивнул головой. Он стал внимательно читать последние страницы.

— Физические явления на корабле, — сказал он, передавая мне тетрадь, — описаны хорошо, но почему не описали старт полета?

— Обязательно опишу.

— Надо соблюдать хронологическую последовательность.

— Этот дневник, — ответил я, — только сырой материал. Я пишу его как придется.

— Никогда не надо делать «как придется», — он положил руку на мое плечо, отчего я немедленно опустился вниз. — Не обижайтесь!

— Что вы, Арсен Георгиевич! Конечно, не обижаюсь.

Он удалился, закрыв за собой дверь, а я опять «сел» к столу и внимательно прочитал всё написанное.

Конечно, Пайчадзе прав. Мои записи сумбурны. Надо писать последовательно...

В ночь перед стартом я, вопреки своим ожиданиям, спал хорошо. Ровно в 7 часов за мной заехал Пайчадзе. Взяв с собой небольшой чемодан, сопровождавший меня во всех моих поездках, я сел в машину с чувством, похожим на облегчение.

Кончилось ожидание... Пути назад нет!

Арсен Георгиевич был молчалив. Я понимал его состояние и не беспокоил разговором. В Москве Пайчадзе оставлял жену и шестилетнюю дочь. Он очень любил их, и разлука была ему тяжела. Он только что простился с ними, так как провожающие не допускались на место старта.

Машина миновала стадион «Динамо» и помчалась по Ленинградскому шоссе. Наш космический корабль должен был тронуться в путь с берега Клязьмы. Оттуда же Камов начал и оба первых полета.

Было 9 часов утра, когда мы прибыли на место.

Ракетодром, окруженный высокой оградой, представлял собой огромное поле в пятнадцать километров в диаметре. Вход за эту

ограду был строжайше запрещен кому бы то ни было. В центре поля находился наш корабль, готовый к полету. Он висел на высоте тридцати метров от земли, поддерживаемый ажурным переплетом стартовой площадки.

В большом двухэтажном здании, которое мы в шутку называли «Межпланетным вокзалом», где помещались мастерские и лаборатории, обслуживающие корабль, мы застали Камова, Белопольского и членов правительственной комиссии.

Мы с Пайчадзе прибыли последними.

Камов был занят с председателем комиссии — академиком Волошиным, а Белопольский, поздоровавшись с нами, через несколько минут сел в машину и уехал к кораблю.

Камов подозвал Пайчадзе, и я остался в одиночестве. Ко мне подошел единственный допущенный на старт представитель прессы — корреспондент ТАСС Семенов, которого я хорошо знал. Он спросил меня о самочувствии и передал привет от работников ТАСС. Я рассеянно поблагодарил его.

В половине десятого Камов встал и крепко пожал руку Волошина.

— Пора! — сказал он.

Старый академик, видимо сильно взволнованный, обнял его.

— От всего сердца желаем вам успеха! — сказал он. — С величайшим нетерпением будем ожидать вашего возвращения.

Он обнял Пайчадзе и меня.

Мы простились с остальными членами комиссии. Все были очень взволнованы. Один Камов казался невозмутимо спокойным. Когда мы садились в автомобиль, он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ну, как? — спросил он. — Спали?

Я мог только молча кивнуть головой.

Последние рукопожатия, последние пожелания, и машина тронулась. Через восемь минут мы были у корабля.

Белопольский ждал нас у подъемной машины. Рядом с ним стоял инженер Ларин — руководитель работ по подготовке корабля к полету. Кроме него, все работники ракетодрома уже покинули место старта.

Над нами, на высоте десятиэтажного дома, сверкал на солнце белый корпус звездолета. Он имел двадцать семь метров в длину при ширине в шесть метров и формой напоминал гигантскую дыню. Внутреннее его устройство было мне уже хорошо знакомо.

На передней части блестело золотом название корабля — «СССР-ЛС2».

Камов переговорил с Лариным, Простившись с нами, инженер сел в машину. Было без пятнадцати минут десять. С его отъездом порвалась последняя наша связь с людьми.

— В путь! — сказал Камов.

Подъемная машина быстро доставила нас на площадку. Вблизи я увидел, что корабль висит не строго вертикально, а под небольшим углом к западу. Круглое входное отверстие звездолета было узко, и проникнуть внутрь можно было только ползком. Первым исчез внутри корабля Белопольский, за ним Пайчадзе. Наступила моя очередь.

С этой высоты был виден весь ракетодром. Я заметил удаляющуюся с большой скоростью машину Ларина и помахал ей рукой. Последнее, что я увидел, пролезая в отверстие, была красная ракета, взвившаяся далеко на горизонте.

— Скорее! — сказал Камов.

Он последовал за мной, и мы, нажав кнопку, закрыли герметическую крышку.

— Что это за ракета? — спросил я Камова.

— Напоминание, что до старта осталось десять минут, — ответил он.

Мы очутились в верхней, — вернее, передней части корабля, в которой помещались обсерватория и командный пункт. Помещение было залито ярким электрическим светом.

Пайчадзе подал нам большие кожаные шлемы.

Я спросил его, зачем они.

— Чтобы поберечь уши, — ответил он. — Наденьте шлем, затяните ремни туже и ложитесь.

Он указал на широкий тюфяк, лежавший на полу.

— Ускорение — двадцать метров. Это немного, но лучше переносить его лежа. Оно продлится почти полчаса.

— Значит, мы ничего не увидим? — разочарованно спросил я.

— Да. Окна откроем, когда работа двигателей прекратится.

Он надел шлем и лег рядом с Белопольским. Мне ничего не осталось, как сделать то же.

Камов, в таком же шлеме, как и мы, сел в кожаное кресло у пульта управления, не спуская глаз с секундомера.

Это кресло, составлявшее с пультом одно целое, могло вместе с ним вращаться во всех направлениях, в зависимости от положения корабля. Оно было нужно только при старте и будет нужно при полетах над планетами. В пути, когда внутри звездолета исчезнет тяжесть, надобность в нем, конечно, отпадет.

Я посмотрел на свои часы. Было без двух минут десять...

Трудно описать, что я чувствовал в эти мгновения. Это было уже не волнение, а что-то гораздо более сильное, почти мучительное...

Осталось полторы минуты... Одна минута...

Я мельком взглянул на лежавших рядом товарищей. У Белопольского глаза были закрыты и лицо спокойно. Пайчадзе, приподняв руку, смотрел на часы. Я вспомнил, что он второй раз готовится покинуть Землю. А Камов?.. Он испытывает это уже в третий раз...

Тридцать секунд... Двадцать... Десять...

Камов повернул одну из рукояток на пульте, потом другую.

Сквозь шлем, плотно закрывавший уши, послышался нарастающий гул. Он становился всё громче. Я почувствовал содрогание корпуса корабля...

Потом какая-то мягкая сила прижала меня к полу.

Рука с часами невольно опустилась. Я сделал усилие опять поднять ее. Рука была заметно тяжелее обычного.

Одна минута одиннадцатого.

Значит, мы уже летим.

Гул больше не увеличивался, но он был так силен, что я понял, что без надетого на меня специально устроенного шлема невозможно было бы переносить его.

Корабль летел всё быстрее и быстрее, каждую секунду увеличивая скорость на двадцать метров.

Я жалел, что не мог заснять на пленку удаляющуюся Землю. Это были бы исключительно эффектные кадры. Даже автоматические киноаппараты, вмонтированные в стенки корабля, Камов не разрешил мне использовать. Их объективы были закрыты снаружи металлическими крышками.

Лежать было невыносимо: мне хотелось скорее увидеть всё, что нас окружает. Я завидовал Камову, имевшему возможность пользоваться для этого двумя перископами, окуляры которых находились перед ним на пульте. Время от времени он смотрел в них, контролируя полет корабля.

«Сколько времени надо, чтобы миновать атмосферу, — подумал я, — если считать, что она тянется на тысячу километров? В первую секунду корабль пролетел двадцать метров, вторую — сорок и так далее. Значит, мы миновали ее немного более чем через пять минут после старта».

Производя это вычисление в уме, я обратил внимание, что, несмотря на увеличенную вдвое силу тяжести, мозг работает совершенно нормально. Чтобы как-то сократить время вынужденного безделья, я стал вычислять, на каком расстоянии мы будем находиться от Земли, когда работа двигателей прекратится. Я помнил, что они должны работать двадцать три минуты сорок шесть секунд. Решить эту задачу в уме я не смог. Достав записную книжку, я стал производить вычисление на бумаге. Белопольский неодобрительно посмотрел, на меня. Я написал на листке: «Сколько километров мы пролетим с работающими двигателями?» — и протянул ему книжку и карандаш. Он подумал с минуту и, написав ответ, передал мне. Я прочел: «20320,5 км. Лежите спокойно!».

Время шло. С момента старта прошло уже около пятнадцати минут. Мы находились далеко за пределами атмосферы и летели в пустом пространстве. Мной овладело лихорадочное нетерпение. Лежать становилось всё тягостнее. Чудовищный гул работы наших атомно-реактивных двигателей действовал на нервы и вызывал мучительное желание, чтобы он хотя бы на минуту прекратился. Внутри корабля,

сквозь шлем, он был невыносимо громок. Что же творится там, у кормы корабля? Какое это, вероятно, потрясающее зрелище! Исполинская ракета с длинным огненным хвостом за кормой, с непостижимой быстротой несущаяся в черной пустоте.

Я завидовал полному спокойствию, с которым Белопольский терпеливо ждал конца этой пытки. Пайчадзе, более нервный, часто смотрел на часы.

Примерно через двадцать минут после начала полета Камов неожиданно для меня встал и подошел к одному из окон. Он двигался, по-видимому, легко. Немного сдвинув плиту, закрывавшую окно, он посмотрел в узкую щель. Я бы дорого дал, чтобы быть на его месте.

Последние минуты тянулись невероятно медленно. Стрелки часов как будто остановились совсем.

Осталось три минуты... потом две...

Скорость нашего корабля приближалась к чудовищной цифре — двадцать восемь с половиной километров в секунду. Когда двигатели замолкнут, мы будем лететь с этой скоростью семьдесят четыре дня, пока не достигнем Венеры.

Когда осталась одна минута, я закрыл глаза и приготовился к той огромной перемене, которая должна была произойти, — от удвоенной тяжести к полной невесомости. Я знал, что шевелиться надо будет очень осторожно, пока организм не приспособится к этому.

Внезапно что-то случилось. В ушах стоял прежний гул, но я всем телом почувствовал перемену. Появилось легкое головокружение, но оно почти тотчас же прошло. Тюфяк, на котором я лежал, стал вдруг неощутимо мягок. Я почувствовал себя так, как будто лежал на поверхности воды. Гул быстро стихал, и я понял, что он только у меня в ушах. Кругом была тишина. Двигатели прекратили работу.

Открыв глаза, я увидел Камова, который стоял у пульта.

Стоял... но его ноги не касались пола. Он неподвижно висел в воздухе без всякой опоры.

Эта, впервые увиденная, фантастическая картина поразила меня, хотя я знал, что так и должно быть. Корабль превратился в маленький обособленный мир, в котором полностью отсутствовала тяжесть.

Я лежал, не решаясь сделать хотя бы одно движение.

Пайчадзе снял шлем и встал. Ни один акробат на Земле не смог бы сделать это таким образом. Он согнул ногу, поставил ступню на пол и плавно выпрямился во весь рост.

Белопольский сел и какими-то странными, неуверенными движениями тоже снял шлем. По его губам я видел, что он что-то говорит. Пайчадзе протянул ему руку, и Константин Евгеньевич неожиданно оказался в воздухе. Впервые я увидел на его невозмутимом лице волнение. Он сделал попытку встать на ноги, но вдруг повернулся головой вниз. Пайчадзе смеясь помог ему принять прежнее положение. Он что-то говорил, но сквозь шлем я не слышал ни звука. Меня окружала мертвая тишина.

Оба астронома направились к окну. Вернее, направился один Пайчадзе, а Белопольский двигался за ним, уцепившись за его руку. Достигнув стены, он ухватился за один из бесчисленных ремней, прикрепленных повсюду, и, по-видимому, обрел устойчивость. Пайчадзе нажал кнопку — и металлическая ставня поползла в сторону.

Любопытство заставило меня покинуть спасительный тюфяк. Я медленно отстегнул ремни и снял шлем. Было странно чувствовать свои невесомые руки. Я бросил шлем на тюфяк, но он не упал, а повис в воздухе.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, я стал подниматься на ноги. Всё шло хорошо, и я самодовольно думал, что не последую примеру Белопольского, как вдруг, заметив, что вишу в воздухе, сделал невольное движение схватиться за что-нибудь. Мои ноги на короткий миг коснулись пола, и я, как пушинка, взлетел к потолку, — вернее, к той части помещения, которая до сих пор воспринималась как потолок.

Корабль как будто мгновенно перевернулся. «Пол» и всё, что на нем находилось, оказалось «наверху». Камов, Пайчадзе и Белопольский повисли вниз головой.

Мое сердце бешено билось от волнения, и я с трудом удержался от крика. Камов посмотрел на меня.

— Не делайте резких движений, — сказал он. — Вы сейчас ничего не весите. Вспомните, что я вам говорил на Земле. Плавайте в

воздухе, как в воде. Оттолкнитесь от стены, но только очень слабо, и двигайтесь ко мне.

Я последовал его совету, но не сумел рассчитать силу толчка и стремительно пролетел мимо Камова, довольно сильно ударившись о стену.

Не стоит описывать подробно все случаи, которые происходили в эти первые часы почти непрерывно со мной и Белопольским. Если бы все эти невольные полеты и кувырканья мы проделали на Земле, то давно сломали бы себе шею, но в этом невероятном мире всё это прошло безнаказанно, если не считать нескольких синяков.

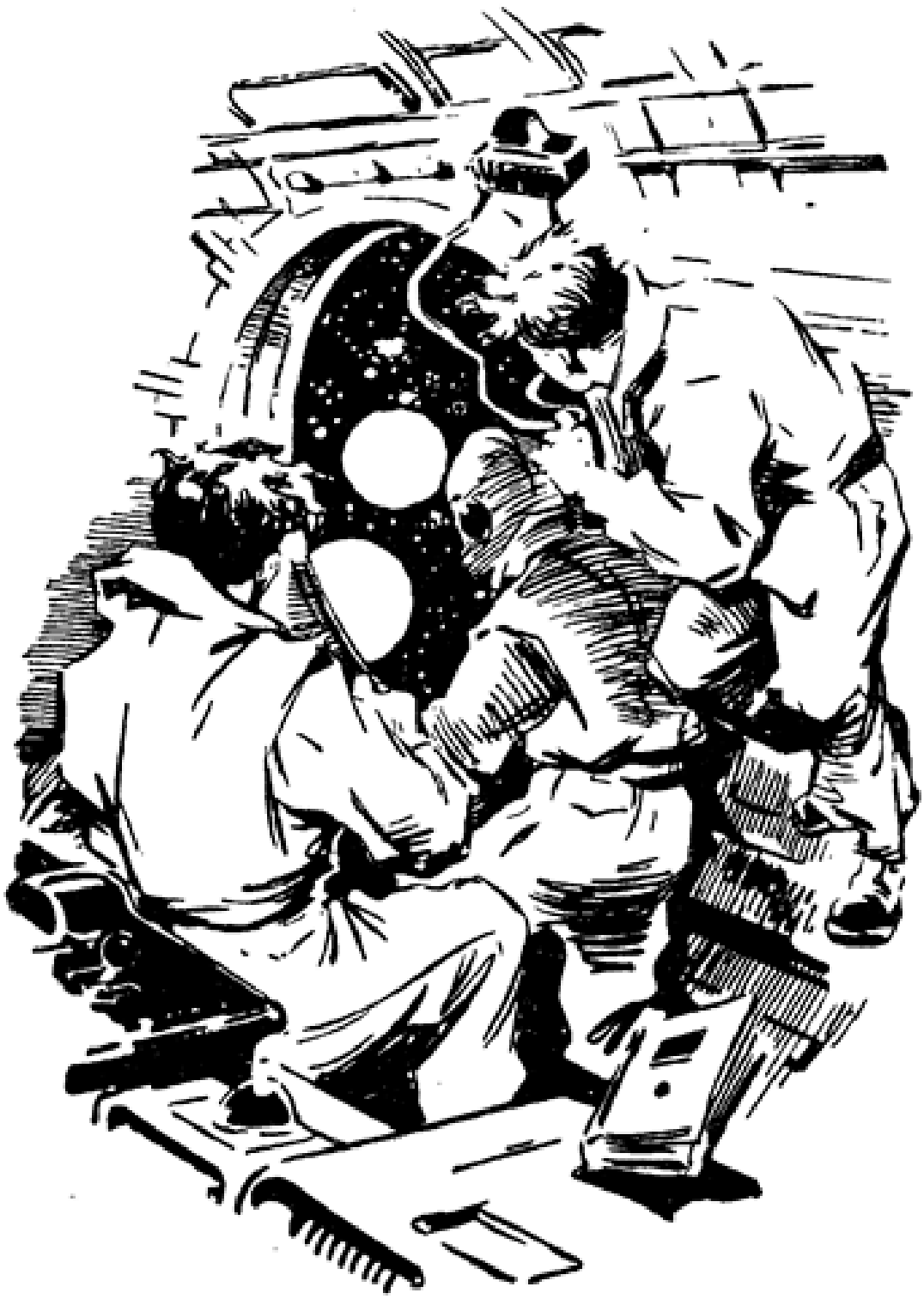
Камов и Пайчадзе, прошедшие уже школу предыдущего полета, помогли нам получить первые навыки для движений, но и они не избежали ошибок.

Любопытно было наблюдать при этом за выражением лиц моих спутников. Пайчадзе, сделав неловкое движение, весело смеялся, и было видно, что он нисколько не боится показаться смешным. Камов хмурил свои густые брови и сердился на самого себя за проявленную неловкость. Белопольский после каждого невольно проделанного «трюка» украдкой взглядывал на нас, и на его серьезном морщинистом лице появлялось выражение страха. Это был страх перед насмешкой, но даже Пайчадзе, беспощадно насмехавшийся надо мной, ни разу не улыбнулся при неловкости, проявленной Константином Евгеньевичем.

Что касается меня, то я, не обращая внимания на насмешки Пайчадзе, намеренно делал различные движения, чтобы скорее научиться «плавать в воздухе».

В общем мы освоились довольно быстро. Не прошло и трех часов, как я уже мог двигаться, куда хотел, произвольно меняя направление, пользуясь для этого ремнями, стенами, любыми попавшими под руку предметами.

Свободное парение в воздухе доставляло неописуемое ощущение, напоминающее далекое детство, когда я во сне так же свободно летал с места на место, просыпаясь всегда с чувством сожаления, что сон кончился.

Мы провели несколько часов у окна обсерватории. Оно было не

очень велико, приблизительно метр в диаметре, но поразительно прозрачно, несмотря на значительную толщину стекла.

Звездный мир производил подавляющее впечатление своей грандиозностью. Но особенно поразительный, ни с чем не сравнимый вид имели в эти первые часы полета Земля и Луна. Мы находились на таком расстоянии, что оба небесных тела казались нам приблизительно одинаковых размеров. Два огромных шара, один желтый, а другой бледно-голубой, висели в пространстве сзади и немного левее пути корабля. Солнце освещало значительно больше половины их видимой поверхности, но и неосвещенная часть легко угадывалась на черном фоне неба. Как мне и говорил Камов во время нашего первого разговора два месяца тому назад, мы видели ту сторону Луны, которая не видна с Земли. Казалось, что это не хорошо известная, привычная с детства спутница Земли, а какое-то другое, незнакомое небесное тело.

Может быть, только сейчас, глядя на родную планету, находящуюся так далеко, я впервые почувствовал тоску разлуки. Мне вспомнились друзья, с которыми я простился накануне старта, товарищи по работе. Что они делают в эту минуту? В Москве сейчас день. Ясное голубое небо раскинулось над ними, и за этой голубизной не видно крохотной точки нашего звездолета, который всё дальше и дальше удаляется в черную бездну мира.

Я взглянул на своих товарищей. У Камова и Пайчадзе лица были спокойны, как всегда. Изрезанное морщинами лицо Белопольского было грустно, и мне показалось, что на его глазах блестят слезы. Подчиняясь невольному порыву, я взял его руку и пожал. Он ответил на мое пожатие, но не обернулся ко мне.

Я почувствовал тяжесть на сердце и отвернулся. Внешнее спокойствие Камова и Пайчадзе в этот момент было мне неприятно, но я понимал, что они только лучше владеют собой, чем мы, но испытывают, вероятно, те же чувства.

Я подумал: «Эти два человека покидают Землю не в первый раз. Может быть, когда они вдвоем летели к Луне, они не были так спокойны».

Около часа на борту корабля царило полное молчание. Все смотрели на далекую Землю. На ее диске я не различал почти никаких подробностей, и она нисколько не походила на школьный глобус, как ее иногда рисуют в книгах.

— По-видимому, — сказал я, — на всей поверхности Земли густая облачность.

— Почему так думаете? — спросил Пайчадзе.

— Почти ничего не видно.

— Облака здесь ни при чем, — сказал он. — Даже при полном их отсутствии подробности земной поверхности будут плохо видны. Атмосфера отражает солнечные лучи сильнее, чем темные части материков. Если бы была зима, мы видели бы Европу гораздо лучше. Хотите убедиться, — посмотрите на южное полушарие.

Действительно, я отчетливо видел силуэт Австралии. Азия смутно проступала сквозь белесую дымку.

За те часы, что мы провели у окна, Земля и Луна казались всё время на одном месте. Корабль как будто не удалялся от них.

— Вам, это только кажется — сказал Сергей Александрович, когда я обратил его внимание на это обстоятельство. — Расстояние непрерывно увеличивается на шестьдесят километров в секунду.

— На пятьдесят восемь с половиной, — поправил Белопольский.

— Я назвал цифру приблизительно, — сказал Камов, — но Константин Евгеньевич, конечно, прав. Если хотите еще более точную цифру, то на пятьдесят восемь километров двести шестьдесят метров.

Я не мог удержать улыбки, увидя, как Белопольский поджал свои тонкие губы при этих словах, сказанных самым невинным тоном. Улыбнулся и Пайчадзе.

Константин Евгеньевич имел маленький недостаток: он не всегда был достаточно тактичен, и Камов, как никто, умел мягко указать ему на это. Последняя названная им цифра была абсолютно точная.

Глядя из окна звездолета на свободно висящий в пространстве шар Земли, я подумал о долгих веках, когда люди считали свою маленькую планету центром мира. Меня потянуло к аппарату. Хотелось запечатлеть на пленке эту поразительную картину. Пусть миллионы

людей увидят то, что видим мы — четыре счастливца, четыре посланца советской науки.

— Взгляните! — сказал Камов. — Вот блестит вдали небольшое небесное тело. Это наша родина — планета Земля. Она кажется сейчас больше всех звезд, кроме Солнца, но всё же как она мала! Пройдут недели, вы с трудом найдете ее среди просторов вселенной. А когда мы достигнем орбиты Марса, Земля будет казаться только крупной звездой. Но мы сами будем находиться всё еще в самой середине планетной системы, окружающей обычную, ничем не примечательную, рядовую звезду, которую мы называем Солнцем. А кругом вы. видите бесчисленное количество таких же солнц, как наше. Чтобы добраться до ближайшего из них, нашему кораблю понадобилось бы тридцать четыре тысячи лет непрерывного полета. Оттуда мы увидели бы Солнце крохотной звездочкой, а Землю не смогли бы увидеть в самый сильный из существующих телескопов.

Белопольский обернулся к нам.

— Картину, нарисованную Сергеем Александровичем, — сказал он, — можно дополнить. Все звезды, которые вы видите вокруг, и еще бесчисленное количество других, которых вы не видите из-за слабости человеческого зрения, являются единой звездной системой, называемой Галактикой. Чтобы отсюда долететь до ближайшего края нашей Галактики с той скоростью, которую имеет сейчас корабль, нужно девяносто миллионов лет, а если направиться к противоположному ее краю, то мы добрались бы до него только через семьсот миллионов лет непрерывного полета. Но наша Галактика не единственная во вселенной. В настоящее время известно свыше ста миллионов таких же Галактик, как и наша. Предполагают, что все они входят в единую систему, называемую Метагалактикой. Нет никаких оснований предполагать, что Метагалактика существует в единственном числе. Вероятно, их также бесчисленное множество...

— Помилосердствуйте, Константин Евгеньевич! — шутливо сказал Камов. — Этого более чем достаточно.

Мое воображение было подавлено словами Белопольского. Наша грандиозная экспедиция после всего услышанного показалась мне чем-то вроде небольшой прогулки.

— Смогут ли люди когда-нибудь, — сказал я, — до конца постигнуть всю необъятную вселенную, раскрыть все ее тайны?

— Никто необъятного объять не может, — сказал Пайчадзе. — Я, конечно, шучу. Смогут, Борис Николаевич! Смогут тогда, когда наука и техника будут во много раз могущественнее, чем теперь. Помните слова товарища Сталина? «Нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»[3].

Снова на борту корабля наступило продолжительное молчание. Его самым неожиданным образом нарушил Белопольский. Он вдруг посмотрел на часы и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Сколько времени потеряно даром! Надо начинать наблюдения.

Пайчадзе посмотрел на него с искренним изумлением.

— Вы способны сейчас заняться научной работой? — спросил он.

Константин Евгеньевич даже не ответил. Он слегка пожал плечами и, неловко цепляясь за ремни, направился к телескопу. По губам Камова скользнула чуть заметная улыбка.

— Я не могу работать, — сказал Пайчадзе. — Я буду смотреть на Землю, пока она близко.

Поведение Белопольского показалось мне странным. Неужели он так равнодушен ко всему, что оставил на Земле? Не испытывает никакого чувства тоски от разлуки? Я сам не мог отвести глаз от планеты, на которой родился и вырос и которая, как мне теперь казалось, быстро становилась всё меньше и меньше.

Камов и Пайчадзе, подобно мне, не отходили от окна.

Так прошло часа два.

А Константин Евгеньевич за всё это время ни разу не отошел от телескопа, направленного в противоположную от Земли сторону.

«Может быть, — подумал я, — этот человек острее всех нас переживает отлет с Земли и занялся работой, чтобы заглушить тяжелые мысли».

Правильно ли я угадал причину, заставившую нашего товарища отвернуться от окна, или нет, — не знаю. Возможно, что Белопольский

[3] Первая книга напечатана в 1955 г.

поступил так из-за свойственного ему педантизма, но мне невольно хотелось, чтобы мое первое предположение было правильным.

В пути

По земному счету — 10 сентября.

Через сто двадцать часов мы достигнем Венеры. Первый этап длительного пути близок к концу. Какой далекой и недоступной казалась эта лучезарная планета, так красиво сияющая на утреннем и вечернем небе Земли, а сейчас мы находимся уже близко от нее!

Близко!.. Очевидно, постоянное общение с астрономами приучило меня к астрономическим понятиям, если расстояние свыше пятнадцати миллионов километров кажется мне близким.

Венера находится сейчас между нами и Солнцем и обращена к нам неосвещенной стороной. Зато мы видим ее на фоне солнечного диска, и оба наших астронома бесконечно ведут наблюдения, столь редко доступные на Земле.

Я закончил всю программу съемок, порученную мне на этом участке пути. Работы было так много, что за два месяца я не нашел свободного времени продолжить свои записи.

Все заснятые пленки и негативы проявлены и проверены. Они ведь неповторимы. Арсен Георгиевич помог мне заполнить учетные карточки, которые я прилагаю к каждому снимку. Несмотря на огромную загруженность, этот человек всегда находит время помочь мне. Он неутомим. Долгие часы он работает в обсерватории, забывая об отдыхе.

Белопольский не отстаёт от него. Кроме астрономических работ на Константине Евгеньевиче лежит обязанность производить одновременно с Камовым все сложнейшие расчеты пути корабля и его местонахождения на каждый день.

Хотя еще на Земле были заранее приготовлены расчеты на всё время пути, Камов считает необходимым ежедневно, как он говорит, «определиться». Результаты вычислений сравниваются, и еще не было случая, чтобы они разошлись между собой. В бесконечном пространстве наш корабль летит, как по невидимым рельсам. В сутки мы

пролетаем свыше двух миллионов километров; и понятно, что малейшая ошибка увела бы нас далеко в сторону от той крохотной точки, какой выглядит в этом пространстве планета Венера — «сестра Земли», почти равная ей по объему и массе.

Камов проверяет полет корабля через каждые двадцать четыре часа, всегда в одно и то же время. Он пользуется для этого Солнцем и звездами. Измеряя видимые расстояния между определенными звездами и их положение относительно Солнца и линии полета, он вычисляет наше место в пространстве. Два раза он включал один из двигателей. В эти минуты мы отдыхали от нашей невесомости, так как на корабле возникла ощутимая сила тяжести, правда, очень слабая.

На моей обязанности, кроме съемок, лежит дежурство у пульта.

Оно ведется непрерывно, по заранее составленному расписанию; это обязанность всего экипажа, но, по безмолвному согласию, Камов и я стараемся освобождать от нее обоих астрономов, которым и без того работы более чем достаточно.

Обязанности дежурного не сложны: надо не допускать перегрева какой-нибудь одной стороны корабля, поворачивая его вокруг продольной оси, чтобы солнечные лучи могли равномерно нагревать всю поверхность корпуса. Делается это с помощью массивного диска, диаметром в два метра, вращаемого электромотором. Быстрое вращение этого диска вызывает медленное вращение всего корабля. Как правило, дежурный обязан предупреждать о повороте, чтобы не помешать работе с телескопом. Задержка поворота большой роли не играет, так как белый корпус звездолета хорошо отражает солнечные лучи и нагревается очень медленно.

Затем надо контролировать состояние воздуха, удаляя из него углекислоту и заменяя ее кислородом. Все эти процессы производятся нажатием соответствующих кнопок на пульте управления и проверяются по приборам, которые реагируют на все решительно изменения, происходящие как с самим кораблем, так и внутри его. Например, я уже упоминал, что мы обязаны закрывать за собой все двери, но если бы кто-нибудь забыл об этом, то соответствующая лампочка на пульте сразу обратила бы внимание дежурного мигающим красным

огоньком. Рассеянность тоже предусмотрена. При чрезмерном нагреве наружной стенки диск, вращающий корабль, включится автоматически и после поворота на сто восемьдесят градусов остановится. Если дежурный забудет прекратить подачу кислорода, то кран закроется сам, как только концентрация воздуха достигнет нормы. И так во всем. Наш замечательный корабль полностью автоматизирован. Всё делается с помощью чувствительных и «умных» приборов, питаемых электрическим током, которым снабжают нас портативные, но огромной емкости аккумуляторы, изготовленные специально для Камова одним из ленинградских заводов. Заряда этих аккумуляторов хватит на внутренние потребности корабля на все семь с половиной месяцев полета. Но мы имеем еще фотоэлементную зарядную станцию, преобразующую в электрический ток, непосредственно лучи Солнца. Эта гелиоэлектростанция является, так сказать, аварийной.

Всё, что имеется на корабле, допускает замену, кроме его двигателей, а некоторые особо важные приборы и аппараты имеют двойную и тройную замену.

Когда я думаю об огромном весе того груза, который несет корабль, то проникаюсь величайшим восхищением перед силой современной атомной техники. Наши двигатели очень малы по сравнению со всем звездолетом, но, несмотря на это, так мощны, что смогли сообщить кораблю его страшную скорость. Правда, Камов считает эту скорость недостаточной. Однажды, когда разговор зашел о будущих межпланетных полетах и он опять выразил сожаление, что мы летим слишком медленно, я спросил его, почему он не заставил двигатели работать дольше, чем это было при отлете с Земли. Ведь тогда была бы получена большая скорость.

Он ответил так:

— Теоретически это верно, но практически дело обстоит сложнее. Проблема получения больших скоростей упирается в проблему материала, из которого делаются дюзы[4] и другие части двигателя. При атомном распаде развивается огромная температура, а в настоящее

[4] Дюзы – выходные каналы, по которым истекают газы или поток частиц, служащие для получения реактивной тяги.

время мы не имеем достаточно тугоплавких металлов, которые могли бы выдерживать такой нагрев длительное время. Многочисленными опытами установлено, сколько могут работать дюзы, и этого времени как раз хватает на отлет с Земли, Венеры и Марса. Запас равен нескольким минутам и предназначен для непредвиденных случайностей. Даже для спуска на планеты я был вынужден поставить два лишних двигателя.

— А как же полеты в атмосфере? — спросил я.

— Для них мы имеем двигатель небольшой мощности, который может работать долго, но развивает небольшую скорость. Наш корабль является вершиной современной техники, но он далеко не совершенен. Возьмите, например, тот факт, что мы не можем ни на один час задержаться на Марсе. Разве это не показывает нашего относительного бессилия? Если бы корабль обладал большей скоростью, например сорок или пятьдесят километров в секунду, или хотя бы немного большей скоростью, чем скорость Земли, то мы могли бы не считаться ни с какими сроками и пробыть на Марсе столько, сколько нам понадобится. Но сейчас мы связаны. Представьте себе, что на Марсе случится несчастье с кем-нибудь из экипажа звездолета, например болезнь, вызванная неизвестным нам микробом в атмосфере планеты. При отлете удвоенная сила тяжести может оказаться опасной для больного, даже смертельной, и всё же мы будем вынуждены вылететь обратно на Землю точно в назначенную минуту, не считаясь ни с какими последствиями. Иначе экспедиция полностью погибнет, так как мы не сможем догнать Землю. В этом заключается опасность нашего полета. Других опасностей я не вижу.

— Мне кажется, что есть и другие, — сказал я. — Мне давно хотелось спросить: почему вы считаете ненужным смотреть вперед? Ведь корабль может встретиться с одним из тех блуждающих тел, о которых вы сами мне говорили. Разве не надо своевременно заметить такое тело на пути корабля?

— Смотреть вперед бесполезно, — ответил Камов. — Мелкие частицы всё равно нельзя заметить на таком расстоянии, чтобы можно было принять меры против столкновения с ними, а если на пути корабля попадется крупное тело, о нем предупредит радиопрожектор.

— Что это такое?

— Разве я не говорил вам?

— Нет.

— Радиопрожектор, — сказал Камов, — это установка в принципе та же, что и радиолокационная. Работает на ультракоротких волнах и по тому же методу — отражения радиоволн. Если на пути радиолуча попадется какое-нибудь препятствие, то этот луч вернется обратно и даст сигнал о преграде и расстоянии до нее. На нашем корабле он работает беспрерывно, прощупывая путь звездолета, как бы «освещает» дорогу. Его работа напоминает обычный световой прожектор, и поэтому он так назван. Я был уверен, что вы знаете о нем.

— Первый раз слышу, — сказал я.

— Это могло произойти только потому, что ваша подготовка к полету велась ускоренными темпами. Впрочем, — прибавил он, — мы вряд ли услышим когда-нибудь сигнал об опасности. Встречу с крупным телом, которое может быть опасным для корабля, надо считать исключенной. Даже мельчайшие пылинки вещества в межпланетном пространстве отстоят друг от друга на несколько километров.

— Но вы всё-таки требуете от нас закрывать двери?

— Да, потому что мы не вправе рисковать успехом экспедиции. Если существует хотя бы теоретическая опасность, мы обязаны принять меры против нее.

— Я слышал, что метеоры летают роями, — сказал я. — Когда такой рой встречается с Землей, можно наблюдать фейерверк падающих звезд.

— Для Земли, — ответил Камов, — при ее огромных размерах эти рои действительно очень плотны, но для нашего корабля они очень просторны. Если мы встретимся с самым сомкнутым из этих роев, то пролетим сквозь него, даже не заметив. Каждая частица в них приходится на несколько кубических километров пространства.

— Выходит, что межпланетные путешествия вполне безопасны?

Камов пожал плечами.

— Всё на свете относительно, — сказал он. — То же и с межпланетными путешествиями. Космический корабль может лететь тысячу лет и не встретить ни одного метеора, но может столкнуться с ним в

первый же час полета. Во всяком случае, катастрофа со звездолетом в сотни фаз менее вероятна, чем с железнодорожным поездом, но ведь люди ездят же по железным дорогам.

После этого разговора я перестал думать о «блуждающих телах» и последствиях встречи с ними, хотя с самого момента отлета с Земли этот вопрос меня беспокоил. Несколько раз я заводил с Камовым разговор на эту тему, но он почему-то ни разу не упомянул о радиопрожекторе. А оба астронома настолько загружены работой, что у них просто нет времени говорить на такие темы.

Пайчадзе спит не больше пяти часов в сутки. Когда спит Белопольский, я вообще не знаю. Когда бы я ни был в обсерватории, он всегда там. Как-то я высказал Камову свои опасения, что здоровье наших астрономов может сильно пострадать от такой непрерывной работы.

— Тут ничего не поделаешь, — ответил он. — Впервые за всю историю науки астрономия получила возможность работать за пределами атмосферы Земли. Неудивительно, что наши ученые с увлечением пользуются этой возможностью. Наша с вами задача — стараться облегчить их труд.

Прошло уже больше двух месяцев с того момента, как мы покинули Землю. Жизнь на корабле вошла в твердо установившиеся рамки. Появился распорядок дня, вернее, не дня, а двадцати четырех часов, так как смены ночи и дня у нас нет. В определенные часы мы собираемся все вместе для завтрака, обеда или ужина. Нет ни стола, ни стульев. Мы располагаемся, кто как хочет, прямо на воздухе и на эту же «опору» ставим сосуды с пищей. Ничто не может ни упасть, ни опрокинуться. Тарелок нет, — в этих условиях они бесполезны. Едим мы разнообразные консервы, вкусные и питательные, изготовленные специально для нас, прямо из банок. Пьем не воду, а различные соки, заключенные в закрытые сосуды, из которых напиток надо высасывать через гибкую трубочку, так как никакие усилия не могут заставить невесомую жидкость вылиться. Меню разнообразно, и нам нет причины жаловаться на стол. В кладовой корабля сложено около тысячи пакетов, помеченных порядковыми номерами, в каждом из которых находится одноразовое питание для четырех человек. Всё, что остается, — банки, оболочки пакетов, сосуды из-под жидкостей и все

остатки пищи поступают в особый аппарат, где всё это сжигается электрическим током и выбрасывается наружу через люк, устройством напоминающий приспособление для выбрасывания торпеды на подводной лодке. Само собой разумеется, что этот пепел не может упасть куда-нибудь, а следует за кораблем. Камов, смеясь говорил, что наш корабль тянет за собой шлейф и что мы избавимся от этого шлейфа только с помощью Венеры, Марса и Земли, когда влетим в их атмосферы. Именно потому, что Камов не хотел «пачкать» атмосферу нашими отбросами, мы сжигаем остатки, тратя на это электроэнергию. Впрочем, нам не приходится волноваться, что ее не хватит.

Дни идут однообразно, но вместе с тем удивительно быстро. Скучать нам некогда. Все заняты своей определенной работой. На корабле всегда одна и та же температура воздуха. Он чист и совершенно лишен пыли. Я никогда не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. В наших условиях физический труд отсутствует. Любой, самый тяжелый предмет я могу перенести с места на место без малейшего усилия.

— Погодите! — сказал Камов, когда разговор зашел об этом. — Когда вы вернетесь на Землю, вы будете уставать от каждого движения. Ваше тело долго будет казаться вам тяжелым и неповоротливым. В ближайшее время вы сможете убедиться, что даже того короткого срока, который прошел с момента старта, было уже достаточно, чтобы отучить вас от тяжести.

— Про что вы говорите? — спросил я.

— Я говорю про тот момент, когда к вам вернется ваш обычный вес.

— А когда это будет?

— Тогда, когда мы начнем спуск на Венеру. Влететь в ее атмосферу с той скоростью, которую имеет корабль, значило бы сжечь его трением о газовую оболочку планеты. Придется затормозить звездолет, а это вызовет появление тяжести. Отрицательное ускорение будет равно десяти метрам в секунду за секунду, а это как раз равно ускорению силы тяжести на Земле.

— А с какой скоростью мы влетим в атмосферу Венеры?

— Со скоростью семисот двадцати километров в час.

— Сколько же времени понадобится, чтобы затормозить корабль?

— Сорок семь минут, одиннадцать секунд. Но это не значит, что мы почти час будем страдать от работы наших двигателей, как это было при отлете с Земли. Они будут работать гораздо тише, и в шлеме вы их будете слабо слышать. Кроме того, не надо будет ложиться, и вы сможете наблюдать спуск на планету из окна.

Я с большим интересом ожидаю этого знаменательного события. Бесконечно длинными кажутся мне те пять дней, которые отделяют нас от него. Мое нетерпение так велико, что я даже как-то сказал Пайчадзе, что наш корабль ползет, как черепаха.

Арсен Георгиевич рассмеялся.

— Хорошо, что Камов не слышит вас, — сказал он.

— Ничего обидного в моих словах нет. Разве ему самому не хочется скорее достигнуть Венеры?

— Хочется, очень хочется! — весело ответил Пайчадзе. — А Константину Евгеньевичу не хочется. Он сердится, — звездолет летит слишком быстро.

Это была правда. Белопольский действительно несколько раз выражал недовольство тем, что корабль летит чересчур стремительно и что это мешает его наблюдениям.

— Мог бы Константин Евгеньевич, — продолжал Пайчадзе, — остановил бы корабль. Сидел бы у телескопа, как на Земле месяц, два, три, — пока хватит кислорода.

— И вернулся бы на Землю, не достигнув ни Венеры, ни Марса.

— Или совсем забыл бы вернуться, — смеясь сказал Пайчадзе.

Сравнение нашего корабля с черепахой привело его в веселое настроение.

Вообще Пайчадзе охотно ведет шутливые разговоры, не имеющие никакого отношения к нашему полету. Этим он резко отличается от Белопольского, который не только никогда не смеется, но и улыбается крайне редко.

В первые дни рейса Пайчадзе часто шутил во время работы, но, убедившись, что его товарищу эти шутки не нравятся, совершенно прекратил их, отводя душу в разговорах со мной и Камовым.

Мне кажется, что у Константина Евгеньевича любовь к науке заглушает все остальные чувства. Он никогда не принимает участия в наших разговорах о том времени, когда корабль вернется на Землю, и даже относится к ним с явной неприязнью.

«Чересчур стремительное» движение корабля именно потому вызывает его недовольство, что он боится не успеть выяснить то, что его интересует, а интересует его столь многое, что нам следовало бы лететь не на Марс, а по крайней мере на планету Уран. Такое путешествие продолжилось бы около пяти лет в один конец!

Мой дневник я пишу для себя. Если мое мнение окажется неправильным, я буду очень рад. Я хотел бы, чтобы Белопольский, которого я глубоко уважаю, был более «человечным». Если бы он рассмеялся так же искренно, как это делает Пайчадзе, то та неуловимая, но ясно ощущаемая стена сдержанности, которая отделяет его от нас троих, сразу же рухнула бы; но увы, это пока кажется совершенно невозможным.

Но я слишком уклонился в сторону. Основная тема, которой посвящена моя сегодняшняя запись, — это Венера, к которой мы приближаемся.

Еще на Земле я прочел книгу Белопольского о планетах солнечной системы, чтобы не слишком проявлять свое невежество в вопросах астрономии... Но всё же тех знаний, которые я почерпнул, явно недостаточно. Что мы можем рассчитывать увидеть, проникнув под облачный покров Венеры? Каковы шансы на то, чтобы обнаружить на ней жизнь, и какова может быть эта жизнь?

Со всеми этими вопросами я обратился к Камову.

— Спросите Константина Евгеньевича, — ответил он. — Лучшего знатока солнечной системы вы не найдете.

Я не решился прервать работу Белопольского и подождал часа очередного завтрака.

— Константин Евгеньевич! — сказал я, когда мы собрались в каюте Камова, в которой находились дублирующие приборы главного пульта и можно было следить за ними во время еды. — Не можете ли вы рассказать о планете Венере, к которой мы приближаемся?

— Что именно вы хотите знать? — спросил он.

— То, что известно о ней науке.

— Широкая программа, — заметил Пайчадзе.

— Конечно, не всё, — поспешил я сказать, — а только основные данные. Что мы увидим на ней?

— Первый ваш вопрос, — сказал Белопольский, — слишком обширен, а на второй нечего ответить. Планета Венера скрыта под толстым слоем облаков, которые никогда не расходятся. Все наши знания относятся только к верхним слоям ее атмосферы. Поверхности планеты никто никогда не видел, и, что она собой представляет, никто не знает. Гипотезы и предположения, хотя и полезные для развития науки, не могут претендовать на достоверность.

— Но что наука предполагает? — спросил я.

— Предположения, основанные на имеющихся данных, — сказал Белопольский, — называются «рабочими гипотезами». Я перечислю вам те данные, которые мы имеем в отношении Венеры, но вряд ли сообщу вам что-нибудь новое. Планета отстоит от Солнца в среднем в ста восьми миллионах километрах, то есть почти на сорок два миллиона километров ближе, чем Земля. Она является нашей ближайшей соседкой в пространстве, если не считать Луны и некоторых астероидов. Скорость движения по орбите почти равна тридцати пяти километрам в секунду. Время, в течение которого совершается один полный оборот вокруг Солнца, или год Венеры, равно ноль целых и шестьдесят две сотых земного года, иначе говоря, — около семи с половиной месяцев. Радиус планеты составляет девяносто семь сотых радиуса Земли, и, следовательно, ее диаметр только на пятьсот пятьдесят семь километров меньше земного. Обе планеты очень похожи по размерам. Время оборота Венеры вокруг ее оси — или длина ее дня — в точности неизвестно. Это вопрос, который должны разрешить мы с вами. Земные астрономы склоняются к мысли, что приливные силы, вызываемые на Венере Солнцем, должны были сильно затормозить ее вращение и что один день на ней, вероятно, равен нескольким нашим неделям, но этого нельзя сказать уверенно. Благодаря близости к Солнцу Венера получает света и тепла больше, чем Земля, и ее средняя температура выше земной. Наличие плотного слоя облаков должно вызвать под ними так называемый «оранжерейный

эффект»; предполагают, что температура поверхности планеты выше, чем в тропиках на Земле. В верхних слоях атмосферы Венеры земные спектрографы обнаружили много углекислого газа и совсем не обнаружили кислорода. Вот всё, что может сказать земная астрономия. Предполагают, что поверхность Венеры покрыта океанами и заболоченными пространствами суши. Считается маловероятным, что на этой планете есть жизнь. Я намеренно подчеркнул слова — «земные спектрографы» и «земная астрономия», потому что на нашем корабле астрономия внесла существенные поправки к этой картине.

Он посмотрел на Пайчадзе, и Арсен Георгиевич улыбнулся.

— Спектральный анализ, — сказал он, — имеет на Земле врага. Это наша атмосфера. Она задерживает и искажает свет небесных тел — единственный источник, из которого мы черпаем знания о физической природе звезд и планет. Например, озон в атмосфере земли не пропускает ультрафиолетовых лучей, ограничивает получаемый спектр. Строение земной атмосферы не вполне изучено. Не приходится удивляться неточности наших знаний. На обсерватории корабля другие условия. Атмосферы здесь нет. Удалось получить более полные, более широкие спектры. По ним обнаружили то, что ускользнуло на Земле. Мы узнали больше, а это позволило сделать выводы.

— Какие? — спросил я.

— В том вопросе, который вас интересует, — ответил Белопольский, — то есть в вопросе о Венере, Арсен Георгиевич установил чрезвычайно важный факт, а именно, — что в ее атмосфере не только есть кислород, но что его даже довольно много, а это позволило сделать вывод, что на поверхности Венеры имеется растительный покров, так как наличие свободного кислорода трудно объяснить чем-нибудь другим. А это, в свою очередь, доказывает наличие жизни.

— Растительной, — сказал Камов.

— Вы хотите сказать, что животной жизни там нет? — спросил я.

— Я хочу только подчеркнуть, что слова Константина Евгеньевича о наличии жизни на Венере не надо понимать так, что на ней существует такая же жизнь, как на Земле, — ответил Камов.

— Но могут же там существовать самые первобытные существа, например в океанах?

— Могут, но не обязательно должны. Наука считает, что если где-нибудь существуют условия, благоприятствующие возникновению жизни, то жизнь там, тем или иным путем, и возникнет. На Венере такие условия существуют и, как можно теперь с уверенностью сказать, уже привели к возникновению жизни в форме растений, но приняла ли эта жизнь другие известные нам формы, — сказать, конечно, нельзя.

— Но. если там есть эти формы, сможем ли мы обнаружить их?

— Зависит от Сергея Александровича и от вас, — ответил Пайчадзе. — Чем более приблизится корабль к поверхности планеты, чем лучше зафиксируете на фотопластинку всё виденное, — тем легче будет ответить на ваш вопрос.

Я поинтересовался, сколько времени мы пробудем в атмосфере Венеры.

— Не более десяти, двенадцати часов, — ответил Камов. — Я думаю, — обратился он к Белопольскому, — направить корабль так, чтобы войти в атмосферу на линии терминатора[5] и пролететь через всю дневную половину. Если вращение планеты действительно так медленно, как предполагают, то на это понадобится не более десяти часов. Может случиться, что облака доходят до самой поверхности планеты, и мы, таким образом, окажемся в густом тумане. В этом случае мы продержимся в атмосфере Венеры ровно столько, сколько понадобится Борису Николаевичу на его снимки. Вам, — снова обратился он ко мне, — надо быть готовым к такой обстановке. Придется снимать в инфракрасных лучах, а я постараюсь, чтобы слой тумана, отделяющий нас от поверхности, был как можно тоньше.

— В тумане легко налететь на какие-нибудь горы, — заметил Белопольский.

— Риск, конечно, есть, но не такой уж большой. Я надеюсь, что радиопрожектор предупредит о препятствии достаточно заблаговременно.

---

[5] Терминатор – граница света и тени. В данном случае речь идёт о границе, отделяющей освещённую часть планеты от неосвещённой.

Звездный капитан

Ральф Бейсон, сотрудник газеты «Нью-Йорк Таймс», вбежал в кабинет Чарльза Хепгуда, задыхаясь от волнения. Он не сел, а упал в кресло у письменного стола хозяина и, тяжело дыша, произнес только одно слово:

— Улетели!..

Хепгуд положил перо и, сдвинув брови, пристально посмотрел на Бейсона.

— Как вы сказали? — медленно спросил он.

— Они улетели. Я только что услышал по радио. Сегодня в десять часов по московскому времени звездолет Камова взял старт!

Хепгуд вынул платок и вытер лоб.

— Куда? — спросил он чуть хриплым голосом.

— На Марс. Нас опередили.

— На Марс? — Хепгуд несколько секунд смотрел на Бейсона, что-то соображая.

— Это странно, Ральф! — сказал он. — Что Камов собирался на Марс, я знаю, но эта планета сейчас в неудобном положении для полета на нее с той скоростью, которую должен иметь, по-моему, звездолет Камова. Тут что-то не так! А не было сказано, когда они думают вернуться?

— В начале февраля будущего года и даже более точно — 11 февраля. Кроме того, передавали, что Камов намерен осмотреть по пути Венеру.

Хепгуд поднял брови.

— Вот как! Даже Венеру?.. Посмотрим!

Он взял лист бумаги, разложил его на столе и, вооружившись циркулем и логарифмической линейкой, стал чертить схему солнечной системы. Бейсон, встав с кресла, следил за его рукой.

— Вот положение Земли, Марса и Венеры на сегодняшний день, — сказал Хепгуд. — А вот здесь, смотрите Ральф, будет находиться Земля в день их возвращения, то есть 11 февраля. Оставив пока в стороне вопрос о скорости их звездолета, можно предположить такую,

наиболее экономичную, траекторию полета. — Хеппуд провел на листе пунктирную линию. — А отсюда следует...

Он замолчал и погрузился в вычисления.

Бейсон терпеливо ждал результатов. Чтобы не мешать Хепгуду, он опять сел в кресло и взял в руки только что сделанный чертеж. Лишенный воображения, он не мог представить себе всю грандиозную величину того, что было изображено на этом небольшом листе бумаги. Ему казалось очень простым совершить путь, намеченный тонкой пунктирной линией, по которому, с каждой секундой удаляясь от Земли, летит сейчас русский звездолет. Он вспомнил услышанную по радио фамилию журналиста, участвующего в полете, — Мельников, — и с трудом удержал желание разорвать чертеж.

Всё пропало... Все планы рухнули... Деньги и слава, которые были, казалось, твердо обеспечены, безвозвратно потеряны...

Он тупо смотрел на белый лист, не подозревая, что держит в руках почти точную копию рисунка, сделанного Камовым два месяца назад в Москве.

Прошло полтора часа.

— Отсюда следует, — сказал Хепгуд, продолжая фразу, как будто не было никакого перерыва, — что их скорость должна быть не менее двадцати восьми километров в секунду, при условии — не спускаться на поверхность ни Венеры, ни Марса. Иначе их маршрут осуществить нельзя, а другого я не могу себе представить. Не думал, что они сумеют добиться такой скорости.

— Вы многого не думали, Чарльз! — Бейсон не скрывал злобы. — Камов не в первый раз щелкнул вас по носу.

— Не расстраивайтесь, Ральф! Еще не всё потеряно! Мы еще можем бороться с ними. Еще есть надежда!

— Какая? Я ее не вижу. Ваш звездолет, скорость которого меньше...

— Двадцать четыре километра.

— Не может догнать Камова, — докончил Бейсон.

— Догнать не может, — спокойно сказал Хепгуд, — но перегнать, я думаю, сможет.

Бейсон растерянно посмотрел на него.

— Я вас не понимаю! — сказал он.

— А вместе с тем это очень просто, — ответил Хепгуд. — Двигатель моего корабля может работать десять минут и при ускорении сорок метров в секунду дает нам скорость в двадцать четыре километра — точнее двадцать три и восемь десятых. Увеличив ускорение при взлете до пятидесяти метров, мы получим конечную скорость в двадцать девять с половиной километров. А этого вполне достаточно, чтобы перегнать Камова тем более, что мы не будем делать крюк для осмотра Венеры.

— Вы уверены в этом? — спросил Бейсон, в сердце которого слова Хепгуда заронили надежду.

— Уверен, но только в том случае, если мы начнем полет не позднее десятого июля.

— Трудно успеть закончить всю подготовку так скоро.

— Я сделаю всё, чтобы успеть, — сказал Хепгуд. — В нашем распоряжении семь дней. Если энергично взяться за дело, мы успеем. Приезжайте ко мне завтра в девять часов.

Когда журналист ушел, Хепгуд долго сидел, глубоко задумавшись. Он хорошо понимал, что принятое им решение довести ускорение до пятидесяти метров грозит самыми тяжелыми последствиями для здоровья. Уже прежняя цифра в сорок метров превышала допустимую нагрузку на организм почти в полтора раза. Медициной установлено, что человек может без вреда для себя перенести ускорение в тридцать метров в секунду за секунду, но и то при условии, что это ускорение будет действовать не более одной минуты. А он собирался подвергнуть себя и своего спутника пятикратному увеличению силы тяжести в течение десяти минут. Правда, он намеревался применить погружение в воду, но не был уверен, что это даст положительный результат. Риск был очень велик, но выбора не оставалось. Или рискнуть — или отказаться от борьбы и быть свидетелем полного торжества своего соперника.

Перед глазами Хепгуда одна за другой пронеслись картины этой долголетней борьбы между ним и русским конструктором. До сих пор Камову удавалось быть первым. Сейчас Хепгуд имел последнюю возможность взять реванш за все прошлые поражения. Так неужели отказаться от этой возможности из боязни повредить свое здоровье!

«Пусть я на всю жизнь останусь инвалидом, — подумал он, — но предварительно побью вас, мистер Камов!»

О своем молодом спутнике Хепгуд в эту минуту даже не вспомнил.

Имя Чарльза Альджернона Хепгуда было очень популярно в Соединенных Штатах. Талантливый инженер и известный теоретик звездоплавания, он был конструктором первой в мире стратосферной ракеты с атомным реактивным двигателем.

Совершив на ней перелет через Атлантический океан и сразу оставив далеко позади все достигнутые до этого рекорды скорости (перелет занял только один час пятнадцать минут), он прославился на весь мир. В интервью, данном после этого перелета, он заявил, что следующий полет будет за пределы Земли.

Американские газеты прозвали Хепгуда «Звездным капитаном», на что еще никому не известный советский инженер Камов в статье, приветствующей успех американского конструктора, заметил, что подобный титул несколько преждевременен.

— Формально он прав, — сказал Хепгуд в беседе с корреспондентом газеты, который спросил его, что он думает об этой фразе, — но перелет через океан и полет, например, к Луне, мало чем отличаются друг от друга. От стратосферной ракеты до звездолета — один шаг, и я в скором времени сделаю этот шаг.

Так думал Чарльз Хепгуд, но в действительности получилось иначе, и первый шаг на пути завоевания межпланетных пространств сделал не он, а тот самый советский инженер Камов, скромное замечание которого, потонувшее в потоке хвалебных статей, хорошо запомнилось Хепгуду.

С этого момента началась между ними упорная борьба за первенство в межпланетных перелетах.

Правительство Соединенных Штатов оказывало Хепгуду всяческую поддержку.

Намерение Хепгуда первым достигнуть Луны, а затем Венеры и Марса пришлось также по душе многим финансовым магнатам, надеявшимся прибрать к рукам разработки ценных ископаемых, которые могли там оказаться. Они не жалели денег, чтобы осуществить этот проект.

Первой целью Хепгуда являлась Луна, так как Камов только облетел ее, не опустившись на поверхность.

Хепгуд энергично строил свой звездолет, рассчитывая, что раньше, чем через два года Камову не удастся совершить второй полет.

Корабль был уже готов, когда пришло известие о достижении Луны Камовым и Пайчадзе.

Удар был очень тяжел для Хепгуда.

Два поражения подряд подорвали веру в него у тех, от кого зависела его судьба. Американские газеты отвернулись от него и начали превозносить его соперника. Титул «Лунный Колумб», данный Камову падкими на громкие прозвища журналистами, был последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

Хепгуд всеми силами души возненавидел русского инженера и поклялся опередить его в полете на планету, чего бы это ни стоило. Его авторитет был еще на достаточной высоте, и средства на постройку нового корабля были получены, хотя и не в том количестве, как это было бы желательно. Но Хепгуд не обращал на это внимания. Его целиком поглотила идея реванша. Он смотрел на космический полет, как на средство рассчитаться со своим врагом. Научное значение полета отошло для него на второй план.

Он внимательно следил за всем, что попадало в технические журналы о подготовке Камовым третьего полета, стараясь составить себе представление о корабле своего соперника, но Камов был очень осторожен, и до последнего дня Хепгуд не знал таких важных вещей, как скорость и размеры русского звездолета. Со свойственной ему самоуверенностью, которую не поколебали понесенные им поражения, Хепгуд недооценивал сил и возможностей противника и переоценивал свои собственные. Всё же он решил довести ускорение до сорока метров, считая, что это служит уже полной гарантией успеха. Он знал, что Камов ни за что не пойдет по этому пути. Предельной цифрой, которую мог принять советский инженер, Хепгуд считал тридцать метров, а это не могло дать скорости большей, чем будет обладать его звездолет. Работа двигателя в течение десяти минут также казалась ему пределом, так как атомные реактивные двигатели развивали

такую высокую температуру, что их корпуса надо было изготавливать из особо тугоплавких материалов, — вернее, сплавов.

Хепгуд не мог не признавать технического превосходства Советского Союза, но считал, что в этом производстве он не идет впереди Америки, которая во всем, что касалось атомной техники, всеми силами старалась не отставать от других стран. В результате всех этих соображений он был совершенно уверен в успехе и строил свой звездолет спокойно, но, помня о быстроте, с которой Камов организовал свой второй полет, избегал всяких задержек.

Не желая ни с кем делить своей будущей славы, Хепгуд намеренно сделал свой корабль небольшим по размерам, могущим вместить только двух человек, так как лететь одному было совершенно невозможно. На все предложения со стороны американских ученых, выражавших желание принять участие в полете, он отвечал категорическим отказом, твердо заявив, что в первый рейс возьмет только представителя печати.

Когда корабль был готов, Хепгуд обратился с открытым письмом к журналистам Америки, но долгое время никто не изъявлял желания лететь с ним. Наконец, когда его стало уже тревожить это обстоятельство, к нему явился Бейсон.

— Что вас побудило прийти ко мне? — спросил Хепгуд молодого корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс».

— Я буду с вами откровенен, — ответил Бейсон, — Я очень хочу разбогатеть, а в наше время это чертовски трудно. Кроме того, я честолюбив. Слава Стенли[6] не дает мне покоя.

— Вот как! Значит, вы честолюбивы? А об опасностях, которые вас ожидают, вы подумали? Вместо славы, вас, может быть, ожидает смерть.

— Кто не рискует, тот не побеждает, — ответил Бейсон.

Он был высокого роста, широкоплечий, с чертами лица хотя и не красивыми, но привлекательными. Типичный молодой американец

---

[6] Генри Мортон Стенли – американский журналист, отправившийся в 1871 году на поиски знаменитого английского исследователя Африки – доктора Ливингстона. Впоследствии стал одним из крупнейших исследователей Центральной Африки.

из среднего слоя, увлекающийся спортом и не обладающий особыми умственными способностями.

Хепгуд остался доволен. Именно такой товарищ был ему нужен.

— Я тоже буду с вами откровенен, — сказал он. — Я ставлю своей главной целью победу над Камовым. (Бейсон кивнул головой.) Чтобы наверняка добиться этого, я был вынужден довести ускорение звездолета до сорока метров в секунду. Не скрою от вас, что это опасно для экипажа.

На лице журналиста не появилось ни одного признака беспокойства от этого сообщения.

— Я мало смыслю в этих вещах, — с подкупающей откровенностью ответил он. — Вы говорите, что это опасно. Я вам верю. Но раз вы идете на эту опасность, то почему бы и мне не сделать то же?

— Ну, если так, — весело сказал Хепгуд, — то я очень рад такому спутнику.

Он крепко пожал руку Бейсона.

— Когда вы думаете начать полет? — спросил журналист.

— В конце августа этого года.

— А почему не раньше?

— Потому что надо дождаться благоприятного положения планеты Марс, на которую я хочу лететь, — ответил Хепгуд.

— Ну, что ж, подождем! Не так уж долго! — ответил Бейсон.

Венера

16 сентября 19..года.

(В Москве сейчас около пяти часов утра.)

День 15 сентября навсегда останется в нашей памяти: в этот день мы проникли под облачный покров Венеры.

Завеса тайны, скрывавшая поверхность планеты, приподнялась.

То, что таилось под густыми облаками и так недавно казалось недоступным земному взору, предстало нашим глазам, а беспристрастная кинопленка запечатлела всё виденное...

Мы приблизились к Венере 14 сентября около двенадцати часов. Диск планеты, появившийся сначала в виде узкого серпа, быстро расширялся и к двадцати часам предстал перед нами в полной фазе.

Освещенная Солнцем Венера блестела, как снежная шапка горы в ясный солнечный день на Земле.

В этот момент до нее было около двух миллионов километров и ее видимый поперечник был почти такой же, какой мы видим Луну в фазе полнолуния. Простым глазом было видно, что поверхность планеты сплошь закрыта белыми облаками.

На фоне черного неба, усеянного бесчисленными звездами, белоснежная «сестра Земли» была сказочно прекрасна...

Я прильнул к своему окну, не в силах оторваться от этой картины, и без конца фотографировал ее на цветную пленку.

Забыл раньше упомянуть, что на корабле устроены специальные окна, стекла которых, сделанные из особого сорта горного кварца, позволяют не считаться с ним при съемках объектов, находящихся снаружи. Эти окна меньше других имеющихся на корабле и предоставлены в полное мое распоряжение. Пайчадзе называет их «окнами ТАСС».

В семь часов утра пятнадцатого сентября Камов предложил нам надеть шлемы, которые были уже приготовлены заранее, а затем включил двигатели, предназначенные для торможения корабля.

Раздался знакомый гул, но не такой громкий, как в первый раз.

Сквозь окна проник отблеск пламени.

Мы все, находившиеся до сих пор в самых разнообразных положениях, опустились на переднюю стенку, которая стала нашим полом. Возникшая сила тяжести сразу определила, где верх, а где низ. Полет корабля получил определенное направление — вниз, на Венеру, которая очутилась у нас под ногами.

Почувствовать опять свой нормальный вес было приятно, но, как и говорил Камов, движения были стеснены и тело казалось очень тяжелым. Семидесяти четырехдневная привычка к полной невесомости давала себя знать.

Я перешел к другому окну и устроился около него лежа. Пайчадзе и Белопольский, уже больше суток не покидавшие обсерватории, не

отходили от своих астрономических приборов, поглощенные своей работой. Их окно было в несколько раз больше моего, и они могли наблюдать за приближающейся планетой, не отрываясь от дела.

Камов находился у пульта управления. На этом посту ему предстояло пробыть долгие часы. Он прильнул глазом к окуляру перископа, положив руки на рукоятки.

Я незаметно сфотографировал его.

Венера, диск которой увеличился за это время до размеров раз в десять больше полной Луны, находилась прямо под нами, и корабль падал на нее с высоты сорока тысяч шестисот километров с чудовищной скоростью двадцати восьми километров в секунду. Тормозящая работа двигателей медленно, но неуклонно уменьшала эту скорость.

Если бы не было торможения, то мы врезались бы в атмосферу планеты меньше, чем через двадцать минут, так как притяжение Венеры еще увеличило бы скорость корабля, и сгорели бы, как метеор. Могучая сила наших двигателей, преодолевая тяготение планеты, равномерно снижала скорость на десять метров в секунду.

Спуск продолжался сорок семь минут, и всё это время я отходил от своего окна только для того, чтобы проверить работу автоматических киноаппаратов, снимавших приближающуюся планету, и сменить пленку.

Четыре фотоаппарата находились под рукой, так же, как и большое количество негативных материалов. Всё это было заготовлено заранее, так как сообщение обсерватории с другими помещениями корабля было сильно затруднено. Дверь оказалась сейчас на «потолке», и к ней вела прикрепленная несколько часов тому назад легкая алюминиевая лестница. Чтобы добраться до моей лаборатории, расположенной в средней части, пришлось бы взбираться на высоту четырехэтажного дома, что было и долго, и утомительно. Мы заблаговременно приняли все меры, чтобы как можно меньше выходить из обсерватории, пока корабль не покинет Венеру и жизнь не войдет снова в ставшую уже привычной «невесомую фазу».

Планета приближалась.

Через двадцать минут скорость корабля уменьшилась до шестнадцати с половиной километров в секунду, и мы приблизились на расстояние в четырнадцать тысяч километров.

Венера закрывала собой почти весь видимый горизонт. С этого близкого расстояния она не казалась такой ослепительно белой. Отчетливо виднелись тени между отдельными массивами облаков. Я внимательно искал в сильный бинокль хоть какого-нибудь разрыва в этой клубящейся массе, но не находил ни одного. Толща облаков была, по-видимому, очень значительна.

«Неужели, — думал я, — опасения Камова оправдаются, и они простираются до самой поверхности планеты? Как будет обидно, если мы ничего не увидим! А что можем мы вообще увидеть? Белопольский говорил, что ученые предполагают на Венере только океаны и заболоченные пространства суши. Теперь выяснилось, что почти, наверное, имеется растительность. Быть может, проникнув под облачный слой, мы увидим цветущую жизнью обитаемую страну, увидим обширные города, возделанные поля, корабли в океане. Что предстанет нашим глазам через несколько минут?»

Я сильно волновался. Такое же состояние испытывали и мои товарищи. Даже всегда невозмутимый Камов признался мне впоследствии, что и у него мелькали такие же мысли, как у меня. Впервые за всю историю человечества люди готовились проникнуть в тайну другого мира. Правда, они были на Луне, но тогда было заранее известно, что это лишенный жизни, мертвый мир, а здесь всё было загадкой. Тогда был хорошо изученный маленький спутник Земли, а здесь большая таинственная планета, почти равная нашей по своим размерам.

Прошло еще пятнадцать минут, и расстояние, или, вернее было бы сказать, высота стала около пяти тысяч километров. Скорость корабля упала до семи с половиной километров в секунду и продолжала неуклонно понижаться.

Еще через десять минут корабль был уже так близко, что я не мог охватить глазом всю поверхность облачного покрова.

В этот момент Камов нарушил молчание, которое за всё время спуска ни разу не прерывалось:

— Константин Евгеньевич, определите расстояние до верхнего слоя облаков.

— Сто шестьдесят пять километров, — почти сразу же ответил Белопольский.

— По радиопрожектору расстояние до поверхности планеты сто семьдесят семь километров, — сказал Камов. — Значит, верхняя граница облачного покрова находится на высоте двенадцати-тринадцати километров.

Наступала решительная минута. Скорость корабля настолько уменьшилась, что расстояние в сто шестьдесят километров, которое мы так недавно пролетали за пять с половиной секунд, было достаточно для маневрирования.

Камов нажал кнопку; и мне было видно из моего окна, как из борта корабля медленно выдвинулось широкое крыло. Такое же крыло появилось и с другой стороны.

Еще несколько мгновений, и облачный покров планеты сомкнулся вокруг нас. Мы очутились в густом тумане. Я ясно расслышал, как двигатели на мгновение смолкли и затем опять заработали, но уже гораздо тише. Торможение прекратилось, сменившись поступательным движением.

Космический корабль, превратившийся в реактивный самолет, погружался всё глубже и глубже.

Белопольский покинул свое место и встал у пульта. Камов не отрывался от перископа, и Константин Евгеньевич стал громко отсчитывать высоту полета по показаниям радиопрожектора.

— Девять километров!.. Восемь с половиной!.. Восемь!.. Семь с половиной!

Густой молочный туман был всё так же плотен.

— Семь!.. Шесть с половиной!.. Шесть!

Мое сердце бешено билось. Шесть километров отделяло нас от поверхности другой планеты, на которую еще ни разу не удавалось взглянуть ни одному человеку. Кончатся ли когда-нибудь эти проклятые облака?

— Пять с половиной!.. Пять!..

Я почувствовал, что корабль изменил направление. Из вертикального его полет превратился почти в горизонтальный.

— Бесконечность! — сказал Белопольский.

Значит, впереди нас не было высоких гор.

— Поверните прожектор к Венере, — сказал Камов.

Я на его месте невольно сказал бы «к Земле», но этот человек был не способен на такую ошибку. Он, по-видимому, сохранял полное хладнокровие.

— Четыре! — сказал Белопольский. — Три с половиной!.. Три!

Как раз в этот момент раздался звонок киноаппарата, извещавший меня, что пленка кончается. Вскочить на ноги, сменить ленту было делом минуты, но я пропустил момент, когда мы вынырнули из облаков.

Белопольский только что сказал: «Полтора!», — когда Камов повернул голову и негромко сказал:

— Венера!

Я бросился к окну. Белопольский — к другому.

Под нами, насколько хватал глаз, расстилалась волнующаяся поверхность воды. С высоты полутора километров ясно были видны длинные гряды волн с ярко-белыми гребнями пены. Очевидно, был сильный ветер. Ни малейшего признака суши. Было ли это море или обширный океан, есть ли где-нибудь вообще твердая земля, — мы, конечно, не знали. Сверху нависала густая пелена туч. Темно-свинцовая вода внизу, свинцовое небо над головой и освещающий эту мрачную картину какой-то тусклый полусвет. Мы находились на дневной половине Венеры, но освещение скорее напоминало вечер. Десятикилометровый слой облаков скупо пропускал свет Солнца, и только близость к нему планеты позволяла всё-таки видеть. У нас на Земле при таких условиях было бы совершенно темно.

Над нами и со всех сторон до самого горизонта почти непрерывно сверкали яркие молнии. Даже сквозь стенки корабля были слышны раскаты чудовищного грома. Почти черные стены ливней соединяли небо и море, захватывая громадные пространства.

Всё вместе — неприветливое море с ослепительно белыми полосами пены, мрачные тучи, испещренные зигзагами молний — производило впечатление дикой и зловещей красоты.

Корабль летел теперь горизонтально со скоростью около семисот километров в час, держась на высоте одного километра. Камову приходилось поминутно менять направление, обходя мощные грозовые фронты, которые один за другим возникали на нашем пути.

Через сорок минут такого полета мы были вынуждены пройти сквозь край одного из этих фронтов и смогли воочию убедиться, что таких гроз, как на Венере, никогда не бывает на Земле.

Корабль как будто погрузился в море. Сплошная масса воды закрыла всё кругом. Стало совершенно темно. Молнии сверкали так часто, что сливались друг с другом, но сквозь плотную стену воды казались тусклыми. Гром гремел непрерывно, и в этом грохоте не стало слышно работы нашего двигателя.

К счастью, это продолжалось только одну минуту. Корабль миновал полосу грозы, и она осталась сзади, как мрачная, черная стена.

Я заметил, что высота полета сильно уменьшилась. Нас отделяло от поверхности моря не более трехсот метров.

Взглянув на Камова, я понял, по выражению его лица, что это обстоятельство его беспокоит.

Чужая планета встречала непрошеных гостей не слишком любезно. Тяжелая масса воды, обрушившаяся на корабль, заставила его потерять целых семьсот метров высоты. Если бы мы не миновали грозовой фронт так быстро, то легко могли оказаться в море.

— Сергей Александрович! — спросил Белопольский. — Не находите ли вы, что оставаться здесь опасно?

— Что же вы предлагаете? — в голосе Камова мне послышались насмешливые ноты.

— Я ничего не предлагаю, — сухо ответил Белопольский. — Я просто спрашиваю.

— Да, конечно, опасно, — ответил Камов, — но покинуть Венеру, не выяснив того, что мы должны выяснить, я не считаю возможным.

Белопольский ничего не ответил. Корабль продолжал полет на той высоте, на которую его сбросила гроза.

Стало немного светлее, видимость улучшилась, и я воспользовался этим, чтобы сделать несколько снимков с океана Венеры.

Что это был океан, а не море, становилось очевидным.

Мы летели уже около двух часов, но нигде не видно было ни малейшего признака берега.

Мое внимание привлекли какие-то красные блики на волнах. Они вспыхивали и гасли внизу, прямо под нами. По сторонам их не было видно. Я хотел обратить на них внимание Камова, но в тот же момент сам догадался, что это такое.

Это был отблеск пламени из дюз корабля.

Схватив аппарат, заряженный цветной пленкой, я зафиксировал этот необычайный и поразительный эффект — отражение земного огня в волнах океана другой планеты.

Впереди по курсу опять возникла широкая черная полоса. Грозовой фронт был так огромен, что обойти его было невозможно. Неужели Камов решится подвергнуться тому же риску? Но, нет! Корабль резко пошел вверх. Через минуту мы снова летели в молочно-белом тумане. Гроза во всей своей неистовой ярости осталась внизу.

— Поразительная картина! — сказал Пайчадзе. — Планета полна юных, не растраченных сил. Такие мощные грозы были на Земле в пору молодости, много миллионов лет назад. Теперь я верю, — на Венере будут живые существа.

Мы давно уже сняли шлемы, а атмосферный двигатель работал относительно тихо, так что разговаривать было вполне возможно.

— Только будут? — спросил я.

В глубине сознания я всё еще надеялся, что мы найдем жизнь уже теперь, а Арсен Георгиевич говорил о далеком будущем.

— Вам хочется, чтобы на прекрасной планете жизнь уже существовала? — спросил он. — Готов сделать уступку. Возможно, в водах океана появились простейшие организмы. Через миллионы лет из них разовьются разнообразные формы животного мира.

— Почему простейшие? — не сдавался я. — Может быть, уже появились какие-нибудь ихтиозавры или бронтозавры.

— Ищите! — сказал он. — Поймайте их в объектив аппарата.

— Я постараюсь это сделать, как только Сергей Александрович опустится.

Между тем Камов несколько раз опускался и снова набирал высоту, убедившись, что мы еще не миновали грозу. Так прошло полтора часа. Наконец, мы снова увидели поверхность планеты. Под нами по-прежнему был океан.

Полоса грозы, которую мы миновали, имела больше тысячи километров ширины и, очевидно, захватывала гигантскую площадь. Стало ясно, что грозы — обычное и повсеместное явление на Венере. Близость к Солнцу вызывала сильное испарение воды, и, скапливаясь в тучах, она низвергалась обратно чудовищными ливнями.

Но имеет ли расстилающийся под нами океан где-нибудь конец или он покрывает всю поверхность планеты?

— Материки или острова должны быть, — заметил Белопольский. — На планете, безусловно, есть растительность, иначе наличие свободного кислорода объяснить нельзя. Мы обязательно увидим сушу.

Часы шли за часами, но океан был всё тот же. Корабль летел то в одну, то в другую сторону, поднимался вверх и опять опускался. Камов маневрировал, стараясь не попасть под многочисленные ливни, страшную силу которых мы уже испытали.

Я пристально вглядывался в пенистую поверхность океана в надежде заметить в бинокль хоть малейший признак жизни, но тщетно. И вода, и воздух были пустынны.

Поставив на аппарат самый сильный из моих объективов, я фотографировал океан Венеры десятки раз. Быть может, то, что ускользнуло от моих глаз, будет обнаружено на снимке.

Мы оставили позади около пяти тысяч километров, когда на исходе восьмого часа полета корабль пролетел, наконец, над береговой полосой.

Вода сменилась лесом.

Он был так же бесконечен, как и океан. Густой растительный ковер простирался во все стороны до самого горизонта. Но он был не зеленый, как на Земле, а оранжево-красный.

Научное предвидение пулковского астронома Г. А. Тихова блестяще оправдалось. В 1945 году он высказал предположение, что

вследствие жаркого климата растения Венеры, если они существуют, должны отражать оранжевые и красные лучи Солнца, несущие излишний для них запас тепловой энергии. По противоположной причине растения Марса должны быть голубоватого цвета. Очень скоро мы сможем убедиться, так ли это.

Камов опустился еще ниже.

Мы видели громадные деревья. Они стояли так плотно, что разглядеть, что творится под ними, было совершенно невозможно при скорости корабля в двести метров в секунду.

Я включил киноаппарат на максимальную скорость съемки и направил его объектив вертикально вниз. Кроме того, я сделал около сотни снимков с самой короткой экспозицией, которую только позволял затвор аппарата. Больше ничего нельзя было сделать. Камов не мог уменьшить скорость без риска врезаться в «землю».

— Жаль, что мы не опустимся на поверхность Венеры, — сказал я.

— Где? — коротко спросил Сергей Александрович.

Действительно, опуститься было негде. Плотная стена леса не имела ни одного просвета, ни одной поляны. Это был девственный лес, какие, вероятно, росли и на Земле в каменноугольный период. Какие породы росли в нем? Похожи ли они на земные? Я надеялся, что мои снимки помогут выяснить это.

На исходе девятого часа мы увидели огромную реку. Она текла между покрытыми сплошным лесом берегами и, очевидно, впадала в океан, над которым мы недавно летели.

Камов повернул вдоль ее русла и, пользуясь тем, что грозы дали нам передышку, опустился на высоту не более ста метров.

Пайчадзе присоединился ко мне, и мы вдвоем стали фотографировать близкий берег. Если на планете есть какие-нибудь представители животного мира, то они должны быть здесь.

Река имела ширину около четырех километров, и на ее зеркально гладкой поверхности плыли многочисленные деревья, очевидно, вырванные бурями. Вначале я часто принимал их за плывущих животных, но каждый раз убеждался, что ошибся.

В водах реки отчетливо отражался весь наш крылатый корабль с ярко-красным огненным хвостом за кормой.

Иногда мы замечали притоки, вытекавшие из-под лесного массива, но они были не широки. Только раз попалась река шириной около километра. Никаких признаков жизни мы не видели.

— Очевидно, на Венере жизнь только растительная, — сказал Арсен Георгиевич.

— Но, может быть, там... — сказал я, — в глубине леса?..

Пайчадзе покачал головой.

— Этот вопрос, — сказал он, — будет разрешен следующей экспедицией, которая будет организована для обследования Венеры. Но сейчас мы можем утверждать: животной жизни еще нет на планете.

— Как ни жаль, но, по-видимому, это так, — отозвался Белопольский.

Что я мог возразить обоим ученым, авторитет которых был для меня непоколебим?

Река постепенно суживалась. Вскоре мы увидели, что подлетаем к высокому горному хребту. Его вершины уходили в облака, и по

радиопрожектору мы определили, что высота гор достигает семи километров. Как выглядят эти вершины, осталось тайной. Корабль перелетел их на высоте десяти километров.

Перелет через хребет доставил нам неожиданное и поразительно красивое зрелище. Уже привычный молочно-белый туман вдруг исчез. Мы оказались между двумя вершинами облачных масс. Над кораблем раскинулось темно-синее небо и на нем ослепительно яркое солнце, значительно большее, чем на Земле. Нестерпимым блеском сверкали вокруг и под нами белоснежные облака.

Мы все четверо невольно вскрикнули от восторга, но изумительная по красоте картина исчезла так же быстро, как и появилась. Корабль снова влетел в облако. Опять за стеклами окон заклубился туман. Мы стали опускаться вниз.

Горы остались далеко позади. Под нами опять был океан.

Корабль пролетел расстояние почти в восемь тысяч километров, когда мы заметили, что становится всё темнее и темнее. Очевидно, кончалась та половина Венеры, на которой был день, и мы летели в область ночи.

Камов обратился к обоим астрономам.

— Как обстоит дело с вашей программой? — спросил он.

— Выполнена.

— Пробы воздуха?

— Взяты четыре.

Действительно, мы увозили с собой воздух Венеры.

В стенки корабля были вмонтированы небольшие герметически закрытые ящики, сделанные из платины. Еще на Земле в них был создан полный вакуум. С помощью электрического тока можно было открыть маленькое отверстие и снова закрыть его. Четыре из этих ящичков были наполнены воздухом Венеры. На Земле этот воздух будет подвергнут анализу.

— Как у вас, Борис Николаевич? — спросил Камов.

— Сделано около трехсот снимков, не считая кинопленки.

Минуты две Камов молчал. Потом дрогнувшим голосом негромко произнес:

— Корабль оставляет Венеру!

Как быстро пролетели эти незабываемые часы!.. Я бросил последний взгляд на покидаемую планету.

Ты сурова, прекрасная «сестра Земли»! Твои грозы страшны! Но жизнь появилась!..

Пройдут тысячелетия, пройдут, быть может, миллионы лет, и всепобеждающая сила этой жизни наполнит твои леса, воды и воздух неведомыми сейчас существами.

Сквозь долгие века медленный путь эволюции приведет к появлению могучего разума. В какой форме проявится он?..

И тогда под горячими лучами твоего солнца начнется твоя история.

Я хочу верить, что она будет менее мучительна, менее кровава, чем на твоей далекой сестре.

Если когда-нибудь на тебе появится существо, подобное человеку, я от всего сердца желаю ему жить счастливо на его прекрасной родине!

Человек Земли посетил тебя и не раз посетит в будущем. Как старший брат, он поможет твоим детям добиться этого счастья!..

Прощай, Венера!..

Камов остановил работающий двигатель и включил другие.

Мощный гул раздался за кормой. Убрав крылья, космический корабль с нарастающей скоростью устремился вверх.

Встреча

8 ноября 19..года.

Почти два месяца я не касался своего дневника. За это время не случилось ничего, достойного особого внимания. Жизнь на корабле шла спокойным размеренным темпом.

После отлета с Венеры мы долгое время находились под впечатлением всего увиденного. Ее мощные силы, первобытная ярость стихий, величавый покой природы заставили поверить в прекрасное будущее этой планеты.

Покинув Венеру, мы долгие часы оживленно и как-то радостно говорили о ней, обсуждали всё виденное и даже немного фантазировали.

У меня осталось горячее желание посетить еще раз «сестру Земли», промелькнувшую перед окнами корабля, как незабываемый сон.

Удаляясь от нее, мы испытывали грустное чувство расставания с чем-то, ставшим уже близким и любимым, и долгие часы не могли отойти от окон.

Снова мы видели белоснежную красавицу на фоне черного занавеса, усеянного бесчисленными светящимися точками.

Но не было загадочной тайны: мы знали, что скрывается под облачным покровом, и скоро, очень скоро всё человечество Земли будет знать это...

В момент нашего отлета с Венеры ее расстояние от Марса равнялось по прямой линии тремстам семидесяти миллионам километров, но Марс движется по орбите навстречу нам, и кораблю надо одолеть только двести пятьдесят миллионов километров, чтобы встретиться с ним. На это требуется две тысячи пятьсот часов, или сто четыре дня. Пятьдесят четыре из них уже прошли.

Как я уже писал, никаких особых событий не произошло. Зато вчерашний день — 7 ноября — никогда не изгладится из памяти. В этот день, который мы привыкли считать самым большим праздником, произошло событие, которое, по словам Пайчадзе, могло случиться раз в тысячелетие.

День начался необычно: впервые за весь перелет Пайчадзе и Белопольский отдыхали одновременно. Многочисленные астрономические инструменты казались покинутыми и сиротливо печальными. Обсерватория была непривычно пустынна.

Я дежурил у пульта в полном одиночестве, так как Камов занялся проверкой каких-то вычислений и находился в каюте.

Ничем невозмутимая, «мертвая» тишина царила на корабле. Только равномерное тиканье часов, вделанных в пульт управления, нарушало безмолвие. Как и все часы на звездолете, они показывали московское время.

Было 6 часов утра.

Мне стало очень грустно. Я вспомнил своих друзей и товарищей, находящихся сейчас так невообразимо далеко, вспомнил, с каким волнением просыпался всегда в это утро, как спешил на улицу, чтобы не опоздать к началу парада. Впервые в жизни я встречаю праздник не только не в Москве, но даже за пределами Земли, за десятки миллионов километров от нее. И всё же я на Родине. Этот корабль, построенный руками советских людей, несущийся сейчас с невообразимой быстротой в темных просторах неба, — неотделимая частица Советского Союза. Где бы он ни находился, мы дышим воздухом Родины...

Мои мысли были прерваны приходом Камова и Белопольского. Поздравив с наступающим праздником, Сергей Александрович попросил меня разбудить Пайчадзе.

Уже за дверью я услышал, как Камов сказал:

— Проверим еще раз.

— Всё верно, Сергей Александрович, — ответил Белопольский. — Ровно в две минуты восьмого.

Пайчадзе крепко спал в своей сетке, и мне стало жаль прерывать его сон.

Но просьба командира корабля — это приказ. Я слегка дотронулся до плеча Арсена Георгиевича. Он сразу открыл глаза.

— Извините! — сказал я. — Сергей Александрович просит вас в обсерваторию.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Как будто ничего.

— Где Белопольский?

— В обсерватории.

Тревога Пайчадзе была законна. Еще не было случая, чтобы у нас на корабле нарушали чей-нибудь отдых. Ни мне, ни моему товарищу не приходило в голову, какой замечательный сюрприз приготовили для нас наши друзья.

— Поздравляю вас с праздником! — сказал я.

Когда мы один за другим проникли сквозь круглую дверь обсерватории, Камов и Белопольский находились у пульта. Перед ними

висели в воздухе банки и несколько сосудов, очевидно для завтрака. Обычно он происходил в девять часов. Ничего тревожного не было в выражении их лиц. Оба встретили нас поздравлениями.

— Что случилось, Сергей Александрович? — спросил Пайчадзе.

— Праздник, — ответил Камов. — Я предлагаю выпить коньяку в честь годовщины Октябрьской революции.

Меня поразили эти слова и тон, которым они были сказаны. Как это не похоже на Сергея Александровича! Разбудить человека на два часа раньше положенного времени, как будто нельзя было отметить праздничный день немного позже. Что с ним случилось?!

Пайчадзе был тоже удивлен не меньше меня.

— Значит, — сказал он, — ничего страшного нет? А я испугался, когда Борис Николаевич разбудил меня.

— Осталось три минуты, — вместо ответа сказал Камов. — Быстрее, Константин Евгеньевич! — обратился он к Белопольскому, открывавшему бутылку с коньяком.

Опять что-то непонятное! Я вспомнил услышанные слова: «Ровно в две минуты восьмого» — и невольно взглянул на часы. Было без одной минуты семь. Что же должно произойти?

Белопольский протянул бутылку Камову.

— Друзья! — сказал Сергей Александрович. — Извините, но придется пить из одной бутылки, по очереди. Как вы знаете, на нашем корабле вин почти нет. Только для экстренных случаев. Мы сделаем по два-три глотка в тот знаменательный момент, который уже наступает. Через полминуты наш корабль пересечет орбиту Земли.

Пайчадзе и я невольно вскрикнули от неожиданности.

— Этот сам по себе замечательный для нас момент совпал с днем нашего великого праздника, — продолжал Камов. — Вот причина того, что мы собрались в неурочный час. Выпьем же, мои дорогие друзья, за успешное окончание первого большого космического рейса!

Бесшумно и стремительно несется в пространство советский звездолет. Каждую секунду остается позади двадцать восемь с половиной километров пути. Невидимая и неосязаемая «дорога Земли» промелькнула, как молния, но зоркий глаз нашего командира увидел ее, а сердце советского человека подсказало замечательную мысль —

отпраздновать великий праздник именно в этой точке. Сюрприз был большой и радостный. И я и Пайчадзе горячо благодарили Камова.

— Поблагодарите также и Константина Евгеньевича. Он помог мне точно рассчитать момент и скрыть его от вас, чтобы сюрприз был приятнее.

— Теперь понимаю, — сказал Пайчадзе, — почему так туманно ответили мне, когда я спрашивал, в какой момент мы достигнем орбиты Земли. Признаюсь, я подумал, что вы равнодушны.

Камов засмеялся.

— Я еще на Земле знал, — что мы пересечем ее орбиту именно седьмого ноября, и хотел пока скрыть это от вас всех, но Константин Евгеньевич, между делом, сам вычислил всё и «обрадовал» меня своим открытием. Пришлось готовить сюрприз вдвоем и скрывать от вас двоих такое замечательное совпадение.

— Как странно, — сказал я, — что мы находимся далеко от Земли и всё-таки чувствуем себя как бы на ней.

— Мне не совсем понятна ваша мысль, — сказал Камов.

— Мне тоже она не понятна, — засмеялся я, — но, тем не менее, мне кажется это странным.

— А мне, — сказал Белопольский, — это кажется вполне нормальным. Люди всегда жили только на Земле. Сознание ее постоянного присутствия так глубоко вкоренилось в нас, что очень трудно за короткий срок отвыкнуть от мысли, что она тут, под нами. Это не мысль, — повернулся он к Камову, — а скорей ощущение.

— Во всяком случае, — ответил Камов, — у меня такого ощущения нет.

— У меня тоже, — сказал Пайчадзе.

— Это потому, что вы покинули Землю не в первый раз. Но мне представляется несомненным, что во время полета на Луну такое ощущение у вас было.

Камов отрицательно покачал головой.

— Я не помню, чтобы у меня оно было, — сказал он. — Впрочем, во время этого полета нам некогда было заниматься анализом наших ощущений. Он был слишком коротким.

— Кстати, — сказал я, — вы никогда не рассказывали нам о полете на Луну.

— И я, и Арсен Георгиевич, — ответил Камов, — рассказали всё на страницах газет и журналов. Я думал, что вы читали об этом полете.

— Конечно, читал, — сказал я. — Но, может быть, вы могли бы рассказать что-нибудь, о чем не писали раньше?

— Мы всё рассказали, — сказал Пайчадзе.

Камов посмотрел на него и усмехнулся.

— Откровенно говоря, — сказал он, — мы утаили один эпизод.

— Расскажите! — попросил я.

— Не стоит, — сказал Пайчадзе. — Ничего интересного.

— Разрешите нам судить об этом.

— С удовольствием расскажу, — сказал Камов. — Арсен Георгиевич скромничает. Когда мы опустились на поверхность Луны, то были вынуждены выходить из корабля, чтобы собрать образцы лунных пород. Эти выходы мы делали по очереди, так как выйти вдвоем было очень рискованно.

— Почему? — спросил я.

— Потому что на Луне нет атмосферы.

— Всё-таки не понимаю. Я читал, что вы были одеты в костюмы вроде водолазных.

— Не в том дело, — ответил Камов, — отсутствие на Луне атмосферы опасно в другом смысле. Вы знаете, что Земля ежедневно встречает на своем пути множество мелких тел. Только в редких случаях эти частицы вещества достигают ее поверхности. Обычно они сгорают на значительной высоте благодаря трению о воздух. Мы часто наблюдаем это явление и неправильно называем его «падающими звездами». Таким образом, земная атмосфера надежно защищает нас от этой ежедневной бомбардировки. На Луне нет такой защиты, и тысячи камней различных размеров с огромной скоростью, в десятки раз быстрее полета пули, непрерывно падают на лунную почву. Это делает лунные прогулки очень опасными. Каждый такой камешек несет смерть.

— И вы всё-таки выходили?

— Вернее, выбегали. Не могли же мы вернуться на Землю с пустыми руками. Так вот, во время одного такого выхода крохотный кусочек метеорита ударил меня в голову. Он пробил стальной шлем и застрял в кости черепа. Я упал, потеряв сознание. Как ни мало было пробитое отверстие, но через него стал выходить воздух, и через минуту я был бы мертв, если бы не Арсен Георгиевич. Правда, он был одет в «лунный» костюм, но всё же я никак не могу понять, как он успел с такой быстротой оказаться возле меня Я очнулся уже на корабле.

— Вы упали метрах в сорока от двери, — сказал Пайчадзе. — На Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле. Я был около вас в пять прыжков. Сразу зажал отверстие. Оно было ясно видно.

— И могли сами погибнуть вместе со мной.

— Странное рассуждение! — сказал Пайчадзе. — Не мог я не пытаться спасти вас. Был бы убийцей.

— Больше того, — сказал Камов. — Когда он перенес меня на корабль, я долго не приходил в сознание. Время пребывания на Луне истекало. Арсен Георгиевич один закончил сбор образцов. Он несколько раз выходил из корабля, рискуя жизнью.

— А вы бы не сделали так?

— Положим, сделал бы, — рассмеялся Камов. — Но всё же ваше поведение было неблагоразумно.

Даже Белопольский не мог не улыбнуться на эту фразу.

— Я нигде не читал о том, что вы были ранены на Луне, — сказал я. — Почему вы умолчали об этом?

— Из осторожности! — ответил Камов. — Мы боялись, что, если этот случай станет известным, нам не разрешат третьего космического рейса.

— Не думаю, — сказал Белопольский. — Мало ли что может случиться. Это не причина прекращать исследование вселенной.

— Арсен Георгиевич просил меня не рассказывать об этом в печати.

— Во всяком случае, это геройский подвиг, — сказал я.

— Еще что! — рассердился Пайчадзе. — Не говорите глупостей.

Мы долго не расходились в это утро (утро, конечно, только по часам), делясь воспоминаниями, говоря о будущем развитии звездоплавания и о нашем полете. Астрономические наблюдения, до этого дня не прекращавшиеся на корабле ни на одну минуту, были как будто забыты.

Но прошло часа три, и всё вошло в обычные рамки. Белопольский и Пайчадзе занялись наблюдениями. Камов принял дежурство у пульта.

Праздник закончился.

Но судьба захотела, чтобы этот день ознаменовался еще одним событием.

Произошла встреча, которая чуть не погубила наш корабль, но доставила большую радость нашим ученым товарищам.

— Осуществилась мечта астрономов Земли, — сказал Пайчадзе, когда всё уже кончилось. — На такое счастье даже в мыслях не смели рассчитывать. Теперь я самый счастливый астроном.

— Я тоже! — отозвался Белопольский. На его всегда хмуром лице сияла улыбка, а голос звучал непривычно мягко. — Теперь мне уже нечего желать. Кроме Марса, разумеется, — прибавил он.

Для меня это событие было исключительно интересно. Моя коллекция снимков обогатилась изумительными, уникальными кадрами. Благодаря тому, что я всегда держал мои аппараты в полной боевой готовности, мне удалось заснять всю эту необычайную, почти фантастическую встречу от начала до конца.

— Не будь вас, — сказал Камов, — мы, вероятно, не успели бы сделать ни одного снимка. Это было бы большим ущербом для науки. Помните, вы сомневались, оправдает ли ваша работа участие в полете? Одним только сегодняшним днем ваше присутствие на корабле оправдано.

Едва не ставшая роковой, встреча произошла в двадцать один час пятнадцать минут. Я только что собрался удалиться в каюту на отдых, когда неожиданно сработал автомат радиопрожектора. Дробный звон наполнил звездолет, и сердце невольно сжалось от сознания близости внезапно возникшей неведомой опасности.

С самого отлета с Земли еще ни разу не раздавался на нашем корабле грозный сигнал.

Стремительно пролетел мимо меня Камов и кинулся к пульту.

Я не бросился за ним, а остался там, где меня застала тревога. Пайчадзе, находившийся в этот момент у окна, застыл на месте, не спуская глаз с командира. Мое тело напряглось в ожидании команды, в готовности немедленно выполнить ее, какова бы она ни была.

Но никакой команды не последовало.

Корабль неожиданно вздрогнул, и меня с силой ударило о стену. Страшный грохот тугой волной ударил в уши. Мысль о катастрофе мелькнула на короткую секунду, а в следующую я уже понял, что случилось: Камов без предупреждения включил в работу один из двигателей. Впервые я услышал эту работу без шлема...

К счастью для нас, этот чудовищный грохот продолжался не более пяти секунд. Снова настала тишина, и я почувствовал себя свободным от неожиданной тяжести. У меня кружилась голова и сильно звенело в ушах. Я видел у пульта сосредоточенно-серьезное, но спокойное лицо Камова и понял, что неведомая опасность миновала.

— К левым окнам! — крикнул Сергей Александрович. — Мельников, к съемке! — И прильнул к перископу.

Я бросился к киноаппарату, вмонтированному в левую стенку корабля, и, еще ничего не понимая, молниеносно открыл объектив и включил ленту. Затем с лихорадочной быстротой схватил переносную камеру и открыл «свое» окно.

Сначала я ничего не увидел. Как всегда, темная бездна была усеяна бесчисленными точками немигающих звезд. Всё было, как всегда.

Но вот, впереди нас, из-за борта корабля начала выступать ярко освещенная изломанная линия края какого-то исполинского предмета. Он быстро увеличивался в размерах, вырастая на глазах, и, казалось, со страшной быстротой несся прямо на корабль.

Я видел причудливые нагромождения скал, острые выступы, глубокие черные трещины — сверкающую в лучах солнца колоссальную гору, готовую раздавить маленький звездолет, который бесстрашно мчался ей навстречу.

Момент — и бесформенная глыба поравнялась с окнами корабля, закрыв собой всё видимое пространство. До нее было так близко, что, казалось, стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до светло-серой поверхности, по которой, прыгая на выступающие скалы и проваливаясь в глубокие ущелья, с молниеносной быстротой промчалась тень нашего корабля.

Показался неровный, ломаный край, и вся масса как бы растаяла в пространстве позади нас. Видение исчезло с непостижимой быстротой. Снова спокойно сверкала звездная глубина мира. Необъятная пустота вновь распахнулась вокруг корабля, и казалось, что и не было никогда уродливого обломка, промчавшегося мимо и едва не прекратившего наш космический рейс.

Всё заняло не больше двадцати секунд.

Ошеломленный и даже, пожалуй, немного испуганный, я машинально перестал

вертеть ручку и остановил автомат. Снимать больше было нечего.

Камов глубоко вздохнул. Его лицо было очень бледно. Он вынул платок и усталым движением вытер лоб.

— Что это было? — тихо спросил я Арсена Георгиевича.

— Астероид, — ответил Пайчадзе. — Одна из карликовых планеток, неизвестная земным астрономам.

— Мы первые увидели ее и... так близко, — сказал Белопольский.

— На подобную встречу был один шанс из миллионов, — сказал Камов, — но я никогда не прощу себе моего самоуверенного заявления, что она невозможна.

— Зачем так говорить? — сказал Пайчадзе. — Опасаться встречи с астероидом надо за орбитой Марса. Там их главный пояс. Вблизи орбиты Земли они редки. То, что произошло сейчас, совершенно исключительный, редчайший случай.

— Но этот редчайший случай мог стоить вам жизни, — сказал Камов.

— И вам также, — сказал Белопольский. — Предупредить подобное столкновение современная техника еще не в состоянии. Если бы оно произошло, то никто не был бы виноват.

Камов молчал несколько секунд.

— Вы, конечно, правы, — сказал он. — Я виню себя только в том, что говорил о невозможности встречи. Это полезный урок и не только нам, но и всем звездоплавателям будущего. Кто дежурит у пульта?

— Я, — ответил Белопольский.

— Продолжайте дежурство!

И с этими словами Камов покинул обсерваторию.

— Вы собирались отдохнуть? — обратился ко мне Пайчадзе, когда за командиром корабля закрылась дверь. — Идем вместе. На сегодня хватит. Ничего более интересного произойти не может.

Войдя в каюту, мы удобно расположились в своих сетках по обе стороны круглого окна.

— Я всё думаю о фразе Константина Евгеньевича, — сказал я. — Помните, он сказал, что современная техника не в состоянии предотвратить подобное столкновение... Но разве невозможно соединить радиопрожектор с каким-нибудь автоматом, который бы изменил

полет корабля в случае появления препятствия, снабдить корабль подобием автопилота?

— Такого прибора нет, — ответил Пайчадзе. — Что возможно на самолете, — невозможно на космическом корабле. Не забывайте, — мы летим по инерции. Двигатели не работают. Чтобы изменить направление полета, надо включить их. Предварительно рассчитать, — столкнется появившееся тело с кораблем или нет, в какую сторону надо повернуть корабль, — никакой автомат не может. Пока не может, — прибавил он. — В будущем такой аппарат будет.

— Об этом я не подумал. Остается радоваться, что случай благоприятствовал нам.

— «Случай»! — повторил Пайчадзе. — У нашего командира верный глаз, твердая рука. В момент встречи я наблюдал один объект прямо впереди и, когда появилась эта маленькая планетка, заметил ее сразу после сигнала тревоги. Она находилась правее и выше линии нашего полета. Было неизбежно столкновение. Ее траектория пересекала путь корабля. Любой на месте Камова свернул бы в сторону, но Сергей только затормозил корабль, настолько, чтобы пропустить планету перед носом звездолета. Нужен безошибочный глазомер и большое хладнокровие, чтобы решиться на такой маневр. Учтите, — у него не было ни одной секунды на размышление.

Арсен Георгиевич говорил внешне спокойно, но я обратил внимание, что он назвал Камова по имени. Это бывало только тогда, когда Пайчадзе был сильно взволнован.

— На каком расстоянии от планеты мы пролетели?

— Не больше шестисот метров.

Только сейчас я понял всю величину опасности, которой избежал наш корабль.

— При таком маленьком расстоянии планета могла притянуть нас к себе, — сказал я.

— При скорости корабля, — ответил Пайчадзе, — этот крохотный член солнечной системы не мог оказать никакого действия. Корабль не отклонился от своего пути ни на один миллиметр. Даже тело величиной с Луну не повлияет заметно на звездолет, летящий со

скоростью двадцати восьми километров в секунду. А такая крошка и подавно.

— Хороша, крошка! — сказал я, вспомнив исполинскую глыбу.

Пайчадзе засмеялся.

— В астрономии, — сказал он, — Земля считается маленькой планетой. Астероид диаметром не больше, тридцати километров — совсем пылинка. Но как ни мала эта планетка, меня удивляет, что она еще не открыта, Ее орбита близка к орбите Земли.

— На ней не написано название, — сказал я. — Может быть, это одна из тех, которые известны на Земле.

Я спохватился, когда увидел, как сдвинулись брови Пайчадзе, но было поздно. Фраза уже вылетела.

— Извините, Арсен Георгиевич! — поспешил я сказать. — Я пошутил. Признаюсь, что шутка неудачна.

— Пояс астероидов, — сказал он, словно не слыша моих слов, — расположен между орбитами Марса и Юпитера. Есть предположение, — там когда-то находилась большая планета, но по неизвестным причинам раскололась на части. Малые планеты — обломки одной большой. Сегодня мы видели такую планету с близкого расстояния и могли убедиться, что это обломок, а не самостоятельно образовавшееся тело. В этом случае оно бы имело шаровидную форму. Теория образования астероидов как обломков большой планеты подтверждается. Это очень важный результат сегодняшней встречи. Как я сказал, — пояс астероидов расположен между орбитами Марса и Юпитера, но есть астероиды, которые выходят за эти пределы. В настоящее время известны орбиты трех тысяч пятисот двадцати малых планет. При подготовке экспедиции возможность встречи была учтена. Были произведены расчеты местонахождения каждого известного (он подчеркнул это слово) нам астероида, орбиту которого мог пересечь корабль. Ни с одним мы не должны встретиться. Выходит, виденный обломок — малая планета, не известная на Земле.

Он искоса взглянул на меня и улыбнулся обычной ласковой улыбкой.

— Астрономия — точная наука, — сказал он. — Спокойной ночи, Борис Николаевич!

На Марсе

27 декабря 19..года.

Марс!..

Каким далеким и недостижимым казался он там, на Земле!

И вот мы на Марсе!

Марс!..

Хочется без конца повторять это слово!

За окнами корабля раскинулась ночь. Первая ночь для нас за шесть месяцев!

Солнца не видно. Оно зашло за линию горизонта совершенно так же, как это происходит на Земле.

Заход солнца!..

Такое простое, такое знакомое явление показалось нам необычайным и полным таинственного смысла. Небольшое и холодное, в сравнении с нашим, «земным» Солнцем, оно бросило последние лучи на неподвижный звездолет и скрылось... Алмазная россыпь звезд в привычных сочетаниях знакомых с детства созвездий покрыла не поземному темное небо... Песчаная пустыня, заросли голубовато-серых растений и неподвижные воды озера, на берегу которого опустился корабль, погрузились во мрак.

Завтра, с восходом солнца, мы выйдем из звездолета.

Завтра!

Камов приказал нам отдыхать. Арсен Георгиевич спит в гамаке, подвешенном между окном и дверью. Я сижу на своей постели. Сна нет! Возбужденные нервы надо чем-то успокоить.

Дневник — старое, испытанное средство.

Опишу прибытие на Марс...

Наш замечательный звездолет явился в ту точку пространства, где была назначена встреча в точно рассчитанное время.

Приближаясь, мы видели Марс почти прямо впереди себя, ярко освещенный солнцем, и могли день за днем наблюдать его постепенное увеличение. Планета не имела оранжево-красного цвета, какой я привык видеть ее с Земли. Из окон корабля она выглядела оранжево-желтой.

Сначала я предполагал, что причиной этого является скорость нашего корабля, но Пайчадзе объяснил мне, что эта скорость недостаточна, чтобы вызвать заметное укорочение световых волн, даже идущих к нам навстречу.

— Чтобы красный цвет мог показаться желтым, — сказал он, — скорость корабля должна быть в пятьсот раз больше. Тогда длина волны красного цвета укоротится и станет длиной волны желтого; вызовет в глазу соответствующее восприятие. Это может случиться с одиночной спектральной линией, а Марс дает непрерывный спектр.

— Но почему же его цвет так изменился? — спросил я.

— Этот вопрос стоит и передо мной, — ответил он. Вероятно потому, что нет атмосферы за окнами корабля. Когда я найду объяснение — сообщу его вам.

Мы находились в обсерватории вдвоем. Камов и Белопольский отдыхали.

Я пристально вглядывался в маленький, но уже отчетливо очерченный диск планеты.

Крохотный шарик, как мне казалось, заметно для глаз приближался. Что ждет нас там, у конечной цели нашего долгого пути?..

— Как вы думаете, — спросил я, — есть на Марсе разумные существа?

— На такой вопрос можно ответить только одно: наука не занимается гаданием. Никаких признаков разумных существ не замечено.

— А как же каналы?

Он пожал плечами.

— Скиапарелли, открывший на Марсе тонкие прямые линии, назвал их «каналы». По-итальянски это значит: «пролив», не обязательно имеющий искусственное происхождение. Отсюда это недоразумение. Тонкие прямые линии видны с Земли. Мы их фотографируем. Нет оснований считать, что это результат сознательной деятельности. Сейчас, близко от Марса, я этих каналов совсем не вижу.

— Как так?

— Очень просто. Сначала они были видны в телескоп корабля всё ясней и отчетливей. А когда мы приблизились, тонкие линии начали расплываться, стали тускнеть. Потом они совсем исчезли.

— Выходит, что они только обман зрения?

— Скорей не зрения, а расстояния. Но должна быть причина такой иллюзии. Противники Скиапарелли и Лоуелла считали, что каналы — обман зрения, вызванный расстоянием. Возможно, они были правы.

Мне показалось, что Арсену Георгиевичу неприятна эта тема, и я перевел разговор на другое. Может быть, удастся разрешить загадку, когда мы будем на Марсе...

Спуск ничем не отличался от такого же спуска на Венеру. Только не было облаков, которые тогда закрывали от нас поверхность планеты. Атмосфера Марса была чиста и прозрачна.

Так же, как и сто четыре дня тому назад, были включены двигатели для торможения. Экипаж находился, на своих местах — Пайчадзе и Белопольский у приборов, я у своего окна, Камов за пультом.

Марс быстро увеличивался, и казалось, что он стремительно надвигается на корабль. Шаровая поверхность планеты постепенно исчезала из глаз и превращалась в вогнутую, как гигантская чаша... По мере приближения края этой чаши опускались, раздвигаясь всё шире и шире, и, когда корабль был на высоте тысячи километров, скрылись за линией далекого горизонта.

Мы находились над бесконечной равниной. Нигде не замечалось никаких возвышенностей. Ровная желтовато-бурая поверхность с редкими темными пятнами.

— Пустыня! — сказал Камов.

Я испытывал неприятное чувство разочарования.

Почему?.. Чего я ожидал?..

Выводы современной науки не оставляли места иллюзиям. Я это знал... И всё же был глубоко разочарован.

Странно устроен человек! Во всех уголках вселенной ему хочется поселить разумные существа, похожие на него самого...

Потерпев неудачу с Венерой, я перенес свои ожидания на Марс. Населенность планеты казалась мне несомненной. В памяти вставали все существа — от уродливых пауков Уэллса до высоко развитых обитателей Марса Алексея Толстого, — все образы, которыми населило

эту загадочную «красную планету» воображение многочисленных авторов фантастических романов.

И вот корабль, расправив широкие крылья, летит над мертвой унылой пустыней...

Какой контраст с Венерой!

Там, на «сестре Земли», несутся высокие валы океана. Грозовые тучи обрушиваются вниз могучими потоками ливней. Ослепительные молнии бороздят небо. Гигантские леса, высокие горы и жизнь... жизнь... еще бессознательная, слепая, но с юной силой пробивающая себе путь в будущее. А здесь?..

Корабль опустился на высоту одного километра, и в бинокль хорошо были видны все подробности. Песок... песок... и изредка голубовато-серые пятна каких-то растений.

Мы летели в сторону, обратную вращению планеты, то есть на запад, со скоростью шестисот километров в час. Характер местности постепенно менялся. Всё чаще появлялись обширные пятна растительности. Почва постепенно опускалась, и вскоре мы оказались на высоте около трех километров.

Песчаная пустыня исчезла. Под нами был сплошной ковер неведомых растений. Ни одного дерева, ни одного крупного куста.

Неожиданно блеснуло небольшое озеро. Потом они стали попадаться всё чаще. Неужели мы летим к морю?.. Но, нет! Через два часа снова начался подъем почвы, и мы опять увидели уже знакомую песчаную пустыню.

— Сергей Александрович! — сказал Белопольский. — По-моему, надо вернуться и опустить корабль где-нибудь в районе озер.

— Посмотрим, что будет дальше. Мы видели только незначительную часть местности. Такие впадины должны еще встретиться.

Слова нашего капитана оправдались только через четыре часа. Всё это время мы видели одну и ту же картину — бесконечную унылую пустыню. По-видимому, на Марсе совершенно не было ни гор, ни даже холмов. Виденная нами впадина имела настолько незначительную глубину при ширине более тысячи километров, что никак не могла изменить впечатление, что поверхность планеты гладкая, как биллиардный шар. Возможно, что в давно прошедшие времена на

Марсе были горы, но неустанная работа ветров и дождей, которые тоже могли быть, когда-то сгладила и выровняла их так, что к настоящему времени не осталось ни малейшего следа былых возвышенностей.

Солнце медленно опускалось к горизонту. Скоро наступит ночь. Первая ночь для нас за шесть месяцев. Ночь на чужой планете...

Чужой? Но кому же принадлежит она?..

Ни малейших признаков живых существ мы не видели.

Но, может быть, там, где низко по «земле» стелются еще незнакомые нам растения, таится от наших глаз жизнь обитателей Марса. Это мы узнаем, когда корабль будет на поверхности.

— Мы должны опуститься до наступления ночи, — сказал Камов.

На исходе седьмого часа полета появились признаки близости новой впадины. Всё больше и больше попадалось растительных оазисов на желто-буром фоне пустыни. Потом местность стала понижаться, появились озера.

Солнце стояло уже совсем низко над горизонтом, когда Камов принял решение прекратить полет.

Скорость стала замедляться. Корабль описывал широкие круги над выбранным местом, постепенно опускаясь всё ниже и ниже. Гул двигателей становился всё тише. Почувствовалось содрогание корпуса.

Наступила решительная и самая опасная минута полета. Звездолет весом в десятки тонн, на малой скорости, с трудом держался в разреженной атмосфере Марса. Каждую секунду он мог рухнуть вниз.

Камов не отрывал глаз от перископа. Его руки уверенно оперировали рукоятками и кнопками пульта.

Вот мы уже в пятидесяти метрах от поверхности.

Внезапно скорость увеличилась. Притяжение планеты преодолело инерцию полета. Планируя на крыльях, корабль плавно пошел вниз. Двигатели прекратили работу.

Раздался скрежещущий звук.

За стеклами окон заклубились тучи песчаной пыли, и космический корабль, пролетевший более четырехсот сорока миллионов километров межпланетного пространства, остановился.

Мы достигли цели. Мы на Марсе!..

В едином порыве мы все бросились друг к другу и горячо обнялись.

— Сергей Александрович! — спросил Пайчадзе. — Когда вы думаете выйти из звездолета?

— Только с наступлением утра, — ответил Камов.

— На какой широте мы находимся?

— Примерно на экваторе.

Значит, ночь продлится целых двенадцать часов[7].

Как ни трудно было ожидать так долго, но никому из нас не пришло в голову спорить с нашим командиром. Все понимали, что им руководит чувство ответственности за нас и за судьбу всей экспедиции. Кто знает, что ожидает нас за стенками корабля, на чужой земле? Быть может, под низкими растениями ползают неведомые звери — ящеры или другие неизвестные на нашей планете пресмыкающиеся. Выходить из корабля в темную, таящую опастности ночь было неразумно.

А она уже наступила. Быстро, как бывает в тропиках, день сменился ночью.

— Доказательство, что мы действительно находимся недалеко от экватора, — сказал Пайчадзе.

— Лучше всего, — сказал Камов, — разойтись по каютам и отдохнуть до утра. Завтра предстоит нелегкий труд. Правда, сила тяжести на Марсе меньше, чем на Земле, физическая работа будет легче, но мы все успели уже отвыкнуть от нее.

Я направился за Пайчадзе в нашу каюту. Движения были легки, и во всех членах тела чувствовалась какая-то необычайная сила. Причиной этой иллюзии было слабое притяжение Марса. Передвигаться по кораблю было очень неудобно. Его переходы и небольшие круглые люки-двери не были приспособлены для «весомых» условий.

В каюте только шкаф занимал, относительно нас, естественное, «земное» положение. Глядя на стол, прикрепленный ножками к боковой стене, трудно было поверить, что совсем недавно я сидел за ним с полным комфортом. Наши постели-сетки, в которых было так

[7] Сутки на Марсе только на тридцать семь с половиной минут длиннее, чем на Земле.

удобно и мягко спать, висели по сторонам окна, недосягаемые и бесполезные для нас, ставшие такими тяжелыми и неповоротливыми. Вместо них в каюте висели два гамака, в которые мы забрались не без труда, посмеиваясь друг над другом.

Арсен Георгиевич решительно отказался от разговора и, улегшись поудобнее, тотчас же закрыл глаза.

Сейчас он крепко спит, а я кончаю свою запись. Она получилась очень короткой, но всё основное записано.

Завтра примемся за работу. Программа составлена еще на Земле и имеет три варианта, в зависимости от того, что мы найдем на этой планете. Боюсь, что придется сократить даже самый последний вариант, рассчитанный на тот случай, если Марс окажется совершенно необитаемым. Судя по тому, что мы видели из окон корабля, планета — сплошная пустыня. Собрать образцы растений недолго. Завтрашний день будет посвящен подготовке, а затем мы совершим четыре экскурсии с целью исследования местности в радиусе ста километров от стоянки звездолета. Первую совершат Камов и Пайчадзе, а следующие — Белопольский и я. Такой порядок был установлен потому, что на корабле всегда должен оставаться Камов или Белопольский, а также кто-нибудь из наших астрономов на случай, если участники экскурсии погибнут. Корабль при всех обстоятельствах должен вернуться на Землю.

Это наш долг перед наукой!

Две трети нашего пути прошли благополучно. Будем надеяться, что и последняя треть пройдет так же!

Во мраке ночи

10 июля 19..года звездолет Чарльза Хепгуда, готовый к старту, стоял на специально построенной для него площадке в центре обширного поля, выбранного Хепгудом для ракетодрома.

В последние дни перед стартом американская печать подняла большой шум вокруг полета на Марс. Хепгуд с трудом спасался от бесчисленных корреспондентов.

Бейсон в своих многочисленных статьях, посвященных полету, всю честь предоставлял одному Хепгуду, и честолюбивый конструктор испытывал к нему за это большую симпатию. Он только посмеивался над Ральфом, который с присущим ему апломбом не стеснялся писать о науке звездоплавания, пичкая читателей таким вздором, что Хепгуд с недоумением пожимал плечами, не понимая, как могли редакторы пропускать такую чушь.

— Наш полет сейчас в моде, — говорил Бейсон в ответ на насмешки инженера. — Почему вы сами не пишете? Публика хочет читать о звездоплавании.

— У меня нет времени, — отвечал Хепгуд.

Он с головой ушел в подготовку рейса. Чем ближе был назначенный день, тем сильнее захватывала его чисто спортивная «предстартовая лихорадка».

10 июля огромные толпы народа плотной стеной окружили поле с самого утра. Местность вокруг ракетодрома была слабо заселена, и подавляющую часть этой толпы составляли те, кто приехал из различных городов страны, не исключая даже Нью-Йорка и Вашингтона, чтобы присутствовать при старте звездолета.

Во многих местах реяли американские флаги, привезенные патриотически настроенными зрителями. Конная полиция следила за порядком, не подпуская любопытных близко к кораблю.

Старт был назначен на восемь часов утра.

Спортивные комиссары, специально приглашенные Бейсоном, в последний раз осмотрели печати, наложенные на приборы пульта управления, и, простившись с обоими звездоплавателями, покинули корабль.

Хепгуд и Бейсон остались одни. Оба были одеты в резиновые костюмы, так как предстояло погрузиться в воду, чтобы ослабить вредное влияние на организм пятикратного увеличения тяжести при взлете, ускорение которого должно было составить пятьдесят метров в секунду.

Хепгуд наглухо закрыл входные двери. Они находились в единственной тесной каюте, загроможденной ящиками с провизией,

баллонами, резервуарами жидкого кислорода и прочим имуществом экспедиции. Свободного места почти не оставалось.

Хепгуд посмотрел на часы.

— Ложитесь! — сказал он.

Бейсон нерешительно поднес к голове резиновую маску, продолжая со страхом смотреть на длинный алюминиевый ящик, неприятно похожий на гроб.

— Но, если с вами что-нибудь случится, — сказал он, — как я вылезу оттуда?

— Если со мной что-нибудь случится, то вам и незачем будет вылезать из ящика, — ответил Хепгуд. — Не всё ли равно, как умереть? Без меня вы всё равно погибнете, так как управлять звездолетом не умеете.

Бейсон тяжело вздохнул и покорно надел маску. Всеми силами стараясь побороть страх, он с помощью Хепгуда влез в ящик. Он слышал, как Хепгуд соединил шланги подачи воздуха, завинтил крышку ящика, почувствовал, как вода наполнила его «гроб».

Итак, он замурован и не сможет сам выбраться отсюда. Воздуху, как он знал, хватит на сорок минут, и если его не вытащат к этому сроку, то он неизбежно задохнется.

А мало ли что может случиться с Хепгудом! Вдруг он потеряет сознание или просто забудет о нем...

Бейсон мысленно осыпал самого себя отборной бранью. Зачем он ввязался в этот полет? Правда, космический рейс сулит ему крупные деньги, но сейчас он с радостью отказался бы от них, только бы выйти из проклятой ракеты, не находиться в таком беспомощном положении, в полной власти Хепгуда.

А вдруг этот человек намеренно захочет погубить его? Так легко, по возвращении на Землю, придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить причину его смерти. Кто сможет проверить? И вся честь полета, все выгоды достанутся на долю одного Хепгуда. Как он раньше не подумал об этом? Конечно, именно так и случится! Почему Хепгуд не стучит в крышку ящика, чтобы узнать, всё ли в порядке, как они об этом договорились? Стоит закрыть кран воздухопровода — и всё сразу закончится...

Вот уже дышать становится всё труднее...

Бейсон услышал три четких удара по крышке ящика.

Условный стук!.. Нет, воздух хорошо проходит... Дышать легко...

Стук повторился. Бейсон поднял руку и ответил тремя ударами.

Убедившись, что его спутник чувствует себя хорошо, Хепгуд проверил, плотно ли закрыта крышка, и отошел от ящика.

Посмотрев в окно, он увидел, что по огромному полю ракетодрома бегали корреспонденты с киноаппаратами и фотокамерами, стремясь остаться как можно ближе к звездолету. Конные полицейские гонялись за ними, тщетно пытаясь оттеснить их за установленную километровую зону.

Хепгуд посмотрел на часы и выругался. До момента старта оставалось меньше десяти минут.

Неужели эти люди не понимают, какой опасности они подвергаются, находясь так близко к ракете?! Что ж, пусть пеняют на себя! Звездолет не задержится из-за них.

Он стал поспешно готовиться к старту: еще раз проверил исправность шлангов, подающих воздух в ящик, где лежал Бейсон, и в его собственный, стоявший рядом; осмотрел провода, с помощью которых пустит в ход атомно-реактивный двигатель.

Убедившись, что всё в порядке, надел маску и соединил ее с резиновым костюмом, плотно затянув герметический воротник. Потом он влез в ящик и соединил шланги воздухоподачи. Завинтив изнутри крышку, впустил воду.

Всё было готово к отлету.

Сквозь очки маски он видел светящийся циферблат часов на своей руке. Оставалось еще две минуты.

Хепгуд был совершенно спокоен. Хотя он хорошо знал, что созданный им звездолет далек от совершенства, он не боялся тех опасностей, которые грозили при старте. Он просто не хотел о них думать. Цель, которой он посвятил свою жизнь, была достигнута. Он отправлялся в межпланетный полет. Всё остальное исчезло из его сознания. Если произойдет катастрофа, он не хотел остаться живым. Победа или смерть! Третьего исхода для него не было.

Осталась одна минута...

Он вспомнил о Камове. Его соперник летит сейчас далеко от Земли, не подозревая, что звездолет Хепгуда ринется за ним, что этот звездолет будет на Марсе раньше его...

Мысли Хепгуда прервала секундная стрелка.

Пора!

Он злорадно подумал о тех беспечных корреспондентах, которые, не слушая никаких предупреждений, в погоне за сенсационными снимками, находятся где-нибудь в ближайшем соседстве со звездолетом, и твердой рукой нажал кнопку.

Мучительно медленно тянулось время... Сто семьдесят дней пути, дней, ничем не отличающихся друг от друга, полных томящего безделия, шли один за другим с одуряющей монотонностью.

Сознание необычайности положения, отсутствие веса, грандиозная картина вселенной, развернувшаяся за окнами ракеты, быстро утратили остроту новизны.

Делать было абсолютно нечего.

Ракета летела по извечным законам небесной механики и должна домчать их до цели, если не произойдет встреча с каким-нибудь небесным телом, которое он не успеет заметить. Впрочем, Хепгуд не верил, что такая встреча может произойти.

Отношения с Ральфом Бейсоном резко и непоправимо испортились. Причиной было то, что журналист всё время тянул виски и был непрерывно пьян.

Когда обсуждался вопрос о продуктах питания, Бейсон согласился с Хепгудом в том, что спиртные напитки не следует брать с собой, но на второй день пути неожиданно сказал:

— Скука смертельная! Давайте выпьем, Чарльз!

— Что вы имеете в виду? — спросил насторожившийся Хепгуд.

Он не мог понять, откуда у Бейсона могут быть спиртные напитки. Весь груз звездолета был им самим тщательно проверен перед стартом.

«Если он тайно от меня пронес две или три бутылки, то это еще не большая беда», — подумал он.

Но дело оказалось гораздо хуже.

С величайшим негодованием Хепгуд узнал, что Бейсон, тайно сговорившись с поставщиком, погрузил на звездолет один резервуар не с жидким кислородом, а с виски.

— Идиот! — кричал, не помня себя от гнева, Хепгуд. — Чем вы думаете дышать в конце пути? Вашим проклятым спиртом?

Поступок Бейсона грозил самыми тяжелыми последствиями. На корабле было двенадцать резервуаров с кислородом. Потеря одного из них ставила экспедицию под угрозу гибели.

— Вы сами говорили, — невозмутимо сказал Бейсон, не обращая внимания на ругательства своего спутника, — что воздуха хватит нам на весь путь, включая возвращение на Землю. К чему такой запас! Мы наполним наши резервуары на Марсе.

— Чем?!

— Как чем? Воздухом Марса, разумеется. У нас же есть насос.

Несколько секунд Хепгуд смотрел на Бейсона, не в силах произнести ни одного слова.

— Откуда вам известно, — сказал он, наконец, — что воздух Марса пригоден для дыхания? Неужели вы не знаете, что наши резервуары наполнены не воздухом, а жидким кислородом? У нас нет никакой возможности выделить кислород из атмосферы Марса.

— Что же теперь делать? — спросил растерявшийся Бейсон. — Я не думал, что дело обстоит так. Вернемся на Землю.

— Я не могу вернуться. Вот вам мое решение, как командира звездолета: за свое преступление вы заплатите жизнью. Если кислорода не хватит, я выброшу вас из ракеты.

— Надо меньше дышать! — пробормотал испуганный журналист. — Давайте экономить кислород.

— Можете хоть совсем не дышать, — ответил Хепгуд, сумевший уже успокоиться. — Это меня не касается.

Он отвернулся от Бейсона и стал смотреть в узкое окно.

С этого дня журналист стал пить не переставая. Тело пьяного звездоплавателя металось в тесном помещении, отравляя воздух тяжелым запахом спиртного перегара.

Хепгуд думал сначала уничтожить виски, но после зрелого обдумывания предоставил Бейсону пить сколько ему вздумается. Он

решил, что если угроза недостачи кислорода станет реальной, то он оставит своего спутника на Марсе, так как понимал, что осуществить свою угрозу — выбросить его из звездолета на обратном пути — вряд ли сможет. Журналист был моложе и сильнее его. Они погибнут оба.

Приняв это решение, Хепгуд терпеливо переносил пьянство Ральфа. Он убедился, что в резервуаре находилось не меньше двухсот литров крепкого виски. Этого количества вполне хватит Бейсону на все пять месяцев. А если он умрет от такого продолжительного пьянства, то тем лучше. Это было бы наилучшим исходом. Вернувшись на Землю, Хепгуд возбудит уголовное дело против поставщика, заменившего кислород спиртом.

Какая преступная глупость! Лучше было заменить ящик с консервами. Они отделались бы только тем, что поголодали бы немного, а теперь Хепгуд был вынужден убить своего спутника. Всё же он стал как можно реже и скупее обновлять воздух внутри звездолёта. Небольшое количество кислорода было взято сверх нормы, и Хепгуд обманывал себя мыслью, что его, может быть, хватит и ему не придется привести в исполнение свое намерение. Но в глубине души он знал, что надежды нет.

Когда до Марса осталось десять дней пути, Хепгуд категорически потребовал, чтобы Бейсон прекратил пить.

— Посадка опасна, — сказал он. — Мне может понадобиться ваша помощь, а для этого нужно, чтобы ваша голова работала нормально.

К его удивлению, журналист беспрекословно повиновался.

Осунувшийся, похудевший, с лицом землистого цвета, заросшим бородой, он производил впечатление старика. Непрерывное пьянство, отсутствие свежего воздуха и какой бы то ни было физической работы подорвало его силы.

Хепгуд чувствовал себя не лучше. Несмотря на то, что он ежедневно в определенные часы делал гимнастику, аккуратно брился и соблюдал строгий режим питания, всё же он очень ослабел. Причиной был неспокойный и нервный сон. Присутствие Бейсона, который в минуты протрезвления угрюмо молчал и следил за каждым его движением взглядом, полным ненависти, а напившись, осыпал его ругательствами и угрозами, вконец истрепало его нервы.

Опасаясь, чтобы пьяный спутник в припадке буйства не убил его, Хепгуд спрятал всё, что могло служить оружием, а сам ни на секунду не расставался с револьвером. Много раз у него являлось сильное искушение пристрелить Бейсона и тем окончить свои мучения, но у него не хватало сил поднять руку на безоружного человека. «Я сделаю это перед отлетом с Марса», — решил он.

— Не думайте, — сказал ему как-то Бейсон, — что вам удастся убить меня и вернуться на Землю одному. Если я должен погибнуть, то и вы погибнете вместе со мной.

— Не говорите глупости! — ответил Хепгуд, решивший прибегнуть к хитрости. — Я, сколько мог, экономил кислород и думаю, что его всё-таки хватит на нас двоих.

Ему показалось, что Бейсон поверил его словам, но это было не так. Журналист прекрасно сознавал свое положение и видел, что Хепгуд обманывает его.

«Если бы он хотел убить меня до того, как мы достигнем цели, — думал Ральф, — то мог бы сделать это десятки раз. Очевидно, он хочет покончить со мной на Марсе. Значит, нужно прекратить пить и быть в готовности отразить нападение. Или мы вернемся на Землю оба или оба же не вернемся. Я не позволю ему принести меня в жертву».

Он знал, что Хепгуд вооружен револьвером, но это обстоятельство его не смущало. Во внутреннем кармане комбинезона Бейсон прятал маленький браунинг, о присутствии которого Хепгуд и не подозревал.

«Он думает, что я безоружен. Тем лучше! На моей стороне преимущество внезапного нападения. Под угрозой оружия я заставлю его вылететь обратно на Землю, свяжу и оставлю связанным до конца пути. А когда ракета будет у самой Земли, он получит свободу и произведет спуск. Нападать на меня ему уже не будет смысла. А если кислорода всё-таки не хватит, то мы погибнем вместе».

Так думал Бейсон, и это решение было причиной того, что он действительно перестал пить. В оставшиеся до прибытия на Марс дни он энергично старался привести себя в нормальное состояние.

Хепгуд с беспокойством следил за ним. Он видел, что молодой и здоровый организм Бейсона быстро восстанавливал силы. «Сумею ли

я справиться с ним? — думал он. — Ральф гораздо сильнее меня. Если я не убью его первым же выстрелом, он легко обезоружит меня».

Если бы Хепгуд знал, что Бейсон вооружен, то понял бы, что его планы обречены на провал, но он не знал этого и надеялся, что револьвер делает его хозяином положения.

Наступил последний день полета. Ракета приближалась к цели. Хепгуд объяснил Бейсону, что он должен делать при спуске.

— Когда торможение прекратится, вы по моей команде откроете парашют.

— Хорошо! — ответил Бейсон. — Но как вы будете тормозить ракету?

Задавая этот вопрос, он сильно волновался. Тревожная мысль, что придется опять ложиться в ящик с водой и тем самым оказаться в полной власти Хепгуда, давно уже беспокоила его. Бейсон не сомневался, что его спутник воспользуется этим и не выпустит его из алюминиевого гроба. Но Хепгуд и не думал об этом.

— Так как у нас один двигатель, — сказал он, — мы не имеем возможности произвести торможение с его помощью. Придется тормозить ракету трением об атмосферу планеты. Если мои расчеты правильны, а я в них не сомневаюсь, то это займет двенадцать часов и потребует от меня огромных усилий.

Бейсон облегченно вздохнул. Самая страшная опасность миновала, а за дальнейшее он не особенно опасался, уверенный, что в открытой борьбе их шансы одинаковы.

Ракета пролетела мимо Марса, слегка коснувшись его атмосферы, точно в два часа 28 декабря, как это и было рассчитано Хепгудом, и, описав полукруг, снова миновала планету, но уже с другой стороны. Заход за заходом, по сильно вытянутой спирали, каждый раз погружаясь в атмосферу всё глубже и глубже, делал Хепгуд, гася трением космическую скорость своего звездолета. Последние круги ракета уже и не вылетала из газовой оболочки Марса. Когда скорость упала до тысячи километров в минуту, Хепгуд решил прекратить полет. Нагревшийся корпус поднял температуру внутри корабля до пятидесяти градусов, и оба звездоплавателя чувствовали, что больше выносить такой жар они не в состоянии. Опасаясь, что он может потерять

сознание и этим погубить их обоих, Хепгуд направил ракету к поверхности планеты, до которой было около пяти километров. Он рассчитывал успеть совершить посадку до захода солнца, которое в этот момент находилось уже низко над горизонтом.

— Парашют! — крикнул он Бейсону.

Наступила решающая минута. Выдержит ли парашют?

Хепгуд почувствовал резкий толчок. Над ракетой раскрылся гигантский шелковый зонт. Скорость сразу уменьшилась. Парашют выдержал.

Обливаясь потом, до боли стиснув зубы, Хепгуд с огромным напряжением удерживал звездолет от вертикального снижения, используя всё свое искусство пилотирования.

Когда до «земли» оставалось не более полукилометра, внезапно наступила темнота. Солнце исчезло за линией горизонта, и по быстроте, с которой настала ночь, Хепгуд понял, что они находятся на марсианских «тропиках».

Приходилось садиться вслепую. Угрожала опасность угодить в одно из озер, о глубине которых Хепгуд не имел никакого представления. Но выбора не было. Ракета быстро опускалась... Сильный удар... звон разбившегося прибора на щитке управления... испуганный крик Бейсона... и звездолет остановился. Они были на Марсе.

Хепгуд инстинктивно посмотрел на часы. Тринадцать часов тридцать четыре минуты. Он повернулся к Бейсону.

— Запишите! — сказал он хриплым от волнения голосом. — В тринадцать часов тридцать четыре минуты по вашингтонскому времени[8] двадцать восьмого декабря тысяча девятьсот... года американский звездолет конструкции Чарльза Альджернона Хепгуда, под его управлением, достиг планеты Марс.

— С экипажем, состоящим из означенного Чарльза Хепгуда и корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Ральфа Бейсона, — подхватил журналист. — Но это еще пол победы. Надо выйти из ракеты и

[8] Читателю не следует забывать, что вашингтонское время отличается от московского на семь часов. 13 часов в Вашингтоне соответствуют 20 часам в Москве.

ступить ногой на почву планеты, чтобы закрепить за нами первенство. Русский звездолет может явиться в любую минуту.

— Если он уже не явился, — прошептал Хепгуд, но так, чтобы Бейсон не мог его слышать.

— Скорее, Чарльз!

Журналист с лихорадочной быстротой доставал фотоаппарат.

Хепгуд знал, что он хочет делать. Они с возможной быстротой сняли со щита часы. Они были запечатаны на Земле специальной комиссией. Циферблат, который показывал не только время, но и числа месяца, было необходимо сфотографировать вне звездолета, чтобы привезти с собой бесспорное доказательство времени прибытия ракеты на Марс. Фотоаппарат тоже был опечатан.

Захватив с собой кислородные маски, часы, фотоаппарат и мощную магниевую лампу, оба пролезли в узкую выходную камеру звездолета.

Когда внутренняя дверь была герметически закрыта, Хепгуд сказал:

— Выходить из ракеты на незнакомую почву, в полной темноте, очень неблагоразумно.

— Оставайтесь! — ответил Бейсон. — Я выйду один. Я не хочу из-за вашей трусости терять все плоды полета.

В эту секунду, захваченный спортивным азартом, он совершенно забыл, что у них очень мало шансов вернуться на Землю.

— Открывайте! — повелительно крикнул он, видя, что Хепгуд колеблется.

Щелкнули замки. Холодный воздух ворвался в камеру, сразу охладив их разгоряченные тела. Дверь открылась.

Первое, что бросилось в глаза Хепгуду, было знакомое созвездие Большой Медведицы, раскинувшее свой ковш низко над горизонтом. В разреженной атмосфере Марса звезды сияли не поземному ярко.

— Выходите! — сказал Бейсон. — По справедливости, вы имеете право первым ступить на почву планеты.

Звездолет опустился на песчаную площадку на самом берегу небольшого озера. От двери до «земли» было больше полутора метров. Усилием воли подавив безотчетный страх, Хепгуд прыгнул. Слабое

притяжение Марса сделало прыжок очень легким, как будто он спрыгнул со стула. Бейсон передал ему часы, лампу и аппарат и последовал за ним.

В нескольких метрах темнели заросли неведомых растений. Во мраке ночи, освещенные только светом звезд, они казались грозно загадочными, полными нераскрытых тайн.

— Надо отойти от ракеты, чтобы она получилась на снимке, — крикнул Бейсон, и его голос сквозь кислородную маску, в разреженном воздухе, прозвучал как жалкий писк.

Кругом царила ничем не невозмутимая тишина. Ни малейшего ветра не было в застывшем холодном воздухе. Ярким, почти не мигающим блеском сияли бесчисленные звезды, такие же холодные, как и воздух. Низко над горизонтом голубоватым светом горела крупная звезда.

— Земля! — прошептал Хепгуд.

Они отошли шагов на десять от ракеты и остановились. Хепгуд взял часы в руки, а Бейсон, отступив еще на два шага, высоко поднял магниевую лампу, другой рукой открыв затвор аппарата.

Ослепительная вспышка света на короткий миг озарила густые заросли, площадку, озеро, неподвижную ракету на его берегу и фигуру Хепгуда с часами на вытянутой руке.

В кислородной маске, закрывавшей его лицо, он казался каким-то фантастическим существом — обитателем этой чужой, неведомой планеты...

Таким, до конца своей жизни, суждено было Бейсону запомнить его!

Он быстро перевел переключатель на лампе на повторную вспышку и только успел поднять ее над головой для вторичного, снимка, как услышал тонкий шипящий свист...

Длинное темное тело мелькнуло на фоне более светлой линии горизонта совсем рядом с ним. До ушей Бейсона донесся отчаянный крик.

Непроизвольным движением он нажал кнопку.

Молочно-белая вспышка магния вырвала из мрака картину, от которой липкий пот мгновенно покрыл всё его тело.

В двух шагах, на том месте, где только что стоял Хепгуд, блестел серебристый мех какого-то длинного, похожего на исполински толстую змею, животного.

Оцепенев от ужаса, Бейсон увидел ноги Чарльза, торчащие из-под навалившейся на него туши неведомого зверя.

В следующую секунду лампа погасла. Наступившая темнота, казавшаяся еще непрогляднее после яркого света, наполнила сердце Бейсона смертельным страхом. Испустив дикий пронзительный крик, он швырнул лампу и, ничего не сознавая, бросился к звездолету. Обезумев, забыв о том, что в его кармане лежит револьвер, он одним прыжком влетел в открытую дверь выходной камеры и захлопнул ее за собой.

Его трясла мелкая противная дрожь. Спазмы тошноты выворачивали все внутренности. Без сил, без мыслей он лежал на полу камеры в полной темноте. Перед глазами неотступно стояла картина гибели спутника. Исполинская мохнатая змея и торчащие из-под нее неподвижные ноги.

Неподвижные...

«Значит, он был уже мертв», — пришла первая сознательная мысль.

Тошнота постепенно прошла. Дрожь перестала его мучить. Бейсон сел и прислушался. Кругом было тихо. Ни один звук не доносился снаружи. Он слышал только частые удары своего, еще не успокоившегося сердца.

«Может быть, я мог бы его спасти?», — мелькнула боязливая мысль. — «Нет, он был уже мертв», — поспешил он успокоить себя.

Он встал и зажег свет. Наружная дверь была плотно закрыта. Он забыл, что сам же захлопнул ее, и вздрогнул от неожиданности. Потом снял с себя всё еще бывшую на нем кислородную маску и пробрался внутрь ракеты. Им внезапно овладела непреодолимая сонливость. Не разбирая места, Бейсон тяжело опустился на пол и мгновенно заснул.

Он не мог бы сказать, сколько времени он спал, но, когда открыл глаза, сквозь узкие окна проникал дневной свет. Он сел и, обхватив голову руками, задумался. Хепгуд погиб. Он один на Марсе в бесполезной для него ракете. Впереди неизбежная смерть. Ничто не может его спасти. Ничто, кроме... Но как можно надеяться, что советский звездолет опустится именно здесь? Планета огромна. Камов может посадить свой корабль в любой точке ста пятидесяти миллионов квадратных километров поверхности Марса. Нет даже возможности надеяться... Сколько времени продлится его агония? Воздуха хватит на три месяца для него одного. На три месяца... он вспомнил, как из-за этого самого воздуха они замышляли убить друг друга.

Стоит ли тянуть так долго?..

Бейсон нащупал браунинг, который так тщательно скрывал от Хепгуда. Пуля, которую он предназначал своему спутнику, теперь достанется ему самому.

Он подошел к окну. Там ли еще ужасный обитатель Марса? У Бейсона мелькнула мысль, что хорошо бы заснять зверя. «Это был бы сенсационный снимок», — подумал он и тут же невольно усмехнулся. Кто увидит этот снимок?..

За окном был день. Освещенные солнцем заросли серовато-синих растений и песчаная площадка, на которой лежал звездолет, были пустынны. Он заметил отброшенную им лампу, которая валялась на песке. Тела Хепгуда нигде не было видно.

Взгляд Бейсона внезапно остановился на темном пятне в том месте, где они стояли ночью.

Он увидел человеческую ногу в хорошо знакомом ботинке и с остатками синих брюк комбинезона. Тут же лежали раздавленные часы.

Бейсон понял, что пятно — это кровь, а кусок ноги — это всё, что осталось от его спутника, растерзанного марсианской змеей. Он задрожал всем телом. Слабость в ногах заставила его прислониться к стене.

Нет, прочь из этого ужасного мира!.. Кончать... кончать немедленно!..

Он сжал в руке холодную сталь и медленно поднес револьвер ко рту.

Но внезапно вздрогнул и опустил руку.

На расстоянии не больше трехсот метров от ракеты двигался какой-то блестящий, быстро приближавшийся предмет. Солнце играло сверкающими бликами на его, по-видимому, металлической поверхности. Растения скрывали его формы, и Бейсон не мог отдать себе отчета, что это такое. Он прильнул к стеклу окна, следя за загадочным предметом, направлявшимся прямо к ракете.

— Похоже на крышу автомобиля, — громко сказал он.

Но откуда взяться автомобилю на Марсе? Неужели планета обитаема и к звездолету приближаются марсиане? Неужели это спасение, пришедшее в последнюю минуту?

Сердце Бейсона учащенно забилось от внезапно возникшей надежды. Если марсиане могли создать движущийся экипаж, подобный земному автомобилю, то их техника находится на высоком уровне развития.

«Но может быть, это блестит панцирь другого марсианского зверя? — думал Бейсон. — Кто знает, какие существа населяют эту планету?».

Блестящий предмет приближался с большой скоростью. Он явно направлялся к американскому звездолету.

Через несколько секунд Бейсон убедился, что перед ним не животное, а предмет, сделанный руками человека или существа, подобного ему. Он ясно видел, что крыша таинственного автомобиля покрыта блестящим белым лаком.

К ракете приближались разумные существа.

Прошло еще несколько томительных для Бейсона мгновений, и, поджимая под себя стебли растений, на песчаную площадку вырвался и резко остановился небольшой, ослепительно-белый вагон на гусеничном ходу. За зеркальными стеклами его окон виднелись люди.

Человек, сидящий за рулем машины, наклонился вперед, и Бейсон отшатнулся, глухо вскрикнув.

Он узнал хорошо знакомое по фотографиям лицо Пайчадзе.

Утро

Из всех планет солнечной системы наибольшей известностью среди не астрономов, безусловно, пользуется планета, названная древними по имени бога войны — Марса. Своим названием планета обязана оранжево-красному, «кровавому» цвету, которым она резко отличается от других «блуждающих звезд» — планет.

В древнегреческой мифологии бог войны Марс имел другое имя — Арес. Поэтому наука, изучающая поверхность Марса, называется ареографией. Эта наука возникла после того, как в 1659 году выдающийся голландский астроном Христиан Гюйгенс, наблюдая Марс, впервые заметил на нем неясные очертания темноватых пятен.

Ни одно небесное тело не вызывало столько споров, предположений и догадок, как Марс. И ни одна другая планета не сыграла такой огромной роли в развитии астрономии. Гениальный Кеплер открыл законы движения планет, наблюдая именно Марс.

Популярность «Красной планеты» стала особенно большой с 1895 года, когда итальянский астроном Скиапарели высказал предположение, что тонкие прямые линии, им же обнаруженные на диске

планеты, представляют собой искусственно созданные каналы, грандиозную оросительную систему, построенную разумными обитателями Марса, Эта идея имела большой успех среди широкой публики, но в кругах астрономов вызвала веские возражения. Не говоря уже об их искусственном происхождении, самое существование «каналов» подвергалось сомнению. Высказывались предположения, что случайно разбросанные темные пятна могут на огромном расстоянии казаться прямыми линиями. Великие противостояния Марса, происходящие через каждые пятнадцать-семнадцать лет, когда планета ближе всего подходит к Земле, не дали ответа и не прекратили великого спора. Вопрос остался открытым.

Марс — небольшая планета. Ее диаметр в два раза меньше диаметра Земли[9]. Из-за небольшой силы тяготения атмосфера планеты очень разрежена и по плотности приближается к той, которая существует на Земле на границе стратосферы. Марс в полтора раза дальше от Солнца, чем Земля, и получает тепла и энергии значительно меньше.

Планета имеет двух спутников. По размерам они очень малы и с поверхности Марса выглядят только как крупные звезды. Древние астрономы Земли дали им имена — «Фобос», что означает «страх» и «Деймос» — «ужас»[10]. У грозного бога войны — Марса — и не могло быть других спутников.

Благодаря большому расстоянию от Солнца орбита Марса значительно длиннее, чем орбита Земли, да и сама планета движется медленнее. На полный оборот ей требуется 687 земных суток. Но так как ось Марса наклонена почти под тем же углом, что и ось Земли, на нем происходят такие же смены времен года, как на Земле, но только длятся они в два раза дольше.

Смена дня и ночи происходит так же, как на Земле, и почти с той же продолжительностью. Время полного оборота вокруг оси только на тридцать семь с половиной минут дольше, чем у Земли.

До посещения звездолетом Камова планеты Венеры Марс был единственным небесным телом, на котором астрономы

[9] Диаметр Земли равен 12757 км., диаметр Марса – 6700 км.
[10] Диаметр Фобоса – 16 км, диаметр Деймоса – 8 км.

предположили наличие жизни. Сезонные изменения окраски некоторых частей планеты очень напоминали соответствующие изменения окраски земных растений весной и осенью. Вопрос о наличии на нем животных оставался спорным; и именно благодаря большому интересу, который это вызывало у населения Земли, первый космический рейс и имел своей целью эту загадочную планету.

Для экипажа звездолета вопрос о «каналах» был разрешен отнюдь не в пользу тех, кто высказывался за их искусственное происхождение. Даже больше, — само существование на Марсе длинных прямых линий, имеющих какой бы то ни было порядок в своем расположении, оказалось иллюзией, вызванной, как говорил Пайчадзе, расстоянием.

29 декабря 19..года на ареографическом меридиане Марса, на котором опустился советский звездолет, наступило очередное утро; почти вдвое меньшее, чем на Земле, Солнце медленно поднялось на темно-синем, с фиолетовым оттенком, небе, на котором всё же остались сиять самые крупные звезды.

По озерам, которые в довольно большом количестве были разбросаны кругом, прошло легкое движение. Это таял лед, покрывший за ночь их поверхность. Он быстро растаял. Вода снова стала неподвижной. Растения раскрыли свои листья, повернув их к солнцу.

Причудливый вид этих растений поражал земной глаз сочетанием голубовато-серого и синего цвета. Их высота не превышала ста — ста тридцати сантиметров. Толстые стебли росли прямо, как молодые ели. От них, редкие внизу и густые поверху, отделялись доходящие до метра в длину прямые, продолговатой формы листья с зубчатыми острыми краями. Светло-серые с голубым оттенком в середине и синие по краям, они были тверды и гибки. С наступлением ночи они складывались, как крылья бабочки, и тогда был виден нижний слой их поверхности, покрытый темно-голубыми волосками. Днем листья раскрывались, обращаясь к солнцу, и синяя кайма расширялась, доходя к полудню почти до середины листа. И всё растение, если смотреть сверху, становилось синим. От полудня до заката солнца весь

процесс происходил в обратном порядке, и к вечеру растительность принимала серо-голубую окраску.

Солнце поднялось выше, и его лучи ослепительными бликами заиграли на белоснежном корпусе звездолета, застывшего на самом берегу озера.

Двухметровые колеса корабля глубоко врезались в песчаную почву. Широкие крылья бросали густую тень. Рядом с ним, почти у самой воды, стоял низкий, казавшийся совсем маленьким по сравнению с гигантским телом звездолета, обтекаемой формы гусеничный вагон, выкрашенный также в белый цвет. Длинные, узкие окна, на всех четырех сторонах, отражали в своих толстых стеклах марсианский пейзаж.

Из густых зарослей растений выскочил небольшой мохнатый зверек. Своими размерами, порывистыми движениями и длинными ушами он немного напоминал земного зайца. Всё тело зверька было покрыто длинной шерстью голубовато-серого цвета, хорошо гармонировавшего с окраской растений. Большие матово-черные круглые глаза были расположены близко друг к другу, что, несомненно, сужывало кругозор.

Длинными прыжками зверек достиг песчаной полосы у самого озера и вдруг присел на задние лапки. Уши опустились и прижались к спинке, тельце сжалось, готовое к стремительному бегству. Но испугавший его предмет был неподвижен, и зверек постепенно успокоился. Уши поднялись, головка немного наклонилась набок. Казалось, он к чему-то прислушивается. Но кругом было

тихо. Из кустов выскочило еще два таких же зверька и присоединились к первому.

Внезапно раздался резкий звук. Щелкнула невидимая пружина — и в корпусе корабля с легким звоном сдвинулась в сторону тяжелая дверь. Показался человек, одетый в кожаный меховой комбинезон, со шлемом на голове.

С шумом упала на землю металлическая лестница.

Зверьки вскочили с места и молниеносно исчезли в кустах.

Испугавший их человек, не пользуясь лестницей, легко спрыгнул на землю с двухметровой высоты. За ним вышел второй, одетый так же.

— Эти зверьки, — сказал он, — испугались не нас, а шума. Они еще никогда не видели человека и не научились его бояться. Но окраска их меха, подобная окраске растений, среди которых они живут, показывает, что на Марсе есть кто-то, кто охотится на них, и от кого они должны прятаться. Иначе защитный цвет не мог бы выработаться.

— Вы правы. Эти «зайцы» не единственные обитатели планеты. Мы должны отыскать их врагов.

— Надо быть осторожным. Кто знает, какие существа тут обитают.

— За вчерашний день мы никого не видели, Сергей Александрович.

— Зверей отпугивал шум, который мы подняли при сборке вездехода, — ответил Камов. — Но там, где есть такие «зайчики», должны быть и «волки»; а что они собой представляют, пока еще не известно.

— Осторожность не мешает, — согласился Пайчадзе.

Кислородные маски плотно закрывали нижнюю часть лиц, но вделанные туда усилители звука позволяли разговаривать, не повышая голоса.

Камов спустился по лестнице. За ним из звездолета вышел Мельников с киноаппаратом в руках. За его плечом висели две самозарядные винтовки, которые он передал Пайчадзе. Кроме винтовок участники экспедиции были вооружены револьверами. На груди у каждого висел бинокль и фотоаппарат в кожаном чехле.

— Как только заснимете наш отъезд, — сказал Камов, — возвращайтесь на корабль и напомните Константину Евгеньевичу мои указания.

Повторяю: из звездолета не выходить без крайней необходимости. Если такая необходимость возникнет, то можете выйти только вы один. Белопольский не должен покидать корабль ни на одну секунду. Если мы не вернемся к вечеру, — ничего не предпринимайте. В случае перерыва связи включите радиомаяк и держите его включенным всё время, пока вездеход не вернется. Если он совсем не вернется, — вылетайте на Землю точно в назначенное время.

— Будет исполнено, Сергей Александрович! Счастливого пути!

— С наступлением темноты зажгите прожектор, — прибавил Камов. — Мы можем задержаться, а найти звездолет по свету прожектора будет легче. Ну, до свидания!

Он пожал руку Мельникова и направился к вездеходу. Пайчадзе уже сидел за рулем машины.

— Вот еще что, — обернулся Камов. — Проявите сегодня же пленку. Меня очень интересует, хорошо ли получились эти маленькие зверьки.

— Хорошо, Сергей Александрович!

Мельников улыбнулся под маской. Он был уверен, что так удачно заснятые из окна звездолета «зайцы» получились отлично. Эта небольшая забавная сценка, несомненно, вызовет большой интерес, когда будет демонстрироваться на экранах Земли: марсианские зверьки в естественной обстановке!..

Камов сел в машину и, закрыв герметическую дверь, открыл кран кислородного баллона. Когда состав и давление воздуха внутри вездехода стали нормальными, он снял с себя маску. То же сделал Пайчадзе.

Мельников стоял в пяти шагах и вертел ручку аппарата. В окне корабля было видно лицо Белопольского.

Пайчадзе повернул рукоятку. Только чуть заметная дрожь вездехода показала, что его мощный мотор начал свою беззвучную работу.

— В путь, Арсен Георгиевич! — сказал Камов.

Вездеход медленно подошел к сплошной стене растений, окружающей звездолет. Пайчадзе не решался ломать их.

— Жалко, Сергей Александрович!

— Возьмите левее! — сказал Камов. — Кажется, там есть просвет. Портить ближайшие к звездолету окрестности не стоит. Будет некрасивый вид из окна. — Он засмеялся.

Пайчадзе повернул к указанному месту. Там действительно оказался проход, уходящий как раз в нужном направлении. Песчаная дорога словно сама приглашала следовать по ней.

Вездеход развернулся и, набирая скорость, помчался на запад.

Мельников, прекратив съемку, смотрел ему вслед. Слова Камова — «В случае, если вездеход не вернется, вылетайте на Землю» — продолжали звучать у него в ушах.

«Если не вернется... Нет, этого не может быть! Вернется... Должен вернуться!»

Он вздохнул и медленно пошел к кораблю. Войдя в выходную камеру, поднял за собой лестницу и нажал кнопку. Наружная дверь закрылась. Через десять секунд автоматически открылась внутренняя

и, пропустив Мельникова, снова закрылась. Он снял маску и прошел в обсерваторию. Корабль казался ему пустым. Двух наиболее любимых товарищей не было в нем. Они мчались сейчас навстречу неизвестному, в таинственную даль чужого, незнакомого мира.

Белопольский всё еще стоял у окна.

— Их еще видно, — сказал он.

Далеко над верхушками кустов виднелась быстро уменьшающаяся белоснежная крыша вездехода. Вот мелькнул на мгновение весь его корпус и скрылся.

— Теперь будем ждать, — сказал Белопольский. — Завтра наша очередь.

«Завтра? Скорей бы оно наступило это завтра!» — подумал Мельников, подходя к радиостанции корабля.

Легкое потрескивание разрядника и красная точка контрольной лампочки успокоительно указывали, что рация вездехода работает. Первое сообщение Камов обещал передать через полчаса. За это время вездеход успеет пройти порядочное расстояние.

Он сел у аппарата. Белопольский, бесцельно походив по обсерватории, сел рядом с ним. Оба стали терпеливо ждать. Они могли в любую минуту сами вызвать Камова, но не хотели нарушать установленный начальником экспедиции порядок радиосвязи.

Тридцать минут, наконец, прошли.

В громкоговорителе послышался резкий щелчок. Это Камов включил микрофон.

— Говорит Камов, — раздался знакомый голос. — Как вы меня слышите?

— Слышим хорошо, — ответил Белопольский.

— Я вас тоже хорошо слышу. Новостей пока нет никаких. Вездеход идет по местности, ничем не отличающейся от той, которая окружает звездолет. Видели несколько «зайцев». Одного чуть не раздавили. Прыгнул прямо под гусеницу, но Арсен Георгиевич сумел обойти его. Их, по-видимому, тут очень много, но других животных не видно. Мы будем двигаться всё время прямо. Какие новости у вас?

— Никаких нет. Всё по-прежнему.

— Ведите наблюдение за прилегающей местностью. Следующий разговор будем вести ровно через час. Повторите!

— Следующий разговор через час.

— Прекращаю связь.

Голос умолк. Щелкнул выключенный микрофон.

— Вы будете здесь, Константин Евгеньевич? — спросил Мельников.

— Да.

— Я пойду в лабораторию. Сергей Александрович просил проявить сегодняшнюю пленку. Я скоро вернусь.

— Идите.

Белопольский внимательно посмотрел на своего молодого товарища.

— Идите, — повторил он, — и не волнуйтесь! Они вернутся вовремя. Нет никаких оснований для беспокойства. Если даже на Марсе и есть крупные животные, они не осмелятся напасть на вездеход.

— Я боюсь не нападения, — ответил Мельников. — Но представьте себе такой случай, что кислородный баллон даст течь и они останутся без воздуха. Или сломается мотор, или сам вездеход. Может разорваться гусеница — и они не смогут исправить ее. Если это случится на большом расстоянии от звездолета, они погибли.

— Борис Николаевич, — сказал Белопольский, — вы уже могли, по-моему, убедиться, что всё, что находится на нашем корабле, самого высокого качества. Вездеход не исключение. А что касается кислородного баллона, то он не единственный на вездеходе и не картонный. Никакой течи в нем появиться не может. Вспомните, как Сергей Александрович во время приемки приказал сбросить один такой баллон, с десятиметровой высоты и он остался при этом совершенно целым.

— Помню, но всё-таки...

— Меня бы на вашем месте беспокоило другое, — продолжал Белопольский. — Есть одна теоретическая опасность. Подчеркиваю, — только теоретическая. На Марсе бывают песчаные бури. Они настолько сильны и захватывают такую громадную площадь, что мы наблюдаем их с Земли в наши телескопы. На гладкой и ровной поверхности Марса должны быть сильные ветры, вызываемые неравномерным нагревом воздуха в различных частях планеты. Спокойствие атмосферы, которое мы наблюдаем эти два дня, меня очень удивляет. Ветры поднимают огромные массы песка и несут его с большой скоростью. Вот где опасность. Но, повторяю, это опасность теоретическая. Вездеход рассчитан на такой случай. Его мотор должен справиться, а направление можно держать по радиомаяку. Кроме того, бури особенно сильны не здесь, а в тех пустынях, которые мы видели. Не забудьте, что мы находимся на дне глубокой впадины. Вездеход вряд ли выйдет из ее пределов. Так что, не беспокойтесь, — наши друзья вернутся целы и невредимы.

Белопольский говорил спокойным, ровным голосом. Его доводы были логичны и обоснованы, но Мельникова не обмануло его кажущееся спокойствие. Он отметил про себя пространность речи, столь несвойственную Константину Евгеньевичу. Взяв аппарат, он пролез в люк и направился в свою фотолабораторию.

Белопольский проводил его сочувственным взглядом. Он хорошо понимал его состояние.

«Мы перебрали с ним все опасности, которые нам известны, — подумал он. — Но сколько может быть других, о которых мы понятия не имеем!».

Он вздохнул и повернулся к радиостанции. Красная точка попрежнему горела ровным, успокоительным светом. Тонкий луч ее безмолвно говорил, что на вездеходе всё благополучно. «Мы боимся за них; они наверняка беспокоятся за нас. Что ж, так и должно быть. И так будет все четыре дня», — сказал он самому себе.

Прошел час, и между вездеходом и звездолетом опять произошел короткий разговор. Ничего нового не было. Вездеход шел по такой же местности, что и раньше. Всё было в порядке.

Для Мельникова и Белопольского это утро тянулось нескончаемо долго. Солнце медленно совершало свой путь к зениту. Термометр, помещенный снаружи, показывал пятнадцать градусов тепла.

— И это на экваторе! — заметил Мельников.

— Да, холодная планета.

Судя по высоте солнца, было около одиннадцати часов «по местному времени», как выразился Белопольский, когда Камов сообщил, что ими пройдено сто километров.

— Мотор работает прекрасно, — сказал он. — Мы пройдем еще километров пятьдесят, а потом повернем на юг.

Прошло два часа после этого разговора. Наступило время очередной связи, но рация молчала. Стрелка часов давно миновала назначенную минуту, индикаторная лампочка по-прежнему указывала, что радиостанция вездехода работает; легкое потрескивание в громкоговорителе свидетельствовало, что и рация звездолета тоже в порядке; но связи не было.

Белопольский решительно включил микрофон.

— Почему молчите? — громко сказал он. — Отвечайте!.. Отвечайте!..

Он подождал и снова повторил те же слова. Мельников, затаив дыхание, напряженно прислушивался.

— С вездеходом ничего не случилось, — сказал Белопольский, всеми силами стараясь говорить спокойно. — Его станция работает. Может быть, они вышли из него.

— Оба?

Этот вопрос заставил Белопольского вздрогнуть. Камов говорил, что ни при каких обстоятельствах они не покинут вездеход одновременно. Кто-нибудь должен был оставаться в нем. Но почему же они не отвечают?

— Сергей Александрович!.. Арсен Георгиевич!.. Почему молчите?.. Почему молчите?.. Отвечайте!.. Отвечайте!..

Ответа не было.

В обсерватории наступило тягостное молчание.

Мельников и Белопольский, скрывая друг от друга мучительное волнение, не спускали глаз с красной точки индикатора.

Оба боялись, что лампочка вдруг погаснет. Еле слышное потрескивание казалось им очень громким, и они каждую секунду принимали его за ожидаемый щелчок включенного микрофона.

Но минуты шли за минутами, а рация упорно молчала...

Выстрел

Вездеход быстро и легко шел по плотно утрамбованному временем песку.

Широкие гусеницы оставляли за собой отчетливый след. Белый корпус хорошо отражал лучи солнца, и внутри вездехода не было жарко.

Сидя в мягких удобных креслах, Камов и Пайчадзе чувствовали себя прекрасно. Немного утомительно было однообразие окружающей их местности, но они не теряли надежды увидеть, наконец, что-нибудь интересное и внимательно смотрели вокруг. Иногда приходилось объезжать озера, и один раз они чуть не завязли в сыпучем песке. Гусеницы внезапно провалились, но Пайчадзе с молниеносной быстротой дал задний ход — и машина благополучно выбралась из неожиданной ловушки.

— Настоящее болото, — сказал Камов. — Только песчаное. Надо будет исследовать это место.

От звездолета их отделяло уже более ста километров, но это обстоятельство нисколько их не смущало; и вездеход с прежней скоростью продолжал продвигаться вперед и вперед.

Камов был уверен, что мощный мотор, любовно сделанный специально для них уральским моторостроительным заводом, не подведет. За два часа работы он даже не нагрелся и был такой же холодный, как и в начале пути. Казалось, что заключенная в нем сила шутя несла маленький вездеход и гусеницы с равномерным мягким шелестом непрерывной лентой без напряжения переливались через ведущее колесо.

— Хорошо собрали, — похвалил Пайчадзе. — И быстро!

— Недаром же мы три раза собирали его на Земле, — сказал Камов. — Помните, как ворчал Константин Евгеньевич, когда я потребовал третьей сборки?

Пайчадзе засмеялся.

— А помните, — сказал он, — как Матвей Иванович ругал вас, когда сломали гаечный ключ?

Камов вспомнил старого уральского мастера, который учил их собирать вездеход, и улыбнулся.

— «С инструментом надо обращаться бережно, аккуратно, с любовью, молодой человек!» Так, кажется, он сказал, Арсен Георгиевич?

— Так!

Камов посмотрел на часы. — Половина двенадцатого, — сказал он.

— Пройдено сто сорок километров. Пора поворачивать. Мы обследуем местность к югу километров на пятьдесят, а потом направимся к звездолету.

— Поворачиваем?

Камов привстал и внимательно осмотрел в бинокль местность впереди вездехода.

Везде одно и то же: заросли и песок.

Он собирался опустить руку и дать разрешение повернуть на девяносто градусов, но вдруг резко наклонился вперед.

— Что это такое? — сказал он. — Посмотрите, Арсен Георгиевич!

Пайчадзе поднес бинокль к глазам.

Километрах в двух, правее пути вездехода, над синим ковром растений виднелось какое-то длинное, тускло блестевшее тело. Оно возвышалось на ровной местности, резко отличаясь своим видом от ставших уже привычными форм марсианской равнины.

— Как будто металлическое, — сказал Камов.

Не ожидая команды, Пайчадзе повернул к замеченному предмету. Нетерпеливое любопытство заставило его увеличить скорость.

Когда вездеход приблизился на расстояние в полкилометра, Камов, не опуская бинокля, сказал:

— Я знаю, что это такое. Это звездолет, но гораздо меньший по размерам, чем наш.

— Звездолет?.. Мы не одни на Марсе?

— Очевидно. Скорей всего, это американский звездолет Чарльза Хепгуда.

— Любопытная встреча! — разочарованно сказал Пайчадзе. — А я надеялся, — увидим что-нибудь стоящее внимания. Сообщить Белопольскому?

— Успеем. Связь назначена на тринадцать часов. Нет оснований нарушать график- тем более, что мы через полминуты будем на месте.

Вездеход прошел прямо через густые заросли и оказался на песчаной площадке на берегу такого же озера, как то, где они оставили свой корабль. Сходство местности было настолько полным, что им на секунду показалось, что они вернулись «домой». Но это впечатление быстро рассеялось.

Вездеход остановился в десяти шагах от американского звездолета, который лежал на песке, как сказочный крылатый кит. Он был окрашен в серебристый цвет и имел не более двенадцати метров в длину при ширине в два с половиной. Длинные заостренные крылья, расположенные в нижней части фюзеляжа, придавали ему вид транспортного самолета. Колес не было. Камов отметил про себя, что крылья не убираются в полете. Всю заднюю часть закрывала масса толстой шелковой ткани.

— Очень любопытно! — сказал Камов. — Звездолет, опускающийся на планету с помощью парашюта. Ничего подобного мне в голову не приходило. Крыльев вполне достаточно для плавного спуска. Намудрил что-то мистер Хепгуд.

— Где американцы? — спросил Пайчадзе.

Действительно, около звездолета никого не было видно.

— Они или спят или ушли куда-нибудь, — ответил Камов.

Он внимательно осмотрелся вокруг и вдруг резко схватил за плечо своего спутника.

— Смотрите! — сказал он дрогнувшим голосом.

В нескольких шагах от них на песке темнело большое пятно. Сломанные часы крупного размера валялись рядом с оторванной человеческой ногой, обутой в ботинок на толстой подошве. Недалеко лежала разбитая магниевая лампа.

— Скверная история! — сказал Камов. — Тут произошла трагедия! Но неужели весь экипаж стал жертвой? Оставайтесь на месте, — прибавил он, надевая кислородную маску. — Я выйду. Надо выяснить этот вопрос.

— Будьте осторожны, Сергей Александрович! — Пайчадзе тоже надел маску. — Это — «волки», которых мы еще не видали. Это их работа.

Камов вынул револьвер из кобуры и засунул его за пояс. Пайчадзе взял в руки винтовку и, нажав кнопку, опустил стекла всех окон.

— Не покидайте вездехода ни при каких обстоятельствах! — сказал Камов и, открыв дверь, вышел наружу.

Подойдя к темному пятну, он наклонился и внимательно осмотрел человеческую ногу, оторванную немного ниже колена. Никаких других остатков тела не было видно.

«Почему тут часы? — подумал он. — Как они очутились здесь? К чему магниевая лампа? Один или несколько человек погибло здесь? Как узнать это?»

Звук щелкнувшего замка заставил его быстро выпрямиться.

В корпусе звездолета открылась дверь. Камов машинально отметил про себя, что дверь открывается на петлях, а не сдвигается, как у них. «Не удобно!» — мелькнула мысль.

Показался человек, одетый в темно-синий комбинезон. Кислородная маска закрывала лицо американца.

Он, как бы в раздумье, остановился на пороге двери, потом спрыгнул вниз и направился к Камову. Походка была неровная.

— Здравствуйте! Вы русские звездоплаватели? — голос звучал глухо из-под плотной маски.

— Да, — ответил Камов. — Кто вы такой?

Бейсон вздрогнул от неожиданного громкого ответа. Камов (он узнал его) говорил по-английски.

— Я член экипажа американского звездолета, — ответил он.

— Мы так и подумали, когда увидели ваш корабль. Судя по росту, вы не Чарльз Хепгуд, а я предполагаю, что этот звездолет прилетел сюда под его управлением. Где он сам?

— Вот всё, что от него осталось. — Бейсон указал на оторванную ногу. — Сегодня ночью на нас напал неведомый зверь. Он растерзал Чарльза Хепгуда. Я сам с трудом спасся, расстреляв все патроны, но спасти товарища не мог.

— Как выглядит этот зверь? — быстро спросил Камов.

— Это была толстая мохнатая змея серебристого цвета. Я видел ее только при короткой вспышке магния и не мог как следует разглядеть.

— Тогда не удивительно, что вы не убили зверя, расстреляв все патроны, — сказал Камов, — поскольку стреляли в полной темноте.

Бейсон густо покраснел, но Камов не заметил этого.

— Кто еще есть с вами? — спросил он.

— Никого. Нас было двое.

— Как вас зовут?

— Ральф Бейсон, корреспондент «Нью-Йорк Таймс».

— Значит, у вашей экспедиции не было никаких научных целей?

— Хепгуд вел наблюдения.

— Правда, он был крупным ученым. Жаль, что он погиб, — и, внезапно осененный догадкой, Камов в упор посмотрел в глаза американцу. — Вы сказали, что зверь напал на вас сегодня ночью. Когда вы прилетели?

— Вчера поздно вечером. А вы?

— Зачем же вы вышли из звездолета ночью? В неизвестную, таящую опасности темноту? Почему вы не подождали рассвета, как сделали это мы? Я знаю, зачем вы это сделали. Эти часы и эта лампа говорят о вашей цели лучше всяких слов. Но, позвольте вам сказать, мистер Бейсон, что вы с Хепгудом вели себя по-мальчишески.

Камов был глубоко возмущен. Ему было жаль, что Чарльз Хепгуд погиб так бессмысленно.

— Мы прилетели на Марс, — продолжал он, видя, что Бейсон не отвечает, — на двадцать четыре часа раньше вас, но вышли из звездолета только вчера утром. И никаких часов не фотографировали. Нам не нужны нелепые рекорды.

— Мы хотели быть первыми, — сказал Бейсон. — Мы боялись, что вы, мистер Камов, нас опередите.

— Вы меня знаете?

— Кто не знает «Лунного Колумба»! Вы и мистер Пайчадзе достаточно знамениты, чтобы узнать вас, особенно на Марсе.

— Что же вы думали делать после гибели Хепгуда? — спросил Камов. — Умеете вы управлять звездолетом?

— Нет, — просто ответил Бейсон. — Я думал покончить самоубийством и сделал бы это, если бы вы не появились в самый последний момент.

Камову стало жаль этого человека.

— Извините меня, — сказал он, — если я говорил резко. Мне больно, что Чарльз Хепгуд напрасно погиб, и это вывело меня из равновесия. Вам совершенно не нужно кончать самоубийством. Вы вернетесь на Землю с нами.

Камов подошел к вездеходу и передал Пайчадзе свой разговор с Бейсоном.

— Они оба дорого заплатили за свое легкомыслие, — сказал он. — Этот корреспондент еще молод, но уже поседел. Вероятно, за одну эту ночь.

Пока Камов говорил с Пайчадзе, Бейсон напряженно обдумывал свое положение. Лавры первенства ускользнули: русские опередили их. Поражение было полное. Мало того, что они не первые достигли Марса, — он, Бейсон, вынужден вернуться на Землю спасенный русскими звездоплавателями, как щенок, вытащенный за шиворот из лужи. Впереди ничего, кроме насмешек над неудачливым звездоплавателем. Бейсон лучше всех знал, как беспощадна американская пресса.

«Вот если бы было наоборот, — думал он. — Если бы на Землю вернулся американский звездолет, а русский погиб. Я стал бы миллионером».

Он вздрогнул от внезапно пришедшей в голову мысли... Камов здесь... Он умеет управлять звездолетом. Захватить его... Заставить лететь на Землю! Русский корабль без Камова и Пайчадзе погибнет. Кто поверит, что дело происходило не так, как расскажет он, Бейсон, спасший русского ученого? А если в Советском Союзе и поверят

Камову, то всё равно в Америке будут славить его — Бейсона. Богатство тогда твердо обеспечено!

Ослабленный длительным пьянством и страшными событиями минувшей ночи, мозг Бейсона работал с трудом. Он не отдавал себе ясного отчета в задуманном. Для него было очевидно одно: принять предложение Камова — это значит опозорить себя и потерять всё. Надо попытаться.

Камов опять подошел к нему.

— Мы должны отправиться в обратный путь, — сказал он. — До нашего звездолета около ста пятидесяти километров. Возьмите с собой свои личные вещи. Их, вероятно, не слишком много?

— Совсем не много, — ответил Бейсон. — Я быстро соберусь. Пройдите со мной в наш звездолет и осмотрите его. Жаль бросить его здесь, но придется, раз его командир погиб. А на вашем корабле хватит места для меня?

— Хватит, — рассмеялся Камов. — Наш звездолет может вместить еще десять человек.

— Подождите, я сброшу вам лестницу, — сказал Бейсон, когда они подошли к кораблю.

Вместо ответа Камов, схватившись руками за нижний край рамы, подтянулся и легко впрыгнул внутрь. Американец последовал за ним и закрыл дверь. В узкой камере было трудно стоять вдвоем - тем более, что внутренняя дверь открывалась также на петлях.

Камова удивила теснота помещения. Свободного места было очень мало. Очевидно, звездолет имел только одну каюту, в которой жил его экипаж и помещались приборы и всё оборудование.

Сняв с себя кислородную маску, он сейчас же почувствовал, что воздух давно не обновлялся: было жарко и душно. Старый, застоявшийся запах спиртного перегара поразил его. Он хотел спросить Бейсона, но, посмотрев на лицо американца, также снявшего маску, понял всё и без вопроса. Опухшее лицо, покрасневшие веки глаз, мутный взгляд лучше слов говорили о длительном пьянстве.

Камову стало противно. Он отвернулся от Бейсона и, подойдя к пульту управления, внимательно осмотрел его.

— Поторопитесь! — сказал он. — Мы не можем долго ждать. Соберите то, что хотите взять с собой, но учтите, что спиртные напитки у нас запрещены.

Он хотел повернуться, но внезапно почувствовал, как его тело обвила ременная петля. Руки оказались плотно прижатыми к бокам. Ремень еще раз обернулся вокруг него, и Камов оказался крепко связанным. Не теряя самообладания, он спокойно повернулся.

— Что это значит, мистер Бейсон?

Американец ничего не ответил и, надев маску, быстро вышел. Дверь выходной камеры захлопнулась за ним.

Камов напряг мускулы, но крепкий ремень не поддался его усилиям.

«Бейсон пошел к Пайчадзе. Что задумал этот человек? Какая цель этого непонятного нападения?»

Тревога за ничего не подозревавшего товарища охватывала его всё сильнее. Камов попытался подойти к окну, но прикрепленный под ним стальной резервуар мешал ему. Без помощи рук он не мог дотянуться до узкого отверстия...

Выйдя из звездолета, американец направился к вездеходу. План действий был уже твердо выработан. Он убьет Пайчадзе и захватит весь кислород, который должен был находиться в вездеходе. Камову ничего не останется, как лететь на Землю на американском звездолете. Цель будет достигнута. Ни о чем больше Бейсон не думал. Всё равно отступать было уже поздно. Русские не простят ему нападения на Камова.

Пайчадзе сидел в машине, терпеливо дожидаясь Камова. Время подходило к назначенному моменту связи со звездолетом, и он был уверен, что его товарищ и командир не пропустит этой минуты. Сейчас он выйдет, и, сообщив друзьям о неожиданном событии, они тронутся в обратный путь.

Он увидел, как открылась дверь и на землю выпрыгнул Бейсон. Камов не появлялся.

Бейсон подошел ближе и остановился. Выражение его лица не понравилось Пайчадзе. Он почувствовал легкую тревогу и приподнялся.

— В чем дело? — спросил он.

Бейсон вскинул руку. В разреженном воздухе негромко щелкнул выстрел.

Под тяжестью падающего тела раскрылась дверца — и Пайчадзе тяжело свалился на песок.

«Всё!» — подумал Бейсон.

Он дрожал от волнения. Тошнота опять подступила к горлу и душила его. Стараясь не смотреть на убитого, он подошел ближе. Надо было кончать дело. Чтобы отрезать Камову всякую возможность бегства, необходимо вывести вездеход из строя.

Револьвер всё еще был в руке, и Бейсон спрятал его в карман. Мотор находился под металлическим кожухом, прикрепленным болтами; журналист стал искать ключ, который должен был находиться в инструментальном ящике. Но где он, этот ящик? Вероятно, под сидением...

Бейсон наклонился.

— Не двигайтесь! — раздался позади него чей-то голос.

Американец стремительно обернулся. Пайчадзе стоял в двух шагах. Он держал револьвер, направленный в голову Бейсона, в левой руке.

— Где Камов? Если с ним случилось несчастье, я застрелю вас, как собаку. Отвечайте!

— Я только связал его.

— Если так, ваше счастье! — Пайчадзе облегченно вздохнул. — Повернитесь спиной, выньте револьвер, бросьте на землю!

Бейсон повиновался. Его недавнее возбуждение исчезло. Воля была сломлена.

Пайчадзе наступил ногой на брошенное оружие. После секундного колебания он засунул револьвер за пояс и левой рукой ощупал карманы американца.

— Повернитесь! — сказал он. — Идите на свой корабль. Я следую за вами. При малейшем подозрении я выстрелю. Я не промахнусь, как вы.

— Оставьте меня здесь, — вяло сказал Бейсон — Я не хочу возвращаться на Землю.

— Говорите с Камовым. Я с удовольствием исполнил бы вашу

просьбу.

Опустив голову, Бейсон направился к кораблю. Он не видел, как Пайчадзе пошатнулся и ухватился левой рукой за дверцу машины, чтобы не упасть. Усилием воли поборов слабость, он медленно двинулся за американцем. Правая рука астронома безжизненно висела вдоль тела.

— Сбросьте мне лестницу! — сказал он.

Бейсон молча выполнил и этот приказ.

Камов стоял, прислонившись к щиту управления, и при входе Бейсона посмотрел на него вопросительным взглядом Заметив за спиной американца Пайчадзе, он улыбнулся и кивнул головой, как бы желая сказать: «Я знал, что так будет».

Бейсон развязал ремни.

— Спасибо, Арсен Георгиевич! — Камов протянул руку и только теперь заметил бледность своего товарища. — Что с вами? Вы ранены?

Пайчадзе коротко рассказал обо всем, что произошло.

— Пуля попала в правое плечо. — сказал он. — Ничего страшного нет. Не очень болит. Только слабость.

— Это мы сейчас увидим! — сказал Камов и, повернувшись к Бейсону, спросил, едва сдерживая свою ярость: — Где тут перевязочные материалы?

Журналист указал на небольшой ящик с красным крестом на крышке.

— Помогите раздеться раненому!

Открыв ящик, Камов убедился, что там было всё, что нужно. Входное отверстие пули находилось немного ниже правой ключицы. Но, повернув раненого спиной, он увидел, что пуля осталась внутри тела. Это было уже гораздо хуже.

— Боюсь, что нам не обойтись без операции, — сказал он. — Во всяком случае надо как можно скорее возвращаться на звездолет.

Он быстро и умело наложил повязку.

— Ну теперь всё в порядке! Посидите спокойно минут пятнадцать. Всё же падать на землю с такой раной в плече было очень рискованно.

— Нападение было неожиданно, — сказал Пайчадзе. — Я не мог поступить иначе. Он выстрелил бы опять, более удачно. Конечно,

примитивная хитрость, но я был уверен, — он не имеет опыта в таких делах. Что он хотел сделать мне, не понятно. Какая цель нападения?

— Полагаю, что я уже понял его цель, — ответил Камов и, повернувшись к Бейсону, продолжал по-английски: — Неужели вы могли думать, что я согласился бы лететь с вами, бросив своих товарищей? Не судите людей по себе, мистер Бейсон. Всё, что случилось, я отношу за счет расстройства ваших нервов. Когда вы придете в нормальное состояние, то сами устыдитесь своего поведения.

— Боюсь, вы сами судите людей по себе, — по-русски заметил Пайчадзе.

— Торопитесь! — сказал Камов. — Берите свои вещи и отправимся.

— Он просит оставить его здесь. Он сказал, что не хочет возвращаться на Землю. Я его понимаю.

— Глупости!

Бейсон послушно достал небольшой чемодан. Он чувствовал тупое равнодушие ко всему, что бы с ним ни произошло. Теперь уже окончательно всё погибло. Впереди несмываемый позор.

«Надо было выстрелить еще раз, когда этот человек лежал на земле, — думал он. — Как можно было допустить, чтобы русский так ловко одурачил меня!.. Промахнуться с трех шагов... Непростительно! Камов говорит, что всё равно не полетел бы, но это одни слова. Под угрозой неизбежной смерти он запел бы по-иному...»

Личных вещей у Бейсона почти не было, и он быстро заполнил чемодан.

— Пора отправляться! — сказал Камов. Он наклонился к Пайчадзе. — Как вы себя чувствуете, Арсен Георгиевич?

— Не плохо. — Пайчадзе встал, но пошатнулся и чуть не упал на пол. Камов подхватил его. — Голова сильно кружится.

— Обнимите меня за шею, — сказал Камов. — Самое трудное — добраться до вездехода, а там я быстро доставлю вас домой. Идите вперед! — приказал он Бейсону.

Американец молча повиновался. Спрыгнув на землю, он помог Камову спустить раненого.

— Я очень сожалею, мистер Камов, — сказал он, — что предпринял это нелепое нападение. Не знаю, как это могло случиться. Я, вероятно, не в своем уме. Гибель Чарльза Хепгуда помутила мой разум.

— Это не удивительно, — ответил Камов. — К тому же вы много пили последнее время. Думаю, что суд примет это во внимание. Положите внутрь корабля ногу Хепгуда.

Он поднял Пайчадзе на руки.

— Вам тяжело, Сергей Александрович?

— Нисколько! Разве вы забыли, что мы на Марсе?

Он отнес товарища к вездеходу и удобно устроил его на заднем сидении.

Бейсон всё еще стоял у двери. Последние слова Камова поразили его, как громом. До сих пор ему казалось, что командир советского звездолета не придает большого значения всему случившемуся. Он понял, что глубоко ошибся. То, что он принял за снисхождение, было только проявлением выдержки и редкого самообладания.

Камов вернулся к Бейсону.

— Не задерживайте нас, — раздраженно сказал он. — В чем дело?

Бейсон не ответил. Он молча поднял останки своего спутника и, положив их на пол выходной камеры, запер дверь. Также молча он занял указанное ему место в машине. Камов сел рядом.

Прежде чем тронуться с места, он включил передатчик.

— Наконец-то! — раздался голос Белопольского. — Что у вас случилось, Сергей Александрович?

— Всё расскажу, когда вернемся, — сказал Камов. — А теперь слушайте внимательно. Арсен Георгиевич ранен. Приготовьте удобную постель. Когда увидите вездеход, пусть Борис Николаевич выйдет помочь мне перенести раненого. Кроме того, мы везем с собой еще одного человека. Для него приготовьте резервную каюту.

— Какого человека?.. Откуда?!

— Это член экипажа американского звездолета. Объяснять нет времени. Потерпите немного. Вездеход будет идти на полной скорости. Разговаривать на ходу не буду. Через полтора часа будем дома. Всё ясно?

— Нет, пока еще совершенно неясно, — ответил Белопольский. — Но ваши приказания будут исполнены.

— Пока до свидания! Прекращаю связь.

Выключив микрофон, Камов повернулся к Пайчадзе:

— Вам удобно, Арсен Георгиевич?

— Очень хорошо, не беспокойтесь!

— Разрешите, — неожиданно сказал Бейсон, — задержаться на одну минуту.

— Зачем?

— Мне хотелось бы вернуться на звездолет. Там есть американский флаг. Я хочу укрепить его на корабле. Пусть он развевается здесь на память о нашем посещении Марса.

— Нет! — резко ответил Камов. — Не разрешаю!

Он включил мотор.

— Я пущу вездеход с максимальной скоростью, Арсен Георгиевич. Путь нам знаком, и это не опасно. Если скорость будет доставлять вам какое-нибудь неудобство, — скажите.

— Ничего не случится, — ответил Пайчадзе. — Я чувствую себя хорошо.

Обратный путь занял меньше, чем полтора часа. Везде ход шел со скоростью ста десяти километров, строго придерживаясь своего же следа, отчетливо видного на ровном плотном грунте. Мощные рессоры пассажирской кабины и мягкие кресла создавали хорошие условия для раненого; и Камов надеялся, что переезд не вызовет никаких осложнений. Рана, к счастью, была легкой. Правда, придется вынимать пулю, но это не тревожило врача. На звездолете было всё, что необходимо для любой операции.

Будь рана опаснее, пришлось бы не менее суток оставаться на американском корабле, где трудно было уложить раненого достаточно удобно. Кроме того, возникло бы еще одно неприятное осложнение. Старт звездолета с Марса состоится через три дня. Ускорение при взлете вызовет удвоенную силу тяжести, что для тяжело раненного могло быть опасно, Камов хорошо знал, что, если бы даже это грозило смертью Пайчадзе, он всё равно был бы вынужден вылететь, чтобы не погубить остальных членов экипажа.

До этого дня экспедиция протекала исключительно удачно. Старт с Земли, перелет к Венере, осмотр планеты, встреча с астероидом прошли на редкость хорошо. Труднейший спуск на Марс, которого он, втайне от спутников, очень боялся, также окончился вполне благополучно. Звездолет опустился как на земном ракетодроме. Казалось, что космический рейс пройдет, против ожиданий, без малейшего затруднения.

И вот встреча с американцами едва не окончилась катастрофой.

Камов испытывал горькое сожаление, что позволил Бейсону заманить себя в эту ловушку. Но кто мог ожидать, что этот выродок задумал такую безмерную подлость?

Тупость и неблагодарность американца выводили Камова из себя.

На что рассчитывал этот человек?

Если даже предположить, что его план увенчался бы успехом, то что произошло бы дальше? Советский звездолет всё равно вернулся бы на Землю. А кораблем Хепгуда можно было бы воспользоваться только в том случае, если журналист сумел бы дать все указания относительно конструкции корабля, его двигателей, их мощности, развиваемой скорости и многие другие сведения, без которых полет на космическом корабле невозможен. Знал ли американец всё это? Скорей всего, что нет. Но предположим, что он это знает. Звездолет, управляемый советским ученым, опустился бы, конечно, на территории Советского Союза. Неужели Бейсон мог допустить мысль, что он сумел бы заставить Камова лететь в Америку? Очевидно, именно на это и рассчитывал журналист. Он судил по себе...

Близкое соседство американца, занимавшего кресло, на котором так недавно сидел Пайчадзе, было физически неприятно Камову, и он с нетерпением ждал конца длинного пути.

Несколько раз он оборачивался назад. Пайчадзе, очевидно, испытывал сильную боль. Об этом говорили помутневшие глаза и стиснутые зубы астронома. Капельки пота выступали на лбу, и раненый вялым движением вытирал их платком. Было ясно, что для него путь не был таким гладким, как это казалось здоровому человеку. Встречая тревожный взгляд Камова, Пайчадзе чуть заметно улыбался и,

едва шевеля губами, произносил одну и ту же фразу: «Ничего, всё в порядке!»

Только бы он не потерял сознания!

Осталось совсем немного.

Растения, как молнии, проносились мимо окон мчавшегося вездехода. Камов до отказа вывел ручку реостата, выжимая из мотора всё, что он мог дать.

Он не боялся такой скорости. Следы гусениц были отчетливо видны, и на знакомом пути опасаться было нечего. «Болото», где вездеходу пришлось замедлить ход, осталось далеко позади. Звездолет был уже близко. Каждое мгновение Камов ожидал, что впереди возникнет силуэт родного корабля.

И всё же он появился неожиданно.

Белоснежный корпус с широко распластанными крыльями гордо возвышался над низкими марсианскими кустами, всем своим видом олицетворяя силу народа, пославшего его сюда.

Камов залюбовался своим кораблем. Какой контраст с американским звездолетом, маленьким, тускло-серым, пугливо прижавшимся к земле всем корпусом, словно он боялся неведомой планеты, на которую попал и где ему суждено теперь остаться навсегда!

Вездеход, постепенно замедляя скорость, приближался к кораблю.

Камов увидел, как отворилась дверь и на землю спрыгнул Мельников. В руках он держал какой-то длинный предмет.

«Носилки», — догадался Камов.

Он мельком взглянул на Бейсона, проверяя, какое впечатление произвел их корабль. Лицо американца было хмуро.

«То-то!» — подумал Камов.

Вездеход остановился.

Обернувшись к Пайчадзе, Камов увидел, что астроном потерял сознание. Незаметная, но неизбежная тряска сделала свое дело. Лицо раненого казалось безжизненным. Камов с волнением пощупал пульс. Нет, это простой обморок. Нельзя терять времени! От быстроты, с которой будет сделана операция, многое зависело.

Он поспешно надел на Пайчадзе маску и открыл кран воздухоподачи. Знаком приказав американцу сделать то же, открыл дверь и вышел из вездехода.

— Что с Арсеном Георгиевичем? Как это случилось, что он ранен?

Даже под маской было видно, как взволновано лицо Мельникова. Он смотрел на неподвижное тело товарища, не обращая внимания на Бейсона. Он просто забыл о нем.

Развернув носилки, они уложили на них раненого. Пайчадзе не очнулся.

— Это даже лучше, — сказал Камов. — Он не будет испытывать боли от переноски.

— Как это случилось? — повторил Мельников.

Инстинктивно он посмотрел на американца. Тот молча стоял рядом.

— Здравствуйте! — он протянул Бейсону руку.

— Отставить! — жестко сказал Камов. — Убийцам руки не подают.

Мельников испуганно отдернул руку.

— Убийцам?!

— Арсен Георгиевич ранен пулей этого американского бандита, — нарочно по-английски сказал Камов. Он знал, что Мельников понимает этот язык. — Убийства не произошло только случайно. Вы приготовили для него каюту?

— Да, она готова.

— Заприте его в ней.

Мельников с отвращением посмотрел на неожиданного гостя. У него на языке был вопрос: почему Камов не застрелил этого человека, пытавшегося убить Пайчадзе, но он промолчал. Через несколько минут он всё узнает. Они молча перенесли раненого внутрь звездолета, где их встретил взволнованный Белопольский. Бейсон, опустив голову, шел за ними. Заметив, что Константин Евгеньевич сделал движение к американцу, Мельников передал ему слова Камова.

— Идите за мной! — сказал он, обращаясь к Бейсону.

Отведя американца в запасную каюту и замкнув снаружи круглую дверь, он вернулся в обсерваторию, где Камов спешно готовился к операции. Пайчадзе всё еще был без сознания, и он решил не

прибегать к наркозу. Операция по извлечению пули не должна была занять более пяти минут. И действительно, через пять минут всё было кончено.

— Теперь только покой и уход, — сказал Камов.

— Вы считаете, что он вне опасности?

— Безусловно. Рана не тяжелая. Обморок вызван переездом. Я думаю, что через три дня, к моменту нашего старта, Арсен Георгиевич будет чувствовать себя достаточно хорошо.

Разговаривая, он закончил перевязку и стал энергично приводить раненого в чувство.

Минуты через три Пайчадзе открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Камов.

— Хорошо.

— Старайтесь делать поменьше движений.

— Разрешите мне ухаживать за раненым, — попросил Мельников.

— Около Арсена Георгиевича будет непрерывное дежурство, — сказал Камов. — По очереди.

— Это сорвет план. — Пайчадзе умоляюще посмотрел на товарищей. — Мне не надо тщательного ухода. Ничего серьезного нет. Вы это знаете, Сергей Александрович.

Камов улыбнулся.

— В этом вопросе, — сказал он, — вы не имеете права голоса. Будет так, как я сказал. Ваше здоровье дороже всего. А теперь лежите и молчите. Сегодня я не разрешаю вам разговаривать.

— Вы так и не рассказали, как это всё произошло, — сказал Мельников.

— Расскажу.

Выслушав подробный рассказ о событиях дня, Белопольский задумчиво сказал:

— Выходит, что даже на Марсе дельцы верны себе.

— Иначе не может быть, — ответил Пайчадзе.

— Я, кажется, запретил вам разговаривать, — сказал Камов. — Почему вы не слушаетесь врача?

Пайчадзе улыбнулся и закрыл рот левой рукой.

— Это несчастье, — сказал Камов, — действительно срывает нам намеченный план, но в этом нет большой беды. Планета представляет собой пустыню. Если Венера доставила нам приятную неожиданность, то Марс, на которого мы возлагали столько надежд, поступил совсем наоборот. Исследовать болото, собрать образцы растений и организовать охоту на имеющихся животных мы можем и втроем. Я хотел поднять звездолет в воздух и сверху осмотреть планету, но выстрел Бейсона срывает и этот план. Теперь волей - неволей придется ждать намеченного срока отлета на Землю. Арсену Георгиевичу нужен покой как можно дольше. Завтра мы с Борисом Николаевичем съездим еще раз к американскому кораблю и по дороге займемся болотом. Надо поискать останки Хепгуда и похоронить их. Константину Евгеньевичу придется опять остаться на корабле.

— Я займусь сбором растений, — сказал Белопольский.

— Только после нашего возвращения. Пока мы будем в отсутствии, вы не должны выходить из корабля. Не забывайте, что мы не знаем, какие животные есть на Марсе. Смерть Хепгуда достаточно ясно показала, что надо быть очень осторожными.

«Прыгающая ящерица»

На следующий день, как только взошло солнце, вездеход снова отправился в путь.

— Мы вернемся приблизительно через шесть, семь часов, — сказал Камов провожавшему их Белопольскому — Все распоряжения, которые я отдавал вчера на случай, если вездеход не вернется, остаются в силе и сегодня.

— Всё будет в порядке! Счастливого пути! — ответил Белопольский.

Камов сел за рули машины, Мельников — рядом. Он положил киноаппарат к себе на колени, чтобы предохранить его от случайного толчка в дороге. Позади были сложены лопаты, кирки, веревки, тросы и электролебедка.

Камов закрыл дверь и пустил в ход мотор. Мельников в это время наполнил кабину кислородом.

Сняв маски, они жестом простились с товарищем, стоявшим в дверях звездолета, и вездеход пошел по своему вчерашнему следу. Повернув в проход между растениями, Камов включил максимальную скорость. Машина рванулась и помчалась вперед.

— Сто десять километров, — сказал Мельников, взглянув на указатель.

— Хорошая машина! — ответил Камов. — Дороги на Марсе очень удобны: ни ям, ни косогоров. Никаких неровностей. Грунт гладкий, как стол. Но всё же с такой скоростью можно ехать только по знакомому пути.

Однообразная марсианская равнина казалась безжизненной. Ни один «заяц» не показывался на пути вездехода, который быстро и равномерно оставлял позади километр за километром.

Оба звездоплавателя молчали. Мельников испытывал сильное волнение, сознавая всю необычайность этой поездки по поверхности планеты, которую он часто видел с Земли как небольшую красноватую звездочку. Камов, переживший это чувство вчера, был спокоен.

— Внимание! — сказал он вдруг: — Смотрите вперед!

Мельников поднес к глазам бинокль, но ничего примечательного не увидел.

— Ничего не видите?

, — Ничего, Сергей Александрович.

— То-то и есть! — сказал Камов. — Впереди «болото». Оно так мало заметно, что представляет собой настоящую ловушку. Вчера мы с Арсеном Георгиевичем его не заметили. Хорошо, что скорость была незначительная. Пришлось давать обратный ход. Видите, впереди след поворачивает?..

Вездеход остановился.

«Болото» почти ничем не отличалось от окружающей местности. Только песок был чуть темнее и растения немного выше, чем на «сухих» местах.

— На тихом ходу обнаружить болото можно, — сказал Камов. — Но при скорости даже в тридцать километров они могут быть опасны. Кто знает, какова их глубина?

Они надели кислородные маски и вышли из машины.

— Почаще смотрите вокруг, — сказал Камов. — Если мы прозеваем появление «змеи», о которой говорил Бейсон, дело может кончиться плохо.

Здесь было открытое место, но всё же растений было достаточно много, и они сокращали видимость. Привычный к природным условиям Марса хищник мог незаметно подкрасться к людям.

— Надо как можно скорее закончить дело, — сказал Камов.

Он говорил тихим голосом, в котором слышалось сдерживаемое волнение.

На Земле всегда можно расслышать какой-нибудь звук — шепот ветра, шуршание песка, отдаленный шум. Здесь была поразительная тишина. Земля, воздух, растения казались неподвижными, застывшими под лучами нежаркого солнца. Сверкавшие кое-где на темно-синем небе звезды придавали пейзажу еще более странный, неправдоподобный вид. Безмолвие угнетало. Почва, на которую ступала нога, готова была как будто раздаться под тяжестью незваного пришельца. Природа казалась враждебной, настороженно следящей за каждым движением людей Земли. Она выжидала, готовая уничтожить ворвавшихся в ее владения чуждые и непонятные ей существа, как она это уже сделала с одним из них.

Мельников крепче сжал рукоятку револьвера, пристально вглядываясь в ближайшую к ним группу растений. Ему показалось, что под длинными листьями что-то шевелится. Он инстинктивно подвинулся ближе к Камову.

— Там что-то есть, — сказал он.

Камов вгляделся по направлению, куда указывала рука его спутника, потом неожиданно вскинул пистолет и выстрелил.

— Как видите, ничего нет, — сказал он. — Не давайте своим нервам распускаться. Здесь действительно жутко.

Звук выстрела как-то успокаивающе подействовал на Мельникова. Стало стыдно своего малодушия. Он засунул револьвер за пояс комбинезона и принялся помогать Камову.

Они вытащили из вездехода лебедку и установили ее, соединив двигатель с аккумуляторами машины гибкими проводами. Камов

взял стальной шест, заостренный на конце, и медленно пошел вперед, прощупывая песок. Почва была вязкой.

— Это не обыкновенное болото, как на Земле, — сказал он, — а что-то другое.

Он сделал только пять или шесть шагов, когда шест внезапно выскользнул из его руки и исчез в песке. Камов застыл на месте.

— Похоже на то, что под слоем песка находится вода, — сказал он, — но на воде не может держаться песок. Наше счастье, что вчера мы не попали на это место. Вездеход мог провалиться так же, как шест. — Он отступил на шаг. — Проверим, какова здесь глубина. Давайте груз.

Мельников вынул из машины длинный стальной стержень с острым концом и несколькими сквозными отверстиями. К стержню был прикреплен конец троса. Они осторожно поставили его на то место, где исчез шест, и выпустили из рук. Стержень стремительно ушел в глубину. Трос, разматываясь с барабана, заскользил по песку, исчезая в бездне. По быстроте, с которой он двигался вниз, было видно, что груз не встречает препятствий и падает свободно. Трос от лебедки до места погружения постепенно уходил всё глубже в почву; и, чтобы следить за ним, Камов и Мельников приближались к лебедке, стоявшей у самого вездехода. Через минуту, выпрямившись почти вертикально, тысячеметровый трос размотался весь.

— Здесь настоящая бездна, — сказал Камов.

Он включил мотор — и барабан завертелся в обратную сторону, наматывая на себя трос. В отверстиях стального стержня оказался тот же песок, что и на поверхности.

— Он мог набиться в первые секунды, — сказал Камов. — Это не доказывает, что песок имеет километровую глубину. Но он совершенно сухой. Значит, под верхним слоем воды нет. Почему же груз падал так свободно? Попробуем с другим тросом.

Опыт был повторен. На глубине тысячи трехсот двадцати метров стержень остановился. Извлеченный на поверхность, он доставил тот же песок.

Камов соединился по радио с Белопольским и рассказал ему всё.

— Попробуйте в других местах, — посоветовал Константин Евгеньевич.

«Болото» имело площадь около гектара. Еще три часа Камов и Мельников измеряли его глубину, переходя с места на место по «берегу», не рискуя произвести опыт на середине. Результаты всюду получились одинаковыми. Создалось впечатление, что в этом месте на поверхности Марса находится глубокий колодец, заполненный сыпучим песком, по неизвестной причине нигде не имеющим большой плотности. Измерение глубины с помощью эхолота дало тот же результат — 1320 метров. Весь извлеченный песок был тщательно упакован в металлические банки.

— С тем оборудованием, которое мы имеем, — сказал Камов, — ничего больше сделать, нельзя. Эту загадку разрешат следующие экспедиции.

Они решили взять на «болоте» одно из растений, которые здесь были немного выше, чем у звездолета, и могли иметь другое строение. Против ожиданий, это оказалось очень тяжелым делом. Прежде всего Камов прощупал почву вокруг выбранного растения и, убедившись, что здесь они не рискуют провалиться, принялся откапывать корни. Мельников стоял на страже, следя за местностью Несколько раз они менялись местами. Растения имели бесчисленное количество перепутанных между собой корней, что делало работу очень утомительной. Мельников предложил вырвать растение из земли с помощью лебедки, но Камов решительно отказался от этого.

— Мы должны доставить это растение на Землю в целом виде, — сказал он. — Лебедка может оборвать корни.

Через два часа напряженного труда цель была достигнута. Марсианское растение было осторожно вынуто из песка и уложено на плоской крыше вездехода. Чтобы оно не упало, его привязали широким ремнем, который не врезывался в ствол и не мог его смять. Корни были аккуратно уложены. На звездолете этот ценнейший груз будет положен в специально предназначенный холодильник, в котором и долетит до Земли, чтобы там в лабораториях ботанического института подвергнуться тщательному изучению.

Несколько таких холодильников ожидали на корабле образцов марсианской флоры и фауны.

— Поехали дальше! — сказал Камов. Он посмотрел на часы. — Мы задержались тут слишком долго. Надо торопиться.

Вездеход с прежней скоростью помчался по вчерашнему следу.

— На этой планете так много загадок, — сказал Камов, — что следующим экспедициям предстоит много работы.

— Почему мы так мало пробудем здесь, Сергей Александрович?

— Я уже объяснял вам, почему. Мы должны встретиться с Землей в определенной точке.

— Можно было иначе рассчитать маршрут.

— Мы только пионеры, — сказал Камов. — Наше дело заключается в том, чтобы составить общую картину того, что представляют собой Венера и Марс. Детальное ознакомление с ними...

Он не договорил. Впереди, метрах в пятидесяти, прямо на дорогу выскочил из кустов огромный зверь. Оба путешественника успели заметить серебристый мех, покрывавший всё тело животного, и длинную, похожую на пасть крокодила морду.

Неожиданно увидев перед собой быстро приближавшийся вездеход, зверь на мгновение прижался к земле и вдруг гигантским прыжком исчез в зарослях.

Камов на полном ходу нажал на тормоз правой гусеницы. Круто развернувшись, вездеход врезался в кусты и, подминая их под себя, помчался в погоню.

— Наденьте маску! — возбужденно крикнул Камов. — Держите аппарат наготове! Надо во что бы то ни стало заснять его!

Он неожиданно и так резко затормозил вездеход, что Мельников ударился головой о смотровое стекло.

— Вот он!

В двадцати шагах на берегу озера прижалось к земле преследуемое ими животное. Вода преградила ему путь, заставив остановиться.

Мельников крутил ручку аппарата. Камов быстро надел на него и на себя кислородные маски.

Несколько секунд зверь был неподвижен. Потом огромная пасть широко и угрожающе открылась, обнажив несколько рядов острых

зубов треугольной формы. От головы до кончика мохнатого хвоста животное имело три — три с половиной метра длины. Туловище, не толще тела земного крокодила, опиралось на три пары ног, из которых передние две пары были коротки, близко расположены друг к другу и снабжены острыми когтями, а задние, во много раз более длинные, были согнуты, как у кузнечика. Очевидно, именно с помощью их зверь мог совершать такие огромные прыжки.

Он смотрел на вездеход круглыми зеленовато-серыми глазами, с узким, как у кошки, зрачком и внезапно, с силой распрямив задние ноги, прыгнул на него с расстояния в двенадцать метров.

Мельников откинулся назад при этом внезапном нападении.

Камов не растерялся. В самый момент прыжка он включил скорость — и вездеход рванулся вперед, одновременно поворачивая вправо, чтобы не угодить в озеро. Тело зверя пронеслось над ним и упало на песок позади.

Видимо, разъяренный неудачей, он молниеносно повернулся на месте и прыгнул вторично. На этот раз прыжок достиг цели. Вездеход содрогнулся от толчка. Камов выключил мотор.

Зверь был на крыше, и они слышали, как его когти, а может быть и зубы, скрежетали о металл. Добытое с таким трудом растение упало на землю, изломанное и смятое.

— Приготовиться! — сказал Камов.

Мельников отложил в сторону киноаппарат и взял в руки винтовку.

Вездеход медленно пошел вперед. Но зверь не прыгал с крыши. Может быть, он был испуган никогда не испытанным чувством движения. Хвост свешивался, достигая концом земли. Скрежет зубов о металл прекратился.

— Надо заставить его спрыгнуть, — сказал Камов.

Он нажал на кнопку сигнала.

Рев сирены разорвал безмолвие пустыни. Видимо, испугавшись, зверь попытался соскочить, но его когти скользнули по металлу, и он тяжело упал на спину у самой гусеницы. Одно мгновение Мельников видел совсем близко от себя светлый мех, на брюхе животного и его шесть лап, беспомощно шевелящихся в воздухе. Зверь изогнулся всем

телом, перевернулся и длинными, десятиметровыми прыжками помчался прочь.

Камов увеличил скорость — и вездеход быстро догнал зверя. Рев сирены не прекращался, заставляя марсианское животное, никогда не слышавшее такого звука, мчаться вперед не оборачиваясь. Камов открыл переднее окно.

— Стреляйте только наверняка, — сказал он. — Старайтесь попасть в голову.

Мельников внимательно следил за каждым движением животного. Порывистые прыжки зверя не давали возможности прицелиться.

— Так ничего не выйдет, — сказал он.

— Когда-нибудь он устанет же, — ответил Камов.

— Неизвестно, когда это случится. Мы можем врезаться в другое болото.

— Хорошо! Попробуем иной способ.

Камов выключил сирену. Внезапная тишина заставила зверя остановиться и повернуть голову. Вездеход остановился в трех шагах от него. Промахнуться было невозможно, и Мельников выстрелил.

— Кажется удачно, — сказал Камов.

Оба пристально наблюдали за зверем.

— Я целился ему между глаз, — сказал Мельников.

Они подождали несколько минут, потом осторожно подошли, держа оружие наготове.

Но зверь был мертв: пуля попала точно между глазами.

— Это доказывает, — сказал Камов, — что у марсианских животных мозг расположен так же, как у земных.

— Если у них вообще есть мозг, — заметил Мельников.

— Это мы узнаем, когда доставим его на Землю.

— Удачно всё это вышло.

— А растение погибло.

— Да. Придется доставать новое.

Они говорили отрывисто от охватившего их волнения. У их ног лежало животное, родившееся и выросшее на Марсе, результат, вероятно, долгого развития жизни на этой планете, развития, прошедшего неведомыми путями. Что общего есть у этого зверя с животными Земли? В чем отличие его организма, так похожего внешне на земных зверей, но живущего в совершенно других условиях? Какие тайны природы откроет ученым изучение этого существа, убитого земной пулей?

— Удастся ли нам вдвоем втащить его на крышу вездехода?

— Попробуем!

Но и меньшая сила тяжести на Марсе не помогла справиться с тушей. Зверь был слишком тяжел для двух человек. Лебедка не могла помочь, так как у них не было ничего годного для устройства покатого помоста.

— Придется тащить его к звездолету волоком, — сказал Камов.

— Песок обдерет шкуру. Не лучше ли съездить за досками?

— Опасно оставить его тут. Может быть, забредут его сородичи, а мы не знаем, едят ли они своих. Нельзя допустить, чтобы этот счастливый случай окончился неудачей.

— Поезжайте один, — сказал Мельников. — Я останусь караулить его.

Камов даже не ответил. Он мельком взглянул на своего молодого товарища и слегка пожал плечами.

— Ничего другого не остается, как только тащить волоком, — сказал он. — Примем все меры, чтобы не испортить шкуру.

Камов вошел в машину и долго говорил с Белопольским.

— Константин Евгеньевич согласен со мной, — сказал он. — Если мы подложим под него сидения машины, то на тихом ходу всё обойдется благополучно.

Так и сделали. Четыре сидения вездехода были скреплены между собой, и на этот мягкий кожаный помост с помощью лебедки взвалили тушу. Эта операция заняла больше часа.

— К американскому кораблю сегодня не попасть, — сказал Мельников.

— Попадем завтра.

Обратный путь занял шесть часов. Вездеход шел на самой малой скорости. Часто приходилось останавливаться, скреплять разошедшиеся части импровизированного прицепа, поправлять на нем съезжающую тушу зверя.

Солнце склонялось к западу, когда измученные охотники добрались, наконец, до корабля. Перенести убитое животное в холодильник тоже оказалось нелегким делом. Камов наотрез отказался позвать на помощь Бейсона, и они втроем мучились до наступления темноты.

— Из пяти дней прошло три, — сказал Камов, когда тяжелая операция была закончена, — а мы сделали очень мало.

— Поднажмем в оставшиеся два дня, — ответил Белопольский. — В сущности, сделано не так уж мало. Доставка на Землю этой ящерицы — большая победа.

— Как вы сказали? Ящерицы?

— Да. Прыгающая ящерица. По-моему, это самое подходящее название для этого животного.

Песчаная буря

На четвертый день пребывания звездолета на Марсе Белопольский и Мельников поднялись за час до восхода солнца. Было замечено, что каждое утро около корабля появлялись маленькие зверьки, напоминающие земного зайца. Камов приказал во что бы то ни стало застрелить хоть одного из них. Вооружившись винтовками со снайперским прицелом, оба товарища, как только появился край солнца, забрались на крыло звездолета. Ждать пришлось недолго. Как и в прошедшие дни, «зайцы» появились с первыми лучами дневного светила. Пять зверьков длинными прыжками подскочили к берегу озера.

Два выстрела раздались одновременно — и два «зайца» стали добычей охотников.

Довольные собой, они вернулись на корабль; и второй холодильник принял на хранение еще двух представителей марсианской фауны.

Камов торопил с завтраком. Надо было съездить к американскому кораблю и по дороге достать другое болотное растение взамен сломанного ящерицей.

— На это можно потратить не более пяти часов, — сказал он.

— Как выйдет, — заметил Белопольский. — До сих пор ни один день не прошел без марсианских сюрпризов.

Он был хмур и сердился. Четвертый день ему предстояло провести на корабле. Обстоятельства сложились так, что Камову приходилось ежедневно совершать поездки на вездеходе, а Константину Евгеньевичу очень хотелось увидеть своими глазами природу Марса.

— Везде одно и то же, — утешал его Камов. — Природа Марса всюду одинакова.

— Этого не бывает, — отвечал Белопольский. — Природа бесконечно разнообразна.

— Завтра, — сказал Камов, — вы с Борисом Николаевичем обследуете местность к северу и востоку от корабля. Вечером мы покинем Марс.

Эти слова успокоили Белопольского, и он вышел проводить своих товарищей в третью поездку в обычном настроении.

— Не задерживайтесь! — сказал он на прощание.

Вездеход быстро прошел пятьдесят километров, отделявшие звездолет от «болота». Камов и Мельников всё время разговаривали об убитой вчера «ящерице».

— Любопытное животное, не правда ли, Борис Николаевич? — говорил Камов. — Тело как у ящерицы, задние ноги — кузнечика, пасть — крокодила, глаза — кошки, а мех как у белого медведя. Когда-нибудь одна из следующих экспедиций поймает такое чудовище живым и доставит на Землю.

— Он не сможет дышать нашим воздухом, более плотным, чем на Марсе.

— Сделают специальный ящик с разреженным воздухом, а кормить его можно хотя бы кроликами.

— Я хотел бы принять участие в такой охоте, — сказал Мельников.

— Вы согласились бы еще раз лететь на Марс?

— Не только на Марс, а куда угодно.

— Это хорошо! Случаев будет много. Космические рейсы только начинаются. Но, чтобы участвовать в них с пользой, надо упорно учиться.

— Я именно так и собираюсь поступить, — ответил Мельников.

— Правильно. Когда-нибудь вы станете настоящим «звездным капитаном». — Камов улыбнулся, вспомнив титул, данный американскими газетами Хепгуду.

То ли благодаря вчерашней практике, то ли потому, что попалось более «легкое» растение, но они задержались на «болоте» меньше часу и, погрузив на крышу свою добычу, помчались дальше по пути, прерванному вчера появлением «прыгающей ящерицы».

Часы вездехода показывали десять часов утра, когда на горизонте возник силуэт американского звездолета. Через две минуты они были у цели. Камов остановил вездеход на том же месте, что и в первый раз.

— Какой он маленький! — сказал Мельников, с любопытством рассматривая корабль.

— Не велик!

Камов внимательно осмотрелся кругом. По первому впечатлению ничто не изменилось за эти два дня. Остатки часов и разбитая лампа лежали на прежних местах. Дверь звездолета была закрыта. Но, приглядевшись, он заметил многочисленные следы на песке, а еще больше — на крыле корабля. Оно было сильно исцарапано.

— Здесь побывали звери, — сказал он. — И думаю, что не один, а несколько. Надо быть очень осторожными. Они могут быть где-то тут. Эти мохнатые прыгающие ящерицы очень опасны. — Он задумался. — Искать останки тела Хепгуда будем, не выходя из машины. Окна придется открыть. Оружие держать наготове. Какими пулями оно заряжено?

— Разрывными.

— В таком случае всё в порядке. Отправимся.

Вездеход медленно двинулся вперед.

Тщательный осмотр окрестностей звездолета занял почти час. Кругом всё было спокойно. Ни один зверь не показывался, хотя на песке часто виднелись их следы.

Поиски не дали никаких результатов.

Они вернулись к кораблю. Надо было спешить.

Поочередно выходя из машины, с помощью лопат вырыли глубокую яму. Кирки не пришлось пускать в ход.

Камов подобрал остатки часов и лампу. Придя внутрь звездолета, он положил у щита управления большой плотный конверт, запечатанный сургучной печатью. В нем находился акт о прилете американцев на Марс и описание гибели командира корабля — Чарльза Хепгуда. Акт был написан Камовым на русском и английском языках и подписан им и Бейсоном.

Разыскав американский флаг, о котором говорил Бейсон, Камов захватил небольшой металлический ящик и, уложив в него останки Хепгуда, вышел из корабля, закрыв за собой дверь.

Завернутый в звездный флаг «гроб» опустили в яму и засыпали, сделав над ним небольшой холмик.

Больше здесь нечего было делать, и Камов занял свое место у руля вездехода. Было около часу дня. Через полтора часа они будут дома.

Вездеход тронулся с места.

Оглянувшись на американский корабль, Мельников заметил, что позади него поверхность озера потемнела и на ней появилась сильная рябь.

— Поднимается ветер, — сказал он.

Камов посмотрел на небо. Оно было, как всегда, темно-синее, со сверкающими кое-где звездами. Почти в зените, недалеко от Солнца, блестел Деймос — второй спутник Марса. Ни одного облака не было видно.

— Три дня было безветренно, — сказал он. — Ничего удивительного нет, если это затишье прекратилось. На Марсе должны быть ветры.

Послышался щелчок в громкоговорителе и голос Белопольского:

— Сергей Александрович, вы меня слышите?

— Хорошо слышим, — ответил Камов.

— Где вы находитесь?

— У американского звездолета. Только что отъехали от него.

— Какая у вас погода?

— Поднялся небольшой ветер.

Было слышно, как Белопольский что-то спросил Пайчадзе.

— Мы просим вас ехать как можно скорее. По всем признакам, должна подняться песчаная буря.

— Хорошо, Константин Евгеньевич.

— Арсен Георгиевич спрашивает, — не находите ли вы, что осторожнее вернуться на американский корабль и переждать в нем?

— Нет, — ответил Камов. — Неизвестно, сколько времени продлится эта буря. Если мы покинем вездеход, он может пострадать или быть засыпанным песком. Это может вызвать большие осложнения. Я верю в машину. Доберемся благополучно.

Вездеход помчался вперед со стремительной быстротой. Шипы гусениц слились в сверкающие полосы. Ветер дул прямо «в лоб», но мощная машина, казалось, «не замечала» этого.

— Эти бури опасны? — спросил Мельников и, видя, что Камов не отвечает, напряженно вглядываясь вперед, продолжал: — Константин Евгеньевич говорил мне, что песчаные бури Марса не могут причинить вреда вездеходу. К тому же бури может и не быть.

— Белопольский редко ошибается, — сказал Камов.

Ветер постепенно усиливался. Легкая песчаная пыль поднялась в воздухе, закрыв горизонт туманной дымкой.

— Буря совсем близко, — сказал Камов.

И, как бы в подтверждение его слов, резкий порыв ветра поднял впереди вездехода целую тучу песка и швырнул в окна.

Опять щелкнуло радио.

— Говорит Белопольский.

— Слушаем вас.

— К звездолету приближается с востока огромная песчаная стена. Она движется быстро. Опасаемся, что вы не успеете добраться до корабля. Миновали ли вы болото?

— Нет еще.

— Далеко до него?

— Километров двадцать.

— Хорошо бы миновать его до бури Арсен Георгиевич говорит, что это самое опасное место.

— Я думаю, что успеем. Через минут двенадцать будем у болота.

— Я полагаю, что буря пронесется быстро, — сказал Белопольский.

— Во всяком случае, не менее чем через два-три часа. Вспомните, что вы сами писали в своей книге о бурях на Марсе. — Камов засмеялся. — Вот теперь мы проверим ваши вычисления.

— Я был бы рад, если бы ошибся.

— Опасаюсь, что вы не ошиблись. Дальнейшие разговоры будет вести Борис Николаевич.

— Далеко еще до болота?

— Километров десять.

— Туча в одном километре от корабля, — сказал Белопольский. — Она движется с чудовищной скоростью, — и через мгновение добавил: — В окна уже ничего не видно. Стало совершенно темно.

Ни Камов, ни Мельников ничего не ответили. Потом Мельников быстро бросил в микрофон:

— Видим тучу. До болота три километра.

На горизонте, от края до края, быстро поднималась исполинская стена. Это была сплошная масса песка, которую ветер поднял и нес с

огромной скоростью прямо навстречу вездеходу. До этой встречи остались считанные секунды.

Камов хорошо понимал, что, если вездеходу удастся миновать болото, опасность будет значительно меньше. Во мраке, который должен был сейчас наступить, болото было страшной угрозой.

Туча стремительно приближалась. Было видно, как впереди нее бешено вращались песчаные смерчи.

Камов уже видел впереди поворот следа, обходящий болото.

Еще!.. Еще немного!

Мельников всем телом наклонился вперед, словно этим движением мог помочь могучему мотору.

Вездеход находился от места поворота на таком же расстоянии, как и зловещая стена бури. Кто быстрее достигнет болота? В этом был вопрос, быть может, жизни или смерти.

— Спасибо, ребята! — громко сказал Камов, когда вездеход, стремительно совершив широкий полукруг, вылетел на прямую дорогу к звездолету, проложенную его же гусеницами.

— Кому вы? — спросил Мельников.

— Уральским рабочим, — ответил Камов. — Тем, кто сделал наш замечательный мотор.

Страшное место осталось позади. Теперь только бы не сбиться с пути во мраке.

И, словно мстя за эту победу, страшный вихрь обрушился на вездеход. Скорость сразу упала до сорока километров в час. Непроницаемый мрак окутал всё кругом. Тяжелые массы песка, ударяясь в окна вездехода, скрипели на стеклах, как будто кто-то тер их наждачным порошком.

— Попросите дать маяк, Борис Николаевич.

И, словно услышав его просьбу, на щитке вспыхнул тусклый зеленый круг с отчетливой черной полосой посередине.

— Молодец! Сам догадался — сказал Камов.

Теперь надо только точно выдерживать направление, чтобы черная полоска не расширялась, не становилась тусклой. Это будет означать, что вездеход уклонился от прямого пути. Остальное сделают мотор и крепкие стенки машины.

— Как дела, Борис Николаевич? — спросил он.

— Всё в порядке, Сергей Александрович! Жалко, что нельзя заснять эту бурю.

— Кто о чем! — засмеялся Камов. — Боюсь, что при таком ярком освещении пленка испортится.

Буря неистовствовала вокруг них. Как будто природа Марса злилась, что не удается справиться с маленькой дерзкой машиной, явившейся сюда с далекой Земли и упрямо продвигающейся вперед наперекор стихии.

Непроглядная черная ночь окружала их. Было странно сознавать, что где-то за пределами бури сияет солнце, что всё это происходит в середине дня. Мельников попытался включить прожектор, установленный на крыше вездехода, но, убедившись, что относительно слабый луч света не в состоянии пробить плотную завесу песка, выключил его.

Светящиеся голубоватым светом приборы на щитке управления были единственным местом, на котором мог отдохнуть глаз в этой кромешной тьме, угнетающе действовавшей на нервы.

— Вы не боитесь, что песок набьется в подшипники ведущих колес? — спросил Мельников.

— Нет, — ответил Камов. — Не боюсь. По указанию Белопольского и под его непосредственным наблюдением во время испытания на заводском стенде вездеход специально подвергался длительному воздействию мощной струи мельчайшего песка. Как показали последовавшие за этим тщательные осмотры, ни одна песчинка не попала в ведущие части.

Прошло около получаса.

Впереди, в черном мраке, внезапно вспыхнула крохотная яркая точка.

— Прожектор! — сказал Камов. — Значит, мы совсем рядом с домом.

— Удивительно, что его видно в такую бурю.

— Четыреста киловатт. Это же почти авиационный маяк.

Мельников включил микрофон.

— Вижу прожектор, — сказал он.

— Замечательно! — ответил Белопольский. — Мы зажгли его пятнадцать минут назад. Значит, вы совсем близко. Хорошо видите?

— Совершенно отчетливо.

— Как ведет себя вездеход?

— Прекрасно! Сергей Александрович просит выключить радиомаяк.

— Выключаю!

Машина замедлила ход. Корабль был где-то совсем близко.

Прожектор горел яркой звездой, и в его свете стали смутно видны крутящиеся за окном песчинки.

Буря не только не ослабевала, а становилась всё яростнее. Но она была уже не опасна. Вездеход подходил к дому.

Луч света неосязаемой нитью связал его со звездолетом, с друзьями, нетерпеливо ждущими за его несокрушимыми стенами.

Памятник

Выйти из вездехода оказалось не так просто. Ураган валил с ног, не давая сделать ни одного шага. Остановившийся вездеход был мгновенно засыпан песком до самых окон. Звездолет, находящийся совсем рядом, едва различался глазом. Только прожектор своим ярким светом давал возможность немного ориентироваться.

Камов подвел машину вплотную к кораблю, поставив ее под защиту его левого борта. По его просьбе Белопольский немного выдвинул крыло — и вездеход оказался прикрытым сверху.

Дверь выходной камеры была прямо напротив дверцы машины. Переход на корабль в этих условиях был уже безопасен, и путешественники один за другим покинули вездеход.

Корабль лежал на земле.

Колеса, также как и крылья, были убраны внутрь, чтобы уменьшить площадь сопротивления ветру. Дверь находилась низко над землей, — и не пришлось даже воспользоваться лестницей.

Очутившись внутри и сняв маску, Камов тотчас подошел к Пайчадзе. За всю поездку он ни разу не говорил о нем, но Мельников видел, что мысли врача были всё время заняты его пациентом. Раненый

чувствовал себя хорошо. Сменив перевязку, Камов заставил Пайчадзе смерить температуру и только тогда успокоился.

— Кажется, всё обойдется благополучно, — сказал он. — Послезавтра, к моменту старта вы будете совсем молодцом.

— С таким ранением, — ответил астроном, — во время войны я не покинул бы строя.

— Это другое дело, — сказал Камов. — Война с природой должна проходить без жертв.

Буря продолжалась еще полтора часа и окончилась так же внезапно, как и налетела. Песчаная стена промчалась мимо звездолета и быстро скрылась за горизонтом. Несколько минут продолжал дуть ветер, но затем и он прекратился. Местность вокруг корабля приняла такой же вид, как и утром.

— Удивительно! — сказал Белопольский. Если бы мы проспали эту бурю, то ни за что бы не поверили, что она вообще была.

Действительно, кругом не было видно ни малейших следов урагана. Слой песка, покрывавший почву, казался нетронутым. Густые, заросли растений стояли, как прежде, и даже у их корней не было песчаных наносов. Только у правого борта звездолета высился огромный холм, закрывший все окна с этой стороны.

— Поднимайте корабль! — сказал Камов.

Мельников нажал кнопку на пульте. Заработал мотор, и колеса вышли из своих гнезд. Звездолет медленно поднялся. Песок, прижатый к борту, рассыпался, и окна оказались свободными.

И с этой стороны всё было по-прежнему. Так же блестела неподвижная поверхность озера. Казалось, что не вода, а ртуть заполняла его низкие берега.

— Ветер совершенно прекратился, — сказал Камов. — Природа Марса заставит наших ученых метеорологов поломать голову.

— Ботаникам тоже будет много работы, — заметил Белопольский. — Очевидно, что растения прижались к земле во время бури. Но как могли согнуться такие толстые стволы? Их строение, по-видимому, иное, чем у земных растений.

— Всё здесь иное, — сказал Камов. — Только по внешнему виду природа Марса напоминает Землю, а в действительности ее эволюция

шла, вероятно, совершенно другим путем, чем на Земле. Для ученого любой специальности здесь обширнейшее поле для исследований.

— А наше растение?! — воскликнул вдруг Мельников, бросаясь к окну.

— Неужели придется в третий раз ехать за этим злополучным кустом? — сказал Камов.

Но тревога оказалась напрасной. Растение, о котором они совершенно забыли во время бури, было на месте. Через несколько минут, очищенное от песка, оно уже заняло свое место в холодильнике.

До захода солнца было еще далеко. Остаток дня был посвящен установке памятника, который, по плану экспедиции, нужно было поставить на месте посадки корабля. Эта работа заняла несколько часов, и в ней принял участие весь экипаж, за исключением Пайчадзе, которому Камов категорически запретил выходить из звездолета. Бейсон сидел запертым в каюте; и было решено, что он выйдет из нее только тогда, когда корабль покинет Марс.

Для установки памятника выбрали место рядом со звездолетом, на небольшой полянке, окруженной со всех сторон густыми зарослями. От середины поляны до первых кустов было больше двадцати метров, так что появление «прыгающей ящерицы» не могло остаться незамеченным. Участники работы были хорошо вооружены.

Пайчадзе настоял на том, чтобы ему разрешили устроиться в выходной камере у открытой двери. С этой высоты хорошо просматривалась местность, и появление зверя таких больших размеров не могло ускользнуть от его внимания. Сам он был защищен стоявшим против двери вездеходом.

Приняв все эти меры предосторожности, звездоплаватели спокойно могли работать.

Неожиданное затруднение возникло при выгрузке из корабля тонких стальных свай, которые должны были быть вбиты в землю для устойчивости памятника на песчаной почве планеты. Каждая из них имела двенадцать с половиной метров длины; вынести их через выходную камеру оказалось невозможным. В узком коридоре негде было развернуться. Пришлось воспользоваться люком, находящимся в помещении обсерватории. Через этот люк участники полета

проникли в звездолет на Земле, когда выходная камера была закрыта конструкцией стартовой площадки.

Четыре сваи были перенесены в обсерваторию, и круглая дверь во внутренние помещения плотно закрыта. Колеса убрали внутрь, и люк оказался низко над землей. Камов, оставшийся в обсерватории, один за другим передал товарищам тяжелые стальные стержни. Закрыв люк, он возобновил воздух в помещении и, снова подняв корпус звездолета, вышел из него.

— Недосмотр! — сказал он. — При конструировании корабля надо было предусмотреть это обстоятельство.

Забивка свай даже здесь оказалась не легким делом. Будь они на Земле, эта работа была бы не по силам для трех человек. Меньшая тяжесть на Марсе помогла справиться со всеми трудностями.

С помощью электролебедки первая свая была поднята и установлена вертикально. Стоя на легких алюминиевых стремянках, Мельников и Белопольский укрепили на ее конце тяжелый молот. Также как и лебедка, он приводился в действие электрическим током, подаваемым от аккумуляторов вездехода. Молот весил на Земле около трехсот килограммов, но здесь его вес уменьшился до ста десяти. Но и этого было достаточно; вдвоем, только с напряжением всех сил, они подняли его на такую высоту.

Забивать сваю нужно было очень осторожно. В песчаную почву она уходила от каждого удара на полметра. Удерживать молот при таких условиях было очень трудно. Камов включал ток, давая молоту сделать один-два удара, и сразу отключал его, после чего Мельников и Белопольский опускались на несколько ступенек ниже. Так продолжалось до тех пор, пока верхний конец стержня не сровнялся с поверхностью песка.

После короткого отдыха начали забивку второй сваи.

Наконец последняя, четвертая, свая была забита. На сваи положили толстую стальную плиту и накрепко завинтили болты. Фундамент памятника был готов. Остальное было уже легче.

К восьми часам вечера работа была закончена.

На песчаной площадке, среди причудливых серо-синих растений, встал на долгие годы трехметровый обелиск из нержавеющей стали.

На его вершине в лучах заходящего солнца горела рубиновая звезда в золотой оправе. С четырех сторон на отполированных гранях блестели сделанные из чистого золота четыре барельефа: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

С волнением и гордостью смотрели на памятник его строители. Дыхание Родины донеслось к ним через бесконечные просторы, которые преодолел их корабль, чтобы здесь, на далекой планете, оставить этот символ великой научной победы.

Скала

К северу и востоку от звездолета местность оказалась ничем не отличающейся от осмотренной раньше западной стороны. Создавалось впечатление, что природа. Марса всюду одинакова, по крайней мере в той части планеты, где опустился корабль. Сопоставляя это с тем, что они видели из окон во время полета над Марсом, советские ученые пришли к выводу, что планета — почти сплошная пустыня. «Прыгающие ящерицы» и «зайцы» были, очевидно, единственными представителями животного мира.

Таким казалось положение Марса первым людям, прибывшим на него с Земли.

Было ли оно таким на самом деле? На этот вопрос могло ответить только будущее.

«Для развития жизни, — сказал как-то Белопольский, — решающее значение имеет количество энергии, получаемое планетой от ее центрального светила — Солнца. Процесс эволюции целиком зависит от этого фактора. Совершенно необязательно считать, что на всех планетах, на которых появилась жизнь, этот процесс должен привести к появлению существа, подобного человеку. Марс всегда получал солнечной энергии значительно меньше, чем Земля. Вполне логично предположить, что на нем эволюция шла гораздо медленнее, чем на Земле, и не привела к появлению высоко разумного существа. На Земле, которая находится в лучших условиях, чем Марс, получает больше солнечной энергии, этот процесс шел быстрее. На Венере, которая находится в еще лучших условиях, он должен пойти ещё

скорей; и вполне вероятно, что жизнь Венеры перегонит земную. Природа бесконечно разнообразна и, как мы видим на примере Марса, приспосабливается к любым условиям».

Камов вспомнил эти слова Константина Евгеньевича, когда из окна вездехода видел всё ту же картину марсианской равнины.

Вездеход шел к югу, в сторону, еще не осмотренную ими. Сегодня утром Мельников и Белопольский совершили трехчасовую поездку на север и восток, но не обнаружили ничего нового. Камов решил завершить намеченную программу и один отправился в последнюю экскурсию.

— Эта поездка, — сказал он своим друзьям, — имеет больше формальный характер. Я еду просто для очистки совести, чтобы никто не мог сказать, что мы не выполнили своего плана. Работа на Марсе окончена. Незачем понапрасну рисковать двоими.

— Одним так же, — отозвался Пайчадзе.

— Ничего со мной не произойдет, — ответил Камов. — Я, не торопясь проеду километров сто и вернусь обратно. Надо же узнать, что находится в южной стороне. А если что-нибудь случится, — прибавил он, — Борис Николаевич окажет большую помощь Константину Евгеньевичу. Одному будет трудно, поскольку Арсен Георгиевич вышел из строя.

Все доводы остались безрезультатными: Камов стоял на своем. Его товарищи поняли, что спорить бесполезно, и скрепя сердце согласились отпустить своего командира одного.

Белопольский только взял с него слово, что ни при каких обстоятельствах Камов не выйдет из машины.

Вездеход шел со средней скоростью сорок километров в час, и Камов внимательно всматривался вперед, чтобы не прозевать «болота». Местность постепенно, но заметно понижалась. Чаще попадались озера, и растения казались здесь выше, чем в окрестностях стоянки звездолета. Камов отметил, что заросли становились всё гуще и обширнее. Если дальше они встанут сплошной стеной, придется повернуть назад. Продираться сквозь них было бы неосторожно. Пока еще песчаные промежутки между растениями были достаточно велики, чтобы вездеход мог, маневрируя, идти вперед. Кругозор был широк,

и Камов не опасался внезапного нападения «ящерицы». Следов этих зверей он нигде не замечал.

Прошел еще час. От звездолета его отделяло уже километров семьдесят. Пора было поворачивать. Два часа нужно на то, чтобы разобрать и погрузить вездеход. Ровно в 8 часов звездолет покинет Марс. Очевидно, что и эта последняя поездка не даст ничего нового.

Камов остановил машину и осмотрелся кругом. Всё то же.

Включив микрофон, он сообщил на корабль, что отправляется в обратный путь.

— Я поеду другой дорогой, — сказал он. — Через час дайте маяк.

Он повернул вездеход к востоку. Обследовав местность в этом направлении на двадцать километров и не увидев ничего, стоящего внимания, Камов решительно повернул на север, к «дому».

По-прежнему внимательно, но уже без всякой надежды увидеть что-нибудь отличное от примелькавшегося пейзажа, Камов наблюдал, как перед окнами вездехода сменялись хорошо знакомые, однообразные картины марсианской пустыни.

Вот промелькнуло небольшое озеро, окаймленное пышно разросшимися кустами серо-синих растений. Само по себе оно очень красиво, но глаз не останавливается на нем. Десятки точно таких же озер уже попадались на пути. Вот небольшая поляна, в точности похожая на ту, где они поставили памятник. Сочетание желтого, серого и синего цветов тоже красиво, но они видели сотни таких полян.

Параллельно пути вездехода появилась длинная цепочка отчетливо видных следов. Камов уменьшил скорость и внимательно осмотрел их. Это следы прыжков «ящерицы» — отвратительного мохнатого зверя с мордой крокодила — владыки Марса. Давно ли прошел здесь зверь? Это определить невозможно. Может быть, сутки назад, а может быть, за несколько минут до появления вездехода. На плотном песке следы сохраняются долго. Возможно, что где-нибудь совсем близко кошачьи глаза наблюдают за машиной и длинные, согнутые, как у кузнечика, задние ноги напряглись, готовые к стремительному броску.

Сколько загадок таит в себе организм животного! Как устроен его дыхательный аппарат? Оно дышит разреженным воздухом, с очень

небольшим содержанием кислорода. Ни одно земное животное не могло бы дышать здесь. Огромные прыжки зверя, бросающие его тело на двенадцать метров, требуют большой энергии. Откуда оно берет эту энергию?

А загадка «болота»? Топкая трясина, на которой, тем не менее, растут растения и непонятным образом держится песок.

Много, очень много загадок предстоит разрешить науке на этой планете, жизнь которой прошла своими, отличными от жизни Земли путями.

Камов вспомнил Венеру. Там, пожалуй, меньше загадочного. По всему, что они видели за время короткого перелета над планетой, ее развитие идет параллельно развитию Земли.

Недаром астрономы назвали Венеру сестрой Земли, а Марс — загадочной планетой.

Мысли Камова были прерваны появлением справа от его пути, на расстоянии около километра, небольшой гряды не то скал, не то холмов. Он так привык к ровной местности, что сознание не сразу восприняло необычайный вид. Холмы на Марсе! Они не могли быть песчаными. Ветры давно бы сровняли их с местностью. Значит, это скалы. До сих пор на планете не встречалось ни одного камня.

Вездеход быстро преодолел небольшое расстояние.

По мере приближения всё большее и большее волнение охватывало Камова.

Наконец-то! Наконец-то перед ним что-то, отличающееся от того, что они видели до сих пор!

В расположении каменных выступов (он уже ясно видел, что они совершенно обнажены от песка) ему показался какой-то пока еще неуловимый порядок. Может быть, это остатки какого-нибудь сооружения разумных обитателей планеты?

Вездеход приблизился к скалам, имевшим в высоту от пяти до пятнадцати метров. Их было несколько десятков, расположенных на площади около одного гектара. Камов пристально разглядывал ближайший к нему камень. Похоже на биотитовый гранит. Вот почему он принял их за песчаные холмы. Бурый цвет камня сливался с цветом пустыни. Возможно, что это последние остатки горного хребта,

который когда-то возвышался на этой местности. Надо как можно тщательнее зафиксировать фотоаппаратом каждую скалу. Это имеет громадное значение для науки. Может быть, это поможет земным ученым разгадать, что представляли собой эти скалы в далеком прошлом. И, конечно, необходимо взять с собой образцы этого гранита.

Он медленно вел вездеход вдоль наружной границы площади, занятой гранитными скалами, по нескольку раз фотографируя каждую скалу. Они стояли так близко друг к другу, что вездеход не мог проникнуть в середину этой площади. Был ли в их расположении какой-нибудь порядок, как ему сначала показалось, или они расположены со свойственной природе хаотичностью, Камов определить не мог. А ответ на этот вопрос имел колоссальное значение. Было ли это природное образование или разрушенное временем до неузнаваемости неведомое сооружение исчезнувших обитателей планеты?

«Я должен выяснить этот вопрос во что бы то ни стало! — думал Камов. — Если взобраться на одну из скал, расположенных в середине, то можно заснять вид сверху, в плане. Это очень поможет разобраться в общем расположении гранитных выступов и, может быть, дать ответ».

Он посмотрел на часы. Времени оставалось в обрез.

«Ничего! — решил он. — Я могу вернуться по старому следу. По знакомому пути можно развить полную скорость. Это сэкономит мне по крайней мере час. Это время можно использовать».

Щелкнул приемник, и послышался голос Белопольского:

— Говорит звездолет.

— Слушаю!

— По вашей просьбе, включаю маяк.

— Не надо! — сказал Камов. — Я решил вернуться старым путем.

— Почему?

— Вездеход стоит у подножия гранитных скал. Мне пришлось потерять много времени на их осмотр.

В громкоговоритель ясно были слышны удивленные восклицания.

— Скал? — переспросил Белопольский. — Где вы их обнаружили, Сергей Александрович?

— Примерно в восьмидесяти километрах от звездолета, на юг. Я сфотографировал их почти все, но необходимо выяснить, что это такое — природное образование или остатки сооружения. Для этого мне надо проникнуть внутрь занятой скалами площади. На вездеходе это невозможно.

— Значит, вы хотите выйти из машины? — спросил Белопольский.

— Это совершенно необходимо. Кроме того, надо собрать образцы.

Несколько секунд радио молчало.

— Будьте осторожны, Сергей Александрович! — это сказал Пайчадзе.

— Конечно! — ответил Камов. — Но нет никаких оснований для беспокойства. Местность совершенно пустынна. Ждите меня через два часа.

«Не делаю ли я ошибки? — подумал он, но тотчас отогнал эту мысль. — Что может мне угрожать? Звери? Но почему они должны появиться именно сейчас, когда до сих пор их не было? По всему видно, что мы с Мельниковым совершенно случайно встретили «прыгающую ящерицу» днем. По-видимому, эти опасные звери выходят на охоту только по ночам».

Камов хорошо помнил, что глаза животного имеют характерное строение зрачка, типичное для ночного хищника.

Что еще может угрожать ему? Очевидно, ничего.

Внимательно проверив оружие, Камов тщательно укрепил на спине резервуар с кислородом, крепко затянув ремни, чтобы он не мешал при подъеме на скалу. Она стояла метрах в пятидесяти от вездехода и имела не менее десяти метров высоты. С ее вершины должен был открыться широкий кругозор. Скала была сильно разрушена временем, но это обстоятельство должно было только помочь справиться с крутым подъемом. На всякий случай Камов взял с собой длинную веревку.

«Не хватает только альпенштока, — подумал он. — Но альпинизм на Марсе должен быть легче, чем на Земле».

Он надел маску и вышел из машины, плотно закрыв за собой дверь.

Подойдя к намеченной скале, он увидел вблизи, что подъем на вершину вполне возможен, хотя и очень крут. Время разрушило скалу, покрыв ее глубокими трещинами. Во многих местах откололись большие куски гранита. Почти на самой вершине образовался выступ, на который можно было попытаться накинуть веревочную петлю. Это значительно облегчит подъем.

Со второго броска попытка увенчалась успехом. Петля крепко зацепилась за выступ. Камов начал подниматься вверх. Его тело весило здесь только около тридцати килограммов, но он всё же не ожидал, что казавшийся трудным подъем в действительности окажется таким легким. В несколько минут он достиг вершины. Стоять тут было невозможно, и он лег, упираясь ногами в тот самый выступ, на который накинул свою петлю.

С этой высоты хорошо была видна вся панорама скал. Камов сразу понял, что никакого порядка в их расположении нет. Это было природное образование. Подавив свое разочарование, он сделал несколько снимков и осторожно повернулся, чтобы сфотографировать другую сторону. У подножия скалы, на которой он находился, оказалось пустое пространство поперечником в двадцать — двадцать пять метров. Посмотрев вниз, Камов почувствовал, как неприятный холодок пробежал по его спине. На всем пространстве этого свободного от скал места тускло блестел знакомый ему серебристый мех.

«Ящерицы»!

Их было очень много. Плотно, одна возле другой, они лежали на песке и, по-видимому, спали.

Странно, что они не почуяли его присутствия. Ведь он был совсем рядом с ними, когда стоял у подножия скалы. Может быть, эти марсианские, хищники лишены чутья, которое так высоко развито у их земных собратьев? Надо как можно скорее уходить отсюда, пока они спят. Не подозревая этого, Камов попал в их логово, на место, где эти твари скрываются днем. Стоит проснуться одной из них, увидеть его — и путь вниз будет отрезан.

Камов быстро сделал несколько снимков. Он не удержался, чтобы не сфотографировать и спящих ящериц. Будь внизу земные звери, происходи всё это на Земле, звук щелкнувшего затвора фотоаппарата

немедленно разбудил бы их, но на Марсе благодаря разреженности воздуха звуки распространяются плохо. Ящерицы продолжали лежать неподвижно.

Спрятав аппарат, Камов осторожно спустился ниже, к веревке. Только бы звери не проснулись еще три-четыре минуты, и он будет в вездеходе.

Он взял в руки веревку и посмотрел вниз.

Сердце тревожно забилось частыми ударами. Словно волна озноба прошла по телу.

Прямо под ним, на том месте, где ему надо было опуститься на землю, виднелось длинное, отливающее серебром тело. Камов видел зеленовато-серые кошачьи глаза, устремленные прямо на него, стерегущие каждое его движение. Зверь прижался к земле, готовый к прыжку.

Может ли он сделать десятиметровый прыжок вверх?

Камов взял в руку револьвер и, не спуская глаз с хищника, взобрался опять на вершину. Жаль, что он не взял с собой винтовку. С такого расстояния выстрел был бы без промаха. Из револьвера он может только ранить зверя. К тому же звук выстрела, конечно, разбудит спящих ящериц. Нет, стрелять нельзя.

Он прижался к скале и, стараясь не делать никаких движений, следил за своим противником.

Хищник не пытался прыгать. Он лежал на песке, смотря на человека немигающим взглядом.

Если зверь не уйдет, положение станет очень серьезным. Спуститься вниз на глазах хищника совершенно невозможно. Ждать? Но сколько времени может продлиться это ожидание?

Камов совершенно не знал повадок ящериц. На сколько хватит терпения у зверя? Какова степень его сообразительности? Понимает ли он, что человеку надо спуститься вниз? Что он вообще думает о никогда не виденном существе, появившемся в его владениях?

Камов решил ждать, ничего не предпринимая, полчаса. Если ящерица не уйдет, то он сделает попытку застрелить или хотя бы испугать ее звуком выстрела. Может быть, слабый здесь звук не встревожит спящих зверей...

Минута шла за минутой...

Если оставить вездеход на Марсе, то в его распоряжении несколько часов. За это время многое может случиться.

Несмотря на трагичность положения, привычное спокойствие не покинуло Камова. Он хладнокровно обдумывал способы вырваться из неожиданного плена.

Если втянуть веревку наверх, можно с ее помощью перебраться на соседний камень. Он находится не далее пяти метров, и на его вершине имеется острый выступ, на который легко набросить петлю. Закрепив веревку, он, как по воздушному мосту, переберется на него.

Веревка имеет пятьдесят метров длины. У него останется достаточно, чтобы повторить маневр и перебраться еще дальше.

Так он приблизится к вездеходу как можно ближе, а затем попытается убить зверя, если он последует за ним, и, пока не подоспели остальные, бросится к машине.

Камов стал осторожно вытягивать веревку к себе. Ее конец лежал недалеко от животного, и он с интересом ждал, как поведет себя зверь.

Движение веревки, шевелящейся так близко, не могло не привлечь внимания хищника. «Ящерица» повернула голову, но тотчас же снова устремила глаза на человека. Он, по-видимому, казался ей интереснее.

Но вот вся веревка в руках Камова. Прежде чем привести в исполнение свой рискованный план, он решил подождать до истечения назначенного им получаса. Может быть, зверь всё-таки уйдет.

Один момент Камову показалось, что его надежда осуществится. Ящерица перестала смотреть на него. Она медленно передвигалась туда и обратно у подножия скалы и, казалось, не обращала больше внимания на человека.

Может быть, она забыла о нем? Это было вполне возможно.

Но нет! Походив немного, зверь снова улегся и устремил на вершину скалы немигающий взгляд.

«Упрямая тварь!» — подумал Камов.

Назначенное время прошло.

Он осторожно поднялся и встал на колени. Размахнувшись петлей,

бросил ее. Он никогда прежде не упражнялся в этом искусстве, но, к его удивлению, петля послушно легла на намеченный выступ. «Вот как обнаруживаешь в себе таланты, о которых и не подозревал», — с усмешкой подумал он.

Упершись ногой в трещину гранита, он сильно потянул веревку, испытывая прочность своего моста.

Веревка неожиданно легко поддалась. Каменный выступ, казавшийся таким прочным, пошатнулся и рухнул. Камов едва не потерял равновесие. Невероятным усилием мускулов всего тела он изогнулся и в последний момент удержался от падения с десятиметровой высоты прямо на лежавших внизу зверей.

Сброшенный им гранитный выступ упал на песок в пяти шагах от ящерицы. Видимо сильно испугавшись, она одним прыжком проскочила между двумя скалами прямо в середину своих спящих сородичей.

Среди животных поднялось волнение. Серебряный ковер внизу заколыхался, задвигался.

Проклиная сорвавшийся камень и свою собственную неосторожность, Камов видел, как звери один за другим покидали место своего отдыха и устремлялись в средние проходы между скалами. Скоро всюду, куда бы Камов ни посмотрел, он видел их серебристый мех. Он насчитал их больше пятидесяти. Нечего было и думать спуститься вниз где бы то ни было. Все пути к бегству отрезаны. Пока животные не уйдут, он вынужден сидеть на своей скале. Камов прекрасно понимал, что все шансы на то, что они уйдут только с наступлением темноты. Солнце заходит здесь в восемь часов двадцать минут по «московскому времени». Значит, осталось четыре часа до его захода. Кислорода в баллоне должно хватить на это время. О том, что звери могут добраться до него, Камов не беспокоился. Они не делали ни малейших попыток прыгнуть на скалу, что обязательно попробовали бы сделать земные хищники. На своем неприступном убежище он в полной безопасности и мог бы спокойно дождаться ухода животных на ночную охоту, если бы... звездолет не должен был покинуть Марс ровно в восемь. Не позднее чем в семь часов он должен во что бы то ни стало освободиться, иначе не останется никакой надежды

добраться до корабля вовремя. Тогда смерть. Камов заставил Белопольского дать слово, что независимо ни от чего старт на Землю будет взят точно в срок. «Даже если вы задержитесь?» — спросил Константин Евгеньевич. «Даже и в этом случае», — ответил он.

Белопольский сдержит свое слово. Он хорошо знает, какие последствия может вызвать задержка.

Время шло.

Звери по-прежнему бродили по всем проходам. То один, то другой иногда останавливался у подножия скалы и, прижавшись к земле, словно готовясь прыгнуть, смотрел на Камова неподвижными зелено-серыми, кошачьими глазами.

Несмотря на свое отчаянное положение, Камов испытывал странное спокойствие. Независимо от его сознания, в нем держалась уверенность, что всё обойдется благополучно. Он никак не мог бы объяснить, на чем основывалась эта непонятная ему самому уверенность, но она была.

Минутная стрелка равномерно передвигалась по циферблату, отсчитывая оставшееся ему время.

Секунды бежали.

Жизнь — смерть!.. Жизнь — смерть!..

Положение не изменялось...

Камов вспомнил о ждущих его друзьях. Как сильно они волнуются сейчас!

Он ясно представил себе всех троих. Белопольский, более хмурый, чем всегда, ходит по обсерватории — от пульта управления к двери и обратно.

Мельников стоит у окна, с тревогой всматриваясь в горизонт, — не покажется ли вдруг знакомая белая машина?

Пайчадзе, внешне спокойный, поминутно смотрит на часы. Ему никогда не изменяет привычная выдержка, но Камов знает, что никто так не беспокоится за него, как этот верный, испытанный друг.

Шесть часов... Остался один только час...

Камов опускает голову на руку. В усталом мозгу настойчиво звучат последние услышанные слова, как горький упрек: «Будьте осторожны, Сергей Александрович!»

В обратный путь!

2 января 19..года.

Последний день нашего пребывания на Марсе оказался самым тяжелым днем из всех проведенных на этой планете.

Очень трудно рассказать всё, что нам пришлось пережить и перечувствовать, но мой долг сделать это...

Около полудня я вышел проводить Камова в последнюю экскурсию на вездеходе. Сергей Александрович был в прекрасном настроении.

— Не скучайте! — шутливо сказал он, садясь в машину.

Вездеход ушел...

Я вернулся на борт корабля. Белопольский сидел возле лежавшего на постели Пайчадзе. Тут же стояла и радиостанция.

Я ушел в свою лабораторию и стал приводить ее в порядок. Надо было подготовиться к отлету. Заодно я решил исполнить просьбу Камова и проявить пленку аппарата Бейсона. Сергей Александрович просил на это разрешения американца, и тот с очевидной неохотой, но согласился. Он сказал только, что пленка вся пустая, — он сделал всего два снимка. Но Камова интересует именно второй снимок, на котором, по рассказу Бейсона, должен быть заснят момент нападения зверя на Хепгуда. Была ли это такая же «ящерица», какую мы убили, или какой-нибудь другой, неизвестный нам обитатель Марса? Если другой, то как он выглядит?

Проявив пленку, я убедился, что нападение на командира американского корабля совершила именно «ящерица». Этот жуткий снимок получился очень хорошо. И зверь, и его жертва вышли, как говорят кинооператоры, «первым планом».

Закончив свои дела в лаборатории, я вернулся к обоим астрономам. Они беседовали о чем-то, не относящемся к Марсу и нашему пребыванию на нем. От Камова еще не поступало никаких сообщений.

Я подошел к окну и стал смотреть на хорошо уже знакомую картину марсианской пустыни. День был ясный и совершенно безветренный.

В четырнадцать часов десять минут Камов сообщил, что поворачивает в обратный путь. Он просил через час, дать радиомаяк, так как намеревался вернуться другой дорогой.

Час прошел, и Белопольский включил микрофон. Произошел короткий разговор, из которого я не забыл ни одного слова.

Сергей Александрович сообщил поразительную новость, что им обнаружены какие-то скалы. При этих словах Пайчадзе даже сел на постели от охватившего его волнения. Скалы на Марсе!..

— Наконец-то! — прошептал он.

Камов сказал, что хочет выйти из вездехода, чтобы обследовать свою находку и собрать образцы. Пайчадзе попросил его быть осторожным, и Камов как-то поспешно прекратил разговор. Возможно, что он опасался дальнейших уговоров.

Когда раздался звук выключенного микрофона, Арсен Георгиевич неожиданно вскочил на ноги. Белопольский укоризненно покачал головой.

— Нет оснований для беспокойства, — сказал он.

— Знаю, — ответил Пайчадзе.

— Зачем же так волноваться?

— Этого не знаю, но волнуюсь.

В этот момент я вдруг вспомнил только что проявленный снимок — голова Хепгуда в пасти зверя — и невольно сказал:

— А если «ящерица».

Никто не отозвался.

В обсерватории наступило тягостное молчание. Пайчадзе, забыв предписание Камова лежать до самого момента старта, медленно ходил по узкому пространству между пультом и дверью в коридор. Иногда он останавливался и долгим взглядом смотрел на радиостанцию. В эти минуты у него было такое выражение, будто он хотел попросить приемник заговорить. Белопольский слишком часто смотрел на часы, что выдавало его скрытое волнение.

«Ждите меня через два часа», — сказал Камов.

Проходил час за часом, но от него не поступало никаких известий. Белопольский несколько раз включал микрофон, но ответа не было.

Контрольная лампочка горела ровным светом, указывая, что на вездеходе станция включена и работает.

— Если бы был второй вездеход, — сказал Пайчадзе, — я отправился бы по следам Сергея.

— Если бы у нас даже был второй вездеход, — ответил Белопольский, — то вы всё равно никуда бы не отправились.

— Почему?

— Потому что я не разрешил бы вам этого. В отсутствие Сергея Александровича я отвечаю за вас и за наш корабль.

Пайчадзе ничего не сказал на это. Он мельком взглянул на заместителя командира звездолета и стал ходить быстрее.

— Вы бы лучше легли, — сказал Белопольский.

Против всяких ожиданий, Арсен Георгиевич послушно исполнил его совет. Он лег и вплоть до восьми часов не произнес больше ни одного слова.

Мучительно тянулось время. Я ни на секунду не отходил от окна, до боли в глазах всматриваясь в ту сторону, откуда должен был появиться вездеход. Моментами мне казалось, что я вижу на горизонте его белый корпус; сердце начинало стучать частыми ударами, но проходила мгновения — и всё исчезло бесследно.

Прошел назначенный самим Камовым час его возвращения. Вездехода не было. Контрольная лампочка на радиостанции по-прежнему горела, и это было, пожалуй, мучительнее всего.

Что там случилось? Где Камов? Что заставило его покинуть вездеход на столь долгое время?..

«Жив ли он?» — невольно приходил на ум страшный вопрос.

Шло время... Я боялся взглянуть на часы. Осталось совсем немного.

«Звездолет должен взять старт точно в назначенную минуту, что бы ни случилось», — настойчиво звучит в ушах голос Камова. И ответ Белопольского: «Обещаю вам это».

Как решится Константин Евгеньевич исполнить свое обещание?..

Я знал, что он вынужден будет решиться. Недостаточная скорость корабля делала нас пленниками графика. Звездолет не мог задержаться на Марсе. Это привело бы к гибели всей экспедиции. Если

Камов не явится вовремя, Белопольскому ничего не останется, как только лететь на Землю без него. Как ни ужасна гибель товарища, но губить остальных членов экипажа и этим самым нанести тяжелый удар всему делу звездоплавания было бы совершенно бессмысленным.

В обсерватории царила полная тишина. Каждый из нас замкнулся в себе, боясь заглянуть в глаза другого, чтобы не прочитать в них своей невысказанной мысли.

Первый не выдержал и нарушил молчание Белопольский. Он вдруг вскочил и стремительно подошел к окну. Несколько минут он пристально вглядывался вдаль странно неподвижными, застывшими глазами. Крупные капли пота блестели на его лбу.

Что переживал сейчас этот человек, которому выпала судьба произнести страшное слово? Он был заместителем командира звездолета, а сейчас его единственным командиром. Ему предстояло дать команду, равносильную смертному приговору отсутствующему товарищу: «В путь!»

Он обернулся сказал очень тихо:

— Осталось двадцать минут!

Я вздрогнул всем телом. Пайчадзе не пошевельнулся. Мы оба ничего не ответили.

— Приведите сюда Бейсона. — Белопольский обращался ко мне.

Привести Бейсона... Так вот кому придется заменить на корабле Камова! Мы вернемся на Землю вчетвером, как и прибыли сюда.

Я открыл дверь каюты и сказал:

— Идите за мной!

— Корабль улетает с Марса? — спросил американец.

Я ему ничего не ответил.

Всё это время я старался не смотреть на часы, но теперь не мог оторвать от них взгляда. Я видел, что Пайчадзе тоже смотрел на них. Стрелка неуклонно и, как мне казалось, очень быстро приближалась к цифре восемь.

— Наденьте шлемы! — по-английски сказал Белопольский. Ему не хотелось два раза произносить эту страшную фразу. Он протянул

шлем Бейсону. Я заметил, что это был его собственный шлем. Тот, который принадлежал Камову, он оставил себе.

Итак, всё кончено! Мы улетаем!..

— Константин Евгеньевич! — прошептал Пайчадзе.

Белопольский вопросительно посмотрел на него, но Арсен Георгиевич не сказал больше ни одного слова.

Прошла бесконечно длинная секунда...

— Хорошо! — сказал Белопольский. — Я буду ждать ещё двадцать минут.

Пайчадзе вдруг встал и сказал громко и отчетливо:

— Вездеход мог сломаться. Сергей Александрович ждет нас.

Белопольский молча указал на красную лампочку радиостанции и тихо произнес одно только слово:

— Воздух!

Смуглое лицо Пайчадзе стало серым. Мы оба сразу поняли, что хотел сказать Константин Евгеньевич.

Индикаторная лампочка неопровержимо доказывает, что рация вездехода в полном порядке. Раз приемник молчит, — это значит, что Камова нет в машине. В атмосфере Марса дышать нельзя. Запас кислорода в резервуаре, который он должен был взять с собой, выйдя из вездехода, мог обеспечить его на шесть часов. С момента последнего разговора прошло уже больше пяти. Значит, у Камова осталось воздуха меньше чем на час...

— Надо искать! — сказал я.

Белопольский ответил каким-то чужим, деревянным голосом:

— Хорошо! Звездолет будет искать своего командира еще десять минут. — И почти закричал: — Прекратите!

Бейсон внимательно прислушивался к непонятному для него разговору. Он, несомненно, чувствовал страшное напряжение, царящее на борту корабля, но не мог понять его причины.

— Где мистер Камов? — спросил он.

Пайчадзе, стоявший к нему спиной, стремительно обернулся.

— Слышали приказ командира звездолета? — с бешенством в голосе спросил он, забыв, что Бейсон не мог понять русской речи. — Наденьте шлем! Прекратите разговоры!

Американец в замешательстве посмотрел на меня. Я повторил команду по-английски. Бейсон молча повиновался.

Стрелка быстро бежала по циферблату. За окнами корабля стало темно. Наступила ночь.

— Надеть шлемы! — вторично раздалась команда.

На этот раз я обрадовался ей. В том, что Камов не вернется, не приходилось больше сомневаться. Оставалась единственная надежда найти его сверху. Мощный прожектор корабля осветит нам местность.

— Занять сетки!

В обсерватории были заранее подвешены специально предназначенные гамаки. На Марсе не было стартовой площадки, и корабль будет менять направление полета.

Белопольский занял место у пульта. Его сетка осталась пустой.

Даже на Земле, при первом в моей жизни старте, я не испытывал такого мучительного волнения...

Я неотрывно смотрел в лицо нашего нового командира. Оно по-прежнему было очень бледно, но казалось сосредоточенно спокойным.

Каким, вероятно, нечеловеческим усилием воли он сумел заставить себя быть спокойным!

Задрожал корпус корабля. Гул двигателей, нарастая, усиливаясь с каждой секундой, заполнил собой, казалось, весь мир, всю вселенную...

Звездолет тронулся с места.

Но он был еще на поверхности Марса.

Но вот Белопольский нажал знакомую кнопку. Он убрал колеса.

Значит, мы в воздухе!

Молниеносное движение рук... Могучие двигатели смолкли, и тотчас заработал «атмосферный». Стремительный взлет корабля был прерван, и, послушный своему командиру, он уже спокойно летел над планетой, как и пять дней назад.

И я, и Пайчадзе мгновенно соскочили с сеток и кинулись к окнам.

Звездолет описывал широкий круг, возвращаясь к месту, откуда только что взлетел. Луч прожектора позволял отчетливо видеть все подробности.

Промелькнуло озеро и площадка, где стоял наш корабль. Я заметил даже стальной обелиск с рубиновой звездой на вершине.

Скорость корабля была настолько велика, что памятник мелькнул на короткое мгновение. Но Белопольский не мог уменьшить ее. Звездолет мог врезаться в землю.

Мы летели к югу, в ту сторону, куда ушел вездеход Камова.

Через четыре минуты, пролетев больше ста километров, звездолет повернул обратно. Лететь дальше не было никакого смысла. Вездеход мог находиться не дальше, как в восьмидесяти километрах от нашей бывшей стоянки.

Сто километров туда, сто километров обратно и опять сто километров по первому направлению.

Ничего.

Марсианская пустыня была темна и безжизненна.

Мне казалось, что я теряю сознание.

Всё кончено!..

Сергей Александрович Камов погиб безвозвратно...

Звездолет круто изменил направление. Мы стали удаляться в сторону.

Я бросил быстрый взгляд на лицо Белопольского.

Он склонился к перископу. В твердо сжатых губах я увидел непреклонную решимость.

Он не обращал на нас внимания. Казалось, что в эту ужасную минуту он забыл о нашем существовании.

Арсен Георгиевич отвернулся от окна и направился на свое место. Я машинально последовал за ним.

По лицу Пайчадзе бежали обильные слезы.

Я не успел лечь. Резкий толчок швырнул меня в сетку. Знакомое ощущение удвоенной тяжести сковало тело.

В ушах стремительно нарастал могучий давящий звук.

Один...

В застывшем холодном воздухе мрачно и угрюмо стоят бурые гранитные скалы.

У их подножия, медленно передвигая плохо развитыми передними ногами, бродят длинные мохнатые звери. Блестит в лучах заходящего солнца серебристый мех. То один, то другой подходит к подножию высокой скалы и, прижавшись к земле, словно собираясь прыгнуть, смотрит на вершину неподвижными зелено-серыми глазами.

На вершине скалы лежит человек.

Он положил голову на согнутую левую руку. Правая крепко сжимает вороненую сталь револьвера.

Человек давно лежит тут. Он очень устал и физически, и морально. Давно уже потеряна надежда на спасение. Нельзя спуститься вниз, где совсем близко стоит белая машина с зеркальными окнами. В ней спасение и жизнь! Но на пути смерть, отвратительная смерть в пасти зверя.

Нет, что угодно, но только не это!

Пусть лучше иссякнет кислород, питающий надетую на человека маску.

Солнце совсем низко над горизонтом. Вот-вот настанет ночь, быстро наступающая ночь тропиков. Воздух станет еще холоднее. Будет сильный мороз.

Но человек не думает об этом. Какое ему дело до мороза, если кислорода хватит не больше, чем на один час? Там, в белой машине,

находятся баллоны с живительным газом, там воздух и жизнь, но добраться к ним невозможно, как если бы они находились не в пятидесяти метрах, а на одном из спутников Марса, которые сияют над головой на уже потемневшем небе.

Человек сознает свою обреченность. Но его черные глаза смотрят спокойно и твердо из-под густых нависших бровей. Движения неторопливы и уверенны. Он подносит руку к глазам и смотрит на циферблат. Стрелки показывают восемь часов десять минут. Человек приподнимается, кажется, что он к чему-то прислушивается.

Но кругом ничем невозмутимая тишина. Ни один звук не нарушает безмолвия пустыни.

С жестом досады он снова ложится на холодный гранит.

Проходит еще десять минут. Солнце скрывается за горизонтом. Воздух быстро становится холоднее и холоднее. Наступает ночной мороз.

До ушей человека доносится какой-то звук. Он стремительно поднимается и всем телом наклоняется в сторону, откуда прилетел к нему так давно ожидаемый им шум. Он становится всё громче. Как будто где-то далеко, за десятки километров, сорвалась с гор и катится вниз с адским грохотом лавина камней.

Лицо человека становится белым как мел, но губы улыбаются улыбкой одобрения.

Звук постепенно затихает, и на лицо человека возвращается краска. Бесконечно усталым движением он опустился на свое ложе.

Всё. Он один на Марсе. Один на всей громадной планете!

Смерть не заставит себя долго ждать. Еще тридцать-сорок минут — и всё будет кончено!

Человек на скале не боится смерти. Он жалеет только, что слишком мало сделано, не все планы осуществлены, не все намерения

выполнены. Ну, что ж! То, что он хотел сделать, исполнят другие. В своей преждевременной смерти он виноват сам.

Как медленно идут минуты!..

Но что это? Снова послышался тот же звук. Всё громче, всё ближе... Он приближался, становился оглушительным...

Из-за горизонта взметнулся луч ослепительного света.

Вот он стремительно опустился к земле, вырывая из темноты заросли растений, воды замерзшего озера.

Человек на скале вжал тело в камень, словно боясь, что его могут увидеть.

Он действительно боялся этого. В его голове мгновенно мелькнула мысль о белой машине. Если луч прожектора коснется ее, лакированная крыша заблестит, как зеркало. Ее обязательно увидят те, кто направляет слепящий свет.

Словно тысячи взрывов тяжелых снарядов слились в один невыносимый для ушей звук. Всколыхнулся разрезанный воздух. Со свистом пронесся между скалами внезапно возникший ветер. Широкие крылья закрыли небо над головой человека.

Луч прожектора пронесся мимо. Местность осветилась призрачным красным светом.

За хвостом промчавшейся машины мелькнуло длинное ярко-красное пламя и скрылось. Грохот затихал вдали.

Человек облегченно вздохнул. Он провел рукой по лбу, словно сгоняя ненужные мысли.

Снова послышался шум, но уже не такой громкий. Машина

возвращалась обратно. Она пролетела на расстоянии двух километров от скалы, на которой человек напряженно следил за ней. Теперь он приподнялся. Его не могли увидеть.

Луч прожектора бегал по земле и на короткую секунду осветил скалы вокруг. Но и этого времени было достаточно, чтобы заметить то, что наполнило сердце человека бурной радостью: зверей между камнями не было!

В красном отблеске пламени виднелись быстро удаляющиеся прыгающие тени. Смертельно испуганные «ящерицы» спасались бегством.

Человек был свободен.

Он быстро спустился вниз по веревке, закрепленной за выступ скалы, и бросился к белой машине. В темноте он несколько раз падал, больно ударяясь об острые края камней. Но что значила боль в сравнении с сознанием, что он спасен, спасен от ужасной участи быть съеденным отвратительными «владыками Марса»!

Пусть впереди всё равно смерть, но его тело не достанется прожорливой пасти зверя.

Уже сидя в мягком кресле машины, он еще раз увидел свое любимое детище, свой навеки утраченный звездолет.

Он пролетел далеко, но стоит протянуть руку, нажать кнопку — и на крыше вездехода вспыхнет прожектор. Могучая птица увидит его свет и опустится на землю. Именно надеясь на это, она так упорно летает в районе, где может находиться ее пропавший командир.

Товарищи всё еще надеются, что найдут его.

Они потеряли очень много времени. Далекая Земля неумолимо приближается к той точке, где звездолет должен встретиться с ней. Когда планета пройдет эту точку, догнать ее будет уже невозможно. Тогда общая гибель.

В утомленном мозгу, с лихорадочной быстротой проносятся мысли...

Двигатели имеют запас мощности... Можно ускорить полет корабля и успеть вовремя... Кнопка тут, рядом... Зажечь прожектор... Спасти свою жизнь...

Инстинкт самосохранения толкает руку к спасительной кнопке.

Вот пальцы коснулись ее гладкой поверхности... Еще одно маленькое усилие... Но воля и разум побеждают инстинкт.

Имеет ли право он — командир корабля, — пытаясь спасти свою жизнь, рисковать жизнью товарищей, рисковать исходом первого в истории большого космического рейса?

Звездолет должен вернуться на Землю. И он вернется.

Камов решительно опускает протянутую руку.

Ведь так недавно на скале он прижимался к ней, боясь, что его заметят с борта корабля. Почему же сейчас его рука протянулась к предательской кнопке?

Очевидно, неожиданное избавление от ящериц, кажущийся переход от смерти к жизни нарушили равновесие его души, ослабили волю. Он виноват один и должен нести наказание за свою вину. Рисковать жизнью других он не имеет права.

Далеко на горизонте, в той стороне, куда должен направиться звездолет, улетая на Землю, появилась и, казалось, медленно стала подниматься вверх красная черточка. Вот она превратилась в точку, становится всё меньше и меньше и незаметно исчезает из глаз.

Это огненный след позади улетевшего с Марса звездолета.

Камов закрыл глаза.

... Нарастает скорость. Могучая сила атомного распада толкает корабль вперед всё скорее и скорее. С бешеной быстротой врезается в черную пустоту стальной корпус с золотой надписью — «СССР-ЛС2» Он несет на родную планету весть о великой победе. Пройдёт полтора месяца, и среди ликующих людей опустится на поле ракетодрома белоснежная птица...

Медленно передвигались на темном небе Марса узоры созвездий. Изогнутая ручка ковша Большой Медведицы наклонилась к горизонту, опускаясь всё ниже и ниже. Среди звезд быстро двигался с запада на восток первый спутник планеты — блестящий Фобос, успевающий за одну ночь два раза обойти небо Марса. Усиливался и крепнул ночной мороз. Среди песчаной пустыни, замерзших озер и причудливых серо-синих растений, закрывших свои гибкие листья, мелькали прыгающие тени фантастических «ящериц». Их глаза с широко раскрытыми кошачьими зрачками отражали тусклый свет

марсианской «луны». В разреженном воздухе слабо звучал жалобный

крик пойманного «зайца».

Шла извечная, повторяющаяся на всех небесных телах, несущих на себе жизнь, борьба за существование...

Шло время.

Фобос опустился еще ниже, и тень скалы накрыла неподвижно стоявшую у ее подножия белую машину, изготовленную за много миллионов километров отсюда, на далекой Земле.

Камов поднял голову и сказал: «Прощай!».

Этим словом он подвел последний итог своей жизни, которую мысленно пережил еще раз за эти часы. Его лицо осунулось и постарело. Глубокие морщины, которых не было раньше, легли у краев губ, по-прежнему твердо и упрямо сжатых.

— Прощай!

Впереди близкая и неизбежная смерть. Ничто не может предотвратить ее.

Нет никакой надежды...

Вездеход медленно шел по своему старому следу. Не было звездолета и некому было дать радиомаяк. Камов решил вернуться туда, где стоял его корабль. Завтра, при свете дня, он осмотрит место старта, чтобы увидеть, какой след оставила взлетающая машина. Это было важно для расчета механизма, который он хотел предложить вместо во многих отношениях неудобных колес. Давно задуманный проект он не только не записал нигде, но и не говорил о нем никому. Значит, надо изложить его на бумаге, чтобы ценная мысль не погибла вместе с ним. Вездеход он поставит возле воздвигнутого ими обелиска, и его сразу найдет следующая экспедиция. А в нем найдут и его — Камова — предсмертное письмо.

Вторичный полет на Марс состоится, вероятно, через два или три года. В сухом климате вездеход нисколько не пострадает за это время. Им можно будет пользоваться, переменив только аккумуляторы.

Камов изредка зажигал прожектор, проверяя правильность направления. Часто пользоваться светом он не хотел, боясь привлечь этим блуждающих кругом зверей.

Скалы, на которых он провел столько мучительных часов, давно скрылись за горизонтом. Кругом расстилалась равнина. Камов

впервые находился на ней в ночное время. Над головой ярко сверкали звезды. При их свете он плохо различал дорогу, едва намеченную следами гусениц. Потерять этот след было равносильно тому, чтобы оставить всякую надежду отыскать обелиск в песчаных просторах.

Он вел вездеход на самой малой скорости. Спешить было некуда: до восхода солнца было еще далеко.

Запас сжатого кислорода в резервуарах машины был настолько велик, что Камов был обеспечен воздухом по крайней мере на две недели. Энергии аккумуляторов хватило бы на сорок часов непрерывного движения с максимальной скоростью. Продукты питания можно взять на звездолете Хепгуда, если, конечно, удастся найти его, но Камов был уверен, что сумеет это сделать.

Таким образом, он может прожить около двух недель, пока не иссякнут резервуары. Мысль о самоубийстве даже не приходила ему в голову. Подобный способ кончать жизнь всегда казался ему пределом малодушия. На американском корабле должна найтись бумага. Работы хватит на всё оставшееся ему время. Он может и должен записать в наследство своим преемникам — продолжателям его дела — все свои мысли, все расчеты космических перелетов, которые он намечал для себя.

На корабле Хепгуда имеется и кислород. При желании Камов мог протянуть значительно больше двух недель, но он не хотел думать об этом.

Он хорошо понимал, что это является подсознательным намерением, не прибегая к самоубийству, покончить скорее, но старался не разбираться в своих тайных чувствах. В конце концов такое небольшое малодушие простительно. В таком положении с него нельзя было требовать слишком многого.

Любой человек, попавший на Земле, казалось бы, в безвыходное положение, может всё же надеяться, что случай приведет к нему на помощь других людей. Он должен бороться за жизнь до последней возможности. Только трус теряет надежду. Камову было абсолютно не на что надеяться. Никто не мог прийти на помощь. На огромной планете он был один.

На невообразимом расстоянии находится от него Земля. Звездолет достигнет ее примерно через полтора месяца. Если предположить, что он немедленно вылетит обратно (что само по себе было совершенно невозможно), то всё же он вернется на Марс только через четыре месяца. На такой срок не хватит кислорода на американском корабле. Никаких разумных существ на самом Марсе, безусловно, нет. Надеяться на помощь с какой-то еще третьей стороны просто бессмысленно. Это уже утопия!

Камов хотел убедиться, что у него нет даже теоретической возможности надеяться, и методически обдумывал все приходящие в голову варианты.

Американский звездолет! На первый взгляд самый легкий путь спасения. Чего проще, — сесть в него и лететь на Землю. Так, безусловно, подумает каждый человек, не знакомый с техникой вождения космических кораблей и плохо представляющий себе, что такое звездная навигация.

На необъятных просторах, на которых раскинулась солнечная система, Земля и Марс выглядят крохотными точками. Чтобы безошибочно перелететь с одной точки на другую, надо со скрупулезной точностью учитывать почти неуловимые влияния, которые оказывают на летящий корабль обе планеты, Солнце и даже другие планеты, в особенности Юпитер. Командир звездолета должен в совершенстве знать свой корабль, его величину, вес, расположение двигателей и их силу. Он должен уметь регулировать работу двигателей, знать, какую скорость они сообщают кораблю, знать это с точностью до одного сантиметра в секунду. Без всего этого космический корабль безнадежно затеряется в просторах неба и никогда не долетит до цели.

Камов хорошо понимал это. Вылететь на Землю на совершенно незнакомом корабле, не имея никаких данных об его конструкции и двигателях, — это всё равно что, завязав себе глаза, выстрелить из винтовки, надеясь с первого же выстрела, обязательно с первого, попасть в двадцатикопеечную монету, находящуюся на расстоянии двух километров.

Безнадежная затея!

Всё! Все мыслимые варианты спасения, даже самые невероятные, обдуманы и взвешены. Вывод сделан. Значит, довольно думать об этом! Все мысли должны быть направлены теперь на то, чтобы с возможно большей пользой провести оставшиеся дни.

Включив прожектор, Камов посмотрел на дорогу. Следов гусениц впереди не было. Значит, он так задумался, что потерял след.

Он повернул обратно.

Через несколько минут старая дорога была найдена. Он пропустил поворот к северу.

От места поворота до стоянки звездолета было ровно семьдесят километров.

За стенками машины был сильный мороз, но холод не ощущался внутри. Герметически закрытые окна и дверцы не пропускали наружного воздуха, а стенки вездехода обогревались электрическим током. Было даже жарко.

Камов расстегнул меховой комбинезон и снял с головы шлем. Он чувствовал голод, но у него не было никаких продуктов. Обычно в вездеходе был аварийный запас, но, отправляясь в последнюю поездку, Камов не взял ничего, рассчитывая быстро вернуться. «Это тоже урок для будущего, — подумал он. — Путешественники по чужим планетам всегда должны брать с собой продовольствие».

До восхода солнца оставалось еще полтора часа, когда вездеход подошел к хорошо знакомому месту. Смутно темнел на поляне стальной обелиск, искрились в рубиновой звезде и в золоте барельефов отражения звезд. Странно близко к поляне подступила замерзшая поверхность озера. Между ними не было больше огромного корпуса корабля. Даже в темноте Камов различал, как сильно пострадали ближайшие к звездолету растения, по которым прошел мощный поток огня, вырвавшегося из дюз при старте.

Когда рассветет, он подробно всё осмотрит.

Голод всё сильнее давал себя знать, но Камов решил, что отправится к американскому кораблю только после того, как выяснит все интересующие его вопросы. Кто знает? Может быть, опять промчится песчаный ураган и уничтожит все следы отлета.

Он очень устал и решил, что самое лучшее — это заснуть до наступления дня.

Он проспал восход солнца.

Измученный организм предъявил свои права, и Камов проснулся около полудня.

Осмотр занял два часа.

Огонь выжег длинную просеку, на которой совершенно исчезли даже следы растений. По сторонам стояли оголенные стволы, обожженные и почерневшие. На том месте, где был звездолет и где, следовательно, с наибольшей силой действовал огненный ураган, сдвигая с места тяжелую машину, песок частично расплавился, превратившись в бурое стекло. Колеса вырыли глубокие колеи.

Камов аккуратно записал все результаты своих наблюдений и выводы из них. Теперь можно было отправляться за продуктами.

Голод становился мучительным. Последний раз он ел вчера утром, а с тех пор на его долю выпало много потрясений.

Камов решил найти звездолет Хепгуда, взять из него необходимое количество воды и продуктов питания, а затем вернуться обратно к обелиску.

О том, что можно гораздо удобнее устроиться на американском корабле, он не хотел думать.

Он будет жить свои последние дни здесь...

Следы гусениц исчезли: они были начисто стерты песком и ветром.

Камов направил машину прямо на запад.

Там, пройдя сто пятьдесят километров, он будет искать звездолет. Он помнил, что во время первой экспедиции они с Пайчадзе всё время держали направление строго на запад и не отклонялись в стороны.

Это было очень счастливое обстоятельство. Будь иначе, задача найти маленький корабль среди бесконечной пустыни была бы безнадежна.

Единственный ориентир на пути — «болото» — находился в пятидесяти километрах; пройдя это расстояние, Камов убедился, что направление было взято правильно. Он легко узнал памятное место,

достигнуть которого так торопились они с Мельниковым. Дальше вездеход пошел быстрее.

Когда счетчик показал, что пройдено сто пятьдесят километров, Камов остановил машину и, выйдя из нее, взобрался на крышу.

Американского звездолета нигде не было видно.

Ясно, что он уклонился от прежнего пути. Но насколько?

На этот вопрос трудно было ответить.

Подумав, Камов решил повернуть под прямым углом направо и пройти в этом направлении десять километров. Если корабль не будет обнаружен, то он вернется по следу обратно и повторит такой же маневр налево. Если и в этой стороне он не найдет звездолета, то будет искать его, совершая на местности всё более и более широкие круги.

Вернуться, не найдя корабля, значило обречь себя на смерть от голода.

Камов был уверен, что отклониться намного он не мог. Цель находилась где-то недалеко.

И действительно, пройдя около восьми километров, он увидел с левой стороны песчаный холм. В первую секунду ему показалось, что он опять наткнулся на скалы, но, приглядевшись, узнал звездолет, возле которого буря, встретив препятствие, нанесла целую гору песка.

Входная дверь оказалась скрытой под этой горой, и Камов затратил не меньше трех часов, пока добрался до нее. Хорошо еще, что в вездеходе остались лежать лопаты, которые они брали для похорон останков Хепгуда. Без лопат ему пришлось бы разрывать песок руками.

В третий раз он вошел внутрь американского корабля. В первый раз он был тут с Пайчадзе и Бейсоном. Второй раз с ним был Мельников, сейчас он был один.

Возле пульта управления лежал плотный конверт, который он сам положил сюда. В нем акт о гибели командира этого корабля.

«Как странно сложилась судьба! — подумал Камов. — Оба звездолета потеряли на Марсе своих конструкторов».

Он сразу нашел алюминиевым ящик, в котором лежали продукты, и поразился бедности его содержимого: банки свиных консервов, консервированных фруктов, коробки с сахаром, сухарями и печеньем. Больше ничего не было.

Пили же что-нибудь американцы? Где-нибудь должна быть хотя бы вода. Теперь Камова больше, чем голод, мучила жажда, и он стал искать, всё больше удивляясь хаотическому нагромождению резервуаров, баллонов, ящиков и различных сосудов, среди которых было так трудно повернуться.

Открыв, кран одного из стальных резервуаров, он обнаружил в нем спирт.

«Странная идея, — подумал он, — взять спирт в таком количестве в космический рейс, да еще использовать для него такой тяжелый сосуд!»

В остальных резервуарах был жидкий кислород. Многие были пусты.

В большом алюминиевом баллоне он нашел воду. Она резко пахла металлом и, как показалось Камову, резиной. От баллона шли гибкие трубки к двум продолговатой формы ящикам, похожим на гробы. Вода явно предназначалась не для питья.

Наконец он нашел несколько баллонов с апельсиновым соком. «Ну, что ж! Это не так плохо!» — решил он.

Утолив голод и жажду, Камов занялся поисками бумаги. Ее нигде не было.

«Хепгуд был ученым, — думал Камов. — Он должен был вести наблюдения и записывать их. Тетради с его записями должны быть».

Возле пульта управления лежал большой чемодан желтой кожи. Его замки были заперты. Ключа не было.

«Это чемодан Хепгуда. Очевидно, в нем лежат его записи. Неприятно, но придется вскрыть замки. Другого выхода нет».

Чтобы не тратить времени на поиски, Камов сходил к вездеходу и принес оттуда необходимый инструмент. Замки были крепкие, и он довольно долго возился с ними.

Но вот чемодан открыт.

Две толстые тетради лежали сверху. Бегло просмотрев, Камов отложил их в сторону. Они были заполнены записями астрономических наблюдений. Несколько смен белья, флаконы с одеколоном, бритвенный прибор. Бумаги или хотя бы чистых тетрадей не было. На самом дне чемодана он нашел кожаный портфель и связку каких-то чертежей.

Камов открыл портфель. В нем лежали мелко исписанные листки бумаги. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что это такое.

Чувствуя, как от внезапного мучительного волнения у него захватило дыхание, Камов схватил связку и развернул ее.

О, если бы он знал!.. Если бы сразу направился сюда! То, что находилось перед его глазами, могло бы спасти его.

Перед ним лежал проект американского звездолета.

Как он оказался здесь? Зачем Хепгуд взял его с собой?

Очевидно, затем, чтобы в случае гибели никто не мог воспользоваться его трудом. Невероятно, но другого объяснения не было.

Какая злая насмешка судьбы — эта находка, которая совершенно бесполезна для него! Слишком много потеряно времени...

Камов машинально просматривал записи Хепгуда, с бессознательной надеждой отыскивая цифру скорости корабля.

«29,5 км в сек».

— А Земля движется со скоростью двадцать девять и семьдесят шесть сотых, — громко сказал он.

Листки выпали из его рук.

Слишком поздно!

Лишний километр в секунду не мог скомпенсировать потерянного времени. Он давал возможность сэкономить только тридцать часов, а для детального ознакомления со звездолетом оставшихся в распоряжении Камова трех часов было явно недостаточно.

Искра надежды мелькнула и погасла.

Снова неумолимая смерть близко подступила к человеку, находящемуся в полном одиночестве на просторах чужой планеты. Несколько минут он просидел неподвижно, ни о чем не думая, потом встал и бережно собрал рассыпавшиеся листки.

Приступ отчаяния миновал.

Закаленная воля помогла справиться с ним, и Камов уже спокойно стал читать записи Хепгуда. Его интересовал чисто технический вопрос: каким образом американский конструктор сумел добиться большей скорости, чем он. Двадцать восемь с половиной километров в секунду Камов считал, при современном состоянии техники, пределом. Хепгуд писал мелким, но отчетливым почерком, а Камов хорошо знал английский язык. Тщательно выполненные чертежи дополняли сухой математический текст. Личный опыт конструктора помогал разобраться в деталях.

Будь на месте Камова даже Белопольский, то, несмотря на весь его математический ум, он спасовал бы. Нужно было самому быть

конструктором звездолетов, чтобы понять смысл кратких формул, не снабженных никакими пояснениями: Хепгуд писал для себя.

Около двух часов Камов внимательно изучал проект. Углубившись в мир техники, он совершенно забыл о своем отчаянном положении. Время перестало существовать для него. Внезапно он вздрогнул и впился глазами в короткую формулу, которая вдруг разрослась, заслонив собой всё, что он читал до сих пор.

Ну, конечно! Как он мог забыть об этом? Как мог хоть на секунду допустить мысль, что американец добился того, чего не мог добиться советский инженер! Таким способом, какой применил Хепгуд, он — Камов — мог довести скорость своего корабля до семидесяти километров в секунду! Но советскому человеку такая вещь не могла прийти в голову. Пятьдесят метров! Ускорение, в пять раз превышающее нормальный вес! Как мог Хепгуд пойти на это?! Обречь себя и своего спутника на десять минут такого испытания значило нанести непоправимый вред здоровью. Даже при желании Камов не мог бы поступить таким образом, так как правительственная комиссия никогда не разрешила бы ему построить подобный корабль.

Теперь стало понятно назначение алюминиевых ящиков и соединенного с ними резервуара с водой, хотя Камов и не верил, что погружение в воду может уменьшить вред, причиняемый организму повышенным ускорением.

Но если Хепгуд не был связан условием безвредности ускорения, то, может быть, его двигатель имеет достаточный запас мощности, чтобы еще увеличить эту цифру...

В третий раз за сутки перед Камовым встала надежда на спасение.

Отыскав технические характеристики двигателя, он легко убедился, что может довести ускорение до пятидесяти пяти метров.

Это решало вопрос.

Правда, подобное ускорение грозило ему смертью в первые же минуты полета, но иначе он не мог догнать Землю.

Кроме старта, смертельная опасность грозила и на финише. По расчетам Хепгуда, его двигатель после отлета с Марса не мог больше работать, и американец рассчитывал произвести спуск с помощью парашюта, а у Камова не было этой возможности. Сложить парашют

одному человеку было не под силу. Он надеялся только на то, что Хепгуд слишком пессимистически смотрел на свой двигатель. Может быть, он сможет еще работать. Во всяком случае выбора не было никакого. Или рискнуть, или примириться с неизбежной и близкой смертью.

«Лучше умереть при старте или разбиться о родную Землю», — решил Камов.

Земля!

12 февраля 19..года.

10 часов по московскому времени.

Наконец-то я могу с полным правом написать: «по московскому времени»!

Я в Москве!

Сегодня как-то особенно остро чувствуется счастье возвращения. Вчерашний день прошел как в тумане, но я никогда не забуду ни малейшей подробности!

Я хочу описать под свежим впечатлением последний день нашего космического рейса. Это будет последняя запись моего дневника. Много событий я занес на его страницы. Я писал их в Москве, на борту звездолета, писал на Марсе. И вот заканчиваю его за тем же столом в моей комнате, где начал в памятную ночь на второе июля.

Перед глазами проходит всё виденное...

Вспоминается всё пережитое...

Старт с Земли...

Прекрасная планета с поэтическим именем — Венера!

Бесформенная мрачная громада астероида. Она промелькнула в короткие секунды, но навсегда останется в памяти...

Пустынные равнины Марса...

Выстрел Бейсона... Американский звездолет, пугливо прижавшийся к земле...

Жуткая песчаная буря.

Я вижу зеленовато-серые, кошачьи глаза и широко открытую пасть, усеянную острыми зубами треугольной формы... Непостижимо мощный, стремительный прыжок серебристого тела...

Я вижу оставленный нами памятник. На маленькой поляне увенчанный рубиновой звездой блестит сталью и золотом трехметровый обелиск...

Последние проводы. «Не скучайте!».

Полтора месяца тоскливого возвращения...

Белопольский сделал всё, чтобы звездолет вернулся на Землю точно в назначенную Камовым минуту. «Я должен это сделать в память Сергея Александровича», — говорил он.

И он сделал!

По плану экспедиции, финиш звездолета должен был состояться одиннадцатого февраля между двенадцатью и четырнадцатью часами. Мы задержались на Марсе на тридцать шесть минут, но всё же колеса корабля коснулись ракетодрома в двенадцать часов тридцать две минуты.

Чего еще можно требовать?!

Велика заслуга Константина Евгеньевича: он привел; потерявший своего командира корабль по безвоздушным путям вселенной, как по рельсам железной дороги, прямо к перрону станции.

Честь и слава ему — достойному преемнику Камова у пульта управления звездолета!

В восемь часов утра одиннадцатого февраля мы все собрались в помещении обсерватории. Наступали последние часы полета. Земля была совсем близко.

На корабле всё было готово к спуску. Как всегда, я приготовил свои аппараты и находился у «окна ТАСС». Пайчадзе возился со своими астрономическими приборами, готовясь к нужным ему наблюдениям. За эти недели он очень похудел и осунулся. Больше нас всех Арсен Георгиевич переживал потерю. Они были очень дружны с Камовым. Их навсегда связали друг с другом незабываемые часы их исторического полета на Луну. Всё время обратного рейса он ни на

минуту не прерывал своей работы, сократив до минимума часы отдыха. Настойчивым трудом он старался заглушить свое горе.

Белопольский у пульта управления, положив на колено тетрадь, что-то вычислял, быстро исписывая математическими формулами страницу за страницей.

Бейсон уныло смотрел в боковое окно. Полтора месяца он просидел в своей каюте, отказываясь выйти из нее. Впереди его ждали позор суда и суровое наказание. Бесславное возвращение!

Сейчас он был с нами по приказанию Белопольского.

Землю закрывал огромный диск Луны, возле которой мы должны были пролететь. Она приближалась с каждой секундой, закрывая собой всё впереди корабля. Я фотографировал ее без конца. Оба киноаппарата, повернутые к ней, работали без перерыва. Невидимая с Земли половина ее спутника была обращена к нам, но, к сожалению, солнце освещало только немного больше четверти этой, самой интересной для нас половины.

В восемь часов тридцать минут звездолет поравнялся со спутником Земли. Мы пролетели на расстоянии около двухсот километров от ее поверхности. И сразу же увидели родную планету.

Сердце забилось тревожно и радостно... Горячий комок подступил к горлу.

Земля!..

Она сверкала на черном фоне пространства голубоватым диском, окруженная тонким ореолом сияющей атмосферы.

Звездолет летел прямо к ней.

Ощутимо уходила назад черная пустота. Между нею и нами, как закрывшаяся дверь в безграничное пространство мира, висела Луна — последний разъезд нашего долгого странствования по дорогам вселенной.

Мне казалось, что я ясно ощущаю нетерпеливую дрожь стального корпуса. Белоснежная птица мчалась к родному гнезду, со стремительной быстротой покрывая последние километры.

Всё ближе и ближе...

Земля приближалась, увеличиваясь с каждой секундой.

В эти волнующие минуты мы с особенной остротой чувствовали всю горечь нашей утраты. Если бы Камов был с нами!

Как-то раз Пайчадзе сказал: «Если бы он мог воспользоваться американским звездолетом!» Он тогда не прибавил больше ничего; но, оставшись со мною наедине, Белопольский дополнил его слова. Он подробно объяснил мне, что если бы Сергей Александрович и остался жив, то всё равно не смог бы вылететь на Землю на корабле Хепгуда, не зная его конструкции. Я понял тогда: надежды нет и на это.

Так же, как и на Венеру, звездолет должен был опускаться на Землю сорок семь минут, начав этот спуск с расстояния в сорок одну тысячу километров от ее поверхности. Этого расстояния было как раз достаточно для того, чтобы погасить нашу космическую скорость, которая, замедляясь на десять метров в секунду, за эти сорок семь минут упадет от 28,5 километра до нуля.

Когда началась тормозящая работа двигателей, мы были уже настолько близко, что я без труда узнал Азию, ярко освещенную солнцем. Европа еще скрывалась в ночной тени. На всей видимой половине земного шара совершенно не было крупных облачных масс. Поверхность планеты с каждой секундой становилась яснее, словно она сама, радуясь возвращению своих детей, с открытым лицом протягивала навстречу звездолету материнские объятия.

Мы незаметно погрузились в атмосферу. Воздух был поразительно прозрачен; родная страна раскинулась под нами во всем своем великолепии. Мы видели в сильные бинокли и нестерпимо блестевшую гладь Тихого океана, и чуть заметную линию Уральского хребта. На севере, в молочном тумане, угадывались льды Арктики.

Звездолет опускался вниз...

На высоте ста километров он расправил свои могучие крылья.

Космический рейс закончился!..

Реактивный самолет летел в стратосфере. Мне казалось, что он спустится непосредственно над Москвой, но, когда на высоте тридцати километров он перешел в горизонтальный полет, я увидел под нами горы Урала.

Белопольский вел корабль на запад, медленно опускаясь всё ниже и ниже.

Вот в стеклах бинокля промелькнул внизу город Горький.

Еще через двадцать минут, совсем уже близко, под крылом машины проплыл назад древний Владимир...

Мы приближались к Москве.

Корабль был на высоте одного километра, когда из-за горизонта выплыла панорама столицы.

Над самой Москвой мы не пролетели. Звездолет направился прямо к ракетодрому.

Всё ниже и ниже... Стихает гул двигателей... Широкими кругами заканчивает корабль свой семимесячный полет...

Внизу громадное поле. С него мы начали путь. К нему вернулись опять.

Оно пустынно и белеет ровным снежным покровом.

На высокой ограде, на всем протяжении ее длины, бесчисленные флаги...

Крохотными точками вытянулись в несколько рядов вереницы автомобилей. Я не вижу, но знаю, что на плоской крыше «межпланетного вокзала» масса людей. Нас ждут. Нас вышли встречать многочисленные друзья.

Я не уверен, что Пайчадзе сказал громко; может быть, мы услышали его мысль: «Серафима Петровна тоже здесь».

Серафима Петровна — жена и верный друг Камова. Она стоит сейчас на крыше вокзала, жадно всматриваясь в белую птицу, которая несет к ней любимого человека. Она ничего не знает...

Последний заход.

Смолкают двигатели. Мягко касаются земли громадные колеса...

Я вижу, сквозь пелену радостных слез, как от вокзала мчатся к остановившемуся кораблю шесть автомобилей.

Белопольский прямо с пульта открывает обе двери выходной камеры. Нечего опасаться, — снаружи родной воздух Земли.

Падает на снег алюминиевая лестница. Тут не спрыгнешь прямо на землю, как мы это делали на Марсе. Один за другим покидаем звездолет.

Из автомобиля выходит председатель правительственной комиссии — академик Волошин — и направляется к нам. За ним идут другие

члены комиссии.

Несколько кинооператоров крутят ручки своих аппаратов.

Я много снимал в пути. Теперь моя роль окончена. Теперь их очередь.

Белопольский выходит навстречу Волошину. В этот момент, нарушая торжественный церемониал встречи, из-за спины академика стремительно выбегает Марина и бросается на шею отца.

Пайчадзе берет дочь на руки.

Белопольский подносит руку к шлему.

Сейчас он доложит Волошину о выполнении задания, сухим языком рапорта скажет о гибели командира звездолета, а в трех шагах стоит Серафима Петровна Камова, радостная, веселая, с огромным букетом в руках.

Но неужели она не видит, что ее мужа нет среди нас? Почему Волошин не выражает ни малейшего удивления, что ему рапортует Белопольский, а не Камов?..

Страшные слова сказаны, но на лице Серафимы Петровны по-прежнему сияет улыбка.

Рапорт окончен. Волошин обнимает командира корабля.

— Поздравляю вас, — громко говорит он, — с блестящим окончанием первого космического рейса. Своим благополучным возвращением вы сделали огромный подарок нашей Родине. Примите же и наш ответный подарок.

Члены комиссии расступились в стороны. С цветами в руках к нам быстро подошел человек, мысль о котором не давала нам покоя все эти шесть недель.

Живой, веселый, с блестевшими, от радости глазами, перед нами был Сергей Александрович Камов.

Я не помню, как у меня на руках очутилась Марина...

— Сергей!.. Арсен!..

Камов и Пайчадзе бросились в объятия друг друга.

Затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово, слушали мы несколько часов спустя рассказ Сергея Александровича о пребывании на Марсе и обстоятельствах его чудесного спасения.

Он говорил коротко и сжато, ни словом не упоминая о своих чувствах и переживаниях, но из этого сухого рассказа передо мной отчетливо вырисовывался героический характер этого человека, для которого его дело было дороже жизни.

— Пятьдесят пять метров ускорения дало мне возможность не только спастись, — закончил Камов, — но и достигнуть Земли на двадцать один час раньше вас. Скорость корабля после десяти минут работы двигателя составила тридцать два километра четыреста пятьдесят метров в секунду. В момент старта я потерял сознание и очнулся, когда корабль уже летел по инерции. В воду я, конечно, не ложился, так как не верю в спасительность этого средства. Придав звездолету нужное направление, я во всем остальном положился на законы механики и свое счастье, — он слегка усмехнулся при этих словах. — Вы сами можете понять, как мне было скучно одному. Приблизившись к Земле, я в полной мере оценил, какое сокровище имел Хепгуд в своем распоряжении и не сумел его использовать. Я говорю про двигатель его корабля. Это очень надежный, хороший механизм, не уступающий нашим. Тормозить звездолет трением об атмосферу, я не хотел. Двигатель блестяще справился с задачей. Повернув корабль на сто восемьдесят градусов, я стал тормозить его именно этим двигателем и к моменту погружения в атмосферу имел почти нулевую скорость. Звездолет стал падать. Парашюта у меня не было. Он остался на Марсе вместе с нашим вездеходом. Я стал включать двигатель короткими толчками. Не могу сказать, что это было приятное ощущение, но своей цели я добился. Корабль прекратил беспорядочное падение и перешел в планирующий полет...

Он замолчал. В большой, красиво обставленной столовой было тихо. Все ждали продолжения. Волошин машинально помешивал ложкой давно остывший чай. Нина Арчилловна, жена Пайчадзе, чуть слышным шепотом убеждала Марину сидеть спокойно. Белопольский, Пайчадзе и я не спускали глаз со своего вновь обретенного командира.

— В общем, — сказал он, — можно сказать только одно: с момента, когда «СССР-ЛС2» разогнал зверей, и до приземления на Земле мне везло всё время. Видно, моей жене еще рано становиться вдовой, —

он ласково погладил руку Серафимы Петровны. — Звездолет летел в стратосфере. Внизу находилась Сибирь. Постепенно снижаясь, я миновал Уральский хребет и опустился у самых предместий города Саранска. Удар был очень силен, но, как видите, я не пострадал, чего нельзя сказать о корабле. Ну, а дальше рассказывать нечего. Я послал телеграмму, и меня на самолете доставили в Москву. Там мне удалось присутствовать при триумфальном финише нашего звездолета.

Он протянул руку Белопольскому.

— Остается поблагодарить Константина Евгеньевича за его искусство. Звездолет, как вы знаете, опустился на ракетодроме как по расписанию. Первый большой космический рейс прошел точно в намеченные сроки. Это огромная победа!

— Куда вы думаете совершить следующий полет? — спросил Волошин.

— Конечно, на Марс. Загадки этой планеты должны быть разгаданы до конца. Только этот полет совершу не я.

— Это почему?..

— Боюсь, что только что закончившийся полет был для меня последним, — с грустью в голосе сказал Камов. — Нагрузка, которую мне пришлось испытать при старте с Марса, не могла не сказаться на здоровье.

Мы трое с ужасом переглянулись.

— Неужели ты говоришь правду? — прошептал Пайчадзе.

— Боюсь, что да, — ответил Камов.

— Мы вас вылечим, — решительно сказал Волошин. — Этого нельзя допустить. Лучшие врачи Советского Союза займутся вами.

Наступило тяжелое молчание. Серафима Петровна нежно обняла мужа и положила голову ему на плечо.

— Ничего, друзья! — сказал Камов. — В лице Константина Евгеньевича мы имеем хорошего командира для будущего звездолета, который я ему построю. Хочу надеяться, что и другие мои спутники не откажутся от этой роли. С меня вполне хватит. А среди нашей молодежи найдутся сотни будущих «звездных капитанов». Космические рейсы будут продолжаться.

— Один из этих капитанов сидит возле меня, — сказала Нина Арчилловна, стараясь шуткой разогнать мрачное настроение, овладевшее всеми. — Боюсь, что моя Марина — тоже будущий звездоплаватель: только о звездах и говорит.

— Обязательно буду! — сказала девочка и упрямо качнула головкой.

Все рассмеялись.

— Решено! — весело сказал Камов.

— Когда же совершится второй полет на Марс? — спросил Белопольский.

— Года через два, — ответил Камов. — Корабль надо усовершенствовать или построить новый. Скорость в двадцать восемь с половиной километров в секунду слишком мала.

— А Венера? — спросил Волошин.

Глаза Белопольского и Пайчадзе потеплели, при упоминании о «сестре Земли».

— Венера, — сказал Камов, — прекрасна. Эта планета полна сил и жизни, но загадок на ней, по-видимому, нет. Она идет по тому же пути, по которому шла наша Земля. Венера только начинает жить. Наука Земли, как старшая сестра, должна помочь ей, направить ее первые шаги. Но это будет не скоро. Это дело наших далеких потомков, и я не сомневаюсь, что они сделают это. Помочь работе природы можно и должно, но насильственно изменять эту работу нельзя.

Так и будет — сказал старый академик.

Космический рейс закончен.

Первый опыт межпланетных сообщений увенчался блестящим успехом.

За семь с половиной месяцев звездолет «СССР-ЛС2» посетил две планеты солнечной системы и, пролетев больше полмиллиарда километров, вернулся на Землю.

Огромный вклад сделан в советскую науку.

Будем готовиться к следующим рейсам.

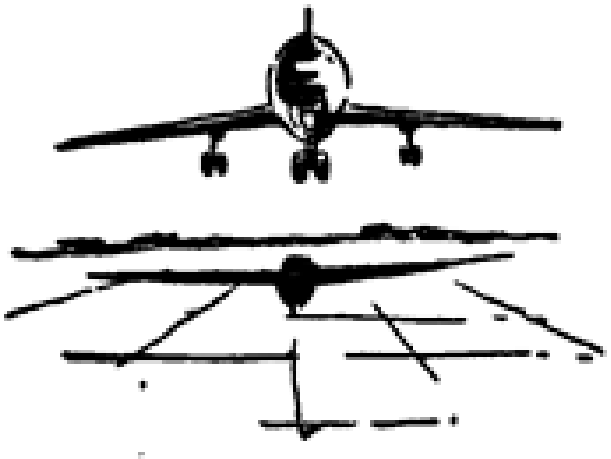
Их будет много. Советские звездолеты покроют межпланетные пространства десятками трасс своих перелетов.

Они раскроют все тайны, ревниво хранимые природой. Пытливый взор человека проникнет в самые отдаленные окраины нашего мира — системы Солнца.

Когда-нибудь им станет тесно и тут. Тогда они вырвутся за пределы этой системы.

Нет границ, нет пределов дерзанию свободного человеческого ума!

Нет границ познанию!..

Алексей Сазонов

ЗВЕЗДНАЯ ОДИССЕЯ

Фантастическая повесть

Вместо предисловия

Когда наступает ночь, во всем своем спокойствии и величии предстает перед нами таинственный звездный мир.

Сто двадцать миллиардов звезд окружает нас, образуя великий Млечный Путь — галактику. Ее размеры таковы, что нужно сто тысяч лет мчаться со скоростью в триста тысяч километров в секунду, чтобы пересечь ее от края и до края. Это скорость света — высшая из возможных в природе. Исключение составляет только мысль, способная переносить нас в одно мгновение в далекое прошлое, в будущее, преодолевать любые расстояния.

Если мысленно представить себе Млечный Путь, он покажется нам похожим на слабо светящийся диск, медленно вращающийся вокруг своего центра. Сколько же таких галактик во Вселенной?

Нет им числа!

Человеческий глаз, вооруженный совершеннейшими оптическими приборами, увидел множество иных миров, отстоящих от Земли на миллиарды световых лет, и не обнаружил границ Вселенной.

На одной из окраин Млечного Пути, среди множества звезд, затерялось наше Солнце со своим семейством из девяти планет. Одна из них — Земля, твоя родина!

Человек и Вселенная — ничтожно малое и бесконечно большое. Человеческая мысль измеряется мгновением, а жизнь Вселенной — вечностью. Сопоставимы ли эти величины? Да. И в пользу Человека. Разум определяет его бесконечное превосходство над материей,

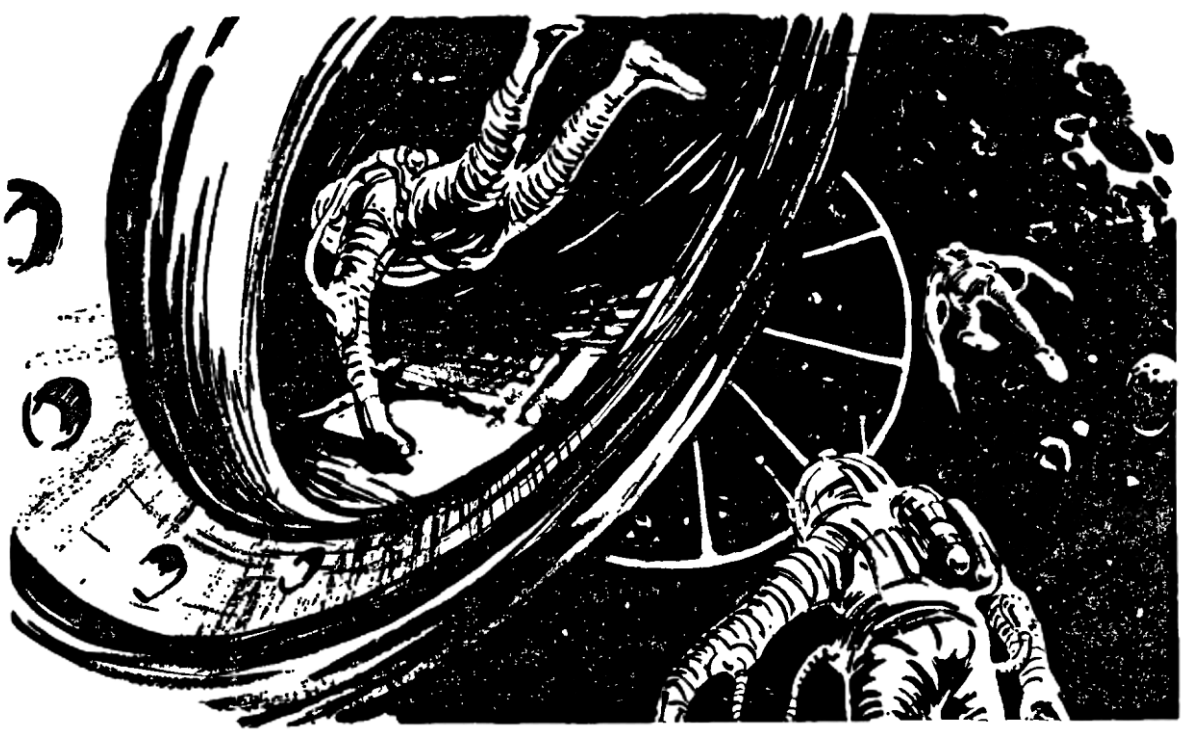
которую он познает и покоряет. И этот процесс ничто не может приостановить, — он больше, чем вечность мертвой природы, он — жизнь!

Глава первая

На исходе второй половины двадцатого века усовершенствованная радиосвязь Земли приняла таинственные сигналы из космоса. Эти сигналы с интервалом в тридцать одни земные сутки исходили из района орбиты Марса, одной из самых близких к Земле планет. Все попытки расшифровать сигналы с помощью электронно-решающих машин не дали никаких результатов.

И тогда, по решению Академии наук Союза социалистических стран, к Марсу была направлена экспедиция — первая глубокая разведка за пределы уже освоенных трасс — кольцевой, вокруг Земли, и маршрута Земля-Луна, давшего так много для изучения нашей планеты.

Наш рассказ застает межпланетный корабль как бы застывшим среди бесчисленных разноцветных звезд, горящих ровным,

немигающим светом. Но действительно ли он неподвижен? Далеко нет. Его скорость в десятки раз быстрее орудийного снаряда. Но как ничтожна она по сравнению с гигантскими масштабами пространства и времени космоса! Так звезды, двигающиеся со скоростями в десятки тысяч километров в секунду, тысячелетиями представляются человеку гвоздями, вбитыми в небесную твердь в виде причудливых созвездий, очертания которых за истекшие времена почти не изменились...

Возле кормовой части корабля копошатся две фигурки в скафандрах. При помощи небольших реактивных движков на сжиженном газе они свободно передвигаются в пространстве. Тот, кто парит в нескольких метрах от хвостового оперения, — командир корабля Михаил Иванович Брагин — «покоритель Луны», как прозвали его за первые дерзкие полеты к земному спутнику. А рядом его верный помощник, штурман и бортинженер Саша Швачко. Про него злые языки говорят, что он научился летать раньше, чем ходить, и прожил на Земле меньше, чем в космосе.

Швачко выскользнул из сопла двигателя корабля и, выдвинув на шлеме усик антенны, подул в микрофон. Убедившись по звуку, что рация в порядке, он спросил:

— Алло, вы меня слышите, Михаил Иванович?

— Да.

— Вы меня слышите, Михаил Иванович?

— Да, — ответил Брагин.

— Газовые рули в порядке. Пришлось сменить только одну графитную пластину, изрядно выгорела при старте. На Земле нас давно бы оштрафовали за превышение скорости...

— Ну, то на Земле, Саша, — улыбнулся Брагин и, будучи по характеру скупым на слова, сразу же закруглил разговор: — Пошли на корабль.

Взявшись за руки, космонавты подлетели к открытому люку переходного тамбура и, миновав его. оказались в жилом отсеке.

В отличие от космопланов ближнего радиуса полета, где все подчинено строжайшей экономии размеров и веса, помещение, в которое вошли Брагин и Швачко, поражало необычайно уютной, обжитой обстановкой. Мягкий свет, струящийся с потолка, удобные кресла, полки с книгами, картины создавали полное впечатление благоустроенной квартиры.

И это не роскошь. В многомесячном космическом полете на расстоянии сотен миллионов километров от Земли самая большая нагрузка падает на волю и разум человека. Поэтому комфорт, на первый взгляд как будто излишний, так же необходим для поддержания жизни космонавта, как пища, вода и воздух. Без этого рано или поздно у человека наступило бы психическое расстройство и потеря контроля над собой.

Но познакомимся с другими членами экипажа космического корабля.

В рабочем отсеке, где сосредоточено управление кораблем и оборудование для проведения научно-измерительных работ, мы видим

женщину средних лет, изучающую ленту с записью приборов, автоматически поддерживающих состав, температуру и влажность воздуха. Это биолог и врач экспедиции Вера Степановна Борисова. Она отвечает за самое главное — сохранение жизни человека в космосе.

Почти рядом с ней, за маленьким выдвижным столиком, полузакрыв глаза, сидит еще не старый, но рано поседевший человек, изредка бросающий взгляд на десятки исписанных им страниц, — глава экспедиции, ученый Григорий Петрович Строков. Не удивляйтесь, что он иногда напевает арию из «Сильвы», — она помогает ему в самых сложных вычислениях!..

Безмятежную тишину рабочего отсека нарушили шаги с характерным звуком, который издает электромагнитная обувь, облегчающая передвижение в условиях полной невесомости. Вспомним, что и белье космонавтов с добавленным в ткань металловолокном выполняет ту же функцию. Это белье, а также постели «с подмагничиванием» позволяют путешественникам отдыхать, не опасаясь оказаться во время сна парящими в воздухе.

Шаги приблизились. Строков и Борисова с едва сдерживаемым волнением посмотрели из вошедшего Брагина.

— Все в порядке, — ответил он на немой вопрос. — Остается несколько тысяч километров. Пора начинать посадку.

Надев скафандры, члены экипажа заняли места на откидных сиденьях. За толстыми стеклами иллюминаторов виднелся Марс, закрывающий собой почти все небо. Отраженные от его поверхности солнечные лучи багровым светом пронизывали кабину корабля.

Мерные удары метронома как бы подчеркивали наступившую тишину. И вдруг все наполнилось почти осязаемым грохотом заработавших двигателей, гасящих скорость полета. Тела астронавтов мгновенно вдавились в кресла. Они с огромным трудом вдыхали воздух — настолько тяжелы стали их грудные клетки. Сквозь рев двигателей постепенно начал прослушиваться нарастающий свист, в котором потонули все остальные звуки. Столбик измерителя температуры быстра поднялся по шкале. Вот он пересек последнее деление и лопнул, образовав в воздухе облачко испаряющегося спирта

Борисова с тревогой посмотрела на Брагина, полулежащего возле пульта. Его рука, одетая в специальную перчатку дистанционного управления, от которой змеился шланг с проводами к механическому «мозгу» управления, властным движением настойчиво посылала корабль на посадку.

— Плотность атмосферы Марса намного больше, чем мы предполагали... — хриплым стесненным голосов произнес Брагин. — Экипаж, внимание! Вынужден выйти из атмосферы планеты для охлаждения корпуса корабля.

Пальцы в перчатке слегка разжались, и этого было достаточно для сильного рывка. Снова наступила невесомость — об этом свидетельствовали взмывший в воздух осколок градусника и облегченный вздох космонавтов. На огромном телеэкране, перед глазами едва пришедших в себя космонавтов, совсем близко проносилась поверхность Марса. Однообразная равнина, изредка мелькающие странные пятна... Может быть, это очертания городов или селений? Но стремительный полет корабля не давал возможности что-либо разобрать.

— Вера Степановна, — произнес Брагин, — прошу разрешить повторить торможение, на этот раз с девятикратной перегрузкой.

— Почему с девятикратной?

— Меньше нельзя. Иначе я сожгу все топливо, и мы не сможем вернуться на Землю,

— Сколько времени будем тормозить?

— Секунд сто пятьдесят.

— Другого выхода нет?

Брагин отрицательно покачал головой.

— Хорошо. Разрешаю, — после короткой паузы ответила Борисова.

— Полный вдох! — скомандовал Брагин. — Идем в последний заход на посадку!

Мощный рев наполнил помещение корабля. Кресла провисли под космонавтами почти до самого пола, как будто на них положили тонны груза. Тяжесть и свист нарастали с чудовищной силой и, достигнув апогея, стали немного затихать. По-прежнему ревели только двигатели и корабль в облаках дыма и пламени плавно опустился на поверхность Марса. Резкий толчок. Непривычная тишина. Полная неподвижность.

— Товарищи, мы на Марсе! — после долгой паузы усталым голосом произнес Брагин и снял с руки перчатку,

Члены экипажа, как бы просыпаясь от тягостного сна, по очереди встали с кресел,

— Тяжесть! — первым приходя в себя, произнес Строков и сделал осторожный, неуверенный шаг по полу кабины.

— Ура! Тяжесть! — восторженно закричал Швачко, и неожиданно прыгнул почти на высоту своего роста. — Но гораздо слабее, чем на Земле!

— Давайте откроем переходной тамбур, — предложила Борисова. — Все остальные отсеки корабля закрыть!

Брагин послушно нажал одну из кнопок на пульте управления, и массивная стальная дверь чуть заметно приоткрылась. В образовавшуюся щель с шипящим свистом вырвался воздух; давление быстро уравновесилось. Борисова посмотрела на стрелку анероида, которая заметно отклонилась влево.

— Атмосферное давление на поверхности Марса равно примерно земному высокогорному, — заключила она.

— Вполне подходяще! — не удержался от реплики Швачко и сделал движение, чтобы снять скафандр.

— Саша, что за мальчишество! — строго остановила его Борисова. — Мы еще не знаем ее химического состава.

Борисова забрала порцию воздуха в баллон, соединенный шлангом с химическим анализатором. Задрожали стрелки на шкалах, то резко отклоняясь, то вновь возвращаясь почти к нулевому положению.

— Кислорода, крайне мало, — записывая показатели приборов, произнесла Борисова. — Азота тоже... Зато огромный процент тяжелых инертных газов.

— Это ядовито? — спросил Брагин.

— Не знаю, нужно проверить.

Из маленькой стеклянной клетки с автономным воздушным питанием Борисова осторожно выпустила на пол белую мышь. Давно отвыкнувшая от столь большого пространства, она сделала несколько неуверенных движений и... вдруг высоко подпрыгнула.

— Совсем, как Сашка! — невольно улыбнулся Брагин.

Швачко посмотрел на него с видом оскорбленного достоинства.

Мышь сделала еще несколько судорожных прыжков и упала на спину. Космонавты с волнением следили за зверьком. Ведь от того, выживет он или нет, зависело все их будущее на этой планете. Что это, смерть или временный шок?

Но вот глазки у мыши заблестели, зашевелились усики, хотя она была еще не в силах сделать движения.

— Вера Степановна, — прервал напряженную тишину Строков. — А не кажется ли вам, что ее мышцы просто отвыкли от силы земного притяжения?

— Ну, конечно! — сразу же согласился Швачко. — Сами делали каждые сутки гимнастику, а о бедной твари забыли.

Борисова продолжала внимательно наблюдать за поведением зверька и сохраняла молчание.

— Ваше мнение? — не выдержав, спросил Брагин.

Вместо ответа, после секундного колебания, Борисова сняла шлем и решительно вышла в тамбур, захлопнув за собой дверь. Затем она взяла с пола дрожащую, как в лихорадке, мышь и, посадив ее на ладонь, приблизила к своему лицу.

Дыхание Борисовой делалось все напряженнее и чаще. Мышь тоже явно задыхалась. Брагин не выдержал и схватился за ручку двери. Но в это время Вера Степановна сама распахнула ее и, шатаясь, вошла в отсек корабля.

— Воздуха!.. — еле шевеля губами, попросила она.

Швачко мгновенно открыл кран кислородного баллона и поднес шланг ко рту женщины.

— Разве можно так!.. — невольно вырвалось у него.

— Можно, и необходимо, — отдышавшись, ответила Борисова. — Выход на поверхность планеты разрешаю, но пока в скафандрах. Во всяком случае, без кислородных масок нам не обойтись. — Она жадно глотнула порцию кислорода из шланга и добавила: — А сейчас произвести полную дезинфекцию костюмов и снаряжения.

— Стоит ли задерживаться из-за этого? — усомнился Строков.

— Стоит, — возразила Борисова. — Для обитателей Марса, если они существуют, самая безобидная земная бактерия может оказаться страшнее чумы.

Глава вторая

И вот космонавты, усталые, но счастливые, ощутили под ногами твердую почву другой планеты. На бескрайней равнине, освещенной слабыми лучами уходящего за горизонт маленького Солнца, стоял их космический корабль. В небольшой впадине, хорошо защищенной от ветра, был установлен зеркальный телескоп. Около него поместился Брагин в кислородной маске, в темном защитном комбинезоне. А охрану всего пространства вокруг взял на себя установленный на вершине дюралевой мачты беспрестанно вращающийся «электронный глаз»: при появлении какого-либо предмета он мгновенно подаст предупреждающие сигналы.

Небо Марса! Как оно непохоже на земное! Днем — темно-синее, переходящее в фиолетовые тона. Крохотное светило редко перекрывается прозрачным облаком, почти не ослабляющим его лучей. Ночью на небе гораздо больше звезд, они разноцветные, горят ярче и почти не мигают. Две крохотные луны — Деймос и Фобос; одна — степенная,

медлительная в своем движении, другая — проворная, успевающая за ночь трижды появиться и исчезнуть.

Брагин, дежуривший возле корабля, навел телескоп на одну из них, и в окуляре появилась далекая Земля.

Свыше 370 миллионов километров отделяло сейчас его от родной планеты, но мысленно он был там, среди друзей, в бурном потоке жизни, торопливой, неугомонной...

Тем временем Строков, Борисова и Швачко на герметическом вездеходе вот уже вторые сутки совершали дальнюю разведку.

Бесконечен однообразный ландшафт пустыни, озаренный бледным светом двух лун! Резкие лучи прожектора, укрепленного на крыше вездехода, освещали бегущую навстречу ровную поверхность, возникающую из темноты. Стрелка спидометра на светящейся шкале дрожала возле цифры «50». Машина шла по компасу, и Швачко на заправленной в планшет карте отмечал путь в виде спирали, идущей от точки посадки корабля.

— Григорий Петрович, — обратился он к сидящему за пультом управления Строкову. — Прошли по круговой 2 300 километров. По прямой отстоим от корабля на добрых 700 километров, а кругом до сих пор все мертво.

— Думаешь, дальше двигаться бесполезно? — спросил Строков, по-прежнему внимательно вглядываясь вперед.

— Да вроде...

— А вчерашние мчащиеся тени?

— Коллективная галлюцинация! — безапелляционно заключил Швачко. — Точно такое мы видели с Михаилом Ивановичем на Луне, а потом выяснилось, что причина всему — отравление азотом, его подавалось слишком много.

— Знаете, Саша, — заметил Строков, — вы неплохой астронавт. Но поспешность в выводах очень мешает вам стать настоящим ученым.

Швачко обиженно посмотрел на Строкова.

— Но вы не огорчайтесь, — успокоил его тот. — Со временем все придет в норму. Только прошу вас, не увлекайте мою дочь романтикой межзвездных скитаний.

— Что вы, Григорий Петрович! — смутился Швачко. — Наташа и не думает об этом. А вообще... это вы сами...

— Что я сам?

— Да я еще в школе мечтал пойти по вашей дороге... И вот пошел...

— Раскаиваешься?

— Что вы! — даже привскочил Швачко.

— А вот Наташу не заманивай. Запрещаю! — вскипел Строков.

— Хорошо, — прошептал Швачко и, притихнув, сел за маршрутную карту.

На заднем сиденье безмятежно дремала Борисова. Что занесло ее в эти беспредельные дали? Сидеть бы ей дома, на обжитой уютной планете, но нет, она здесь, за сотни миллионов километров от Земли. Видимо, что-то произошло в сознании человека, и он решительно вышел за порог дома, в котором родился...

Монотонно гудел двигатель вездехода, спидометр отщелкивал пройденные километры. Но что это? Впереди в свете прожектора возникло нечто похожее на ящера, быстро зарывающегося в песок.

Строков резко затормозил. Вместе с Швачко он осмотрел осыпающуюся на их глазах воронку в песчаной почве.

— Смотрите вперед! — раздался голос Борисовой, вышедшей вслед за ними из вездехода.

Строков и Швачко подняли головы и в косых лучах прожектора увидели медленно удаляющийся от них песчаный бугор.

Двумя огромными прыжками Швачко приблизился к передвигающемуся бугру и стал его раскапывать. Внезапно из ямы вырвалось пламя, и Швачко с невольным криком отскочил в сторону.

— Саламандра!

Подбежавшая Борисова в тревоге осмотрела Швачко и звонко рассмеялась — настолько его испуг и растерянность были комичны.

— Проклятый ящер, он плюнул в меня огнем! — попытался оправдаться Швачко.

— Здесь что-то не то! — произнес Строков, осматривая опаленный комбинезон молодого человека. — Огонь и живой организм несовместимы.

— Совершенно верно, — подтвердила Борисова. — Причиной всему вы сами, Саша.

— Ну, знаете, меня подожгли, и я же виноват?!

— Да, виноваты. Вернее, виновата ваша кислородная маска.

В подтверждение своих слов Борисова поднесла маску к бугру, и тот на мгновение вспыхнул слабым голубоватым пламенем.

— Вот видите! — воскликнула она. — В целях самозащиты животное пустило струю пахучей жидкости. При соединении с кислородом произошло самовозгорание. Не будь его в таком количестве, вспышки и не последовало бы. Вы забыли, что Марс очень беден кислородом, и его

присутствие даже в небольшом количестве равно взрывчатке на Земле.

— Все это понятно, но так буднично, — разочарованно заметил пришедший в себя Швачко.

— Понимаю вас, Саша, — улыбнулась Борисова. — Я сама страстно хочу встретиться с загадочным, необъяснимым.

— Какие же вы оба фантазеры! — заметил Строков. — Нашли разгадку, казалось бы, радоваться надо, так нет: «Слишком все просто». Так ли это? — Он задумчиво посмотрел на еле видимую струйку дыма, курящуюся над песком, и, как бы очнувшись, совсем другим тоном добавил: — Мы теряем время. Быстро в машину!..

Опять мерно загудел мотор, и вездеход пошел вперед, навстречу неизвестному. Через некоторое время линия пройденного пути, которую неутомимый Швачко наносил на марсианскую карту, начала чуть заметно отклоняться от ранее намеченного пунктиром маршрута. Швачко обеспокоенно посмотрел на компас и включил рацию.

— ...Ракета, Ракета, я Вездеход. Дайте пеленг для уточнения курса следования...

Раздались резкие прерывистые сигналы. Поворачивая на крыше вездехода петлеобразную антенну, Швачко делал поправки, уточняя свое местонахождение.

— Саша, что у вас нового? — раздался голос Брагина.

— Нового ничего, Михаил Иванович, — успокоил его Швачко, поглаживая пальцем опаленную бровь.

— Напоминаю, — послышался голос Брагина, — космические радиосигналы должны возобновиться сегодня в восемнадцать тридцать шесть. Будем вдвоем производить засечку места, откуда исходят эти позывные.

— Есть в восемнадцать тридцать шесть, Михаил Иванович! — ответил Швачко. — Отдыхайте, я вас больше тревожить не буду.

Встречный ветер усиливался с каждой минутой. Могучие вихри передвигали огромные песчаные валы. Вездеход дрожал под их яростным напором и заметно сбавлял скорость. Впереди все закрыло тусклой желтоватой мглой.

— Немедленно в укрытие! — пытаясь перекричать бешеный рев ветра, приказал Строков.

Вездеход резко свернул в сторону и буквально провалился в глубокий каменистый овраг. Миллионы кубометров песка, приведенные в движение вихрем, проносились над ним, сдирая с бортов краску. Смотровые стекла на глазах теряли свою прозрачность, как будто их обрабатывали десятки пескоструйных аппаратов. В кабине пришлось включить освещение.

Но вот песчаная буря затихла так же внезапно, как началась, и перед космонавтами открылся неузнаваемо преображенный ландшафт: там, где лежали застывшие волны песков, теперь возник фантастический город, прозрачные сферические здания, словно отлитые из стекла и металла.

— Что это? Мираж? — воскликнула Борисова.

Строков, в кислородной маске, вышел вслед за ней из вездехода и после долгого молчания произнес:

— Нет. Это не мираж. Это действительно город.

— Товарищи, слушайте! — воскликнул Швачко и включил рацию.

В наступившей после бури тишине, нарушаемой лишь сухим шорохом осыпающегося песка, с предельной четкостью зазвучали космические сигналы, которые на Земле принимались так глухо и искаженно. Это были звуки, похожие на щебет гигантских птиц.

— Они приближаются к нам! — закричал Швачко, следивший за невидимым источником передачи при помощи петлевой антенны.

В это же время где-то среди прозрачных строений возникла удивительно странная в своем звучании мелодия.

— Оставайтесь у рации! — приказал Строков Швачко и вместе с Борисовой направился к городу.

Несколько прыжков, которым позавидовал бы не один чемпион мира, и они достигли цели.

Стены зданий отражали на своих поверхностях лучи далекого Солнца.

— Это не стекло, — заключил Строков, внимательно осматривая одну из стен. — Оно давно бы утратило прозрачность от воздействия пыли, как ветровые стекла нашего вездехода.

— А что же это? — спросила Борисова.

— Алмаз! Синтетический алмаз. На Земле мы создаем его пока в небольшом количестве, а здесь — десятки тысяч тонн монолита.

— Но где же они сами?

— Кто?

— Марсиане, создавшие все это!

— Их нет, — тихо ответил Строков. — Но я не страшусь их появления. Они превзошли человека по уровню своего развития и только по одному этому не могут быть опасными.

— Ты уверен в этом?

— Да! Любое насилие — варварство, но совершенство сознания исключает агрессию. Неужели это не понятно?

— Ты меряешь все на свой земной аршин, а мы ведь в другом мире.

— Другой мир, но одной семьи... — убежденно возразил Строков. — А в хорошей семье ссор не бывает.

Ведя беседу, они вошли в одно из зданий через сегментообразное отверстие, которое, как в сказке из «Тысячи и одной ночи», само раскрылось и закрылось за ними. Толстый слой сцементированной

многими веками пыли лежал на полу и на всех выступах просторного помещения.

— Много, много сотен лет здесь не ступала нога живого существа! — с глубоким волнением произнесла Борисова.

— Слышишь?! — прервал ее Строков.

В лабиринте хрустальных переходов, напоминающих подземные дворцы из уральских сказов Бажова, вновь зазвучали печальные мелодичные звуки.

Строков приблизился к одной из алмазных стен и прикоснулся к ней рукой.

— Дотронься до стены, — шепотом попросил он. — Это она так звучит...

Борисова приложила руки к стене и почувствовала ее сильную вибрацию.

— Да! Но что порождает ее звучание?

Строков не успел ответить, как в его шлемофоне раздался громкий голос:

— Товарищи, командир корабля требует нашего немедленного возвращения на базу!

Глава третья

Сидя в радиорубке корабля, Брагин слушал тревожные, призывные, космические сигналы, когда к космоплану стремительно приблизился вездеход. Стальная сочлененная ферма плавно опустилась вниз и, зажав своими щупальцами машину, как пушинку, подняла ее в открывшийся шлюз корабля.

На пороге грузового отсека Брагин, с воспаленными от бессонных ночей глазами, встретил прибывших космонавтов.

— Что же вы нашли там? — спросил он Строкова.

— Город. Настоящий город, о котором тебе уже радировал Саша. Он покинут, и очень давно... Но вот что странно: никаких следов разрушений! Источник космических радиосигналов был где-то совсем рядом, он передвигался!

— Песчаная буря не дала мне возможности произвести необходимые замеры, — вмешался в разговор Швачко.

— Замечательно! — воскликнул Брагин.

— Что замечательно? — не понял его Швачко.

— А то, что ты наилучшим образом подтверждаешь мои наблюдения. Передатчика нет на Марсе!

— Как это нет? А где же он? — растерялся Швачко.

— На его спутнике — Фобосе!

— Тоже мне «спутник»! — не удержался юноша. — Шестнадцать километров в диаметре. Москит!

— Там не может быть никакой жизни, — добавил Строков.

— Жизни? — переспросил Брагин. — Не знаю. Но пеленгатор не обманывает. Сигналы идут с Фобоса!

— Что же ты предлагаешь, Михаил Иванович? — спросил озадаченный Строков.

— А вот что. До возвращения на Землю у нас остается еще четыре дня. Сутками позже — и планеты займут такое — положение на орбитах, что полет станет невозможным. Не «прыгнуть» ли нам на Фобос? Всего лишь сорок три минуты расстояния!

— А топливо? — спросил Строков.

— Григорий Петрович! — нараспев, укоризненно произнес Брагин. — Неужели ты думаешь, что я только спал, пока вы там осматривали планету? Да мои компрессоры накачали и сжижили столько воздуха, что дай бог разогреть и выпустить ядерному реактору! Кроме того, учти, что отрыв корабля от Фобоса, при его мизерной массе, — не проблема.

— Ну, как, товарищи? Рискнем? — обратился глава экспедиции к Борисовой и Швачко. Те сразу согласились.

— Тогда митинг считаю закрытым, — весело заключил он и, взглянув на часы, добавил: — Через сорок минут отбываем.

И вскоре безмолвная марсианская равнина озарилась багровым светом, глухой рокот разнесся на многие километры вокруг. Под космическим кораблем забушевало пламя, появились густые клубы раскаленного газа, которые почти сразу испарились в разреженной атмосфере.

Брагин прогревал атомный двигатель корабля, дожидаясь точно рассчитанного времени отлета. Космонавты. лежа в откидных креслах, приготовились к старту. Раздался звуковой сигнал. Вспыхнула красная лампа. Рев двигателя сразу усилился, и корабль, чуть вздрогнув, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стал удаляться от поверхности Марса. И вот он уже среди звезд, а внизу еле различимая поверхность планеты. Ослепительные лучи Солнца встретили корабль, вышедший наконец из тени марсианской ночи.

Двигатель замолк, и привычная для космонавтов невесомость, после многодневного перерыва, вновь воцарилась в отсеках.

— Приближаемся к спутнику Марса! — раздался голос Брагина.

И в самом деле, корабль быстро догонял маленькую планету, которая как бы вырастала на глазах космонавтов в своих размерах.

Последние приготовления, и корабль плавно опустился, вернее, пришвартовался, к планетке.

Спустя некоторое время космонавты, надев скафандры и взяв все необходимое, вышли на поверхность Фобоса, оставив на дежурстве Борисову.

Необычайно странное зрелище предстало перед ними. Даже здесь, на поверхности планеты, можно было видеть, как малы ее размеры.

Близкий выпуклый горизонт — и в то же время полное ощущение того, что находишься на высокой горной вершине с пологими скатами, которую как бы перенесли сюда, в мир звезд, с далекого Кавказа. Добавьте к этому Марс, заменяющий «луну» размером в полнеба, освещающий все вокруг красновато-кирпичным цветом, — и картина будет закончена.

Осторожно передвигались космонавты по сравнительно ровной поверхности, покрытой густым слоем тончайшей метеоритной пыли. Малейшее неосторожное движение — и они взмывали на десятки метров вверх: настолько ничтожно было притяжение.

В шлемофонах с предельной четкостью, не умолкая, звучали настойчивые сигналы.

Швачко ушел далеко вперед. Манипулируя кольцевой антенной, он уверенно держал курс к источнику сигналов. И вот на возвышенности, окруженной голубоватым пульсирующим светом, возникла скала, похожая на застывший всплеск волны. От нее во все стороны расходились геометрически правильные сегменты, состоящие, в свою очередь, из мозаично расположенных пластин. Бортинженер попытался дотронуться до одной из них. Резкий удар, электрическая вспышка — и его отбросило далеко в сторону. На помощь потерявшему сознание товарищу поспешил Строков. Он пытался окликнуть пострадавшего, но сигналы, звучащие с огромной силой, полностью заглушили радиосвязь между ними. Открыв глаза и беззвучно шевеля губами, Швачко показал на светящуюся скалу. Поняв, что его голоса не слышно, он наклонился и пальцем написал на толстом слое метеоритной пыли одно слово: «Радиомаяк» — и поставил три восклицательных знака.

«Источник питания?» — начертил, в свою очередь, Строков.

Не успел Швачко написать ответ, как между их склоненными головами опустилась рука в толстой перчатке и начала быстро стирать все написанное. Это был Брагин, который что-то с возбуждением говорил, забыв об отсутствии радиосвязи.

Швачко первым понял его и с лихорадочной поспешностью начал помогать. И вот из-под многовекового слоя метеоритной пыли стали появляться контуры тусклой металлической поверхности. Брагин

опустился на колени и, нащупав рукой выступающие стержни, с силой нажал на них. Однако механизм не поддавался. Тогда он осторожно повернул один из стержней — и вдруг под радиомаяком стала образовываться гигантская щель, из которой стремительно вырвался воздух. Еще мгновение — и нарастающий вихрь смел бы космонавтов с поверхности Фобоса, но быстрым обратным поворотом стержня щель была вовремя закрыта. Космонавты тревожно переглянулись. Рука Брагина легла на другой стержень. Чуть заметный поворот — и рядом с ними медленно раскрылся люк с крышкой, подобной затвору фотокамеры. Брагин сделал движение в сторону люка, но Строков решительно остановил его и сам спустился в отверстие. Товарищи остались на поверхности, готовые каждое мгновение прийти ему на помощь.

* * *

А в кабине космического корабля, возле бесчисленных механизмов и программных устройств, уже четвертый час дежурила Борисова. За стеклами иллюминаторов на черном бархате неба ярко светило Солнце и одновременно сияли звезды. Сколько уже прожито! Сколько дней осталось позади! А много ли? Каких-нибудь семь тысяч суток отделяют ее от того времени, когда она вот так же, как сейчас за пультом управления, сидела за школьной партой рядом со своей подругой Машенькой, безумно влюбленной в долговязого Гришку Строкова, вечно пропадавшего в физическом кабинете.

В то совсем недавнее, но так далеко ушедшее время почти каждый месяц голос радиодиктора вещал на весь мир о все новых и новых попытках проникновения в космос. Шел ожесточенный штурм неба. Взлетали ракетные корабли, неся на своем борту животных, приборы, целые лаборатории... И вот однажды полетел человек. Всего несколько оборотов вокруг Земли, неуклюжая посадка, почти падение в океан, но зато какая это была победа!

За ней последовали другие. Путь к звездам был открыт.

Строков, все тот же для нее Гриша, вместе с Машей, ставшей его женой, кончали МВТУ. Она, Вера, училась в другом городе, но, несмотря на расстояние, их дружба продолжалась.

До сих пор в мельчайших подробностях помнит Вера Степановна то зимнее утро, когда за минуту до ее ухода в институт в общежитие пришел почтальон и вручил ей телеграмму: «При взрыве ракетного двигателя погибла Маша тчк Приезжай тчк Строков».

В тот же день прилетев в Москву, она не узнала Григория. Что-то безвозвратно изменилось в нем. Внешне он был спокоен, ласкал трехлетнюю дочку Наташу, расспрашивал Веру о ее успехах в учебе, даже шутил. Как негодовала она тогда, принимая его самообладание за бессердечность!

Похорон не было: ведь от Маши ничего не осталось. Она буквально испарилась в пространстве вместе с экспериментальным термоядерным двигателем, в котором отказала электромагнитная защита.

На рассвете, когда за Верой Степановной пришла машина, чтобы отвезти ее на аэродром, она пошла проститься со Строковым и не нашла его в кабинете. Постель в углу была не тронута. Приоткрыв дверь, она увидела его посреди палисадника, примыкавшего к дому, с устремленными в небо полными слез глазами. До сих пор она помнит этот скорбный взгляд.

Вера Степановна сменила факультет и через два года окончила институт по специальности космобиолога. И вот теперь она здесь, а за плечами многие годы тревожных, опасных, но радостных скитаний по неведомым звездным дорогам, и все только вперед, все дальше...

Но вернемся к друзьям, оставленным нами в трудную минуту. Прошло более часа. Брагин и Швачко по-прежнему сидели возле люка, в котором исчез Строков.

Внезапно люк захлопнулся. Выражение ужаса появилось на лицах друзей, но не успели они предпринять что-либо, как металлическая крышка вновь разомкнулась и из отверстия появился Строков, жестом пригласив их следовать за ним.

Спустившись в люк, они оказались в тесном отрезке шахты. Строков закрыл крышку, повернул укрепленный возле пола стержень, и сюда со свистом ворвался воздух. Медленно открылся вход в огромное помещение. Включив укрепленные на груди электропрожекторы, космонавты вошли в него. Сигналы радиомаяка были здесь еле слышны.

— Можно снять шлемы, — предложил Строков и первый скинул его с головы. — Воздух здесь гораздо более плотный, чем на Марсе.

В свете прожектора перед их глазами предстали просторные залы, соединенные уходящими во мрак переходами. Находясь в полной невесомости, космонавты проплывали из одного зала в другой, но везде было пусто, и лишь в одном, наиболее обширном, они увидели несколько гигантских аппаратов.

— По-моему, это космические корабли, — после тщательного осмотра одного из аппаратов вымолвил Брагин. — Но только не на реактивной, а на какой-то другой тяге.

— Корабли?! — воскликнул Швачко. — Но почему они здесь, а не на поверхности? И кто построил все эти помещения, радиомаяк, работающий от солнечных батарей?

— Сплошная цепочка тайн, — вместо ответа произнес Брагин. — Разгадка должна быть в сигналах, но мы не можем понять их...

— Подите сюда, — позвал в это время Строков. — Смотрите! — Он показал приблизившимся товарищам на тонкие серые пластины, испещренные волнистыми линиями, которые лежали в нише, у подножия летательного аппарата. — Это же записи!..

Глава четвертая

В просторной кабине корабля собрались все члены экипажа. Через иллюминатор вдали виднелась вершина радиомаяка, окруженная слабым свечением. Еще одна дрожащая вспышка — и она медленно угасла.

— Погас, — задумчиво произнес Строков. — Погас, чтобы через тридцать одни сутки вновь на несколько часов возобновить передачу... И так столетия, тысячи, миллионы лет, пока не померкнет Солнце или упавший метеорит не разрушит его...

— А где существа, создавшие передатчик, почему и куда они исчезли? — спросил Швачко. — Мы никогда не сможем даже представить их себе...

— Почему, Саша? Думаю, сможем, — возразила Борисова.

— Каким же образом?

— А вот каким: вы знаете, конечно, о работах скульптора Герасимова, который по черепу воссоздавал портреты людей, живших сотни и тысячи лет до него...

— Помню, ну и что же? Герасимов располагал Найденными костями, а мы чем располагаем?.. Ничем!

— Это не так. Мы располагаем отнюдь не меньшим.

Строков молча прислушивался к спору, набивая табаком свою заветную трубку.

— Наука давно доказала единство материи во Вселенной, — развивала свою мысль Борисова. — С тех пор, как существует спектральный анализ, при его помощи в окружающем нас мире не обнаружено ни одного элемента, который бы отсутствовал или не мог бы быть создан на Земле. Это же подтверждает и состав падающих к нам метеоритов. Теперь посудите сами: если неорганическая материя едина, то почему мы должны считать, что различна материя органическая? Она тоже едина и может переноситься в пространстве, например, давлением света.

— Это трудно себе представить, — вмешался в разговор Брагин, — хотя бы потому, что ваши воображаемые формы жизни, Вера Степановна, мгновенно погибли бы под воздействием жестких излучений в космическом пространстве.

— А почему вы считаете, что живая клетка всегда была столь чувствительной к этим лучам? — спросила его Борисова. — Не есть ли это лишь результат эволюции в среде плотной земной атмосферы? Ведь вы же сами во время экспедиции на Луну, лишенную, казалось бы, всего живого, обнаружили там простейшие организмы, для которых кислород смертелен, а ультрафиолетовые лучи являются главным источником жизни. Известно, что в основу каждой живой клетки входит вода, значит, клетка способна жить и развиваться в пределах таких температур, при которых вода остается жидкостью. Например, некоторые виды земных водорослей живут почти в кипящих гейзерах, споры мхов «спят» тысячелетиями в вечной мерзлоте, а некоторые вирусы не погибают даже при глубоком охлаждении.

Так вот, я уверена, что жизнь, как и мертвая материя, существует во Вселенной вечно, — все более увлекаясь, говорила Борисова. —

Жизнь не возникла, как думали наши предки, где-то и когда-то в определенном месте по велению свыше. Вселенная как бы осеменена единой жизнеспособной формой материи. Если семя падает на бесплодную почву, — оно погибает, если на благоприятную, — развивается, эволюционирует...

— Вера Степановна, — спросил Строков, — но ты не отрицаешь, что на той или иной планете при подходящих условиях может возникнуть жизнь и не будучи занесенной извне?

— Конечно, нет! Она обязательно там возникнет, но не будет какой-то особой, исключительной, так же, как и рождающиеся новые звезды не содержат никаких элементов, которых нет во Вселенной.

— Охотно этому верю, — согласился Швачко. — Но при чем здесь Герасимов, писавший портреты по черепам?

— А при том, дорогой Саша, что если располагать сведениями о строении планеты, на которой мы сейчас находимся, ее тепловом режиме, возрасте и так далее, то по этим данным можно установить и представить себе довольно точно облик некогда живших на ней организмов.

— Какими же ты представляешь себе марсиан? — заинтересовался Строков.

— Что ж, попробую ответить. Во-первых, они несколько выше нас ростом, и у них более хрупкий скелет, потому что Марс обладает меньшей массой и силой притяжения, чем Земля. Во-вторых, у них более развиты глаза: Марс получает меньше солнечного света. У них более развиты слух и обоняние, так как они находились в условиях разреженной атмосферы, а это также откладывает отпечаток на их внешность. Многое еще можно было бы предположить, но скажу лишь одно: мне кажется, что они были прекрасны!..

— Ну уж это, Вера Степановна, совсем по-женски! — улыбнулся Брагин. — Однако пора и в путь. Давай прогревать реактор, Саша...

* * *

Мир звезд! Он кажется нам двухмерным, потому что третье измерение — бесконечность, которую мы не можем даже осознать.

...Космический корабль начал быстро набирать скорость. Яркие факелы вырывались из его сопел. Цвет пламени постепенно менялся в окраске: из желтого он перешел в белый, потом в голубой; это означало, что температура и скорость истечения газов все время повышались. Если бы не клочья галактического газа, промелькнувшие мимо, нельзя было бы и ощутить движения. На фоне звезд корабль по-прежнему казался неподвижным, в его жилом отсеке в удобных креслах-кроватях, разделенных легкой дюралевой перегородкой, спали после дежурства Строков и Борисова. Вдруг внезапно загоревшиеся сигналы и резкий звук сирены разорвали тишину.

— Что случилось? — встревоженно воскликнул еще сонный Строков.

— Немедленно надеть противолучевые плащи! — приказал появившийся на пороге каюты Швачко. — Счетчики излучений просто взбесились. Не то взрыв на Солнце, не то еще какие-нибудь неполадки в космосе.

Строков и Борисова накинули на себя освинцованные плащи. На Земле они весили бы сотни килограммов, но здесь, в космосе, были невесомы, их тяжесть ощущалась только в инерции массы.

В рубке управления, куда вошли космонавты, ярко светились сигналы тревоги и стрелки приборов судорожно бились о красную черту. Внезапно, как бы вспомнив о чем-то важном, Строков покинул помещение.

Брагин и Швачко, не замечая его ухода, в тревоге следили за показателями приборов.

— Сила излучения все нарастает! — произнес командир корабля. — Что скажете, Вера Степановна?

— Скажу, что в противолучевых плащах опасности для нас пока нет... А между прочим, вспомните, как вы протестовали против этих плащей! «Лишние триста килограммов груза, врач-перестраховщик». Так, кажется?

— Что-то не припоминаю... — смущенно проговорил Брагин.

— Не помните? А ведь все это происходило в присутствии Строкова, и, если бы не он... Григорий Петрович, подтверди!..

Но Строкова не было в помещении.

— Григорий Петрович!.. — громко позвала Борисова и с озабоченным видом поднялась с кресла.

В это время в грузовом отсеке корабля, где хранилось все, что космонавты везли с Марса и Фобоса на Землю, Григорий Петрович Строков тщательна заворачивал в свой противолучевой плащ кассеты с электронной съемкой изображений и звукозаписями, произведенными во время экспедиции. Быстро отворив дверь отсека, Вера Степановна сразу поняла, что здесь происходит.

— Гриша! — невольно вырвалось у нее. — Что ты делаешь?

— Лучи сотрут все наши записи. Мы придем на Землю с пустыми руками. Ты понимаешь, что это значит? Я должен сохранить их!

— Ценой жизни! Какое безрассудство! — воскликнула Вера Степановна.

А далеко внизу среди холодных безразличных звезд все ярче и теплее разгоралась одна. Вот она превратилась в голубоватый шар. Это Земля. Она заполнила все небо. Из сопел космического корабля вырвалось пламя, гасящее скорость. Один за другим раскрылись тормозные парашюты, и корабль плавно опустился на космодром.

Четверка отважных вернулась на родную Землю.

Глава пятая

В огромном переполненном зале наступила тишина.

Строков на трибуне. Его доклад об итогах экспедиции на Марс подходил к концу. Уставшим голосом он говорил:

— Таким образом, мы установили, что на Марсе когда-то существовала цивилизация. Ее следы видны на всем. Вот, например, знаменитые марсианские каналы, о которых велось столько споров: что это, игра природы или гигантские мелиоративные сооружения, подобные тем, которые создавались в засушливых районах Азии?

На вездеходе мы пересекли не один такой канал, и оказалось, что это искусственная подземная водная магистраль, дающая влагу и жизнь обширным пространствам. Мы видели растения Марса, подобные гибриду кактуса с полярным мхом...

Буря, чуть не похоронившая нас, оказала нам неоценимую услугу. Порывами ветра сдуло многометровую толщу песков с удивительных строений, стены которых целиком были отлиты из искусственного алмаза. Вероятно, он служил для марсиан таким же обычным строительным материалом, как для нас бетон. Такой высокий уровень техники — и никаких признаков жизни! Тайна Марса и его обитателей предстала перед нами еще более загадочной, чем на Земле!

Строков сделал паузу и с жадностью выпил глоток

воды. Звенящая тишина царила в многотысячном зале.

— ...Но вот, как вечевой колокол, над нами зазвучали космические сигналы. Они были рядом, среди нас. Какой источник их мог издавать? Признаться, я сначала подумал, что планета живет, но ее жизнь вне нашего восприятия. Мистика! К реальности нас вернули электронные приборы в руках нашего навигатора Александра Андреевича Швачко.

Сигналы шли с Фобоса, там находился, мы были уверены, ключ к разгадке тайны. Михаил Иванович Брагин за сорок одну минуту, так кажется?.. — обратился Строков к товарищу.

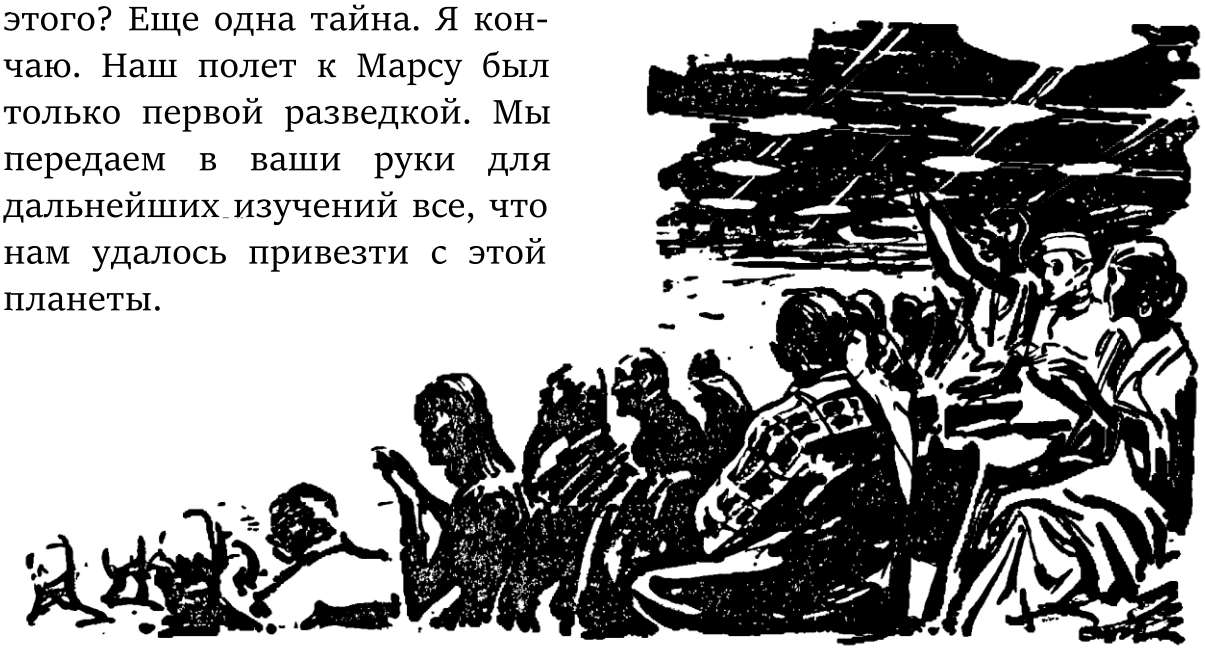
— За сорок три минуты, — уточнил тот.

— ...за сорок три минуты доставил нас к Фобосу...

Взрыв аплодисментов, адресованных командиру космического корабля, прервал докладчика.

— Фобос, — продолжал Строков, — марсианская Луна, всего в пятнадцать километров в диаметре. Но на ней действует сверхмощный радиомаяк, неизвестно когда и кем поставленный, посылающий в космос один раз в марсианский месяц непонятные нам сигналы.

...Но вот, как я уже говорил, мы проникли в недра Фобоса. Обнаружилось, что он превращен в гигантский космодром, с которого жители Марса однажды покинули свою планету. Каковы причины этого? Еще одна тайна. Я кончаю. Наш полет к Марсу был только первой разведкой. Мы передаем в ваши руки для дальнейших изучений все, что нам удалось привезти с этой планеты.

Вера Степановна, глядя с тревогой на усталое, осунувшееся лицо Строкова, шепнула Швачко:

— Саша, скорее увезите его домой. Вы же видите, он все еще очень болен!..

Однако сделать это оказалось не так просто.

Репортеры плотной стеной окружили ученого.

Пробираясь сквозь толпу, к Строкову подходил не молодой уже человек в строгом черном костюме.

— Мартин Крейсис, магистр истории, — представился незнакомец. — А это мой ассистент Сюзанна Томп, — указал он на выглядывающую из-за его плеча молодую девушку, сияющими, полными восторга глазами смотревшую на ученого.

Строков ответил сдержанным поклоном.

— Я хотел лично поздравить вас с колоссальной победой, — произнес Крейсис, — поблагодарить за неоценимые сведения о Марсе, которые полностью подтвердили мой многолетний труд...

— Простите, я не понимаю вас...

— Разрешите, поясню. Всю свою жизнь я посвятил изучению исчезнувших цивилизаций. Достаточно сказать, что я владею шестнадцатью языками, из которых семь перестали звучать на Земле многие тысячи лет назад...

Строков жестом пригласил гостей сесть.

— Мы приехали в вашу страну, чтобы познакомиться с хранящимися в музеях уникальными таблицами с письменами одной из самых загадочных цивилизаций древности. Я имею в виду атлантов.

Право, это единственный случай, когда легенда так переплелась с наукой, что почти невозможно установить, где кончается фантазия и начинается достоверность...

— Это очень интересно, — перебил Строков, — но...

— Вы хотите знать, какое отношение имеет ваш полет на Марс к моему труду? Так слушайте. Изучая историю, я пришел к выводу о закономерной и неизбежной гибели всякой цивилизации, в том числе и современной. Человек — высшая форма организации материи. Это материя, способная познавать самое себя...

Что ж, согласен, — подтвердил Строков.

— Но вмешательство человека в первоосновы мироздания приводит в конечном счете к самоуничтожению.

Строков сделал попытку возразить, но Крейсис опередил его:

— То, что на Марсе в прошлом существовала цивилизация, замечательно подтверждает мою теорию. Более того, теперь она простирается на всю Вселенную...

— Но это же чудовищная клевета на человечество!!! — вскочил с кресла Строков. — Да, в прошлом человек уничтожал подобных себе, и целые народы исчезали с лица Земли. Но чем выше поднимался разум, тем дальше уходила угроза взаимоуничтожения. Последние страницы истории говорят нам об этом. Человечество уже определило путь своего будущего, а вы пророчите ему неизбежную гибель!..

Сюзанна Томп, не отрываясь, смотрела на Строкова. При последних его словах на ее лице отразилось смятение.

В комнату вошла Борисова.

— Вы все еще здесь? — недовольно спросила она Швачко.

— Подожди, Вера Степановна, — остановил ее Строков и снова обратился к Крейсису. — Мы привезли с собой нечто похожее на записи марсиан. Если удастся прочесть их, не думаю, чтобы они подтвердили вашу теорию.

— Рукописей много и на Земле, а народы, оставившие их, мертвы! — сухо произнес Крейсис.

Сюзанна, умоляюще сложив руки, обратилась к Строкову:

— Очень прошу вас, если можно, разрешите мне сделать попытку прочитать эти рукописи!

— Пожалуйста, — ответил Строков, — вот фотокопии, вы можете взять их.

— Однако мы очень задержали вас, — заторопился Крейсис и с плохо скрываемым неудовольствием посмотрел на Сюзанну. — Хотя вы и отвергаете мою теорию, считайте меня по-прежнему вашим признательным поклонником.

— Григорий Петрович! — наклонившись к Строкову, сказала Борисова. — Немедленно домой — и в постель! Завтра я созову консилиум!

В открытой машине Строков и Саша Швачко быстро промчались по вечерним улицам города и вырвались на простор шоссе, обрамленного вековыми тополями. Ученый мечтательно смотрел на ясный купол звездного неба. Усталость медленно покидала его.

— Саша!

— Что, Григорий Петрович!

— Марс!.. Он бежит следом, и нам никогда не уйти от него. Посмотри на небо!

Закрыв глаза, Строков прислушивался к ритмичному гулу мотора, подсознательно пытаясь уловить в нем знакомый ритм марсианских сигналов.

Почти не сбавляя скорости, машина свернула с шоссе на лесную дорогу и помчалась среди бегущих, навстречу деревьев.

Впереди в свете фар появилась белая фигура. Швачко резко затормозил, и через мгновение дочь Строкова, Наташа, висела у отца на шее.

— Как ты долго, папа, — упрекнула она его и, только обняв отца, повернулась к Швачко и тепло поздоровалась с ним.

Машина подъехала к даче.

И вот они уже на веранде. Наташа угощает их чаем. Глядя на дочь, Строков невольно перевел взгляд на большой портрет жены, занимающий центральное место на стене у входа.

— Как ты стала похожа на мать, Наташка!

Наташа кивнула головой.

— В прошлое воскресенье, когда нас из интерната отпустили домой, Лена сказала: «Кто это тебя так здорово снял?» Если бы мама сейчас была жива, нас, наверное, все бы путали! Правда, папа?

— Правда, — мягко улыбнулся Строков.

— Кроме меня! — вырвалось у Швачко.

— Еще бы! — воскликнула Наташа. — Вам нельзя путать — вы космический штурман. А то вместо Марса приведете корабль на другую планету и скажете: «Извините, перепутал!».

Она протянула ему полную розетку варенья.

— Это вам.

— А это вам! — торжественно произнес Швачко и передал Наташе небольшую плоскую коробку. — Привет с Марса!

Наташа с любопытством раскрыла коробку, и на ее лице появилось разочарование,

— Что это?

— Магнитная лента с записью марсианской румбы. Вы же будущая знаменитая пианистка!

— Спасибо. Значит, румба — это та вершина в музыке, дальше которой я не пойду? — обиделась девушка. — Вот кончу в этом году школу и поступлю на факультет межпланетной навигации!

Наташа поставила кассету на магнитофон н включила его. Раздались громкие стрекочущие звуки.

— Постойте, а если замедлить? — И Наташа переключила скорость лентопротяжки.

И вдруг веранда, на которую сквозь полуспущенные занавески заглядывала звездная ночь, наполнилась мелодией, той самой, которая звучала в развалинах марсианского города.

Строков и Швачко невольно приподнялись с мест. Наташа внимательно вслушивалась в необычную музыку.

— Ведь это те же звуки, которые пели стены марсианских зданий, помнишь, Саша! — воскликнул Строков.

— Да, но пленка записана на Фобосе, — ответил Швачко, — сигналы звучали вот так. — И он переключил магнитофон на повышенную скорость.

Снова возникли стрекочущие позывные сигналы радиомаяку. Поворот рычажка — и опять мелодия.

Лицо Саши приняло сосредоточенное выражение.

— Дайте, пожалуйста, интегратор и бумагу! — не глядя на Наташу, попросил он.

Притихшая, еще ничего не понимающая Наташа вкатила на веранду портативный вычислительный механизм и положила перед молодым человеком блокнот.

Швачко молча погрузился в вычисления.

Осторожно, чтобы не помешать, Строков поднялся с плетеного стула и взглядом пригласил дочь следовать за собой.

В кабинете ученого, где все стены занимали книжные полки, Наташа села за электролу. Торжественно зазвучала. «Аппассионата» Бетховена. Строков слушал, закрыв глаза.

— Ты это серьезно о космосе? — не поднимая век, спросил он наконец.

— А почему бы и нет? — ответила Наташа, не прекращая игры. — Я так вам всем завидую!..

— А музыка?

— Она всегда будет со мной.

— Неужели тебе мало места на Земле?

— А тебе, папа? Сколько я помню, ты все время там, а когда дома, только и думаешь, чтобы снова улететь...

Дверь резко распахнулась. В комнату быстро вошел Швачко. Он стремительно схватил Наташу и, подбросив ее вверх, звонко расцеловал.

— Наташа, вы гений!

— Что случилось? — нетерпеливо спросил Строков.

— А то, что она подсказала нам единую связь между волнистыми линиями на пластинах марсиан, звучанием стен в развалинах города и сигналами радиомаяка на Фобосе. Все это математически закономерно. Это язык марсиан!.. Он более совершенен, чем наш. Его можно читать, слышать и... видеть!

— Видеть?

— Да! Но это нуждается в проверке. Мне кажется, что вместо условных знаков, которые для нас представляют буквы, они пользовались изображением звуковых колебаний. Если это так, то звук можно прочесть глазами, как текст, или воспроизвести электронным способом, например, на магнитофоне. Разница лишь в скорости прочтения. У вас найдется осциллограф?

— Конечно. Принеси, Наташа.

Наташа выбежала из кабинета и через несколько минут вернулась с черным ящиком, снабженным множеством кнопок и круглым экраном электроннолучевой трубки.

Швачко соединил выход магнитофона с осциллографом и включил его.

Раздались звуки марсианской мелодии, и в то же время на экране прибора появились изгибающиеся волнистые линии.

Строков сличил с ними фотокопии серых пластин и убедился в полном тождестве линий.

— Ну что? — торжествовал Швачко.

— Кажется, ты прав! — произнес Строков. — Но пока это еще ничего нам не дает. Электронно-счетные станции бессильны расшифровать сигналы.

— Но их надо прочесть, папа, обязательно надо! — горячо воскликнула Наташа, обнимая отца за плечи. — Саша, неужели и ты..., и вы не поможете?

Глава шестая

Вечер, Гостиница Академии наук. Мартин Крейсис погружен в изучение полуистлевших табличек с древними письменами. Сюзанна за другим столом составляет сравнительные таблицы иероглифов. Однако думает она совсем о другом... Наконец девушка не выдержала:

— Мартин!

— Да, Сюзанна?

— Почему вы так безразличны к марсианским рукописям?

— Безразличен? Нет! Просто мы с вами чертовски заняты расшифровкой письмен атлантов и не можем отвлекаться.

— А я считаю, мы не имеем права оставаться в стороне!

Крейсис удивленно посмотрел на Сюзанну.

— Меня преследуют эти волнистые линии. Порой кажется, что я видела их прежде, но где?

Подойдя к девушке, Крейсис нежно взял ее маленькие руки в свои.

— Бедная Сюзи. Вы смертельно устали. Последнее время я слишком эксплуатировал вас. Отдохните несколько дней.

— А вы?

— Я отдыхаю в работе.

— Благодарю. Но я тоже проведу свой отпуск за работой.

— Какой?

— Над марсианскими рукописями.

— Вы просто одержимая, Сюзанна, или...

— Что или?

— Или, может быть, влюбились в этого «покорителя Марса»?

— Как вы можете так говорить? — вспыхнула Сюзанна. — Я рассчитывала на помощь, а вы изволите шутить...

— Простите, если это так получилось, но и помочь я ничем не могу.

— Вернее, не хотите.

Крейсис пожал плечами.

— А я так надеялась на вас! — с горечью воскликнула Сюзанна и выбежала из номера.

Оставшись один, Крейсис долго, задумавшись, ходил по комнате.

— Она должна вернуться ко мне! — прошептал он как бы про себя.

Но Сюзанна не вернулась.

С первыми лучами солнца девушка была уже в одном из музейных хранилищ, среди глиняных дощечек с клинописью, папирусов и деревянных табличек с еще не разгаданными письменами. Потянулись часы и дни напряженного труда.

А в это время важные события совершались в на первый взгляд ничем не примечательном здании на окраине города, у подъезда которого на черной стеклянной доске стояло всего два слова: «Институт мозга».

Небольшая лаборатория без окон. Стены, потолок и пол покрыты толстыми свинцовыми панелями, поверх который проложена сплошная металлическая сетка. Посередине, на вертикальных каркасах, установлены многочисленные приборы и электронные механизмы.

В помещении трое: Строков, Швачко и руководитель лаборатории Горобец. На голове у последнего металлический шлем с множеством проводов, ведущих к приборам.

— Александр Андреевич, — обратился Горобец к Швачко, — включите запись.

Швачко подключил магнитофон, и лента начала перематываться на приемную кассету. Воцарилась тишина. Взгляды собравшихся устремлены на руководителя лаборатории.

— Вижу какие-то неясные тени, — произнес Горобец. — Блестящие плоскости, летит диск. Ничего не могу понять!

Он выключил питание и снял шлем.

— Григорий Петрович, может быть вы?

Строков, в свою очередь, занял место в кресле и укрепил на голове шлем.

— Начнем сначала!

И снова включил магнитофон. На глазах присутствующих ученый вдруг преобразился. Взгляд его как бы устремился за пределы свинцовых стен.

— Город! Вижу марсианский город!.. Но что это? Волнистые линии, они ослепляют... Теперь сплошной поток каких-то существ. Да это же люди! Но какие они, словно отраженные в цилиндрическом зеркале... Опять всплески линий...

Катушка магнитной ленты подходила к концу.

— А сейчас Фобос. Да, это он... Вот и маяк. Беспрестанно отлетают отсюда какие-то диски. Больше ничего. Мрак.

Строков поднялся с кресла и, все еще находясь под впечатлением увиденного, растерянно огляделся вокруг.

— Ты прав, Саша, — после долгой паузы, произнес он. — Марсианские записи можно читать, слышать и видеть!..

— А все Наташа! — невольно вырвалось у Швачко. — Если бы не она, мы никогда и не догадались бы об этом!

— Опять Наташа! — рассердился Строков. — Женитесь, — черт вас побери! Но прошу, не соблазняй ее звездами! Я хочу видеть свою дочь на Земле!

Швачко попытался возразить, но ученый, не слушая, решительно прервал его:

— Кончим об этом. Теперь о сигналах...

В это время дверь внезапно распахнулась, и в лабораторию быстро вошла Сюзанна.

— Я нашла их! — еще с порога закричала она и, подбежав к Строкову, протянула ему дощечку, испещренную какими-то знаками,

— Что это? — удивился тот.

— Письмена атлантов! А под ними, смотрите, линии марсиан, нечто вроде построчного перевода.

— Что же здесь написано?

— Крейсис уже расшифровал иероглифы, но он отказывается перевести эти знаки.

— Почему?

— Утром я была у него, умоляла... — На глазах девушки показались слезы.

— Не плачьте, — попытался успокоить ее Строков. — Если прочел один, то прочтут и другие.

— Как он мог отказаться!.. Я так в него верила!

Григорий Петрович ласково погладил голову девушки и своим платком вытер ее заплаканные глаза.

— Идемте, я провожу вас домой.

Медленно шли они по тихим улицам уснувшего города. Гулкие шаги раздавались по асфальту. Предрассветное, словно полинявшее небо с поблекшими звездами простиралось над ними. Как непохоже оно было на то, которое так недавно видели космонавты!

— Сюзанна, — прервал молчание Строков, — мне очень жаль, что из-за нас вы поссорились с Крейсисом. С тех пор, как мы познакомились, вся ваша спокойная жизнь рухнула, как карточный домик...

— Григорий Петрович, вы не виноваты. Просто очень горько разочаровываться в людях... Я рада, что это случилось сейчас, а не годы спустя... Но почему свет в моем окне? — прервала она себя.

Быстро поднявшись по лестнице, они вошли в квартиру.

В мягком кресле возле стола сидел Крейсис. Судя по стоящей перед ним пепельнице, полной окурков, он ждал уже долго. Ни один мускул не дрогнул на его лице при виде вошедших.

— Простите, — произнес. он, протягивая Сюзанне запечатанный конверт, — но мне пора идти, уже слишком поздно.

С подчеркнутой вежливостью он поклонился и, не протягивая руки ни Сюзанне, ни Строкову, ушел, мягко закрыв за собой дверь.

Девушка распечатала конверт и быстро пробежала глазами строки.

— Мартин! — вдруг воскликнула она и бросилась вслед за Крейсисом.

Но лестница была уже пуста, лишь внизу гулко хлопнула парадная дверь.

— Я же знала, что он сделает это! — горячо воскликнула Сюзанна и протянула Строкову фотокопию древней таблички. Здесь было всего лишь несколько строк, но в тройной записи: вот иероглифы атлантов, ниже — марсианские линии, а еще ниже — построчный перевод текста на русском языке.

Это был ключ к марсианским записям!

Глава седьмая

В уже знакомой нам лаборатории Института мозга участники экспедиции на Марс дожидались запаздывающую Сюзанну. На головах у всех были металлические шлемы.

— Вы готовы к переводу? — спросил Строков появившуюся девушку.

— Да, но я уже предупреждала, что перевод будет весьма приблизительным. Смогу передать лишь смысл записей. Многие обороты марсианской речи просто непереводимы на наши языки. Я так волнуюсь!

— Не надо сомневаться в себе, — ободрил ее Строков. — Если вам удастся понять хотя бы отдаленный их смысл, вы достигнете многого. У нас есть серьезные основания полагать, что сигналы радиомаяка и записи на пластинах тождественны, и только вы можете подтвердить эту догадку. Вы понимаете, чего мы ожидаем от вас?

Сюзанна утвердительно кивнула головой.

— Тогда начинаем!

Начальник лаборатории включил аппаратуру. И вот стены помещения как бы растворились. Сначала возникли зеленые волнистые линии.

Словно издалека донесся голос Сюзанны, читающей перевод:

— «...Всем, кто услышит и поймет нас... Мы, живущие на четвертой от Источника жизни планете... Мир наш прекрасен...»

В фиолетовой дымке на экране возникли искрящиеся в лучах солнца контуры полупрозрачных зданий. Их сменили песчаные пустыни, пересеченные могучими водными магистралями, высокие растения, почти синего цвета, и фигуры каких-то существ, похожих на людей, но более тонких и хрупких.

— «...Жизнь казалась нам вечной, но неотвратимая угроза нависла над нами. Это была

пятая, совсем небольшая планета...»

Перед глазами собравшихся в темном пространстве повисло ослепительное, как вспышка вольтовой дуги, Солнце. В его лучах еле различался крохотный Меркурий. За ним — белоснежная Венера, потом — голубая Земля. А дальше, между кирпично-красным Марсом и словно выточенным из мрамора диском Юпитера, стала видна совсем небольшая, пепельно-желтая, никому не знакомая планета. В своем движении по орбите она приближалась то к Марсу, то к Юпитеру.

— «...Миллионы лет, под воздействием сил притяжения, она раскачивалась, подобно маятнику. И вот, наш разум постиг, что через сорок шесть оборотов вокруг Источника жизни пятая планета настолько приблизится к нам, что станет опасной. Чтоб сохранить жизнь, свою и грядущих поколений, мы покидаем нашу планету...»

Медленно перематывается лента с записью' сигналов радиомаяка, и перед взором людей возникает диск Марса с двумя крохотными лунами. К одной из них с поверхности Марса устремляются бесчисленные светящиеся линии — следы летательных снарядов. И с Фобоса в мировое пространство нескончаемым веерообразным потоком уходит бесчисленное множество дискообразных межзвездных кораблей.

— «...Мы последние. Идем к третьей ближайшей планете. Оттуда будем наблюдать за своим домом...»

Радиомаяк на Фобосе, пульсирующий свет, бегущие зеленые волны сигналов, и все угасает.

Словно из плотного тумана снова проступили стены лаборатории.

Сюзанна закрыла последнюю страницу перевода. Глубокое молчание воцарилось в комнате.

— Третья планета, — первым нарушил тишину Строков, — это же Земля!

— Четвертая — Марс, — заметил Швачко. — А что это за пятая?

— Пятой планеты больше не существует, — сказал Строков. — Вместо нее теперь пояс астероидов — нескончаемый поток каменных глыб и мелких осколков.

— Она столкнулась с Марсом? — ужаснулась Сюзанна.

— Едва ли. Тогда и от Марса ничего бы не осталось, — пояснил Строков. — Вообразите на минуту, Сюзанна, что здание, в котором мы сейчас находимся, постепенно утратит свой вес. Что произойдет?

— Ничего.

— Согласен. Ну, а если кирпичи, из которых оно сложено, станут легче воздуха?

— Тогда, тогда... — недоуменно произнесла Сюзанна, — разлетятся в разные стороны, как воздушные шары....

— Вот, вот. А теперь представьте себе вместо здания планету, которая слишком близко приблизилась к другой, гораздо большей. Возникнет нарастающее притяжение. Масса, из которой состоит маленькая планетка, станет терять свой вес до тех пор, пока не разлетится в пространстве.

— Но распавшись на части, она все же могла бы упасть на Марс?

— Да, конечно, если бы не огромная скорость ее движения по орбите. Сила притяжения Марса нарушила связь между составными частями планеты, но не смогла погасить ее скорость.

— Да, да...

— Следовательно, эта разрушающаяся планета все же продолжит свое движение по орбите в виде бесчисленных обломков.

— Но, если все обошлось так благополучно, почему они покинули Марс?

— Видимо, рассчитывали на худшее и не хотели рисковать.

— Где же они? Может ли быть, что последняя партия марсиан отправилась на нашу Землю?

— Да. Но теперь я спрашиваю вас, историка, в какое время и где мог появиться марсианский текст на древней земной рукописи?

— Приблизительно семь тысяч лет назад, — подумав, ответила Сюзанна, — в эпоху царствования атлантов — одной из самых ранних цивилизаций.

— Где же искать их следы?

— Вероятно, в Атлантическом океане, где когда-то существовал архипелаг островов.

— Если это так, нужно начинать поиски, — решительно заявил Строков. — Одновременно будем ходатайствовать о повторной, более

длительной экспедиции на Марс. Как, полетим, Михаил Иванович? — обратился он к командиру космического корабля.

— С вами всегда готов, — ответил тот.

До сих пор хранившая молчание Борисова вступила в разговор:

— Григорий Петрович, думаю, что, пока ты не оправишься после лучевой болезни, лететь тебе не следует,

Оживленный разговор прервался.

— Давайте повторим расшифровку записей, — нарушил молчание Горобец. — Я улучшил настройку аппаратуры. Зрительные образы должны теперь стать более четкими.

* * *

Ротационные машины водопадами извергали миллионы экземпляров газет с заголовками на всех языках мира. Теле- и радиостанции заполнили эфир разноязычным взволнованным говором. Весь мир был потрясен сообщением Академии наук Союза социалистических стран о результатах экспедиции на Марс.

«Марсиане избежали космической катастрофы!»

«Марсиане были на Земле!»

На специальном заседании президиума Академии наук было принято решение направить две экспедиции: одну на Марс, другую — в глубины Атлантического океана. По состоянию здоровья Строков не был включен в состав ни одной из экспедиций.

— Что ж, Вера, ты подписала мне приговор, — горько произнес Строков, узнав о решении. — Он обоснован по всем правилам медицины и обжалованию пациентом не подлежит.

— Да, но тебе необходимо закончить лечение, — настаивала Борисова. — Ведь ты не будешь из-за этого требовать перенесения сроков экспедиций?

— И не собираюсь, — ответил Строков. — Поеду на дачу дышать кислородом, выращивать клубнику. Осенью прошу в гости, научишь варить варенье. — И он медленно направился к выходу.

* * *

Наступило буйное цветение лета. Дача Строкова тонула в разросшейся зелени. Григорий Петрович в домашних туфлях и синей пижаме неторопливо поливал грядки. Опустив на землю пустую лейку, он медленно поднялся на веранду.

— Папа! — раздался за его спиной робкий голос.

— Что, дочка?

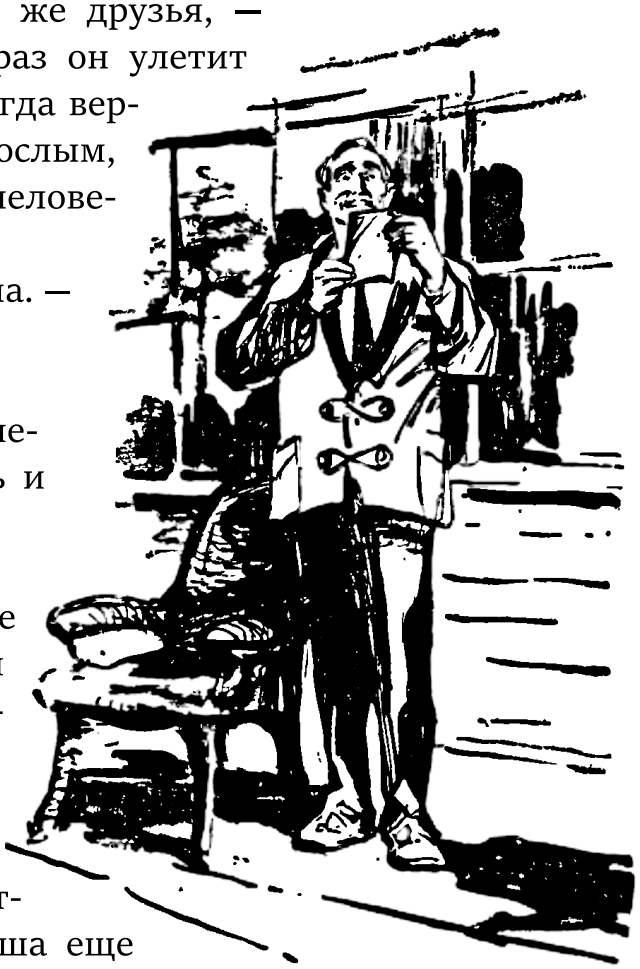
Наташа умоляюще посмотрела на отца.

— Саша... Александр Андреевич сегодня улетает. Я поеду проводить его.

— А разве он не зайдет попрощаться с нами?

— Да, конечно! Но я хочу заранее проверить, не забыл ли он чего в дорогу, — замялась девушка.

— Не смущайся, дочка, мы же друзья, — упрекнул ее отец — На этот раз он улетит надолго, почти на три года. Когда вернется, застанет тебя уже взрослым, определившим свое будущее человеком. Ты думала об этом?

— Думала, — ответила Наташа. — Ох, как думала!

— И что же решила?

— Я так хочу быть с ним вместе! Знаю, это трудно, но ведь и ты...

— Что я?

— Ты тоже пошел на самое трудное. Прости, папа, но для меня это все. Это... жизнь, счастье!..

Строков с тревогой посмотрел на дочь, не зная, что ей ответить, и в то же время внутренне соглашаясь с ней. Наташа еще

раз крепко поцеловала его и, заметив, что опаздывает, стремглав выбежала за калитку.

Строков остался один. Он машинально раскурил погасшую трубку.

— Гриша! — раздался совсем рядом голос Борисовой.

— А, прибыла, — словно пробудился от сна Строков, — будешь консультировать насчет варенья? — пошутил он.

Не отвечая на шутку, Вера Степановна молча протянула ему лист бумаги. Строков взял его с безразличным видом и вдруг преобразился.

Не веря своим глазам, Строков еще и еще раз перечитывал текст.

«§ 2. Руководителем подводной экспедиции в Атлантику назначается дважды Герой Социалистического труда академик Григорий Петрович Строков».

Глава восьмая

На расстоянии 5 тысяч километров от поверхности земного шара, там, где практически уже нет никаких следов атмосферы, с однажды заданной скоростью по неизменной орбите вращается космическая станции — вечный спутник Земли. Эго — гигантское серебристое кольцо с серыми квадратами солнечных батарей, преобразующих лучистую энергию в электричество, которого с избытком хватает на все нужды обитателей станции. Жизнь здесь довольно однообразна, но сегодня не совсем обычный день. Свободные от вахты «зимовщики» собрались в клубе на телевизионную перекличку с Землей.

Далекие родственники — жены, дети, отцы и матери — шлют им с Земли слова привета. Вот на мерцающей поверхности телеэкрана появилось изображение вихрастого паренька. Слегка заикаясь, он обращается к отцу:

— Папа, здравствуй! У нас на Земле большая радость, потому что я получил по арифметике «пять».

Лицо паренька расплылось и исчезло. Вместо него на экране появилось простое лицо пожилой женщины.

— Здравствуй, мой дорогой сыночек Петя. Мы все по тебе очень соскучились. Телеграмму получила, большое тебе спасибо, что даже в космосе не забываешь меня, старуху...

Неожиданно телепередачу прервал голос дежурного:

— Внимание! К станции подходит космоплан «17-б». Рейс одиннадцатый, Земля-Спутник. Причальной команде срочно выйти на площадку...

Прошло не более часа, как космоплан, совершающий регулярные рейсы между Землей и космической станцией, покинул космодром, а сейчас он уже медленно приближался к спутнику, выравнивая с ним скорость. Далеко

внизу остался земной шар. Сквозь прозрачную голубоватую пелену атмосферы проступили очертания материков, местами закрытых облаками, ослепительно белая шапка Северного полюса. В тесной кабине сидели Швачко и Наташа. Они словно забыли о присутствии других пассажиров...

Корабль вплотную подошел к станции. Причальная команда соединила гибким герметическим шлангом люк космоплана с тамбуром спутника. Щурясь от яркого света, прибывшие вошли в просторное помещение. Наташа робко жалась к Швачко: ведь она впервые в жизни оказалась так далеко от Земли.

— В обратный рейс космоплан пойдет через два часа, — сказал Швачко. — Хочешь, я покажу тебе за это время станцию? Знаешь, ведь до сих пор еще находятся люди, которые думают, что все наши полеты в космос представляют лишь чисто теоретический интерес.

— А ты уверен, что они не правы? — улыбнулась Наташа.

— Ну, знаешь! — возмутился Швачко, — Пойдем, и убедишься во всем сама. Зайдем хотя бы сюда, — пригласил он девушку, останавливаясь возле двери с надписью «Служба погоды и сейсмических прогнозов».

Они вошли в просторное помещение с множеством самых различных измерительных приборов, возле которых несли дежурство операторы.

Саша вполголоса объяснял подруге:

— Облетая Землю, спутник при помощи вот этих автоматических приборов все время как бы прощупывает, прослушивает и проглядывает земную поверхность, выясняет состояние атмосферы, температуру, направление и силу воздушных потоков. Здесь составляется самый точный прогноз погоды.

Он подвел Наташу к застекленной кабине, в которой у микрофона сидел диктор. Как раз в это время ему принесли очередную сводку. Оператор взял текст и, включив микрофон, монотонным голосом начал передачу:

— В районе Марианских островов, по буквам: Мария, Анна, Роман, Иван, Анна... — зарождается тайфун...

Внимание Наташи привлекло оживление возле электронно-счетной установки, где велась обработка записей приборов. Схватив карточку с текстом, один из сотрудников вбежал в кабину.

— Внеочередная! — воскликнул он.

— Внимание, внимание! — И голос диктора зазвучал живее. — В районе Хайлара в ближайшие часы ожидается землетрясение силой до одиннадцати баллов. Эпицентр — юго-западнее озера Далайнор...

Наташа закрыла глаза и представила себе на мгновение, как беззаботно спит притихший после трудового, напряженного дня город. И вдруг тишину нарушает голос радиодиктора:

— Жители Хайлара, жители Хайлара, проснитесь! Немедленно покидайте помещения, выходите за городскую черту! Через несколько часов произойдет землетрясение!..

Почти сразу зажигаются огни в окнах домов. Толпы людей покидают город. Спасенные от гибели, они благодарными глазами провожают пролетающую над головами яркую звезду — спутник.

— Подобные прогнозы с использованием пьезоэффекта земной коры, к счастью, приходится делать не так часто, — прервал мысли Наташи Швачко. — Пройдем в другую лабораторию.

И вот они уже в следующем помещении, с лаконичной надписью на дверях «Служба Солнца».

— Фу, как здесь жарко! — невольно вырвалось у Наташи, лишь только она переступила порог.

— Ничего не поделаешь, топка Земли! — пошутил Швачко. — Как успехи, кочегары? — приветствовал он сотрудников лаборатории.

— Ничего, кончаем смену — и остывать!

— Дамскими чулочками занимаетесь? — пошутил Швачко, указывая на тончайшую паутинку, разложенную на огромном металлическом столе.

— Хороши чулочки! Пятьсот квадратных километров!

— Нет, правда, ребята, что это?

— Искусственный климат.

Оба, и Наташа, и Швачко, с недоумением взглянули на говорившего.

— Серьезно. Подбираем зеркальное покрытие с максимальным коэффициентом отражения.

— А для чего? — заинтересовалась Наташа.

— Для вас, земных жителей. В городах, возникающих за Полярным кругом, солнечный голод. Ребятишек в школах приходится облучать кварцем. Вот, посмотрите, последний образец «солнечного луча», — И лаборант показал тончайшую пленку, покрытую блестящей амальгамой.

— Она отражает более девяноста семи процентов солнечных лучей. Когда работа будет закончена, мы подвесим эти пленки на расстоянии нескольких десятков тысяч километров от Земли, и они будут отражать солнечные лучи на заполярные промышленные центры. Там возникнет микроклимат, приближающийся к климату средней полосы России.

— Можно мне взять кусочек «солнца» на память? — попросила Наташа.

— Возьмите.

Швачко повел девушку в другую лабораторию спутника.

* * *

В комфортабельном салоне реактивного самолета среди малочисленных пассажиров находились Строков, Борисова и Сюзанна Томп. Самолет держал курс на юго-запад, догоняя Солнце, которое, казалось, никак не может опуститься за горизонт.

— И ты не сказал Наташе, что уезжаешь? — продолжая начатый разговор, спросила Борисова.

— Нет. Это было бы с моей стороны жестоко. Она, конечно, полетела бы с нами и не сумела бы проводить Сашу. Ведь он покидает Землю на несколько лет, а я остаюсь на ней по твоей милости, — вздохнул Строков и с упреком посмотрел на врача.

— Какой ты неблагодарный, Григорий Петрович! Ну, не в космос, так на дно океана. Я ведь тоже не полетела с ними, хотя и могла бы...

— Ладно, не обижайся, — примирительно сказал Строков и погладил ее руку.

Оба замолчали. «Сейчас Саша подлетает к спутнику, а через несколько дней, после заправки горючим и проверки оборудования, — путь к Марсу», — думал ученый, с грустью наблюдая за проплывающей под крылом самолета Землей.

Но вот впереди показалась сверкающая гладь Черного моря. А еще через полчаса они уже были в шумном Одесском порту, у причалов которого стояли многочисленные суда под иностранными флагами. В стороне от них, у самого края пирса, покачивалась на волнах мало чем приметная для других, но сразу обратившая на себя внимание путешественников подводная лодка. На ней им предстояло вскоре отправиться в путь.

Медленно печатая шаг по гравию аллеи, Строков вдруг лицом к лицу столкнулся с Мартином Крейсисом.

— Какими судьбами вы здесь, господин Крейсис?

— Завтра отплываю на родину, — ответил иностранец. — Теперь я владею уже семнадцатью языками. Последний — язык атлантов, который удалось изучить благодаря уникальным коллекциям ваших музеев.

— От души поздравляю! Но это далеко не единственное ваше достижение.

— Что вы имеете в виду?

— Помните тот перевод атлантских иероглифов, который вы передали своему ассистенту? Ведь он дал нам возможность прочитать рукописи марсиан. По праву это и ваш успех!

— Да, да... — неопределенно ответил Крейсис. — Я кое-что слышал уже.

— Но вы так внезапно уехали тогда! Мы не знали, где вас искать.

— Искать? Зачем?

— Чтобы пригласить принять участие в научной обработке марсианских материалов.

— Это был ваш личный успех, господин Строков.

— Личный? — удивился ученый, по тут же замолчал, подумав, что Крейсис все равно не поймет его. — Хорошо, допустим. А если бы мы пригласили вас, как крупнейшего специалиста, принять участие и розысках Атлантиды?

— Атлантиды? — изумился Крейсис.

— Да. Ведь именно там языки обитателей Земли и Марса соприкоснулись таким загадочным образом.

— А вы не боитесь предоставить мне возможность доказать справедливость моей теории?

— О, об этом не беспокоюсь, — ответил Строков. — Но, может быть, вы не готовы к путешествию?

— Я? Я готов! — не колеблясь, ответил Крейсис.

Глава девятая

В отличие от своей прабабушки «Северянки» научно-исследовательская подводная лодка, на которой отправилась в путь экспедиция, обладала более солидными размерами, двигателями на ядерном топливе и способностью погружаться на любую глубину.

Вечер застал судно далеко от родных берегов. Ночью миновали Босфор и вышли на просторы Средиземного моря. Звезды на небе как бы повторялись в глубинах уснувшего моря. Все застыло в полной неподвижности, и только упругий встречный ветер да пенистые буруны за кормой говорили о стремительном движении лодки.

Строков одиноко стоял на палубе и, углубившись в свои мысли, не заметил приблизившуюся Сюзанну.

— Григорий Петрович, — тихо обратилась к нему девушка, и в ее голосе послышалось скрытое волнение. — Хочу спросить вас: если вы любите человека, чувствуете, что и он отвечает вам тем же, но молчит, что сделали бы вы тогда?

— Я не мастер разрешать такие проблемы, Сюзанна, — ответил Строков. — Хотите, я лучше расскажу вам старую сказку, которая пришла мне сейчас на память?

Сюзанна кивнула головой.

— Так слушайте. Далеко-далеко за морем, — там, где каждое утро рождается Солнце, в стремительных реках Сахалина и Камчатки появляются на свет лососи. Едва научившись шевелить плавниками, они покидают давшие им жизнь реки и уходят в соленые воды Великого океана. Так бродяжничают они по чужим морям, пока незаметно

не подкрадется старость. Она дает знать о себе прежде всего тем, что с каждым днем лососей все сильнее начинает тянуть туда, где прошло их короткое детство.

И где бы тоска и одиночество ни застали лососей — у мыса ли Доброй Надежды, в Бискайском заливе или в далекой Атлантике, — они теряют покой и устремляются к родным рекам. Им теперь уже не хватает времени, которым так пренебрегали в молодости. День и ночь, без отдыха, безошибочно плывут они по невидимому курсу, торопливо находят в конце пути себе пару, чтобы вместе войти в устье реки.

Преодолевая стремнины и перепады, в клочья раздирая бока о каменистые пороги, метр за метром пробираются они в верховье. Найдя среди камней небольшую ямку, самки мечут икру, а самцы плавниками засыпают ее песком. А потом они умирают, так и не увидев своего потомства.

В эти дни из тайги к рекам выходят медведи. Они выгребают из воды еле живую рыбу и поедают ее.

Однажды случилось так, что бродяга лосось не нашел себе пары, но повинуясь слепому закону природы, вошел в устье родной реки.

Долго пробирался он между камнями, борясь с быстрым течением, пока, весь израненный и обессиленный, не достиг того места, дальше которого никто не добирался. Он все еще искал чего-то, но время шло быстрее, чем течет вода, надежда покидала его...

И вот случайно одна медведица, пресытившаяся, а может быть, просто не в меру сентиментальная, выловила из воды умирающую рыбу. Лосось равнодушно смотрел на медведицу.

«Тебе не страшно умирать?» — спросила медведица.

«Нет, — ответил лосось, — мне все равно, и нет уже ни сил, ни желания добираться обратно к морю, чтобы начинать все сначала. Попрошу тебя только: когда съешь меня, закинь мою голову подальше в реку, чтобы течение смогло снести ее в океан.»

Медведица полузакрыла глаза и задумалась.

«Пожалуй, сейчас я сыта, — сказала она, — и есть мне тебя не хочется. К тому же я, как и ты, одинока, мне даже некого угостить тобой. Лучше я отнесу тебя к морю, и ты все-таки попробуешь повторить жизнь сначала.»

Она подняла лосося с песка, спустилась со скал к берегу и бросила его далеко в море.

Медведица ушла, даже не оглянувшись, а лосось лежал, покачиваясь на волне, и ему все еще казалось, что не волна, а медведица своим горячим языком зализывает его раны...

И опять бродяжил лосось по морям. Но чем дальше, тем горше становилась для него вода и тем сильнее тянуло к скалам, где он расстался с медведицей.

И однажды глубокой осенью вопреки рассудку, подсказывающему, что лососи не могут жить там, где живут медведи, потеряв покой и разум, старый лосось прошел Тихий океан, пересек Охотское море и стремительным прыжком через гребень ревущего прибоя выбросился на скалы.

Берег был пустынным. Медведица не ждала его. Потом пришел вечер. Лосось умирал. Свистящий в скалах ветер разогнал тучи. На небе замерцали звезды, которых он раньше никогда не видел. Злая волна в заливе с недовольным шипением пересчитывала прибрежную гальку.

В немой рыбьей тоске лосось в последний раз оглядел чужую, безразличную к нему сушу, где никто не ждал его. Все исчезало в наступающей с моря мгле.

И вдруг в бесчисленных сочетаниях звезд, все ярче разгоравшихся на темном небе, ему почудилась медведица. Он беззвучно раскрыл рот, силясь позвать ее.

И медведица услышала его немой призыв. Вскочив на лапы, роем падающих звезд спрыгнула она на Землю.

«Что с тобой? — спросила она. — Почему ты не в море, а лежишь на боку и у тебя тускнеют глаза?..»

«Я не мог жить без тебя. Возьми меня еще раз в свои пушистые лапы, но больше не бросай обратно в море».

«Я тоже, кажется, скучала по тебе, — ответила медведица. — Даже ждала, в каждую ясную ночь выходя на небо. Значит, ты не забыл меня?»

«Я пытался, но не сумел, — прошептал лосось, — А мир так устроен, что мы не можем быть вместе... Скажи мне что-нибудь на прощание, ведь мне осталось жить всего лишь несколько минут...»

«Видишь Млечный Путь? — ответила медведица. — Это та река, где ты родился. У нее нет ни тесных берегов, ни каменистых порогов. Ты вечно будешь плыть вверх по течению, а я вечно буду рядом с тобой...»

С тех пор прошло много-много лет. Но если в безоблачную ночь вы попристальней вглядитесь в течение Млечного Пути, то увидите в нем искрящегося седой чешуей лосося, а рядом с ним уже совсем легко разглядеть и Большую Медведицу. Они всегда неразлучны. Ни вечность, ни беспредельные просторы Вселенной не могут разлучить их...

— Вот и вся сказка, — закончил Строков.

Сюзанна тихо стояла рядом.

Но если бы в это мгновение она увидела выражение лица Строкова, его взгляд, устремленный на нее, кто знает, может быть, дальнейшая жизнь этих различных людей сложилась бы совсем иначе.

* * *

И снова бушует пена за кормой лодки, идущей со скоростью более сорока узлов в час. На рассвете следующего дня, миновав Гибралтар, лодка вышла в Атлантический океан. Погода начала, портиться. Порывистый ветер гнал встречные волны, срывая с них седые гребни пены.

— Прибавить обороты! — раздалась команда в помещении дежурного инженера, сидящего за пультом управления реактором.

Чуть заметный поворот ручки, слегка вздрогнула стрелка на одном из контрольных приборов, и, несмотря на яростный напор волн, лодка продолжала путь, не сбавляя скорости.

В небольшой капитанской рубке на дюралевом столе раскинута карта центральной части Атлантики. Над ней склонились капитан лодки Борисенко, штурман Новиков, Строков и Крейсис. Новиков по линейке прокладывал курс. До выбранного места погружения, отмеченного на карте синим крестом, остались считанные минуты.

Борисенко произнес в микрофон:

— Приготовиться к погружению!

Стоящие на палубе люди быстро направились к люку и один за другим исчезли в нем. Люк автоматически закрылся, и вот уже первая волна прокатилась по опустевшей палубе. Еще мгновение — и лодка скрылась под кипящей поверхностью океана.

В иллюминаторах капитанской рубки постепенно померк дневной свет, переходя от светло-зеленых тонов к фиолетовым, пока не наступил непроглядный мрак. Одновременно манометр показывал глубину погружения. 300 метров... 500... 1 000... 1 500... 2 000 метров, а погружение все продолжалось.

— Включить бортовые прожекторы! — раздалась команда.

И сразу за толстыми кварцевыми стеклами возник таинственный лучистый мир. Привлеченные необычным для этих глубин светом, почти вплотную к иллюминаторам подплывали какие-то существа, и даже тогда, когда прожекторы на некоторое время выключались, обитатели глубин все же были видны, освещенные множеством переливающихся, мерцающих огней.

— Никогда не представлял себе, — невольно воскликнул Строков, — что подводный мир так похож на звездный!..

Лодка медленно продвигалась вперед на высоте в несколько десятков метров над дном океана. Бесконечное однообразие подводного пространства напоминало Строкову марсианскую пустыню.

— Если бы Данте побывал здесь, — сказала Сюзанна, — он описал бы преддверие в чистилище гораздо реальнее.

— Входим в квадрат предполагаемой Атлантиды, — раздался голос из динамика. — Впередсмотрящий, будь внимательнее!

Но как ни напрягались глаза впередсмотрящего, вокруг простиралась все та же однообразная пустыня, освещенная холодным светом прожекторов.

Но что это? Невдалеке возникли контуры какого-то большого тела. Лодка, замедляя скорость, подошла ближе.

На дне стоял полузанесенный илом старинный галиот со скульптурным изображением Девы на носу. За штурвалом виднелся скелет, устремивший пустые глазницы в ту же сторону, куда смотрела и Дева.

— «Летучий голландец»! — изумленно прошептал кто-то.

Призрак, возникший из глубины веков, лишь на мгновение приковывал к себе взгляды людей. Водяные струи от винтов лодки вдруг потрясли судно, и оно рассыпалось в прах...

Субмарина вышла на поверхность. Ослепительное солнце освещало своими горячими ласковыми лучами совсем иной мир.

Примерно в десяти кабельтовых к берегам Америки шел пассажирский лайнер. Он троекратным гудком приветствовал всплывшую лодку, и та ответила ему троекратным ревом сирены.

— Подходим к Азорским островам, — сказал капитан. — Четверо суток беспрерывного прочесывания дна — и никаких результатов!

— Что ж, ляжем на обратный курс, — предложил Строков. — Только на несколько градусов южнее.

И снова непроглядная, черная ночь сомкнулась над ними. Много дней лодка не всплывала на поверхность, настойчиво изучая дно.

Все эти дни и недели Крейсис был сдержан, молчалив, по-прежнему избегая встреч с Сюзанной.

Строков весь ушел в работу. Никто не знал, когда он спал и отдыхал ли вообще за все время экспедиции. Даже Борисова, которая вначале пробовала протестовать, махнула рукой, поняв всю бесполезность своего вмешательства. Драга менее тщательно промывает золотоносный песок, нежели лодка исследовала, прощупывала каждый квадратный метр подводной равнины.

И вот однажды, когда дальнейшие поиски казались уже бесцельными, раздался сигнал ревуна. Строков первым вбежал в капитанскую рубку и невольно застыл перед фантастическим видением.

Были включены все имевшиеся в распоряжении экспедиции источники света, и в их ослепительных лучах за толстыми стеклами иллюминаторов возникли контуры города, поблескивающего металлом и гранями прозрачных плоскостей, полузанесенных многовековыми отложениями.

Лодка сбавила ход и теперь осторожно пробиралась между строениями.

— Наконец-то! — словно освобождаясь от большой тяжести, произнес Строков.

По взмаху его руки лодка остановилась и мягко опустилась на грунт. Выпущенные на длинных кабелях электрофонари с поддерживающими их поплавками повисли над развалинами города, освещая его некогда шумные улицы, площади.

Из открывшегося в кормовой части лодки шлюза выплыли крохотные батисферы, в которых участники подводной экспедиции отправились на исследования. Двусторонняя гидролокационная связь давала им возможность свободно общаться между собой.

Строков отделился от общей группы и направился к едва выступающему над поверхностью дна зданию. Бортовые прожекторы его батисферы все время поворачивались, как бы ощупывая лучами расстилающееся впереди пространство. Вот он замедлил движение и через узкую сегментообразную арку, почти касаясь ее стен, вплыл внутрь помещения.

Навстречу взметнулась какая-то огромная тень. Ученый невольно вздрогнул от неожиданности и резко затормозил батисферу. Мимо него в паническом страхе проскользнул гигантский кальмар и,

выпустив защитное чернильное облако, скрылся за ним, как за дымовой завесой. Строков подождал, пока черное облако растворилось, и, прибавив скорость, проник в глубину помещения.

В коротких, сокращенных толщей воды лучах прожектора возник строгий в своей простоте зал, в преддверии которого стояли грубые каменные изваяния с продолговатыми лицами и печальными, устремленными вдаль глазами.

«Это же статуи острова Пасхи!.. Подобные им стоят там и поныне!» — промелькнуло в голове Строкова. И вдруг он замер перед более поразительным зрелищем.

В окружении каменных фигур перед ним предстало полупрозрачное изваяние, отдаленно напоминающее человека с простертой рукой, в которой лежал диск, повторяющий собой контуры летательного снаряда, покоящегося на базальтовой глыбе возле фигуры. Продолговатое лицо с непомерно большими, наполненными глубокой мыслью глазами, вытянутое хрупкое туловище — все дышало изяществом и красотой.

Это был запечатленный в плавленом алмазе марсианин.

— Вот такими и представляла себе их Вера Степановна, — невольно вырвалось у него.

Ученый связался по гидролокатору с Борисовой.

— Вера Степановна, — позвал он. — Немедленно ко мне! Даю пеленг...

Не прошло и нескольких минут, как батисфера Борисовой остановилась рядом со Строковым. Медленно осело облако ила, поднятого винтами батисферы, и Борисова увидела марсианина.

— Прилететь в поисках спасения на другую планету и, погибнуть, исчезнуть навсегда?.. — с глубоким. волнением произнесла женщина.

Глава десятая

Уставшие, переполненные впечатлениями, участники исследований один за другим возвратились к лодке и собрались в ее салоне. Последними, в кают-компании появились Строков и Борисова. Все взоры устремились к ним.

— Разговоры отложить, — предупредил Строков. — Обедать и всем расходиться по каютам для составления отчетов.

Все уселись за стол.

— А где же Сюзанна? — спросила Борисова.

Взгляды присутствующих скрестились на пустующем месте за столом.

— Продолжайте обедать, я выясню, — произнес Строков, вставая с места и покидая кают-компанию.

В радиорубке подводной лодки он начал настойчиво взывать в микрофон:

— ...Я база, я база... Сюзанна, отвечайте, где вы, отвечайте...

Но в ответ было одно лишь молчание.

— Я база, я база... — в который уж раз повторил Строков.

— Необходимо начать поиски, — сказал капитан. — Кто пойдет?

— Я!

Строков и Борисенко разом обернулись. Перед ними, сохраняя свое обычное спокойствие и невозмутимость, стоял Крейсис.

— Хорошо, — сказал Строков. — Экипажу пока ничего не сообщать, — обратился он к Борисенко. — А я пойду с вами. Возражения излишни, — ответил он на безмолвный протест Крейсиса. — Давайте лучше восстановим в памяти, с чего мы начали исследования...

* * *

...Отстав от Строкова в момент неожиданного появления кальмара, Сюзанна повернула вправо и вскоре углубилась в лабиринт переходов огромного здания.

«Диски, диски, серые диски с записями марсиан...» — подобно маньяку, мысленно повторяла она. Время как бы остановилось для Сюзанны. Она упорно продолжала поиски и вот в одном из помещений увидела, вернее, угадала, то, к чему так настойчиво стремилась.

На покрытых толстым слоем подводного ила своеобразных стеллажах, укрепленных вдоль высеченных в базальте стен, рядами стояли серые диски.

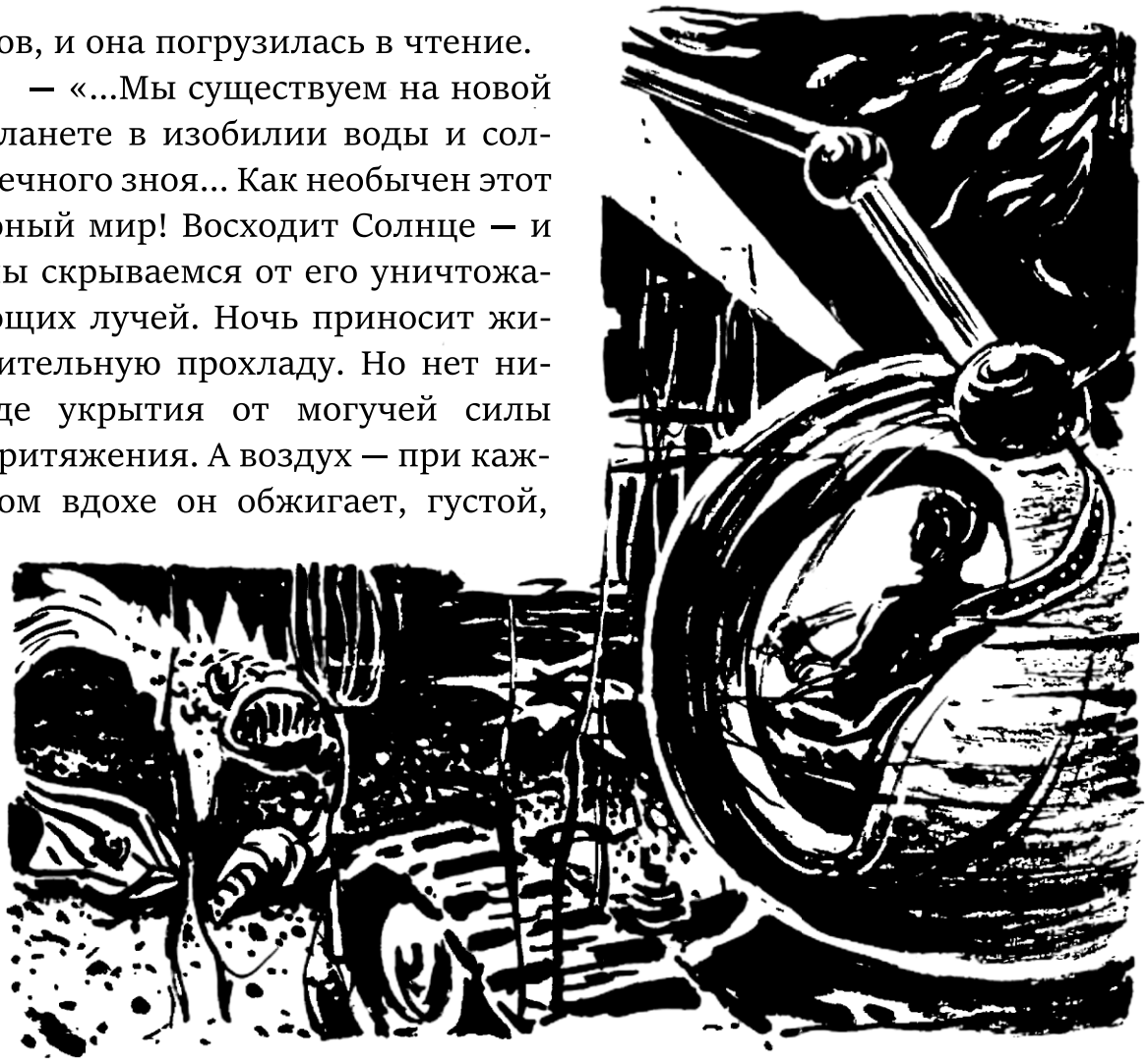
Сюзанна чуть не задохнулась от счастья и, забыв обо всем, стальными сочлененными «руками» стала торопливо снимать с полок

пачки дисков и через переходной тамбур принимать их в кабину батисферы. Просматривая один за другим диски с линиями записей и не дочитывая текста до конца, она отбрасывала их в сторону и торопливо бралась за следующие.

Напрасно взывал тревожный голос Строкова: «Я база, я база, отвечайте...» Сюзанна ничего не слышала. Но вот ее взгляд задержался на одном из дисков, и она погрузилась в чтение.

— «...Мы существуем на новой планете в изобилии воды и солнечного зноя... Как необычен этот юный мир! Восходит Солнце — и мы скрываемся от его уничтожающих лучей. Ночь приносит живительную прохладу. Но нет нигде укрытия от могучей силы притяжения. А воздух — при каждом вдохе он обжигает, густой,

пьянящий, смертельный... Здесь обитают разумные существа, подобные нам, какими мы были во времена полузабытого детства. Для них мы непостижимые существа, потому что не принесли им зла, спустившись с неба. Мы передали им знания, которые они смогли воспринять, а для себя построили жилища, создали всевидящий глаз, приблизивший нас к родной планете...»

Сюзанна вслух читала марсианские записи, не замечая, что разыскивавшие ее Строков и Крейсис почти вплотную приблизились к ней и слышат ее голос.

— «...Скоро год, как мы пришли сюда. Близится час испытания нашей планеты. И вот что случилось в предсказанный срок...»

Перед мысленным взором Сюзанны возник диск Марса. К нему медленно приблизилась другая планета и на близком расстоянии, измеряемом всего лишь десятками тысяч километров, разорвалась на части и увлекла за собой в виде шлейфа значительную часть атмосферы Марса. От внезапно понизившегося давления вскипели скудные марсианские моря и гигантские струи пара, как поднявшиеся дыбом волосы, устремились в пространство.

Слезы застлали глаза Сюзанны...

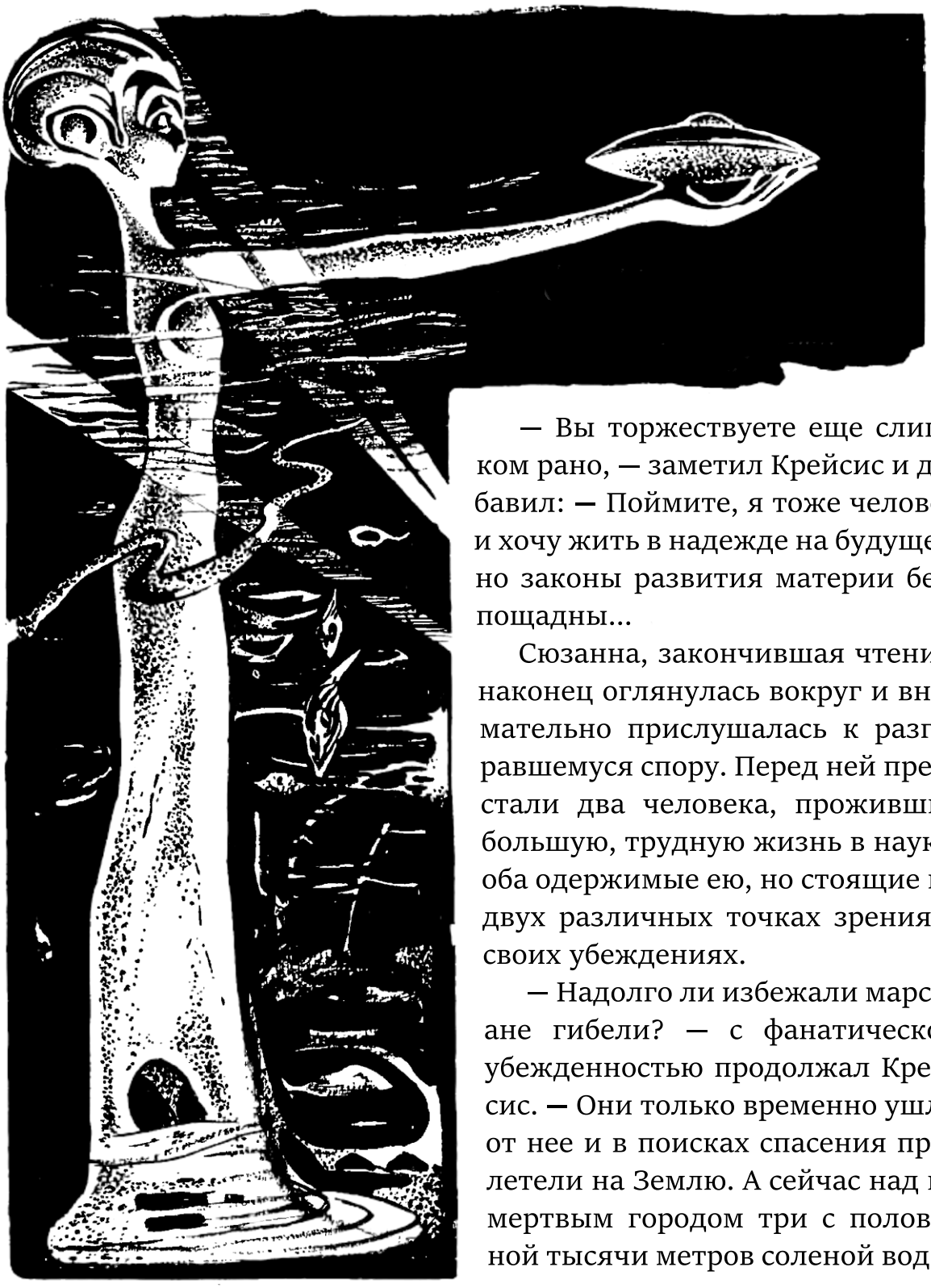
Крейсис через стекло своей батисферы вопросительно посмотрел на Строкова, давая ему понять, что хочет окликнуть Сюзанну. Но Строков жестом остановил его. Прерывать работу Сюзанны сейчас нельзя.

И снова в шлемофонах Строкова и Крейсиса раздался голос Сюзанны:

— «...Возврата нет. Она умерла для нас... Но и здесь нет жизни. Щедрость этой планеты для нас смертельна. В первый заход Солнца мы покинем ее в печали о прошлом, в радости за будущее. Уходим к себе подобным, переселившимся на другие планеты. Весть о нас в руке оставшегося».

Диск выскользнул из рук девушки и упал на пол кабины. Она в изнеможении откинулась на спинку сиденья.

— Радость за будущее! — невольно воскликнул Строков. — Вы слышали эти слова, Крейсис? Где же ваша «неизбежная» гибель разума?

— Вы торжествуете еще слишком рано, — заметил Крейсис и добавил: — Поймите, я тоже человек и хочу жить в надежде на будущее, но законы развития материи беспощадны...

Сюзанна, закончившая чтение, наконец оглянулась вокруг и внимательно прислушалась к разгоравшемуся спору. Перед ней предстали два человека, прожившие большую, трудную жизнь в науке, оба одержимые ею, но стоящие на двух различных точках зрения в своих убеждениях.

— Надолго ли избежали марсиане гибели? — с фанатической убежденностью продолжал Крейсис. — Они только временно ушли от нее и в поисках спасения прилетели на Землю. А сейчас над их мертвым городом три с половиной тысячи метров соленой воды.

— Опускание материковой поверхности произошло гораздо позднее их отлета, — возразил Строков.

— Допустим, но где доказательства, что они не погибли в мировом пространстве и все еще существуют?

— В руке оставшегося, — почти закричала Сюзанна, указывая обернувшимся на ее голос ученым в сторону маячившего вдалеке полупрозрачного изваяния.

Еле различимые в свете электрофар, три батисферы медленно подплыли к огромному марсианскому памятнику, стоявшему между грубо отесанных каменных фигур.

Строкову невольно вспомнилась марсианская мелодия, тревожная, манящая, подобная тем, которые доносились к гомеровскому Одиссею с острова Сирен. В глубоководном костюме он вышел из батисферы и, с трудом преодолевая толщу воды, приблизился к фигуре марсианина. И вот они стоят рядом, похожие друг на друга, как сыновья единой матери — Природы.

Почти с благоговением Строков осторожно взял из протянутой ладони серый диск...

Обратный путь к подводной лодке прошел в полном молчании. Встретивший их капитан Борисенко попытался задать вопрос, но тут же осекся: настолько необычным было выражение лиц возвратившихся.

— Идемте с нами, — на ходу позвал его Строков.

Войдя в штурманскую кабину, все четверо погрузились в изучение принесенного диска. Сначала был осторожно снят затвердевший, как накипь, слои минеральных отложений, под которым обнаружились знакомые очертания волнистых линий. По мере того, как очищался диск, Сюзанна начала переводить текст записи:

— «...С нами... можно вступить в общение... на волне свободного водорода... направив ухо...» Ухо? — повторила Сюзанна и вопросительно взглянула на Строкова. — Я не ошибаюсь в переводе, здесь черта, означающая орган слуха!..

— Все правильно, Сюзанна, продолжайте, — поторопил ее Строков.

— «...В миг заката... направив ухо в сторону...» — Сюзанна внезапно замолчала.

— Дальше, дальше! — почти закричал Строков.

— Дальше нет текста, линии обрываются... — растерянно ответила Сюзанна.

— Как нет?!

— Тут какой-то чертеж, — произнесла Сюзанна и протянула Строкову увеличительное стекло, через которое она читала еле различимые следы текста.

Строков впился глазами в диск.

— Посмотрите! — передал он лупу в руки штурмана. — Что это, по-вашему?

— По-моему, это расположенные в ряд три точки, — ответил штурман, внимательно изучая диск. — От крайних точек идут две линии, пересекающиеся где-то за пределами чертежа... Да это же координаты!..

— А точки, — уверенно продолжил Строков, — это же Земля и Марс, стоящие на своих орбитах по ту и другую сторону Солнца.

— Возможно...

— Постойте, постойте! — осененный догадкой, воскликнул молчавший все это время Борисенко. — Значит, при наибольшем расстоянии между Землей и Марсом вершина треугольника, образованного линиями, идущими перпендикулярно к поверхности планет...

— ...в момент захода Солнца за горизонт, — подхватил Строков, — будет определять направление, в котором улетели с Земли марсиане.

— Да, — согласился штурман. — Это их координаты!

— Что скажете на это? — Строков пристально посмотрел на Крейсиса.

— Скажу... — Крейсис опустил глаза, голос его звучал взволнованно, — ...если из космоса придет ответ, он будет означать гибель всех моих многолетних исследований, и тогда...

— Что тогда? — спросила Сюзанна.

— Начну все сначала, — попытался улыбнуться Крейсис, — хотя я уже совсем седой...

Глава одиннадцатая (самая короткая)

Еще до возвращения подводной лодки к родным берегам сверхмощные радиостанции Земли послали свои позывные в тот участок Вселенной, который был обозначен марсианами в их последней записи. Настороженные антенны приемных радиостанций неустанно прислушивались к однообразному шороху радиозвезд и излучению газовых облаков в надежде поймать ответные сигналы.

Шло время. Швачко возвратился из многомесячной экспедиции на Марс. Кроме коллекций минералов, проб воды и воздуха и других трофеев, он доставил на Землю семена наиболее распространенных марсианских растений, которые дали прекрасные всходы в условиях Крайнего Севера. Ради одного этого стоило потратить так много усилий для достижения Марса. Бесплодные тундры, покрытые одними лишайниками, в недалеком будущем обещали превратиться в богатейшую житницу для человечества.

Наташа окончила Институт космической навигации и теперь больше не расставалась с Сашей. Под руководством Строкова они готовились к новому космическому полету.

И вот однажды из бездны Вселенной пришел ответ, с трудом уловленный радиостанциями:

— «...Мы ждали вас семь тысяч лет... Какие вы теперь? Идем навстречу!»

Эти долетевшие наконец до Земли слова застали Строкова за расчетами будущей трассы полета.

За окнами кабинета брезжил рассвет. Закрыв утомленные от напряжённой работы глаза, он представил себе беспредельное пространство, где среди сверкающих звезд навстречу друг другу быстро неслись две еле различимые точки. Это — космические корабли. Один из них — знакомый, земной; другой — неведомый, странной формы, как будто брошенный рукой античного дискобола.

Первый луч Солнца заглянул в окно, осветив лицо ученого. Он перевернул листок настольного календаря.

Наступал новый день.

А. Кирияненко

ТАЙНЫ УГАСШЕГО МАРСА

Научно-фантастический рассказ

Пятьдесят вторые сутки несется советский астролет «Владилена» в безбрежных просторах космоса. Автоматы работают отлично. Настроение у экипажа превосходное.

Тихо и монотонно гудят механизмы, сухо щелкают автоматические узловые устройства, весело перемигиваются разноцветные огоньки центрального пульта управления. Электронный автоматический центр астролета, или «ЭАЦ», является вершиной достижений современной техники. Этот небольшой прибор на полупроводниках и ферритах прекрасно ведет астролет: проверяет работу механизмов, поддерживает в пассажирской кабине микроклимат, устраняет на ходу простейшие неисправности. Человеку остается только составить программу для работы узлов машины. «ЭАЦ» может одновременно решать несколько задач и при этом никогда не ошибается. «ЭАЦ» может производить сложнейшие математические вычисления с огромной скоростью, делая более ста тысяч операций в секунду, может вести контроль и управление, переводить с одного языка на другой и даже решать для Фреда Лучко, второго пилота корабля, шахматные задачи.

В этот день на пути корабля вторично встретился метеорный поток. Это большая опасность для «Владилены». Один метеор такого потока, имеющий массу даже в несколько килограммов и скорость порядка десяти километров в секунду, при столкновении может сильно повредить астролет. Второй раз за день, затаив дыхание, наблюдали члены экипажа поединок «ЭАЦ» с метеорным потоком.

Вот на зеленоватом экране темный силуэт «Владилены». Справа появилось вытянутое размытое пятно, которое быстро перемещается в сторону астролета. Столкновение кажется неизбежным. Мгновенно

заработали несущие двигатели, астролет стал набирать скорость. Какой-то миг, казалось, не избежать столкновения. Автоматически включена дополнительная защита. Корпус ракеты как бы покрылся защитной рубашкой из высокочастотных электромагнитных колебаний. Такая защита может смягчить удар, Несколько сильных ударов тряхнули наружную стенку корпуса астролета. Но вот мутное пятно на экране отошло в сторону. Метеорный поток пронесся мимо. Все вздохнули с облегчением.

Фред вытер пот со лба, заправил выбившиеся из-под вязаной шапочки густые черные волосы и запел «Марш космонавтов» своего собственного сочинения:

Вперед, к другим планетам
Ведем мы корабли,
Всегда в пути согреты
Теплом родной Земли...

Даже профессор Бобров, командир астролета, потихоньку подпевал Фреду, делая вид, что копается в своих бумагах.

— А все ли нам известно о двух крошечных спутниках Марса — Фобосе и Деймосе? — спросил Бобров, — возвращаясь к прерванному разговору. Он по привычке вытащил изо рта трубку, которая не дымилась со дня старта и подкрутил свои пышные казацкие усы.

— Они были открыты американцем Холлом в конце девятнадцатого века и названы Фобосом и Деймосом, что в переводе означает Страх и Ужас. Так назвали их за крошечные размеры, близость к планете и быстрое вращение вокруг Марса.

— Скажите, Игорь Петрович, вы противник или сторонник гипотезы Шкловского? — второй пилот астролета Фред Лучко любил задавать каверзные вопросы. Он подошел к звездному глобусу и стал уточнять положение «Владилены» в пространстве.

— Советский ученый Шкловский на основе точных теоретических расчетов высказал гипотезу об искусственном происхождении Фобоса и Деймоса.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Фред, что-то пристально рассматривая на звездном глобусе.

— Дело в том, что нельзя так просто отвергать гипотезы и также легко соглашаться с ними. Трудно спорить с довольно точными вычислениями Шкловского. Однако согласиться с гипотезой, значит...

— Утверждать, что на Марсе живут марсиане и что технический прогресс у них выше нашего?

Бобров кивнул, соглашаясь, и добавил:

— Но с такими выводами я согласиться не могу.

— Почему? — Владимир Савин, первый пилот астролета, перевел управление всеми приборами на автоматический центр «Владилены» и повернулся к Игорю Петровичу.

Фред, имевший привычку отвечать за других, сказал:

— Если бы на Марсе жили разумные существа, способные построить такие спутники, как Фобос и Деймос, мы бы не летели к ним первыми.

— Не спешите с выводами, Фред, — возразил Бобров. — Все может быть. Одна из задач, поставленных перед нами, и заключается в том, чтобы проверить правильность гипотезы Шкловского...

В кабине «Владилены» наступило молчание.

Только в пути можно полностью оценить все преимущества и недостатки астролета.

Пассажирская кабина была расположена в передней части «Владилены». Люди в астролете чувствовали благодарность к конструкторам за безотказную работу всех приборов, за отличную компоновку агрегатов и за те удобства, к которым жители Земли так привыкли. Кабина имела два отделения — рабочее и салон для отдыха. В рабочем отделении — рубке — переднюю стену занимал пульт управления с электронным автоматическим центром. В правой части рубки помещалась астрономическая обсерватория, слева — экраны основного узла радаров и космовизоров. Тут же рули и рычаги несущих двигателей.

В этот день в рубке дежурил Савин. Он внимательно следил за приборами, хотя это свободно могла сделать добросовестная ЭАЦ.

На экране радарной установки появилась светлая точка — сигнал. Надо было включать космовизоры, чтобы рассмотреть подробнее это препятствие. Между тем небольшое светлое пятнышко медленно увеличивалось в размерах.

— Что-то движется в нашу сторону, — сообщил Савин и включил главный экран космовизора. Фред прирос к телескопам. Бобров подошел к экрану.

— По-моему, это астероид. — сказал Фред. — Обломочная форма и большие размеры.

— Не может быть, — возразил профессор, — до пояса астероидов еще далеко. В этом районе встреча с астероидом маловероятна.

Но вот на экране космовизора темная точка превратилась в пятно: видимо космическое тело имело большие размеры.

— Странно, очень странно, — Бобров подкрутил усы, что он делал только в минуту волнения. — Поздравляю вас: мы первые из жителей Земли видим астероид на близком расстоянии.

Это была гигантская базальтовая глыба бурого цвета с рваными краями. По мере приближения стали заметны трещины на поверхности астероида, образовавшиеся от резной смены температур. Освещенные ярким солнечным светом, скалы ослепительно блестели на фоне темного фиолетового неба. Трещины, наоборот, резко чернели сетью ломаных линий. «Владилена» имела немногим большую скорость, и поэтому медленно обгоняла это загадочное космическое тело. Астероиды, пожалуй, — самая древняя загадка природы. Крошечная планетка, вернее исполинских размеров скала, лишенная атмосферы, растительности и жизни. Какова их природа? Откуда выброшена эта громадина, или, может быть, это всего только осколок грандиозной космической катастрофы? Некоторые ученые предполагают, что астероиды — обломки десятой планеты, которая двигалась вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера.

Бобров сделал несколько снимков астероида. Фред включил всю записывающую и запоминающую аппаратуру. Савин подвел на резкость. Игорь Петрович вцепился в рамку экрана.

— Это черт знает что, — обратился он к Савину, — я не верю своим глазам.

— Астероид, кажется, обитаем, — пробормотал Фред.

Все это было столь неожиданным, что ни у кого не нашлось в первую минуту слов, чтобы хоть как: то объяснить это загадочное явление.

На большой, круглой площадке астероида показались какие-то строения и мачты. В центре площадки ярко сверкало в лучах солнца огромных размеров сооружение, напоминающее параболическое зеркало радиотелескопа. Савин быстро включил радар, подал несколько позывных и переключился на прием. Все повернулись к нему.

— Не отвечает, — прошептал Савин.

Несколько раз посылал он позывные и переходил на прием. Астероид не отвечал. Фред приник к телескопу, Савин включил увеличивающее устройство космовизора и повернул регулятор до отказа.

На вершинах необычной формы мачт сверкали небольшие плоские пластины.

— Похоже на полупроводниковые солнечные батареи, — профессор подкрутил усы, — такие батареи превращают энергию солнца в электрическую и запасают ее в аккумуляторах.

— Это настоящий космический радиомаяк, — сказал Владимир Савин. Его узкие серые глаза под нависшими бровями возбужденно сверкали. — Но почему он молчит?

Савин все время пытался поймать в эфире сигналы неведомой радиостанции.

— Радиомаяк не работает давно, — Фред оторвался от телескопа, — обратите внимание на оборванные провода радиоантенн. Посмотрите на толстый слой пыли, покрывающей все строения.

Фред был прав. Теперь все видели, что астероид необитаем и — радиомаяк не работает.

Долго сидели астронавты в молчании. Делать посадку не было смысла. Оставалось только смотреть на удаляющийся загадочный астероид с безмолвным космическим радиомаяком. Но больше всего астронавты были поражены, когда элементы орбиты астероида, высчитанные электронной машиной, оказались близкими к элементам орбиты «Владилены».

* * *

Трудовой день экипажа «Владилены» почти ничем не отличался от обычного трудового дня на Земле. Вот только Солнце сияло круглосуточно, освещая все время одну сторону астролета. Поэтому половина корпуса корабля всегда раскалена, другая имеет постоянную температуру намного ниже нуля по Цельсию. Эта постоянная разность температур используется для получения электроэнергии с помощью полупроводниковых термопар. Термоток питает энергией все работающие узлы астролета вплоть до электробритвы. Люминесцентные лампы создают искусственное дневное освещение. Чтобы создать видимость ночи, Игорь Петрович предложил выключать лампы дневного света и закрывать иллюминаторы, обращенные к Солнцу. Тогда в противоположных иллюминаторах виднелось звездное небо. Недоставало только Луны. Фред в шутку предложил даже имитировать искусственную Луну, обращающуюся вокруг ракеты.

Отсутствия веса астронавты не ощущали. Астролет был оборудован новейшими гравитонными аккумуляторами, создающими искусственное тяготение, а при посадке — тормозящее гравитационное поле.

* * *

В эту «ночь» снова дежурил Савин. В кабине «Владилены» было тихо и спокойно. Автоматические приборы работали бесшумно. Ухо едва различало монотонное гудение трансформаторов да сухое потрескивание релейных линий. На центральном пульте управления весело перемигивались разноцветными огнями контрольные лампочки. От этого ласкового мигания клонило ко сну. Савин включил музыкальный возбудитель, и сонливая усталость прошла.

Вдруг он заметил мигающий красный сигнал. Опасность. Вмиг заработал обзорный локатор, автоматически отреагировал на сигнал «ЭАЦ». Савин включил все экраны и, увеличив резкость, стал быстро прощупывать пространство. Все как будто нормально. Опасности не видно. Но почему тогда сигналит «сторожевик»? В таких случаях надо будить Боброва. Он командир астролета. А может быть, не стоит? Ведь «сторожевик» может ошибаться. Такие мысли

пронеслись у Савина в голове, когда вдруг «ЭАЦ» автоматически включил сирену.

Тревога. Экипаж быстро одел «тяжелые» астрокомбинезоны. Все заняли свои места. Над астролетом нависла опасность, но опасность скрытая. Неизвестность еще больше усиливала ее. Экраны радиовизоров и электронные трубки радаров были чистыми. Кажется, все нормально, а упрямый «ЭАЦ» продолжает твердить об опасности. На заданные вопросы он ничего вразумительного не отвечает. Бобров на всякий случай включил аварийную катапульту. В это время астролет сильно вздрогнул. Раздалось несколько мощных взрывов. «Владилену» бросило вбок. Савин кинулся к несущим двигателям. В голове пронеслось: нужно включить двигатели, попытаться уйти от опасности. Раздался еще более оглушающий взрыв. Казалось, астролет раскололся пополам. Савина отбросило к стене, он ударился головой, в глазах поплыли красные круги, потом наступила тишина...

* * *

...Сотрудники Алма-Атинской обсерватории, где недавно был установлен самый большой в мире рефлектор, наблюдали новое светлое облако в созвездии Стрельца. Облако было таким плотным, что покрыло звезды до второй звездной величины и продержалось около двух часов.

Одновременно мощным радиотелескопом Пулковской обсерватории удалось зафиксировать взрыв тоже в созвездии Стрельца и в точке с теми же координатами. Координаты этой точки, определенные в экваториальной системе, совпадали с точкой орбиты «Владилены».

* * *

Десять дней прошло после катастрофы, причину которой удалось выяснить позже. Двести сорок часов назад «Владилена» попала в метеорный поток. Метеор, который настиг астролет, имел, к счастью, небольшую массу, а его скорость мало отличалась от скорости «Владилены», отчего сила удара была незначительной. Радары не могли засечь опасность, настигающую астролет сзади. От удара взорвались

несущие двигатели. Аварийная катапульта автоматически далеко отбросила переднюю часть ракеты. Силой взрыва были повреждены многие механизмы, разгерметизирована кабина. Но самым страшным было то, что электронный автоматический центр во время взрыва вышел из строя. Погибли несущие двигатели, значит, погибла надежда возврата на Землю. Теперь «Владилена» неслась в пространстве по воле инерции.

После долгих усилий удалось пустить основную обзорную радарную установку, наладить герметизацию кабины, кое-как привести в порядок жилое помещение. Наконец-то можно было снять порядком надоевшие тяжелые астрокомбинезоны, сесть к столу и «по человечьи отдохнуть», как говорил Фред.

После проверки пришлось начать также ремонт передних посадочных двигателей. С большими трудностями выбрались астронавты из астролета через аварийный люк. Теперь только можно было полностью оценить весь ужас постигшей их катастрофы. Аварийная катапульта сработала вовремя. Задержка на долю секунды оказалось бы гибельной для экипажа. Оплавившийся корпус и рваные края уцелевшей части ракеты говорили об опасности, нависшей над экипажем в момент катастрофы. К счастью, фронтальные дюзы посадочных двигателей с наружной стороны были исправными, за исключением двух-трех небольших вмятин, которые легко можно было заделать.

Эту работу поручили Савину.

Бобров сам приступил к ремонту «ЭАЦ». Фред занялся определением орбиты «Владилены» астрономическими методами. К вечеру он сообщил, что астролет пройдет вблизи Марса — ракета отклонилась от заданной орбиты.

Как посадить астролет на чужую планету, имея только тормозные двигатели? Для этого необходимо попасть в сферу притяжения планеты. Но и тогда без несущих и маневренных двигателей совершить посадку почти невозможно...

Марс все ближе и ближе. Он с каждым днем заметно увеличивает свои видимые размеры. Теперь астронавты почти не отходят от приборов. Фред совсем отбился от рук. Его почти насильно заставляют принимать пищу и даже спать. Фотографировать планету сильно

мешает атмосфера. Она легким покрывалом одела ее поверхность, скрывая от глаз подробности рельефа. Мутные облака оранжевой пыли затянули всю экваториальную часть. Зато северный полюс Марса открыт и сияет в солнечных лучах ослепительной белизной своих снеговых вершин.

Фред обнаружил в телескоп странности в поведении Деймоса. Блеск этого крошечного, более удаленного спутника планеты, периодически изменялся. При этом в миганиях Деймоса была определенная закономерность. Казалось, Деймос посылает в космос серии сигналов. Сигналы эти были слишком слабыми, их можно было обнаружить только при сильном увеличении. Однако ошибки тут быть не могло.

— Причин таких вспышек может быть две, — сказал Бобров, — Деймос имеет обломочную форму и вращается вокруг собственной оси, или он создан разумными существами.

— Первая причина отпадает, — возразил Фред, — периоды между вспышками различны и составляют группы.

— Сложная обломочная форма спутника может вызвать подобные колебания блеска, — упорствовал профессор.

— Но ведь это серии сигналов, — не унимался Фред.

— Попробуйте прощупать Деймос радаром. Дайте полную нагрузку, — приказал Бобров Савину. — Далековато, но все же...

Долго возился Савин с радарами. Поздно ночью он разбудил Боброва:

— Игорь Петрович! Локатор поймал радиосигналы Деймоса! Слушайте!

Деймос действительно посылал периодические серии радиосигналов. Точка, тире, точка, тире, точка, тире, три точки, напоминали позывные. Затем следовала целая серия коротких и длинных сигналов — что-то вроде азбуки Морзе. Через пятнадцать минут серия вновь повторялась.

— Как жаль, что не работает «ЭАЦ», — прошептал Бобров, — она помогла бы расшифровать сигналы.

Наутро опробовали посадочные двигатели. Предстояло решить самую трудную задачу — посадить астролет. При катастрофе погибли

несущие и маневренные двигатели, без которых посадка возможна только в том случае, если астролет окажется в сфере тяготения планеты. Если же этого не произойдет, «Владилена» станет вечным спутником Солнца. Но даже если это и произойдет, существовала другая опасность: при большой удаленности от планеты «Владилена» могла стать вечным спутником Марса. Во всех случаях вернуться на Землю астронавты не могли. Однако, посадив астролет, можно хотя бы надеяться на спасение. Это все же лучше, чем перспектива навеки затеряться в безбрежных просторах космоса. Значит, нужно во что бы то ни стало посадить астролет.

Бобров непрерывно уточнял параметры орбиты. Савин не отходил от радаров. Фред погрузился в вычисления. Как нужна теперь астронавтам вычислительная машина! Однако «ЭАЦ» не работает, а на ремонт нет времени. Очень важно было установить, войдет «Владилена» в сферу тяготения Марса или нет?

Наконец вычисления окончены.

Худшего быть не может: астролет пройдет вблизи границы сферы тяготения и начнет удаляться от планеты в сторону Солнца. Положение было безнадежным.

Фред Лучко был самым младшим в экипаже. Он всячески старался показать своим товарищам, что его вполне устраивает «вечное движение в Космосе». Перед сном он взволнованно говорил Савину:

— Пусть мы станем вечными странниками во Вселенной. Завоевание Космоса без жертв немыслимо. В Москве, на Садовом кольце, высится величественный памятник героям, погибшим во время первых космических полетов. Считай, что наши имена тоже будут высечены на этом граните.

Помолчав, он добавил:

— Как жаль, что не удается передать на Землю интересные и нужные сведения...

— Рано вы похоронили себя и своих товарищей, — оборвал его Бобров, — нужно думать не о смерти, а о борьбе...

Несмотря на свой возраст, в последнее время профессор работал больше всех. Начальник экспедиции, он чувствовал себя виноватым.

Ему вверены две жизни. И он должен их спасти во что бы то ни стало. Он похудел и осунулся, но внешне был спокоен.

* * *

Наконец удалось наладить основной счетный блок «ЭАЦ». За несколько минут уточнили элементы орбиты: до ближайшей точки к поверхности Марса астролет дойдет через два часа десять минут.

— К спасению путь только один, — сказал профессор Бобров, — но он связан с риском. В точке наибольшего сближения с Марсом тормозными двигателями мы уменьшаем скорость «Владилены». Изменяя орбиту движения корабля, подходим ближе к планете и, значит, попадаем в сферу тяготения Марса.

— В чем же тут риск? — спросил Фред.

— Рискуем много израсходовать горючего. Мало останется на посадку.

— Тогда нечего терять времени! — Савин вопросительно посмотрел на Фреда, тот кивнул, соглашаясь.

Савин подошел к рулям торможения. Все подготовились к тормозным перегрузкам. Заработали двигатели. Корпус астролета задрожал. Это был очень трудный маневр. Экономя горючее, нужно было создать мощный тормозной барьер. Но Савин был опытным астролетчиком... Однажды на лунном космодроме ему пришлось сажать астролет при одном работающем посадочном двигателе из двенадцати. Астролет считали погибшим, был дан приказ — включать катапульту. Он приказ не выполнил и посадил машину. Савин улыбнулся, вспомнив, как встретили его на Луне работники космодрома...

...Полтора часа работают тормозные дюзы. Астролет подходит к точке сближения, а скорость все еще большая. Через сорок минут начнется удаление от Марса. Пот застилает глава. Резко уменьшить скорость — значит почти не оставить горючего на посадку. И все равно это было единственным, что можно было предпринять. Бобров включил внутренний телефон.

— Давай, Володя, выход один! — услышал Савин его спокойный голос и включил все тормозные двигатели.

Астролет сильно тряхнуло. Серия мощных взрывов заставила «Владилену» повернуть в сторону Марса. Теперь ее коснулись щупальцы силы тяготения планеты, ускорение росло. Савин видел в передний обзорный иллюминатор, как быстро увеличивались размеры планеты.

Астролет по касательной приближался к ее поверхности. Хватит ли, остатков горючего на посадку? Это будет ясно через несколько минут

И вот наступил решающий момент.

— Идем на посадку! — в грохоте взрывов Савин не слышал своего голоса.

Астролет стал медленно облетать планету. Пылевые облака сильно замутили атмосферу и только местами, в просветах, проглядывала сухая, желтая пустыня, покрытая скудными темно-голубыми мазками марсианской растительности. Марс выглядел угасающей планетой.

Вдруг прямо по курсу показался Фобос. Астролет стремительно догонял марсианскую Луну... Столкновение казалось неизбежным. Тогда Савин включил всё посадочные двигатели, расходуя последние килограммы топлива. Клубы пламени и дыма окутали астролет. Серии мощных взрывов следовали одна за другой. «Владилена» дрожала, как в лихорадке. От резкого торможения кровь ударила в голову. Тело налилось свинцовой тяжестью, болели ушные перепонки. Красные круги поплыли перед глазами. Вдруг загорелся зеленый глазок настройки радиотелефона. В кабине отчетливо прозвучали позывные: «ти-ти-ти-та-та». Затем последовал ряд быстрых и резких слов какой-то команды. Кто-то пытался руководить посадкой.

Потом наступила тишина. Остановились двигатели. Кончилось горючее. Но Савин чувствовал, как какая-то сила медленно тормозит движение астролета. Передний иллюминатор неожиданно осветился серебристым светом. Темные и светлые полосы, возникая в центре, стали расходиться в стороны. Это были посадочные знаки. В последнее мгновение Савин заметил, как матово-серебристое поле, закрывающее передний иллюминатор, отошло в сторону и астролет врезался в темноту. Резкий удар, затем гробовая тишина, такая непривычная для астронавтов, подтверждали реальность посадки

астролета. В изнеможении Савин закрыл глаза и опустил голову. Это была поистине трудная посадка.

* * *

Долго не могли люди выбраться из астролета. При посадке заклинило выходные люки, была нарушена герметизация промежуточной камеры. Проверили и надели тяжелые, астрокомбинезоны, поясные ракетные двигатели. Наконец люк открыли. Темная, непроглядная ночь встретила астронавтов настороженно и зловеще. Вверху сияли россыпи немигающих звезд, еще больше оттеняя черноту ночи.

Игорь Петрович приказал надеть на глаза метаскопы — специальные полупроводниковые устройства, ночные очки. Они воспринимают невидимые инфракрасные лучи и дают возможность видеть при любой темноте.

Оглядевшись, Савин вскрикнул от удивления. Перед астронавтами расстилалась большая, безукоризненно ровная площадка, вдалеке виднелись какие-то сооружения непривычной для земного глаза формы. Черное небо резко оттеняло границу близкого горизонта. Идти было легко и свободно: сказывалось слабое тяготение Фобоса.

Фред сделал легкий, толчок ногами, поднялся над поверхностью и стал медленно опускаться.

— Странное дело, — пробормотал он, — какая-то чертовщина.

Бобров опустился на колени, рассматривая поверхность спутника.

— Площадка покрыта пластмассовыми плитами, — сказал он, — поэтому слегка пружинит.

— А пыльный покров? — спросил Фред.

— Однако марсиане не отличаются гостеприимством, — вместо ответа заметил Савин.

— Если они вообще существуют...

— Я принимал их сигналы при посадке, — возразил Савин Фреду.

— Команды могут подавать и автоматы, — упрямо твердил Фред.

— Смотрите! Светает! — прервал их Бобров.

Рассвет наступил быстро. И почти сразу взошло солнце. По размерам оно было несколько меньше, чем астронавты привыкли видеть

его с Земли, но его лучи были такими же яркими и так же несли с собой радость и жизнь.

«Владилена» лежала на идеально гладкой площадке просторного космодрома. С одной стороны, километрах в двух, высились ангары — неотъемлемая часть любого космодрома, с другой — целый лес высоких вышек или антенн, среди которых выделялись плоские щиты каких-то сооружений, уходящих за горизонт. Радиус обзора был небольшой из-за малых размеров Фобоса, но ввиду отсутствия атмосферы видимость была превосходной. Недалеко от астролета высилось какое-то сооружение. Астронавты взобрались на его массивный фундамент. Это была установка, напоминающая антенну радиолокатора. Квадратная металлическая сетка, каждая сторона которой имела около пяти метров в длину, медленно и бесшумно поворачивалась. Сетка была установлена наклонно к оси вращения.

— Обратите внимание на магнитные индикаторы, — нарушил молчание Бобров. — Мигание индикаторов говорит о том, что антенна периодически, импульсами посылает электромагнитные волны в окружающее пространство.

— Выходит, перед нами марсианский радиомаяк, — сказал Фред и зачем-то постучал ногой по фундаменту, словно пробуя его прочность.

— Причем, маяк работает, — указал Савин на мигающий индикатор, — эти сигналы я принимал при посадке.

Фред подошел к Боброву.

— Кто-то должен руководить работой маяка! Наконец, должны же где-то быть создатели всего, что окружает нас на Фобосе?

Бобров не ответил. Он, не отрываясь, смотрел в телескопический бинокль. С возвышения хорошо были видны строения, окружающие площадку космодрома. В том, что это был космодром, Бобров не сомневался. Вон там, справа — ангары для астролетов, а ближе, на краю посадочной площадки, имеющей круглую форму, высятся ракетные стартовые площадки. В ярких лучах солнца все искрилось и переливалось всеми цветами радуги. Казалось, люди попали в мир какой-то волшебной сказки. Поверхность Фобоса и все строения вокруг покрывала космическая пыль. Толщина покрова местами достигала восьми

сантиметров. Малейшие крупицы космической пыли, рассеивая солнечный свет, напоминали снег с его нежнейшими оттенками. От «Владилены» до маяка вели следы, которые оставили на пыльном ковре астронавты. И это все. Больше следов не было. На всем окружающем мире лежала мертвая печать. Бобров оторвался от бинокля;

— Итак, Фобос необитаем.

— Но ведь это парадокс, — возмутился Лучко, — все, что мы видим, создано руками и умом разумных существ. — Где они?

— Будем искать разгадку. Начнем хотя бы с Фобоса. За работу, друзья. Нам предстоит разгадать одну из величайших тайн космоса.

Друзья изумленно смотрели на профессора. Они никогда не видели его таким возбужденным.

* * *

Второй день люди с Земли обследовали Фобос. Второй — это по земному времени, а поместному шли уже восьмые сутки. Сутки на Фобосе длятся всего четыре часа: два часа день, два — ночь. Эта маленькая планетка повернута к Марсу всегда одной стороной, подобно земной Луне.

Савин посадил «Владилену» на стороне, противоположной Марсу. Поэтому с восходом солнца Игорь Петрович и Фред отправились на другую сторону спутника. Владимир помог Боброву и Фреду надеть специальные космические костюмы для длительных путешествий, прикрепил каждому ранец с миниатюрным ракетным двигателем, опробовал их работу. С помощью таких двигателей индивидуального пользования можно развивать скорость до ста метров в секунду. Конечно, при условии почти полного отсутствия тяготения.

Проводив товарищей, Владимир занялся ремонтом «ЭАЦ», в котором работал один только счетный блок, отрегулированный профессором после катастрофы.

Савин без всякого желания занялся проверкой выходных узлов каскадного усилителя. Все валилось из рук. Хотелось мчаться вслед за товарищами. Тут, в просторах космоса, особенно ощущаешь потребность в товарищах. Чувство одиночества приобретает необычайную остроту. В одиночестве человек может погибнуть, сойти с ума.

Размышляя таким образом, Савин увлекся работой и не заметил, как наступила ночь. Пришлось включить освещение.

Проверив усилительный каскад и заменив негодные диоды и триоды, Савин перешел к узлам питания. Где-то не было контакта. Включив развертку осциллографа, он стал прощупывать отдельные блоки, потом дал прибору питание и под током повторил все сначала. Ничего не получалось. На экране осциллографа бежала светлая дорожка, то исчезая, то появляясь. Контакт найти не удавалось. Он чувствовал, что порядком устал, хотелось есть, но азарт уже не позволял оставить работу. А что, если дать большее напряжение? Пробить током? Но тогда могут сгореть стабилизаторы. Савин подумал и решил рискнуть. Он повернул ручку потенциометра: триста, четыреста, пятьсот... И вдруг завыла сирена. Савин посмотрел на пульт управления «ЭАЦ». Разноцветные лампы-индикаторы ласково мигали. Машина работала. Она остановилась еще в момент катастрофы, и теперь продолжала сигналить об опасности, которая давно миновала.

Савин представил, как обрадуется Игорь Петрович, и на душе у него стало радостно. Он выключил «ЭАЦ», взглянул на иллюминатор.

Скоро должны придти товарищи, надо включить полный свет.

Вот светлую полосу возле астролета пересекла чья-то тень. Значит, вернулись свои. Владимир пошел к люку, ожидая условного сигнала. Но было тихо. Странно: почему они молчат?

Савин начал было открывать люк, но потом передумал и включил малый экран радиовизора. Подвел резкость. Что это? Недалеко от центрального люка «Владилены» находился темный предмет, которого раньше там не было. Савин прибавил увеличение и яркость изображения. Предмет оказался машиной замысловатой конструкции. По форме она напоминала темного паука, неподвижно застывшего у астролета. Сколько ни всматривался Савин в изображение, этой странной машины, никаких признаков движения обнаружить не мог. Попробовал включить радар, подал несколько импульсов и перешел на прием. «Гость» не подавал признаков жизни. Тогда Володя решил запастись терпением и ждать, что будет дальше. Он до боли в глазах

всматривался в экран, надеясь снова увидеть тень неведомого существа, однако никто не появлялся.

Почему-то стало клонить ко сну. Он хотел подняться, чтобы включить музыку, или хотя бы немного размяться, но тело перестало ему повиноваться, казалось чужим. Даже думать было тяжело. Савин напрягал всю свою силу воли, пытаясь заставить себя подняться, и не мог. Огромного усилия стоило ему поднять опускающиеся веки. Вдруг ему показалось, что он встал. Легко и просто встал и идет открывать входной люк. «Нужно впустить друзей», — подумал он.

Вот открыта промежуточная камера, затем наружный люк. Кто-то вошел. «Почему один? Ведь Бобров ушел с Фредом». Только в кабине он заметил, что впустил не Игоря Петровича и не Фреда, а кого-то другого. Он хотел посмотреть на этого, другого, на странного пришельца, хотел заметить хотя бы подробности астрокомбинезона, но ему стало вдруг безразлично все на свете, и он подумал, что чем-то напоминает сейчас сомнамбулу. Потом он машинально стал надевать астрокомбинезон, понимая в то же время, что делает это против своей воли.

Последнее, что он помнил, это то, как они вдвоем с неведомым существом вышли через главный люк и наружная дверца автоматически захлопнулась.

* * *

Игорь Петрович внимательно осматривал космодром с высоты двухсот метров. Только теперь он начинал представлять себе общий вид Фобоса, хотя многое было еще непонятно. Он все больше и больше убеждался в том, что Фобос создан руками разумных существ. Крошечная луна имела форму сферы с радиусом около пяти километров, ее поверхность покрыта огромными квадратными плитами из желтой пористой пластмассы. Все сооружения на поверхности сделаны из этого же вещества. Пластмассовый спутник. Но как доставили сюда, в космос, такое большое количество строительного материала? Что находится внутри сферы? Зачем вообще создана эта искусственная планета? Все эти вопросы предстояло решить.

Бобров махнул рукой Фреду, приглашая за собой. Он решил опуститься и обследовать большой комплекс каких-то строений. Перед ним возник целый город из пластмассы.

— Игорь Петрович, а ведь это какой-то завод, — сказал Фред, оглядываясь вокруг.

Они стояли на внутренней площадке огромного завода. Просторные, светлые помещения, заполненные аппаратурой, машинами и механизмами, были изготовлены, как и все тут, на Фобосе, из пластмассы, но только более тяжелой. По-видимому, это был химический завод-автомат. Бобров и Фред обследовали еще несколько заводов. Наконец на одном из них профессор нашел то, что искал.

— Видишь длинные штабеля желтых плит? — сказал он Фреду. — Эти заводы создали сначала сами себя, а потом из ничего сделали Фобос.

— Профессор, вы становитесь идеалистом, — заметил Фред, — из «ничего» невозможно что-либо создать.

— Что такое «ничто»? Этим словом мы называем пустоту, вакуум, то есть пространство без атомов и молекул. Но такая «пустота», если она имеется; всегда заполнена гравитационным полем. А гравитационное поле материально, оно состоит из гравитонов. Кроме того, межпланетная среда заполнена потоком световых квантов, фотонами. А два фотона, соединяясь, образуют новую частицу — электрон. Электрон — это уже кирпичик, из которого строятся атомы. Значит, в межпланетном пространстве есть строительные материалы для образования, атомов и молекул.

— Вы утверждаете, что Фобос создан марсианами прямо тут, в космосе, из межпланетной среды? — изумился Фред.

— Утверждать пока рано. Это мое предположение. Однако этот завод выпускал когда-то плиты, из которых построен спутник. Вот продукция завода, — указал Бобров на штабеля плит. — Откуда могло поступить сырье, если этот завод-автомат закрыт со всех сторон? Ракеты тут садиться не могли. Значит, сырье получали на месте.

Они поднялись над заводом и двинулись за уходящим на запад солнцем.

Весь Фобос покрыт такими заводами — заметил Фред.

— Они вынесли всю промышленность на спутник. Это со временем сделают и у нас. Для этого хорошо подходит Луна.

Наконец, над горизонтом выплыл громадный Марс. Астронавты уменьшили скорость. Игорь Петрович долго смотрел в телескопический бинокль, — что-то внимательно изучая.

— Астролеты! — крикнул Фред. — Стоят астролеты!

Сверкая серебристым металлом, на высоких стартовых площадках стояло два астролета. Обтекаемая форма и плоские боковые стабилизаторы создавали сходство с астролетами Земли. Это были машины, предназначенные для полетов в плотных атмосферах.

— Копия наших лунных ракет, — сделал заключение Фред Лучко.

— Законы аэродинамики всюду одинаковы, — заметил Бобров.

Они включили двигатели, взмыли вверх и осмотрели космодром сверху. Бобров долго смотрел в бинокль, потом передал его Фреду.

— Двадцать градусов правее астролетов. Видите овальный купол? Конструкция напоминает башню телескопа.

На этот раз им повезло. Профессор нашел вход, как-то умудрился забраться внутрь, и через несколько минут купол съехал вбок, обнаружив площадку с зачехленными инструментами. В центре стоял массивный телескоп-рефрактор, рядом с ним — меридианный круг, звездный глобус и другие астрономические инструменты, покрытые пыльными чехлами. Это была настоящая обсерватория. Бобров подошел к рефрактору и, удивленный, остановился.

Чехол был наброшен кое-как. На вращающемся кресле, у окуляра рефрактора, видимо, кто-то сидел. Оно было очищено от пыли. Однако на полу никаких следов не было. Солнце, осветив в последний раз озадаченных астронавтов, скрылось за горизонтом. Сразу наступила ночь.

Фред на всякий случай проверил универсальный атомный пистолет — единственное оружие, которое они имели при себе. Игорь Петрович сел в кресло и долго возился, настраивая телескоп на резкость.

— Поразительно! — сказал он наконец.

Медленно плыл по небосводу огромный диск Марса. Все вокруг было залито его желтым светом и казалось нереальным. Медленно уплывали назад резкие черные тени на поверхности Фобоса. Бобров

отошел от телескопа. Он был сильно взволнован и что-то обдумывал. Его рука то и дело незаметно тянулась к тому месту скафандра, где были усы.

Фред посмотрел в окуляр. Огромная планета заполняла собой все поле зрения телескопа. Сквозь слабую дымку атмосферы отчетливо виднелась каждая деталь поверхности. Панорама медленно перемещалась вправо. Пологие холмы, покрытые бурой растительностью, сменила обширная песчаная пустыня. Набежавший, ветер высоко поднял облака пыли, но она быстро осела вниз. Голубым пятном на желтом фоне показался небольшой лесок. Чахлые деревья с длинными темно-голубыми иглами хвои вместо листьев скорее напоминали декорации, чем лес. Голубая растительность.

Но что это? За невысоким холмом показались развалины громадного города. Мертвый город. Хорошо заметны ровные стрелы улиц, радиально расходящиеся от центра. Груды щебня, занесенного песком, — все, что осталось от огромного города. Казалось, ужасной силы ураган пронесся по поверхности планеты, все разметав на своем пути, а теперь, чтобы замести следы своих разрушений, обессилев, медленно заносит развалины песком и пылью. Потом на желтом фоне появилась какая-то крохотная черная точка. Рядом возникло еще несколько таких движущихся темных пятнышек. Руки привычно искали регулятор увеличения. Только теперь Фред заметил, что настройка увеличения происходит автоматически, стоит только подумать. Темные пятна быстро увеличивались в размерах. Вдруг он отшатнулся от окуляра. На песке двигались какие - то уродливые существа, обросшие длинной густой шерстью. Странно было смотреть, как прыгают эти волосатые зверюшки, чем-то напоминающие кенгуру. В то же время Фред чувствовал, как его охватывает радостнее волнение. Ведь Марс обитаем. Исчезло чувство одиночества. Там, на планете, есть живые существа.

— Вы видели этих обитателей Марса? — спросил он Боброва.

— Пора домой, — сказал Бобров вместо ответа, — будем вести за Марсом наблюдения.

Они включили двигатели и понеслись в сторону «Владилены». Через некоторое время показались знакомые очертания космодрома.

Профессор и Фред облегченно вздохнули. На миг показалось даже, что повеяло чем-то родным. Только теперь они почувствовали усталость.

Иллюминаторы были темными.

Бобров отыскал в темноте ручку аварийного люка, повернул ее. С трудом пробрались они внутрь астролета и зажгли полный свет. Савина нигде не было. Игорь Петрович с Фредом внимательно осмотрели все отсеки «Владилены». Никаких следов. Владимир исчез бесследно.

* * *

Савин открыл глаза и осмотрелся. Он сидел в глубоком кресле, посередине высокого светлого зала, и с наслаждением вдыхал свежий, богатый озоном воздух. В огромные окна зала сквозь золотистые портьеры проникали внутрь яркие солнечные лучи. Савин машинально повернулся в кресле и вздрогнул.

На некотором расстоянии, в кресле, под прозрачным стеклянным колпаком сидел человек. Человек был стар, очень стар. Глубокие, жесткие морщины, седые косматые брови, длинная борода. Его фигура и лицо напоминали фигуру и черты лица земного человека, но в целом создавали впечатление человека чужой, неведомой расы. Вся одежда старика состояла из черного мехового комбинезона.

Голову покрывал странный шлем со множеством отростков, переходящий затем в тонкую паутину проводов, которые подходили к высокому белому щиту на задней стене зала. Савин заметил, что старик медленно открыл глаза, как будто это представляло для него огромную трудность. Казалось, будто он смотрел доброжелательно. Савин потрогал свою голову. На ней была точная копия шлема, украшавшего голову старика.

«Кто он? И что ему от меня нужно?» — подумал Савин и вздрогнул. Старик шевельнул бровями. Савину показалось, будто какой-то внутренний голос подсказал ему:

«Я здешний хозяин и хочу знать, кто вы такие, откуда прибыли и с какой целью?» «Странно, — подумал Савин, — очень странно. Что-

то вроде передачи мысли на расстоянии» «Мы прибыли с Земли, третьей планеты от Солнца, понятно?»

Старик еле заметно кивнул.

— Нас трое, мы потерпели аварию и совершили посадку на Фобосе.

Сам того не замечая, Савин стал молча разговаривать со стариком, образно передавая ему свои мысли.

— Уже много лет я не покидаю этот дворец и только теперь, ради вас, совершил это тяжелое для меня путешествие.

— Мы вам за это признательны. Скажите, где мы находимся? — Савин старался разглядеть лицо старого марсианина.

— Я привез вас к себе на дальний спутник планеты, созданный руками моих предков, во Дворец отдыха, который скоро станет моей могилой.

Скажите, что случилось с вашей планетой, Марсом? — Савин несколько раз повторил вслух эти слова, надеясь, что марсианин услышит его.

— Я очень стар и быстро устаю. Я уже устал. Выйдите через открытую дверь, опуститесь вниз лифтом. Там стоит мой астролет. Закройте люки, сядьте в кресло и наденьте на голову шлем, подобный тому, что у вас на голове. Поговорите с друзьями. Через два солнца я

жду вас к себе. Вернетесь на моем астролете. Идите. Мне нужно отдохнуть... — марсианин устало закрыл глаза.

Через час, на борту «Владилены», Володя Савин уже рассказывал о случившемся профессору и Фреду.

* * *

Странная это была беседа. Бобров, Савин и Фред Лучко сидели за круглым столом, кушали диковинные, но совершенно свежие фрукты и пили вкусный кисло-сладкий напиток.

Рядом, за прозрачной стеной, все в той же позе сидел старый марсианин. Правда, глаза его теперь были широко открыты и ласково смотрели на посланцев Земли. Возле стола стояли два робота, — прекрасные образцы сочетания техники и кибернетики. Они безошибочно выполняли любую просьбу человека, стоило ему только подумать. Голову каждого из присутствующих украшал шлем с паутиной отходящих от него проводов.

Старый марсианин не знал языка людей с Земли, как и те не понимали его, марсианского языка. Однако есть другой способ для общения мыслящих существ — передача мысли на расстоянии. Так сказать, образная передача мысли, и старик-марсианин прекрасно владел этим искусством.

Космонавты как бы видели то, о чем хотел им поведать марсианин. Иногда его воспоминания сопровождались отдельными звуками, даже целыми фразами, порой были неясны, туманны (видимо, подводила память). Вот что он рассказал людям...

«... Когда-то меня звали Кваном. Это было очень давно, до Великой трагедии... Впрочем, об этом потом. Наша планета — Маури — имела тогда плотную, обильную кислородом атмосферу и большую плотность населения (Кван назвал какую-то цифру).

Народы, населявшие планету, жили в мире и согласии. Процветали наука и искусство. Строились прекрасные города. Там, где это было нужно, машины полностью заменили человека. Были найдены неиссякаемые источники совсем дешевой энергии. Наступила пора счастья и изобилия. Жажда к познаниям гнала наших ученых все дальше и дальше, к неизведанным тайнам природы. Полетели в

космос первые ракеты. Были созданы искусственные сателлиты Марса — первый, а потом второй, по-вашему, — Фобос и Деймос. На спутники вынесли все заводы и фабрики. Процесс производства полностью автоматизировали. На Фобосе, где мы с вами находимся, когда-то была прекрасная здравница, чудесное место для отдыха. Тут построили институт долголетия. Жители Марса стали жить очень долго. Вы и теперь увидите тут прекрасные оранжереи и питомники. Я делал все, что мог, чтобы сохранить их...»

Старик закрыл глаза и долго молчал, видимо, собираясь с мыслями.

Почему он отгородился от нас, стеклянным барьером? — тихо спросил Фред.

Наши земные бактерии и вирусы, которые мы, возможно, с собою принесли, представляют для него смертельную опасность, — ответил Бобров, покручивая усы.

Кван открыл глаза.

«Я не буду рассказывать о социальных условиях жизни на Маури, о ее историческом развитии. У меня осталась прекрасная фильмотека, откуда вы сможете узнать все, что вас интересует. Вам повезло, что вы застали меня в живых. Еще немного, и никто не узнал бы тайны страшной трагедии моей планеты. Я слишком стар и слишком устал от одиночества. Вы знаете, самое страшное — это одиночество. Я дожил до сих пор только потому, что надеялся...

Мы многое знали о вашей планете. Ваша красавица ГОА — голубая, или ГОА — двойная, давно интересовала наших ученых... У нас был один большой недостаток. Не всегда принимались необходимые меры предосторожности. В одном научно-исследовательском центре проводились опыты над созданием нового вещества. Выделяющаяся при этом энергия была колоссальной. Ученые предполагали использовать эту энергию для дальних космических перелетов. К тому времени на Фобосе были построены два космодрома — внутренний и внешний. Готовились первые космические экспедиции на ГОА и другие планеты Солнечной системы.

Именно тогда и случилось несчастье. Ученые Маури, как правило, стоявшие в то время у власти, раскололись на две враждующие

партии. Возникло, мягко говоря, нехорошее соревнование за быстрейшее обладание новой энергией. Опыты по получению нового вещества не были перенесены в космическую лабораторию. Произошел взрыв, который вызвал цепную реакцию. За несколько минут вся поверхность планеты: суша, вода и атмосфера, — были объяты всепожирающим пламенем уничтожения. Все, кто находились на Фобосе и Деймосе, бросились на помощь и погибли. Сгорело все, что могло гореть в атмосфере, исчезла цивилизация, поверхность планеты превратилась в пустыню, покрытую бурым пеплом...

Старый Кван долго молчал, закрыв глаза. Видимо, он устал от тяжелых воспоминаний. Астронавты сидели молча, пораженные рассказом Квана. Вот он опять открыл глаза, посмотрел на людей с Земли и вновь заработали запоминающие центры его мозга, воскрешая пережитое.

— Осталось в живых немного. Среди них многие страдали лучевой болезнью. Причем, спасти их мы уже не могли. Я избежал гибели только потому, что в момент катастрофы лежал в одной из больниц на Деймосе, на операционном столе...

Долго жили уцелевшие, ожидая своего конца, потеряв цель в жизни, страдая от болезней. Морально мы все были уже мертвецами. Самые дерзкие из оставшихся попытались уйти от этого кошмара. На новом космодроме Фобоса перед катастрофой готовили первую звездную экспедицию на Эрику, ближайшую к Солнцу звезду («Сириус», — подумал Бобров). Некоторые улетели с этим звездолетом, хотя он был не полностью подготовлен к такому путешествию. Долго мы, оставшиеся, поддерживали с ними связь. На подходе к Эрике связь оборвалась!

Другие последовали их примеру и улетели на легких ракетах к различным планетам солнечной системы. Первыми полетели две ракеты к вашей планете. Одна в пути потерпела аварию и вынуждена была сделать остановку на Упе. Это астероид с орбитой, проходящей вблизи Марса. У нас готовили его для звездных перелетов. С ними мы тоже потеряли связь. Вторая ракета долетела к Земле, но что-то стряслось при посадке.

— Когда это было? — прервал рассказ Квана Фред.

Кван назвал какое-то число. Все с досадой посмотрели на Фреда.

Однако тот не унимался:

— Так это был Тунгусский метеорит!

Бобров сердито глянул в его сторону.

— Нас оставалось все меньше и меньше, — продолжал свой «рассказ» Кван, наконец я оказался один... Угнетала мысль, что после меня вообще никого не останется. Вместе со мной погибнет моя тайна. Долгие годы в одиночестве я вел наблюдения за вашей планетой. И хотя сквозь ее плотную атмосферу трудно что-либо рассмотреть, я начал верить в существование там жизни. На Деймосе имеется мощная космическая станция связи. Несколько раз я пытался посылать направленные сигналы на вашу планету. Возможно, я что-либо делал не так. Но результатов не было никаких. Осталось одно — ждать своего конца. Теперь я спокоен. Вы расскажете там обо всем...

Кван опять закрыл глаза.

«Сколько ему лет?» — подумал Бобров.

— Много, очень много, — Кван говорил с закрытыми глазами. — Мне давно надоело считать годы жизни. В институте долголетия на Деймосе наши ученые могли продлить жизнь до естественного предела, а это очень много.

— Какие формы жизни остались на планете после катастрофы? — спросил Бобров.

— После катастрофы очень долго наблюдения не велись. Недавно я побывал с этой целью в обсерватории. Это посещение совпало с прибытием вашего астролета. Я находился в то время в центральной рубке управления космодромом и уменьшил, насколько мог, относительную скорость при посадке.

Астронавты с восхищением смотрели на старого марсианина, который спас им жизнь и говорил об этом так спокойно.

* * *

Другой спутник Марса, Деймос, куда отправились астронавты на одном из марсианских астролетов, был настоящим чудом Космоса.

Просторные солнечные оранжереи, где на ветках марсианских фруктовых деревьев зрели под лучами, незаходящего солнца

ароматные, вкусные плоды. Отличные плавательные бассейны с обыкновенной кристально чистой водой. Как приятно людям помыться, поплавать, отдохнуть и даже позагорать, после долгого космического полета.

Деймос был меньше Фобоса, а его форма напоминала многогранную неправильную пирамиду. Как объяснил Кван, грани пирамиды подобраны так, что при вращении они изменяли свой блеск, имитируя на космическом коде марсиан «Добро пожаловать». Эти позывные марсиан и были приняты при подходе к Марсу экипажем «Владилены».

В вершине пирамиды располагалась космическая радиостанция с мощным передатчиком. Отсюда Кван пытался связаться с Землей. Много времени потратили Савин и Фред, разбирая сложное устройство станции и проверяя ее работу. Питание радиостанция получала от огромных полупрозрачных пластин, покрывавших извне стены пирамиды, которые превращали энергию солнца в электрическую.

Когда с помощью Квана удалось постигнуть секрет работы этого замечательного творения, марсиан, космонавты попытались связаться с Землей, но безуспешно.

С трудом удалось найти причину многих неудач. Вот почему Квану не удалось связаться с Землей. В одном месте, у выхода, один из отводных фидеров станции был пробит большим метеоритом.

Однажды, во время ремонта, Игорь Петрович сообщил товарищам:

— Я, кажется, установил возраст Квана и дату взрыва на Марсе

— Как вы это сделали? — не удержался Фред.

— Я нашел звездный глобус марсиан, просмотрел снимки неба того времени и сделал простые вычисления. — Игорь Петрович покрутил левый ус.

— Когда же это произошло? — спросил Савин.

— Квану сейчас сто сорок лет по нашему земному времени, а катастрофа произошла, когда ему было сорок, то есть в 18... году.

— Это невероятно, — возразил Фред, — в то время на Земле уже велось систематическое наблюдение за Марсом. Ученые Земли должны были заметить катастрофу.

— Техника наблюдений тогда была примитивной. А катастрофу могли заметить с Земли только как кратковременное изменение блеска планеты.

— Но сигналы, которые, посылал Кван на Землю? — спросил Фред и осекся, вспомнив пробитый фидер антенны. Квану ничего больше не оставалось, как проводить оставшееся время в состоянии анабиоза. Он приходил в себя только для того, чтобы подкрепиться и снова уснуть. Наше счастье, что мы застали его бодрствующим.

* * *

После завтрака Савин и Фред опять засели у передатчика. Фред включил питание. Чуть слышно загудели динамики. Медленно поворачивалась над куполом огромная параболическая антенна диаметром более сотни метров. Савин включил передатчик и застучал ключом. Потом он откинулся в кресле и переключился на прием. Некоторое время стояла тишина. Потом в динамиках прозвучало, несколько протяжных сигналов.

— Земля? — шепотом спросил Фред.

Савин молчал. Усиленные сигналы гремели в зале. Нет, это была не Земля. Савин был опытным астронавтом и мог узнать всюду сигналы земных радиостанций. Вот все стихло. Сигналы прекратились.

— Это не Земля, — сказал он твердо.

Немедленно сообщили Боброву. Спустя некоторое время, в зал вошли Игорь Петрович и Кван, заметно повеселевший в обществе людей.

Фред упорно вращал регуляторы настройки приемника.

«Может быть, нам все это показалось? — подумал Савин. Но в это время все услышали голос, монотонно и протяжно повторяющий:

— Е ку ова, е ку ова...

Все трое разом повернулись в сторону Квана. С ним что-то происходило.

— Е ку ова! — повторил Кван радостно и подошел к передатчику.

Астронавты, ничего не понимая, во все глаза смотрели на Квана.

А он что-то долго говорил в микрофон на непонятном певучем языке, потом переключился на прием, одев усилительный шлем, чтобы лучше слышать, хотя динамики и так гудели на весь зал.

— Говорит Маура! Это — Маура! — прокричал он. — Они живы, на Маури есть жизнь! Они пока не могут добраться сюда, чтобы использовать технику Фобоса и Деймоса. Они говорят, что к ним прилетели посланцы с голубой ГОА, с вашей Земли...

— Земля! Наши! — закричал Фред.

Он подбежал к приемнику и повернул регулятор настройки, и все услышали громкий и четкий голос.

— Слушайте все! Слушайте все! Говорит Космос. Вторая космическая экспедиция на Марс проходит успешно. Проведены ценные наблюдения. С Фобоса слышим непонятные сигналы. Будут приняты все меры для поисков экипажа «Владилены».

Крики радости и восторга всех четверых заглушили звуки торжественного марша, льющиеся из репродукторов! Это были звуки Земли.

Константин Волков

МАРС ПРОБУЖДАЕТСЯ

Фантастическая повесть

ЧАСТЬ I
ЗАГАДОЧНЫЕ СИГНАЛЫ

1. Обсерватория Нбоанга-Тхе

Тишина, великая тишина стояла над миром. Морозная ночь опустилась на Землю. Высоко в небе загорелись звезды. Они вспыхивали одна за другой и становились все ярче, а мрак чернее. Над Тибетом навис огромный купол неба, усыпанный мерцающими огоньками. Зубчатые хребты гор застыли в оцепенении. От каменных громад веяло нестерпимым холодом. Но вот над горизонтом возникло бледное голубое сияние, а затем показалась Луна. Заняв место в центре серебристого круга, она медленно плыла по небосклону, заливая местность холодным бледным светом.

С маленькой площадки на заснеженном склоне стало видно далеко вокруг. На юге поднимались высокие скалистые обрывы Тангла, кое-где покрытые снегом. Внизу, в черноте долины, прятались огоньки маленького селения Тимарсанг. За глубокой впадиной у перевала Ньякамарно появилась остроконечная голова Бамхана в серебряном покрывале из ледников. Еще дальше, как бледный призрак, возникла громада массива Пунг-Бугу-Стуксум. Линию горизонта на юге закрывала едва видная во мраке каменная гряда Ньенчен-Тангла — одна из цепей Гималаев. За ней скрывалась Индия.

К северу хребты снижались и переходили в холмистую равнину — обычное для Тибета плоскогорье, расположенное на высоте 4000 метров. Дальше протекала могучая река Улан-Мурэн, или Янцзы, а еще дальше снова простирались бесконечные цепи гор.

Исключительно прозрачный горный воздух Тибета, изобилие ясных дней широкий горизонт создавали условия, на редкость благоприятные для астрономических наблюдений. Поэтому ученые Китая соорудили тут высокогорную обсерваторию Нбоанга-Тхе.

Всего пять человек жили здесь в уединении, посвятив себя самоотверженному служению науке. От ближайшего селения Тимарсанг их отделяло 25 километров горной дороги. Большую часть года ее покрывал тонкий и коварный слой снега, под которым скрывался лед. Горе неосторожному, сделавшему неверный шаг!

До другого населенного пункта — городка Хэтинсиринг — было более ста километров такого же трудного пути. Полное безлюдье и тишина окружали ученых.

Луне пришлось подняться еще выше, прежде чем она сумела разглядеть среди ночной тьмы маленькие, засыпанные снегом строения обсерватории. Их трудно было отличить от угрюмых утесов. Только еле заметный огонек в окне показывал, что здесь живут люди.

Но вот торжественное безмолвие ночи нарушил скрип открываемой двери. Высокий худощавый человек в оленьей дохе, меховой шапке с длинными, доходящими до пояса наушниками и теплых меховых унтах показался на пороге.

— Ну и холодище, — сердито пробормотал он, зябко поеживаясь и оглядываясь.

Свет Луны выхватил из темноты его продолговатое лицо с резко обозначенными скулами и слегка раскосыми глазами.

Это был Ли Сяо-ши, старший научный сотрудник обсерватории. Молодой китайский астроном и астрофизик, получивший образование в Московском государственном университете, уже третий год работал здесь. Он искренне считал, что нигде в мире нет лучших условий для наблюдений над небесными телами и углубления своих знаний, чем под ясным звездным небом Тибета.

— Чжан! — крикнул он. — Чжан, где же ты пропал?

— Иду, Ли, иду! — послышался из дома веселый голос.

— По пути посмотри на термометр.

— Пятьдесят восемь и три, — бодро сообщил Чжан Ван-фу, показываясь на пороге.

Коренастый крепыш, занимающий должность младшего научного сотрудника, постоянно веселый и жизнерадостный, легко переносящий любые трудности и неудобства, Чжан был самым подходящим товарищем для работы на высоте 5125 метров. Мастер на все руки, он взял на свое попечение материальную часть обсерватории. Не было случая, чтобы какой-либо из инструментов или приборов выбыл из строя по неисправности, пока Чжан Ван-фу находился при исполнении своих обязанностей.

— Пятьдесят восемь! — повторил Ли Сяо-ши. — Ничего себе! И в такой холод нам придется всю ночь сидеть в башне.

— Что делать! — философски заметил Чжан, плотнее запахивая доху и засовывая руки в карманы. — Конечно, не сладко. Зато нигде нет таких условий для наблюдения, а великое противостояние бывает не часто...

— Погоду передавали? — спросил Ли Сяо-ши.

— На Маунт Вильсон небо закрыто. В районе Пик Дю Миди обложные дожди. В Алма-Ате высокая облачность, барометр идет на понижение. В Сталинграде и Харькове прояснение.

— Значит, на нас ложится вся ответственность за эти сутки.

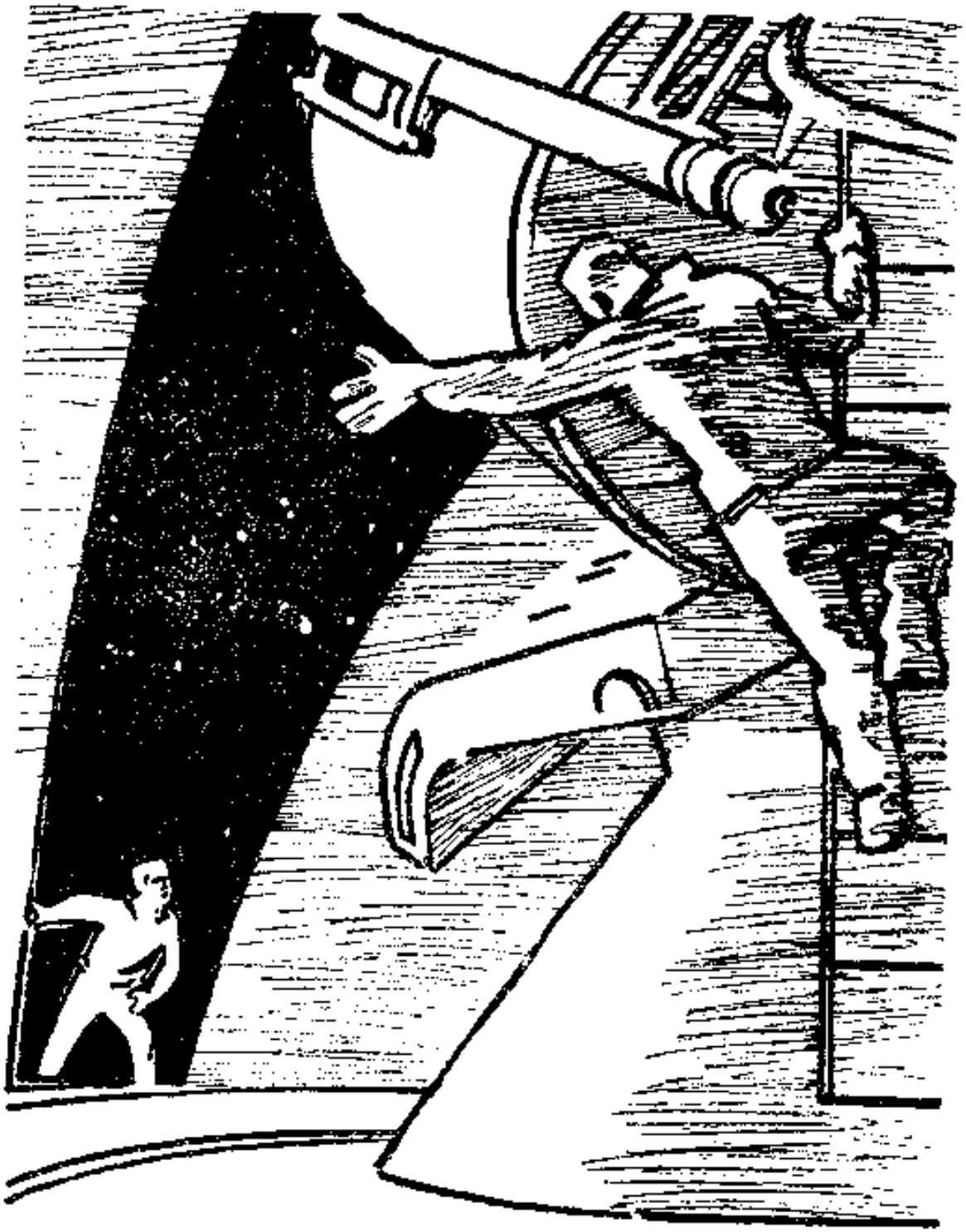
— Да, мы на переднем крае...

Разговаривая, астрономы пробирались через сугробы по узкой тропинке, ведущей к башням. Впереди, полузасыпанные снегом, виднелись причудливые силуэты трех приземистых круглых башен с металлическими куполами. Немного поодаль чернело сложное сооружение — огромная ажурная металлическая полусфера, покоящаяся на бетонном фундаменте. Она казалась как бы сотканной из стального кружева. Падавшие от нее угольно-черные тени лежали на снегу, будто нарисованные китайской тушью.

Скрип шагов по снегу далеко раздавался в тишине. У входа в башню астрономы остановились, чтобы взглянуть на небо. На южной стороне небосклона, невысоко над грядой отдаленных гор, одно из бесчисленных светил выделялось своими большими размерами и каким-то особым, красноватым блеском.

— Хорош! — восхищенно заметил Чжан Ван-фу.

— Хорош! — согласился Ли Сяо-ши и, согнувшись, вошел внутрь.

Привычной рукой он нащупал выключатель. Голубым светом под куполом вспыхнули тонкие трубки люминесцентных ламп.

Посредине просторного круглого помещения на массивном бетонном основании стоял короткий толстый телескоп. Тяжелая чугунная станина его покрылась белым налетом инея. Мороз выбелил все металлические части прибора, алюминиевые ножки и подлокотники кресла.

Ученые принялись готовиться к наблюдениям. Чжан Ван-фу взялся за рукоятку большого колеса, укрепленного на стене, и металлический купол стал медленно двигаться, пока в прорези не показалась та яркая звезда, которая только что привлекла внимание ученых.

Ли Сяо-ши расположился в кресле и занялся установкой главного инструмента — гордости обсерватории. Это был крупнейший в мире менисковый телескоп-рефлектор системы Максутова диаметром 450 сантиметров. Уступая по размерам знаменитому американскому 5-метровому рефлектору на горе Маунт Вильсон, советский инструмент значительно превосходил его по масштабу увеличения и качеству изображения.

— У тебя все готово, Чжан?

— Жду твоей команды.

— Пускай.

Послышался легкий, еле воспринимаемый ухом звук: начал работать часовой механизм. Он равномерно поворачивал купол башни и телескоп с той же угловой скоростью, с какой двигалось небесное тело, за которым велось наблюдение.

— Ступай в корпус «Б» и приготовь двойной астрограф, — распорядился Ли Сяо-ши.

Помощник удалился, а молодой ученый закрыл на некоторое время глаза — это помогало повысить остроту зрения. Затем он склонился к окуляру телескопа и принялся за работу.

Сквозь линзы прибора на совершенно черном фоне ночного зимнего неба был виден сияющий диск планеты. Неопытному взору он казался небольшим желтым, чуть золотистым кружком. Таким представляется Марс, когда видишь его первый раз.

Да! Это был именно Марс — загадочная планета, полтора столетия привлекающая к себе внимание многих людей.

Около двух месяцев назад — в августе 19... года — произошло очередное великое противостояние Марса, то есть момент, когда эта планета приблизилась к Земле на кратчайшее расстояние из всех возможных, составляющее около 56 миллионов километров. Подобное событие повторяется не чаще, чем раз в пятнадцать лет, и представляет особо большой интерес для науки. Все обсерватории мира начинают наблюдение планеты еще за несколько месяцев до противостояния и продолжают его долгое время спустя, когда Марс уже удаляется, но виден все-таки лучше, чем в другие периоды.

Главная помеха для астрономов — атмосфера Земли. Нередко небо закрывают облака. Еще чаще ученым мешает воздушная дымка, особенно густая над большими городами и вблизи от них. Даже при чистом и ясном небе наблюдениям почти постоянно мешают воздушные потоки. Они возникают у поверхности Земли, когда нагретый воздух поднимается вверх, а навстречу ему опускается холодный. Из-за этих движений атмосферных слоев изображение в линзах оптических приборов колеблется. Очертания его делаются расплывчатыми, и разобрать детали становится невозможно.

В условиях Тибета, где воздух на редкость чист и прозрачен, а атмосфера при свирепых морозах и полном безветрии остается неподвижной, Ли Сяо-ши мог вести наблюдения почти безо всяких помех, если не считать холода. Упорной, систематической тренировкой он приучил себя к долгим часам неподвижности у окуляра прибора и почти не замечал мороза. Поэтому за время последнего великого противостояния Марса китайский астроном сумел сделать много ценных наблюдений и создать коллекцию редких по качеству фотографий.

Противостояние было в августе, теперь кончался октябрь, и Марс успел удалиться почти на 70 миллионов километров от Земли, но был виден еще хорошо, поэтому молодой ученый продолжал наблюдения планеты каждую ночь.

Нужен весьма тренированный глаз, чтобы рассмотреть на крохотном диске Марса его полярные шапки; моря, пустыни и знаменитые каналы, о которых было столько споров. Неопытный глаз никогда не смог бы увидеть что-нибудь особенное на маленьком светлом диске планеты. Но глаза Ли Сяо-ши видели много.

Однако в этот раз события приняли совсем особый оборот. Едва ученый добился полной резкости изображения, как из груди его вырвался странный глухой звук, выражающий крайнюю степень изумления.

— Чжан! — воскликнул он. — Чжан! Иди скорее сюда.

Никто не отозвался: Чжан Ван-фу был в другой башне.

Ли Сяо-ши отличался спокойным, невозмутимым характером, был крайне сдержан в проявлении своих чувств и никогда не торопился ни в действиях, ни в выводах. Поэтому Чжан Ван-фу был крайне изумлен, когда его старший друг буквально ворвался в помещение, где он приводил в готовность большой двойной астрограф-прибор, предназначенный для фотографирования небесных тел.

— Чжан! — кричал астроном. — Иди скорее! Мне надо проверить самого себя. Быть может, мои глаза видят то, чего нет. Расскажи, что ты увидишь.

Они побежали к большому телескопу. Младший сотрудник занял место у окуляра, а Ли Сяо-ши остался в стороне и отвернулся.

— Ну что? — спрашивал он. — Говори!

Чжан Ван-фу не спешил с ответом. Он посмотрел в окуляр, поправил резкость и стал внимательно изучать изображение.

— Действительно необычайное явление!.. — сказал он наконец. — Никогда не видел ничего подобного...

— Но что же ты видишь?.. Что?!

— Сегодня вся планета видна особенно ярко и отчетливо. Полярные шапки хорошо заметны. Видны очертания Маре Тиррениум, в них нет ничего нового, но вот ниже...

— Пустыня Эфиопис?

— Да, это пустыня Эфиопис. Нынче она кажется бледно-розового цвета. На ней я вижу нечто странное...

— Говори же! Говори!

— Какое-то резко обозначенное пятно, необычайно правильной формы. Узкая и тонкая линия. Она кажется совершенно черной. Насколько мне известно, этого никогда, и никто не наблюдал...

— Это все? Больше ты ничего не видишь?

— Постой! Постой! Нет, не все. Если присмотреться, то эта черная линия пересекается двумя другими. Как бы крестом, но другого цвета. Я бы сказал, он красный...

— Довольно! Я видел то же самое. Пусти!

Ли Сяо-ши снова занял свое место у окуляра и продолжал, отрывисто бросая слова, как команду:

— Надо наблюдать!.. Я останусь здесь на всю ночь... Принимайся за съемку... Применяй поочередно красные, синие и зеленые светофильтры... Я тоже буду снимать...

Чжан бросился к своему инструменту.

Когда зеленый проблеск рассвета сменил черноту ночи, а утренний туман окутал вершины гор, усталые и совершенно застывшие от холода наблюдатели покинули башни.

Рассвет в горах наступает так же быстро, как и ночная тьма. Первые лучи солнца брызнули из-за острых зубцов Тангла, синевших в тумане, и загорелись оранжевым пламенем на ледниках Пунг-Бугу. Именно в это мгновение Ли Сяо-ши открыл дверь и вышел наружу, прикрывая лицо от ледяного дыхания ветра. Ученый не мог удержаться от возгласа восхищения, глядя на окрестные горы, лиловую темноту спящих долин и розовые клочья тумана, плывущего над ущельями.

Чтобы размяться и согреться, Ли Сяо-ши сначала поплясал на месте, а затем, увидев выходящего из соседней башни Чжан Ван-фу, закричал ему:

— Бежим, Чжан! Скорее!

И они взапуски побежали по тропинке туда, где из трубы жилого домика уже поднимался к небу столб дыма, обещая вкусный завтрак.

После жестокого мороза так приятно было скинуть с плеч тяжелые меховые одежды, снять унты и протянуть озябшие руки и ноги к теплой печке.

На темном, покрытом глубокими морщинами лице Су Си-не, в обязанности которого входило приготовление пищи, при виде уставших и голодных астрономов появилась широкая улыбка.

— Кушать! Кушать! Завтрак готов — приветливо произнес он высоким фальцетом.

— Постой, дружище, — ответил Ли Сяо-ши. — Сперва умоемся, потом наскоро закусим — и за работу...

— Зачем наскоро? Завтрак хороший! Пельмени приготовил. Спешить не надо. Кушать надо! — обиделся старик.

— Некогда, милый, некогда. Очень спешное дело! — пояснил Чжан и скрылся за дверями ванной комнаты.

В столовой на столе уже стояла миска с настоящими китайскими пельменями — предметом профессиональной гордости старого Су Сине — и кофейник с крепчайшим черным кофе.

— А где же Ким? — спросил Ли Сяо-ши.

— Он еще не приходил, — ответил Су, — как ушел вчера, так до сих пор и нет. Совсем заработался.

Друзья переглянулись.

— Очевидно, Ким тоже заметил что-нибудь, — произнес Чжан Ван-фу.

— Интересно! Надо все же его повидать.

— Я позвоню.

Чжан Ван-фу набрал номер внутреннего телефона.

— Я слушаю, — ответил мужской голос.

— На столе блюдо горячих пельменей. Су Си-не очень сердится: они могут остыть.

— Сейчас приду, уже кончаю!

Через несколько минут появился Ким Ван Гир — молодой корейский инженер-радист. Как и астрономы, он казался крайне утомленным, но глаза его горели веселыми огоньками.

— Ну, говори! — встретил его Ли Сяо-ши.

— На этот раз сигналы звучали совершенно отчетливо...

— Какие сигналы?

— Вот уже третью ночь наш радиотелескоп принимает непонятные сигналы. Я никак не мог определить направление, откуда они приходят, поэтому ничего не говорил вам. Провозился два дня. Только вчера удалось так перестроить приемник, чтобы он отфильтровал эти излучения от других шумов.

— Ну и что же? — Ли Сяо-ши заметно оживился.

— Оказалось, во-первых, что мы принимали волны длиной двадцать четыре целых и восемь десятых метра, несомненно, излучаемые планетой Марс. Тут нет никакой новости, разумеется. А во-вторых, мне удалось принять и выделить, так сказать, в чистом виде ультракороткие волны порядка три и семь десятых миллиметра, поступающие из той же точки пространства.

— С Марса?

— Конечно! Направление этих волн не оставляет ни малейшего сомнения. Но самое интересное не в этом. Вы представляете мое волнение, когда выяснилось, что излучение в этом диапазоне происходит неравномерно, то есть имеет явно не тепловую природу!

— Не хочешь ли ты сказать, что волны излучает искусственный передатчик?

— Теперь я в этом убежден! Сигналы в течение всего времени наблюдения подавались не постоянно, а с перерывами разной длительности. Я начал дежурство вчера в двадцать один час тридцать пять минут. Первый раз удалось принять передачу в двадцать два часа пятнадцать минут. Она продолжалась ровно три минуты и прекратилась сразу, как будто выключили генератор. В один час восемь минут сигналы возобновились. И снова передача длилась, ровно три минуты. Затем перерыв до четырех часов восемнадцати минут и снова сигналы. Последний раз они были слышны в пять часов двадцать три минуты.

Рассказ Ким Ван Гира настолько увлек ученых, что пельмени остыли. Огорченный повар потихоньку забрал миоку со стола и понес разогревать. Обычно сдержанный. Ли Сяо-ши на этот раз не мог скрыть своего волнения.

— Послушай, Ким, — говорил он, совершенно забыв про усталость, — то, что ты рассказываешь, удивительно интересно и как раз дополняет наши нынешние наблюдения. Скажи, пожалуйста, какой же характер имели эти сигналы?

— Как всегда, чередование коротких и длинных звуков. Вроде азбуки Морзе, только неизвестного значения. Я бы воспринял их как точку и три тире, снова точку и три тире. Так в течение трех минут.

— А не удалось тебе установить, с какой точки на поверхности Марса поступали эти сигналы? — вмешался Чжан Ван-фу.

— Расчеты, которые я как раз и проверял, когда вы позвали меня завтракать, показывают, что область, откуда исходят излучения, примерно соответствует пустыне Эфиопис.

— Пустыня Эфиопис! Так я и думал! — Ли Сяо-ши даже вскочил со стула и принялся ходить по комнате. — Ты понимаешь, Ким, именно в эту ночь мы обнаружили на поверхности Марса в районе Эфиопис удивительное явление. Его нельзя понять иначе как оптический сигнал, рассчитанный на наблюдение с Земли! Мы еще не можем понять, как удалось создать на поверхности планеты изображение длиной не менее тысячи километров, но самый факт не подлежит сомнению. Это открытие величайшего значения!

Трое ученых понимали друг друга с полуслова. Ли Сяо-ши не надо было развивать свою мысль дальше. Все трое знали, что в эту ночь им удалось намного приблизить ответ на загадку, столько времени занимающую умы людей: по всей видимости, на Марсе все же есть разумные существа, способные пользоваться средствами радиосвязи и предпринимать другие шаги для передачи каких-то сигналов на нашу планету. И эти существа желают привлечь к себе внимание жителей Земли — факт, который, несомненно, имел огромное научное значение, и его следовало без промедления сообщить другим ученым. Многое оставалось неясным, например трудно было понять, почему жители Марса избрали для оповещения не тот период, когда их планета находилась ближе всего к Земле, а опоздали почти на три месяца.

Когда настал вечер, за окном маленькой комнатки Ли Сяо-ши вспыхнул огонек. Чжан Ван-фу, идя в обсерваторию, видел на фоне обледеневшего окна силуэт товарища, склоненного над рабочим столом. Старый Су, ложась спать, слышал стук пишущей машинки. Ли Сяо-ши вторую ночь подряд провел без сна, зато наутро доклад о необыкновенных наблюдениях, сделанных на обсерватории Нбоанга-Тхе, был готов.

Дежурство Ким Ван Гира оказалось продуктивным и в этот раз. Ему удалось еще несколько раз заметить сигналы марсиан и даже записать их на магнитофон.

Не повезло только Чжан Ван-фу. Сутки на Марсе почти равны земным. Поэтому в поле зрения контрольной трубы его астрографа таинственная планета снова оказалась в том же самом положении. Область, обозначенная на картах Марса как пустыня Эфиопис, находилась в первые часы наблюдения в самом центре зрительного поля, то есть в самых лучших условиях видимости. Однако на ее поверхности не было видно ничего такого, что хотя бы в отдаленной степени напоминало таинственные знаки, наблюдавшиеся учеными прошедшей ночью.

Если бы не превосходные фотографии, сделанные накануне, Чжан Ван-фу мог бы поклясться, что он стал жертвой оптического обмана или галлюцинаций.

Напрасно раздосадованный ученый много раз проверял резкость изображения и чистоту стекол своего инструмента: все было в порядке, за исключением одного — сигнал исчез! Огорченный астроном утешил себя лишь тем

соображением, что и это исчезновение с научной точки зрения не менее важно и интересно.

Придя к такому выводу, Чжан Ван-фу добросовестно просидел за астрографом всю ночь и сделал серию безукоризненных с технической стороны снимков планеты.

А наутро, едва успев привести себя в порядок, он получил от своего друга и старшего товарища новое поручение: срочно доставить на почту два больших пакета.

Для связи с внешним миром обсерватория имела маленький вертолет, управлять которым умели все трое ученых, хотя чаще всего эту обязанность исполнял Чжан Ван-фу.

Чжан взял курс на север. Вскоре с левой стороны внизу показалась одетая снегом вершина горы Джона. Правее, на желтом фоне застывших от мороза степей, обрисовалась белая извилистая линия замерзшей реки Улан Мурэн. Еще дальше к востоку сверкали на солнце ледники хребта Баян Хара Ула. Близ них, как белые круглые лепешки, небрежно брошенные на желтую землю, лежали озера Джарин-Нур и Оран-Нур.

Достигнув этих заметных ориентиров, Чжан Ван-фу повернул на восток и полетел над горами Северо-Западного Китая. Через несколько часов он увидел внизу вторую великую реку Китая-Хуанхэ. К исходу дня внизу показался огромный город. Стекла его высоких зданий горели в лучах заката, как раскаленные угли, рассыпанные по долине.

Вертолет стал снижаться и скоро опустился на аэродроме Ланьчжоу. Чжан Ван-фу подошел к окошечку почты и вручил два ценных пакета. На одном из них четким почерком Ли Сяо-ши был обозначен адрес на двух языках: «СССР, Москва, Институт астронавтики Академии наук СССР. Академику Виктору Петровичу Яхонтову». На другом — узорчатая вязь китайского алфавита означала: «Пекин, Президенту Академии наук Китайской Народной Республики Вей Сяо-пину».

2. День рождения академика Яхонтова

По широкой бетонной автостраде, поблескивая на солнце синим лаком, быстро мчался автомобиль. Километрах в тридцати от Москвы он круто свернул направо. Теперь его путь пролегал по узкому шоссе, пересекавшему поросшие лесом холмы.

Зима в этот год задержалась, и, хотя на дворе стоял конец ноября, но казалось, будто осень еще не прошла. Солнце светило ярко, а небо было по-весеннему синим. Только лесные дали, открывавшиеся на короткое время, когда машина оказывалась на подъеме, были не голубыми, как весной, а темно-лиловыми.

За лесистыми холмами лежала слегка заснеженная равнина. Дорога вела к небольшой группе зданий, расположенных по стороне квадрата, обнесенного глухим забором. На каменных столбах у железных ворот виднелись черные доски: «Институт астронавтики Академии наук СССР».

Синяя машина остановилась у ворот и подала сигнал. Из кирпичной будки вышел дежурный. Раскрылись решетчатые створки.

— Здравствуйте, Виктор Петрович.

— Доброе утро, Василий Васильевич, — послышалось из машины.

Автомобиль въехал на территорию. В конце короткой аллеи стояло большое каменное здание, кругом — еще ряд строений необычной формы. Здесь были приземистые круглые башни, как бы вросшие в землю, низкие корпуса со стеклянными крышами, похожие на оранжереи, какие-то сооружения, вовсе лишенные окон, наклонные полутоннели, уходящие вниз.

Из машины вышел высокий, чуть сутулый человек в шубе и меховой шапке. Длинная, заметно поседевшая борода достигала второго ряда пуговиц на пальто. Это был директор института академик Виктор Петрович Яхонтов — ученый с мировым именем, палеонтолог и геолог, прославленный руководитель первой в мире научной экспедиции на планету Венеру, совершенной два года назад.

После серии успешных запусков многотонных советских искусственных спутников развитие астронавтики пошло быстрыми темпами. Немного времени спустя управляемые с Земли советские

космические снаряды достигли Луны и доставили туда самодвижущиеся танкетки с телевизионными передатчиками. Человек получил возможность непосредственно наблюдать, что происходит на ближайшем небесном теле. Потом советские люди, прочно занявшие ведущее место в освоении космоса, вновь удивили мир сооружением огромного постоянного искусственного спутника Земли на расстоянии шести земных радиусов от ее поверхности. Был создан необходимый опорный пункт в межпланетном пространстве, на нем постоянно находились люди.

Спутник стал своеобразным космическим вокзалом. Здесь были сосредоточены запасы ракетного горючего для больших космических кораблей, уходящих в далекие рейсы вокруг Луны. В этот период ракеты посылались часто без людей, снабженные только автоматическими приборами.

Наконец, Советская страна организовала экспедицию с высадкой людей на поверхности планеты Венеры. Именно эта экспедиция, организованная и проведенная Яхонтовым, и принесла ему мировую славу. Советский ученый и пять других участников невиданного путешествия отправились на Венеру в большой ракете, заправленной горючим на искусственном спутнике. Они сумели высадиться, прожить на Венере несколько месяцев и благополучно вернуться, правда, потеряв одного человека.

Как всегда, подтянутый, подвижный и энергичный, Виктор Петрович быстро распахнул входную дверь и оказался в вестибюле. Часы показывали без двадцати минут девять — обычное время, когда директор появлялся в своем учреждении. Он любил эти немногие минуты до начала работы. Сотрудников еще не было, никто не звонил, и можно было спокойно продумать все, что следовало сделать за предстоящий день.

Академик прошел в кабинет. Пометка на листке настольного календаря напоминала: «В 9 осмотр приборов ракеты». Виктор Петрович взглянул на циферблат стенных часов. Оставалось еще 15 минут — можно успеть просмотреть газеты.

Ровно в девять послышался мелодичный звон курантов, и в ту же секунду прозвучал звонок, означающий начало работы.

Яхонтов отложил газеты и вышел в соседнюю комнату. Его ждали.

— Пойдемте, товарищи.

Все оделись и вышли на площадку. Здесь их ждали машины. Через полчаса они прибыли на опытный ракетодром. Отсюда запускались в космические полеты модели будущих межпланетных кораблей и управляемые ракеты малых размеров.

Засунув руки в карманы шубы, академик большими шагами направился к центру поля. Он был высок и двигался быстро. Остальные едва поспевали за ним.

Вдалеке виднелась большая металлическая ракета, стоящая на трех высоких опорах, выдвинутых из ее корпуса. Вокруг суетились люди. Судя по кормовой части и цвету царапин, ракета прежде была серебристо-белой. Теперь она стала черной из-за плотного слоя окалины, особенно заметной на конической передней части. Стальные опоры, светлые с наружной стороны, были черными, как бы обгоревшими изнутри. Снизу можно было хорошо видеть дюзы — отверстия сопел реактивных двигателей, — оплавленные по краям и покрытые окислами. Все это указывало, что космический снаряд вернулся из далекого и трудного пути.

Действительно, это была автоматическая ракета, накануне вернувшаяся из полета вокруг Марса. Очередная работа Института астронавтики — запуск третьего по счету аппарата, предназначенного для исследования загадочной планеты, — была закончена. Раскаленная ракета вчера днем опустилась именно в то время и в том месте, где и когда ей следовало приземлиться. Приборы управления действовали безотказно. Космический корабль своевременно повернулся кормой вниз, в нужный момент начал действовать главный двигатель, игравший теперь роль реактивного тормоза. Реле включили механизм, выпускающий металлические ноги-шасси, скорость падения постепенно была погашена, и аппарат плавно опустился на ракетодром.

За ночь ракета остыла. Теперь настало время вскрыть ее, извлечь приборы и приступить к изучению полученных данных.

Виктор Петрович, заложив руки за спину, обошел ракету и внимательно осмотрел ее со всех сторон.

— Ну что же, начнем, — сказал он.

С помощью электрического гаечного ключа рабочие отвернули большие болты и открыли люк. Два сотрудника проникли внутрь и начали передавать приборы стоящим внизу. В ракете находились сложные и тонкие аппараты, записывавшие на ленте условия полета; приспособления для взятия проб атмосферы Марса; самозаписывающие барометры, гидрометры, термометры, радиопередатчики; приборы для определения интенсивности космического излучения; гелиометры и многие другие сложные и умные аппараты, заменяющие глаза и уши человека во время космических полетов.

Академик наблюдал за работой.

— Надеюсь, — сказал он через несколько минут, — мы на этот раз получим бесспорные доказательства жизни на Марсе. Положим конец всем спорам...

— Вы все еще ожидаете привета от марсиан? — иронически заметил худой высокий человек с маленькой козлиной бородкой и в пенсне, стоящий рядом. — Напрасно, Виктор Петрович! Это могут быть лишь доказательства ad hominem, то есть идущие от чувств человека. Наука не в состоянии доказать то, чего нет!

Сергей Васильевич Паршин, профессор, доктор технических наук, изучал области применения ядерной энергетики в астронавтике. Он был глубоко уверен, что яз всех планет солнечной системы жизнь разумных существ возможна только на Земле.

— Да, уважаемый Сергей Васильевич, — задорно ответил Яхонтов, резко повернув голову, отчего борода его на мгновение метнулась вверх и как бы устремилась навстречу противнику. — Я жду привета от марсиан. И здесь нет ничего невозможного. В этот раз ракета должна была пройти всего в тысяче пятистах километрах от поверхности Марса. Уверен, что теперь мы узнаем много интересного!

Машины вернулись в институт. Пока директор был на ракетодроме принесли почту, в приемной ждали вызванные сотрудники.

Советские ученые уже основательно взялись за освоение космоса. Несколько отрядов смельчаков высадились на лунной поверхности. После возвращения с Венеры первой экспедиции на эту планету также были доставлены новые группы ученых, продолжавших ранее

начатые исследования. Огромная работа по планомерному изучению соседних миров проводилась и направлялась Институтом астронавтики. Ежедневно перед его директором возникало множество разнообразных вопросов, требующих быстрого и правильного решения.

— Прошу, Мария Павловна, — сказал Виктор Петрович молодой женщине в очках, сидевшей на диване в ожидании его прихода.

Мария Павловна вошла следом и, как было заведено, не ожидая приглашения, уселась за маленьким столиком перед рабочим столом академика, положив перед собой толстый блокнот.

— Я слушаю, — мягко сказал Яхонтов.

— Пятая лунная экспедиция радировала: они находятся на южных склонах кратера Магинус. Установлено, что скалы покрыты лишайником светло-зеленого и голубого цвета, который развивается во время лунного дня, но буреет и гибнет к вечеру. Тем самым выяснена причина появления зеленоватых пятен, которые оказались на последних цветных фотоснимках.

— Что у них дальше по программе?

— Изучение этого же вопроса в юго-западной части моря Ясности. Вероятно, окажется то же самое, но нужно проверить. Потом они перебазируются в кратер Аристарха.

— Как с обеспечением экспедиции?

— Кислорода и продовольствия достаточно. Через некоторое время надо будет послать горючее для возвращения на Землю.

— Проверить отправку с нашей базы на озере Балхаш. У вас все на сегодня?

— Да, Виктор Петрович.

— Превосходно, зовите Петра Сергеевича.

Место за столиком занял худощавый молодой человек в сером костюме.

— Какие вести с Венеры? — осведомился Яхонтов.

— Группа геологов, которая находится в районе хребта имени Ленина, обнаружила огромные месторождения металлов. Найдены образцы неизвестного на Земле минерала с богатым содержанием плутония.

— Да? Мы были на Венере в этом же самом районе, но тогда у нас не было времени. Товарищи не жалуются на условия работы?

— Особых претензий пока нет.

— Чем занимаются другие группы?

— Океанографическая экспедиция обнаружила глубины более пяти тысяч метров.

— Где именно?

— В центральных областях моря Опарина. Нашли еще неизвестных науке глубоководных моллюсков. Больше никаких сообщений не поступало.

— Проверьте сегодня, что делается на базе Иссык-Куль. Надо ускорить подготовку автомата для полета вокруг Меркурия. Вчера, в конце дня, меня вызывали по этому вопросу.

— Хорошо.

Оставшись один. Яхонтов взглянул на листок календаря. В числе других записей там стояла небольшая, но весьма выразительная пометка: «День рождения. Быть дома к 20 часам».

Виктор Петрович задумчиво поглядел на календарь, погладил бороду, что служило признаком озабоченности, потом его взгляд упал на папку с текущей почтой, и он снова погрузился в работу.

Толстый пакет, полученный из Китая, привлек его внимание. Более получаса ученый внимательно читал пояснительную записку, подчеркивая самые важные места, затем разложил перед собой фотографии и принялся тщательно рассматривать их через лупу. Часы мелодично пробили два. Яхонтов позвонил, вошла секретарша.

— Пожалуйста, Анна Степановна, пригласите Сергея Васильевича.

Ожидая его прихода, Виктор Петрович просмотрел еще несколько писем. В дверях появился профессор Паршин.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Яхонтов.

— Для вас, Виктор Петрович, ничего утешительного. Полет удачен. Ракета прошла строго по маршруту, облетела Марс на средней высоте тысяча шестьсот пятьдесят километров и доставила пробы марсианской атмосферы. Как мы и думали, она совершенно непригодна для дыхания и вообще для существования живого мира. Судите сами: кислорода менее одной сотой, против его содержания в атмосфере Земли, водяных паров не обнаружено.

— На таком расстоянии от поверхности и в нашей атмосфере крайне мало кислорода. А ведь масса Земли почти в десять раз больше, значит, плотность газообразной оболочки на равных высотах у нас много выше. Не так ли?

— Допустим! Но разреженная воздушная оболочка не способна поглотить мощное космическое излучение. Следовательно, все живое на поверхности планеты давным-давно должно погибнуть. Основная составляющая марсианской атмосферы — азот, у которого само

название говорит об отсутствии жизни. Все это мы обсуждали уже десятки раз.

Яхонтов посмотрел на собеседника поверх очков и улыбнулся.

— Вы, Сергей Васильевич, подходите к вопросам естествознания с позиций, так оказать, филологических.

Оба ученых в личной жизни были друзьями, но нередко расходились во мнениях и беспощадно спорили, не жалея острых слов и язвительных намеков. В данном случае удар попал в цель. Профессор Паршин, будучи представителем самых точных физико-математических наук, в то же время очень интересовался филологией. Его маленькой слабостью был латинский язык. Ученый-физик очень любил ввернуть в разговорную речь звучную латинскую фразу. На этот раз он понял, что увлекся и стал на шаткий путь.

— Не придирайтесь к словам, Виктор Петрович, — поспешил он поправить положение. — Мысль, по существу, правильная. А вообще нам рано вести полемику: когда закончим анализ полученных записей, вернемся к нашему разговору.

— Пусть будет так, а пока прочтите это письмо.

Сергей Васильевич поправил пенсне и принялся за чтение. Виктор Петрович спокойно наблюдал за ним, пряча лукавую улыбку в длинной бороде.

Дойдя до конца и проглядев снимки, Паршин нервным движением руки сбросил пенсне, снова надел, вынул из кармана платок и вытер лысину.

— Что вы на это скажете? — бесстрастно спросил Яхонтов.

— Это шутка или галлюцинация. Бывает при длительных наблюдениях... Письмо составлено, как говорится, currente calamo — беглым пером...

— Снимки говорят сами за себя. Что касается глубины знаний у автора и качества наблюдений, то Ли Сяо-ши весьма вдумчивый, требовательный к себе молодой ученый. И я прошу иметь в виду эти материалы, когда будете формулировать свои выводы.

— Вы передадите мне это письмо?

— Пока не могу: надо известить все наши обсерватории.

Стрелка часов, висевших в столовой квартиры Яхонтовых, приближалась к девяти. Гости съезжались. Собралось человек восемь, но еще раздавались звонки. Из магазина принесли огромный торт с цифрой «56» — подарок от студентов астрономического отделения, в котором Виктор Петрович вел курс основ астронавтики. Кто-то принес мраморный бюст Менделеева. Ольга Александровна — жена Яхонтова — приветливо встречала гостей, но с каждой минутой выражение ее лица становилось все более озабоченным. Виновник торжества явно опаздывал. Приглашенные пока что рассаживались в кабинете и занимали друг Друга, хозяйка дома по мере сил поддерживала разговор, но каждый новый звонок отвлекал ее в прихожую.

Без десяти минут девять приехали Одинцовы. Владимир Иванович Одинцов — широкоплечий, лет тридцати, среднего роста, с темно-русыми волосами и зелеными глазами — был человеком новой профессии — пилотом космических кораблей. Крепкая дружба с академиком Яхонтовым сложилась у него еще в те годы, когда он вел тяжелую ракету в первый рейс на Венеру.

Его жена — Наталья Васильевна Одинцова — тоже была незаурядным человеком. Всего двадцати девяти лет, она находилась сейчас в самом расцвете сил. Невысокая, стройная, она невольно приковывала к себе внимание. Темное от загара лицо особенно украшали глаза. Большие, как будто голубые, а может быть и серые, они всегда хранили задумчивое, сосредоточенное выражение, даже когда Наталья Васильевна смеялась. Длинные темные волосы она расчесывала на прямой пробор и укладывала в тяжелый пучок на затылке. Удлиненный овал лица и чуточку вздернутый нос были далеки от классических канонов женской красоты, но делали ее очень милой.

Говорят, что лица людей, много видевших в своей жизни, носят неуловимые следы пережитого. И действительно, всегда можно угадать, например, человека, побывавшего в дальних странах. Дело тут в той глубине мысли, которая создается обилием новых впечатлений и кладет неизгладимую печать на выражение глаз.

Геолог-разведчик, Наталья Васильевна Одинцова много путешествовала. Она видела не только Землю. Вместе с Яхонтовым и своим мужем она участвовала в полете на Венеру. Ее глаза видели

безграничные просторы Вселенной, пурпурные океаны, желтые небеса и грозные вулканы далекой планеты.

Одинцовы принадлежали к числу самых близких друзей семьи Яхонтовых. Они принесли к подарок довольно большой сверток, но не раскрывали его до появления Виктора Петровича.

Наконец раздался долгожданный звонок, и в дверях появился Яхонтов. Поднялась веселая суматоха.

— Наташа, как я рад вас видеть! — воскликнул Виктор Петрович. — Успели вернуться? Из каких краев?

— Из Читинской области, — улыбаясь, отвечала Одинцова.

— То-то такой загар, не иначе как в степях Забайкалья!

— Не совсем. Больше бродили по сопкам.

— Удачно?

— Как будто не бесполезно, нашли богатые месторождения минералов в районе Хуретуй, в верховьях Витима.

— В Молоковке были?

— Как же!

— Ну, молодцы. — Яхонтов повернулся к другим гостям.

— Примите, Виктор Петрович, наш скромный дар, — задержала его Наталья Васильевна. — На память от нас обоих.

В загадочном свертке оказалась исполненная из алюминия модель космической ракеты, той самой, которая доставила их экспедицию на Венеру. Изящная серебристая модель вызвала общее восхищение и переходила из рук в руки.

— Frimeo danaos et dona ferentes, — прозвучал сзади тенорок Паршина. — Истинно говорю: бойся данайцев и дары приносящих.

— А что? — задорно спросил Виктор Петрович.

— Ох, не к добру! Утянут вас, дорогой, в межпланетные просторы. Ей-богу, утянут! Чувствую!

— Да? По первому зову полечу! Куда угодно! — весело ответил Яхонтов.

Когда ужин подошел к концу и был объявлен перерыв, чтобы приготовить чай, Виктор Петрович выбрал удачный момент и ловко подмигнул Владимиру Ивановичу, указав глазами в сторону кабинета.

Тот понял, но вопросительно поднял кверху один палец, как бы спрашивая, один ли он нужен. Яхонтов показал два пальца.

Разумеется, Ольга Александровна обнаружила эти нехитрые маневры и бросила на супруга грозный взгляд, но он сделал вид, что не понял, и трое заговорщиков скрылись за дверями кабинета.

Тяжело вздохнув, Ольга Александровна продолжала хлопоты по хозяйству. Минут через десять, когда собрали чай, Виктор Петрович и супруги Одинцовы как ни в чем не бывало присоединились к остальным гостям, но в выражении их глаз на этот раз было что-то особенное.

Когда гости разошлись, Ольга Александровна неслышно вошла в кабинет мужа. Ученый держал в руках серебристую модель космического корабля и внимательно ее рассматривал.

— Опять? — негромко спросила Ольга Александровна.

Виктор Петрович оглянулся. Его глаза, казалось, излучали потоки энергии.

— Еще раз пересечь черную бездну пространства, высадиться на таинственной планете, быть может населенной разумными существами. Ты должна понять: я не могу отказаться от этого!

Ольга Александровна постояла немного, потом молча подошла к дивану и села, бессильно опустив голову. Виктор Петрович поглядел на нее растерянно, затем встал и подошел к ней.

— Оленька, — ласково произнес он. — Оленька!

Ольга Александровна не отвечала и не подняла головы. Виктор Петрович нежно взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. На него глядели измученные внезапно налетевшей тоской, полные слез, большие и выразительные глаза уже немолодой женщины, хорошей и близкой.

Плавным движением красивых рук Ольга Александровна привлекла к себе седую голову мужа и нежно поцеловала его высокий лоб.

— Неугомонный ты мой, — сказала она совсем тихо.

3. Большие споры о смелом плане

На экстренное совещание у президента Академии наук СССР Виталия Семеновича Логинова были приглашены немногие. Кроме академика Яхонтова и его ближайшего помощника профессора Паршина, пригласили известного астрофизика академика Николая Михайловича Никольского и члена-корреспондента Академии наук биолога Василия Дмитриевича Ромодановского.

Большинство ученых — людей, занятых серьезными исследованиями, — очень не любят всякого рода заседания и совещания. И если совещания, заранее предусмотренные, представляются им каким-то неизбежным злом, то внеочередные заседания вызывают у многих из них приступы острого раздражения. Извольте, мол, ни с того ни с сего нарушать намеченный на сегодня порядок, бросать начатое дело и куда-то ехать.

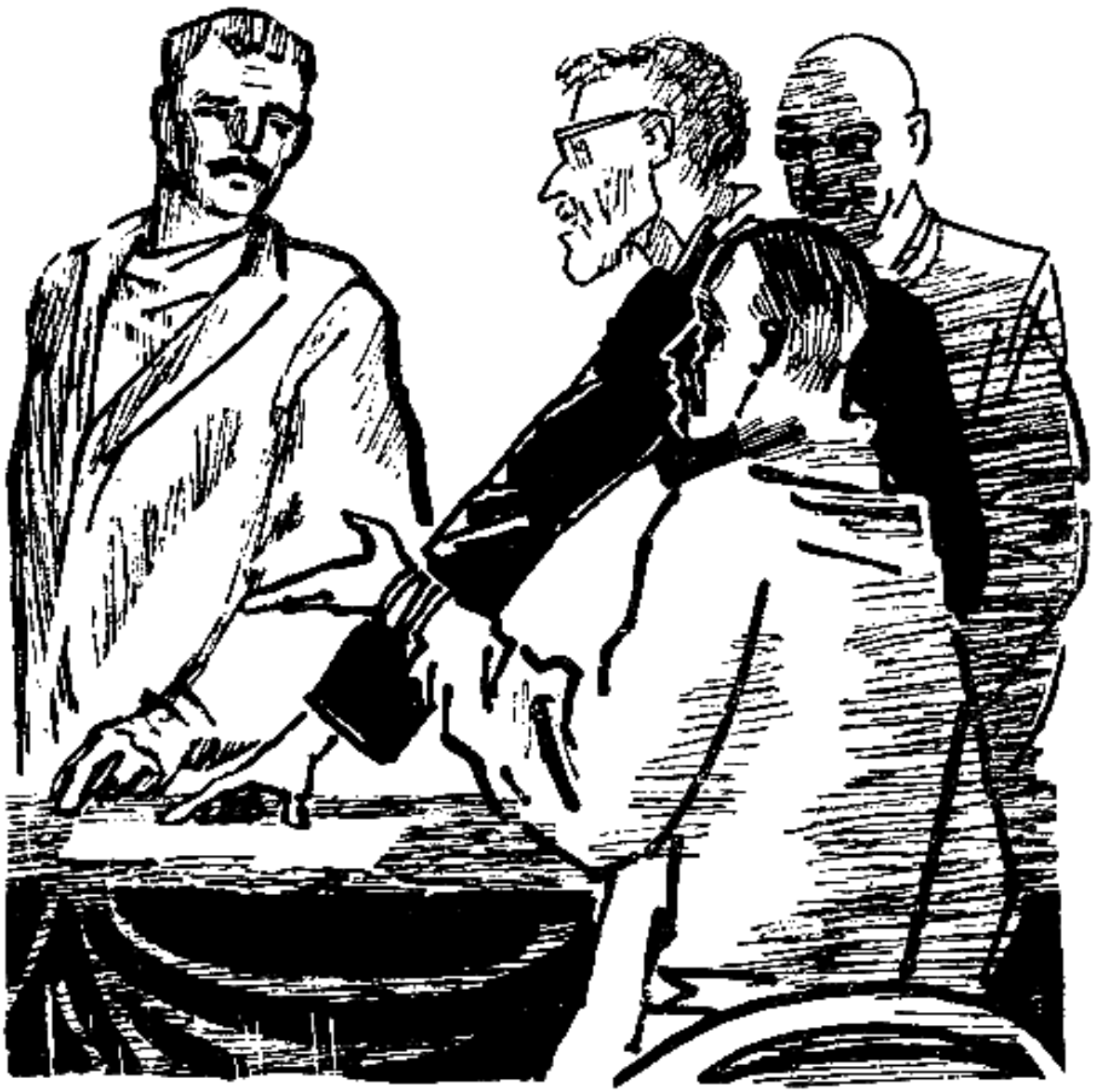
Именно так рассуждали Никольский и Ромодановский, получив приглашение президента. Им очень не хотелось ехать, но положение обязывает, и за пять минут до назначенного времени оба ученых уже сидели в приемной Логинова. Здесь они встретили Яхонтова и Паршина.

— Здравствуйте, здравствуйте, — поздоровался Никольский. — На людях, говорят,

и смерть красна! Я вижу, не только нас отрывают от дела. Вы тоже не избежали этой печальной участи.

— У меня немножко другая роль, — улыбнулся Виктор Петрович. — Я нынче не потерпевший, а, скорее, виновник ваших огорчений.

— Да? — изумился Никольский. — Если так, то мы, безусловно, враги. Во всяком случае, сегодня. В чем же дело?

— Видите ли, Николай Михайлович, нам удалось получить очень любопытные материалы. Я рассказал вчера Виталию Семеновичу. Он решил посоветоваться с вами, дело не терпит отлагательства.

— Ну, если так, я не возражаю. Был бы толк! Где будем заседать? В малом зале?

— Нет, что вы! Приглашено всего несколько человек. Очевидно, в кабинете Виталия Семеновича.

— Тем лучше.

Дверь кабинета раскрылась, и Логинов, поздоровавшись со всеми, пригласил их войти.

— Получено сообщение, представляющее большой научный интерес, — сказал он. — Речь идет о странных явлениях на поверхности Марса, обнаруженных китайской обсерваторией в Тибете. Возможно, эти наблюдения представляют собой открытие огромного, принципиального значения. Суть дела объяснит Виктор Петрович.

Яхонтов поднялся.

— Я получил письмо от своего бывшего ученика, молодого китайского астронома, работающего на обсерватории Нбоанга-Тхе. Имя этого товарища — Ли Сяо-ши. Он ведет наблюдения за Марсом в прекрасных условиях: обсерватория расположена в высокогорном Тибете, на пять тысяч метров выше уровня моря, в местности, где идеально чистая и спокойная атмосфера и постоянно ясное небо. В ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое октября ему удалось обнаружить на Марсе, в районе пустыни Эфиопис, странное изображение, по мнению наблюдателей, несомненно, искусственного происхождения...

— Бредни! — бросил Никольский.

— Неизвестно, — возразил Яхонтов. — Во всяком случае, изображение весьма отчетливо и повторяется на всех снимках, сделанных в ту ночь. Прошу ознакомиться с ними. — Он положил на стол пачку больших цветных фотографий. — Обращает внимание своеобразный характер изображения, — продолжал Виктор Петрович. — Посмотрите на эту часть снимка при крупном увеличении. Перед нами строго симметричная кривая, что трудно объяснить случайностью. Это, бесспорно, синусоида.

— Не хотите ли вы сказать, что кто-то нарисовал эту кривую на поверхности Марса? — иронически заметил Никольский.

— Я не утверждаю, что она нарисована, — ответил Яхонтов. — Но, несомненно, она была каким-то образом создана.

— Привет с Марса! — бросил Ромодановский, высокий, худой и раздражительный мужчина. — Сошлись как-то марсиане и думают: что бы такое сообразить поинтереснее? Ну и решили: давай синусоиду нарисуем...

— Ваше замечание не устраняет факта, — отпарировал Яхонтов. — Кстати, я еще ничего не оказал о том, кто и как создал изображение. Я просто показал, что оно есть. Таковы факты, притом документально подтвержденные. Можно, конечно, смеяться, но нельзя их отрицать...

— Товарищи, — вмешался Логинов. — Дайте же возможность закончить сообщение.

— Еще интереснее другая деталь, — спокойно продолжал Виктор Петрович. — На снимках ясно видно, что изображение синусоиды перекрыто косым крестом, также правильной формы. Если и это случайность, то весьма редкая. Невольно приходит в голову мысль, что это как раз не случайность, что здесь скрывается определенная система. Разумеется, нам еще неизвестен смысл явления. Можно лишь строить некоторые предположения.

— Любопытно узнать, какие? — снова подал голос Ромодановский.

— Я считаю, что это допускает только одно разумное толкование: перед нами сигнал, поданный разумными существами, обитающими на Марсе, — заявил Яхонтов. — Подобное предположение, конечно, вызовет возражения со стороны ученых, в принципе отрицающих возможность существования высокоорганизованной жизни на этой планете. Реплики Василия Дмитриевича предельно ясно выражают его отношение к существу вопроса. Я уважаю научный авторитет товарища Ромодановского, мы и собрались тут для обмена взглядами. Каждое мнение одинаково ценно, но я не могу с Василием Дмитриевичем согласиться.

— Разъясните, — вставил Никольский.

— Синусоида — математическая кривая. Передавая чертеж, марсиане, на мой взгляд, хотели дать понять, что им известна высшая математика, и тем самым характеризовать уровень своей культуры.

— Логично, — согласился Логинов. — Ну, а чем же вы объясняете крест?

— Если вспомнить пути развития культуры на Земле, этапы, которые прошло человеческое сознание, прежде чем достигнуть современного уровня, то можно заметить, что зачеркивание рисунка, письма, вообще любого изображения у всех племен и народов служило универсальным знаком отрицания. Ребенок черкает крест-накрест не нравящийся или ненужный ему рисунок. Взрослый человек, не вдумываясь в смысл своих действий, также зачеркивает плохо написанную страницу, неудачный рисунок или чертеж, неправильные вычисления...

— И вы думаете... — начал Ромодановский.

— Да, я думаю, — голос Яхонтова зазвучал жестко, — знак креста следует понимать как извещение, что высокая культура Марса погибает! Лаконичное изображение выражает весьма глубокую мысль. Марсиане хотят, чтобы жители Земли поняли, были осведомлены о некоей угрозе, нависшей над их цивилизацией.

— Поэтично, но неубедительно, — сказал Ромодановский.

— Имеются еще факты в пользу моих предположений, — продолжал Яхонтов. — В течение той же ночи, когда произведены снимки, а также двух предыдущих и двух последующих ночей, то есть в период с двадцать пятого по двадцать девятое октября, радиотелескопы обсерватории Нбоанга-Тхе и ряда других обсерваторий принимали звуковые сигналы, бесспорно посланные с Марса. Слышно было плохо, зачастую неясно, в ряде случаев сигналы не могли отделить от посторонних шумов. Товарищ Ким Ван Гир, научный сотрудник обсерватории Нбоанга-Тхе, сумел добиться лучших результатов. Радиограмма передавалась на волне три целых и семь десятых миллиметра.

— Каков же характер этих сигналов? — спросил Никольский.

— Короткий звук, перерыв, три долгих звука. Так повторялось несколько раз. Ровно по три минуты. Затем долгий перерыв. Несколько часов. И снова упорная, периодически повторяющаяся передача.

— У вас, конечно, есть поэтическое объяснение и этого явления? — не удержался Ромодановский.

— Да, у меня сложилось мнение и по данному вопросу. Дело в том, что язык музыки до известной степени универсален. Музыкальная фраза не имеет слов, твердо соответствующих тем или иным конкретным понятиям. Нельзя на языке музыки изложить химическую формулу или описать чертеж. Вряд ли возможно изложить на нем и содержание лекций уважаемого Василия Дмитриевича, — кивнул он в сторону Ромодановского, — хотя их глубина и содержательность общеизвестны. Но передать определенные эмоции, настроения, переживания вполне возможно. Барабанный бой заставляет двигаться в одном ритме солдат, говорящих на разных языках и не понимающих друг друга. Лирические мелодии Чайковского в равной степени доступны всем людям, неспособным объясняться между собой на одном языке. И я считаю, что понять смысл радиосигналов с Марса можно не путем логических умозаключений — ведь азбука различна, — а исключительно эмоционально. У меня, например, монотонное повторение короткого и резкого звука, а затем трех долгих и печальных вызывает ассоциации какого-то нервного напряжения. Чувство тревоги! Мне слышится мольба! Просьба! На ум приходят и наши общеизвестные сигналы бедствия. Короче, объединяя мое толкование графического изображения и звукового сигнала, я считаю, что обитатели Марса просят о помощи! Они передают сигнал бедствия!

— Своего рода космический SOS! — уточнил Ромодановский, саркастически усмехаясь.

— Разве это невозможно?

— Очень поэтично, но для меня, повторяю, вовсе не убедительно. И я просто не понимаю, зачем мы здесь? Чего хочет от нас Виктор Петрович? Он имеет свой взгляд на вещи, ну и хорошо. При чем здесь мы?

— Я должен объяснить, — вмешался Логинов. — Если принять точку зрения Виктора Петровича и допустить, что на Марсе есть разумные существа, которые подали сигнал бедствия, то нельзя оставаться равнодушным. Возникает вопрос о помощи. Позиция Виктора Петровича влечет за собой целый ряд последствий.

— Академик Яхонтов занимает пост директора Института астронавтики, — сказал Никольский. — Он с космосом на дружеской ноге. Ему и карты в руки! Пускай Виктор Петрович сам разбирается в вопросе. Ежели надо, пускай летит на Марс. Кто же ему перечит?

— Все это совсем не так просто, — возразил Яхонтов. Речь идет о необходимости серьезных мероприятий, которые Институт астронавтики не может осуществить самостоятельно. Вопрос о полете на Марс стоит перед нами уже давно, но это весьма сложное дело. До сих пор мы посылали туда самоуправляющиеся ракеты малого тоннажа, без посадки. Сейчас настало время организовать большую экспедицию с участием людей.

Ученые выслушали сообщение академика весьма сдержанно.

— Скажите, Виктор Петрович, — спросил Никольский, — если я правильно понял, то изображение исчезло уже на вторую ночь? Оно существовало только сутки?

— Да.

— И никакая другая обсерватория, кроме Тибетской, не видела этого знака?

— В эту ночь визуальные наблюдения ни в Америке, ни в Испании, ни в Италии не были возможны. Наши, советские обсерватории также не видели Марса. Только идеальные условия Нбоанга-Тхе дали возможность получить снимки.

— Редкое стечение обстоятельств, — усмехнулся Ромодановский.

— Но многие слышали звуковые сигналы, — поправил Логинов.

— На мои запросы прислали подтверждения пятнадцать обсерваторий, из них восемь — зарубежных, — пояснил Виктор Петрович. — По-видимому, сигналы приняли везде, где велись наблюдения посредством радиотелескопов, но слышали их неясно. Тем более, что внимание к Марсу несколько ослабло. Противостояние давно закончилось.

— Вот здесь-то и непонятно, — встрепенулся Ромодановский. — Если предположения Виктора Петровича не фантазия, то почему его высокоразумные корреспонденты на Марсе упустили такой благоприятный момент, как великое противостояние, и спохватились спустя несколько месяцев? Нам предлагают признать эти сигналы

призывом о помощи, — продолжал он. — Допустим! Но что же могло случиться на Марсе?

— Об этом можно лишь догадываться. Известно, что Марсу не хватает воды, кислорода. По-видимому, недостает энергетических ресурсов. Возможна космическая трагедия. Да мало ли что могло там произойти!

— Сплошной туман! — сказал Никольский. — Перед нами выдвинули великое множество совершенно беспочвенных догадок.

— Я не совсем с вами согласен, — вмешался Логинов. — Существо вопроса достаточно ясно. На Марсе обнаружены интересные, еще не понятые явления. Внесено предложение изучить причину открывшихся фактов, для чего снарядить солидную экспедицию на Марс в ближайшее подходящее время. Каково отношение присутствующих к этому предложению? Прошу высказываться.

— Я отдаю должное глубоким знаниям, опыту, инициативе, личной смелости Виктора Петровича, — первым начал Ромодановский. — Бесспорно, все эти явления очень интересны. Их следует внимательно изучить, собрать с помощью управляемых ракет дополнительные материалы и подвергнуть тщательному анализу. Пока что принимать какие-то далеко идущие решения рано. Впечатлительная натура, пылкое сердце и поэтическая фантазия академика Яхонтова общеизвестны. Недостаток положительных данных он всегда восполняет своим вдохновенным воображением. Это, конечно, весьма ценное свойство... Однако необходимо рассуждать более здраво. Судите сами! На основании одного-единственного факта, к тому же неповторимого, ныне уже прекратившего свое бытие, Виктор Петрович воссоздал целый мир. Он дал нам яркую картину погибающей цивилизации, взывающей о помощи. Все это звучит необычайно увлекательно и интересно для беседы между друзьями. Но мы здесь трезвые люди. Сознаюсь, я пока не убежден доводами Виктора Петровича. Мне просто неясна цель его предложений. Непонятно, зачем нам так необходима экспедиция на Марс. Это не простое дело, не поездка за город в выходной день, а крайне сложное и дорогостоящее предприятие. По-моему, предложение Виктора Петровича преждевременно.

— Позвольте, — вмешался Паршин, — а разве одно лишь научное значение высадки группы ученых на Марсе не оправдает любые затраты?

— Бесспорно, но если можно получить необходимые данные гораздо более просто, скажем, посылая ракеты без людей, то не лучше ли идти таким путем и постепенно накоплять опыт?

Наступила пауза. Яхонтов молча поглядывал на оппонентов, как бы желая узнать сразу все их возражения.

Наконец заговорил Никольский:

— Я вынужден согласиться с Василием Дмитриевичем. Идея срочной экспедиции на Марс возникла на базе далеко не бесспорных предположений, расцвеченных яркой фантазией Виктора Петровича. К нам поступила просьба о помощи. Смелая мысль. Но малоубедительная! Самая дата обнаруженного явления исключает предположение о сигнале. Согласитесь, что начертить гигантскую синусоиду могли только разумные создания, для которых, наверное, понятно, что Марс всего ближе к Земле именно в период великого противостояния. А они подали свой, с позволения сказать, сигнал не раньше этого срока, чтобы успеть получить ответ, а много позже. Не так ли? Мне кажется, проще предположить случайное скопление пятен, например пылевых облаков в атмосфере Марса, которые с учетом перспективных сокращений сложились в правильную фигуру. Быть может, растительность Марса под влиянием каких-либо причин, например вирусной болезни, быстро изменила свою окраску, и мы наблюдаем пораженные зоны... Да мало ли какое объяснение можно привести, причем не менее убедительное, чем доводы Виктора Петровича. Изучать вопрос, конечно, нужно, но лететь сломя голову незачем.

— Я тоже все время отрицал всякую возможность существования разумных созданий на Марсе, — заметил Паршин, — но снимки и записка Ли Сяо-ши меня убедили. Не забудьте и о радиосигналах!

— Радиоволны излучают все космические тела, но это не означает, что на них есть жизнь, — бросил Никольский.

— Речь идет не только об уважении к научному авторитету Виктора Петровича, но и о деньгах. О государственных деньгах, — вмешался Ромодановский.

— Начнем с последнего, — начал Яхонтов. — Допустим, что никаких разумных существ экспедиция на Марсе не найдет. И в этом случае затраты будут оправданы, потому что Марс с его полностью разрушенным горным рельефом представляет собой настоящую кладовую полезных ископаемых. Ну, а если наши предположения подтвердятся я посланцы Земли встретят там разумных обитателей, то ценность такой экспедиции неизмеримо возрастет. Поэтому я считаю, что мы имеем полное право уже сейчас поставить вопрос о средствах, необходимых для подготовки экспедиции.

— Но зачем нужно лететь? — прервал Никольский. — Вы говорите о помощи. Кому надо помогать? Чем следует помогать? Все это нужно знать, прежде чем решать вопрос.

Виктор Петрович улыбнулся.

— Каждый врач, прежде чем назначить курс лечения, обязан осмотреть больного, — сказал он, — и не издали, не с расстояния в сто миллионов километров, а при непосредственном контакте... Капитан морского корабля, получив сигнал SOS от гибнущего судна, не требует описи груза и сметы расходов на спасение, а устанавливает координаты и спешит на помощь. Нужные меры он принимает на месте. К тому же логические умозаключения, посредством которых вырабатываются гипотезы, не противопоказаны в науке. Если мы чего-либо не знаем, то можем обоснованно предполагать. В данном случае речь идет не о каком-то случайном происшествии на Марсе, а, видимо, о длительных, постоянно действующих факторах, побудивших марсиан просить помощи у жителей Земли. Значит, необходимо послать туда ученых — физиков, химиков, биологов, — узнать, в чем нужда, помочь. И я просто удивлен потоком возражений против таких простых и ясных предложений. Здесь было сказано немало язвительных слов в мой адрес. Позвольте и мне в свою очередь упрекнуть моих ученых коллег. Меня обвиняют в пылкой фантазии, а я предъявляю им обвинение в делячестве! Да, да! В делячестве! Мы здесь не просто ученые, специалисты. Мы — коммунисты и обязаны смотреть на вещи широко и смело. Никто не сказал ни слова о гуманизме, этом важнейшем элементе нашего мировоззрения. А он играет здесь немаловажную роль!

Когда Яхонтов кончил, Логинов подвел итоги.

— Я внимательно выслушал аргументы обеих сторон, — сказал он. — Мне думается, Виктор Петрович во многом прав. Мы действительно сильно отстали в изучении Марса, и сама жизнь заставляет изменить планы работ по освоению космоса. Допустим, Виктор Петрович в чем-то увлекается, и у нас остаются некоторые сомнения. Пускай! А если он прав? Ведь идеи гуманизма, широкого, всеобъемлющего коммунистического гуманизма, пронизывают всю жизнь и деятельность нашего общества. Прежде, вращаясь в кругу вопросов, замкнутых поверхностью нашей планеты, мы всегда руководствовались принципом пролетарского интернационализма. Теперь перед нами выдвигается еще более широкая идея — о дружбе и сотрудничестве между мирами. Нельзя отказываться протянуть руку утопающему из опасения, что он вводит нас в заблуждение своими криками. В доводах Виктора Петровича много здравого смысла. Я думаю, мы должны принять в принципе предложения академика Яхонтова и поручить Институту астронавтики подготовить для рассмотрения на Астросовете план экспедиции на Марс в ближайшее подходящее время.

На этом и закончилось совещание, небольшое по числу участников, но оставившее заметный след в истории науки конца XX века.

Много лет спустя историки отмечали, что именно в этот день впервые началось обсуждение одной из самых важных идей в области современной астронавтики — идеи о возможности и необходимости взаимопомощи разумных существ, обитающих на соседних планетах, идеи о грядущей великой дружбе между мирами.

В последующее время эта идея получила всеобщее признание. Она определила основные пути дальнейшего развития астронавтики. Эта наука приобрела огромное значение в коммунистическом обществе, обеспечившем такой небывалый рост производительных сил, что человек получил возможность свободно передвигаться и трудиться в космосе.

После совещания в Академии наук СССР Институт астронавтики под руководством академика Яхонтова подготовил хорошо обоснованный план космической экспедиции на Марс.

Этот план был всесторонне обсужден на Совете по делам астронавтики при президиуме Академии наук СССР с участием виднейших советских ученых, представителей разных отраслей науки. Как и можно было предвидеть по ходу первого совещания у Логинова, дело не обошлось без горячих споров, но большинство членов Астросовета поддержали смелый план Яхонтова.

После этого был созван президиум Академии наук СССР, где и были приняты всесторонне продуманные решения, а также определены необходимые затраты и установлены задачи организуемой космической экспедиции.

Президиум Академии наук СССР вопрос о посылке научной экспедиции на Марс внес на рассмотрение правительства; предложение ученых было поддержано: жители Земли решили протянуть руку помощи разумным существам, обитающим на Марсе. Таков был конечный результат небольшого совещания, прошедшего в самой обыденной обстановке.

4. Планы и люди

Подготовку к экспедиции решили проводить без особого шума, поскромнее. Поэтому в газетах появились лишь короткие сообщения об обнаруженных китайскими учеными интересных явлениях, на поверхности Марса. Только в бюллетене астрономии и астронавтики Академии наук СССР была помещена большая статья Ли Сяо-ши, опубликованы подробности его наблюдений и помещены фотографии.

Между тем подготовка к экспедиции развернулась по всем направлениям. Специалистам Института астронавтики предстояла огромная работа: рассчитать траекторию полета на Марс и обратно, вычислить время отправления с Земли, прибытия на Марс и наивыгоднейший момент для отлета с Марса обратно. Кроме того, нужно было предусмотреть необходимое экипажу космического корабля на все время путешествия количество кислорода, воды и продовольствия, продумать до мельчайших подробностей оснащение ракеты и снаряжение экспедиции, программу научных наблюдений и

соответствующее приборное оборудование, размеры и размещение аварийных запасов, решить тысячи других больших и малых вопросов.

Особенные трудности вызывал расчет траектории полета. Непосвященному человеку это может показаться странным: ведь стоит провести прямую линию от Земли до Марса — и маршрут готов. На самом деле все обстоит значительно сложнее.

Марс и Земля с огромной скоростью движутся по своим орбитам вокруг Солнца. Если ракета полетит по прямой между двумя планетами, то она, во-первых, достигнув орбиты Марса, может не найти там планеты. Во-вторых, такой маршрут потребует огромного количества топлива. Расчет показывает, что затрата энергии на перелет увеличивается при этом в 2, 5 раза. А запасы топлива всегда строго ограничены.

Конечно, специалисты Института астронавтики уже имели значительный опыт расчета траекторий автоматических ракет, посылавшихся ими к ближайшим планетам солнечной системы, в том числе и к Марсу. Однако теперь задача была неизмеримо сложнее. Дело в том, что для расчета траектории автоматической ракеты, которая должна только пройти в районе Марса и вернуться на Землю, не нужна столь высокая точность, как для населенного людьми огромного космического корабля, идущего на посадку, несущего на борту большие запасы топлива, кислорода, продовольствия и оснащенного несравненно большим количеством аппаратуры, приборов и т. д. Поэтому работники института потратили много труда, прежде чем нашли наивыгоднейший маршрут полета при минимальном расходе топлива.

Правда, давно было установлено, что наиболее экономичной траекторией является эллипс, касательный к орбитам обеих планет. В этом случае начальные и конечные точки пути космического корабля лежат по разные стороны Солнца, на большой оси такого эллипса. Длина пути должна при атом составить приблизительно 600 миллионов километров, а время, необходимое на полет, — 258 дней. 454 дня астронавтам придется ждать на Марсе, после чего затратить на возвращение еще 258 дней. Таким образом, вся экспедиция должна

будет занять два года восемь месяцев, из них пребывание на самом Марсе составит один год, два месяца и 26 дней.

Задачу значительно облегчало то обстоятельство, что в распоряжении астронавтов была внеземная станция, а у Марса имелись два небольших спутника — Фобос и Деймос — с очень слабым полем тяготения. Это значило, что на земной спутник можно заранее забросить все необходимые запасы топлива, продовольствия, снаряжения и там перегрузить на космический корабль.

Если бы ракете, стартующей в далекий путь к Марсу, пришлось отправляться с поверхности Земли, то на тонну веса корабля понадобилось бы около 75 тысяч тонн топлива. А если отправляться в путь со спутника, то понадобится не более 100 тонн топлива на тонну полезного веса.

Поэтому было решено совершить так называемый тройной прыжок. На небольшой ракете астронавты должны были с Земли добраться до спутника, там пересесть на большой космический корабль и долететь на нем до Фобоса — спутника Марса. Здесь космический корабль должен был остаться, а его экипаж на маленькой ракете совершить посадку на поверхности Марса.

Такой путь был наиболее экономичным и удобным.

Преимущества полета с пересадкой особенно сильно должны были сказаться при возвращении на Землю. Чтобы преодолеть поле тяготения Марса, нужно развить скорость более 5 километров в секунду, а на маленьком Фобосе, имеющем только 16 километров в поперечнике, притяжение настолько слабо, что человек, совершивший энергичный прыжок, мог бы улететь в межпланетное пространство. Поэтому взлет тяжелой космической ракеты с Фобоса куда проще, нежели подъем с поверхности Марса, и дает огромную экономию топлива.

Уже через два месяца после решения правительства подробный план высадки на Марс был готов. Решено было использовать большую ракету, одну из трех, изготовленных в свое время для полета на Венеру. Первая из них совершила это удивительное путешествие и возвратилась на Землю, но в укороченном виде, так как несколько ее

секций астронавты вынуждены были оставить на Венере, чтобы облегчить свой корабль перед вылетом в обратный путь.

Другая ракета была послана вдогонку за первой, когда поступило сообщение, что астронавты, высадившиеся на Венере, потерпели аварию и оказались без горючего. Эта ракета вернулась обратно, так и не опустившись на Венеру, потому что группа академика Яхонтова сумела самостоятельно обеспечить себя топливом. Третий экземпляр модели «КР-115» в дальних полетах не участвовал и был законсервирован. При осмотре он оказался в хорошем состоянии, но для новой экспедиции нуждался в ряде существенных переделок.

Таким образом согласно разработанному плану, космический корабль должен был отправиться с искусственного спутника Земли; здесь необходимая начальная скорость вместо 11, 2 составляла всего 2, 9 километра в секунду. Расход топлива уменьшался во много раз. Кроме того, можно было использовать скорость орбитального движения спутника вокруг Земли.

Марс по отношению к Земле является внешней планетой, поэтому при полете к нему скорости Земли, искусственного спутника и космической ракеты суммируются. Это весьма важно, так как, удаляясь от центра солнечной системы к ее периферии, ракета должна преодолевать силу притяжения огромной массы Солнца. Наоборот, при возвращении с Марса на Землю следовало взлететь против движения планеты по орбите, чтобы таким путем погасить часть приобретенной скорости и заставить космический корабль как бы падать на Солнце с расчетом встретить Землю в определенной точке пространства.

Космический корабль мог принять на борт шесть пассажиров и все необходимое для их жизни в течение четырех лет. Так как было ясно, что на Марсе есть разумные обитатели, транспортных средств решили не брать, экономя место для других грузов.

Большие споры вызвал вопрос о том, надо ли брать грузы, предназначенные для марсиан, или рассматривать первый полет как чисто разведочный. Мнения на этот счет разошлись, потому что никто не знал достоверно, в чем нуждаются марсиане, какие драматические обстоятельства заставили их подать сигнал бедствия. После жарких

споров победил Паршин. Он предложил доставить на Марс оборудование для постройки энергетического атомного реактора средней мощности, чтобы в случае необходимости научить марсиан применять атомную энергию.

Эта мысль сначала показалась всем наивной и смешной. В самом деле, как можно было серьезно думать о современной ядерной энергетике для планеты, где самое существование разумных существ у многих вызывало сомнение.

Но Сергей Васильевич был глубоко убежден, что именно энергия атомного ядра — ключ к преобразованиям космического масштаба.

— Одно из двух, — говорил он, — либо мы организуем полет на Марс, чтобы оказать помощь, тогда нельзя отправляться с пустыми руками, либо мы собираемся просто послать туристов поглядеть, что там происходит. Тогда незачем и огород городить. Tertiam non datur — третьего не надо...

Безупречная логика почтенного профессора, а может быть, и его красноречие сыграли свою роль: атомное горючее и регулирующие стержни были погружены на ракету.

...Несмотря на солидный возраст, Виктор Петрович Яхонтов был полон энергии. Способность увлекаться и с головой уходить в порученное дело составляла характерную черту этого человека. Его целиком захватила подготовка полета на Марс.

Пока речь шла о чисто технических деталях, он увлеченно обсуждал с сотрудниками института вопрос о наилучшей трассе полета, сроках, количестве горючего, планировке и оснащении ракеты, необходимых запасах кислорода, воды, пищи и прочих подробностях будущей жизни в ракете и на поверхности Марса. Наконец все было продумано, приведено в стройный вид и изложено в докладной записке на имя президента Академии наук. Настал час, когда Яхонтов должен был подготовить предложения о персональном составе участников экспедиции.

В космические рейсы можно посылать людей только по очень строгому отбору, всесторонне и глубоко изучив их индивидуальные особенности. Ведь космонавты покидают семью, родину и свою планету на долгий срок. Их ожидают исключительные трудности,

опасности и лишения. Требуется редкая физическая выносливость и тренировка, огромная сила воли, способность не терять присутствия духа и уверенности в успехе при самых трудных обстоятельствах. Весьма важна и крепкая внутренняя сплоченность коллектива, взаимное уважение, подлинная дружба, благородная способность к самопожертвованию, готовность идти на риск ради товарища.

Большие требования предъявляются и к уровню специальных знаний, культуре и практическим навыкам космических путешественников. Экипаж межпланетного корабля невелик, а задачи, стоящие перед ним, многогранны к сложны. Узкие, ограниченные специалисты здесь не годятся. Желательно, чтобы каждый участник полета совмещал в себе знания нескольких ученых или инженеров и обладал к тому же умелыми руками, способными к любому труду.

«Да! Нелегко, очень нелегко подобрать подходящих людей для полета на другую планету», — думал Виктор Петрович, расхаживая по кабинету.

Стенографистка молча ожидала.

— Пишите, — начал наконец Яхонтов. — Что касается личного состава экспедиции, то обязанности командира корабля и непосредственное управление им при взлете, посадке и маневрировании следует поручить Владимиру Ивановичу Одинцову, весьма опытному космическому пилоту, неоднократно проверенному на практической работе. В состав участников, безусловно, необходимо включить и товарища Ли Сяо-ши — китайского астронома и астрофизика, который настаивает на участии в полете, чтобы лично проверить данные собственных наблюдений. Поставьте точку!

Яхонтов сделал большую паузу, потом продолжал:

— На мой взгляд, нельзя обойтись и без профессора Сергея Васильевича Паршина — доктора технических наук, лучшего специалиста Института по ядерной энергетике. Еще недавно он был активным противником теории о существовании на Марсе разумной жизни. Теперь Паршин изменил свои взгляды и желает принять участие в экспедиции. Он потерял жену и единственного сына, сейчас одинок и может надолго покинуть Москву, не заботясь о семье... Последнюю фразу прошу не писать, — поправился Виктор Петрович. — Для

изучения природных ресурсов Марса и истории его геологического развития можно рекомендовать кандидата геологических наук Наталью Васильевну Одинцову, тоже имеющую опыт работы на Венере. Точка. Сколько у нас получилось?

— Пока четверо, — ответила стенографистка.

— Так! А нам нужны шестеро. Ну ладно, проявим некоторую нескромность и заявим о себе самом... Пишите. Я позволяю себе ходатайствовать перед президиумом Академии наук и правительством о разрешении и мне принять участие в полете. Полагаю, что практический опыт, полученный мною во время прошлой экспедиции на Венеру, будет полезен и в этот раз... Написали?

— Да, Виктор Петрович.

— Не очень самоуверенно получилось?

— Что вы, вполне скромно. Тем более не с первых строк, а в конце...

— Хорошо! Быть по сему, пускай ругают, если заслуживаю. Теперь, значит, пятеро?

— Да, пять.

— Пять! А шестой?

Осторожный стук в дверь прервал его размышления.

— Войдите, — буркнул он не особенно любезно.

В дверях появился один из младших сотрудников института, временно заменявший заболевшего секретаря.

— В чем дело? — холодно спросил Яхонтов. — Я очень занят.

— Простите, Виктор Петрович, получена срочная телеграмма из Дели. От президента Академии наук Республики Индии. Лично вам.

— Давайте!

Поправив очки, Виктор Петрович прочел:

«Академия наук Республики Индии, учитывая общемировое значение организуемой Советским Союзом экспедиции на планету Марс, просит предоставить право участия в полете известному индийскому ученому — доктору Рамахвани, микробиологу и специалисту по астроботанике, много лет изучающему флору Марса».

Яхонтов задумался. Экспедиция на Марс хотя и готовилась Страной Советов, но по своему значению выходила далеко за рамки одного государства. Не случайно в ней должен был принять участие

китайский астроном. С этой точки зрения было бы очень хорошо привлечь и ученых Индии. С другой стороны, требовалось подобрать шестерых участников с таким расчетом, чтобы создать единый, крепко спаянный коллектив, способный переносить все трудности и невзгоды космического рейса и долгого пребывания в неизвестных и суровых условиях Марса.

В Ли Сяо-ши Виктор Петрович был совершенно уверен. Академик знал его по учебе в Московском университете. Профессор Паршин много лет работал в институте, и его все знали. Супруги Одинцовы уже показали себя во время экспедиции на Венеру. И вдруг теперь в экспедицию просят включить совершенно нового, неизвестного никому человека. Было о чем задуматься. «Рамахвани... Рамахвани... — повторял про себя Яхонтов. Где-то я слышал это имя? Постойте! Постойте!»

Он подошел к шкафу с книгами и, порывшись, извлек пачку английских астрономических журналов.

— Нашел! — воскликнул он немного погодя, перелистав пять или шесть журналов. — Нашел!

— Что вы нашли? — спросила стенографистка.

— Нашел статью доктора Рамахвани, которого нам предлагают послать на Марс. Вот видите шестой номер «Британского астрономического вестника» за последний год. Здесь статья «Из опыта работы по изучению растительного мира Марса», подписано И.Рамахвани — доктором биологических наук. Что же он пишет? Гм... погляжу... Нетрудно!.. Судя по беглому просмотру, Этот ученый полностью разделяет мнения нашего академика Тихова... Считает себя его последователем и учеником... Несколько любопытных замечаний о микрофлоре и возможной фауне Марса. Неглупые соображения!

На следующий день к неоконченной докладной была приписана одна короткая фраза: «Шестым участником полета намечается индийский ученый — микробиолог и астроботаник, доктор биологических наук И.Рамахвани».

...На всю практическую подготовку экспедиции в распоряжении будущих космонавтов оставался только один год. Терять нельзя было ни минуты. По особому распоряжению правительства все вопросы,

связанные с предстоящим полетом, рассматривались и решались вне всякой очереди.

Предложения академика Яхонтова по составу экспедиции были приняты, и он сам был назначен ее руководителем. Виктор Петрович решил тотчас же собрать всех участников предстоящего полета и обсудить, как лучше организовать всестороннюю подготовку.

С москвичами было просто: профессор Паршин — штатный сотрудник института, Одинцовы были тотчас же откомандированы в распоряжение академика Яхонтова. Сложнее обстояло дело с приезжими. Ли Сяо-ши был в Тибете, а доктор Рамахвани — в Индии. Тем не менее уже через месяц, сдав дела в своей обсерватории. Ли Сяо-ши прибыл в Институт астронавтики.

Таким образом, к началу марта весь личный состав будущей экспедиции, за исключением индийского ученого, был собран в стенах Института астронавтики. Началась серьезная подготовительная работа и тренировка.

Так продолжалось до июля. В жаркий летний день пять космонавтов собрались в просторном кабинете академика, чтобы еще раз, неизвестно который по счету, просмотреть списки необходимого имущества, совместно продумать, не забыты ли мелочи, от которых может зависеть иногда вся судьба экспедиции.

— Поступил ли уран, Сергей Васильевич, — интересовался Яхонтов, заглядывая в лежащий перед ним листок. — И кадмий?

— Все шестнадцать тонн урана привезены на ракетодром. Завтра отправим на спутник, — отвечал Паршин. — Кадмий пока в пути.

— Анализ получен?

— Конечно. Содержание урана двести тридцать пять колеблется от двух и семидесяти пяти сотых до трех и шестидесяти семи сотых процента. Вполне отвечает нашим требованиям.

— Кислород?

— Уже доставлен на внеземную станцию, — отрапортовала Наталья Васильевна.

— Как идет переоборудование корабля?

— Я был вчера на базе, — отвечал Владимир Иванович. — Все проверил лично. Через месяц начнем пробные полеты.

— А горючее?

— В резервуарах на внеземной станции сосредоточено все нужное нам количество.

— Сами проверяли?

— Разумеется.

— Меховой одежды двухслойной с электрическим подогревом полагается восемнадцать комплектов. Сколько есть?

— Двенадцать комплектов я принял. Шесть будут готовы через неделю.

— Типовые чертежи атомных реакторов?

— Давно получены.

— А ваши приборы? — обратился академик к Ли Сяо-ши.

— Получено немного больше половины по числу названий. Я проверяю каждый день. Ленинградский завод-поставщик обещает выполнить последние заказы через десять суток.

Подобные беседы происходили регулярно один раз в неделю. В деловых вопросах Яхонтов был большой педант и предъявлял жесткие требования к подчиненным. Зная его характер, остальные четверо приготовились отвечать на вопросы еще часа два, не меньше, потому что Виктор Петрович не оставлял без внимания ни одной мелочи. Но разговор прервало неожиданное появление секретаря.

Она без стука влетела в кабинет, взволнованная и возбужденная.

— Виктор Петрович, к вам...

— Несомненно, ко мне, если пришли сюда, но у меня совещание.

— Она из Индии... Сейчас войдет.

Виктор Петрович поднял очки на лоб.

— Что такое? Кто она? Почему из Индии?

Дверь кабинета открылась, и вошли двое. Впереди, молодой человек, высокий и худощавый, в черном строгом костюме. За ним шла молодая женщина, очень маленькая, совсем крохотная, но пропорционально сложенная и стройная. Длинное шелковое сари приятного синего тона обвивало ее тонкий стан и закрывало ноги ниже колея. Пучок черных волос, скрепленный двумя длинными серебряными шпильками с камнями на конце, украшал голову. Смуглый цвет ее продолговатого лица, огромные черные глаза, тонкий прямой нос,

маленький рот, густые брови и длинные ресницы производили впечатление чего-то необычного, далеко выходящего за рамки повседневности. Ее никак нельзя было назвать красавицей, потому что это слово казалось примитивным, далеко не достаточным. Хотелось придумать другое, лучшее слово, но его не было.

Яхонтов стоял, ожидая объяснений. Остальные космонавты с интересом глядели на вошедших. Так продолжалось несколько мгновений.

Молодой человек первым нарушил молчание.

— Я вижу перед собой господина Яхонтова, директора института? — осведомился он, учтиво поклонившись.

— Да.

— Меня зовут Чандра. Третий секретарь посольства Республики Индии. Мне поручено представить вам госпожу Индиру Рамахвани и служить переводчиком. Она плохо владеет русским языком.

— Здравствуйте! — очень медленно, с сильным акцентом произнесла по-русски молодая женщина, сопровождая это слово приветливой улыбкой.

— Госпожа Рамахвани, вероятно, говорит по-английски? — осведомился академик.

— Да, мисс Рамахвани владеет английским, как своим родным языком.

— Превосходно. — И Виктор Петрович продолжал по-английски: — Я очень рад познакомиться с вами, мисс Рамахвани, но простите мое изумление... Я никак не ожидал... Неужели?..

— Да, господин Яхонтов, — ответила девушка. — Я предвидела, что произведу на вас очень неожиданное и, безусловно, невыгодное впечатление. Но что делать, я действительно та самая Индира Рамахваии, доктор биологических наук, о которой шла речь. Именно я надеюсь участвовать в этой замечательной экспедиции.

Яхонтов был совершенно ошеломлен. Он успел приучить себя к мысли, что появится шестой спутник, подданный другого государства, человек иной культуры, но менее всего предполагал встретить женщину. Теперь перед ним стояла совсем молоденькая, хрупкая и, бесспорно, поразительно красивая девушка. Это переходило все границы возможного. Девушка, стройная, худенькая, изящная девушка, должна стать шестым участником труднейшей и опаснейшей экспедиции. Можно ли допустить такое? Старый ученый глядел сквозь стекла своих очков и просто не находил слов. А гостья стояла против него, скромно опустив глаза, и только легкая, чуть заметная улыбка временами скользила по ее губам. Молчание явно затягивалось.

— Простите мое любопытство, но вы так молоды и уже доктор наук? — недоверчиво произнес академик.

— Да, господин Яхонтов. Мне уже двадцать девять лет. В семнадцать лет я закончила колледж в Калькутте. К двадцати годам

получила высшее образование на биологическом факультете государственного университета в Дели. К двадцати пяти мне удалось защитить диссертацию и получить звание бакалавра. Сейчас я, по нашим взглядам, уже немолода, скорее, приближаюсь к старости. Год назад защитила докторскую. Мои работы помещены в английских журналах...

— Да, да! Читал... Знаком... Но все-таки представлял себе доктора Рамахвани совсем другим... Прошу вас, садитесь!

— Вы думали, конечно, что встретите мужчину. Я очень жалею, что природа, видимо, ошиблась, — ответила гостья, усаживаясь в предложенное ей кресло.

Яхонтов заподозрил в этих словах иронию, но встретил совершенно искренний и грустный взгляд девушки.

— Да, жизнь меня не баловала, — продолжала она серьезным тоном. — Я не знаю ни отца, ни матери. Было страшное наводнение в Бенгалия на четвертый год. после моего рождения. Меня спасли состоятельные люди, накормили, взяли на воспитание. А затем отдали в пансион... Нельзя же было держать в богатой семье девочку неизвестного происхождения... Никто не знал моего настоящего имени. Решили дать имя в честь дочери одного государственного деятеля... А фамилия, самая распространенная в тех местах. Так и получилась Индира Рамахвани... В школе у меня нашли способности. А у меня в жизни не было и нет ничего, кроме науки... И вот я здесь.

Остальные космонавты с интересом следили за беседой. Все они в той или иной степени владели английским языком и понимали рассказ Индиры без переводчика. Судя по выражению их лиц, молодая девушка быстро завоевала общую симпатию. А голубые задумчивые глаза Натальи Васильевны даже подернулись влагой, пока она слушала печальную историю.

— Каким же образом, будучи микробиологом, вы вдруг специализировались по флоре Марса?

— Уже кончая биологический факультет, я заинтересовалась астроботаникой. Тут я столкнулась с работами вашего соотечественника и в них нашла себя... Ведь не сразу человек находит свой настоящий путь. Кончила учебное заведение и несколько лет провела на

обсерватории в Лахоре. Астроботаника составляла главное содержание нашей работы.

Виктор Петрович забрал в руку свою длинную бороду и задумчиво гладил ее.

— Простите, мисс Рамахвани, ваши знания, конечно, не вызывают ни малейших сомнений. Все это совершенно ясно... Но ведь речь идет об участии в трудной и опасной экспедиции. Хватит ли сил у молодой девушки, такой миниатюрной и хрупкой на вид?

— Мне не совсем удобно говорить о самой себе... Надеюсь, господин Чандра разрешит ваши сомнения. Скажу только, что я довольно выносливая и не такая слабая, как может показаться.

— Госпожа Рамахвани известна в нашей стране не только в ученом мире, — вмешался переводчик, открывая в улыбке два ряда ослепительно белых зубов. — Она пользуется репутацией хорошей спортсменки. Прекрасно плавает, имеет призы за прыжки в высоту...

— Вы забыли добавить, что я альпинистка, — скромно заметила девушка. — В данном случае это особенно важно.

— Альпинистка?

— Да. Я три раза участвовала в восхождениях в Гималаях и поднималась на шесть тысяч пятьсот метров.

Все доводы, которые можно было привести, отпадали один за другим. Виктор Петрович был справедлив.

— Ну что же, мисс Рамахвани, — медленно произнес он, будем считать, что мы познакомились. Разрешите представить вам остальных участников экспедиции, будущих товарищей по полету.

Ли Сяо-ши поклонился, произнес вежливую фразу на безукоризненном английском языке и пожал протянутую ему маленькую смуглую ручку, украшенную браслетами.

Наталья Васильевна ничего не сказала, но крепко обняла и поцеловала новую подругу. Владимир сдержанно поклонился и пожал поданную руку. Профессор Паршин, который неплохо говорил по-английски, произнес несколько приветливых фраз и выразил надежду, что молодая женщина скоро привыкнет и найдет в Советском Союзе хороших друзей.

При этом он удержался от своей обычной латыни. Господин Чандра с поклоном удалился.

— Ну что ж, — сказал Виктор Петрович. — Теперь все в сборе. Давайте готовиться к полету. Времени у нас осталось всего полгода, а успеть нужно еще очень много. У нас уже есть одна женщина, она вам поможет. Кстати, как насчет багажа?

— Он весь со мной, — улыбнулась Индира. — Один чемодан и небольшой ящик, в котором хранятся мои культуры.

— Какие культуры? — не сразу понял Виктор Петрович.

— Культуры бактерий, — объяснила девушка. — Я же микробиолог. Последнее время я занималась микроорганизмами, которые, по-моему, могут быть полезны на Марсе, — азотопоглощающие бактерии. Они улучшают почву. И другие сапрофиты...

Академик Яхонтов посмотрел на Индиру с уважением: ему нравились люди дела.

— Пойдемте со мной, мисс Рамахвани. Надо помочь вам устроиться — сказала Наталья Васильевна и увела девушку с собой.

— Да... Положение!.. — протянул Виктор Петрович, глядя им вслед, и снова забрал в кулак свою седую бороду.

5. Отправление

Первое сообщение о советской научной экспедиция на Марс было опубликовано 16 января 19... года и передано в утренних выпусках «Последних известий». В нем говорилось: «Во время последнего великого противостояния Марса китайские и советские ученые получили данные, свидетельствующие о существовании разумных существ на этой планете. Наблюдения дают все основания утверждать, что обитатели Марса подают сигналы, говорящие об их желании войти в контакт с жителями Земли.

Советское правительство признало необходимым предпринять ответные шаги и направить на Марс группу ученых с целью научных исследований и установления связи между двумя планетами. Экспедиция организована и отправляется на Марс сегодня в 24 часа по

солнечному времени от первой советской внеземной станции, или в 20 часов по московскому времени.

В 16 часов участники экспедиции вылетают из Московского космопорта на внеземную станцию обычными рейсовыми ракетами».

Это было все. За годы, прошедшие с момента запуска первых искусственных спутников Земли, человечество ушло далеко вперед в деле освоения космоса и по существу перестало чему-нибудь удивляться.

Высадка первых людей на Венере и установление регулярной связи с Луной были уже пройденными этапами. Несколько раз были произведены полеты самоуправляющихся космических снарядов вокруг ближайших планет. Однако на поверхности Марса еще никто не был. Среди ученых господствовало убеждение, что этот мир не представляет интереса, так как на нем нет ничего, кроме чахлой растительности.

Скупое сообщение советских газет снова прозвучало как гром среди ясного неба.

Когда машины, в которых ехали участники экспедиции, их родственники, приглашенные представители научных и общественных организаций, журналисты и кинооператоры, появились на загородном шоссе, ведущем в космопорт, они попали в сплошной поток автомобилей, стремившихся в одном направлении. А вдоль обочин дороги стояли толпы народа, ожидавшего проезда астронавтов.

Был морозный солнечный день. Термометр показывал 18 градусов ниже нуля.

Несмотря на холод, жители населенных пунктов, расположенных поблизости от космического вокзала, густой толпой собрались у въездных ворот. Большая площадка стоянки автомобилей у ракетодрома была заполнена до предела, а так как ежеминутно прибывали все новые и новые, то создался затор. Движение остановилось, и потребовалось немало хлопот, чтобы очистить проезд для самих участников экспедиции.

Во время вынужденной пятиминутной остановки толпа москвичей, узнав, что в машинах находятся космонавты, устроила им настоящую овацию.

Многие хорошо знали в лицо академика Яхонтова, портреты которого после возвращения с Венеры долгое время не сходили со страниц газет. Запомнили с тех пор и характерное лицо Владимира Одинцова. Не забыли москвичи и его жену, тогда еще просто Наташу. От шоферов потребовалось немалое искусство, чтобы пять темно-синих автомашин с космонавтами благополучно проследовали к воротам.

На большой вывеске горела золотая надпись: «КОСМОПОРТ МОСКВА».

Сейчас же за воротами бетонированное шоссе круто заворачивало вправо, к зданию вокзала межпланетных сообщений. Сквозь окна его широких, но невысоких, сплошь застекленных веранд, изогнутых полукругом, была видна просторная посадочная площадка, расположенная в нескольких километрах от здания вокзала. Средняя часть вокзала представляла собой большой трехэтажный куб, с балконов которого были видны взлет и посадка космических кораблей и межконтинентальных пассажирских ракет.

Еще дальше виднелось несколько причудливых сооружений ажурных металлических башен, предназначенных для монтажа, заправки и запуска ракет.

Возле этих башен по прочным стальным рельсам двигались высокие краны, способные поднять любой космический корабль, перенести его с места на место или установить на старте. Кое-где над бетоном поднимались ярко-красные колонки топливопроводов.

Рядом в строгом порядке стояли ракеты. Каждая покоилась на трех или четырех выдвинутых из корпуса стальных опорах, устремив прямо к небу свою коническую головку. Это были корабли, предназначенные для перевозки пассажиров и грузов из Москвы на внеземную станцию и обратно.

Слева на бетонных основаниях стояли многоместные реактивные корабли наземных линий.

На каменной террасе при входе в здание вокзала был выстроен почетный караул. Столица с почестями провожала смелых астронавтов. Оркестр грянул марш, под звуки которого участники экспедиции поднялись по широкой мраморной лестнице.

Поднимаясь, астронавты успели заметить стеклянную таблицу расписания движения космических кораблей, висевшую у входа. Там было оказано, что рейсы на внеземную станцию производятся четыре раза в сутки, с интервалом в шесть часов. Рядом висело расписание ежедневных наземных рейсов Москва—Владивосток, Москва—Дели, Москва—Мельбурн, Москва—Пекин, Москва—Нью-Йорк, Москва—Сан-Франциско и других.

Когда участники полета на Марс вошли в зал, их встретили аплодисменты множества людей, сумевших проникнуть в помещение вокзала.

Яхонтов подошел к микрофону и поднял руку. Все стихло.

— Ну что же, друзья, — сказал ученый, — через несколько минут мы вылетим на внеземную станцию, откуда начнется наша экспедиция. Там ждет большой космический корабль, готовый к полету на Марс. Перед нами поставлена задача начать исследование далекого холодного Марса. В наши дни космические полеты уже перестали быть чем-то из ряда вон выходящим, но все-таки эта экспедиция не совсем обычна. Немного больше года назад были приняты сигналы с Марса, понятые учеными как призыв о помощи. Мы не знаем, что там произошло, не знаем достоверно, чего именно хотят от нас марсиане, но Страна Советов, претворяющая в жизнь идеалы коммунизма, не может оставаться безучастной, если подают сигнал бедствия. Поэтому мы летим на Марс как посланцы великой страны, чтобы протянуть руку дружбы через просторы космоса. Давайте вдумаемся, товарищи, какой глубокий смысл имеет это событие! Могли ли наши предки вообразить себе день, когда жители Земли окажутся в состоянии помогать обитателям других миров, когда идеи международной солидарности трудящихся распространятся далеко за пределы нашей планеты? Теперь невозможное стало реальным. И нет сомнений — сама жизнь это показала с полной очевидностью, — только страна, построившая коммунизм, в состоянии задумать и осуществить подобное мероприятие! Нас вооружили первоклассной техникой, нам доверили серьезное, ответственное дело. Надо ли говорить, что мы не пожалеем ни сил, ни самой жизни, чтобы выполнить поручение партии и народа!

Аплодисменты и приветственные возгласы послужили ответом. Январский день в Москве кончается рано. К четырем часам начали сгущаться легкие, сиреневые сумерки. Солнце только что скрылось за черной полоской отдаленного леса. Нежные краски золотого заката разбежались по небу, а с востока уже подходила густая синева. Мороз дошел до 25 градусов.

Космонавты и все приглашенные вышли на холодные просторы привокзальной площади. Неизвестно какими путями, но сотни, если не тысячи, москвичей проникли за черту ограждения.

С высокой веранды была видна густая толпа людей, которых не испугал холод. Весело приплясывая на месте, чтобы согреться, затевая шутливую борьбу между собой, согревая дыханием застывшие пальцы, растирая носы и щеки, они терпеливо ждали. Юркие фоторепортеры и корреспонденты газет в теплых меховых куртках и шапках со спущенными наушниками сновали повсюду.

Едва путешественники показались у выхода, в толпе началось оживление. Участники экспедиции не торопясь спустились по ступеням и пошли к машинам. В наступившей тишине было слышно, как звонко хрустит снег. Вереница машин тронулась в сторону ракетной площадки.

Темный силуэт ажурной башни и застывшей в ней длинной металлической сигары резко обозначился на догорающем золоте заката. Неподалеку стояли еще два таких же корабля, готовых к отлету.

Для проводов на внеземную станцию было разрешено лететь двадцати четырем представителям общественных организаций, журналистам, кинооператорам и родственникам участников экспедиции.

Ракеты, курсирующие между космопортом и внеземной станцией, вмещали до десяти пассажиров. Лететь до искусственного спутника должны были три корабля с интервалами в четверть часа один после другого.

Шестеро космонавтов и четверо провожающих медленно подошли к трапу и стали подниматься. Яхонтов задержался на верхней площадке, пропустил остальных и, перед тем как войти, последний раз помахал рукой огням Москвы. Прожекторы заливали ярким светом ракету и прилегающее к ней поле.

Виктор Петрович вошел внутрь. Дверца захлопнулась.

Из репродукторов, установленных на крыше вокзала, раздался мелодичный, но сильный сигнал. Громкий голос диктора предупредил собравшихся, что до отлета осталось три минуты. Толпа дрогнула, но не рассеялась. Наоборот, людей стало как будто больше...

Тот же звук послышался снова, но уже не долгий, а короткий и отрывистый. Москвичи знали его значение — на третьей ноте приходил в действие двигатель ракеты. Все затихло. Едва сигнал оборвался, как яркий сноп огня вырвался из сопла ракеты. Она плавно снялась с места, скользнула по направляющим и с оглушительным ревом ушла в воздух. Длинный шлейф пламени вычертил на синем фоне вечернего неба широкую огненную дорогу в космос. Толпа все еще не расходилась. Внимание было перенесено на второй корабль. Через пятнадцать минут после его ухода, уже в полной темноте, взлетел к зениту третий космический снаряд.

Участники первой в мире экспедиции на Марс покинули Землю.

6. Первый этап

Времена, когда пассажиры первых космических кораблей испытывали множество неудобств, связанных с перегрузкой организма в период ускорения, остались позади. Уже были сданы в музей первые модели космических летательных аппаратов, снабженных громоздкими и неудобными жидкостными камерами амортизации, куда путешественник влезал в специальном скафандре, чтобы уберечь организм от чрезмерных перегрузок.

Теперь человек входил в кабину космической ракеты, как в самолет. В просторном, хорошо освещенном и теплом помещении с круглыми окнами он занимал свое место. Только кресла были не совсем обычными — гораздо глубже и мягче, чем в автомобилях или самолетах.

Бортпроводник аккуратно застегивал широкие эластичные пояса вокруг туловища пассажиров и на ногах, ниже колен. В отличие от самолетов каждое кресло не было прикреплено к полу, а висело на сложном подвижном шарнире, что позволяло человеку

автоматически принимать самое удобное положение относительно корпуса ракеты. Ведь космический корабль взлетает вертикально, и его передняя коническая часть перед полетом находится над головами пассажиров. Затем он постепенно меняет положение. То, что раньше было верхом, становилось передней частью, а место пола занимала одна из боковых стенок. Система шарниров позволяла пассажирам безо всяких усилий приспособляться к изменению положения ракеты в пространстве.

Для людей, живущих в конце XX века, полеты в межконтинентальных ракетах или в ракетах, курсирующих между Землей и искусственным спутником, стали такими же привычными, как рейсы на гигантских реактивных пассажирских самолетах в середине века.

Шестеро астронавтов без малейшего волнения вошли внутрь ракеты и заняли свои места. Кресла располагались одно над другим, с каждой стороны по пять. Удобная лесенка, снабженная низенькими металлическими перильцами, позволяла взобраться наверх не только до последнего яруса, но и еще выше, в голову ракеты, где располагался экипаж.

Заняв места, участники экспедиции увидели за стеклами окон всю панораму космопорта, толпу провожающих, ажурные стартовые башни и стройные ряды ракет разного назначения, а еще дальше — подмосковные поля, перелески, узкую ленту шоссе.

На горизонте за синей вуалью тумана ощущалась блещущая огнями шумная и оживленная Москва. Когда прозвучал последний сигнал, астронавты вдруг почувствовали, как мягкая, но упорная и настойчивая сила неумолимо заставляет их глубже погрузиться в пневматическое кресло. Оно не стало жестким, а просто плотнее облегло их тела, как будто человека вдавили в мягкую и податливую, но плотную среду, вроде воска. По мере погружения плотность этой среды возрастала и достигла известного предела, после чего погружение прекратилось. Возникло своеобразное, трудно передаваемое словами ощущение в голове, особенно в ушах и глазах, но оно вовсе не было мучительным.

Стремительное движение ракеты непосредственно не ощущалось. Казалось, что Земля проваливается куда-то вниз, притом очень быстро, тогда как ракета висит неподвижно.

Широта обзора удивительным образом возрастала, как будто видимую часть земной поверхности растягивали во все стороны, подобно эластичной резиновой оболочке.

Только что на горизонте показалась Москва, горящая огнями и занимающая добрую половину поля зрения, и вот она уже видна вся, но лишь на четверти пространства, охватываемого взором. Если бы старт происходил днем, то стали бы видны далекие пригороды, леса и поля, но мгла ночи скрывала их от глаз путешественников. За огоньками громадного города, рассыпанными по темно-синей скатерти, чернела тьма. Через несколько минут Земля вообще скрылась из глаз. Зато вверху, по линии полета и по сторонам, горели звезды. Бесчисленное множество звезд. Раскрывалась Вселенная.

Это грандиозное зрелище целиком поглощает внимание человека, вылетающего за пределы атмосферы. В этом случае для слов не находится места, они кажутся пустыми и ненужными.

Космонавты молча глядели в окна. Примерно через полчаса они заметили, что ракета как бы наклонилась вперед и средняя лесенка уже не стоит вертикально, а приняла наклонное положение. Это означало, что корабль начал менять направление полета, все больше отклоняясь от вертикали.

Скорость его движения составляла теперь около 600 километров в минуту, или 36000 километров в час. Ускорение прекратилось, и чувство давления исчезло. Кресла как бы перестали существовать. Пассажиры перешли в состояние невесомости.

Траектория полета от Москвы до искусственного спутника, висящего над экватором на 80 градусе восточной долготы и в 35 900 километрах от земной поверхности, представляла собой кривую протяженностью около 50 000 километров. Это расстояние рейсовая ракета проходила примерно за три часа.

Ракета летела на восток. Уже в первые минуты она погрузилась во мрак ночи. Прошло не менее полутора часов. Утомленные

однообразной картиной за окнами и убаюканные абсолютной тишиной, пассажиры задремали в своих креслах.

Корабль двигался теперь так же, как летит самолет на взлете, то есть постепенно удаляясь от поверхности Земли. Легкий толчок заставил всех очнуться. Если бы не ремни, пассажиры были бы сброшены вперед.

— Тормозим, — объяснил Владимир, — вышли на орбиту искусственного спутника и снижаем скорость. Поглядите, наверное, можно видеть внеземную станцию.

Все прильнули к стеклам.

— Постойте, — сказала Индира, — кажется, я ее вижу.

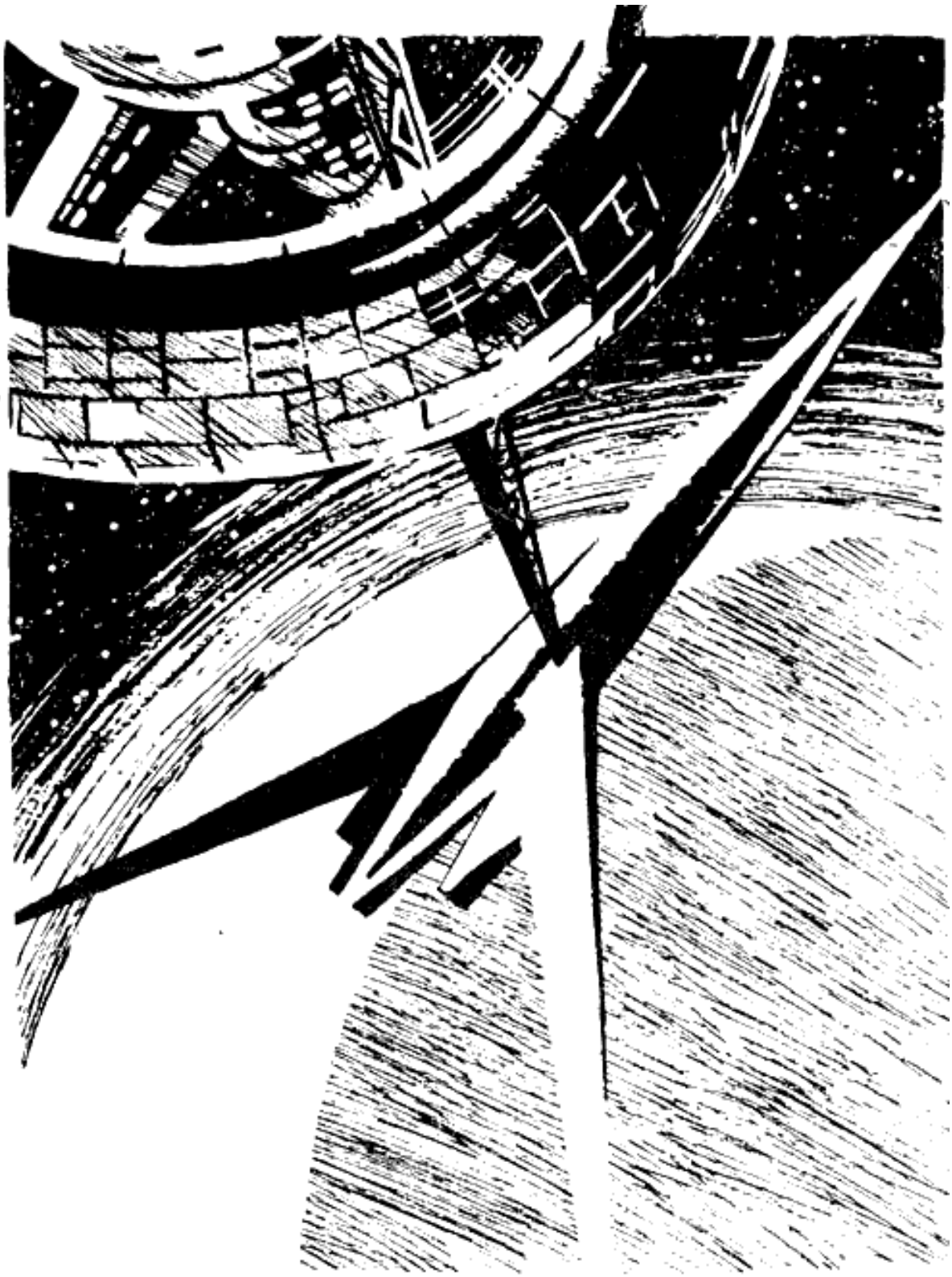
Далеко впереди, среди бездонной пустоты пространства, висело странное сооружение, издали похожее на большой пароход, плывущий ночью по океану. Внешние контуры нельзя было различить — они сливались с темнотой, — но пять рядов круглых, ярко освещенных окон-иллюминаторов вызывали представление о нескольких ярусах палуб огромного судна.

Это и была внеземная станция космических кораблей. Если Яхонтов и Одинцовы уже не первый раз покидали Землю, то для остальных астронавтов зрелище это представлялось странным и величественным. Даже Ли Сяо-ши, всегда чрезвычайно спокойный с виду человек, так же как Паршин и Индира Рамахвани, не отрывался от окна.

Ракета быстро приближалась к спутнику. Когда установленные на нем приборы показали приближение ракеты, там зажглось наружное освещение. Вспыхнули зеленые и красные бортовые огни, ярко-синяя гирлянда, обозначающая место причала, и целая сеть маленьких разноцветных фонариков по внешним контурам огромного сооружения.

Расцвеченный многокрасочными огнями, спутник был очень красив на фоне бархатной черноты межпланетного пространства. Все невольно залюбовались волшебной игрой света и красок.

Ракета уменьшила скорость, для того чтобы благополучно причалить, надо было выровнять относительную скорость обоих космических тел.

Внезапно вспыхнули лучи мощных прожекторов. В их свете пока-

залась огромная серебристая сигара космической ракеты с тонкими стреловидными крыльями. Она висела ниже спутника, пришвартованная к длинному, надежно защищенному от холода мирового пространства переходному коридору, похожему на спинной плавник рыбы.

— Рекомендую, — улыбаясь, сказал Яхонтов. — Вы видите нашу «КР-сто пятнадцать», подготовленную к отлету.

Все, молча с интересом разглядывали гигантский корабль, самые формы которого говорили о скорости и устремленности. Он как бы замер неподвижно, чтобы по первому сигналу ринуться в неизведанные дали мирового пространства.

Опытные пилоты ловко подвели ракету прямо ко входному трапу. Легкий толчок дал знать пассажирам, что рейсовая ракета линии «Москва—спутник» достигла станции назначения. Через пять минут пассажиры уже были во внутренних помещениях станции. Здесь их ожидала радушная, товарищеская встреча.

Персонал искусственного спутника — пятьдесят восемь человек — передовой отряд советских людей, несущих весьма трудную, но крайне важную службу далеко за пределами земной атмосферы, — подготовил для участников экспедиции на Марс легкий ужин. Он был замечателен не роскошью сервировки и не изысканными блюдами, а тем, что все поставленные на стол овощи и фрукты были выращены здесь же, в стеклянных оранжереях, где поддерживалась нужная температура. Животворные лучи Солнца позволяли собирать тут невиданные урожаи. Астронавтам предложили овощи и фрукты, напоенные Солнцем такой яркости, о каком понятия не имеют люди, живущие на поверхности Земли, под голубым покрывалом атмосферы.

Обитатели искусственного спутника давно привыкли к особым условиям своей жизни.

Давление воздуха, влажность и температура поддерживались на оптимальном уровне и обеспечивали безукоризненную работу всех органов человеческого тела. Мощные батареи фотоэлементов давали необходимую анергию. А невесомость была даже приятной: ощущение необыкновенной легкости в движениях при сохранении обычной

мускульной силы вызывало у человека чувство исключительной бодрости, уверенности в себе, благотворно влияло на нервную систему.

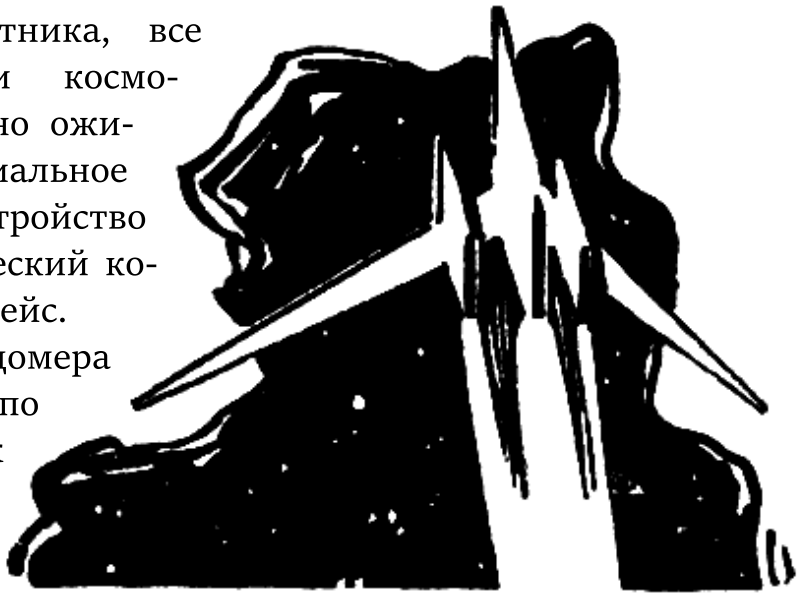
Не стоит повторять дружеских речей и здравиц, которые звучали здесь в этот вечер. Все искренне приветствовали шестерку отважных, готовых отправиться в рискованный полет к далекой, неведомой планете.

Время текло незаметно. Стрелки хронометра приблизились к 24.00. Отправление ракеты необходимо было произвести в это время, чтобы в полной мере использовать не только скорость движения Земли по орбите, но и дополнительную скорость вращения самого спутника вокруг Земли и послать космический снаряд, подобно, камню из пращи, как раз в тот момент, когда направление касательной к орбите нашей планеты будет соответствовать необходимому курсу. Для внешней планеты, какой является Марс относительно Земли, таким наилучшим моментом была полночь.

Пока шел ужин, к космическому кораблю подвели огромные резервуары с горючим и окислителем. Их присоединили к двигателям ракеты. Во время полета в безвоздушном пространстве, где среда не оказывала никакого сопротивления движению, эти резервуары совершенно не мешали. Когда же запасы горючего кончались, пустые баки можно было просто оставить в пространстве. Это позволяло сократить объем и вес корабля. Опыт полета на Венеру доказал правильность подобных соображений.

За десять минут до отлета шестеро космонавтов обменялись крепкими дружескими рукопожатиями с теми, кто оставался, и по трапу перешли во внутренние помещения большой ракеты, которая отныне на несколько лет становилась их домом.

В межпланетных полетах имеют значение не только секунды, но и миллионные их доли. Ведь при космических скоростях тело за секунду успевает пролететь несколько десятков километров. Поэтому нельзя доверять несовершенным органам человеческих чувств такое ответственное дело, как пуск двигателя при взлете. Только безукоризненно точный автомат может включить зажигание именно в то мгновение, когда это необходимо.

Персонал спутника, все провожающие и космонавты напряженно ожидали, когда специальное электронное устройство отправит космический корабль в далекий рейс.

Стрелка секундомера быстро бежала по кругу и подошла к назначенному делению. Неуловимо быстрая команда была передана пусковым реле. Электромагниты, удерживавшие ракету у спутника, автоматически выключились и освободили корабль. В то же мгновение в камерах двигателя вспыхнуло горючее.

Массивная сигара ринулась в пустоту. Длинная струя пламени и раскаленных газов вытянулась позади нее.

Путешествие на Марс началось.

7. Шестнадцать километров в поперечнике

Путешествие в космическом пространстве никак нельзя сравнивать с передвижениями по поверхности Земли или с полетами в ее атмосфере. Двигаясь пешком, на лодке, в автомобиле, поездом или на корабле, человек постоянно видит что-то новое, он непосредственно ощущает изменение своего местоположения в пространстве. Даже пересекая океан, где по нескольку суток не видно берегов, можно воспринимать движение, хотя бы следя за игрой волн или наблюдая, как высоко над головой плывут облака. Пустынная равнина моря живет своей особой жизнью, и если всмотреться, то можно увидеть, как она изменяет свои краски в зависимости от времени суток и погоды.

Летя высоко над Землей в кабине самолета хотя бы глубокой ночью, можно видеть, как далеко внизу нет-нет да и появятся рассыпанные по черному фону мерцающие огоньки. Там живут люди, и летчик знает, что каждое пятнышко света означает новый город или село.

Совсем иначе протекает путешествие в межпланетном пространстве. В первые часы полета новые и яркие впечатления ошеломляют астронавта. Все так ново и необычно. Вместо голубого неба над головой и земной тверди под ногами со всех сторон спереди и сзади, слева и справа, вверху и внизу — человека окружает пустота. Бесчисленные звезды не устраняют жуткого ощущения этой пустоты. Вселенная раскрывается в своей необъятной громадности, и разум человеческий свободно воспринимает бесконечность. На Земле звезды кажутся близкими, в космическом пространстве человек отчетливо сознает, насколько они далеки.

Солнце изменяет привычный вид. Вместо огненного плоского диска, как бы укрепленного на синей сфере небосклона, путешественник в космосе видит бесконечно далекий сверкающий шар, не желтоватый, а ослепительно белый, окруженный сверкающей короной и висящий среди абсолютной черноты. А с другой стороны, где-то далеко-далеко, можно видеть голубой шар Земли, весь укутанный серебристой дымкой атмосферы. Рядом прячется маленький диск

Луны, сияющий приятным ласковым светом, таким спокойным, радующим глаз после нестерпимого блеска Солнца.

Все это удивительно и прекрасно, все потрясает человеческий разум и воображение. Дух захватывает у неопытного астронавта, когда в первый раз его глазам раскрывается величественное зрелище Вселенной.

Но так бывает лишь в первые дни путешествия. Дальше начинается скучное однообразие. С того момента, когда Земля теряется среди целого сонма безымянных звезд, окружающая астронавта картина как бы застывает в неподвижности. Постоянно, изо дня в день и из месяца в месяц, путешественник видит одно и то же. С левой стороны висит пылающее светило. Нет смены дня и ночи, нет привычного движения Солнца по небосклону.

Бесконечно далекие звезды за все время пути не меняют своего места на небе. Все абсолютно неподвижно. Нет ничего, что помогло бы человеку физически почувствовать свое собственное движение. Нельзя избавиться от ощущения, будто ракета висит на месте в центре Вселенной, хотя на самом деле она летит с невероятной быстротой. На трассе Земля—Марс она мчится со скоростью 32, 7 километра в секунду, или проходит 117 720 километров в час. Но эта безумная скорость совершенно не воспринимается органами чувств. Для них летящая ракета неподвижна; примитивная диалектика древних греков, выраженная в словах «летящая стрела покоится», становится здесь физической реальностью. И так продолжается долго. На полет от Земли до Марса уходит целых восемь месяцев и две недели мучительного однообразия. Вот удел космических путешественников!

Добавьте сюда и полное отсутствие цвета. Межпланетное пространство имеет лишь две краски: черный фон пустоты и огненный, яркий свет Солнца и звезд. Правда, далекие светила кажутся здесь разноцветными. Человек видит голубые, желтые, оранжевые, красные звезды, но каждая из них — микроскопически малая световая точка, собственная окраска которой не имеет никакого значения. Траурное сочетание черного и белого такова унылая палитра космоса.

Только атмосфера, рассеивающая, преломляющая, разлагающая на основные цвета спектра белый свет Солнца, создает все богатство красок окружающего нас мира.

В первые дни полета человек с трудом привыкает к условиям невесомости. Связанные с нею особенности жизни и быта поражают воображение новичка и делают его существование полным забавных неожиданностей. Однако уже через несколько дней путешественники по космосу осваиваются с новой обстановкой, и острота восприятия заметно притупляется.

Из шести наших космонавтов трое были опытными исследователями других миров. Для них все было знакомо тем более, что и сама ракета была того же типа, что и корабль, некогда доставивший их на Венеру. Но для Ли Сяо-ши, Паршина и Рамахвани эта экспедиция оказалась первой вылазкой за пределы Земли. В течение примерно двух недель они тренировались, с интересом изучали сложную технику управления космическим кораблем и проводили целые часы в рубке, глядя на безбрежный ландшафт космоса.

Всю основную службу управления кораблем несли приборы. Электроника и автоматика составляли мозг, глаза, уши, нервную систему и исполнительные органы корабля. Сложные счетно-решающие устройства следили за курсом ракеты, учитывая ее скорость, направление, влияние сил притяжения со стороны Солнца, Земли, Луны, Марса, Юпитера в их взаимодействии. Зоркие глаза радиолокаторов, направленные во все стороны, своевременно предупреждали о встрече с метеоритами и передавали соответствующие команды приборам, управляющим движением корабля.

Но рубка была оснащена и целым рядом устройств, управлять которыми должен был человек. Они предназначались главным образом для использования при взлете и посадке корабля. В эти ответственные моменты требовалась сознательная воля человека, и в командирской рубке должен был находиться опытный и решительный пилот.

Когда три новичка приобрели основы астронавтических знаний и научились если не управлять ракетой, то хотя бы разбираться в назначении приборов и уметь читать их показания, то и для них

настали менее скучные дни. Что делали или должны были делать участники экспедиции в течение долгих месяцев полета?

Они поочередно несли вахту в рубке, следили за приборами, периодически давали радиограммы на Землю. Каждый умел обращаться с передатчиком. Разумеется, двухсторонняя радиосвязь с Землей поддерживалась постоянно. Сантиметровые волны позволяли не только слышать, но и видеть Землю на экране большого телевизора, стоящего в салоне.

Кроме того, шестеро участников полета сообща вели свое маленькое хозяйство. Надо было готовить пищу, убирать помещение, словом, выполнять много совершенно необходимых дел. Каждый поочередно был дежурным. Свободное время проводили за книгами, иногда просматривали кинофильмы, большой запас которых взяли в дорогу. Внутренний распорядок на корабле был твердо установлен Яхонтовым и строго соблюдался. В положенное время все вставали, умывались, обязательно занимались гимнастикой.

Физическая тренировка считалась безусловно обязательной, иначе после восьми месяцев, проведенных в условиях невесомости, мускулы могли стать дряблыми и слабыми.

Потом завтракали, занимались научной работой, отдыхали. Сменой дня и ночи ведал очередной дежурный, потому что одна сторона корабля непрерывно освещалась Солнцем, а другая пребывала во мраке. Ракета была оснащена целой батареей фото — и термоэлементов, вырабатывающих электрический ток за счет солнечного света и разности температуры на двух бортах корабля. Получаемая энергия расходовалась на приготовление пищи и другие нужды.

Каждый имел на корабле отдельную каюту, куда мог удалиться, если ему хотелось побыть одному. Ученые имели здесь все необходимое для творческой работы: оборудование, аппаратуру, инструменты, материалы, вплоть до мелочей.

Космонавты крепко подружились. Представители старшего поколения относились к молодежи с отеческой заботливостью. А те в свою очередь отвечали старшим глубоким уважением и внимательно слушали их советы и предложения.

Наталья Васильевна и Владимир Иванович Одинцовы с первых дней пути стали для всех просто Наташей и Владимиром. Постепенно исчезло из обихода обращение «мисс Рамахвани», и скромная девушка стала просто Индирой. Вдумчивая и тактичная, она скоро завоевала всеобщую симпатию и заняла прочное место в семье путешественников.

Жизнь шла нормально. И все-таки лететь было скучно. Восемь с половиной месяцев совершенного однообразия, такого, как если бы само время остановило свой неудержимый бег. Люди устали и по временам начинали нервничать.

Но всему на свете приходит конец.

Настало время, когда в телескопах ракеты стал заметно вырастать Марс. Он «убегал» от преследователей, но расстояние с каждым часом сокращалось. Если с поверхности Земли даже в крупные телескопы и в период великого противостояния Марс кажется небольшим светлым кружочком, то теперь перед глазами астронавтов висел большой розовато-желтый шар.

Около него обращались два спутника — крохотные луны Марса — Фобос и Деймос.

Настроение путешественников начало заметно улучшаться.

Прошло еще немного дней, и загадочная, неведомая планета стала хорошо видна невооруженным глазом. Приближался наиболее ответственный и трудный момент — посадка.

По земному времени, действующему на ракете, было за полночь, когда Наташа прошла в рубку, где дежурил ее муж, и тихо опустилась в кресло позади него.

— Ну вот, Наташа, — медленно произнес Владимир, — приближаемся. Завтра начнутся серьезные испытания для пилота...

— Боишься?

— Я бы так не сказал — не то слово. Боязни у меня, конечно, нет. Но было бы непростительным легкомыслием не думать о том, насколько велика и реальна опасность.

— Не первый раз ведешь ты корабль. На Венере было не легче.

— Тогда перед нами была планета, окутанная облаками, но почти не уступающая Земле по размерам. И я был уверен, что найду внизу

широкие водные просторы — прекрасные посадочные площадки. Теперь я должен посадить ракету на твердую поверхность Фобоса. Тогда была цель, насчитывающая более двенадцати тысяч километров в поперечнике, и я летал вокруг нее несколько часов подряд. А сейчас перед нами крохотная пристань, имеющая в диаметре всего шестнадцать километров. Условия далеко не одинаковые.

— Что будет, если ты промахнешься? Придется лететь прямо на Марс?

— Посадка на поверхности Марса для нас возможна, но равносильна гибели: обратно нам оттуда не взлететь — не хватит топлива, чтобы преодолеть поле тяготения планеты. А взлет с Фобоса так же прост, как старт с нашей внеземной станции. Улететь легко, но вот сесть...

Планета Марс имеет двух спутников. Один из них — Деймос находится на расстоянии около 20 000 километров от поверхности планеты и совершает полный оборот вокруг нее в течение 30 часов и 18 минут. Это самая крохотная из лун, имеющихся у планет нашей солнечной системы. Его поперечник составляет только 8 километров, тогда как Луна — спутник Земли — имеет диаметр 3 476 километров, или в 43 раза больше. Можно вообразить крупную земную гору, например Эверест или Монблан, заброшенную в мировое пространство. Она будет близка по объему к Деймосу. С поверхности Марса он кажется маленькой звездочкой.

Второй спутник — Фобос — по размеру вдвое больше Деймоса: его диаметр 16 километров. Он обращается вокруг Марса на расстоянии менее 6000 километров от его поверхности и совершает один оборот за 7 часов 39 минут. Сутки на Марсе почти равны земным и составляют 24 часа 37 минут.

В течение суток Фобос успевает обежать вокруг Марса 3, 2 раза. Поэтому для находящегося на Марсе этот его спутник восходит на западе и заходит на востоке — наперекор всем привычным явлениям природы.

С точки зрения астронавтики Фобос представляет исключительный интерес. Люди были вынуждены строить искусственный спутник за пределами земной атмосферы на высоте 35 900 километров,

чтобы получить опорный пункт для прыжка в космос. Марсиане могли бы пользоваться уже готовой космической станцией гораздо большего размера и расположенной в семь раз ближе. К тому же для полета с Земли на искусственный спутник требуется скорость около 10 километров в секунду, а на Марсе для этой цели достаточно 5 километров в секунду.

Использование Фобоса в качестве промежуточной станции при полете на Марс и обратно во много раз облегчало трудности экспедиции. Однако для пилота посадка тяжелой космической ракеты на твердую, безусловно неровную и совсем не изученную поверхность Фобоса представляет очень сложную задачу.

Все меры предосторожности были продуманы заранее. Владимир взял управление в свои руки. В этот ответственный период ему принадлежала неограниченная власть на корабле. Пока он разрешил всем космонавтам находиться в рубке.

Марс казался теперь светлым шаром раз в пятьдесят больше Луны. Космическая ракета уже вышла на его орбиту. При том взаиморасположении в пространстве, какое имели теперь Марс, ракета и Солнце, Марс был освещен так, что походил на Луну во второй фазе. Линия терминатора — границы между светом и тенью — казалась прямой, расположенной почти вертикально.

Оба спутника были хорошо видны невооруженным глазом. Маленький Деймос находился с правой стороны и казался звездочкой, отличающейся от остальных заметным перемещением. Фобос, наиболее интересовавший участников экспедиции, недавно миновал терминатор и казался крошечным серпом на фоне затемненного полушария Марса.

— Начинаю торможение, — предупредил Владимир.

Все закрепились ремнями. До этого момента космический корабль, по сути дела, догонял Марс, находившийся впереди, и должен был лететь быстрее планеты. Скорость ракеты к моменту сближения достигла 26, 9 километра в секунду, тогда как скорость Марса по орбите составляет 24, 2 километра в секунду. Если бы речь шла о посадке на поверхности Марса, то требовалось убавить скорость ракеты

на 2, 7 километра в секунду, после чего постепенно погасить свою скорость падения, что составляет еще около 5 километров в секунду.

Но сейчас перед астронавтами стояла другая задача: нужно было совершить посадку на Фобос, имеющий собственную орбитальную скорость движения вокруг Марса, равную приблизительно 2, 1 километра в секунду. Скорость эта в данный момент была направлена туда же, куда летела ракета и мчался сам Марс. Сумма скоростей составляла 26, 3 километра в секунду. Поэтому торможение должно было снять всего 0, 6 километра. С этой целью Владимир и включил реактивные тормоза.

Совсем близко был виден огромный диск Марса, но у пилота не было времени разглядывать его поверхность. Маленький Фобос поглощал все внимание Владимира. Каменная глыба, угловатая и неровная, озаренная солнечным светом, была перед глазами космонавтов. Тени на ее поверхности казались угольно-черными. Незначительные неровности представлялись глубокими впадинами, ужасными язвами, покрывающими крохотную планетку.

Космическую ракету, летящую со скоростью немного большей, чем скорость Фобоса в пространстве, следовало вывести на прямую, направленную прямо к центру планетки, затем повернуть на 180 градусов и заставить как бы падать на нее кормой вперед. Своевременно включенный главный двигатель должен был снизить скорость падения и к моменту соприкосновения с поверхностью довести ее до нуля. Таким путем посадка должна была произойти без толчка — корабль плавно опускался на выдвинутые пружинящие опоры.

Но на практике дело сильно осложнялось. Фобос вовсе не стоял на месте, а с большой скоростью облетал Марс, двигаясь по круговой орбите. Значительный отрезок ее пролегал с теневой стороны Марса. Прямая, о которой шла речь, была по существу касательной к орбите спутника, и при малейшей разнице во времени ракета с космонавтами могла пролететь мимо цели и уйти дальше, в мировое пространство. Кроме того, посадку приходилось совершать в поле тяготения Марса, которое оказывало свое влияние на траекторию движения космического корабля. Наконец, и поле тяготения самого Фобоса, хотя и очень малое, тоже оказывало некоторое воздействие. Словом,

с математической точки зрения посадка представляла собой очень сложное уравнение, которое и предстояло решать пилоту в течение крайне ограниченного времени, потому что тела двигались со скоростями много большими, чем скорость артиллерийского снаряда.

Конечно, эта задача в основном была решена еще на Земле, когда была составлена соответствующая программа управления ракетой. Но при этом на практике могли возникнуть различные неожиданности, и очень многое определялось личными качествами пилота.

Пользуясь боковыми реактивными двигателями в сочетании с главным, Владимир сумел ввести корабль в пространство между Фобосом и Марсом как раз в тот момент, когда спутник и космический корабль оказались на теневой стороне планеты.

Фобос исчез из поля зрения пилота, но Владимир рассчитывал встретить его при выходе на освещенный участок, а тем временем повернул ракету кормой вперед.

Когда ракета снова появилась в освещенной зоне, Владимир даже выругался с досады: изображение Фобоса показалось только на правом экране. Это означало неудачу маневра.

Пришлось прибегнуть к резкому торможению и переходить на полет по спирали в поле притяжения Марса, чтобы при следующем обороте снова встретить Фобос.

— Включим главный двигатель? — осведомился академик.

— Ничего не поделаешь, — сквозь зубы процедил Владимир. — Держитесь!

Раздался грозный вой, невидимая сила навалилась на космонавтов и прижала их к спинкам кресел. Теперь надо было быстро выключить двигатель, так как Владимир переключил все управление с автоматического на ручное.

Яхонтову недавно исполнилось пятьдесят семь лет, и, как ни здоров он был, годы все же брали свое. Лицо ученого побледнело, его сердце не могло долго выдерживать чрезмерную перегрузку. Внезапно приток крови к мозгу уменьшился, и Виктор Петрович потерял сознание...

Владимир видел это, но сам был близок к обмороку. Он был моложе; прекрасная физическая закалка, длительная тренировка,

сердце, работающее, как мощный мотор, большая сила мускулов дали ему возможность совершить незначительное в обычных условиях, но сейчас необычайно трудное движение. Ему удалось чуть-чуть приподнять кисть руки, сорвавшейся с пульта управления в момент толчка, и пальцем дотянуться до клавиши выключения двигателя. Рев пламени прекратился, и сразу же наступило облегчение, мучительная тяжесть свалилась с плеч. Владимир сделал глубокий вздох и вытер холодный пот, выступивший на лбу.

Посиневшее лицо Виктора Петровича постепенно приобретало нормальный цвет. Ученый пришел в себя и открыл глаза.

— Катастрофа? — еле слышно спросил он.

— Благополучно отделались, — бросил Владимир. — На этот раз, — добавил он чуть погодя.

За счет резкого торможения, едва не ставшего причиной катастрофы, скорость ракеты упала настолько, что она оказалась во власти силы притяжения Марса, как бы превратилась в третий его спутник, вращающийся вокруг планеты по эллиптической орбите. Такое положение в полной мере соответствовало расчетам пилота. Он получил возможность маневрировать. Слегка регулируя скорость и направление полета, Владимир сумел после нескольких оборотов поравняться с Фобосом и несколько минут лететь рядом. Теперь уже не составляло особого труда повернуть корабль кормой к месту посадки и сблизиться с планетой. Вес предметов на космическом теле такой малой массы, как второй спутник Марса, почти отсутствует. Ракета без толчка опустилась на его поверхность прямо на выдвинутые стальные опоры.

Когда ракета прочно стала на четыре точки, космонавты надели скафандры с кислородными приборами, электрическим обогревом и радиостанциями, открыли выходной люк, спустили металлическую лестницу и один за другим стали выходить на поверхность Фобоса.

Первым, как начальник экспедиции и старейший по возрасту, спустился Виктор Петрович.

— Не забудьте шнурок! — предупредил Ли Сяо-ши перед выходом наружу.

— Предосторожность не лишняя, — согласился Яхонтов, пристегивая крючок к поясу скафандра. Спускался он медленно, но на половине дороги вдруг решился и спрыгнул вниз, хотя было еще очень высоко.

— Ах! — не удержалась Индира.

— Спокойно, спокойно, — произнес Ли Сяо-ши, — все будет в порядке.

Действительно, Виктор Петрович вовсе не упал с двадцатиметровой высоты, как можно было ожидать, а плавно и медленно опустился, словно с парашютом.

Снизу он сделал знак рукой, приглашая последовать его примеру. Индира, прыгнувшая вслед за ним, с удивлением убедилась, что парит в пустоте так же легко, как и в ракете в условиях невесомости. Ей даже пришлось энергично двигать руками и ногами, чтобы скорее достигнуть цели. Ли Сяо-ши прыгнул тотчас же вслед за ней и опустился рядом.

— Осторожно, Индира, — сказал он, — мы не на Земле, а на космическом теле крайне малой массы. Предметы здесь практически не имеют веса.

Тем временем на поверхность Фобоса опустились и остальные.

— Не забудьте о шнурах, — еще раз предупредил Ли Сяо-ши.

Проверив крепления, космонавты огляделись. Они стояли на бугристой каменной глыбе, холодной и неуютной, хотя и залитой солнечным светом, не менее ярким, чем на Земле. Несмотря на то, что Фобос находится значительно дальше от Солнца, свет был очень сильный — отсутствовала атмосфера, способная поглощать его или рассеивать. Лишенную гор местность нельзя было назвать и равниной. Сферическая в общем форма Фобоса легко воспринималась глазом, как будто человек стоял на вершине холма с пологими склонами. Линия горизонта лежала совсем близко. Там, где кончалась доступная взору светло-серая, местами красноватая поверхность планетки, начиналась пугающая чернота пространства.

Люди никак не могли почувствовать себя прочно стоящими на твердой почве. Им казалось, будто под ногами чрезвычайно скользкий лед. Трение практически отсутствовало.

Двигаться было просто страшно, и космонавты робко держались поближе друг к другу, не зная, что предпринять.

Первым рискнул Владимир. Смешно растопырив руки, он сделал несколько шагов и попробовал подпрыгнуть. Толчка оказалось достаточно, чтобы он взвился вверх, до открытого люка ракеты, и улетел бы еще дальше, если бы не натянулся закрепленный на поясе шнурок.

Наташа притянула его вниз.

— Осторожно, милый, — с улыбкой заметила она. — Хорошо, когда у человека есть жена, способная удержать мужа от легкомысленных поступков. Надеюсь, ты не собираешься улететь в пустоту, бросив меня здесь?

— Тебе придется прочно держать меня на привязи, — в тон ей ответил Владимир.

Стараясь не повторить его ошибку, космонавты потихоньку разошлись, разумеется, не дальше, чем позволяли шнуры, и принялись за осмотр удивительного нового мира. А поглядеть было на что. В первые минуты посадки перед ними на черном фоне усыпанного звездами неба ослепительно пылало косматое огненное Солнце.

Ракета опустилась на дневное полушарие Фобоса. Прошло совсем немного времени, и вращение планетки вокруг собственной оси привело к наступлению ночи. Тогда в небе Фобоса показался Марс, Будучи сами погружены во мрак, путешественники могли без помехи наблюдать совершенно удивительное зрелище.

Над близким горизонтом вдруг выплыл край огромного розовато-оранжевого шара Марса. Он удивительно быстро поднимался в небе и буквально через несколько минут заполнил почти все видимое пространство.

Огромный светлый шар, в 90 раз больший, чем ночная красавица Луна, которой посвящено на Земле столько стихов и песен, висел на небе среди целого сонма звезд. Это был именно шар, а не диск. Его сферическая форма и близость относительно других светил воспринимались глазами совершенно отчетливо. Надо ли говорить, что в самые темные ночи на Земле небо никогда не бывает такого абсолютно черного цвета, каким видели его астронавты. Свет Солнца, отраженный Марсом, был гораздо ярче лунного: во время «полномарсия» на

Фобосе можно свободно читать. Ночь в полном смысле слова наступала лишь в те периоды, когда спутник проходил за Марсом, то есть

оказывался на затемненной его стороне. Так продолжалась не более двух часов. Потом снова появлялось либо Солнце, либо Марс, либо оба они вместе.

Еще до того, как Марс показался во всю свою величину, Владимир совершил неожиданный для окружающих прыжок и одним скачком достиг входного люка ракеты. Через минуту он медленно опустился обратно, держа в руках небольшой телескоп и штатив к нему.

— Пока есть возможность, надо выбрать место для посадки, — объяснил он, устанавливая инструмент.

Ли Сяо-ши принялся ему помогать. Даже невооруженным глазом на Марсе были видны теперь ярко-белые шапки у полюсов, розоватые, коричневатые и синеватые пятна на всей поверхности планеты.

Все собрались около телескопа, каждому хотелось поглядеть в окуляр и представить, что может ожидать их завтра. Но Владимир оказался неумолимым.

— Вы еще успеете насмотреться, друзья, — заявил он категорически. — А мне нужно все изучить досконально.

Возражать было трудно, и космонавтам пришлось ждать минут десять, пока пилот не оторвался от окуляра.

— Ну вот, теперь глядите и давайте решать, — произнес он. — На мой взгляд, надо высаживаться в экваториальной зоне, на той розовой равнине, что к северу от темного пятна, близ центра диска. Взгляните, Ли.

Китайский ученый склонился к телескопу.

— Это место на картах Марса называется пустыня Арабиа, а пятно очень характерной формы — синус Меридиани... По-моему, вы не ошиблись в выборе.

— Позвольте, — сказал Виктор Петрович, заглядывая в окуляр. — Розовая равнина, наверное, имеет плотную глинистую почву. Это неплохо. Конечно, надо садиться ближе к экватору — там теплее. Что касается темного пятна, то именно здесь, по-моему, можно быстрее найти жителей Марса. Мне кажется, место выбрано удачно.

— Разрешите и мне посмотреть, — попросила Индира. — Да! продолжала она, глядя в телескоп. — Резкость изображения удивительная, могу смело утверждать, что синеватые пятна действительно

растительность, а розовато-коричневые, безусловно, — поверхность песчаных и глинистых пустынь. Вижу синие и лиловые полосы каналов — тоже, несомненно, растительность... Но что это? Атмосфера заметно мутнеет... В районе большой пустыни возникло желтое облако... Оно несется на восток... Очевидно, началась песчаная буря... Смотрите, пока не поздно...

Один за другим космонавты подолгу разглядывали поверхность загадочной планеты.

— Я понимаю, друзья, глядеть на Марс интересно, — послышался спокойный голос начальника экспедиции, — но не пора ли браться за работу? Давайте готовиться к пересадке, — продолжал он. — Выберем место для взлета. Выгрузим маленькую ракету, перенесем туда необходимые вещи.

Пока они разглядывали Марс, маленький Фобос успел снова повернуться к Солнцу. Стремясь использовать солнечный свет, путешественники энергично принялись за работу.

Виктор Петрович и Владимир отправились искать подходящее место для старта малой ракеты. Наташа вооружилась геологическим молотком и, не отходя далеко, стала собирать образцы пород. Ли Сяоши измерял температуру освещенных точек планетки и в тени, аккуратно записывая показания термометра. Индира не теряла времени и занялась фотографированием.

Ли Сяо-ши приблизился к ней.

— Смотрите, чтобы не получились передержки, — заметил он, когда девушка делала первые снимки.

— Не беспокойтесь. Ли Сяо, я не совсем новичок в фотографии, — ответила Индира. — К тому же мой экспонометр — довольно точный прибор. И я соблюдаю золотое правило фотографа при съемке в незнакомых условиях...

— Три снимка с разной экспозицией для каждого сюжета? догадался Ли Сяо-ши.

— Безусловно. Полная гарантия.

— Вот это хорошо, — вмешался Виктор Петрович, увидев, чем занята Индира. — Нам очень нужны эти снимки. Первые люди на Фобосе — событие, которое стоит запечатлеть. Не жалейте пленки!

Индира не жалела. Она сняла все, что было возможно. И ракету на четырех стальных опорах, и дивное зрелище Марса в разных фазах, и удивительный, неповторимый ландшафт маленькой планетки, причем не переставала в то же время говорить с китайским ученым.

— Послушайте, Ли Сяо, — ее голосок звучал в наушниках тихо и мелодично, — вы же астроном и все знаете о космосе. Что вам известно об этой маленькой планете? Подумайте: за сутки тут можно пешком совершить кругосветное путешествие. Даже по экватору. И у такой крошки есть экватор!

— Не совсем так, Индира, — засмеялся астроном. — Поперечник Фобоса составляет шестнадцать километров, значит, его окружность примерно пятьдесят. Разве такая маленькая женщина, как вы, способна пройти столько?

— Она проходила и больше, даже на Земле, где тела имеют настоящий вес. Притом под индийским солнцем и в горах, рассердилась девушка. — И вообще, перестаньте считать меня тепличным растением. Я равноправный член экспедиции, хотя и мала ростом.

— Не буду! Больше не буду! — виновато успокаивал ее Ли Сяо-ши, хотя глаза его смеялись. — Знайте в таком случае, что Фобос — довольно крупная крошка. Его объем две тысячи сто сорок пять кубических километров, а масса, если считать плотность равной плотности Марса, то есть три и восемьдесят пять сотых, составит ни много ни мало как восемь миллиардов двести тридцать девять миллионов тонн. Этого вам недостаточно?

— Цифра, страшная на первый взгляд, — бросил Яхонтов, услыхав конец разговора. — Но, увы, она составляет миллиардные доли массы Земли, вот почему здесь почти совсем нет тяжести, а она иногда очень нужна...

Начатая фраза осталась недосказанной, потому что во всех шлемофонах прозвучал взволнованный голос Паршина:

— Сюда, друзья! Скорее сюда! Кажется, я нашел кое-что интересное.

Космонавты не бежали, а скорее совершали прыжки, которым на Земле позавидовал бы любой циркач.

Слегка оттолкнувшись ногой, они как бы перелетали на несколько десятков метров. Худая фигура Паршина маячила вдали и как бы скрывалась до половины за линией горизонта.

Ученый стоял на краю воронки не менее 500 метров в поперечнике. Солнце светило сбоку, и яма зияла, как черная брешь, в сером камне. Края ее были оплавлены и походили на мутное стекло, местами покрытое серебристым налетом.

— Полюбуйтесь, — сказал Сергей Васильевич, указывая рукой вниз. Космонавты приблизились и заглянули внутрь. По мере вращения планеты лучи Солнца проникали все глубже. Вскоре уже можно было видеть дно ямы.

— Похоже на кратер вулкана? — заметила Индира.

— Ну, что вы, — ответил Паршин. — О каком же вулкане можно говорить на Фобосе, этой холодной каменной глыбе! Здесь был взрыв, чудовищной силы взрыв!

— Температура которого достигала по меньшей мере нескольких тысяч градусов, — добавил Ли Сяо-ши. — Смотрите, горные породы расплавились при вспышке.

— Причем жидкая масса была выброшена из воронки, но тут же застыла, и каменные капли упали вниз, — продолжала Наташа.

— Здесь были не только камни, — сказал Паршин. — Неужели вы не видите следы металла? — Он указал на блестящие серебристые пятна.

— Постойте, это очень интересно, — воскликнул Ли Сяо-ши и спрыгнул вниз.

— Ах! — вскрикнула Индира, забыв, что дело происходит в мире почти без тяжести.

Ли Сяо-ши энергично разбирал камни и бросал наверх. Специалисты-геологи — Наташа и Виктор Петрович — ловили их и рассматривали. Наташа была права: камни более всего походили на вулканические бомбы и состояли из стекловидной, некогда расплавленной массы. Яхонтов хотел отломить длинный отросток одной из таких капель, но она оказалась прочной и никак не поддавалась. Вмешался Владимир, его мускулы были покрепче.

Камень не выдержал, но тотчас же непонятная сила разорвала его и превратила в мелкую пыль. Произошло нечто вроде беззвучного взрыва. Индира испуганно отшатнулась.

— Пустое, — засмеялся Яхонтов. — При быстром застывании расплавленной массы создались значительные внутренние напряжения, отломили кончик, разрушилась вся капля.

— Помогите мне, Владимир, — послышалось снизу.

Ли Сяо-ши теперь старался обломить большую глыбу, прочно припаянную к склону воронки, но его сил было явно недостаточно. Владимир соскочил вниз.

Сообща они оторвали глыбу. Под ней открылся бесформенный слиток металла, сохранивший свой серебристый цвет.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Ли Сяо-ши. — Теперь ясно. Здесь было тело из металла. Металл частично испарился и осел на стенки воронки, а основная масса застыла на дне.

— Так что же здесь случилось? — не сразу поняла Индира.

— Взрыв большой силы, — объяснил Паршин. — Некий предмет, сделанный из металла и, видимо, содержавший взрывчатое вещество, взорвался здесь...

— Атомный заряд? — спросила Индира.

— Не думаю. При взрыве атомной бомбы температура поднимается до десятков миллионов градусов, и все вещество обратилось бы в пар. Тут взорвалось что-то другое.

— Например, горючее космического снаряда, — вставил Яхонтов.

— Вы думаете? — произнес Паршин.

— А почему бы и нет! Если предположить, что сюда откуда-то прилетел снаряд, то возникает естественный вопрос: кому и зачем понадобилось бомбардировать каменную громаду, лишенную всякой жизни? Не проще ли предположить, что тут была стартовая площадка для космической ракеты, взорвавшейся при запуске? Ведь Фобос — идеальное место для подобных экспериментов.

— Значит, марсиане некогда пытались соорудить космический корабль? — недоверчиво протянул Сергей Васильевич Паршин.

Вместо ответа Виктор Петрович сделал выразительный жест рукой в сторону блестевшего в лучах Солнца слитка.

— Не будем ломать голову, — сказал он. — Чем скорее мы достигнем Марса, тем быстрее найдем разгадку и этой тайны.

Полные глубокого раздумья, космонавты направились к своей ракете. Индира шла последней. Она задержалась, чтобы запечатлеть на фотографии и это место.

Под руководством Владимира путешественники принялись за подготовку к последнему этапу полета. Внутри большой космической ракеты находилась малая.

Это была металлическая сигара из легкого титаноциркониевого сплава. Длина ее равнялась 27 метрам, при наибольшей ширине 4 метра. Ее передняя часть имела каюту для шести пассажиров, конечно, лишенную таких удобств, какие были на большой ракете.

Основную часть корабля занимали топливные баки, двигатель и кладовые для грузов — кислорода, воды, пищи, которые космонавты должны были взять с собой на Марс.

С помощью электрических подъемных кранов малая ракета была осторожно спущена на поверхность Фобоса. Затем на специальной тележке ее отвезли к выбранному для старта месту и поставили вертикально на три опоры.

Потом все дружно принялись за перевозку грузов. Больше всего хлопот доставили длинные трубы, содержавшие обогащенный уран и кадмиевые стержни — предмет особых забот профессора Паршина. За ними перетащили баллоны с кислородом, ящики с продовольствием и семенами холодоустойчивых земных растений, специальные баллоны, в которых хранились культуры полезных микроорганизмов, тюки с одеждой. Все это заняло довольно много времени. Короткая ночь Фобоса дважды сменяла день, а работа все еще продолжалась.

— Ну, вот и конец, — удовлетворенно произнес Владимир, когда Наташа объявила, что весь необходимый груз уже находится на малой ракете. — Самое время отдохнуть.

Предложение было как нельзя более кстати, потому что все космонавты, отвыкшие за долгие месяцы полета от сколько-нибудь значительного физического напряжения, буквально изнемогали от усталости.

— Сейчас все на корабль — и отдыхать, — произнес Яхонтов. — Завтра отправляемся на Марс. Постойте! — вдруг вспомнил он. — Надо же передать на Землю, что мы вылетаем на Марс.

— Я сейчас радирую, — отозвалась Наташа. Одним прыжком она оказалась у входного люка большой ракеты и скрылась внутри. Остальные последовали за ней.

ЧАСТЬ II
ДРЕВНИЙ АНТ

1. Первые сутки на Марсе

По сравнению с шестьюстами миллионов километров — расстоянием по дуге эллипса на трассе Земля — Фобос — оставшийся отрезок пути был крайне мал — всего-навсего шесть тысяч километров, считая по прямой, или около десяти тысяч километров фактической длины траектории Фобос—Марс.

Когда все расселись по креслам пассажирской кабины малой ракеты, Владимир огляделся, проверил, все ли в порядке, и включил двигатель. Пассажиры не испытали никаких неприятных ощущений, когда ракета оторвалась от поверхности планетки. Правда, тела стали вдруг тяжелыми, но нагрузка была вполне терпима. Двигатель работал недолго и, едва приборы показали скорость порядка одного километра в секунду, был выключен. Дальнейшее движение осуществлялось за счет инерции и притяжения самого Марса. Ракета как бы падала с Фобоса на Марс, но не прямо, а по параболе.

В первые минуты полета Марс казался висящим над головой, но затем стало казаться, будто планета уже впереди. С точки зрения обитателей Марса, космический корабль пикировал на поверхность планеты, а космонавты воспринимали это движение как полет в горизонтальной плоскости. На пульте управления вспыхнула синяя лампочка, означающая, что ракета вошла в верхние слои атмосферы Марса. Тогда Владимир выпустил короткие треугольные крылья для планирования в марсианской атмосфере.

Корабль летел вокруг планеты на очень большой высоте, постепенно снижаясь. Кресла, подвешенные на шарнирах, приняли необходимое положение.

Прильнув к окнам, путешественники с интересом рассматривали загадочную планету. Под крыльями ракеты простирались пустыни — красные, оранжевые, желтые, бурые, серые. Все это были равнины, лишенные видимых признаков жизни.

— Мне приходилось зимой видеть пустыню Гоби с самолета, заметила Наташа, — очень похоже.

— Да! — согласился Ли Сяо-ши. — Если бы на горизонте виднелись горы, можно было бы думать, что мы несемся над бескрайними степями и пустынями Монголии или Северо-Западного Китая.

— Стоило забираться так далеко, чтобы увидеть знакомые картины, — с улыбкой заметила Индира. — Скажите лучше, что вы думаете об этих синих пятнах?

— Растительность, вероятно, — нерешительно протянула Наташа.

— Это можно было предполагать еще на Земле.

— Что же другое можно оказать, пока мы не опустились на поверхность планеты!

— Наташа, дайте на минутку бинокль, — попросила девушка.

Она вооружилась превосходным пятидесятикратным биноклем особой конструкции и всмотрелась.

— Синие пятна, безусловно, растительность. Это не леса в нашем смысле слова, а заросли кустарника, типа австралийского скрэба. А желтые и другие яркие пятна — действительно пески, — объявила Индира.

Планируя, ракета постепенно снижалась; но скорость ее пока оставалась большой.

Академик Яхонтов и профессор Паршин тоже не отрывались от биноклей. Ночное полушарие Марса приближалось довольно быстро. С огромной высоты было видно, как на розовые пустыни надвигается синяя завеса ночи.

Владимир включил бортовые тормозные двигатели. Астронавты ощутили сильный толчок. Уже знакомая им могучая сила вдавила их

в пневматические кресла. Так продолжалось около минуты. Наконец скорость была погашена, и ракета стала падать.

Пилот повернул нос корабля вверх, прямо к зениту. Теперь ракета падала на корму. Но вот вспыхнуло горючее в камерах главного двигателя. Падение заметно замедлилось. Ракета плавно опускалась, как бы поддерживаемая большой и сильной пружиной. Владимир смотрел в перископ кругового обзора и регулировал быстроту и направление спуска. Наконец, подняв целое облако песка и пыли, ракета коснулась поверхности Марса.

Легко представить себе, как посланцы Земли хотели поскорее выйти наружу, ступить на почву неисследованной планеты. Однако пришлось потратить еще немало времени на надевание газонепроницаемых, теплых комбинезонов и шлемов с кислородными приборами.

Наконец путешественники собрались в выходном шлюзе и закрыли герметическую внутреннюю дверцу. Распахнулись наружные створки. Делом одной минуты было спустить лестницу.

Честь первым ступить на поверхность Марса, конечно, была предоставлена начальнику экспедиции. Академик Яхонтов осторожно спустился по ступенькам. За ним сошли остальные. Здесь уже не было необходимости привязывать себя шнурками: сила притяжения была достаточной.

Плоская безжизненная равнина открылась их взорам. Над головой навис темно-лиловый купол безоблачного неба. Маленький Фобос был виден недалеко от горизонта. Его серп напоминал Луну в третьей фазе. С другой стороны небосклона невысоко горело Солнце, маленькое, но яркое, очень похожее на земное. Небо с той стороны казалось сиреневым. На этом необычном для человеческого глаза фоне и сияло светило. К зениту небо лиловело, и на нем отчетливо выделялись разноцветные огоньки звезд, тех же самых, что светят на небосклоне Земли, так же ласково мерцающих.

В лучах солнца было видно далеко. Людей окружала пустыня. Огромная, бескрайняя пустыня. Стоял жгучий мороз. Песок под ногами хрустел, как снег в студеную зимнюю ночь. Он был совершенно красный, цвета хорошо обожженного кирпича.

Сначала астронавты молча стояли у ракеты, жадно впитывая первые, самые яркие и незабываемые впечатления.

Холмистая равнина под лучами вечернего солнца вблизи горела красным пламенем, а дальше, к линии горизонта, окрашивалась в густые синие и фиолетовые тона. Атмосфера поражала совершенно необычной для глаза человека прозрачностью. Кое-где над красными песками поднимались чахлые растения, покрытые синей и голубой хвоей. Между ними стелились совершенно голые длинные фиолетовые ветви, усыпанные колючками. Резкий холодный ветер поднимал облака песчаной пыли. Они кружились и быстро неслись по равнине.

Уже через несколько минут астронавты почувствовали, как стынут ноги. Скоро пронизывающий холод стал проникать и внутрь меховых комбинезонов, несмотря на их электрический обогрев от миниатюрных аккумуляторов.

— Ну что же, друзья, — сказал Яхонтов. — Вот мы и на Марсе! Попросим Индиру зафиксировать этот момент на кинопленке да за дело!

Слова начальника экспедиции звучали очень глухо, как бы издалека, хотя и были сказаны полным голосом. Разреженная атмосфера скрадывала звуки. Индира вышла вперед и сняла несколько кадров. Для этого ей пришлось снять меховые перчатки и остаться в толстых шерстяных.

— Какой ужасный мороз! — воскликнула она, тут же пряча озябшие пальцы.

— Нужно быть очень осторожным, — предупредил Ли Сяо-ши. Ведь температура тридцать восемь градусов ниже нуля. И это на солнце!

— Начнем с пробы атмосферы, — сказал Виктор Петрович. Надо поскорее узнать, можно ли тут дышать.

Прибор для взятия проб газов висел у Ли Сяо-ши через плечо. С помощью резиновой груши он засосал воздух, затем плотно закрыл баллон и поднялся по лесенке в ракету, где была походная лаборатория.

— А мы с Наташей пока пройдемся вокруг, поглядим, что тут растет, — сказала Индира.

— Только недалеко, — разрешил Яхонтов, — чтобы вас было видно. И будьте очень осторожны.

Женщины удалились в сторону заходящего Солнца. Две фигурки в пушистых меховых одеждах рисовались на фоне заката, очень странном для глаз человека, потому что небо на западе окрасилось в зеленый и желтый цвета.

— Ничего себе местечко, — проворчал Паршин. — Пустыня!.. Холод!.. И закат какой-то нечеловеческий... Вот уж поистине тоска зеленая! Впрочем, как говорят: de gustibus non disputandum[11]

Он сильно притопнул ногами, потом подпрыгнул на месте, чтобы согреться, и неожиданно оказался довольно высоко в воздухе.

— А, черт! — вскричал он. — И тут надо думать о тяжести!

— Ничего, Сергей Васильевич, — утешил Владимир. — Вес тел на Марсе только в два с половиной раза меньше, чем на Земле. Привыкнуть можно скоро, а преимущества большие...

Владимир знал, что делать. Выйдя из ракеты, он, как хороший хозяин, внимательно осмотрел свой корабль, попробовал, прочно ли он стоит на своих опорах, заглянул в отверстия кормовых дюз, а потом вынул бинокль и принялся тщательно оглядывать местность.

— Везде одно и то же, — сообщил он. — Голые пески, и ничего больше. Скоро зайдет солнце, и наступит ночь. Вот и все, что я могу доложить.

Виктор Петрович прислушался к разговору, но ничего не ответил. Он и сам был занят осмотром окружающей унылой обстановки.

— Могу сообщить результаты, — произнес Ли Сяо-ши, незаметно подойдя сзади. — Азот — восемьдесят два процента по весу, кислород — четырнадцать, углекислый газ — три, аргон один процент. Это округленные цифры первой пробы.

Яхонтов пристально поглядел на него.

— Вы уверены в этих данных, Ли Сяо? — переспросил он. Такой высокий процент кислорода опровергает выводы спектрального анализа.

— В своих расчетах я уверен. Секрет, очевидно, в том, что спектр, наблюдаемый земными обсерваториями, говорит о среднем составе

[11] о вкусах не спорят

всей атмосферы Марса, а мы сделали пробу самого нижнего слоя. Я затрудняюсь назвать другие причины.

— Рискнем проверить? — сказал Виктор Петрович, готовясь приподнять маску.

— Разрешите, я первый! — удержал его Ли Сяо-ши. — Если я ошибся, мне и отвечать, — добавил он с улыбкой и оттянул маску.

Первый вдох он сделал крайне медленно и осторожно, втягивая воздух через нос. Потом выдохнул, вдохнул, еще раз и сказал:

— Пока ничего ужасного не случилось. По-видимому, дыхание возможно. Не будем спешить, привыкнем постепенно.

— Но это же поразительная удача! — обрадовался Яхонтов. Если тут можно дышать без кислородных приборов, многие трудности экспедиции снимаются! Сейчас я попробую сам.

Он высоко поднял маску и сделал несколько глубоких вдохов.

— Превосходно! — воскликнул он. — Просто замечательно! Конечно, воздух далеко не земной и очень разрежен. Дыхание без прибора резко участится, но жить можно. На худой конец, обойдемся без масок. Но где же наши дамы? Ведь скоро стемнеет...

Владимир огляделся и, заметив поодаль Наташу и Индиру, бросился к ним.

Женщины возвращались, нагруженные трофеями. Каждая несла по большой охапке растений. Тут были совершенно сухие, очень хрупкие и ломкие стволы колючего кустарника, темно-бурого и фиолетового цвета, толстые голубые шары и странные, стелющиеся по поверхности песка длинные и гибкие растения, покрытые мелкими чешуйками и темно-синими листочками с металлическим отливом.

— Смотрите, сколько мы несем! — кричала Индира. Ее слова громко звучали в шлемах космонавтов. — Разведем костер!

— Неплохая идея, — оживился Паршин. — В самом деле, давайте соберем побольше сухих веток, разведем огонь и вскипятим чай. Будет совсем как на Земле.

Общими усилиями космонавты соорудили большой костер, на двух плоских камнях, найденных поблизости, установили чайник, наполненный водой из запасов, и сели в кружок перед огнем. Только

Владимир, добровольно принявший на себя обязанности часового, медленно ходил вокруг лагеря.

Солнце совсем поравнялось с горизонтом. Закат сиял различными оттенками желтого, зеленого, сине-зеленого и синего цветов, переходящих в густой фиолетовый. С каждой минутой дали все больше лиловели и затягивались какой-то странной красноватой дымкой.

Сухие растения горели превосходно. Костер, раздуваемый ветром, распространял приятную теплоту. Не прошло и десяти минут, как чайник уже кипел вовсю.

— Вот что значит хорошая хозяйка! — гордо заявила Наташа. — Как на газе — не успели оглянуться, и чай готов.

— Мне жаль огорчать вас, Наталья Васильевна, — улыбнулся Ли Сяо-ши, — но тут дело не только в ваших способностях. Не забудьте об одной мелочи: давление атмосферы на Марсе значительно меньше земного, и вода закипает при шестидесяти трех градусах.

Наташе это просто не пришло в голову, она смутилась. Засыпали побольше чаю, который плохо разваривался при такой температуре, и вдоволь насладились в меру горячим и ароматным напитком.

Уже начало темнеть, когда Паршин сменил Владимира на посту, но можно было еще заметить приближающуюся опасность. Сергей Васильевич то и дело подносил к глазам бинокль.

Красноватая мгла на горизонте все сгущалась, а ветер, холодный и порывистый, заметно крепчал... Он дул с востока, где небо приняло уже густой черно-фиолетовый оттенок. Оттуда надвигалась ночь.

И вдруг Паршин увидел далеко, на самой линии горизонта, что-то вроде облака или тучи странного желтоватого цвета, резко отличающегося от тона неба. Лучи заката еще не угасли и освещали нечто непонятное, катящееся по пустыне с восточного края.

Сергей Васильевич всмотрелся. Желтоватое облако, принявшее теперь зеленоватую окраску, заметно увеличивалось в размерах. Оно явно приближалось, притом очень быстро.

— Опасность! — закричал Паршин. — Приближается буря! Скорее в ракету!

Космонавты бросились к лесенке. Один за другим они скрывались внутри корабля.

Яхонтов поднимался последним. Едва он успел взяться за поручни у входа, как налетел ветер такой сокрушительной силы, что лесенка сорвалась и унеслась куда-то. Виктор Петрович подтянулся на руках и захлопнул за собой люк.

Все вокруг потемнело. Накатилась целая туча мелкого Песка, звуки утонули в диком реве и свисте ветра. Тяжелая ракета еле удерживалась на своих опорах и качалась при каждом порыве урагана.

В тесной кабине не было удобных спальных мест. Люди могли только полулежать в расположенных в два яруса креслах, подвешенных на качающихся шарнирах. А буря выла и бесновалась уже восемнадцать часов. Мучительно хотелось лечь и вытянуться, а приходилось висеть друг над другом, как птицы на насестах.

Из верхнего люка, соединявшего пассажирскую кабину с рубкой, показались чьи-то ноги в меховых унтах и теплых брюках. Это была Наташа.

— Есть связь? — спросил Виктор Петрович.

— Передала: «Высадились на Марсе, все здоровы, поднялась песчаная буря, выйти наружу невозможно». Думаю, Земля приняла. Оттуда сообщений нет.

— Дрянная погода, — лениво произнес Владимир.

— Торжественная встреча гостей с Земли пока не получилась, — иронически заметил Паршин.

— Но ведь кончится когда-нибудь эта буря, — сказал Ли Сяо-ши.

— Скоро будет двадцать четыре часа, как мы здесь, — уточнил Виктор Петрович, взглянув на часы. — Истекают первые сутки на Марсе. Грустно, конечно, но нельзя же думать, что все будет гладко.

— Ночь на исходе. К утру, наверное, успокоится, — бросила Наташа.

— Почему ты так думаешь? — осведомился Владимир.

— Все на свете — и плохое и хорошее — обязательно имеет конец, — назидательным тоном ответила Наташа.

Против этой сентенции возразить было трудно. Установилось унылое молчание. Никому не хотелось говорить, и космонавты задремали.

Ветер снаружи выл и бесновался. По временам ракета начинала дрожать и вибрировать, как туго натянутая струна. Однако гул и

свист урагана стали постепенно ослабевать. Иногда ветер вдруг затихал совсем, но тотчас же бросался на ракету с новой силой.

— Светает, — сказал Владимир, дремавший в одном из верхних кресел. Он очнулся, выпрямился и прильнул к иллюминатору.

— Что день грядущий нам готовит? — пропел профессор Паршин, сидевший в нижнем ярусе, как раз под креслом Владимира.

— Долгожданную встречу! — вдруг заявил Владимир так громко, что проснулись все. — По-моему, приближаются марсиане.

Сон у всех мгновенно пропал. Космонавты сразу оживились. Проворный Владимир был уже внизу и торопливо открывал люк. Холодный ветер и пыль ворвались внутрь, но это теперь никого не смущало. Быстро опустили запасной трап и выбрались наружу.

Рассвело. Раннее марсианское утро казалось зеленым. На востоке разгоралась бледно-лимонная заря, выше небо играло чистым изумрудом, ближе к зениту оно приобрело оттенки морской воды, и только на западе, куда отступала ночь, господствовали густые синие и фиолетовые краски.

Ветер заметно ослабел и временами стихал совершенно. Песчаное облако умчалось куда-то далеко, и по пустынной коричнево-красной равнине кружились, догоняя друг друга, лишь отдельные облачка пыли.

— Где же ваши марсиане? — спросил академик.

Космонавты стояли около ракеты небольшой тесной кучкой. Виктор Петрович, высокий, худощавый, заложив руки за спину и слегка прищурив глаза, смотрел на пустынную равнину, стараясь разглядеть что-либо в утренней полутьме.

— По-моему, они приближаются со всех сторон, — воскликнула Индира. Ее острые глаза первые увидели неясные, колеблющиеся очертания каких-то движущихся темных предметов далеко на горизонте.

— Поглядите? — Владимир протянул Яхонтову свой бинокль.

Тот, медленно поворачиваясь, осмотрел горизонт. Глаза Индиры не обманули ее и на этот раз... В превосходный оптический прибор стало видно, что далеко на равнине быстро движутся непонятные предметы. Неопределенная темная масса, сливающаяся с красноватыми тонами пустыни, колыхалась и временами поблескивала.

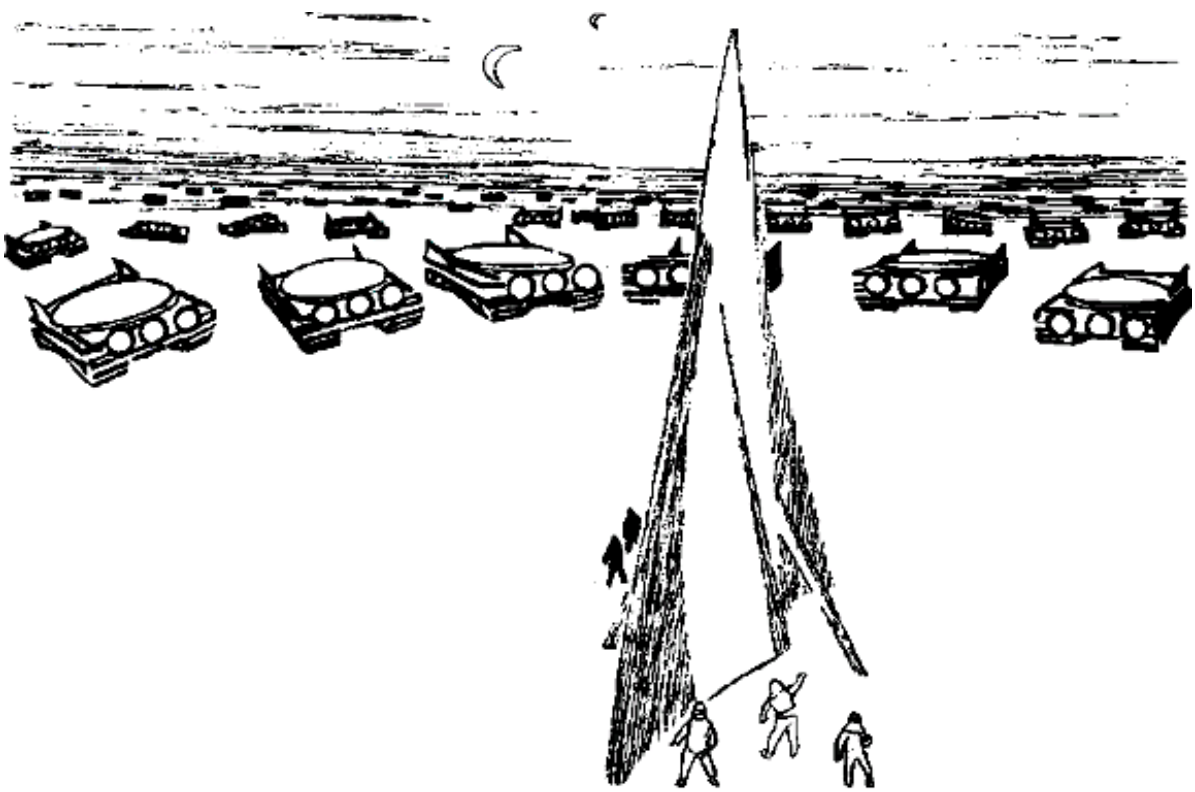
Что-то двигалось к ракете со всех сторон, но что именно? Какая встреча ожидает пришельцев с другой планеты? Как ни владели собой космонавты, понятное волнение охватило каждого. Чувство неосознанной тревоги невольно проникало в сердце.

Сейчас они, по-видимому, встретятся с разумными существами. Если в этом отношении еще могли быть разные точки зрения на Земле, когда шли споры о значении принятых сигналов, то теперь уже не оставалось никаких сомнений. Приближались бесспорно разумные создания, обладающие высокой техникой.

Но как воспримут они появление гостей с другой планеты?

Далекое солнце выглянуло из-за горизонта, и яркий свет озарил равнину. Теперь стало видно, что к стоянке ракеты приближаются машины.

Да! Это несомненно были машины, более всего напоминающие современные танки. Широкие, низкие, приземистые, они ползли, видимо, на гусеницах, скрытых под броней. Ничего похожего на колеса не было видно в сильный бинокль. В первые минуты эти механизмы

шли на большой скорости, затем стали ползти медленнее, постепенно стягиваясь в кольцо вокруг горсточки землян...

Башни, характерные для боевых машин, применяемых на Земле, на марсианских танках отсутствовали. В передней их части блестели три выпуклые полусферы, похожие на глаза гигантских насекомых. Видимо, это были смотровые иллюминаторы.

Космонавты невольно оглядывались по сторонам, потому что машины имели явно угрожающий вид. Со всех сторон их колонны медленно приближались к ракете. Они двигались пятью группами. Впереди шла головная машина, за ней три другие, соблюдая строгие интервалы и равнение, дальше — два ряда по пяти штук в каждом.

— Четырнадцать машин в каждой группе, а всего семьдесят, — процедил сквозь зубы Владимир. — И все это против шести космонавтов!

— Не делайте преждевременных выводов, — ответил Яхонтов. — Ведь они не знают, кто мы такие и на что способны...

Ли Сяо-ши был внешне спокоен и невозмутим, а Паршин с трудом сдерживал волнение. Наташа стояла твердо, слегка наклонив голову и засунув руки в карманы комбинезона. Индира тоже не проявляла внешних признаков беспокойства, но невольно жалась к подруге.

По-видимому, между марсианами поддерживалась связь. Словно по команде, машины вдруг остановились. Затем одновременно открылись ранее незаметные люки. Оттуда поднялись предметы непонятного назначения. Это были круглые, параболические рефлекторы. Рядом с ними показались короткие толстые трубы, соединенные по пять штук, — одна в центре, четыре вокруг. Из маленьких люков по бокам далеко вперед выдвинулись тонкие и гибкие стержни, снабженные остриями. Полусферы в передней стенке вдруг закрылись металлическими колпаками с узкой горизонтальной щелью. Все эти действия сопровождались громким лязганьем пружин и шарниров.

Путешественники молча наблюдали за достаточно красноречивыми приготовлениями.

— Торжественная встреча весьма похожа на психическую атаку, — не выдержал Паршин.

— Молчите! — резко бросил Владимир.

Очевидно, марсиане получили новую команду. Машины вдруг пришли в движение и быстро перестроились. Теперь они окружили ракету тремя сплошными кругами, а пять головных машин остались в центре, метрах в пятидесяти от космонавтов. Вслед за тем снова послышалось лязганье металла, и грозные предметы нацелились на пришельцев.

— Зачем же было подавать сигналы и звать гостей? — недоумевала Индира.

— А черт их разберет, что тут на Марсе происходит! — не удержался Паршин.

— Что будем делать? — спокойно спросил Ли Сяо-ши.

— Безумие сопротивляться, — сказал Яхонтов. — Нужно убедить их в нашем миролюбии. Сохраняйте полное спокойствие. Малейшее проявление паники или неосторожные движения погубят все дело. Стойте на месте, что бы ни случилось!

Он спокойно и неторопливо вышел вперед и остановился один шагах в пяти от остальных астронавтов. Владимир рванулся было за ним, но не посмел ослушаться приказа и замер на месте, рядом с Наташей.

Напряженное молчание продолжалось недолго. Боковые стенки машин заднего ряда откинулись, и оттуда, как горох, посыпались марсиане. Они оказались очень похожими на людей, только были много ниже ростом. Цвет кожи у них был совершенно черный. Одежда состояла из пушистой ткани ржаво-красного цвета, плотно облегающей тело. На голове, на груди, на руках и на бедрах была, по-видимому, броня из красноватого металла, легкая, не стесняющая движений.

Марсиане быстро построились в боевые порядки во главе с офицерами, которые отличались от солдат какими-то сложными знаками на круглых шлемах и грудных панцирях. Оружие состояло из коротких широких трубок, которые солдаты держали в руках.

Приближалась решающая минута. Владимир оглянулся. Наташа исчезла.

Послышалась команда — странный гортанный звук, — и марсиане бросились на космонавтов, не оказавших никакого сопротивления.

Не прошло и минуты, как участники экспедиции были крепко связаны. Повернув голову, Владимир увидел, что Наташа выпрыгивает из люка ракеты с большим кислородным баллоном в руках. «Молодец». — подумал он.

— Что ты успела сделать? — крикнул Владимир.

— Передала на Землю: «Окружены войсками марсиан. Участники экспедиции захвачены в плен».

Марсиане кинулись к ней и связали так же, как и остальных.

2. Пленники марсиан

Тонкие, гибкие шнуры из полупрозрачного материала крепко опутывали космонавтов. Руки были связаны у кистей и плотно прижаты к груди. Можно было лишь поднимать их, соединенные вместе, и пользоваться пальцами: поправить маску кислородного прибора, потереть глаза. По-видимому, марсиане угадали значение одежды и шлемов и понимали трудности, какие испытывали в незнакомых условиях пришельцы с другой планеты.

Владимир напряг мускулы, попробовал, крепки ли путы. Шнуры натянулись как струны, но несколько подались. «Ничего, подумал он, — в крайнем случае можно высвободиться. Марсиане пока еще понятия не имеют о физической силе жителей Земли. Пускай остаются в счастливом неведении».

Пленников поместили по трое в двух машинах. В одну попали Яхонтов, Владимир и Ли Сяо-ши, в другую — обе женщины и Паршин. Крупных жителей Земли никак не удавалось втиснуть в низкие и тесные кузова, пока один из офицеров не догадался раскрыть верхние металлические плиты и борта. В открытых машинах пленники могли расположиться сидя и видеть все вокруг.

Самое страшное заключалось в том, что людей могли разлучить. Тогда их положение стало бы трагическим. Особенно волновался Владимир, видя, как его жену готовятся увезти в неизвестном направлении.

— Виктор Петрович, быть может, лучше проявить характер? У меня хватит силы порвать эти шнурочки. Пока не поздно!

— Успокойтесь и не делайте глупостей! Чего вы добьетесь? Они найдут канаты покрепче, тем дело и кончится. А отношения будут испорчены. Не думаю, чтобы нас поместили далеко друг от друга. Самим марсианам это неудобно. Нас придется изучать, кормить, поить. Все это лучше сосредоточить в одном пункте, а марсиане, по-видимому, далеко не глупый народ. В самом крайнем случае, если нас разлучат, то, поддерживая хорошие отношения, мы сумеем разыскать всех. Ведь на Марсе жители Земли — явление довольно редкое.

— Знаете, Виктор Петрович, — сказал Ли Сяо-ши. — Конечно, вы рассуждаете вполне здраво, но нельзя не волноваться за судьбу наших товарищей. Как бы то ни было, они слабее нас.

Яхонтов только пожал плечами.

Разместив пленников, марсиане проворно забрались в машины, и колонна двинулась в путь. Когда они тронулись, Владимиру показалось, будто далеко на горизонте появились еще машины, но, вероятно, он ошибся.

Настроение космонавтов никак нельзя было назвать бодрым, однако новизна обстановки отвлекала их внимание. Машины двигались очень быстро и почти бесшумно, но сильно раскачивались на неровностях почвы. По-видимому, у них имелись хорошие амортизаторы, смягчающие удары.

Колонна построилась в определенном порядке. Одна машина шла впереди, за нею в первом ряду держали равнение еще две, потом два ряда по три. Дальше двигалась первая машина с космонавтами, снова три ряда по три, вторая машина с пленниками и, наконец, арьергард.

Владимир убедился, что Наташу везут туда же, куда и других, и на сердце у него немного отлегло.

— Интересно, — сказал он, — какая сила приводит в действие эти механизмы?

— Несомненно, электричество, — ответил Яхонтов. — Здесь просто нет места для двигателя другого типа.

Солнце поднялось высоко. Космонавты рассмотрели, что находятся в кузове из металла золотистого оттенка. Откинутые бортовые крышки обнажали среднюю часть корпуса, общая длина которого достигала шести метров. Впереди была закрытая кабина, где виднелись

головы и спины трех марсиан. Один из них управлял движением. Самый двигатель размещался сзади и работал ровно, без толчков, издавая легкий, еле слышный гул.

— А ведь неплохо устроена эта штука, — произнес Владимир. — Смотрите, как легко и быстро она идет. Но где же источник тока?

— Аккумуляторные батареи, как мне кажется, — ответил Ли Сяоши, — очевидно, расположены вдоль корпуса под скамьями, где сидят солдаты. Видите — провода.

Дул резкий ветер, еще усиливавшийся быстрым ходом машины. Темно-лиловое небо висело над головами. Легкие белые облачка появились в зените и плыли высоко-высоко. Багровая равнина с пятнами голубой растительности не имела ни конца, ни края. В воздухе было холодно, но черные меховые одежды космонавтов на ощупь казались теплыми. Владимир убедился в этом, когда поправлял маску кислородного прибора.

— Ничего особенного, — заметил Ли Сяо-ши, увидев недоумение на его лице. — Активность солнечных лучей здесь не ниже, чем на Земле. В разреженной атмосфере нет существенных потерь. Поэтому все тела, способные поглощать длинноволновые излучения, например почва, любые темные предметы, сильно нагреваются, а окружающая их прозрачная среда остается холодной. Перепад температур достигает тридцати градусов. Интересно другое — облака. Водяных паров в атмосфере Марса быть не должно. Откуда же взялись эти белые образования? Из чего они состоят?

— Полагаю, это и есть знаменитый «фиолетовый слой», вмешался Яхонтов, — который удается уловить лишь при съемках через синий светофильтр. Возможно, это мельчайшие кристаллы твердой углекислоты, находящейся во взвешенном состоянии.

Любопытство исследователей победило у космонавтов чувство беспокойства за свою судьбу. Беседа отвлекала пленников от тревожных мыслей об их положении, о том неизвестном, что их ждало.

— Смотрите, друзья, — продолжал Виктор Петрович, — мы едем уже долго, а ни разу не заметили ничего, напоминающего дорогу. Правда?

— Мы же среди пустыни, — ответил Владимир.

— Видите ли, — пояснил Виктор Петрович, — со словом «пустыня» на Марсе придется обращаться осторожно. Это, надо полагать, области, где нет постоянного населения. Но плохо верится, что при их развитой технике передвижения здешние жители не используют как-то и эти пространства. Дороги в нашем смысле слова им просто не нужны. К чему они, если всюду плотная, твердая почва, способная выдержать любой транспорт.

— В самом деле, зачем тратить много сил и средств на постройку узких полос дорог, когда всюду можно проехать и без них, — поддержал Ли Сяо-ши.

Мягко раскачиваясь на неровностях почвы, то взбираясь на невысокие холмы, то спускаясь в ложбины, машины быстро мчались к неведомой цели. Солнце оставалось все время впереди, чуть-чуть справа. Владимир заключил поэтому, что колонна держит курс на восток.

Постепенно характер местности изменился. Чаще попадались кустарники, порой они создавали целые заросли немного более полуметра высотой. Кое-где встречались темно-синие низкорослые деревья со стелющимися ветками. Их мелкие листочки напоминали земные хвойные породы. Много попадалось странных растений, представлявших собой большие пушистые шары, вроде губки, небесно-лазоревого цвета. Изредка между ними поднимались уродливые искривленные сине-зеленые кустарники, покрытые длинными колючками. Стали встречаться экипажи. Они тоже двигались на гусеницах, но несли на себе закрытые вагоны, заполненные марсианами. Совершенно как на Земле, обитатели Марса прижимались к стеклам, с любопытством рассматривая необыкновенное зрелище.

Космонавты не могли не заметить, что при таких встречах сопровождавшие их марсиане волновались и пытались как-то заслонить пленников, укрыть от посторонних взоров, но это удавалось плохо: машины были открыты.

— Наверное, на Марсе нет и железных дорог, — заметил Владимир, глядя на пассажирские машины, свободно пересекающие пустынные равнины. — Пожалуй, они не нужны здесь...

— У них нет и воздушного транспорта, — добавил Ли Сяо-ши. — Мы уже давно в пути, а в небе не видно ни одного летательного, аппарата. Замечаете?

— Чрезвычайно разреженная атмосфера — неподходящая среда для полетов, — ответил Яхонтов. — Инженерная мысль, очевидно, развивалась тут иными путями, чем на Земле.

— Зато наземный транспорт, безусловно, хорош, — произнес Владимир, наблюдая, как быстро, легко и свободно мчались по песку марсианские машины.

Местность все более менялась. Теперь появились обширные пространства, поросшие низкими растениями обычной для Марса синей, иногда лиловой расцветки. Их ровные ряды и резко очерченные площади участков насаждений говорили об их искусственном происхождении.

— Посевы, — сказал Яхонтов. — На Марсе, очевидно, есть сельское хозяйство. Интересно было бы изучить его получше.

— Неплохое намерение со стороны людей, связанных, как опасные преступники, — бросил Владимир. — Грядки на тюремном огороде, вероятно, составят все поле нашей деятельности. И то, если нам сохранят жизнь.

Он снова помрачнел, едва вернулся к мыслям об их положении, о Наташе.

— Вы преждевременно предаетесь панике, — возразил Яхонтов. — А я уверен, что все кончится благополучно. Во всяком случае, мы попали в руки высокоразвитых, вполне разумных существ. Это уже хорошо.

Пленники могли совершенно свободно высказывать свое мнение о марсианах, которые заведомо не могли ничего понять. Ср своей стороны, марсиане с любопытством рассматривали их и оживленно говорили между собой, издавая странные, но довольно мелодичные звуки.

— Посмотрите на вещи объективно, — продолжал Виктор Петрович. — Перед нами существа, сумевшие создать совершенные машины. Мы сами видели следы их неудачной, но смелой попытки послать в полет межпланетный корабль. Все это свидетельствует об

очень высоком уровне культуры и способности к абстрактному мышлению. Без математики неосуществима эта техника, которую мы видим. Взгляните на внешний облик марсиан. Они ходят, как и мы, на двух ногах. Руки их свободны и приспособлены для труда. Жители Марса достаточно пропорционально сложены, даже с точки зрения наших эстетических канонов. Правда, они много ниже ростом, но так и должно быть в условиях меньшей силы тяжести. Видимо, есть какая-то зависимость между массой отдельных живых организмов и массой планеты.

— Никак не думал, что у марсиан будет черный цвет кожи, заметил Владимир.

— А я как раз предвидел, — вставил Ли Сяо-ши. — Атмосфера Марса очень разрежена и гораздо слабее земной задерживает короткие фиолетовые и ультрафиолетовые излучения Солнца, обладающие высокой химической активностью. Поэтому, несмотря на отдаленность, количество этих излучений, достигающих поверхности Марса, не меньше, а больше, чем на Земле. Не удивительно, что марсиане обладают черной кожей.

— Посмотрите хотя бы на этого ближайшего солдата, — оказал Яхонтов. — Он вовсе недурен: живые, умные глаза, пропорциональное сложение, у него умело изготовленная одежда, гибкая, прочная, теплая, вполне соответствующая климату...

— Я вижу город, — прервал его Владимир. — Мы приближаемся к цели...

Колонна достигла гребня возвышенности, откуда открылся вид на ложбину. Склоны ее показались космонавтам поросшими густым лесом. Сплошная масса растений, кудрявых, серо-зеленых, похожих на южные земные леса, заполняла долину.

Много экипажей разного размера и вида сновало во все стороны. Издали они походили на муравьев, суетливо бегающих в траве. Однако в этом пестром движении была некая система, словно там имелись невидимые глазам дороги.

Головная машина колонны, едва перевалив через гребень, начала издавать громкие, в три разных тона, звуки. Услышав их, все остальные экипажи торопливо сворачивали, уступая дорогу колонне,

летевшей полным ходом. Строго соблюдая равнение в рядах и по фронту, машины помчались вниз.

Скоро причина оживленного движения стала понятна. В долине скрывался город, настоящий, большой город, но он был построен не на поверхности почвы, а скорее в глубине ее. Место улиц занимали глубокие щели-траншеи, разрезающие единый массив на отдельные участки — городские кварталы. Каждый из них представлял как бы каменный монолит, внутри которого и были выдолблены помещения для жилья и других надобностей. Возведение зданий, возвышающихся над поверхностью планеты, заменялось тут выборкой грунта и устройством искусственных пещер. А верхняя, плоская часть этих скалистых пластов густо поросла лесом.

— Теперь понятно, почему марсианские города нельзя было рассмотреть в самые лучшие телескопы не только с Земли, но и с Фобоса, — заметил Виктор Петрович. — Оказывается, они замаскированы. Интересно, с какой целью?

— Растительный покров сохраняет тепло, — подумав, ответил Ли Сяо-ши. — А это очень важно в здешнем климате. Затем, растения выделяют кислород. Леса над жилыми кварталами, вероятно, очень полезны для населения.

— Совершенно правильная мысль, — вмешался Владимир. Кислорода здесь недостаточно, атмосфера разреженная, приходится дышать учащенно. В городах кислород, наверное, должен как бы стекать по склонам и скапливаться внизу до концентрации, много большей, чем на открытых равнинах. Марсиане поступают очень мудро, располагая свои города в низменностях.

Колонна замедлила ход и постепенно втянулась в узкий коридор улицы. Высота зданий, точнее, глубина выемки, достигала уровня земных пятиэтажных домов, а ширина улицы была примерно 15 метров. Склоны траншей, то есть стены зданий, были не отвесны, а составляли угол около 80 градусов. Каждое сооружение напоминало усеченную пирамиду.

Все тут было странно и необычно для человеческого глаза. Крыши вообще отсутствовали, их заменяли рощи марсианской растительности. Двери и окна располагались не такими ровными рядами, какие

приняты в земной архитектуре, а рассыпались в прихотливом беспорядке на разной высоте, образуя наклонные, даже волнистые линии, создающие рисунок, полный своеобразной красоты. Значительное место в архитектурном ансамбле занимали плоскости, используемые под скульптуру. Рельефные изображения всевозможных чудовищ — полузверей, полуптиц, драконов, многоруких страшилищ — покрывали фасады зданий.

Длинная улица, очевидно главная в городе, вывела на большую круглую площадь. Здесь внимание космонавтов прежде всего привлекло гигантское сооружение, весьма оригинальное по форме.

В центре площади высилось огромное сооружение наподобие круглой башни, высотой с двенадцатиэтажный дом. Однако башня не казалась высокой, очевидно потому, что ее диаметр значительно превосходил высоту. При этом основание было уже, чем верхняя платформа, поросшая густым кустарником. Нависающий карниз поддерживали массивные колонны, изготовленные из цельных глыб камня. Лишь один ряд окон, в верхней части, опоясывал это сооружение. Внизу можно было заметить несколько входов.

Башня как бы замыкала собой две огромные каменные трубы, метров по 20–25 в диаметре, до половины утопленные в почве и поднятые над поверхностью в виде чудовищных полуцилиндров. Трубы эти уходили вниз и скрывались в недрах планеты.

— Если я не ошибаюсь, — спокойно произнес Ли Сяо-ши, — то перед нами головное сооружение одного из каналов Марса.

— Да! — согласился Яхонтов. — Теперь ясно, что каналы действительно существуют. По этим трубам, может быть, подается вода для нужд города. Интересно, как с ней поступают дальше?

— Нетрудно догадаться, — вставил Владимир. — Видите маленькие цистерны на гусеничном ходу? Они, возможно, и доставляют воду в дома. Водопровода здесь, по всей видимости, нет.

Если башня водораспределителя привлекала внимание своими размерами уже в самый первый момент, то при более внимательном рассмотрении можно было заметить еще много примечательных вещей.

Колонна, выйдя на площадь, быстро перестроилась. Машины расположились в три ряда по одну сторону башни и остановились. Пленники получили возможность хорошо разглядеть окружающее.

Прямо перед космонавтами возвышался фасад большого здания неизвестного назначения. Тройная стрельчатая арка главного входа занимала примерно четыре этажа. К ней вела широкая лестница с двумя площадками. На каждой из них, а также между порталами и по сторонам, стояли колоссальные изваяния: внизу — из темно-красного камня, а выше — несомненно, металлические. Маленькие фигурки марсиан, сновавших у подножия, казались ненастоящими, похожими скорее на игрушки, чем на взрослых жителей города.

Оскаленные пасти чудовищ, застывшие в уродливой усмешке или злобно искривленные, вызывали чувство гадливого ужаса. Их глаза были вытаращены, и в них сверкали какие-то камни. Напряженные мускулы, грозно поднятые когтистые лапы, широко раскинутые крылья — все это было исполнено скрытой силы.

— По-моему, это изваяния каких-то богов Марса, — произнес Яхонтов после некоторого раздумья, — иначе нельзя понять значение этих статуй. А мы находимся у портала храма.

— Сказочные чудовища весьма похожи на образы индийской мифологии, — сказал Ли Сяо-ши. — Мисс Рамахвани, вероятно, лучше, чем мы, сумела бы угадать их смысл. Я видел нечто подобное в старинных храмах Вьетнама и Камбоджи, но, признаться, плохо запомнил.

— На мой взгляд, они скорее напоминают скульптуры древних инков и ацтеков, — поправил Виктор Петрович. — В горах Перу или на Юкатане мне тоже приходилось видеть кое-что в этом роде.

— А меня больше всего интересует судьба наших женщин, а не эти идолы, — бросил Владимир и попытался встать, чтобы разглядеть машину, куда поместили остальных пленников.

Заметив его движение, один из марсиан с угрожающим видом поднял оружие.

Владимир нехотя сел на место.

— Вот так-то лучше, — улыбнулся Яхонтов. — Помните, малейшая неосторожность может превратить нас из друзей во врагов.

Сдержанность и еще раз сдержанность — вот все, что требуется. А пока стиснем зубы и будем спокойно глядеть на происходящее.

— Не может быть, чтобы нас разлучили, — успокоил Ли Сяо-ши. — Потерпите, скоро мы будем вместе.

Весть о прибытии пленников, видимо, успела распространиться. Все больше и больше марсиан собиралось на площади. Они заполнили ступени храма, появились между колоннами водораспределителя. Самые резвые, вероятно подростки и дети, забирались на колени каменных изваяний, ничуть не считаясь с богами. Правда, вооруженная стража в ярко-синих одеждах, появившаяся из главного входа, энергично наводила порядок, но любопытство было присуще обитателям Марса не в меньшей степени, чем их земным собратьям.

Теперь космонавты могли видеть не только военных, но и гражданское население столицы. Марсиане были закутаны в меха, необходимые в этом холодном климате. Среди толпы были и женщины, которых можно было отличить по покрою одежды, более длинной и яркой, чем у мужчин, и по пестроте головных уборов.

Марсиане оживленно переговаривались между собой. Нестройный гул голосов доносился до космонавтов, но все звуки были много слабее, чем на Земле.

— Смотрите, — заметил Владимир, — тут есть свои фотокорреспонденты. Совсем как у нас!

Несколько марсиан, бесцеремонно растолкав остальных, выбрались на первый план и навели на астронавтов странные приборы. Но тут же набежали солдаты, видимо не разрешившие съемку.

Офицеры, командовавшие колонной, ожидали дальнейших распоряжений, а пока вышли из машин и расхаживали перед толпой. На площадь стекались и машины. Появилось много маленьких экипажей, в которых сидели по два—три марсианина. Они проезжали перед фронтом боевых машин и скапливались где-то сзади.

Пленники видели множество черных лиц, обращенных в их сторону, ловили взгляды блестящих синих глаз, горящих любопытством. Появилось несколько вездеходов, на башенках которых на одноногих штативах стояли непонятные аппараты. Солдаты заставили их удалиться.

— Марсианские кинооператоры, — предположил Владимир. Представители прессы. Ну совершенно как у нас! Мне кажется...

Ему не удалось докончить фразу. Послышался мерный звук мощного инструмента, что-то среднее между глухими ударами барабана и звоном тяжелого бронзового колокола.

Офицеры пронзительно выкрикнули команду, солдаты бросились по машинам, толпа на ступенях храма раздалась на две стороны, образовав широкий проход.

Из средних дверей появилась процессия. Впереди шли марсиане в длинных черных одеждах, синих, опушенных мехом плащах и высоких шапках, сверкающих самоцветными камнями. Они встали в две шеренги на ступенях.

Вслед за ними показался марсианин в одеждах темно-пурпурового цвета, украшенных золотом и серебром. Небольшая, горящая золотом в лучах Солнца круглая шапочка украшала его голову. Сзади шла новая группа в одеждах розового цвета и С серебристыми головными уборами.

Марсианин в пурпуре спустился на следующую площадку и остановился. Из группы офицеров отделялся один, торопливо подбежал к нему, выпрямился и прокричал что-то тонким, пискливым голосом.

Пленники следили за этой церемонией, понимая, что решается их судьба.

Выслушав офицера, марсианин медленно спустился по ступеням и приблизился к машине, где сидели космонавты. Его лицо покрывали морщины, длинный кривой нос заметно выдавался вперед и нависал над подбородком, нижняя губа надменно выпятилась.

Он испытующе оглядел одного за другим всех трех пленников. Взгляд был тяжелый, пронзительный, казалось, исполненный ненависти.

Яхонтов устремил на него свои серые спокойные глаза. Их взоры встретились. Некоторое время старый марсианин и седобородый человек с Земли пристально глядели в глаза друг другу, как бы стараясь понять ход мыслей.

Затем марсианин перевел взор на Владимира, глаза которого горели огнем сдерживаемого возмущения. Дольше всего марсианин

задержался перед Ли Сяо-ши. Тот сохранял непроницаемое выражение смуглого лица, его чуть раскосые глаза не выражали никаких эмоций.

Марсианин молча рассмотрел его и пошел дальше. Следя за ним глазами, пленники сумели разглядеть машину, где находились остальные участники экспедиции.

— Довольно противный старикашка, — не выдержал Владимир.

— Как знать! — возразил Яхонтов. — Разве можно судить по первому впечатлению, тем более о существе с другой планеты. Откровенно говоря, вид действительно малопривлекательный, но ведь это на наш взгляд. А тут все другое...

— Будущее покажет, — уклончиво заметил Ли Сяо-ши. — Во всяком случае, выражение его лица мне показалось достаточно неприятным... Сейчас все выяснится — он возвращается.

Марсианин шел обратно и, склонив голову, что-то обдумывал. Офицер почтительно семенил рядом.

Поравнявшись с машиной, в которой сидели трое пленников, марсианин еще раз метнул в их сторону злобный взгляд, произнес короткую фразу и медленно стал подниматься по ступеням.

Группа марсиан в розовых одеждах первой скрылась в дверях храма, старик в пурпуре последовал за ними, стража в синих одеждах замкнула процессию.

Выждав, когда двери закрылись, а толпа марсиан снова рассыпалась по лестнице, офицер выкрикнул новую команду. Тотчас группы по шесть солдат подхватили связанных космонавтов и довольно бесцеремонно понесли куда-то. Владимир успел повернуть голову и увидел, что трех пленников с другой машины тоже выволокли наружу и несут в ту же сторону.

Сгибаясь от тяжести, марсиане пронесли космонавтов вдоль ступеней храма, обошли площадь и обогнули круглую башню. За ней показалось здание причудливой архитектуры, но отделанное гораздо проще храма.

Самое правое крыло его почти не имело окон, зато внизу виднелась высокая полукруглая арка, закрытая массивными

металлическими створками. По обе ее стороны, как немые стражи, стояли серые каменные изваяния весьма устрашающего вида.

Когда шествие приблизилось, тяжелые створки медленно раскрылись. Показалось черное отверстие тоннеля — нечто вроде наклонной шахты, уходящей вниз. «Тюрьма, — подумал Владимир, — подземная тюрьма!»

Пленников долго несли по сводчатому переходу, изобиловавшему поворотами и тускло освещенному скрытыми за карнизом источниками света. В конце тоннеля были еще ворота, за ними оказалась вертикальная шахта лифта.

Космонавтов поочередно опустили глубоко вниз. К их изумлению, вместо сырого подземелья они оказались в совершенно сухом и светлом, коридоре, где было гораздо теплее и легче дышалось, чем наверху.

Здесь их снова подхватили и понесли. В стенах нижнего коридора было много дверей, узких и низких по масштабу земного человека. Перед входом в одну из них процессия остановилась. Пленников поочередно втиснули внутрь. Положив их прямо на пол, марсиане развязали космонавтов и удалились.

Путешественники снова оказались вместе и получили возможность двигаться, но это мало изменило их положение: они находились в тюрьме.

3. Замок Тонга-Лоа

Пленники стояли посреди большой комнаты со сводчатым потолком. Круглые матовые плафоны из неизвестного материала заливали помещение спокойным, чуть розоватым светом.

Никому не хотелось говорить. Яхонтов мрачно ходил по камере, женщины притулились в уголке. Больше других волновался Владимир. Его деятельная натура никак не могла примириться даже с мыслью о потере свободы. Он шагал по камере, низко наклонив голову, и сжимал кулаки.

— Подумать только, — негодовал он, — пролететь больше шестисот миллионов километров, преодолеть множество препятствий,

проявить максимум настойчивости, изобретательности, использовать последние достижения науки — и все только для того, чтобы попасть в тюрьму!

— Не волнуйтесь, друг, — успокаивал его Ли Сяо-ши, и теперь совершенно невозмутимый. — Все далеко не так плохо: мы снова вместе, живы, здоровы и невредимы. Если бы нас хотели уничтожить — нас бы давно уже не было... Раз нам сохранили жизнь, значит, не все потеряно.

— Сам черт не знает, какие тут обычаи! — волновался Владимир. — Вы же видели здешних идолов. Быть может, нас готовят для жертвоприношения. Сначала откормят как следует, потом подойдет праздник и...

— К чему такие мрачные мысли? — вмешался Яхонтов. — Нам трудно загадывать далеко вперед. Давайте лучше разберемся в настоящем.

Педантичный, как всегда, он начал с того, что шагами измерил площадь камеры.

— Мой шаг равняется восьмидесяти пяти сантиметрам, — говорил он, производя измерения, — длина камеры восемнадцать шагов, или пятнадцать и три десятых метра, ширина десять шагов, значит — восемь с половиной метров. Мы с вами, друзья, располагаем площадью в сто тридцать квадратных метров на шестерых, или двадцать один и семь десятых квадратного метра на каждого. Что вы хотите!

— А вы кубатуру подсчитайте, — улыбнулась Наташа. — Тут другая будет картина.

— Извольте! Мой рост сто семьдесят шесть сантиметров. Вблизи стен приходится нагибаться. Допустим, высота в среднем сто семьдесят пять сантиметров. Кубатура получится двести двадцать семь и пять десятых метра, или тридцать семь и девять десятых на душу. Не так плохо!

Эти вычисления немного отвлекли пленников.

— Давайте рассуждать дальше, — продолжал Яхонтов. — Романисты обычно помещают своих героев в сырые, мрачные подвалы, где стены покрыты плесенью, с потолков капает вода, по полу бегают крысы. У нас другое дело. Здесь светло и сухо...

Он пощупал стены. То же сделала и Наташа.

— Как вы думаете, что это за порода? — спросил Виктор Петрович.

Наташа всмотрелась, извлекла из прически металлическую шпильку и провела черту. На серой поверхности камня образовался заметный след.

— Лесс, — ответила она. — Так и должно быть, если учесть, что на Марсе постоянно происходят песчаные бури. Ветры переносят на далекое расстояние мельчайшую песчаную пыль, она скапливается в ложбинах и за многие миллионы лет превращается в плотную горную породу.

— А марсиане очень разумно приспособили этот весьма удобный, легко поддающийся обработке материал для устройства зданий, — добавил Виктор Петрович.

Вдоль стен камеры стояли не то скамьи, не то ложа, они были похожи на земные кровати. Низкие, коротенькие и очень узкие, они никак не соответствовали росту жителей Земли. Даже миниатюрная Индира, попробовав лечь, убедилась, что ее ноги выдаются за пределы этого сооружения. Находчивость астронавтов подсказала им выход из положения. Кроватей было более двадцати. Их составили по три рядом для каждого из пленников, кроме Виктора Петровича и Ли Сяо-ши. Для особенно высоких мужчин соорудили составные ложа из четырех кроватей. Составные конструкции получились не очень устойчивыми, но лессовый пол был мягок. Карманным ножом Владимир выдолбил ямки для ножек. На кроватях лежали довольно тонкие покрышки, что-то вроде эластичных матрацев, сделанных из материала, похожего на губчатую резину, и куски легкой пушистой ткани. Ничего похожего на простыни, пододеяльники и подушки марсиане, по-видимому, не применяли.

— Постойте, мы сейчас придумаем, — сообразила Наташа.

По ее совету пленники бесцеремонно разрезали пополам три оставшихся матраца и положили их под головы вместо подушек.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала молодая женщина, укладываясь на своей койке. — Теперь по-человечески спать можно.

И она натянула на себя три покрывала. Они хорошо согревали, что было вовсе не лишним. Термометра у пленников не было, но при дыхании возникало облачко пара — настолько холодно было в камере.

Остальные космонавты тоже прилегли отдохнуть.

— Виктор Петрович! — начал Ли Сяо-ши. — Как вы думаете: ведь на такой глубине достаточно кислорода? Может, попробуем снять маски?

— Рискнем!

Ли Сяо-ши сделал энергичный выдох, потом приподнял маску и вдохнул. Повторил еще раз.

— Ну как? — спросил Яхонтов.

— По-моему, дышать можно. Правда, чаще, чем обычно, но выносимо.

— Dum spiro spero[12], — послышалось со стороны Сергея Васильевича, который поудобнее устраивался на постели. Он удовлетворенно засопел и добавил по-русски, бодрым голосом: — А ничего, знаете, жить можно!

— Ну вот, видите, — сказал Яхонтов, — а вы панику подняли!

Все космонавты с удовольствием сняли давно уже надоевшие маски. С минуту слышалось только мерное глубокое дыхание.

— А я все-таки сумела захватить с ракеты один баллон кислорода, — призналась Наташа. — Вот он, здесь, в углу.

— Превосходно, — одобрил Виктор Петрович.

Настроение немного поднялось. Однако для путешественников бездействие было невыносимо. Один за другим они поднялись и вновь стали ходить по камере. Здесь были еще возвышения наподобие столов и маленьких низких скамеечек. Люди не могли сидеть, как на Земле, и просовывать ноги под стол, но все же пользоваться и такой мебелью было лучше, чем стоять или сидеть прямо на полу.

Владимир подошел к двери и попробовал. Она не поддавалась. Здоровый, крепкий мужчина налег изо всех сил — тот же результат.

— Прочно, — с досадой произнес он, затем вытащил нож и начал скрести камень.

---

[12] Пока дышу, надеюсь

— Мой милый друг, — с грустной иронией заметил Паршин, за целый день упорного труда вы сможете сделать ямку размером с кулак... Подумайте, на какой глубине мы находимся. Одному человеку никак не под силу вырыть тоннель.

— Это я с досады, — отозвался Владимир и бросил бесполезное занятие.

В дальнем конце камеры была перегородка с низенькой дверью. Любознательные женщины проникли за нее. Помещение оказалось пустым, но, в отличие от соседней камеры, пол был не ровный, а чуть углубленный к центру и залитый стекловидным составом. На единственной маленькой стенной полочке стояла стеклянная чашка, наполненная водой. Мягкий на ощупь предмет лежал в жидкости.

— Что это? — заинтересовалась Индира.

— Очевидно, что-то наподобие губки! — догадалась Наташа. — А этот жалкий сосуд содержит запас воды, отведенной для умывания. Здесь, очевидно, не принято мыть лицо и руки, надо обтираться влажной губкой. Вот и все!

— Ужасно! — сделала гримасу Индира. — Даже вымыться негде.

— Ничего не поделаешь. Придется привыкнуть.

На голоса женщин пришли мужчины. Им тоже не особенно понравился марсианский комфорт, но возражать не имело смысла.

— Per aspera ad astra[13], — не удержался Сергей Васильевич.

Шутливое замечание снова немного разогнало гнетущее настроение, но так как делать было абсолютно нечего, то уставшие от переживаний и тревоги люди снова улеглись по койкам. Некоторое время лежали молча. Потом Виктор Петрович резко поднялся с постели, выпрямился и заявил не терпящим возражения тоном:

— Вот что, друзья! В нашем положении самое опасное — распустить себя, предаться лени и апатии. Если только мы допустим психическую и физическую расслабленность, безволие, пассивность — мы пропадем. Надо держать себя в постоянном напряжении, в готовности. Мало ли что может случиться... От каждого потребуются вое силы. Поэтому — долой кровати! Установим сами твердый

[13] Через тернии к звездам.

распорядок и будем заниматься. Физическая тренировка и гимнастика — обязательны. Нам надо прежде всего заставить свой организм приспособиться к новым для него условиям.

Все участники экспедиции начали интенсивную разминку, за которой. последовали бег и прыжки. Низкий потолок и разреженная атмосфера сильно затрудняли эти упражнения, но все же космонавты разогрелись и стали заметно бодрее и оживленнее.

— Ты боялся, что нас будут откармливать, как гусей, а потом принесут в жертву богам, — сказала Наташа Владимиру, когда упражнения окончились. — У меня другие опасения — не собираются ли уморить нас голодом...

— Действительно, — добавила Индира, — столько времени не дают ни воды, ни пищи.

— Девушки и то проголодались! — воскликнул Владимир. Что же говорить нам, мужчинам?

— Всем заключенным полагается вода и пища, — глубокомысленно произнес Паршин.

Однако все эти соображения, казалось, никак не доходили до сознания марсиан. Тянулись часы, а снаружи не доносилось ни единого звука.

Наташа и Владимир ходили рядом и говорили о чем-то своем. Яхонтов беседовал с Паршиным. Тот стоял и энергично объяснял что-то, подкрепляя слова жестами. Индира озябла и сидела одна на своем ложе, кутаясь в покрывало. Ли Сяо-ши подошел и уселся рядом.

— Вам очень страшно? — спросил он вполголоса.

— Не знаю, как вам сказать. Конечно, все получилось очень нелепо. Умирать не хочется...

— А мне сейчас уже не страшно. Я почему-то верю, что асе кончится хорошо. Даже очень хорошо.

— Вы оказали «уже не страшно». Значит, вы боялись?

— Раньше, когда они только приближались. И больше всего я боялся за вас...

Эти слова были сказаны совсем тихо, но оба словно испугались и вдруг замолчали. Прошло несколько минут, пока Индира снова произнесла почти шепотом:

— А мне тогда вовсе не было страшно: ведь вы были рядом. Большой и сильный...

Ли Сяо-ши ничего не ответил.

Где-то вдалеке послышались приглушенные шаги. У дверей камеры они затихли. Лязгнул замок, вошли два марсианина. Он внесли большую чашу, плотно прикрытую металлической крышкой, из-под которой выбивался пар, и два сосуда.

— Нада, — сказал один, ставя на стол принесенную чашу и указывая на нее пальцам.

— Понятно без слов, — ответил Владимир, улыбаясь.

— Дита, — сообщил другой, ставя рядом один из сосудов. Лиу, — добавил он, показывая на другой сосуд, затем поднял его, унес в соседнее отделение, приспособленное для умывания, налил немного воды в сосуд с губкой и принес обратно.

— Замечательно! — воскликнула Наташа. — «Лиу» означает «вода». Я начинаю говорить по-марсиански!

— Дунга, — произнес первый марсианин, обводя рукой чашу и сосуды, стоящие рядом. — Ю дунга, — добавил он, показывая

поочередно на каждого из пленников.

— Очевидно, «дунга» — это собирательное понятие, обобщающее «пища» и «вода», что-нибудь вроде наших слов «обед» или «ужин», — догадался Паршин.

— А что означает «ю»? — спросила Наташа.

— Быть может, числительное. Например, шесть, — предположил Виктор Петрович.

Марсиане достали шесть сосудов поменьше, столько же причудливых по форме предметов, напоминающих ложки и двузубые вилки. Разложив эти предметы на возвышении, они удалились.

На этот раз щелканье замка уже не произвело на космонавтов удручающего впечатления.

— Кушать! Кушать! — весело вскричала Наташа.

Все повеселели. Быстро придвинули скамеечки и расселись вокруг стола.

— Эх! Тарелочек нету, — огорченно оказал Яхонтов. — Но ничего! Как наши предки, из одной миски похлебаем.

Он снял литую фигурную крышку, сделанную из довольно тяжелого даже на Марсе светлого металла.

— Что бы это могло быть? — спросил он, разглядывая ее.

— Какой-то сплав, содержащий серебро или платину, — сказала Наташа. — Обратите внимание, металл совершенно неокисляем.

— Меня больше интересует содержимое кастрюли, а не ее химический состав, — прервал Владимир. — Начнем, или я умру на ваших глазах!

— Попробуем, — согласился Яхонтов, вооружаясь ложечкой.

Из сосуда валил пар, и пища казалась очень горячей. Каждый не удержался, чтобы не подуть, прежде чем взять ложку в рот. Но содержимое чаши оказалось только теплым...

— А, черт! — выругался Владимир. — На этой планете вода кипит при шестидесяти градусах. Каждый раз мы об этом забываем...

— Да, милый, — подзадорила Наташа. — Ни тебе чайку горяченького, ни щец похлебать... Ешь, что дают!

Пища представляла собой вязкую кашицеобразную массу, в которой видны были золотистые капли жира и плавали куски

волокнистого белого мяса. Она издавала сильный пряный аромат, слегка похожий на запах кардамона. К большому огорчению астронавтов, блюдо было почти лишено соли и очень жирное.

— Постойте, — вспомнил Владимир, — у меня в кармане должна быть коробочка с солью. Неужели я ее потерял?

К счастью, коробочка нашлась в боковом кармане куртки, скрытой под меховым комбинезоном.

Когда блюдо хорошенько подсолили, оно стало вполне приемлемым. Не то чтобы радовало вкус изощренного гастронома, но получилось более или менее сносным.

Некоторое время слышался только стук ложек. Скоро миска опустела.

— А что в бидоне? — спросил Паршин.

— Это не бидон, а сосуд из семейства кувшинов, — разъяснила Наташа. — А что в нем, сейчас узнаем.

Каждому налили по кружечке густоватой темно-синей жидкости.

— Интересно! — протянул Паршин, подозрительно нюхая напиток. — Что это может быть? По идее предполагается вино, но мало ли какие чудеса могут быть на Марсе. Пахнет как будто недурно...

Он еще раз принюхался, чуть-чуть смочил губы и пожевал ими.

— Не пойму! Вроде не ядовито. Ну, рискнем! — Он опрокинул кружку и вдруг расплылся в улыбке. — Ей-богу, вроде вина! Кисловатое, но неплохое. Ad usum internum[14]

Глядя на него, выпили и остальные. Напиток оказался кисловатым и довольно крепким. Приятное тепло разлилось по телу.

Вскоре снова открылась дверь. Вошли те же марсиане, которые принесли обед, и с ними третий, одетый заметно богаче. Поверх обычного для жителей Марса костюма из пушистой мягкой ткани или меха на него был наброшен серебристый плащ, расшитый причудливым орнаментом из красных и синих линий. На голове красовалась шапка из длинного меха, похожего на черно-бурую лису, с отделкой из мелких чешуек золотистого металла.

[14] для внутреннего употребления.

Первые марсиане быстро унесли опустевшую посуду, а вновь прибывший долго стоял, глядя на космонавтов, как бы подыскивая слова или пытаясь найти другие способы общения.

Пленники молча смотрели, ожидая, что будет дальше.

— Тиар, — произнес марсианин певучим, мелодичным голосом, указывая на самого себя. — Тиар.

— Тиар, — сказал в ответ Виктор Петрович, стараясь как можно лучше передать произношение. — Тиар — это ваше имя? закончил он вопросительно.

Марсианин уловил интонацию и догадался о сути произнесенных слов. На его лице появилось некоторое подобие улыбки.

— О! «О!» — говорил он. — Тиар, Тиар!

— Тиар, Тиар, — повторяли космонавты.

Знакомство, таким образом, состоялось.

— Ханьо, — сказал марсианин, подходя к двери и выразительно указывая на нее. — Ханьо, — произнес он еще несколько раз.

Пленников, приглашали идти куда-то.

— Ну что же, друзья, пойдемте, раз зовут, — сказал Яхонтов, направляясь к выходу.

Наклонив головы перед низкой дверью, они выбрались из камеры и оказались в уже знакомом коридоре. Тут их поджидали десять солдат в полном вооружении.

— Ханьо фоно, — произнес марсианин и показал вперед.

— Надо запомнить, — сказала Наташа, — слово «ханьо» означает «идите» или «ступайте», а «фоно», вероятно, соответствует нашему «вперед».

— Интересно; куда нас ведут? — вполголоса спросил Владимир. — Может быть, наш час уже настал?

— Ну что вы! — решительно отверг это предположение Яхонтов. — Нас накормили, напоили... При таком хорошем обращении не может и речи быть о конце. На допрос? Хотя вряд ли... Мы еще не знаем языка. Я думаю, простая прогулка.

Виктор Петрович оказался прав. Пленников подвели к лифту. Подъем продолжался долго. Яхонтов успел насчитать четырнадцать этажей.

— Если каждый этаж имеет в высоту всего по три метра, то мы находимся не менее чем в сорока-пятидесяти метрах ниже уровня крыши, — сказал он.

— Но несколько этажей приходится уже на надземную часть здания, — заметил Владимир.

— Сейчас узнаем.

Когда космонавты вышли из лифта, они очутились на вершине высокой квадратной башни. Она густо заросла деревьями и была обнесена оградой. Солдаты заняли места по углам и предоставили пленникам возможность свободно ходить по площадке. Космонавты подошли к балюстраде.

Внизу раскинулся город. Хорошо видны были его улицы, выделяющиеся темными полосами на голубовато-сером фоне растительности на крышах. Дальше, меж двух холмов, прямо на запад тянулась узкая длинная ложбина. Синяя мгла затягивала дали. Над головой висело фиолетовое небо, у горизонта горел золотой диск солнца.

Башню окружали два ряда высоких зданий, образующих сплошные стены. Пленники находились как бы на территории хорошо защищенной крепости.

Далеко внизу по вымощенному крупными камнями двору ходили часовые. Стены башни и зданий внешнего ряда, в отличие от большинства строений города, суживались книзу. Людям, стоящим у перил, казалось, что под ними пустота.

— Бежать отсюда нелегко, — отвечая на невысказанные мысли своих друзей, сказал Владимир. — Если и возможно достать канаты, чтобы спуститься с башни, то преодолеть многоэтажную преграду этих каменных наружных стен вряд ли возможно.

— На мой взгляд, высота башни шесть этажей, — сообщил Яхонтов. — Значит, на подземную часть остается восемь. Иными словами, наша камера находится на двадцать—тридцать метров ниже поверхности.

— Упрятали глубоко, — с грустью произнес Владимир. — Всякую мысль о подкопе приходится отбросить.

Разговор прекратился. Выйдя без масок, космонавты убедились, что и снаружи, на высоте, они могут обходиться без кислородных приборов. Это обнадеживало.

Нарядный марсианин, который вывел пленников на прогулку, был тут же. Когда они рассматривали крепость, оценивая возможность побега, он молчал и лишь по окончании разговора вмешался:

— Тонга-Лоа, — произнес он, широким жестом охватывая всю панораму крепости. — Тонга-Лоа, — медленно и отчетливо повторил он еще раз.

— Эта крепость называется Тонга-Лоа, — догадалась Индира.

Услыхав знакомые звуки, марсианин принялся кивать головой совершенно так же, как это делают жители Земли. Его лицо выразило подобие улыбки.

Было очень холодно, дул резкий ветер. Вскоре Солнце совсем склонилось к закату, начало заметно темнеть. С каждой минутой мороз крепчал, и пленники озябли.

Виктор Петрович попытался объясниться жестами. Указывая пальцем на себя самого, потом на остальных, он сделал движение в сторону башенки лифта.

Марсианин понял и подал команду. Солдаты окружили их и увели обратно в подземелье.

На столе ожидали две чаши, источавшие своеобразный, но довольно приятный запах, и сосуд с напитком. Путешественники проголодались и с аппетитом принялись за ужин. Блюда оказались хорошо посоленными. Непонятно, как догадались об этом марсиане. Возможно, за ними скрытно наблюдали во время обеда или кто-нибудь попробовал остатки пищи, по-видимому, жители Марса стремились угадать вкусы пришельцев.

Ночь прошла спокойно. Правда, было холодновато, но меховая одежда и покрывала, снятые со всех кроватей, помогли согреться. Космонавты с грустью обнаружили, что никаких отопительных приборов камера не имеет. В ней было теплее, чем на воздухе лишь потому, что над головой находился тридцатиметровый слой почвы.

Наутро марсиане принесли белую кисловатую массу, на вкус похожую на соевые сырки. В шестигранном сосуде с двойными стенками

находился теплый, почти горячий, ароматный, но не сладкий напиток. Его выпили не без удовольствия, потому что за ночь еще похолодало и хотелось согреться.

После уборки в камеру вошли трое марсиан. Они сели и предложили узникам сделать то же.

— Мана, — сказал один из них и указал пальцем на себя самого и всех остальных мужчин.

— Мана, — повторили космонавты и записали в блокнотах: «Мана» — означает «человек» или «мужчина».

— Киу, — произнес новое слово старший из учителей, указывая на двух женщин.

««Киу» — означает «женщина»», — записали путешественники.

— Анта-мана, — продолжал объяснять марсианин, указывая на себя самого и двух спутников.

— Жители Марса называются «анта-мана», — заметила Наташа, внимательно слушая урок.

— Тот-мана, — объяснили марсиане, показывая на мужчин, прибывших с Земли.

— Киу-тот-мана, — называли они женщин.

К концу первого урока, продолжавшегося более двух часов, космонавты успели заучить и записать целый ряд имен существительных. Учителя внимательно прислушивались к произношению и заставляли повторять каждое слово по многу раз, пока не добились правильной передачи звуков.

Когда урок закончился, космонавты пришли к выводу, что нужно одновременно обучать и жителей Марса какому-либо из земных языков. Решили начать с русского, как принадлежащего стране, пославшей экспедицию.

Остаток дня был посвящен повторению первого урока и занятиям гимнастикой.

К вечеру снова вышли на прогулку и удивились. Небо, обычно безоблачное, сейчас приобрело другой вид. Серые тучи клубились на огромной высоте и быстро мчались на запад. Потом пошел снег, самый обыкновенный снег. Он сыпал мелкой колючей пылью и покрыл

тонким слоем кроны деревьев, склоны окрестных холмов, лег на перила ограды, запорошил улицы.

Если бы не удивительный архитектурный ансамбль и не мрачные фигуры марсиан, одетых в платье необыкновенного покроя, можно было подумать, что космонавты попали в среднюю полосу России в зимний морозный вечер. Но скоро снегопад прекратился, и путешественники сразу же почувствовали, что находятся на другой планете.

Снег вызвал необычайное оживление в городе. Едва прошла туча, как население высыпало на улицы с сосудами, ящиками, словом, с любыми емкостями, какие оказались под руками. Все принялись торопливо собирать снег. Да, именно собирать! Его не сгребали в кучи, как на Земле, чтобы поскорее удалить с улиц. Нет, его заботливо собирали везде, где возможно и сколько возможно. Марсиане влезали на деревья, трясли ветки, ссыпали снег вниз, где другие сгребали лопаточками, скребками, стараясь сохранить все до последней снежинки и поместить в какой-либо сосуд. Оживленно было и во дворе крепости, где снег собирали солдаты. На террасу поднялись больше десятка марсиан, которые и здесь, на глазах у пленников, заботливо собирали снег, как будто перед ними находился по меньшей мере сахар, если не что-нибудь более ценное.

— На-лиу, на-лиу, — кричали они.

— «Лиу» — значит «вода», — сказал Паршин. — «На-лиу» по смыслу может быть только «твердая вода», или снег. По-видимому, приставка «на» — прилагательное «твердый».

— Почему не «белый» или не «мягкий»? — иронически заметила Наташа.

— Быть может, и так. Сейчас трудно сказать, пока мы не поняли самый строй марсианского языка, не уяснили его грамматики, — согласился Сергей Васильевич. — Надеюсь, мы скоро постигнем законы словообразования в этом мире.

— Тут вся надежда на вас, — вмешался Виктор Петрович, ведь вы же филолог.

— Любитель, — засмеялся Паршин, — простой любитель, самоучка! Но дело это интересное. Сознаюсь, уроки марсиан доставляют мне искреннее удовольствие. Думается, я не ошибусь, если скажу: язык

Марса, по всей вероятности, корневой, состоящий из коротких односложных или двухсложных слов, которые, как травило, не изменяются. У них, по-видимому, нет ни склонений, ни спряжений, а все зависит от сложения нескольких корней, от места каждого слова в предложении и, главное, от тона произношения.

Изучение языка марсиан подвигалось быстро. С обеих сторон участвовали разумные существа, отчетливо понимающие, чего они добиваются. Уже на другой день марсиане принесли с собой маленькие таблички из стекловидной массы, на которых были нарисованы всевозможные предметы, как на детских лото для обучения иностранным языкам, а внизу были сделаны подписи.

Жители Земли познакомились с письменностью Марса и заполняли тетради, также принесенные марсианами, целым рядом записей. Марсиане умели делать материалы для письма, вроде бумаги землян, очень хорошие по качеству, и владели искусством книгопечатания, создали движущиеся объемные картины, у них были своеобразные звучащие газеты и журналы. Все это очень облегчало изучение их языка.

Когда космонавты научились понимать газеты, выяснилась любопытная деталь. Нигде они не нашли никаких упоминаний о себе. Завеса молчания скрывала прибытие жителей Земли на планету. Путешественники терялись в догадках. Нельзя же было допустить, что появление пришельцев из другого мира не представляет никакого интереса для народа.

В свою очередь космонавты познакомили марсиан с русской азбукой и сообщили, как называются отдельные предметы и действия на русском языке. Когда обучение коснулось таких вопросов, как математика, марсиане принесли модели геометрических тел и ознакомили космонавтов со своей системой счета.

С каждым днем уроки удлинялись, и через месяц на занятия уже затрачивалось по пять—шесть часов.

Больше всего трудностей вызывало то обстоятельство, что язык марсиан действительно не допускал изменения формы слов, не имел ни склонений, ни спряжений. Например, русская фраза «Шесть человек прилетели с Земли на Марс для того, чтобы познакомиться с

марсианами» на языке марсиан буквально означала: «Шесть земнолюди лететь Земля Марс знакомство марсолюди». Свою планету марсиане называли «Ант», а Землю — «Звезда Тот».

Паршин объяснил остальным, что язык Марса — корневой, моносиллабический, однослоговой и резко отличается по структуре от таких языков, как русский, где один и тот же корень обрастает разными приставками, окончаниями, суффиксами и приобретает много разных значений, причем слова подвергаются еще многим изменениям — склоняются, спрягаются и так далее...

К концу месяца обе стороны могли почти свободно объясняться, причем жителя Земли научились читать и понимать книги и газеты Марса. Сложнее было с изучением математики. Марсиане применяли не десятичную, а двоичную систему счисления.

Все это было по-своему очень интересно. Сидя в камере, пленники успели узнать многое о жизни и культуре Марса. Но они все же находились в заточении.

Сто тридцать квадратных метров подземелья и маленькая площадка наверху — это было все отведенное им пространство. Так подходил к концу уже второй месяц их пребывания на этой планете.

Настроение шести человек, сумевших преодолеть бездну космического пространства, а после этого попавших в тесную и неуютную. тюремную камеру, никак не могло быть хорошим. Только несгибаемая воля и уверенность в конечном успехе экспедиции, присущие Яхонтову, поддерживали их бодрость духа.

Виктор Петрович больше всего боялся праздности и собственным примером заставлял остальных упорно и настойчиво работать. Ежедневные уроки языка он дополнял обязательным чтением книг Лига, изучением газет и журналов, просмотром фильмов, которые охотно предоставили в их распоряжение марсиане. Не менее требователен оказался начальник экспедиции и в физической тренировке.

Все дни космонавтов проходили в труде. И все-таки нервы людей были напряжены до предела.

Бывали минуты, когда Владимир вскакивал и, ни на кого не глядя, не произнося ни слова, крепко стиснув челюсти, так что у висков

выступали желваки, сжимая кулаки, начинал быстро ходить по темнице. В такие минуты только Наташа могла успокоить его.

— Ас биха неку, — улыбаясь, говорила она на языке марсиан, что означало: «Не сердись, милый». — Лучше изучай язык Анта и не трать зря времени. Все еще впереди, береги силы.

Встречая спокойный ясный взгляд жены, Владимир как-то сразу приходил в себя.

— Carpe diem — пользуйся каждым днем, — говорил ему в подобных случаях профессор Паршин, философски относившийся к вынужденной бездеятельности. Подобно многим ученым склонный к чисто кабинетной деятельности, он сравнительно спокойно переносил заточение, довольствуясь изучением марсианской культуры.

Индира Рамахвани тоже не слишком страдала от тюремного заключения. Она много времени уделяла изучению растительности Марса по тем образцам, которые удавалось видеть на террасе, а также по марсианским микрокнигам и объемным цветным картинам. Во всяком случае, она превосходно владела собой. Начальник экспедиции не мог упрекнуть ее в какой-либо слабости. Наоборот, временами он бросал теплые и ласковые взгляды в ту сторону, где виделась тоненькая и хрупкая на вид фигурка Индиры.

Всегда ровен и невозмутим был Ли Сяо-ши. Этот человек, казалось, не имел нервов. Он работал строго систематично, с неизменным напряжением и никогда не проявлял гнева или раздражения.

А дни тянулись длинной вереницей, похожие один на другой, как капли дождя, уныло барабанящего по окнам. Подходил к концу третий месяц жизни на Марсе, третий месяц неожиданного тюремного заключения, смысл и конечная цель которого оставались для космонавтов тайной...

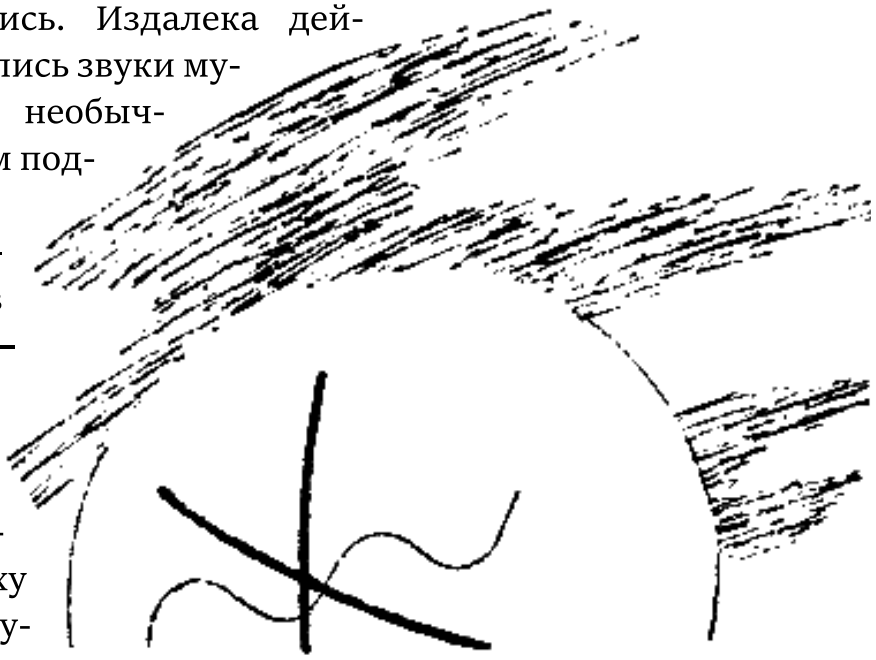
4. Владыки Анта

— Три месяца! — сердито повторял Владимир, шагая из конца в конец камеры. — Три месяца мы сидим в этой конуре. Весь срок пребывания на Марсе ограничен четырьмястами пятьюдесятью сутками, и из них девяносто мы уже потеряли бесполезно.

— Берегите нервы, — сказал Паршин, сидя на койке. — Все равно мы ничего не сделаем.

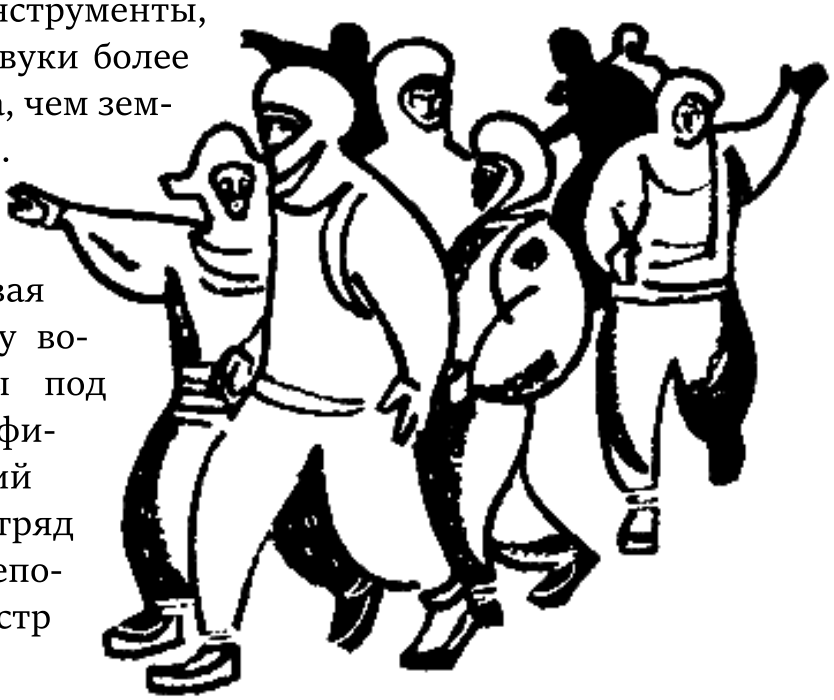
— Постойте! — прервала Наташа. — Кажется, музыка.

Все прислушались. Издалека действительно доносились звуки музыки, совершенно необычные в этом мрачном подземелье.

— Музыка? — произнес Яхонтов и поднял голову. — Это что-то новое!

Из-за дверей слышался странный, дикий бравурный мотив. Слуху жителей Земли музыка казалась варварской. Своеобразную ритмику подчеркивали ударные инструменты, издававшие звуки более высокого тона, чем земные барабаны.

Щелкнули замки, и, четко отбивая шаг, в камеру вошли солдаты под командой офицера. Короткий приказ, и отряд замер неподвижно. Оркестр

умолк, музыканты остались в коридоре.

Марсиане были одеты в парадную серую с синим форму, сверкающую серебром.

— Вставайте, чужеземцы, — торжественно произнес командир отряда, в котором космонавты с удивлением узнали Тиара. Вставайте, ибо час настал! Владыка Анта — великий Ирган ожидает вас.

Космонавтам разрешили привести в порядок одежду, но отвели для этого всего пятнадцать минут по земному счету времени. Обе женщины, разумеется, всполошились, но доказали, что способны на героические поступки. Они убежали за перегородку и оказались готовы даже прежде, чем истек срок. Правда, их туалет был довольно скромен: все те же меховые комбинезоны.

Грянула музыка, и процессия двинулась по подземным коридорам. Необычайная мелодия невольно подчиняла всех заданному ритму. Космонавты стремились идти в ногу с марсианами, но это удавалось плохо — один их шаг был равен по меньшей мере двум у марсиан.

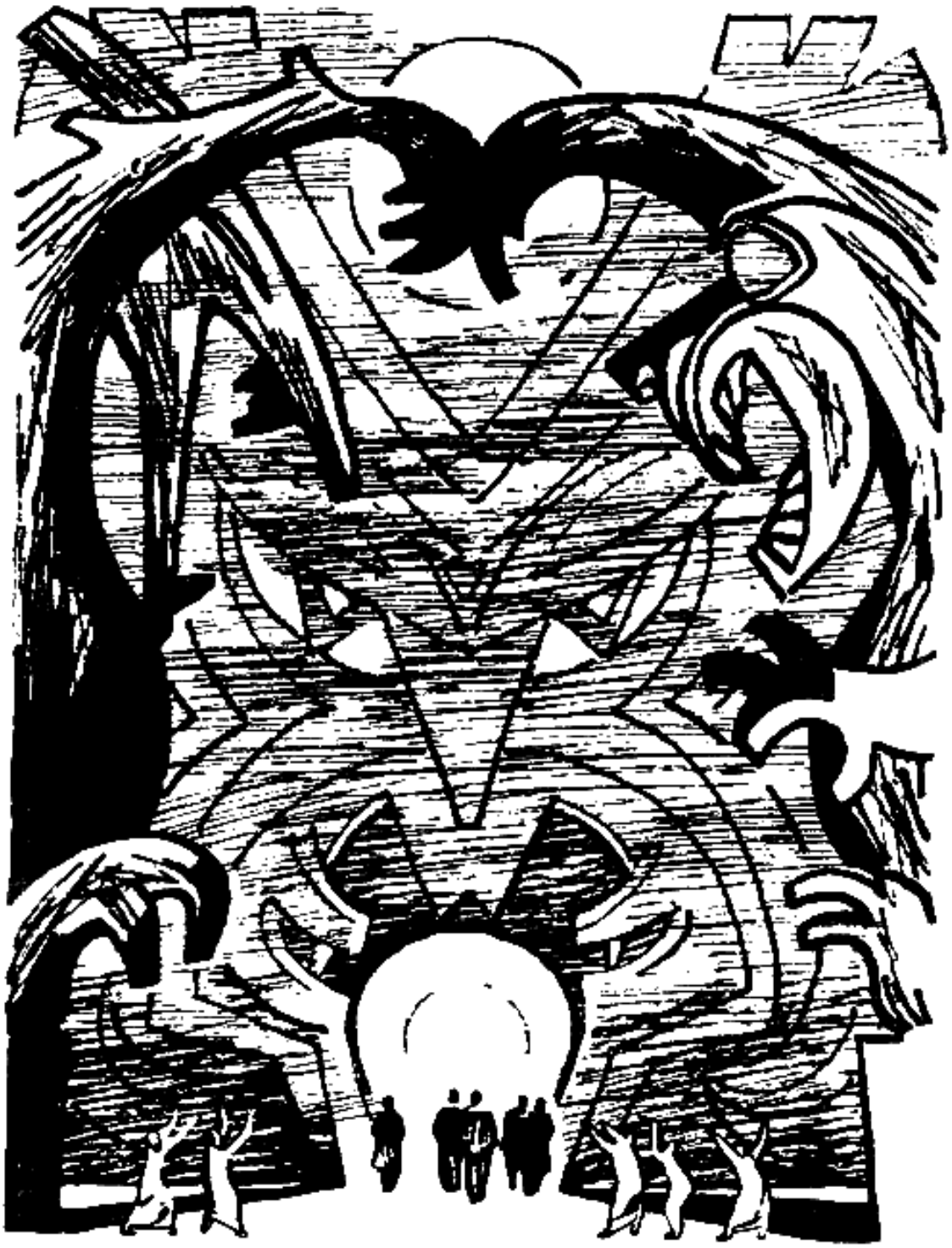
Пленников повели в ту сторону, где они еще не были. Сначала тянулись длинные, извилистые коридоры с голыми, слабо освещенными стенами. Узники заметили, что они идут вверх, как бы следуя по виткам растянутой спирали. В конце пути оказались большие ворота, наглухо закрытые тяжелыми металлическими створками.

Процессия остановилась. Тиар вышел вперед и громко постучал молотком, висевшим на длинной цепочке. Гулкие звуки ударов понеслись по коридорам.

— Кто идет? — послышалось из-за ворот.

— Чужеземцы, которых ожидает Владыка!

Массивные двери стали открываться. Они томительно медленно поворачивались на шарнирах. В просвете показались неподвижные фигуры двух часовых. За воротами начинался новый коридор, прямой и длинный. Вдоль его стен на низких пьедесталах стояли каменные изваяния, одно страшнее другого. Многорукие колоссы, порой крылатые, свирепо ощерясь, скалили уродливые зубы, высовывали длинные языки, свисающие к ногам, замахивались на проходящих когтистыми лапами...

Здесь не было привычного для глаза спокойного и ровного освещения. Все было погружено в мистический многоцветный полумрак.

Источниками света служили огромные, дико вытаращенные глаза и широко разинутые пасти чудовищ, бросающие снопы зеленого, желтого, синего, багрового света.

Бодрая музыка сменилась теперь медленными, тягучими звуками совсем иного ритма. Они уносились вверх пронзительными стенаниями, похожими на предсмертные вопли казнимых или на стоны грешников, осужденных на вечные муки, затем снова наполняли своды низким и грозным гудением басов. Подчиняясь оркестру, процессия двигалась медленно, как бы сознательно заставляя пленников глубже воспринять мрачную обстановку.

И хотя космонавты были людьми далеко не робкого десятка, способными трезво рассуждать при любых обстоятельствах, но и они не могли полностью избавиться от гнетущего настроения.

В конце второго коридора оказались еще одни ворота, также наглухо закрытые. Створки были сделаны из темно-красного металла, по-видимому, какого-то медного сплава. Отполированные рукоятки и выпуклые части украшающих их барельефов тускло отсвечивали багровыми отблесками. Рядом на золоченой цепи висел массивный молот.

Тиар, как и в тот раз, ударил трижды. Мелодичный низкий гул поплыл в воздухе.

— Кто идет?

— Чужеземцы по приказанию Владыки!

Ворота медленно раскрылись. Под приглушенные звуки музыки космонавты вошли в большой и очень высокий круглый зал. Сюда проникал слабый дневной свет. Он струился сверху из-под купола, где видны были круглые окна с разноцветными прозрачными стеклами. Вдоль стен стояли еще более страшные изваяния таких огромных размеров, что по сравнению с ними марсианские солдаты казались ничтожными пигмеями. Многие из этих страшилищ держали в лапах массивные золоченые светильники, горевшие голубым и розовым пламенем. Разноцветное сияние разливалось по залу также из глаз и пастей чудовищ. И здесь господствовал таинственный, мистический полумрак.

Солдаты застыли в оцепенении. Музыка снова изменилась. Сейчас ее звуки лились тихо, величаво, торжественно. Космонавты остановились в центре зала, не зная, что им следует предпринять, и с интересом разглядывали необычайную обстановку.

Оркестр играл все тише и медленнее, лишь иногда какая-то длинная труба вдруг издавала резкий, высокий звук, полный непонятной тоски.

— Что это? «Смотрите!» - вдруг прошептала Индира, инстинктивно прижимаясь к Ли Сяо-Ши.

Два каменных гиганта с могучими крыльями и оскаленными зубами, стоявшие на пьедесталах прямо напротив них, вдруг шевельнулись и стали беззвучно поворачиваться. Они были двулики, как Янус.

Оборотная сторона изваяний оказалась еще ужаснее. Искаженные в дьявольской усмешке отвратительные маски глядели теперь прямо в глаза вошедшим. Четыре короткие узловатые, скрюченные лапы каждого из них, вооруженные длинными когтями, были грозно подняты.

Повернувшись, эти изваяния медленно разошлись в стороны. Между ними открылись еще одни ворота. Высокие, метров по десять—двенадцать, створки горели золотом. Лучи синего, красного, зеленого света, струившиеся из-под купола, заиграли на нем яркими бликами. Наступила тишина.

И вдруг мощный аккорд, низкий и грозный, словно шум налетающего урагана, потряс своды зала. Стража упала ниц. Только посланники Земли стояли по-прежнему прямо и гордо, ожидая, что будет дальше.

Золотые створки разошлись. Поток ослепительно яркого солнечного света ворвался в полутьму зала и озарил коленопреклоненные фигуры стражи и маленькую группу космонавтов. Чей-то неведомый голос прозвучал с высоты:

— Пришельцы со Звезды Тот, повелитель Анта ожидает вас! Войдите без боязни, ибо его сердце открыто!

Торжественный церемониал был продуман всесторонне и, вероятно, производил потрясающее впечатление на марсиан.

Путешественники хладнокровно взирали на все это, не испытывая никакого трепета. Но и они не могли не отдать должного изобретательности и фантазии марсианских владык.

Переступив порог, они очутились в большом прямоугольном зале высотой около пятнадцати метров. Здесь все было рассчитано на эффект яркого света, особенно сильный после полумрака преддверия. Лучи Солнца беспрепятственно проникали в самую глубину здания через огромные, в два яруса, окна. Мощные электрические светильники стояли вдоль противоположной стены и устраняли самую возможность образования теней. Они заливали светом все помещение. Сводчатый купол опирался на могучие колонны, узкие книзу и широкие в верхней своей части.

Стены были выложены блестящим стеклообразным материалом, нежно-розовым вверху, переходящим постепенно в серебристо-серый цвет, отливающий перламутром. Металлические детали на светильниках, капителях колонн и на карнизах горели в лучах света почти нестерпимым для глаз сиянием. Пушистая темно-красная дорога тянулась от дверей к отдаленному концу зала, где на небольшом возвышении стояли три кресла или трона, блестевших от золота и драгоценных камней.

По обе стороны прохода толпились марсиане — мужчины и женщины — в ярких одеждах, обильно украшенных блестящими золотыми пластинками. Черная кожа марсиан очень гармонировала по тону с яркими красками и золотом отделки. Все это бросилось в глаза путешественникам, когда они вошли и остановились, сделав несколько шагов от дверей, чтобы разобраться, куда идти дальше.

Бархатистый, низкий, густой голос разнесся по залу:

— Пускай чужеземцы подойдут ближе!

Посланцы Земли спокойно и не спеша, высоко подняв головы, прошли по ковру и приблизились к тронам.

Самое высокое место занимал марсианин могучего телосложения. Массивная голова с тяжелой нижней челюстью, крупным прямым носом и большими глазами, скрытыми под тенью длинных густых бровей, с первого взгляда производила сильное впечатление. Его матово-черное с лиловатым оттенком лицо, похожее на человеческое и в то

же время какое-то особое, хранило высокомерное выражение. Двурогая золотая корона, обильно украшенная драгоценностями, сверкала в лучах света. Черные жесткие волосы свисали на лоб и уши из-под золотого обруча короны. Шитый золотом длинный меховой плащ был небрежно наброшен на плечи. Из-под него виднелся темно-желтый костюм, перехваченный вокруг талии блестящим золотым поясом. Руки сидевшего были обнажены — короткие рукава одежды прикрывали только плечи. При каждом движении мускулы под кожей

вздувались плотными шарами и говорили о большой физической силе. Космонавты поняли, что перед ними Ирган — Владыка Марса.

Одной ступенькой ниже на таком же троне сидела женщина. Удлиненный овал ее черного лица служил как бы рамкой для главного — огромных, необычайно выразительных темно-синих глаз. Они были миндалевидной формы, чуть-чуть раскосые, как у женщин с острова Явы, и удивительных по цвету. Это был чистый и глубокий синий цвет, живой и прозрачный, как небо коротких южных сумерек, когда

солнце уже село, но еще не наступила ночная тьма. Нос был прямой и тонкий, словно изваянный из черного мрамора. Рот маленький, губы тухлые и очень темные, как черные пионы. На голове ее был обруч такой же двурогой, как у Иргана, короны, но только не золотой, а серебряный. Из-под него по обе стороны лица струился целый водопад длинных черных с красным отливом волос, падающих на плечи черными волнами, опускающимися до пояса по серебряной ткани одежды. Синий плащ, отделанный белым мехом, дополнял ее наряд.

Еще ниже сидел худой старый марсианин в золотой шапочке и пурпуровой одежде, с длинным крючковатым носом, острым подбородком и злобным выражением морщинистого лица. Космонавты сразу узнали в нем того самого старика, который три месяца назад, в день их пленения, вышел на ступени храма и приказал заточить их в тюрьму.

Когда до трона оставалось три—четыре метра, слева выступил офицер и обнаженным мечом преградил путь.

— Остановитесь, пришельцы! — тонкими резким голосом произнес старый марсианин. — Остановитесь и отвечайте, зачем вы нарушили Закон и с какой целью вторглись в священные пределы Анта? — Он устремил на космонавтов колючий взгляд.

Академик Яхонтов вышел вперед, решительным жестом потребовал, чтобы убрали меч и, недолго думая, переступил через него. В двух шагах от трона он остановился и на языке Марса обратился к Иргану:

— Владыку Анта вводят в заблуждение. Мы — ученые Земли, той планеты, которую здесь называют «Звезда Тот», — и не помышляли о вторжении. Наоборот, это вы — жители Анта, именуемого на языке Земли Марсом, — призвали нас сюда. Совсем недавно, с тех пор Ант еще не успел совершить и двух оборотов вокруг Солнца, был подан сигнал. На красных песках ваших пустынь был создан отчетливо видимый знак, который существовал целые сутки. Его нельзя было понять иначе, как сигнал, призывающий нас сюда. Разве не было этих сигналов? И разве не означал этот призыв, что вам необходимо наше появление, что Ант нуждается в помощи? Мы летели сюда как друзья,

откликнувшись на зов. А вы схватили нас, как врагов, и заключили в тюрьму!..

Он кончил, и в зале установилась тишина. Старый марсианин поднялся со своего места, приблизился к Иргану и начал говорить ему что-то на ухо. Ирган выслушал, подумал и, не вставая с трона, произнес медленно и отчетливо:

— Великие боги Анта вручили мне полную и безграничную власть над всем миром. Ни одного слова не произносят здесь помимо моей воли, ни одного вздоха не раздается, покуда нет моего желания. Вы хотите обмануть меня, пришельцы. Никто из живущих в стране Анта не звал и не имел нужды звать вас сюда. Здесь прозвучали смешные и дерзкие слова о помощи! И кто же произнес их? Учеными назвали вы себя! Жалкие, самоуверенные недоучки! Великая древняя культура Анта была в полном расцвете еще в те времена, когда сплошные снега и льды покрывали поверхность Звезды Тот. Уже в ту далекую эпоху мы знали, что делается у вас, видели холодные, ледяные пустыни. Еще с тех пор мы следили, как развивается жизнь в вашем диком мире. Мы видели и знали все! Глупые, наивные, как дети, и дерзкие самозванцы! Чему учиться у вас древнему Анту? Ступайте прочь и учитесь сами! Молите ваших богов, чтобы мое сердце осталось открытым! Тогда вы сможете вернуться и рассказать пославшим вас сюда о величии и процветании народов Анта... Уходите! Ассор — великий жрец Анта — откроет вам настоящие знания, чтобы вы убедились в собственном невежестве. Если хоть крупицу этих подлинных знаний вы сумеете уловить — вы приобретете неисчислимые сокровища!.. Ступайте прочь! Ассор покажет вам дорогу...

Закончив эту надменную речь, Ирган устремил в пространство пустой, ничего не выражающий взгляд, как будто перед ним не было никого, а посланцы Земли просто перестали существовать.

Прекрасная марсианка, сидевшая ниже, не произнесла ни слова. Ее дивные глаза внимательно изучали космонавтов. Ее взор немного задержался на седой бороде Яхонтова во время его речи и быстро скользнул по лицу Паршина, который, видимо, не произвел на нее никакого впечатления. Несколько дольше она рассматривала Ли Сяоши, как будто удивляясь его крупному телосложению. Красивое

смуглое лицо Индиры вызвало настороженное выражение в глазах марсианки, золотистые волосы Наташи показались удивительными — об этом говорили немного расширившиеся зрачки. Особое внимание королевы Анта привлек Владимир. Она видела, каким гневом загорелись его глаза во время надменной речи Иргана, и, по-видимому, отметила про себя крепко сжатые кулаки молодого человека.

Все это заметил и понял мудрый седобородый ученый. Слушая презрительные слова Владыки Анта, Яхонтов сдерживал себя только огромным усилием воли. И в то же время он не переставал наблюдать.

— Пойдемте, чужестранцы, — раздался скрипучий и пронзительный голос Ассора. — Я покажу вам, что значит великий Ант!

С поспешностью, никак не соответствующей высокому сану великого жреца, он устремился к выходу, скрытому позади тронов. Космонавты пошли за ним. Стража под командой Тиара следовала сзади.

Им пришлось пройти несколько комнат, прежде чем они оказались перед дверями, не такими огромными, как в тронном зале, но достаточно высокими, чтобы жители Земли могли войти, не сгибаясь. Часовые, увидя Ассора, почтительно распахнули створки. За ними открылся огромный зал. Везде на постаментах и за прозрачными витринами стояли диковинные машины и механизмы, модели, инструменты, макеты зданий...

— Это целый музей! — изумился Паршин. — Никак не думал, что во дворце можно встретить что-либо подобное...

— Смотрите, дерзкие чужеземцы! Смотрите и удивляйтесь мудрости и гению сынов Анта! — кричал Ассор. — Вот перед вами модели удивительных машин, которые помогли нам создать замечательную сеть водоводных каналов. По воле древних повелителей нашего народа бесценная влага собирается ныне вся, до последней капли, и распределяется согласно повелениям Владыки, олицетворяющего высший разум. Знайте, чужеземцы, много веков назад великий Маньа-Хор, опираясь на систему этих удивительных сооружений, устранил всякую национальную вражду на нашей планете, создал единое, великое, могучее государство... Вот эти машины! Глядите! Есть ли подобные чудеса в вашем отсталом мире?..

— Чувствуете, как это было, — вполголоса произнес Паршин. — Нашелся диктатор, который сосредоточил в своих руках всю воду и заставил свободные до того народы плясать, под его дудку. Вот каким путем здесь создали единую империю... Но машины, вообще говоря, неплохие...

На постаментах стояли большие модели сложных землеройных машин. Тут было нечто вроде многоковшовых экскаваторов, огромные земляные фрезы и различные тоннельные машины. Судя по внешнему виду, они были способны сверлить на высоких скоростях твердые горные породы. Для неопытного глаза эти механизмы могли показаться удивительными, но сейчас их рассматривали ученые, обладавшие достаточно широким кругозором. Доктор технических наук, профессор Паршин быстро разобрался в конструкции машин и сразу же понял их назначение.

— Интересные механизмы, — делая заметки в блокноте, говорил он на языке Анта, чтобы Ассор слышал. — Они, собственно, не роют, а фрезеруют почву. Нечто подобное мы применяли при строительстве тоннелей на ширококолейной магистрали Москва—Дели. Схема простая, но кинематика действительно удачная и масштабы солидные. Однако наши конструкции, по-видимому, более производительные.

— А вот машины, которые строят наши города, — продолжал Ассор. — Да будет известно непрошеным советчикам, что по приказу тогдашнего повелителя Карвана Шестого нынешняя столица Анта была построена здесь в течение одного года... Слышите? Одного года!

— Марсианского? — осведомился Ли Сяо-ши. — Он все-таки вдвое длиннее нашего.

— Мы не знаем иного исчисления времени, кроме установленного движением нашей планеты вокруг Солнца, — гордо заявил жрец. — В течение одного нашего года народы Анта были выведены из бесплодных пустынь, где пески уничтожили все посевы и влагу, и переселены сюда, куда не достигает мертвящее дыхание пустынь. Смогут ли ваши ученые создать что-либо подобное?

— Могут, великий жрец, — спокойно ответил Яхонтов. — Мы тоже имеем могучие землеройные машины. С их помощью мы строили каналы не меньшей протяженности, чем здешние, но гораздо более

глубокие. Вы проложили огромную сеть труб диаметром немного больше моего роста. Это большое достижение творческого гения народов Анта. А мы строим гигантские гидротехнические сооружения, целые искусственные реки и даже моря, протяженностью в сотни и тысячи километров, — длиннее самого большого из ваших трубопроводов.

Ассор взглянул на него недоверчиво.

— Ступайте сюда, пришельцы, — процедил он сквозь зубы. Смотрите другие творения инженеров Анта. Перед вами машины, управляемые издали. Они сами добывают руду, выплавляют металлы, делают из них предметы, украшающие нашу жизнь. Могут ли ваши ученые показать что-либо подобное?

За прозрачными перегородками стояли, по-видимому, металлорежущие станки, ковочные машины и другое оборудование, во многом отличающееся от применяемого на Земле. Но каждый ученый или инженер-конструктор — творец механизмов — не мог не взволноваться при виде таких совершенных творений разума. Ведь в машинах есть своя эстетика, определенная красота линий и форм. И космонавты по достоинству оценили достижения марсианской техники.

— Это очень интересно, — признал Паршин. — Конструкторская мысль весьма богата... Автоматика стоит у вас на высоком уровне. Нельзя ли привести в действие эти механизмы? В работе их достоинства легче оценить.

Неожиданная просьба явно озадачила Ассора, но он тут же овладел собой.

— Конечно, но не теперь и не на музейных стендах, — быстро объяснил он. — К этим механизмам не подведена энергия.

— Позвольте, я сделаю несколько снимков, — вмешалась Индира.

Ассор подождал, пока она закончит, и повел пленников дальше. Воинственный пыл его речей начал немного остывать. Уже без выкриков он показал машины для производства тканей, одежды и обуви, модели фабрик пищевых продуктов и многое другое. Музей занимал обширную территорию. Все устали, ходя из зала в зал. Космонавты то и дело делали заметки в своих блокнотах, Индира не жалела пленки.

— Смешные и наивные создания! — снова оживился Ассор, приближаясь к концу анфилады комнат. — Чему научат нас пришельцы со Звезды Тот — людей Анта, которые уже тысячи лет наблюдают за вашей планетой и прекрасно знают всю ее жизнь? Идите за мной и стыдитесь!

По его приказу часовые открыли маленькую дверь. Узкая винтовая лестница вела куда-то вверх. Маленький, щуплый марсианин двигался по ней свободно, но космонавтам, особенно высоким, пришлось туго. Они шли, низко нагнув головы, с трудом протискиваясь в тесном коридоре. В конце его оказалось круглое помещение с высоким куполом вместо потолка. Посредине на массивном постаменте был укреплен короткий, но очень толстый телескоп. Это зрелище привело в восторг Ли Сяо-ши:

— Ба, да здесь телескоп! Вот приятная неожиданность!

И он бросился к инструменту. Ассор остановил его.

— Сначала посмотрите издали. Дивитесь, какой великолепный инструмент создали ученые Анта! — торжественно заявил он, скрестив руки на груди.

— На вид красив, — признал Ли Сяо-ши, — но надо посмотреть в окуляр. Тогда можно будет сравнивать с нашими.

Прежде чем Ассор успел что-либо возразить, он оказался у телескопа, сел в кресло и принялся орудовать колесами и рукоятками так ловко, будто всю жизнь занимался этим делом.

Жрец не ожидал ничего подобного и даже растерялся.

— Постойте! — завопил он. — Осторожно, невежда! Вы можете повредить механизм!

— Не беспокойтесь, — хладнокровно возразил Ли Сяо-ши, продолжая свои манипуляции, — испортить его уже трудно. Он чрезвычайно загрязнен... Как будто им не пользовались много лет. Все поржавело, запылилось... Но не волнуйтесь. У меня хватит и сил, и умения...

Астроном напряг мускулы и сумел сдвинуть инструмент с мертвой точки. Тяжелый телескоп повернулся.

— Фу! Все покрыто пылью, ничего не видно, — возмущался Ли Сяо-ши. — Придется самому наводить порядок. Ну, ничего.

Он сорвал с себя длинное кашне и принялся осторожно протирать стекла. Ассор не нашел подходящего возражения. Астронавты молча наблюдали эту сцену, еле удерживаясь от улыбки.

Повозившись немного. Ли Сяо-ши установил телескоп и навел его на Землю. Ее можно было наблюдать и днем, потому что разреженная атмосфера Марса очень слабо рассеивала солнечный свет.

— Изумительный инструмент! — воскликнул Ли Сяо-ши, прильнув к окуляру.

Он пригласил своих товарищей полюбоваться на родную планету. Ученые Анта создали превосходную астрономическую трубу. Она увеличивала в 15 000 раз. Земля казалась огромным шаром, ее изображение в зеркале телескопа достигало шестидесяти сантиметров в поперечнике. Сквозь голубую дымку атмосферы можно было разобрать очертания континентов, зеленые массивы лесов, белые заснеженные равнины северного полушария, где была зима. На полюсах виднелись голубые снеговые шапки и скопления облаков. Большие тучи плыли над планетой, закрывая значительную часть ее поверхности. На просторах Тихого океана виднелась ослепительно яркая точка — отражение Солнца от водной поверхности. Можно было даже узнать отдельные горные хребты, не закрытые тучами. Космонавты увидели узел каменных цепей Центральной Азии, ледники Гималаев, Тибета, Памира.

При виде знакомого, родного мира трудно было удержаться от возгласов восторга.

Ассор стоял молча, но на его тонких губах кривилась ироническая усмешка. Выждав немного, он подошел, заглянул в окуляр и сказал тоном глубокого удовлетворения:

— Я вижу, чужеземцы, среди вас есть один, действительно знакомый с астрономией, но и он не сумел до конца использовать все возможности нашего инструмента. Постойте, я сам покажу кое-что...

Загадочно улыбаясь, он открыл не замеченную астронавтами дверку в станине телескопа, извлек оттуда еще три крупных объектива, ловко соединил их друг с другом, потом приладил к трубе, наклонился еще раз, удовлетворенно проворчал что-то и жестом фокусника предложил посмотреть.

Ли Сяо-ши взглянул и сказал:

— Да! Ваша оптика несравненно лучше нашей. Посмотрите, друзья!

Теперь в зеркале прибора виднелась не вся планета; а лишь некоторая часть ее, по-видимому, Франция. Темное пятно размером в пять сантиметров, несомненно, представляло собой город. Обладая хорошим зрением, можно было уловить даже сети кварталов и узкие нити улиц.

Яхонтов долго разглядывал изображение, делая в уме какие-то подсчеты и произнес:

— Если считать, что поперечник крупного города, например Москвы или Парижа, составляет около пятнадцати километров, а нам он кажется пятном в пять сантиметров, то масштаб увеличения чрезвычайно велик. Действительно превосходно.

Ассор торжествовал.

— Теперь вы убедились, жалкие невежды, — в восторге закричал он, — насколько смешны ваши попытки учить нас! Сотни веков наблюдали мудрейшие ученые Анта за вашей планетой. Как ничтожные насекомые, копошитесь вы вдали, воображая, будто обладаете совершенным знанием. Живете и не знаете, что из глубин пространства за вами наблюдают другие существа, стоящие гораздо выше по развитию, неизмеримо более мудрые. Мы смотрим и понимаем, что творится у вас. Мы видели, как дымы сражений то и дело окутывали ваши поля. Мы знаем, что долгие годы жители Звезды Тот занимаются бессмысленным взаимоистреблением, уничтожают свои города, жгут леса, превращают в пустыни плодородные земли. Мы благодарим богов за то, что все это происходит далеко и тлетворное дыхание вашей планеты не достигает нашего мира. Разве я не прав? Отвечайте!

— Ты во многом прав, жрец, — медленно подбирая марсианские слова, произнес Яхонтов. — Не все еще хорошо в нашем далеком мире. Но даже с этим великолепным инструментом нельзя отсюда разобраться во всем, что происходит на Земле. Вы видели когда-то наши города и села, охваченные пожаром войны. Но вы не в состоянии понять, что ценой длительных и напряженных усилий народам Земли

удалось обуздать поджигателей войны и добиться прочного мира. Мы вовсе не самонадеянные тупицы, какими вы нас представляете. Мы летели сюда, отчетливо понимая, что если встретим разумные существа, то они, очевидно, во многом опередили нас. Но оказалось, что вы кое в чем и отстали. Мы искренне хотим поделиться с вами теми знаниями, где мы сейчас находимся впереди, и, наоборот, скромно надеемся поучиться у ваших мудрецов тем наукам, в которых мы отстали. Разве это плохо?

— Я все сказал! — вновь рассвирепел Ассор. — И мне ли держать перед вами ответ? Вы прибыли незваными гостями из мира хаоса. Вы заражены опасным ядом, который может распространиться и у нас. Разве не ясно, что ум и совесть мудреца требуют уничтожить заразу, прежде чем она станет опасной?

Яхонтов сделал движение, пытаясь возразить. Ли Сяо-ши также порывался вставить свое слово.

— Молчите! — исступленно кричал жрец. — Молчите, ибо каждое ваше слово — яд! Молчите и благодарите богов, что сердце Владыки Анта еще открыто и он великодушен. Идите и ждите решения. Я сказал! Эй, стража!

5. Душа и сердце Матоа

Тоскливое молчание нависло над узниками свинцовой тяжестью. Владимир лежал, закинув руки за голову. Его неподвижный взгляд был устремлен в потолок. На соседней койке сидел Ли Сяо-ши и делал заметки в блокноте. С другой стороны, дремал Паршин. Женщины сидели, обнявшись, на койке Индиры. Яхонтов, низко склонив голову, чтобы не задевать потолок, ходил из угла в угол. Окладистая борода его распушилась на груди.

Еле слышный звук, похожий на сдержанное рыдание, донесся с той стороны, где сидели женщины. Мужчины прислушались. Ли Сяо-ши поднялся, подошел к Индире и ласково положил руку на ее плечо, она обернулась, большие черные глаза были подозрительно влажны.

— Не надо, — просто сказал он.

— Обидно нелепо умереть: неизвестно почему, бесполезно.

— Откуда эта безнадежность? — возмутилась Наташа. — Почему обязательно умирать?

— Зачем самообольщаться? — с грустной улыбкой сказала девушка. — Ассор выразился предельно ясно: мы опасны для их государства, значит, нас нужно уничтожить. Таково убеждение этого жреца — первого советника Владыки... Кто может защитить нас?

— Мы сами! — вмешался Владимир, уловивший смысл разговора. — Марсиане еще не знают наших сил. И если они попытаются.

— Что же будет в этом случае? — осведомился Яхонтов.

— Я буду бороться до последнего! И поверьте, марсиане дорого заплатят. Конечно, мы погибнем, но умрем с честью! В бою, а не на плахе!

— Очень хорошо оказано, Владимир, красиво сказано. Только, зачем волноваться? — рассудительно заметил Ли Сяо-ши. — Решения пока нет, приговор, по всей видимости, еще не вынесен. Мало ли чего желает этот шустрый старикашка. Если будет в самом деле необходимо, мы сумеем дорого продать свою жизнь. Но не зря, а с толком.

Этот разговор разбудил Паршина. Он прислушался и вмешался:

— Есть мудрое римское правило: audiatur et altera pars[15]. Со своей точки зрения Ассор, быть может, и прав. В случае неожиданного визита марсиан на Землю мы бы тоже создали карантин. А если бы убедились, что они опасны, без сомнения, приняли меры защиты.

— Действительно, трудно было понять нашу жизнь, рассматривая Землю в телескоп, — криво улыбнулся Ли Сяо-ши. — Кто видел земные войны со стороны, тому мы, наверно, казались сборищем безумных. Всем посторонним наблюдателям, очевидно, было удивительно, как мы не научились жить мирно на своей планете, так щедро одаренной природой. И хотя войн у нас теперь нет, мы, с точки зрения марсиан, опасные безумцы, владеющие огромными разрушительными силами.

— И все же на месте Иргана я бы не спешила с казнью, заметила Наташа.

— Почему? — спросил Владимир.

[15] выслушай и другую сторону.

— У них все не так просто, как они хотят показать. Непонятно, как уживаются их высокая техника и абсолютная деспотия в общественном устройстве... Тут многое неладно. У них, несомненно, есть острые противоречия. И я бы держала около себя пришельцев с Земли до тех пор, пока не использовала их опыт. Всегда полезно знать, как живут и думают другие. Особенно, если ты неограниченный владыка... Надо, ох надо таким деспотам прислушиваться к голосу инакомыслящих.

— Ах, Наташа! Как жаль, что не тебя Ирган взял в жены, легкая улыбка появилась на лице Индиры.

Все рассмеялись.

Наташа старалась использовать перелом в настроении.

— Положение и в самом деле не такое уж безнадежное, продолжала она. — Марсиане — разумные существа, и не все так настроены, как этот старик. А ты, Индира, слишком впечатлительна. Крепче нервы!

Она обняла подругу и нежно погладила ее по голове.

— Наташа во многом права. Здесь все не так-то просто, друзья мои, — сказал Виктор Петрович, продолжая ходить по камере большими шагами. — Конечно, правде нужно смотреть в глаза. Великий жрец по каким-то причинам кровно заинтересован в уничтожении пришельцев с другой планеты. Он, бесспорно, будет делать все, чтобы добиться нашей смерти, хотя мы ровно ни в чем не виноваты. Просто мы ему чем-то помешали. Но есть Ирган, который рассуждает, по-видимому, более здраво. Он, мне кажется, не заинтересован в нашей гибели, он понимает, какую пользу может извлечь из знакомства с нами. Поэтому он вряд ли будет спешить. Значит, чашка весов может склониться в любую сторону. Во всяком случае, нам нечего впадать в панику. К тому же имеется еще одна, далеко не ясная, сторона вопроса...

— Сигнал? — спросила Наташа.

— Сигнал! — ответил Яхонтов. — Сигнал был подан — это факт.

— Я лично, собственными глазами наблюдал его несколько часов, — подтвердил Ли Сяо-ши. — Он зафиксирован на десятках пластинок. Ни о каком обмане чувств не может быть и речи.

— Вот в том-то и дело, — продолжал Яхонтов. — Значит, кроме Ирган, его жреца и всей дворцовой знати, на Марсе есть другие силы, и немалые. Не так легко соорудить знак протяженностью около тысячи километров. Ассор потому и хочет нас уничтожить, что кому-то другому мы очень нужны.

В коридоре послышались шаги. Со скрипом открылся замок. Космонавты переглянулись: до часа, когда приносили воду и пищу, оставалось еще довольно много времени. В камеру вошли четверо вооруженных солдат под командой офицера. Он молча стал поочередно всматриваться в лица узников, как бы стараясь узнать кого-то. Дойдя до Владимира, указал рукой и произнес?

— Вставай, чужеземец, королева Анта призывает тебя!

Изумленный Владимир поднялся и бросил вопросительный взгляд на Виктора Петровича.

— Идите, дружище, — ответил тот. — Помните: главное — самообладание. Ни в коем случае не горячитесь!

— Быть может, нас хотят разъединить? — насторожился Владимир.

— Вряд ли... К тому же вас зовет царица, а не Ирган.

Пожав плечами, Владимир вышел из камеры, окруженный стражей. В дверях он задержался и бросил долгий взгляд на Наташу, как бы прощаясь. Ее грустная, но ободряющая улыбка и приветливый жест руки — последнее, что он увидел.

Был тихий час рассвета. Прозрачный, как хрусталь, громадный купол неба навис над оцепеневшими от стужи равнинами Анта. Мириады звезд горели в небе. Среди них выделялась одна, яркая и голубая. Это была Земля.

Небольшой, но яркий Фобос быстро двигался по небосклону Анта с запада на восток. Его бледный призрачный свет разливался серебристым голубым сиянием по застывшим холмам и долинам. А с противоположной стороны; с востока, по тем же равнинам струился изумрудно-зеленый свет зари. Тени совсем исчезли из этого странного мира, их заменили два встречных световых потока разной окраски, неодинаковых по силе. Отдаленный ландшафт казался лишенным материальной сущности, бесплотным, прозрачным, созданным одной лишь игрой света. Только близкие храмы и дворцы столицы

Анта, еще овеянные ночной дремотой, имели здесь определенные формы, резкие и твердые очертания.

Огромный город раскинулся внизу. Дворец Владыки занимал один из склонов долины. Он был построен с таким расчетом, чтобы гребень холмов защищал его от ветра и песчаных бурь, но в то же время повелитель Анта мог постоянно видеть свой город.

Удлиненный по ширине овал окна создавал как бы раму картины, куда был вписан весь вид столицы марсиан. Большую комнату освещал изнутри слабый синеватый свет ночника, едва позволявший рассмотреть ее обстановку.

Черным силуэтом в зеленом овале окна выделялась неподвижная фигура женщины, сидящей, бессильно опустив руки и склонив голову. Это была Матоа — королева Анта.

По мере того, как приближалось утро и рассвет вступал в свои права, в комнате становилось светлее. Вот уже в синем полумраке стало отчетливо видно ложе под большим балдахином. Оно осталось несмятым. Королева бодрствовала всю ночь перед большим овальным окном, откуда открывался вид на спящий город.

Неслышно открылась дверь. В спальню вошла Тинга — бывшая кормилица, а теперь преданная служанка, поверенная всех дум и забот Матоа. Увидев королеву у окна, старушка всплеснула короткими ручками и бросилась к королеве:

— Опять ты не спишь! Что с тобой?

— Мне скучно, Тинга, скучно и тоскливо. От тягостных раздумий голова разорваться готова.

Старая Тинга смотрела на Матоа преданными глазами. А та только грустно улыбалась в ответ. Печальный взгляд ее синих глаз был устремлен вдаль, где все ярче разгорались краски рассвета.

— Как Матоа может быть несчастлива? — недоумевала служанка. — Ты прекрасней всех женщин. Тебе подвластен весь мир...

— Но мне недоступны простые радости, — возразила Матоа. Вчера я видела, как на площади у храма играли малыши. И мать с ними играла. А мне — королеве — это простое счастье недоступно. Почему?

Старая Тинга задумалась.

— Законы Анта мудры, — сказала она. — И если внимательно посмотреть, то станет ясно, что мы все только дети наших владык. Не двое малышей, а сотни, тысячи, миллионы — вот твоя семья. Во сколько раз ты счастливей? А если у тебя родится сын или дочь, внимание королевы отвлечется на своего ребенка в ущерб судьбе народа. Поверь, законы Анта, запрещающие владыкам иметь своих детей, мудры...

— От этого мне не легче, — с тоской произнесла Матоа. Ты можешь сказать, что я сама, по доброй воле дала обет отречься от материнства... Но, когда старик Ассор избрал меня в невесты Иргана, я была совсем еще ребенком. Я не знала тогда, как тяжела будет моя судьба. Потеря безвозвратна, врачи в Анте искусны... Я ношу все время маску, играю роль самой счастливой из женщин — ведь я же королева! И только по ночам несчастная Матоа может оставаться сама собой.

Старая Тинга ничего не могла возразить. Она и сама видела в жизни очень мало счастья, потеряв единственную дочь на второй день после ее рождения. Весь ее неистраченный запас материнских чувств был перенесен на Матоа, которую она вскормила и беззаветно полюбила. Когда же девочка, отмеченная редкой красотой, была предназначена для роли будущей королевы, отобрана у родителей и переведена для воспитания во дворец, Тинга последовала за ней. Она переживала все заботы и печали юной королевы как свои собственные. И сейчас ей очень хотелось чем-нибудь утешить, успокоить свою ненаглядную девочку.

— Супруга владыки — самая счастливая женщина во всем Анте, — несколько менее уверенно, чем прежде, произнесла она.

Матоа не повернула головы и только по внезапному дрожанию ее руки старая Тинга догадалась, что неосторожно коснулась одного из самых больных мест.

— Я не знала радостей любви, — тихо прошептала Матоа. — Я дала обет принадлежать Иргану... И все! У меня нет больше сердца... И любить больше я не вправе... Никогда!.. Ты это знаешь, Тинга. Только одного может назвать любимым священная особа королевы... Так ли все разумно?

— Законы Анта созданы богами, — прошептала Тинга.

— Так нас учат жрецы, — резко оборвала Матоа. — Но правы ли они? Ведь есть другая жизнь...

Она стиснула руки и отвернулась.

— Молись! — испуганно воскликнула Тинга. — Духи мрака пытаются увлечь тебя в пучину Арасвага! Гони прочь свои сомнения! И молись, молись, пока не поздно!

Религиозные законы Анта как тяжелые цепи оковали всю жизнь его граждан. Высшая власть в стране, представленная личностью Владыки, по существу, была властью церкви. Великий жрец — глава духовенства — был первым советником Владыки по всем без исключения вопросам. Свод законов Анта, созданный много веков назад церковью, рассматривался как творчество богов. Религиозные и нравственные догмы сращивались с этими законами в единое целое и опутывали народ прочной сетью многих кодексов и правил, регулирующих все стороны общественной и личной жизни вплоть до строго нормированного порядка заключения браков и деторождения.

Имея в виду крайне ограниченные запасы природных благ, суровые законы устанавливали обременительный порядок получения разрешений на рождение ребенка. Марсиане могли вступать в брак только один раз в течение жизни. Право иметь детей предоставлялось не всем, а только определенному проценту населения. Если же беременность возникала у женщины, не имевшей на это разрешения, то виновную. подвергали суровому наказанию, не говоря уже о принудительном оперативном вмешательстве.

Законы и кодексы Анта стояли вне всякой критики, были окружены ореолом абсолютного совершенства. Это убеждение воспитывалось в сознании марсиан с первых лет жизни. Самым страшным преступлением считалось малейшее сомнение в правильности этих законов. Если кто-либо осмеливался сомневаться, то в детстве его подвергали суровым телесным наказаниям, а в зрелости вызывали на церковный суд, и виновный, как правило, исчезал. Дальнейшая жизнь его протекала в тюрьмах.

Вот почему сомнения королевы вызвала такое беспокойство у Тинги.

— Не бойся, — продолжала Матоа, — кругом все спит. Мы с тобой вдвоем. Никто нас не слышит...

— Служители Ассора вездесущи, — трясясь от страха, прошептала Тияга.

— Пусть так, но королева выше их наговоров! — гордо возразила Матоа. — Не мне бояться языка шпионов! — Здесь она замялась, словно не находя слов, чтобы говорить дальше, потом решилась: — Послушай! Вчера Ассор привел к Владыке чужеземцев, пришельцев из другого мира. Они сказали, что отсюда кто-то позвал их. Зачем? Они хотят помочь — так они сказали. Ассор с ними спорил, Ирган молчал. Я тоже ни слова не сказала. Теперь же я хочу открыть душу. Во мне разбужены тяжелые сомнения. Счастья нет в мире Анта. Погляди: повсюду запустение, роскошные дворцы и храмы создали не мы, а наши предки. У нас нет сил для созидания — вот в чем суть. Великие каналы разрушаются, вся страна в упадке. Пески засыпали цветущие сады. Там, где некогда стояли города, нынче бесплодные пустыни. Мощные машины неподвижны. Жрецы говорят, что одна смерть наша судьба... А каждого, кто осмеливается мыслить по-другому, клянут в храмах, отправляют в темницы. «Таков закон богов», — учат жрецы, а я в тоске сомнения!

— Молись! Молись, Матоа! Твоя душа — во власти Арасвага, в твоих жилах кипит кровь безумного Унара, — еще больше взволновалась старуха.

— Я слышала когда-то, расскажи!

— Великий грех, — отнекивалась Тинга.

— Я требую!

— Ну что ж, — покорилась кормилица.

И она рассказала древнее предание, тайно переходящее из уст в уста, всякое упоминание о котором было запрещено жрецами. Когда-то давно, в период расцвета Анта, когда никто еще не боялся думать и смело высказывать свои мысли, жил юноша по имени Унар. Природа наделила его многими талантами и способностями. Красивый, сильный и смелый, он писал стихи, сочинял музыку, пел дивные песни и наряду с этим обладал глубокими познаниями в математике, философии, инженерном деле. В ту пору любовь еще не была под

запретом и, став зрелым мужем, Унар женился и имел троих детей. Он мог бы жить счастливо и безмятежно, если бы не беспокойный склад ума, склонного к опасным заблуждениям. Он вечно стремился куда-то, искал чего-то и, вопреки учению церкви, был убежден, что, кроме Анта, есть и другие миры, где разумные существа живут лучше, счастливее. Его поэтическое вдохновение особенно возбуждала голубая Звезда Тот. Ей он посвятил много песен, прославляя в стихах прекрасную жизнь, будто бы существующую на этой планете, постоянно залитой ярким солнечным светом.

Созданные им стихи и песни расходились по стране и стали порождать в народе сомнения. Тогда жрецы призвали Унара и, чтобы разубедить в опасных заблуждениях, позволили заглянуть в волшебную трубу, откуда было видно все происходящее на Звезде Тот. Они думали, что зрелище этого мира, бесконечные просторы его океанов, грозные тучи, закрывающие солнце, дремучие леса — все это позволит Унару понять, насколько великая страна Анта лучше и выше по своей культуре. Но они ошиблись. Греховная идея, подсказанная не иначе, как самим духом ала, овладела несчастным. Он возымел желание соорудить такой аппарат, который позволил бы ему покинуть пределы Анта и достигнуть Звезды Тот.

Напрасны были увещевания жрецов, угрозы отлучения от церкви и пожизненного заключения. Безумный Унар покинул жену и детей и скрылся где-то в пустыне с группой друзей — таких же одержимых, как и он сам. Обладая незаурядными знаниями и способностями, он сумел тайно построить летательный снаряд, с помощью которого поднялся в небо и достиг ближайшей из двух лун Анта. Известие об этом дерзком поступке послужило Началом великой смуты. Его нельзя было скрыть от народа, потому что все видели, как однажды ночью широкий огненный луч поднялся над пустыней и прочертил след через весь небосклон вплоть до ближайшей луны. И в большие трубы было видно, как безумцы строили что-то на поверхности ночного светила, видимо готовясь к дальнейшему прыжку.

Каждую ночь после возмутительного поступка Унара все граждане Анта не сводили глаз со светлого диска, быстро пересекающего небосвод, надеясь увидеть, как Унар и его друзья улетят на Звезду Тот. И

жрецы в тревоге следили за небом, не зная, что им теперь предпринять.

Но боги вмешались. Была ночь, когда вспышка необычайно яркого света, возникшего на серебряном диске ближней луны, озарила равнины Анта...

И это было все! Божественный огонь уничтожил вероотступников на глазах у пораженных ужасом жителей Анта. Так покарали боги тех, кто позволили себе усомниться в целесообразности законов. Авторитет церкви был спасен, но, чтобы ничто и никогда больше не могло его поколебать, был издан закон, запрещающий даже упоминать о греховных мыслях и действиях Унара. Только иногда старые люди, желая удержать от вольнодумства молодых и исчерпав все прочие доводы, напоминали им, оглянувшись по сторонам, о дерзких поступках Унара и его безумной крови, иногда закипающей в жилах смутьянов и нечестивцев.

Вот что рассказала старая Тинга прекрасной Матоа в тихие часы рассвета.

Она умолчала только об одной, самой страшной тайне. Род безумного Унара не угас. У него остались дети, они бежали от гнева жрецов. Двоих нашли и уничтожили, а третьему ребенку девочке — удалось скрыться. Выйдя замуж, она сумела утаить свое происхождение. Прошел длинный, ряд поколений, и как раз в этой семье родилась еще одна девочка. Ее звали Матоа...

— Благодарю тебя, Тинга, — сказала Матоа, выслушав эту историю. — А теперь оставь меня, может быть, я усну.

Окруженный стражниками, Владимир долго шел по запутанным, извилистым коридорам. Конечной целью оказался круглый зал, освещенный мягким синеватым светом. Здесь не было ужасающих изображений богов. Убранство состояло из украшенных золотом длинных полос тяжелых темно-синих тканей, свисающих с потолка до самого пола. Мебели не было. В противоположной стороне зала в дверном проеме вместо створок был вставлен высокий ажурный серебристый цилиндр.

В этот зал Владимир вошел один. Помещение казалось пустым. Дойдя до середины, он остановился, не зная, что делать дальше.

— Стой здесь, чужеземец, и жди! — прозвучал приятный и мелодичный женский голос.

Молодой человек подчинился.

Драпировки вдруг заколыхались. Из-за них выступили женщины, одетые в длинные темно-синие с золотом одежды. Молодые и стройные, похожие на статуэтки, они, блестя лукавыми глазами, окружили Владимира. Прислужницы королевы едва достигали груди Одинцова.

Под их любопытными взглядами Владимиру стало не по себе, но прозвучал тихий сигнал, похожий на звук гонга. Женщины застыли неподвижно. Внимание жителя Земли привлекло другое явление: цилиндр бесшумно повернулся, открыв проход в следующее помещение.

— Иди, чужеземец, королева Анта ожидает тебя, — произнес тот же голос.

Владимир вошел в просторное шестигранное помещение, озаренное проникающим через овальное окно дневным светом и розовым сиянием светильников. Мягкие узорчатые ткани покрывали стены и сводчатый потолок, пушистый ковер на полу заглушал звук шагов. Четыре статуи из коричневого металла, изображающие обнаженных марсианок, стояли на серебряных постаментах справа и слева от входа.

В глубине Владимир увидел маленькое, почти детское, низкое, но широкое ложе. Прозрачные серо-голубые ткани закрывали его.

Все эти детали промелькнули в сознании Владимира в одно мгновение, его внимание было поглощено другим. На покрытом какими-то толстыми тканями возвышении полулежала женщина та самая, которую он уже видел рядом с Ирганом. Ее глаза вот первое, что поразило Владимира и заставило остановиться, едва он переступил порог. Большие, с длинными ресницами, они были устремлены прямо на вошедшего и как бы из глубины своей источали синий свет.

Матоа была в одеждах из ярко-алой ткани с широким серебряным орнаментом. Цвет платья подчеркивал матовую черноту ее лица. Высокая тяжелая прическа украшала ее голову. Маленькие руки, безукоризненно правильной формы, покоились на низкой спинке дивана.

Она была похожа на земных женщин настолько, чтобы казаться близкой и понятной, но в ней были и какие-то трудно уловимые особенности. Она была так красива, что Владимир стоял неподвижно, ошеломленный, и только смотрел на королеву, пытаясь как-то осознать свои впечатления.

— Подойди ближе, — сказала она наконец.

Владимир приблизился к ступенькам.

— Садись, — королева указала на мягкие подушки, небрежно брошенные у ее ног.

Владимир сел.

— Говори!

— О чем?

— Обо всем, что найдешь нужным. Вы прибыли со Звезды Тот. Там совсем другой мир. Расскажи мне о нем...

Владимир задумался, не зная, как начать. Мысли его невольно обратились к родной планете.

— В нашем мире много тепла и света, — начал он. — Ярко светит Солнце, зеленеют деревья. По синему небу плывут облака. Могучие реки величаво несут свои воды к морям и океанам. Высокие горы увенчаны снежными вершинами, они горят в лучах Солнца и сверкают, как алмазы...

Он рассказал об изобилии воды, совершающей свой вечный кругооборот за счет энергии Солнца, о великой работе морей и рек, о грозных тучах, изливающих влагу на поля и леса, о снежных русских зимах, о странах полуденного зноя, о зеленых островах среди лазурных просторов океана, о сибирской тайге и тропических лесах Амазонки.

Рассказывая, Владимир как бы перенесся на родную планету, светлую и радостную по сравнению с холодным, суровым Марсом, и сам увлекся. Матоа слушала и глядела в его горящее внутренним огнем лицо. А Владимир говорил о том, что жители Земли принадлежат к нескольким расам, притом многие имеют такую же черную кожу, как и марсиане. Он рассказывал о развитии науки и техники, о грандиозных стройках, о том, как люди преобразуют природу. Матоа особенно заинтересовалась атомной энергией. В этом отношении наука Марса

намного отстала от земной. Владимир посоветовал ей обратиться к другим космонавтам — специалистам в этой области.

— Из нас шестерых, — объяснил он, — четверо ученых, пятая, моя жена, — геолог, шестой я — пилот космических кораблей.

— Да! — задумчиво прошептала Матоа. — Все, что ты рассказал, кажется просто невероятным. Звезда Тот, по словам наших мудрецов, совсем другая! Но я верю тебе...

Она умолкла, увлеченная водоворотом новых мыслей.

— Теперь расскажи ты, — попросил Владимир. — Я тоже хочу знать, как устроен ваш мир.

— О чем же я могу рассказать жителю Звезды Тот? — грустно улыбнулась королева. — Ты своими глазами видишь, какой тусклой и безрадостной кажется страна Анта. Не верь словам Ассора о нашей якобы могучей и великолепной культуре. Чудесные механизмы, которые показал вам хитрый старик, давным-давно мертвы, потому что нет сил, способных привести их в действие. Мы исчерпали все запасы топлива, какие были в нашем мире. Только ветер еще гуляет над мертвыми пустынями, и мы используем его силу. Запасы воды уменьшаются с каждым годом. Пустыня наступает. Нам не хватает пищи... Кислород в атмосфере исчезает. Пройдет еще несколько сот лет — и наступит конец... ужасный конец!.. — Матоа встала и принялась ходить по комнате. — Планета Ант не имеет будущего, у нее только блестящее прошлое и суровое настоящее. Правда, у нас единый, наг род, одна власть и мы не знаем ужасов войны, но правители Анта поневоле должны быть деспотами.

— Почему?

— Разве не ясно, чужеземец? Природа Анта дает нам мало благ, ресурсы исчерпаны. Чтобы обеспечить жизнь народа. Владыки Анта вынуждены ограничивать потребление до предела. Наши люди не могут свободно любить друг друга, потому что появление новых неизбежно ухудшает положение тех, кто уже существует. И даже я не вправе иметь детей. Радости материнства не для меня... У нас нет будущего!.. Суровые рамки закона определяют каждый наш шаг, каждую мысль. У нас душно! Душно, как в могиле! А я еще молода и так хочу жить!..

Бывает, что человек долгие годы молчит и в глубине сердца хранит мучительные сомнения, скрывая от внешнего мира свои переживания. Но бывает, что случайный повод как бы взрывает плотину. Мощный поток вырывается наружу, унося в водовороте обломки разрушенных преград.

Нечто подобное произошло и с Матоа. Беседа с Владимиром стала каплей, переполнившей чашу. В немногих словах она высказала многое из того, чего никогда и никому не решалась поведать.

Матоа залилась слезами. Владимир стоял пораженный, не зная, что предпринять. Через минуту властная женщина справилась со

своими чувствами и поднялась. Теперь перед Владимиром снова стояла королева.

— Уходи!.. Уходи скорее! — приказала она. — Никто не смеет видеть слезы на глазах супруги верховного Владыки.

Владимир резко повернулся и пошел к двери.

— Постой! Вернись...

Владимир обернулся. Он понимал, что судьба его самого и всех остальных астронавтов во многом зависит от капризов королевы. Матоа смотрела на него каким-то новым взглядом.

— Подожди! — медленно произнесла она. — Ты еще не все мне рассказал...

— О чем же ты хочешь еще услышать?

— У тебя есть жена, чужеземец? — Синие глаза Матоа глядели прямо на Владимира.

— Да.

— И она здесь, в темнице?

— Да! Уже много лет мы любим друг друга. Мы женились давно и видели многое. Другие миры... Страна Анта вторая планета, которую мы посетили вместе с нею.

Матоа опустила глаза. Потом подумала и спросила дрожащим голосом:

— Ты сказал: «Мы любим друг друга». Расскажи мне, как любят в вашем мире.

Владимир нашелся не сразу.

— Не знаю, как ответить. Когда мужчина становится взрослым, приходит час, и он вдруг сознает, что из множества женщин есть одна, без которой он не может жить. Она становится для него прекраснее других, всего ближе по духу, как-то особенно привлекательна. Ему хочется видеть ее постоянно, быть рядом, жить и трудиться вместе. Приходит чудесное чувство любовь. Наступает мгновение, когда впервые произносится это слово. Если чувство взаимно — люди начинают жить вместе. Создается семья, появляются на свет дети. Так любят в нашем мире.

— И каждая супружеская пара создается именно потому, что двое любят друг друга?

— Конечно, как же может быть иначе?

— И каждая женщина в вашем мире имеет право любить того, кого она захочет?

— Разумеется!

— И каждая пара может иметь детей?

— Не только имеет право. Государство всячески поощряет деторождение.

Установилось долгое молчание. Матоа смотрела вдаль неподвижным взглядом, захваченная новыми мыслями. Казалось, она забыла о присутствии Владимира.

Наконец она повернулась. Взгляд ее имел теперь какое-то странное выражение. Глаза расширились, стали по-особому проникновенными, полными глубокой тоски, почти страдальческими.

— А может ли, — тихо прошептала она, — человек со Звезды Тот полюбить женщину с другой планеты?.. Если она красива и одинока?..

Глаза, сияющие странным блеском, были устремлены прямо на Владимира. Королева Анта приподнялась, ее маленький рот был полуоткрыт. Владимир растерянно посмотрел на марсианку. В один миг все переменилось. Не было больше королевы и узника...

Владимир склонился над королевой и почувствовал, как нежные маленькие руки обвились вокруг его шеи, горящие глаза стали вдруг совсем близко...

Он поднял Матоа и повернулся. В полумраке виднелось роскошное ложе. Немного левее, в углу, озаренное призрачным лиловым сиянием возвышалось массивное изваяние одного из чудовищных богов Анта. Пять пар искривленных рук поднимались вверх как бы в порыве гнева. Растянутый до ушей рот застыл в насмешливой отвратительной улыбке. Три глаза смотрели на чужеземца. Блестящие камни, темно-красные, как запекшаяся кровь, заменяли зрачки. В лучах света они переливались и сверкали, как живые. Владимиру стало не по себе под этим тройным насмешливым взглядом. Казалось, что чудовище издевается над человеком, оказавшимся во власти своих страстей.

«Что я делаю?» — пронеслось вдруг в его сознании.

Человек Земли, посланец великой страны стоит теперь во дворце марсианских деспотов и держит на руках женщину, королеву, с которой у него нет и не может быть ничего общего, кроме краткого чувственного порыва...

Он посмотрел на Матоа. Да, она была красива, очень красива! Но теперь эта красота казалась ему чужой, холодной и не трогала его больше.

Матоа открыла глаза и все поняла. Быстрым движением она выскользнула из его рук.

— Ты хотела знать, может ли человек со Звезды Тот полюбить женщину из страны Анта? — сказал Владимир. — Может быть, да! Но лишь в том случае, когда сердце у него свободно... А у меня...

Гневная улыбка исказила красивое лицо Матоа. Больше не было нежной и покорной женщины.

— Довольно! — прошептала она, бледная от ярости. — Довольно! Мне все понятно... Другая женщина!.. Твоя жена... Ты предпочел ее! Но как ты смел прикоснуться ко мне, повелительнице Анта? Нечестивец!! Понимаешь ли ты, что сделал? Ты оскорбил меня желанием и отвергнул! О, боги Анта, как низко я пала! Что мне теперь делать? Ответь, великий Серазин!

Она бросилась на колени перед изваянием трехглазого бога и протянула к нему руки. Идол смотрел по-прежнему насмешливо. Матоа вскочила и обернулась. Взгляд ее снова упал на Владимира.

— Ты еще здесь? — воскликнула она. — Прочь! Смерть! Смерть всем! Одна лишь смерть смоет позор!

Подобрав свое длинное одеяние, она быстро перебежала к возвышению и села в той же величественной позе, какую приняла перед входом чужеземца.

Ее рука, будто изваянная из черного мрамора, прикоснулась к звонку. Беззвучно распахнулись двери, и появились прислужницы, за ними вошла стража.

— Уведите чужеземца, — холодным, бесстрастным тоном приказала королева.

В дверях Владимир оглянулся. Огромные, чудесные глаза сияли синим пламенем на бледном лице Матоа. Они были устремлены прямо на него.

6. Судьба решается

Далеко в конце коридора показалась маленькая тщедушная фигурка. Офицер дворцовой стражи, охранявший вход в малый зал Совета, еще издали узнал Ассора по характерной вихляющей походке. Великий жрец торопился, его длинные фиолетовые одежды развевались от быстрого движения, серебряный головной убор блестел в лучах светильников.

Ассор проследовал в помещение, где происходили секретные беседы Владык Анта.

Просторная комната с низким сводчатым потолком была лишена дневного освещения. Скрытые источники света создавали полумрак, пол застилали пушистые ковры. У стен стояли изображения многочисленных богов.

В центре зала помещалось большое массивное треугольное возвышение. Против каждой из его граней стояло глубокое кресло с высокой спинкой.

Никто в стране не должен был знать, о чем беседуют здесь.

Никто не имел права открывать дверь, входить и хоть на мгновение прерывать беседу трех верховных правителей Анта.

Удалившись из зала Совета, каждый из членов триумвирата отдавал распоряжения, которые безоговорочно выполнялись.

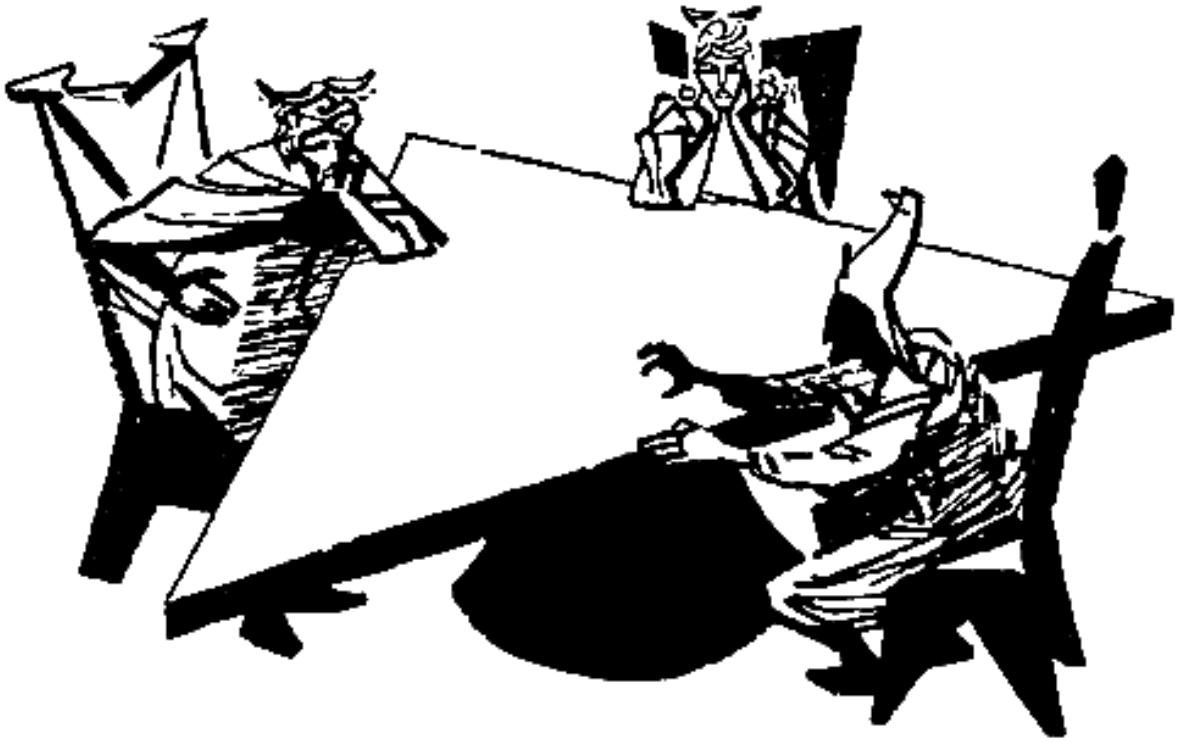
Сейчас зал Совета был пуст. Ассор на этот раз оказался первым.

Нервный и подвижный, он несколько раз обошел кругом зала, потом резким движением подвинул кресло и занял свое место. Откинувшись на мягкую спинку, он сердито барабанил пальцами, ожидая появления остальных. Беззвучно открылась дверь, и вошла Матоа.

— Привет тебе, Ассор, — произнесла она, склоняя голову.

— Привет тебе, королева!

В другом конце зала появился Ирган. Он шел по ковру быстрыми, широкими шагами.

— Ты потребовал созвать Совет, Ассор, — сказал он. — Мы готовы слушать тебя.

— Чужеземцев надо уничтожить, и чем скорее — тем лучше! медленно, отчеканивая каждое слово, произнес Ассор. — Поверь, среди народа начнется великая смута, если они останутся в живых. Подумай, тысячи лет мы твердим, что во всей Вселенной одни Владыки Анта обладают совершенными знаниями и мудрость их абсолютна. Мы учим народ, что созданные нами законы воплощают идеи Высшего Разума. Нельзя допустить даже тени сомнения в божественном происхождении наших законов и целесообразности наших поступков. Горе нам, если простой народ узнает, что жители Звезды Тот сумели преодолеть пространство и достигнуть Анта! Мы запретили даже говорить о дерзких попытках Унара и объяснили его гибель гневом богов. Страшно подумать, какой вихрь сомнений и неоправданных надежд возникнет в сознании черни, если она узнает, что чужеземцы осуществили греховную затею Унара и боги Анта не покарали их. Грозные, ужасные дни наступят в нашем государстве, если пришельцы со Звезды Тот останутся в живых! Смерть чужеземцам — вот

единственное мудрое и справедливое решение, которого я прошу у тебя, Владыка!

Ирган слушал молча. Его длинные тяжелые руки лежали на подлокотниках, голова склонилась на грудь, неподвижный взгляд был устремлен вдаль. Он долго молчал, сурово нахмурив брови.

— Глубокая мудрость содержится в твоих словах. Великий жрец, — медленно начал он, — и знания твои беспредельны. Боги даровали нам огромную власть, но безмерно и бремя нашей ответственности. Мы обязаны решать дела мудро, неторопливо, глубоко проникая в самую суть вещей, мы трое знаем истину, ужасную истину! Нам троим известна грозная судьба Анта. Народ блаженствует в счастливом неведении, а мы знаем, что пройдут еще два—три столетия, иссякнут последние запасы влаги, и некогда прекрасный Ант превратится в безжизненную пустыню. Грядущие поколения обречены! Муки голода, холода и жажды — вот их судьба. И нет сил, которые могли бы изменить неумолимое предначертание судьбы. Мы железной рукой ограничиваем численность населения, регулируем потребление, но знаем, что все это может лишь ненадолго отсрочить неизбежное. Лучше других предвидя будущее, мы сознательно ведем наш народ к смерти. Таков закон! И нет другой дороги, если...

— Ты сказал «если», Владыка! — взвизгнул Ассор. — Значит, ты полагаешь, что возможен другой выход?

— Да, я сказал «если», имея в виду, что Ант и дальше останется один. Но истинная мудрость заключается в том, чтобы уметь заранее осмыслить неизбежное. Теперь есть новое... Пришельцы со Звезды Тот сумели преодолеть пространство, а этого не могли сделать лучшие мудрецы Анта. Значит, культура на той планете не так низка, как мы твердим народу. И, может быть, их неведомый мир, который мы привыкли презирать, способен оказать нам помощь, как это обещал седобородый. Легко уничтожить пришельцев, но в этом ли заключается истинная мудрость? Не будет ли разумнее на время сохранить им жизнь, использовать их знания и опыт?

— Ты хочешь дождаться, пока сторонники Элхаба сумеют их освободить? Хочешь, чтобы наши враги получили сильную помощь, даешь им оружие против нас же?

— Пришельцы в нашей власти, а Элхаб бессилен. Наоборот, используя их знания, мы сами получим смертоносное оружие...

— Я понял твою мысль, Ирган, — прошипел Ассор.

— Послушаем теперь королеву, — сказал Ирган.

Матоа не торопилась с ответом. Все время, пока говорили мужчины, она спокойно слушала. Однако за холодной, непроницаемой маской внешнего равнодушия скрывалась целая буря противоречивых чувств. С одной стороны, она горела желанием отомстить и считала, что только смерть чужеземцев может смыть нанесенное ей оскорбление. С другой стороны, она понимала, что ее чувство к Владимиру гораздо больше и глубже, чем минутный каприз всемогущей королевы: в ее сердце впервые пришла любовь.

Вместе с тем у Матоа был широкий и смелый ум. Судьбы народа, будущее страны заботили ее весьма глубоко. Она лучше Иргана понимала, какое огромное значение для Анта могло иметь общение с разумными существами, обитающими на соседней планете.

Поэтому Матоа не спешила высказывать свое мнение, стремясь найти выход из круга терзавших ее противоречий. Но после прямого обращения Иргана нужно было на что-то решиться.

— Ирган говорит как мудрый и дальновидный Владыка государства, — начала она. — Уничтожить пришельцев можно в любую минуту. Сделать их полезными — вот в чем истинная мудрость. Твое же требование, Ассор, неразумно. Таково мое мнение, я сказала!

Ассор побагровел от злобы. Его черное сморщенное лицо стало темно-лиловым. Не часто случалось, чтобы он встречал такие возражения.

— Королева слишком скоро забывает оскорбления, — многозначительно прошептал он.

При всем своем самообладании Матоа вздрогнула от неожиданности: намек был слишком ясен.

— Что ты хочешь сказать? — воскликнула она. — Твои слова звучат по меньшей мере странно!

Ирган поднял голову и бросил испытующий взгляд на старого хитреца, затем перевел глаза на Матоа. Она выдержала немую сцену, но

глаза ее засверкали от гнева. Ассор понял, что с этой минуты у него появился сильный враг.

— У меня нет и никогда не будет тайн от супруга и Владыки, — громко сказала она. — Настанет час — я все скажу сама. Пока еще не время.

Ирган погрузился в глубокое раздумье. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он принял решение. Наконец он поднял голову.

— Властью, данной мне всесильными богами, повелеваю, начал он глухим, низким голосом. — Пришельцев держать под стражей, но сохранить им жизнь. Залогом в этом пусть будет голова Ассора. У чужеземцев жизнь должна быть полна как у гостей, прибывших по приглашению Владыки. Мы будем держать с ними совет, но сохраним в тайне их слова и мнения. Их знания, полезные для Анта, нам следует разумно использовать. Когда же пришельцы станут нам бесполезны, мы отправим их обратно на Звезду Тот. Пусть они там расскажут, что великий Ант не нуждается ни в помощи, ни в совете Звезды Тот, чтобы никогда ни один житель этой планеты не переступал больше порога нашего мира. Да будет так, как я сказал!

Он поднялся. Матоа встала вслед за ним и бросила насмешливый взгляд на Ассора. По законам Анта в подобных случаях решение Владыки было окончательным, и все обязаны были повиноваться. Ассор смиренно склонил голову, выражая свою покорность, но в душе у него клокотала злоба.

7. Проблеск надежды

Когда Владимир показался в дверях камеры, космонавты поразились при виде его лица. Он был бледен, глаза ввалились, рот плотно сжат. Таким его еще никто никогда не видел.

— Что случилось? — бросилась к нему Наташа.

Владимир только безнадежно махнул рукой. Да и что он мог сказать?

Передать в подробностях беседу с королевой? Для чего? Или сохранить в тайне все и сообщить друзьям лишь конечный результат, ничем не объясняя причин внезапного гнева Матоа? Получится

неубедительно, бессвязно и непонятно. А главное, не все ли равно?! Теперь, когда всевластная королева уже сказала роковое слово, вся вина лежит на нем. Может быть, рассказать, ничего не скрывая, Виктору Петровичу, как начальнику экспедиции? Но это бросится в глаза остальным. Какие могут быть секреты среди шести путешественников!

Так думал Владимир, лежа на койке и глядя на своды камеры отсутствующими глазами. Понимая его состояние, друзья ни о чем не спрашивали.

Постепенно он стал приходить в себя.

— Мы обречены, друзья! — неожиданно сказал он. — Нас хотят уничтожить. Так решила королева. Этого же давно желает Ассор. Значит, два голоса из трех в составе здешнего триумвирата будут поданы за смертельный приговор.

Установилось тяжелое молчание. Если бы речь шла о смерти, вызванной гибелью космического корабля, условиями жизни на Марсе или другими причинами стихийного порядка, космонавты встретили бы ее спокойно. Но оказаться в мире, где человек мог жить даже без кислородных приборов, прибыть на соседнюю планету с миссией дружбы и ни с того ни с сего попасть в тюрьму и принять смерть от руки палача, не чувствуя за собой никакой вины, — с этим человеческий рассудок не мог примириться.

— Бежать! — предложила Наташа. — Уничтожить стражу, выбраться наружу и попытаться добраться до ракеты. Пускай погибнет кто-нибудь из нас, может быть, спасется хоть один. Да если и все умрем, то хоть встретим смерть в честном бою. Все легче!

— К чему себя обманывать, — возразил Паршин. — Мы находимся глубоко под поверхностью планеты, нас охраняет многочисленная и хорошо вооруженная стража. Мы не знаем даже плана здания, не имеем представления, где находится ракета. Смешно думать, что ее оставили на прежнем месте. Я уже не говорю, что мы не знаем и этого пункта, расположенного далеко от столицы. Если каким-либо чудом мы вырвемся отсюда, куда деваться дальше?

— Во время прогулки, — предложила Индира, — мы будем наверху. Набросимся на стражу. Солдаты не знают наших сил... Затем спуск или прыжок вниз...

— Разбиться о камни и снова оказаться в руках обозленных тюремщиков? — сказал Ли Сяо-ши. — Это все несерьезные планы. Если говорить о побеге, то единственная возможность, дающая нам хотя бы один шанс против тысячи, — это использовать момент, когда нас поведут на казнь. Быть может, тогда...

— Откуда мы знаем, где и как они соберутся нас убивать, хмуро возразил Владимир. — Хорошо, если всех сразу. И повезут куда-нибудь за город... Могут выводить поодиночке и уничтожить одного за другим где-нибудь в подвале.

— Подкоп, — бросила Наташа.

— В какую сторону? — грустно усмехнулся Ли Сяо-ши. — Какими инструментами, в какой срок можно продолбить эти камни? Предложение Индиры и то реалистичнее. В конце концов, мы можем разорвать одежды... несколько одеял, связать из них подобие каната...

Яхонтов не принимал участия в споре. Едва Владимир сделал роковое признание, как он встал и принялся молча расхаживать из одного конца камеры в другой.

— Я не могу, никак не могу примириться с мыслью, что мы должны погибнуть так бессмысленно, по доброй воле попав в мышеловку, — произнес он после замечаний Ли Сяо-ши. — Еще раз повторяю: мы не одиноки на Марсе, у нас есть друзья — те самые, которые подали сигнал. Несчастье в том, что мы, едва прибыв, тотчас попали в руки врагов. Но, очевидно, есть другие силы, дружественные по отношению к нам. Появление ракеты не могло остаться незамеченным. Кто-то должен думать сейчас о нашем спасении и, вероятно, думает. Для нас же главное не терять присутствия духа и с достоинством встретить любую опасность...

Щелканье замка прервало его.

Как обычно, появились два марсианина. Они поставили на стол сосуды с питьем и блюда с пищей и направились к выходу. Один из них почему-то задержался и, выждав, когда второй уже вышел, вдруг

бросил на пол маленький бумажный шарик и торопливо выбежал из камеры. Послышалось лязганье замков. Пленники переглянулись.

— Ну вот! — удовлетворенно сказал Яхонтов. — Насколько я понимаю, письмо от друзей, переданное по всем правилам конспирации. Посмотрим!

— Хорошо, что мы успели изучить язык марсиан и их письменность, — продолжал он, вооружаясь очками. — Вот слушайте: «Вас окружают враги, которые хотят, но боятся вас уничтожить, опасаясь волнений народа. Но в стране Анта есть друзья, которые сумеют вас освободить. Ждите!» Подписи нет.

Виктор Петрович поглядел на всех поверх очков.

Начиная с дня, когда блеснул этот луч надежды, настроение космонавтов резко улучшилось. Они снова принялись за работу. Возобновились регулярные занятия гимнастикой. Индира познакомила остальных с физической тренировкой по системе йогов широко распространенной на ее родине гимнастикой, состоящей из целой серии необременительных для сердца и легких упражнений, особенно ценных в здешней разреженной атмосфере.

Так прошло несколько дней. Марсианин, передавший письмо, каждый раз приносил пищу, но ни единым взглядом не давал понять, что он состоит в заговоре. События разыгрались внезапно, совершенно неожиданно для пленников.

Глубокой ночью, когда все спали. Ли Сяо-ши, лежавший на ближайшей к двери койке, проснулся от света фонаря, направленного прямо в глаза.

— Тихо! — произнес чей-то голос. — Меня зовут Янхи. Здесь друзья, которые пришли, чтобы освободить вас. Без шума разбудите остальных и следуйте за нами.

Ли Сяо-ши мгновенно пришел в себя, вскочил и принялся будить товарищей. Все были внутренне подготовлены и не выразили никакого удивления. Не прошло и пяти минут, как они были на ногах. Спали, не раздеваясь из-за холода, личные вещи каждого — записные книжки, фотоаппараты, бинокли, автоматические ручки, часы, компасы — быстро разложили по карманам.

— Внутренняя стража спит, — прошептал марсианин, — нам удалось подмешать им снотворного. Все дело в том, чтобы незаметно перебраться через стены. У нас готовы веревочные лестницы. Дело за вами, пошли!..

Космонавты во главе с неизвестным спасителем вышли в коридор. Два стражника валялись на полу поперек прохода в сонном забытьи. Беглецы осторожно переступили через них и бросились дальше. Стража у лифта тоже спала.

Подъемник работал бесшумно, и узники без помех выбрались на крышу. Деревья оцепенели от жестокой стужи, звезды горели в вышине — Среди них ярко выделялась крупная голубая Звезда Тот, при виде которой у беглецов защемило сердце. Маленький Фобос сиял среди холодного неба, слабо освещая спящий город.

По знаку проводника космонавты притаились в тени деревьев. Три стражника, дежуривших на башне, лежали у перил, крепко связанные, с кляпом во рту. Они беспомощно глядели на беглецов, следя глазами за каждым их движением. Здесь же находились еще пять марсиан — участников заговора. Они и связали охрану.

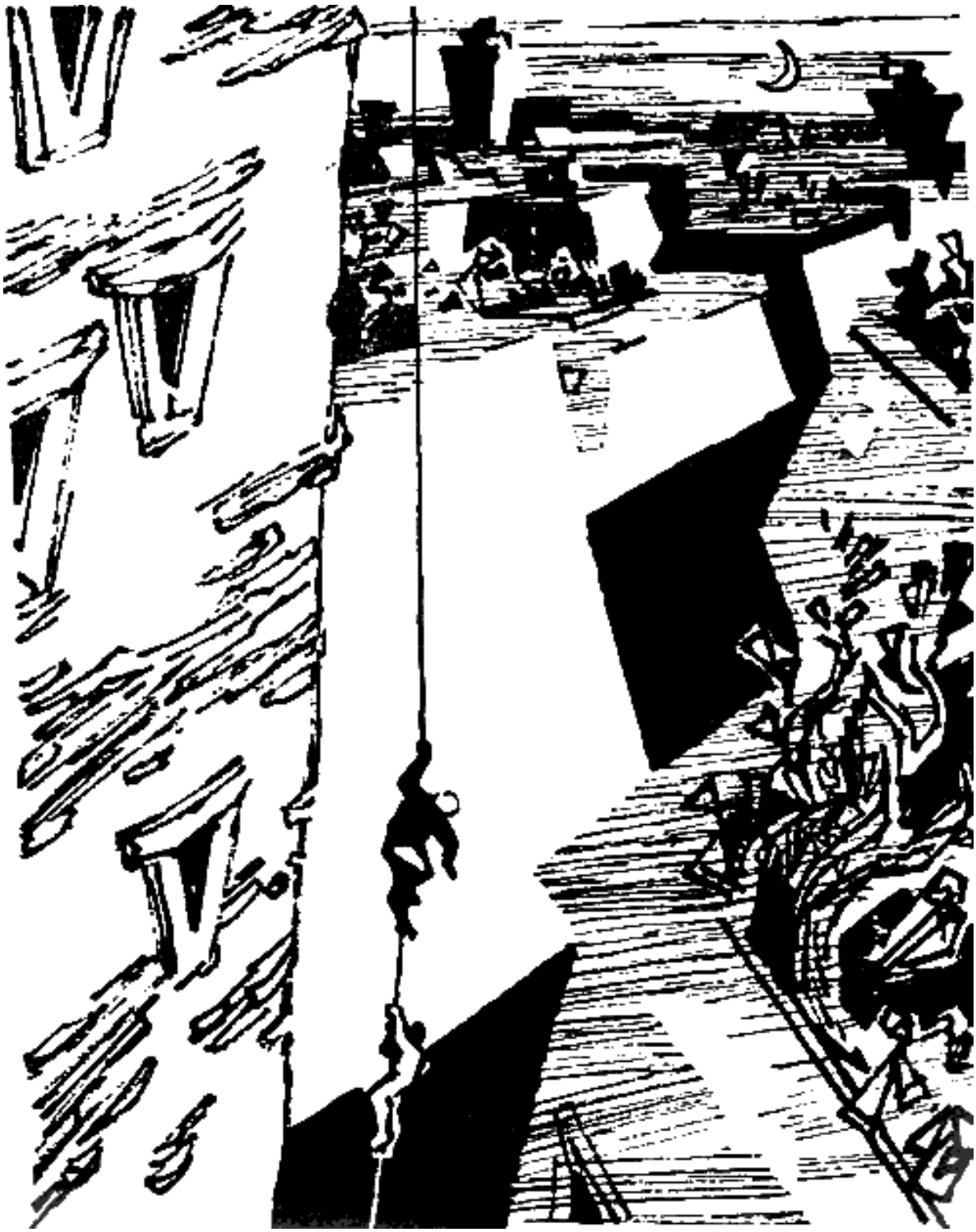
— Смотрите, — тихо шепнул Янхи, указывая вниз.

На освещенной площадке у подножия башни мерно ходил часовой.

— Его необходимо убрать, тут главная опасность, — продолжал Янхи. — Мы попытаемся напасть на него сверху. Понимаете?

Трое марсиан из числа пяти хлопотали в углу террасы. Обвязав крепкими веревками двух других, они тихо спускали их вниз. По теневой стороне башни можно было спускаться, не привлекая внимания часового. Он смотрел по сторонам, вовсе не ожидая нападения сверху.

Медленно спускались двое, используя каждую неровность в стене. Вот они уже совсем низко, чуть выше головы часового. Солдат, не спеша обходил свой пост. Он вышел на освещенное пространство, потом на какое-то время скрылся из глаз. Обойдя башню, ничего не подозревающий стражник оказался как раз под тем местом, где над его головой висели заговорщики. Астронавты затаили дыхание. Марсиане резко оттолкнулись от стены, а дежурившие наверху отпустили

веревку, и на голову часового свалились двое... Схватка длилась недолго, солдат захрипел и свалился.

— Пора! — шепнул Янхи.

Развернулась и упала вниз веревочная лестница. Она казалась до смешного маленькой и тонкой для грузных жителей Земли, но рассуждать не приходилось.

Первым подошел Владимир. Он критически осмотрел лесенку, на, всякий случай обвязал себя вокруг пояса веревкой, конец которой закрепил за перила, и полез вниз. Опасения были напрасны: лестница выдержала его тяжесть. Природа Марса помогала беглецам — они весили мало. Владимир спускался через ступеньку и скоро очутился внизу. За ним последовал Паршин, потом обе женщины и Яхонтов. Прикрывал группу Ли Сяо-ши, за которым проворно слезли марсиане. Все притаились в темноте и огляделись. Двор был пуст.

Янхи первым перебежал освещенное открытое пространство и укрылся в тени внутренней стены. Затем опасную зону преодолели остальные.

Убедившись, что все в порядке, Янхи вынул карманный фонарик и подал условный знак. Тотчас же со стены упала еще одна веревочная лестница. Подниматься было гораздо труднее, но космонавты не зря уделяли так много времени физической тренировке, теперь она пригодилась.

Скоро все выбрались наверх. Здесь был довольно широкий проход, где обычно шагали часовые. Выходя на прогулку, пленники видели их. Теперь проход был пуст.

— Где часовые? — деловито спросил Владимир.

— Мы усыпили их, а потом связали и сволокли в одно место, — ответил Янхи.

Не потребовалось много времени, чтобы пробежать по верхней галерее и скрыться в черном отверстии двери главной башни. За ней шла вниз крутая винтовая лестница. Жителям Земли приходилось здесь трудновато. Едва протискиваясь через узкие проходы, беглецы спустились и достигли внешнего двора. Оставалось преодолеть еще одну стену, и они были бы на свободе.

Главные ворота Тонга-Лоа охранял целый отряд вооруженной и бодрствующей стражи. Этот путь был закрыт.

Янхи рассчитывал без шума убрать двух часовых, охранявших заднюю стену тюрьмы и угловую башню, где был запасный выход, не открывавшийся много лет. Марсианин приказал космонавтам оставаться на месте, а сам бесшумно скрылся в темноте. Прошло немного времени. Послышались легкий шум борьбы и приглушенный крик, затем все стихло.

Нервы беглецов были напряжены до предела... Вдруг из-за угла башни появился маленький темный силуэт Янхи. Он махнул рукой. Космонавты осторожно пошли к нему. На площадке, освещенной слабым светом Фобоса, марсиане хлопотали около ворот, пытаясь открыть их, но замок бездействовал много лет и никак не поддавался.

Беглецы собрались в нише ворот, своего рода тоннеле, выход из которого и преграждали две массивные створки. Старый замок оставался теперь единственной преградой на пути к свободе, но это препятствие и грозило оказаться непреодолимым.

— За воротами наготове стоят машины, — объяснял Янхи. Все дело в том, чтобы открыть выход.

— А как же вы прошли сюда? — спросил Ли Сяо-ши.

— Мы забросили снизу канат с грузом на конце. Он обмотался вокруг дерева, и мы поднялись. Затем перебросили его на другую сторону и спустились. Потом стянули канат вниз. Он был нужен для внутренней башни. Стража самой крепости была частью подкуплена, а частью усыплена. Внешнюю охрану подкупить не удалось.

Марсиане хлопотали около запора. Но ничего не получалось. Янхи начал заметно волноваться.

— Плохо дело, — прошептал он сквозь зубы. — Мы рискуем оказаться в мышеловке. Приближается время смены караула, поднимется тревога...

— Постойте, — сказал Владимир. — А если поднять ворота и снять их с петель?

— У нас не хватит сил.

— Попробуем, — бросил пилот и решительно выступил вперед. Тяжелые створки не заполняли просвет до самого верха, над ними до вершины свода оставалось еще около полуметра. Снаружи ворота, вероятно, были гладкими, без единого выступа, но изнутри на их

поверхности было несколько ребер. Створки висели на своеобразных петлях, недоступных с внешней стороны, но открытых со двора. Если бы удалось поднять эту чудовищную тяжесть, то, несмотря на запор, ворота можно было бы опрокинуть наружу. Все это сообразил Владимир, пока марсиане безуспешно возились со ржавым запором. Если бы в распоряжении беглецов был длинный и прочный рычаг... Но его не было, и приходилось рассчитывать только на собственную силу.

— Нас четверо, — продолжал Владимир, — попытаемся.

Мужчины подошли к воротам. Яхонтов и Ли Сяо-ши, как самые высокие, встали посредине, Паршин и Владимир — по бокам. Они уперлись руками в перекладины и попытались приподнять тяжелые створки. Вначале ничего не вышло. Но Владимир сообразил, что весь секрет в согласовании усилий. Четверо мужчин начали ритмично раскачивать ворота подобно тому, как вытаскивают из грязи застрявший грузовик. Створки заскрипели и стали поддаваться. Марсиане отошли и с изумлением глядели на космонавтов.

— А ну, друзья, помогайте, — сквозь зубы процедил Владимир.

Марсиане поняли, подбежали и также уперлись руками в ворота. С каждым разом усилия становились все более согласованными. Наконец наступил миг, когда створки приподнялись и рухнули на внешнюю сторону.

Путь был свободен. Марсиане и космонавты кинулись вперед. Но грохот упавших ворот разбудил караульных. В крепости поднялась тревога. Машины стояли совсем близко, их силуэты угадывались во мраке.

На несколько секунд Янхи зажег фонарик, чтобы космонавты смогли ориентироваться. Кратковременной вспышки было довольно, чтобы заметить широкие гусеницы, высокие борта и лесенки.

— По одному на каждую машину! — командовал Янхи. — Влезайте сзади и сейчас же ложитесь прямо на дно.

Кое-как беглецы вскарабкались и ощупью, при помощи невидимых во Мраке марсиан, легли на дно открытых кузовов. Следом за ними, уже на ходу хватаясь за поручни, вскочили отставшие марсиане.

Загудели моторы, и началась безумная гонка. Фобос к этому времени уже скрылся на востоке, тьма сгустилась. Правда, едва машины рванулись с места и дали полный ход, вспыхнули несколько прожекторов на башнях, но они осветили уже опустевшую площадь.

Особенности марсианского города с его узкими улицами-щелями, врезанными в почву, помогали беглецам. Машины скрылись в их глубокой темноте.

Непонятно, как могли водители, двигаясь полным ходом, управлять широкими и неповоротливыми машинами в таких узких проездах. Однако колонна без каких-либо неприятностей промчалась по площади перед храмом, круто свернула налево, затем направо, еще раз налево...

Разгоряченные от непривычного физического напряжения, взволнованные острыми переживаниями, космонавты сначала не чувствовали холода. Они лежали, вытянувшись во весь рост на платформах, и глядели в небо, меньше всего думая о температуре. Но суровый климат Марса скоро дал о себе знать. Свирепый мороз обледенил лица, брови покрылись инеем, выдыхаемый воздух тотчас превращался в мелкую изморозь. Кристаллики льда белым порошком покрыли нос, щеки, воротники. Веки смерзлись, и трудно было открывать глаза.

Марсиане поняли состояние беглецов и забросали их какими-то толстыми тканями, оказавшимися в кузове.

Машины сильно раскачивались. По характерному гулу моторов, работающих на предельном напряжении, можно было судить о подъеме. Резкие повороты означали движение по улицам. Через несколько минут двигатели загудели облегченно, скорость хода значительно увеличилась. Беглецы догадались, что они выбрались на равнину. Здесь колонна набрала огромную скорость.

Пассивное положение в качестве груза никак не соответствовало энергичной и деятельной натуре Владимира. Полежав немного и чуть согрев застывшее лицо, он поднялся и сел, поджав под себя ноги. Высокая передняя кабина водителя несколько предохраняла от встречного ветра.

Теперь Владимир мог смотреть назад и по сторонам. Они мчались по типичной для Марса бескрайней равнине. Вокруг ничего, кроме

пустого пространства, но сзади, где остался город, был виден свет. Столица Марса и замок Тонга-Лоа остались далеко позади. Владимир порадовался скорости хода. Сам летчик, умело управляющий любыми наземными, воздушным ми и космическими машинами, он понимал толк в быстрой езде. Но вскоре он заметил маленькие огоньки. «Погоня», — догадался он, хватая бинокль.

Действительно, в поле зрения появились боевые машины марсиан. Они шли полным ходом с зажженными фарами. Длинные лучи света походили на щупальца, вытянутые вперед.

Владимир дернул за рукав марсианина, сидевшего справа, и указал на преследователей. Потом передал ему бинокль. Марсианин посмотрел, затем быстро скрылся в кабине водителя. Гул двигателя стал сильнее: механик выжимал из машины все. Очевидно, в колонне была связь — остальные машины тоже заметно ускорили ход.

Владимир снова поднес бинокль к глазам. Преследователи приближались. «Плохо дело, — подумал он, — драки не избежать».

Стало светать. Небо постепенно меняло черный тон на фиолетовый. Не отнимая бинокля от глаз, Владимир педантично осмотрел все вокруг. Далеко-далеко слева среди равнины виднелось низкое сооружение. Можно было разобрать даже ворота в каменной стене. Строение это заинтересовало Владимира, и он попытался разглядеть его получше.

Полевой бинокль позволил увидеть, как ворота раскрылись и оттуда выскочили новые боевые машины, с места взявшие полный ход. Владимиру стало не по себе. Он постучал водителю и указал на новых противников.

Тот понял...

Рассвет на равнинах Марса наступал быстро. Лиловый сумрак пришел на смену черноте ночи.

Машины, увозившие беглецов, мчались с бешеной скоростью, но преследователи явно превосходили их по быстроте. Владимир с тревогой ожидал, как развернутся события. Ему хотелось предупредить остальных, но это было невозможно. Приходилось полагаться на умение и способности Янхи — очевидно, главного организатора побега.

Владимир забыл о холоде и напряженно всматривался вдаль, оценивая местность с точки зрения возможности борьбы.

Неожиданно Янхи предпринял непонятный маневр. Машины вдруг остановились, повернулись, построились полукругом и полным ходом ринулись навстречу противнику. Над кабинами водителей выдвинулись металлические стержни, на концах которых поднялись цилиндрические камеры, снабженные короткими стволами. Марсиане стали за бортами и взяли в руки какие-то трубки, явно готовясь к бою.

Противники шли на сближение. При свете наступающего утра Владимир увидел, что борта машин, по существу, представляют собой толстую броню.

«Эге, — подумал он. — Похоже, что наши освободители послали не простые грузовики, а кое-что посерьезнее! Ну что же, повоюем!»

Оказалось, что марсиан в отряде Янхи довольно много. Неизвестно, где они находились прежде, но теперь в каждой машине их набралось по два десятка.

«Недурно, — подумал Владимир, — сто двадцать бойцов да нас шестеро».

Марсианин, стоявший рядом с Владимиром, жестом предложил ему лечь вдоль кузова., но встретил решительный отказ. Стало видно, что и остальные космонавты поднялись и приготовились к борьбе.

Когда до боевых машин преследователей осталось около четырехсот метров, они внезапно остановились. На что и рассчитывал Янхи. В тот же самый момент из цилиндрической камеры над его машиной вырвался яркий луч света. Мгновенно одна из машин противника вспыхнула; оттуда посыпались солдаты. Такой же удар попытались нанести и остальные беглецы. Три вражеские машины были выведены из строя.

Из группы сторонников Янхи послышался радостный вопль, но было еще рано торжествовать. Против их шести машин действовали более двадцати боевых машин преследователей. Силы были далеко не равны, но почему-то войска из замка Тонга-Лоа не применяли огненного луча, хотя Владимир видел такие же генераторы энергии, поднятые над башнями врага.

«Они боятся нас уничтожить, — мелькнуло в его сознании. Хотят захватить живыми. Ну, это не так просто!» Противник тем временем вывел из строя два генератора из шести, которыми располагали беглецы. Битва разгорелась. Когда поднялось солнце, с той и с другой стороны уже были убитые и раненые. Космонавты пока не принимали непосредственного участия в борьбе. Машина, где находился Владимир, стояла рядом с машиной Янхи, который руководил боем. На какое-то время бой затих.

— Сейчас они бросятся на нас, — крикнул Янхи Владимиру. Им важно захватить вас живыми.

— Будем драться! — коротко ответил тот.

Янхи был прав. Солдаты быстро выскакивали из машин. Бойцы Янхи также выскочили, прячась за корпусами машин.

— Придется драться! — во все горло крикнул Владимир, чтобы его услышали остальные космонавты. — Старайтесь держаться ближе! Покажем, на что мы способны!

— Лучше смерть, чем плен! — раздался голос Наташи. — За меня не бойся, милый

Ли Сяо-ши был уже на земле и бежал к Владимиру, Яхонтов спешил с другой стороны. Обе женщины и Паршин образовали вторую группу. Они стремились пробраться ближе к Владимиру, но преследователи бросились в атаку. Их встретили огнем, однако они превосходили беглецов численностью. Завязалась рукопашная схватка.

Владимир, долго сдерживавший свое негодование, дрался со злостью. Он схватил выроненное кем-то оружие и действовал им как дубиной. Удары его отличались невероятной по марсианским масштабам силой, и преследователи летели в стороны, как оловянные солдатики.

Ли Сяо-ши, не уступавший ему по силе, дрался так же отчаянно. Даже Яхонтов, несмотря на свой возраст, боролся изо всех сил. Здесь, на холодной равнине, где посланцам Земли пришлось отстаивать свою свободу, высокий седобородый академик потерял свое обычное спокойствие. Глаза его блестели, и он наносил удары, не уступая другим.

В честной битве лицом к лицу космонавты и бойцы Янхи, вероятно, одержали бы победу. К несчастью, противник превосходил их не только числом, но и хитростью. Два крупных отряда преследователей зашли с тыла. Один из них внезапно бросился на группу, где находились две женщины и Паршин. Напав с тыла, они сумели отбросить марсиан из отряда Янхи и захватить обеих женщин и старого профессора. Владимир услыхал отчаянный вопль Наташи и рванулся ей на помощь, но было уже поздно.

Он успел увидеть лишь, как торжествующие солдаты волокут по земле связанных космонавтов. На мгновение мелькнуло красное от бессильного гнева лицо Наташи, ее широко раскрытые, сверкающие яростью глаза, и толпа солдат скрыла пленниц.

Кто-то схватил Владимира за руку.

— Нас перехитрили! — услышал он голос Янхи. — Надо спасти хоть нескольких. Немедля в машину! Мы удержим противника!

— Наташа! — кричал Владимир, порываясь бежать. Чья-то сильная рука заставила его остановиться.

— Янхи прав, — раздался спокойный голос Ли Сяо-ши. — Противник сейчас сильнее нас. Продолжая борьбу, мы все снова попадем в плен. Лучше спасти хотя бы троих. Позже мы сумеем освободить остальных.

Притихший и помрачневший, Владимир побежал к машине и вскочил на платформу. Следом прыгнули Виктор Петрович и Ли Сяо-ши.

Водитель включил двигатель, и вездеход помчался в сторону от поля битвы. Преследователи взвыли от ярости, но оставшиеся с Янхи машины пустили в ход тепловые лучи.

Космонавты мчались по красно-бурой равнине еще несколько часов. Примерно к полудню местность начала изменяться. Появились

невысокие холмы, покрытые растительностью, — верный признак приближения города. Долго тянулся низкорослый кустарник. Затем показались редкие, разрозненные деревья, каких еще не видели астронавты. Последние километры беглецы ехали уже через редкую рощу. Голые черные стволы деревьев поднимались к небу, искривленные ветрами синие сучья сплетались друг с другом, образуя своеобразный навес.

Двигаться через лес на полной скорости было уже нельзя. Машина шла теперь медленнее, пока преодолела лесную полосу. За ней открылась круглая долина, похожая на дно высохшего озера. Ее перерезала густая сетка улиц-траншей города. Здесь было оживленно, как и около столицы.

Машина с беглецами и сопровождающими их марсианами вышла на главную улицу и, провожаемая любопытными взглядами пешеходов, проследовала на центральную площадь. Вблизи от города трое космонавтов встали на платформе, чтобы лучше видеть. Так, стоя, они и ехали по улицам.

Машина остановилась у крыльца большого дома. Стены его поднимались под углом около 75 градусов, а на верхней плоскости росли густые заросли карликовых сине-фиолетовых деревьев.

Один из марсиан проворно выскочил из кабины и быстро побежал вверх по лестнице к широким дверям, отделанным металлическими украшениями.

— Смотрите, — заметил Яхонтов, — в этом городе почти нет изображений богов.

Действительно, внешний облик города, куда их привезли, резко отличался от столицы Анта. Он имел как бы светский характер: ни храмов, ни чудовищных изваяний древних богов не было видно на улицах. Зато путешественники успели заметить много зданий промышленного типа.

Широкие двери вдруг открылись. Оттуда выбежал, не вышел, а именно выбежал, довольно полный и крепко сложенный марсианин в красных одеждах с золотыми украшениями и в круглой пушистой меховой шапке.

— Добро пожаловать, друзья, — еще сверху кричал он, добро пожаловать! Здесь вы в безопасности, вас ждут как дорогих гостей!

Он сбежал вниз, приветствуя космонавтов характерным жестом сложенных вместе рук.

— Элхаб! — представился он уже около машины. — Тот самый Элхаб, который призвал вас сюда. Здесь моя резиденция. Она неприкосновенна, и вы в полной безопасности.

8. Новые опасности

— Вот помещение, приготовленное для вас, — сказал Элхаб, открывая двери.

Яхонтов поблагодарил гостеприимного хозяина, который тут же удалился.

Космонавтам отвели высокие просторные залы. Тут можно было свободно выпрямиться. Круглые и овальные окна пропускали много света, а недавние узники так стосковались по солнцу.

Сначала космонавты оказались в широком светлом коридоре, похожем на крытую корабельную палубу. Потоки яркого солнечного света заливали его, пять дверей вели во внутренние апартаменты. В конце коридора находился выход в лоджию, открытую наружу.

Путешественники провели так много времени в подземелье, что их тянуло на воздух, к солнцу. Они вышли в лоджию. Мороз щипал лицо, но яркий свет был приятен и заставлял забыть о стуже.

Нестройный шум голосов, ослабленный разреженной атмосферой, донесся снизу.

Вся площадь была заполнена марсианами. Население города собралось в надежде увидеть гостей с другой планеты. Восторженные крики поднялись над толпой, как только астронавты показались на балконе.

— Тот-мана-ати! — кричали снизу, что означало: «Привет людям со Звезды Тот».

Дружеская встреча так разительно отличалась от враждебного приема в столице Анта, что сердца недавних пленников дрогнули.

Яхонтов сделал приветственный жест и сказал несколько теплых слов на языке Анта.

Несмотря на солнце, жестокий мороз давал о себе знать. И космонавты скоро вернулись в помещение. Там было очень тепло по сравнению с тюремной камерой.

— Недурно! — удовлетворенно сказал Яхонтов.

— Наконец-то мы попали туда, где нам следовало быть три месяца назад, — заметил Ли Сяо-ши.

— Оставив троих товарищей в руках врага, — бросил Владимир.

— Ничего, друзья, — сказал Яхонтов спокойным и уверенным тоном. — Положение изменилось. Еще недавно все мы были в руках врагов. Теперь половина находится на свободе. Нас окружают друзья, по всей видимости, достаточно сильные, чтобы помочь остальным.

— Никак не могу разобраться в обстановке, — задумчиво произнес Ли Сяо-ши. — Там, в столице государства, нас приняли как врагов, посадили в тюрьму, организовали погоню, когда нам удалось бежать... Не остановились перед вооруженной борьбой и не пожалели крови, лишь бы удержать нас в заточении... А здесь говорят, что мы в полной безопасности. Почему? Разве здесь другая держава? Не может быть, ведь Ант единая страна... В чем же дело?.. Если тут находится внутренняя оппозиция, то почему ее не преследуют? Неужели у Иргана недостаточно сил? Все это совершенно непонятно.

— А мне все равно! — буркнул Владимир. — Социальный строй Анта меня не касается. Друзья и близкие в руках жестокого врага — вот главное.

— Не надо растравлять сердца мрачными картинами, — сурово произнес Яхонтов. — Не случайно нам сохранили жизнь. Ничего не стоило уничтожить шестерых пришельцев, однако этого не случилось. Значит, мы нужны... В сущности, нас содержали в довольно сносных условиях. Надо быть объективным. И социальный строй Анта для нас далеко не безразличен. Ли Сяо-ши рассуждает правильно. Нужно понять соотношение здешних социальных сил. Только таким путем можно найти выход из положения.

Заложив руки за спину и поправив очки, он принялся рассматривать находившиеся в комнате карту и глобус Марса.

— Мне кажется, Владимир, — негромко сказал Ли Сяо-ши, вы могли бы по этому глобусу легко найти место, куда посадили ракету. Посмотрите сюда... Не здесь ли? Вы помните, где было солнце, когда нас взяли?

Владимир заинтересовался и также склонился над глобусом.

В это время вошел толстый марсианин.

— Приветствую вас, чужеземцы, — начал он еще на пороге. Вы — почетные гости моего господина, а я — Марфи, домоправитель. Пришел узнать, все ли тут в порядке, удобно ли вам.

Яхонтов поблагодарил и заявил, что никто ни в чем не нуждается.

— Превосходно, — продолжал Марфи, — прошу немедленно сообщать мне о всех ваших нуждах. Кнопка от звонка на столе, а в других комнатах у дверей и в изголовье каждого ложа. А теперь прошу кушать, обед подан.

Только теперь космонавты почувствовали, насколько они голодны. В большой, ярко освещенной комнате на возвышении стояла красивая посуда, серебряная или платиновая, отделанная зелотом. Из чаш с выпуклыми крышками валил пар. Сосуды с каким-то питьем дополняли сервировку.

Сначала гостям предложили горячее жидкое блюдо, в котором плавали кусочки мяса и мелко нарезанные, листья и стебли растений. Хлеб был неизвестен на Марсе, зато на стол ставили тарелки с крупно нарезанными ломтями сырых овощей, похожих на тыкву, золотистого цвета, солоноватого вкуса, с приятным ароматом. Они заменяли хлеб, так как употреблялись с каждым блюдом.

Затем подали два сорта вареных овощей, обильно политых ярко-зеленым острым соусом. Следующую перемену составили обжаренные в жире большие куски мяса, но не коричневого или бурого цвета, как на Земле, а синего. Для человеческого глаза это было неприятно, к тому же никто не знал, какому животному, пресмыкающемуся или насекомому оно принадлежит. С некоторым сомнением космонавты попробовали это блюдо. Оно оказалось вкусным, только очень острым и пряным.

Голод был полностью утолен уже четырьмя первыми блюдами, но жителям Земли пришлось попробовать еще шесть разных кушаний.

После обеда перешли в другую комнату, чтобы отдохнуть. Через полчаса на пороге появился Элхаб.

— Мы крайне благодарны за радушный прием! — сказал Яхонтов. поднимаясь с кресла. — Хотелось бы узнать: кто наш приветливый хозяин?

— Для этого я и пришел, — улыбнулся Элхаб, устраиваясь рядом с гостями. — Пора ввести вас в курс событий.

Он рассказал, что в стране Ант имеется своего рода парламент — избираемый народом Совет Мудрейших. Это совещательный орган при триумвирате верховных Владык. В него входят преимущественно ученые, а также некоторые писатели, художники, музыканты. Есть и вторая палата — Совет Наблюдателей, назначаемый Владыкой Анта из числа крупных чиновников для наблюдения за тем, как выполняются Законы.

Все это — последние остатки демократических свобод, существовавших на Марсе много веков назад, во времена расцвета. Позднее, когда природные ресурсы стали истощаться, все пришло в упадок, широко распространилась философия обреченности и пессимизма, сильно выросло влияние религии, власть стала сосредоточиваться в руках самодержавных властителей.

Религиозная пропаганда медленно и упорно отравляла сознание народа идеей пассивного созерцания, примирения с мыслью о неизбежной гибели Анта. Народ бессилен перед лицом всемогущих богов и должен безропотно подчиняться их воле, ибо все совершается по велениям Высшего Разума, постигнуть который невозможно, учили жрецы. Поэтому бесполезны попытки бороться. Никто не может изменить течение событий, предначертанных волею богов. Судьба народов Анта предрешена. Они могут лишь отсрочить неизбежную гибель окружающего их мира, если будут бережливо расходовать имеющиеся средства существования.

Ограничение потребления народных масс — единственный путь для продления жизни общества. А если так — зачем свобода? Наоборот, абсолютная власть, сосредоточенная в руках самодержавного властелина и жрецов, играющих роль посредников в отношениях с богами, — вот все, что надо. Бесполезно всякое волеизъявление,

потому что народ не может судить о вопросах, доступных пониманию одних лишь богов, обладающих высшим разумом, или жрецов, как их представителей на Анте.

Несколько столетий эти реакционные идеи проповедовались в храмах, внедрялись в сознание школьников, излагались на университетских кафедрах, как последнее слово науки. Не удивительно, что в конце концов правящая верхушка при поддержке жрецов полностью захватила в свои руки власть. Вот к чему пришло государство Ант теперь. Дело не обошлось без борьбы, формы государственного устройства неоднократно менялись, но общий курс был направлен в сторону полного абсолютизма.

— Правда, Совет Мудрейших имеет некоторые, хоть и весьма ограниченные права, — говорил Элхаб. — От прошлых времен дошел до наших дней закон, по которому каждый член Совета Мудрейших, а значит, и я, пользуется полной личной неприкосновенностью. Мой дом недоступен для армии и полиции. Вот почему я так уверенно утверждаю, что здесь вы в безопасности.

— Но почему же солдаты Иргана не постеснялись применить при погоне оружие? — спросил Ли Сяо-ши, внимательно слушавший Элхаба.

— Тогда мои люди были на свободной территории, — пояснил Элхаб, — и правом неприкосновенности не пользовались. Вот почему боевые машины Ассора так стремились навязать вам бой именно среди пустыни. Сюда они войти не посмеют. Ведь для них это означает нарушить закон, освященный именем богов.

— Вы сказали про боевые машины Ассора, — осведомился Владимир. — Кто же здесь распоряжается вооруженной силой? Ирган или жрецы?

— Армии в полном смысле этого слова на Анте давно уже не существует, — ответил Элхаб. — У нас одно государство. Солдаты, которые взяли вас в плен, и боевые машины, участвовавшие в сражении, — это военные силы, подчиненные жрецам как организации, наблюдающей за «порядком» в стране, то есть за мыслями и действиями граждан.

— У вас, наверное, существуют и тайные наблюдатели? спросил Яхонтов.

— Еще бы! — усмехнулся Элхаб. — Жрецы стараются знать все о каждом гражданине. С кем бы вы ни говорили, всегда можно думать, что собеседник — один из шпионов Ассора.

— Насколько я догадываюсь, — продолжал Виктор Петрович, в стране Анта не все спокойно. Вероятно, существует общественное мнение, происходит известная борьба взглядов. Не может же весь народ целиком находиться в состоянии застоя!

Элхаб продолжал рассказывать. Он сообщил, что, будучи в составе Совета Мудрейших, имеет многих единомышленников, несогласных с существующими порядками. Создалась своего рода партия оппозиции, нелегальная, состоящая из узкого круга надежных людей, в том числе многих членов Совета Мудрейших видных ученых — и их друзей. Партия не имеет твердого устава, но внутренне сплочена. Она называет себя «Союз возрождения Анта».

— Неужели тайные наблюдатели и Ассор не знают о такой организации? — спросил Владимир.

— Конечно, знают, — улыбнулся Элхаб, — но ведь главную роль в делах Союза играют члены Совета Мудрейших, пользующиеся неприкосновенностью, которая освящена многовековой традицией. Всякая попытка нарушить ее неизбежно приведет к серьезному брожению. Поэтому ищейки Ассора, хотя и многое знают, ничего не в состоянии сделать. К тому же они слишком уверены в своей силе и думают, что наша организация им не страшна.

— Каковы же основные идеи Союза возрождения, — осведомился Ли Сяо-ши, — за что он борется?

Элхаб подробно рассказал о взглядах передовых ученых Анта, убежденных, что его культура еще не сказала последнего слова и судьбы планеты зависят от ее народа. Наука, по их мнению, должна и может найти пути для разрешения трагического противоречия между использованными до предела природными ресурсами Анта и жизненными потребностями населения.

Члены Союза возрождения Анта считают, что эти трудности, хоть и достигшие космических масштабов, можно было преодолеть давно,

если бы жрецы не мешали развитию науки, а правители организовали весь народ на борьбу с природой вместо пассивного ожидания конца мира. В жилы народа Анта необходимо влить новую, свежую кровь — такова основная идея членов Союза возрождения.

Выслушав рассказ Элхаба, космонавты глубоко задумались. Наступившее молчание прервал Яхонтов:

— А где вы думаете найти источник силы, способный воодушевить ваш народ, пробудить в нем волю к борьбе?

— Я ждал этого вопроса. Слишком долго, многие века, если не тысячелетия, наш народ воспитывали в сознании, что он бессилен перед волей богов и жестокой судьбой. Трудно, очень трудно заставить его поверить в собственные силы. Чтобы наступил перелом в сознании миллионов, надо показать, что мы не одиноки.

— Понимаю, — согласился Яхонтов. — Вы бросили мысль о разумных существах на Звезде Тот, способных прийти на помощь.

Элхаб утвердительно кивнул головой.

— Это было совсем нелегко, поверьте! — добавил он. — Наши священнослужители как бы предвидели такую возможность. Они много лет убеждали жителей Анта, что культура на вашей планете много ниже, чем у нас, и обитатели Звезды Тот сами нуждаются в помощи. Но мы, члены Союза возрождения, искренне верим в ваши знания и силы. Вот почему и был подан знак...

— Как вам удалось? — Глаза Ли Сяо-ши загорелись.

— Я — ботаник и много работал, стараясь найти новые растительные формы, лучше всего приспособленные к условиям нашей планеты. Особенно подходящими я считал грибы с их способностью быстрого роста, неприхотливостью и высокой питательностью. Между прочим, я вывел несколько видов яркоокрашенных и быстрорастущих грибов, развивающихся на песчаной и глинистой почве в течение одних суток, но, к сожалению, они были несъедобны. И тут у нас возникла мысль посеять их на большой площади и придать посеву форму некоего знака, понятного разумным существам. В моих лабораториях заблаговременно заготовили необходимое количество спор ярко-красных и черных грибов. Остальное вам известно, иначе мы не могли бы вести этот разговор...

— Не совсем, — с мягкой улыбкой возразил Ли Сяо-ши. — Мы никак не могли понять, почему знак появился не в самый момент великого противостояния, а много позже.

— Ах, это! — в свою очередь улыбнулся Элхаб. — Видите ли, не так просто организовать работы большого масштаба, когда за вами все время следят. Это, во-первых. Затем наши грибы в состоянии развиваться лишь при определенных температурах. Мы были вынуждены выжидать подходящего сезона...

— Теперь все ясно. А наблюдая с нашей планеты, мы многое не поняли, — произнес Ли Сяо-ши.

— Когда именно созрел этот план? — осведомился Яхонтов.

— У нас были горячие споры даже среди ученых — членов Союза. Многие думали, что цивилизация на вашей планете хотя и высока, но не настолько, чтобы преодолеть межпланетные просторы. Но был случай, когда снаряд, несомненно, запущенный со Звезды Тот, пронесся над нашей планетой, описал вокруг нее широкую дугу и исчез, улетев обратно. Этот факт убедил маловеров. Буквально через несколько дней мы произвели посев.

— Как же получилось, что мы попали к Ассору, а не к вам? — спросил Владимир.

— Ведь мы не могли точно знать, когда вы прилетите, объяснил Элхаб, — хотя и надеялись, что наш знак увидят. Агенты Ассора есть всюду, они сразу ему сообщили новость, а мы поздно заметили прибывший снаряд, не сумели быстро и точно определить место его посадки. Ассор опередил нас, но ненамного. Мы опоздали на какой-нибудь час. Правда, хитрый старик предвидел нашу попытку и послал очень крупные силы. Из наших машин было видно, как вас увозили.

— Но ракета, где же маленькая ракета? — взволнованно воскликнул Владимир.

Довольная улыбка появилась на черном широкоскулом лице Элхаба:

— Мы перехитрили старого жреца. Его солдаты не догадались увезти ракету, а мои люди захватили ее и доставили сюда.

— Она здесь? — в один голос закричали космонавты.

— Да, здесь! И в полном порядке.

У всех троих вырвался вздох облегчения. Космический корабль, где имелась радиостанция, запас обогащенного урана, культуры микроорганизмов и семена растений, был цел и не достался врагу.

— Как же вы сумели организовать наш побег? — спросил Владимир, с каждой минутой проникаясь все большей симпатией к Элхабу. — Такое рискованное дело...

— Мы начали борьбу, — объяснил Элхаб, — а война неизбежно влечет потери. Мы это знаем. А Янхи не только преданный нашему делу человек. Он — мой сын...

— Ваш сын? — Владимир бросил на Элхаба взгляд, полный глубокого уважения.

— Но мальчику было нелегко. Когда вас увезли, он еще долго продолжал борьбу, прикрывая ваш отход. Войска Ассора вынуждены были прекратить преследование.

— Там осталась моя жена! — не выдержал Владимир.

— И еще одна женщина, ваш собрат по профессии, — добавил Ли Сяо-ши.

— Ботаник?

— Да!

— Неважно, кто они, — поправил Яхонтов. — Достаточно, что трое из шести остались в руках жестокого врага.

Элхаб опустил голову.

— Мы сделаем все, чтобы вернуть им свободу, — произнес он.

— Но где они сейчас? — встрепенулся Владимир.

— Пока не знаю, но думаю, что завтра смогу ответить на этот вопрос.

Наутро, когда космонавты еще не закончили завтрак, в столовую вошел Элхаб. По его сумрачному взгляду и озабоченному выражению лица стало ясно, что ничего утешительного он сообщить не может.

— Где же они? — коротко спросил Яхонтов.

— Подтвердились мои худшие опасения. Все трое находятся в подземной тюрьме в замке Ассора.

— Что же из этого? — вмешался Владимир.

Элхаб поглядел на него с каким-то странным выражением. Яхонтов уловил этот взгляд.

— Говорите прямо, — спокойно произнес он.

— Тюрьма в этом замке существует не менее двадцати веков. За все это время оттуда не было ни одного побега...

— Настолько хороша охрана? — Взгляд Владимира сразу стал острым и колючим.

— Замок Ассора сам по себе крепость, более мощная, чем Тонга-Лоа. Охрану там несет личная стража Великого жреца, настолько пре чанная ему, что не приходится и думать о подкупе. Там нет ни одного нашего сторонника.

— Собрать побольше смельчаков и организовать нападение, предложил Владимир, в глазах которого загорелся мрачный огонек.

— Если бы вы лучше знали наш народ, его нравы и обычаи, то не говорили бы так! — возразил Элхаб.

— Объясните! — спокойно попросил Ли Сяо-ши, устремив на Элхаба проницательный взгляд.

— Вы не найдете в стране Анта и десяти смельчаков, способных на такое дело.

— Почему?

— Я говорил вчера, что много столетий народ моей страны находится под гнетом не только светских, но и духовных владык. Религиозный ужас перед всемогущими богами, воспитанный в десятках поколений, — один из рычагов, посредством которых жрецы осуществляют свою власть над умами. Об этой тюрьме и ее ужасных тайнах созданы многочисленные легенды одна страшнее другой.

Говорят, любая попытка проникнуть в нее неизбежно вызывает гнев богов и гибель нечестивцев. Рассказывают чудеса о таинственных подземельях, оживающих изваяниях и других необыкновенных явлениях, происходящих в запутанном лабиринте ее коридоров. Никто, кроме высших жрецов, не знает даже приблизительно ее плана. Тюрьма окутана завесой религиозного ужаса, которая сохраняет узников лучше всякой стражи. Людей, попавших туда, принято считать мертвыми. Для них нет возврата...

— Неужели суеверия настолько развиты среди вашего народа? — сквозь зубы процедил Владимир.

— Я повторяю: вряд ли найдется во всей стране десять смельчаков! Даже среди членов Союза возрождения вы не найдете людей, способ-

ных на такое дело.

— Может быть, пришельцы с другой планеты, свободные от страха перед богами, сумеют сделать то, на что неспособны люди Анта? — спросил после долгой паузы Яхонтов, пристально глядя на Элхаба.

— Не знаю, — подумав, ответил тот. — Разумеется, мы окажем любую помощь, но я не обещаю найти людей, которые пойдут с вами дальше наружных стен.

— А совет? — спросил Ли Сяо-ши. — Иногда хороший совет решает дело.

— Я только ученый, — с грустью сказал Элхаб. — Мои знания тут бесполезны. Но другие... Быть может, сын... Он сумел организовать побег из тюрьмы Тонга-Лоа. Сейчас я позову...

Через несколько минут в столовой появился Янхи. Молодой, сильный, здоровый и смелый, он очень походил на отца. Черная голова была гордо поднята, в живых блестящих глазах светился ум, твердые линии подбородка свидетельствовали о большой воле.

— Я здесь, отец, — громко и уверенно сказал он, входя. Приветствую вас, чужеземцы!

— Скажи, мой сын, — обратился Элхаб, — что ты думаешь об участи пленных чужеземцев? Можно ли бежать из подземной тюрьмы Ассора?

— Это необходимо, отец, значит, возможно! — решительно сказал Янхи.

— Хороший ответ! — не удержался Яхонтов.

— Продолжай, Янхи. У тебя уже есть какой-нибудь план?

— Ты приказал мне освободить чужеземцев. На свободе лишь трое. Мог ли я забыть про остальных?

— Что ты хочешь сказать?

— Ты знаешь, отец, за стенами замка Ассора, внутри его владений, находится главное святилище народа Анта...

— Храм Неба?

— Да.

— Он окружен тремя кольцами стен. Нет сил, способных их разрушить.

— Такая сила есть — ее зовут закон!

— Объясни!

— Ты знаешь лучше меня, отец, что древние законы Анта незыблемы до сих пор. И ты, как и я, учил когда-то наизусть...

— ...Великие боги одни лишь владыки под сводами храма Небес... — вспомнил Элхаб.

— Вот именно! Закон говорит далее, что любой преступник, если он укроется в этом храме, имеет право требовать созыва Великого суда народа, который только и может решить его судьбу. Если бы нам удалось провести туда пленников Ассора, то Ирган был бы обязан всенародно говорить о них.

— Но узников из подземных тюрем не легче перевести в храм, чем доставить сюда.

— Ты ошибаешься, отец. Древние предания говорят, что страшные темницы связаны с храмом тайными ходами. Если мы сумеем достать чертеж... Тогда смелые и сильные люди со Звезды Тот...

— Я понял тебя, Янхи! Мы сделаем это! — Владимир порывисто вскочил и крепко обнял молодого марсианина.

— Хорошо, мой сын, пойдем теперь ко мне, подумаем, как это лучше сделать.

Они удалились, оставив в сердцах трех космонавтов искру надежды.

9. Преступление королевы

Холодный, мертвенный свет озарял стол и неподвижную фигуру Иргана, словно застывшую в кресле. Владыка Анта сидел один. Грузное тело едва умещалось в узком кресле с высокой спинкой, низко наклоненная голова опиралась подбородком на тяжелые, сильные руки. Сосредоточенный взгляд был обращен вдаль, рот плотно сжат.

Никто, кроме жены и Ассора, не смел нарушить покой повелителя Анта.

Малый зал Совета был пуст, только изваяния богов таились в полумраке вдоль стен.

Бесшумно ступая по мягким коврам, вошла Матоа. Легкий шелест платья нарушил тишину. Ирган даже не шевельнулся и лишь в тот

момент, когда она заняла свое место, подняв глаза и бросил на жену безразличный, ничего не выражающий взгляд.

— Великий жрец не спешит сегодня, — сказала она немного погодя.

— Не знаю, в чем причина, — произнес Ирган, не поворачивая головы. — Старик Ассор выжил, наверно, из ума. Он сам просил, чтобы мы поторопились.

Прошло еще несколько минут, пока распахнулась третья дверь. В зал стремительно вбежал Ассор. Ирган недовольно бросил:

— Мы ждем давно.

— Прости, у старого Ассора немало дел.

— Зачем ты потребовал заседания Совета? — Ирган поднял голову и устремил на жреца холодный и равнодушный взгляд.

Ассор не спешил с ответом. Он отодвинул кресло, неторопливо уселся, немного подумал.

— Теперь ты сам видишь, к чему может привести твое великодушие, Ирган, — с усмешкой начал он.

— Ты ведешь речь о чужеземцах? — перебил Ирган.

— Да, о них!

Крупные желваки заходили по лицу Иргана. Он нехотя процедил сквозь зубы:

— Ты оказался прав...

Огонек удовлетворения блеснул в глазах Ассора.

— Не зря я прожил на свете много лет, — продолжал он, постепенно возбуждаясь. — Ты ошибся, Владыка Анта, отвергнув мудрый голос церкви! Повелитель обязан быть жестоким. А ты поддался велению сердца и вот видишь: смута расползается по стране. Повсюду бродят слухи... Элхаб осмелился нарушить повеление Владыки и похитил чужеземцев из замка Тонга-Лоа! Доколе мы будем терпеть?

Ирган поднял голову и посмотрел на Ассора с заметным интересом:

— Как ты думаешь, Великий жрец?

— Твой постоянный недруг хочет оказаться во мнении народа мудрей тебя... и, потворствуя глупым инстинктам черни, снискать ее

любовь. Он хочет подорвать основы государства, священные законы Анта!

— При чем же здесь чужеземцы? — неожиданно спросила Матоа.

Ассор метнул на нее злобный взгляд:

— Законы Анта созданы богами! Покуда каждый верит в них, наша страна стоит на прочном основании. А если пропадет вера? Что ее заменит? Элхаб — вероотступник, его цель — посеять страшный яд сомнения. Зачем он призвал чужеземцев? Чтобы блеском их ложных знаний создать соблазн для народа. «К чему нам нужны боги, когда пришельцы помогут нам нарушить ход вещей, начертанный судьбой» — вот смысл речей Элхаба... Лжеучение! Оно уже смущает многих.

— При чем же здесь чужеземцы? — снова повторила Матоа. Ассор посинел от бешенства.

— Чужеземцы сумели войти в пределы Анта, а это подтверждает, что их знания велики. Нестойких убеждает один этот факт.

— Теперь понятно! — с нескрываемым презрением протянула Матоа.

Ирган наблюдал эту сцену, ничем не выражая своего отношения к спору, но еле заметная усмешка змеилась на его лице.

— Чего же ты хочешь? — в упор спросил он у Ассора.

— Святая церковь хочет, пока не поздно, поразить врага! выкрикнул тот. Его глаза горели огнем фанатической ненависти. — Если ударить внезапно — мы уничтожим очаги измены! И ты найдешь покой!..

— Элхаб неприкосновенен, — задумчиво произнес Ирган, — и этот закон создали боги!

— Мне нельзя здесь спорить, — вкрадчиво прошептал Ассор, — но от имени богов всегда вещала церковь. И ведь законом часто служит воля Владыки Анта...

— Искуситель! — воскликнула Матоа.

— Молчи, Матоа! — резко оборвал Ирган. — А ты вечно жаждешь крови, — бросил он Ассору. — Элхаб большой ученый!

— Умный и опасный враг! — в тон ему добавил великий жрец. — Но пусть живет... Нынче чужестранцы опасней втрое.

— Скажи ясней!

— Смерть! — произнес Ассор. — Их надо уничтожить.

— Зачем? — снова вмешалась Матоа.

— Иначе будет смута. Поверь, Ирган, пока они живут, нам не видеть покоя!..

— Я приказал держать их всегда под стражей, а ты должен был отвечать головой, — возразил Ирган. — Куда же ты смотрел?

— Ты поручил не церкви следить за ними, а дворцовой страже, — отпарировал Ассор. — Теперь их осталось только трое, и я их держу в своих руках. Прости меня, но это надежней. А если ты прикажешь — верней всего могила... Но торопись!

— Но ведь в твоих руках лишь трое.

— Отдай приказ — я пошлю войска. Через сутки связанный Элхаб, а с ним и остальные пришельцы предстанут перед тобой!

— Так ли? — насмешливо заметила Матоа. — Недавно я слыхала, как ваши храбрецы сражались: по десять против одного! И все же бойцы Элхаба погнали их назад. Троих пленников вы отбили, а где же остальные?

Старый жрец только бросил на нее свирепый взгляд и промолчал. Ирган поглядел на нее сурово.

— Что ты скажешь, Матоа? — спросил он.

— Я, как и прежде, утверждаю, что пришельцы опасны лишь в руках врага. Надо вернуть их всех, но сохранить для пользы государства... И берегись начинать войну с Элхабом, нельзя по прихоти жреца менять закон. Народ возбужден, одна неосторожность...

— Не доверяй жене, Ирган! — злобно прошипел Ассор. — Она не думает о государстве, а затаила в сердце суетные чувства...

Удар был нанесен опытной рукой.

— Что ты хочешь сказать, Ассор? — вскипел Ирган, ударяя кулаком по столу. — Второй раз я слышу какие-то намеки! Поберегись меня обманывать, а если знаешь правду, — говори!

Ассор задохнулся от ярости, но сдержался и сказал тихо:

— Изволь, я скажу всю правду!.. Один из чужеземцев строен и красив... Матоа молода!

Ирган поднялся, молча посмотрел на него, потом перевел взгляд на жену.

Матоа, прекрасная и в гневе, стояла как изваяние. Собрав всю силу воли, она выдержала этот пронизывающий взгляд, но Ирган понял. Судорога страдания исказила его лицо. Он бессильно опустился в кресло и замер, сжав голову руками.

Томительная пауза продолжалась недолго, Ирган овладел собой. Теперь в зале Совета снова сидел полновластный диктатор.

— Ты прав, Ассор, — он отчетливо выговаривал каждое слово, — ты трижды прав!.. Пришельцев необходимо уничтожить, но умно, без шума! А Элхаб неприкосновенен... Не нам менять закон. Пусть будет так, как я сказал!

Грузный и могучий, он встал из-за стола и, ни на кого не глядя, медленно вышел из зала. Ассор бросил на Матоа торжествующий взгляд и тоже направился к выходу. А Матоа, у которой внезапно заболело сердце, тихо опустилась в кресло и еще долго сидела неподвижно, с потухшими глазами.

Был третий час ночи. Мягкий синий свет ночника у изголовья выхватывал из мрака широкое ложе. Завеса была откинута, на шелковистых простынях лежала Матоа. Посреди большого супружеского ложа, одинокая и миниатюрная, она казалась совсем крохотной.

После всего, что произошло в зале Совета, она никак не могла уснуть и беспомощно металась по постели уже много часов. Бесконечная цепь тяжелых мыслей, сменявших одна другую, все не могла прерваться. Перед ее внутренним взором упорно возникал один и тот же образ. Она и хотела прогнать его, и в то же время не желала с ним расставаться.

Это был проникший в глубину сердца образ высокого, сильного человека с кожей удивительного, светло-розового цвета. И его волосы, и глаза — необыкновенные. Таких глаз нет больше ни у кого. И весь он, этот человек, — могучий гигант, такой светлый, словно сотканный из солнечных лучей...

А рядом возникал другой образ. Угрюмый, молчаливый, почти никогда не улыбающийся грузный человек с длинными, тяжелыми руками. Это — Ирган. Был ли он когда-нибудь близким? Пожалуй, нет. Всегда погруженный в свои мысли, даже будучи рядом, он оставался где-то вдали.

Правда, она королева. В ее руках неограниченная власть и сотни слуг, готовых исполнить любую прихоть, она решает судьбы государства. Но никому. в сущности никогда не было дела до маленькой одинокой женщины.

Никогда, ни одного раза в течение многих лет совместной жизни Ирган не говорил с ней как с любимой женщиной, простой и близкой, а лишь советовался как с королевой или молчал.

А тот, другой, пришел всего лишь один раз. Но он не молчал. Он говорил чудесные вещи о другом, светлом мире, где светит яркое Солнце, текут полноводные реки и лазоревые волны набегают на берег океана. Он уверен, что может стать прекрасным и мрачный Ант. Надо бороться за счастье, не боясь никаких богов, и заставить природу подчиниться разуму и воле человека. Какими прекрасными были эти слова, какой хаос новых дерзких мыслей возник тогда!

Все, что произошло в тот памятный вечер, постоянно вызывало обиду и гнев гордой и самолюбивой Матоа. Но постепенно в ней восторжествовало благородство женщины. Она поняла и простила.

Не обида, а сожаление и грусть владели теперь ее сердцем. Она знала, что никогда не забудет и не сможет вырвать из сердца образ этого человека, потому что любит его. И вот теперь, несколько часов назад, ее муж и верховный Владыка Анта произнес роковые слова: «Пришельцев необходимо уничтожить, но умно и без шума».

Матоа хорошо знала обычаи своей страны. Она знала очень много.

Трое уже в тюрьме, откуда никто и никогда не возвращался на свободу. Трое, в том числе и тот, с золотыми волосами, еще на свободе.

Хитрый, беспощадный Ассор, конечно, найдет способ силой или изменой захватить всех и уничтожить. Значит, и тот, любимый, рано или поздно окажется в его власти.

Перед глазами Матоа возникло ужасное видение: тот, светлый, как Солнце, связан по рукам и ногам. Крепки канаты, и, как ни силен этот человек, его мускулы не в состоянии порвать путы. Его, беспомощного, влекут по каменным плитам туда, где происходят казни... Матоа знает это место.

Солдаты поднимают светлого, как Солнце, человека, красивого, сильного, живого. Они ставят его, прислоняют к стене... Бежать некуда...

Матоа представила себе, как тонкий и злой луч пламени превращает в горсть пепла самое дорогое, самое любимое, что было в ее жизни и промелькнуло, как светлый миг. Представила и содрогнулась от ужаса и скорби. Нет, этого она не допустит! Но как? Всевластная королева Анта, она чувствовала себя беспомощной.

Матоа встала и начала ходить по опочивальне. Она была одна. Ирган не пришел и, конечно, никогда больше не придет к ней. Эта мысль не вызывала у нее никакого волнения.

Но что делать? Чужеземцы умны, сильны, обладают огромными знаниями, и Элхаб на их стороне. Но Ассор дьявольски хитер и ловок, а сила нередко пасует перед коварством и хитростью. Когда опасность будет особенно велика? В тот час, когда за чужеземцами, за тем белокурым захлопнутся двери темницы.

Но трое чужеземцев, в том числа его жена, уже находятся в руках Великого жреца. Пришельцы благородны. Не может быть, чтобы те, кто на свободе, отказались от попытка освободить своих... Они обязательно это сделают. Но никто из граждан Анта не рискнет проникнуть в лабиринт подземных коридоров, о которых сложены легенды. На это способны только чужеземцы, не знающие страха перед богами. Они обязательно попытаются и попадут в ловушку. Ассор позаботится об этом.

Вот страшная опасность, но здесь Матоа может помочь. Она знает, где хранится чертеж подземной темницы. Добыть этот план и передать ему — любимому. А они — мудрые и сильные сумеют использовать такую помощь.

Значит, надо это сделать! Когда? Сейчас! Завтра может быть уже поздно: Ассор хитер, он все предвидит. Но в чем же дело? Матоа не труслива...

Накинув на плечи подбитый мехом плащ, она осторожно открыла дверь... Этим путем Ирган приходил в ее опочивальню.

Проход никем не охранялся. Бледные лучи замаскированных светильников уже сливались с зелеными лучами утра. За окнами виднелся спящий город и черные силуэты оголенных деревьев на фоне светлеющего неба.

Матоа пробралась ко входу в покои Иргана и прислушалась. Там было тихо, и она тихо отодвинула дверь. В помещении было темно. Нащупав кнопку у дверей, Матоа включила свет.

Это была рабочая комната Иргана — просторное помещение с низкими сводчатыми потолками и двумя овальными окнами.

Матоа прекрасно знала расположение всех предметов и тайных хранилищ. Стены на высоте около метра от пола были опоясаны бронзовыми барельефами, изображающими разные сцены из древней истории Анта. В простенках стояли массивные серебряные и золотые статуи главных божеств Анта. Глаза, когти на лапах, концы крыльев были украшены драгоценными камнями, которые блестели в полумраке. Чудовища, казалось, жили своей загадочной, недоступной для понимания простых смертных жизнью.

Стараясь ступать тихо, Матоа подошла к изображению семирукого и крылатого бога Данду — символа мудрости. Его крылья обозначали способность летать, сверхъестественную на Марсе, где не появлялось ни одного летающего живого существа, а семь рук выражали могущество, которое давали знания. Матоа коснулась правого глаза чудовища и резко надавила. Тяжелое изваяние бесшумно повернулось, открыв дверцу потайного шкафа.

Королева торопливо перерыла его содержимое, досадуя, что нужная ей вещь никак не попадается под руку. Наконец она нашла то, что искала, — план главной тюрьмы Анта, находившейся в замке Великого жреца.

На белой пластинке, похожей на костяную, тонкими линиями были нанесены этаж за этажом и условные знаки, обозначающие хитрые механизмы, придуманные жрецами, чтобы сделать тюрьму неприступной. Это был единственный экземпляр плана, кроме того, что хранился у главного смотрителя тюрьмы.

Спрятав пластинку за пояс, Матоа тревожно оглянулась. Все было тихо. Быстро приведя тайник в порядок, она закрыла его и тихо направилась к выходу. У самых дверей она погасила свет и обернулась. Уже заметно рассвело. Зеленый мерцающий свет заполнял комнату. Идолы стояли неподвижные, как всегда, и спокойно взирали на нее.

Матоа закрыла дверь и пошла, скорее, побежала к себе. Никто не заметил ее отсутствия. Сбросив одежду и спрятав драгоценную пластинку, она легла. Усталость взяла свое, и через несколько минут она уже спала.

Как только Матоа вышла и створки дверей стали на свое место, огромная серебряная статуя бога Рама, сопровождающего мертвых в их последний путь, внезапно ожила. Один из пяти его рубиновых глаз неожиданно повернулся, и в глубине отверстия появился другой глаз. Передняя половина туловища и шесть пар скрещенных ног сами собой отодвинулись в сторону. За ними открылось пространство, где находился марсианин в темно-синей одежде.

Он осмотрелся и одним прыжком выскочил из тайника. На столе Иргана стоял аппарат, снабженный маленьким светящимся в полумраке экраном. Неизвестный нажал одну из кнопок. На голубом экране появилось недовольное лицо Ассора.

— Что случилось? — сердито спросил он.

— Великий жрец, — прошептал неизвестный, — по твоему приказанию я всю ночь наблюдал за кабинетом Владыки.

— Ну!

— Повелительница Анта, прекрасная Матоа, только что проникла сюда, открыла тайное хранилище и что-то взяла. Затем удалилась.

Лицо Ассора мгновенно изменилось.

— Любой ценой узнай, что она унесла, и тотчас сообщи! приказал он.

10. Тайны подземной тюрьмы

Солнце ярко светило. Легкие облака плыли в высоте, голубая дымка морозного тумана скрывала дали. В помещении было светло и уютно. Все блистало чистотой. Полный комфорт окружал космонавтов, нашедших приют у Элхаба, но на душе их лежала тяжесть. До сих пор оставалась неизвестной судьба товарищей, заточенных в страшной подземной тюрьме.

Владимир и Ли Сяо-ши сидели у окна. Яхонтов стоял в глубине комнаты и перебирал серые цилиндры со звукозаписью, заменяющие на Марсе книги. Беседа не клеилась. Над каждым довлела одна и та же мысль.

— Прошло два дня, а мы еще ничего не решили, — не выдержал Владимир.

Человек действия, он совершенно не выносил пассивного ожидания и томительной неизвестности. Ли Сяо-ши был другого склада. Он никогда не торопился и предпочитал много раз обдумать вопрос и только потом принять решение.

Астрофизик очень хорошо владел собой и не поддавался настроениям, всегда руководствуясь холодным и ясным рассудком.

— Нельзя, мой друг, очертя голову бросаться в драку, произнес он. — Мы знаем, Элхаб принял все меры. Значит, надо подождать. Прежде чем идти в атаку, нужно выяснить расположение противника.

— А пока наши близкие должны находиться в тюрьме, ежеминутно ожидая смерти, — зло усмехнулся Владимир.

— Лучше освободить их двумя днями позже, но здоровыми и невредимыми, чем поспешить и погубить всех.

Виктор Петрович не принимал участия в разговоре, но все слышал. Внешне спокойный, как всегда, он переживал, быть может, глубже и тяжелее всех, считая себя в первую очередь ответственным за судьбу экспедиции и каждого ее участника. Он сидел в кресле перед полками и перебирал цилиндры.

Надписи на донышках говорили о содержании. Тут оказались собственно книги, то есть записи текста, и цилиндры иного вида, воспроизводящие не слова и звуки, а зрительные образы — дающие цветное стереоскопическое изображение.

Виктор Петрович целиком углубился в свое занятие. По временам он откладывал заинтересовавший его цилиндр, вставлял в гнездо специального аппарата и включал механизм. Тогда из репродуктора слышался голос невидимого диктора, а на экране возникало изображение.

Вдруг в его руках очутился маленький цилиндр.

Перечитав надпись еще раз, он поспешно вставил его в приемник и пустил механизм.

— Идите сюда и смотрите! — крикнул он.

Владимир и Ли Сяо-ши подошли ближе. На экране появилось четкое и рельефное изображение какой-то крепости.

— Что это? — спросил Владимир.

— Общий вид замка Великого жреца, где томятся наши, объяснил Яхонтов. — Я нашел его среди других иллюстраций.

— Вот это здорово! — воскликнул Владимир, усаживаясь перед аппаратом.

На матово-серебряном экране виднелось огромное здание, расположенное почти в центре столицы Анта. Космонавты хорошо представляли себе это место, тем более что на заднем плане, выше по склону, они увидели знакомые стены и башни Тонга-Лоа.

Четыре пояса высоких стен окружали владения Великого жреца. В нарушение общего стиля на крышах целой группы зданий, образующих в совокупности замок Ассора, не было деревьев. Кровлями здесь были плоские каменные площадки разной формы и размера. Они располагались уступами на разной высоте. Тут было много башен, террас, переходов, висячих балкончиков, открытых лестниц. Архитектура поражала своим разнообразием. С левой стороны, в черте внутреннего из четырех колец крепостных стен, поднималось над каменной площадкой невысокое круглое здание, лишенное окон. Их заменяли маленькие овальные отверстия, напоминающие бойницы.

На экране было ясно видно много часовых, стоящих у каждого выхода, а также на всех террасах и площадках. Космонавты насчитали не менее десяти солдат вокруг низкого здания, приковавшего их внимание. Это и была тюрьма, вернее, надземная ее часть.

— Да! — произнес Владимир. — Зрелище неутешительное!..

— А где же храм Неба, недоступный для властей? — спокойно спросил Ли Сяо-ши.

— Я думаю, он позади, — сказал Яхонтов. — Видите, вон то огромное сооружение.

За черной громадой мрачного замка виднелось большое здание, господствующее над местностью. Высокая, многоступенчатая лестница вела к его главному входу. Целый ряд мощных пилонов поддерживал кровлю. Всмотревшись, космонавты заметили, что каждый представляет собой гигантское каменное изображение того или иного бога.

— Неплохая крепость, — процедил Владимир.

— Вот видите, а вы торопились, — заметил Ли Сяо-ши. — Тут надо десять раз подумать, прежде чем идти на штурм.

— Задача не легкая, но ее нужно и можно решить, — твердо сказал Яхонтов. — Давайте думать, с какой стороны можно к ней подойти.

И они принялись внимательно рассматривать изображение. Энергичный стук в дверь прервал их занятие.

В комнату вбежал Янхи. Он был возбужден, глаза блестели, на лице светилась улыбка.

— Вы принесли хорошие вести? — осведомился Яхонтов.

— Да! — радостно сообщил Янхи. — У нас нашлись друзья. Я сам себе не верю! Смотрите!

Он бросил на стол белую блестящую пластинку с затейливым рисунком. Трудно было сразу догадаться о значении прямоугольников и целой сети извилистых линий.

— Что это? — спросил Владимир, уже начиная понимать.

— План подземных тюрем во владениях Великого жреца! — отчеканил Янхи.

— Вот удача! — воскликнул Ли Сяо-ши. — Но как вам удалось достать?

— Я ничего не доставал, — ответил Янхи, — неизвестный друг принес нам эту вещь...

Он рассказал, что ночью кто-то постучал в дверь дома Элхаба. Когда открыли, вошла просто одетая старая женщина, лицо которой было закрыто меховым покрывалом — обычной одеждой во время сильных морозов. Она передала слуге запечатанный пакет.

«Передайте это Элхабу. Как можно скорее и только в собственные руки, здесь нечто, необходимое ему и его гостям», — сказала старуха.

— Так и сказала: «его гостям»? — переспросил Ли Сяо-ши.

— Дословно! — подтвердил Янхи. — Вручив пакет, она тотчас удалилась.

— Но кто она, откуда? — продолжал расспрашивать Владимир.

— Неизвестно. Никто ее не знает, пришла издалека. Вот все, что мы можем сказать. В конверте оказался план...

— Быть может, это фальшивка, — предположил Ли Сяо-ши, — и здесь просто ловушка?

— Нет, отец узнал по описанию. Это подлинный план.

— Не все ли равно, откуда этот план взялся, — прервал Владимир.

Теперь, когда на экране был виден замок Великого жреца, а в руках космонавтов имелся план подземных коридоров и тюремных камер, можно было подумать, как лучше организовать побег. Все трое вместе с Янхи принялись изучать чертеж. Старинные предания были правы: каждый этаж, всего их было четыре, представлял собой запутанный лабиринт подземных коридоров, прихотливо извивающихся, изобилующих поворотами, неожиданно приводящими человека в тупик или возвращающими в исходный пункт.

Ни один из заключенных, даже сумев бежать из камеры, все равно не мог выбраться на свободу и неизбежно погибал, запутавшись в лабиринте. Имея план — и то нелегко было разобраться, тем более что многие коридоры переходили из этажа в этаж. Сопряженность планов трудно было установить даже по чертежу.

Внимательно изучая сложную сеть коридоров, Владимир обратил внимание на большое количество непонятных значков.

— Что это? — спросил он у Янхи.

Тот вооружился лупой и пристально рассмотрел изображения, но не смог сказать ничего определенного.

— Мне кажется, это обозначены места, где жрецы приготовили свои фокусы. Легенды говорят о чудесах, которые происходят в подземельях. К несчастью, мы не знаем ни характера этих трюков, ни способов спасения.

— Мы не знаем и самого основного, — заметил Яхонтов, где находятся наши друзья. Перед нами, в сущности, четыре задачи: проникнуть в замок, разыскать наших, освободить их и выбраться из тюрьмы.

Целый день космонавты изучали план, стараясь найти реальный путь к решению этих четырех задач. Только поздно ночью, после долгих споров, когда горячий темперамент Владимира неоднократно вступал в противоречие с более трезвым и спокойным рассудком других, удалось наметить план действия — весьма рискованный, требующий большого мужества и выдержки, но дающий известные шансы на успех.

Еще и еще раз обсудив со всех сторон намеченную тактику. Яхонтов принял решение.

— Хорошо, — сказал он, — так и сделаем! Иного пути нет! Или все спасемся, или вместе погибнем. Решено!

— Какая помощь вам нужна? — спросил Янхи.

Молодой марсианин обсуждал весь план вместе с космонавтами. Его дельные советы принесли немалую пользу. Он хорошо знал все условия, неизвестные чужестранцам. Именно ему принадлежала дерзкая мысль использовать подземную трубу водовода, чтобы проникнуть к центру замка. Башня, откуда получали воду, находилась на площадке между третьей и четвертой стенами. При удаче можно было сразу оказаться перед последней внутренней стеной, за которой находились жилище Ассора и наземная часть тюрьмы.

— Передайте Элхабу, — сказал Яхонтов, — что мы просим этой ночью доставить нас в те места, откуда можно проникнуть в водовод. Нам нужны крепкие лестницы, ломы и другой инструмент, чтобы сбивать замки. Еще нам будут нужны карманные фонарики и небольшой запас воды и пищи. Остальное наше дело. Когда станет известно, что мы нашли убежище в храме Неба, нужно сделать так, чтобы закон не был нарушен.

— Еще одно, — добавил Владимир. — Табличку с планом мы оставим здесь, но каждому необходимо иметь ее копию.

— И я прошу немного, — прибавил Ли Сяо-ши. — В битве может все случиться. Наверное, вашей науке известны вещества, способные мгновенно усыпить. Вот если бы такое нашлось...

— Все эти вещи надо сложить в мешки с заплечными ремнями, — уточнил Владимир, — чтобы не стеснять движений.

— Большая тяжесть будет, — усомнился Янхи.

— Об этом не волнуйтесь, — улыбнулся Владимир.

Янхи ушел, пообещав, что к вечеру все будет готово.

11. Поединок с богами

Ночь выдалась темная и на редкость морозная. Легкая туманная мгла застилала небо и скрывала звезды. Только чуть заметное пятно слабого света обозначало место небосклона, где находился Фобос.

Погода благоприятствовала замыслу. Большой грузовой вездеход мчался по равнине, не зажигая фар. Опытный водитель находил дорогу какими-то неведомыми способами. Яхонтов, Ли Сяо-ши и Владимир лежали на платформе, тесно прижавшись друг к другу. Маски из пушистой шерстяной ткани хорошо укрывали лицо от холода. Космонавты вполне оценили предусмотрительность Элхаба, который сумел своевременно захватить ракету и доставить ее в надежное место. Накануне они посетили космический снаряд и взяли оттуда новую теплую одежду, маски, фонари и кое-какие инструменты. Они обнаружили, что рация не повреждена, и сумели передать короткую радиограмму на Землю: «Находимся на Марсе. Есть разумные существа, обладающие высокой техникой. Наша работа затруднена сложными социальными отношениями. Не беспокойтесь о перерыве связи. Уверены в благополучном исходе, успешном выполнении всех задач. От приема вынуждены воздержаться. Яхонтов».

Несмотря на быстроту хода, прошло не менее трех часов, пока достигли цели. Машина остановилась среди равнины. Вокруг ничего не было видно. Однако Янхи вылез из кабины водителя и сказал коротко.

— Здесь?

Изрядно окоченевшие космонавты выбрались из кузова и принялись прыгать и делать резкие движения, чтобы согреться. Потом они вытащили из машины большие вещевые мешки со снаряжением. На поясе у каждого висел широкий меч, в карманах — марсианское импульсное оружие с запасом энергии.

В карманах на ногах лежал запас крепких тонких веревок. Каждый имел при себе и копию подземной тюрьмы. Словом, экспедиция была оснащена всем необходимым. Даже флаконы с наркотиками, способными усыпить любого марсианина в несколько секунд, были положены на всякий случай в грудные карманы.

Когда все были готовы, Янхи подал знак и пошел вперед. Твердая, как бетон, почва позволяла двигаться быстро, а мягкие подошвы унт заглушали шаги. Путь лежал по склону невысокого холма. Когда группа достигла гребня, в ложбине по ту сторону блеснул луч света.

Осторожно, крадучись, космонавты во главе с Янхи подошли ближе. Перед ними возникла низкая круглая башенка с маленьким окном, откуда и шел свет. Они заглянули внутрь. Там мирно спал марсианин. Оружие — трубка — висело на стене рядом. Приказав путешественникам оставаться на месте, Янхи исчез в темноте. Глядя в окно, они видели, как бесшумно открылась дверь, и он проник внутрь. Ловко, кошачьей походкой, он подобрался к спящему и поднес к его носу губку, смоченную наркотиком. Руки стражника беспомощно опустились. Космонавты вошли в башенку.

— Все в порядке! — удовлетворенно сказал Янхи. — Сторож проспит как убитый несколько часов, а потом ничего не сумеет вспомнить. Когда придет смена, не будет ничего подозрительного. Бедняге просто приснился нехороший сон... За дело, друзья!

Тяжелая металлическая крышка, около полутора метров в диаметре, закрывала отверстие в полу.

— Колодец, ведущий в водовод, — объяснил Янхи. — Сторож охраняет его, хотя уже сотни лет здесь ничего не случалось. Когда вы опуститесь, ищите канал, идущий вправо. Воды немного. Пройдя примерно час, доберетесь до конца. Там последний люк, такой же, как здесь. Через колодец можно выбраться наружу, поблизости от внутренней стены. Дальше все зависит исключительно от вас самих!

— Благодарю! — за всех сказал Яхонтов.

Без особого труда они подняли крышку и отодвинули в сторону.

— Когда вы опуститесь, — на прощание попросил Янхи, пускай последний поможет мне поставить крышку на место.

Первым, держась за скобы, стал спускаться Ли Сяо-ши, за ним Яхонтов. Последним шел Владимир. Грустное, с тревогой в глазах лицо Янхи, склонившегося над отверстием, было последним, что они видели.

Держась одной рукой за скобы, Владимир надвинул тяжелую крышку. С легким звоном она вошла в пазы. Черная тьма окружила космонавтов.

Ли Сяо-ши включил фонарик. На глубине трех метров от его ног в слабом круге света блеснула вода. Ручеек медленно тек по бетонному ложу. Когда-то могучие потоки заполняли трубу по всему ее сечению, теперь же последние запасы влаги едва питали маленький ручей. Но это обстоятельство было на руку космонавтам. Они могли передвигаться, даже не замочив ног.

Китайский ученый скоро добрался до дна колодца и, согнувшись, вошел в трубу; за ним последовали остальные: водовод имел в диаметре полтора метра. Высокие космонавты вынуждены были идти согнувшись.

Владимир прошел вперед. Ли Сяо-ши попробовал было возразить, но пилот решительно отстранил его:

— В делах науки первое место принадлежит ученым, но здесь речь идет о военных действиях, и мое место впереди.

Как и предупредил Янхи, прошло не меньше часа, пока они добрались до конца трубы. Дальше каменная пробка закрывала проход. Владимир предупредил товарищей о необходимости соблюдать тишину и, погасив фонарик, полез кверху. Оставшиеся слышали, как он карабкался. Добравшись до верха, он прислушался. Потом, собрав силы, начал осторожно поднимать люк, достаточно тяжелый и для человека Земли. С трудом, действуя не только руками, но и плечами, он приподнял крышку и выглянул в щель. Его глазам открылась площадь, вымощенная большими плитами и слабо освещенная фонарями. На всем видимом пространстве никого не было. Сейчас, в самое темное время ночи, все мирно спали.

Постепенно поворачиваясь и приподнимая край в нужном направлении, Владимир осмотрелся кругом. Люк находился в центре площади. По одной стороне шла стена, за которой была тюрьма. Противоположную сторону ограждала такая же стена — третье кольцо, уже знакомое космонавтам. Лишь далеко впереди рисовались в полумраке неясные очертания высоких зданий. Самым безопасным было выбраться из колодца и держаться правой, неосвещенной стены.

Владимир три раза зажег и погасил фонарь, обращенный вниз, после чего сдвинул крышку.

Выбравшись на поверхность, космонавты быстро закрыли люк. Теперь путь к отступлению был отрезан.

К несчастью, изображение замка на экране было дано лишь с одной точки и не позволяло получить полное представление о местности. Космонавты не могли сразу решить, где и как можно преодолеть четвертую стену, по которой ходили караульные. Выждав, когда ближайший часовой повернулся спиной и стал удаляться, они перебежали в ту же сторону и притаились за углом высокого здания.

Здесь у них созрел план. В отличие от гладкой и отвесной стены крепости это здание, как обычно на Марсе, представляло собой усеченную пирамиду и имело выступы, оконные ниши и украшения. Физически сильные и ловкие люди могли забраться по внешней стороне и достигнуть плоской кровли, край которой находился несколько ниже гребня крепостной стены. Их разделяло расстояние около десяти метров. На Земле только профессиональный акробат мог преодолеть прыжком такое расстояние, но космонавты были на Марсе с его малой силой тяжести и решили попытаться. Другого выхода не было.

Высокий и сильный Ли Сяо-ши прислонился к стене Дома, пригнув голову, Яхонтов, несмотря на свои годы, ловко влез к нему на плечи, а Владимир, сбросив груз, вскарабкался по живой лестнице и, цепляясь за каждый выступ, постепенно добрался до крыши. Это было нелегко, временами вся тяжесть тела приходилась только на пальцы рук. С крыши он опустил конец веревки и помог своим товарищам забраться наверх.

Передохнув, космонавты, прячась в тени, перебежали к противоположному краю. Здесь они притаились за перилами. Часовой ходил по стене метра на полтора выше их. Теперь все зависело от силы и ловкости Владимира. На всякий случай он обвязался вокруг пояса веревкой, пропустил ее конец вокруг перил и снял мешок.

Часовой ничего не видел. Когда, обходя свой пост, он миновал лежащих в засаде людей, Владимир отошел, насколько позволяла веревка, разбежался и прыгнул, собрав все силы. Рискованный трюк удался.

Владимир перелетел проход и успел ухватиться руками за край стены. Одно мгновение казалось, что он сорвется, но, цепляясь ногами, он сумел удержаться и взобрался на стену. Услышав шорох, часовой обернулся и замер в изумлении. Не дав ему опомниться, Владимир бросился на него, и в мгновение все было кончено.

По натянутой веревке перетащили груз, а затем на стену выбрались Ли Сяо-ши и Яхонтов. Отдышавшись, они заглянули вниз.

Круглое здание тюрьмы виднелось теперь совсем близко. Одинокий часовой ходил у главного входа. Фонари озаряли широкую полосу, но внутренняя сторона стены, где находились путешественники, оставалась в тени. Это облегчало дальнейшие действия.

— Уберите убитого, — прошептал Яхонтов. — Надо, чтобы его обнаружили как можно позже.

Владимир кивнул и, оглядевшись, быстро поднял тело марсианина на кровлю маленькой башенки, одной из многих, украшавших стену. Здесь никому не могло прийти в голову искать исчезнувшего часового.

Веревочные лестницы не зря лежали в заплечных мешках. С их помощью космонавты спустились со стены и оказались в центре владений врага.

Марсианин в тяжелой зимней одежде ходил взад и вперед. Ему было холодно и хотелось спать. Оружие он держал кое-как, прижимая к телу правым локтем, а руки засунул глубоко в рукава. Ноги зябли, и часовой на ходу подплясывал. Мысль об опасности, разумеется, не приходила ему в голову, поэтому бессонная ночь и хождение по морозу представлялись делом совершенно бесполезным. Пройдя несколько раз туда и обратно, он не выдержал, подошел к двери тюрьмы и постучал особым образом.

На повторный стук дверь распахнулась, кто-то выглянул оттуда и сунул часовому флягу. До слуха космонавтов донеслось характерное бульканье. Глотнув, часовой повеселел и бодро зашагал дальше.

План действий сложился мгновенно. Выждав, когда марсианин отвернулся, Владимир в два прыжка настиг его и зажал ему рот ладонью. Космонавты быстро спеленали оторопевшего солдата, как грудного младенца, и заткнули рот кляпом.

Затем они подбежали к двери караульного помещения и дважды энергично постучали, подражая часовому. Сперва никто не ответил, затем послышалась сердитая брань, и дверь открылась. Космонавты вихрем ворвались внутрь. Очередная смена спала. Только двое марсиан были на ногах. Владимир железной рукой схватил одного, оглушил и бросил на пол. Ли Сяо-ши так же поступил с другим. От шума проснулись остальные, но нападающие использовали преимущества внезапности, свою физическую силу и ужас, который их внешний вид вселял в марсиан, никогда не встречавших людей с Другой планеты. Солдаты почти не сопротивлялись и не успели поднять тревогу.

Обезвредив караул, космонавты бросились вперед по тесному, узкому коридору. По плану они знали, где находится комната смотрителя. Надпись на двери подтвердила, что они не ошиблись. Мысленно поблагодарив Ассора, обучившего пришельцев языку и письменности Марса, Владимир рванул запертую изнутри дверь. Замок вылетел из гнезда, и они ворвались в комнату хозяина тюрьмы. Он безмятежно спал и, не успев ничего понять, был связан и вытащен из кровати с тряпкой во рту.

Яхонтов, не теряя времени, обыскивал помещение, пока не нашел большую связку ключей на металлическом кольце. Владимир взял смотрителя за шиворот, как котенка, и, держа на весу, медленно и внушительно объяснил:

— Нам нужно пройти в камеру, где ты держишь пришельцев со Звезды Тот. Понял? Нам нужно найти пришельцев со Звезды Тот!

Опутанный веревками марсианин испуганно глядел на гиганта и трясся мелкой дрожью, но слова на языке Анта, подкрепленные грозным видом пилота, сразу дошли до его сознания. Он быстро закивал головой, давая понять, что готов выполнять приказы чужеземцев.

— Ну, то-то! — Владимир опустил марсианина, развязал ему ноги, но оставил в своих руках конец веревки. Синий от страха, смотритель рысцой побежал вперед. Космонавты последовали за ним, причем Яхонтов и Ли Сяо-ши держали в руках планы тюрьмы и отмечали на них весь путь, начиная с караульного помещения.

Идти пришлось далеко. Непонятно, как можно было находить дорогу среди лабиринта коридоров, где то и дело встречались тяжелые

двери, но смотритель вел смельчаков уверенно и быстро. Они прошли по верхнему этажу, свернули в наклонный ход, опустились в первый этаж под землей, прошли много коридоров, миновали залы, где стояли статуи богов, и начали новый спуск. Ли Сяо-ши убедился, что значки на плане обозначали именно изваяния.

Сюрпризы начались в нижних ярусах. Дорогу преградил глубокий провал во всю ширину прохода. Только метров на пятнадцать дальше снова был виден пол. Тусклый свет фонарей еле освещал путь. Казалось, дороги нет, но трусивший впереди смотритель сделал едва заметное движение ногой и коснулся стены. Послышался негромкий гул механизма, и снизу поднялась каменная плита, сомкнувшая разорванный проход.

Дальше они попали в круглый зал, откуда не было выхода. Здесь стояли три статуи с грозно поднятыми лапами. Смотритель подошел к самой левой, движением головы показал, что нужно коснуться одной из лап чудовища. Ли Сяо-ши попытался повернуть ее, нажать, но ничего не вышло, пока он не догадался, что лапу надо отвести вправо. Изваяние повернулось и отодвинулось в сторону. Открылся проход. Подобные секреты встречались еще не раз. Космонавты прошли третий этаж и спустились в четвертый, судя по плану, предпоследний.

Только здесь они, наконец, подошли к двери, перед которой смотритель остановился. Ли Сяо-ши показал ему кольцо с ключами и начал перебирать их. Когда дошел до нужного, тюремщик закивал головой.

Ли Сяо-ши поспешно открыл замок и, толкая перед собой смотрителя, бросился внутрь. Прямо на полу просторной, но низкой камеры, освещенные тусклыми лампами валялись связанные пленники.

— Владимир, ты? О! Я знала, что ты придешь, — слабо простонала Наташа.

Владимир бросился к ней, встал на колени и перерезал веревки, а затем принялся целовать, растирать ей руки и ноги, затекшие от веревок. Крупные счастливые слезы катились по ее бледному, осунувшемуся лицу.

Ли Сяо-ши оставил тюремщика и кинулся к Индире. Маленькая женщина лежала навзничь на холодном жестком полу. Руки ее были

плотно привязаны к туловищу, ноги стянуты вместе. Она исхудала за эти дни. Одни лишь черные глаза, огромные, прекрасные, горели на ее смуглом лице.

Ли Сяо-ши выхватил меч, разрезал веревки и в порыве налетевших чувств поднял девушку на руки. Индира ничего не говорила, только страдальчески глядела на него.

Тем временем Яхонтов освободил Паршина. Бедный ученый очень страдал и от стянутых пут, и от холода. Глаза его горели лихорадочным блеском, губы запеклись. Его била мелкая дрожь, старый профессор, видимо, захворал. Виктор Петрович пощупал его пульс, потрогал голову.

— Пить! — прошептал больной. — Скорее пить...

Виктор Петрович вынул из кармана полную фляжку и поднес ее ко рту Паршина. Тот жадно глотал воду. Постепенно выражение его глаз стало меняться. Наконец он оставил фляжку, откинулся назад и лег на спину, издав вздох облегчения.

— Дайте же им скорее воды или вина, — сказал Яхонтов. Они страдают от жажды и очень слабы.

Несколько глотков вина вернули силы обеим женщинам. Питательные пилюли и печенье, взятые из ракеты, быстро утолили их голод. Все это заняло не более пяти минут.

Целиком поглощенные заботами об освобождении пленников и радостями встречи, космонавты забыли про тюремщика.

Марсианин сначала лежал на полу, не подавая признаков жизни, потом понял, что про него забыли, и сделал попытку освободиться. Изо всех сил шевеля челюстями и помогая себе языком, он сумел незаметно вытолкнуть кляп изо рта.

Связка с ключами лежала на полу посреди камеры, ее бросил Ли Сяо-ши, когда освобождал Индиру.

Извиваясь как змея, тюремщик тихо полз по полу. Шаг за шагом он подбирался все ближе и ближе. Никто не замечал его маневров. Постепенно марсианин подполз на животе к месту, где были ключи, огляделся, поджал под себя ноги, тихонько встал на колени и зубами схватил связку.

Звон привлек внимание Владимира, но было уже поздно. Смотритель вскочил и с ключами в зубах кинулся к выходу, головой распахнул дверь и выбежал в коридор. Автоматический замок щелкнул. Все шестеро астронавтов оказались в ловушке.

Связанный по рукам тюремщик, виляя всем телом, с ключами во рту бежал по коридору. Кнопка сигнала виднелась на стене. С разбегу, прямо головой он ударил по ней. Раздался резкий пронзительный звонок — сигнал тревоги.

Астронавты в первую минуту растерялись от неожиданности.

— Спокойно, друзья! — произнес Яхонтов. — Мы кое-что предусмотрели.

Он снял с плеч свой мешок и извлек небольшой стальной лом и тяжелый молоток. С неожиданной сноровкой он ловко просунул инструмент в щель. Владимир пришел на помощь. Дверь сначала не поддавалась, но не выдержала объединенного напора и раскрылась.

Ли Сяо-ши и Владимир подхватили и понесли ослабевшего от болезни Паршина. Женщины могли двигаться сами. Во главе с Яхонтовым, державшим в руке план, космонавты побежали по коридору.

Звонок затих, но тревога была поднята. Преимущество беглецов заключалось только в том, что внутри тюрьмы стражи не было. Лабиринт ходов и всякие технические сюрпризы, по мнению тюремщиков, надежно охраняли заключенных.

Проход круто поворачивал налево. Космонавты вбежали в просторный подземный зал. Пять каменных чудовищ возникли перед ними. Их метровые глаза внезапно вспыхнули кроваво-красным огнем, раздался грозный рев, и ужасающие изваяния вдруг поднялись на задние лапы.

Беглецы вздрогнули от неожиданности. Понятно, что суеверные марсиане пришли бы в ужас, но жители Земли были готовы к подобным сюрпризам.

— Одну минутку, — произнес Яхонтов, сверяясь с планом. Проход за второй фигурой слева... Сейчас!

Он приблизился к рычащей статуе, повозился около нее. Через несколько секунд она затихла и повернулась, открыв проход. Остальные

изваяния продолжали рычать и сверкать глазами, но космонавты уже бежали дальше.

Вдруг большая каменная плита, на которую ступил Яхонтов, стала быстро уходить вниз. Виктор Петрович еле успел перескочить на ту сторону провала. Все остановились. Оценив глазами ширину щели, Владимир разбежался и прыгнул. Марсианские жрецы не предвидели появления узников, обладающих такими способностями.

— Сумеете перескочить? — крикнул он, с другой стороны, обращаясь к женщинам.

— Постараемся, — ответила за обеих Наташа. — Но как же профессор?..

— О нем я позабочусь, — успокоил Ли Сяо-ши.

Женщины уже успели частично восстановить свои силы. Постоянная физическая тренировка пригодилась. Сначала Наташа, а потом и Индира с разбегу преодолели препятствие.

— Держите, — крикнул Владимир, бросая Ли Сяо-ши длинную веревку.

Тот крепко обвязал Паршина вокруг груди и под коленями, оставив себе конец. Обоюдными усилиями они перетащили больного через провал. Скоро и Ли Сяо-ши был на той стороне.

Сзади показались марсиане, преследующие беглецов, но хитрости, устроенные строителями тюрьмы, обернулись на пользу космонавтам. Солдаты остановились перед провалом, для них совершенно непреодолимым. Пленники выиграли время. Этому способствовал и запутанный лабиринт ходов. Правда, электрическая сигнализация, о существовании которой они знали, указывала, где они находятся в каждый момент — в этом беглецы не сомневались, — но никто из противников не мог предвидеть, куда они бросятся дальше. Поэтому перехватить их было очень не просто.

Немало неожиданностей пришлось им встретить во время бегства. То вдруг со всех сторон раздавались дикие вопли. То, выскочив из-за крутого поворота, космонавты внезапно попадали в залы, где их поджидали страшилища, созданные умелыми руками жрецов, одно другого ужаснее. Изваяния издавали грозные звуки, раскрывали пасти, извергали пламя, сверкали глазами, протягивали когтистые лапы. Свет внезапно гас, и беглецы, оставшись в темноте, рисковали очутиться в провалах, открывшихся на месте опускающихся плит.

При внешнем разнообразии техническая сущность трюков, изобретенных древними марсианами, была достаточно примитивна. К тому же каждый пугающий идол обязательно имел не только общее автоматическое управление, но и местное, чтобы стража могла выключить аппарат. Этот принцип беглецы поняли и быстро находили скрытые кнопки управления.

Трудное положение для них создалось, когда впереди и сзади бегущих из стен вдруг с лязгом выдвинулись металлические решетки. Но трое сильных мужчин сумели разогнуть и выломать прутья, чтобы продолжить путь. В другой раз они очутились перед плотно запертой железной дверью, но план говорил, что ее надо преодолеть. Здесь помогли взятые с собой инструменты.

Попав после нескольких поворотов, уже на уровне второго этажа, в большую камеру, откуда в разные стороны шли коридоры, космонавты задержались, чтобы сориентироваться. Тут на них с двух сторон набросились солдаты. Завязалась борьба. Положив на пол Паршина, пятеро путешественников приняли бой. Дружным натиском опрокинув противника, они подхватили больного и кинулись дальше.

В первом этаже, уже недалеко от выхода, стало твориться нечто непонятное, но раздумывать было некогда. Хитроумные аппараты как бы перешли на сторону беглецов. Когда они вбегали куда-нибудь, где их ожидали очередные страшилища, то вместо громкого рычания и сверкания глазами они расступались, открывая проходы. Сверяясь с планом. Яхонтов видел, что их пропускают не в сторону, где могли быть ловушки, а именно в нужном направлении.

Когда космонавты вдруг услыхали в поперечных коридорах яростные вопли настигающей их стражи, тяжелые металлические двери опустились сверху и преградили дорогу не беглецам, а их преследователям, будто кто-то незримый помогал побегу.

Уже порядком измученные, беглецы все ближе и ближе подходили к месту, откуда, если верить плану, был выход на площадь прямо против храма Неба. Задыхаясь от усталости, они подбежали к выходу. Металлические двери, запертые снаружи, стояли между ними и свободой.

Последнее препятствие. Владимир и Ли Сяо-ши опустили беспомощного Паршина и устремились к дверям, где уже возился Яхонтов. Женщины упали без сил. Несмотря на все усилия, двери не поддавались. Никаких следов замка изнутри не было видно.

Ярость, бешеная ярость и гнев овладели людьми при виде последнего препятствия. Попытались выломать дверь и налегли на нее изо всех сил. Она даже не дрогнула под напором. Просунули лом между створками и попробовали раздвинуть их. Результат был столь же неутешительным. Сделали попытку разрубить металл со стороны петель. Грохот ударов разнесся в тишине ночи, но дверь по-прежнему не поддавалась. С минуты на минуту сюда должны были подоспеть отряды марсиан.

Решили ни при каких обстоятельствах живыми не сдаваться. Женщины поднялись и пришли на помощь мужчинам, но все было бесполезно.

Первый раз участники экспедиции увидели, что обычное спокойствие оставило Виктора Петровича. Его лицо побледнело. Плотно сжав рот, он ничего не говорил, но выражение глаз было красноречивее всех слов... Слабейшая из всех пришла ему на помощь.

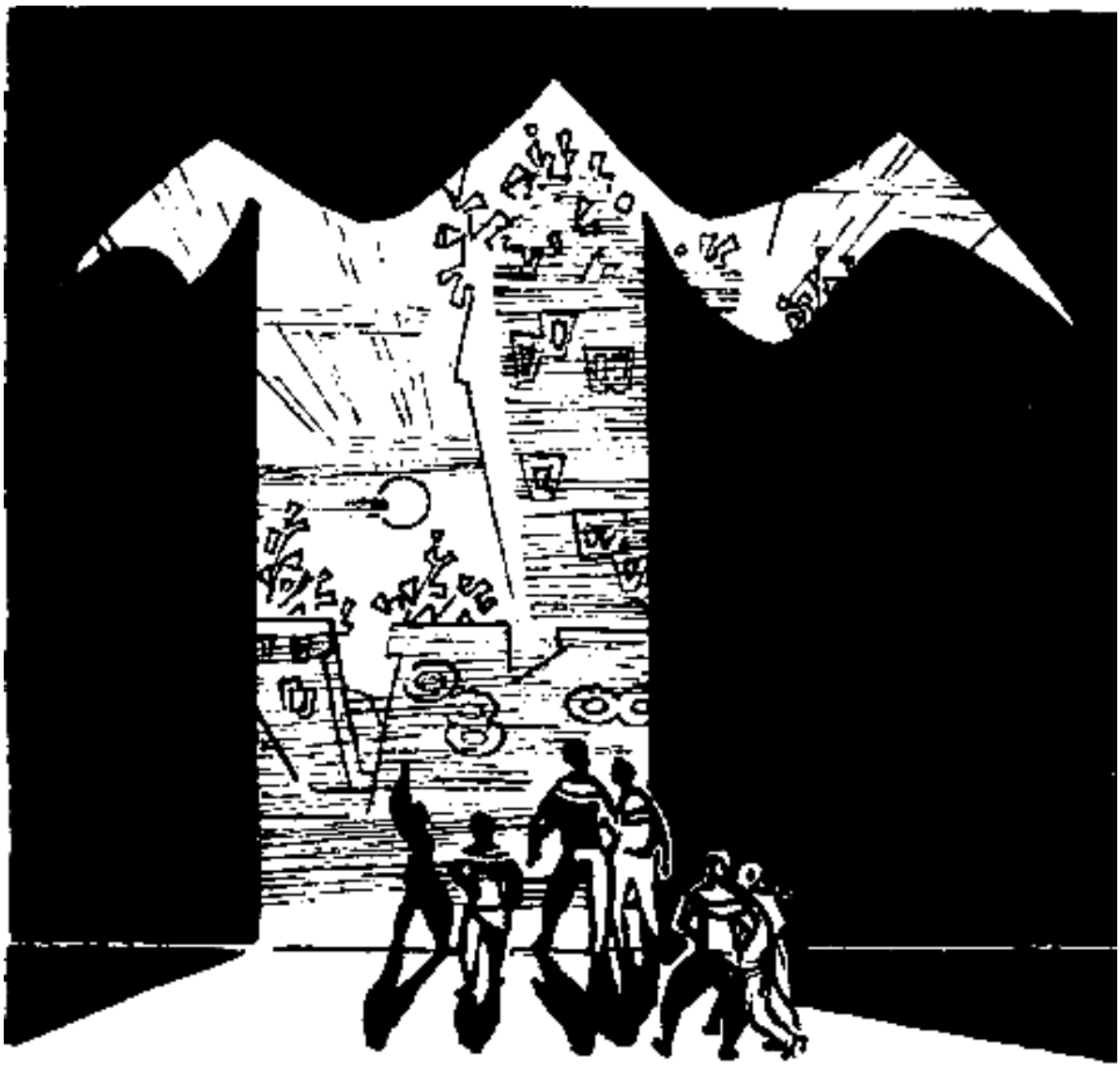
— Больше спокойствия, Виктор Петрович, — с улыбкой сказала Индира. — Больше спокойствия! Не бывает положений, из которых нельзя было бы найти выход...

В ее черных глазах светилась такая уверенность, что мужчинам стало стыдно даже минутной слабости.

— Подумаем, — произнес Яхонтов своим обычным ровным голосом. — Главное, не метаться в панике.

И в это мгновение случилось то, чего они никак не ожидали. Тяжелые двери, не поддававшиеся никаким усилиям, вдруг широко распахнулись сами собой. Единодушный возглас радости и удивления вырвался из груди беглецов.

Перед ними простиралась широкая, вымощенная камнем площадь, освещенная несколькими фонарями. Светало. Зеленые лучи уже окрасили небо... Несколько поодаль виднелась лестница, ведущая в храм Неба.

Беглецы бросились наружу. Леденящий мороз обжег их лица. Космонавты быстро побежали по застывшей от холода мостовой.

Дикие вопли нарушили безмолвие ночи: стража, охранявшая владения Великого жреца, кинулась им навстречу.

Слабый, едва стоящий на ногах, Паршин потребовал, чтобы его опустили. Он не хотел связывать других. Отстреливаясь на бегу, космонавты устремились к ступеням храма. Марсиане не стреляли, они, по-видимому, хотели захватить их живыми.

— Живыми не сдадимся! — кричал Яхонтов.

Завязалась рукопашная схватка, но до храма было уже близко.

— Женщины и профессор, бегите! — заорал во все горло Владимир. — Мы их задержим.

Наташа, Индира и Паршин побежали изо всех сил. Им удалось достигнуть ступеней. Трое мужчин боролись.

Убеленный сединами академик Яхонтов поражал врагов точными ударами кулаков, потом выхватил тяжелый молоток, превратившийся в его руках в грозное оружие. Ли Сяо-ши, спокойный даже в ярости, методично наносил удар за ударом, отступая в то же время к храму. Владимир, которому ярость, казалось, удвоила силы, прикрывал отступление.

— Скорее под своды! — закричал он, когда они вскочили на первые ступени. — Бегите! Скорее!

Повинуясь команде. Яхонтов и Ли Сяо-ши бросились вверх по лестнице. Злобный вопль послышался со стороны марсиан. Они устремились за ними.

— Сюда! Сюда! — кричали сверху.

Улучив момент, Владимир повернулся и в два прыжка достиг дверей храма. Здесь космонавты были под охраной закона.

12. Великий суд

Когда тяжелые ворота храма Неба закрылись, беглецы в изнеможении бросились прямо на холодный каменный пол. Только теперь они поняли, какого напряжения сил потребовали события последнего времени. Если в часы бегства и позже, в разгар ожесточенной схватки, они еще держались за счет исключительной внутренней собранности и целеустремленности, то сейчас наступила реакция.

Люди просто не могли двигаться и лежали, тяжело дыша, как рыбы, вытащенные из воды. Владимир, самый сильный, еще попытался пройти дальше, в глубь храма, чтобы найти лучшее место, но Яхонтов удержал его.

— Мы не знаем здешних обычаев, — сказал он. — А если вы случайно оскорбите религиозные чувства верующих, нас объявят осквернителями святыни. Понимаете, что получится?

По древнему закону двери храма Неба никогда не закрывались. Каждый мог войти в любой час. Никто не имел права задавать вопросы тем, кто искал убежища. Этот старинный обычай и открывал астронавтам единственный путь к спасению.

Жрецы храма Неба слышали шум битвы, поняли, что происходит, но не вмешивались. Они скользили по помещению, как тени, и не говорили ни слова.

Высокие восьмигранные колонны, узкие внизу и широкие вверху, несли на себе тяжелую кровлю. Зеленый свет раннего утра проникал в помещение через круглые окна, расположенные под самой крышей. Внизу стоял таинственный полумрак. Разноцветные светильники на тяжелых серебряных подставках горели бледным пламенем и бросали голубые, зеленые, красные, лиловые полосы на каменные плиты пола и нижнюю часть колонн. Далеко в глубине сияли в лучах скрытых фонарей золотые ворота главного святилища.

Вдоль стен на черных каменных постаментах стояли колоссальные идолы. Их уродливые головы с золотыми и серебряными коронами скрывались в вышине.

Космонавты приютились у подножия одной из статуй. В торжественном безмолвии возвышалось над ними изваяние из кроваво-красного камня с четырьмя поджатыми, искривленными ногами и двумя парами рук, скрещенных на груди. Золотые браслеты и запястья украшали идола. Равнодушный взгляд единственного глаза, расположенного посредине головы, был обращен вдаль и, казалось, не замечал ничего, происходящего внизу. Двурогая серебряная тиара тускло блестела в изумрудном утреннем свете.

Если бы путешественники знали мифологию древнего Анта, они узнали бы, что по капризу случая попали к ногам бога Айя, воплощающего правосудие. Но они не знали этого и с любопытством разглядывали каменного колосса.

Когда они чуть-чуть пришли в себя и дневной свет стал достаточно сильным. Наташа всплеснула руками, увидав лица товарищей. Багровый кровоподтек на щеке, глубокая царапина на лбу, в клочья изорванная одежда, колотая рана на левом бедре, во многих местах следы засохшей крови, неизвестно, собственной или вражеской, —

таким выглядел Владимир. Яхонтов тоже сильно пострадал. Он порвал рукав комбинезона, потерял головной убор и маску. Не лучше выглядел и Ли Сяо-ши. Паршин не получил ушибов, но страдал от простуды. Женщины не были ранены, но одежда их порвалась во многих местах. Борьба принесла им несколько царапин.

Обязанности врача исполняла Наташа. Небольшой запас перевязочных средств имелся в карманах. Коченеющими от холода руками Наташа промыла и перевязала раны. Индира наскоро заштопала одежду. Общими усилиями удалось придать более или менее приличный вид всем участникам экспедиции. Сергей Васильевич получил солидную дозу укрепляющего лекарства и пришел в себя.

Несколько капель коньяку, взятого запасливым Ли Сяо-ши при посещении ракеты, подняли силы и немного улучшили настроение космонавтов.

— Эх, умыться бы теперь, — произнес Владимир.

— Да! — мечтательно протянула Индира. — Представьте себе жгучее, яркое Солнце и священные воды Ганга, теплые, ласковые, нежно обнимающие тело. Или прибой океана! Морские волны набегают, поднимают тебя, освежают, выносят на берег. А потом омовение теплой и пресной водой. Мягкими, пушистыми простынями растереть свое тело, прямо-таки пахнущее чистотой.

— К чему священный Ганг и теплые воды тропических морей! Обыкновенная горячая ванна в московской квартире. Кусок душистого мыла и мочалка — вот и все, что надо для счастья, добавила Наташа.

— Хорошая русская баня и парильня! — размечтался Владимир. — А здесь так грязно и холодно!

— Да! — послышался негромкий голос Паршина. — О ванне и бане я даже не мечтаю. Но вот побриться бы не мешало! Кстати, объясните, наконец, где мы находимся и почему считаем себя в безопасности. Я же ничего не знаю.

Сергей Васильевич приходил в нормальное состояние.

Виктор Петрович рассказал об Элхабе и его советах, о праве убежища в храме Неба, о предстоящем Великом суде, где должна решиться их судьба.

Космонавты знали, что находятся в относительной безопасности, используя право убежища, но не имели никакого представления, как будет организован Великий суд, когда он соберется и как нужно вести себя в ближайшее время. Они сидели в ожидании на полу. Было холодно, потому что храм не отапливался. Глоток вина согрел ненадолго, но потом ноги и руки стали опять коченеть.

Такое времяпрепровождение менее всего отвечало характеру Владимира. Он легко переносил какие угодно лишения, смело шел навстречу опасности, но не выносил бездеятельности. Сначала он лежал притихший и мрачный. Потом на его лице появилось хорошо знакомое Наташе, да и другим космонавтам, сердитое выражение.

— Дикое положение! — заявил он, вскакивая. — Черт знает что такое! В век ядерной энергии и космических путешествий мы вынуждены любоваться на каких-то поганых идолов. Нарочно не придумаешь! Кто бы мог вообразить, что на Марсе мы, попадем прямехонько в средние века! Даже дальше! Языческие культы... Музейные редкости, к несчастью, живые... Опереточные одежды!.. А голод! Подземные тюрьмы! Холод! Дико и нелепо! Кругом одни анахронизмы.

Он принялся ходить большими шагами вокруг лежавших.

— Никогда не бывает, чтобы новое развивалось без борьбы, — произнес Яхонтов, следя глазами за обозленным Владимиром. — Тишь и гладь бывают только в сказках. Что вас так возмущает и удивляет? Мы прибыли на Марс во имя Человека. Идея большого, подлинного, советского гуманизма привела нас сюда. Все это верно. Но неужели можно было всерьез ожидать, будто нас примут с распростертыми объятиями? Надо было заранее предвидеть много неприятностей. Если бы здесь существовала полная гармония, марсиане сами решили бы все свои проблемы и обошлись бы без нас.

— Как можно было принять в штыки посланцев мира? Как можно столько дней держать их в заключении неизвестно почему? бушевал Владимир. — Мы никому не причинили зла, а нас хотели уничтожить, вынудили к борьбе. Как это можно? И не пора ли нам пересмотреть кое-какие взгляды!..

— Вырваться из плена и поскорее наутек? — насмешливо бросил Ли Сяо-ши.

— Быть может, и так, — вскипел Владимир. — Нельзя проповедовать христианскую мораль: тебя ударили по правой щеке, подставь левую... Мы преждевременно приехали сюда. Марсиане еще не созрели для получения помощи Земли!

— Вовсе неверно! — возразил Яхонтов. — Надо рассуждать объективно. На Марсе есть общественные группы, которым наше появление действительно не сулит ничего хорошего, и они желают нас устранить. Везде идет борьба. Чему здесь удивляться и на кого сердиться? Но существуют другие силы, для которых мы — друзья.

— И вы хотите оставаться здесь. Зачем?

— Как зачем? Во имя подлинной, высокой человечности! Мы будем бороться за правоту наших идей. Совсем недавно я сам, старый человек, проповедующий гуманизм, боролся как зверь. Мы и дальше будем бороться с тем мертвым, что желает уничтожить живое, бороться во имя жизни! Мы ни на секунду не забудем о своей благородной миссии и будем изо всех сил помогать передовому, прогрессивному. Неужели теперь, когда перенесли так много, мы откажемся от главного? Неужели мы откажемся от своей миссии из-за того, что нас неприветливо встретили? Ведь, кроме Иргана и Ассора, на Марсе есть и другие. Разве возрождение Марса не заслуживает наших трудов?

Глаза Яхонтова светились глубоким внутренним убеждением. Забывая о личных невзгодах, он был во власти одной идеи — идеи великой дружбы соседних миров, ради которой они пустились в трудную и опасную экспедицию.

— Не узнаю тебя, Владимир! — вмешалась Наташа. — Ты рассуждаешь, как обиженный школьник.

— К тому же действительность не так плоха, — добавил Ли Сяо-ши. — До сих пор мы все живы и здоровы, если не считать пустяковых царапин. Несмотря на происки врагов, нам удалось собраться вместе. У нас есть довольно могущественные друзья.

Владимир не ожидал таких бурных возражений и немного растерялся. Поняв, что неправ и хватил через край, он сразу остыл.

— Ну ладно, ладно! — миролюбиво произнес он. — Немного поторопился. Признаюсь!..

Появление трех жрецов храма Неба придало мыслям астронавтов иное направление.

— Пришельцы со Звезды Тот, — произнес один из них, — вы ищете убежище в храме Неба?

— Да! — ответил Яхонтов. — Таков древний закон Анта.

— Велик закон, — подтвердил жрец, — незыблем! Но вы, чужеземцы, нуждаетесь в пище и воде, вам трудно переносить холод. Пойдемте! Боги Анта великодушны и справедливы, они помогают всем, кто нуждается...

Космонавты не заставили себя просить. Проворно поднявшись, они последовали за жрецами. В глубине храма им указали просторное помещение, лишенное мебели, но теплое и светлое.

— Здесь вы будете в полной безопасности, — пояснил жрец и удалился. Через несколько минут двое жрецов принесли кувшин с водой и сосуд с горячей пищей.

К утру следующего дня путешественники немного отдохнули. Наташа использовала часть воды, чтобы промыть раны и обтереть лица товарищей. Паршин с помощью Владимира сумел побриться. Его здоровье заметно поправлялось. Женщины ухитрились привести в порядок одежду, зашить и почистить комбинезоны у всех участников экспедиции.

Вскоре после завтрака послышались отдаленные звуки музыки. Топот бегущих ног раздался в коридоре. Дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошел жрец.

— Посланник Великого жреца, — задыхаясь от бега, произнес он, — желает видеть пришельцев со Звезды Тот.

— Ну что же, — ответил Яхонтов, — сейчас мы придем. Как лучше — спросил он, обращаясь к остальным, — идти всем сразу, или я один поведу переговоры?

Решили пойти к выходу все, пятеро должны были остаться в дверях, а Виктор Петрович — спуститься по ступеням и начать переговоры. В этом случае можно было быстро прийти на помощь, если Ассор придумал какую-нибудь ловушку.

Группа жрецов ожидала внизу, у подножия храма. Один из священнослужителей вышел вперед и стал подниматься по ступеням.

Яхонтов остановился на верхней площадке. Его высокая фигура была видна всем. Черный комбинезон заметно выделялся на фоне светло-желтой стены. На площади собралось много марсиан. Среди них можно было заметить фотографов.

«Эге! — подумал Виктор Петрович. — О наших делах узнают многие. Избежать гласности Ассору не удалось, а это нам на пользу».

Жрец поднялся наверх, остановился в нескольких шагах от него и торжественно спросил, очевидно, повторяя условную формулу:

— Чего хотите вы, нашедшие убежище у престола богов Анта?

Яхонтову, как и другим астронавтам, была очень не по душе вся эта обрядность, излишняя помпезность в речах и манерах, архаичные одежды, порядком смахивающие на театральную бутафорию, но таковы были здешние обычаи, с которыми следовало считаться. Он попытался ответить принятым здесь напыщенным языком.

— Справедливости, — отчетливо произнес он. — Одной лишь правды желают пришельцы со Звезды Тот! Мы прибыли сюда не по своей прихоти — нас позвали. Дело Великого суда установить, было ли приглашение. Мы пришли как гости, без оружия, охваченные благородным стремлением помочь жителям Анта, если это окажется в наших силах. Мы пришли как друзья, а нас преследуют. Пускай нас выслушает Великий суд, пускай весь народ услышит нас!

— Мы поняли просьбу нашедших убежище у престола богов Анта, — ответил жрец. — Святая церковь немедля скажет свое слово.

Он повернулся и сошел вниз. После короткого совещания с другими жрецами он снова поднялся на верхнюю площадку и объявил:

— Служители богов вняли вашей просьбе. Священные законы Анта непоколебимы! Великий суд будет созван. Кто ищет правды в пределах Анта — найдет ее!

Еще в древние годы, когда на Марсе жизнь била ключом и существовали демократические свободы, было построено огромное сооружение для проведения праздников, спортивных игр и различных торжественных церемоний. Здесь же собирался Великий суд.

За чертой города, в глубине долины с пологими склонами, был выстроен огромный амфитеатр. Сотни рядов длинных скамеек

поднимались вокруг эллиптической арены. На них одновременно могло разместиться около двухсот тысяч марсиан.

Четыре каменные статуи колоссальных размеров стояли у главного входа. То были изображения богов Мудрости, Справедливости, Радости и Печали, под знаком которых и происходили собрания народа. Внутри, высоко над местами для простых граждан, находилась украшенная золотом большая ложа для главных лиц государства.

Грандиозное сооружение — немой памятник былого величия Анта — давно уже пришло в упадок. Песок и ветер повредили скамьи, и никто не убирал груды песка и пыли, скопившиеся в проходах за последние десятилетия. Изваяния богов накренились и потрескались, позолота потускнела. Прошли века с тех пор, как состоялось последнее общенародное празднество. И Великий суд не собирался много десятков лет.

Но законы Анта считались абсолютными и незыблемыми. Как ни велика была ярость, душившая Ассора, но и он был вынужден соблюдать хотя бы видимость закона. Теперь уже нельзя было скрывать от народа тот факт, что в Анте находятся разумные существа, прибывшие из другого мира.

Радиосвязь, достигшая на Марсе достаточного совершенства, разнесла это сообщение по всей планете. Экстренные выпуски газет — иначе нельзя было назвать серые валики с записью статей и цветных изображений — передали во все концы требования космонавтов. Каждый мог видеть пришельцев со Звезды Тот, слышать голос их руководителя. Любой гражданин Анта по закону имел право занять место на одной из скамей амфитеатра и принять участие в суде.

Понятно, что в день Великого суда еще до рассвета, несмотря на суровый даже для Анта мороз, все места были переполнены, а желающие все видеть и слышать прибывали и прибывали. Не только скамьи — все окрестные склоны долины были черным-черны, когда началось торжественное шествие судей.

Жрецы храма Неба в парадных пурпуровых одеждах заполнили отведенную для них ложу. Маленький марсианин появился на возвышении. Пронзительные сигналы разнеслись по всей долине.

— Внимание и почет! — кричал он, а мощные усилители во много раз громче повторяли его слова. — Внимание и почет! Идут представители народа — члены Совета Мудрейших, идут члены Совета Мудрейших!

Представители первой палаты парламента Анта в черных одеждах с серебряными украшениями прошли на свои места. Среди них был и Элхаб. Шум поднялся среди толпы, приветственные возгласы неслись со скамей. Откуда-то раздавались крики протеста.

— Внимание и почет! — надрывался герольд. — Внимание и почет! Идут члены Совета Наблюдателей, идут члены Совета Наблюдателей!

Небольшая группа марсиан в ярко-алых одеждах безо всяких украшений прошла в ложу. Шум толпы начал затихать.

Вокруг к небу понеслась совершенно дикая для уха жителей Земли музыка. При последних аккордах в главной ложе над входом появились Владыки Анта.

Впереди шел Ирган. Его одежда горела золотом, трехрогая корона сверкала на солнце. Следом за ним в серебряной одежде и короне шествовала Матоа. Третьим был Ассор. Великий жрец, как всегда, горбясь и раскачиваясь на ходу, шел рядом с Матоа. По установленному порядку он не имел права ни обгонять королеву, ни отставать от нее. Яркие синие одежды с золотым шитьем делали первосвященника хорошо заметным издали.

Марсиане молчали. Они не имели права выражать свое мнение при появлении Владык.

Снова разнеслись мощные трубные сигналы. Это означало появление на специальных скамьях против главного входа девяти членов Великого суда. Они должны были решать дела по собственному разумению, но с обязательным учетом голоса народа, от имени которого мог выступать любой до тех пор, пока общий гул голосов не означал, что его выступление должно быть закончено. Судьи, прислушиваясь к толпе, учитывали, в пользу оратора или против него складывается общественное мнение.

Председатель Великого суда, назначенный на этот пост много лет назад в награду за какие-то услуги, был глубокий старец. Он никогда в жизни не исполнял своих почетных обязанностей и был уверен, что

сойдет в могилу, ни разу не участвуя в столь серьезном деле. Однако судьба бросила его в самый центр событий. За три последних дня он еле успел заучить порядок ведения заседаний.

Над толпой разнесся старческий голос:

— Незыблемы великие законы Анта. Каждый, кто в поисках справедливости нашел убежище под сводами храма Неба, имеет право требовать созыва Великого суда. Много-много лет не возникала необходимость в его созыве. Никто и никогда не мог сказать, что в стране Анта нарушена справедливость. Обычных судов было достаточно для разбора спорных дел и защиты прав граждан. Теперь в нашем государстве появились чужеземцы, прибывшие, по их словам, со Звезды Тот. Они ищут правды! Они ее найдут, ибо велик закон! Введите тех, кто ищет!

С этими словами он опустился в кресло.

Тогда на арену вышли космонавты. Шум, похожий на гул налетевшего ветра, пронесся над громадным амфитеатром. Три громких удара сигнального гонга восстановили тишину, вибрирующие звуки растаяли вдалеке.

— Говорите, чужеземцы, — снова послышался голос председателя, — говорите! Великий суд начался!

Маленькая горсточка людей стояла посреди арены перед лицом возбужденной, взволнованной толпы. Это были существа безусловно разумные, но обитающие на другой планете, имеющие свое особое миропонимание, особое представление о морали, правде, справедливости...

Космонавты знали, что среди марсиан они имеют много сильных врагов, располагающих огромной властью и поддержкой жрецов. Единственным оружием путешественников была правда.

Только сознание собственной правоты придавало им уверенность в себе. Они прекрасно понимали, что теперь перед ними встал вопрос жизни и смерти. Настроение народа, воспитанного веками в духе рабского преклонения перед авторитетом духовных и светских владык, легко могло склониться в пользу Ассора, тем более что все симпатии членов Великого суда, которым принадлежал решающий голос, безусловно, были на стороне правящей клики. Если Великий суд

признает, что существа, прибывшие с другой планеты, объективно являются врагами, хотя они и заявляют о своих мирных намерениях, то никакая сила в Анте не поможет сохранить им жизнь.

Прекрасно понимая все это, они все же не испытывали страха. Порой происходящее казалось им просто плодом больного воображения. Так невероятно было все окружающее: темно-лиловое небо, жгучий мороз под лучами яркого солнца, гигантский амфитеатр, вызывающий воспоминания о древнем Риме, толпа странных маленьких существ, и похожих и не похожих на людей.

Академик Яхонтов, начальник экспедиции, отчетливо сознавал, какая большая ответственность ложится в этот миг на его плечи. Ведь именно он должен объяснить этой многоликой и чужой ему толпе, на чьей стороне подлинная правда. Уверенной твердой походкой он подошел к возвышению. Гигант по сравнению с марсианами, с длинной седой бородой, он высился над трибуной, казавшейся сейчас совсем игрушечной.

Установилась напряженная тишина. Громкий голос ученого отчетливо звучал над толпой.

— Ко всему народу Анта, к вам, членам Совета Мудрейших, к вам, членам Совета Наблюдателей, к вам, членам Великого суда, мы обращаемся со словами привета! — начал он. — Мы принесли вам привет от жителей далекой планеты, которую здесь называют Звезда Тот. Я начинаю со слов привета, потому что мы прибыли сюда как посланцы дружбы. Народ Анта велик и славен. Глубокими знаниями обладают ваши ученые и замечательные инженеры, создатели удивительных сооружений и великолепных машин и механизмов. Мы признаем их талант, уважаем эти знания и заявляем, что нам — ученым Звезды Тот — есть чему поучиться у лучших сынов и дочерей народа Анта. Но в нашем далеком мире, имя которому Земля, наука, техника, искусство тоже находятся на высоком уровне. Есть области знаний, где наша наука идет впереди. Об этом свидетельствует наше появление здесь. Нет сомнений, что дружеская взаимопомощь могла бы оказаться полезной для обеих сторон. Правильно сделали некоторые ученые страны Анта, когда они подали знак, истолкованный нами как призыв к общению, как знак дружбы. В час, когда наши планеты

были всего ближе, мы увидели этот знак и поняли его. Мы прибыли сюда не в качестве захватчиков, желающих напасть на вас. Нет! Мы прибыли безоружные, как друзья, горя одним желанием — протянуть руку братской помощи. Не все хорошо и благополучно в вашем мире. Суровая природа Анта во многом враждебна вам, и силы ваши не всегда достаточны для борьбы с ней. Союзники в благородном деле покорения стихийных сил природы могут быть вам полезны. И мы пришли сюда с открытым сердцем. Что же сделали ваши Владыки, а с ними и служители богов? Они схватили нас, посланцев мира, как врагов! Долгие месяцы держали в темнице, пытались сохранить в тайне от народа наше появление, обращались с нами как с преступниками, готовились убить! За что, почему? Какую вину перед народом Анта должны мы признать? Никто не дал нам ответа на эти вопросы. Вынужденные бороться за свою жизнь, мы бежали из заточения. Защищая себя, пролили кровь ваших граждан, но это была законная самозащита. Мы нашли убежище в храме Неба и прибегаем к защите вашего закона. Мы не совершили никаких преступлений, мы ищем справедливости, требуем свободы! Если вы считаете, что мы здесь не нужны, дайте нам возможность вернуться.

Гробовое молчание несколько мгновений продолжалось после этих слов. Трудно было найти возражения против убедительной речи.

— Пускай говорит тот, кто заточил этих людей в темницу, слабым, дрожащим голосом провозгласил председатель. — Суд хочет знать, в чем их вина.

На трибуну поднялся Ассор. Он оглядел весь амфитеатр маленькими колючими глазками, выждал, когда затихнет шум, возникший при его появлении, и поднял костлявую черную руку, требуя полной тишины.

— Высший закон Анта есть воля его Владыки! — начал он скрипучим голосом. — Таков порядок, созданный богами. Единая могучая воля, направляющая миллионы к одной цели, независимо от их личных желаний и стремлений, — вот источник силы и могущества нашего народа. Каждый должен быть бессловесным и безвольным в руках своего начальника — таков принцип, оправданный историей, подтвержденный опытом многих поколений. Именно такой порядок,

установленный в самые древние времена, и создал некогда расцвет и великолепие страны Анта. Гибли тысячи жизней, но росло и крепло государство! Великая смута начнется в нашей стране, неисчислимые бедствия произойдут в мире, если этот порядок, установленный Высшим Разумом, будет нарушен. И вот сейчас злобные силы врагов пытаются поколебать древнейшие разумные устои. В одном пришельцы правы — знак был подан. Нечестивый Элхаб — смутьян и богоотступник — нарушил приказ Владыки и самовольно послал сигнал! — Здесь голос Ассора достиг по силе яростного крика. — Пришельцы правильно его истолковали. Может быть, помыслы их и чисты, но, независимо от собственной воли, они несут угрозу государству. Смятение умов, тяжелый грех сомнений — вот что несут с собой чужеземцы. Неверие в богов, неверие в законы — это страшный яд, готовый отравить нестойкие умы! Но есть над всеми Высший Разум! Мудрый Владыка сумел разгадать все помыслы врагов. Навстречу были высланы войска. Никто не жаждал крови чужеземцев. Их встретили достойно и радушно, но поместили в замке Тонга-Лоа, предупреждая тем общение с народом. Незрелые умы не готовы были принять их. Святая церковь решила правильно: сначала дать осмотреться пришельцам, постигнуть наш язык, понять устройство государства и только после встретиться с народом. Так говорил приказ Владыки. Он радушно предложил им кров, питье, пищу!.. Ирган издал закон... А что они сделали! При помощи врагов они бежали. Забыли долг гостей, отвергли заботы государства, нарушили закон! Сначала, кажется, совсем немного, но святая церковь мудро учит нас: в большом и малом, безразлично, устои Анта незыблемы. Едва ступив на путь неподчинения, злодеи-чужеземцы пролили кровь защитников закона... Пять сотен вдов и маленьких детей вопиют о мести перед небом... В наш тихий мир вошло несчастье! Чужеземцы должны быть казнены! Так думает святая церковь Анта!..

Выкрикивая последние слова, Ассор грозными жестами указывал на небо, как бы призывая в свидетели богов.

Космонавты слушали, стараясь ничем не выдавать своего волнения, хотя прекрасно понимали, что речь Ассора, полная ненависти,

не может не произвести впечатления. Владимир незаметно прикоснулся к Наташе, как бы желая сказать, что он здесь.

— Мы слышали слова сторон, — произнес председатель. — Кто хочет говорить?

— Я! — крикнул Элхаб.

Уверенной походкой он прошел к трибуне.

— Святы и нерушимы законы Анта, но не боги создают их, а сам народ, — громко начал он. — Лишь он вправе решать, где истинная мудрость, где подлинная правда и где ложь. Слова Ассора полны дикой злобы. И он неправ. Не благо государства, а собственный престиж заботит его. Пришельцы невиновны. Это я подал знак — и они пришли как гости...

— Зачем ты звал их без моего согласия? — прогудел над амфитеатром могучий бас Иргана.

— Как ты смел, Элхаб, нарушить запрещение? — истерически закричал Ассор. — Вот кто колеблет устои Анта, вот подлинный преступник и злодей!

— Народ нас рассудит! — спокойно возразил Элхаб. — А я здесь скажу, что Ирган и Ассор ведут страну прямо к смерти! Ссылаясь на богов и на древние законы, они установили жестокий террор. Ант был прежде славен, а сейчас бесплодные пустыни вместо нив, руины засыпанных песком городов, великие каналы разрушены. По милости Иргана нас лишили последних радостей: любви, семьи и брака. Пройдет несколько веков — и вокруг Солнца будет вращаться холодная, мертвая планета, когда-то полная жизни, счастья и довольства. Кто может мне сказать, что я неправ? Что же делать дальше? Ответ один: надо построить мир иначе! Счастье не может прийти само. Могут сказать, что у нас не хватит сил. Сейчас мы слабы, но мы не одни на свете. Ближе к Солнцу есть другой мир... Мне дорог наш народ, и я вопреки запрету подал сигнал. Вот перед вами результат: призыв услышан, и к нам прибыли разумные существа, обитатели Звезды Тот. Пусть все видят, как слеп Ассор! Но Ирган решил по-иному. Он обманул народ — скрыл приход друзей! Хуже нет преступления!..

Элхаб закончил. Его рука, протянутая к ложе Владыки, как бы указывала, где находятся подлинные преступники. Ассор потерял всякую власть над собой.

— Элхаб преступник! — визжал он. — Он сейчас сам признал, что вопреки запрету подал сигнал чужеземцам! Судить его!.. Немедленно!.. Пускай он скажет, путем какой измены пришельцы смогли бежать из наших тюрем. Элхаб изменник!.. Судить его! Казнить!

Испуская истерические вопли, Ассор не забывал присматриваться к толпе. Он надеялся, что авторитет церкви стоит достаточно высоко и ярость народа будет направлена против Элхаба. Священнослужитель рассчитывал одним ударом уничтожить не только космонавтов, но и самого опасного своего противника. В расчете на это он рискнул созвать Великий суд.

По закону только Великий суд имел право вывести Элхаба из Совета Мудрейших и лишить неприкосновенности. К этому и сводилась затаенная мечта Ассора.

Но произошло событие, совершенно невероятное, неслыханное во всей тысячелетней истории Анта. Его не мог предвидеть даже хитроумный Великий жрец.

Яростные вопли Ассора вдруг прервал вибрирующий звук сигнального колокола. Старый жрец остановился на полуслове, толпа замерла в предвидении необыкновенных событий. Тогда над притихшим амфитеатром прозвучал низкий, мелодичный, казалось, из самого сердца идущий голос Матоа.

— Постой, Ассор, — отчетливо сказала она, — теперь я хочу говорить! Час мой настал! — вполголоса добавила она, обращаясь к Иргану.

Медленно и величественно она поднялась на трибуну. Элхаб. еще стоявший там, поспешно уступил ей место.

— Слушай, Ирган, мой супруг и Владыка, слушай, хитрый Ассор, слушайте, все вы, граждане Анта! — Голос Матоа, не громкий, но звучный, раздавался во всех концах амфитеатра среди полной тишины. — Мы — правители Анта — облечены огромной властью. Велика и ответственность, которая лежит на нас. Королева Анта не может молчать, она обязана говорить все, что подсказывает ей совесть. И я заявляю перед лицом народа, перед Великим судом; истинная правда заключается в словах Элхаба. Ужасные судьбы ожидают нашу страну, если и дальше идти по пути Ассора и Иргана. У нас нет сил продолжать борьбу с суровой природой. Мы обречены на смерть через несколько поколений, если не получим помощи других миров. Мы храним эту истину в глубокой тайне от вас, стремясь на своих плечах вынести

всю тяжесть беспощадной правды, но это невозможно! Пришельцы со Звезды Тот действительно обладают знаниями и силой, чтобы помочь изменить трагические судьбы нашего мира. Я это знаю! Ассор спросил, путем какой измены чужеземцы сумели бежать ид тюрьмы. Я могу ответить: моя рука раскрыла дверь темницы! Да! Это я спасла пришельцев, дала им планы подземелий, пустила в ход секретные приборы. Я сознательно нарушила закон, потому что так требовала моя совесть! Я сказала!

Матоа не спеша проследовала по арене, медленно поднялась по лестнице и опустилась в свое кресло. Она казалась совершенно спокойной. Только ее черная кожа стала немного светлее и приобрела синеватый оттенок да грудь вздымалась часто и неровно.

Изумленные космонавты выслушали ее речь, не проронив ни слова. Они ожидали всего, чего угодно, кроме такого выступления. Особенно поражен был Владимир.

Несколько минут гробовая тишина стояла над амфитеатром. Потом вдруг поднялся шум. Марсиане вскочили со своих мест и что-то кричали. Слышались возгласы: «Да здравствует Матоа!», «Долой Иргана!». «Смерть Ассору!», «Свободу чужеземцам!», «Да здравствует Элхаб!» Одновременно, сторонники Великого жреца, которых было в толпе более чем достаточно, орали: «Смерть чужеземцам!», «Долой Элхаба!», «Судить королеву!», «Законы Анта созданы богами!», «Не допустим смуту!» и многое другое.

Сигнальные колокола гудели не переставая, но их звуки терялись в хаосе криков и шарканье ног по каменным ступеням. С большим трудом удалось восстановить тишину.

— Спокойствие! — кричал председатель. — Спокойствие! Спокойствие! Члены Великого суда удаляются, чтобы принять решение. Завтра мы соберемся вновь! Завтра продолжим заседание!

Согласно закону. Великий суд обязан был принять решение здесь же, прямо перед лицом народа. Теперь, когда выявились такие неслыханные обстоятельства, суд решил изменить порядок процедуры.

Неожиданная отсрочка вызвала бурный взрыв негодования, но члены Великого суда удалились, пугливо озираясь по сторонам. Никто и предполагать не мог, что разбор дела вызовет такое

беспримерное волнение. Обычно любые решения высших органов власти принимались беспрекословно, как абсолютная истина. Теперь было над чем подумать.

Убедившись, что заседание Великого суда прервано, народ стал расходиться.

Безмолвные жрецы проводили космонавтов под своды храма Неба. Элхаб уехал, окруженный стражей.

Заседание Великого суда происходило в замке Ассора. Определенного порядка процедуры не было. Каждый просто высказывал свои соображения.

— Пришельцы не знали закона и явились к нам по приглашению Элхаба, значит, они невиновны, — сказал один.

— Вторжение в пределы Анта не их вина, — рассудил другой, — но они пролили кровь, а потому достойны казни.

— Они защищали собственную жизнь. Это законная самооборона, — возразил третий.

— В стране Анта существует справедливость, и надо, чтобы весь народ был в этом убежден, — высказался четвертый. — Чужеземцы ищут правды. Они явились на суд в качестве истцов. Мы имеем право признать их претензии неосновательными. Но нельзя же истца превратить в обвиняемого!

— Если бы это было обычным судебным заседанием, ничего бы не было проще, — мрачно улыбнулся следующий оратор. — Но здесь приходится считаться с волей народа...

— Тем более, что вообще нет причин для казни. Ведь они прибыли с добрыми намерениями — сказал еще кто-то.

— Пришельцы невиновны, но закон не должен быть нарушен, — послышался чей-то старческий голос.

Установилось молчание. Никто не решался подвести итог обсуждению.

— Что ты скажешь, премудрый Игни? — с надеждой спросил председатель, явно не способный к самостоятельному решению.

Маленький старый марсианин, сидевший в центре, поднял голову.

— Владыка Анта — носитель Разума, — дрожащим, слабым голосом произнес он. — Он решил, что чужеземцы могут жить, но скрытно от

народа. Это было мудро. К чему нам искать что-либо другое? Великий суд подкрепит своим решением Владыку. И это будет на благо государства.

Раздался троекратный стук молотка.

— Пусть будет так! — промолвил председатель. — Теперь решим судьбу Матоа.

Установилось длительное молчание.

— Здесь законы Анта неправомочны, — произнес кто-то.

— Жена Владыки неподсудна, говорит закон, — бросил один из судей.

— Поступок королевы ставит ее вне закона, она вполне достойна смерти, — заявил другой.

— Нарушены устои власти! Лишь смерть будет достойной карой!

— Простить Матоа невозможно!

Реплики следовали одна за другой, но случай был действительно из ряда вон выходящий. Никто не возражал, что Матоа, нарушившая самые основы закона, должна быть лишена жизни. Сомнение заключалось в том, насколько велики права суда. Никто не хотел брать на себя всю тяжесть ответственности.

— Мы не имеем власти казнить королеву, — резюмировал один из судей.

— Но вправе дать свою оценку, — добавил другой.

Председатель снова обратился к Игни.

Древний старец подумал и ответил:

— Пускай судьбу Матоа решают Ирган — муж и Владыка, Ассор — его словами скажет церковь и Тимбал — глава Совета Мудрейших, который выразит мнение народа как избранник.

— А мы почтительно доложим, что суд находит ее достойной казни, — послышался чей-то голос.

Снова раздался троекратный стук молотка председателя:

— Пусть будет так!

13. Крушение древнего анта

За окнами чуть брезжил рассвет. Голая безжизненная равнина, оцепеневшая от мороза, уходила в бесконечную даль. Пусто и одиноко было вокруг. На фоне овального окна виднелся силуэт женщины. Снова Матоа провела долгую бессонную ночь. Нынче она даже не ложилась. Она хорошо знала свою страну, ее нравы и обычаи, прекрасно разбиралась в уловках жрецов и ничуть не сомневалась в своей участи. Нелегко примириться с мыслью, что молодая жизнь скоро оборвется, но другого выхода у нее не было.

Захваченная потоком грустных размышлений, она была далеко отсюда и не видела, что происходит вокруг. Уже давно бесшумно распахнулась дверь опочивальни. На пороге появился Ирган. Он прошел тем самым коридором, где совсем недавно, также на рассвете, она возвращалась из его кабинета. Владыка Анта молча стоял в дверях и смотрел. Потом приблизился, неслышно ступая по мягкому ковру, опустился на колени и прижал горячую, воспаленную голову к нежной руке подруги, бессильно лежащей на подушках кресла. Матоа подняла глаза.

— Зачем ты здесь? — Взгляд ее был задумчив и печален.

— Пойми!..

— Чего ты хочешь?

— Спасти тебя!

— Как? Да и зачем?

— Откажись от заблуждений! Вырази покорность богам, склони голову и моли простить тебя.

— И тогда?..

— Суд примет мое ходатайство и заменит смерть изгнанием.

— Я не боюсь смерти, я к ней готова.

— А как же я? — спросил он негромко. Столько простой тоски светилось теперь в его глазах, что Матоа впервые за много лет почувствовала себя любимой.

— Не все ли тебе равно — тюрьма или могила? — печально сказала она. — Ведь мы не будем вместе.

— Я пойду с тобой всюду...

Матоа долго молчала. Сейчас, в бледных лучах рассвета, Ирган показался ей другим — гораздо ближе, проще и человечнее. За властными чертами его лица вдруг появилось что-то новое, никогда прежде не виданное — перед нею на коленях стоял не Владыка Анта, а мужчина, который по-своему, но искренне и сильно любил ее. На миг мелькнула мысль, что они еще могут понять друг друга.

Матоа обняла мужа, привлекла ближе его крупную голову и, стараясь проникнуть взглядом в самую глубину его глаз, сказала горячо и проникновенно:

— Пойми, Ирган, дело не в тебе! Мы в оковах, под гнетом церкви. А я верю в народ. Открой ему дорогу. Видишь — там рассвет! Ведь это символ Анта.

Ирган поднялся и подошел к окну. Заложив руки за спину, он задумчиво смотрел вдаль.

А Матоа продолжала говорить, пытаясь объяснить свои переживания, сомнения, мечты:

— Есть ведь другая жизнь, существует мир, где ярко светит Солнце. И люди там счастливее и добрее.

Последние слова произвели на Иргана впечатление удара. Он резко обернулся и сжал кулаки, на лице появилось выражение неукротимой ярости. Задыхаясь от приступа дикой ненависти, он прошептал:

— Так вот в чем дело! Проклятый чужеземец!..

Матоа смотрела на обезумевшего мужа по-прежнему спокойно, но отчужденно. Несколько мгновений он стоял молча, с округлившимися от злобы глазами.

— Люби его в могиле! — заревел он и бросился из комнаты. Матоа бессильно откинулась на спинку кресла.

Ирган бежал по коридору, ничего не видя. Распахнув дверь кабинета, он ворвался внутрь и бросился в кресло.

Утро уже вступило в свои права. Зеленоватый полумрак позволял видеть стол, кресла, металлические барельефы на стенах и мрачные изображения богов. Ирган долго сидел неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Негромкий звук, похожий на кашель, вывел его из забытья. Перед ним сидел Ассор.

— Зачем ты здесь? — проговорил Ирган, приходя в себя. — Кто тебя звал?

— Святая церковь всегда с тобой, — смиренно ответил тот.

— Мне тяжело, старик! — Ирган смотрел куда-то мимо своего собеседника.

— Я знаю! Нелегко убедиться в измене...

Глаза Иргана вспыхнули гневом.

— Матоа мне верна, я в этом не сомневаюсь!

— Как мужу — да! — холодно произнес Ассор. — Но как повелитель государства ты обманут!

— Что ты хочешь сказать?

— Украдкой, ночью, — продолжал жрец, — она вошла сюда. Ты доверил ей секреты государства. Увы! Ты раскрыл эти тайны не в добрый час... Матоа выкрала чертеж подземной тюрьмы... Да, так было!

— Откуда ты знаешь это? — Ирган смотрел на жреца холодно и подозрительно. Кривая усмешка появилась на тонких губах священнослужителя.

— Старый Ассор знает все на свете...

Последовала долгая пауза.

— Моя вина велика! — глухо произнес Ирган, опуская голову.

— Святая церковь тебя простит... Но ты обязан быть выше своих чувств! Правитель должен карать измену, не зная жалости. Заглуши голос сердца... во имя государства!

Ирган поднял на Ассора тяжелый, потухший взор, стараясь проникнуть в замыслы старика.

— Великий суд признал, что надо казнить Матоа, — продолжал Ассор. — Однако приговор издать нельзя: правители выше всех законов. Ее судьба в твоих руках...

Владыка Анта смотрел на старого жреца взглядом, полным смертельной тоски. Так смотрит загнанный зверь, когда видит, что все кончено.

— Мне нужен твой совет, — глухо сказал он. — Неужели своей рукой...

В глазах Ассора появилось выражение презрения.

— Надо быть жестоким, — холодно произнес он, — другого пути нет!

— Что думает Тимбал? — спросил Ирган, делая последнюю попытку избежать развязки.

— Вот его подпись!

Костлявый старческий палец указал на роковой знак. Несколько мгновений Ирган смотрел на документ, затем оглянулся, как бы пытаясь найти выход. Одни лишь чудовищные боги стояли вокруг и глядели холодными, бесстрастными глазами. Им было все равно.

Дрожащими руками Ирган взял перо, не глядя, подписал приговор, тут же вскочил и, стиснув голову руками, закричал:

— Уйди! Скорее уйди!

Испуганный Ассор выбежал из кабинета. А Солнце выглянуло из-за горизонта и начало свой путь по небу Анта, как будто ничего не случилось.

Космонавты провели эту ночь в мучительной тревоге. Наконец настал день, когда все должно было решиться. Суровая природа Марса отметила приближающееся событие жестоким морозом. Когда Ли Сяо-ши вышел из портала храма поглядеть, что происходит, красный столбик спирта его термометра опустился до 80 градусов ниже нуля. Серебристая пелена морозной дымки на этот раз отсутствовала. С высокого подножия храма открывался широкий вид на пустынную равнину. Темно-красные, багровые, пурпуровые и желтые пески, озаренные лучами Солнца, тянулись до самого горизонта, горели яркими красками под темно-лиловым куполом неба.

Ли Сяо-ши поглядел в ту сторону, где далеко-далеко виднелся амфитеатр. Марсиане нескончаемым потоком шли к месту Великого суда. К моменту прибытия космонавтов все скамьи были заполнены. Для пришельцев со Звезды Тот отвели место на арене, где стояли несколько скамей.

Количество марсиан, выделенных для охраны космонавтов, было намного больше, чем накануне. Кивком головы Владимир указал товарищам на стражников. Яхонтов выразительно пожал плечами и в свою очередь обратил внимание на ложу верховных правителей. У барьера сидел Ирган, немного сзади — Ассор. Космонавты и не ожидали

после вчерашних событий увидеть Матоа, однако ее отсутствие отозвалось в их сердцах тяжелыми предчувствиями.

Церемониал открытия заседания был таким же, как вчера, но шестерых искателей правды привезли позднее, когда все уже сидели на своих местах. Едва они появились на арене, прозвучал сигнал, председатель суда поднялся из-за стола и прямо приступил к чтению приговора.

Его голос, усиленный во много раз, звучал среди полной тишины и был отчетливо слышен во всех уголках огромного сооружения.

Космонавты равнодушно прослушали всю вводную часть, изложенную характерным для Анта высокопарным слогом, радуясь только тому, что успели хорошо овладеть языком и понимали каждое слово. Не скоро председатель добрался до существа дела и огласил заключительную часть приговора:

— Великий суд решил, — читал он монотонно, — чужеземцы невинны, но Ирган мудро повелел им жить в темнице, чтобы тлетворный дух сомнений не смущал умы. Когда наступит час, мы вернем их обратно. Великий суд признал, что так будет справедливо!

Огромный амфитеатр загудел. Одни выражали свое негодование, другие, наоборот, восторженно приветствовали решение. Разобраться в нестройном хаосе звуков было невозможно. Председатель прекратил чтение.

Космонавты вскочили. Они пытались протестовать, но стража начала угрожать оружием. Яхонтов жестами старался успокоить своих товарищей.

Раздавались беспрерывные сигналы, но их никто не слушал.

Наконец над затихшим амфитеатром снова послышался старческий голос председателя. Космонавты уловили, что речь идет о судьбе Матоа. Бесстрастно, отчетливо и немного нараспев старик выговаривал каждое слово:

— ...Великий суд с прискорбием отметил, что начертанный волею богов закон грубо нарушен самой королевой. Поправ завет мудрейших, она дерзнула открыть чужеземцам темницу, нарушив тем приказ Владыки. С согласия суда приговор ей подписан. Рука Верховного Владыки не дрогнула: уделом королевы будет смерть!

На скамьях послышались возгласы возмущения. Многие встали с протестующими криками. Стражники бросились по рядам, стараясь навести порядок. А дряхлый старик за столом судей закончил по-прежнему безучастно:

— ...Человек преступен — королева священна. Ее высокий сан палач не смеет осквернить. Матоа должна принять смерть от собственной руки здесь, перед народом!

Он трижды стукнул молоточком. Усиленные во много раз удары прозвучали в тишине, как погребальный звон, пронеслись над толпой и затихли где-то вдалеке.

В самом дальнем конце, наверху высокой лестницы, прямо против ложи верховных правителей, показалась процессия: окруженная стражей шла Матоа. Издалека ее маленькая стройная фигурка в длинных черных одеждах с серебром казалась необычайно нежной и трогательной.

Она медленно совершала последний путь на глазах сотен тысяч граждан своей страны. Все единодушно, как будто этого требовал церемониал, поднялись и стоя следили за каждым ее шагом.

Служители поставили на трибуну серебряную чашу с ядом, который должна была принять осужденная. Твердой походкой Матоа поднялась на трибуну. Ее мелодичный грудной голос нарушил безмолвие:

— Великий и славный народ Анта! Моя судьба решена, я умираю. Умирающие говорят правду, им незачем лгать. И я говорю вам: путь, которым ведут страну Владыка и Верховный жрец, опасный. Он обрекает вас на смерть, а надо жить и быть счастливыми.

Она остановилась и обвела глазами амфитеатр, как бы разыскивая кого-то. Печальные глаза медленно скользили по рядам. Наконец она увидела космонавтов. Тесной кучкой они стояли совсем близко.

— Смерть меня не страшит, — продолжала она, не спуская глаз с Владимира. Синий свет, казалось, струился невидимыми лучами и проникал в самую глубину его взора. — И не страшит потому, что жизнь не имеет смысла, если ее не освещает любовь. Со мной случилось так, что настоящая, большая любовь пришла слишком поздно... И в мой смертный час я без стыда признаюсь в этом. Прощайте, все!

Неуловимо быстрым движением она подняла чашу и выпила смертоносный напиток... Раздался чуть слышный стон, и сразу туманная пелена смерти подернула чудесные синие глаза...

Космонавты были потрясены. Слезы катились по бороде Яхонтова, по смуглому, обычно бесстрастному лицу Ли Сяо-ши. Обе женщины, забыв о собственной судьбе, плакали навзрыд. Владимир стоял неподвижно, как статуя, не имея сил произнести ни слова.

И вдруг перед притихшим амфитеатром произошло событие, поразившее все, как молния. Во время речи Матоа Ирган стоял у края ложи. Трехрогая корона, украшавшая его голову, горела, как пламя. Он мрачно смотрел на происходящее. Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице, когда Матоа приняла яд. Не человек — суровый символ древнего Анта высился над притихшей толпой.

И вдруг наступившую тишину разорвал мучительный вопль, полный глубокой тоски. Этот ужасный крик вырвался из груди Иргана. Никто не успел понять, в чем дело. Он выхватил из складок одежды длинный и тонкий кинжал, блеснувший на солнце, и пронзил себе сердце.

Ассор бросился к нему, но было поздно. Мозг Великого жреца напряженно работал. Триумвират, управлявший государством, неожиданно и трагически распался. Надо было тотчас же принимать решение. Конечно, старый Ассор охотно взял бы на свои плечи бремя единоличной власти, но тогда нужно было бы и ответить за все перед народом, настроение которого выражалось достаточно ясно. Вера в непогрешимость церкви была подорвана. Ассор был хитрец, но вовсе не герой. Проторенная дорога интриг и обмана казалась ему куда более надежной. Он решил укрепить свой собственный престиж и выступить перед толпой в роли беспристрастного хранителя закона, далекого от личных интересов.

По его сигналу трехкратно прозвучали колокола. Народ гудел, как потревоженный улей, но едва Ассор направился к трибуне, установилась тишина. Резкий, пронзительный голос пронесся над толпой:

— Законы Анта, созданные богами, — мудры и незыблемы! Они говорят: если смерть по какой-либо причине постигнет Верховного Владыку, вся власть переходит к его жене на время, пока народ примет

решение. Если же рука смерти поразит обоих. Великий жрец обязан тотчас оповестить народ и в самый короткий срок предоставить ему возможность назвать имя нового Владыки. Он должен быть назначен из числа членов Совета Мудрейших. Таков закон, а я его слуга и хранитель. Пусть будет так, как велит закон!

У хитрого первосвященника просто не было иного выхода не хватало времени, а этот шаг, как ему казалось, укреплял авторитет церкви в глазах народа. Сперва все получилось точно по его расчету. Толпа испуганно затихла, ошеломленная событиями, затем одна и та же мысль овладела сознанием сотен тысяч марсиан.

Послышались многочисленные возгласы. Они сливались в общий шум, при котором нельзя было различить, кто что кричал. Затем стало выделяться одно и то же слово, повторяемое десятками, сотнями, а затем уже тысячами марсиан. Оно быстро овладело умами, заглушило остальные и слышалось все яснее и яснее.

— Элхаб, Элхаб, Элхаб! — слышалось отовсюду.

Ни у кого не оставалось больше сомнений в единодушном желании народа. Элхаб поднялся и уверенно направился к трибуне. Приветствующие его крики неслись со всех сторон. Он поднялся по ступеням, но прежде снял головной убор и низко поклонился телу казненной королевы.

Возгласы толпы перешли в рев. Такого поворота событий старый Ассор не предвидел. Он догадывался, кого назовет народ, но не ожидал такого единого порыва.

— Приветствую тебя, Элхаб! — произнес он, склоняясь перед новым главой государства.

Элхаб поднял руку, требуя внимания. Его звучный, сильный голос разнесся над толпой:

— По воле народа принимаю полную, неограниченную власть, ибо таков порядок, установленный богами! Воля Владыки — есть закон. Правду ли я говорю? — Он остановился, ожидая ответа.

Из толпы послышались крики:

— Правду, правду!

Новый повелитель Анта снова поднял руку, все стихло.

— Несчастная Матоа погибла без вины, в лице Иргана сошел в могилу древний Ант. Теперь мы должны пойти другой дорогой. Есть силы! Всю свою власть я обращу на пользу Анта. Мой первый приказ: гостей, прибывших к нам по моему зову, немедленно освободить! Пусть они будут окружены почетом!

— Да здравствует Элхаб! — ревела толпа. — Привет чужеземцам!

— Пусть будет так! — закончил новый Владыка.

Космонавты все еще стояли внизу. За короткое время произошло так много событий, что они не успели прийти в себя.

Толпа бросилась на арену. Стража не знала, что делать, чьи приказания выполнять. Один из солдат поймал устремленный на него взгляд Ассора, полный злобы и ненависти, и вдруг решился. Он выхватил меч и замахнулся на Индиру. Но Ли Сяо-ши успел схватить марсианина и отбросить его в сторону. Набежала толпа, стражники бросились врассыпную.

ЧАСТЬ III
МАРС ПРОБУЖДАЕТСЯ

1. Первые шаги

Несколько дней космонавты были предоставлены самим себе. Прямо из суда их на руках донесли к вездеходам и доставили во владения Элхаба. Несказанное наслаждение испытали недавние узники, находясь в теплом светлом помещении. Когда же они получили возможность вымыться теплой водой и надеть чистую одежду, кубок блаженства наполнился до краев.

О том, что происходило в мире, они узнавали через Янхи. Молодой марсианин каждый день приходил к обеду, рассказывал новости, спрашивал, не нуждаются ли гости в чем-нибудь.

Янхи делал попытки ознакомиться с языком Земли. Наташа взяла на себя задачу научить его говорить по-русски. Ученик оказался трудолюбивым и способным. Названия предметов и глаголы в неопределенной форме он усвоил легко, но склонения и спряжения никак ему

не давались. На этой почве возникало много смешных недоразумений.

Элхаб совсем не появлялся в своем замке. Он с головой ушел в дела и сразу проявил себя как смелый реформатор. В первый же день он собрал обе палаты парламента и после бурных споров настоял на принятии манифеста о том, что Великий жрец и вообще все священнослужители отстранялись от всякого участия в делах светской власти. Из подчинения церкви были изъяты вооруженные силы. В распоряжении Ассора оставили небольшую личную охрану.

Вместо прошлого триумвирата, обладавшего неограниченной властью, создалось нечто вроде конституционной монархии. В руках Элхаба сосредоточивалась вся полнота власти, но обе палаты парламента приобретали большие права. Совет Мудрейших стал постоянно действующим органом, который рассматривал проекты всех законодательных актов и сообщал правителю свои заключения. Совет Наблюдателей созывался теперь раз в три месяца, чтобы высказывать свое мнение о положении в стране. Все члены Союза возрождения Анта были назначены на высокие государственные должности.

На пятые сутки после суда, придя, как обычно, к обеду, Янхи сообщил:

— Отец прислал сказать: завтра он собирает Совет Мудрейших для беседы с вами. Теперь он будет жить в столице, ведь там дворец Владыки. Для вас там тоже отвели помещение.

Тотчас после завтрака подали вездеход. До сих пор космонавты ездили только на грузовых машинах с открытыми платформами, а сейчас для них изготовили нечто вроде автобуса. Схваченная морозом равнина позволяла двигаться со скоростью до 100 километров в час. В дороге жители Земли с интересом рассматривали дикие пейзажи Марса и почти не заметили, как очутились в столице.

У входа во дворец Владыки был выстроен почетный караул. Музыка заиграла гимн, когда космонавты появились у портала. Гостей немедленно проводили в зал Совета Мудрейших — большую круглую комнату метров двадцати пяти в поперечнике. Сводчатый потолок опирался на пять колонн. Дневной свет проникал через круглые окна,

расположенные под самым потолком. Овальные матовые плафоны заливали помещение голубоватым сиянием.

В центре зала на каменном постаменте возвышался огромный глобус Марса, вокруг в беспорядке стояли кресла. Одно из них, отличающееся по отделке, предназначалось для Владыки. На стене висел большой серебристый экран для демонстрации объемных изображений, пониже — доска, похожая на классную, только белая. Конечно, и здесь были статуи богов, но они скромно прятались в глубине.

Зал был полон. Тут собрались наиболее известные ученые. Элхаб уже сидел на своем месте. При появлении гостей все, не вставая с кресел, подняли вверх сложенные вместе руки жест, означающий на Марсе сердечное приветствие.

Новый Владыка Анта не любил торжественных церемоний и пустых слов. Он дорожил каждой минутой времени.

— Начнем разговор, — коротко произнес он, едва гости уселись. — Положение страны крайне тяжелое. Расскажем без прикрас, что у нас происходит.

Поднялся худощавый старый марсианин. Его лицо, туго обтянутое кожей, было не черным, а скорее темно-серым от старости, глубокие морщины бороздили высокий лоб. Во всей его внешности, в манере держаться, в звуках голоса чувствовался отпечаток больших забот и огромной усталости.

Это был Дагор, известный ученый, теперь председатель Совета Мудрейших вместо Тимбала, подписавшего приговор Матоа и ныне изгнанного из столицы. Дагор начал не торопясь, нередко прибегая к помощи глобуса и карт.

Большую часть поверхности Марса занимали теперь бесплодные пустыни, состоящие из глины, песка, бурых Железняков и выходящих кое-где на поверхность скалистых массивов — гранитов, гнейсов, изредка базальтов. Названия горных пород ученый приводил на языке Анта, но космонавты уже успели изучить марсианские говорящие и иллюстрированные книги и хорошо понимали, о чем идет речь. Высокие горные хребты, некогда покрывавшие поверхность планеты, уже исчезли. Мельчайшая пыль, в которую превратились скалы, заполнила глубокие ложбины и ущелья, образовав огромные скопления лесса. В его толщах и сооружали марсиане свои города. Запасы воды на планете катастрофически уменьшались.

Были времена, когда на большой территории простирались заболоченные равнины, а по ущельям текли ручьи. Теперь пески заполнили все. Последние запасы воды сосредоточиваются на полюсах, где образуется слой снега и льда, или же носятся в атмосфере в виде легких облаков. Атмосферные осадки исключительно редки. Площадь обитаемых участков поверхности Марса очень мала, города далеки

друг от друга. Осадки выпадают чаше всего в бесплодных районах, где никто не живет. Когда выпавший снег тает, влага исчезает в песках, откуда извлечь ее невозможно. В результате полезные запасы воды непрерывно сокращаются. Медленно, но неуклонно приближается время полного исчезновения свободной воды.

Все это повлекло за собой то, что растительный покров планеты, и без того скудный, все больше уменьшается. Тем самым уменьшаются и запасы пищи.

Марсиане давно научились использовать для еды почти все виды существующих растений, но их все равно не хватает. Сокращение растительного покрова привело к исчезновению многих диких животных, которые служили пищей для марсиан, и к потере кормов для домашнего скота.

Но дело не только в этом. Растительный покров, даже мелкорослый и редкий, все же сдерживал движение песков. А теперь их ничто не задерживает, и они свободно переносятся на далекое расстояние. Нередко поднимаются песчаные бури, которые могут за одни сутки засыпать целые поселки. Это и послужило одной из причин сосредоточения населения в немногих крупных городах.

Сокращение растительности повлекло за собой заметное снижение количества кислорода в атмосфере. Прежде растения, постоянно выделяя кислород, пополняли его запасы, теперь расход живительного газа превышает поступление. Результаты понятны. Все большая часть кислорода переходит в связанное состояние.

Уже давно ученые Анта поняли, что происходит в мире, и начали борьбу. Делались попытки найти воду в недрах планеты, но безрезультатно. Много веков назад были сооружены каналы, ведущие из богатых осадками полярных областей в экваториальную безводную зону. Когда-то по трубам непрерывно шли целые водяные потоки. С их помощью марсиане орошали поля и сады, обеспечивали все нужды промышленности и населения. Теперь большинство каналов бездействует.

Возникла и еще одна трудность — недостаток энергии. Колоссальные ирригационные сооружения работали с помощью могучих насосов, которые перегоняли воду на тысячи километров. Из-за нехватки

энергии пришлось остановить многие насосные станции. Запасы топлива были исчерпаны. Количество угля и жидких углеводородов типа нефти на Марсе вообще было незначительно. Ведь никогда за всю космическую историю планеты, растительность не развивалась на ней так пышно, как на Земле.

Исчезновение горючего в свою очередь лишило атмосферу Марса такого значительного источника пополнения углекислотой, каким на Земле является промышленная деятельность человека, связанная со сжиганием углей и нефти. Нарушился нормальный обмен веществ в природе. Растения, поглощающие углекислоту, израсходовали большую долю свободных запасов этого газа. Поэтому заметно стал изменяться климат Марса. Прежде углекислота задерживала тепло, поступающее от Солнца, близ поверхности планеты, препятствуя его рассеиванию в пространстве. Теперь остывание пошло быстро, и средняя температура планеты все более и более понижалась. А пополнять запасы топлива марсианам уже неоткуда. Холод становился реальной опасностью.

Все эти соображения Дагор привел, говоря сухим и точным языком науки. Но за его скупыми словами раскрылась космическая трагедия Марса.

— Что же служит теперь источником энергии в стране Ант? спросил Паршин.

— Только ветер, — коротко ответил Дагор. — Лишь развитая сеть ветровых электростанций дает ток для всех нужд народа. Похолодание Анта связано и с потерей влаги, — добавил он. Прежде в его атмосфере плавало много облаков. Они играли роль своего рода одеял, укрывающих от холода поверхность планеты. Теперь облака почти исчезли, и наша планета лишена последних остатков зимней одежды.

Затем ученый привел расчеты, показывающие, что общая мощность всех энергетических станций намного отстает от потребности. Не хватает тока, чтобы дать жизнь металлургическим заводам, насосным станциям, машинам для возделывания почвы, химическим заводам и многому другому. Из-за этого нет возможности расширить

сеть самих электростанций. Создается своего рода порочный круг. Не забудьте, что энергия нужна нам и для производства пищи.

— Численность населения, по-видимому, падает? — вставил Яхонтов. — Как раз в этом глубочайшая трагедия Анта.

— Именно! — со вздохом согласился Дагор. — Если посмотреть на карту Анта, то станет видно, что только там, куда еще поступает вода, в местах скрещения нескольких действующих каналов, собраны массы людей. Здесь они еще могут бороться с природой, добывать пищу, энергию, получать тепло, защищаться от песков. А было время, когда у нас везде кипела жизнь. Всюду были бесчисленные города. Теперь кругом пустыня! Так закончил свой рассказ старый ученый.

— Судьба будущих поколений страшна, — подвел мрачный итог Элхаб, — удушье, голод, жажда и, в конечном счете — гибель.

Возникла длительная пауза. Трагедия Марса встала перед глазами космонавтов во всей своей конкретности. Они летели сюда затем, чтобы помочь. Но что могут сделать шесть человек перед лицом природы, безжалостно влекущей планету к гибели?

— Неужели на планете Ант никогда не было крупных открытых водоемов? — спросила Наташа. — Всегда ли ощущался недостаток воды? Мы привыкли думать, что жизнь возникает только в условиях избытка влаги.

— История Анта нам известна с очень давних времен, — подумав, ответил Дагор. — Однако мы не нашли следов больших количеств влаги.

— А где и как располагались горы? — допытывалась Наташа. — Известен ли рельеф планеты первых периодов ее истории?

— К несчастью, крайне плохо. Задолго до появления первых разумных существ поверхность Анта была уже ровной.

— Как далеко вы проникали в недра?

— При горных разработках, при добыче угля, когда искали воду и в целях чисто научных мы забирались очень глубоко.

— По всей поверхности? — продолжала расспросы Наташа.

— Конечно, нет. Мы бурили скважины местами, в районах почему-либо интересных.

Наташа замолчала. Пришла очередь Паршина. Задавая вопросы, он убедился в том, что предвидел давно. Наука на Марсе развивалась односторонне и в ряде важных областей сильно отстала от земной. Марсиане не имели сколько-нибудь глубокого представления о строении атомного ядра. Они понимали, что вещество состоит из атомов, и знали об электронах. Это и дало им возможность создать высокую технику автоматики и электроники. Но расщепляемые материалы им были неизвестны. Их наука не смогла открыть, что ядро атома — сложное образование.

Односторонним было и развитие техники. Инженеры Марса даже не ставили перед собой задачу создать летательные аппараты. Сама природа ограничивала их творческие замыслы. Ни птиц, ни насекомых, умеющих летать, не было в холодной и разреженной атмосфере Марса. В музеях сохранились остатки вымерших летающих животных. Их использовала богатая фантазия художников, создававших образы богов, но оставили без внимания инженеры.

При ограниченности водных ресурсов не возникало необходимости передвигаться по воде, и марсиане не знали, что такое лодка. Ни железных, ни шоссейных дорог марсиане не строили. Зато они создали экономные и мощные ветроэлектростанции.

Индира больше всего интересовалась ископаемой растительностью Марса и его микрофлорой. Она узнала, что мир невидимых существ на планете был весьма богат и разнообразен.

Микробиологи еще в прошлые века провели работу по уничтожению большинства болезнетворных микроорганизмов. Теперь на Анте почти не знали инфекционных болезней.

Когда марсиане ответили на все вопросы, снова наступило молчание. Ученые Анта ждали совета гостей.

Слово взял Яхонтов.

— Многое из того, что нам рассказали сегодня, мы предвидели. Очень многое для нас ново и неожиданно. Мы хотим по мере своих сил помочь народу Анта в его борьбе с природой. Но мы отдаем себе отчет в трудностях. Чудес в природе не бывает, и мы не волшебники и не чародеи. Нас лишь шесть простых людей. Не в наших силах изменить судьбу планеты. Такая задача по плечу только всему народу,

у которого есть талантливые ученые, техники, инженеры и миллионы тружеников, желающих работать для общего блага. Если усилия всех их будут направлены в нужную сторону, то они непременно добьются нужных результатов. Надо лишь правильно и разумно поставить задачи, указать пути к быстрейшему и лучшему их решению. Вот здесь мы, может быть, сумеем вам помочь, — продолжал он. — Возьмем такой вопрос: мы на Земле нашли пути к использованию ядерной энергии. Ученые Анта, конечно, сумеют перенять наш опыт, построят ядерный реактор. Наши ботаники привезли с собой семена растений, способных развиваться в самом суровом климате и при малом количестве воды. Ученые Анта, возможно, сумеют приспособить эти растения для ваших нужд. Нечто подобное есть и в области микрофлоры. Среди нас имеется геолог-разведчик. Быть может, ему удастся подсказать, какие минеральные ресурсы используются у вас недостаточно. Возьмем еще пример, — просто, как бы в узком кругу друзей, говорил Яхонтов. — Вы до сих пор не решили задачу передвижения по воздуху. В здешней атмосфере летать несравненно труднее, чем у нас на Земле. Вам еще неизвестен реактивный двигатель, тогда как ракета — это лучший тип летательного аппарата, приспособленного для полетов в разреженной среде или в пустоте.

— Легенда об Унаре!.. — бросил один из ученых.

— Для нас воздухоплавание — быль, — ответил Виктор Петрович. — Среди нас есть опытный летчик. Он сможет подсказать кое-что вашим инженерам.

— Охотно примем ваш совет, — с готовностью отозвался марсианин, сидевший рядом с Дагором.

— Я повторяю! — закончил Яхонтов. — Основная решающая сила, которая только и способна изменить судьбу Анта, — это творческий гений его народа. Мы не обещаем никаких чудес, но просто хотим помочь в вашей борьбе с природой. Будет несерьезно, если мы прямо с места начнем давать советы. Ведь прежде, чем рекомендовать, учить, советовать, нужно самим хорошенько вникнуть в дело. С этого мы и хотим начать. Тут будет нужна ваша помощь — одним не разобраться! И я закончу так: мы учить не хотим — давайте думать вместе!

Одобрительный гул пронесся по залу. Марсиане правильно поняли и хорошо оценили скромность Яхонтова.

Элхаб выразил общее настроение:

— Хорошие слова, простые и скромные. Но времени у нас немного. Может быть, у вас сейчас возникли кое-какие мысли. Ведь порой достаточно лишь толчка. Кроме того, вы раньше уже знали о некоторых наших трудностях и, очевидно, думали о них.

Первой решилась Наташа:

— Вода — вот главное, чего здесь не хватает. У вас уверенно и категорически говорят, будто воды на планете вообще недостаточно. Мне трудно с этим согласиться. Подумайте сами: химический состав наших планет один и тот же. Багровый цвет пустынь говорит о наличии железа. Мы видели замечательные машины, изготовленные из чугуна и стали. Изваяния богов отливаются здесь из меди и бронзы, порой из серебра. Много предметов делаются из платины и золота. Значит, вещества, обладающие большим удельным весом, есть у вас в достаточном количестве. А общая средняя плотность Анта составляет три и девять десятых, тогда как Земля имеет плотность пять и шесть десятых. Смотрите, какой парадокс! Разгадка может скрываться в том, что в общей массе Анта содержится гораздо больше легких веществ. Понимаете, какая напрашивается мысль? На планете должно быть много воды...

— Но где же могут быть скрыты эти водные запасы? — спросил Дагор.

— Глубоко в недрах... Замерзшие моря и океаны засыпаны песком... Их вполне можно найти...

— Идея неплоха! — сказал Элхаб и бросил вопросительный взгляд на космонавтов, как бы ожидая следующих предложений.

— Когда мы находились в Тонга-Лоа, — начал Ли Сяо-ши, — в холодном подземелье не было печей, но там все же было значительно теплее, чем наверху. А в темнице у Ассора, где томились наши женщины, температура поднималась почти до нуля. Вы знаете, та темница глубже... Значит, в недрах планеты есть источники тепла. Очевидно, там...

— ...Идет процесс распада атомных ядер, — подхватил Паршин. — Это же единственный источник глубинного тепла. Значит, можно надеяться найти здесь торий и уран — сырье, точнее, топливо атомных станций!

Ядерная энергетика была не только основной специальностью профессора. Нет! Он был влюблен в свою науку, считая ее главнейшей, и очень боялся, как бы на далеком Марсе его знания не оказались бесполезными.

Еще в период подготовки к полету он опасался, что Марс, как расположенный далеко от Солнца, не получил актинидов во время формирования планеты и вовсе лишен расщепляемых материалов. Сейчас появилась надежда найти на планете радиоактивные элементы, и Сергей Васильевич прямо ожил.

Элхаб пока не представлял себе всего значения актинидов и не разделял восторга ученого. Он предпочел молчать. Зато Наташа сразу подхватила идею.

— Конечно! — воскликнула она. — Мы подберем из молодежи способных разведчиков, подумаем, где есть признаки урановых и ториевых руд, и начнем искать. В случае удачи изменится весь энергетический баланс Анта.

— Это ключ к решению всех вопросов, — подтвердил Паршин. — Если только мы найдем урановые руды, в ближайшие годы прекратятся все разговоры о недостатке топлива и нехватке энергии.

— А вы что скажете? — обратился Элхаб к Индире.

— Если бы удалось превратить здешние бесплодные пустыни в поля, луга и сады! Об этом я и думаю все время. Мне кажется, есть путь, — подумав, сказала девушка.

— Какой?

— Незримые помощники. Ведь у нас на Земле есть целый мир невидимых существ — микробов, способных жить при самых неблагоприятных внешних условиях. Возьмите, например, силикатные бациллы. Они не нуждаются в кислороде воздуха и довольствуются лишь тем кислородом, который входит в состав молекул алюмосиликатов, то есть полевых шпатов и глин. Они разлагают эти вещества, причем освобождают калий, необходимый для питания растений,

создают почву, пригодную для роста полезных трав и даже, может быть, овощей. Есть и другие микроорганизмы, которые извлекают азот непосредственно из воздуха. Возникает мысль, нельзя ли вывести и расселить здесь такие расы микробов, которые превратят глины и пески в плодородные почвы. Но этого мало. Если бы удалось вырастить другие расы, способные при разложении алюмосиликатов освобождать кристаллизационную воду!.. Она составляет десять—пятнадцать процентов от веса породы!

Элхаб смотрел на Индиру с нескрываемым интересом. Ее предложения были не только понятны, но и особенно близки ему, ученому-ботанику.

— Захватывающая мысль! — воскликнул он, подымаясь с кресла. — На месте нынешних пустынь — нашего проклятья — создать поля, сады, леса... А предложение о том, чтобы извлечь из камня воду? Замечательно!

Заложив руки за спину, он ходил по залу, продолжая говорить, разворачивая перед слушателями планы великих работ по преобразованию природы Марса. Члены Совета Мудрейших молча думали.

— Нет сомнений, — вставил Ли Сяо-ши, — едва наладится контакт между учеными наших двух миров, как появятся еще более смелые идеи. Мы выдвинули сейчас лишь несколько общих мыслей и далеко не сказали последнего слова.

— Назовите нам отрасли науки, которые интересуют каждого из вас, — предложил Дагор, — крупнейшие ученые страны помогут вам.

— А я отдам приказ, — заключил Элхаб, — назначить вам помощников и дать проводников. Смотрите все: леса, земли, недра. Не торопитесь. Когда вам будет нужно, мы соберемся снова.

2. Два мира

За окнами слышался дикий вой ветра, но в комнате, где собрались космонавты, было тепло и уютно. Они жили теперь в столице, в специально для них оборудованном помещении. Радушные хозяева изготовили для гостей полный комплект мебели, одежды, посуды, домашней утвари, приспособленных по размерам к потребностям и

вкусам жителей другой планеты. Путешественники сидели теперь в больших и удобных креслах, работали и питались за достаточно высокими столами, спали на кроватях, где можно было вытянуться на чистой простыне, под теплым одеялом. Марсианская одежда, сшитая по мерке, хорошо согревала тело. По мнению обеих женщин, она была даже красива.

Когда Наташа впервые появилась в надетой поверх шаровар широкой и длинной ярко-синей юбке с серебряным орнаментом, подбитой снизу нежным шелковистым мехом, и черной жакетке с золотом, все даже ахнули — так шел ей новый костюм. Вслед за ней вошла Индира в костюме подобного покроя, но выдержанном в золотистых красках, с черной узорчатой каймой на подоле и рукавах. Смуглая черноглазая девушка была необыкновенно хороша в этих ярких одеждах. Черные как вороново крыло волосы, уложенные высоким пучком и скрепленные золотыми шпильками, очень гармонировали с цветом одежды и оригинальным узором отделки. Мягкие меховые сапожки также были красивы, легки и удобны.

Мужская одежда выглядела проще. Мастера Анта сохранили покрой комбинезонов, которые носили астронавты, но изготовили их на свой манер из местных тканей, с одной стороны гладких, а с другой снабженных длинным ворсом.

Сегодня после обеда космонавты собрались у огромного серебристого экрана, висевшего на стене. Перед их глазами проходили картины мощных демонстраций, состоявшихся во многих городах после избрания Элхаба, окрашенные в натуральные цвета виды городов, разные научные институты и лаборатории. Так постепенно перед пришельцами с Земли все больше раскрывалась многогранная, по-своему яркая и насыщенная жизнь разумных обитателей другой планеты. Многое казалось здесь странным, но нельзя было не отдать должного их высокой культуре.

С интересом смотрели космонавты на объемные изображения, сменяющие друг друга. Марсиане в совершенстве решили задачу цветного и объемного телевидения и свободно передавали изображения на большое расстояние. Экран как бы исчезал, когда начиналась

передача. Перед глазами зрителей возникал вполне реальный трехмерный, но значительно уменьшенный мир естественных красок.

Глядя на изображения и слушая быструю, звучную речь жителей Анта, космонавты убеждались, насколько правильно держал себя Яхонтов. У жителей Земли вовсе не было оснований особенно зазнаваться и гордиться. Они оказались в мире, обладающем весьма высокими наукой и культурой, хотя и пришедшем в упадок.

— Просто непонятно, — сказала Наташа, — как может народ, соорудивший такие удивительные каналы, обладающий великолепными механизмами и электронными приборами, мириться с таким архаическим общественным строем. Автоматика и телемеханика рядом с чудовищными изображениями отвратительных богов! Объемное цветное телевидение и нелепые религиозные культы. А главное, дикий абсолютизм в государственном управлении! Как все это нелепо и противоречиво! Неужели в сознании марсиан не возникает мысли о необходимости уничтожить весь этот маскарад и устроить свою жизнь лучше и разумнее?

— Надо учитывать, Наташа, — сказал Яхонтов, — что этот мир глубоко отличный от нашего. К нему нельзя подходить с земной меркой, ибо он находится в совершенно иных природных условиях, в корне отличных от существующих на нашей планете. У марсиан нет топлива и давно исчерпаны другие энергетические ресурсы за исключением ветра. Из их атмосферы исчезает кислород, у них мало воды, из-за сурового климата и холодов их почва дает мизерные урожаи. Население физически слабеет, вырождается и вымирает. Общественное Производство на Марсе в силу причин космического порядка не только не развивается, а, наоборот, сокращается. На Земле нет и не может быть ничего подобного. Что же удивительного, что на такой основе возникли самые уродливые, самые реакционные и отсталые идеологические и правовые надстройки? Вспомните рассказы Элхаба: раньше церковь не пользовалась здесь государственной властью, были демократические свободы. Но резко ухудшились природные условия — и развитие общества пошло не вперед, а назад. Начался процесс упадка, даже гибели цивилизации. Разумеется, в связи с деградацией экономической основы общества началось

движение вспять также в области идеологии и культуры. Церковь, мистика, самая реакционная философия выдвинулись на первый план, духовная жизнь народа оскудела, даже наука, лишенная необходимой экономической базы, остановилась в своем развитии. Наиболее честные и дальновидные представители марсианского общества поняли горькую правду, что на своей собственной планете они не найдут сил, способных остановить это катастрофическое движение назад. Их взоры не случайно обратились в нашу сторону. Коммунистическое общество в нашей стране обеспечило такое мощное развитие производительных сил, что мы — жители Земли — оказались в состоянии протянуть руку помощи этому погибающему миру. Вы поняли меня, друзья? — закончил Яхонтов свою импровизированную лекцию.

— Все же никак не могу понять марсиан, — сказал Паршин. Тысячи лет они мирились со своим удивительно реакционным и прямо нелепым общественным строем, а теперь, когда лопается все, к чему они привыкли, небывалые в их жизни преобразования проходят гладко, как по нотам, без всякой драки, даже без особых споров. Удивительный народ?..

— Вдумайтесь хорошенько, и вы убедитесь, что так и должно здесь быть, — возразил Яхонтов, — ведь весь этот переворот совершается сейчас сверху, он подкреплен непререкаемым авторитетом Верховного Владыки. А народ Анта за многие века приучен думать, что действия любого повелителя, которому принадлежит высшая власть, есть проявление воли богов или непознаваемого Высшего Разума. Протестовать против них нельзя, а в данных условиях и незачем. Ведь все меры Элхаба понятны народу, понятны самым широким массам населения. Они уже теперь делают жизнь этих масс легче и лучше прежней. А главное, Элхаб дает народу великие надежды, которых раньше не было. Что же касается жрецов и других реакционных слоев здешнего общества, то они пока еще не смеют поднять головы, так как ясно понимают, что оказались в невыгодном положении. Ведь всякий их протест выглядит теперь как направленный против Верховного Владыки, то есть против тех устоев, которые они сами поддерживали и укрепляли в течение долгих тысячелетий. Но не

думайте, что и дальше все будет так легко, мирно и гладко. Тайная, но злобная и довольно сильная оппозиция против Элхаба, несомненно, существует, и в свое время даст о себе знать. И нам всем должно быть ясно, что основные силы этой оппозиции прежде всего будут обращены против нас, как первопричины всех зол. Сейчас все вокруг еще тихо, но нас безусловно ожидают нелегкие дни. Надо быть готовым ко всему, к жестокой борьбе, ведь старое никогда не уходит без боя... У нас есть враги, но будут и новые друзья!

Настроение космонавтов было достаточно бодрым. И, как всегда в подобных случаях, забывались прошлые невзгоды и лишения. Все мысли обращались теперь в будущее.

— Признавайтесь, друзья, кто из нас был прав? — заметил Виктор Петрович, продолжая беседу. — Кое-кто совсем недавно говорил, будто все кончено... Не так ли?

Никто не возражал, улыбка пробежала по лицу Владимира, Паршин скромно опустил глаза.

— Надо браться за дело, — говорил Яхонтов. — Я не жалею ни о чем, кроме девяноста шести дней, проведенных бесполезно. Хотя, как сказать... Мы успели изучить язык, познакомиться с общественным строем Анта, его нравами и обычаями. Тоже не без пользы...

— Знакомство, прямо скажем, глубокое, — не удержался Владимир. — Еще немного и...

Он выразительно провел рукой по шее.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — возразил Яхонтов. Главное сейчас в другом. Времени у нас чрезвычайно мало. Остается всего год, а дел — непочатый край. Давайте думать, как лучше расставить наши силы.

— Для меня задача ясна, — отозвался Паршин. — Мы не можем покинуть Марс, пока не построим первый атомный реактор, единственная подходящая для меня и вполне конкретная форма помощи. Но здешние ученые мало знают о строении вещества. Надо сначала расширить их кругозор, познакомить с основами ядерной физики. Начинать, так сказать, ab ovo![16]

[16] с яйца

— Будете читать курс лекций?

— Не только, Виктор Петрович. Конечно, без лекций не обойтись. Хорошо бы пошире привлечь инженеров, проектантов. Познакомить их с чертежами реакторов, с приборами управления. Надо выбрать подходящий тип реактора, найти место для постройки. Здесь же катастрофа с водой, а ее нужно много. Придется поездить.

Сергей Васильевич Паршин был настроен явно на боевой лад. Убедившись в этом, Виктор Петрович выразительно посмотрел на Наташу. Та переглянулась с Владимиром и начала:

— Во-первых, нужно искать воду. Эту задачу и возьмем на себя мы с Владимиром. Дело настолько важное, что не грех поручить его двоим. Предварительно придется хорошенько изучить карты, посоветоваться со здешними учеными. Думаю, я не обманываюсь, и мы сумеем обнаружить запасы ископаемых льдов. Тогда организуем разработку.

— А как же актиниды? — спросил Яхонтов.

— Надо развернуть их поиски в широком масштабе. Мы одни ничего не сумеем сделать в такой короткий срок. Я думаю, привлечь печать, радио, телевидение, пригласить побольше добровольцев. Им сперва придется рассказать, где можно искать руду урана и тория. Это дело надо организовать до вашей поездки.

Наташа рассуждала здраво. Найти замерзшие океаны могли одинокие разведчики, тут важно правильно наметить район поисков, а в случае успеха простое бурение покажет наличие льда. Совсем другое дело — рассеянные месторождения редких элементов. Здесь надо было возможно быстрее обследовать поверхность планеты, вести разведку на широком фронте. Только такой путь давал шансы на успех.

Настала очередь Индиры.

— А мне пока придется работать здесь, — сказала она. — Мы соберем нескольких опытных микробиологов, приспособим одну из лабораторий и начнем трудиться. Надо вывести новые расы микробов, могущих развиваться в условиях Анта и способных разлагать силикаты. Я думаю, что нам поможет Янхи. Он по специальности биолог. Сейчас как раз зима — удобное время для лабораторных работ. Когда почва оттает, мы поедем в поле на пробные посевы в грунт. Вот мой план.

Все хорошо понимали значение работы Индиры и знали, что ее багаж состоял из пробирок с культурами микробов, развивающихся в бескислородных средах. Еще на Земле, в период подготовки к экспедиции, она много работала над этой темой. Сейчас предстояло провести эксперименты в условиях Марса, при его низких температурах и чрезвычайной сухости почвы. План действий не вызвал никаких возражений.

Ли Сяо-ши тяжело вздохнул, когда взор Яхонтова обратился в его сторону.

— Я, право, не могу сказать, чем в состоянии помочь народу Анта, — грустно произнес он. — Ведь мои знания представляют для марсиан только теоретический, так сказать, познавательный интерес.

— Разве этого недостаточно? — улыбнулся Виктор Петрович.

— Конечно. Но жители Анта вправе ожидать большего. Однако у нас есть и другие задачи. Мы обязаны хорошо изучить планету, а до сих пор видели только небольшой участок экваториальной зоны. Мы вовсе не изучали атмосферу Марса, совсем не ознакомились с животным миром. Попробуем организовать поездку, например, до полюса. По карте получается в один конец около пяти тысяч километров. Если будем ехать по пятьдесят километров в час и по десять часов в день, то потребуется десять суток. Прибавьте еще двадцать дней на остановки. Получается один месяц, а перед нами год. Мне кажется, поездка принесет пользу.

Предложение Ли Сяо-ши имело смысл. Трудно допустить, что именно сейчас, еще не зная Марса, космонавты уже определили все пути своей дальнейшей работы. Пока отдельные участники экспедиции будут разворачивать работы, необходимость которых очевидна, остальные должны заняться детальным изучением планеты. В этом духе и высказался Виктор Петрович.

— Еще не все, — невозмутимо добавил Ли Сяо-ши. — Путешествие лучше совершить не только мне, но и вам, Виктор Петрович. Первую поездку хорошо бы сделать вдвоем... Вы приобретете более широкие знания о планете, а дальше будет видно.

В глубине души каждый из астронавтов надеялся, что Яхонтов примет участие именно в его работе. Наташа резонно считала его

специалистом по геологии и была права. Владимир полагал, что директор Института астронавтики — это ведущий специалист по космическим полетам, следовательно, стоит ближе всего именно к его профессии. Индира считала себя астроботаником и видела в академике представителя той самой науки, которой посвятила свою собственную жизнь. Она надеялась, что план преобразования планеты путем разведения соответствующих микробов будет ближе всего сердцу Виктора Петровича.

«Что такое палеонтолог? — думала она. — Это же биолог в широком смысле слова, только изучающий вымершие формы. Кому, как не ему, возглавить работу по выведению новых культур сапрофитных микроорганизмов».

Однако в этом отношении Ли Сяо-ши оказался самым удачливым среди космонавтов. Доводы его были признаны убедительными, но он скрыл свою радость под личиной обычного бесстрастия.

— Не забудьте, — напомнил в заключение Яхонтов, — надо послать на Землю радиограмму.

Послать радиограмму вызвался Владимир.

— Я думаю, текст пошлем такой, — предложил Виктор Петрович, набросав несколько слов на бумаге: — «Все здоровы. Окружены вниманием со стороны правительства Марса. Вместе с учеными выработали план помощи марсианам в борьбе с природой. В ближайшие дни приступаем к работе. Не беспокойтесь в случае отсутствия сообщений. Яхонтов».

Решили, что утром Владимир поедет к месту расположения ракеты и пошлет радиограмму. Вечером он должен вернуться. Попутно ему поручили взять кое-что из личного имущества космонавтов.

— Попробуйте, кстати, потолковать, нельзя ли перетащить ракету поближе, — предложил Паршин. — Там запасы урана, кое-какая аппаратура, материалы. Да мало ли что! Всегда лучше, чтобы ракета была под рукой.

За разговорами незаметно подошел час ужина. Принесли горячие и холодные блюда, кувшины с питьем. Все весело принялись за еду. В холодном климате на отсутствие аппетита никто не жаловался.

— Ах, друзья, все хорошо, — произнес Яхонтов, — одного мне не хватает...

— Чайку? — догадалась Наташа.

Виктор Петрович утвердительно кивнул.

— Владимир! — повелительным тоном воскликнула Наташа. Перерой завтра все имущество на ракете и найди чай для Виктора Петровича! Шутка ли — три месяца человек без чаю!..

— Есть доставить чай! — засмеялся Владимир.

Так прошел этот на редкость тихий и мирный вечер, которым закончился кратковременный отдых путешественников. Начался период тяжелых трудов и новых испытаний.

В то же самое время неподалеку от здания, где космонавты обсуждали Планы помощи народу Анта, велись совсем другие разговоры. В просторной комнате за огромным столом сидел Ассор. Вокруг почтительно стояли высшие сановники марсианской церкви. Сводчатый потолок кабинета Великого жреца был покрыт темно-фиолетовой материей, напоминающей бархат, он символизировал небесный свод. Для полноты картины в разных местах горели маленькие электрические лампочки. Стены снизу представляли сплошную панель из черного материала с золотыми прожилками. Выше тянулся целый ряд фресок. Они изображали знаменательные события из древней истории Анта.

Позади кресла Великого жреца поднималось громадное изваяние главного марсианского божества, именуемого Ант. В честь его называлась и вся планета. На фоне широко распростертых крыльев из темно-красного камня с золотыми лучами четко выделялось туловище грозного бога. На его лице горели багровым пламенем целых пять глаз. Вместо носа вперед выдавался длинный полуоткрытый клюв, от уха до уха тянулся широкий ощеренный рот с блестящими черными зубами. Все в этой уродливой фигуре было не случайно. Крылья обозначали сверхъестественную способность летать, присущую на Марсе только богам. Пять глаз Анта видели во всех направлениях, включая и дали времени.

Длинный клюв улавливал самые тонкие запахи и воспринимал тайные движения души. Алчный рот требовал ежедневных жертв.

Бог имел большие уши, похожие на слоновьи. Они спускались до плеч

и свидетельствовали о способности слышать каждое слово, любой вздох своих покорных рабов. Пять пар могучих рук предназначались для совершения великих дел, в том числе и для наказания несчастных грешников. Две пары мощных, толстых ног доказывали подвижность бога, от гнева коего никто не мог спастись.

На черной бархатной скатерти блестели золотые и серебряные узоры — священные символы, значение которых было известно лишь немногим.

Ассор находился в состоянии дикого гнева.

— Проклятые чужеземцы грозят богам и потакают черни! бесновался он. Жрецы медленно и величаво склонили головы, затем подняли правые руки. Этот жест означал согласие. — Надо спешить, пока еще сильна святая церковь Анта, иначе будет поздно! Поднимем всех наших верных слуг!..

Здесь Великий жрец запнулся, так как не уловил должного единодушия среди своих слушателей. Они вовсе не спешили со знаком одобрения.

— Ассор, не забывай, проклятых чужеземцев призвал Элхаб, а он Владыка Анта, — медленно произнес один из стоявших, уже глубокий старец.

— Элхаб презренный отступник! — исступленно завопил Ассор. — Он сам достоин смерти! Гнев богов ужасен! Кара будет жестока!..

— В его руках вся сила, — спокойно возразил старый жрец, — за ним стоит закон?

Некоторое время Ассор молчал. В первый момент он даже задохнулся от злобы, встретив такие возражения вместо полной поддержки. Колебания в собственных рядах следовало прекратить немедленно.

— Ничтожный трус, молчи! — вскричал он, поднимаясь. — Закон создали боги, а я их наместник! — И добавил, внезапно успокаиваясь, так как нашел верный ход: — Наша рука разит не днем, в огне сражения, а скрытно, мы окружили врагов незримой сетью... — Скрипучий голос Великого жреца стал тихим, вкрадчивым, дошел почти до шепота. — Мы должны нанести решительный удар как раз в тот час, когда им станет казаться, что победа уже близка... Вы поняли?

Прищурившись, Ассор внимательно всматривался в глаза каждого из своих приближенных, как бы сверля их до самой глубины сознания. Жрецы молча склонили головы и подняли вверх правые руки.

3. Выстрел из-за угла

Во время заключения Виктор Петрович Яхонтов удивлял других своей выдержкой и самообладанием. Теперь же он представлял собой живой аккумулятор физических и духовных сил.

После первой встречи с учеными Анта он долго не спал, зато наутро уже имел законченный план действий. Тотчас после завтрака он позвал Ли Сяо-ши, положил на стол карты Марса, созданные учеными Анта, и принялся обсуждать маршрут.

Ракета совершила посадку вблизи экватора, в местности, называемой земными ареографами Эфиопис. Очевидно, название было дано из-за внешнего сходства марсианских пустынь с самыми жаркими областями земного шара. Столица Марса находилась подле самого экватора, в центре хорошо заметного в телескоп темного пятна на розовом фоне планеты, названного земными учеными Большая Отмель. Ниже по карте, то есть к северу от экватора, на чуть заметном для глаза наблюдателя изогнутой рукаве, располагался город, где жил Элхаб до того, как стал Владыкой Анта.

В южном полушарии Марса была зима. Яхонтов считал, что лучше всего совершить путешествие к южному полюсу, где в это время происходили снегопады и полярная шапка разрасталась. Ознакомиться на месте с этими процессами было крайне интересно и ему самому и Ли Сяо-ши.

Ученые хотели осмотреть на своем пути несколько «морей» Марса, побывать на полюсе.

Не теряя времени, Владимир Петрович направился к Элхабу. Дворец Владыки был недалеко, и он решил идти пешком, хотя в распоряжении гостей имелось шесть вездеходов, переоборудованных соответственно их росту. Марсиане узнавали Яхонтова и восторженно его приветствовали. Везде Виктор Петрович видел поднятые кверху руки и приветливые лица. Не переставая раскланиваться на земной манер,

он думал про себя, что в следующий раз предпочтет передвигаться на машине.

Элхаб полностью одобрил план поездки, немедленно связался с Дагором и предложил назначить кого-нибудь из ученых Анта для сопровождения.

Когда Яхонтов вернулся. Ли Сяо-ши разговаривал с неизвестным марсианином. Это был Тор — марсианский географ, то есть ареограф. Ему предложили участвовать в поездке. Хорошо знающий планету, он оказался удачным спутником. Шел деловой разговор о технических подробностях экспедиции. Решили ехать в одной машине — трое ученых и водитель. Ли Сяо-ши и Тор составляли перечень необходимого имущества. Требовались полный комплект специальной зимней одежды, запасы продовольствия, воды, топлива, энергии, оружие, аппаратура, инструменты. Жители Земли нуждались в снаряжении, соответствующем их запросам и навыкам. Тор предложил захватить еще целый ряд приборов и материалов, созданных учеными Анта.

Космонавты знали, что их ожидают морозы в 100 градусов ниже нуля, полярные туманы, не похожие ни на что на Земле. И все это в условиях полярной ночи. К счастью. Яхонтов провел несколько лет в Антарктиде и приобрел там опыт работы в высоких широтах, а Ли Сяо-ши привык к суровым условиям высокогорного Тибета с его разреженной атмосферой и холодами.

Как только определился перечень необходимого имущества, марсианин удалился, чтобы подготовить все к отъезду.

Полярные области Марса вовсе не были дикими краями. Там было многочисленное население, имелись грандиозные ирригационные сооружения, энергетические станции и промышленные предприятия. Чтобы достигнуть полюса, на Марсе не нужно было пересекать океаны и на санях преодолевать бесконечные снега и льды. До него можно было добраться в вездеходе. Требовалось только застраховать себя от случайностей и приспособиться к темноте, холоду, возможным снегопадам и туманам. Поэтому подготовку удалось провести довольно быстро, тем более что все марсиане сразу же выполняли каждое требование Тора, когда он ссылался на нужды гостей с Земли.

На следующее утро путешественники собрались вместе за завтраком. Марсианский ученый прибыл точно в срок. Большой вездеход уже ожидал их. Яхонтов обратил внимание на очень широкие гусеницы.

— На такой машине мы свободно пройдем по самому рыхлому снегу, — заметил он.

— Машина специально приспособлена к передвижению в полярной зоне, — пояснил Тор.

На прочной кабине яйцевидной формы спереди были укреплены стальные крылья. Им можно было придавать разный наклон и превращать в нечто похожее на лемех большого плуга. При движении сквозь сугробы машина сама прокладывала себе путь. Четыре боковых прожектора, пятый наверху впереди и два небольших сзади внушали уверенность, что мрак полярной ночи не страшен для путешественников. Помещение для пассажиров имело шесть кресел.

К своему удивлению, космонавты увидели на задних местах двух вооруженных солдат.

— Охрана! — ответил Тор на вопросительные взгляды Яхонтова и Ли Сяо-ши. — Личное распоряжение Элхаба. Они нас не стеснят — кабина просторная.

Мысленно поблагодарив за внимание и беспокойство, космонавты с интересом осмотрели машину. Нижняя часть, по размерам и форме похожая на трюм небольшого судна, была предназначена для аккумуляторных батарей. Тор объяснил, что, кроме запаса, достаточного для пробега в оба конца, здесь был второй комплект аварийного назначения и батареи для отопления и освещения кабины. Продовольствие, вода, оборудование, личные вещи путешественников занимали багажное отделение в заднем конце машины.

Все путешественники вышли проводить первый отряд исследователей. Две стройные женские фигуры в ярких одеждах, рядом Владимир и чуть сутулый Паршин, стоящий на террасе у входа, — вот последние впечатления, какие увезли с собой Яхонтов и Ли Сяо-ши. Целая толпа марсиан собралась перед домом, где жили астронавты. Очевидно, известие о поездке распространилось по городу.

— Мне не очень нравятся столь пышные проводы, — шепнул Ли Сяо-ши, как только тронулась машина. — Кроме друзей, у нас здесь достаточно врагов.

— Я тоже не в восторге, — негромко ответил Виктор Петрович, — но что делать? Не зря, конечно, Элхаб посадил к нам двух солдат. Нам и самим надо быть начеку. На всякий случай у меня приготовлено кое-что.

— У меня тоже, — усмехнулся Ли Сяо-ши.

Опытный водитель быстро повел вездеход сначала по извилистым улицам города, затем все выше — на плоскогорье. В стороне остался храм Неба, немного ниже — столь памятный им замок Ассора.

Солнце стояло невысоко. День только начинался. «Марсиане в самом деле удачно решили проблему транспорта, — подумал Ли Сяо-ши. — Совсем незачем тратить много труда и средств на постройку автомобильных и железных дорог там, где вся поверхность плоская и гладкая, как бетон».

На открытой равнине машина развивала большую скорость, но тряска почти не ощущалась. Было просто приятно ехать, сидя в мягких креслах, и смотреть по сторонам на незнакомые картины чужого мира.

При поездках на север к замку Элхаба космонавты пересекали ржаво-красные возвышенности. Теперь путь на юг пролегал через местность, которая глазами земных астрономов представлялась окрашенной в серо-голубой или зеленоватый цвет, отчего первые земные наблюдатели и считали эти области морями или болотами.

Сейчас космонавты могли убедиться, что перед ними пустынные равнины, поросшие чахлой кустарниковой растительностью синего цвета с холодным металлическим блеском. Колючие низкие растения, покрытые мелкими иголочками, не опадающими зимой, росли повсюду, образуя своеобразный ковер. Тяжелые гусеницы вездехода легко подминали низкие растения, не превышающие уровня земных трав на хороших пойменных лугах. Сзади оставались две безукоризненно прямые темные полосы.

— Эти растения, — заметил Тор, — основное питание для мелких животных.

— А где же сами животные? — заинтересовался Яхонтов.

Вместо ответа марсианин попросил остановить машину.

— Посидим спокойно, они скоро появятся.

Яхонтов и Ли Сяо-ши вооружились фотоаппаратами и вышли наружу. Виктор Петрович попытался сломать один куст, но он оказался очень прочным и не поддавался никаким усилиям. Наконец Ли Сяо-ши удалось переломить ствол. Тогда стало видно, что, несмотря на пятидесятиградусный мороз, внутри много жидкого сока.

— Вот как приспособляются организмы к условиям среды, заметил Яхонтов. — Биологические процессы внутри живого растения выделяют столько тепла, что соки не замерзают даже при такой стуже.

— Тише! — прервал его Ли Сяо-ши. — Кажется, появились животные.

Неподалеку от машины над кустарником вдруг поднялась маленькая пушистая головка с блестящими зелеными глазками. Зверек осмотрелся, сел на задние лапки и принялся обгрызать ветки, забавно придерживая кустик передними лапками, совершенно как человек руками. Его толстенькое круглое туловище достигало метра в длину. Темно-серый с синим отливом мех хорошо маскировал животное. Затем среди растений появилось еще несколько головок. Вскоре Ли Сяо-ши насчитал их свыше десятка. Зверьки мирно щипали ветки, передвигаясь легкими, грациозными ярыжками.

— Они очень плодовиты, — объяснил Тор, — и неприхотливы. Их мясо вы едите каждый день, а мех после обработки идет на одежду. Звери, не требуют никаких забот. Это важный источник нашего питания.

— Скажите, — осведомился Ли Сяо-ши, — а вообще много животных на Анте?

— Теперь уже нет. Большинство млекопитающих и почти все пресмыкающиеся давно вымерли. Здесь, близ экватора, есть травоядные, которых вы видите. Изредка появляются хищники, но мелкие. Мы их еще увидим.

Сделав несколько снимков. Яхонтов предложил ехать дальше. Но сначала он взял пробу грунта, чтобы узнать, из чего состоит почва.

— Лесс, — коротко объяснил он. — Именно лессовый покров образует здесь плодородные почвы. Этого, собственно, и следовало ожидать.

Снова потянулись бескрайние синие степи — иначе нельзя было назвать эти обширные кустарниковые равнины. Иногда вдали мелькали силуэты более крупных животных, мягкими прыжками убегавших от вездехода. Ли Сяо-ши, почти все время смотревший в сильный бинокль, стал случайным свидетелем обычной звериной трагедии. Он увидел, как черный комок внезапно выпрыгнул из кустов навстречу бегущему животному и мгновенно очутился у него на шее. Через несколько секунд оба упали, и кустарник скрыл развязку степной драмы.

Так они ехали несколько часов. Постепенно местность начала изменяться. Далеко справа появились купы невысоких деревьев, чернеющих на фоне неба. Скоро стало видно, что они потеряли все листья. Голые стволы и ветки лилового цвета создавали картину, похожую на земные лиственные леса в последние месяцы зимы.

— Леса? — Яхонтов показал вправо.

— Лесные насаждения в орошаемой зоне, — объяснил Тор. — В той стороне проходит канал, питающий водой столицу. Вдоль него высажены деревья. Под ними посевы культурных растений, иногда участки, где пасут домашних животных.

— Есть и такие? — заинтересовался Ли Сяо-ши.

— Поверните к каналу, — сказал Тор водителю.

Деревья еще неизвестного космонавтам вида достигали 5–8 метров, имели ветвистые толстые стволы, закрученные спиралью. Кривые сучья, изобилующие тонкими ветками, образовывали настолько густую сеть, что и без листьев они почти закрывали небо.

Между стволами деревьев, уходящих вдаль правильными рядами, было высажено много низкорослых кустарников. Они торчали, как прошлогодний бурьян весной. Их правильное взаиморасположение говорило о том, что растут они здесь не случайно, образуя как бы огороды, укрытые от морозов и ветра густыми кронами деревьев. Ширина полос культурных растений составляла, как сказал Тор, десятки километров, а протяженность исчислялась сотнями и тысячами.

— Участки пищевых и технических культур чередуются у нас со скотоводческими, — продолжал марсианин. — Сейчас мы их увидим.

Проехав километров пять, космонавты заметили, что между деревьями пасутся довольно большие медлительные животные. Их грузные голубые туши на шести коротких толстых лапах виднелись кругом. Более всего они походили на бегемотов, если бы не пушистый мех, покрывающий тело. Длинная шерсть свисала до земли.

— Молоко, мясо, шерсть, кожа, — перечислил Яхонтов.

— Главным образом молоко, — ответил Тор. — Животные долговечны. Они живут около двухсот лет, причем дают молоко почти до КОНЦА жизни. Судите сами, насколько ничтожно их значение как поставщиков мяса и шерсти. Правда, когда подходит пора, их забивают, и мясо идет в пищу, а кожа и мех в переработку, но все это получается в очень малых количествах.

— Чем же вы их кормите? — поинтересовался Виктор Петрович.

— Опавшими листьями деревьев, остатками огородных растений и искусственными азотистыми кормами. Очень выгодные животные. Одна беда — медленное размножение. Приплод бывает раз в три года, а развивается каждое животное в течение двадцати пяти лет.

Через час внимание Ли Сяо-ши привлекла группа высоких ажурных сооружений, возникших на горизонте.

— Главная энергетическая станция Анта, — пояснил Тор. Там будет остановка.

По мере приближения странные сооружения казались все выше. На Марсе, представляющем шар вдвое меньшего диаметра, нежели Земля, кривизна поверхности гораздо заметнее и линия горизонта ближе, чем в нашем мире. Когда башни энергостанции впервые появились в поле зрения, большая часть их высоты скрывалась за горизонтом, теперь же они стали видны полностью. Металлические башни по высоте не уступали пятнадцати—двадцатиэтажному дому. На них были установлены большие ветровые колеса, снабженные направляющими плоскостями, как и на земных станциях. В этой области техника двух соседних миров до странности походила одна на другую. Перед глазами космонавтов возник целый город из тысяч крупных агрегатов. Ветродвигатели располагались в строгом порядке и на значительном удалении друг от друга, чтобы полностью использовать энергию воздушных потоков. Легкий шум работающих турбин

стоял в воздухе, густая сеть проводов, подвешенных на гирляндах изоляторов, тянулась от генераторов к большому зданию в центре поселка. Близ него длинными рядами выстроились приземистые башни трансформаторов.

Марсианин объяснил, что инженеры Анта нашли выгодным сосредоточить свои энергетические станции в немногих пунктах поблизости от экватора, в зоне устойчивых по силе и направлению ветров. Существовали еще две крупные полярные станции, которые питали током систему водоснабжения. Здесь же были электростанции, обслуживающие промышленность и население.

По просьбе Яхонтова водитель замедлил ход. Виктор Петрович и Ли Сяо-ши, не будучи специалистами, не могли в полной мере оценить техническую и экономическую стороны дела, но множество могучих машин производило незабываемое впечатление на каждого, кто хоть сколько-нибудь понимал в технике. Генераторы тока были скрыты, но ровный низкий гул слышался со всех концов и говорил о колоссальной мощности. Бросилось в глаза полное отсутствие рабочих.

— Неужели в этом большом городе нет никого, кроме машин? — не выдержал Яхонтов.

— Станции полностью автоматизированы, — пояснил марсианин, — за всем наблюдают приборы. Зато в цехах консервирования энергии занято много рабочих и специалистов. Сейчас вы увидите.

В центре ветрогородка была роща синих деревьев. Они росли на крышах большой группы связанных между собой заводских зданий. Под землю вел широкий тоннель. Длинная вереница встречных грузовых машин нескончаемым потоком поднималась оттуда.

Внизу были просторные, ярко освещенные цехи. Машины свободно передвигались между колоннами, поддерживающими своды. Сотни марсиан работали здесь. Под землей находился завод портативных аккумуляторных батарей.

— Такой ящик, — сказал Тор, — легко переносит один рабочий. Он содержит запас энергии, достаточный для непрерывной работы двигателя средней мощности в течение десяти суток.

Космонавты убедились, что разделение труда и организация производства непрерывным потоком хорошо известны марсианам. Работа шла в быстром темпе. Несколько автоматических линий вырабатывали аккумуляторные пластины. Справа и слева по подсобным конвейерам поступали сосуды. На длинной ленте главного конвейера производилась сборка. Готовые батареи поступали на зарядку. Затем их укладывали в ящики, грузили на вагонетки и на платформы вездеходов.

— Вы превосходно используете энергию ветра, — сказал Яхонтов.

— Единственный источник, который нам оставила суровая природа, — с грустью ответил Тор.

— Каким еще путем вы передаете энергию к местам потребления? — осведомился Ли Сяо-ши. Его карандаш быстро бегал по листкам блокнота.

— Когда-то давно мы пользовались воздушными и подземными электросетями, теперь наша наука сильно подвинулась вперед.

— Вы отказались от воздушных сетей и кабелей? — вскинул глаза Ли Сяо-ши.

— Да! — удовлетворенно произнес марсианин. — Мы передаем энергию без проводов. — Его глаза весело заблестели.

— Каким образом? — в один голос спросили оба космонавта.

— Поедем, — предложил Тор.

Километрах в пяти правее энергогорода виднелись высокие стальные фермы.

— Здесь, глубоко внизу, — объяснил Тор, — установлены аккумуляторные батареи большой мощности. Они непрерывно заряжаются током с нашей главной электростанции. С помощью автоматических устройств энергия подается на те большие металлические шары, которые вы видите на мачтах. Они-то и производят пульсирующие разряды в атмосферу. Создается ток, распространяющийся во все стороны. Соответствующие устройства на предприятиях, нуждающихся в энергии, принимают его.

Путешественники еще раз выразили свое восхищение, чем окончательно покорили сердце Тора. Несколько снимков завершили осмотр.

— Где мы расположимся на отдых? — спросил марсианин. Кстати, мы еще не обедали.

— Тут мы целиком полагаемся на вас, — ответил Виктор Петрович.

— Тогда я предлагаю ехать еще часа два. Мы доберемся до города Анху. Там никто не живет, но можно удобно приготовить пищу и организовать ночлег.

В пурпуровых и синих лучах заката посреди холодной, пустынной равнины путешественникам открылось удивительное зрелище. На фоне коричнево-красных песков и темно-лилового неба виднелись развалины древнего города.

Он был вовсе не похож на современные города Анта, глубоко врытые в почву. На поверхности планеты, совсем как на Земле, высились остатки дворцов, храмов, жилых домов. Город раскинулся на обширной территории. Даже в сильный бинокль космонавты не могли рассмотреть, где кончаются развалины.

— Что это? — спросил Ли Сяо-ши.

— Печальные останки Анху — древней столицы Анта.

Марсианин рассказал, что много тысяч лет назад, когда жизнь на Анте шла иначе, города воздвигались из камня и строились наверху. Но ученые уже предвидели трагическое будущее. Началось строительство каналов. Население было вынуждено переселяться в пустыни, туда, где шли работы. Опустевшие города начали приходить в упадок. Из поколения в поколение хирела и разрушалась великолепная столица. По мере похолодания климата стал развиваться новый вид городов, скрытых под почвой. Настал день, когда последние жители покинули бывшую столицу. Прошли еще века, пески засыпали улицы, а ветры довершили разрушение...

Длинные густо-синие тени потянулись по песку, над которым поднимались только верхние этажи когда-то прекрасных зданий. Медленно продвигался вездеход, лавируя между руинами, то поднимаясь на песчаные гряды, то опускаясь между ними. Долго они ездили среди развалин, пока не нашли круглый купол храма, поднимающийся из песка. Под крышей из глазированной черепицы виднелись стены, достаточно хорошо сохранившиеся. Сквозь оконные проемы можно было проникнуть внутрь. Тут и решили сделать привал.

Водитель и два солдата принялись готовить обед, а путешественники решили осмотреть развалины, пока не спустилась тьма. Последние лучи солнца еще горели на блестящих расписных черепицах купола и позволяли судить, каким был храм в эпоху расцвета. Четыре древние башни поднимались над песками соответственно странам света.

Неизъяснимое волнение охватывает каждого при виде остатков минувшего: египетских пирамид, загадочного лица сфинкса, древних городов Индии. С чувством глубокого уважения к трудам и творческому гению предков склоняет свою голову человек перед немыми памятниками прошлого. Во сколько же раз сильнее было волнение, которое испытали космонавты, видя остатки древнейшей цивилизации на далекой и чуждой планете!

Не говоря ни слова, ученые медленно ходили среди развалин. Тор, понимая их состояние, молча следовал за гостями. Рассматривая разрушенные здания и любуясь причудливой архитектурой. Яхонтов и Ли Сяо-ши незаметно отошли от стоянки вездехода. Перед ними были остатки круглой башни. Виктор Петрович заглянул внутрь и сразу же отскочил с возгласом удивления. Марсианин бросился вперед, чтобы понять причину.

— Идите сюда, — позвал он тотчас же. — Это не опасно.

Внутри, прямо на песке, лежал большой клубок змей. Толстые, с человеческую руку, длинные, но не гладкие, а покрытые тонким ворсом, вроде мышиного меха, они лежали, свившись друг с другом. Головы, очевидно менее подверженные холоду, торчали наружу, образуя отвратительный букет. Пресмыкающиеся оцепенели и стали твердыми, будто сделанные из металла.

Виктор Петрович попытался руками распутать клубок и извлечь хотя бы одну, но это оказалось невозможно.

— Змеи промерзли насквозь, — сказал Тор. — Их можно ударить палкой и разбить вдребезги. Сейчас они совершенно безопасны, но когда пригреет солнце, гады оживут — тогда берегитесь встречи. Они очень ядовиты.

Крики солдат, сообщавших, что ужин готов, прервали короткую лекцию. Всего второй раз за время жизни на Марсе космонавтам

пришлось питаться на воздухе, а не в теплом помещении, и они снова пожалели о здешней разреженной атмосфере. Никак нельзя было приготовить горячее в земном понимании этого слова. Самый крутой кипяток, бурлящий ключом, здесь можно было пить не только не обжигаясь, но даже не очень согреваясь.

Когда ужин был закончен, солнце уже почти скрылось за горизонтом. Экспедиция имела спальные мешки с электрическим подогревом, но их следовало расстелить и присоединить к батареям. Этим и занялись Тор с солдатами, а Виктор Петрович и Ли Сяо-ши решили еще немного пройтись перед сном.

— Только, пожалуйста, не уходите далеко, — напутствовал их марсианин.

Путешественники тихонько пошли рядом. Тор поглядел им вслед, потом подумал и отдал короткое приказание солдатам. Те в отдалении последовали за космонавтами.

Виктор Петрович пошел не туда, где чернела на фоне заката верхушка змеиной башни, а в противоположную сторону. Здесь, как и всюду, поднимались из песка верхние этажи, крыши, башенки дворцов и Других строений, создавая неповторимый и трагический архитектурный ансамбль.

Теперь, когда солнце уже село и быстро сгущалась темнота, изломанные очертания разрушенных зданий рисовались на фоне желто-зеленого неба зловещими черными силуэтами. На самых высоких зданиях еще горели последние отблески заката.

Яхонтов остановился на открытом месте. Краски заката ежеминутно менялись. Мрачное желтое сияние разлилось над пустыней, озарило развалины опустевшего города, осветило высокую фигуру Виктора Петровича. Ли Сяо-ши стоял в тени.

— Смотрите, что делает здесь солнце, — начал Яхонтов, глядя на закат, — мне приходит в голову...

Резкий звук разорвал тишину, неподалеку, среди руин, блеснула вспышка. Виктор Петрович тихо застонал и начал валиться на бок. Ли Сяо-ши кинулся ему на помощь. Подбежали солдаты.

— Охраняйте его, — крикнул Ли Сяо-ши, — я справлюсь с бандитами!

И он бесстрашно побежал прямо туда, где увидел вспышку. Темнота сгущалась с каждой секундой, но Ли Сяо-ши успел заметить чью-то фигуру, мелькнувшую среди разрушенных зданий. Он бежал изо всех сил, делая чудовищные прыжки и перескакивая препятствия. Погоня, увы, осталась безрезультатной. Убийца знал местность лучше преследователя и скрылся.

Ли Сяо-ши прекратил погоню и вернулся к Виктору Петровичу. Два марсианина безуспешно пытались поднять его, чтобы перенести к лагерю, — он был слишком тяжел для них — Ли Сяо-ши осторожно поднял его на руки и понес к месту ночлега. От. костра шло живительное тепло. Общими усилиями Виктора Петровича раздели. Пуля прошла через плечо. Рана оказалась, по счастью, неопасной.

Толстые стены и купол представляли достаточную защиту, снаружи поставили часового. Однако дерзкое покушение показало, что враги не дремлют и за путешественниками следят. Виктору Петровичу после перевязки дали снотворного, и он уснул, а Ли Сяо-ши и Тор всю ночь не сомкнули глаз. Однако никаких происшествий больше не случилось.

Наутро возник вопрос, что делать дальше. Ли Сяо-ши склонялся к мысли, что надо остаться здесь, пока не заживет рана, приняв все меры предосторожности на случай повторного покушения. Марсианский ученый считал, что среди равнины будет безопаснее: преступники не смогут напасть исподтишка.

Спор решил сам раненый. Вскоре после восхода солнца он проснулся и заявил совершенно категорически, что, несмотря на ранение, будет продолжать путь.

4. Путешествие в Элизиум

Пока Виктор Петрович и Ли Сяо-ши готовились к поездке на полюс, другие участники экспедиции также не теряли времени даром. Наташа и Владимир наметили подробный план действий. Надо было тщательно проверить предположение о наличии на Марсе крупных скоплений древних льдов, скрытых глубоко в недрах планеты. Речь могла идти именно о глубоком залегании под слоем песков толщиной

в несколько тысяч метров. Залежи, находящиеся ближе к поверхности, были бы давно обнаружены самими марсианами. Ведь они прекрасно владели техникой горных работ. За тысячи лет они изрыли всю почву, стараясь до предела использовать полезные ископаемые, в частности уголь. Только скважины, проникающие много дальше обычных горных выработок, могли достигнуть льдоносных горизонтов, но их бурение требовало затраты огромнейших сил и средств. Работы такого масштаба нельзя начинать без хорошей разведки.

Что могла предпринять Наташа, хотя и опытный геолог, на незнакомой планете? Необходимо было быстрее и полнее изучить все, что было известно самим марсианам о поверхности их планеты, ее рельефе, химическом составе горных пород и условиях их залегания. Потом следовало критически рассмотреть все факты и, руководствуясь новой гипотезой, выбрать районы для первой разведки на местности.

Наташе и Владимиру предоставили один из кабинетов в здании университета Анта, куда принесли много карт, занявших несколько столов. Но не эти карты больше всего интересовали Наташу. Ей надо было знать, как выглядела планета в древнейшее время, миллионы лет назад. Только рельеф тех геологических периодов мог показать, где располагались водные бассейны. Нужны были геологические карты, но их у марсиан было немного, а их достоверность — весьма сомнительна. Зачастую карта, составленная одним ученым, противоречила другим.

После нескольких часов работы Наташа окончательно запуталась. Резким движением она смахнула со стола несколько свитков, села и задумалась.

— Ничего не могу понять! — грустно сказала она, обращаясь к Владимиру. — Даже голова заболела. Но ведь не мог же Марс постоянно оставаться гладким, как детский мяч.

Владимир посмотрел на разбросанные карты и предложил:

— Давай набросаем схему: возьмем одну из карт, восстанавливающих древний рельеф по работам одного ученого, и на нее нанесем другим цветом линии главных горных хребтов этой же эпохи по данным других исследователей. Тогда сразу увидим, в чем они подтверждают друг друга и где расходятся. Затем третьим цветом наложим

схему следующего периода, и так далее. Останутся пустые места, где не будет никаких линий. Они покажут нам устойчивые впадины и низменности.

— Попробуем, — согласилась Наташа, и они снова принялись за работу.

Трое марсиан, которые доставали карты, не вмешивались и только с любопытством следили за их действиями. К вечеру древний рельеф Марса начал постепенно вырисовываться на карте.

— Баста! — решительно заявила Наташа. — Пойдем ужинать.

На другое утро, когда Виктор Петрович и Ли Сяо-ши уехали, Наташа и Владимир вернулись к прерванной работе. Теперь, когда прошлый облик планеты принял определенные очертания, надо было сопоставить его с современным рельефом. Тут возникли трудности.

Прошло много миллионов лет. На месте горных хребтов возникали равнины, быть может, создавались моря, затем снова поднимались горы, и так много раз. На схеме, построенной Наташей и Владимиром, последовательные этапы в истории планеты были нанесены, но на каком из них и в каком районе можно предполагать большие водоемы, оставалось по-прежнему неизвестным. Надо было что-то решать.

— А каким, собственно, требованиям должен отвечать район разведки? — спросил Владимир. — Ты, специалист-геолог, можешь ответить на такой вопрос?

— Нужна зона, где местность оставалась низменностью в течение миллионов лет. Смотри, вот здесь на западе есть равнина, называется Элизиум.

— Сущий рай! — иронически заметил Владимир. — Почему именно сюда нужно ехать? Не похоже ли это на гадание на кофейной гуще? Где хоть малейшие доводы «за»?

— Ты прав! Элизиум, или Елисейские поля, действительно местопребывание праведников, то есть рай, куда и приглашает тебя верная подруга. Доводы «за» у меня есть. Смотри сам: судя по картам, здесь ровное, гладкое место, существует с давних пор. Расположена эта низменность в зоне умеренного климата.

— Это несколько дальше того места, где мы высадились, продолжал Владимир, — ты помнишь, там тоже была равнина... В конце концов, чем мы рискуем? Поедем!

— Решено! — категорически заявила Наташа. — Надо условиться насчет машины и водителя.

Лукавая улыбка мелькнула на лице Владимира.

— А что тут долго думать, я сам поведу машину, — сказал он будто между прочим.

— Сам? — изумилась Наташа. — Разве ты сумеешь? Когда успел научиться?

— В те дни, когда вы отдыхали, я трудился. Пилоту и механику нетрудно срочно освоить любой двигатель.

Наташа бросила на мужа взгляд, полный восхищения.

— Ты молодец! — призналась она. — Я зря на тебя ворчала.

Разговор прервал вошедший в кабинет марсианин.

— Госпожа, — обратился он к Наташе, — все собрались и ждут тебя.

— Сейчас, сейчас! — заторопилась Наташа.

— Куда это? — осведомился Владимир.

— Я просила собрать здешнюю университетскую молодежь. Надо их привлечь к разведке урана и тория. Поговорим, как организовать такое дело. Ты подожди!

Владимир не успел оглянуться, как стук ее каблучков уже послышался в коридоре. Он только покачал головой, когда стукнула дверь.

В такие минуты он особенно любил жену. Если шла речь о конкретной работе и требовались действия, Наташа преображалась. Она становилась целеустремленной, уверенной в себе, решительной в находчивой. Настал как раз такой момент. За короткое время нужно организовать собственную пои ездку, наладить поиски урана, изучить все, что имеется по геологии планеты... И Наташа удалилась, бодрая и энергичная. Никто не узнал бы в ней женщину, еще недавно заключенную в темницу и вынужденную проводить время в томительном безделье.

Владимир поднялся и вышел во двор. Там стоял один из вездеходов, выделенных в распоряжение космонавтов. Водитель хлопотал около двигателя. Увидев Владимира, он улыбнулся и поднял обе руки

в знак приветствия. Начался урок, вернее, практическая езда. Несмотря на большой опыт, Владимир не считал за грех лишний раз попрактиковаться, поучиться у тех, кто знал дело лучше его. Езда продолжалась около часа. Закончив урок, Владимир ушел еще куда-то и лишь через два часа вернулся в кабинет. Наташи все еще не было. Она появилась немного погодя и еще в дверях начала:

— Слушай, Владимир, если бы ты только видел, какая здесь молодежь! И как хорошо они меня приняли! Задача будет решена, непременно!

— Ты имеешь в виду разведку на уран?

— Конечно! Но дело не только в этом. Я нашла очень интересную вещь. Гляди!

Она поставила на стол небольшой плоский сосуд из серого камня. Владимир повертел его в руках, поставил обратно и сказал небрежно:

— Не вижу ничего особенного. Обыкновенная каменная плошка.

— Несчастный! — воскликнула Наташа. — И я вышла замуж за такого невежду! Это не плошка, а древнее приспособление для растирания зерен — еще от тех времен, которые на Марсе соответствуют нашему каменному веку. Это доказывает, что здесь некогда было развито земледелие, произрастали злаки...

— Ну и что? С каких пор ты стала интересоваться археологией?

— Не в самой мельнице дело, а в материале. Типичная осадочная порода. Догадываешься?

— Вот теперь дошло! — обрадовался Владимир. — Ты же у меня умница. Подтверждение, что здесь были моря. Но где же нашли этот предмет?

— Уместный вопрос! Правда, еще важнее знать, где его сделали. Но это уже тонкость. Разумеется, эти вопросы возникли у меня еще час тому назад.

— Но я вижу его только теперь, — обиделся Владимир.

— Не сердись, я к слову! Беда в том, что никто ничего не знает. Предмет нашли в районе, где нет признаков осадочных пород. Его завезли издалека. Но теперь нет сомнений: где-то на Марсе были моря. И мы обязаны их найти. Понимаешь! Обязаны!

— Ты молодец, Наташа, — снова восхитился Владимир. — И счастливая. К тебе все лучшее само идет в руки. Например, я.

— Какая самоуверенность!

— Ты безусловно добьешься своего. Но и я кое-что сделал. Вот погляди: почтенный старичок, с которым я свел дружбу, нашел одну из самых редких карт.

Он протянул ей маленький полуистлевший свиток. Наташа развернула, посмотрела и всплеснула руками:

— Где ты достал? Древний рельеф планеты, составленный в эпоху Манья-Хор! О тех временах говорится лишь в легендах. А здесь чертежи сделанный уверенной рукой.

— Да, старинный документ. Его нашли случайно среди церковных книг.

— Смотри, — в восторге говорила Наташа, — неизвестный автор уверенно обозначил горы! Они сплошным кольцом охватывают место, где ныне расположена равнина...

— Элизиум! — докончил Владимир.

— Вот именно! Едем, Владимир, едем!

Наташа светилась от радости. Интуитивные догадки подкреплялись теперь документальными данными. Поездка приобретала новый смысл, возникали определенные надежды.

Ехать решили утром на другой день. Еще с вечера Владимир подготовил все необходимое и проверил машину. Поездка была рассчитана на неделю, не больше. Путешественники предполагали все время находиться в экваториальной зоне, удаляясь к северу не более чем до 30 параллели. Аккумуляторы обеспечивали запас энергии на 15 тысяч километров, а по маршруту в оба конца намечалось проехать не более 5 тысяч километров.

Утром после завтрака Владимир сел за руль, Наташа поместилась рядом. Паршин и Индира вышли их проводить. Здесь были также Янхи и весь персонал, который обслуживал космонавтов. От охраны Владимир отказался. Зная его силу, смелость и находчивость, Янхи не настаивал.

Машина была намного меньше, чем ушедшая в район полюса. Это был обычный вездеход, переоборудованный в расчете на пассажиров

более высоких и плотных, чем марсиане. В кабине, несмотря на багаж, было просторно и удобно. Подробная карта местности и компас позволяли ехать уверенно.

Безоблачное небо означало сильный мороз. Земной термометр показывал 65 ниже нуля, когда машина вышла на открытую равнину. Ветер дул навстречу, выл и бесновался, но могучий двигатель легко увлекал вездеход даже против ветра.

Смотря вперед, Владимир не заметил, что далеко слева появилось небольшое облачко пыли, какое поднимается за быстро идущим автомобилем на проселочных дорогах, если давно не было дождя. Это облачко передвигалось заметно скорее, чем вездеход космонавтов, и скрылось за горизонтом в том же направлении, куда они ехали.

Для глаз путешественника в окружающем их пустынном ландшафте не было ничего интересного: голая равнина, кое-где поросшая чахлыми голубовато-зелеными кустиками, желтые пески, иногда серые или красноватые глины. Местами ветер дочиста вымел песок. Тогда обнажались коренные породы темно-серого цвета или же пестрые граниты. Зверей в этой части Анта почти не встречалось. Они держались в более плодородных зонах. Бурая песчаная поземка тянулась понизу. Солнце висело еще невысоко на лиловом небе. Пылающий диск просвечивал через сиреневую вуаль. Предметы не отбрасывали заметных теней. Так продолжалось несколько часов.

Однако Наташа не скучала. Острый глаз геолога видел за внешним однообразием немало такого, чего не замечали другие. Она как бы видела здесь высокие горы, некогда поднимавшие к небу свои скалистые вершины. Теперь от них остались только гранитные массивы, еще не до конца стертые безжалостной рукой времени. Жалкие кустики, будто вырезанные из жести, хрупкие и блестящие, представляли остатки могучих лесов, покрывавших склоны окрестных гор.

А Владимир, привыкший к быстроте, гнал машину по замерзшей равнине на предельной скорости. Вездеход иногда вздрагивал на ухабах, кабина мягко покачивалась на упругих рессорах.

Было далеко за полдень, когда Владимир устал и потребовал сделать привал. Они остановили машину и вышли, чтобы размяться после долгого сидения. Среди песков повсюду торчали угловатые

обломки скал. Их некогда острые грани были обточены ветрами, сглажены и округлены.

Решили согреть чай, чтобы пополнить обед, заключенный в термосе и пока горячий. Дул ветер, и костер пришлось разводить между крупными камнями. Пока Владимир собирал сухие ветки голубого кустарника и разводил огонь, Наташа бродила вокруг, рассматривая местность. Ветры дули здесь преимущественно в одном направлении — с востока на запад, подолгу и упорно. Они обточили камни, придали им некую общую схему: пологий склон, обращенный к востоку против ветра, и крутой обрыв на запад. Пески лежали волнами, схваченные морозом. Местами среди камней они скапливались большими массами вроде барханов — неотъемлемой части пейзажа земных пустынь. Кое-где, наоборот, пески не задерживались, а уносились дальше, обнажая коренную породу.

Владимир следил за огнем, но временами поглядывал и на Наташу. Она отходила все дальше и дальше, то и дело наклоняясь и разглядывая почву. Чай закипел скоро. Владимир хотел позвать жену, но она уже спешила обратно, явно взволнованная.

— Володя! — еще издали кричала она. — Володя, смотри, какая находка!

Голос ее был чуть слышен в разреженной атмосфере, но выражение лица говорило о сильном волнении. Наташа бросила к ногам Владимира порядочную глыбу светло-серого камня.

— Что это? — спросил Владимир.

— Вспомни хорошенько!

— Серая плошка! Осадочные породы?

— Вот именно, — подтвердила Наташа. — И мы с тобой развели костер не где-нибудь, а на берегу бывшего моря. Оглянись кругом и подумай.

Теперь и в глазах Владимира ландшафт приобрел иное содержание. На месте холодной песчаной пустыни, усеянной обломками скал, он живо представил себе прибрежную зону мелководного моря, где древний ил медленно осаждался на коренные породы, еще прежде изъеденные ветром.

По мере того, как Наташа рассказывала, совершенно отчетливо развертывалась картина длительной эволюции поверхности Марса в этом месте.

Вот самые древние периоды, когда здесь лежали сплошной массой застывшие потоки лавы. Из нее и создалась основная порода, содержащая железо. Шли века, из них складывались тысячи и миллионы лет. Кислород атмосферы окислял изверженные породы, придав им красно-бурый оттенок. Ветры, влага, разогревание голых скал под лучами Солнца и быстрое охлаждение по ночам вызвали их растрескивание, разрушение. Первичный монолит разделяло? на глыбы разных размеров и форм. Струи песка, проносясь между осколками, истирали, шлифовали их, придавали камням самую затейливую форму. Одновременно происходило медленное опускание материка. Во впадине собиралась вода, которой еще была богата атмосфера Марса. Так возникло мелководное море, где постепенно развивалась органическая жизнь. Растительные и животные остатки опускались на дно, миллиметр за миллиметром нарастал их слой. Каменные рифы, созданные из первичных пород, испытывали удары морских волн, которые по-своему изменяли формы камня. Затем?.. Затем наступили холода, море замерзло.

— Трагизм положения в том, что бывшее море мы с тобой нашли, но воды в нем не осталось, — с грустью признала Наташа. — Снег и лед здесь безусловно были, но испарились... Ведь в условиях весьма низкого атмосферного давления может происходить так называемая сублимация, или возгонка снега и льда, то есть превращение в пар, минуя жидкую фазу. Так получается, например, с сухим льдом, который испаряется без таяния. И вот, мой друг, здешнее море испарилось, не оставив нам ни грамма льда!

В тоне, каким были сказаны эти слова, звучала ирония, но, по существу, Наташа была сильно обескуражена. Теория оправдалась в ее первой части, но результат получился непредвиденный.

За разговорами оба путешественника забыли про огонь, но он напомнил о себе сам. Резкий порыв ветра опрокинул чайник. Вода разлилась, и пар окутал костер. В воздухе вдруг потемнело. Владимир и Наташа оглянулись и замерли от неожиданности.

Небо изменило свой цвет. Страшная багровая туча поднималась из-за горизонта. Она с каждой секундой все росла и надвигалась с ужасающей быстротой. Атмосферное давление, и без того низкое, катастрофически упало, воздуха не хватало, дышать стало трудно.

— Скорей в кабину! — Владимир тащил за собой Наташу. Прочь отсюда!

Со всех ног они бросились к вездеходу и захлопнули за собой дверцу. Наконец можно было вздохнуть с облегчением: внутри кабины, как и в других помещениях, предназначенных для космонавтов, поддерживалось давление выше обычного.

Главная опасность как будто миновала, но радость была преждевременной. Владимир включил двигатель, желая поскорее покинуть это место, но он не работал! По неизвестной причине в аккумуляторах иссякли запасы энергии. Пока Владимир пытался понять, что случилось, возникла новая опасность. Внезапно с громким треском лопнули оконные пластины, и холодный ветер, несущий мириады песчинок, ворвался в кабину. Тонкие листы прозрачного материала, заменявшие стекла, не выдержали резкой разницы давления внутри кабины и снаружи. Вездеход перестал быть защитой, и космонавты очутились лицом к лицу со стихией.

— Кислородные приборы! — закричал Владимир, но Наташа уже выхватила маски, одну надела на себя, другую протянула мужу.

Все произошло в течение каких-нибудь двух минут. Опытный космический пилот никогда не был трусом, но и не ошибался в оценке опасности. Он понял, что налетевший вихрь неминуемо похоронит вездеход под грудой песка, который проникнет и внутрь. Кабина превратится в могилу... Что же делать?

С высоты вездехода было видно дальше, чем снизу. Острые глаза Владимира обнаружили впереди, в той стороне, откуда катилась буря, небольшое каменное сооружение. Оно походило на башенку, через которую космонавты проникли в трубу водоотводного канала, когда направлялись в замок Ассора. План действий возник мгновенно.

— За мной! — бросил Владимир Наташе и кинулся к выходу. По пути он сунул в карман небольшой электрический фонарик и фляжку с вином.

Ураган уже налетел. Песчаные вихри крутились везде. Мелкая пыль висела в воздухе, пылевая завеса окутала все вокруг. Дневной свет померк, но за плечами у космонавтов висели кислородные приборы. Маски закрывали все лицо и хорошо защищали глаза.

Несомненно, сравнительно слабые марсиане не смогли бы противостоять ветрам такой силы, но хорошо тренированные и физически более сильные космонавты были в состоянии бороться со стихией.

Согнувшись, почти ничего не видя, Владимир упрямо шел вперед, стараясь не сбиваться с намеченного направления. Правой рукой он крепко держал Наташу. Красная мгла ослепляла, ветер валил с ног, песок проникал внутрь комбинезона, но люди продолжали идти.

Умение сохранять раз принятое направление — исключительно важная способность, не раз помогавшая людям избежать смертельной опасности. Владимир недаром считался хорошим пилотом. Он так чутко реагировал на повороты, как будто внутри его черепа скрывался превосходный компас. Ничего не видя среди багровой мглы,

несмотря на дикий и злобный вой ветра, который так и норовил если не сбить людей с ног, то хотя бы заставить их заблудиться в пустыне, он сохранил правильный курс.

И вот настал момент, когда совсем близко, метрах в двух, среди крутящегося песка показалась приземистая круглая башенка. Ее крышу давно сорвал ураган, каменные стены местами развалились, дверь еще держалась, но потеряла свое значение, так как рядом зияла брешь. Здесь и укрылись путешественники. Теперь между людьми и ветром была преграда: можно было перевести дух и осмотреться.

На полу лежала огромная куча песка, но где-то здесь должен был быть люк. Ведь такие башенки ставились над входами в водоводы. Космонавты знали это. Руками они принялись разгребать песок. Вскоре среди каменного пола показалась тяжелая крышка люка. В центре находилось кольцо. Владимир ухватился, напряг все силы, но металлический диск даже не шелохнулся. Еще попытка — тот же

результат. Лицо Владимира побагровело от напряжения, но крышка оставалась неподвижной.

Надо было что-то придумать. Владимир перевел дух. Ураган бесновался. По собственному опыту люди знали, что бури на Марсе длятся многими часами, иногда даже сутками. Песок проникал внутрь башенки через каждую щель. На крышке люка уже начала образовываться новая груда.

— Крышка заржавела, — сказала Наташа. — Попробуем отбить.

Она взяла большой камень — обломок от стены — и принялась отчаянно колотить по крышке и краям люка. Владимир осмотрелся, стараясь найти рычаг. Железная решетка загораживала высокое и узкое окно, ее перекладины были закреплены цементом. Владимир подошел и попробовал. На первый взгляд задача казалась непосильной. Он взялся за средний прут, уперся ногами в стенку и принялся раскачивать решетку, она не поддавалась. Тогда на помощь пришла Наташа. Вдвоем, строго ритмично, они упорно раскачивали упрямую сталь. Решетка сперва изогнулась, а затем выскочила из гнезд. Теперь у них имелись рычаги. Несмотря на жестокий мороз, крупные капли пота текли по лицу Владимира.

Переведя дух, путешественники приступили к главному. Рычаги удалось просунуть в кольцо люка и общими усилиями раскачать упрямую крышку. Открылось черное отверстие. Фонарик пригодился: в его свете стало видно сухое дно колодца, представлявшее собой нижнюю часть каменной трубы.

Без долгих размышлений Владимир подхватил Наташу и осторожно опустил в люк, затем спрыгнул сам и задвинул крышку. Теперь буря была не страшна. В обе стороны уходила длинная бетонная труба, достаточно высокая, чтобы идти в полусогнутом положении.

— Куда мы попали? — спросила Наташа.

— Сейчас разберемся.

Сидя на корточках, астронавты разложили карту. Через равнину Эфиопис на границе с областью Элизиум проходила черная нить канала, носящего на земных картах имя Антеус, в честь героя, который черпал свою силу из недр матери Земли.

Решили идти налево, то есть к северу, до тех пор, пока следующий колодец не позволит выбраться наверх, если буря прекратится, или же идти дальше, если погода не улучшится… Оставаться на месте не имело смысла, так как ураган обязательно насыплет сверху большую груду песка и отрыть люк изнутри все равно будет невозможно.

Рассудив так и зная, что колодец отстоит от соседнего не дальше, чем на один—два километра, космонавты двинулись в поход. Несколько глотков вина из фляжки подбодрили их, а главное, позволили освободиться от песка, который проник в рот и противно хрустел на зубах.

Владимир и Наташа побрели по темной низкой трубе. Уже давно не текла здесь вода. Расстояние в 2 тысячи метров на поверхности кажется незначительным. Иное дело идти ощупью, согнувшись в три погибели, в тесной каменной трубе. Фонарь зажигали изредка: батарея была рассчитана на ограниченный срок, а никто не знал, когда снова можно будет увидеть дневной свет. Шли долго. Чтобы не потерять представление о расстоянии, Владимир про себя считал шаги.

Безмолвие и мрак царили здесь. Не было даже шороха, обычно слышного по ночам в самых пустых помещениях. Звуки человеческих шагов раздавались отчетливо и гулко.

Владимир отсчитал 685 шагов, когда гром близкого взрыва потряс воздух и почти оглушил путников. Во мраке тоннеля после абсолютного безмолвия внезапный грохот показался особенно сильным и неожиданным.

— Что это? — упавшим голосом прошептала Наташа, инстинктивно хватая за руку мужа.

— Конечно, взрыв, — сквозь зубы процедил Владимир. — Хорошо, что мы пошли налево. Кто-то ошибся в расчетах…

— Ты думаешь, это не случайно?

— Здесь не было никого по меньшей мере сотню лет. Стоило появиться нам, как раздается взрыв… Удивительное совпадение!

— Но ведь кругом пустыня. Мы никого не видели.

— Зато нас видели…

— Что делать?

— Идти вперед, но осторожно, и быть готовыми ко всему.

— Мы безоружны.

— Пока у меня свободны руки, я не считаю себя беззащитным.

Крадучись, рассчитывая каждый шаг, поминутно останавливаясь и прислушиваясь, они продолжали идти вперед. Когда, по расчетам Владимира, прошли тысячу метров, зажгли фонарь. Над головой был сплошной бетон, безо всякого намека на выход. Пришлось идти дальше. Никаких подозрительных звуков не возникало в тишине. Еще через пятьсот метров снова зажгли фонарь. Неподалеку виднелось черное отверстие вертикального колодца. Металлические скобы, вбитые в стенки, создавали подобие лестницы.

— Смотри, — прошептала Наташа, — по ним спускались!

Старые скобы посредине были чисты от ржавчины и даже блестели.

— Над нами, должно быть, башня, где живет сторож, — тихо произнес Владимир. — По-видимому, он часто спускается сюда. Кто бы он ни был, можно просить приюта. Но осторожно! Ты подожди внизу, а я попробую подняться.

Проверив прочность ступеней, Владимир начал медленно подниматься. Наташа освещала путь. Владимир попытался чуть-чуть поднять крышку люка, стараясь делать это незаметно. Колодец, вероятно, открывали часто, и он надеялся выбраться без затруднений. Однако крышка не поддавалась — люк был заперт...

«Возможно, — подумал Владимир, — у меня хватит сил вырвать замок. Но что дальше? В башне сидит сторож — во время бури незачем выходить наружу. Как он будет себя вести, если крышка люка внезапно откроется и в ней появится голова неизвестного существа? Каждый часовой, поставленный на пост, а сторож тот же часовой, обязан принять меры и пустить в ход оружие... К чему с самого начала ставить себя в положение врага? Если же постучать, кто знает, друг или враг окажется наверху? Ведь кто-то произвел взрыв — быть может, тот же сторож... Вполне вероятное предположение. Кстати, оно сразу объясняет, почему никого из преследователей не было видно враг еще раньше был здесь и ждал появления космонавтов».

Однако последнее предположение Владимир отбросил: никто не мог заранее предвидеть, что буря застигнет космонавтов и они останутся здесь. Поэтому, подумав, он принял решение идти по пути мира и постучал. Ответом было молчание. Еще стук — резкий и продолжительный. Звуки разнеслись по тоннелю водостока и замерли вдали. Никакого ответа...

Владимир принялся барабанить что есть сил. Тогда над головой послышался скрип ключей. Замок щелкнул, и крышка медленно поднялась.

Старый морщинистый марсианин в бедной, местами порванной одежде глядел вниз. На его черном лице не отражалось никакого волнения и даже простого любопытства. Он смотрел на Владимира спокойно, как будто на соседа, постучавшего в дверь.

— Прости, сын мой, — сказал он глухим старческим голосом, — я выходил наружу, но годы мои

велики, сил уже мало, и тебе пришлось ждать. Выходи!

Владимир выбрался наверх и поднял обе руки вверх, приветствуя старика по обычаю Анта.

— Я не один, отец. Со мной женщина.

— Пускай войдет. Старый Ну, никому не откажет в приюте.

Наташа легко поднялась по ступенькам и вышла из колодца.

— Садитесь, дети мои, — суетился старик. — Много лет я не видел такого урагана. Садитесь. У меня нет ничего, кроме кувшина воды и запаса овощей... Что делать?.. Никто уже не помнит старого Ну, он никому не нужен. Только из милости мне доставляют воду и немного пищи. Сейчас я разведу огонь.

В башне было холодно. Ветер за стеной плакал и стонал по-прежнему. Сквозь маленькие окна проникал тусклый красный свет. В помещении стоял полумрак. Не сразу удалось рассмотреть бедное убранство жилища: кривую кровать в углу, примитивный очаг, рядом несколько глиняных и железных сосудов, стол к низенький стул. Больше ничего.

— Не нужно, отец, не трудись, — остановил его Владимир. Мы недавно ели, а вода у нас есть с собой. И не только вода. Попробуй!

Он протянул старику маленькую фляжку. Тот охотно выпил.

— Благодарю тебя, — произнес он с довольной улыбкой. Давно старый сторож не пробовал такого хорошего вина. Но здесь холодно, а я еще не забыл долг гостеприимства.

И старик принялся хлопотать около очага.

Скоро вспыхнуло пламя — жесткий кустарник горел хорошо. У сторожа нашлись овощи. Наташа успела захватить немного продуктов, когда выбегала из кабины. Общими усилиями приготовили похлебку и с аппетитом принялись за обед.

Старый Ну, увидев космонавтов, сперва не удивился, но теперь любопытство светилось в его подслеповатых глазах. Любой посетитель — событие для такого отшельника, ведущего одинокую жизнь среди пустыни. А сейчас под кровом сторожа оказались пришельцы из другого мира, которых старик никогда не видел. Легко понять, как он стремился узнать, почему очутились в этих краях удивительные существа, прибывшие со Звезды Тот.

Искреннее радушие старика невольно подкупало. Ураган продолжал бушевать, ничто не предвещало его близкого окончания.

Сидя на полу, потому что мебели не было, и помешивая тлеющие угли в очаге, Наташа рассказала, зачем они прибыли в страну Ант и как ей хочется найти запасы льда. Она твердо верила, что эти запасы есть.

Старый Ну, выслушал, глядя на огонь потускневшими глазами, и сказал в ответ:

— Давно-давно, тысячи лет назад, народы Анта поняли, что воды — основы жизни — у них мало. Мудрейшие из мудрых — святые служители церкви — смотрели далеко вперед: великие боги открыли им сокровенные тайны жизни и научили видеть сквозь толщу лет. Великий жрец, по имени Манья-Хор, живший несколько тысяч лет назад, уже в те времена предвидел тяжелые годы, когда угроза жажды нависнет над несчастными народами Анта. Он завещал беречь запасы влаги, разумно ее расходовать, заботясь не только о детях и внуках, но и о далеких потомках. По его настоянию и были начаты работы по сооружению каналов. Прошли века. Густая сеть огромных водоводов покрыла планету. По зимам запасы льда и снега создавались на полюсах, летом они таяли, и круглый год с севера или с юга живительные струи драгоценной влаги текли на поля и луга, поступали в города, утоляли жажду многочисленного населения. Но рождались все новые и новые поколения, воды требовалось все больше, а количество ее в природе не увеличивалось. Поля стали на глазах превращаться в пустыни. Пришла в упадок древняя страна. «То воля богов, — сказали мудрецы. — Божественной рукой начертаны пределы, дальше которых не должно быть людей на свете, ибо сама природа ограничивает возможности их размножения». Тогда явился человек, прозванный безумным пророком. Никто не знал, когда и где он родился. Известно лишь одно: мальчишкой он убежал из дома и более тридцати лет скитался неизвестно где. Пришел он здоровым и сильным мужем, но скоро стали говорить, что боги отняли у него разум. Он приходил без зова в дома простых людей, собирал народ на площадях и вел безумные речи. Он утверждал, что всемогущие боги Анта не существующих придумали жрецы. Он заявлял, что в нашем мире вполне довольно

благ для каждого и вовсе незачем ограничивать размножение. Наоборот, — внушал народу этот безумец, — чем больше людей живет на свете, тем легче жить, потому что каждый создает своим трудом больше, чем требуется ему самому. Значит, чем больше людей, тем скорее возрастет излишек. Совсем безумные мысли высказывал этот несчастный. Над ним смеялись. Не раз бедняга сидел в тюрьме, но, выйдя из темницы, снова принимался за старое. И вот однажды какой-то ученый жрец, завидя его на площади и желая посрамить перед народом, спросил самозванного пророка: «Послушай, ты, мудрец, откуда можно взять воду для полей, если народы Анта будут беспредельно размножаться?» В ответ на это сумасшедший начал говорить такое, что все увидели, насколько он безумен...

— Что же рассказал этот несчастный? — спросила Наташа.

— Он начал рассказывать, будто, скитаясь по пустыням, нашел место, где земля, растрескавшись от мороза или от других причин, образовала глубокую щель. Какой-то бес заставил беднягу, неизвестно для чего, просто ради любопытства, спуститься вниз. Нелегко это было. Безумец поранил себе руки и ноги, порвал одежду, но в конце концов очутился на дне пропасти. А дальше, пробираясь по камням, он шел, по его словам, еще несколько часов и наконец увидел перед собой удивительную картину. Оба склона глубокого ущелья состояли из ослепительно белого, местами прозрачного, как бриллиант, камня. И там, где камень, будучи прозрачным, позволял видеть, что находится внутри, глазам бездомного бродяги предстали невиданные чудовища. Как будто сами демоны, населяющие страны Арасвага, скопились тут в несметном количестве. Сумасшедший оцепенел от страха и бросился бежать, но на память захватил с собою большой бриллиант. Когда же он после невероятных страданий выбрался наверх и разглядел камень при свете Солнца, — он растаял у него в руках, ибо представлял собой кусок простого льда...

— Как же объяснил такое чудо этот сумасшедший? — допытывалась Наташа.

— Он утверждал, что в некоторых местах под слоем песков находятся огромные запасы льда и снега. Их можно растопить, тогда воды нам хватит еще на много тысяч лет.

— И что же сделали жрецы? — с волнением спросил Владимир.

Старик грустно улыбнулся.

— Несчастного доставили в замок Великого жреца, и больше его никто никогда не видел...

Установилось молчание. Наташа, глядела на старого Ну блестящими от волнения глазами.

— Скажи мне, отец, — тихо произнесла она, — не сохранило ли предание каких-нибудь намеков на то, где это место, как его найти?

Простой вопрос вызвал неожиданную реакцию. Старик изменился в лице, махнул рукой и замолчал. Космонавты поняли, что здесь есть особые обстоятельства, и не допытывались.

Прошло еще около часа. Беседа продолжалась, но уже не касалась вопроса о воде. И вдруг, совсем неожиданно, старый Ну произнес:

— Я не все рассказал, дети мои. Но час мой близок, и тяжело хранить тайну... Быть может, пройдет еще немного дней, и я унесу ее в могилу, а народ Анта имеет право знать! Слушайте. Безумный пророк не был одинок. Еще в те годы, когда он беспрепятственно ходил из города в город, был молод и хорош собой, случилось, как должно случиться, — он полюбил и женился. Вскоре появился сын... — Здесь дребезжащий, но довольно громкий голос старика превратился в тихий, еле слышный шепот: — То был один из моих предков. И тайна безумца сохранилась, переходя от отца к сыну, от деда к внуку, через старших детей в наших семьях. Жрецы узнали это. Спустя сто лет после того, как пророк исчез в темнице, пришел приказ казнить все наше племя и в корне погасить все разговоры. В живых чудом остался какой-то мой далекий прадед. Он бежал, и вот с тех пор его потомки скрываются в песках пустыни. Конечно, мы сменили имя, но каждый раз перед смертью старший в роде из уст в уста передает древнюю легенду.

— Ты знаешь это место? — Наташа вскочила и устремила горящий взгляд на старого марсианина. — Скажи, ведь это нужно для всего народа Анта!

— Я вам верю, — чуть слышно отозвался старец, пугливо озираясь по сторонам. — Так слушайте...

Грохот близкого взрыва прервал его слова. Стены башни задрожали.

— Где же, говори?! — требовала Наташа. Лицо старика исказилось от страха.

— Боги! — прошептал он. — Боги узнали, что я готов поведать тайну чужеземцам... Нельзя!..

— Какие боги! — закричал Владимир. — Это просто люди! Где они?

Он кинулся к дверям, едва успев натянуть маску. Наташа последовала за ним. Ураган бушевал, сплошная туча красной пыли поглотила космонавтов, слепила их, ветер сбивал с ног. Сначала ничего нельзя было разобрать, потом в просвете, возникшем в вихре песка, вдалеке блеснул огонь. Среди пустыни что-то горело.

— Вездеход! — догадался Владимир. — Они подорвали и сожгли вездеход! Бежим!

Взявшись за руки, собирая все силы, чтобы противостоять буре, они двинулись к пламени.

Да! Это был вездеход. Взрыв уничтожил машину. Кабина валялась в стороне. Аккумуляторы превратились в мусор, двигатель, сорванный с рамы, стал бесформенной грудой металла. Огонь лизал остатки одежды, пищи — всего, что могло гореть.

Удрученные происшествием, возвращались Наташа и Владимир к старой башне, где был теперь их приют.

— Ничего! — утешала Наташа. — Мы потеряли вездеход, зато узнаем тайну...

Но их ожидало новое несчастье. Старый Ну лежал на полу, в луже крови. Тайна, которую он хотел открыть, ушла вместе с ним.

Судя по карте, между башней и городом лежало более пятисот километров бесплодной пустыни. Радиостанция погибла вместе с вездеходом. Паршин и Индира ожидают возвращения Наташи и Владимира не раньше, чем через неделю...

5. Искра Прометея

«Черт его знает, как может сложиться жизнь... — думал профессор Паршин перед началом первой лекции в большой аудитории

главного учебного заведения Анта. — Кто мог вообразить, что мне — профессору Высшего технического училища в Москве придется читать лекции по ядерной физике не где-нибудь, а на Марсе?! Удивительно! И чему я научу марсиан? Как мне излагать такой сложный и специальный вопрос, плохо владея их языком? Нужно придумывать терминологию по. ядерной физике — на их языке ее просто не существует. Ведь радиоактивные элементы остались вовсе неизвестными ученым Анта. Представления о строении вещества у них ограничены философскими допущениями о существовании атомов. Внутренняя структура атома, в особенности атомного ядра, им полностью неизвестна».

Не отсутствие нужных знаний и практических навыков, а трудность передачи материала волновала профессора, когда он, придя нарочно пораньше, наблюдал, как собираются будущие слушатели.

По указанию Элхаба, около двух тысяч крупнейших ученых и инженеров было приглашено в самое большое учебное заведение Анта, чтобы прослушать лекции Сергея Васильевича, а потом под его руководством построить первые атомные реакторы.

Крупнейшая в Анте аудитория представляла собою эллипсовидное помещение, сооруженное в глубине одного из холмов, окружавших столицу. Дневной свет сюда не проникал. Весь потолок образовывал единую светящуюся сферу. Предметы в этом помещении не отбрасывали теней, что позволяло превосходно видеть, как протекают опыты.

К услугам ученых, занимающих кафедру, были сложные проекционные приспособления. Большой экран принимал передачу из любого пункта Анта, где бы ни находился оператор с приемной камерой. Разумеется, говорящие иллюстрированные книги и газеты можно было слушать и видеть всем одновременно.

Каждое кресло имело перед собой индивидуальный пюпитр с принадлежностями для письма и наушниками, чтобы лучше слышать лектора, и небольшой экран, на котором слушатели задних рядов могли видеть демонстрационный стол так, как будто находились рядом.

Матовая белая доска для записей и расчетов находилась близ кафедры. Тут же стояло большое кресло, где в данное время сидел Паршин.

Сергей Васильевич наблюдал, как заполняется аудитория. Каждый опытный лектор знает, что именно в это время складывается представление о составе слушателей и решается вопрос — как подавать материал. Он видел, что здесь присутствовали и женщины — новое для Анта явление. Дагор — председатель Совета Мудрейших — появился в аудитории за полчаса до срока. Постепенно заполнились все ряды. Целое море голов возникало перед Паршиным.

Все началось просто. Поднялся Дагор и сказал:

— Всем известно, зачем сюда пригласили физиков и инженеров. Наш гость, прибывший с соседней планеты, расскажет о тех новых для Анта взглядах и теориях, какими руководствуются в своей деятельности ученые Звезды Тот.

Не спеша, отчетливо произнося каждое слово чужого языка, применяя заранее приспособленную для этого терминологию, профессор Паршин начал излагать положения ядерной физики.

Он рассказал, что атом, известный марсианам как элементарно простая частица — предел физической делимости вещества, — на самом деле представляет собой сложный мир. Рассказав об устройстве электронных оболочек, Сергей Васильевич перешел к атомному ядру. Затем он познакомил слушателей со свойствами ядерных частиц — протонов, нейтронов, мезонов и других частиц, их размерами и массой.

Совершенно новым было для марсиан представление об исключительной плотности ядерного вещества. Сообщение о том, что один кубический сантиметр чистого ядерного вещества весил бы на Земле 100 миллионов тонн, — здесь Сергей Васильевич привел марсианские меры и дал поправку на иную силу тяжести, совершенно ошеломило слушателей.

Трудно было изложить марсианам сущность цементирующих ядро внутренних сил, природа которых еще не в полной мере изучена и учеными Земли. Зато хорошо тренированные в части абстрактного математического мышления марсиане легко усвоили основные

положения теории относительности, в частности взаимосвязь материи и энергии. Знаменитая формула Эйнштейна, связывающая массу и энергию, — количество энергии, заключенной в веществе, равно его массе покоя, умноженной на квадрат скорости света, — была понята сразу и в ее физическом смысле и с математической стороны.

Стоя на кафедре, Сергей Васильевич все время приглядывался к аудитории, отмечая, понятна ли его лекция. Всегда по выражению глаз и лиц можно видеть, как реагируют слушатели, доходят ли слова лектора до их сознания. Полная тишина в зале свидетельствовала о напряженном внимании и интересе. Возникающий по временам нестройный гул говорил о том, что поразительные откровения, потрясающие старые догмы, доходят до слушателей.

Сергей Васильевич видел, что большинство ведет записи. Ему особенно запомнился еще не старый марсианин в третьем ряду. Он не пропускал ни одного слова, а схемы, которые Сергей Васильевич рисовал на доске или же показывал на экране, старательно заносил в блокнот. Паршин знал, что лекция записывается на звуковоспринимающих аппаратах и снимается на кинопленку. Стремление слушателей самим вести конспект свидетельствовало об их интересе, желании не пропустить что-либо нужное.

После перерыва, который продолжался час, занятия пошли иначе.

Теперь на кафедре был уже не физик-теоретик, а инженер-практик. Паршин рассказал марсианам о радиоактивных элементах, в частности об уране. В числе пособий, взятых с Земли, были научно-популярные кинофильмы, поясняющие процесс деления атомных ядер. Документальные фотоснимки и кинофильмы наглядно показали ученым Анта, что такое внутриядерная энергия. Сергей Васильевич показал слушателям один из урановых стержней в алюминиевой оболочке и схему атомного реактора.

Язык схем и чертежей был хорошо понятен инженерам Анта. Тут лекция, по существу, прекратилась — началась оживленная беседа. Марсиане засыпали профессора множеством вопросов об устройстве атомных станций и управлении ядерными реакциями. Их интересовало все: принципы действия реакторов разных типов, материалы, конструкция атомных котлов, техника их сооружения и многое

другое. Ученых Анта волновал вопрос, можно ли построить атомную станцию на их планете, где мало воды, не явится ли это препятствие непреодолимым.

Сергей Васильевич объяснил, что вместо воды вполне возможно и даже выгодно применять жидкие легкоплавкие металлы калий, натрий, висмут и другие.

Всех особенно увлекла идея постройки так называемого бриддерного атомного реактора, который создает во внешнем поясе атомного котла большее количество расщепляющихся материалов, чем сжигает в рабочей зоне. Заманчивая возможность получить из печки после горения больше угля, чем было израсходовано в процессе горения, очень понравилась марсианам. Разумеется, Сергей Васильевич предупредил, что речь идет о превращении более стабильного урана-238 частично в легко расщепляющийся уран-235, частично в новый, также расщепляющийся, элемент — плутоний-239, но никак не о создании топлива из ничего. Однако, независимо от разъяснения, принцип действия бриддерного реактора вызвал огромный интерес.

Паршин не только отвечал на вопросы, но и сам задавал их. Его интересовало, имеется ли на Марсе достаточно развитая промышленность, чтобы изготовить по чертежам разнообразное и сложное оборудование, необходимое для сооружения хотя бы одного атомного реактора. Инженеры Анта, поглядев на снимки и чертежи, заявили, что смогут это сделать при его помощи.

— Ну что же, друзья, — закончил Сергей Васильевич, — мы провели первую беседу. Вопрос освещен в самом общем виде, так сказать, схематически. Давайте возьмемся общими силами за дальнейшее изучение теории и за практическую работу по строительству небольшого атомного реактора. Однако это лишь начальные шаги. Они открывают пути к овладению другим, еще более мощным источником энергии. Я имею в виду термоядерные реакции, но о них речь пойдет дальше. В подарок народу Анта мы привезли с собой немного обогащенного урана. Его достаточно для запуска первого реактора. Если мы обнаружим у вас на планете залежи природного урана, то можно будет соорудить атомный котел бриддерного типа и накопить и другие расщепляемые материалы — плутоний и торий. Они в свою

очередь дадут возможность построить новые реакторы, чтобы в дальнейшем использовать природный уран. Сейчас уже организованы его поиски. У нас на Земле есть легенда о том, как древний герой по имени Прометей похитил у богов священный огонь и дал его людям. Искра небесного огня и послужила началом всей человеческой культуры. Я твердо верю, что первая партия урана, привезенная нами с Земли, подобна той искре Прометея.

Эти последние слова Паршина вызвали целую бурю. Обычно сдержанные, полные сознания собственного достоинства ученые Анта редко проявляли свои чувства. Теперь многие встали на скамьи, кричали приветствия, поднимали вверх обе руки...

В разгаре оваций Паршин вдруг почувствовал, что кто-то осторожно тянет его за рукав. Это был Янхи. По расстроенному выражению лица Сергей Васильевич догадался, что произошло неприятное.

— Что случилось? — взволнованно спросил он.

— Госпожа Наташа и господин Владимир пропали!

Молодой марсианин никак не мог привыкнуть правильно произносить имена космонавтов. Они казались ему слишком длинными по сравнению с односложными и двухсложными именами жителей Анта. Поэтому он исключил из лексикона отчества и фамилии.

— Как пропали?!

— Они поехали вдвоем, — объяснил Янхи. — Мы просили не делать этого, предупреждали... Они не послушали. Прошло двое суток, но никаких известий нет... В той стороне разыгралась буря!..

Неожиданное известие глубоко взволновало ученого. Он не знал, что делать — бежать ли тотчас к Элхабу или самому броситься на поиски. Но он вынужден был еще остаться на кафедре и отвечать на вопросы и приветствия. Янхи ждал.

Когда овации наконец прекратились, Сергей Васильевич поспешил к Элхабу. Тот принял его немедленно.

— Десять скоростных машин отправлено на розыски, — прямо с места начал он. — Беда в том, что наши друзья не оставили точного маршрута. Лишь по словам ученых, помогавших разбирать карты, мы смогли догадаться.

— Удалось найти следы? — осведомился Паршин.

Элхаб ответил не сразу. Он несколько раз прошелся по комнате.

— Да, удалось! Мои люди нашли остатки машины. Она уничтожена взрывом... Где пассажиры — неизвестно. Следов крови нет, трупов не обнаружено.

— Не допускаете же вы мысли, что они...

— Пока я больше ничего не знаю, — резко оборвал Элхаб. Недалеко от места катастрофы нашли убитого сторожа водовода. Одинокий старик жил там уже много лет. Он никому не вредил и никому не был нужен. И его убили... Зачем? Непонятно. Судьба наших друзей пока неизвестна... Не будем смягчать положение. Я в тревоге!

— А Виктор Петрович уже знает?

— Пробуем разыскать его по радио. Пока не удалось, но это не страшно — в полярной зоне бывают помехи.

6. Разговор на полюсе

Вездеход, где находились Яхонтов и Ли Сяо-ши, продолжал свой путь на юг.

Рана Виктора Петровича почти совсем зажила. Старый марсианин оказался сведущим в медицине, и умело положенное лекарство из походной аптечки сделало свое дело: плечо еще оставалось завязанным, но боли прошли.

Космонавты были в дороге уже девятые сутки. Останавливались днем, только чтобы пообедать и немного отдохнуть. К вечеру подбирали подходящее место и останавливались на ночлег, готовили ужин и ложились спать.

А утром, едва позавтракав, — снова в дорогу. Это было вовсе не легко. Машину сильно трясло, и многочасовая качка сильно утомляла. Электрические двигатели издавали на ходу ровный, монотонный гул, вначале навевающий дремоту, потом раздражающий.

Мелкие неудобства эти были бы незаметны при ярких внешних впечатлениях, но их не было: кругом одно и то же. С утра и до вечера машина мчалась по голой равнине, где, казалось, нет никаких следов жизни. Однообразный, унылый ландшафт! Даже солнце не оживляло красок. «Море змей», как называлось это место на картах,

составленных земными астрономами, в отличие от красных глинистых пустынь изобиловало серыми и бурыми оттенками. Кустарники, давно потерявшие листья, почти не влияли на общую тональность пейзажа. Правда, далекие отлогие склоны воспринимались глазом как голубовато-зеленые или синие, а заиндевевшие от мороза стволы и ветки походили на голубую вуаль, брошенную на холмы.

Красная полоска термометра держалась около 80 градусов ниже нуля. Вдыхать настолько охлажденный воздух было невозможно, но ученые Марса снабдили путешественников легкими металлическими сетками для лица. Они надевались на маску. Карманная батарея нагревала сетку до 25–30 градусов выше нуля, и воздух, проходя сквозь нее, становился теплее.

Населенных пунктов почти не встречалось. На третий день путешествия космонавты заметили в стороне развалины.

— Когда-то здесь была крупнейшая в стране энергетическая станция Тахи-Мао, — объяснил Тор. — Работала на углях из копей недалеко отсюда, бездействует свыше двухсот лет.

— Исчерпаны запасы? — спросил Виктор Петрович.

— Завтра увидите, мы будем недалеко от шахт. Там и заночуем.

У развалин Тахи-Мао сделали привал. Спугнули целую стайку мелких зверьков с желтым мехом. Они прятались среди разрушенных зданий и скрылись в степи, заслышав гул машины.

— Дикий пушной зверек — хапи, — ответил Тор на вопросительный взгляд Ли Сяо-ши. — Ценится из-за меха... Мясо его несъедобно.

— А еще кого-нибудь мы тут встретим? — спросил Виктор Петрович.

— Разве только мелких грызунов рами. Они часто ютятся в руинах.

— Подумать только, на всей планете ни одной птицы, — сокрушенно заметил Ли Сяо-ши.

— Как вы сказали? — не понял марсианин.

Виктор Петрович улыбнулся.

— У нас на Земле есть много живых существ, умеющих летать. Свободно передвигаться в воздухе, — попытался объяснить Ли Сяо-ши. — Бывают крупные теплокровные создания с могучими, сильными крыльями — птицы. Понимаете, с передними конечностями, особо

устроенными, позволяющими отрываться от поверхности планеты, не опираясь на нее. Имеется великое множество мелких и мельчайших организмов, устроенных иначе с большим числом конечностей и крыльями другой конструкции. Они отличаются от первых образом жизни, способом размножения, иначе устроенным дыхательным аппаратом, температурой тела, характером внешних покровов. У нас их называют насекомыми.

Путешественники проникли внутрь развалин. Электростанция Тахи-Мао возвышалась над поверхностью почвы, а не углублялась в землю. Ее стены некогда были воздвигнуты из крупных глыб камня неправильной формы, связанных цементным раствором. Такой тип строительства практиковался на Марсе несколько тысяч лет назад. Сейчас балочные перекрытия рухнули, кровля во многих местах провалилась. Все материалы и оборудование, пригодное для использования, были давно вывезены.

Яхонтов и Ли Сяо-ши пожалели, что с ними нет Паршина специалиста по технике. Но и для непосвященного человека руины Тахи-Мао представляли внушительное зрелище. Циклопическое сооружение подавляло своими размерами. Виктор Петрович подсчитал, что высота главного корпуса достигает 25 метров, что для Марса считалось грандиозным. Машинный зал при той же высоте имел площадь примерно 100 на 75 метров. В стороне виднелись развалины других построек, видимо трансформаторных будок и распределительных устройств.

После обеда поехали дальше. Солнце в этих широтах садилось заметно раньше. Вскоре оно приблизилось к горизонту, хотя часы показывали всего 15 часов. За развалинами Тахи-Мао началась область, где прежде кипела жизнь. Неподалеку проходил один из крупных каналов. Он был заметен по рощам, посаженным во всю его длину. Кое-где на открытых местах виднелись сторожевые башни, где жили марсиане, обслуживающие водоводы.

В сумерки на всей трассе вспыхнули фонари. Длинная цепочка огней обозначила путь к полюсу. На ночлег в этот раз остановились в маленьком поселке.

Кроме десятка крупных городов, где сосредоточилась большая часть населения Марса, еще сохранилось несколько мелких. Иногда часть улиц в таком городке была уже засыпана песками, но в них еще ютились семьи, не пожелавшие покидать места, где жили их предки. Встречались некогда цветущие города, покинутые населением по другим причинам, чем наступление песков. Они стояли как величественные памятники прошлого и давали приют отдельным семьям. Попадались и маленькие городки современного происхождения, где жили рабочие, вынужденные находиться вдали от столицы.

Жилища марсиан и здесь были вырыты на склонах невысоких холмов. Внутри было тепло и сухо, только немного тесно для рослых жителей Земли. Ночь прошла спокойно, однако на всякий случай солдаты поочередно дежурили. Утром выехали, как всегда, около 8 часов. Было совсем темно и пришлось включить фары. Рассвело только в 11 часов. Стала видна равнина, далеко на горизонте обозначились вышки ветростанции. Космонавты пересекали промышленную зону, уже непохожую на пустыню. Иногда встречались другие машины. Справа лиловой лентой тянулись далекие леса, они указывали на линию водоводного канала. Налево и впереди шла все та же плоская равнина, поросшая голубым кустарником.

— Мы собирались посмотреть угольные копи, — напомнил Яхонтов.

— Туда мы и едем, — ответил Тор. — Теперь совсем близко.

Однако путешественники не видели ничего, кроме голой бесснежной степи. Лишь через час после полудня машина подошла к месту, где раньше добывали уголь.

Виктор Петрович ожидал увидеть знакомую картину угольных шахт с клетями, терриконами и прочими характерными чертами пейзажа, близкими сердцу каждого горняка. К его удивлению, вездеход остановился недалеко от края большого обрыва, напоминающего обширный песчаный или глиняный карьер.

— Да здесь добыча шла открытым способом! — воскликнул он.

— А как же иначе? — в свою очередь изумился Тор.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что на Марсе пласты угля более тонкие, чем на Земле, находились обычно неглубоко от

поверхности и располагались горизонтально. При высокой технике землеройных работ марсиане предпочитали снимать пустую породу на огромных площадях, чем рыть шахты. Поэтому выработанный до предела каменноугольный бассейн представлял собой громадный котлован. Его края скрывались за горизонтом.

Солнце уже садилось. Решили заночевать здесь же, у края. Теплые комбинезоны и специальные мешки с электрическим подогревом позволяли спать на воздухе при любой температуре. Развели костер, вскипятили чай и улеглись под охраной одного из солдат. В этот день как-то особо чувствовалась усталость. Легли рано, часов в девять вечера. Небо очистилось от легких облаков и горело мириадами звезд.

Космонавты долго не могли уснуть. Так странно было лежать под открытым небом в эту морозную ночь, видеть над головой знакомые созвездия, и среди них две маленькие, как бы игрушечные луны. Вскоре Фобос скрылся за горизонтом, и стало совсем темно. Силуэт вездехода чернел на фоне звездного неба, чуть слышно скрипел песок под ногами часового. Еще в сумерки осмотрели окрестности и не обнаружили ничего подозрительного. Да и кто мог скрываться здесь, среди совершенно открытого пространства, или внизу, на дне и склонах.

Ли Сяо-ши лежал с краю, рядом спал Виктор Петрович, за ним Тор. С другого края находился водитель машины. Один солдат спал в стороне, ближе к вездеходу, другой медленно ходил вокруг спящих, стараясь не поддаваться дремоте и доверяя не столько глазам, сколько слуху. Среди мрака почти ничего нельзя было рассмотреть.

Ли Сяо-ши спал крепко, без сновидений. Нагретая электричеством металлическая сетка создавала живительную теплоту вокруг тела и на лице под маской. И вдруг какая-то тяжесть обрушилась на него. Заключенный в спальном мешке, он был абсолютно беспомощен. Капюшон и маска закрывали голову. Он ничего не видел и не сразу мог освободить руки. Внезапно разбуженный. Ли Сяо-ши не сразу пришел в себя, он лишь почувствовал, что под ним уже нет твердой почвы. Мешок, схваченный посредине, раскачивается, словно в пустоте.

Ли Сяо-ши всегда отличался самообладанием, но в этот момент чисто инстинктивно закричал.

Часовой замер от неожиданности, тем более что вопль донесся не с того места, где спал Ли Сяо-ши, а с другой стороны. Солдат бросился туда.

Виктор Петрович, спавший рядом, в какие-то доли секунды разорвал клапан и выскочил из мешка. Это было не так просто сделать, тем более с перевязанной рукой, но он ухитрился оттолкнуться ногами, выскользнуть, как змея, и тотчас же подняться.

— Включить фары! — закричал он. — Скорее!

Спавший рядом солдат понял и кинулся в кабину. Вспыхнули все прожекторы, и длинный сноп света озарил равнину. Тогда уже довольно далеко стал виден какой-то крупный зверь, мягкими прыжками скачущий по степи. В зубах он держал спальный мешок с Ли Сяо-ши.

Забывая о своих годах и раненой руке, академик помчался вдогонку. Здесь опять проявились преимущества, которыми обладали жители Земли на планете с меньшей силой тяжести. Виктор Петрович несся большими прыжками с пистолетом в руке. Зверь нес большую для него тяжесть и не мог двигаться быстро. Он попытался круто свернуть в сторону, но луч прожектора метнулся туда же. Расстояние заметно сокращалось. Тогда хищник бросил добычу и пустился наутек. Яхонтов не прекратил преследования. Он понял, что остальные окажут помощь Ли Сяо-ши, и решил во что бы то ни стало уничтожить врага.

Прогремел выстрел, еще один! Животное, цепко схваченное лучами прожекторов, издало протяжный вой и упало. Подбежал солдат и выстрелом из своего оружия добил хищника.

Тем временем Тор успел расстегнуть мешок и освободить Ли Сяоши. Толстые стенки мешка с вмонтированной в них проволочной сеткой оказались непроницаемыми для зубов зверя, поэтому ученый отделался легкими ушибами и царапинами.

Общими усилиями убитого хищника принесли к вездеходу и положили на освещенное место. Он был величиной с тигра и обладал совершенно черной густой и длинной шерстью. Могучие лапы кончались мягкими подушечками, как у кошек. На передних лапах оказалось по два когтя, пасть с сильными челюстями имела два ряда зубов. Большие круглые глаза состояли как бы из одного зрачка, скрытого за прозрачной оболочкой.

Некоторое время все молча рассматривали неожиданную добычу.

— Спасибо, Виктор Петрович, — с чувством произнес Ли Сяо-ши и крепко пожал руку Яхонтова. — Я вам обязан жизнью. Но вы сильно рисковали.

— Вы счастливо отделались, — сказал Тор, еще не успевший прийти в себя от волнения.

— Что это за создание? — спросил Ли Сяо-ши. — Нападение было так неожиданно...

— Самый страшный хищник Анта — улга. Многие ученые утверждают, что он вымер и в наши дни не встречается...

— По-моему, они ошибаются, — усмехнулся Ли Сяо-ши.

— Для науки весьма ценная добыча, — продолжал Тор. — Теперь мы сумеем рассмотреть его как следует. Непонятно, чем он питается здесь и где скрывается днем...

При свете прожекторов Ли Сяо-ши сделал снимок. После пережитых волнений никто и не думал о сне. Принялись готовить завтрак, укрепили убитого зверя на крыше кабины и двинулись дальше.

В течение нескольких следующих дней путешествие продолжалось без приключений.

Вездеход продвигался все дальше к югу.

В этих высоких широтах Солнце показывалось над горизонтом не больше чем на два часа в сутки, и путешествие происходило в сумеречном свете, часто при свете фар. Здесь уже начинались снега, покрывающие почву тонким рыхлым слоем. Временами казалось, что машина двигается по дороге, покрытой легчайшим пухом. Снежинки не слипались в плотную массу, как на Земле, а оставались раздробленными на отдельные кристаллики. Воздушная волна, возникающая впереди машины, раздувала их, и они поднимались в воздух, образуя своеобразное облачко. В полуденные часы становилось видно небо. Его закрывали бесформенные полупрозрачные облака, плывущие на большой высоте. Солнце просвечивало сквозь туманную завесу тусклым серебристым шаром.

Наблюдать местность в этих условиях было трудно, а фотографировать — в особенности. Ли Сяо-ши снимал только во время остановок, укрепляя камеру на штативе.

Промышленный пояс Анта остался позади, снова потянулась безлюдная холмистая равнина. О присутствии разумных существ говорила только бесконечная цепочка огней, обозначающих трассу одного из действующих каналов.

Древние ирригационные сооружения покрывали Марс густой сетью, но большая часть каналов, разрушенных временем и выведенных из строя, почти сравнялась с поверхностью почвы. Только длинные полосы низкорослых деревьев еще свидетельствовали о высокой культуре прошлых поколений.

Далеко впереди, среди бесконечных просторов пустыни, мелькнуло несколько белых точек.

— Что это? — заинтересовался Виктор Петрович.

— Не разберу, — ответил Тор, — давайте подъедем поближе.

Вездеход несколько изменил курс.

Вскоре стало видно, что в степи раскинулся лагерь исследовательской партии.

Пять странной формы шатров стояли в зарослях кустарника.

Путешественников приняли радушно. Начальник партии объяснил, что здесь работает группа студентов, занятых поисками урановых руд. Яхонтов был очень доволен.

— Видите, — сказал он, глядя на Тора. — Наш призыв уже подхватили: студенты пошли в поход. И будьте уверены, они найдут, что ищут...

В этот момент до слуха Виктора Петровича долетели последние слова информационного сообщения: «...двое из числа чужеземцев, прибывших к нам со Звезды Тот, пропали без вести в Дахно Като, куда они отправились для предварительной разведки ископаемого льда. По распоряжению Верховного Владыки на розыски отправлены крупные отряды охранных войск. Обнаружены остатки машины, уничтоженной происшедшим по неизвестной причине взрывом. Есть основания предполагать, что пассажиры не пострадали, хотя найти их пока не удалось. Обнаружен труп сторожа, охранявшего один из участков старинного водоводного канала вблизи от места происшествия...»

На этом диктор закончил, но и сказанного было довольно. Яхонтов тотчас же связался по радио с Элхабом.

— Я принял все возможные меры, — сообщил тот. — Боевые машины двигаются широкой полосой и просматривают местность. Если бы случилось непоправимое, уже нашлись бы трупы. Я уверен, что они живы. Они могли заблудиться в степях. Кстати, причина взрыва еще неизвестна. Я лично предполагаю покушение. Быть может, враждебные мне силы сумели захватить их в плен. Но мы спасем наших гостей и покараем врагов. Речь идет о чести Анта!

— Мне представляется несомненным, что все это — результат покушения, — сказал Яхонтов. — Вам, вероятно, известно — я также подвергался нападению. Вряд ли есть сомнения, куда ведут нити преступления. Невольно возникает вопрос: какие меры собирается принять правительство к вдохновителям этих действий?

Наступило минутное молчание. Элхаб собирался с мыслями.

— Политическая обстановка в нашей стране не так проста, как кажется, — сказал он после достаточно выразительной паузы. — Речь идет о церкви, а ее влияние в народе все еще велико... Только при совершенно бесспорных данных можно решиться на арест кого-либо из церковных сановников...

Вопрос был слишком сложен, чтобы вести переговоры по радио. Элхаб и так сказал больше, чем следовало. Виктор Петрович поспешил переменить тему, не считая себя вправе даже в этих обстоятельствах вмешиваться во внутренние дела страны, где он был только гостем.

— Я уверен, что приняты все необходимые меры, — продолжал Элхаб. — Без сомнения, мы найдем пропавших! А если здесь совершилось преступление — моя рука не дрогнет. Прошу вас спокойно продолжать путь! Как только мы что-нибудь узнаем, я тотчас сообщу вам.

— Благодарю! Мы, поедем дальше, — сказал Яхонтов.

— Счастливого пути! — закончил Элхаб.

Водитель включил двигатель, и путешественники помчались дальше на юг, навстречу ночи. За последующие часы короткого дня никаких происшествий не случилось. Ночевали снова под открытым небом, на песках, запорошенных снегом.

Следующие сутки прошли уже в условиях полярной ночи. В течение примерно трех—четырех часов были сумерки, остальное время вездеход двигался среди полной темноты. Ориентировались по компасу и другим приборам. Далеко справа тянулась цепочка огней. Лишь они свидетельствовали, что где-то есть жизнь. Сплошные снега покрывали равнину.

На первый взгляд, снежный покров представлял собой огромный запас влаги, но это впечатление было обманчивым. Снег на Марсе можно сравнить с яичным белком, сбитым в пену: слой кажется толстым, но едва прикоснешься, как оказывается, что большая часть его — воздух. Гусеницы вездехода, а их высота достигала метра, целиком погружались в снег. Машина двигалась подобно железнодорожному путеочистителю. Но среда почти не оказывала сопротивления. Высокие валы снежной пены расходились в обе стороны, как волны перед форштевнем быстроходного судна. Густое облако мельчайших снежинок кружилось впереди и мешало водителю, но он знал, что дорога свободна, и не сбавлял хода. Местами, в ложбинах, снег собирался пушистым слоем в несколько метров. Подобные завалы преодолевали с ходу.

Изредка далеко во мраке возникали огни, порой целое скопление светящихся точек. Здесь, в полярной зоне, кое-где жили марсиане. Не раз путешественники пересекали полосы растительности, скрывавшей развалины каналов.

Суровая природа высоких полярных широт Марса проявилась на десятые сутки. Утром путешественники, ночевавшие внутри кабины, прямо на полу, проснулись от злобного воя и свиста ветра. Зажгли прожекторы, сквозь окна во всех направлениях виднелось одно и то же: бешено крутящаяся масса снежной пыли, увлекаемой вихрем. Свет не проникал сквозь эту завесу дальше, чем на два—три метра.

Ли Сяо-ши посмотрел на наружный термометр. Он показывал 110 градусов ниже нуля... Нельзя было и думать выйти из кабины: буря унесла бы смельчака, засыпала снегом, заморозила и похоронила в ближайшей ложбине. Волей-неволей пришлось сидеть в тесной кабине, благодаря судьбу, что над головой есть кров. Буран не

прекращался трое суток. Страшно было подумать, что могло бы случиться с исследователями, не имей они в своем распоряжении такой машины.

Буря затихла внезапно, как и налетела. Случилось это ночью на четвертый день. Прекращение шума, уже ставшего привычным, действует на спящего подобно резкому звуку среди тишины. Все проснулись, хотя часы показывали всего половину четвертого.

— Кончено! — сказал Тор. — Теперь дней десять будет спокойная, морозная погода. Надо выбираться.

— Это легче сказать, чем сделать, — заметил Ли Сяо-ши. Ураган нанес целую гору снега, засыпавшего вездеход многометровым слоем.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Тор. — Мы не можем только прекратить бурю, все остальное в нашей власти...

И действительно, водитель как ни в чем не бывало уселся в свое кресло и включил ток. Машина слегка подалась назад, как бы уминая снег, потом рванулась вперед. После нескольких толчков спереди и сзади освободилось пространство для маневров. Рыхлая масса снега легко поддавалась сжатию. Водитель пустил двигатель на полную мощность. Вездеход прорвался через снежную толщу.

— Теперь прямо на полюс! — сказал Тор.

Набирая скорость, машина помчалась по заснеженной равнине. Во время бури космонавты не могли получить известий о судьбе Наташи и Владимира. Поэтому, едва среди снежного поля вдали показались огоньки поселка, где можно было рассчитывать найти радиостанцию, Виктор Петрович попросил свернуть туда. Им повезло. Отряд рабочих полярной зоны водного хозяйства Анта имел прямую связь со столицей. Элхаб тотчас же отозвался.

— Ну вот, наконец! — воскликнул он. — А я уже думал, не посылать ли вторую спасательную экспедицию!

В его голосе уже не чувствовалось недавних тревожных ноток.

— Все благополучно? — с тревогой осведомился Яхонтов.

— Разумеется! Ваши друзья найдены, через несколько дней будут дома. Разве наши передачи до вас не доходят?

— Мы трое суток были похоронены под снегом. Они здоровы?

— Да, они многое перенесли, но сейчас находятся в полной безопасности. Что передать?

— Мы очень рады! Теперь скоро встретимся.

Огромная тяжесть свалилась с плеч Яхонтова. Все окружающее представлялось теперь в другом свете.

Стояла морозная полярная ночь. Ослепительно яркие звезды висели в небе, слабый свет заходящего Фобоса озарял равнину. Прожекторы брызнули лучами, но глазам путешественников не открылось ничего, кроме снежной пустыни.

— Белое безмолвие! — неожиданно вырвалось у Виктора Петровича.

— Безмолвие — безусловно, но не очень белое, — улыбнулся Ли Сяо-ши. — Скорее, черное!

Глубокую тишину пустыни нарушал только ровный гул моторов. Снежный покров доходил до половины высоты гусениц, но это не отражалось на скорости вездехода.

После нескольких часов быстрой езды местность стала изменяться. Появились довольно высокие холмы, скорее, низкие горы. На их скалистых склонах снег не держался.

Все чаще встречались искусственные сооружения. Над снежным покровом поднимались длинные бетонные трубы, проложенные по поверхности почвы. Это были местные водоводы — разветвленная сеть водосборных каналов. Ближе к экватору они сходились в мощные магистральные сооружения, передающие влагу на далекие расстояния. Нередко на пути вездехода возникали неглубокие бетонированные траншеи, доверху заполненные снегом. Приходилось сильно замедлять ход, перебираясь через препятствия. Иногда среди снегов можно было увидеть крупные, хотя и невысокие, каменные сооружения. Это были насосные станции один из важнейших элементов ирригационной системы Марса. Встречались и жилища марсиан, углубленные в почву и засыпанные снегом. Раза два—три появлялись экипажи — маленькие вездеходы, приспособленные к передвижению по рыхлому снегу.

Последнюю ночь пришлось провести в жилище одного из механиков службы водоснабжения. Наутро, едва машина вышла из поселка.

Тор показал в сторону далекого пятна света, впереди по движению машины, и произнес одно слово:

— Полюс!

Это, был южный полюс Марса. С интересом смотрели путешественники на развертывающуюся перед ними картину. После стольких дней поездки по пустыне, после трехсуточного пребывания под снегом так странно было увидеть здесь, среди полярной ночи, яркие огни, раскиданные на обширном пространстве. Машина шла по сильно холмистой местности. По гребням возвышенностей тянулись ажурные металлические мачты и длинные гирлянды фонарей.

Подъехав ближе, космонавты увидели, что склоны гор покрывают бетонированные русла водосборных траншей. Рельеф местности марсиане приспособили для задержания снега, чтобы использовать влагу до последней капли.

Здесь нельзя было ехать напрямик. Специальные надписи и световые сигналы обязывали транспорт строго придерживаться определенных маршрутов. После долгих поворотов вездеход достиг самой высокой точки горного хребта и остановился на просторной скалистой площадке, господствующей над местностью.

Сильные земные телескопы при удачных атмосферных условиях позволяют видеть эту вершину в форме крохотной белой точки, отделенной от остального массива. Отсюда открывался широкий обзор на всю площадку полярной станции. Запутанный лабиринт гор и холмов состоял из длинных, извилистых водосборных каналов, ведущих к центральной глубокой впадине, своего рода каменной чаше, имеющей в поперечнике несколько десятков километров. Здесь и сосредоточивались основные запасы снега, накопляемого за время полярной ночи. Сейчас, в разгаре зимы, после недавнего урагана, тут образовались высокие снежные горы.

Посредине гигантского природного резервуара высилось огромное сооружение — круглая башня, наподобие усеченного конуса, поднималась к небу на высоту 150 метров. Огненная диадема из прожекторов украшала ее вершину.

Водитель подвел машину к самому подножию башни. Она была воздвигнута над воронкой главного водосбора. Сюда сходились

многочисленные каналы, по которым вода от таяния снегов стекала в трубу основного водовода, питающего южное полушарие планеты.

— Можно подняться наверх, — предложил Тор.

Их встретил марсианин, представленный гостям как начальник водоснабжения Анта. Из беседы выяснилось, что в районе полюса работают всего две-три сотни марсиан. В их обязанности входит наблюдение за состоянием снежного покрова и работой машин. Большинство процессов осуществлялось автоматически. Начальник водоснабжения и четыре помощника поочередно дежурили у главного пульта управления и следили за приборами. Если поступал сигнал о неисправности, — к месту повреждения сейчас же выезжала дежурная группа специалистов.

Электрическая энергия получалась от мощной ветровой станции, расположенной поодаль. Ее нельзя было видеть с той стороны, откуда подъехали космонавты. Верхние этажи башни служили жилищем для персонала полярного городка. В них же находились приборы управления и склады.

Вместе с начальником водоснабжения путешественники поднялись на лифте и вышли на верхнюю площадку. С помощью сильного бинокля отсюда можно было видеть километров на пятьдесят.

— Какое гигантское природное хранилище! — произнес Ли Сяо-ши.

Ему, как астрофизику, особенно интересно было посмотреть, что представляет собой загадочное полярное пятно Марса.

Некоторые земные астрономы предполагали, что здесь концентрируется не замерзшая вода, а твердая углекислота. Другие, применяя весьма тонкие методы исследования, утверждали, что поверхность Марса у полюсов едва прикрывает слой снега не более чем в несколько сантиметров толщиной.

Теперь тайна была раскрыта. Полярная шапка Марса действительно состояла из снега. Но какого! Совершенно твердого, состоящего из мельчайших кристаллов и легкого, как пух, лежащего глубоким сыпучим слоем.

— Сколько же здесь скопляется влаги! — задумчиво сказал Ли Сяоши, глядя на панораму снегохранилища.

— Пойдемте вниз, я покажу приборы, — предложил начальник водоснабжения, — наши лаборатории ведут строгий учет.

Яхонтов поглядел на термометр, который всегда носил с собой. Он показывал 119, 5 градуса ниже нуля. Ли Сяо-ши приладил штатив и сделал несколько снимков. Все спустились вниз.

Лаборатория находилась на 48 этаже. Автомат непрерывно вел записи, причем за час лента барабана передвигалась всего на миллиметр. Начальник водоснабжения включил ток и через несколько секунд получил ответ на вопрос Ли Сяо-ши. Среднее количество осадков за 500 последних лет составило в районе башни в пересчете на воду около 2 сантиметров в год. Слой жидкости такой толщины как бы постоянно находился на полюсе.

— У нас воды побольше, — улыбнулся Виктор Петрович. — На память скажу, что в районе Батуми за год выпадает двести сантиметров, или в сто раз больше.

— Выходит, что здешняя средняя много хуже, чем наши безводные пустыни, — заметил Ли Сяо-ши. — А известно ли, какое количество воды сосредоточивается в полярном хранилище?

— Такие подсчеты есть, — ответил марсианин и назвал цифру, соответствующую 95 кубическим километрам.

Он объяснил затем, что южная полярная шапка Марса иногда достигает в поперечнике до 5800 километров, то есть занимает весьма большую площадь в зимнее время, а к середине лета сокращается до 500 километров. В засушливые годы она почти сходит на нет.

Однако толщина слоя снега далеко не одинакова, и расчет, сделанный в среднем для всей площади, дает ничтожную величину — несколько миллиметров. Этим и объясняется крайне малое годовое количество воды. Показания приборов на башне относится к небольшой полярной котловине. Если же эти запасы распределить по всей поверхности южного полушария Марса, то получается поистине трагическая величина...

— Несчастный мир, обездоленная природой планета! — грустно заметил Яхонтов.

Космонавты убедились, что грандиозная сеть каналов теперь просто бесполезна. Если одновременно открыть все трубы, то годовой

запас влаги быстро рассосался бы по сети и главные водоемы сразу же опустели бы. Не удивительно, что марсиане сохранили в действии один лишь магистральный канал, связывающий полюс и столицу. А прежде не было на Марсе точки, отстоящей от того или другого канала более чем на 300 километров.

Ученые Земли невольно замолчали.

Гостям приготовили обед.

Приглашение отвлекло от грустных мыслей. Ночевали тут же на башне.

Путешественникам отвели отдельную, хорошо обставленную комнату на 39 этаже. Здесь было тепло и уютно. Впервые за две недели можно было лечь спать раздетым и освободиться от надоевших меховых комбинезонов. Но совершенно растрогала космонавтов настоящая горячая ванна. Жители Марса сами никогда не мылись в нашем понимании: обтирание губкой являлось высшей формой их личной гигиены. По рассказам начальник водоснабжения узнал, каковы привычки жителей Земли. Пока шел обед, в одном из нижних этажей освободили большой сосуд, стоявший в лаборатории, и наполнили его водой, доведя ее температуру до 38 градусов.

Наслаждение, которое испытали астронавты, не поддается описанию. После ванны они лежали на мягких матрацах прямо на полу и беседовали.

Теперь, когда первая из намеченных целей была достигнута и тяжелое бремя беспокойства за судьбу Наташи и Владимира свалилось с плеч, можно было отдохнуть и подумать о дальнейшем.

По лицу Ли Сяо-ши Виктор Петрович видел, что китайский ученый только и ждет удобного момента для беседы. Яхонтов хорошо изучил своего ученика и знал, какая напряженная работа мысли скрывается за его бесстрастной внешностью.

— Рассказывайте, — с улыбкой подбодрил он. Астроном отозвался не сразу.

— Нить моих рассуждений начинается с того факта, что Марсу не хватает кислорода, — начал он. — А это газ, который дает жизнь... Его мало в здешней атмосфере, ничтожно мало. Где же его взять? Он находится в связанном состоянии в твердой оболочке планеты. Пески

— окислы кремния. Глины — окислы алюминия. В изобилии встречаются распыленные железные руды и окислы железа. Везде много кислорода, но выделить его трудно. Потребуется огромное количество энергии. Химия здесь не поможет, нужны другие, принципиально новые пути!

— Атмосфера? — предупредил его слова Яхонтов.

— Да, Виктор Петрович, атмосфера! Она состоит в основном из азота. Но азот в чистом виде, как известно, не поддерживает жизнь. И вот у меня возникла мысль... Если бы найти пути превращения азота в кислород!

— Превращение атмосферного азота в кислород?

— Да! На первый взгляд совсем безумная затея — не лучше, чем попытка найти философский камень. Но если подойти к вопросу с позиций современной физики? Подумайте, Виктор Петрович! Ведь первая ядерная реакция, осуществленная в земных лабораториях, была именно реакция превращения азота в кислород[17]. Конечно, чтобы провести ее в масштабах целой планеты, нужно гигантское количество энергии. Пока что взять ее негде, но постепенно, с развитием атомной энергетики на Марсе... Подумайте! Ведь на Солнце азот непрерывно превращается в кислород. Эта ядерная реакция не фантастика, она происходит постоянно. Надо лишь найти способ управления ею. Превратить сам азот в ядерное горючее! Какие откроются перспективы! Дух захватывает...

Яхонтов ласково посмотрел на молодого ученого.

— Замечательная идея, — сказал он, — бесспорно замечательная, но трудно осуществимая. Мне кажется, что это дело будущего, скорее завтрашний, чем сегодняшний день Марса. Подумайте трезво. У нас просто не хватит времени до срока нашего отлета отсюда, чтобы провести необходимые теоретические исследования и опыты, разработать конструкцию реактора и соорудить его. Бесспорно, что идея эта смелая и интересная. Ядерная физика еще далеко не сказала своего последнего слова. Она на наших глазах превращает в реальность много идей, которые совсем недавно оценивались как фантазия. Быть

[17] Имеются в виду известные опыты Резерфорда — бомбардировка азота альфа-частицами — ядрами гелия. (Прим. автора).

может, нам и удастся «поджечь азот», но, повторяю, это не сегодняшний, а завтрашний день, а мы с вами обязаны мыслить реально. Поэтому думайте над вашей идеей, разрабатывайте ее, но не увлекайтесь и не забывайте о наших реальных возможностях и более осуществимых задачах. — Виктору Петровичу не хотелось охлаждать пыл молодого ученого, но он счел нужным заметить: — Если Наташе и Владимиру удастся обнаружить ископаемые льды, то встанет вопрос о создании термоядерного реактора, работающего на тяжелом водороде. Тогда можно будет вернуться к вашей идее. Быть может, она и в самом деле откроет путь к решению одного из важных аспектов космической трагедии этой обездоленной планеты. Но я думаю, что химия дает более верный способ пополнения запасов свободного кислорода в атмосфере Марса. Ведь вы сами сказали, что большая часть минералов, из которых состоит поверхность планеты, представляет собой окислы кремния, алюминия, железа и ряда других элементов. Освободить заключенный в них кислород можно с помощью обычного электролиза. Конечно, для того чтобы результат сказался в масштабе всего Марса, нужно пропустить через электролизные ванны существенную часть твердой коры планеты... Даже при неограниченных источниках энергии это задача на столетия. Подать такую мысль марсианам мы должны, но ее осуществление — дело будущего, причем не самого близкого...

Ли Сяо-ши был огорчен тем, что Виктор Петрович не поддержал его идею, но постарался не подать вида. В глубине души он даже ругал себя за то, что высказал еще сырые мысли, не продумав их до конца. Виктор Петрович прекрасно понимал его состояние и постарался отвлечь от неприятных мыслей.

Они говорили еще долго, но уже не касались злополучной темы.

7. Невидимые помощники

Зазвенело разбитое стекло. Пробирка выпала из рук Янхи и ударилась о мраморную поверхность стола. Причина была проста, понятна и стара, как мир. Молодой марсианин вместо окуляра микроскопа нередко смотрел в другом направлении. Налево, совсем рядом,

прилежно работала Индира... Именно в эту сторону все чаще и чаще поворачивалась голова Янхи, будто под действием сильного магнитного поля...

Не удивительно, что, посмотрев налево еще раз и встретив укоризненный взгляд Индиры, молодой ученый страшно смутился и выронил хрупкий предмет. Если бы не черный цвет кожи, он, безусловно, стал бы красным, как кумач. Но, к счастью, марсиане лишены способности краснеть.

— Ну можно ли быть таким неловким, — сердито заметила Индира, хотя глаза ее смеялись.

— Простите! Я так неосторожен, — виновато оправдывался Янхи. — Но ничего ужасного не произошло. Тут были погибшие культуры...

— Что вы говорите? — Индира подняла голову. — Снова неудача? Какая это проба?

— Позавчера вы сделали посев номер триста восемь на песчаном грунте. Испытание при температуре минус восемьдесят пять градусов дало отрицательный результат.

— Бактерии погибли? Позвольте, я сама посмотрю. Не стоит огорчаться, — спокойно продолжала девушка, отодвигая микроскоп. — Опыт придется повторить. Попробуйте еще раз.

Молодые люди уже около двух недель работали рядом. Пока другие космонавты путешествовали по Анту, Индира начала свои исследования при помощи Янхи, недавно окончившего биологический факультет. В их распоряжение отвели прекрасную лабораторию, оснащенную превосходным оборудованием. Здесь были замечательные бинокулярные микроскопы с имерсионными объективами, посредством которых марсиане добивались увеличения до 10 тысяч раз. В распоряжение исследователей предоставили электронные приборы с масштабом увеличения до 500 тысяч раз. Индира убедилась, что ученые Марса применяли и фазовоконтрастные микроскопы, позволяющие наблюдать живые микроорганизмы без предварительной окраски.

Все эти поистине великолепные приборы имелись в лаборатории наряду с оригинальными по конструкции автоклавами, термостатами, сушильными шкафами, микротомами и многими другими приспособлениями, необходимыми в тонкой и сложной работе микробиологов.

Индира и Янхи работали с увлечением. Девушка стосковалась по любимому делу и теперь испытывала почти физическое наслаждение, приходя в лабораторию. Она не знала усталости. Ее темные глаза светились огнем подлинного творческого подъема, а это всегда заражает других. Молодой марсианин и прежде любил свою науку, а сейчас, когда смелые замыслы Индиры открыли перед ним безгранично широкие перспективы, ходил как завороженный.

Бесспорный талант, пытливый ум исследователя, огромное трудолюбие и скромность в отношении к окружающим создавали вокруг Индиры атмосферу личного обаяния. В то же время она обладала чарующей женственностью. Черты ее лица, безукоризненно правильного по форме, носили отпечаток той благородной одухотворенности, которая отличает многих представителей индийского народа, прошедшего долгий ряд тысячелетий своими особыми дорогами. Нельзя было оставаться равнодушным, находясь около такой женщины, а

Янхи работал рядом... Совместный труд всегда сближает, особенно если речь идет о творческой работе, о постоянном обмене мыслями.

Ясный и светлый ум сочетался у Янхи с исключительным мужеством и личной отвагой. Индира не могла не заметить его, сумевшего проникнуть в темницы Тонга-Лоа и организовать побег. Но она старалась поменьше о нем думать, концентрируя все свое внимание на работе.

Собирательное понятие «микробы» объединяет множество различных живых организмов, размеры которых измеряются микронами, то есть тысячными долями миллиметра. Понятно, что они становятся доступными человеческому зрению только при увеличении в сотни и тысячи раз. К ним относятся, например, разные виды простейших: мелкие инфузории, амебы и другие живые существа. Имеются микроскопические грибки и дрожжи, то есть невидимые глазом растения, а также похожие на них актиномицеты, представляющие собой переходную форму между грибками и бактериями — мельчайшими одноклеточными существами размером от 1 до 5 микронов.

Бактерии в свою очередь включают в себя шаровидные существа, или кокки, различной формы, палочковидные бациллы, изогнутые вроде запятой — вибрионы, извитые спиреллы. Отдельную группу составляют спиралевидные микроорганизмы, называемые спирохетами, отличающиеся от других видов отсутствием оболочки. В природе существуют риккетсии — еще более мелкие, чем бактерии, паразитические организмы, не превышающие и одного микрона. Они занимают промежуточное место на пути от бактерии к самым загадочным созданиям незримого мира — вирусам. Вокруг последних все время ведутся споры: являются ли они существами, то есть живыми организмами, или веществами, занимающими место уже в неорганическом мире. Ведь вирусы проявляют признаки жизни, в частности способность к размножению, только внутри какой-нибудь живой клетки. Сам по себе вирус в полной мере свойствами живой материи не обладает. Его даже можно выделить в кристаллическом виде, характерном для неорганического мира. Но стоит подобному кристаллу проникнуть внутрь живого организма, как он преображается и оживает.

Мир незримых существ отличается удивительной способностью к размножению. Учеными подсчитано, что одна бактерия через десять часов превращается в миллиард особей, потому что размножение происходит в геометрической прогрессии. Один холерный вибрион, если предоставить ему возможность беспрепятственно размножаться, через тридцать часов может покрыть своим потомством поверхность всего земного шара. Если же задаться целью определить, какую массу живого вещества могут создать микроорганизмы, то окажется, что один микроб при средних темпах размножения через сорок часов достигнет по весу 18, 8 тысячи тонн. Эти цифры кажутся невероятными, но полностью отвечают действительности. Разумеется, нигде в природе подобного беспрепятственного размножения микробов не происходит — не хватит питательного вещества, да и врагов у них слишком много.

Удивительна также и приспособляемость микроорганизмов к самым неблагоприятным условиям существования. Есть бактерии, споры которых сохраняют жизнеспособность после продолжительного кипячения и погибают лишь при нагреве до 115–125 градусов. Некоторые виды микробов свободно развиваются в воде горячих источников, где температура доходит до 70 градусов. Если опустить руку в такую воду, можно получить ожог, а микробы живут и размножаются. С другой стороны, отдельные виды бактерий и их спор выносят охлаждение до минус 253 градусов, то есть до температуры жидкого водорода.

Более высокоорганизованные живые существа требуют кислород для дыхания, так как реакция окисления создает необходимую для жизни энергию. Человек, например, с помощью кислорода воздуха окисляет углеводы своей пищи, в частности крахмал и сахар, превращая их в углекислоту и воду с выделением тепла. А микробы могут окислять даже неорганические соединения, вроде солей железа, аммиака, сероводорода и других, и существовать за счет кислорода, находящегося в связанном состоянии, то есть жить без воздуха.

Именно это свойство микроорганизмов особенно интересовало Индиру. Ее внимание привлекли бактерии такого вида, как

известный на Земле клостридий, свободно живущий в почве и усваивающий газообразный азот из воздуха.

Для Марса, атмосфера которого очень бедна свободным кислородом, такое свойство было особенно ценным. Микроорганизмы играют огромную роль в природе, потому что существуют в неисчислимом количестве. Они принимают участие в образовании почвы, превращая растительные остатки в перегной, нередко определяют ее структуру и состав, например количество азотистых веществ. Они создают залежи бурого железняка, участвуют в образовании углей, торфа и нефти, способствуют возникновению сернистых, кремнекислых и углекислых минералов. Целая группа сульфатредуцирующих бактерий отнимает кислород от сернокислых солей и выделяет сероводород. Гнилостные бактерии разрушают растительные и животные останки, переводя их в соединения, пригодные для питания растений.

Великий кругооборот веществ в природе совершается при непосредственном участии вездесущих микроорганизмов, невидимых, но существующих и активно себя проявляющих.

И, наконец, микроорганизмы обладают еще одним свойством, только им присущим, — редкой пластичностью, способностью изменяться применительно к условиям внешней среды и передавать полученные свойства потомству. Весьма легко возникают в природе и могут быть созданы искусственно новые расы и виды микроорганизмов с совершенно особыми свойствами: повышенной стойкостью к ядам, неблагоприятным температурным условиям и так далее.

Индира поставила перед собой грандиозную по размаху задачу — вывести новые расы микробов, приспособленных к условиям жизни на Марсе и способных преобразовать его природу в желательном направлении.

— Равнины Анта кажутся безводными и бесплодными, — говорила она, увлеченная собственными мыслями, — но надо же разобраться глубже. Что представляют собой здешние почвы? Чаще всего глины, то есть смесь каолина, кварцевого песка, извести, окислов железа. Все эти вещества содержат кислород в связанном виде. Представьте себе новые расы микробов, способных использовать кислород, содержащийся, допустим, в каолине. Его молекула состоит из четырех атомов

водорода, двух — алюминия, двух — кремния и девяти атомов кислорода. При этом до 14 процентов общего веса каолина составляет кристаллизационная вода. Нагрейте химически чистый каолин до температуры красного каления, и он выделит водяные пары. Теперь вообразите, что мы нашли или создали микробы, использующие кислород, заключенный в молекуле каолина. Они вызовут распад этой молекулы, превратят ее в другие соединения — окислы алюминия и окислы кремния, попутно освободят кристаллизационную воду. При массовом размножении таких бактерий глинистая почва сама собой увлажнится и превратится в другую по составу, быть может, лучшую для растений. Понимаете, Янхи, мы сразу решим задачу и улучшения почвы и ее увлажнения!

Янхи все это прекрасно понимал и смотрел на девушку восхищенными глазами.

Идея Индиры в основе своей была правильна. Весьма много минералов содержат в своем составе кристаллизационную воду, и в большом количестве. Призвав на помощь несметные рати невидимых помощников, эту воду, принципиально, можно выделить и использовать. Подобная задача не возникала на Земле просто из-за ненадобности.

Индира изучила состав горных пород, образующих поверхность Марса. Здешние ученые накопили нужные знания и охотно помогали ей в этом деле. Почвы планеты были весьма похожи на земные. На песчаных и глинистых равнинах Анта имелись крупные месторождения хлористых соединений, в которых кристаллизационная вода составляет около 30 процентов общего веса. Здесь были бокситы, содержащие от 12 до 40 процентов воды. Полевые шпаты, гипсы, бурые железняки также богаты водой. На Земле уже обнаружены бактерии, способные разрушать алюмосиликаты, освобождая калий и переводя его в состояние, пригодное для питания растений.

— Итак, посев номер триста восемь не удался, — задумчиво повторила Индира. — Придется попробовать еще раз... Как остальные?

— Пока ничего хорошего, — с грустью ответил Янхи.

— Давайте посмотрим, покажите номер триста двадцать пять! Он в холодильнике.

Янхи принес пробу, увы, культура оставалась в том же состоянии, что, и сутки назад. Индира помрачнела.

— Надо посмотреть номер триста двадцать шесть. Мы хранили его при температуре минус семьдесят градусов, если не ошибаюсь?

Янхи справился по журналу посевов.

— Да.

— Посмотрим.

Стекло оставалось девственно чистым. Микробы не желали размножаться.

— При низких температурах не выходит, — огорченно признала Индира. — Как дела с пробами на песках в термостате?

Янхи принес несколько широких плоских стеклянных чашек с крышками. И здесь видимых изменений не произошло, хотя больше суток культуры бактерий были высеяны на песок и хранились при температуре около 15 градусов выше нуля. Опыт имел целью выяснить, смогут ли земные бактерии развиваться на типичных марсианских песках, окрашенных окислами железа.

— Не лучше ли взять глины? — робко предложил Янхи. — У нас есть образцы из того самого района, где отец высевал споры грибов для своего сигнала.

— Как? Что вы сказали? — внезапно оживилась Индира.

— Я предлагаю взять глинистые песчаники из местности, где был выложен знак. Если на ней удалось вырастить два вида спороносных...

— Правильная мысль! Янхи — вы просто золото! — обрадовалась Индира.

Молодые люди работали с культурами привезенных Индирой холодостойких анаэробных бактерий, то есть таких, которые способны развиваться при отсутствии свободного кислорода. Пытались они создавать новые расы из микробов, существовавших на Марсе, но все время их постигали неудачи. Земные формы отказывались размножаться при низких температурах, а марсианские не желали приспособляться к здешним почвам.

Однажды, когда молодые люди с увлечением спорили о причинах очередной неудачи, дверь лаборатории открылась и показался Элхаб.

Новый Владыка Анта старался видеть все своими глазами. Сейчас он проезжал мимо и, зная, что сын работает здесь, притом над проблемой особого значения, решил зайти без предупреждения.

— Я не помешал? — обычным ровным голосом произнес он, здороваясь.

Индира подняла на Элхаба свои черные глаза, постоянно грустные, вернее задумчивые, и улыбнулась.

— Что вы, что вы, — приветливо сказала она. — Мы очень рады вас видеть. Хотя пока ничем не можем вас обрадовать...

— Не получается? Ничего, друзья! Побеждает самый упорный — говорил Элхаб, осматривая посевы культур.

Сам биолог, он не нуждался в объяснениях и чувствовал себя среди приборов как дома. Уверенными движениями он взялся за микроскоп и наклонился к окуляру.

— Ну что ж! Пока не удалось — сказал он. — Значит, выйдет в следующий раз. Главное — не поддаваться унынию, все будет хорошо. А я принес хорошие известия!

— Про Наташу? — догадалась Индира.

— Разумеется.

— Что с ними?

— Все благополучно. Отряд, посланный на поиски, нашел пропавших, причем совсем не там, где мы предполагали.

— А где же? — спросила Индира.

— Далеко на восток от места катастрофы, в пустыне Сахи. Несчастные брели, не зная направления...

Девушка задумалась.

— Космический пилот превосходно ориентируется везде. Тут что-то неспроста — сказала она.

— И у меня сомнения, — согласился Элхаб. — Но скоро мы все узнаем. По первым сообщениям, бедняги вовсе выбились из сил. Как только подошли машины, они заснули мертвым сном. Через несколько дней они будут здесь и тогда сами все расскажут.

Прошло несколько дней. Все так же упорно и настойчиво работали Индира и Янхи. Жизнь текла размеренно и однообразно.

Неожиданно позвонил стоявший на столе видеофон. Индира сняла трубку. На экране появилось улыбающееся лицо Элхаба.

— Готовьтесь! — довольным тоном произнес он. — Скоро будут здесь. Я послал за вами машину. Говорят, возвращается и другая группа.

— Благодарю вас! — радостно воскликнула девушка.

Наскоро приведя все в порядок, Индира и Янхи направились к выходу. Скоро Индира уже была в своей комнатке. Тут ее ожидала новая радость: совсем недавно, всего полчаса назад, вернулась и другая группа космонавтов.

Яхонтов, спокойный и ровный, как обычно, уже стучал к ней в дверь. При виде девушки его глаза сразу потеплели. Индира бросилась навстречу, но тут же заметила, что Виктор Петрович один.

— Где же Ли Сяо? — с тревогой спросила она.

— Не знаю. Совсем недавно он был здесь, должно быть, помчался прямо к вам.

Старый ученый угадал — Ли Сяо-ши поехал в лабораторию. Еще не зная о предстоящем в этот день возвращении Наташи и Владимира, он торопился поскорее увидеть Индиру. Не раз во время поездки его мысли обращались к ней. И теперь, поддавшись безотчетному порыву, он спешил, очень спешил. Довольный, что путешествие закончилось и предстоит встреча с Индирой, он выскочил из машины и быстро пошел по коридору.

Мягкие ковры заглушали шум шагов. Дойдя до нужной двери. Ли Сяо-ши постучал. Никто не ответил. Подумав, он распахнул створки и замер от неожиданности.

Лаборатория имела один-единственный выход. На стук никто не ответил, а между тем внутри оказался посторонний.

Сначала Ли Сяо-ши подумал, что это кто-либо из студентов или лаборант, убирающий помещение, но тут же понял свою ошибку. Неизвестный был явно смущен. Он быстро повернулся спиной к столу и молчал, выжидательно глядя не ученого.

Поездка на полюс кое-чему научила Ли Сяо-ши. Его острый взгляд сразу заметил, что дверцы термостата раскрыты, хотя никто из ученых никогда не оставит их в таком состоянии. Он обратил внимание

и на поднятые крышки некоторых чашек. Стало ясно, что марсианин оказался тут с недобрыми намерениями.

Не говоря ни слова, Ли Сяо-ши кинулся вперед, но неизвестный ловким прыжком отскочил в сторону и выскочил в коридор. Астроном кинулся за ним вдогонку. Марсианин бежал изо всех сил, но не в ту сторону, откуда пришел Ли Сяо-ши, а в противоположную. Помещение, где находилась лаборатория, непосредственно примыкало к зданию университета. Туда и устремился неизвестный.

Несмотря на то, что Ли Сяо-ши обладал явным преимуществом в скорости, беглецу удалось скрыться в лабиринте коридоров.

Раздосадованный астроном вернулся домой. Здесь его ожидали все участники экспедиции и только что прибывший Элхаб. Ли Сяо-ши вошел в гостиную, откуда слышались голоса. Наташа полулежала в кресле. На ее лице было выражение полного счастья. Владимир стоял около и что-то рассказывал. Яхонтов, Индира и Паршин сидели рядом на диване. Элхаб расположился в кресле с другой стороны комнаты и сосредоточенно слушал, низко опустив голову и глядя куда-то вниз. Правой рукой он нервно постукивал по подлокотнику. Янхи стоял около отца.

— Я повторяю, — возбужденно говорил Владимир. — Мы поняли, что совершена диверсия. Кое-как вернулись к башне, чтобы переждать непогоду. Видим, старый Ну лежит весь в крови. Бросились к нему... Очевидно, за нами следили, и старик служил своего рода приманкой. Кто-то набросился сзади. Дальше я ничего не помню. Мгновенно потерял сознание... Когда очнулся, сколько прошло времени — ничего не знаю. Пришел в себя от зверского холода. Кругом темнота, ночь. Понял, что нахожусь в пустыне среди песков. Ощупью нашел Наташу, она лежала рядом. Фонарь исчез. Куда идти — не знаю. Холод! Стало ясно — нужно идти, иначе замерзнем. Встали и шли до рассвета, не зная направления. Попытались ориентироваться по солнцу... Вот и все!

— Мне нечего добавить, — сказала Наташа. — Потеряла сознание... Пришла в себя, когда разбудил Владимир. Собрала последние силы, и мы пошли. Вот и все... Если бы нас не обнаружили — наверное, конец. У нас вряд ли хватило бы сил продержаться еще сутки.

Наступила небольшая пауза.

— Вот как задумано! — прервал молчание Виктор Петрович. Применили сильный наркотик и бросили среди пустыни. Расчет почти безошибочный. Если бы вы погибли, все равно нельзя доказать преступления: ведь трупы были бы без всяких следов насильственной смерти. Люди заблудились в пустыне и выбились из сил. Если же наркоз пройдет, — и это было предусмотрено, — еще лучше. Тогда смерть в самом деле должна была произойти от истощения или от холода.

— Просчитались дважды, — криво улыбнулся Владимир. — И мы оказались куда крепче, и поиски были куда быстрее и шире, чем ожидали.

— Однако враги действуют энергично, — сказал Яхонтов, обращаясь к Элхабу. — Придется нам просить защиты.

Тот поднял голову и поглядел на всех тяжелым взглядом. Еще ни разу не видели космонавты такого выражения на его лице: Элхаб дрожал от ярости.

— Они хотят бороться, — почти прошептал он. — Пускай! Я пока силен. Мы сумеем защитить своих друзей, и, если надо будет, моя рука не дрогнет!

— Я должен рассказать еще об одном случае, — вмешался Ли Сяоши.

Он передал, что произошло в лаборатории. Элхаб слушал, насупив брови.

— Так вот в чем причина наших неудач! — воскликнула Индира. — Там тоже кто-то хозяйничает.

В тонком и сложном процессе выращивания культур микроорганизмов любое нарушение режима — температуры, химического состава среды и тому подобного — неизбежно влияет на конечный результат. И если кто-то раскрывал термостаты без ведома ученых, если культуры, приспособленные для жизни в бескислородной среде, приводились в соприкосновение с воздухом, если в пробирки вводились вещества, ядовитые для данного вида микробов, — опыты неизбежно оканчивались неудачей. Никому не могло прийти в голову производить, допустим, повторный химический анализ той среды, куда

посеяли культуру. Ее состав был известен заранее. То же и с температурой. Если с вечера термометр указывал в данной камере 50 градусов и к утру оставался на той же точке, кто мог предположить, что ночью он опускался до минус 100 градусов или, наоборот, поднимался выше нуля?

— Янхи! — коротко бросил Элхаб.

— Я здесь, отец, — отозвался молодой ученый.

— Немедленно позвони начальнику дворцовой стражи и передай мой приказ тотчас поставить часовых у входа в здание, где вы работаете!

Пускай задерживают всех, кто без разрешения попытается проникнуть в лабораторию и прилегающие помещения. Янхи выбежал из комнаты.

— Позвольте и мне сказать, — начала Наташа. — Сторожа убили не случайно: старик унес тайну в могилу.

Она подробно передала содержание беседы со старым Ну, и попросила разыскать древние документы, чтобы узнать место, где был найден ископаемый лед.

Элхаб был глубоко возмущен, когда узнал, что сотни лет жрецы скрывали от народа замечательное открытие. Он не сомневался в том, что в основе старинного предания лежит действительное происшествие.

— Подумать только, — весь дрожа от бешенства, говорил Элхаб, — заставить в течение веков страдать от жажды весь народ и в то же время держать под спудом скрытые запасы... Преступление!

Космонавты могли бы добавить многое к этим словам, но воздержались. Что бы ни происходило в общественной жизни Анта, какие бы ни складывались отношения между церковью и государством, это не должно было касаться пришельцев с другой планеты. Они должны были только по мере сил помочь марсианам в их борьбе с природой.

— Я прикажу поднять все древние архивы, — продолжал Элхаб. — Мы привлечем всех, кто может вам помочь... Надо обязательно найти пропавший документ.

8. Проблески грядущего

Работы по сооружению первого на Марсе атомного реактора, пока еще небольшого, опытного, подошли к концу. На южной окраине столицы Анта, поблизости от канала, подающего воду в город, но вдали от жилых кварталов, появилась группа новых зданий. День и ночь здесь работали машины. Стальные челюсти грызли каменистый грунт, рыли узкие щели, расширяли их до размеров будущих улиц и площадей. Механические руки выбирали породу, откидывали в сторону куски камня. Ловкие и подвижные долбильные аппараты вырубали дверные и оконные проемы, проникали в глубину будущих зданий, делали внутренние пустоты. Колонны грузовых вездеходов шли друг за другом бесконечной вереницей и вывозили мусор далеко за город.

Возникал новый архитектурный ансамбль из пяти зданий. Тут произошло смешение двух культур. Традиции Анта нашли выражение в плоских крышах и суженных кверху стенах. Влияние Земли сказалось на размерах окон и широком использовании прозрачных стекловидных материалов.

Еще не успели закончить стены и установить внутренние крепления, как начало поступать оборудование.

Душой стройки был профессор Паршин. Он совершенно преобразился, когда принялся за любимое дело.

В центре площадки высилось главное здание. Тут находился ядерный реактор. Рядом построили котельную, из которой перегретый пар должен был подаваться по трубам на лопасти турбины.

Третье здание — машинный зал — особенно поражало воображение марсиан своими громадными окнами. Сквозь них любопытные могли видеть турбину и мощный генератор. Щит управления всеми агрегатами станции установили в отдельном здании. Обслуживающий персонал разместился в пятом корпусе.

На торжество пуска атомной электростанции собралось много народу.

Пятимесячная зима подходила к концу, заметно потеплело, можно было открыть лицо, не боясь отморозить щеки. А в черных

меховых комбинезонах днем было просто жарко — они сильно нагревались от солнца.

Космонавты собрались вместе, переговариваясь друг с Другом и ожидая начала церемонии. Должен был приехать Элхаб.

Все было готово, не один раз проверено, и Паршин не имел никаких оснований для беспокойства, однако он заметно волновался.

На дороге появилась машина Элхаба. Он отменил старинный чрезмерно сложный и торжественный церемониал шествий Владыки. Пышные процессии со священниками в первых рядах, офицерами стражи и придворными в роскошных одеждах — все это было, по его мнению, ни к чему. Новый правитель Анта больше всего интересовался практическими вопросами.

Когда он подъехал, всего два офицера личной охраны сидели сзади. Правда, взвод солдат дворцового караула был выстроен заранее около станции, но это было сделано прежде всего в интересах безопасности космонавтов. Со времени памятного разговора после возвращения Наташи и Владимира их тщательно охраняли.

Элхаб вышел из машины, отвечая на приветствия толпы, поднял вверх обе руки, оглянулся и быстро направился к небольшой группе землян.

— Ну как? Начнем осмотр? — улыбаясь, произнес он, обращаясь к Паршину. — Торжественную речь отложим на конец.

Откровенно говоря, ученый рассчитывал на другое и собирался сказать несколько слов еще до начала осмотра, но трудно было возразить что-либо против такого делового подхода.

— Пойдемте, — согласился он.

В осмотре станции, кроме самого Элхаба, космонавтов и неизменно сопровождавшего их Янхи, приняли участие все члены Совета Мудрейших и представители прессы. Собралась большая группа, которая и направилась ко входу в главный корпус.

Профессор Паршин давал объяснения.

После осмотра всех агрегатов гостей заинтересовало, как обеспечивается безопасность в работе станции. Паршин рассказал, какая совершенная аппаратура следит за тем, чтобы в окружающее пространство не просочились радиоактивные вещества и не проникли опасные излучения.

— В общем, в этом отношении можно быть совершенно спокойным, — закончил он свою речь.

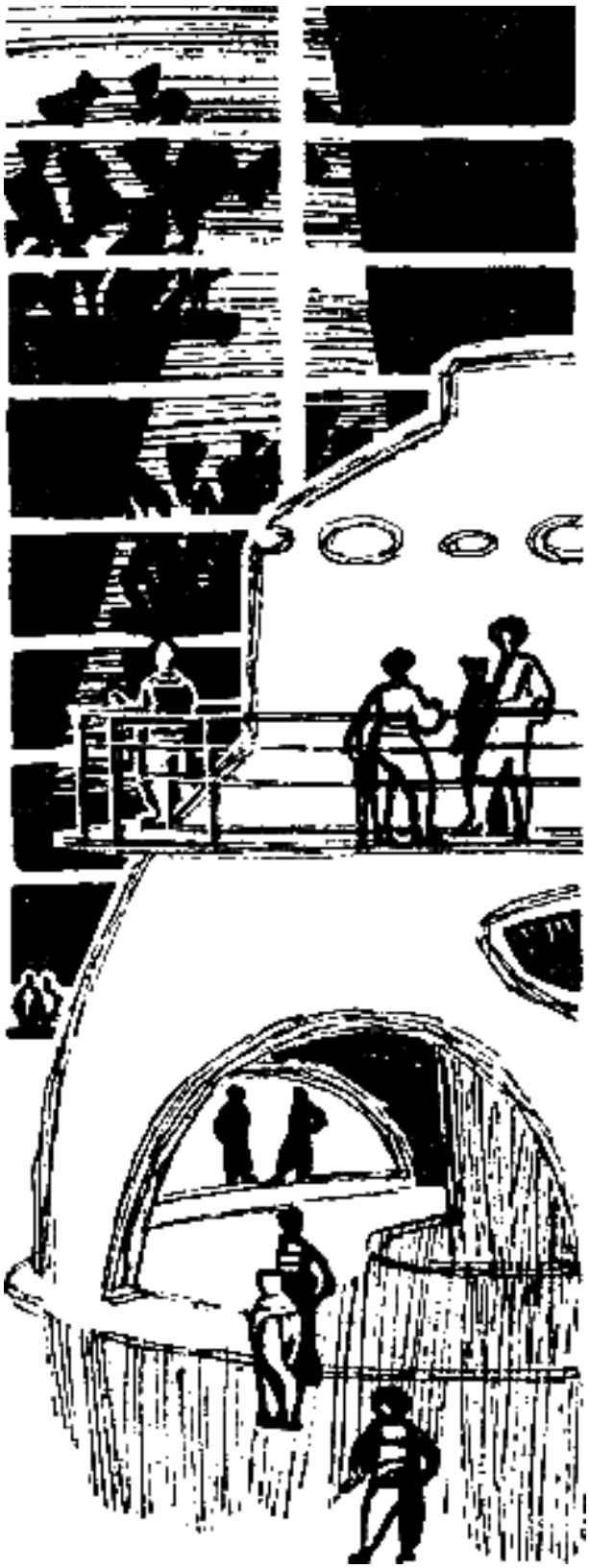
— А если произойдет что-либо непредвиденное, например авария? — спросил Элхаб. — И ваши реле испортились?

— На этот случай есть группа особых приборов, которые в течение миллионных долей секунды прекращают работу реактора и предупреждают несчастье.

— Но нужно, чтобы сами приборы работали безукоризненно, не правда ли? — заметил Ли Сяоши.

— Разумеется!

— А нельзя ли попробовать, как они действуют? — продолжал астроном. — Если я правильно понял, для этого достаточно, чтобы в цепи, соединяющей ионизационную камеру и реле, возник ток. Тотчас придут

в действие моторы, управляющие стержнями?

— Да! — подтвердил Сергей Васильевич, удивляясь, почему астрофизик, прекрасно осведомленный в вопросах ядерной энергетики, задает настолько простые, даже наивные вопросы. Но китайский ученый продолжал спрашивать:

— Ток может быть очень слабым. Ведь приборы управления включают электронные лампы, усиливающие импульсы?

— Безусловно! — недоумевал профессор.

— Давайте попробуем!

— Хорошо! Правда, я не совсем понимаю, в чем смысл... Но если хотите...

— Мне кажется, будет интересно и наглядно.

Паршин вызвал техника, и тот принялся за дело. Элхаб с любопытством наблюдал за этой сценой.

— Готово, — сообщил техник.

— Включите ток!

Техник включил, но, к общему изумлению, реле не сработало.

— Попробуйте еще раз, — попросил Ли Сяо-ши.

Техник попытался, но с тем же результатом. Паршин чувствовал себя очень неловко и только пожимал плечами. Ли Сяо-ши оставался невозмутимым.

— Я допускал возможность неудачи, — спокойно заметил он. — Неполадки могут быть в каждом деле. Никогда не мешает лишний раз проверить аппаратуру перед пуском. На вашем месте я бы проверил все лампы... Особенно у приборов аварийного назначения.

В помещении стояла тишина. Все уже поняли, что дело куда серьезнее, чем казалось вначале. Техник сознавал, что сейчас все смотрят на него, смущался и спешил. Наконец он воскликнул;

— Нашел, эта лампа негодная! — Он показал крошечный темный колпачок. — Как странно... — продолжал он. — Даю слово, не далее, как вчера все было в порядке...

— Случается! — произнес Ли Сяо-ши, сохраняя бесстрастное выражение лица. — Случается! В конце концов, повреждение лампы происходит мгновенно. Но раз уж мы взялись за дело давайте проверим все подряд.

На помощь пришли другие техники. Неисправные лампы нашлись у восьми урановых блоков и у двух аварийных стержней.

— Ну, вот и хорошо! — сказал Ли Сяо-ши. — Осторожность никогда не мешает...

— Плохо! — пробормотал Паршин. — Мягко сказано! Это грозило серьезной аварией всего реактора.

Присутствующие молчали, не зная, что сказать. Тишину нарушил властный голос Элхаба.

— Начальник стражи! — резко произнес он. — Немедленно поставить часовых у всех дверей и тут, возле приборов. Нести охрану день и ночь!.. Продолжим испытание — сказал он более спокойно. — Назло врагам!

В полной тишине Паршин подошел к пульту и повернул рубильник.

— Я включил моторы, — объяснил он. — Теперь урановые стержни медленно опускаются. Когда они коснутся нижней части блока, начнется ядерная реакция. Прошу следить за сигналами.

С минуту на пульте ничего не изменилось, затем сразу вспыхнуло много зеленых сигнальных лампочек. Через секунду загорелось еще несколько... потом еще... Наконец зеленые огни засветились у всех приборов, связанных с урановыми блоками.

— Цепная реакция началась! — произнес профессор. — Температура в котле возрастает. Скоро будет плавиться висмут. Когда он весь превратится в жидкость, загорится сигнал вот здесь.

Он показал на маленький приборчик слева. Все терпеливо ждали.

— В активной зоне реактора, — продолжал Сергей Васильевич, — температура уже достигла девятисот пятидесяти градусов. Процесс становится все более интенсивным. Подходит очередь наших автоматов...

Послышался резкий щелчок.

— Реле включило регулятор блока номер двенадцать. Там процесс пошел слишком бурно.

Второй щелчок показал, что положение исправлено. Вспыхнула лампочка, сигнализирующая о готовности жидкого висмута. Одновременно загорелся другой сигнал.

— Как только температура жидкого металла достигла заданного уровня, пришел в действие насос, — спокойно, как на лекции, объяснял Паршин. — Теперь расплавленный металл поступает в паровой котел, служащий теплообменником, и вторым потоком идет в пароперегреватель. Пройдет еще несколько минут, и будет включена турбина...

Зрители с волнением ожидали.

— Вот сейчас ядерный реактор достиг заданной мощности, продолжал ученый. — Управление его работой полностью перешло к автоматам. Дело инженера сводится к простому наблюдению.

Потребовалось некоторое время, чтобы процесс парообразования дошел до нужной степени интенсивности. Сергей Васильевич следил за приборами. Неожиданно загорелся яркий красный сигнал справа.

Все тихо ахнули. Кое-кто сделал инстинктивное движение к выходу.

— Ничего! Ничего! — успокоил Паршин. — Вспыхнул сигнал предупреждения, означающий готовность к пуску турбины. Прошу внимания! Сейчас она заработает.

Установилась напряженная тишина. Вдруг до слуха присутствующих донесся тихий звук. Он с каждой секундой становился громче, но скоро замер на определенной ноте и перешел в ровный рокочущий гул.

— Турбина работает! — коротко произнес Сергей Васильевич, но в голосе его слышалось торжество. — Пора перейти в машинный зал.

Гости поспешили к выходу. Просторный корпус, где стояли турбина и Генератор, еще освещало заходящее солнце. Отсюда сквозь огромные окна можно было видеть весь город. Он раскинулся далеко внизу в лучах заката.

Есть своя особенная красота в безукоризненно правильных линиях и формах машин и механизмов. Это красота целесообразности. Внешний вид предмета определяется как логическая необходимость строгими расчетами математики. И чем глубже и совершеннее творческая мысль конструктора, тем выше эстетический уровень его создания.

Как хорош в полете современный реактивный самолет и насколько он ушел вперед в эстетическом отношении против уродливых

бипланов первых лет авиации! Как красив быстроходный автомобиль обтекаемой формы, стремительно бегущий по серому полотну дороги! И современная паровая или газовая турбина по-своему прекрасна. Ее внешние очертания, компактный объем, полное отсутствие всего лишнего свидетельствуют о глубине замысла конструкторов. Она дрожит от внутреннего напряжения, кажется живым существом, наделенным могучей силой.

И человек невольно любуется, глядя на работающие механизмы. Он чувствует их красоту.

Подобного рода ощущения волновали всех, кто наблюдал, как чудесная сила, заключенная в ядрах атомов, вдохнула жизнь в мертвое тело большой турбины, озаренной последними лучами заходящего весеннего солнца. И когда она завертелась, набирая скорость, чувство радостной гордости захлестнуло всех присутствующих. Через несколько минут турбина приняла нагрузку. И электрический ток, впервые на Марсе созданный таинственными силами атомного ядра, пошел в сеть.

Настал самый торжественный момент.

— Первая атомная электростанция в стране Анта введена в действие! — отчетливо произнес профессор Паршин, поворачивая рубильник на распределительном щите.

Вспыхнули гирлянды электрических ламп, протянутые для этого случая по стенам и на потолке здания. В первых нежных красках сумерек загорелись мощные прожекторы на башне главного корпуса. Крики восторга послышались из толпы, ожидавшей на площади. Группа почетных гостей, осматривавших станцию, вышла из машинного зала. Все присутствовавшие на торжестве собрались перед главным зданием.

Элхаб, его сын, шестеро космонавтов и Дагор поднялись по лестнице. Яхонтов поднял руку, прося внимания, и вышел вперед. Шум в толпе затих.

— Друзья, — начал Виктор Петрович, — настал день, когда народ Анта воочию увидел, что он не одинок в своей борьбе с природой. Он смог сегодня убедиться, что есть на свете настоящие бескорыстные друзья. Закончено строительство первой опытной атомной

электростанции, созданной совместными усилиями ученых двух соседних планет. Вдумайтесь в смысл этого события. Сама по себе эта электростанция еще невелика, но главное заключается в том, что нынче в руки народа Анта передается совершенно новый, ранее ему не известный источник энергии! И какой чудесной энергии! Научившись управлять ею, талантливый и трудолюбивый народ Анта сумеет в будущем устранить причины, мешающие его дальнейшему развитию. Я счастлив, что в этом деле есть доля труда народов нашей планеты, которую называют здесь Звездой Тот, и Страны Советов, пославшей нас сюда. Мы привезли с собой небольшой запас ядерного горючего, чтобы научить вас обращаться с ним. Нет сомнения, что вы сумеете найти нужные запасы атомного сырья в недрах Анта. Сегодня положено начало, великое начало! Мы принесли вам искру, из которой уже разгорается пламя. Не давайте заглохнуть этому поистине священному огню! Позвольте же мне поздравить народ и правительство Анта с большой победой!

Приветственные возгласы, целый лес поднятых кверху рук послужили ответом.

Элхаб не стал говорить. Он ограничился тем, что поднял обе руки над головой, повернувшись лицом к космонавтам. Это была высшая форма приветствия в Анте. Затем он обменялся крепким рукопожатием, какое принято на Земле, с Яхонтовым и его товарищами.

Торжество закончилось, народ стал расходиться. Воздух казался таким чистым и прозрачным, что не хотелось идти в помещение. Весеннее тепло особенно радовало после суровых зимних морозов. Космонавты решили идти пешком.

9. В лучах заката

Солнце ярко светило на безоблачном небе. Его лучи проникали в лабораторию сквозь круглые окна и весело играли на стекле, на металлических деталях приборов, на гладко полированных плитах рабочих столов. Время близилось к полудню. Слева склонилась над микроскопом Индира. Прозрачный колпачок из мягкого эластичного материала покрывал ее черные волосы, уложенные в высокий пучок.

Такой же прозрачный халат облегал худенькую, стройную фигуру в черном платье.

Индира оторвалась от микроскопа, откинулась в кресле и облегченно вздохнула.

— Устала! — объяснила она, посмотрев направо.

Труд Индиры был однообразен и состоял из повторения одних и тех же операций. Приготовить питательные среды определенного состава, контролируя каждое свое движение в смысле точности рецептуры, абсолютной чистоты и стерильности. Разлить по чашкам приготовленные бульоны или другие смеси, остудить, а тем временем подготовить термостаты, сделать посевы, аккуратно надписать чашки и пробирки, поместить их в лабораторные шкафы с определенными условиями среды. Потом приняться за изучение предыдущих посевов. Посмотреть, как развились культуры, сделать мазки, высушить их, закрепить на стеклах, аккуратно окрасить и поместить на предметный столик микроскопа. И так постоянно одно и то же с небольшими изменениями. И все это затем, чтобы вырастить такой вид микроорганизмов, который обладал бы необходимыми для вас свойствами.

— Устала! — повторила Индира, закинула руки за голову и с наслаждением потянулась.

Рабочее место справа занимал Янхи. У молодых биологов уже вошло в привычку вот так ежедневно по многу часов трудиться, иногда коротая время за мимолетной беседой, но чаще молча, углубившись в наблюдения.

В данный момент Янхи держал в руках плоский стеклянный сосуд с плотно посаженной крышкой и внимательно рассматривал его на просвет. Его лицо было достаточно выразительно: он смотрел на чашку с очередным посевом — без всякого удовольствия. Солнце бросало свои лучи прямо на его черные щеки и прямой нос и заметно согревало лицо, но Янхи лишь немного щурился от чрезмерно яркого света.

— Ну что? — спросила Индира. — Какая судьба постигла пробу номер тысяча сто двадцать?

Номер был написан по стеклу специальным карандашом и хорошо виден.

— Довольно грустный результат, — ответил марсианин.

— Культуры не развились?

— К несчастью, да! Я взял пески пустыни Янха Тана. Их состав для наших целей явно не подходит. Уже третий раз я гублю посевы.

— Быть может, что-либо не так в условиях для роста? Бацилла может развиваться только при полном отсутствии кислорода во внешней среде.

— Не думаю, что был неаккуратен. Я сделал все очень тщательно; прокалил грунт, посев залил сверху вазелиновым маслом, выращивал в камере с большим разрежением воздуха, при температуре минус десять градусов.

Индира задумалась, а Янхи с озабоченным видом продолжал рассматривать чашку.

— Хорошенько посмотрите посев номер тысяча сто тридцать один, — посоветовала Индира. — Я помню, там проба сделана на глинах.

Марсианин поставил чашку на прежнее место, немного покопался в термостате, извлек оттуда другой плоский сосуд, на дне которого был виден широкий слой красноватого вещества, и принялся разглядывать его со всех сторон. По-видимому, наружный осмотр дал лучшие результаты, чем в предыдущем случае. Янхи несколько оживился, поднял крышку и вооружился лупой. Потом взял петледержатель, прокалил в пламени горелки и осторожно сделал мазок.

Индира кончила отдыхать и с легким вздохом снова принялась за работу. Спустя десять минут с правой стороны послышался более бодрый, чем прежде, голос Янхи:

— Уже немного лучше! Культуры растут, но скорость размножения мала. Часть посева погибла, но отдельные колонии остались.

— Постойте, я взгляну сама.

Индира подошла к микроскопу соседа и долго рассматривала препарат, постепенно передвигая его под объективом.

— Мне кажется, у нас первый успех, — заметила она. — Эта раса, несомненно, способна развиваться на тощих глинах и при низких температурах.

— «Первый успех!» — возмущенно закричал Янхи. — И вы называете это первым успехом! Победа, а не успех! Настоящая победа!

Не в силах больше сдерживать восторг, он вскочил, бросился к девушке, схватил ее за руки и закружился по комнате в дикой пляске.

— Довольно! — отбивалась Индира. — Довольно! — сказала она, отдышавшись. — Надо работать. Именно теперь у нас по уши всяких дел. Мы нашли правильный путь. Хорошее начало, не спорю, но далеко еще не все. Удалось вывести первую жизнеспособную расу. Теперь будем ее совершенствовать, приучать к более трудным внешним условиям. А потом — в открытый грунт... Там настоящая проверка!

Исследователи сумели добиться первого успеха. Бактерии, способные жить и развиваться за счет химических элементов, входящих в состав молекулы каолина и алюмосиликатов, при физических условиях Марса существовали теперь по-настоящему, а не в воображении ученых. Они были вот здесь, перед глазами, небольшие зеленоватые пятна на красной глине. Они могли обходиться без кислорода атмосферы. Культуры последнего посева развились, изолированные от воздуха слоем вазелинового масла. Они действительно перерабатывали каолин и высвобождали связанную в нем кристаллизационную воду. В плоской стеклянной чашке жила и развивалась новая раса микробов, которой, быть может, суждено было сыграть серьезную роль в дальнейшей истории, планеты.

Начинался новый этап работы: кропотливо, день за днем, надо было разводить все новые и новые расы микробов, постепенно создавая для них более трудные условия жизни, приближающиеся к суровому климату Марса.

Первые расы оказались жизнеспособными на слое тощей глины при температуре в 10 градусов ниже нуля. Требовалось вырастить новые формы, способные развиваться или хотя бы сохраняться при морозах, достигающих 80—100 градусов.

Предстояла целая серия опытов выращивания этих бактерий совместно с другими, населяющими поверхность и атмосферу Марса, чтобы выявить антагонистические виды и научиться бороться с ними. Надо было создать расы, могущие жить в песках и разлагать

окислы кремния. Много еще надо было сделать, а время никак не хотело остановиться на месте.

Окрыленные успехом ученые снова принялись за работу. В самом разгаре хлопот дверь лаборатории раскрылась, и на пороге появился Элхаб. Как и в прошлый раз, он пришел один, без свиты.

— Ты, отец! Вот не ждал! — воскликнул Янхи.

Владыка Анта поднял сложенные руки, сделав обычный на Марсе приветственный жест, затем склонился перед Индирой в почтительном поклоне — он успел хорошо изучить манеры, принятые на Земле, — и лишь потом повернулся к сыну:

— Владыка государства обязан видеть все сам. Я пришел к вам узнать, как движется работа, столь нужная стране.

— Похвастаться пока нечем, — смущенно сказала Индира. Вот уже несколько месяцев, как мы упорно работаем, стараясь приспособить культуры земных бактерий к условиям здешних пустынь, но задача оказалась труднее, чем я вначале полагала.

— Так, значит, до сих пор нет никаких надежд? Ваша идея так увлекла меня — с сожалением произнес Элхаб.

— Я боюсь спешить с оценкой. Вы знаете, в науке требуется осторожность, — несмело сказала Индира. — Как раз сегодня, словно специально к вашему приходу, появились первые ободряющие признаки. Но я, право, не рискую делать выводы.

— Может быть, вы позволите мне посмотреть? — оживился Элхаб.

Владыка Анта уверенными и точными движениями брал чашки с посевами, быстро просматривал их одну за другой и разочарованно отставлял в сторону. Когда очередь дошла до последней, с номером «1131», он изменился в лице, так как сразу оценил значение зеленых пятен.

Янхи, который внимательно следил за всеми движениями отца, догадался и молча протянул ему предметное стекло с приготовленным мазком. Элхаб ловко и быстро установил микроскоп и нагнулся над тубусом. Через минуту он встал и повернулся к Индире.

— Ободряющие надежды! — воскликнул он с воодушевлением. Не надежды, а настоящая, большая победа! И какая! Думаю, что все мы

еще недостаточно понимаем ее значение. Поздравляю, сердечно поздравляю!

Он смотрел то на сына, то на смущенную девушку с каким-то непривычным для них теплым и ласковым выражением.

— А теперь... Достаточно работать в этот день! Вы засиделись в этих мрачных стенах. Немедленно на воздух!.. Нет, нет, без возражений!.. Поедем за город... И мне надо встряхнуться.

Сборы были недолги. На улице, около входа, стояла машина Элхаба. Блестевшая на солнце темно-синяя кабина имела шесть мягких кресел. Владыка Анта любезно предложил Индире наиболее удобное переднее кресло, откуда открывался хороший обзор во все стороны.

— К пустыне Лита, — распорядился Элхаб, — там, на просторе, дайте полный ход.

Девушка с интересом наблюдала картину марсианской весны. Температура по ночам и утрам все еще держалась на уровне 50–60 градусов мороза, но среди дня солнце сильно пригревало, и темные предметы, даже красноватые стены зданий, становились на ощупь теплыми.

Заметно согревалась и почва. Глина потеряла твердость, стала мягче и эластичнее. Машина мчалась быстро, но без особой тряски. Кабина раскачивалась на ходу. Плавные колебания были даже приятными после многих дней, проведенных у микроскопа.

Низкорослый колючий кустарник сбросил зимнее оцепенение и стал покрываться мелкими синевато-зелеными листочками. Как обычно, в пустынях Анта дул резкий, порывистый ветер, и кустарник колыхался, как море. Его сине-зеленый цвет, отдаленно похожий на цвет моря, будил в сердце Индиры воспоминания о просторах океана.

Лиловое небо, темно-синие дали, голубые холмы, зеленоватый вблизи кустарник — все было странно и необычно, но по-своему прекрасно. Бледный свет далекого солнца уже приобрел золотистый оттенок вечера. Косые предзакатные лучи проникали через окна кабины и озаряли смуглое лицо Индиры. Черные волосы ее выбились из-под белой меховой шапочки.

Оживленная новыми впечатлениями, девушка была очень хороша в эти минуты. Большие черные глаза ее светились от удовольствия.

Элхаб сидел молча, задумчиво глядя вперед. По временам он бросал будто случайные взгляды на Индиру и втайне любовался ею. Янхи притих на заднем сиденье.

— Вы не жалеете, что согласились на эту поездку? — осведомился Элхаб.

— Напротив! Мне просто необходимо видеть природу Анта. Я увлеклась микробами и забыла все на свете.

— Каким же вам кажется наш мир?

— Скажу прямо, — ответила Индира после минутного молчания. — На взгляд жителя Земли — унылая картина: пустыня... холод...

Элхаб был явно огорчен, но ничем не выдал своих чувств. По его знаку водитель остановил машину.

— Давайте пройдемся немного, — предложил он. — Чтобы понять природу Анта, проникнуть в ее душу, нельзя смотреть на пейзажи только через окно машины.

Он помог девушке спуститься по ступенькам. Янхи сначала рванулся тоже, но догадался, что отец желает поговорить с Индирой о чем-то таком, что ему знать не обязательно.

Машина остановилась в ложбине, у склона пологого холма. Владыка Анта хорошо знал это место и вид с гряды. Скалистый гребень обрывался крутым сбросом прямо на закат.

— Какая красота! — невольно воскликнула Индира, когда они достигли вершины холма.

— Сядем, — предложил Элхаб, указывая на гладкий камень, теплый от солнца. Перед ними раскинулась широкая панорама бесконечные просторы пустыни Лита.

Солнце уже поравнялось с горизонтом, и лиловый сумрак окутывал долину. Скалистый обрыв горел в лучах заката теплыми красновато-коричневыми тонами, золотистые и багровые пятна голых песков выделялись кое-где на фоне сине-зеленой растительности. И нигде ни одного живого существа. Простор, необычайный простор!

При виде этой безграничной равнины и догорающего солнца Индира долго стояла неподвижно. Ее душа, склонная к мечтательному созерцанию, всегда была восприимчива к любой красоте, даже такой чужой, как здесь, под холодным небом Марса.

Элхаб прекрасно понимал переживания девушки. Только когда она успела вдоволь насладиться редким зрелищем и полностью воспринять глубокую поэзию ландшафта, он решился прервать молчание.

— Разве у нас так плохо? — тихо спросил он. — Неужели ваша душа неспособна почувствовать красоту другого мира? Посмотрите на эти

синеющие дали, на угасающие краски заката. Разве они не прекрасны?

— При взгляде на такие просторы и мое сердце не остается равнодушным, — ответила девушка. — Но для жителей Земли этот пейзаж полон печали. А мне хочется радости! Вам покажется странным, но я вижу сейчас не столько настоящее, сколько будущее вашего мира... За этим сиреневым туманом я как бы ощущаю завтрашний день Анта. Он непременно наступит. Светлый и радостный, совсем не такой печальный, как этот вечер!.. Солнце сейчас догорает, но оно поднимется вновь!

— Каким же представляется вам наш грядущий день? — с волнением спросил Элхаб.

— Я вижу вашу планету преображенной, — ответила Индира, полузакрыв глаза. Длинные ресницы бросали тень на ее смуглые щеки. — Плодородные почвы на месте сухих и мертвых песков... поля, сады, леса... густые заросли деревьев — все то, что я хотела бы создать...

Элхаб задумался.

— А для самой себя вы не нашли бы места в этом мире?

Индира сразу поняла, какой глубокий смысл скрывается за этими словами, и не спешила с ответом.

— Такая мысль у меня не возникала, — сказала она после долгой паузы, — но вряд ли в вашем мире найдется мне место... Остаться здесь? Зачем, в качестве кого?

Элхаб промолчал. Он сидел, обняв колени, и глядел на закат.

— Мне будет очень тяжело остаться без вас, — вдруг сказал он.

— Что же делать? — улыбнулась Индира. — Мы ведь только гости Анта.

Солнце скрылось, и лиловые сумерки стали сгущаться Элхаб после долгой паузы заговорил отрывисто и заметно волнуясь.

— К чему скрывать! Вы все понимаете. Я одинок, уже давно смерть унесла мою подругу. Теперь я принял бремя высшей власти и обязан назначить королеву... Мой выбор сделан еще давно, в то время, когда я встретил вас. Я знаю, вы существо другого мира. Но именно вы, а не кто-либо другой, принесли с собой волшебные семена жизни... Вы — подлинный творец нового Анта, потому что принесли с собой

зародыши грядущего. Разве это не так? Теперь судите сами, могу ли я быть равнодушен и слеп? Можно ли найти в нашем мире другую женщину, более достойную стать королевой? Кто лучше вас сможет помочь мне, кто лучше разделит со мной заботы и радости правления?.. Пройдет совсем немного дней, и народы Анта станут благословлять ваше имя, создадут легенды о прекрасной деве, прибывшей с неба, чтобы дать им счастье. За тысячи лет существования моей страны, за всю ее историю не было более прекрасной и достойной королевы! Умоляю, подумайте об этом серьезно!

— Я здесь чужая, — тихо сказала Индира, опуская глаза. И я должна вернуться в наш мир...

Она встала, собираясь идти к машине.

— Не торопитесь сказать нет, — произнес Элхаб, постепенно овладевая своими чувствами — Я знаю, как вам трудно. Но я буду ждать!

Они снова пошли рядом, возвращаясь к машине. В лиловом сиянии сумерек два темных силуэта четко выделялись на фоне догорающей вечерней зари, теперь уже не пурпуровой, а зеленоватой.

10. Посевы дали всходы

В работе Индиры и Янхи подошел к концу большой и трудный период: новые расы силикатных бактерий, приспособленных к условиям, существующим на Марсе, успешно развивались в пробирках. Они могли размножаться при температурах до 35 градусов мороза на глинах, песках с примесями глин и полевых шпатах, используя связанный кислород и освобождая калий в форме, пригодной для усвоения растениями. При разрушении минералов за счет деятельности этих бактерий высвобождалась кристаллизационная вода, как и предполагали ученые.

Были проведены большой цикл исследований свободно живущих на Марсе микробов и опыты по их развитию совместно с силикатными микробами земного происхождения. Вначале наблюдались явления угнетения. Какая-либо из форм, более сильная в биологическом отношении, развивалась успешно, а другая хирела и

вырождалась. Пришлось терпеливо изучать причины и постепенно подготовлять микробы к сосуществованию.

Наконец микробиологи сумели вывести расы, удовлетворяющие этим требованиям. Можно было надеяться, что, попав на почвы Марса, новые, искусственно созданные микроорганизмы сумеют ужиться со своими соседями.

Тогда возник вопрос о бактериях, усваивающих азот. Многие земные растения извлекают азотистые вещества из почвы, но огромную роль играют микроорганизмы, способные воспринимать азот прямо из атмосферы и перемещать его в почву, притом в легко усвояемом виде. Это клубеньковые бактерии, развивающиеся на корнях отдельных видов растений и поглощающие атмосферный азот, который затем превращается в белковое вещество их тела и остается в почве. Таким путем, например, клевер в течение года накапливает до 160 килограммов азота на каждый гектар земли, а люцерна — до 300. На Земле известен также микроб клостридий, не нуждающийся в кислороде воздуха, свободно живущий в почве и усваивающий газообразный азот, перевода его в соединения, нужные для питания растений.

В числе незримых существ, обитающих на Марсе, разумеется, были свои виды азотопоглощающих микроорганизмов. Индира и Янхи долго изучали условия их развития и возможности совместного существования с клостридием и клубеньковыми бактериями, привезенными с Земли.

Очень важно было заставить эти невидимые создания мирно уживаться друг с другом. Молодые ученые стремились создать искусственным путем колонии из нескольких видов микроорганизмов, послушных воле человека.

Приближались дни серьезных испытаний. Предстояла проверка непосредственно на полях, под лучами губительного для микробов солнца и в условиях свирепых ночных морозов, ветров и песчаных бурь...

Посев производили рано утром на пустынной, лишенной всякой растительности местности, расположенной в зоне умеренного марсианского климата.

В работе приняли участие более двухсот студентов-биологов. За несколько дней до посева Индира и Янхи рассказали будущим помощникам о характере и значении испытания.

Длинная колонна вездеходов доставила молодежь к месту работы. Отведенная для посева площадь была разбита на несколько прямоугольников, по числу испытываемых смесей. Каждый участок обнесли рядами камней и поставили колья с надписями: где, что и когда посеяно. Затем приступили к расселению бактерий, то есть попросту разбрасывали капельки культур, присыпая их сверху. К полудню все было закончено. Разноцветные пески и глины по-разному нагревались солнцем. Температура каждого участка в момент посева была точно измерена и также обозначена на дощечке.

Теперь оставалось только ждать результатов. Наметили срок — три дня. За это время бактерии должны были достаточно размножиться.

Элхаб сказал, что он сам хочет осмотреть посевы. Конечно, должны были поехать и все космонавты. Особенно близко к сердцу принимал заботы Индиры Ли Сяо-ши. Он подолгу беседовал с девушкой, порой поражая ее осведомленностью в специальных вопросах микробиологии.

Индира удивлялась его широкому кругозору, не подозревая, что он все свое свободное время посвящал теперь изучению этих вопросов, чтобы оказаться полезным, если вдруг потребуется его помощь. Космонавты привезли с собой книги каждый по своей специальности. Ничего не было удивительного, что Ли Сяо-ши читал литературу не только по астрономии и астрофизике. Много интересного можно было узнать и от марсианских ученых. Говорящие книги Анта тоже имелись в большом выборе.

В поездку собрались, включая Элхаба, восемь пассажиров. Решили тронуться в дорогу пораньше. По ночам еще стояли суровые морозы, доходившие до 70 градусов даже вблизи экватора. Характерной особенностью марсианского климата были резкие суточные колебания температуры. В самые холодные часы, перед восходом, стоял мороз градусов в 60, а к полудню могло стать совсем тепло, даже выше нуля. Другой особенностью Марса была резкая разность температур воздуха и почвы, достигавшая 50 градусов. Нагретая прямыми лучами

солнца поверхность планеты показывала, например, 10–15 градусов тепла, тогда как на воздухе термометр не поднимался выше 20–30 градусов мороза.

В ранние утренние часы почва еще не оттаяла и была тверда, как металл. Машина шла со скоростью более ста километров в час. Когда солнце поднялось над горизонтом, космонавты достигли уже окраины зоны кустарников, километрах в двухстах от столицы. Начались пустынные равнины восточной Япигии. Высоко-высоко в небе плыли легкие прозрачные облака, обычно возникающие по ночам. Далеко на горизонте, пронизанные первыми лучами солнца, они горели золотым пламенем и красиво выделялись на бледно-зеленом фоне утренней зари. Густая лиловая окраска марсианского неба в зените еще более подчеркивала их прозрачность и воздушность. Странно было видеть крупные и яркие звезды в просветах между облаками, в то время как солнце уже взошло.

А равнина была еще подернута утренним туманом. Голубые пятна растительности виднелись кое-где на темно-розовых песках. Слева на горизонте показались синевато-зеленые низменности, похожие на далекое море, хотя это были всего-навсего степи, покрытые чахлым кустарником. Ландшафт казался неправдоподобным: словно безумный художник перепутал все краски на своей палитре.

День выдался яркий и теплый. Весна уже всерьез заявляла о себе на этой холодной планете.

За разговорами дорога прошла незаметно. Настроение у всех было бодрым. Суровая зима осталась позади, а быстрый переход от ночного мороза к дневному теплу приятно возбуждал. Хотелось двигаться, работать, на сердце было легко и радостно.

Элхаб в кругу космонавтов совершенно менялся: от гордой надменности повелителя государства не оставалось ничего, он становился простым я доступным. Не Владыка Анта — суровый тиран, опьяненный безграничной властью, — а человек, такой же, как и все другие, только озабоченный делами, находился теперь рядом с путешественниками.

Крупный и смелый реформатор, он жил интересами своего дела и смотрел на вещи широко, не считая себя связанным вековыми

марсианскими догмами и условностями. Свою неограниченную власть он старался использовать для борьбы со всем, что мешало прогрессу.

Космонавты хорошо понимали его натуру и относились к нему с симпатией, хотя вовсе не были сторонниками монархического образа правления. Но они сознавали, что в условиях Анта Элхаб — безусловно прогрессивная личность.

Индира и Янхи были поглощены мыслями о результатах испытания. Какая картина откроется перед их глазами на полях? Сидя в кабине, молодые ученые с волнением смотрели вперед Каждое новое пятно багрово-красных глин или голубое собрание растений заставляло их вздрагивать при мысли, что это и есть участок, отведенный для посевов. Само собой разумеется, что единственное место, не возбудившее у них в этом смысле никаких подозрений, и оказалось долгожданным опытным полем. Индира усомнилась.

— Что вы! — сказала она водителю. — Совсем не тут! Наверное, ошибка.

И только правильные ряды камней да столбики с надписями убедили ее, что они действительно прибыли к цели.

Ближайший участок представлял собой чистый кварцевый песок, быть может, с небольшой примесью бурого железняка и полевых шпатов. Светлый по окраске, он слабо согревался солнцем и мало подходил для развития силикатных бактерий, не говоря уже об азотфиксирующих. Естественно, что за трое суток здесь не произошло никаких видимых изменений. Пески остались такими же, какими были до опыта. Однако с педантизмом ученых Янхи и Индира взяли образчики грунта, чтобы проверить судьбу высеянных культур в лаборатории.

В сотне метров лежал другой участок, где наружу выходили светло-серые высушенные ветрами глины. Когда производился посев, они были скованы морозом. Сейчас, ближе к полудню, почва была согрета солнцем. Но ничего, радующего глаза исследователей, не оказалось и тут: та же сухая серая глина.

— Посмотрите, Янхи, — негромко сказала Индира, — не кажется ли вам, что глина чуть влажнее, чем прежде?

Марсианин попробовал на ощупь.

— Трудно сказать... Как будто чуть-чуть слипается... Но знаете, не стоит обольщаться. Ведь в тот раз ее схватил мороз, а нынче почва оттаяла. По утрам бывают туманы, случается, выпадает иней.

— Конечно, — с грустью признала девушка. — Но так хочется!..

И она бросила на юношу такой выразительный взгляд, что, имей Янхи возможность, он призвал бы на помощь все силы небесные, лишь бы увлажнить эту проклятую, безнадежно сухую глину...

Остальные следовали за микробиологами и ничего не говорили, понимая их состояние.

Третий участок находился довольно далеко, по другую сторону небольшой возвышенности. Когда Индира поднялась на гребень, сердце ее затрепетало от волнения. Посев № 3 был сделан на красных глинах, содержащих, кроме каолина, большое количество окиси железа.

Индира прекрасно помнила, как он выглядел трое суток назад: плотная кирпично-красная поверхность, яркая на солнечном свете. Теперь она казалась пестрой. Местами на ржаво-красном фоне отчетливо виднелись темные неправильные пятна, будто следы пролитой жидкости.

Не в силах сдержать волнение, девушка почти побежала туда. Янхи последовал за нею. Стоя на коленях, молодые ученые руками рыли почву.

— Успех? — еще издали спросил Элхаб.

— Да! — ответил Янхи. — Культуры развиваются и выделяют воду. Смотрите, почва стала заметно влажной.

Не требовалось никакого анализа. Каждый мог видеть разницу между участками почвы, где бактерии уже развернули свою деятельность, и глиной, не подвергшейся их влиянию. Правда, размножение шло значительно медленнее, чем ожидали. За трое суток бактерии могли бы покрыть гораздо большую площадь, но следовало учесть жестокие морозы минувших ночей, когда развитие, безусловно, прекращалось.

— Поздравляю, Индира! — серьезно сказал Ли Сяо-ши. — Это большая победа!

— Пока еще не очень, — возразила девушка. — Ведь здесь только пятна, а я надеялась, будут огромные площади...

— Неважно, совсем неважно! — вмешался Виктор Петрович. Чуть-чуть побольше тепла — и все войдет в норму. Самое главное — принципиальное решение.

— Здесь мы посеяли только чистые культуры бактерий, объяснила Индира, продолжая брать пробы. — Меня больше всего интересует судьба смешанных посевов.

— Бактерии и споры низших растений? — уточнил Яхонтов.

— Да, придется пройти на дальние участки.

Все пошли дальше. Четвертый участок и несколько следующих располагались рядом, по склонам небольшой ложбины. Почвы были однородны — темно-красные глины, — только самый дальний край изобиловал песками. Исследователи поспешили вперед, но остановились пораженные, едва перед ними открылась вся ложбина. Еще издали виднелись правильные разноцветные полосы, похожие на возделанные поля на Земле. Тут были представлены различные оттенки синего, голубого, сиреневатого, зеленоватого и бурого цветов.

Индира и Янхи бросились на колени у ближайшей полосы. Издали она казалась совсем синей. Когда подошли ближе, стало видно, что темно-красная, влажная на взгляд почва сплошь покрыта крохотными синими ростками. Астронавты плохо разбирались в марсианской ботанике, но Элхаб был опытным специалистом.

— Ведь это просто чудо! — воскликнул он, также опускаясь на колени. — Вы посадили здесь липао, и он уже дал всходы. Удивительно!

Это был своего рода лишайник, произрастающий на Марсе вдоль больших каналов, где почва изредка орошается. Он служил пищей для домашних животных в первые месяцы лета. К осени, а в особенности зимой, он погибал, превращаясь в грязно-бурую пыль. Его споры развиваются на следующий год.

Дальше были высеяны споры других степных растений. Для первых опытов лучше всего подходили различные виды мхов и лишайников. Короткий период роста позволял проверить результаты посева уже через несколько дней.

— Замечательно! — повторял Элхаб, подымаясь и отряхивая комочки глины, прилипшие к одежде. — Замечательно! Я знаю это место: лишенная жизни пустыня, никогда не получавшая ни капли воды. А сейчас мы видим первые всходы. Удивительно! Поздравляю вас, поздравляю!

В знак уважения к обычаям гостей, он протянул руку и в то же время бросил на Индиру внимательный, испытующий взгляд. Девушка поняла, но ничего не сказала. Только легкий румянец окрасил ее щеки.

— Не стоит обольщаться, — сказала она, поборов смущение, — это лишь начало, небольшая удача первого опыта. Серьезное значение эти опыты приобретут позже. Должны пройти годы, чтобы результаты стали заметны.

В словах Индиры не было какой-либо чрезмерной скромности. За несколько месяцев нельзя совершить глубокое преобразование природы. В бесплодных пустынях Марса было положено только начало того пути, каким шло в прошлом, да и в наше время еще идет, развитие растительной жизни в неблагоприятных условиях. Но в этом малом заключалось многое.

И на Земле существует группа так называемых литофильных, или камнелюбивых, растений, которые развиваются почти без почвы, на голых камнях. Этапы эволюции начинаются с того, что первыми здесь селятся микроорганизмы. Они создают некое подобие почвы в виде весьма тонкого, подчас невидимого слоя. Затем на подготовленной поверхности появляются низшие корковые и накипные растения. Их остатки создают подходящую почву для последующего развития простейших, далее лишайников, наконец, мхов. Одновременно разрушается поверхность камня и смешивается с гниющими под действием бактерий остатками примитивных растений. Образуется перегной. Так возникает настоящая почва, пригодная для высших растений.

Подобный процесс, но уже по собственной воле и в контролируемых масштабах, вызвали теперь Индира и Янхи. Он начался по их желанию и в том месте, где они захотели.

— Не нужно и преуменьшать значение достигнутого, — возразил Янхи, прислушиваясь к разговору. — Конечно, мы посеяли пока простейшие виды бессемянных растений, еще не имеющих практического применения. Но весна только начинается. Весь цикл развития этих форм заканчивается в неделю—десять дней. В разгаре лета мы сможем перенести сюда мицелий или споры грибов, которые годятся в пищу!

— Ты прав, — согласился Элхаб. — Я сегодня же дам распоряжение развести культуры в большом масштабе. Засеем площади по всей экваториальной зоне. А к осени попробуем посеять семена архары, гоянами и мехала[18].

— К чему скромничать, Индира! — вдруг воскликнула Наташа. — Скажи честно, ведь ты сегодня счастлива? Не правда ли?

— Конечно, правда, — смущенно созналась девушка. — Теперь мы убедились, что шли по верному пути. Значит, можно придать работе большой размах, микробы размножаются так быстро...

— Ваши исследования имеют глубокий смысл, — вмешался Элхаб. — Подумать только... Ведь мы забираем обратно влагу, которую в далеком прошлом у нас отняла природа, из камня извлекаем воду...

— Конечно, найдены пути для увлажнения посевов, — сказала Наташа. — Но все-таки это только половина дела, не надо забывать и о других путях поисков воды, а пути, бесспорно, есть на Анте!..

Наташа в упор посмотрела на Элхаба. Тот понял.

— Неужели еще не нашли того документа? — удивленно спросил он.

Вмешался Владимир:

— Подняли все секретные архивы, перерыли кладовые. Нет ничего! Важнейший документ исчез бесследно!

Элхаб нахмурился.

— Не знаю, право, как сказать, — продолжал Владимир. Говорят, этот документ давно исчез из государственных архивов. Но есть другой. Он хранится в храме Неба. Туда нельзя проникнуть...

[18] Пищевые марсианские растения.

— Ассор! Опять Ассор! — с досадой воскликнул Элхаб. — Похоже на него! Но есть ли уверенность?

— На мой взгляд, есть! — ответил Владимир. — Ведь древнее предание говорит, что именно церковный суд допрашивал несчастного.

— Так почему же нам все время повторяли, будто этот документ хранят архивы светской власти?

— Искали другое. В преданиях говорилось про письмо, которое бродяга послал тогдашнему Владыке. Оно исчезло без следа и, мне кажется, не случайно. А церковь!.. У нее свои секреты...

— Кто из вас занимался поисками? — порывисто спросил Элхаб.

— Я! — отозвался Владимир.

— Я тоже, — добавила Наташа. — Нам помогали сотни две юристов.

— Откуда же намеки? Скажите прямо, я должен знать!

— Один старик, работающий в архивах, подал нам эту мысль. Он умолял не называть его имени. Я дала слово!

Наташа смотрела на Элхаба ясными и открытыми глазами. А тот мрачнел все больше. Церковь опять стала у него на дороге.

— Заставлю старика! — воскликнул он с бешенством после небольшой паузы. — Поедем все вместе, сейчас же!

Когда Элхаб начинал говорить короткими, отрывистыми фразами, это означало у него крайнюю степень возмущения. Сейчас он весь кипел от гнева. Яхонтов молча кивнул головой.

Обратный путь занял четыре часа. Все это время Элхаб просидел неподвижно, молча, сосредоточенно думая.

Замок Великого жреца занимал центральную часть столицы. При въезде в город Элхаб приказал миновать его и свернуть ко дворцу.

— Пойдем! — бросил он Янхи, когда вездеход остановился.

Они прошли в помещение начальника войск личной охраны Владыки. Там Элхаб задержался на несколько минут и вышел обратно уже один. Он снова сел в вездеход к космонавтам и приказал ехать дальше.

Едва они успели удалиться на три квартала, как сзади раздались звуки труб.

Однажды космонавты уже слышали подобные сигналы и не сомневались в их значении.

— В городе тревога? — осведомился Яхонтов.

— Пустое! — коротко произнес Элхаб. — Я приказал вывести войска на площадь.

На полной скорости машина вырвалась из путаницы улиц прямо к замку Великого жреца. Древняя крепость высилась немой громадой. Косые лучи заходящего солнца заливали ее багровым светом, играли пламенем на блестящих кровлях башен. Ни один звук не доносился из-за мрачных стен. Тяжелые ворота были наглухо заперты и казались непоколебимыми. Даже часовые куда-то скрылись, видимо, прятались в верхних этажах сторожевых вышек. Гробовая тишина царила на площади.

Владимир невольно вспомнил ту памятную ночь, когда они, трое пришельцев с Земли, осмелились проникнуть в это логовище и вырвали из плена остальных. Элхаб посмотрел на него и угадал его мысли. Легкая улыбка промелькнула на его энергичном лице.

— Теперь иное время, — понимающе бросил он.

Машина круто затормозила перед главными воротами.

— Стучите! — приказал Элхаб офицеру своей охраны.

Тяжелый молоток висел на цепи. Его удары гулко прозвучали в тишине. Никакого ответа. Выждав с минуту, офицер снова принялся стучать. Грохот тяжелых ударов мог бы поднять мертвых, но крепость молчала.

Элхаб зло прищурил глаза и нервно барабанил пальцами. Владимир посмотрел по сторонам. На площадь вступали войска. Солдаты шли в полном вооружении. Их вел высокий офицер в черной с золотом форме, показавшийся Владимиру странно знакомым. Повинуясь его негромким указаниям, отряды занимали места. Скоро вся площадь была заполнена вооруженными марсианами. Вдали показались тяжелые боевые машины. Командующий войсками направился к вездеходу. Это был Янхи.

— Дай сигнал! — коротко приказал Элхаб.

Переливчатый резкий звук раздался в тишине. Тогда на вершине башни появился марсианин.

— Кто стоит у ворот? — крикнул он.

— Владыка Анта! — прозвучало снизу.

Со скрипом открылись тяжелые ворота и снова захлопнулись, когда машина прошла через них. В душе космонавтов невольно шевельнулась тревога. Кто мог знать, на что решится хитрый Ассор!

Элхаб хранил полнейшее спокойствие. Вездеход медленно двигался между храмами с чудовищными каменными изваяниями у входов. Еще три стены и трое ворот пришлось преодолеть им, пока они не достигли центральной площади замка.

Ни одно живое существо не встретилось по дороге, но космонавты, особенно Владимир, обладали острым зрением и видели черные фигуры жрецов за окнами храмов, угадывали блеск враждебных глаз. Зловещая тишина висела над замком...

Элхаб распорядился остановить машину прямо против входа в личные апартаменты Ассора.

Черная громада храма Неба рисовалась на фоне вечерней зари. Солнце уже село. Начинались долгие в эту пору года сумерки.

Быстрой, энергичной походкой Элхаб поднялся по ступеням и толкнул дверь. Космонавты следовали за ним. Два офицера стражи замыкали шествие. Жрецы низшего ранга, которые стояли у входа, испуганно шарахнулись при виде разгневанного Владыки. Так же бросались в разные стороны и солдаты караульных войск Ассора, встречные слуги — все, кто попадался им на глаза.

Элхаб превосходно знал расположение помещений во дворце Великого жреца. Он не раз бывал тут еще во времена Иргана. Уверенно и смело он направился прямо в кабинет Ассора, ударом ноги распахнул дверь и вошел.

Сводчатый потолок из темно-фиолетовой материи был хорошо знаком Элхабу. Колоссальное изваяние бога Анта, как и прежде, осеняло Великого жреца своими темно-красными крыльями с золотыми лучами. Пять глаз всемогущего бога устремляли на незваных гостей тяжелый, грозный взгляд. Алчный рот божества требовал пищи, могучие руки, казалось, вот-вот обрушатся на дерзких пришельцев.

За громадным столом, покрытым черной бархатной скатертью, расшитой узорами, скрытый смысл которых знали только посвященные, виднелась маленькая, тщедушная фигурка старого Ассора.

При входе Владыки Анта он скромно встал, как предписывал закон. Хитрые проворные глазки его быстро бегали, оглядывая вошедших.

— Я думал, Владыка забыл святую церковь Анта, — процедил он сквозь зубы.

— Как видишь, не совсем, — усмехнулся Элхаб.

— Зачем ты пришел в нашу мирную обитель?

На суровом лице Элхаба появилась ироническая улыбка. Прямым кощунством прозвучали эти слова из уст старого хитреца, способного на все ради своих далеко не мирных целей.

— Довольно притворяться! — грубо оборвал он. — Ведь мы давно знаем друг друга… Не миром, а дикой злобой полна твоя обитель. Ты уже сотворил немало преступлений против меня — Владыки Анта… Мне все известно!

Жрец вспыхнул, но сдержался и смиренно сказал:

— Не верь, Элхаб, слухам! У нас с тобой общие враги. Они хотят посеять вражду, между нами. Злодеи знают, что древний Ант силен единством церкви и Владык. Они хотят поссорить нас, чтобы им легче было осуществить свой коварный замысел.

Элхаб саркастически засмеялся.

— А ты, Великий жрец, конечно, всю жизнь мечтал о благе народа?

— Как же может быть иначе?! — елейно подтвердил Ассор, будто не замечая насмешки. — Я пекусь всечасно о судьбах государства… Мы с тобой расходимся во мнениях, но ведь цель у нас одна! Не так ли?

Элхаб презрительно скривил губы:

— Допустим! Так вот, Ассор, я должен знать, куда девался известный тебе тайный документ.

Глаза Ассора забегали по сторонам. Элхаб молча смотрел на него. Хитрый жрец прекрасно понимал, что в этот миг решается гораздо более важный вопрос, чем судьба какой-то бумажки. Он думал о том, что на него, Великого жреца, произведено нападение. И где? В его личном кабинете. Кто окажется сильнее: он, глава церкви, или этот наглец, который позволяет себе над ним насмехаться? Исход

разговора, по существу, предрешал дальнейшее развитие отношений между светской и духовной властью.

Старый Ассор хранил в памяти множество тайных способов, посредством которых церковь устраняла неугодных ей лиц и добивалась своих целей.

Его бегающий взгляд на секунду задержался в одной точке, затем перескочил на стол с массивными украшениями. Тут были кое-какие секреты. Но Элхаб тоже знал много. Он проследил за взглядом старика и понял...

— Великий жрец, когда-то ты был мудр, — произнес он почти ласково, но в голосе его звучала ядовитая насмешка. — Неужели ты думаешь, что Владыка Анта успел забыть невинные забавы старика, неужели мне не понятно, как ты был бы счастлив, если бы одним ударом... Да, все мы здесь... Но взгляни в окно...

Пока шла их беседа, войска преодолели сопротивление стражи, вообще малочисленной и не знавшей, на чьей стороне ей лучше оставаться. Караулы были вынуждены открыть ворота, и теперь солдаты Элхаба сосредоточились прямо перед дворцом. Ассор понял.

— Как ты можешь так думать? — скромно произнес он, опуская глаза. — Такие подозрения против жреца...

— Полно! — оборвал Элхаб. — Давай документ!

— О чем мы с тобой спорим? — ласково убеждал Ассор. — Если нужно, я тотчас отдам приказ... Святая церковь Анта...

— ...в неустанных заботах о счастии народа, — с усмешкой подхватил Элхаб, — решила скрыть бесценный дар природы... Поверь, мы все знаем.

Космонавты не без удовольствия наблюдали за этой сценой.

Угодливо изогнувшись, Ассор подошел к статуе бога Анта и коснулся одного из когтей на его лапе. Статуя беззвучно отошла в сторону, открыв проход, освещенный слабым светом. Великий жрец жестом пригласил «гостей» идти за ним.

Протиснувшись через узкий коридор, они очутились в тесной маленькой комнатке со сводчатым потолком.

Все стены хранилища были заставлены металлическими шкафами, похожими на сейфы. С интересом оглядывали космонавты тайник, где скрывались секреты тысячелетней истории Марса.

Ассор открыл один из шкафов и вынул оттуда документ, почему-то лежавший на самом верху большой груды древних рукописей. Наташа порывисто схватила старинную бумагу и подала ее Элхабу. Тот стал читать:

«...Тогда презренный раб под пыткой показал, что в год шестой эпохи Манья Хор он, будучи бродягой, дошел до места (здесь был приведен весь маршрут), где в глубине ущелья достиг... Прозрачный белый камень... На солнце превратился в воду...»

Сомнений больше не было: предсмертный рассказ старого Ну, основывался на реальных фактах.

— Ясно! — воскликнула Наташа, розовая от волнения. — Тот самый документ!

Дрожащими руками она приняла от Элхаба драгоценную бумагу. У нее были основания волноваться: ее теория блестяще подтверждалась.

— Прощай, Владыка, ты видишь, я исполнил твою волю... произнес Ассор, когда Элхаб и космонавты направились к выходу.

— Ассор, нам лучше быть друзьями, — медленно и многозначительно произнес Элхаб. — Вражда не приведет к добру!

Скрытая угроза прозвучала в его словах. Великий жрец понял, но овладел собой.

— Прощай, Элхаб, прощай! — напутствовал он тихо. — Вдвоем мы — сила, помни!

Как только за ушедшими закрылась дверь, старый жрец дал волю своим чувствам.

— Проклятые чужеземцы! — в ярости кричал он. — Проклятие и смерть! Святая церковь Анта еще сильна. Подожди, Элхаб, ты еще не раз со страхом произнесешь имя Ассора!

11. Великий поход

Элхаб собрал совет, чтоб рассмотреть старинный документ. Из-за сухих слов древнего протокола во весь рост поднялся гордый образ борца за счастье своего народа.

К сожалению, многое было непонятно. Кто был безумец, как он мог жить вдали от всех и чем питался, кто помогал несчастному во время странствий, чего он хотел, к чему стремился? На это протокол не дал ответа.

Зато теперь можно было буквально шаг за шагом проследить по карте весь путь бездомного с тех пор, когда он в первый раз бежал и скрылся от суда. В те годы города были всюду, широкой зоной они тянулись по обе стороны экватора, примерно до тридцатых параллелей...

Бродяга не хотел встречать себе подобных и скоро удалился к югу, в высокие широты. Он скрывался по лесам, тогда еще дремучим,

старался обходить города и села. Так год за годом он двигался к востоку. То место, где глазам скитальца открылся белый камень, он сумел нанести на карту очень точно. «Бродяга без прозвища» — так называл скитальца древний протокол. Но можно думать, что это был образованный человек. Грамотно и ясно отвечал он на все вопросы. По приговору жрецов он кончил жизнь в одной из подземных тюрем.

Теперь Элхаб, его советники, Дагор и космонавты, склонясь над картой, изучали район, показанный неизвестным.

В земные телескопы можно разглядеть на южной половине Марса продолговатое пятно. Как будто старый пистолет положен дулом на экватор, слегка наклонно. Рукоятка достигает тридцатых параллелей, взведенный курок поднят прямо вверх. Раздвоенный спусковой крючок резко обозначен внизу. Он кажется темным на светлом фоне розовых пустынь. Всей фигуре земные астронавты дали имя «Киммерийское море». Вот здесь, как раз на рукоятке, и находилась зона, указанная в протоколе. От столицы Анта место это было очень далеко — не менее 5 тысяч километров в земных мерах.

— Ну кто бы мог думать, что именно здесь находятся запасы ископаемого льда? — искренне удивился Дагор. — Самое дикое, совершенно непригодное для жизни место, безнадежное в смысле полезных ископаемых. Запутанный лабиринт песчаных холмов с поднимающимися кое-где над ними обнаженными скалами. Вот и все!

— Плохо изученный район, — сказал Элхаб. — Я вспоминаю: никогда наши ученые не проводили здесь серьезных работ.

— Отчего же! Местность нанесена на карту, указан рельеф. Правда, не изучали недра. Но вы же помните, в чем здесь дело, — заметил Дагор.

— А что? — заинтересовался Элхаб.

— Можно поднять архивы и убедиться. Совет Мудрейших много раз включал эту зону в план научных работ, но никогда не встречал поддержки. Каждый раз находилось множество возражений... А так как ничего интересного указать заранее было нельзя, то из года в год вопрос откладывался.

— Тем больше оснований принять самые энергичные меры, заметила Наташа. — Надо поправить дело.

— Разумеется, — подтвердил Элхаб. — Я отдам приказ в ближайшие дни послать сюда большую экспедицию. Надеюсь, вы не откажетесь взять на себя руководство?

— Конечно, — согласилась Наташа.

— Дагор вам поможет. Не жалейте никаких средств. Давайте бросим сюда всю нашу технику. Надо проверить рассказ этого несчастного. Я убежден, что все, записанное в протоколе, правда.

— Я тоже уверена. Запасы воды на вашей планете должны быть!

В словах Наташи чувствовалась глубокая убежденность. И. Владимир, и Яхонтов — оба хорошо знали эти металлические ноты в голосе молодой женщины. Они означали, что решение принято и непременно будет выполнено.

— Если там окажется хотя одно ведро воды — Наташа обязательно его отыщет, — шепнул Владимир Яхонтову, с улыбкой глядя на жену.

— Найдет! — усмехнулся тот. — Всю планету перероет, но найдет!

Наташа и Владимир с помощью Дагора и еще нескольких ученых принялись за работу. Надо было определить маршрут, количество и виды механизмов, рассчитать, сколько нужно рабочих, где их разместить, как наладить питание. Словом, они с головой окунулись в практические дела. Романтический замысел найти воду на бесплодной, истощенной планете — превратился теперь во всякого рода сметы, расчеты, множество будничных мелочей. Виктор Петрович сказал, что примет участие в разведке, и тоже погряз в целой уйме забот.

Паршин и Ли Сяо-ши, конечно, были в курсе этих планов и живо заинтересовались предстоящей экспедицией, но у них были свои дела. Сергей Васильевич возглавлял большую группу марсианских инженеров и физиков, которые проектировали вторую, мощную атомную электростанцию, рассчитанную пока на запас урана, доставленный с Земли. Имелось в виду, что позднее обязательно будет найдено и местное атомное горючее. Поисковые партии уже получили обнадеживающие результаты. Ли Сяо-ши помогал профессору.

Что касается Индиры, то и она была загружена работой выше всякой меры. Под ее руководством бактериологические лаборатории

университета разводили культуры микробов, предназначенных для облагораживания почвы.

Всех студентов биологических и агрономических учебных заведений, а также многочисленных добровольцев привлекли к работе по посеву бактериальных смесей в пустынях Анта.

Если первый опытный участок занимал каких-нибудь 500 гектаров, то теперь работы проводились на огромных площадях. Владыка Анта спешил использовать теплое время года. Широкой полосой вдоль экватора и к северу от него — до 25 параллели — тянулись обширные районы, сплошь заселенные сапрофитными микроорганизмами. Элхаб не боялся риска, а смело шел на затраты, полагая, что даже 10 процентов успеха и то оправдают себя.

Радио и печать Анта широко оповестили народ о событиях последнего времени.

Все марсиане знали теперь о древнем манускрипте, о трагической судьбе неизвестного ученого, вынужденного скитаться по стране, о его открытиях, об организации большой экспедиции по поискам воды. Тысячи добровольцев предлагали свои услуги для участия в экспедиции, для работы по преобразованию пустынь или постройке атомных станций.

При такой массовой поддержке удалось очень быстро — в течение недели — подготовить экспедицию. По приказу Элхаба собрали большое количество мощной техники, бездействовавшей уже много лет.

Поблизости от города образовался целый лагерь. Здесь были представлены различные машины, предназначенные для покорения природы. Марсиане еще с древних времен сохраняли, передавали из поколения в поколение замечательный опыт строителей гигантских каналов. В последние века он оставался лишь на страницах учебников, потому что не было возможности применять его на практике. Сейчас снова обратились к опыту замечательных инженеров прошлого.

В качестве руководителя всей этой армии оказалась Наташа, а Владимиру предназначалась весьма важная роль своего рода начальника штаба.

Виктор Петрович Яхонтов никак не хотел подавлять волю других, отодвигая их на задний план. Мысль об ископаемых льдах на Марсе

принадлежала Наташе — ей и следовало руководить экспедицией. На себя он взял роль консультанта.

Когда шла подготовка и будущая экспедиция существовала только на бумаге в виде сухого перечня машин, оборудования и прочих технических средств, молодая женщина чувствовала себя уверенно. Когда же она увидела их воочию, на сердце у Наташи стало тревожно.

Руководить работами в таком масштабе ей еще не приходилось. Конечно, она верила в свои силы и надеялась на успех, но всю ответственность она почувствовала лишь вечером, накануне дня выезда, когда они втроем — Наташа, Владимир и Виктор Петрович — объехали в последний раз весь лагерь. Длинными рядами тянулись укрытые чехлами машины. Их темные силуэты, похожие на допотопных животных, четко вырисовывались на фоне лилового сумеречного неба.

Едва село солнце, как мороз начал крепчать. Многотысячная армия марсиан, закончив дневные труды, укрылась в походных палатках и в кабинах пассажирских вездеходов. Загорелись огни, всюду слышались голоса. Машину космонавтов быстро узнали. Везде встречались приветливые лица и поднятые кверху руки.

Наташа отвечала на приветствия и улыбалась, но в глазах ее сквозила тревога. Яхонтов понял настроение молодой женщины.

— Ну что? Полководец, кажется, волнуется? — добродушно спросил он, глядя поверх очков.

— Страшно! — созналась Наташа. — В самом деле страшно. А если мы ничего не обнаружим? Вдруг документ фальшивый или кто-нибудь намеренно изменил координаты? Жрецы на все способны!.. А если тот неизвестный действительно был безумен и его рассказ — лишь плод больного воображения?..

— Конечно, определенный элемент риска есть, — сказал Виктор Петрович, поглаживая бороду, что служило признаком глубокого раздумья. — Но ведь без этого нельзя. В конце концов, древнее предание лишь подкрепило ваше собственное предположение о том, что здесь должны быть замерзшие океаны.

— Океаны, безусловно, есть, — согласилась Наташа. — Но не идем ли мы по ложному следу? Можно предполагать скопления мощных

льдов, укрытых слоем песка, но где-нибудь среди равнины. А наш маршрут приводит в горную страну. Здесь серьезное противоречие... Ни я, ни вы не можем, разумеется, представить горы, возникшие на льду.

— Загадок тут немало, — признался Яхонтов.

— А мы начали дело с невиданным размахом, — продолжала Наташа. — Какой позор нас ждет, если будет неудача!..

— И дело, в сущности, не в нас, — согласился Виктор Петрович. — Личный престиж — еще полбеды. Но мы здесь посланцы другого мира. Вот в чем суть! Ответственность большая!

— В том-то и дело, — озабоченно говорила Наташа. — Начало эффектное, каков будет конец?! Ведь сам поход — уже большое дело: пройти за десять дней пять тысяч километров, доставить людей, технику.

— Бросьте! — вмешался Владимир, молча слушавший разговор. — Не мы одни, а лучшие ученые Марса сходятся на том, что именно в этой зоне, совсем не изученной, можно надеяться на открытия. Элхаб пошел на все не ради наших прекрасных глаз, а трезво оценив возможности успеха. Не узнаю Наташу! Все будет хорошо!

— Владимир прав, — сказал Яхонтов, — не следует расхолаживать себя преждевременными тревогами. Вспомните, как в самых трудных условиях уверенность в успехе помогала нам. А здесь мы не одни: народ верит в победу. Мы на верном пути!

Великий поход начался на рассвете. Несмотря на ранний час, собралась большая толпа провожающих. Приехал Элхаб. Он крепко пожал руки космонавтам и пожелал им доброго пути.

Первый вездеход повел Владимир. Порядок построения был продуман заранее. Соблюдая строгую очередность, одно за другим трогались подразделения машин, вытягиваясь длинной линией.

Впереди разгоралась заря. Застывшие от холода равнины вблизи казались синими: мелкий кустарник уже покрылся листьями, пушистыми, как бархат. В ночное время они свертывались трубочкой, но едва светлело, раскрывались навстречу солнцу, чтобы не пропустить ни одного его луча.

Дали, подернутые легким и прозрачным ледяным туманом, были нежно-сиреневыми. Туда, навстречу солнцу, и мчались громоздкие машины, проявляя неожиданную подвижность. Колонна с места набрала скорость около 80 километров в час. На ходу тяжелые механизмы поднимали морозную песчаную пыль. Пришлось двигаться, соблюдая определенную дистанцию.

Если бы нашелся наблюдатель, способный взглянуть на колонну сверху, он бы увидел длинную ленту, растянувшуюся на песчаной равнине на много километров.

Природа Марса позволяла двигаться по кратчайшим путям дугам большого круга на сферической поверхности планеты. Так на Земле летают самолеты. Маршрут похода, режим движения, места было продумано заранее.

Путь лежал сперва по возвышенности, пройдя которую колонна вступила в низменные долины «Киммерийского моря», сплошь заросшие синим кустарником.

На восьмой день местность начала заметно изменяться: появились песчаные холмы. Сильный ветер дул сзади и гнал сплошные тучи пыли, розовая мгла затягивала горизонт. Движение замедлилось и затруднилось: пришлось лавировать между холмами.

Ночевали в трудных условиях. К вечеру разыгралась сильная песчаная буря. Ветер достиг силы урагана, выл и ревел, нагоняя тоску, песчаная пурга сбивала с ног, ослепляла, оглушала. Все забились в палатки и кабины, но злой песок пробирался сквозь щели, попадал в пищу, хрустел на зубах.

Буря бесновалась целую ночь. Приходилось неоднократно выбираться наружу, чтобы проверить, хорошо ли укрыты механизмы. Песчаный ураган мог повредить их. Наутро весь лагерь представлял собою бесконечно длинную вереницу машин, утонувших среди песков: их засыпало выше верхнего полотна гусениц.

Уставшие за ночь марсиане принялись откапывать свое имущество, освобождать его из-под слоя песка, поэтому выход колонны сильно задержался. Дальше пейзаж принимал все более дикий и угрюмый вид. Просторные равнины, характерные для большей части

Марса, сменились теперь высокими холмами. Кое-где над песчаными склонами появились выходы коренных скалистых пород.

Опытные глаза Наташи и Яхонтова узнавали гранитные массивы, поднятые из глубин планеты. Были тут и гнейсы, и порфиры. Колонну окружал типичный ландшафт древней горной страны, за сотни миллионов лет сильно выровненной ветрами и песками.

Ничто не говорило о близости океана, хотя бы и скрытого под толщами песка. Наоборот, у геологов не оставалось сомнений, что глубоко под. ногами нет и не может быть ничего, кроме базальтов и других пород вулканического происхождения. Наташа помрачнела, лицо ее приняло озабоченное выражение.

Прокладывая путь, Владимир все чаще прибегал к карте. Топографы нанесли на нее подробности рельефа, и опытный водитель мог двигаться, уверенно, хотя маршрут и был сейчас весьма запутан. Зачастую правильный путь подсказывала сама местность: скалистые склоны не позволяли свернуть в сторону, и колонна двигалась как бы по извилистому ущелью.

Никто из космонавтов еще не видел на Марсе подобной картины. Дагор тоже находился в передней машине. Он пересел сюда после очередного привала, справедливо полагая, что жителям Земли трудно самим ориентироваться в этих местах.

Стали появляться животные, очевидно еще не знакомые с машинами. Они с любопытством наблюдали за приближением вездехода. Тут были прыгающие зверьки с темно-серым мехом, величиной с собаку. Однажды мягкими прыжками пересек дорогу улга — хищник, уже знакомый Яхонтову и Ли Сяо-ши по их поездке на полюс. Два раза встречались крупные ящерицы. Как объяснил Дагор, в холодное время года и по ночам эти пресмыкающиеся прячутся в норах и лишь согретые лучами весеннего или летнего солнца показываются наружу.

Все говорило о том, что экспедиция находится в совершенно диком районе. Странно было встретить такое место здесь, на Марсе, обитатели которого, казалось, должны были изучить каждый вершок своей планеты в поисках средств к существованию.

Причина выяснилась неожиданно. Неглубокое ущелье поворачивало круто вправо. Дальше оно раздваивалось, как бы обтекая черную

скалу, возникшую посредине. На плоской вершине базальтового утеса стояло каменное изваяние, особенно неожиданное среди сурового безлюдья. При виде его Наташа и Владимир одновременно издали возгласы изумления. Они уже привыкли к богам Анта и перестали обращать внимание на фантастических чудовищ, охранявших храмы или украшавших общественные здания. Но встретить здесь многорукого бога, и так внезапно! Было чему удивиться.

Колоссальная статуя из красного гранита покоилась на черном базальтовом основании, созданном самой природой. Восьмирукий бог грозно поднял вверх одну из правых лап, как бы останавливая идущих. Казалось, он о чем-то предупреждал.

Владимир остановил машину и взглянул на Дагора. Единственный среди них марсианин был изумлен не менее космонавтов. Он смотрел на красное изваяние с растерянным видом. Смешливая Наташа не могла скрыть улыбки, несмотря на почтенный возраст марсианина. Все выскочили из машины и пошли к скале.

Черная скала высотой около пяти метров, имела, с одной стороны, пологий склон. Базальтовые колонны создали природные ступени. Космонавты без труда достигли подножия статуи. На торце высокого основания виднелась надпись: «Остановись, неведомый путник, и подумай, прежде чем идти дальше! Местность эта навеки проклята великими богами! Не искушай судьбу и возвращайся!»

Дагор при всей своей учености был явно испуган.

Виктор Петрович хладнокровно обошел статую со всех сторон, потрогал изъеденный ветрами и песком гранит, сделал несколько снимков крупным планом, не забыв зафиксировать надпись, и сказал:

— Толково придумано, очень толково. Тонкий психологический расчет и никаких затрат на содержание стражи. Судя по всему, статуя стоит много веков. Красный гранит, как видно, доставлен издалека. Но, честное слово, стоило потрудиться! Не удивительно, что здешние края так мало изучены. Кому из марсиан пришла бы охота ехать дальше!

— Но почему же ни один из наших ученых ничего не говорил об этом изваянии? — произнес Дагор.

— Ученые, вероятно, ездили по разрешению и указаниям жрецов. Их предупреждали, что встретится на пути, и требовали сохранять тайну. А непосвященные, понятно, уходили прочь, предпочитая молчать о том, что они здесь видели.

— А кого, кстати, изображает эта статуя? — осведомилась Наташа.

— Арасвага — духа зла, — хмуро объяснил Дагор.

— Замечательно! — снова восхитился Яхонтов. — Можно смело утверждать, что девятьсот девяносто девять верующих из тысячи должны были вернуться обратно.

— Зачем все это? — задумчиво произнесла Наташа.

— Как «зачем»! — ответил Виктор Петрович. — Для нас этот бог Арасваг обещает многое. Впереди есть что-то, требующее охраны. Не зря потрачено столько труда. Теперь я уверен, что мы добьемся успеха. Разве не ясно?

— Одно непонятно, — заметил Владимир, — неужели нельзя миновать это место? А если допустить, что есть хотя бы еще одна дорога, кроме этой, то вся затея бесполезна.

— Как раз я об этом и подумала, — сказала Наташа, рассматривая карту. — Вот смотри: священнослужители великолепно изучили рельеф. С какой бы стороны ни приближаться, все долины приводят именно сюда. И трудно допустить, чтобы усталый путник полез наверх по скалам. Если же идти понизу, где путь лучше, то он не может миновать ущелье...

Тем временем подошли остальные машины. Толпа марсиан собралась перед статуей.

Сейчас, когда у подножия изваяния стояли космонавты и грозное божество видел не одинокий путник, а целая толпа, впечатление от встречи с идолом было не очень сильным. Кое-где в толпе раздавались даже иронические замечания.

Однако Виктор Петрович хорошо видел, что многие марсиане явно взволнованы: вековые предрассудки цепко держали их в своих сетях.

— Нужно быть начеку, — негромко сказал он по-русски Наташе и Владимиру. — Любые неприятности в пути могут произвести опасный перелом в настроении.

Владимир понимающе кивнул головой:

— Не надо задерживаться. Чем скорее мы минуем ущелье, тем будет лучше, — и он подал сигнал к отправлению.

Колонна снова пришла в движение, втянулась в скалистый коридор. После нескольких поворотов открылся длинный участок прямого пути между отвесными скалами высотой метров 20–30.

— Рельеф похож на наше Забайкалье, — заметила Наташа, изрезанная местность, подавляющая не высотой, а протяженностью. Только там сопки поросли лесом, а здесь — голый камень.

Погода снова резко изменилась. В лабиринте между горами ветер разбивался на множество потоков. Здесь на прямом участке он со свистом мчался, как в трубе, с каждой минутой сила его увеличивалась. Оглянувшись, Яхонтов заметил, что сзади из-за гор поднимается багровая туча.

Космонавты хорошо знали, в чем дело: снова надвигалась песчаная буря. Загудели сигналы тревоги. Колонна требовала остановки. Владимир поспешно затормозил и со всех ног кинулся к оставшимся позади машинам.

— Что случилось? Отчего остановка? — кричал он.

— Многие не хотят ехать дальше, — объяснил командир передней машины. — Кричат, что боги Анта предупреждают не зря: скоро будет буря, я мы все здесь погибнем.

Подбежали Наташа и Виктор Петрович.

— Сейчас же сигнал общего вызова! — кричал Яхонтов. — Немедленно!

Завыли сирены. Связь между машинами во время похода поддерживалась по радио. Звуковой сигнал общего вызова требовал немедленного включения всех раций. Каждая машина, услыхав этот звук, включала свою сирену, чтобы передать вызов дальше. Поднялась дикая какофония, заглушившая злобный рев урагана. Внезапно звуки затихли. Теперь все слушали команду.

— Граждане Анта! — кричал в микрофон Виктор Петрович. Не поддавайтесь панике! Не гнев богов, а грозная природа перед нами. Смелей вперед — и мы победим!

— Нас догоняет буря, — подхватила Наташа, — здесь, в каменной трубе, она достигнет страшной силы. Полный вперед, мы еще успеем проскочить. Те, кто останутся здесь или повернут назад, — погибнут.

Космонавты бросились к своей машине. Туча поднималась все выше, но колонна уже пришла в движение. Машины мчались по ущелью на предельной скорости. Песчаная буря нагнала экспедицию, но так как колонна двигалась в ту же сторону, то ураган не препятствовал ее движению. Окруженные облаками пыли машины успели достигнуть конца прохода.

Первым вырвался на простор Владимир. К изумлению космонавтов и вопреки картам, по выходе из ущелья перед ними открылась обширная равнина. Но некогда было рассматривать ее. Владимир сделал крутой разворот влево и, описав почти полный круг, оказался под защитой каменной гряды. Стало видно, как из горла узкого прохода одна за другой в туче песка вылетали машины и сразу же разбегались в разные стороны, чтобы уступить дорогу следующим за ними. Огромная струя песка со свистом вырывалась из каменной трубы и широким веером расходилась по равнине.

Зрелище было совершенно необычным и страшным. Мгла сгущалась все больше, песчинки носились в воздухе, крутились в вихрях, исполняя какой-то дьявольский танец. Но это был еще не самый ураган, а лишь предвестник бури. С тревогой следила Наташа, все ли успеют вырваться. Успели все. Но задние машины двигались почти вслепую. Ураган как бы преследовал бегущих по пятам. Все померкло в багровом тумане, однако ярость бури уже никого не пугала.

Наташа вздохнула облегченно.

— Теперь я понимаю, что пески здесь действительно могут засыпать целое море, — сказала она, когда убедилась, что в горном проходе уже никого не осталось.

— Ты помнишь, — обратилась она к мужу, — что такое байкальская сарма?

Владимир кивнул головой. Он хорошо знал этот байкальский ветер, достигающий невероятной силы именно при проходе сквозь узкую щель в горах, окружающих Байкал с запада.

— Но здесь хуже, — заключила Наташа. — Там хоть нет песка...

Буря продолжалась целые сутки и стихла внезапно. Когда песчаные тучи рассеялись, стало видно, что горный хребет представляет собой остатки каменной гряды по границам равнины.

— Все врали старые карты Анта, — с сердцем сказала Наташа. — Если бы они говорили правду, мы сами указали бы именно это место.

Было совершенно ясно, что горная гряда обозначает существовавший здесь некогда берег обширного водоема. Его подлинные размеры пока оставались неизвестными. Каменистые холмы виднелись и дальше. Может быть. это были остатки другого берега. Тогда речь шла о сравнительно маленькой котловине или узком заливе. А может быть, холмы представляли собой бывшие острова. Несомненно было одно: вся местность, во-первых, не соответствовала карте и, во-вторых, давала возможность предположить, что здесь когда-то находился водоем.

Работы начались на следующий день. Местность мало походила на описанную в древнем манускрипте, но за тысячи лет узкая горная щель, куда проник скиталец, вполне могла превратиться в широкий проход. Она простиралась в направлении господствующих ветров, и песок, приносимый бурями, как терка, разрушал скалы, расширял ущелье.

Марсианские ученые и инженеры хорошо знали свое дело. Многоковшовые экскаваторы двигались рядом, косым строем. Они вели наступление на фронте шириной в пятнадцать машин. Сняв первый слой песков на избранном участке, они отступали на исходный рубеж и снова шли вперед, снимая следующий слой. Самосвалы неустанно вывозили снятый грунт. Машины специального назначения пока что ожидали своей очереди.

Наташа и Владимир вместе с Яхонтовым совершали разведывательные поездки в разных направлениях. Не оставалось сомнения, что кто-то еще в древние времена сознательно фальсифицировал топографические карты этого района, показывая его в виде сплошного лабиринта горных кряжей.

Дни шли за днями, в отвалах уже выросли целые горы песка, но никаких признаков ископаемого льда не было.

Разведывательная площадка представляла собой вырытый среди песков большой прямоугольник. Передняя часть его была углублена примерно метров на 30. Работы продолжались более десяти дней. По ночам держались жестокие морозы, но днем солнце грело все сильнее. Настроение у марсиан было хорошее, но постепенно оно начало портиться. Основной причиной было то, что условия для жизни создались тяжелые. Однообразная пища, палатки, лишенные даже минимального комфорта, — все это сильно действовало на настроение марсиан, привыкших к жизни в больших городах. Этим, очевидно, пользовались тайные агенты Ассора, начавшие склонять наиболее суеверных к тому, чтобы они бросили «богопротивное» дело, затеянное чужеземцами.

Отсутствие убедительных результатов также давало прекрасный повод для распространения разных слухов. Виктор Петрович нисколько не удивлялся, когда на ежевечерних совещаниях начальников отрядов все чаще стали повторяться заявления о потере интереса к работе у многих участников экспедиции.

В конце двенадцатого дня выяснилось, что экипажи пяти тяжелых экскаваторов решили прекратить работу, считая продолжение раскопок бесполезным. Передний край выемки уже погрузился на 46 метров, но, кроме песка, обнаружить не удалось ничего.

Озабоченный Яхонтов посоветовал Наташе немедленно собрать инженеров, чтобы обсудить положение.

— Что будем делать дальше? — в упор спросил он. — Народ стал сомневаться, а мы одни бессильны.

Упрямая складка появилась на лбу Наташи.

— Я это вижу, но отступать нельзя.

— А вы по-прежнему уверены в успехе?

— Безусловно! Вся местность говорит о том, что наши предположения верны. И документ... Конечно, мы не знаем, как глубоки пески. Может быть, остались метры, а может быть...

— А может быть, десятки, даже сотни, — заметил один из марсиан.

— Возможно, но сдаваться и отступать нельзя, — твердо сказала Наташа и плотно сжала губы.

Виктор Петрович про себя усмехнулся. Он хорошо знал, что эта милая и скромная женщина вполне способна остаться здесь одна и собственноручно управлять экскаватором.

— А ваше мнение, Владимир? — спросил он.

— Не только не сдаваться, — убежденно заявил Владимир, а усилить темпы! Время не ждет, а мы каждый раз кончаем работу, едва сядет солнце. Надо ввести вторую и третью смены, работать день и ночь. У нас немало машин пока стоит без дела.

Виктор Петрович вопросительно взглянул на Дагора. Тот вначале колебался, но абсолютная убежденность молодых космонавтов передалась и ему.

— Я согласен, — сказал он. — Нужно устранить сомнения. Давайте скажем ясно: пускай уйдут те, кто больше не верит в наше дело. Зато остальные будут до конца!

Вечер выдался ясный и тихий. Чуть лиловели сумерки, над равниной стелилась голубая дымка. Резкий протяжный вой сирены нарушил тишину. Толпа рабочих собралась на площадке перед вездеходом, где жили космонавты.

Яхонтов, Наташа, Владимир и Дагор взобрались на платформу. В своих черных меховых одеждах пришельцы с Земли отличались от марсиан только ростом и светлой кожей. Виктор Петрович подошел к самому краю платформы.

— Знаете ли вы меня, граждане Анта? — спросил он без всякого вступления.

Множество сложенных вместе рук поднялось над толпой. Послышались возгласы:

— Знаем!

— Весь народ знает тебя!

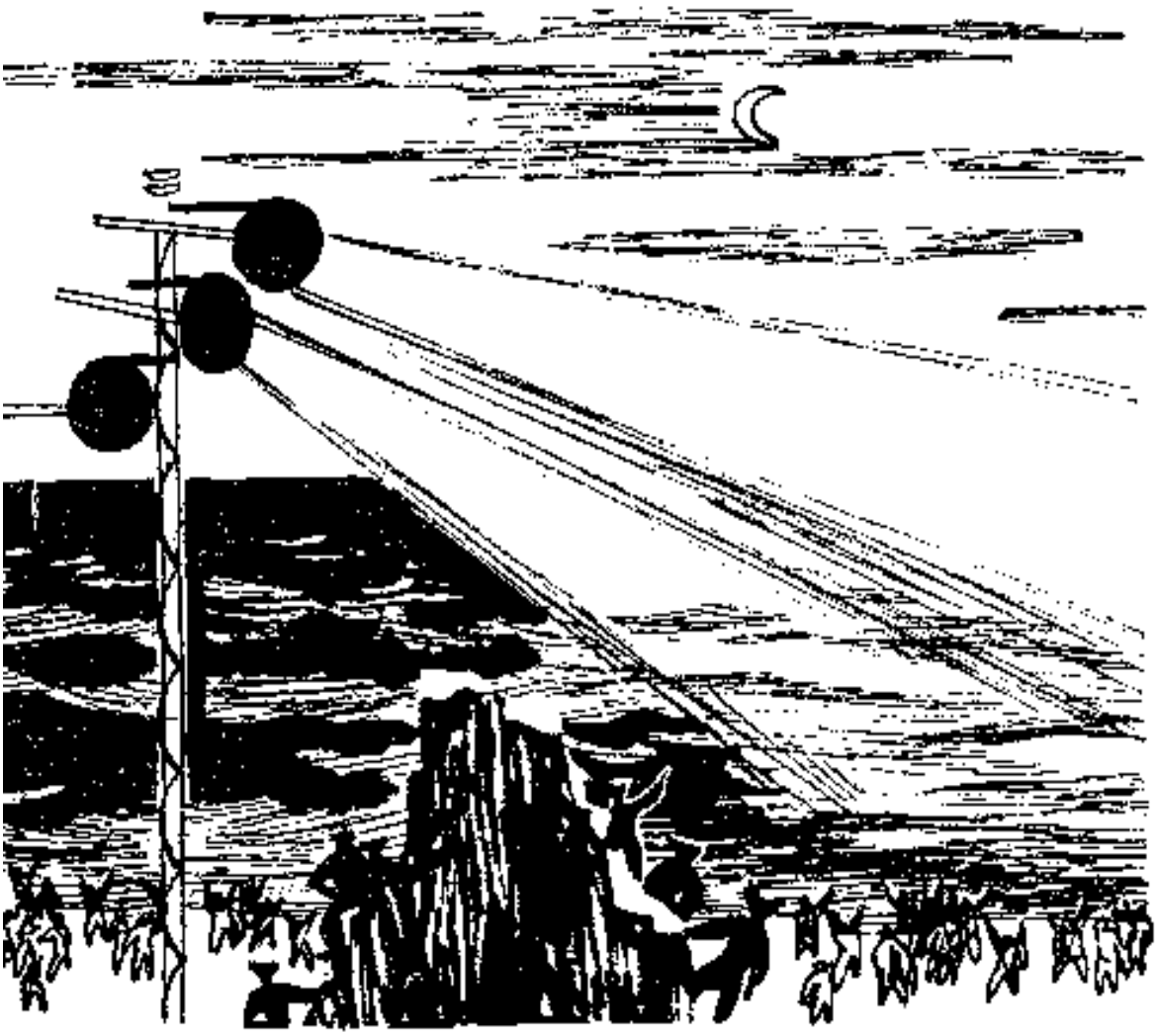
— Чего мы хотим здесь? — говорил Виктор Петрович. — Мы хотим найти для вас источник влаги. Мы твердо знаем и верим: здесь должна быть вода. О том же говорят старинные предания. Это так же верно, как то, что завтра встанет солнце. Можно ли бросать работу? А если цель близка? Кто сеет сомнения, зачем? Не надо поддаваться уговорам! Пускай те, кто нам не верят, уходят. Мы начнем работать день и ночь и тем приблизим великую победу!

Эти простые слова убедили. Марсиане, прибывшие со специальными машинами, которые пока не работали, первыми предложили заменить уставших. Быстро сформировались ночные смены.

Когда Фобос поднялся на западе, озаряя равнину своим бледным светом, тяжелые экскаваторы снова работали. Не спали и космонавты. Их видели и впереди, где острозубые ковши врезались в мерзлый песок, и в кабинах экскаваторов, и у вертикальных буров.

Незадолго до восхода солнца Наташа и Владимир остановились на краю выемки и оттуда смотрели, как работает первая шеренга экскаваторов.

Тогда и случилось долгожданное. Все привыкли, что ковши изо дня в день выбрасывают охряно-желтый, розовый или серый песок,

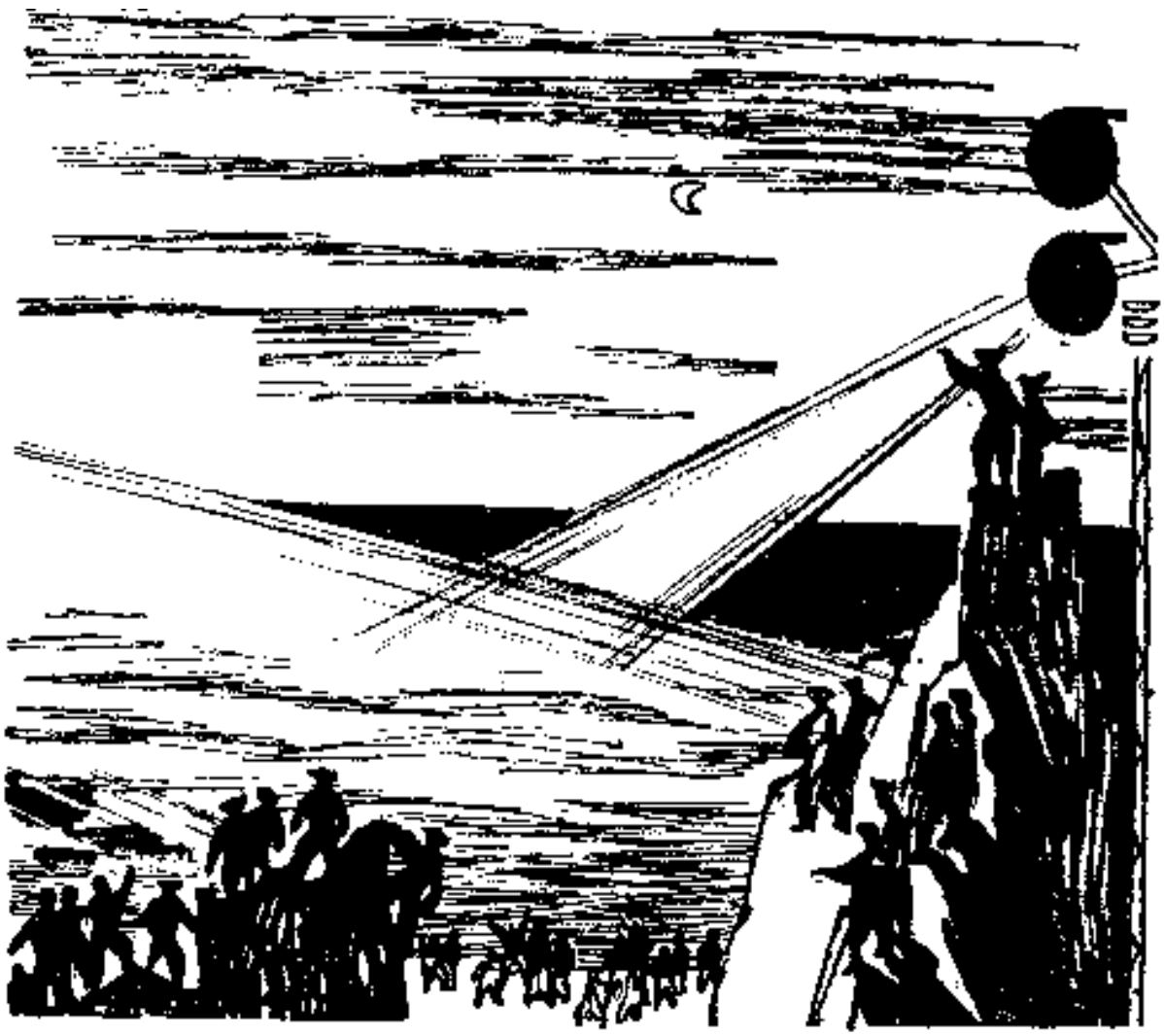
порой смешанный с глиной. Теперь, сначала у головной машины, потом у следующей за нею, в ковшах замелькали крупные куски другого цвета. Матовые, светло-голубые, иногда зеленоватые, они резко отличались по внешнему виду от обычного грунта.

Наташа заметила их с высоты, но боялась верить собственным глазам.

— Володя! — сдавленным голосом прошептала она. — Погляди!

Передний экскаватор вдруг остановился. Из кабины выбежали марсиане и принялись разглядывать камень.

— Лед, лед! — в восторге закричала Наташа. В нетерпении она не стала огибать выемку кругом, а, выбрав место, где высота обрыва была около пяти-шести метров, прыгнула прямо вниз. На Земле

подобный прыжок кончился бы трагически, но дело происходило на Марсе.

— Лед, лед! — кричали марсиане, выскакивая из машин.

Известие о победе моментально распространилось. Проснулись все. К месту работы тотчас направили новую технику. Уже к полудню выбрали весь грунт. Лучи солнца теперь озаряли глубокую выемку среди песков, на дне которой очистился матово-голубой прямоугольник. Это был сплошной массив льда.

В дело пошли подвижные легкие канавокопатели. Они вырезали среди ледяного пласта узкую глубокую траншею, чтобы добраться до самого дна и оценить мощность слоя.

Механизмы работали быстро. К исходу дня они углубились на двадцать пять метров, но дна еще не достигли. Подали команду, и машины возвратились на поверхность. По наклонному спуску в глубину щели спустились космонавты. Им пришлось идти по коридору, обе стены и пол которого состояли изо льда.

Вода! Настоящая вода и в огромном количестве. Трудно передать, какие чувства обуревали их, да и тех марсианских ученых и инженеров, которые воочию убедились, что недра Анта действительно содержат ископаемый лед. Правда, его нашли пока в одной точке, но теоретическое предположение, высказанное Наташей, основывавшейся на цифрах средней плотности вещества планеты, получило блестящее подтверждение. Теперь можно было надеяться, что не только здесь, но и в других местах, глубоко под песками Марса, скрываются застывшие океаны.

Молча стояли космонавты. Особое волнение испытывала Наташа. Перед ее глазами открылся целый новый мир, сказочное царство льдов. С обеих сторон поднимались отвесные ледяные стены, матовые, шероховатые. В одном месте механизмы, видимо, немного буксовали и отполировали небольшой участок. Он выглядел как черное пятно на голубой стенке. Наташе захотелось проверить, насколько прозрачна ледяная глыба на такой глубине.

Она прильнула к темному окошечку и отпрянула в изумлении. Ледяной массив был прозрачен, как монолитная глыба зеленоватого стекла, и насыщен мягким светом, разлитым во всей толще. Вдали

освещенность слабела, можно было видеть метров на пять от наблюдателя.

И здесь, прямо перед Наташей, находилось удивительное создание. В первое мгновение она даже испугалась. Это было животное около двух метров длиной с толстым яйцевидным туловищем. Короткая круглая голова заканчивалась изогнутым клювом, свисающим вниз над раскрытыми челюстями. Отчетливо были видны мелкие острые зубы. По обе стороны головы находились длинные щупальца. Тонкие и гибкие усы сначала поднимались высоко над головой, потом опускались книзу. Два глаза, круглых, с узкими щелями зрачков, лишенные век, заметно выдавались вперед. Они сидели на коротких корешках, как у рака. Под туловищем можно было рассмотреть еще лапки, а сзади имелся опущенный остроконечный хвост. Чудовище прекрасно сохранилось в толще льда и казалось полным жизни.

На испуганный возглас Наташи подбежали Виктор Петрович и Владимир.

— Счастливая случайность, — сказал Яхонтов. — Редкая случайность! Все живые организмы, населявшие когда-то марсианские моря, должны были вымереть задолго до полного остывания океанов. Оно ведь длилось тысячелетия... Очевидно, здесь, близ берегов, на мелком месте замерзание произошло внезапно, и этот экземпляр не успел скрыться. Редкая удача? Надо постараться извлечь его целиком.

Космонавты и Дагор вернулись в столицу. В просторном кабинете их ждали члены Совета Мудрейших, ученые, журналисты.

Яхонтов имел право быть довольным и не скрывал этого.

— Еще одна решенная задача, — заявил он, как только закончились взаимные приветствия. — Я очень рад, что практика подтвердила наши теоретические предположения. Успех разведки, бесспорно, имеет огромное значение.

— Решена задача, и какая! — удовлетворенно произнес Элхаб. — Народы Анта бесконечно благодарны за помощь. Запасы льда, кажется, велики?

Вопрос был обращен к Наташе.

— Можно утверждать, что это целое море. Сейчас идет бурение скважин. Судя по рельефу, весь участок примерно от двадцати пяти до пятидесяти пяти градусов южной широты и от ста восьмидесяти

до двухсот градусов долготы — замерзший водоем. Но весьма возможно, что дальше тоже есть ископаемые льды.

Элхаб задумался, слегка прищурив веки.

— Нет слов, чтоб оценить значение этого открытия, — сказал он негромко. — Теперь древний Ант сможет проснуться...

Виктор Петрович сказал спокойно и деловито:

— Позвольте мне внести одно практическое предложение. Ведь мы сейчас работаем над проектом второй, более крупной электростанции на ядерном горючем.

— Да! — поднял голову Элхаб.

— Прямой смысл построить эту станцию как раз в том месте, где открыли ископаемые льды. Тогда тепло атомного распада мы обратим попутно и на таяние льда. А воду можно подавать куда угодно по старым водоводам.

— Если бы успеть при вас закончить стройку, — задумчиво сказал Элхаб. — Скажем, за полгода. Но это невозможно!

— Отчего же? — заметил Виктор Петрович. — Я верю в ваш народ!

Элхаб внимательно посмотрел на старого ученого, потом перевел глаза на окружающих. Члены Совета Мудрейших, ученые, инженеры сидели молча и сосредоточенно думали.

Элхаб встал:

— Давайте бросим клич! Сейчас я напишу воззвание к народу и передам по радио. Поднимем всех!

Уже к исходу дня по всей стране звучало обращение Элхаба. Впечатление было огромно. Ведь до сих пор, за тысячи лет истории Анта, еще не было случая, чтобы Владыки — неограниченные властелины — призывали народные массы, обращались к ним. Самодержавные правители издавали приказы, приобретавшие силу закона, и вовсе не считались с мнением народа и его интересами. А здесь верховный властелин говорил с народом о содружестве.

Марсиане собирались толпами, обменивались мнениями, толковали о грандиозных планах.

Только за мрачными стенами замка Великого жреца по-прежнему стояла гробовая тишина. Черная застывшая громада высилась в суровой неподвижности над ликующей столицей.

Вернувшись к себе, космонавты собрались все вместе. Немного задержался Виктор Петрович. Он что-то писал у себя в кабинете.

— Ну что же, друзья, — входя, сразу начал он, как обычно, без лишних слов. — По-моему, поработали мы неплохо. Есть кое-какие итоги. Не пора ли нам сообщить на Землю, как идут дела? Вот я набросал текст, послушайте: «Закончили постройку опытной атомной электростанции на привозном уране. Дан первый ток. Организуем разведку ядерного горючего. Провели удачные опыты переработки безводных глинистых и песчаных почв на плодородные путем разведения силикатных бактерий и посева бактериальных смесей. Удалось с помощью микроорганизмов высвобождать кристаллизационную воду. Недавно обнаружили крупные запасы ископаемого льда. Проектируем вторую промышленную атомную электростанцию. Все здоровы, готовимся к возвращению. Яхонтов». Сообщение короткое, но, как видите, содержательное, — закончил он и довольно оглядел всех.

Начальник экспедиции был весьма требовательным человеком и к себе самому и к людям. На похвалы он был скуп, и нынешнее, редкое для него. настроение удовлетворенности обрадовало космонавтов.

— Давайте я сейчас же поеду и отправлю радиограмму, вызвался Владимир.

— Хорошо, — согласился Виктор Петрович, потом подумал и прибавил: — А знаете, я тоже поеду с вами.

Радиосвязь с Землей была довольно сложным делом. На Марсе не было передатчика нужной мощности и соответствующего диапазона. Космонавты пользовались только рацией на маленькой ракете. И на это приходилось тратить много времени. За все время пребывания на Марсе было послано две или три радиограммы. Ракета стояла далеко за городом. Ее доставили поближе к столице, к предполагаемому месту старта для возвращения на Фобос. Она находилась под охраной специального караула.

Прошло более часа, пока вездеход, которым управлял Владимир, достиг цели. Ракета стояла на трех стальных опорах. В ясный день ее можно было видеть среди равнины километров за 20–25: серебристая сигара горела в лучах солнца. Караул жил в специальном вагончике,

доставленном сюда из города. Еще издали Владимир увидел трех вооруженных марсиан. Все было в порядке.

Космонавтов знали в лицо, их вообще нельзя было ни с кем спутать, и караульный начальник беспрепятственно пропустил их к ракете.

Входной люк был закрыт. Металлическая лесенка лежала внизу. Владимир поставил ее, открыл дверцу и проник внутрь. Яхонтов последовал за ним. Все было, как и при последнем посещении. Так же висели кресла на шарнирах, только налет пыли покрывал все предметы серым слоем. По внутренней лесенке Владимир поднялся в рубку и оторопел.

На полу валялся изуродованный передатчик. Чья-то умелая рука сняла важнейшие детали, поломала и испортила остальные. Единственное средство для связи с Землей оказалось уничтоженным. Некоторое время космонавты смотрели друг на друга, ничего не говоря.

— Так, — произнес наконец Яхонтов, — связь прервана. Сделано умело. Вряд ли мы сумеем исправить передатчик.

— Да, — согласился Владимир, — нам нанесли серьезный удар.

Новая тревожная мысль мелькнула в сознании Виктора Петровича.

— Проверим остальное, — нахмурясь, произнес он. — Если диверсанты проникли сюда, вряд ли они ограничились одним передатчиком.

— Нет, как будто все в порядке, — неуверенно протянул Владимир. — На пульте управления все приборы целы... Что, собственно, они могли тут сделать?..

— Посмотрим хорошенько, — повторил Яхонтов, внимательно оглядывая помещение.

— Постойте! — вдруг встрепенулся Владимир. — Я сейчас!

Он быстро выскочил из рубки. Вернулся Владимир через несколько минут. По его удрученному виду Виктор Петрович понял, что подозрения оправдались.

— Что? — спросил он.

— Окислитель!

— Выпустили?

— Да! Верхний кран открыт, и все запасы испарились!

Источником энергии для двигателя ракеты служила реакция соединения двух газов, хранившихся в баллонах под большим давлением. При соприкосновении этих веществ выделялось колоссальное количество тепла. Скорость газовой струи достигала 4, 5 километра в секунду. Потеря одного из компонентов горючей смеси означала, что ракета уже не могла взлететь с поверхности Марса и для возвращения на Землю путь был отрезан.

— Вот как задумано, — процедил Виктор Петрович сквозь зубы.

Положение было исключительно тяжелым. Запасы природного сырья, содержащего этот газ, быть может, и существовали на Марсе, но их следовало сначала найти, организовать добычу и наладить производство в достаточно большом масштабе. А времени оставалось всего полгода. Задача была явно неразрешимой.

Космонавты неожиданно попали в безвыходное положение.

— Как могло случиться? — недоумевал Владимир. — Ведь ракета все время находилась под надежной охраной.

Начальник караула, растерянный и перепуганный при виде разрушений, смог объяснить лишь, что дней за десять до этого к ним приехал марсианин, предъявивший документ и письменное приказание Владыки Анта допустить его, как специалиста, к осмотру передатчика, чтобы использовать конструкцию в промышленности.

Неизвестный поднялся в ракету и долго находился там под надзором часового, мирно занимаясь набросками и зарисовками. Закончив дело, он собрался уходить. Часовой вышел первым. Прибывший задержался, но был один едва ли пять минут.

— Но окислитель, — добивался Яхонтов, — из баков утекло огромное количество газа. Он ядовит. Неужели вы не чувствовали запаха, боли при дыхании?

— Нет, ничего, — оправдывался начальник караула.

— Весьма возможно, — пояснил Владимир. — Кран баллона был открыт лишь немного. Газ выходил едва заметной, тонкой струйкой. Все время ветер. Этот газ по весу почти равняется воздуху. Утечка продолжалась долго и могла остаться незамеченной. Тем более, что краны расположены высоко над головами часовых...

Удрученные происшедшим, Владимир и Виктор Петрович молча сели в вездеход, захватив с собой поддельный документ, с помощью которого диверсант проник в ракету.

12. Последняя карта

Элхаб был взбешен.

— Конечно, это дело рук Ассора, — сказал он, как только узнал о преступлении. — Но снова нет прямых улик... Что я могу сделать? Допустим, я арестую Великого жреца. А дальше? Судить? Но где же доказательство? Затеять процесс против самой церкви и оказаться в дураках? Слишком опасно! Влияние церкви велико, и даже Владыка должен с ним считаться!

Слегка пожав плечами, Виктор Петрович удалился, заручившись обещанием, что по делу будет произведено самое тщательное расследование. Фальшивое распоряжение давало в руки следователей начало нити.

Но все это никак не улучшало положения космонавтов. Найдут виновников или не найдут, будет изобличен Ассор или не будет — путь к возвращению отрезан, а радиосвязь с Землей прервана. Все это могло на неопределенно долгое время задержать их на Марсе. В самом лучшем случае, пропустив приближающийся срок отлета, они могли повторить попытку вылета не раньше, чем через два с половиной года, при очередном противостоянии.

Серьезные опасности им не угрожали, но обстановка сложилась серьезная и вовсе не радостная, однако никто не впал в уныние. Общее мнение выразил профессор Паршин:

— Ничего не попишешь! Не будем огорчаться. Во всем есть своя хорошая сторона. Если задержимся здесь, значит, безусловно успеем довести до конца наше строительство. Однако обстановка еще может измениться, а потому давайте продолжать работу в прежних темпах. Carpe diem — или пользуйся каждым днем, как говорили древние римляне... Кто знает, как сложатся обстоятельства в ближайшем будущем?

И космонавты с прежней энергией продолжали работать.

Прошло несколько месяцев. Строительство второй атомной электростанции шло полным ходом. Строительный гений марсиан, сумевших еще тысячу лет назад покрыть поверхность своей планеты сетью удивительных каналов, вновь проявился с прежней силой. Просто невероятными сочли бы еще недавно те успехи, которых добились марсиане в невиданно короткие сроки.

Сюда, на берег застывшего моря, где менее полугода назад впервые появились колонны машин, была брошена теперь мощная и разнообразная строительная техника, какой обладали инженеры Анта.

Дикий край, где сотни лет не появлялся ни один марсианин, ныне преобразился. Целые полки тяжелых экскаваторов днем и ночью снимали многометровый слой песков и обнажали древний лед на площади в несколько десятков квадратных километров. Всюду видна была зелено-голубая поверхность замерзшего моря. Днем, в лучах солнца, она уже подтаивала и покрывалась тонким слоем влаги, а по ночам застывала снова.

Нескончаемой вереницей тянулись колонны самосвалов. Они свободно взбирались на склоны гор и засыпали песком, взятым с моря, неровности рельефа, подготовляя ровную площадку для будущих построек.

Но атака на льды шла не только сверху, а и в самой толще массива. Когда буровая разведка обозначила границы ледовых залежей и определила их глубину, в дело пошли тоннельные машины. Они рыли круглые коридоры-траншеи в слое льда по каменному ложу моря. Здесь, на коренных породах, укладывали трубы.

Горячие газы, нагретые до сотен градусов энергией атомного распада, пройдя через турбины, должны были отдавать в этих тоннелях остатки своего тепла, чтобы оттаивать льды. Сюда же, ко дну моря протянулись алюминиевые водосборы насосных станций. По мере того, как льды, растаяв, будут превращаться в воду, могучие насосы должны были подавать ее на распределители восточной сети каналов и дальше — на экватор. Пока тысячи марсиан вели работы в толще льдов, их собратья уже тянули трубы через горы к берегу.

Ущелье ветров, где недавно спасались от песчаной бури первые отряды разведчиков, превращалось в удобную широкую дорогу.

Круглые сутки здесь шло движение. Никто больше не обращал внимания на грозную фигуру бога, тщетно стремящегося остановить течение времени. Там, где ущелье выходило на берег моря, справа, на гранитных скалах, выровненных строителями, уже поднимались высокие стены будущей электростанции. Их возводили из камней. Только котлован для самого реактора вырубили в гранитном массиве утеса. Отсюда нити труб тянулись к берегу и уходили в толщу льдов.

Внизу, на берегу застывшего моря, также кипела жизнь сооружалась бетонная площадка для турбин и генераторов. Сюда, по мысли инженеров, должны были поступать раскаленные в реакторе газы и приводить в движение многоступенчатые газовые турбины и связанные с ними генераторы.

Работы шли и день и ночь. Казалось, весь народ Анта собрался сюда. Пятеро космонавтов — все, кроме Индиры, занятой посевами бактерий в пустынях близ экватора, — тоже находились тут.

Солнце только коснулось горизонта — дни стали больше. Одна смена ушла отдыхать, другая начала работу. На одном из утесов, высоко над ледяным морем, показался человек. Его высокий силуэт был словно нарисован черной тушью, на ярком, изумрудно-зеленом фоне заката. Он стоял долго, неподвижный, как статуя. Это был Ли Сяо-ши.

Многомесячная упорная работа давала себя знать. Мозг требовал отдыха. Ли Сяо-ши почувствовал неодолимую потребность бросить все и пойти куда глаза глядят, просто так, совсем без дум. И он ушел на берег моря.

Без конца и края тянулся лед. Его поверхность блестела в лучах заката. Далеко на горизонте чернели маленькие точки-экскаваторы, продолжающие вскрышные работы. Постояв, астрофизик пошел дальше и добрался до ущелья. Тут строили реактор.

Ли Сяо-ши пересек площадку и углубился в горы, где пока царило прежнее безлюдье. Сейчас, в начале лета, все распустилось: яркие цветы свисали с веток между листьями, синими и пушистыми снизу, будто вырезанными из плюша. Ученый с интересом наблюдал жизнь насекомых. Они, оказывается, существовали на Анте, очнулись после зимней спячки и оживленно ползали по кустам, взбирались на цветы.

Тут было множество пушистых, как шмели, довольно крупных, но лишенных крыльев созданий на цепких длинных лапках. Вся жизнь на Марсе сосредоточивалась на его поверхности, ничто не населяло воздух. Но, как и на Земле, мохнатые насекомые переползали с цветка на цветок, способствуя опылению растений.

Солнце садилось, и в воздухе быстро холодало. Жизнь замирала: насекомые куда-то попрятались, цветы собрали венчики и поникли, плюшевые листья свернулись в трубочки пухом наружу — оделись в меховые шубки.

Ли Сяо-ши сделал большой круг по скалам через кустарник и вышел на вершину утеса, господствующего над местностью. Широкая панорама строительства открывалась отсюда. Когда лучи заката поблекли, на небе показался Фобос.

«Какая-никакая, а все-таки луна», — подумал астроном и улыбнулся собственным мыслям.

Индустриальный пейзаж строительства постепенно скрылся из глаз, лиловый сумрак затянул его непроницаемой пеленой. Только далеко на горизонте, куда перенесся фронт борьбы с песками, светились прожекторы экскаваторов.

Призрачный свет Фобоса выделял из мрака ближайшие предметы: голую скалистую площадку утеса, кустарник, черные глыбы камней. Присев на плоский гранитный обломок. Ли Сяо-ши задумался.

Его мысли унеслись далеко, на пустынные равнины у экватора, где работала девушка, все более и более завоевывающая его сердце. Он был одинок. Беспредельная преданность науке не позволяла ему подумать о себе. Сначала долгие годы учебы. Потом несколько лет уединения среди вечных льдов и гранитных скал в обсерватории Нбоанга-Тхе.

Впервые судьба поставила на его пути девушку, как бы живое воплощение всего самого привлекательного, чарующе-женственного, о чем мог только мечтать одинокий молодой человек. Ли Сяо-ши был поражен красотой Индиры еще в первый момент, когда ее увидел. Смуглая кожа, черные волосы, чуть-чуть удлиненные миндалевидные глаза, стройная, миниатюрная фигурка — все это было действительно прелестно. А затем он увидел, что за очаровательной

внешностью скрывается глубокая и цельная натура, преданная науке самозабвенно и бескорыстно. Вместе с тем Индира покоряла своей обаятельной женственностью, нежностью, чарующей мягкостью характера. Эти черты проявлялись в каждом ее слове, жесте, даже в звуках ее голоса.

Сдержанный, скупой на внешние проявления своих чувств, молодой ученый понял, что любит. Но увы! Он видел, что Индира ценит в нем только умного, преданного и верного друга.

Об этом и задумался Ли Сяо-ши, сидя на камне в тихий вечерний час.

Быстрый Фобос уже поднялся к зениту, когда ученый встал. Ледяная дымка затянула дали. Огоньки на берегу скрылись за серебристой завесой. Бледный свет маленькой луны проложил по ней матовую, неяркую дорожку. Ли Сяо-ши понял, что засиделся, и поспешил к дому. Чтобы сократить расстояние, он пошел напрямик сквозь кустарник. Он хорошо знал, что здесь, наверху, никого не встретит. Марсиане вообще не любили гулять без определенной цели, и встретить их ночью в стороне от дома можно было лишь в самых редких случаях. Поэтому он был очень удивлен, заметив чей-то силуэт, мелькнувший между кустами.

На Марсе ученый привык настороженно относиться ко всем явлениям, выходящим за рамки обычного. Инстинктивным быстрым движением он кинулся на землю и притаился. Черная одежда делала его незаметным. Впереди лежал большой обломок камня. Слабо освещенный, с одной стороны, Фобосом он отбрасывал длинную тень. Астрофизик пополз туда и замер неподвижно.

Все вокруг было тихо и спокойно, но Ли Сяо-ши каким-то внутренним чутьем уже знал, что это не так. Знал и терпеливо ждал.

Тень вдалеке метнулась еще раз. Это был марсианин в черной одежде и с оружием. Он приподнялся, перебежал несколько шагов и снова притаился среди кустов. Ли Сяо-ши глядел во все глаза. Немного правее мелькнула другая тень, за ней еще одна. Один из неизвестных пробежал совсем близко, и Ли Сяо-ши увидел, что лицо его закрыто черным капюшоном. За плечами у марсианина висело оружие.

Сомнений не оставалось: вооруженная банда подкрадывалась к строительству. Из-за темноты никак нельзя было определить, сколько марсиан принимают участие в нападении. Кто знает, может быть, злоумышленники ползут со всех сторон...

Ли Сяо-ши знал, что вокруг строительной площадки ночью ходят часовые, но гарнизон был все же невелик. Рабочие жили в стороне, кроме того, у них не было оружия. Вдобавок нападающие имели преимущество внезапности.

Все эти соображения мелькали в сознании ученого, пока он лежал за своим камнем.

Вот еще одна ползущая фигура появилась в поле его зрения. Направление движения бандитов уже можно было определить достаточно точно. Они пробирались к тому месту, где строился атомный реактор. «Надо схватить одного и выяснить, чего они хотят», — подумал Ли Сяо-ши.

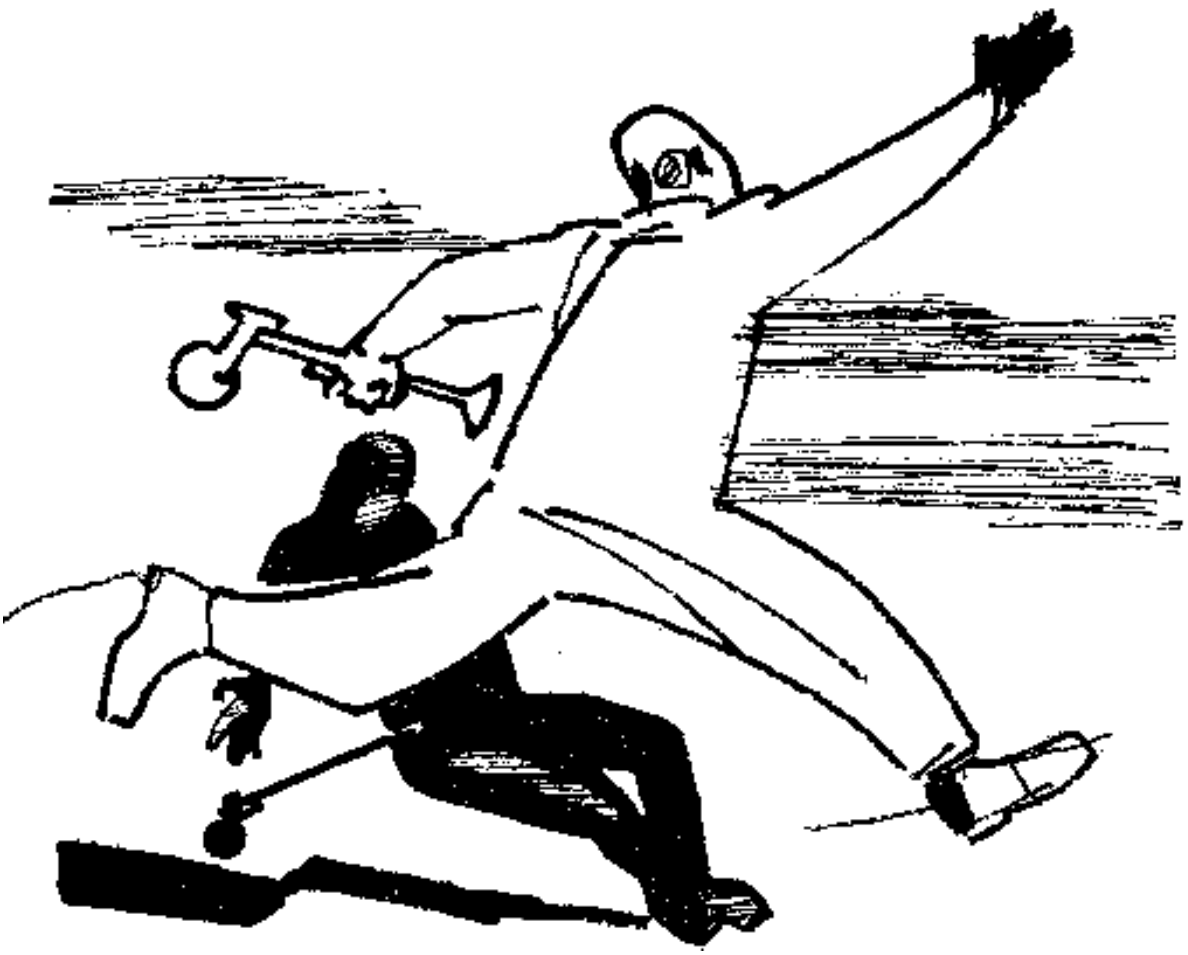
Ползущий марсианин был совсем рядом. Других как будто нет поблизости... Словно стальные пружины распрямились мускулы ученого. Он прыгнул и обрушился на диверсанта сверху, внезапно и бесшумно. Малая сила тяжести на Марсе и крепкие мускулы еще раз помогли ему... Марсианин не успел ни крикнуть, ни оказать сопротивления.

— Ты знаешь меня, негодяй? — прошептал Ли Сяо-ши, поворачиваясь так, чтобы Фобос осветил его лицо.

Кто же на Марсе не знал шестерых космонавтов, портреты которых мелькали в газетах и на экранах?

— Знаю, — пролепетал марсианин, — ты из тех, что прибыли со Звезды Тот...

— Отвечай, что вы делаете здесь, что задумали?.. Скажи правду, и я сохраню тебе жизнь!

Испуганный марсианин без долгих уговоров признался во всем. Свыше тысячи вооруженных фанатиков, подученных жрецами, должны были в эту ночь проникнуть на строительство, истребить караул, взорвать начатые сооружения, а главное, уничтожить все запасы урана, привезенного с Земли.

Организаторы черного дела прекрасно понимали, что если они сумеют ликвидировать запасы ядерного горючего, то все планы строительства новой атомной электростанции и использования ископаемого льда окажутся неосуществимыми. Когда еще удастся найти на Марсе природный уран. Организовать добычу, наладить сложный и тонкий процесс его очистки и обогащения!

Ли Сяо-ши знал, что основные запасы урановых стержней были уже привезены и хранились на строительстве. На первой станции оставили небольшой запас, примерно на один год ее работы. Он заскрипел зубами от ярости, когда понял, как велика опасность.

Скрываться уже не было нужды. Он отобрал у бандита лучевое оружие, гранаты и кинжал, схватил его за шиворот и отшвырнул в сторону. Все заняло несколько секунд. Затем он бросился к стройке. Он бежал, не думая о дороге, благодаря судьбу за то, что ночное светило еще не скрылось и позволяет видеть. Порой он прыгал, как гигантский кузнечик, переносясь по воздуху на десятки метров. Встречавшиеся на пути расщелины он перескакивал без размышлений. Диверсанты его заметили, но не рисковали стрелять, чтобы не поднять тревогу. Они поднялись и побежали тоже, почти не скрываясь. Шестеро кинулись из засады под ноги бегущему, пытаясь свалить его и задержать. Астроном, не останавливаясь, раскидал их и помчался дальше.

Так он добежал до обрыва и без размышлений прыгнул вниз. Падая, он успел поджать под себя ноги, опустился, как на рессоры, вскочил и продолжал бег.

— Тревога! Тревога! К оружию! — кричал он, завидя фигуры часовых на берегу.

К счастью, внешний вид космонавтов настолько отличался от жителей Марса, что ему не пришлось объяснять, кто он такой.

Загремели выстрелы, завыла сирена. Караульная рота выскочила наружу, на ходу щелкая затворами, но никто еще не понимал, в чем дело.

— Сюда! За мной! Они хотят взорвать стройку и уничтожить склад урана! — кричал Ли Сяо-ши на бегу, а сам огромными прыжками мчался к ущелью, где хранились урановые стержни. Он намного опередил стражу.

Диверсанты поняли, что их замысел, рассчитанный на внезапность, раскрыт, и изменили тактику. Во главе их, очевидно, стоял опытный военный. По его приказу все силы, а Ли Сяо-ши заметил только небольшую их часть на крайнем левом фланге, были брошены в ущелье. Там на посту стояли шесть часовых. Они услышали сирену и выстрелы, поняли, что началось нападение, и приготовились, но на них из темноты со всех сторон, как горох, посыпались бандиты. Часовые укрылись за камнями и отстреливались, однако на каждого из них приходились сотни нападающих.

К моменту, когда появился Ли Сяо-ши, на ногах остались только четверо караульных. Большой отряд диверсантов уже спустился вниз и сосредоточился в ущелье, ведя беглый огонь по остаткам караула. Надо было во что бы то ни стало задержать нападавших до подхода караульной роты.

При виде Ли Сяо-ши бандиты с яростными воплями бросились в атаку. Они рассчитывали сразу смять немногих защитников и одним ударом осуществить свои замыслы. Густой толпой они окружили часовых и Ли Сяо-ши. Началась жестокая рукопашная схватка. Перед каждым из несчастных караульных выросло по нескольку диверсантов. Исход борьбы решили бы секунды, но астрофизик был очень серьезным противником.

Высокий, худощавый и мускулистый, он крепко стоял на ногах. Его длинные руки, вооруженные бесполезным теперь в качестве лучевого оружия автоматом, молотили наседавших бандитов с поразительной быстротой и силой. В подходящие моменты он пускал в ход и ноги. С болезненными воплями отлетали от него нападавшие.

В начале ущелья показались первые солдаты караульной роты. Отбиваясь от врагов. Ли Сяо-ши услышал их крики.

— Держись, друг! Мы идем! — кричал где-то вдалеке Владимир.

Едва загудели сирены, как все космонавты, бывшие на площадке, бросились на поле сражения. Тревога застала их в постелях. Пока оделись, пока захватили оружие, пока разобрались, где и что происходит, прошли минуты.

Когда Ли Сяо-ши, по сути дела принявший на себя весь натиск, без устали разил врагов, другой отряд бандитов; пользуясь темнотой, подкрался к цели. Хранилище урана находилось внутри гранитного утеса и закрывалось тяжелой стальной дверью. Перед нею оставался часовой, не принимавший участия в схватке. Он погиб, защищая запас драгоценного урана.

Бандиты вскрыли замки, ворвались внутрь и успели заложить крупные заряды взрывчатки, подготовленные заранее. Закончив свое дело, они со всех ног бросились прочь.

Когда Ли Сяо-ши, теряя силы в неравной схватке, услыхал сзади крики друзей, раздался грохот взрыва... Замысел врагов удался! Запасы поистине бесценного сырья были уничтожены... Дикая, слепая ярость овладела ученым. Подбежавшие космонавты, впереди которых мчался Владимир, никогда еще не видали астрофизика в таком бешенстве. Он уже не оборонялся. Он ринулся вперед и перешел к нападению, абсолютно не отдавая себе отчета, есть за спиной подмога или он по-прежнему один.

Враги в панике попятились, потом кинулись бежать, но разъяренный ученый в два прыжка настиг их. Особую ненависть вызвал у него маленький, тщедушный марсианин, наблюдавший за схваткой из-за спин наседавших диверсантов. К нему и рвался Ли Сяо-ши. Достигнув своей цели, он крепко схватил незнакомца, сделавшего отчаянную попытку скрыться, поднял за шиворот левой рукой, а правой нанес сильный удар кинжалом в грудь и бросил прямо под ноги набежавшим солдатам караульной роты и космонавтам.

При падении капюшон слетел с головы бандита. Это был Ассор! Очевидно, ненависть старого жреца к космонавтам и ко всему, что они делали, была настолько велика, что он пожелал лично присутствовать при уничтожении их самих и их главного детища.

Ли Сяо-ши ожидал увидеть кого угодно, кроме старого жреца. Изумленный, он на мгновение как бы оцепенел. Это его погубило. Видя, что внезапное нападение не удалось, бандиты в панике побежали, но гибель Великого жреца вызвала среди них взрыв ярости. Один из наиболее фанатичных приближенных Ассора обернулся, с визгом кинулся на Ли Сяо-ши и, прежде чем тот успел понять, откуда грозит опасность, нанес ему удар кинжалом. Подоспевший Владимир уложил врага, но было уже поздно: Ли Сяо-ши издал болезненный стон и рухнул. Падая, он еще видел искаженное отчаянием лицо Наташи, седую бороду подбегавшего Яхонтова, полное ужаса лицо Паршина...

Бандиты в беспорядке отступали. Уцелевшие после схватки рассеялись в горах, пользуясь темнотой ночи. К исходу сражения Фобос успел зайти. Глубокий мрак покрыл место битвы. Расчеты диверсантов на полное уничтожение всего строительства не оправдались, но главной цели они достигли.

Сумрачные и озабоченные, возвращались космонавты с поля неожиданной ночной битвы. Вчетвером на носилках они несли тяжело раненного друга.

Немного позади марсиане несли еще одни носилки. На них лежал Ассор. Было важно во что бы то ни стало сохранить жизнь Великому жрецу — главному вдохновителю заговора. Его показания должны были разоблачить перед всем народом подлинных виновников длинного ряда преступлений.

Медленно двигалась процессия, сопровождаемая солдатами и большой толпой рабочих, возбужденно обсуждавших происшествие.

Однако события этой бурной ночи еще не закончились. Когда печальный кортеж, двигавшийся очень медленно, чтобы не беспокоить раненого, вышел из ущелья на берег моря и направился к зданию, сооруженному специально для космонавтов, высоко в ночном небе, с западной стороны, послышался странный звук. Все невольно повернули головы.

Острые глаза Владимира первые заметили быстро движущуюся в небе маленькую звездочку. С каждой секундой она не только становилась ярче, но и приобретала удлиненную форму. Странный

предмет приближался. Вскоре он со свистом промчался над равниной, оставляя за собой широкий сверкающий след.

— Ракета! — воскликнула Наташа.

— Несомненно! — подтвердил Владимир. — Она должна совершить посадку на освещенном полушарии.

Заключению опытного космического пилота можно было доверять.

— Кажется, тяжелый корабль? — спросил Яхонтов.

— Да, — ответил Владимир. — Кто-то рискует лететь прямо на Марс, без посадки на Фобосе. Кто бы это мог быть?

Пока марсиане в изумлении наблюдали феерическое зрелище, космонавты осторожно внесли носилки в теплую, ярко освещенную комнату. Наташа и Виктор Петрович принялись хлопотать около раненого, накладывая повязку. Он оставался без сознания. Кинжал фанатика поразил легкое и задел сердечную сумку. Человек менее крепкого сложения, без сомнения, умер бы на месте, но Ли Сяо-ши обладал железным здоровьем и еще жил.

В тяжелом молчании стояли космонавты вокруг умирающего друга. Горькая складка обозначилась на лице Наташи. Она держала пульс, наблюдая, как жизнь постепенно оставляет это могучее тело. Слезы медленно катились по ее щекам. Виктор Петрович со шприцем в руках сидел рядом. Он только что сделал вливание и ждал результатов. Взгляд его был полон печали. Паршин стоял у изголовья умирающего и даже не пытался сдерживать слезы. Владимир стоял с другой стороны, плотно сжав рот. Выражение суровой решимости превратило в камень все мускулы на его мужественном лице. Поодаль собрались марсиане. Сюда пришли Дагор и несколько инженеров. Все знали и успели крепко полюбить китайского ученого. Он трагически погиб, мужественно защищая дело, жизненно важное для жителей чужой ему планеты, ради народа Анта, его настоящего и будущего. И марсиане это понимали. Человек, прибывший с другой планеты, отдал для их блага не только свои знания, силы, но и жизнь.

Лекарство сделало свое дело. Сознание вернулось к Ли Сяо-ши.

— Я умираю... — сказал он, открыв глаза. — Жаль, что не успел... не дожил... — Взгляд его упал на Сергея Васильевича. — У меня... в

столе... — говорил он с трудом, видимо, собирая последние силы. — Найдете... расчеты и схемы... Очень важно... Принципиальная схема управляемой термоядерной реакции на природном азоте... Передайте ее марсианам... Я думаю, что решил задачу... Это — будущее, завтрашний день Марса... Я нашел путь... Они получат неиссякаемый запас энергии... Марс будет жить! А я? Я умираю, но все равно?.. И моя жизнь прошла не напрасно! Меня будут вспоминать здесь я указал им правильную дорогу... Остальное... сделают сами...

Тут силы оставили его, и он затих, бессильно откинув голову. Наташа подумала, что все кончено, привстала и склонилась над ученым, стараясь рассмотреть его лицо.

Ли Сяо-ши еще раз пришел в себя. Его глаза медленно раскрылись, остановились на лице Наташи и приняли странное, никогда еще не виданное выражение. Какой-то внутренний спет, из глубины души идущее сияние озарило вдруг эти прежде всегда бесстрастные глаза. Теперь они стали теплыми и ласковыми.

— Наташа... — совсем тихо прошептал он. — Передайте... Я все время... С первого дня... Любил ее... Очень сильно... У меня никогда не было никого... И не будет больше..... Я знаю... — продолжал он, — она полюбит другого... Пускай... Лишь бы она была счастлива... Ведь я все равно... умираю... Но и в мою жизнь все-таки... пришла любовь... Разве это не счастье?

Глаза Ли Сяо-ши медленно закрылись. Он затих, как бы заснул. Наташа больше не сдерживала рыданий, да и мужчины не скрывали слез.

Поутру принесли телеграмму от Элхаба: «Похороны Ли Сяо-ши отложите до моего приезда. Сохраните жизнь Ассору. Прибуду через трое суток. Опустилась большая ракета недалеко от столицы».

Машина правителя Анта появилась из ущелья к исходу третьих суток. По виду ее было понятно, что водители гнали день и ночь.

Вездеход направился прямо к дому, где жили космонавты. Элхаб быстро направился к дверям. Следом за ним шел человек в пушистом меховом комбинезоне и унтах. Да, это был именно житель Земли. За ними спешила еще одна маленькая, хрупкая фигурка в черной одежде — Индира. Последним был Янхи.

Человек в комбинезоне вошел., остановился, огляделся и, узнав Яхонтова, поднявшегося навстречу, представился:

— Начальник обсерватории Нбоанга-Тхе, в прошлом помощник Ли Сяо-ши и его старый друг, Чжан Ван-фу.

— Немного опоздали, дорогой мой, — с грустью сказал Виктор Петрович, протягивая руку.

— Где он?

— Пойдемте!

Все прошли в помещение, где лежал тот, кто еще совсем недавно жил, работал и любил. Лицо его сохранило счастливое выражение, какое приобрело в последний миг жизни, на самой грани перехода в небытие. Индира бросилась на колени и забилась в рыданиях. И без слов Наташи она знала все. Чжан Ван-фу стоял неподвижный и сосредоточенный, глядя в лицо друга. Потом прикоснулся к остывшему высокому лбу покойного, за которым скрывался такой могучий ум.

Похоронили китайского ученого на следующее утро высоко над морем, на той самой площадке, где долго стоял Ли Сяо-ши, глядя на панораму великой стройки. Тысячи марсиан — все, кто работали на строительстве, — пришли, чтобы отдать ему последний долг. После похорон космонавты и Элхаб направились в помещение, где под строгой охраной находился Ассор.

Два врача — светский и духовный — находились при нем неотлучно. Рана, нанесенная рукой Ли Сяо-ши, была тяжелой, но не смертельной. Маленькие глазки Великого жреца блестели так же сильно, как всегда, и на губах змеилась злая, презрительная усмешка.

В комнату вошли все. Элхаб остановился в ногах ложа и устремил тяжелый, мрачный взор прямо в глаза жреца.

— Итак, Ассор, ты не смирился перед волей Владыки, — начал он негромко, но весь кипя от сдержанного гнева. — Ты дерзнул пойти против закона и запятнал себя преступлением!

— Я делал так, как мне велела совесть! — гордо ответил Ассор. — А ты, Элхаб, осмелился поставить себя выше церкви. Моей рукой карают боги! — Выражение злобного торжества появилось на лице старика. — Может быть, я умру, — продолжал он. — Пусть будет так! Ведь я прожил немало... Но вы теперь узнали силу церкви! Что осталось

сейчас от ваших планов? Пустая груда пепла... И Ант видит, куда ты, Элхаб, завел народ... А все лишь потому, что ты презрел святую церковь!

— Позорный список твоих преступлений рассмотрит суд народа, — мрачно сказал Элхаб. — Не мне судить тебя! — Он подумал и добавил с кривой усмешкой. — Но раньше ты был мудр, а теперь... Неужели ты серьезно вообразил, что своим нападением сможешь остановить движение народа к счастью?

— Я уничтожил все, что вам дали проклятые пришельцы! — возразил Ассор. — А самих чужеземцев навек оставил здесь. Один из них — в могиле... Другие будут здесь, пока и их возьмет могила... Так решили боги!

— Глупец! — рассмеялся Элхаб. — Скажите ему, — обратился он к Чжан Ван-фу.

Вновь прибывший космонавт, до того стоявший позади, вышел вперед. Старый жрец изумленно воззрился на неизвестного ему человека. Так похожего на ненавистных чужеземцев.

— Кто ты? — спросил он, уже догадываясь, но еще не смея верить.

Владимир принялся переводить слова прибывшего на язык Анта.

— Сейчас объясню, — спокойно сказал Чжан Ван-фу. — Я не знаю всего и не вполне понимаю, что тут происходит. Несколько дней назад я привел на Марс вторую большую ракету с грузом. Мне поручили доставить сюда для нашей экспедиции большое количество горючего на обратный путь. В подарок марсианам я привез сто тонн урана, чтобы помочь им построить не одну, а несколько крупных атомных электростанций. К несчастью, мой старый друг Ли Сяо-ши убит, но, как ни тяжела утрата, я постараюсь заменить покойного. Ведь мы не зря столько лет работали с ним вместе.

— Вот видишь, жалкий глупец, — жестко сказал Элхаб. — На место одного приходят другие! Так будет и впредь!

Старый Ассор смотрел на всех широко открытыми глазами, вдруг принявшими бессмысленное выражение. Его взгляд блуждал из стороны в сторону, ни на чем не задерживаясь. И вдруг дикий, животный рев вырвался из груди старика. Все испуганно шарахнулись. Только Яхонтов остался невозмутимым.

Звериный вой так же внезапно, как начался, перешел в смех. Великий жрец помешался!

13. Рассвет над древним морем

Волна возмущения прокатилась по всей стране. Никогда еще в Анте авторитет церкви не падал так низко. Новый Великий жрец по имени Лонга, пришедший на смену безумному Ассору, понял, насколько неправильной и вредной была политика его предшественника, и круто изменил курс. Он первым пришел к Элхабу. Три часа продолжалась беседа духовного и светского правителей. Никто не знал ее, содержания, но служители церкви по всей стране начали проповедовать новые идеи, по существу, призывавшие к поддержке Владыки Анта и всех его начинаний.

Когда утихло волнение, связанное с диверсией, космонавты узнали, почему к ним так внезапно пришла помощь.

Последняя радиограмма, посланная ими, несмотря на успокоительное содержание, не уменьшила беспокойства за судьбы сынов и дочерей Земли, заброшенных на далекий Марс. Было принято решение подождать три месяца, и если не будет еще одной, совершенно успокаивающей телеграммы, то послать на Марс вторую ракету, не ожидая, пока взаиморасположение планет станет опять особенно благоприятным. Все дело сводилось к большей или меньшей затрате топлива, большей или меньшей начальной скорости космического корабля в момент отрыва от искусственного спутника Земли. Пока готовилась первая экспедиций на Марс, пока группа академика Яхонтова находилась в дороге, пока космонавты сидели в марсианской тюрьме, а затем осваивались с обстановкой, — наука на Земле не стояла на месте. Было создано более эффективное топливо. Это облегчало посылку второй ракеты.

Решили послать ракету прямо на Марс, тем более что возвращаться ей было не нужно. Ведь это был своего рода космический контейнер, предназначенный для доставки астронавтам дополнительных грузов. Ракету загрузили большим количеством обогащенного урана, баллонами с кислородом, топливом, продовольствием,

аппаратурой, одеждой и тому подобными грузами. Топлива на обратный путь для самой ракеты не требовалось, и она могла взять гораздо больше полезного груза, чем первая ракета. Предполагалось, что этот космический контейнер пойдет без экипажа и совершит посадку автоматически. Однако незадолго до вылета Чжан Ван-фу добился разрешения лететь вместе с грузом.

Китайская Академия наук поддержала просьбу молодого ученого. Ведь он был рядом с Ли Сяо-ши у телескопа в ту памятную ночь, когда обсерватория Нбоанга-Тхе увидела загадочные явления на Марсе.

Он прибыл как раз вовремя. Это имело большое значение не только для экспедиции, которая теперь получила топливо для обратного полета на Фобос, но и для продолжения работ Ли Сяо-ши.

Верный друг покойного ученого сразу включился в общее дело. Строительство ядерного реактора продолжалось с неослабной энергией.

День, когда космонавты должны были покинуть Марс, приближался. Строительство второй атомной электростанции было закончено в срок. Настал час пуска нового энергетического комбината.

Высоко на гранитных утесах возвышалось светлое здание главного корпуса. Схема его была такова. Расплавленный висмут первичного контура поступал в теплообменник. Сюда могучие компрессоры нагнетали холодный атмосферный воздух, который охлаждал всю систему, нагревался в теплообменнике до 600 градусов, сжимался до 75 атмосфер и шел прямо на лопасти пятиступенчатой газовой турбины. Выполнив работу, горячий газ поступал по трубам в подледные тепловоды, где и отдавал тепло на таяние ископаемых льдов. Газовая турбина вращала генераторы и вырабатывала энергию. Полученный электрический ток приводил в действие насосы, перегоняющие воду в магистральные каналы Анта.

Торжество назначили на вечерние часы.

Все космонавты, конечно, были здесь. Еще накануне прибыли Элхаб и все члены Совета Мудрейших. Пригласили и членов Совета Наблюдателей.

Марсианское лето было в разгаре. Днем на солнце температура почвы даже здесь, в средних широтах, достигала 15 градусов выше

нуля, но воздух оставался довольно холодным. Стояла пора самого сильного цветения растений. Чахлые в зимнее время и жалкие с виду, сине-зеленые кустарники покрылись множеством крупных цветов самых различных оттенков. Господствовали розовые, красные, сиреневые и золотисто-желтые краски. Цветы виднелись повсюду. Они росли даже на отвесных гранитных обрывах, где, казалось, не могло удержаться ни одно живое существо. Кустарники свешивали усыпанные цветами длинные и гибкие стебли, похожие на лианы. Повсюду ползали насекомые. Пробудившись от зимней спячки, на камнях грелись ящерицы. Изредка появлялись змеи.

Среди цветущего кустарника резвились млекопитающие животные. Особенно часто встречались хапи — уже знакомые космонавтам пушистые зверьки.

Все это жило, копошилось в камнях и среди растений, по-своему радовалось теплу и стремилось использовать скупые ласки суровой природы.

К закату солнца все собрались на берегу. Голубая ледяная равнина, безукоризненно ровная и чистая, раскинулась до самого горизонта. Лучи заходящего светила озаряли белое здание главного корпуса, горели на стеклах машинного зала, разливались по цветущему кустарнику. Выше всех остальных зданий поднималась стеклянная башня главного пульта управления.

Здесь и должно было происходить торжество. Мраморная доска с приборами стояла на возвышении внутри башни. Пониже, на гладком каменном полу, поставили кресла для почетных гостей. Находясь у пульта, можно было видеть все здания станции. Собравшиеся внизу могли наблюдать, что происходит внутри.

Открыл праздник Элхаб.

— Граждане Анта, — произнес он, поднявшись на площадку перед пультом, — сегодня у нас великое торжество! За короткое время мы построили и вводим в действие уже вторую энергетическую станцию. И это происходит на нашей бедной планете после того, как много лет нас приучали думать, что она лишена будущего. Менее года, по нашему счету, провели среди нас друзья, прибывшие с соседней планеты, и мы убедились, как далеки от истины, как вредны были эти

взгляды. Мы изнемогали от недостатка влаги — ныне перед вашими глазами простирается огромное природное хранилище ископаемых льдов. Мы считали, что наши пустыни навеки бесплодны. Посмотрите теперь, как развивается растительность на безводных недавно почвах экваториальной зоны, и вы увидите завтрашний день Анта. Мы страдали от того, что прошлые поколения израсходовали все запасы топлива и оставили своим потомкам одну лишь энергию ветра. Сейчас мы вводим в строй уже вторую энергетическую станцию, основанную на использовании энергии атомного ядра. Мы ничего не знали о ней, пока не пришли друзья. Сегодня мы знаем, как можно использовать еще один, буквально неисчерпаемый источник энергии — термоядерные реакции. И этим мы обязаны нашим друзьям, в первую очередь безвременно погибшему ученому Ли Сяо-ши. Он отдал жизнь ради нашего счастья!

Элхаб замолчал. Торжественная тишина означала, что все отдают последний долг памяти погибшего.

— Совет Мудрейших и Совет Наблюдателей, — продолжал Элхаб после минутной паузы, — и я, Владыка Анта, признали нужным и справедливым установить на нашей новой энергостанции памятник бескорыстному Другу нашего народа, погибшему от руки врагов.

Возгласы одобрения раздались не только среди присутствующих в башне, но и снаружи. Все слышали слова Владыки. Крики: «Тот-манаати!», что означало: «Привет людям Земли!», — доносились снизу.

Элхаб выждал, когда восторженные выкрики стали затихать, и закончил просто:

— Включайте агрегаты!

Профессор Паршин и Чжан Ван-фу поднялись к пульту. За ними последовали несколько марсианских инженеров. Сергей Васильевич нажал кнопку.

Во всех помещениях энергокомбината и у всех его многочисленных агрегатов загорелись синие лампочки и зазвучали сигналы, требующие, чтобы персонал занял свои места. На специальной доске у пульта вспыхивали синие световые точки, они извещали, что все на своих местах.

Паршин обернулся к гостям и, слегка волнуясь, объяснил:

— Включаю пусковой механизм атомного реактора.

В глубине подземелья заработали электромоторы, медленно опуская урановые стержни. О начале реакции немедленно известил красный огонек, вспыхнувший перед глазами профессора.

— Цепная реакция развивается! — бросил Паршин, не оборачиваясь.

— Температура в урановом котле достигла семисот градусов, — сказал он немного погодя. — Висмут расплавился и может течь по трубам, как вода. В действие пришли насосы первого контура. Раскаленный металл поступает в теплообменники.

Послышался ровный гул машин...

— Начали работать компрессоры, нагнетающие в теплообменник холодный воздух, — говорил он, не отводя, глаз от приборов. — Воздушный поток предварительно использован для охлаждения атомного реактора. Теперь прислушайтесь: начинают турбины...

Струя раскаленного газа, пущенного лад сильным давлением в воздухопровод, ударила в рабочие лопатки ротора турбины, и огромные машины заработали. Низкий мощный гул, подобно торжественному пению, заполнил помещение. С бешеной скоростью крутились теперь валы турбины и соединенные с ними роторы генераторов.

— Электростанция дает ток, — спокойно, но слегка дрогнувшим голосом произнес Паршин, глядя, как движутся стрелки вольтметров и амперметров.

К этому времени солнце уже село за горизонт. Начали спускаться фиолетовые марсианские сумерки.

— Можно включить свет, — взволнованно сказал профессор и обернулся. — Прошу! — прибавил он, обращаясь к Элхабу.

Тот поднялся к пульту и повернул ручку включения. Мгновенно вспыхнула длинная цепь фонарей, установленных вдоль берега. Одновременно загорелись огни в машинном зале, в компрессорной, на насосных станциях. Целое море света возникло вокруг, разгоняя сумрак.

— Вторая атомная электростанция Анта введена в действие и дала ток! — странно высоким голосом произнес Паршин, стоя на площадке спиной к приборам. Глаза его блестели.

А за пультом в мягких удобных креслах уже сидели марсиане — первая смена инженеров-эксплуатационников.

Все, кто были в здании, поднялись со своих мест. Всюду виднелись поднятые кверху сложенные вместе руки. Восторженные крики нарушили тишину. Элхаб взбежал на возвышение и протянул руку Яхонтову.

Космонавты прошли между рядами поднимавших сложенные руки марсиан вниз по широкой лестнице и вышли на берег древнего моря.

Оно лежало здесь, все залитое ярким светом фонарей, уходящих далеко в стороны. В течение многих тысяч лет оно было спрятано под толстым слоем песков и глин, пока не пришли ученые и не сорвали покрывало, брошенное рукой природы.

— Смотрите! Что это? — воскликнул вдруг Владимир.

Ровная белая, скорее голубая, поверхность льдов на глазах постепенно меняла свой вид. В недрах ледяного массива появились странные темные пятна. Они росли с каждой минутой.

— Да это же тает лед! — первой догадалась Наташа.

Она была права. По трубам, проложенным в тоннелях по самому дну застывшего моря, уже довольно долго циркулировали горячие газы, имеющие температуру по выходе из турбин не менее 250–300 градусов. И тысячелетний лед вокруг них начал таять. Тепло передавалось через воду все дальше, захватывая новые участки.

Толпы марсиан высыпали на берег. Все стояли и смотрели, не веря своим глазам.

Надо ли говорить, как трепетно билось сердце у Наташи, когда она воочию увидела уже не лед, а настоящую, жидкую прозрачную воду, возникшую на месте голой песчаной пустыни в результате ее трудов. Владимир стоял рядом, гордый за подругу и за всех космонавтов, разум и воля которых начали преобразовывать холодную, умирающую планету.

А темные пятна подо льдом становились все больше. Вот они уже слились в одно, прикрытое сверху тонким слоем льда. Кое-где лед протаял насквозь, и вода выступала на поверхность. Все больше и больше тепла шло снизу, все тоньше становился ледяной покров.

Через некоторое время море, настоящее живое море лежало перед главами пораженных марсиан, залитое ослепительно ярким светом электрических фонарей. Его черная поверхность покрывалась мелкой рябью.

Никто не следил за временем. Черный сумрак ночи незаметно стал редеть, забрезжил лиловый рассвет. Краски восхода вдруг разбежались по воде, отразились на волнах, заиграли, загорелись на поверхности пока еще небольшого, но настоящего, первого на Марсе открытого водоема… Огненный край солнца показался над горизонтом. Сверкающая дорожка протянулась от берега куда-то вдаль. На суровом Марсе зрелище было потрясающим, невиданным.

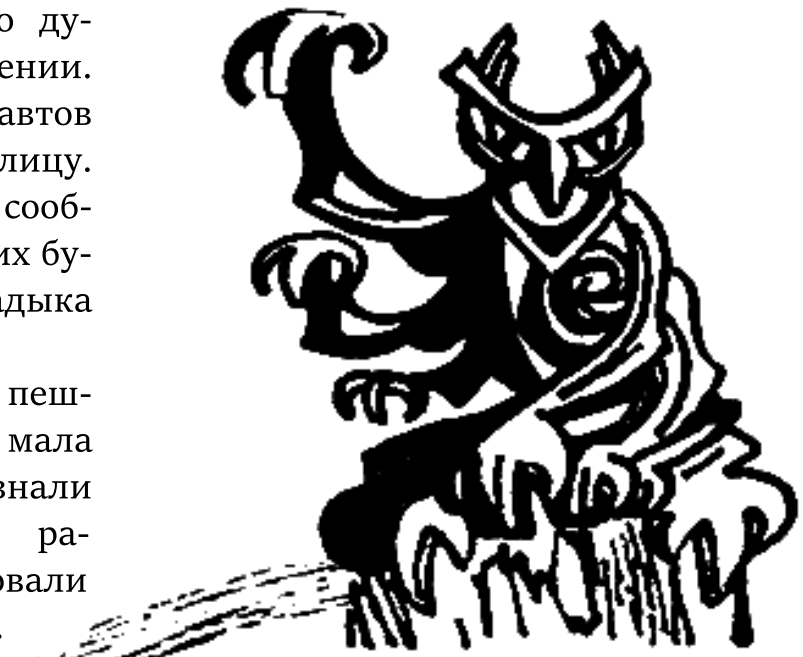
Все, кто были на берегу, замерли в изумлении. Жители обездоленной планеты видели подобное зрелище первый раз в жизни. Вдали слышалось ритмичное гудение насосов, подающих воду в каналы.

ЭПИЛОГ

Космонавты, не спеша, словно на прогулке, шли по улицам столицы Анта.

Стояло лето. Деревья на крышах зданий покрылись густой синей листвой. Их длинные ветки нередко достигали противоположной стороны улиц. Над городом образовался сплошной цветущий, сад. Голые и жесткие растения с уродливо искривленными стволами и сучьями, которые видели астронавты во время прогулок по крыше тюремного замка, теперь цвели. Особенность марсианской флоры заключалась как раз в обильном цветении. Распускаясь по утрам, когда воздух начинал согреваться, эти цветы жили всего один день и умирали к вечеру. В разгар лета температура в полдень достигала на Марсе 15–20 градусов выше нуля, а за ночь падала до минус 20–25 градусов. Едва спускалась ночь, на небе появлялся Фобос, и венчики цветов печально никли, а лепестки их быстро осыпались. Но краткость жизни каждого цветка природы искупалась их изобилием. С весны до поздней осени деревья жили в красочном уборе. Огромные и яркие цветы порой скрывали листья, воздух был насыщен их тонким ароматом. Суровый Ант летом был прекрасен.

Срок отлета приближался, надо было думать о возвращении. Все шесть космонавтов вернулись в столицу. Накануне им сообщили, что нынче их будет ждать Владыка Анта.

Решили идти пешком. Прохожие, от мала до велика, все знали космонавтов и радостно приветствовали их при встрече. Обычная прогулка становилась триумфальным шествием. По сравнению с невысокими марсианами жители Земли казались великанами. Это особенно поражало ребятишек. Марсианские дети замирали на месте, широко раскрыв глаза.

Когда космонавты прошли одну из улиц и хотели повернуть на площадь, где находился дворец, позади

послышался топот многих быстро бегущих ребячьих ног.

— Остановитесь, пожалуйста! Остановитесь на минутку! — кричали детские голоса.

Пришлось задержаться. Задыхаясь от быстрого бега, их догоняли девочки. Огромные букеты цветов почти совсем закрывали их черные лица и мешали бежать, руки были заняты охапками растений, сорванных наспех и прижатых к груди.

— Это вам!.. Мы очень просим... Цветы из нашего сада! говорили дети, протягивая свои скромные подарки.

Мужчины в знак благодарности осторожно пожали маленькие черные ручки... Надо было видеть, как разгорелись от счастья и гордости блестящие детские глазенки. Еще бы! Девочки хорошо знали этот жест, необычный для Марса, но распространенный на Земле. Сколько разговоров будет теперь среди сверстниц и как остро будут завидовать остальные, не удостоенные чести рукопожатия пришельцев со Звезды Тот!

Так с цветами в руках и поднялись астронавты по широким ступеням дворца Владыки.

Элхаб ожидал их. Новый повелитель государства не использовал апартаменты своего предшественника. Все, что было связано с прошлыми марсианскими Владыками, новый глава государства отбросил, как негодный хлам. Он приказал оборудовать для себя достаточно просторный, но простой рабочий кабинет. Вместо статуй богов здесь стояли книжные шкафы, на стенах карты Анта, в углу — глобус и экран телевизора. Большой стол стоял у окна в глубине кабинета. За этим столом и сидел Элхаб, когда пришли космонавты. Рядом стоял и почтительно слушал его Янхи.

Заметив, что открылась дверь, Элхаб поспешно встал из-за стола и пошел навстречу гостям.

— Приветствую, приветствую! Прошу, располагайтесь поудобнее!

Космонавты знали, что именно для них здесь приготовлены большие кресла, и расположились в них вокруг стола.

— Я вас позвал, чтоб вместе подвести кое-какие итоги, продолжал Элхаб. — Торжества прошли, а мы ведь люди дела! Вы пробыли у нас

совсем недолго, но жизнь пошла иначе. Настало время подумать о дальнейшем. Как вы думаете?

— Сегодня истекло четыреста сорок пять суток с момента нашей высадки на поверхность одной из ваших лун, — сказал Яхонтов. — Через девять суток, на исходе четыреста пятьдесят четвертого дня, наша большая ракета должна подняться с Фобоса и взять курс на Землю. На сутки раньше нам нужно вылетать отсюда.

— И вы намерены покинуть Ант?

— Конечно!

Элхаб задумался, остальные молчали.

— Мне все понятно, — начал он снова и как бы продолжая разговор с самим собой. — Ведь ваша родина не здесь... Но старый, дряхлый Ант и то, — что создано сейчас, далеко не одно и то же. Заложены основы грядущего расцвета. И их создали вы!.. Великий новый Ант, каким он станет завтра, во многом будет вашим творением. Не правда ли, друзья?

На лицах космонавтов невольно появились улыбки. Элхаб был, бесспорно, смелым реформатором и обладал широким кругозором, но искусство тайной дипломатии никак не относилось к числу его талантов. Ход его рассуждений всегда был прямолинеен и предельно ясен.

— Скажем прямо, — улыбнулся Виктор Петрович, — вы хотите убедить нас, что начатое дело не следует бросать на средине. И раз мы неплохо начали, то почему бы не задержаться до конца?

Широкая улыбка осветила некрасивое, но умное и энергичное лицо Элхаба.

— Я хитрить не умею, — признался он, — но, если бы вы остались, не только я, а и весь наш народ принял бы это с восторгом. Подумайте, друзья, как много еще предстоит нам сделать, какие широкие пути открываются для каждого из дорогих гостей! Ант не пожалеет для вас ничего...

— Мне кажется, вы ошибаетесь в главном, — за всех сказал Виктор Петрович. — Перелом создан не нами. Творец всего народ! Полезные советы — вот, в сущности, наша помощь. Ваша планета имеет достаточно талантливых ученых. Здесь много инженеров, опытных строителей, знающих рабочих, прекрасных земледельцев. Они вполне

способны без помощи извне построить собственное будущее. Мы сделали свое дело. Заложены основы дружбы двух миров.

— Я согласен с вами, — признал Элхаб. — Но взглянем шире! Да, дружба создана. И народ Анта вечно будет помнить, как в трудный час ему подали руку помощи. Но вы сами только что сказали: заложены основы дружбы двух миров. А дальше что? Расстанемся — и только? Слишком мало! Эта дружба должна стать вечной! Ведь в этом смысл!

Элхаб встал из-за стола и, ходя по кабинету, рисовал обширную программу будущих взаимоотношений между мирами.

По его словам, несмотря на кажущуюся бедность природы Анта, он вовсе не должен в этом союзе играть роль обездоленного соседа, постоянно просящего помощи. Есть много отраслей науки, где Ант может быть полезен своему соседу.

Биологи Анта давно научились бороться со многими вредными микроорганизмами и практически устранили болезни на своей планете. Их земным коллегам найдется, чему поучиться.

Ботаники и агрономы Анта вывели много растений, способных развиваться в суровых климатических условиях, соответствующих полярным зонам и высокогорным районам на Земле. Машиностроители Анта создали механизмы исключительной мощности и производительности. С помощью замечательных землеройных машин можно преодолевать самые твердые скалистые грунты. Математики Анта достигли больших успехов, особенно в области высшей геометрии, и могут быть полезны ученым Земли.

В свою очередь народы Анта очень нуждаются в творческом содружестве с учеными Земли и в материальной помощи, например в ядерном горючем, которого на Анте пока найдено мало.

По мнению Элхаба, нужен регулярный обмен научными работами, а для этого требуется широкое общение между гражданами двух миров.

— Пускай жители вашего мира приезжают к нам. Их встретят как дорогих гостей, — закончил Элхаб. — Быть может, найдутся люди, желающие надолго поселиться здесь. Мы с радостью примем их. Возможно и Другое. Почему бы не послать на Землю известное

количество наших молодых людей? Они посмотрят другой мир, пройдут курс наук в ваших университетах и вернутся к нам, обогащенные знаниями.

Много мыслей в таком же роде высказал он.

Оживленная беседа тянулась долго. А в конце Элхаб вернулся к тому же самому вопросу, с которого начал:

— Ну, хорошо, друзья. Я понимаю — не может быть и речи, чтобы вы остались все. Но хоть кто-нибудь, для продолжения дела!

Он переводил глаза с одного на другого.

— Начальник экспедиции никак не может покинуть пост, он должен дать отчет, — объяснил Яхонтов.

Элхаб понимающе кивнул и посмотрел на Владимира.

— Кто сможет управлять ракетой? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Жена не бросит мужа, — улыбаясь, сказала Наташа и прижалась к Владимиру.

Вопросительный взгляд Элхаба упал на Паршина. Тот заерзал на месте, раздираемый противоречиями. С одной стороны, ему, конечно, хотелось скорее вернуться на родину, увидеть любимую Москву. Вместе с тем, как добросовестный, ученый, он понимал, что без него марсианам будет трудно даже управлять построенными станциями, не говоря уже о сооружении новых. Успехи ядерной энергетики Анта, а именно здесь лежал ключ к преобразованию планеты, во многом зависели от его знаний.

— Прямо не знаю, что делать, — замялся ученый. — Рассуждая субъективно, я стосковался по родине. Да и годы у меня не те, чтобы задерживаться на чужой планете. Но с другой стороны... Я не могу отрицать, что мое пребывание здесь есть в некотором роде conditio sine qua non, то есть условие, без которого никак нельзя обойтись...

Паршин видел отчаянные взгляды, которые бросала на него Наташа, но никак не находил нужных слов и убедительных возражений.

Виктор Петрович попытался вывести друга из затруднительного положения.

— Неужели за истекшее время при таком масштабе работы вы все еще не подготовили здесь учеников, способных превзойти учителя? — спросил он, подсказывая удобный путь для отказа.

— Конечно, мне удалось воспитать физиков-ядерников, пролепетал Сергей Васильевич. — Очень хорошие, талантливые. Пройдет два—три года, и они будут великолепными специалистами...

Тут даже на суровом лице Элхаба появилась улыбка. Ученый понял, что сам вырыл себе яму, и смутился окончательно.

— Видите ли... Как говорится, docendo discimus — или уча, мы сами учимся... В общем, я говорю не то, что хочу сказать...

— Трудно так быстро принять решение по очень серьезному вопросу, — спас положение Виктор Петрович. — Мы еще обсудим. Позвольте нам подумать...

— А вы? — напрямик спросил Элхаб, обращаясь к Чжан Ван-фу. — Нельзя же бросать на половине дело, начатое вашим покойным другом.

Яхонтов перевел слова Элхаба.

— Зачем же бросать, — спокойно возразил астроном. — Мои друзья провели на Марсе около пятнадцати месяцев, а я меньше двух недель. Если мои услуги будут полезны — охотно останусь на полный срок. Примерно через два года снова будет противостояние.

— Вот это настоящие слова! — воскликнул Элхаб, когда Виктор Петрович перевел. — Благодарю, друг мой, благодарю! Народ Анта оценит ваш поступок и никогда его не забудет. Вот видите, я был прав! Завязывается длительная, устойчивая дружба. А вы? — Странно изменившийся взгляд Элхаба обратился к Индире.

Девушка ожидала его и все же смутилась и покраснела. Она хорошо знала, какой смысл вкладывается в этот вопрос.

— Мы поговорим немножко позже, — неопределенно сказала она.

Наташа с недоумением посмотрела на подругу, но ничего не поняла. Индира сумела сохранить в секрете предложение Элхаба. Виктор Петрович тоже удивленно поднял брови и не сказал ни слова. Он уважал чужие дела и никогда не вмешивался в вопросы, его не касавшиеся.

— Быть может, теперь, когда ваш друг уже решил остаться, вы также согласитесь? — продолжал искушать Элхаб, снова принимаясь за Паршина. Тот бросил умоляющий взгляд на Яхонтова.

Виктор Петрович сам не знал, как лучше поступить. Если проявлять широкий взгляд на вещи, то Паршину следовало бы остаться. За короткое время, которое космонавты провели на Марсе, сделано было как будто много и в то же время ничтожно мало.

— А может быть, мне и в самом деле задержаться тут еще на один сезон, вместе с Чжан Ван-фу? — произнес Паршин, обращаясь к Яхонтову. — Знаете, когда так просят, очень трудно отказать. К тому же я одинок, никто меня не ждет...

Он так жалобно посмотрел на Виктора Петровича, что все невольно рассмеялись.

— Ладно! — согласился начальник экспедиции. — Истинная дружба требует жертв. Оставайтесь на один сезон.

Элхаб просиял:

— Благодарю вас, друзья! Я был уверен, что вы поймете нужды нашего народа и не отнимете протянутую нам руку.

Разговор подошел к концу, и космонавты собрались уходить. Элхаб еще раз посмотрел на Индиру. В этом взгляде светилось все: робкая надежда, и недоумение, и беспокойство, и любовь...

Девушка поняла, что больше оттягивать объяснение невозможно.

— Случилось так, — начала она почти шепотом, — что я давно полюбила нашего погибшего друга. Мне трудно сейчас говорить об этом, давайте закончим наш разговор на эту тему навсегда...

Только чрезвычайным усилием воли Элхаб удержался, чтобы не упасть. Было мгновение, когда ему показалось, что своды здания закачались в вышине и вот-вот готовы обрушиться. Он оперся на стол и лишь делал вид, что слушает, уже не разбирая слов.

Наступившее тягостное молчание нарушил Янхи.

— Ты сам сказал, отец, — начал юноша, — что молодые люди Анта могли бы посетить тот мир, откуда к нам пришли друзья. И, как можно лучше изучив там науки, вернуться после во всеоружии знаний. Позволь мне положить начало. Какой пример для остальных! Владыка Анта посылает собственного сына.

На это трудно было что-нибудь возразить, но мысли Элхаба были поглощены другим.

«Какой ужасный день! — думал он, готовый закричать от боли. — Ведь я только человек... Так, сразу, потерять обоих: и девушку, которую любил, и сына».

— Пусть будет так, — наконец сказал он, через силу улыбаясь.

Космонавты, пораженные последними событиями едва ли менее Элхаба, быстро распрощались и вышли из кабинета. Как только за ними закрылась дверь, Элхаб вызвал офицера.

— Я никого не принимаю нынче, что бы ни случилось! — крикнул он и заперся изнутри.

Оставшись один, он повалился ничком на диван и, закусив до боли руку, чтобы не кричать, забился в мучительных рыданиях. Когда через два часа дежурный снова был вызван в кабинет, он нашел Элхаба на его обычном месте. Он сидел за столом и писал.

Проводы космонавтов превратились в стихийную демонстрацию дружбы двух миров.

Вылет малой ракеты был назначен на полдень, чтобы, прибыв на Фобос, путешественники имели время на подготовку большой ракеты и через сутки могли стартовать в далекий рейс на Землю.

Еще за два дня Владимир с группой марсиан осмотрел космический снаряд.

Баки до предела заполнили окислителем, приборы управления тщательно проверили, кислородные баллоны заполнили сжатым газом. На всякий случай в ракету погрузили несколько комплектов марсианских аккумуляторных батарей.

В самый день отлета, едва начало рассветать, толпы пешеходов и вереницы экипажей потянулись за город, к каменистой площадке, где стояла ракета. Розовый свет зари окрасил серебристую сигару нежным пурпуром.

Никто не считал, сколько собралось народу, но ржаво-красная пустынная равнина казалась совсем черной от толпы уже за полтора часа до срока, а люди все шли и шли.

Машина, в которой ехали космонавты, была второй от головы колонны. Открывал движение большой открытый вездеход с почетным

караулом. Элхаб ехал вместе с гостями. С ним рядом сидел Янхи. Дальше тянулся нескончаемый поток вездеходов.

На всем пути от города до старта колонна двигалась между двумя рядами марсиан. Они с утра стояли вдоль пути, чтобы в последний раз увидеть улетавших.

Когда колонна приблизилась к стартовой площадке, грянул оркестр. Он исполнял торжественный марш, специально написанный для этого дня известным композитором Анта. Космонавты подошли к трибуне. Все затихло.

На трибуну поднялся Яхонтов.

— Граждане Анта, великий народ Анта! — начал он. — Приближается минута расставания. Что следует сказать вам на прощание? Наша родина, далекая планета, которую называют здесь Звезда Тот, послала сюда своих сынов и дочерей как знаменосцев дружбы. По мере сил мы старались доказать, что дружба эта не красивая фраза, а твердая, определенная линия поведения. Она далека от каких-либо корыстных интересов. Да их и не может быть! Полет на Марс организовал народ Страны Советов, которая много лет назад создала у себя общественный строй, основанный на принципах дружбы, справедливости, взаимопомощи. Мы боролись и боремся за мир. Мы уверены, что идея дружбы должна быть положена в основу отношений не только народов стран, находящихся на одной и той же планете, но и в основу отношений между мирами. Идея дружбы должна господствовать и в космосе! Мы провели среди вас более четырехсот пятидесяти суток и постарались сделать все, чтобы проявить себя верными друзьями. Мы трудились честно. Сейчас мы расстаемся, но не навсегда. Двух сынов Земли, мы оставляем здесь. Прощайте, дорогие друзья!

Приветственные крики заглушили его последние слова. На трибуну поднялся Элхаб.

— Я не люблю торжественных речей, — сказал он, — но от всей души, от всего сердца благодарю вас, друзья, а в вашем лице и великую страну, пославшую к нам своих сынов и дочерей с благородной миссией дружбы. Неоценимую помощь вы оказали нам в течение короткого пребывания здесь. Плоды ваших трудов видит и знает весь

народ Анта. Мы хотим дружить и сотрудничать с вами. Мы будем посылать к вам нашу молодежь, пусть учится. И первым я посылаю с вами своего сына. Прошу его принять! Настает грустный час разлуки. Примите на прощание мои скромные дары.

Он подал знак. Появились офицеры дворцовой стражи. Они несли коллекции минералов, растений и животных, говорящие книги, карты. Здесь были и богатые подарки. Напрасно отнекивались космонавты. Владыка Анта раскрыл государственные хранилища и выбрал там чудесные творения, созданные руками художников прошлого.

В длинном ящике из удивительно красивого, переливающегося всеми цветами радуги материала находились маленькие тончайшей ювелирной работы серебряные статуэтки, изображающие древних богов Анта.

Им принесли альбомы, в которых были запечатлены природа Марса и важнейшие события его истории.

Долго длилась церемония подношения даров.

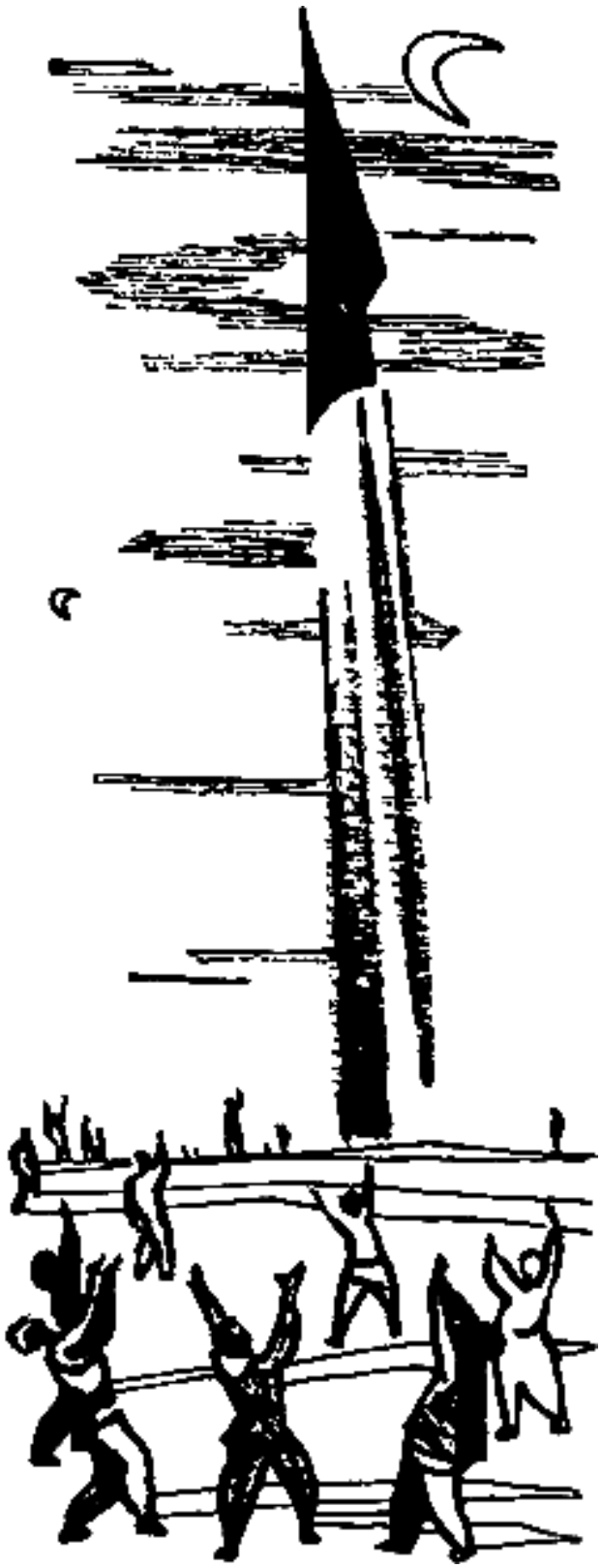
— Поверьте, друзья, мы принесли бы сюда гораздо больше, сказал Элхаб в заключение, — но мы знаем, что ваш корабль не может принять груз сверх нормы... Вы увозите с собой еще один, для меня лично поистине бесценный дар...

Он крепко обнял Янхи, смущенно опустившего глаза, и подтолкнул его к космонавтам. Поприветствовав марсиан, путешественники, крепко пожав руки Паршину и Чжан Ван-фу, один за другим поднимались по лесенке и скрывались в ракете. Первым был Владимир. Последними оставались Янхи и Виктор Петрович.

При помощи офицеров Янхи передал наверх подарки, потом подбежал к отцу, обнял его и быстро вскарабкался по лесенке. Виктор Петрович был уже там. Трап был убран, и люк закрылся.

Солдаты караульной стражи оттеснили провожающих на безопасное расстояние. Оркестр заиграл государственный гимн Анта.

Последнее, что увидели космонавты из окон ракеты, была коренастая фигура Элхаба, рядом виднелись грустные лица Паршина и Чжан Ван-фу.

Черное лицо Элхаба сохраняло каменное выражение, но, когда Индира случайно встретила страдальческий взгляд его синих глаз, чувство невольной жалости охватило ее.

— Внимание! Даю газ! — послышался сверху голос Владимира.

Из кормовых дюз вырвался широкий сноп пламени, ракета вздрогнула и, набирая скорость, устремилась ввысь.

Владимир мастерски посадил ракету на Фобос, совсем близко от большого космического корабля. Космонавты облачились в межпланетные скафандры и осторожно выбрались на поверхность крохотной планетки.

Все оставалось, как и было. Выходной люк огромной ракеты выделялся на серебристом теле космического корабля. Веревочная лестница еще висела. Практически в ней не было нужды. Чуть-чуть привыкнув, каждый мог одним прыжком подняться вверх настолько, чтобы ухватиться за порог и проникнуть внутрь.

Владимир обошел все помещения космического корабля, окинул их хозяйским глазом и нашел все в полном порядке.

— Попробуем, как связь? — предложил Виктор Петрович.

Все вошли в рубку. Здесь, как и снаружи, все застыло от мороза.

Во время пути от Земли до Фобоса понятия дня и ночи для пассажиров межпланетного корабля отсутствовали. С одной стороны постоянно освещало и обогревало Солнце, с другой господствовали вечная ночь и холод. Однако внутри ракеты температура распределялась достаточно равномерно. Когда же ракета встала на Фобосе, она по нескольку раз в течение суток погружалась в темноту и остывала. Спутник Марса, во-первых, вращался сам, а во-вторых, трижды в течение суток заходил на темное полушарие Марса. Постепенно ракета остыла настолько, что стало опасно прикасаться голой рукой к любому предмету.

Прежде чем налаживать связь, пришлось основательно прогреть помещение. Владимир закрылся в рубке и, создав сначала нужную искусственную атмосферу, привел в действие электрические печи. Скоро все пришло в норму, и рация заработала.

«Земля! Земля! — передавал Владимир. — Говорит Марс! Говорит Марс!»

После долгих призывов в наушниках послышались ответные сигналы.

«Внимание! — радировал Владимир. — Говорит группа академика Яхонтова, говорит группа академика Яхонтова. Все благополучно. Покинули Марс, находимся на Фобосе. Стартуем на Землю. Следующую передачу ожидайте завтра, в это же время».

А остальные космонавты переносили груз. Малую ракету решили оставить на Фобосе. Она могла пригодиться другим путешественникам.

Когда погрузку закончили. Яхонтов предложил совершить напоследок небольшую прогулку.

— Надо попрощаться с Фобосом, — сказал он. — Случится ли еще когда-нибудь побывать здесь!

Космонавты, осторожно ступая по скалистой поверхности, пошли за ним.

— Постойте! А как же я? — услыхали они в наушниках чей-то обиженный голос.

Все обернулись: в отверстии люка показался Владимир. Видя, что остальные уходят, он прыгнул и через несколько секунд очутился среди друзей.

Вскоре космонавты были уже на порядочном расстоянии от ракеты. Они находились на освещенном полушарии Фобоса. Над их головами висел черный купол неба, усыпанный разноцветными звездами. Среди них сияло ослепительное Солнце. Дневное светило уже заметно склонилось к горизонту. Двухчасовой день Фобоса близился к концу.

— Пойдемте скорее, приближается ночь, — заметил Виктор Петрович. Он шел быстро, как только позволяли условия Фобоса. Намерения его стали ясны, когда он привел всю группу на край воронки, обнаруженной Паршиным еще при первой высадке.

— Мне хотелось еще раз посмотреть на место, где некогда разыгралась трагедия, — объяснил Виктор Петрович. — Теперь, когда мы знаем уровень науки Марса, особенно ясно, какой великий гений погиб здесь много веков назад. Почтим его память! Это был замечательный ученый и подлинный герой!..

Все с минуту стояли неподвижно.

Янхи не сразу понял смысл этой церемонии.

— Постойте! — воскликнул он. — Так, значит, старая легенда об Унаре, которого прокляли боги — не сказка! Вот не думал!

— Печальные следы его попытки перед вами, — грустно ответил Яхонтов. — Он опередил науку на целые столетия.

— Да! — произнес Янхи. — Здесь погиб великий гений Анта... Но если доверять сказаниям, то кровь его дошла до наших дней.

Виктор Петрович недоуменно посмотрел на юношу.

— Мне говорили, — объяснил марсианин, — что Матоа вела свой род от Унара...

Пока шел этот разговор. Солнце подошло к горизонту и как-то сразу исчезло из глаз. Без всяких переходов настала ночь. Кромешный мрак опустился на космонавтов. Звезды горели на небе, но их свет ничуть не разгонял тьму.

— Что делать, друзья! — послышался из темноты голос Яхонтова. — Придется побыть здесь до утра. Не так долго.

Космонавты расположились на камнях. Тела здесь не имели веса, поэтому самые жесткие предметы казались мягкими как пух. Обидно было только оставаться в темноте, но скоро природа порадовала путешественников новым удивительным зрелищем.

Из-за противоположной стороны горизонта показался светлый диск Марса. Он медленно поднимался и как бы плыл по небу. Вначале очень слабый свет планеты, похожий на лунный, скоро стал ярким. Можно было видеть всю местность и свободно читать.

Теперь можно было идти к ракете, но волшебная картина, возникшая на небе, приковала внимание космонавтов. Огромная планета поднималась все выше и скоро стала видна вся. Янхи был потрясен этим зрелищем.

Космонавты уже однажды наблюдали Марс в небе Фобоса, но и они смотрели, пораженные. Всего пятнадцать месяцев назад так же величественно двигался по небосклону его сияющий волшебным светом диск. Но тогда он был розовый, местами красный, с темными зеленоватыми пятнами и голубыми шапками снега на полюсах. Теперь широкий сине-зеленый пояс, хорошо заметный даже невооруженным глазом, тянулся вокруг всей экваториальной зоны. Индира и Янхи могли воочию убедиться, что их посевы дали всходы. Некогда бесплодная полоса пустынь сейчас во многих местах представляла собой степи, поросшие растительностью.

Быстрый Фобос заметно опережал Марс в его вращении вокруг оси. Маленькая планетка, словно нарочно, облетала большую, чтобы дать возможность космонавтам осмотреть ее поверхность.

Все узнавали знакомые места. Вот в поле зрения появилось и медленно поплыло налево резко очерченное серповидное пятно, где в хороший телескоп можно было бы рассмотреть столицу Анта, прикрытую сверху густой синевой деревьев. Вот ниже и правее показались два темно-синих с лиловым оттенком вытянутых пятна лесостепей, которым земные астрономы присвоили название Тирренского и Киммерийского «морей». Ниже ярко выделялось заметное розовое пятно

пока еще бесплодной пустыни Эфиопис. Далеко внизу блестела южная полярная шапка, ставшая совсем маленькой.

Но что это новое показалось там, на востоке? Совершенно черное пятно, еще ни разу не отмеченное ни одним земным астрономом!

Да это море! Первое на Марсе настоящее море, созданное по воле человека. Здесь высится на обрыве лучший памятник китайскому ученому — атомная электростанция, дающая тепло, свет и воду.

Медленно проплывал перед глазами космонавтов преображающийся Марс. Они могли видеть, что их труды не пропали даром. Дружба двух соседних миров уже давала результаты. Теперь космонавты имели право вернуться и сказать: «Мы честно выполнили порученное нам дело. Мы помогли заложить прочную основу великого содружества соседних планет. Мы доказали, что можно не только создать счастливую жизнь на собственной планете, но и протянуть руку помощи разумным существам других миров!»

Гордое и радостное чувство наполняло их сердца при виде этой необыкновенной картины. Внезапно яркий луч света брызнул с другой стороны — снова показалось Солнце.

— Пора! — сказал Яхонтов, и космонавты направились к своему кораблю.

Поднимаясь последним, Виктор Петрович бросил еще один взгляд на светлый диск Марса, уходящий за горизонт.

«Итак, — подумал он, — уходит в прошлое жестокий древний Марс... И никому не нужен больше кровавый бог войны!»

Владимир Михайлов

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Фантастическая повесть

1

Это у нас рассказывали, бывало, по вечерам, — сказал Сенцов.

— Да, по вечерам... — отозвался Раин со вздохом. Вечеров они давно не видели.

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов. Там можно было запросто встать и пойти гулять по улицам, не надевая скафандров.

Там оставалось и многое другое, имя чему было — Земля. Странное дело: с расстояния в семьдесят миллионов километров должна была, верно, показаться совсем незначительной родная планета, давно уже превратившаяся в яркую звездочку, неотличимую от других. Но получалось иначе — Земля отсюда становилась гораздо больше, сильнее, роднее до невозможности. И каждое воспоминание о ней — дороже дорогого.

2

— Так вот, — продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. — Баранцева вы все, конечно, помните — ну, заведующий сектором астронавигации института? В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей — чтобы получше разбирались в психике курсантов. И вот подходит очередь Баранцева...

Он остановился на полуслове. Звук, мягкий и печальный, зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колол уши. Мигнули голубые плафоны.

Затем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

— Быть по местам! — отчетливо сказал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. — Через десять минут — поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта — прямо перед его креслом — микрофону, нажал клавишу, раздельно продиктовал:

— Двадцать — сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал ему только что выданную печатающим устройством ленту. Сенцов, прищурившись, назвал цифры координат корабля в пространстве.

— Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Всё.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгибе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть всех: не нужно ли успокоить, ободрить товарищей перед трудным участком пути?

Высокий широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно некосмических габаритов, как шутили товарищи, сидел, погрузившись в размышления, машинально приглаживая рукой редеющие волосы. Он казался глыбой, позаимствовавшей спокойствие и невозмутимость у своих счетно-решающих устройств, и никто, кроме, пожалуй, Сенцова, не знал о той боязни пространства, от которой Калве еще не успел окончательно излечиться. Калве не подведет. Так...

Рядом с ним откинулся в кресле Раин. Глаза его были полузакрыты, словно бы его занимал вовсе не полет, а некоторые особенности спектра звезды RR Лиры, подмеченные при наблюдении именно отсюда, из пространства, свободного от атмосферных помех. Невысокий, худой — известный астроном и одновременно штурман, или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, он на первый взгляд

казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала их со всех сторон. Но Сенцов, не первый рейс, уже проводивший с Раиным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло), знал, что на ученого можно положиться во всем.

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе, а ведет себя, как старый звездолетчик. Пока, правда, выдержки не хватает. Вот и сейчас...

Действительно, Азаров не мог вынести столь долгого молчания, беспокойно заерзал в кресле.

— Вот... — сказал он. — И это называется человек вышел в космос. А если рассудить — в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем.

Сенцов пожал плечами. Калве (он был латыш) неторопливо — чтобы не ошибиться в русской грамматике — ответил:

— Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас. Люди выполняют свои задачи, машины — свои. Так мне кажется...

— А мне не кажется! — сердито сказал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков (с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу), заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

— И вообще, — запальчиво продолжал он, — бросьте вы так носиться с вашими машинами! Вы то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов. А мы — пилоты, и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Да если...

Сенцов не стал вслушиваться в очередной бесполезный спор о том, кто старше: космическое яйцо или курица. Главное было ясно: ребята в порядке. Повернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Двести шестидесятый день полета подходил к концу. Сказывалось напряжение небывалого по продолжительности рейса. Не хватало ощущения скорости, которое всегда дает известный подъем духа; корабль, казалось, просто висел в пространстве. Однако покой этот был

обманчив, и напряжение от него только возрастало: вокруг был космос, еще неизвестный, неисследованный и мало ли что таящий в своих черных глубинах.

Повысилась раздражительность. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за девять месяцев всем осточертело. Для полуторагодичного пребывания (а именно столько должно было продлиться путешествие) корабль оказался явно тесноват. Или это только казалось? Нестерпимо хотелось иногда выйти, освободиться, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или каюты, в которой они отдыхали.

Полет был разведывательным. Проверялась возможность облететь Марс без длительной, более чем на год, остановки на круговой орбите. И сейчас полет входил в решающую фазу: на расстоянии тридцати тысяч километров предстояло обогнуть Марс. Поэтому так внимательно и вглядывался в лица товарищей Сенцов.

Его, как и всех остальных, собственно, беспокоил не сам поворот. Тревожило другое. Их ракета была не первым кораблем, ушедшим с Земли к Марсу. Несколько раз посылали сюда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передача информации прерывалась. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

У них пока все шло нормально. Но ведь что-то происходило с теми ракетами, и вряд ли это была всего лишь случайность... Происходило... Что же? Что?.. Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, сбившими своим притяжением ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недостаток топлива? По расчетам, его должно было хватить.

Во время полета они беседовали об этом не раз и не два. Оставалось поверить в существование каких-то мощных магнитных полей, в решающую минуту ^о ли создававших помехи для работы электронных штурманов, то ли вообще выводивших их из строя. Возможно, что машины начинали отдавать неправильные

распоряжения, и корабли падали на Марс или уходили безвозвратно в пространство.

Чтобы разрешить, наконец, загадку, на этот раз и летели люди. Они могли в нужный момент взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Метеорную защиту усилили. Ракете был придан космический разведчик.

Все это делало ракету практически неуязвимой — неуязвимой, насколько это вообще возможно в космосе. Но неизвестная, и от этого еще более пугающая, опасность, наверное, все же подстерегала их где-то впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Раин, закрыв глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись. И хотя все три пилота поочередно несли восьмичасовую вахту — один из них неотлучно находился у пульта, — людям оставалось лишь с завистью поглядывать на опломбированные, закрытые множеством предохранителей, рычаги.

Занятие было не из самых приятных. Подчас и у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль на Марс. Но он настойчиво отгонял эти мысли: все будет в свое время.

Так он успокоил себя и сейчас. Глаза же его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты.

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть — о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

— Ну... — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой — волосы взвились и встали дыбом («Беда с прическами при невесомости!» — мельком усмехнулся Сенцов). Оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху; отворив дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому: каждый раз он ради

развлечения изобретал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт, — он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительными шагами, словно и не было никакой невесомости, — на прощанье махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитоскопу — так назывался новейший бортовой телескоп, непрерывно записывавший все, что попадало в поле его зрения, на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим — чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, — вошел Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном. Сенцов потянул носом воздух, усмехнулся. Коробов опустился в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его взгляд, улыбнулся.

— Чистую рубаху надел... — сказал он весело, как бы показывая самим тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдыхать, ни о чем не думая, пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать — ни о чем не думать, — он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, словно потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами. Сенцов покосился на него, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Косые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. На миг оба пилота испытали легкое головокружение.

Марс висел перед ними кровавым ятаганом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может — даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километрах от ракеты светилась Аэрия, темнели Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбался.

Вот так выглядит победа — красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки!

В кресле рядом заворочался Коробов. Вздохнул. Негромко сказал:

— Обидно все-таки... Ползем чуть не год, а лет через пятьдесят-сто люди будут сюда добираться за день. Ну, за три дня... Мы с тобой, знаешь, кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на крыльях. Притом пращуры наши, в дубовых челноках, — они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для этого поколения, сколько для будущих. Ты скажешь — так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмехнутся ли: «Летали тут когда-то на тихоходах!..» Удастся ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: «Нет, не зря старики жгли топливо!»

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов человек трезвой логики. А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей.

Но было уже некогда. Почему-то желание такого вот душевного разговора приходит всегда именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов ничего ему не ответил, впившись взглядом в стрелку хронометра.

— Последние минуты... — сказал он негромко. И ему показалось вдруг, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

— Может, пустим разведчика? — словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

— Рано, пожалуй... — ответил Сенцов. — Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится?.. — И решительно заключил: — Выпустим только при явной опасности.

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во мраке уголек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортовой экран — там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце. И вдруг оно погасло — сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

Мгновенно на нескольких шкалах стрелки разом качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко защелкало — это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи вспыхнул красный огонек.

Ракета вошла в теневой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты. Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

— Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателям. Повернул.

И словно не свет, а звук включил он — сразу пронзительным, прерывистым ревом захлебнулись сирены радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы — и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завыть на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы, и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно — быстрее даже, чем подумал: «Вот оно — то самое!..» — понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с околосветовой скоростью частицы, вонзаясь в металл оболочки, порождали ливень опасного рентгеновского излучения.

Он бросил взгляд на приборы. Да, оно проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

— Ну, что же они там? — крикнул Сенцов и резко кинул тело вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали — на курсовом экране сверкнула яркая вспышка пламени. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка — космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать-сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие костюмы... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах, что насылает космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой опасности.

Наконец тряхнуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась. Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, перекладывали газовые рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона — так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять самому управление. Сердце властно требовало: действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов. И уж, конечно, не уважение к параграфу инструкции удержало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно перемалывая

что-то... Но вот ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом. Сигналы тревоги стали ослабевать, багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба. Коробов разжал противно задрожавшие руки.

— Вот это встреча... — сказал он невнятно. — Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесполезно было гадать: из каких глубин вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем? Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не хлебнешь ледяной воды. Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другая группа автоматов, которой не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключила экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: ракета заметно приблизилась к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим, не надеясь на автоматы.

— Ну, — сказал Сенцов, — вот и дождались. Вот тебе и особая необходимость, при которой, как гласят правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Собери-ка всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы теребили застежку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой вычислителя успокоительно гудело, звякало, на панелях мирно вспыхивали многочисленные цветные огоньки.

— Машина в порядке, — сказал Калве, не оборачиваясь.

Он выслушал задание — рассчитать поворот. Согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти, левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от

планеты. Затем он надел наушники справочника — в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Потом вошли встревоженные Азаров и Раин — их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу: ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу. Теперь все четверо, быстро поворачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им казалось, что прошло очень много времени, пока машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, пожевал губами. Подумал. Сказал:

— Орбита нестабильна. При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало, что ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда, медленно, по пологой спирали, но корабль все же падал на Марс.

Это никого особенно не смутило — в их власти было включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Прозвенело. Калве нажал клавиш — машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве, казалось, ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз. Повернулся к товарищам — на лице его, казалось, остались только глаза.

— По данным расчета, — сказал он медленно, — в этих обстоятельствах мы... как это? Мы невозможны выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива. Из баков последней ступени — так здесь сказано... Мы падаем на Марс.

3

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов, как всем вдруг показалось, стало угрожающе громким.

Калве сидел, уронив руки — из-за отсутствия тяжести они нелепо торчали в воздухе. Остальные кто сидел, кто стоял, откинувшись, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип накрепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно (словно это и было самое главное сейчас) следивший за его полетом, сказал:

— А почему беспорядок? Всем быть на местах...

...В первую минуту никто из них не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: «Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты!..» Калве, пожав плечами, ответил: «Так есть». И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь все расселись по креслам, и Сенцов сказал:

— Ну, погоревали — хватит.

— Собственно говоря, — сказал Калве, — я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет, где именно горючее — в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигатели?

Азаров пожал плечами, выражая этим свое молчаливое презрение по поводу незнания самых элементарных технических истин, Коробов спокойно ответил:

— Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени — только топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

— Ну и что? — спросил Калве.

— А то, что расход топлива последней ступени на этом этапе полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

— Остальное мне понятно, — сказал Калве. — Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива ниже нормы. Он не блокировал двигатели, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

— Да, — сказал Азаров. — Но теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

— Вздор! — сказал Сенцов. — Но решать надо быстро.

— Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, — серьезно сказал Коробов. — Премия — экскурсия по маршруту Марс — Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил:

— Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не приходило, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

— Ну, так мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели от удовольствия. Он подошел к программному устройству: несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух... Машина не отвечала долго — за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, пробежал его глазами и протянул Сенцову.

Тот минут пять, изучал ленту. Все напряженно следили за его лицом, почти физически ощущая, как корабль приближается и приближается к поверхности Марса. Но вот Сенцов поднял глаза. Сказал:

— Ну, вот так-то... не мудрствуя лукаво. Выход вполне разумный. Поскольку количество топлива, нужное нам, зависит от массы корабля и дозаправиться мы не можем, значит остается только одно, что машина и предлагает: уменьшить массу...

Пилоты переглянулись. Чтобы принять такое решение, не нужно обладать электронной логикой, и тем не менее никто из них не додумался. Это объяснялось просто: каждый из них воспринимал ракету как живой организм, у которого нельзя отнять какую-то, пусть даже самую малую часть без того, чтобы не нарушить точной и согласованной работы всех органов. Для машины же корабль был всего лишь комплексом деталей — важных и менее необходимых.

Для людей это предложение в первую секунду выглядело таким же нелепым, как если бы кто-нибудь из них предложил бегуну, чтобы

увеличить скорость, расстаться с рукой, или с желудком, или с печенью. Но аналогия была лишь внешней, и машина напомнила им об этом.

— Что ж, — сказал Коробов, — это выход. Надо только разобраться, без чего мы можем обойтись.

— И как это осуществить технически, — добавил Азаров. — Тут надо выходить в пространство...

Стали подсчитывать. Только Раин не участвовал в работе — он надел наушники справочника и что-то вычислял на листке бумаги, изредка поглядывая на хронометр.

Утешительного было мало. Если даже пожертвовать аккумуляторным резервом (восемьсот килограммов), резервом воды (полторы тонны), кое-какими приборами (об этом говорилось вполголоса, чтобы не услышал Раин), то получалось всего две с половиной тонны, а нужно было сбросить гораздо больше.

Пилоты пригорюнились. Раин продолжал что-то высчитывать, поднимая изредка глаза к потолку.

Потом все три пилота разом взглянули друг на друга, одновременно открыли рты, будто хотели что-то сказать, и одновременно же закрыли. Тогда Сенцов, засмеявшись, сказал Азарову:

— Ну, Витя, давай ты...

— Вторая ступень! — сказал Азаров, блестя глазами.

— Вторая ступень! — подтвердил Коробов. — А топливо из ее баков — его осталось немного — перекачаем в баки первой ступени — именно туда, где у нас недостача.

— А как перекачать? — спросил Сенцов.

— Да очень просто! — торопливо объяснил Коробов только что возникшую идею. — Демонтируем один компрессор, расчалим тросами на оболочке ракеты...

Сенцов оглядел обоих, потом перевел взгляд на экран: что такое притяжение какого-нибудь там Марса по сравнению с такими вот ребятами! Вслух же сказал самым обычным голосом:

— Что ж, верно. Только есть одна опасность: если во время работы корабль снова подвергнется какой-нибудь атаке — ну, хотя бы метеорной, то, понимаете, сами... Двигатели сработают, а это гибель для

всякого, кто окажется вблизи. Мы ведь не можем отключить автоматику метеорной защиты...

— Другого выхода нет, — сказал Азаров.

— Почему же нет? Есть, — спокойно, не оглянувшись, ответил Раин. — Вот он... Мы сейчас приближаемся к орбите Деймоса — внешнего спутника Марса. Я тут подсчитал... Через час с небольшим — тут точные цифры — он нас нагонит. На Деймос можно сесть. Там можно работать спокойнее. А взлететь с него несложно...

Все оживились. Все-таки будет почва под ногами, демонтаж пойдет гораздо быстрее.

— А заодно, — Сенцов улыбнулся, и улыбки прошли по лицам остальных, — посмотрим, что же это за спутник Марса... Ну, вот и всё. Прошу курс.

Раин и Калве вновь надели наушники. Калве включил вычислитель. Сенцов, секунду помедлив, сорвал пломбы с рычагов автономного управления, отвел предохранители, кивнул Коробову.

— Давай акт!

Нагнувшись над микрофоном, Коробов стал раздельно диктовать: «Сего числа... ввиду особой необходимости... значительное отклонение от курса...» Не спускавший глаз с хронометра Раи к сказал:

— Еще сорок шесть минут точно.

— Крепить всё! — скомандовал Сенцов. — Готовиться к посадке!

Работы по подготовке к посадке заняли более получаса: пришлось привести в посадочное положение большинство приборов, в особенности астрономических» Закончив, снова собрались в рубке, заняли места по взлетно-посадочному расписанию. Сенцов, повернув кресло, проверил, хорошо ли пристегнулись. Он чувствовал себя, как спринтер перед стартом: учащенно билось сердце, сознание стало предельно ясным, каждое движение было рассчитано заранее.

Он повернулся к пульту, и тогда Раин кивнул ему: «Пора!»

— Внимание! — громко сказал Сенцов.

Предостерегающе завыли сирены локаторов — где-то сзади нащупали они невидимую во тьме поверхность Деймоса. Сенцов нажал рычаг — все кресла поднялись, обнажив блестящие стальные цилиндры противоперегрузочных устройств. Затем, мальчишески подмигнув

сам себе, он твердо положил руку на красную рукоятку пуска, плавно потянул... Корабль, вздрогнув, начал прибавлять ход.

Задуманный маневр был достаточно сложен. Предстояло выйти на орбиту Деймоса, оказаться впереди него и, сохраняя ход несколько меньший, чем орбитальная скорость спутника Марса, позволить ему догнать себя. Тем самым не было бы истрачено ни грамма топлива из баков тормозных двигателей.

Спутник неслышно скользил по своей орбите, изображение его на экранах все вырастало. Сенцов включил рули, и ракета изменила направление движения так плавно, что никто почти не почувствовал заметного ускорения. Да, Сенцов был артист — это все знали. Калве уже рассчитал точку встречи. Маленькая планетка догоняла корабль.

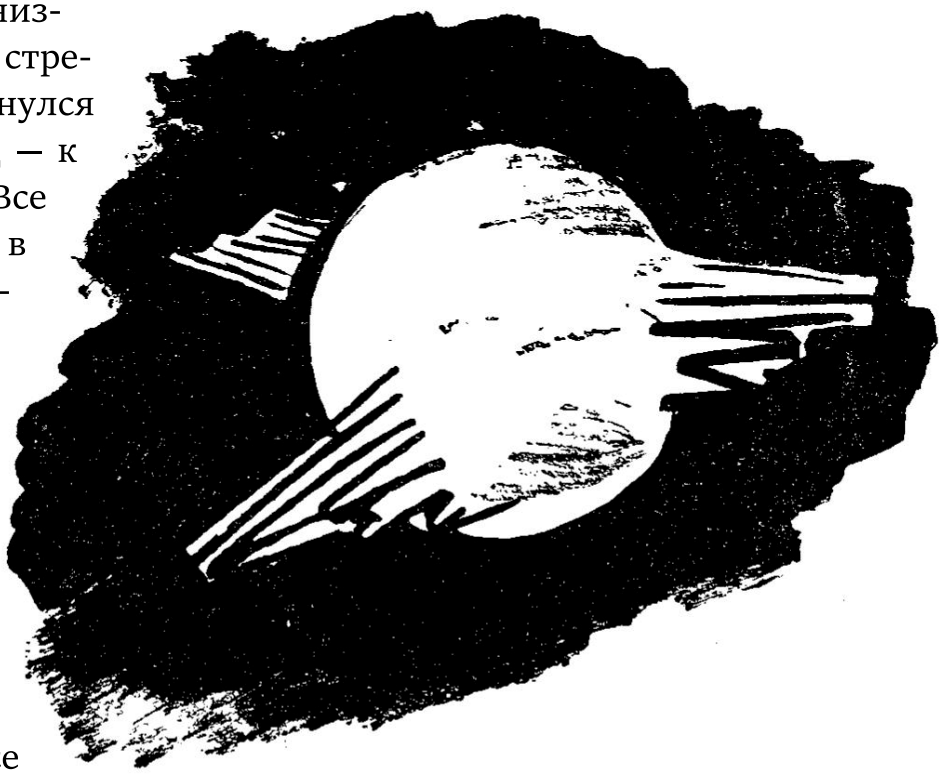
Сенцов чуть увеличил ход, чтобы скорость сближения уменьшилась до предела. Цилиндры амортизаторов медленно двинулись. Тела заметно отяжелели. Чья-то парившая под потолком тетрадь бабочкой снижалась на пол...

В нескольких километрах от Деймоса, когда скорости корабля и спутника почти уравнялись, Сенцов выключил двигатель. Откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, сказал:

— Ну, вот. Теперь полчасика посидим, и...

Потом, когда они пытались вспомнить, как это случилось, все признались, что подумалось им в эту минуту одно и то же: Деймосу надоело смотреть на бегущий перед ним корабль, и он решил взять его в руки и рассмотреть поближе. Впрочем, сомнительно, что именно так представлялись им события в тот момент, когда, словно притянутый

могучим механизмом, корабль стремительно рванулся кормой вперед — к спутнику. Все вздрогнули в креслах. Сенцов неуловимо-быстрым движением снова включил двигатель, чтобы смягчить посадку. Но Деймос надвигался все ближе и ближе, гораздо скорее, чем хотелось бы любому из них. Надвигалась катастрофа...

Тогда Сенцов, чисто инстинктивно, решил ускользнуть в сторону с орбиты спутника и включил рули. Но темная громада была уже рядом.

Тряхнуло так, что взвизгнули амортизаторы. Заскрежетало... Казалось, ракету волоком тащили по острым камням... Сенцов рывком выключил рули, и скрежет затих. Неожиданно погас экран заднего обзора. Ракета замерла на месте. Сенцов торопливо закреплял предохранители... Внезапно ракета снова дрогнула, стала медленно наклоняться, опуская нос. Никто в рубке не произнес ни слова — расставив локти, чтобы не швыряло в креслах, не мигая, смотрели на экраны, словно оттуда и должно было прийти что-то — спасение или гибель... Только Сенцов поднял было руку, крикнул «Держись!..» Калве подумалось: сейчас ракету швырнет куда-то в пропасть. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть последней минуты. Но даже на такое движение не оставалось сил...

4

Ничего страшного не произошло: наклонившись, ракета остановилась — замерла под углом градусов в шестьдесят к уже явно ощутимой теперь горизонтали. Все медленно приходили в себя; Калве неудержимо зевал, Азаров потирал ушибленный локоть. Пытались сообразить, что же именно произошло. Сенцов мрачно подвел итоги:

— Ну, сегодня переживаний, кажется, — за весь полет сразу.

В рубке царила некоторая растерянность. Так, наверное, чувствуют себя потерпевшие кораблекрушение, выбравшись на твердую почву необитаемого острова: и радуются и в то же время понимают, что ничто хорошее их, по всей видимости, впереди не ждет...

Наконец Коробов поднялся, кивнул Азарову — оба ушли проверять рабочие помещения и двигатели, лазить по тесным закоулкам вокруг компрессоров и камеры сгорания. Калве присел на корточки перед вычислителем, начал осматривать его Сенцов приказал выключить лишнее освещение, все локаторы и электростатическое поле метеорной защиты.

— А если?.. — спросил Раин.

— А если — все равно не спасешься, — ответил Сенцов.

Раин кивнул, словно совершенно успокоенный ответом, и стал переключать экраны на телеприемник заднего обзора. Они не оживали: очевидно, на корме были повреждения.

Коробов и Азаров вскоре вернулись, вытирая измазанные руки. Коротко доложили. При первом беглом осмотре все оказалось в порядке, прокрутить же компрессоры вхолостую они не решились: потребуется слишком большой расход электричества. Кое-где испортилось освещение, но это уже мелочь.

Внимательно изучавший приборы Сенцов выслушал все доклады. Кивнул, как будто бы даже равнодушно. Потом повернулся к Раину:

— Сильное магнитное поле — странно... Да и гравитация больше теоретической, если память не изменила...

— Не исключено, что спутник состоит из сверхтяжелых пород. Или...

— Или? — быстро спросил Сенцов.

— Ничего... — замялся Раин. — Нет, конечно, ничего... Просто очень интересный случай...

— А посадка? — спросил Сенцов? — Тоже породы?

— Для гипотез — не время... Посадка? И ты всего лишь человек. Неточное движение...

— В общем, — не утерпел Коробов, — тут некоторые жаловались на недостаток приключений... — Он подмигнул Сенцову, похлопал по плечу Раина. — Вот вам приключение по первому разряду. Администрация не жалеет затрат...

Азаров покосился на него, что-то проворчал. Больше никто не сказал ни слова — все смотрели на командира. Он молчал, как всем показалось, слишком долго... Было ясно, что придется выйти из корабля, и на лице Азарова было написано такое откровенное желание поскорее выбраться наружу, что Сенцов пожалел его больше остальных, потому что знал: именно Азарову придется остаться. Выходить следовало более осторожным, да к тому же Азаров незаменим для связи.

Нельзя, по соображениям безопасности, выходить и Калве. Хозяин кибернетических устройств, он должен дежурить возле них. Ожидать в ракете предстояло и Коробову — опытный пилот-космонавт, он в случае чего примет командование.

— Наружу выйдем я и Раин, — проговорил Сенцов. — Спутники — по его специальности, — добавил он, хотя мог ничего не объяснять. — Остальным — дежурить по аварийному расписанию. Исправить освещение, наладить быт, держать с нами связь...

— В общем культурно развлекаться, — буркнул Коробов.

Азаров не сказал ничего, лишь гневно взглянул из-под бровей, поднялся и подсел к рации малой связи.

— Не унывайте, — утешил Сенцов. — Успеете... Работать все будут: это могу гарантировать. Мы только разведка...

Опять-таки он мог ничего не объяснять, но ему почему-то хотелось их утешить, оставить успокоенными. «Как перед смертью», — сердито подумал он.

Из стенных шкафов достали два скафандра. Сенцову н Раину помогли одеться. В скафандрах оба выглядели одинаково толстыми,

большими. Прозрачные спереди шлемы сделали их существами, принадлежащими тому, наружному миру. Проверили кислород, систему регенерации. Сенцов подул в микрофон шлема, проговорил раздельно: «Раз, два. три, четыре...» То же сделал и Раин. Потом они, прощально подняв руки, направились к двери. Калве и Коробов провожали их к выходу.

Стальная, в десять миллиметров, дверь закрылась за ними. Прижимавшие ее рычаги, сверкнув голубоватым металлом, холодно лязгнув, упали на место. Прошла минута, и Коробов увидел, как стрелка манометра стремительно прыгнула вниз: гидравлика и давление воздуха в камере выжали прикипевшую к гнезду крышку входного люка.

Трое остались в ракете... Азаров сидел у рации, по временам негромко спрашивал: «Ну, как там? Как?» Со связью творилось что-то непонятное: голоса Сенцова и Раина слышались глухо, словно космонавты уже успели отойти далеко от ракеты или же между ними и кораблем была какая-то экранирующая преграда.

Время от времени слышимость вообще пропадала, как будто над поверхностью спутника бушевала магнитная буря. Стрелки магнитометров судорожно дергались. Магнитная буря на поверхности ничтожного камня, неприкаянно мотающегося в пустоте? Здравый смысл Азарова никак с этим согласиться не мог, но приборы упрямо показывали свое. А тут еще Калве не давал покоя...

— Скажи Сенцову, пусть в первую очередь осмотрит солнечные батареи, — повторил Калве уже в третий раз.

Азаров, наконец, понял, чего он хочет, кивнул. Действительно, без источников энергии им придется плохо.

Прибавив мощность, он начал вызывать в микрофон. Наконец голос Сенцова, как сквозь подушку, ответил: «Батареи? Да ладно — подожди ты там со своими батареями...» Азаров пожал плечами. Потом в наушниках кто-то забормотал. Можно было разобрать только, что это голос Раина. Сенцов воскликнул ему в ответ: «Не может быть!»

Азаров торопливо переключил прием с телефонов на динамик, чтобы было слышно всем, и нетерпеливо закричал в микрофон: «Ну, что там? Да ну же, отвечайте!» Но голоса делались все неразборчивее.

Вошедший из коридора Коробов остановился у двери — он услышал, как из динамика донеслось раинское: «Смотри, смотри!..» На этом связь окончательно прервалась. Только густое фоновое гудение доносилось из динамика.

Азаров стремительно протянул руку — усилить напряжение, и в этот момент все трое почувствовали, как дрогнул и стал ускользать из-под ног покатый пол рубки...

5

В выходном отсеке Сенцов и Раин на миг задержались. Двигаться в скафандрах показалось непривычно тяжело. Раин почувствовал капли пота на лбу, а стереть их было нельзя, хотя астроном и попробовал, вытягивая шею, дотянуться лбом до верхней непрозрачной части шлема.

Сенцов отодвинул один за другим два предохранителя. Секунду внимательно смотрел на Раина. Тот кивнул. Тогда Сенцов ладонью нажал красную большую пуговицу на щитке.

Какое-то мгновение казалось, что люк вообще не откроется; потом он со вздохом уступил. Последнее, что они услышали через выведенные на внешнюю сторону шлемов микрофоны, был короткий свист рванувшегося из отсека воздуха. Затем наступила странная, невесомая тишина. Еле слышные шумы в наушниках раций заставляли морщиться, словно от грохота поезда.

Люк оказался почти над головой, однако здесь это не играло роли. Чуть присев и резко оттолкнувшись ногами, Сенцов взлетел вверх. Сел, придерживаясь за борт. За ним таким же образом последовал Раин и тоже задержался на краю люка.

Секунд десять они парили так, оглядываясь, но после яркого света в ракете разобрать что-либо вокруг было трудно: Марс прятался где-то за близким горизонтом.

А прямо перед ними — перед ними была вселенная... Они видели ее такою впервые; это не было звездное небо Земли. Здесь вселенная обнимала их со всех сторон. Они были в самом центре ее, лицом к лицу, наедине с нею. Медленно, едва уловимо она вращалась вокруг

них, поражая обилием звезд, невиданным на Земле. Их не застилала атмосфера; они сияли так ярко, не мерцая, что от их неистового света, казалось, нельзя будет больше никогда и никуда укрыться. И это было совсем не то зрелище, что в телескопе, потому что велико ли поле зрения и самого большого телескопа? За кажущейся неподвижностью светил угадывалось стремительное движение. Далекие галактики пламенели, как застывшие взрывы. Казалось, до них можно было дотянуться — выпрямленная рука здесь простиралась во вселенную, не встречая никаких преград.

Раин вздохнул глубоко. Дрожь восторга заторопила сердце, глаза ломило от этой красоты, и Раин еще раз порадовался в душе, что изо всех возможных в жизни путей он избрал звездный.

Отгоняя чары вселенной, Сенцов тряхнул головой. Смерив глазами расстояние, прыгнул; медленно, как падают во сне, опустился на поверхность Деймоса. Раин прыгнул за ним, чуть помедлив — чтобы не обогнать Сенцова и дать ему возможность первым войти в неведомый мир, как и подобало капитану.

Постояли, пока глаза не начали привыкать к темноте. Потом Раин нагнулся, присел на корточки.

— Порода какая-то странная... Коренная, разумеется, но...

Достав из зажима на поясе так называемый универсальный инструмент, он попробовал вырубить кусочек грунта. Но даже электрическое долото оказалось бессильным: то ли с непривычки работать в скафандре, то ли по другой причине, ничего у Раина не получилось. Сверхтвердый сплав долота даже не поцарапал темную поверхность планеты.

Раин пожал плечами, задумчиво убрал инструмент. Провел перчаткой по тому месту шлема, которое закрывало лоб, и сказал, почему-то перейдя на «вы» — так бывало с ним в минуты размышлений:

— Странно... Вы обратили внимание — грунт, я бы сказал, гладкий и, по всему судя, с большой отражательной способностью. С точки зрения минералогии — это нонсенс... Даже лед — ну, лед, пожалуй... Но эта твердость, а?

Но Сенцов его не слушал. Бурча что-то под нос, он отошел на несколько шагов, ступая осторожно, словно по горячим камням. Отсюда лучше было видно место, где опустилась ракета, — та скала, на которой она лежала.

— И все-таки эта посадка... — сказал он. — Ума не приложу!.. Ведь не первый же день в конце концов я за пультом! Пытаюсь вспомнить — нет, ни у кого не было ничего подобного, и никакая теория таких случаев не предсказывает. А факт налицо. А факты, как известно, дают начало новым теориям...

Он снова начал гудеть что-то под нос. Раин, подойдя к нему, сказал:

— Да, как это вам удалось посадить корабль на вершину такой скалы — не понимаю!.. Это даже не искусство, это что-то сверхъестественное. И смотрите, как ракета легла на склон — хоть сейчас взлетай... Очень удачно, очень...

— Взлетать хорошо, слетать плохо... — мрачно проговорил Сенцов.

— А вообще-то любопытно... На Земле это приняли бы за результат выветривания...

Но ветра здесь быть, конечно, не могло, да и никакой ветер не смог бы так обработать поверхность планеты, чтобы придать скале форму эстакады, устремленной вверх под углом градусов в шестьдесят. И Раин судорожно схватил Сенцова за руку — перчатка скользнула по твердому пластику скафандра: он понял, что это не могло быть простым капризом природы.

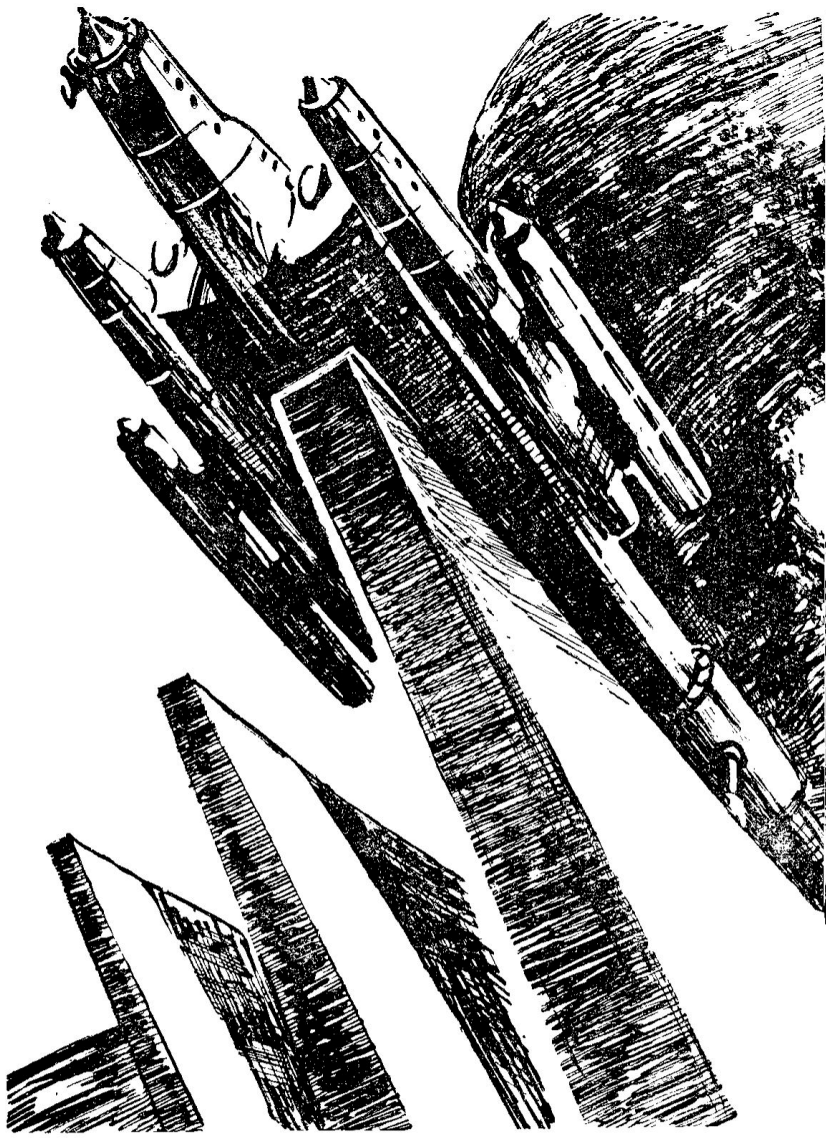
Наверное, и Сенцов почувствовал то жэ самое. Он торопливо повернул выключатель; вспыхнул голубоватым светом укрепленный на шлеме небольшой, но сильный прожектор. От него не протянулось привычного светового луча — здесь не было ли воздуха, ни пыли, и лишь где-то вдалеке, в пустоте сверкнула серебряным блеском крохотная пылинка — исчезающе малый, но самостоятельный мир.

В свете прожектора Сенцов увидел поднимавшиеся из-за близкого горизонта вершины еще двух таких же странных эстакад. И наклон у них был одинаков — у всех в одну и ту же сторону...

Сенцов, экономя энергию, выключил прожектор. И сейчас же Раин, приподнимаясь на цыпочки, словно для того, чтобы высокий

Сенцов лучше услышал его шепот (хотя разговор велся по радио), пробормотал:

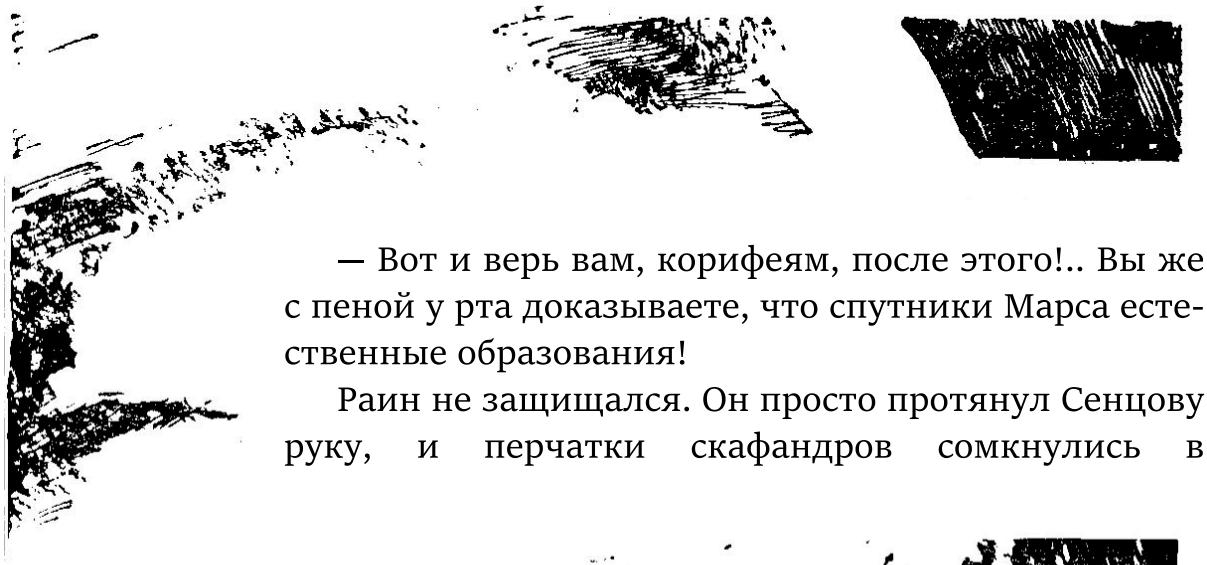
— Это же... Ты понимаешь? Это же...

Оба опустились на колени, принялись внимательно рассматривать поверхность под ногами. На этот раз включил прожектор Раин. Оба тотчас же зажмурились, глаза их наполнились слезами: прожектор, казалось, отражался в зеркале и бил прямо в лицо.

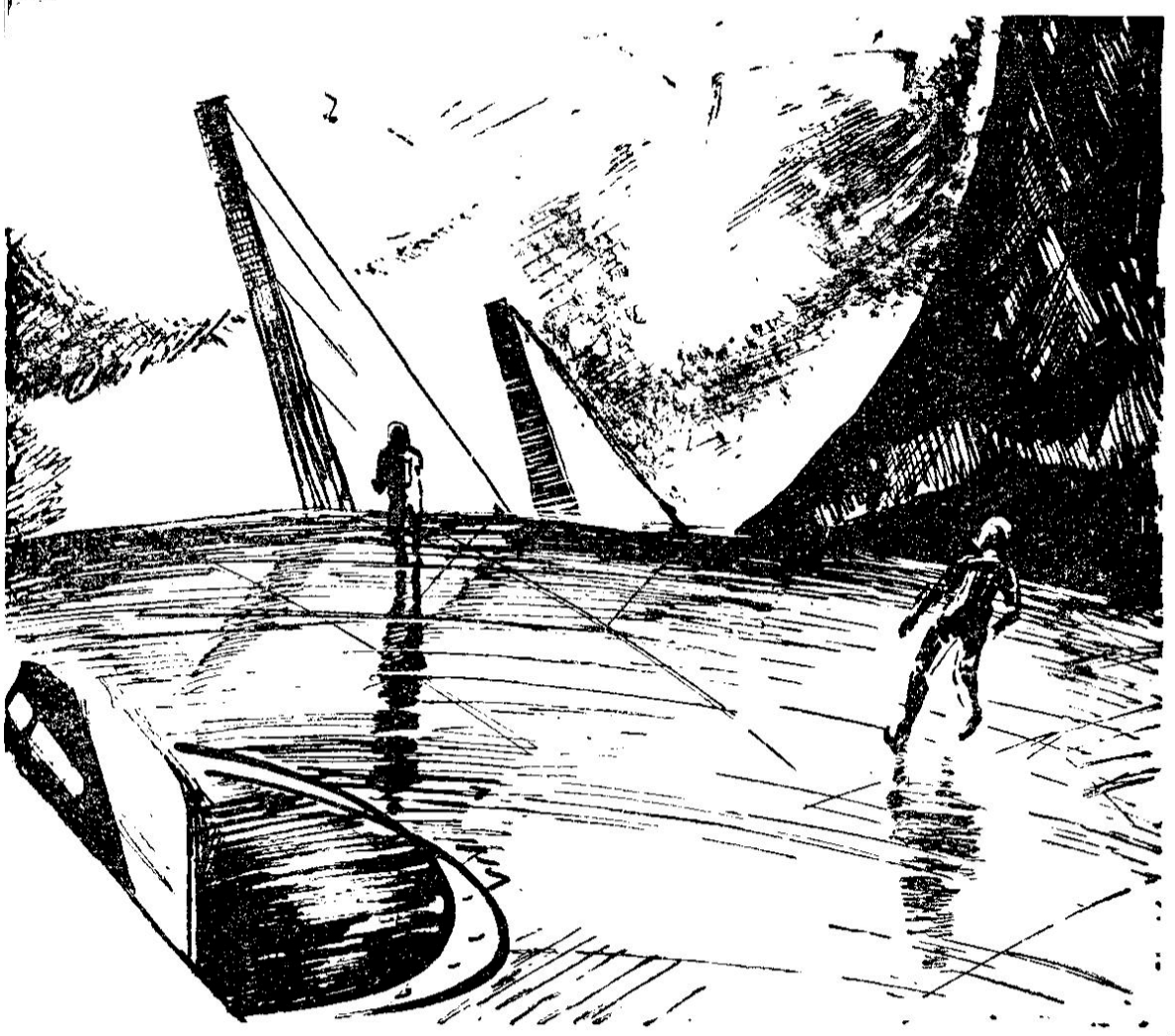
— Действительно, альбедо — примерно ноль семь, — сказал Сенцов. — И поверхность чистая, нет никакой пыли. Значит — защита? Наведенное поле? А выводы?

Раин, не отвечая, поднялся с колен, движения его были торжественны. Он выключил прожектор (сразу все вокруг утонуло в непроглядном мраке), откашлялся, словно на кафедре перед лекцией. Слишком велико, слишком необозримо по значению и последствиям было то, что раскрылось перед ними. Но в этот самый момент Сенцов сердито сказал:

— Вот и верь вам, корифеям, после этого!.. Вы же с пеной у рта доказываете, что спутники Марса естественные образования!

Раин не защищался. Он просто протянул Сенцову руку, и перчатки скафандров сомкнулись в

рукопожатии. Не отпуская руки астронома, Сенцов сказал — по голосу чувствовалось, что он улыбается:

— Вот так-то!.. Теперь начинает проясняться и история с нашей посадкой. Раз спутник искусственный, значит...

— Значит, на нем есть хозяева! — сказал Раин, счастливо блестя повлажневшими глазами. — Они увидели нас, посадили... Встреча с иным Разумом, ты понимаешь? Подумать только, мы могли пройти в каких-нибудь семи тысячах километрах и ничего не узнать! А еще говорят, что не бывает везенья...

Они были счастливы в этот момент. В самом деле, как иначе назвать встречу с Разумом, обитавшим, как оказалось, совсем по соседству с их родиной. По расчетам, события этого следовало ждать еще поколениям, а их, оказывается, отделяли от него лишь часы или даже минуты...

Не разнимая рук и не сознавая даже, что они делают, оба торопливо зашагали вперед по гладкой поверхности. Это был чисто инстинктивный порыв, в котором не участвовал разум, а подталкивало вперед лишь подсознательное желание скорей, как можно скорей встретить разумных братьев, творцов и создателей этой искусственной планеты. Они почти бежали, забыв о необходимости соизмерять движения с небольшой силой тяжести и высоко подскакивая от этого при каждом шаге.

Так они пробежали метров пятьдесят, и возвышение, на котором лежала ракета, стало уже отодвигаться к горизонту. Тогда Сенцов внезапно остановился.

— Постой... — сказал он. — Куда это мы вдруг помчались?

— Как это куда? — изумленно спросил Раин, тоже останавливаясь.

Потом внезапно рассмеялся.

— Да, действительно — помчались... — весело проговорил он.

Сенцов нахмурился, сердито засопел. Ему стало стыдно за такое легкомыслие. — побежали, как мальчишки.

Тут к ним из наушников и донесся голос Азарова, напоминавший о батареях. Сенцов разозлился еще больше: сколько минут потеряно на какую-то беготню! Разведчики, называется!..

Оба быстро пошли назад, к ракете. Стараясь не отстать от Сенцова, Раин размышлял о том, как получше включить в обследование спутника весь экипаж. Ну, одного Сенцов, конечно, непременно оставит на дежурстве, но остальные-то могу г выйти из корабля. Раз спутник искусственный — значит, встреча с его хозяевами состоится. И чем больше людей выйдет за пределы ракеты, тем больше шансов скорее отыскать если не самих хозяев, то хотя бы ведущий к ним ход, если они по какой-то причине сами не хотят выйти из внутренних помещений. Придется как-то продумать способы переговоров, передачи хотя бы основных понятий, установления какого-то общего языка, чтобы возвратиться на Землю не с пустыми руками, а с грузом тех знаний, которые космонавты смогут почерпнуть у хозяев этого мира — очевидно, превосходящих людей, во всяком случае, по уровню технических знаний; Раин судил так потому, что на Земле еще не умели монтировать в пространстве такие гигантские спутники. Разобраться во всем было так интересно, не говоря уже о том, что надо было получить ответ на вопрос, почему такие близкие соседи до сих пор не навестили Землю, что Раин поймал себя на мысли: «А неплохо было бы здесь задержаться подольше...» И даже восторженно помотал головой, подумав о том, какую бурю поднимет их открытие среди ученых всего мира — да только ли среди ученых!

— Да ты что, уснул, что ли? — в этот момент Сенцов хлопнул его по плечу.

— А? Нет. Я слушаю, как же, — сказал Раин. — Я вполне согласен...

Сенцов усмехнулся, начал терпеливо повторять:

— Сначала осмотрим корму. Ее, наверное, здорово порастрясло. Конечно, может быть, и не стоило в последний момент включать рули... — Последнее замечание далось Сенцову не очень легко. — Потом — солнечные батареи. И з зависимости от результатов составим план работ. Если никаких серьезных повреждений нет, возьмемся за перекачку топлива.

Они подошли к корме и снова поразились строгим геометрическим формам сооружения, на которое опирался корабль. Поверхность планетки поблескивала у них под ногами, кое-где в ней отражались

даже звезды. Но это был не металл, а, скорее, какая-то пластмасса или даже керамика.

Однако изучать ее сейчас было некогда. Сенцова все больше беспокоили частые перерывы связи с ракетой, хотя они стояли совсем рядом с ней — только на несколько метров ниже. Следовало скорее возвращаться к товарищам.

Но как попасть обратно в ракету? Ее корма нависала над ними, упираясь амортизаторами в покатый выступ странной эстакады Один из амортизаторов, кажется, был основательно покалечен. Но это неважно — все равно ведь основную ступень ракеты придется отбросить, оставить здесь.

Пока Сенцов ломал голову, как по гладкой вертикальной поверхности взобраться наверх к ракете, а если просто прыгнуть, то, за что же уцепиться, Раин, видно, думал совсем о другом.

— Тут бы неплохо поставить телескоп, — мечтательно сказал он. — Хотя бы и без магнитного устройства: лучших условий для наблюдений Марса и не придумать.

Сенцов хмуро ответил:

— Подождать придется с телескопами... Похоже, что... — и вдруг вскрикнул, схватил товарища за плечо: — Смотри, смотри!..

Гладкая поверхность внезапно задрожала под ногами. Ракета дернулась и медленно заскользила по эстакаде кормой вперед, как бы погружаясь в тот самый выступ, на который только что опиралась. Металлический борт корабля тускло блеснул в луче прожектора. Еще мгновение — и ракета исчезла, провалилась куда-то внутрь планетки. Эстакада была пуста...

6

Ракета скользила бесконечно долго — казалось, проваливалась к самому центру спутника. Однако это не было падением: скорость не возрастала. Похоже было, что какой-то механизм опускал их...

Внезапно ракета остановилась. Сидевший у рации Азаров попытался встать на ноги, но непонятное скольжение началось снова. Коробов смотрел на циферблат хронометра; секундная стрелка так

медленно перескакивала от деления к делению, словно каждый раз ей приходилось подолгу собираться с силами. «Как в агонии...» — подумал Коробов. И в этот миг ракета остановилась окончательно.

— Семнадцать секунд... — ровным голосом сказал Коробов и на какую-то долю мгновения пожалел, что спуск закончился. Теперь надо было принимать решение, а Сенцова не было рядом.

— Зачем это они? — спросил Калве растерянно.

— Кто? — спросил Коробов и тут же понял его мысль. — Ты думаешь?.. — И вдруг вытянул руку, призывая к тишине.

Все прислушались. Было явственно слышно, как кто-то постукивает, скребется, трется о металлическую броню ракеты. Впечатление было такое — и всем сразу припомнилось это, — будто вдоль ракеты ходит осмотрщик, постукивает молотком по оболочке, как по вагонным колесам, и что-то деловито бормочет.

Одновременно экраны начали светлеть, словно за бортом ракеты занималась слабая заря. В ее свете стали смутно видны какие-то вогнутые поверхности, непонятные аппараты, приборы... Мимо одного из экранов промелькнула округлая тень, сейчас же послышались шорохи со стороны левого борта. Азаров с шумом выдохнул воздух.

Но Коробов уже полностью овладел собой. Обстановка требовала действий быстрых и решительных, и он готов был действовать.

— Внимание! — сказал он, быть может, чуточку громче, чем следовало. — Искусственный спутник... Сейчас мы встретимся с ними. Как понимаете, церемониал таких встреч пока еще не разработан, но в общих чертах задача ясна: достойно представить свою планету... В любом случае мы немедленно принимаем меры к розыску оставшихся на поверхности товарищей, если их еще не доставили сюда. Помните, что как бы они там ни выглядели, встречаемся мы с друзьями: у них не может быть никаких причин враждебно отнестись к существам с иной планеты, к братьям по Разуму. Встречать их будем у люка... Слышите? — прервал он сам себя. — Опять стучатся...

— Одному надо остаться в ракете, — сказал Калве и сделал шаг по направлению к шкафу со скафандрами.

— Я пойду, Игнатыич! — сказал Азаров. — Хоть теперь-то...

— Нет, — ответил Коробов. — Минуточку! — оборвал он собравшегося что-то возразить Азарова. — Для дискуссий будет отведено специальное время... впоследствии. Пока твоя задача — наладить связь с нашими, и не терять связи с нами, если мы будем вынуждены выйти из ракеты.

Азаров замотал головой; но покорно отошел к рации, сел, начал что-то лихорадочно чертить на листке бумаги. Коробов оглядел рубку, сложил стопочкой на откидном столике рабочие тетради, рукавом смахнул с матово блестевшего пульта какую-то пылинку, еще раз оглядел все критическим взглядом.

— Ну, пошли...

Быстро надели скафандры, проверили кислород, связь. Калве сказал:

— Захватим по запасному баллону... на всякий случай.

— И аптечку возьми... тоже на всякий случай, — ответил Коробов.

Калве мысленно усмехнулся: видимо, полной уверенности относительно благополучного исхода встречи у пилота все же не было...

Вышли в тамбур. Постояли, пока вокруг них бушевало ультрафиолетовое излучение: такой душ полагалось принимать всякий раз при выходе и входе, чтобы не вынести и не занести в ракету ни одного микроба.

Люк открывался медленно. Наконец над их головами засветился, замерцал серым рассеянным светом выход. Они не услышали свиста, с каким воздух из тамбура должен был стремительно вырваться в пустоту.

— Какая-то атмосфера здесь, значит, есть... — сказал Коробов. — Ну, да оно и понятно: раз есть живые...

Он неотрывно глядел на отверстие люка, откуда должны были показаться эти живые. Они медлили. Прошла минута, вторая, третья, а ни одно живое существо так и не появлялось. Коробов усмехнулся, сказал:

— Да, смельчаками их не назовешь... Ну что же, покажем пример...

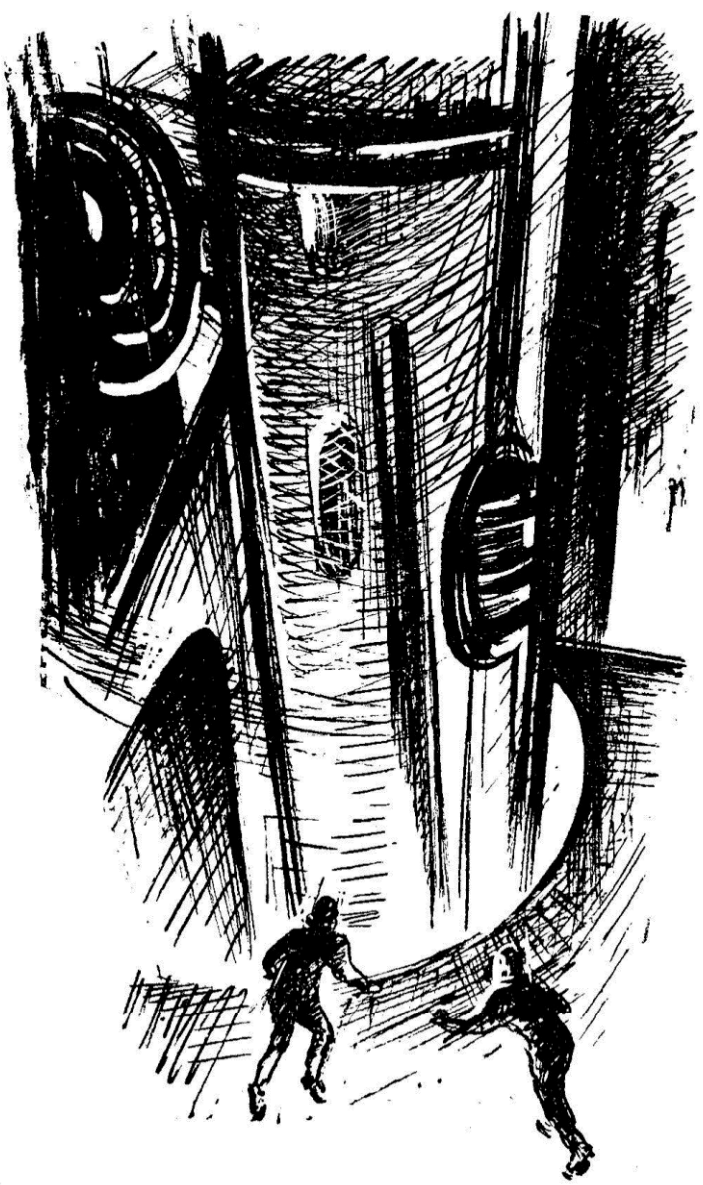
Он вылез наружу, огляделся. Ракета наклонно лежала на длинной, чуть вогнутой платформе, один край ее — с той стороны, где находился люк, — они могли рассмотреть во всех подробностях. Двумя

уцелевшими кормовыми амортизаторами ракета, очевидно, во что-то упиралась. Стучавшие в оболочку куда-то скрылись — никого не было видно, но вылезшему вслед за пилотом Калве все время казалось, что он чувствует чей-то пристальный, неотступный, тяжелый взгляд.

— Что же, прыгнем? — спросил Коробов. — Невысоко, метра три до пола...

— А обратно?

— Обратно нас будет четверо, справимся, подсадим друг друга, — сказал Коробов уверенно, как будто не впервые приходилось ему разыскивать друзей на чужих искусственных спутниках.

Осторожно, придерживаясь за люк, они спрыгнули на край платформы.

— Тяготение порядка одной пятой земного, — прикинул Калве.

— Значит, искусственная гравитация для марсиан не проблема, — ответил Коробов. — Вот чему бы научиться...

Подойдя к краю платформы и еще раз оглядевшись в надежде увидеть хоть одно живое существо, они спрыгнули на пол. Осторожно ступая, отошли от ракеты на несколько шагов. Калве глянул на часы, потом — на абсолютный термометр.

— Двести семьдесят восемь — значит, пять по Цельсию... Давление — триста.

— Что ж, приемлемо, пока мы в скафандрах, — спокойно откликнулся Коробов. — Но куда же мы в конце концов попали? Где гостеприимное население? Где оркестр, цветы?

Они находились в большом, похожем на ангар зале. Внешняя широкая стена его, в которую упиралась эстакада с лежащей на ней ракетой, была чуть выгнута наружу, противоположная, узкая, казалась выпуклой, словно обе были выстроены по дугам концентрических окружностей. Плавно, без углов стены переходили в высокий потолок.

Вдоль стен этого огромного зала, который эстакада с ракетой делила точно пополам, возвышались какие-то машины или приборы неизвестного назначения; форма их была, видно, хорошо продумана, точно выверена, хотя и казалась непривычной для земного глаза: много острых углов, вогнутых поверхностей, нависающих, выдающихся плоскостей. Но все они создавали впечатление стройной системы, объединенной общим замыслом и стилем. Коробов привык по внешнему виду машины судить об общем уровне технической культуры, и похоже, здесь этот уровень был достаточно высок.

Отовсюду дружелюбно — или это так казалось? — подмигивали разноцветные огоньки. Вдоль стен тянулись трубы и кабели со множеством ответвлений, вентилей, патрубков, непонятных грибообразных отростков, блестевших голубым блеском наконечников, экранов с нервно пульсирующими огоньками. Разреженная атмосфера доносила легкий гул. Но никого не было видно, никто так и не захотел показаться людям. Очевидно, хозяева предпочитали наблюдать за гостями откуда-нибудь из укрытия.

— А проводочка у них наружная, — сказал Коробов. — У нас такого безобразия бы не допустили.

Калве кивнул. Он не удивился замечанию Коробова: и у него самого было такое чувство, словно это не на другой планете находились они, а просто на каком-то вполне земном заводе, хотя и неизвестного назначения. Здесь ничто не тяготило таинственным, потусторонним. Наоборот, хотя многое для них и оставалось пока непонятным, но в

принципе было схоже с тем, что оставили они на Земле. Хотя бы вон та машина, определенно напоминавшая формой автомобиль, только почему-то перевернутый вверх колесами, и, конечно, это был вовсе не автомобиль — просто воспринимался именно так по земным ассоциациям. Над этим стоило поразмыслить. Но для размышлений сейчас не было времени.

Калве вздохнул, вспомнив о земных лабораториях, об «умной» тишине вычислительного центра, в которой было так приятно думать... Но Коробов уже зашагал по залу.

— Ну, раз хозяева не показываются, мы их ждать не станем. Надо самим искать ход на поверхность: наших здесь, судя по всему, еще нет, значит они остались наверху. Один ход наверняка есть — там, где прошла ракета.

— Но нам его не откроют, — возразил Калве.

— Может, и открыли бы, если им объяснить, — с досадой сказал Коробов. — Да объяснять-то некому, вот беда!..

— Поищем другой, — сказал Калве. — Мне кажется... по-моему, в том конце зала — видишь, не по оси эстакады, а правее — какая-то ниша в стене.

Оба торопливо пересекли зал. Действительно, это было похоже на выход. Только как его открыть, было совершенно непонятно. На двери — вернее, на пластине, перегораживавшей нишу, — не было ни намека на рукоятку или на замочную скважину.

— Да, эти самые местные жители... — сердито начал Коробов.

— Вот они! — прервал его Калве.

7

В длинном коридоре тусклым сероватым светом горели светильники, покрытые слоем пыли. Они сами зажигались перед идущими и гасли, оставшись позади.

Почему-то Раину пришли на память монументальные пирамиды фараонов с их скрытыми потайными переходами. Там так же, наверное, археологов давили стены таинственной неизвестностью. Но это ведь на Земле, а тут...

Они шли торопливо, внимательно оглядываясь по сторонам. Было пройдено около сотни метров, а коридор все не кончался, по-прежнему уводил их все дальше — прямой, без единой двери, без единой детали, которая нарушала бы однообразие. Казалось, он шел совершенно горизонтально, хотя в этом необычном мире вряд ли можно было целиком доверять своим ощущениям. Лампочки индикаторов радиоактивности слабо тлели в шлемах скафандров, напоминая о постоянном небольшом излучении.

Полчаса тому назад, на поверхности, когда лежавшая, казалось, незыблемо ракета вдруг скользнула вниз и так непонятно исчезла, оставив их одних в пустоте, им сгоряча показалось, что все кончено. И в самом деле, не пробиваться же сквозь материал, который сталь даже не царапала!

Несколько секунд они сидели молча, мысленно прощаясь со всем, что было дорого в жизни. Раин подумал, что если бы не Сенцов рядом (слышно было, как он яростно, шепотом выругался), то от такого полного, абсолютного одиночества посреди вселенной в пору было завыть, глядя на звезды.

Но как-то сразу, одновременно оба обнаружили, что как бы там ни было, умирать они все же не собираются. Тогда Раин сердито сказал:

— Вот они, ваши ракеты... Допрыгались!..

— А ракеты тут при чем? — зарычал Сенцов и, махнув рукой, полез на эстакаду.

— Зачем им понадобилось втягивать ракету, не понимаю! — бурчал он.

— Они могли и не заметить, что кто-то вышел из нее.

— Нечего сказать — хорошо у них тогда организовано наблюдение! — совсем рассердился Сенцов. — За такие вещи с работы снимают...

Они с трудом нашли запиравшую вход пластину — так плотно, почти без швов легла она обратно на место, проглотив ракету Поднять ее нечего было и думать: она весила, верно, даже в этом мире уменьшенной тяжести многие тонны. Повозившись около нее, минут пять, космонавты поняли, что это совершенно бесполезно.

— Давай-ка думать быстрее, — сказал Сенцов. — Кислорода у нас осталось примерно на час, Длительные прогулки вне ракеты

программой нашего полета не предусмотрены. Это нас научит в будущем... — Он не окончил фразы, махнул рукой. — В общем будем искать, пока хватит дыхания.

— Во всех романах всегда не хватало кислорода, — сказал Раин.

— Ничего удивительного, — откликнулся Сенцов. — Много ли входит в такой вот баллончик?

— Да, — согласился Раин, распрямляя усталую спину. — А вес их чувствуешь даже здесь...

Сенцов ничего не ответил и начал спускаться с эстакады.

— Боюсь, чтобы ребята там чего-нибудь не натворили, — сказал он уже снизу. — Они же обязательно кинутся нас разыскивать. Вступят еще в конфликт с этими, наделают дел...

Раин только зажмурил глаза — такой родной показалась ему в этот миг опостылевшая рубка корабля, тесная жилая каютка.

Посовещавшись, они решили разойтись и искать вход, описывая круги, постепенно захватывая все большую площадь. Сенцов сразу двинулся вправо. Раин пошел в другую сторону, в обход эстакады.

Пролезая под выступом платформы, он низко пригнулся, и в глаза ему бросилась какая-то светлая полоса, будто белилами нанесенная на более темную поверхность спутника. Раин внимательно осмотрел полосу. Нет, это была не краска, это был металл — металлическая дорожка сантиметров десяти шириной, проложенная по оболочке, вернее — в ней, так, что она ни на миллиметр не выдавалась над поверхностью. Металл тускло отсвечивал серебром.

Раину пришло в голову, что эта металлическая лента, назначение которой было непонятно, могла привести к ходу вовнутрь, по крайней мере идти по ней было вернее, чем бродить наугад.

Раин замигал прожектором, подзывая Сенцова.

— Есть? — спросил тот, поспешив к товарищу.

Оба двинулись вдоль металлической полосы. Не прошли они и тридцати метров, полоса внезапно оборвалась. Космонавты переглянулись в растерянности.

И в этот миг они почувствовали, как площадка под их ногами начинает медленно опускаться. Словно лифт, она уносила их в недра искусственной планеты.

Но вот площадка плавно остановилась. Сразу загорелся бледный свет. Друзьям он показался ослепительным. Раин не смог скрыть торжествующей улыбки: выбрались!.. Сенцов сказал возбужденно:

— Слышишь, шипит? Воздух...

Люк над их головами закрылся.

Небольшое квадратное помещение, в котором они оказались, на первый взгляд не имело дверей. Но не успели они об этом подумать, как одна из стен стала медленно, словно нехотя подниматься.

— Приглашают... — сказал Сенцов.

— Что ж, согласимся... — в тон ему ответил Раин.

Но приглашала разве что сама дверь. За ней никого не оказалось. Просто открылся вот этот коридор, по которому они шли уже несколько минут, следуя за убегающей все дальше металлической полосой.

...Пройдя еще метров двадцать, Сенцов сказал:

— Похоже, что он никогда не кончится. Ты сориентировался, в какую сторону мы идем? Я, когда спускались, посмотрел: полоса шла левее по сравнению с направлением на эстакаду.

— Сейчас подсчитаем... — сказал Раин. — Форму спутника примем за шарообразную. Расстояние между соседними эстакадами я определяю примерно в двести метров. Прямая видимость была...

Раин умолк, погрузившись на ходу в вычисления. Потом сказал:

— Если я верно рассчитал, коридор идет строго в радиальном направлении. Иными словами, к центру спутника. Это, кстати, говорит о том, что аппараты, наводящие поле искусственной гравитации, расположены не в центре планеты. По логике, где-то мы должны будем обнаружить и поперечные ходы. Значит, пока все в порядке.

— В порядке-то в порядке, — сказал Сенцев, — а вот радиоактивность здесь повышена. Не идём ли мы куда-нибудь прямо в дьявольскую кухню? К тому же не похоже, чтобы здесь часто ходили: очень уж пыли много...

Действительно, тонкий слой пыли лежал на полу, покрывая стены.

— Что ж, — сказал Раин. — Свернем, как только представится возможность. Сворачивать надо вправо: ракета должна находиться именно в этом направлении.

— Интересно, что там у них такое...

— Очевидно, какое-то подобие хранилища или ангара.

— Ну, уж и подобие... — усмехнулся Сенцов. — Какое же тут подобие? Тут настоящее, нам еще поучиться. Ох, уж этот великопланетный шовинизм!..

Раин засмеялся, хотел что-то ответить — и в этот момент увидел нечто, заставившее его бегом броситься вперед.

— Вот! — Он остановился перед нишей в правой стене коридора. — Не здесь ли ход в сторону?

Сенцов торопливо подошел, осмотрелся. Такая же ниша виднелась и на противоположной стороне коридора. Но он двинулся дальше, в глубь спутника.

— А лента-то уходит туда... — пробормотал он. — Очень интересно, что там может быть?..

С минуту они стояли на месте, раздумывая. Но так хотелось побольше узнать — уже сейчас, в самом начале — о скрытых здесь тайнах, что оба разом тронулись с места — снова дальше вперед, по коридору — и уже через две минуты уперлись в наглухо перегораживавшую его стену.

— Должна открываться, — уверенно сказал Сенцов, подойдя к самой преграде.

Тотчас же лампочка индикатора в его шлеме запылала заметно ярче. Сенцов отпрянул, нервно провел рукой по скафандру, как бы отряхиваясь.

— Так и есть, чертова кухня, — сказал Раин. — Ладно, сюда мы еще заглянем...

Вернулись к нишам. Раин включил прожектор. Под слоем пыли угадывалась невысокая ступенька.

Не раздумывая, он наступил на нее ногой. Под полом что-то чуть слышно щелкнуло, стена беззвучно, медленно поднялась, уползла вверх. За ней оказалась — на расстоянии двух метров — вторая такая же дверь.

— Рискнем! — сказал Сенцов.

Они вошли в этот своеобразный тамбур. Поднявшаяся ранее плита осторожно, словно опасаясь их задеть, опустилась. И как только она коснулась порога, тотчас же поднялась внутренняя.

За ней снова был коридор, на этот раз поуже. Точно так же вспыхивали и гасли лампы...

Раин пробормотал строку из Багрицкого: «Коридоры в коридоры, в коридорах — двери...»

— Дверей-то как раз и нет, — сказал Сенцов. — Разыщем, ничего... Вспомни что-нибудь поинтереснее.

— Я так... — смущенно ответил Раин. — А заметь, любопытно: коридор изгибается влево. Значит, наши рассуждения были правильны.

— Ну, вот и дошли, — сказал Сенцов и остановился перед нишей уже знакомого вида. Уверенно нажал на ступеньку.

И здесь дверь была с блокировкой — двойная.

— Серьезно построено, — сказал Сенцов. — А где же наши?

За дверью была темнота. Но вот замигало — сначала робко, потом все более уверенно. И, наконец, сероватый мерцающий свет, словно светился сам воздух, озарил внутренность огромного зала, разделенного пополам наклонной эстакадой.

На ней ничего не было.

Они постояли несколько секунд, скрывая разочарование. Потом Сенцов (он все беспокойнее поглядывал на часы и на кислородный манометр) поторопил:

— Пошли дальше.

...Снова коридор, двери и зал, залитый сероватым светом, и посреди него эстакада. Сенцов торжествующе сказал:

— А вот здесь уже кое-что интересное!

— Я же говорил, что они находятся поблизости... — пробормотал Раин.

Широкими шагами оба направились вперед, высоко подлетая над полом, пока Сенцов не сказал:

— Ну, а теперь-то чего мы так торопимся?

На эстакаде, видимая смутно, как сквозь туман, лежала ракета. Они подходили к ней неторопливо, точно возвращаясь с дачной прогулки.

Сенцов проворчал:

— Никаких работ не ведется... Что они, спят, что ли? Ну, дождется у меня Коробов!..

Раин покачал головой: тут что-то было не так, от Коробова трудно было ожидать такой нераспорядительности.

— И рация выключена, не отвечают, — сказал он. — Возможно, увлеклись внутренним ремонтом. Мало ли что могло случиться. А вдруг ребята пострадали?

— Или их там уже нет, — мрачно сказал Сенцов, убыстряя шаг.

Раин взглянул на часы. Кислорода оставалось на двадцать с небольшим минут.

Внезапно Сенцов так резко остановился, что даже качнулся вперед — если бы не присоски на подошвах, он наверняка бы упал. Раин с разбегу чуть не налетел на него. Сенцов негромко сказал:

— Посмотри-ка внимательно: это наша ракета?

Да, теперь они видели уже отчетливо, что ракета, лежавшая на эстакаде, была создана не на Земле.

Как будто ничем особенным не отличались обводы этой чужой ракеты, они были даже, кажется, не очень красивы, но вряд ли и хороший рисовальщик смог бы сразу воспроизвести их на бумаге.

Этот корабль казался порождением самого пространства, в котором он скользил свободно и радостно. Это сразу чувствовалось даже при беглом взгляде на его длинное тело (оно было раза в полтора длиннее $x корабля), хотя некоторые линии и выглядели непривычно для земного глаза. Но они были наверняка обусловлены какими-то требованиями пространства, пока непонятными людям, как не были им понятны в тридцатых годах этого века необычные законы дельтовидного крыла.

Сенцову подумалось, что такой корабль идет неуклонно, словно луч света, пронзая поля гравитации, как игла — мешковину.

— Это не наш корабль, — сказал Раин, подтверждая теперь уже очевидную истину.

Сенцов немного покашлял, глухо ответил:

— Да, красота какая... Ничего не попишешь — придется возвращаться. Тут пусто, никто и не заходил: каждый след отпечатался бы в пыли.

— Они наверняка в следующем отсеке, — сказал Раин. — Мы идем правильно.

Оба повернули к выходу. Раин с тревогой заметил, что двигался Сенцов уже не с такой легкостью, как раньше, и тяжелое дыхание его отдавалось в наушниках грозным шумом. Ясно: силач Сенцов первым должен исчерпать запас кислорода, ему уже трудно дышать...

Словно прочитав мысли товарища, Сенцов глухо сказал: «Ну, только не отставать...» — и с заметным усилием зашагал быстрее.

В момент, когда до двери оставалось шага два, свет в зале внезапно погас, непроглядная темнота окружила их. Инстинктивно оба включили прожекторы. Раин первым нажал на ступеньку — дверь на это никак не реагировала. Тогда за ним со злостью топнул по ступеньке и Сенцов. Чувствовалось, как площадка свободно оседает под ногами, где-то под пей едва слышно в разреженной атмосфере щелкали переключатели, но дверь не открывалась.

Сенцов обессиленно опустился на пол, хрипло сказал:

— Ну, теперь, кажется, влипли основательно...

Помолчал. Потом, словно эти слова показались ему недостаточно ясными, добавил:

— Подвела автоматика... Правильно ее критиковал Азаров.

— Автоматы автоматами, а мы — люди, нам положено быть умнее, — откликнулся Раин.

— Что ж, — с трудом проговорил Сенцов после долгой паузы, — остается одно: осмотреть ракету.

Раин удивленно посмотрел на него и вдруг понял: в ракете может быть кислород, если только она не автоматическая или телеуправляемая. Если только в ней летели живые существа, то дышать они должны были кислородом — во всяком случае, за это было девять шансов из десяти. Вдруг хоть аварийный запас его остался в резервуарах!

Подтащив товарища к эстакаде, Раин начал карабкаться по скользким отвесным балкам. Несколько раз он срывался и едва не порвал скафандр. Но в конце концов все же вскарабкался на платформу.

Теперь надо было найти люк: ведь должен же был экипаж как-то входить в ракету. Она не могла быть автоматической. Ее совершенные формы убеждали Раина, что только для людей (так Раин для простоты называл про себя строителей спутника) должна быть она создана.

Он полз и полз вдоль ракеты, а люка все не было. Конечно, вход мог находиться и на другой стороне. Успеет ли он добраться до него? Раин и сам уже начинал задыхаться, а Сенцов, верно, совсем плох. Что он там бормотал насчет люка, пока Раин пристраивал его у подножья эстакады?

Раин полз и шарил рукой по обшивке корабля, а она была все такой же гладкой — никаких следов от ударов микрометеоритов, ни одной царапины — идеально полированная сплошная поверхность. Но ведь люк должен быть! И не может он закрываться, входя в пазы с точностью до микрона.

Он совсем уже пришел к выводу, что люка ему не найти, когда слабеющие пальцы его нащупали какую-то неровность, щель или трещину. Люк? Он повел пальцами по этой едва заметной бороздке. Она уходила вверх, потом, плавно изгибаясь, поворачивала направо. Сомнений не было — это, конечно, люк, ‹только закрытый наглухо.

Раин наваливался на него всем телом, стучал по обшивке кулаками, топтался на платформе, пытаясь привести в действие автоматический запор. Все было тщетно: люк не открывался!

Совсем обессилев, Раин лег возле него и закрыл глаза. В скафандре тепло, кислород еще сочился из баллона — последние капли, наверное...

И тут он вспомнил о Сенцове: как тот тяжело дышал и все поворачивал, поворачивал кран, пытаясь сберечь кислород.

Сенцов там, внизу, наверное, ждал. Надо было спуститься к нему — до конца быть вместе...

Он собрал последние силы и пополз. Но не к Сенцову, а вперед, все дальше вдоль гладкого борта ракеты.

Он вспомнил, о чем именно сказал Сенцов: что люк надо искать в носовой части. Тайно для самого Раина где-то в глубине его мозга все время велся подсчет расстояния, пройденного им, и потраченных на это минут. И этот подсчет говорил, что попавшийся ему люк находился чуть ли не на самой корме корабля, где могли располагаться лишь двигатели, запасы топлива, энергетические устройства.

Рабочие же помещения, не говоря уже о жилых, должны быть где-то дальше. Конечно, у автомобиля мотор можно устанавливать. где угодно — хоть спереди, хоть сзади; у межпланетного же корабля, который неизбежно должен быть ракетой, двигатель мог помещаться только в кормовой части, какой бы там планете ни принадлежал корабль. Сенцов-то это понял сразу. Как он там, Сенцов?..

Раин полз, полз, почти теряя сознание, рука его больше не скользила по борту ракеты. Что-то притягивало Раина, как магнит, и ему понадобилось собрать все силы, чтобы понять: неведомо когда вспыхнувший впереди красный огонек был этим магнитом, и к нему-то полз Раин. Он даже не удивился огоньку, как и своей уверенности, что люк должен быть где-то возле него.

Люк был здесь, где горел красный огонек, а рядом с ним были три небольших углубления, расположенных треугольником. Как будто заранее зная, что именно надо делать, Раин вложил в углубления три пальца — и очерченный едва заметной бороздкой кусок обшивки стал втягиваться внутрь корабля. Засветился неправильной формы четырехугольник с закругленными углами — вход в ракету.

Раин перевалился через порог люка. Лицо его исказила гримаса. Каждый удар сердца болью отдавался в висках. Он вполз в просторное квадратное помещение. Четыре изогнутых рычага, распрямляясь, снова вжали крышку люка в обшивку. На стенах частым, прерывистым блеском замигали огоньки. Они мигали долго. Раин зачарованно смотрел на них, не зная, что делать дальше.

Послышалось тихое шипение. Раин скосил глаза на барометр — поднять руку к глазам не было сил. Прибор показывал, что давление увеличивается. Если даже камера, в которой находился Раин, продувалась сейчас не кислородом, а каким-нибудь ядовитым газом, выбирать не приходилось...

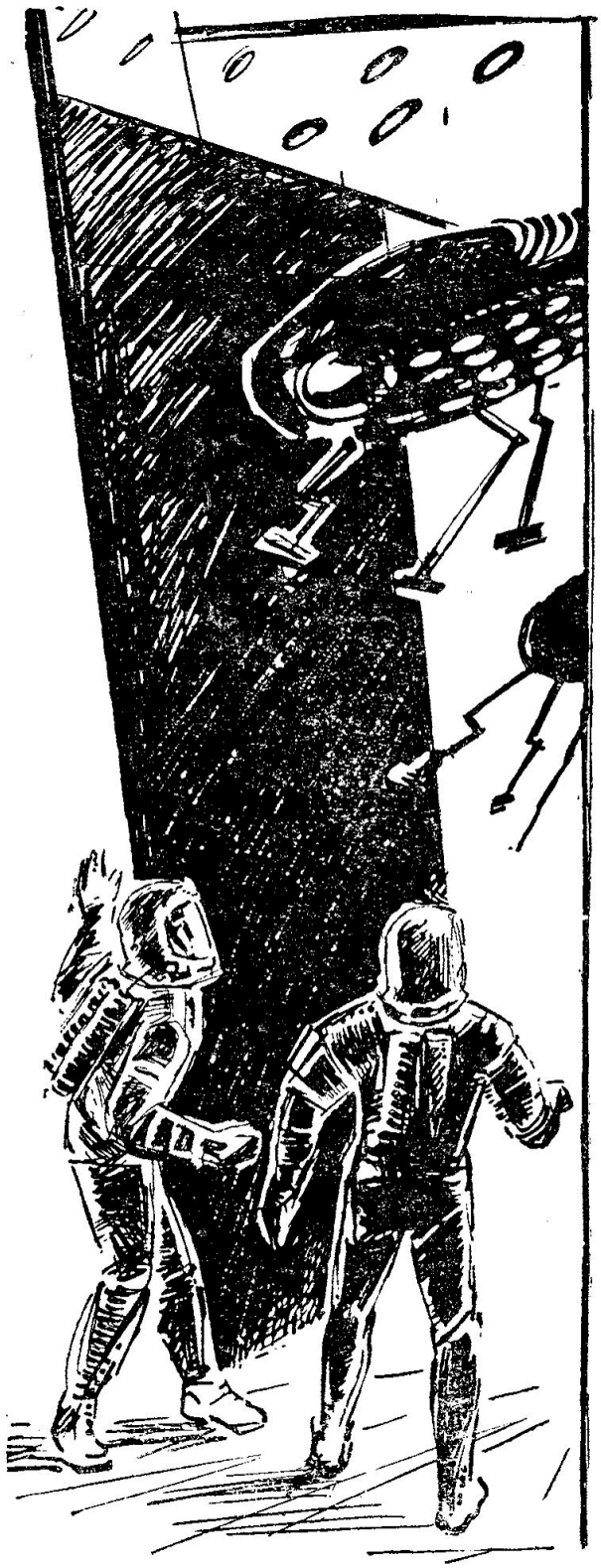
Стрелка барометра ползла все дальше. Раин услышал чье-то хриплое, затухающее дыхание, едва понял, что это так дышит он сам, и сорвал крышку шлема.

8

Услышав слова Калве, Коробов вздрогнул и оглянулся. Оно выбралось откуда-то из-под эстакады — странное, уродливое существо, похожее на большую блестящую лягушку, и с глухим воем стремительно метнулось вперед. Неподалеку от них остановилось, повисло в воздухе метрах в трех от пола.

— Летает... — изумленно прошептал Калве.

Лягушка вытянула длинные передние лапы — только их было три, с плоскими присосками на концах. Лапы прижались к стенке ракеты. Короткие пронзительные свистки прорезали тишину; даже под защитой скафандров захотелось зажать уши — так неприятен показался звук.

Затем лапы вытянулись, и с минуту марсианин — или как его назвать? — висел неподвижно. Снова Калве почувствовал на себе странный, внимательный взгляд. После этого летающая лягушка рывком скакнула дальше. Вновь раздались пронзительные звуки, словно с визгом разрывалась сама оболочка корабля.

— Э-э... — сказал Коробов. — Они нам ракету испортят...

— Эй! — крикнул он и взмахнул рукой.

И неведомое существо словно послушалось, ускользнуло куда-то под ракету.

— На чем он держится, не пойму, — сказал Калве. — Ни ног, ни крыльев... Нет, как хочешь, а это автоматическое устройство, действующее по программе или же телеуправляемое.

— Значит, в розысках они нам не помогут ни на грош, — невесело сказал Коробов, по-своему оценив сообщение Калве. — Ага, еще одно! Или опять то же самое?

Действительно, еще одна такая же лягушка появилась наверху. Она парила над ракетой, прикладывала к ней свои

присоски. Потом скрылась вслед за первой. Коробов опустился на колени, внимательно исследовал оболочку в тех местах, где к ней прикасались присоски.

— Нет следов никаких, — успокоенью сказал Коробов и стал спускаться. — Что им нужно, не пойму, но вреда от них, видимо, нет.

— Трудно сказать, что им нужно. — задумчиво произнес Калве* Коробов подошел к нему, нерешительно потоптался на месте. Он не знал, что делать дальше: и корабль нельзя оставить без присмотра, и товарищей надо искать...

— Ладно, — сказал он наконец. — Разыщем ребят, тогда... А то уж двадцать шесть минут гуляем без толку...

Они подошли к двери. Калве включил прожектор, пробормотал:

— Простейшее решение? Механическое воздействие. Достаточно нажать вот на эту планку... А ты видишь, что здесь давно никто не ходил? Пыль не тронута... Это, вернее всего, означает, что живых на спутнике действительно нет. Автоматы — единственные его жители. Ну что ж... А как там, в ракете?

Коробов начал вызывать Азарова. Ракета не отзывалась.

— Опять нарушения связи, — сказал Калве. — Ионизация, что ли, влияет?

Коробов что-то проворчал; набрал побольше воздуха в легкие и, повернув регулятор на полную мощность, рявкнул в микрофон так, что тоненько запело, резонируя, прозрачное забрало шлема. Азаров не отзывался... И вдруг откуда-то — казалось, совсем близко — донеслось:

— А вот здесь уже что-то интересное...

В ответ что-то забормотал знакомый тихий голос Раина.

— Они, это они! — крикнул Калве.

Коробов заорал:

— Сенцов! Ау!

Оба рванулись к двери, готовые бежать, искать, помочь... Но звуки не повторялись, сколько ни кричали оба в микрофоны, рискуя посадить аккумуляторы и сорвать голос.

А дверь с тихим шорохом ушла куда-то вверх, открывая вход в слабо освещенный коридор.

— Они живы, найдены! — сказал Калве, выглядывая в дверь.

— Теперь мы их быстро найдем! — уверенно отозвался Коробов. — Но Азаров...

— Ну, чего там? — голос Азарова раздался в наушниках неожиданно, и оба вздрогнули.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Почему молчал? Ты их слышал?

— Кого? — быстро спросил Азаров.

— Как кого? Сенцова, понятно...

— Я другое слышал, — помолчав, ответил Азаров. — Вы где?

— Открыли дверь, — сказал Коробов. — Выходим. Мы их слышали. Вызывай их все время.

— Счастливо. Вы там недолго — сказал Азаров.

Как только космонавты вышли в коридор, дверь за ними снова опустилась. Дальше двинулись, лишь когда Коробов убедился, что и с этой стороны открыть дверь не составляет никакой трудности.

На миг задержались: куда идти? Коридор раздваивался.

— Может, разойтись? — предложил Калве, хотя ему вовсе не хотелось бродить в одиночку.

— Нет, не пойдет, — задумчиво ответил Коробов. — Для того мы и вышли вдвоем, чтобы помогать друг другу. Мало ли что может случиться... Давай пойдем, ну, хотя бы направо. Если они в этой стороне, обязательно наткнемся на следы: видишь, пыль какая... Если никаких следов не будет, поворачиваем назад и идем в противоположную сторону. За пять минут мы даже в скафандрах можем обследовать чуть не полкилометра. Вряд ли они успели уйти дальше...

Первая дверь попалась метров через шестьдесят. Они открыли ее. В этом ангаре тоже было пусто. Коробов уже повернулся — идти, но тут Калве вдруг схватил его за руку.

— Блестит... — сказал он и кинулся вперед, в ангар.

Коробов еще не успел сообразить, в чем дело, когда Калве

с необычной для него поспешностью уже нагнулся и схватил лежавший на полу какой-то предмет. Поднес его к шлему. Затем протянул подбежавшему Коробову.

— Вот... — сказал он, переводя дыхание. — Они!

На его ладони поблескивал небольшой металлический приборчик. Это был переносный счетчик частиц. Такие находились во всех помещениях ракеты и фиксировали те редкие частицы сверхвысоких энергий, которым удавалось пробить защиту корабля. Очевидно, Сенцов, а еще вернее Раин, выходя из корабля, взяли с собой один из этих счетчиков, не вполне полагаясь, может быть, на вмонтированные в их скафандры индикаторы радиоактивности...

— Ясно, они были здесь, — сказал Коробов.

— Я думаю даже... — проговорил Калве. — Смотри, нет ни одного следа. Они не шли — их тащили, несли! Возможно, такие же автоматы, какие мы видели.

— Ясно, — сказал Коробов. — Быстрее за ними!

Сжав в руке счетчик, он вышел обратно в коридор. Калве не отставал, только через несколько минут заметил:

— Тебе не кажется, что мы идем все время вверх?

— Похоже, — ответил Коробов. — Впрочем, может, это только кажется? А если и так, что с того?

— Ничего... — ответил Калве. — Интересно, куда этот ход нас приведет?

В конце концов он привел космонавтов опять к закрытой двери. Но теперь им уже было известно, как открывать двери в этом мире.

А за дверью был новый коридор. При входе в него им сразу бросилась в глаза голубоватая табличка на стене, покрытая какими-то видными и сквозь пыль ровными узорами из отрезков прямых линий. Калве громко вздохнул.

— Ну вот... — сказал он задумчиво.

— Что такое?

— А то, что это письменность. Значит, спутник все же населен разумными существами: автоматам письменные инструкции не нужны.

— Населен или был населен... Пойдем, — сказал Коробов, — потом будем разбираться.

Возле двери он нарисовал пальцем на слое пыли большое «К»: будет примета. Буква сразу же заиграла яркими красками.

Калве, заинтересовавшись, провел перчаткой — очистил от пыли небольшой участок стены.

— Это бы зарисовать, — сказал он, глядя на вьющиеся по стене, слабо светящиеся^ узоры. — Очень любопытно.

— Как только найдем наших, сфотографируем все, что сможем, а на Земле разберемся, — поторопил его Коробов.

Наверное, не стоило сейчас вспоминать о Земле... Пока что каждый шаг уводил их все дальше от нее, и лучше всего было заниматься делом.

Калве бросился догонять Коробова, который уже открывал новую дверь.

— Не пойму, — сказал Коробов после паузы, — это лаборатория, что ли?

Калве заглянул через его плечо.

Стены просторной комнаты заметно сужались — как будто художник переусердствовал, изображая перспективу. По обе стороны узкого прохода стояли на невысоких постаментах прозрачные прямоугольные ящики, до самого верха наполненные какой-то серой массой. Больше в комнате ничего не было, только разноцветные толстые щупальца кабелей тянулись во все стороны от ящиков в закрытых прозрачными крышками лотках и уходили куда-то через заднюю, самую короткую стену. Освещение здесь было другое — жаркое, с фиолетовым оттенком, совсем не похожее на тот серый, мерцающий сумрак, к которому Коробов и Калве уже начали привыкать.

Они подошли к одному из ящиков. В лучах света прозрачная поверхность его слегка отсвечивала. Всмотрелись. Калве сразу же заметил, что передняя стенка, через которую ясно была видна серая масса, только издали казалась сплошной. На самом же деле она состояла из множества небольших квадратов, а весь ящик оказался разделенным на секции, точно картотека. Калве осторожно потянул одну из крышечек — на него поехал, выдвигаясь, прозрачный лоток, наполненный серой массой. Тотчас же передняя стенка ящичка залилась мигающим красным светом. Калве отнял руку. Ящичек сам медленно втянулся обратно, красный свет погас.

— Черт его знает! — сказал Калве. — Может быть, из этого они и приготовляют свои пластмассы? Или нечто вроде плантаций, на которых они выращивают питательное вещество? На хлореллу не

похоже... В общем что-то непонятное. Тут надо осторожнее себя вести, ничего зря не трогать: хозяева обидятся, чего доброго... Да и напортить можно.

— Ни в коем случае, — согласился Коробов. — Питательное вещество? Не очень-то аппетитно выглядит...

Он снова выдвинул крайний ящичек, придерживая его пальцем, низко склонился, приблизил шлем к серому веществу, чтобы как следует рассмотреть неровную поверхность. Калве предостерегающе поднял руку, но было уже поздно. Голубая змейка вылетела из ящичка, на короткий миг затанцевала на шлеме пилота. Коробов стремительно разогнулся, взмахнул руками- за прозрачной пластмассой шлема Калве увидел его искаженное от боли лицо — и тяжело рухнул на пол, ударив при падении локтем прямо в середину медленно уползавшего на место ящичка. Снова прыгнула голубая змейка разряда. Калве схватил Коробова за плечи, оттащил на середину прохода, открыл ему подачу кислорода на полную мощность, стал делать искусственное дыхание — в скафандре это было совсем не легким делом... В момент, когда ему показалось, будто все уже бесполезно, Коробов открыл глаза, отстранил Калве, медленно поднялся на ноги.

— Нет, ничего... — сказал он. — Просто оглушило... Оказывается, это все под напряжением, и немалым. Пойдем-ка отсюда подальше, а то не ровен час...

Поглядывая на все пылавшую красным светом крышку ящичка, оба медленно пошли дальше по проходу мимо прозрачных хранилищ. Калве оглянулся. Тревожный красный огонек не гас. Почему-то неспокойно от него было на душе. Коробов успокаивающе сказал:

— Это он просто сообщает, что нормальный режим нарушен...

Они подошли к задней стене комнаты. Осторожно перешагнули порог.

Круглый просторный зал открылся перед ними. Очевидно, он являлся центром, вокруг которого располагались хранилища серой массы, образующие правильный круг.

Коробов успел уже мысленно набросать схему спутника — шара, разделенного, по его предположениям, на слои, каждый из которых играл определенную роль: нижний, откуда они поднялись, —

космодрома; этот — очевидно, сырьевой или пищевой базы. Впрочем, серая масса могла служить и для регенерации воздуха и мало ли еще для чего? Делать обобщения было, пожалуй, рано: они успели осмотреть лишь ничтожную часть спутника.

Все возраставшее беспокойство за судьбу товарищей не позволяло им задерживаться. У Сенцова и Раина скоро должен был кончиться кислород — оставались считанные минуты...

Они вышли в коридор, миновав по пути еще одно помещение с прозрачными ящиками. Коридор привел их опять к переборке, около которой Коробов нарисовал букву. Он был явно кольцевой, по внутренней его стороне располагались хранилища серой массы, а выводила из него лишь одна дверь — та, через которую они и пришли.

Это был тупик. Надо возвращаться к тому месту, откуда они начали поиски. Теперь стало ясно: ни Сенцов, ни Раин не шли этой дорогой.

Оглушенные этим открытием, космонавты стояли неподвижно. Коробов все еще сжимал в руке хрупкий приборчик.

— Но ведь счетчик! — уже во второй раз упрямо сказал Калве.

— Счетчик... — угрюмо сказал Коробов. — Но их здесь нет и не было. И нечего им здесь делать. Не людоеды же здесь живут, да и те скафандры не съели бы... Следов никаких. Ну, не будем терять времени. Все это когда-нибудь выяснится.

...Они почти бежали, надеясь больше всего (хотя ни один и не высказал этого вслух) на то, что Сенцов и Раин сами уже отыскали ракету и сейчас сидят в рубке, спокойно дышат кислородом и ждут их.

Подбежав к двери в тот ангар, где стояла их ракета, они внимательно осмотрели пол. Никаких новых следов не появилось.

Тогда они бросились дальше по коридору. Вот еще одна дверь. Калве с маху опустился на колени.

Прожектор осветил ясно отпечатавшиеся на пыльном полу знакомые следы магнитных присосков, какими были снабжены у каждого из них башмаки для ходьбы в условиях невесомости.

Следы уходили под дверь. Обратных не было — значит, Сенцов и Раин могли быть только там, за дверью. И Коробов торопливо нажал на запорную ступеньку.

Дверь не открылась.

Еще не веря в несчастье, они топали по ступеньке вновь и вновь, нажимали на дверь — как будто чем-то, кроме взрывчатки, можно было взять этот материал, кричали — как будто кто-то мог их услышать.

Потом оба просто сидели возле неповинующейся двери, по временам снова и снова пробуя открыть ее. У обоих была только одна мысль: если бы они сразу пошли сюда, налево...

И потом, уже вернувшись в ракету, они сидели в рубке, в креслах, не снимая скафандров, хотя это и запрещалось правилами. Они убеждали себя, что присели только на минутку и тотчас же вновь отправятся на поиски, хотя всем было ясно: это совершенно бесполезно: при самом экономном расходовании кислород у Сенцова и Раина кончился несколько минут назад.

Уже не было смысла следить за быстро бегущей по циферблату секундной стрелкой, но Калве не отрывал от нее глаз. Коробов сидел сумрачный, опустив глаза; прозрачный шлем его стоял рядом на полу; потирал лоб (нестерпимо болела голова) и слушал, что ему, размахивая руками, говорил Азаров.

Что он мог сказать? И чего теперь размахивать руками?

— Связь, связь надо было держать! — резко сказал Коробов. — Мы и то их услышали, а у тебя рация!

— Попробуй! — ответил Азаров, вертя рукоять настройки. — Вон какая чертовщина творится...

Действительно, в диапазоне между десятью и тридцатью семью сантиметрами в эфире творилось что-то непонятное: мяукало, пищало, иногда заливалось звонкой трелью, раздавались какие-то завывания. Потом вдруг все смолкало, слышались только невнятные хриплые звуки, а через небольшой промежуток времени все начиналось сначала.

Послушав эту какофонию минут пять, Коробов приказал выключить рацию, чтобы не тратить питание.

— А может, это местные жители нас вызывают? — неуверенно сказал Азаров.

— Чепуха, — ответил Коробов. — Мы облазили чуть ли не пол спутника — нигде ни следа. Я, конечно, не знаю, что значит этот писк, но...

— Я, кажется, знаю, — сказал Калве, не отрываясь от часов.

Оба посмотрели на него: Коробов — с интересом, Азаров — осуждающе. Калве отнимал у него последнюю надежду на спасение друзей, которые (окажись предположения Азарова правильными) могли бы найти приют у хозяев спутника...

— У нас просто не было времени подумать, — сказал Калве. — Если мы находимся в ангаре, предназначенном для ракеты (а мы, очевидно, находимся именно в ангаре, предназначенном для ракеты), и если нас, вернее — ангар, обслуживают автоматы (а его, судя по всему, обслуживают именно автоматы), то эти автоматические устройства должны откуда-то получать команды...

— Почему? — сказал Азаров. — Они могут и сами обладать...

— Логическими устройствами? Нет, не думаю, это противоречит принципу целесообразности. Тысяча арифмометров не заменит одной вычислительной машины... Так вот, все это дает нам основание предположить наличие достаточно сложных кибернетических устройств, ведущих управление автоматами и контроль за ними. Такой центр непременно где-то в спутнике имеется. Автоматы, как мы с Коробовым видели, не получают информацию по проводам. Нет у них контакта и с полом ангара. Следовательно, команды им передаются по радио. Вот источник этих сигналов.

— Стоп, стоп! — сказал Азаров. — Радиоволны-то сквозь стену не проходят...

— Это естественно, — сказал Калве. — Автоматов должно быть много, частот в ограниченном диапазоне — меньше. Ангар тут не один... Значит, надо, чтобы автоматы, работающие на одной и той же волне, получали команды избирательно.

— Волноводы, очевидно. — задумчиво сказал Азаров. — Наверное, волноводы. И вы смогли услышать Сенцова и Раина только потому, что в этот момент находились где-то на концах одного и того же волновода.

Упоминание о друзьях переполнило чашу терпения Коробова. Он и так еле сдерживался: все нестерпимее (верно, от электрического удара в комнате с серой массой) болела голова, ныла рука, а Калве тут развел теорию, прямо хоть лекторий открывай, а мальчишка Азаров развесил уши и еще сам начинает строить гипотезы, а когда надо было держать связь, то он развлекался тем, что слушал всякое тарахтенье... Коробов с трудом поднял тяжелую голову, почувствовал: еще несколько минут, и он свалится здесь просто от недостатка сил.

Он медленно разогнул спину, тяжело поднялся с кресла. Азаров в это время спрашивал:

— А эти автоматы, которые вы видели, они, по-твоему, что делают?

— Летают, — мрачно сказал Коробов. — Свистят. Больше ничего не делают. А вот нам бы не мешало начать и делать что-нибудь... для разнообразия, что ли.

Калве насупился, стал медленно краснеть. Коробов выругал себя: еще недоставало перессориться!

— Осмотр ракеты не закончен, — продолжал он. — Пойдем составим на месте план действий. Помочь нам никто не поможет, а засиживаться здесь мы не собираемся... С тобой пойдем — сказал он Азарову (тот торопливо закивал, потянулся к шкафу за скафандром). — А ты, Лаймон, разденься, подежуришь в рубке, потом сменишь одного из нас.

— Пока что я попытаюсь рассчитать... — начал Калве. — Погоди, в чем это скафандр у тебя?

Он потянул Коробова за локоть ближе к свету.

— Грязь какая-то. Да, наверное, эта серая масса. Когда это я успел?

— Когда падал, — сказал Калве. — Я вспомнил: ты локтем ударил прямо в лоток. — Он соскоблил с рукава Коробова темно-серые крошки непонятного вещества. — Рассмотрю их, попытаюсь понять, что же это такое. Явно органическое вещество. Иногда по структуре можно многое понять...

Калве включил рацию, кивнул товарищам. Они надели шлемы и скрылись за дверью выходного отсека. Калве остался один в ракете. Теперь здесь было непривычно тихо. Не слышалось тонкого стрекочущего шороха телеустановок, не гудела вычислительная машина,

сверявшая курс корабля с программой, стрелки большинства приборов бессильно откинулись на нулевые ограничители. Калве поежился: тишина была неуютной, нехорошей; только легкое гудение рации напоминало о том, что в мире есть веселые, бодрые звуки.

Калве решил быстрее заняться делом, чтобы не замечать этой тишины. Нарочито громко шаркая подошвами, подошел к маленькому шкафчику; в нем был смонтирован портативный электронный микроскоп.

Он отделил крупинку серого вещества и включил ток. Долго смотрел на экран, осторожными движениями пальцев регулируя фокусировку, потом прильнул к окошечку. Определенно, вещество имело клеточное строение, и это была не колония простейших, а какой-то многоклеточный организм. Клетки вытянутые, с длинными отростками. Калве всматривался в них до боли в глазах, забыв обо всем на свете...

Коробов и Азаров вернулись через полчаса. Обследование не дало ничего утешительного: значительная часть элементов солнечных батарей разбита при посадке. Вышел из строя телеприемник заднего обзора, оторваны два посадочных амортизатора. Придется поработать, чтобы привести все в порядок...

Но это и нужно было сейчас каждому: работать, работать изо всех сил, чтобы хоть немного заглушить глубокую скорбь о погибших друзьях и не впасть в апатию — первый признак обреченности.

Об этом думал Коробов, ожидая в тамбуре, пока вихрь ультрафиолетовых лучей очистит на нем скафандр. Почему Калве не встречает? Пока Азаров стаскивал шлем, Коробов заглянул в рубку.

Калве сидел за столом, опустив голову, даже не повернулся на звук открываемой двери.

— Ты что, заболел, что ли? — спросил Коробов. Голос его гулко прозвучал из динамика: он еще не успел снять шлем и говорил через рацию. — Что стряслось-то?

Калве открыл глаза, облизал губы.

— Знаешь, почему погибли Сенцов и Раин?

— От недостатка кислорода, — ответил Коробов, сразу рассердившись на Калве за то, что он заговорил о вещах, о которых говорить пока не следовало. — А ты что, сомневаешься?

— В конечном итоге — да, от этого, — губы Калве скривились, он умолк. — В конечном итоге... — снова начал он после паузы. — Недостаток кислорода — это был топор... А ударили топором мы с тобой.

Коробов быстро подошел, обнял его за плечи. Калве, дернувшись, сбросил его руку.

— Нет, я в своем уме, — сказал он очень спокойно и устало. — Я не брежу... Не брежу, да... — он протянул Коробову предметное стекло с крупинкой серой массы, уже покрывшейся сверху каким-то странным, коричневого цвета налетом. — Я рассмотрел. Ты знаешь, что это?

— Ну, питательное вещество или что там... Нет? Ну, что же?

— Нет, не питательное вещество. Это ткань, можно даже сказать — живая ткань, состоящая из клеток, подобных клеткам головного мозга...

— К нам-то она имеет какое отношение?

— Мы знаем, что здесь должен быть кибернетический центр, — продолжал Калве. — Мы его нашли, только не догадались, потому что все это было слишком не похоже на наши земные кибернетические устройства. Вот эти прозрачные ящики и есть машины, очевидно, с высочайшей степенью надежности... Вместо наших микромодулярных или молектронных схем у них работает органическое вещество, понимаешь? Мы с тобой невольно повредили какую-то часть схемы, мы...

— Искусственный мозг, что ли?

— Ну, не мозг, конечно. Все это гораздо примитивнее. Не мозг, но большая кибернетическая машина, решающее устройство. А мы...

— А какое отношение все-таки это имеет к нашим? — мрачнея, спросил Коробов.

— Ну как можно не понимать! Здесь, очевидно, вся автомат тика управляется из центра. Это облегчает работу и контроль. Об этом я догадывался и раньше. Ты понял, почему у них эти машины располагаются секционно, по комнатам? Наверное, весь спутник разделен на

секции, как апельсин. Каждой секцией управляет своя машина. Это целесообразно: спутник не лишается жизнеспособности даже при выходе из строя одной или нескольких секций... Так вот, мы испортили ближайший к выходу блок машины. Помнишь красный свет? Он указывал на неисправность. Мы этого не знали. Да если бы и знали, исправить не смогли бы. Машина отказала, и весь комплекс ее автоматов, вся секция выключилась. Это, очевидно, тот случай, когда хозяева спутника вмешивались в работу автоматов: машина сама ремонтироваться, по-видимому, не может. Мы не знали. Но надо было предвидеть, надо! Как будто возможности техники исчерпываются нашими земными схемами! Чушь, ерунда...

Калве умолк, спрятал лицо в ладони. Коробов снова положил руку ему на плечо.

— Давай одевайся. Придется тебе идти, без тебя я не разберусь. Посмотрим на месте, что там можно сделать. Хоть так...

Калве понял недосказанное: хоть так мы их вновь увидим, сможем отдать последний долг.

Он молча встал, увидел — в дверях рубки стоит Азаров.

— Куда вы собрались? Калве совсем больной, да и ты... Что с тобой случилось? В таком виде идти нельзя.

Коробов молча отстранил его. Азаров отскочил к стене, схватился за маховичок аварийного закрывания, крикнул.

— Не выпущу, клянусь! Отдохните хоть час, полчаса!

Коробов остановился и удивленно, как будто впервые увидел, посмотрел на Азарова; понял — действительно не выпустит.

— Ладно... Отставить выход, раздеваться. Тридцать минут отдыха.

Уже из каюты Коробов угрожающе сказал:

— Но, чтобы через полчаса...

Азаров плотно затворил дверь, включил электрический сон и, вернувшись на место, стал пристально смотреть в микроскоп на крохотную частичку серого вещества* Но, посмотрев минуту, не выдержал, плечи его задрожали...

9

Только часа через два нашли они силы выйти из ракеты. Калве все же отговорил Коробова от немедленного похода в кибернетический центр: были и более неотложные дела. Решили, что пилоты сразу примутся за ремонт, Калве же сходит наверх один и посмотрит, нельзя ли каким-либо образом восстановить управление тем отсеком, где на пыльном полу лежат бездыханные тела товарищей.

Калве, тяжело ступая, направился к выходу из отсека. Коробов сказал вдогонку:

— Ты, Лаймон, только там не перемудри — видишь, как с ними осторожно надо.

— Постараюсь, — коротко ответил тот.

Перед тем как выйти из отсека, Калве проверил укрепленный на шлеме скафандра инвертор. Аппарат этот давал возможность увидеть на особом экране сеть электрических токов, даже если провода будут изолированы или скрыты: улавливая возникавшее вокруг проводников магнитное поле, инвертор преобразовывал его в видимое изображение. Прибор применялся для ремонта электрических сетей ракеты, но Калве надеялся использовать его и при исследовании устройства здешних кибернетических машин.

Он уже совсем собрался открыть дверь в коридор, и в этот момент Коробов сказал:

— Опять автоматы...

Голос его раздался одновременно во всех шлемах, Азаров и Калве обернулись. Открылось несколько люков в стенах ангара — до этого, припорошенные пылью, крышки их неразличимо сливались с гладью стен; из люков показались странные конусообразные механизмы, увенчанные сверху гребнями наподобие того, как украшались некогда шлемы римских легионеров.

Машины медленно продвигались вперед в полной тишине. Двое на эстакаде и Калве перед дверью смотрели на них с любопытством и тревогой.

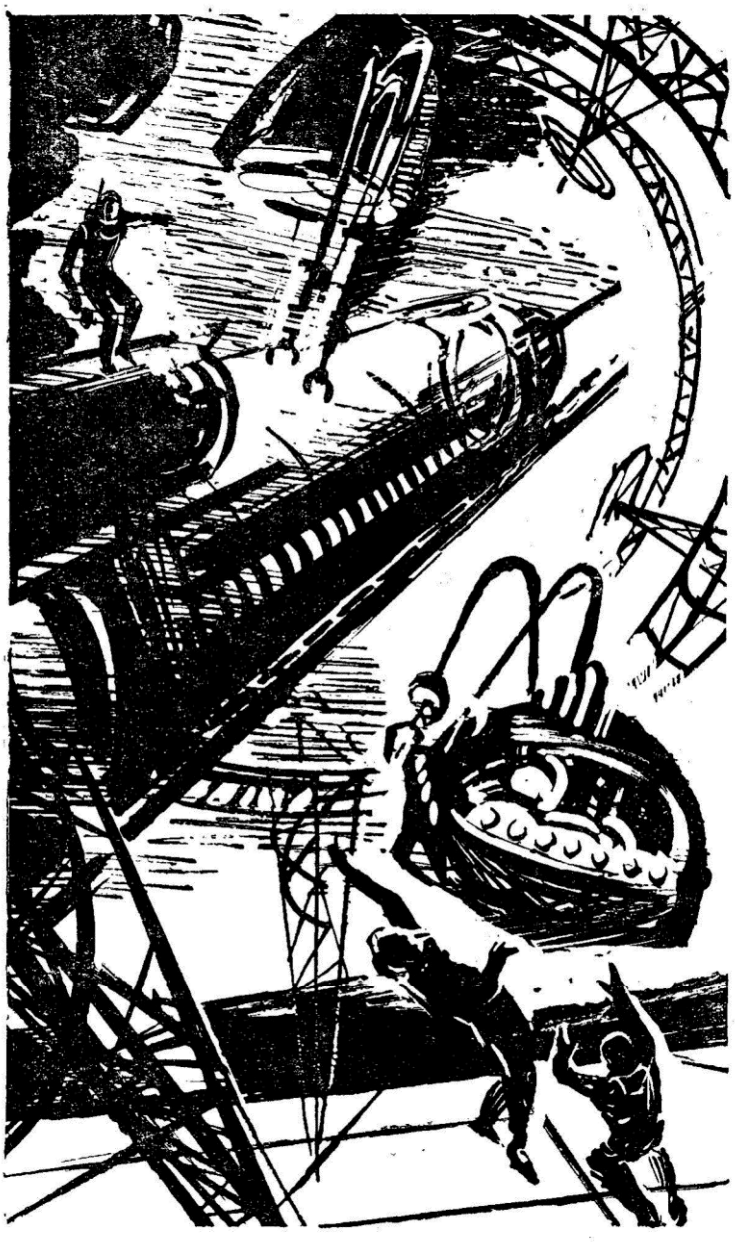
Роботы подплыли чуть ближе, и стало ясно видно, что «гребни» их состоят из множества тонких и гибких рычагов. Они чуть

двигались, плавно, во все стороны, словно механизмы, разминали, как пианисты, пальцы.

— Ого, это сколько же у них степеней свободы? — сказал Азаров.

— Мне это очень не нравится, — сказал Калве встревоженно. — Это похоже на...

И в этот миг — словно его слова были командой — роботы резко изменили направление, разделились на две группы, одна из них направилась к головной части, другая — к корме ракеты. Щупальца зашевелились, вытянулись вперед.

— Держите их! — крикнул Калве, бросаясь к ракете.

Сверкнул радужный разряд, за ним еще и еще один...

— Осторожно! — изо всех сил крикнул Коробов. — Держаться подальше!

Над ракетой взвились струйки голубого дыма. Сквозь них было смутно видно, как роботы в двух местах словно присосались изогнутыми рычагами к бортам ракеты. Снова блеснул разряд, за ним целая серия, а потом разряды слились в сплошное пламя. Язык его был, как факел газовой горелки — только газ не мог бы гореть в

этой атмосфере, — и так ярок, что слепило глаза. Казалось, вокруг ракеты запылал весь воздух.

Закрывая глаза от нестерпимого сияния прижатыми к лицу пальцами, Калве все же рассмотрел, что огненный язык вонзился в тело корабля и медленно повел тонкую линию разреза...

— Ракета! — только и успел вскрикнуть он, и тотчас же Коробов дико заорал: «Бей!» — и бросился на ближайшего к нему робота. Тут уж было не до вежливости, не до межпланетной дипломатии, — происходило самое настоящее нападение на корабль, и надо было защищаться.

Коробов, размахнувшись, рубанул по ближайшему роботу, но инструмент отскочил от непроницаемого панциря. Автоматы работали, словно бы никто и не пытался им помешать, и разрезы в теле ракеты все углублялись и углублялись; они шли так ровно, будто ракета лежала на операционном столе, под ножом опытнейшего марсианского хирурга, в окружении целой свиты огнедышащих ассистентов.

— Надо опрокидывать! — крикнул Калве, и все втроем навалились на робота, висевшего невысоко над полом, пытаясь перекосить его, оттащить в сторону. Но конус сразу же принял прежнее положение (очевидно, его равновесие регулировали специальные устройства), один из рычагов медленно, словно бы нерешительно, изогнулся, потянулся к Азарову. Коробов едва успел, подставив подножку, швырнуть Азарова на пол.

— С ума посходили! А если он ударит? — крикнул он. — Так мы их не остановим...

Короткий грохот прокатился по залу. Из кормы ракеты вырвался огненный меч, ударил в подвернувшегося робота. Тот мгновенно

покрылся пузырями, щупальца его бессильно свернулись. Через секунду изуродованный механизм опрокинулся набок, рванулся, как бы из последних сил, в сторону и рухнул на дрогнувший пол.

Казалось, покинутый людьми корабль решил обороняться своими силами. Потрясенный этим зрелищем, Коробов подпрыгивал на месте, сжав кулаки, кричал: «Дай им еще... еще дай!» И вдруг с ужасом понял, что произошло: автоматы задели своими горелками топливные баки. Топливо не могло вспыхнуть в инертной атмосфере, но, видимо, какой-то не в меру усердный робот вспорол и бак, в котором содержался окислитель.

В любой миг мог произойти взрыв, способный разнести весь ангар! Коробов хотел уже крикнуть, чтобы товарищи спасались...

Но в этот момент огненный смерч погас. Остальные роботы вытянули по одному щупальцу в сторону бушевавшего пламени. Взвилось коричневое облачко, и пламя сразу опало.

Затем снова раздались гулкие удары: это почти одновременно в носовой и кормовой частях ракеты обрушились на пол два вырезанных куска оболочки. И сразу же, словно только этого они и добивались, роботы втянули щупальца и начали медленно удаляться в сторону открытых люков, из которых так внезапно недавно появились.

Атака по непонятной причине прервалась, но в любой миг можно было ожидать ее повторения. Надо было спасать из корабля все, что еще можно спасти...

Коробов торопливо нашел аварийную кнопку. Люк и внутренняя дверь распахнулись настежь. Калве, преодолевая сопротивление вырывавшегося из ракеты воздуха (теперь было уже не до него), бросился в отсек, где хранились переносные баллоны кислородного резерва, обхватил один, с усилием приподнял и по узкому коридорчику, цепляясь за стены то баллоном, то скафандром, потащил к выходу. Коробов бросился в аккумуляторную: на всякий случай следовало подумать о спасении хотя бы части аккумуляторов; остаться без энергии было вряд ли лучше, чем без кислорода или продовольствия, спасением которого сейчас занялся Азаров.

Поставив баллон на пол, Калве бросился за следующим, но не мог не забежать по дороге в рубку — больше всего его заботили кибернетические устройства ракеты, скрытые за облицовкой стен...

Он пробыл там не более минуты и вышел с бледным лицом, пошатываясь: настолько ужасной была картина разгрома, которую он увидел. С ожесточением он вцепился в очередной баллон, взвалил его на плечо, поднатужился и захватил еще один под мышку.

Еще не понимая, что ракета потеряна, они продолжали спасать из нее все, что возможно. Азаров швырял из люка резервные блоки рации, прозрачные мешки с продовольствием и аварийным запасом воды — его везли с собой на случай выхода из строя регенерационного устройства, и вот теперь он пригодился: регенерационные аппараты вытащить из ракеты было невозможно. Коробов вынес из рубки бортовой журнал вместе с микрофоном и хранилищем магнитных лент. Осторожно положив его на пол, он, перед тем как снова влезть на эстакаду, спросил у Калве:

— А может, они совсем ушли? Может, наконец, вмешаются эти?..

Калве поднял лицо, по которому — видно было — стекали струйки пота, на миг задумался, прежде чем ответить, и замер, увидев, как медленно поднялась, уползла вверх пластина входной двери. Он выпустил из рук только что вынесенную им из ракеты коробку с пленкой, она покатилась по полу... Коробов застыл в оцепенении.

На пороге появились странные фигуры. Примерно такого же роста, как и люди, они медленно, неуверенными шагами опасливо и осторожно продвигались вперед. Они держались прямо, передвигаясь, как и люди, на двух конечностях и неуклюже размахивая, несомненно, руками. Их было только двое.

Молча, широко раскрыв глаза, Коробов и Азаров всматривались в надвигающиеся фигуры в черных, мешковато сидевших скафандрах. В цилиндрических шлемах не виднелось ни одного прозрачного окошка, позволявшего бы увидеть облик пришельцев.

Коробов пробормотал:

— Вот они... хозяева!

Азаров не выдержал и срывающимся голосом закричал:

— Немедленно... немедленно прекратите! Вы же разумные существа! Что вы наделали?!

Он кричал, не думая, что хозяева спутника могут его и не услышать, а даже услышав, не поймут...

Вошедшие ускорили шаги. Они двигались один чуть впереди другого и, казалось, вовсе не собирались вступать в переговоры. Вот первая черная фигура, неуклюже переваливаясь, побежала к ракете, за ней, точно, только с некоторым запозданием, повторяя все ее действия, побежала и вторая... Калве в оцепенении наблюдал за почти человеческими движениями этих представителей неведомого мира. Они торопились, очевидно, завершить работу, начатую послушными им автоматами.

Азаров вырвал из зажима универсальный инструмент, и когда первая из бегущих фигур поравнялась с ним, резко шагнул вперед. Калве трагическим жестом поднял обе руки, Коробов весь напрягся, рванулся вперед: то ли оттащить Азарова назад, то ли помочь ему, если разгневанные хозяева начнут с ним расправляться, — он и сам как следует не успел сообразить.

Столкновения не произошло. Видимо, хозяева были не драчливы. Они даже не попытались защищаться. Только одна из фигур — та, что повыше ростом, — пробегая мимо, на миг остановилась, подняла руку и вполне понятным, совершенно человеческим, укоризненным жестом постукала себя по шлему. Азаров от неожиданности отскочил, нервно засмеялся...

Чужие, цепляясь за эстакаду, лезли в ракету. Вот они уже скрылись в люке. Тогда и люди стряхнули оцепенение, бросились за ними: в тесной ракете хозяева не смогли бы уклониться от объяснений. Коробов вскочил в люк первым, тяжело переводя дыхание, огляделся. Никого не было. Он бросился в рубку — и там пусто. Тогда он побежал по коридору в другую сторону. За ним, громко топая, бежали подоспевшие Азаров и Калве.

Пришельцы оказались в кислородном отсеке. Они торопливо вытаскивали из зажимов заряженные кислородные баллоны — те самые, служившие для питания скафандров. Потом завозились, помогая друг другу.

Земляне стояли неподвижно, угрожающе, загораживая выход из тесного помещения. Азаров все еще сжимал в руке универсальный инструмент. Калве лихорадочно соображал, как завязать разговор, как найти общий язык, попытаться объяснить, что произошло какое-то недоразумение, попросить у хозяев помощи, которую они, разумеется, могли оказать...

В это время обе фигуры выпрямились. Черные скафандры распахнулись, упали — и под знакомым прозрачным шлемом Коробов увидел бесконечно дорогое разъяренное лицо Сенцова.

10

С опаской, как бы чего не задеть, не сдвинуть с места, пятеро космонавтов медленно пробирались по коридору чужой ракеты.

Свой корабль, честно служивший с самой Земли, решили покинуть временно, как они говорили, хотя в душе каждый понимал, что дорогая сердцу ракета больше никогда не взлетит. Слишком велики оказались повреждения, причиненные взбесившимися роботами; в обшивке ракеты прорезаны два широких отверстия: одно в носовой части, второе недалеко от кормы корабля. Ракета была разгерметизирована, а главное — в полную негодность приведены кибернетические устройства, оказавшиеся как раз на пути раскаленных струй горелок. Восстановить их, как сказал после беглого осмотра Калве, невозможно, а лететь без них нечего и думать.

Поэтому космонавты сделали то единственное, что им оставалось: сняли с ракеты все, что могло представлять для них какую-нибудь ценность, и перенесли в чужой корабль. Здесь хоть можно было снять скафандры и отдохнуть, подумать, что делать дальше.

Умом они понимали: случилось непоправимое. Но сердце отказывалось верить, что всякая надежда вернуться на Землю отрезана и долгие годы — или сколько им еще осталось жить — им суждено провести на этом спутнике. Пожалуй, выражение «долгие годы» было чересчур оптимистичным: из своей ракеты им удалось спасти лишь кислородный резерв. Демонтировать регенерационные установки в этих условиях без специальных механизмов было невозможно.

Правда, в чужой ракете тоже был кислород, но сколько его еще оставалось в резервуарах, неизвестно; подача могла прекратиться в любую минуту.

А если и хватит кислорода, то впереди их подстерегают еще голод и жажда: когда будут исчерпаны все запасы, имевшиеся в ракете и рассчитанные лишь на время рейса, с небольшим аварийным резервом.

...Но так или иначе, отсрочку они получили. Сейчас Сенцов и Раин, уже побывавшие в здешней ракете, уверенно вели товарищей.

Космонавты миновали одну поперечную переборку. За ней коридор сразу расширился, пол его был выложен странными, неправильной формы плитками. Космонавты шли, и все время их преследовало чувство неловкости, какое охватывает человека, случайно попавшего в чужую квартиру в отсутствие хозяев, когда на каждом шагу открываются какие-то неожиданные, интимные, милые для посвященных, но ничего не значащие для посторонних подробности.

Вне ракеты этого чувства не было, как не было и самого ощущения дома: слишком уж обширными, на земной взгляд, выглядели и ангар и весь спутник и слишком ясным было сугубо техническое назначение всех его помещений и устройств. Здесь же были другие масштабы, сравнимые с земными, и те самые подробности и мелочи, какие только и делают живым всякое жилье, подробности, указывающие не только на мысль, но и на чувство разумного существа: узор пола, странная, незаметно переходящая одна в другую окраска стен — с разных точек зрения одно и то же место воспринималось то зеленым, то золотистым, а то вдруг густо-синим, с какими-то светлыми прожилками. Осветительные плафоны в точности повторяли форму самого корабля; зеркальные пластины у дверей: неведомым хозяевам свойственно было, видимо, стремление к нарядности, к праздничному блеску (а для настоящего звездолетчика всегда был и останется праздником каждый полет). Все это делало их существами, во всяком случае, понятными.

Обменявшись несколькими фразами по этому поводу во время краткой передышки в коридоре, космонавты двинулись дальше.

— Далеко вы нас ведете? — спросил Коробов, покряхтывая под тяжестью большого резервного баллона с кислородом.

— Не знаю, так далеко мы с Раиным не заходили... — ответил Сенцов. — Думаю, надо пройти в самый нос, расположиться там, а потом уже... ох!

Переборка была прозрачной, и Сенцов, шедший чуть впереди, не разглядев, налетел на нее. Несмотря на прозрачность, она обладала, похоже, твердостью легированной стали. Сенцов ожесточенно тер ушибленный локоть.

— Вот тебе на... Что же, дальше и пройти нельзя?

— Вот именно... — сказал подошедший Раин. Он тщательно ощупал переборку: в ней не было и намека на дверь.

— Так... — зловеще сказал Сенцов. — Опять начинаются загадки. Откровенно говоря, у меня пропало всякое желание их разгадывать. Но придется поискать, как же она убирается...

— Тогда только без меня, — мрачно сказал Коробов, отступая назад. — Я тут что-либо нажимать или открывать категорически отказываюсь. Хватит с меня одного приключения!

Сенцов улыбнулся, но на всякий случай тоже отошел подальше от перегородки.

— Что же, — спросил сзади Азаров, — так и будем стоять в коридоре?

Тогда Сенцов, рассердившись, решительно открыл ближайшую из боковых дверей. Она плавно укатилась вбок, в стену.

Их взглядам открылась довольно обширная комната. Она производила странное впечатление: по двум стенам ее хитро переплетались прозрачные и непрозрачные трубки, висели сосуды причудливой, невиданной на Земле формы; низкие шкафчики — на их дверцах тускло голубели выключенные экраны.

— Лаборатория какая-то, — сказал Сенцов.

— Комфортабельная лаборатория, — сказал Раин, указывая на занимавший всю середину комнаты низкий стол в форме буквы «S». Около него находились две бесформенные, как показалось на первый взгляд, кучи какого-то светлого вещества. Раин подошел, тронул рукой поверхность одного возвышения. Она мягко поддалась. Он уселся

— часть бесформенного возвышения полезла вверх, словно он вытеснил ее весом своего тела, образовала подобие спинки. Раин откинулся на нее, положил руки на колени, сказал с удовольствием:

— Удобно...

Не вставая, он оглядел цветные занавеси, висевшие на одной из стен. Они даже с земной точки зрения гармонировали с нежной окраской стен.

Войдя в комнату, остальные космонавты сложили на пол свой груз и теперь тоже с любопытством осматривались. Азаров присел на стоявшее поодаль, в самом углу, ложе из такого же, как кресло, непонятного материала. Ложе опустилось под ним, обхватило его со всех сторон... Сенцов подошел, сел рядом, сказал:

— Противоперегрузочное устройство, что ли? Сидишь на нем — веса своего не чувствуешь.

Коробов разглядывал стены. На них кое-где виднелись неправильной формы выступы, похожие на рамки, но пустые — ни рисунков, ни фотографий, чистая белая поверхность.

Кроме ложа и столика с двумя креслами, в этой части каюты ничего не было, хотя места оставалось столько, что, по замечанию Азарова, могла бы танцевать не одна пара. На стенах виднелись какие-то головки, кнопки. Нажимать их и вообще что-нибудь трогать Сенцов сразу категорически запретил, хотя и у самого чесались руки.

— Нельзя, — сказал он в ответ на обиженное возражение Азарова. — Не говоря уже о том, что здесь в любую минуту, могут оказаться хозяева...

Насчет хозяев он сказал с неким умыслом. Все были подавлены набегавшими одно за другим событиями. Следовало дать ребятам возможность выговориться, отвести душу. А о хозяевах спутника и этого корабля наверняка захотят поговорить все.

Так оно и получилось.

— Насчет хозяев — это старая песня, — сказал Азаров. — Кто их видел? Никто. Кто видел хотя бы их след? Тоже никто. Уж если ни один из них не счел нужным до сих пор показаться — значит, на всем спутнике нет ни одной живой души. Одни автоматы.

— Допустим, — отозвался Коробов. — Их действительно сейчас может и не быть на спутнике. И тем не менее не исключено, что в любую минуту они могут появиться.

— Откуда? — запальчиво спросил Азаров. — Из воображения? Оно не у всех такое необузданное, как у тебя...

Коробов пропустил выпад мимо ушей.

— Почему из воображения? С планеты... От Марса нас отделяют всего двадцать три тысячи километров. Для такой вот ракеты расстояние пустяковое. Предположим, что спутник действительно автоматизирован до предела. Но время от времени сюда могут являться и его настоящие хозяева, ну, для контроля, что ли, для наладки... А кто может поручиться, что те же автоматы не сообщили им о нашем прибытии и сейчас их ракета уже не находится где-нибудь поблизости?

— Поручиться, конечно, трудно... — сказал Раин. — Но все же это кажется маловероятным.

— Почему?

— Потому, что это не дает ответа на один вопрос: почему в течение всех этих лет, обладая такой первоклассной стартовой площадкой для космических путешествий, как этот спутник, и такими кораблями, как тот, в котором мы находимся (он похлопал ладонью по креслу), они до сих пор не посетили Землю?

— Вопрос не новый, — сказал Сенцов.

— Тем не менее закономерный. Ответ может быть, как я считаю, только один: они не посетили нас потому, что их здесь давно нет.

— Как давно? — спросил Азаров.

— По меньшей мере, с тысяча девятьсот восьмого года...

— Но что же могло произойти на планете за несколько десятков лет?

— А почему обязательно на планете?

— Ну, знаешь ли, — сказал Коробов, — это уже несерьезный разговор. Что же, по-твоему...

Сенцов с удовольствием слушал разгоревшийся спор: все, казалось, и в самом деле забыли, в каком положении очутились. Три голоса звучали, переплетаясь... Кстати, почему только три?

Сенцов перевел взгляд на Калве. Тот как вошел в каюту, так и стоял возле двери, даже не присел, только положил на пол свой мешок с водой. Он даже не открыл, как другие, шлем скафандра, и лицо его за отблескивавшей пластмассой было плохо различимо.

— Лаймон, а ты как думаешь? — спросил Сенцов.

Калве не пошевелился. Тогда Сенцов встал, подошел к нему, крепко тряхнул. Калве медленно откинул шлем: лицо его неузнаваемо осунулось, редкие волосы были взъерошены, глаза упрямо прятались за веками.

— Да что с тобой?

— Ничего... — ответил Калве, едва разжав губы. — Устал.

— Так хоть сядь отдохни...

— Да, благодарю, — сказал Калве вежливо. — Я действительно сяду отдохну...

Он уселся во второе кресло, откинул голову, закрыл глаза. Спор прервался, и Сенцову подумалось, что и самих спорящих сейчас

интересовал не столько предмет спора, сколько сам разговор, чтобы можно было хоть несколько минут не думать о том, о чем не думать было нельзя.

— Ну, так до чего же договорились? — весело спросил Сенцов.

— До того, что на хозяев рассчитывать не приходится, — криво усмехнулся Азаров. — Выбираться придется самим... Ну ладно, об этом еще успеем... Вы бы хоть рассказали, как вам удалось выбраться.

— Это у него спрашивайте, — Сенцов кивнул на Раина. — Я играл, так сказать, чисто страдательную роль. Очнулся в тамбуре ракеты, а потерял сознание еще внизу. Это он и люк разыскал и меня перетащил... Как ему это удалось, не понимаю.

— Я и сам не понимаю, — улыбнулся Раин — Сказали бы раньше — не поверил.

— Ну, а потом мы тут немножко осмотрелись, хотели определить хотя бы, откуда поступает кислород и нельзя ли нам подзарядить свои баллоны. Надежда, конечно, фантастическая. И, понятно, никаких баллонов и зарядных установок не нашли. Далеко заходить не стали — хотелось скорее выбраться к вам, да и, кроме того, надоели уже всякие неожиданности вроде дверей, которые не желают открываться...

Коробов смущенно закашлялся, Сенцов улыбнулся.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается... Словом, на помещение со скафандрами мы наткнулись совершенно случайно, — это была ближайшая к выходу дверь. Ну, и нам, естественно, пришло в голову испробовать, а нет ли в скафандрах кислородного заряда.

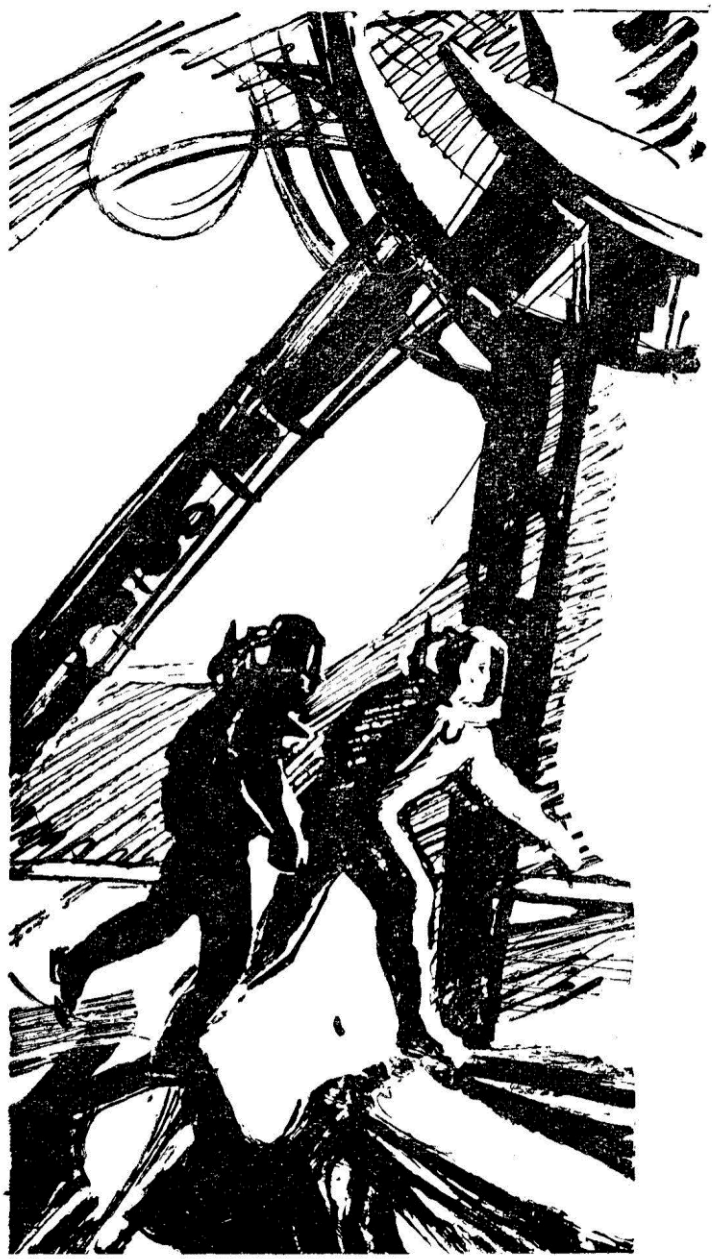
— Это тебе пришло в голову, — сказал Раин. — Я бы на это никогда не решился. Шутка ли, надеть чужой скафандр, на котором ни баллонов нет, ничего похожего...

— Ну, я тогда об этом не очень задумывался, — сказал Сенцов. — Все это получилось как-то внезапно. Я открыл эту дверку...

— Ага, вот это — скафандры! — сказал Сенцов.

Двенадцать скафандров стояли, распяленные зажимами. Они не могли быть не чем иным, как скафандрами, и рассчитаны были явно

на существа прямо ходящие, с двумя верхними и двумя нижними конечностями. Только высотой эти существа должны быть, пожалуй, не меньше двух метров.

— Ну вот... — сказал Сенцов. — Вот такими они и были...

Забыв о поисках кислорода, оба рассматривали скафандры, мяли пальцами материал, вглядывались. Сделаны они были из какого-то непонятного, на ощупь мягкого, эластичного вещества черного цвета.

— Да, великаны, — тихо сказал Раин.

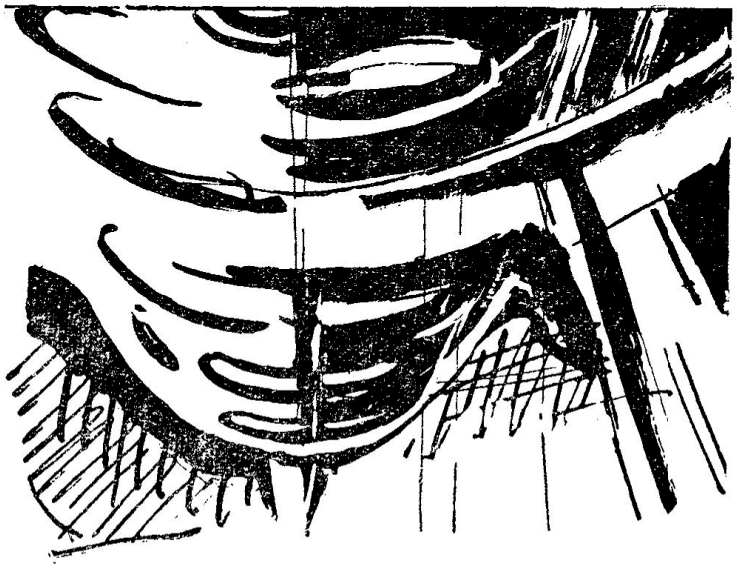
— Почему только шлемы у них непрозрачные? — сказал Сенцов негромко, будто разговаривая сам с собой. — А нука...

Он осторожно высвободил из зажимов один скафандр.

— Помоги-ка... — не снимая своего скафандра, он сунул ноги в чужой, напоминавший комбинезон с расстегнутым от пояса до ворота верхом.

— Ты в нем утонешь, — сказал Раин, которому эта примерка казалась по меньшей мере ненужной.

Сенцов влез в комбинезон. Рукава и штанины сложились гармошкой. Раин откровенно рассмеялся.

— Ладно, ладно, — ворчливо сказал Сенцов, — хорошо смеется тот... Только как его застегивают?

— На одну пуговицу, как летний костюм, — сказал Раин, все еще посмеиваясь: уж очень комичным выглядел Сенцов в скафандре «на вырост». Пуговица, на которую указал Раин, находилась там, где должна была быть пряжка пояса, если бы скафандры имели пояса.

— На пуговицу? — с сомнением сказал Сенцов. Скептически повертел пуговицу двумя пальцами. Она послушно повернулась, и разрез комбинезона начал медленно исчезать, словно невидимая «молния» соединяла оба его края так, что не оставалось даже следа.

— Можно и на пуговицу, — победоносно сказал Сенцов. — Ага, а это, очевидно, для шлема... Ясно. Ну, одевайся.

— Зачем? — спросил Раин.

— Сейчас я надену шлем. Не думаю, чтобы скафандры стояли у них не готовые к выходу. Это противоречит логике... Значит, в них должен быть кислород. Если это действительно так, в них мы дойдем до ракеты.

— А если...

— А если нет, тогда... Тогда ты еще раз спасешь меня.

...Через несколько минут оба с надетыми шлемами уже стояли перед входным люком. Странно: кислород в скафандры поступал, хотя никаких баллонов не было.

За ними захлопнулась дверь, закрывая вход в ракету. Потом стал медленно втягиваться люк.

— Смотри! — вскричал Раин. — Смотри-ка, свет!

Сенцов его не услышал: радиосвязь в этих скафандрах — если она была — они не сумели включить. Раин не видел и лица Сенцова: снаружи шлемы казались непрозрачными, хотя изнутри все было отлично видно. Но Сенцов и сам увидел свет и порывисто поднял обе руки, словно вместо этого неверного, дрожащего сумеречного освещения увидел настоящее земное солнце...

Медленными шагами они пересекли зал. Руки и ноги тонули в складках скафандров. Оба думали об одном и том же: раз есть свет, почему бы и дверям не оказаться в порядке?..

И действительно, дверь открылась легко, словно это и не она заставила их пережить нелегкие минуты. Сенцов бросил прощальный взгляд на чужую ракету.

— Ну, — сказал он ей, — пока...

Но, конечно, он не думал, что свидание состоится так скоро и таким образом. Иначе он, возможно, и не стал бы говорить «пока».

— ...Иначе я не стал бы говорить «пока», — закончил Сенцов. — Вот так все и случилось... Кстати, из ваших объяснений я понял, почему мы оказались взаперти. Но отчего механизмы снова начали действовать?

Коробов взглянул на Калве. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами: уж не заснул ли от усталости? Коробов потянул его за рукав. Тогда Калве медленно, как сквозь сон, ответил:

— Что же удивительного, машина такой мощности имеет возможность вместо неисправной подключить другую секцию. А может быть, это вещество регенерирует. Не разобравшись, трудно сказать.

— Да... — протянул Коробов. — Но каким образом ваш счетчик оказался все-таки в ангаре совсем в другой стороне? Он ведь и сбил нас с толку.

— Какой это счетчик? — недоуменно спросил Сенцов.

— Да вот этот! — ответил Коробов, доставая злополучный приборчик из кармана.

— Мы не брали никакого счетчика, — сказал Раин. — Или, может, ты брал?

— Нет, — сказал Сенцов, внимательно разглядывая прибор. — Нет, и я не брал. Постой-ка, постой... Ну, конечно!

Он сжал счетчик в руке, выпрямился.

— Действительно, наш. Ленинградская марка. Но как он... А может быть, вы сами? А? Петро? Лаймон?

— Дай-ка, — сказал Раин. Взял счетчик. Приблизив к глазам, осмотрел. Усмехнулся. — Нет, не наш.

— По-твоему, марсиане пользуются ленинградскими счетчиками?

Вместо ответа Раин указал на чуть заметную метку на торце прибора.

— Читай: «А-4». Четвертая автоматическая — сказал он. — Это счетчик с автоматической ракеты. Только как он сюда попал?

— Глаза астронома... — сказал Сенцов. — Да, твоему зрению позавидуешь. Значит, до нас здесь побывала хотя бы одна из наших исчезнувших автоматических ракет... Вы ее не заметили?

— Там не было ракеты, — в один голос сказали Коробов и Калве.

— Еще одна загадка! Вот и работа нам нашлась: разузнать, что стало с той ракетой.

— Наверное, то же самое, что с нашей, — сказал Азаров. — Эти автоматы, по-моему, специально натренированы приготовлять из всех ракет, что попадают им под руку, колбасную начинку.

— Кстати, — спросил Сенцов, — есть не хотите?

Никто не ответил.

— Что же это вы, а? — укоризненно сказал Сенцов. — Все робинзоны начинали с того, что прежде всего как следует наедались. Говорят, на полный желудок легче переносить...

Снова никто ему не ответил. Калве продолжал сидеть, погруженный в думы. Коробов встал, начал расхаживать по каюте, подходил то к одной, то к другой стене, внимательно разглядывал сосуды, кнопки, пустые рамки, что-то бормотал или напевал под нос. Насупившийся Азаров следил за ним взглядом; наконец, когда Коробов запел особенно громко и особенно фальшиво, не вытерпел:

— Ну, кончай ты, ради бога. Не мелькай перед глазами и не пой! Тут и без твоего музицирования тошно.

Коробов, ничуть не обидевшись, тотчас же умолк. Сенцов сказал:

— Ну что ж, так и будем молчать? Положение наше, как говорится, не самое веселое. Но вот мы с Раиным, например, вообще думали, что конец пришел! И все же на этот раз автоматы нас не одолели.

— Но в будущем это не исключено! — вставил Азаров с нервным смешком.

— Ну-ну, не так-то это просто, — успокаивающе сказал Сенцов. — В конце концов нас пятеро — это больше, чем тысяча автоматов.

— Пока счет не в нашу пользу...

— Все это было слишком неожиданно. При подготовке космонавтов на Земле, еще не читают курса поведения в чужих местах, — сказал Сенцов.

— Скоро начнут, — усмехнулся Коробов.

— Да, если мы сможем добраться до Земли или хотя бы сообщить на Землю обо всем случившемся... — сказал Сенцов. — Мы не имеем права подвергать риску другие корабли, которые, безусловно, еще пройдут к Марсу. Надо их предупредить, чтобы не повторяли наших ошибок.

— Какие ошибки? — спросил Раин. — Ну, хорошо, мы с тобой могли и не выйти на поверхность. В таком случае мы все пятеро оказались бы вместе с ракетой в ангаре. Ну, а потом? Чем объяснить нападение роботов? Опять нашей ошибкой? Какой?

— Не знаю, — откровенно сказал Сенцов. — Но это-то нам и надо установить, чтобы на нашем опыте учились другие. Трудно, конечно, сказать, чем руководствуются роботы и логические устройства другого мира...

— Программой, — внезапно, не открывая глаз, сказал Калве. — Только программой.

— А почему у них должна быть такая программа, чтобы уничтожать чужие ракеты? Ведь случай довольно редкий, вряд ли для него могла быть выработана программа.

Калве открыл глаза, сел прямо.

— В том-то и дело, что такой программы не было, — сказал он. — В том-то и беда.

— Что-то уж очень туманно, — проговорил Сенцов. — Ты, Лаймон, давай без загадок и иносказаний.

Калве хмуро посмотрел на него. То ли он так тяжело переживал потерю своих любимых кибернетических устройств, то ли какая-то мысль тяготила его, но Калве было не узнать. От его всегдашнего благодушия не осталось и следа, движения стали нервными, порывистыми.

— Скажи, — обратился он к Раину, — ты, когда мы шли к этой ракете, кажется, упоминал, что сначала наткнулся на другой люк, который тебе не удалось открыть?

— Ну, действительно, так и было, — сказал Раин. — А при чем...

— Подожди минутку, — Калве резко вытянул руку. — На каком расстоянии этот люк находится от кормы корабля?

— Ну... приблизительно метров десять-двенадцать.

— Ну вот... А вы обратили внимание, в каких именно местах автоматы прорезали оболочку ракеты?

— Погоди, погоди! — вскочил Сенцов. — Два отверстия... Одно в носовой части, другое...

— На расстоянии приблизительно двенадцати метров от кормы, — закончил Калве. — Теперь ясно? Автоматы и не имели такой программы — разрушить ракету. Наоборот...

— Починить, что ли? — спросил Азаров.

— Мне стыдно, — сказал Калве вместо ответа. — Я должен вам признаться, что мне больно и стыдно за себя. Я ведь считаюсь специалистом в этой области, как вы знаете, участвовал в разработке многих систем — кибернетических систем самого разного назначения.

— Ну, это мы знаем, — сказал Сенцов.

— Ошибка, о которой вы говорите, моя ошибка. Я не предусмотрел, хотя, если бы было время поразмыслить, я бы наверняка догадался...

— К сожалению, у нас этого времени не было, — сказал Коробов. — Не так развивались события, чтобы сидеть и размышлять.

— Когда я первый раз увидел эти автоматы, шнырявшие вокруг ракеты и подававшие какие-то сигналы, — продолжал Калве уже более твердым голосом, — я должен был задать себе вопрос: а что им нужно? Зачем они тут и что их интересует?

— Мы задали себе такой вопрос, — сказал Коробов.

— Да. Но нас тогда интересовало одно: не нанесут ли они какого-либо вреда ракете. Мы подождали и убедились, что никакого непосредственного — подчеркиваю, непосредственного — вреда они ракете не причиняют. И мы успокоились.

— Я начинаю понимать, — пробормотал Раин.

— Вот-вот... Логически рассуждая, что должно произойти с ракетой, когда она возвращается на свою базу из космического рейса? Вы пилоты, вы лучше знаете.

— Ну, естественно, она должна подвергнуться осмотру, контролю...

— Вот именно. И ее подвергли осмотру. Осматривали ее автоматы. Осматривали, конечно, не в буквальном смысле слова. Очевидно, в их ракетах — хотя бы в этой самой — в определенных точках вмонтированы какие-то датчики, которые в ответ на запрос автоматов-информаторов дают им сведения о состоянии ракеты в целом, ее отдельных узлов и механизмов. И эти автоматы требовали таких сведений...

— И не получили... — пробормотал Сенцов.

— Конечно, потому что наша ракета устроена совершенно иначе и на такой контроль не рассчитана... Но при программировании действий автоматов, как я уже сказал, прибытие чужих ракет предусмотрено, естественно, не было. А какой вывод должно сделать логическое устройство, управляющее автоматами?

Калве сделал паузу. Все сумрачно молчали.

— Вывод, что ракета неисправна. Если кибернетическая централь получает от своих автоматов-рецепторов сплошные нули, то... Далее. Автоматы, очевидно, отметили, что в ракете не открылся ни один люк.

— Как же не открылся? — сказал Коробов. — А мы с тобой что, сквозь оболочку вышли, что ли?

К его изумлению, Калве кивнул головой.

— Вот именно. Для них именно сквозь оболочку, это ты очень хорошо сказал. Ведь автоматы искали люки именно в тех местах, где расположены люки у их ракет: в носовой части и у кормы, на расстоянии...

— Десяти-двенадцати метров! — вставил Раин.

— Совершенно правильно. Ведь даже такое мощное кибернетическое устройство — это не мозг... Оно повинуется программе, а в этой программе могло быть предусмотрено что угодно, кроме того, что люк из определенного места ракеты переместится на десяток метров в сторону.

— Да, это незачем было предусматривать, — признал Сенцов.

— Вот видите! Зато можно было предусмотреть другое: что люки — очевидно, такие случаи у них бывали — при полете корабля сквозь атмосферу чужой планеты или вследствие иных причин могли выйти из строя...

— Завариться или заклиниться от удара метеорита, — вставил Коробов, — или...

— Это неважно. Факт тот, что в таких случаях киберустройства, очевидно, должны были попытаться вскрыть люки, чтобы помочь выйти экипажу — если уцелел экипаж, — или хотя бы, чтобы дать возможность проникнуть в ракету снаружи, извлечь материалы экспедиции, заняться ремонтом корабля... И вот в действие вступили автоматы, которые начали вырезать люки.

— Вырезанные ими отверстия были уже этих люков, — возразил Азаров.

— Ну, правильно, — сказал Сенцов. — И я бы так поступил. Они вырезали отверстия в крышках люков: крышку потом легко заменить.

— Ну вот, — закончил Калве. — Вот, как я считаю, разгадка того, что произошло с ракетой. Возможно, все это не так просто. Не исключено, что...

— Подожди! — прервал его Азаров. — А почему эти автоматы начали действовать с таким замедлением?

Калве помолчал.

— Я думаю, — сказал он затем, — что тут сыграли роль... мы сами. Автоматы, безусловно, реагируют на присутствие живых существ, людей или как там надо их называть... Возможно, люди нашли бы другой выход. В таком случае в кибернетический центр была бы послана соответствующая команда. Недаром у меня все время было такое чувство, что за мной наблюдают. Это была выжидательная пауза. Ведь

автоматы и управляющий ими центр не могут мыслить, они не могли понять, что мы появились именно из ракеты, а не извне. Вот почему они ждали, но программа не была изменена.

— А это значит, — добавил Раин, — что в общих чертах они действительно были похожи на нас, как о том свидетельствуют скафандры. Марсиане они или не марсиане, но должны быть очень близки нам по строению.

— Это и странно, — сказал Сенцов. — Ведь все-таки трудно предположить, что форма бытия Разума исчерпывается человекоподобными.

— Очевидно, — сказал Раин, — на той планете, откуда они родом, условия в основном сходны с нашими.

— Хорошо, — прервал его Сенцов, которому новый научный спор сейчас вовсе не казался необходимым. — На досуге мы поговорим и об этом. А сейчас важно другое. И наши ошибки, и опасности, угрожающие как во время облета Марса, так и при посадке на Деймос, нам теперь в общих чертах ясны. Значит, остается только решить те задачи, которые выдвигает обстановка: задачу отлета и задачу связи; вернее, наоборот — прежде всего задачу связи с Землей, потом уже отлета. Вот над чем надо думать.

В каюте воцарилось молчание. Что можно было предложить? Ракета непоправимо выведена из строя, при нападении роботов пострадала и радия дальней связи.

Сенцов, видя, что товарищи уже немного отдохнули, приказал возобновить переноску снятых с земной ракеты грузов. Все принялись за дело. Перетащили все, что еще оставалось необходимого для жизни, и кроме того, катушки с результатами научных наблюдений, записями телемагнитоскопов, рулоны диаграмм, вычерченных самописцами за время полета, бортжурнал, некоторые уцелевшие приборы и даже личные вещи.

Затем они подкрепились, и Сенцов приказал отдыхать. После детального осмотра коридора оказалось, что здесь на каждого приходилась одна каюта-лаборатория, да еще семь оставались пустыми. Впрочем, это не радовало: в своей ракете было хоть в тесно іе, да не в обиде.

Сенцову казалось, что едва доберется он до уже знакомого мягкого, убаюкивающего ложа, как моментально уснет. Но стоило лечь и закрыть глаза, как сон ушел окончательно и бесповоротно.

Сенцов лежал смертельно усталый и знал, что не заснет, пока не найдет хотя бы направления, в котором им следует действовать.

Он встал, вышел в коридор. Подошел к прозрачной перегородке. Продолжавшийся за нею коридор через несколько метров упирался в дверь — там, видимо, и находилась рубка. Воровато оглянувшись, Сенцов вопреки собственному запрету попытался как-нибудь сдвинуть перегородку. Это ему не удалось, и тогда он начал медленно ходить взад и вперед по коридору, стараясь ненароком не разбудить товарищей.

У двери каюты, где поместился Раин, он прислушался: астроном имел обыкновение похрапывать во сне. Действительно, из-за двери доносились едва уловимые звуки, но какие-то странные. Сенцов тихо приоткрыл дверь — и остановился, изумленный.

Раин вовсе не спал. Он сидел у стола и слушал Калве, что-то говорившего ему вполголоса.

Сенцов хотел было выругать их за нарушение приказа, но тут же спохватился: а сам... Ясно, мысль о выходе из положения занимала не его одного. Он вопросительно взглянул сначала на Калве, потом на Раина. Раин пожал плечами, Калве отрицательно покачал головой.

Сенцов присел рядом с Раиным. И тут же в открытую дверь заглянул Коробов и, усмехнувшись, вошел в каюту. За ним — Азаров. Все снова были в сборе.

— Ну, раз пришли — предлагайте, — сказал Сенцов.

— Да мы тут думали... — сказал Раин. — Восстановить никак нельзя?

— Никак, — коротко ответил Сенцов.

— Мне все же кажется — сказал Калве несмело, — мне лично кажется, что мы могли бы воспользоваться этой ракетой, не так ли? В конце концов это тоже космический корабль. — Он умолк, поочередно вглядываясь в лицо каждого пилота.

Коробов терпеливо ответил:

— Это действительно тоже космический корабль, в этом ты прав. И велосипед, и гоночный автомобиль — транспорт. Но посади велосипедиста на гоночную машину и предложи ему ночью добраться, скажем, из Риги в Москву. Учти, что он ни разу в жизни не управлял автомобилем. Учти, что он может пользоваться только картой мира в масштабе один к двадцати миллионам. У него из ста шансов — десять расколоть машину еще в гараже и примерно восемьдесят девять — свалиться в кювет на первом же повороте. Притом у него все-таки раз в десять больше возможностей добраться до цели, чем у нас.

— Куда в десять — в сто! — сказал Сенцов. — Он хоть понимает, что автомобиль надо заправить бензином. А что мы знаем об этой ракете?

— К тому же Москва стоит на месте, — добавил Азаров. — Земля — нет.

— Перечислять все, чего мы не знаем об этой ракете, можно без конца, — продолжал Сенцов. — Как проникнуть в рубку? Как ракета управляется? Как выводится из ангара? Какие ускорения развивает? Этих «как» очень много. Но главное даже не это. Будь мы сейчас в рубке, у пульта управления, все равно я бы не решился нажать ни одной кнопки...

— Почему? — насторожился Азаров.

— Эту ракету строили не люди, а иные существа. Мы не знаем образа и ритма их жизни, привычек, потребностей. Может быть, для них являются естественными такие вещи, которые для нас смертельны. То, что мы пока ни с чем подобным не столкнулись, еще ничего не значит. У нас нет доказательства, что они мыслили и чувствовали так же, как мы. И пока мы таких доказательств не найдем, эти существа останутся для нас тайной за семью печатями. А мы их не найдем, если только не встретим кого-либо из них, на что надежды, как вы сами понимаете, мало...

— Так что же делать? — тихо спросил Калве.

— Отдыхать! А затем пойдем еще раз к нашей ракете и на месте посмотрим, не удастся ли все же смонтировать передатчик из остатков раций и запасных частей. Не забывайте, первая задача — связь! Ну, утро, как говорится, вечера мудренее...

Он встал, но никто не торопился расходиться. И тогда Калве тоже поднялся с места, высокий, тяжелый, грозно навис над Сенцовым.

— Вы хотите доказательств? — спросил он неожиданно тонким голосом. — Хорошо, вы их получите. Я их ищу, ищу и нахожу!

— Что ж, — сказал Сенцов, серьезно глядя на Калве. — Я повторяю: никаких авантюр, никакого ненужного риска допущено не будет. В конце концов здесь нам немедленная гибель не грозит, а работы и на спутнике сколько угодно. Но если будут действительно серьезные доказательства того, что полет на чужой ракете не грозит нам никакими опасностями — сверх обычной нормы, конечно, — что мы можем понять то, что понимали и чем владели строители и пилоты этого корабля, если все это будет, — тогда мы, безусловно, полетим.

— Я найду! — твердо сказал Калве

Странно, после этого заявления Калве, человека, казалось, меньше всех смыслившего в расчетной технике, знатока только кибернетических машин, у всех на душе полегчало. Не выход и даже не путь к выходу, а все же какой-то краешек надежды забрезжил впереди...

— Вот так... — сказал Сенцов и вдруг почувствовал, что ему страшно хочется спать.

— Да, самое время отдохнуть, — ответил Коробов, позевывая. — Действительно, утро вечера мудренее...

11

Когда проснулись и позавтракали, Сенцов сразу же задал всем работы.

Приходилось искать сразу в нескольких направлениях. Первоочередной задачей было установление связи с Землей, поэтому Азарову поручили еще раз обследовать земную ракету и демонтировать все, что еще осталось от передатчика. Может быть, удастся собрать хоть какое-нибудь подобие рации.

Помимо этого, надо было начать как-то разбираться хотя бы в основах окружавшей их техники. Кто знает, может быть, таким путем можно хотя бы постепенно освоить управление чужим кораблем. Для этого решили прежде всего тщательно исследовать робот,

валявшийся возле их старого корабля и поврежденный при вспышке топлива. Этим занялись Сенцов и Раин.

А Калве с той же целью — ознакомиться и попытаться понять принципы устройства и действия — отправился наверх, в кибернетический центр. Его задача была, пожалуй, важнейшей: нельзя вечно жить под угрозой какой-нибудь новой неприятности со стороны кибернетических машин и руководимых ими автоматов.

Коробов продолжал детальный осмотр чужой ракеты, чтобы точно выяснить запасы кислорода и электроэнергии, которыми они располагали.

Все без лишних разговоров взялись за дело.

С роботом справиться оказалось нелегко. С трудом удалось разрезать его поврежденную пламенем оболочку электрическим резаком. Как и ожидали, под колпаком ничего похожего на кибернетическое устройство не оказалось. Всего несколько приборов, какие-то цилиндрические непрозрачные аппараты и небольшие многоугольные ящики. На блестящих стержнях, которые могли служить выводами, Сенцов при помощи тестера обнаружил слабое напряжение. Стерженьки эти входили в цилиндры, туда же тянулись гибкие ленты непонятного назначения.

Самым интересным в автомате оказались рычаги-щупальца. Сенцов и Раин долго пытались добраться сквозь твердейшую броню из непонятного материала до этих рычагов, но так и не смогли: никаких рычагов просто не было. То, что они принимали за предохраняющую оболочку, оказалось самой машиной — без сочленений, без всяких деталей, твердый и в то же время необычайно гибкий монолит. Чем он приводился в движение, было также непонятно: к нему не подходили никакие движущиеся части. Они попробовали присоединить один из рычагов к цилиндрам с напряжением. Твердое щупальце начало изгибаться, сокращаться, как мускул, только с гораздо большей силой; рычаг толщиной в палец свободно поднимал кислородный баллон, большой стационарный баллон из ракеты!

Видимо, конструкторы этих машин применяли не механические схемы, подобные земным, а нечто совсем иное: им удалось получить

вещество, непосредственно превращавшее электрическую, а может быть, химическую энергию в движение.

— Гораздо экономнее с точки зрения расхода энергии, — восхитился Раин. — Высшая ступень!

Оба долго сидели над разобранным роботом: чтобы понять все тонкости его устройства, нужны, пожалуй, не дни, а недели... И непонятно, как все это им поможет освоить ракету?

— Ну, уж и ракета... — прервал их размышления довольный голос подошедшего Коробова.

— Что? — насторожился Сенцов.

— Отличная машина! — Коробов замотал головой от восхищения.

— А кислород нашел?

— Кажется, да... Твердой уверенности, правда, нет. Хранилище большого объема, но не с газом и не с жидкостью, а с твердым веществом. К нему присоединены такие же аппараты. По моим соображениям, они и превращают твердый кислород в газ.

— Из чего же вы заключили, что это кислород? — спросил Раин.

— А вот из чего. На всех хранилищах имеется такой вот знак, — Коробов пальцем нарисовал на матовой поверхности защитного кожуха робота точку, вокруг нее — два концентрических кружка и на внешнем из них — шесть точек. С минуту все смотрели на медленно тающий рисунок.

— Понятно? — спросил Коробов. — Атом кислорода — шесть электронов на последнем, втором, уровне... Хорошо, что хоть в этой области их символика нам понятна. Нашел я и другие хранилища с таким вот знаком...

— Водород, — сказал Раин.

— Именно. Это решает проблему воды хотя бы в принципе. Следовательно, воздухом и водой мы обеспечены основательно.

Сенцов нетерпеливо спросил:

— А насчет двигателей ничего не ясно?

— До двигателей я добраться не смог... — медленно сказал Коробов. — Там глухая переборка. Как только я подошел, сразу завыло, залаяло... Что-то вроде сирены. Только очень высокие тона. Очевидно, предупреждение об опасности. Не с нашими скафандрами туда лезть.

— Значит, совсем ничего?

— Единственное, что можно сказать, — двигатели, топливо и все остальное занимают гораздо меньше места, чем на нашей ракете, не только по отношению ко всему объему, но и абсолютно. Я специально шагами вымерял...

— Значит, двигатель не химический, — сказал Сенцов. — На каком же приводе? Какое топливо?

— Вероятнее всего, атомное, — ответил Коробов. — Иначе не было бы сигнала опасности.

— Сомневаюсь, чтобы было атомное, — сказал Сенцов. — Я ракету осмотрел снаружи, пока вы спали... Совершенно не то сопло, какое нужно для атомного двигателя, по крайней мере по нашим соображениям.

— Ну, на это вообще внимания обращать не следует, — не согласился Коробов. — И весь этот корабль не так массивен, как наш: переборки миллиметровой толщины, а прочность изумительная.

— Да я не о прочности говорю, — сказал Сенцов. — Курс двигателей помнишь? Принципиальные основы атомного двигателя? Ну вот, а тут совсем не то...

— Я прикидывал, — сказал Коробов. — Если там химическое топливо, то, каким бы совершенным оно ни было, этой ракете дальше Марса не уйти. А вдруг они только на Марс и ходили? — Он помолчал и неожиданно спросил. — Ну как, обедать будем?

— Надо подождать ребят, — ответил Сенцов. — Они там тоже увлеклись. Да, это невесело — то, что ты говоришь...

— Все оборудование ракеты указывает, что она предназначена для дальних рейсов, — вставил Раин. — Даешь Землю!

— Пока мы не знаем... — начал Сенцов.

— Даешь обед! — перебил Коробов. — Ага, Витя прибыл. Ну, что там у тебя? Демонтировал рацию?

— Что осталось — демонтировал, — угрюмо ответил подошедший Азаров.

— Ну и как? Выйдет что-нибудь?

Азаров пожал плечами, ответил:

— Разве что любительский приемник...

— Так-так... — невесело сказал Сенцов. — А на Землю сообщить все же надо. А вообще в ангаре как? Спокойно?

— Какое спокойно! — мотнул головой Азаров. — Опять этих полно.

— Режут?

— На сей раз летают. Что-то приваривают, уже навесили одну крышку люка, сейчас возятся с другой...

— Ясно, — сказал Раин. — Они продолжают выполнять свою программу: ремонтируют ракету... Жаль, что нам это помочь не может: как бы ни ремонтировали, вычислителей они нам не восстановят.

— Да, — сказал Сенцов, — с нашим кораблем мы простились навсегда.

— Но интересно, — проговорил Раин, — до чего они дойдут?

— Ну, для того чтобы это определить, надо быть знатоком их тонких душевных движений, — съязвил Азаров. — Как Калве, например... А кстати, где он?

Из ангара Калве почти бегом поднялся наверх. Он замедлил шаг, лишь попав в знакомый зал, где серая масса грелась в фиолетовых лучах.

Здесь он сразу перестал спешить, начал все рассматривать так внимательно, задумчиво, неторопливо, словно в запасе у него была еще целая вечность.

Каково, например, назначение вот этого сооружения в центре зала? Небольшой прямоугольный постамент, похожий на высокий. столик. В центре его круглый, чуть наклоненный экран, на нем светятся, переливаясь, четыре огонька. Калве склонил над экраном прозрачный шлем.

Теплый золотистый глазок дрожал в центре экрана. Три тонких черных концентрических кольца охватывали его, и на каждом тоже переливался огонек, голубой — на внутреннем, зеленый — на среднем и оранжевый — на внешнем. Калве долго всматривался в странные огоньки; непонятно, что было в них такого. Мало ли приборов со световой сигнализацией перевидал он на своем веку, но почему-то на них хотелось смотреть и смотреть...

Потом он перевел взгляд на расположенные вокруг экрана оранжевые выпуклые, как у грибов, шляпки. Их было тридцать, возле

каждой — два прозрачных глазка. Возле одного грибка левый глазок светился ровным синим светом, а около соседнего, кроме синего, горел и второй — мигал тревожным красным огнем. Остальные глазки были безжизненны.

Вокруг экрана в столике тянулась кольцевая прорезь, из которой выходил тонкий рычажок. Он плавно изгибался к экрану, так что конец его почти касался матовой поверхности. Рычажок заканчивался вытянутым заостренным овалом с тонкой иглой на конце.

Рядом торчали еще две круглые головки с какими-то делениями. Перед столом вздымался щит, на нем — несколько экранов и приборы со шкалами без стрелок.

Все это явно имело непосредственное отношение к управляющим кибернетическим устройствам — хотя бы потому, что находилось в этом зале. У Калве зачесались кончики пальцев, до того захотелось сразу нажать на красные кнопки, посмотреть, что появится на экранах, разобраться в назначении большой красной рукоятки сбоку (ага, ею-то, наверное, и включается весь этот агрегат!).

Но он помнил, сколько непредвиденных последствий может вызвать в этом мире каждое неосторожное движение.

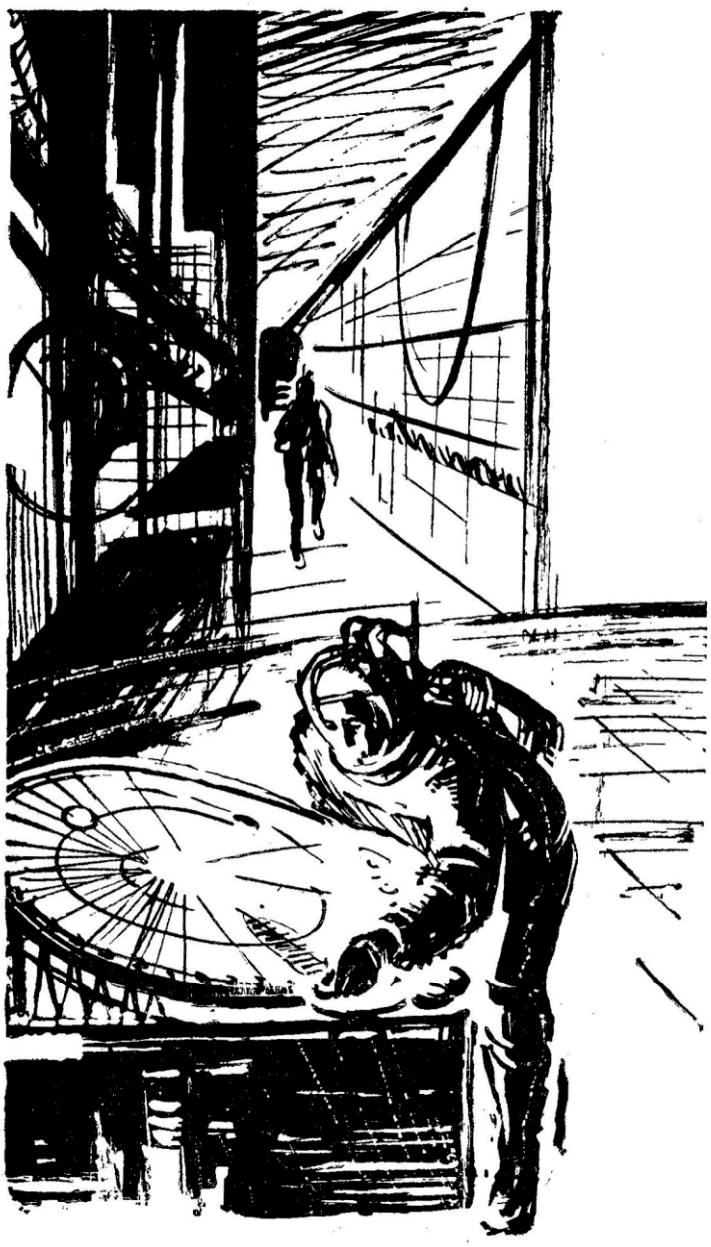
Ему впервые отчетливо подумалось, что вовсе не люди создали все эти непонятные приборы. До сих пор это как-то не укладывалось в сознании. Ощущение было такое, словно ты находишься в чужой стране, где, хотя и не понимаешь языка, но видишь вокруг себя таких же людей и вещи, сделанные их руками... И только в эту минуту в пустом зале, где когда-то жил, чувствовал, мыслил командир всех этих приборов и механизмов, Калве вдруг неудержимо захотелось представить, каким же он был, как выглядел этот творец, наверное давно уже включившийся в вечный круговорот материи и сейчас, возможно, произраставший где-нибудь на Марсе в виде чахлой голубой травки. Он машинально, забыв про шлем, поднял руку — снять шапку...

Рука его натолкнулась на прикрепленный к шлему инвертор, и это напомнило ему о ближайшей задаче.

Калве подумал, что Сенцов все-таки видел дальше их всех, — недаром ему нужны были доказательства того, что мы в состоянии

понять, постигнуть законы мышления этих существ. Что же, надо искать, искать!

С чего начать? Он стал снова осматривать пульт, пытаясь логически разобраться в назначении органов управления машины. Но вскоре он поймал себя на том, что просто-напросто старается мысленно как-то приспособить отдельные рычажки и включатели чужой машины к тем функциям, которые выполняли другие рычажки и другие включатели на его собственном пульте. Таким путем он далеко не уйдет.

Тогда он опустил экран инвертора, включил прибор. В шлеме стало темно, как будто бы в зале погасли все огни. Он испуганно приподнял экран, и свет снова ударил ему в лицо. Тогда он опять опустил экран, закрыл на несколько секунд глаза, чтобы они привыкли к темноте. Когда он вновь открыл их, тьмы больше не было.

На повисшем перед его глазами экране ветвилось великое множество голубоватых линий, полос, кружков. Это прибор делал видимыми все попадавшие в поле его зрения, находившиеся под напряжением проводники. Свиваясь и развиваясь, сходясь и разбегаясь в стороны, они

образовывали странную, причудливую сеть. Местами они были разорваны, кое-где их разделяли темные промежутки — участки сети, как понял Калве, пока отключенные.

Прежде всего он обратил внимание на линию, которая выглядела беспокойнее других: равномерная дрожь сотрясала ее; она пульсировала, как тонкая чувствительная жилка на человеческой руке. Калве проследил ее путь — она заканчивалась где-то совсем недалеко...

Калве поднял инвертор; жмурясь от света, достал из кармана скафандра длинный кусок провода, намотал на руку от плеча до кисти, а самый кончик — вокруг указательного пальца. Потом он подключил провод к аккумулятору и снова опустил экран.

Теперь его рука возникла на экране инвертора в виде бледно-голубой спирали с редкими витками. Она медленно скользила: Калве двигал рукой, стараясь совместить ее с пульсирующей линией. Когда это удалось, он повел указательным пальцем в воздухе, повторяя во всех изгибах путь пульсирующей линии. Вот палец добрался до места обрыва. Калве медленно повел руку на сближение с пультом, торопливо поднял экран. Так и есть — палец его упирался в мигающий красный глазок.

Теперь он так же медленно повел рукой в обратном направлении, ища переключатель, от которого ток шел на лампочку. Найдя его и двигаясь по линии дальше, он мог прийти к другому переключателю и так постепенно разобраться во всей топографии кибернетического центра. На это потребуется время, но иного пути не было: простое нажимание кнопок и рычагов наугад могло привести к весьма печальным результатам.

Так он работал, и голубые, то резкие, то, как бы размытые линии змеились перед его глазами. Потом он осторожно поднялся с места и, не поднимая экрана инвертора, начал медленно бродить по залу, следя за уходящими под пол проводами. Обойдя центральный пульт по кругу, он установил, что кабели отходят в направлении каждой из тридцати секций машины. Выбрав один из них, Калве установил, что он шел не непосредственно в отсек, а скрывался в стоявшем в простенке шкафчике. Здесь тоже было множество деталей — разбегались глаза.

Медленно переходя от шкафчика к шкафчику, Калве заметил, что большинство из них находилось в покое, работало только две. Один из них относился именно к их отсеку: в нем шла напряженная работа, вспыхивали и угасали какие-то голубые кольца, эллипсы, многоугольники, возникали мгновенные разряды, похожие на экране на вертящиеся молнии. Калве еще не знал, что автоматы вновь начали работу вокруг искалеченной ракеты, но догадывался, что такая активность машины может иметь отношение именно к их кораблю.

Второй работающий аппарат, как вначале предположил Калве, должен был относиться к тому отсеку, где в ангаре лежала чужая ракета. Но потом он понял, что ошибся: судя по расположению шкафчика, он относился как раз к тому отсеку, где был найден счетчик.

Значит, и в том отсеке что-то происходит? Что? Какая опасность еще подстерегает их?

Снова возвратившись к центральному пульту, Калве догадался, наконец, в чем дело, и успокоился. Был включен шкафчик именно той секции, в Сторону которой был повернут центральный многопозиционный переключатель. А это могло означать лишь одно: этот отсек был последним, в котором что-то происходило, когда строители почему-то покинули свою искусственную планету. Что же именно происходило? Логично было предположить, что происходило что-то связанное с ракетами, а раз ракеты там не было, значит происходило именно отправление ракеты — последней покинувшей спутник.

Если так, то в этом переключателе не может быть ничего страшного... Калве осторожно поднял руку, нашарил переключатель, повернул на одно деление и поспешил к тому шкафчику, который должен был, по его предположениям, включиться. Да, он не ошибся, аппарат работал. Теперь в нем возникали сложные узоры, нарисованные электрическим током. Возникали и исчезали.

Что-то это ему напоминало... Ага, машина ведет себя так, будто она озадачена. Смена импульсов в ней происходит в том же ритме, да-да, и с той же частотой, как в радиосигналах, что слушал Азаров в первые минуты после прибытия. Калве попробовал включить соседнюю секцию, еще одну, и всюду повторялось одно и то же. Он начал догадываться: ни в одном из этих ангаров нет ракет, это они с

Коробовым видели сами. Значит, команда, которая посылалась с помощью этого переключателя, действительно относилась к каким-то действиям, связанным с ракетами.

Калве удовлетворенно усмехнулся. Он на правильном пути. Именно здесь пряталась разгадка управления механизмами, обслуживающими ракеты. И первый секрет можно было узнать уже сейчас, сию минуту: просто повернуть переключатель в положение, включающее их отсек — единственный, в котором была ракета, — и посмотреть, что из этого получится.

«Спокойно, милый друг, спокойно, — сказал он себе. — Не надо торопиться... От этого поворота переключателя ракета может в один миг вылететь в пространство, а ведь она нам нужна... Вспомни-ка Коробова и серую массу! Нет, никаких эмоций, никаких порывов. Только осторожно, только методично...»

Калве совсем забыл, что время идет, что друзья, вероятно, уже беспокоятся о нем, что он давно хочет есть и запас кислорода у него приближается к концу. Со стороны он выглядел сумасшедшим: то расхаживал по залу, бормоча себе под нос, то снова и снова усаживался перед пультом и водил над ним рукой, прослеживая какую-нибудь интересную цепь.

Теперь он решил найти дорогу к волноводам, по которым должны были передаваться команды из центра по секциям. В существовании их он не сомневался. Однако никаких схем, хотя бы отдаленно напоминавших соответствующие земные, Калве пока не видел. Потом ему показалось, что проще будет проследить, откуда подходят импульсы к круглому экрану, какой источник питает непрерывно горящие на нем огоньки. Может быть, тогда станет понятно, что же именно эти огоньки обозначают...

Голубые линии, которые он стал теперь изучать, уводили его куда-то совсем в другую сторону. Они не соединялись ни с одним из шкафчиков, а тянулись под стену и затем вверх, уходя в расположенный выше ярус.

Калве решил, что немедленно пойдет их разыскивать: эти огоньки почему-то казались ему заслуживающими особого внимания. Он повернулся к двери, и вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

Резко рванувшись, Калве сорвал со шлема экран инвертора, закрывавший глаза, и облегченно перевел дыхание: перед ним стоял Коробов.

Коробов онемел: сквозь шлем было видно, как он беззвучно шевелит губами. Калве с досадой выругал его за то, что подкрадывается неслышно и пугает людей, вместо того чтобы окликнуть по-человечески, а потом вспомнил, что ведь сам же выключил свою рацию, так как связи с товарищами все равно не было. Он повернул рычажок, и в его наушники ворвался негодующий голос Коробова:

— ...окончательно. Такие это полтора часа?

Калве взглянул на часы. Действительно, вот уже целый час сверх уговора провозился он здесь, и, если бы не резервный баллон с кислородом, на который автоматически переключилась подача, ему давно пришлось бы плохо. Вздохнув, он развел руками и спросил:

— А у вас как там дела?

— Да ничего особенного... Ребята разобрали один робот. Типичный марсианский робот... А у тебя как?

— Да вот, — протянул Калве, — типичная марсианская кибернетика...

12

Потекли дни. Все ушли в работу: Азаров колдовал над спасенными деталями рации, Сенцов, Коробов, Раин все обшаривали их новое пристанище — не теряли надежды разобраться в устройстве корабля. Роботы в соседнем ангаре и те, не покладая щупальц, трудились над их старой ракетой, что-то подтаскивали, наваривали... Они утихомирились только на третий день.

Калве все дни напролет занимался все тем же: при помощи инвертора прослеживал одно за другим бесконечные разветвления цепей кибернетического центра. Каждый день он распутывал еще один узелок схемы, но — странное дело — чувствовал, что к решению основной задачи — к овладению ракетой — пока не приблизился ни на шаг. Вечерами — условными в этом мире — приводил в порядок сделанные за день записи и наброски, и со стороны это выглядело так, будто

Калве готовит к печати солидную монографию «К особенностям структуры марсианских вычислительных и быстрорешающих устройств», столь спокойным и благодушным он казался. На деле же его все больше охватывала тревога.

Первые дни друзья встречали его с нетерпением — вот сейчас Калве, усевшись в кресло, вдруг возьмет, да и скажет: «Ну, между прочим, можно лететь хоть завтра. Нажать там одну кнопку, и сразу отсек откроется...» Постепенно все начали понимать, что этого дождутся не скоро.

Текли дни, и каждый из них уносил с собой частицу вспыхнувшей было надежды.

Первым начал сдавать Азаров. У него что-то не ладилось. Исподволь наблюдая за ним во время работы, Сенцов заметил, как все чаще взгляд молодого пилота становится отсутствующим, устремляется куда-то сквозь все перегородки, броню спутника, сквозь многие миллионы километров пространства.

Раин внешне оставался спокоен. Но и он все чаще начал заговаривать о том, не пора ли, наконец, бросить напрасные поиски, не тратить зря время, а использовать его для того, чтобы осмотреть весь спутник, исследовать его — хотя бы в интересах будущих поколений. И — кто знает? — если во всем этом огромном хозяйстве найдется хотя бы один годный к употреблению телескоп, посвятить свое время (оставшееся еще время — так следовало понимать это) тому, что было делом его жизни — наблюдению светил.

Начинало казаться (или это Сенцовым овладевала уже паника?), что Коробов тоже изучает ракету не для того, чтобы применить свои знания при возвращении, а просто убивая время. Может, с таким же увлечением, иногда думал Сенцов, и с таким же спокойствием второй пилот решал бы сейчас шахматные задачи, окажись у них шахматы?

Но прекратить работу было невозможно. Связь с Землей была нужна во что бы то ни стало: тут речь шла о безопасности тех, кто в будущем полетит по этой же трассе, о безопасности многих людей и кораблей. Передатчик был совершенно необходим. По сравнению с задачей предупреждения Земли их собственное спасение отходило на

второй план. Поэтому следовало ободрить Азарова, как-то помочь ему.

...Сенцов оставил Раина и Коробова в нижнем этаже носовой части ракеты, где они и так и сяк пробовали подобраться к наглухо закрытому аппарату искусственной гравитации, и направился в каюту Азарова.

Азаров лежал, уткнувшись лицом в эластичное ложе. Очевидно, нервы все-таки не выдержали: по всему полу каюты были расшвыряны детали, пластины печатных схем, отдельные блоки, валялись клочки бумаги — остатки очередной уничтоженной схемы.

— Не выходит? — спокойно спросил Сенцов.

— И не может выйти. С таким же успехом можно монтировать передатчик из пивных бутылок. Генераторный блок погиб, чем я его заменю? От усилителя сверхвысоких частот что осталось? Рожки да ножки! Нечего и думать...

— Думать все-таки надо, — сказал Сенцов. — Передатчик — это главное. Другого способа сообщить на Землю у нас нет и быть не может. Конечно, на спутнике наверняка есть какие-то устройства связи. Но как отличить их? Как понять, передатчик это или какой-нибудь агрегат для чистки сапог?

Азаров кивнул.

— На это надежды нет, — сказал он. — Мы можем надеяться только на свои детали. А у нас их не хватает, и взять их неоткуда.

Оба умолкли, каждый мучительно думал, где искать выход. Потом Азаров тяжко вздохнул.

— Да, знать бы на Земле, что такое случится, всю ракету набил бы запасными блоками. Жаль, что в другой рейс идти не придется: теперь уже есть опыт по части вынужденных посадок.

— Ну, это ты оставь, — сказал решительно Сенцов. — Все мы хотим еще летать. Погибать никто не собирается. Вот поэтому-то и нужен передатчик.

— Мы все сделали, — пробормотал Азаров. — Теперь осталось только с честью закончить. Передатчик? На передатчике мы на Землю не улетим.

— Не знаю, откуда вдруг такой пессимизм, — сказал Сенцов. — Погибнуть здесь мы никак не можем... (Азаров пошевелился, искоса взглянул на Сенцова.) Ну, предположим самое худшее. Мы действительно не сумеем использовать эту ракету. Ну и что? (Азаров часто заморгал, затем посмотрел на Сенцова уже прямо.) Будем ждать здесь. Кислорода, воды хватит надолго. Продуктов — на год. На худой конец наладим их регенерацию.

— И что же — до конца жизни? — хрипло спросил Азаров.

Сенцов пожал плечами, усмехнулся.

— А сколько ты еще рассчитывал прожить? — спросил он спокойно.

Азаров поморгал, нетвердо ответил:

— Ну, лет семьдесят...

— Допустим. Так почему нельзя жить здесь? Образуем, так сказать, филиал человечества... Да ведь нам здесь век доживать не придется! Хотя это уже зависит от тебя.

— От меня?

— Конечно. Будет связь с Землей — за нами прилетят не. позже, чем через год. Ты же сам понимаешь, нас не бросят. Год — это даже крайний срок...

— Подумаешь, год! — сказал Раин. Оба оглянулись — не заметили, как он появился в дверях. — Робинзоны вон десятками лет жили, да разве в таких условиях? Тут за год всего даже осмотреть не успеешь.

Азаров все еще лежал, но щеки его чуть порозовели.

— Так что остановка за тобой. Сумеешь смонтировать рацию — вытащим ее на поверхность спутника, будем сигналить на Землю.

— Да из чего? Из чего? — закричал Азаров. — Как будто я не хочу! Ведь нет выхода!

— Выход всегда есть! — твердо сказал Раин. — Надо только уметь его найти. Из могилы, говорят, нет выхода, да и то люди выбирались. Надо искать! Ты не пробовал использовать то, что осталось от вычислителей Калве? Там ведь какие-то блоки уцелели...

— Да думал я об этом, — ответил Азаров. — А вы видели, что там уцелело? Таких блоков у меня и у самого хоть пруд пруди.

— Действительно, надо еще подумать, — сказал Сенцов. — Ведь выход-то есть, наверняка есть, только мы его не видим...

На минуту воцарилось молчание. И потом Сенцов задумчиво проговорил:

— Генераторный блок, генераторный блок... А если взять части от других приборов? Насколько я вспоминаю устройство рации, там использовалась часть тех же самых типовых деталей, которые стоят в наших радиометрических приборах... Хотя бы в тех же счетчиках. А?

— Я прикидывал, — сказал Азаров. — Кое-что оттуда можно позаимствовать, но не все.

— Счетчик? — внезапно спросил Раин. — Погодите-ка, мне пришла в голову идея... Счетчик-то мы здесь нашли?

— Ну, нашли...

— Так, значит, и сама автоматическая ракета должна быть где-то здесь, на спутнике. Ее надо только найти. Ведь радиооборудование ракет-автоматов в принципе от нашего ничем не отличалось?

— Только в деталях! — сказал Сенцов, и Азаров подтверждающе кивнул. — Это мысль!

— Может быть, там вообще сохранился в целости передатчик! — с воодушевлением подхватил Азаров. — А ведь действительно, как нам сразу не пришло в голову?.. Надо немедленно начать поиски!

— Я думаю, — сказал Раин, — что вообще надо изменить распорядок работ. Пусть Коробов вместе с Азаровым идут на поиски. А я буду помогать Калве. Вдвоем у нас пойдет гораздо скорее. С осмотром же ракеты, отлично справишься и ты один.

— А какой смысл? — спросил Сенцов. — Калве и так работает правильно. А мы бы вдвоем.

— Гм... — неопределенно ответил Раин. — Наверх я все же пойду?

— Что же, пожалуйста, — согласился Сенцов. — А ты, Витя...

Но Азаров уже пошел за скафандром.

13

Калве ввел Раина в круглый зал с пультом.

— Вот, — сказал он. — Тут помещается пульт управления. Но дело-то все в том, что эти машины самопрограммируются. Они способны

сами менять режим работы в зависимости от изменения окружающей обстановки и так далее...

— Знаю, — ответил Раин. — Испытали на собственной шкуре.

— Следовательно, логически рассуждая, управлять ими практически нет никакой необходимости. А в то же время есть и пульт, и органы управления — вот они. Вот эта рукоятка совершенно меняет режим работы. Я тут кое в чем сумел разобраться...

— Очень интересно! Так что же вас смущает?

— Не могу понять, как это происходило. Видите этот экран со стрелкой? Он связан-с чем-то в верхних ярусах, исследовать я еще не успел. От него идут цепи ко всем машинам. Но зачем он? Понять не могу.

— Так, так... — начал присматриваться Раин. — Три кольца... Если это атомная структура, то один электрон на третьем уровне... Натрий?

— При чем тут натрий?

— Не представляю... А чем, собственно, этот пульт управляет?

— Тут происходит приблизительно вот что, — пояснил Калве. — При установке стрелки в одно из трех фиксированных положений по длине и в любое положение по окружности в цепи возникают кратковременные импульсы, вернее — комбинации импульсов. Они слишком непродолжительны, чтобы представлять собой какую-то программу, которая передается машине. Но они могут быть сигналом к выработке определенной программы.

— Это уже кое-что. Я, правда, в этой области не специалист...

— Тем лучше! Как говорится, свежая голова. Так вот, эти импульсы направляются в одну из секций машины, а именно в ту, которая в данный момент включена вот этим многопозиционным переключателем. Но направляются не непосредственно, а проходят — через эти вот устройства (он указал на стоявшие в простенках шкафчики). В них сигналы значительно видоизменяются... Я подозреваю, что именно здесь помещается управление программирующими устройствами.

— Резонно. А эти лампочки?

— По всей вероятности, они сообщают, когда сигналы доходят до адресата. Но вот каково содержание сигналов?

— Я сужу, возможно, как дилетант, — сказал Раин. — Но посмотрите на двери: настолько велика была, очевидно, уверенность конструкторов в безотказности своих машин, что они не предусмотрели даже аварийного, ручного открывания дверей. И если уже, очевидно, десятилетия назад покинутый спутник все еще нормально работает, значит в их рассуждениях была истина...

— Проблема кибернетики номер один — проблема надежности — ими решена основательно, — с уважением знатока ответил Калве. — И как разумно все автоматизировано: механизмы не работают непрерывно, а включаются лишь на время, когда необходимо. Именно поэтому они и не устают, не стареют. Мы не знаем, когда прилетел сюда этот корабль, — может, сто, а может, и тысячу лет назад. А все автоматы в полной рабочей готовности. Удивительно продуманно и экономно! Это построено на века...

— Но, — продолжал Раин, — стоит ли строить такие вещи на века? Техника так стремительно развивается, машины стареют... Вы говорили, что импульсы идут от этой стрелки?

— Да, — ответил Калве. — Она выдвижная, телескопическая. Каждому из трех строго фиксированных положений ее по длине соответствует своя форма импульса. И при каждом положении конец стрелки находится на одной из этих окружностей. Стрелку можно двигать также по кольцевой прорези. При этом я заметил: импульсы посылаются в машину именно в тот момент, когда стрелка совмещается с огоньком, расположенным на той окружности, на которой находится конец ее. Нацеливать стрелку можно очень точно, тут целая система настройки; причем здесь — он указал на один из экранов — мы видим участки окружностей под большим увеличением. Настроить можно с точностью до десятой доли градуса...

— Но зачем?

— Этого-то мы и не знаем.

— Не знаем... — как эхо, повторил Раин. — Так... А эти сигналы? Ага, они указывают, где находится ракета? Итак, сидевшему за этим пультом следовало знать, в каких ангарах есть ракеты и в каких нет? Так,

так... Не подтверждает ли это вашего предположения о том, что вся эта техника и служит для запуска ракет?

— Так мне казалось. Но я боюсь ошибиться.

— Если так, — оживился Раин, — возможно, мы действительно отсюда выберемся? Чем я могу вам помочь?

— Мне пока не ясна роль этой, рукоятки, — сказал Калве. — Вы двигайте ее, а я прослежу за возникающими импульсами.

— А это не опасно?

— Все равно включенный сейчас ангар пуст...

Раин послушно положил руку на рычаг. Калве надвинул на лицо экран инвертора, кивнул головой, сказал:

— Начинайте.

Раин нажал рукоятку.

Калве словно выслеживал зверя: согнувшись, приглядываясь к стремительной пляске голубых линий, запетлял по полу. Раин с улыбкой наблюдал за ним. Затем, действуя по оставленной Калве программе, он поставил рукоять в прежнее положение и сразу же опять потянул на себя, повторяя ту же серию импульсов. При этом он мельком взглянул на небольшой экран, находившийся рядом с рукояткой... и моментально забыл и о Калве и о его задании.

— Что с вами? — окликнул его Калве.

Раин, не отрывая глаз от экрана, замахал рукой. Калве подбежал к нему.

На чуть выпуклом экране — он был, как и все экраны на спутнике, не кинескопом, а какой-то иной конструкции — мелькали странные картины. Калве и Раин затаили дыхание.

...Это не был полетный дневник. Раин понимал, что если на спутнике и имелся бортжурнал, страницы которого теперь возникали перед ними, то велся он, вернее всего, в какой-то закодированной записи, магнитной или иной. Но сейчас они видели их уже расшифрованными, как будто на этом небольшом, сантиметров шестьдесят на сорок, экране им показывали хроникальный фильм.

А может быть, это вовсе и не были записи из журнала... Машина показывала отдельные, разрозненные события и к тому же в обратной последовательности, словно заново припоминая их, углубляясь в

прошлое, чтобы лучше проанализировать. В ее воспоминаниях — если так можно было назвать воспроизведение на экране событий, запечатленных в виде мельчайших электрических зарядов в блоке памяти машины, — встречались странные провалы, вызванные, возможно, какими-то неполадками в самой машине. Во всяком случае, на экране не получалось связного рассказа, а мелькали разрозненные картины, какие порой видятся во сне.

Сначала Калве и Раин увидели этот самый машинный зал и себя в нем, потом в зале остался один Калве, потом Калве и Коробов (так решил Раин, потому что фигуры, хотя и расплывчатые, все же напоминали людей в знакомых скафандрах) открывали подряд все двери.

После короткой заминки на экране возникло крупное изображение красной планеты. Они сразу узнали Марс. Потом промелькнули сразу два изображения: с поверхности Марса стартовали ракеты, как две капли воды похожие на ту, которая стала теперь их домом, а на другой половине экрана откуда-то из пространства надвигался на них сплюснутый сфероид, охваченный поясом взлетных эстакад. Калве и Раин узнали в нем Деймос и переглянулись: снято со стороны?

Изображение с Марсом поблекло, задрожало и, размываясь, исчезло, а надвигающийся шар Деймоса занял весь экран. В одном и том же месте его поверхности изредка вспыхивали слепящие огненные струи...

— Вы понимаете, что это значит? — вскричал Калве. — Это же не спутник!

— Звездолет... мы на звездолете! — быстро ответил Раин.

Вспышки продолжались — очевидно, включались на короткое время двигатели, тормозя звездолет. Потом на экране замелькали изображения внутренних помещений Деймоса, разные его отсеки. Большинство из них было совсем не знакомо космонавтам. Одно из изображений замерло, задержалось на экране: большой зал, который весь, от пола до потолка, пронизывали странные, радужно переливающиеся стержни. Но некоторые из них не светились — от них во все стороны разлетались красные искорки...

«Неисправность, что ли?» — подумал Калве, наблюдая, как постепенно гаснут и остальные стержни. Вот потух и последний: из него вылетела стайка искр, и наступила темнота...

Разбираться во всем этом не было времени. На экране возникла стремительно летящая из темноты глыба. Трудно было определить ее размеры: это мог быть метеорит, мог быть и крупный астероид. Он выглядел каким-то не настоящим, а словно нарисованным. Сразу расплылся и погас, сменившись новым изображением. Теперь весь экран заняла гигантская, как показалось обоим, планета с неровной, волнующейся, как море, поверхностью. Что-то знакомое почудилось Калве в облике этой планеты, он повернулся к Раину...

— Юпитер, — коротко сказал тот, не отрываясь от экрана.

Неожиданно появился тот же самый круглый пульт, около которого они стояли, и знакомый экран был в середине его, только его опоясывало не три, а пять окружностей, и огоньков было больше, как сразу заметил Калве. Раин поднял брови: вдруг на экране возникли знакомые уже три кольца...

Калве осторожно отошел от экрана: ему не терпелось проверить, с какой нагрузкой работает машина сейчас. Он шел от шкафчика к шкафчику, в которых сосредоточивались результаты громадной работы, протекавшей в десятках наполненных серым веществом ящиков во всех тридцати секциях машины. Да, вот теперь она работала на полную мощность: везде бушевали голубые линии...

Калве заглянул в одну из секций: серая масса показалась ему охваченной холодным голубым пламенем.

Калве возвратился к экрану, от которого все не мог оторваться Раин.

— Что? — спросил его Калве.

— Снова переигрывает... — почему-то шепотом ответил Раин.

Он напряженно всматривался в экран, карандашом наносил какие-то точки на листок бумаги... А на экране промелькнула водяная гладь, взволнованная ветром, потом равнина, озаренная зеленоватым светом. И все исчезло. Экран погас.

Калве и Раин молча сидели еще минут пять — на экране ничего больше не возникло.

Раин с трудом перевел дыхание. В баллонах кончался кислород. Надо спешить в ракету.

— А работа? — спросил Калве.

— Придется прийти еще раз... И вообще к черту данные! Вы можете попытаться объяснить, что это нам показывали?

— Я думаю, — сказал Калве, — что этой рукояткой машине задается определенный режим работы, при котором она может анализировать события, записанные в ее памяти.

Для удобства и быстроты восприятия лишь какую-то часть этого анализа обладавшая громадной — это Калве понял еще раньше — памятью машина преобразовывала в видимое изображение. Как это делалось, Калве не представлял, но ощущал, как машина, которой приходилось иногда при помощи логических выкладок восстанавливать события, сведения о которых почему-то не были для нее закодированы, иногда не то, чтобы запутывалась в рассуждениях, а тут же, на экране, исследовала различные варианты и тут же отбрасывала менее вероятный. Так, следовало разобраться, были ли кадры о прилете ракет с Марса документальной записью или отвергнутым вариантом. А промелькнувший метеорит? Что обозначали затухающие стержни? Что двигатели звездолета вышли из строя? Но было непонятно: от столкновения ли с метеоритом, или же из-за перенапряжения двигателя при попытках вырваться из притяжения Юпитера. Во всяком случае, двигатели вышли из строя, звездолет вынужден был остаться здесь...

Раин слушал объяснения Калве, что-то быстро записывал. Ему пришло в голову, что дело было даже не в притяжении Юпитера, а просто в том, что при наблюдениях издалека вся масса нашей солнечной системы казалась летевшим сюда неведомым астронавтам сосредоточенной в центральном светиле. Звездолет шел на такой скорости, что, когда приборы заметили ошибку, исправить ее, не допустить гибельного искривления траектории стало можно только пустив двигатели на полную мощность. И двигатели, наверное, уже порядком износившиеся за долгий полет, не выдержали — отказали...

— Но куда они делись, хозяева этого корабля? — спросил Калве. — Почему бросили такое удивительное сооружение? Это же настоящее чудо науки и техники!

Раин задумчиво пожал плечами, потом ответил:

— Судя по тому, что мы видели, произошла какая-то авария, и они были вынуждены покинуть этот звездолет и перебраться на борт другого, спасательного корабля. — Раин помолчал. — Ничего, во всем разберемся со временем... А пока все это настолько важно, что нам надо как можно скорее передать это на Землю. Мы одни не можем оставаться хранителями таких бесценных сведений. Вся надежда теперь на Азарова.

14

Азаров в это время был далеко от них. Нагрузившись запасными баллонами с кислородом, он уже успел обшарить многие помещения Деймоса.

Они пошли вместе с Коробовым, а потом разошлись в разные стороны. Азаров решил начать поиски с того отсека, в котором был найден счетчик. Да, возможно, ракета когда-то и была здесь, но никаких следов ее пребывания не осталось.

Куда- она могла исчезнуть? Где искать ее? Очевидно, если ее куда-то перетащили — разумеется, в разобранном виде, — то тащили ее не через коридор... А для чего вообще могли ее разобрать? Ну, хотя бы для изучения — вполне возможно.

Значит, надо было найти иной ход из ангара. Поиски заняли около часа и не увенчались успехом до тех пор, пока Азарову не пришло в голову попробовать проникнуть в один из боковых люков: судя по происшествиям в их ангаре, за ними должны были находиться роботы.

Он с трудом открыл один из люков. Конусы автоматов стояли за ним без движения, будто дремали в ожидании, когда их позовут. Азаров осторожно пробрался между ними. Ход привел его к широкой трубе, уходившей вертикально вверх. В ней была дверь. Азаров

вошел, постоял немного — внезапно пол под его ногами стремительно пошел вверх.

...Потом больше двух часов бродил он по космическому городу. Глазам его открывались огромные лаборатории, пустые хранилища, в которых когда-то, очевидно, находились обильные запасы. В одном зале оказался даже огромный — метров сто на двести — бассейн, сейчас пустой. «Уж не плавательный ли?» — усмехнулся Азаров.

Он проходил через просторные залы, уставленные непонятными устройствами, которые с одинаковым успехом могли предназначаться и для испытаний машин, и для гимнастики, для тренировки бездействующих мускулов.

Он разыскал и жилые каюты — они одни занимали целый этаж. Попытался прикинуть общее количество населения спутника. Получалось очень большое число, порядка нескольких тысяч. Азаров недоверчиво покачал головой.

Кислорода, однако, и здесь в атмосфере не было. Жить тут сейчас было нельзя.

Азаров прибавлял шагу. Осмотр заинтересовал его, хотя никаких следов автоматической ракеты обнаружить он не смог.

Он поднялся в очередной ярус. Открыл дверь. И отшатнулся, увидев звездное небо. Сначала ему показалось, что он внезапно вышел на поверхность спутника, но сейчас же он понял: в этом зале одна стена и потолок были так прозрачны, что, казалось, вовсе отсутствовали.

Вероятно, Азаров поднялся уже в самую верхнюю часть шара, если только спутник действительно имел такую форму. А это, несомненно, была обсерватория, по крайней мере некоторые приборы напоминали земные рефлекторы и радиотелескопы.

Азаров пожалел, что рядом нет Раина: астроном позавидовал бы ученым, которые когда-то здесь работали... Кроме несомненных телескопов, здесь были и иные приборы — легкие фермы без антенн и без зеркал, и Раин наверняка не пожалел бы времени, чтобы понять, какое отношение имеют они к астрономии.

Азаров присел в кресло перед одним из таких приборов, чтобы оглядеться и передохнуть. Отдыхая, он задумчиво глядел сквозь

прозрачную стену в черноту пространства. И внезапно ему показалось, будто перед его глазами возникают новые звезды. Да, несомненно, вот уже несколько их появилось из темноты... Его осенила смутная догадка: вероятно, прибор все-таки был тоже телескопом, только роль линз в нем, как в электронном микроскопе, выполняли мощные магнитные поля. Инструмент, очевидно, включался автоматически, как только оказывалось занятым кресло наблюдателя.

Азаров внимательно разглядывал звездную картину — неба он не видел, казалось, уже неделями... Телескоп выделял часть небосвода — похоже, созвездие Дракона, сообразил он, вспомнив занятия по астронавигации. Только из четырех светил, которые были сейчас в поле зрения телескопа, раньше он знал лишь одну звезду четырнадцатой величины — прочие оставались невидимы и в самые сильные телескопы Земли. Случайность ли это? Просто ли инструмент направлен на этот участок неба, или...

Ему припомнились рассуждения Раина о том, что возникновения и быстрого развития жизни следует ожидать на планетах, вращающихся именно вокруг энергетически не очень сильных светил — желтых карликов вроде Солнца. В таких планетных системах гораздо менее вероятны резкие катастрофы — такие, как внезапные скачки радиации, губительные для жизни, успевшей уже приспособиться к определенному режиму.

Но если это не случайность, что ученые Марса искали в созвездии Дракона? Нет, все-таки случайность...

Встав с места, он подошел к одному из рефракторов. Тот же уголок неба отражался в его зеркале. И в ту же сторону были направлены ажурные параболоиды радиотелескопов.

Нет, это не случайность, что в какое-то определенное время телескопы смотрят на созвездие Дракона. А если не случайность, то... И это большое число жилых кают... Такому количеству жителей просто нечего было делать в спутнике, на них не хватило бы работы... Нет, конечно, это не может быть простой случайностью...

Он прошел в соседний зал. Это была громадная, на многие гектары, оранжерея, покрытая таким же прозрачным куполом, за которым зияла пустота. Зал не делился на отсеки и, видимо, занимал всю

верхнюю часть шара. Только в центре потолка виднелась круглая непрозрачная площадка, к ней снизу шла толстая труба.

Азаров направился к ней. Путь лежал мимо длинных полос грунта, на котором в свое время, похоже, росло что-то, служившее продовольствием. Иначе какой был смысл разводить здесь сады? Теперь лишь хилая, желтоватая травка покрывала почву — может быть, потомки культурных растений, оказавшихся менее долговечными, чем машины, и выродившихся в результате отсутствия ухода и возросшей радиоактивности. Кое-где стояли странные, низкорослые, искривленные деревья без листьев, но с зеленовато-голубыми, просвечивающими ветвями. Они жили — устройства спутника продолжали подавать сюда воду, углекислоту, питательные вещества.

Азарову пришло в голову, что в оранжерее должен быть кислород: здесь нет машин, которым могла бы угрожать коррозия, а система деления спутника на отсеки и ярусы с блокировкой всех переходов позволяла иметь в различных местах разную атмосферу.

Однако он не стал проверять свое предположение. Возникшие у него мысли манили к круглой площадке наверху.

Он подошел к трубе, осмотрел ее в поисках люка. Люк был и даже сам открылся перед ним. И в тот-же миг разом погасли висевшие невысоко над полом мощные светильники, оранжерея наполнилась теплым желтым светом...

— Солнце! — неистово крикнул Азаров, закрывая глаза от света. Действительно, Деймос на своем пути вокруг Марса вышел из теневого конуса, и далекое, родное светило залило оранжерею своими лучами.

— Солнце... — повторил Азаров, прижимаясь к прозрачной стене, черное пространство за которой сразу перестало казаться таким безнадежным.

Ему хотелось петь, смотреть на Солнце без конца. С трудом заставил он себя войти в открывшийся перед ним люк. Побежали вниз стены, трубы... Теперь Азаров оказался на самом верху, на заветной площадке.

— Ну да, — сказал он. — Я так и думал...

Он очутился в небольшом круглом прозрачном зале, и теперь со всех сторон его окружало звездное небо. По окружности зала тянулись низкие широкие диваны. В центре, у четырехгранного пульта, стояло откинутое назад кресло. Перед пультом возвышался большой постамент с экранами, шкалами приборов, блестящими точками индикаторов. На самом же пульте не было ничего: ни переключателей, ни рычагов. Только две большие выпуклые кнопки — красная и белая — выступали над его гладкой поверхностью.

— Так я и думал... — проговорил Азаров. — Конечно, это не спутник. Звездолет, звездолет высокого класса...

Он сел в кресло за пультом. Тотчас же на постаменте засветился экран: на нем была точная картина звездного неба, такая же, какая виднелась за прозрачным куполом этой, по всей вероятности, ходовой рубки. Наверное, это был звездный компас: чтобы следить, насколько точно машины соблюдают курс. Азарова немного удивило, почему строители звездолета вынесли ходовую рубку на самую поверхность, гораздо безопаснее было бы поместить ее где-нибудь в глубине корабля. Но тут же, став на место воображаемого оппонента, он возразил сам себе: так можно судить, исходя из земных представлений о прочности...

Приборов на пульте громадного звездолета оказалось даже меньше, чем на их земной ракете. Вероятно, здесь гораздо в большей мере, чем пока на Земле, применялось суммирование показаний приборов вычислительными устройствами. К пилоту поступали лишь обработанные, самые важные сведения. За остальными следили сами машины.

Азаров вздохнул, закрыл глаза. Вот так здесь сидел когда-то командир звездолета, вел его к неведомым светилам — представитель иной жизни, намного обогнавшей нашу... На диванах вокруг располагались в свободные минуты члены экипажа, друзья и соратники командира — такие же, как он, рослые, здоровые и, наверное, добрые и веселые люди. Они жили, они стремились к открытиям, от которых, быть может, зависела судьба пославшей их планеты.

Азарову показалось, будто просторное помещение наполнилось вдруг сдержанным гулом голосов, едва слышным отзвуком

работавших где-то внизу двигателей... Перед его закрытыми глазами замелькали незнакомые, причудливые рисунки созвездий, почудилось, что он сам грудью рассекает пространство, через которое стремится этот могучий шар...

Так он сидел несколько минут, не раскрывая глаз. Но надо уходить отсюда: не здесь же, в ходовой рубке звездолета, искать остатки автоматической ракеты!

Он спустился обратно в оранжерею, не задерживаясь, двинулся дальше. И снова потянулись бесконечные вереницы помещений, заполненных машинами, механизмами, все более странными, непохожими на земные, комнат с неустойчивыми полами, — они мягко колыхались, когда Азаров проходил по ним... В одном месте он наткнулся на прозрачную перегородку, за которой клубился лиловый туман — только густые лиловые облака, сквозь которые ничего нельзя было разглядеть, — и среди них то и дело посверкивали голубые молнии. Азаров долго стоял, наблюдая за причудливой игрой разрядов, пока они не начали слишком часто отскакивать в его сторону. Тогда он поспешил уйти отсюда, обозначив перегородку на плане, на котором отмечал весь свой путь.

...Через два часа он снова оказался внизу, в радиальном коридоре. Сегодняшняя программа поисков была закончена, он видел очень много интересного, а ведь была осмотрена лишь малая часть того, что скрывалось в этом колоссальном шаре. Над его устройством впоследствии не один год поломают голову ученые Земли. Но никаких следов автоматической ракеты он так и не обнаружил.

Азаров уже хотел войти в коридор, ведущий к ангарам, но раздумал и решительными шагами подошел к другой двери — той самой, у которой Сенцов и Раин, пробираясь с поверхности, обнаружили, по их словам, усиленную радиацию. Почему ракета или ее остатки не могли находиться в помещении, где уровень радиации выше?

Он приблизился к двери вплотную. Лампочка индикатора затлела чуть ярче. Ну и что? До опасности, во всяком случае, далеко, а ракета может находиться именно здесь, и все равно ведь, если она не найдется в других помещениях, придется лезть за ней сюда.

Азаров оглядел дверь. Запорной планки здесь не было, но слева он увидел три углубления — такие же, как и у входного люка корабля, — вложил пальцы в эти гнезда.

Дверь тяжело поехала в сторону, он успел удивиться ее необычной толщине... И сразу лампочка в скафандре запылала так ярко, что в глазах его на миг поплыли красные круги. Радиация стремительно возрастала, как будто он, открыв дверь, выпустил на волю миллиарды крошечных дьяволов и они, радостно кувыркаясь, стремительно неслись теперь по коридору... Азаров инстинктивно рванулся назад, но тут же остановился: надо же закрыть дверь, иначе...

Он снова вложил в гнезда три пальца, но дверь не закрывалась. Азаров стал лихорадочно вспоминать, как же закрывался люк ракеты, и с ужасом вспомнил, что это происходило лишь после того, как кто-нибудь переступал порог в одну или другую сторону. Наверное, был и другой способ, но он его не знал. Значит, чтобы закрыть дверь и прервать течение смертоносного потока, остается одна возможность: заставить ее опуститься за собой, а потом уже искать, как открыть ее изнутри...

Эти мысли пронеслись в его мозгу в доли секунды, и он сделал последний шаг, отделявший его от двери, хотя знал, что ему после этого наверняка не выбраться... В последний миг он подумал, что товарищи не найдут его следов и не узнают, что случилось. Они зря потеряют время на поиски. И потом если даже отыщут автоматическую ракету, то без него, Азарова, гораздо дольше будут возиться с передатчиком, потому что полностью заменить его в радиотехнике не мог бы даже такой мастер электроники, как Калве. Все так, но это лишь мелкие неприятности по сравнению с той опасностью, какой угрожала всем открытая дверь. Она означала явную гибель, а если уж гибнуть, то одному, а не пятерым...

Он закрыл глаза и рванулся вперед, нагнув голову, прощаясь со всеми и одновременно проклиная радиацию. Так вот, значит, какой конец готовила ему судьба...

Азаров успел пробежать шага два и даже увидел краешком глаза широкий коридор и на противоположной его стороне еще дверь, почему-то закрытую не до конца. За ней скорей угадывались, чем

виделись, странные, тускло поблескивавшие, уходящие ввысь колонны. В следующий миг что-то мягко толкнуло Азарова в грудь, он зашатался, потерял равновесие, чуть не упал — что-то мягко подхватило его, словно он опустился на мягчайшую перину, вынесло, откинуло от двери обратно в коридор.

Еще два раза он пытался прорваться, но оба раза невидимая преграда останавливала его, мягко опрокидывала, отбрасывала назад... Пройти в дверь оказалось невозможным.

Азаров перевел дух, руки и ноги его дрожали... Он громко выругал неизвестных конструкторов, придумавших такую мудреную защиту и не догадавшихся применить простую блокировку двери. Потом он повернулся и торопливо побежал к товарищам. Боком проскользнул в. дверь коридора, словно надеясь этим задержать излучение, не дать ему проникнуть следом за ним, хотя знал, что простые двери его не задержат, не остановят...

Возле двери в ангар он наткнулся на Коробова — тот спешил ему навстречу. Азаров взглянул на его встревоженное лицо, на напряженные глаза и положил руку на плечо товарища, прижался к нему, словно ища поддержки...

15

Это было как наводнение, когда вода подступает все выше и нет надежды, что уровень ее по какой-то причине остановится и удастся спастись. Все двери закрыли накрепко, однако уровень радиации возрастал хотя и медленно, но неудержимо.

Можно было, конечно, покинуть ракету и укрыться в верхних ярусах спутника. Но тогда придется окончательно проститься с надеждой отправить сообщение на Землю: другого выхода на поверхность, кроме уже известного, они не знали, а радиограмму можно послать только с поверхности — сквозь броню звездолета радиоволны их передатчика не пройдут.

Отступать решили в самую последнюю минуту. Пока же все занялись одним: поисками автоматической ракеты с передатчиком. Искали и не находили...

С Азаровым все держали себя так, словно бы ничего и не случилось. Но сам он был чернее тучи, порывался лезть в самые опасные места, пока Сенцов не сказал ему однажды:

— Ты не горячись... Теперь сам видишь — к чему это приводит.

Собирались вместе, лишь совсем выбившись из сил. И уже становилось ясным, что через день-два уйти все равно придется: уровень радиации станет опасным. Наверху еще можно будет продержаться, но здесь оставаться невозможно.

О своем трудном положении ничего не говорили. Рассказывали друг другу о том, что видели за день, спорили, как объяснить те или иные непонятные машины, приборы. Эти беседы за ужином теперь были единственным временем, которое космонавты проводили вместе, и на них полагалось являться чисто выбритыми, подтянутыми, в вычищенных комбинезонах.

Сейчас в одной из кают, превращенной в кают-компанию, собралось уже трое пилотов. Они были голодны, с нетерпением поглядывали на часы, но оба ученых задерживались, хотя и вели поиски в разных направлениях.

Наконец они явились вместе, оба какие-то мрачно-возбужденные. Молча сели за стол и ели молча, не поднимая глаз на товарищей.

— Не нашли, конечно? — спросил Сенцов, когда ужин уже заканчивался и на столе оставалось только какао во фляжках с присосками: питались они так же, как при невесомости, — привыкли, да и другой посуды не было.

— Не нашли... — мрачно ответил Раин.

Калве только вздохнул.

Раин замолчал, но не удержался:

— Что ж тут скрывать?.. И не найдем. И никто не найдет.

— Почему ты думаешь? — насторожился Сенцов.

— Мы тут с Калве прикинули... По дороге забежали в кибернетический центр и там еще раз проверили. Как будто бы наши выводы правильны...

— Какие выводы?

— Где был найден счетчик? — спросил Раин. — В том отсеке, на который указывал переключатель на пульте. А переключатель этот, как

Калве в общем установил, задает машине режим подготовки ракеты в данном ангаре к полету.

— Ну и что?

— Ясно, что автоматическая ракета, попавшая сюда таким же образом, как мы...

— То есть автоматически посаженная и затем втянутая в ангар, — уточнил Калве.

— Ну да... Эта ракета и встречена была очевидно так же, как наша...

— Это справедливо, — сказал Коробов. — Они однотипны, разница лишь в деталях.

— Правильно. Значит, и ее роботы по своей программе сначала вскрыли, а потом, так сказать, отремонтировали: навесили люковые крышки, кое-что там наварили — по образцу своих ракет.

— Так, понятно...

— Но так как она попала в тот ангар, который был переключателем подготовлен к выпуску ракеты, то ее, поскольку никакого вмешательства в программу действий машины не последовало, просто-напросто выбросили из ангара. Отправили, так сказать, в рейс... Другого объяснения мы не находим.

— Подожди... Но на чем же она ушла в рейс? Кто включил двигатели?

— Никто не включал, — ответил Азарову уже Сенцов. — Ты что думаешь, ракеты у них стартовали на своих двигателях? Что бы тогда осталось от этих ангаров? Нет, они выбрасывали их таким же образом, каким и втягивали: посредством поля, магнитного или другого — мы не знаем.

— Правильно, так и мы с Калве решили, — поддержал его Раин. — Ну, а раз ее выбросили, то искать ее бесполезно, сами понимаете...

— Да не может быть! — возразил Азаров. — Они же не могут быть такими глупыми, ваши роботы и машины. Выбрасывать ракету, в которой нет ни одного человека, не заправленную, неподготовленную и вообще чужую...

— Они не глупые и не умные, — сказал Калве. — Они действуют по программе. Что касается людей — возможно, и у них на звездолете были автоматические ракеты-разведчики. А что касается того, что

выброшенная ракета была не готова, то автоматы этого просто не заметили.

— То есть как? — удивился Коробов.

— Можно себе представить, что автоматы, снимающие показания датчиков после возвращения ракеты из рейса и передающие их в кибернетический пост, принимают сигналы, свидетельствующие о недостатке чего-то: топлива, энергии... Тогда происходит дозарядка. А раз, по их «понятиям», ремонт окончен, сигналов о нехватке чего-либо не поступало, то, значит, ракета готова к вылету.

— Может быть, конечно, это и не так, — сказал Раин. — Но что спорить и ломать головы? Давайте проверим!

— Как именно? — спросил Сенцов.

— Пожертвуем нашим искалеченным кораблем. Он нам больше не нужен, с него снято все, что возможно. Переключим машину на наш ангар. Тогда будет видно, что произойдет. Автоматы уже несколько дней не прикасаются к ракете. Если наши предположения подтвердятся, значит мы узнали, как — производится отправление ракет. И, кроме того, прекратим ненужные поиски...

Сенцов молчал. Было видно, как жаль ему расставаться со своим, хотя бы уже и ни на что не годным кораблем: командование им было поручено ему, Сенцову, и вот не уберег... Кроме того, если эксперимент подтвердит предположения Раина и Калве, значит не остается никакой надежды разыскать недостающие части для передатчика, для восстановления связи с Землей...

— А куда же девались остальные наши разведочные ракеты? — пытаясь найти хоть малейшую возможность иного решения, спросил Сенцов. — Ведь их посылали несколько, и ни одна не вернулась. Что же по-вашему: их все вот так здесь прооперировали, а потом выбросили? Больно неестественно получается...

— О судьбе других автоматических ракет мы пока ничего не знаем, — ответил Раин. — Можно только гадать. Может быть, и не одна из них побывала тут. А вероятнее, что остальные ракеты, попадая в сильное магнитное поле этого звездолета, выходили из строя, теряли правильный курс...

— Возможно, — задумчиво вставил Коробов. — Отказала автоматика, и ушли они куда-то в бесконечность, ищи их теперь. Ты вспомни, командир, как нам самим пришлось взяться за управление, когда при подлете сюда задурили автоматы.

Сенцову нечего было возразить. Ничего не скажешь, доводы основательные. После долгой паузы он молча кивнул, принимая план Раина и Калве.

В конечном итоге главное было — выяснить как можно больше сведений об устройстве звездолета. Кто знает, пусть не сейчас, а хотя бы через полгода они смогут разобраться и в том, как его строители осуществляли связь, сумеют все-таки дать сигнал на Землю. Для этого стоило пожертвовать многим.

...Три пилота медленно вошли в ангар. Взобравшись на эстакаду, постояли возле корабля. Металлическая сигара сейчас была вовсе не похожа на ту, какой ее втянули сюда автоматы всего несколько дней назад. Появились два новых люка. Основная ступень накрепко приварена к первой — теперь не было никакой возможности отбросить ее в полете... Какие-то гребни украшали среднюю часть ракеты. Такие нее они видели и на оболочке чужого корабля, ставшего теперь их домом. Зачем они нужны?

Сенцов легко коснулся, словно погладил, шероховатой оболочки ракеты. Вручную закрыли люк, так и оставшийся открытым с самого дня нападения. Потом молча слезли с эстакады и отошли в дальний угол зала. Сенцов послал Азарова передать ученым, что можно начинать.

Прошло несколько минут. Внезапно в зале раздалось легкое гудение, на стенах загорелись, замигали сотни лампочек. Их перекличка становилась все быстрее, наконец, лампы стали вспыхивать и гаснуть с такой быстротой, что зарябило в глазах.

Оба ожидали: вот-вот ракета сорвется с места, поползет вверх по эстакаде... Но лампочки внезапно погасли.

Прошло еще несколько минут. Все началось сначала — и опять без видимого результата. Снова наступил перерыв, он тянулся, казалось, бесконечно. Сенцов уже собрался пройти в кибернетический центр и поинтересоваться: долго ли еще ученые-исследователи намерены

развлекаться, не лучше ли сразу признать, что их опыт не удался, предположения не подтвердились?..

В этот момент перекличка огоньков началась в третий раз, и Сенцов решил подождать до очередного перерыва. Но лампочки не угасали, мигание их слилось в один световой кипящий вихрь, и, наконец, Сенцов и Коробов увидели, как тяжелое тело ракеты начало медленно, едва уловимо всплывать над эстакадой... Оно повисло в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров над поверхностью вогнутого лотка, на котором до этого лежало. Это выглядело странным и сверхъестественным.

— Сейчас они ее... — оказал Коробов.

Сенцов замахал рукой, словно требуя полнейшей тишины.

Глухо загудело где-то совсем рядом, за стеной. Задрожал пол. По нему чуть заметно заскользили струйки пыли, они текли в двух направлениях — к углам зала. Сенцов понял, что заработали компрессоры, откачивая воздух из ангара.

— Да, они правы... — пробормотал он.

Внезапно оба космонавта вздрогнули. В ангаре раздался могучий рев. Стихнув, он повторился еще и еще... Вспыхнул под потолком большой красный глаз, его прерывистый свет казался гневным. Вой сирены все усиливался.

— Ясно! — прокричал Коробов. — Нам придется выйти... Очевидно, по требованиям безопасности присутствие кого-либо в ангаре во время запуска не разрешается...

Они быстро пошли к двери, открыли, выскочили в коридор. Пока опускалась дверь, Сенцов бросил последний взгляд на корабль — он все так же висел над эстакадой... Дверь опустилась, и тотчас же сильная дрожь прошла по стенам, потолку — и все стихло, только глухое гудение компрессоров доносилось из-за стены. Коробов попробовал открыть дверь, она не поддавалась. К ним подошли остальные трое. Молча остановились, стали ждать.

Дверь открылась минут через пять. В ангаре все осталось по-прежнему. Только эстакада опустела.

— Да... — сказал Сенцов после минутного молчания. — Ну что ж, прощай... — И было непонятно, относились ли эти слова к

исчезнувшему навсегда кораблю, или к надежде смонтировать передатчик, или ко всему вместе...

— Далеко она не уйдет, — сказал Азаров. — Двигатели-то не включаются...

— Станет спутником Марса, — подтвердил Раин. — Когда-нибудь мы ее выловим...

— Ну, пошли, — позвал Сенцов, и все вернулись в ракету. Сбросили скафандры, собрались в кают-компании.

— Что будем делать? — спросил Сенцов.

Все молчали. Из ракеты не сегодня-завтра придется уходить. Надежды собрать передатчик не осталось. Может быть, конечно, со временем что-нибудь и придумается, но сейчас ломать голову было бесполезно.

— Ну что ж, — сказал Сенцов. — Во всяком случае, открытия нами сделаны первостепенного значения. И то, что это звездолет. И относительно Фобоса. Я думаю, что — как бы там ни было — нам надо записать все, что мы видели. Рано или поздно наши записи найдут... Может быть, именно наверху мы найдем возможность связаться с Землей, хотя бы используя какой-нибудь мощный источник света. Не может же быть, чтобы на звездолете не было такого устройства. Световые сигналы, возможно, заметят с Земли. Пока ясно одно: здесь, в ракете, оставаться нельзя.

Остальные понуро слушали его, никто не говорил ни слова. После паузы Раин преувеличенно-бодро сказал:

— Писать так писать... Что именно мы запишем?

— Напишем, как нам это все представляется, — сказал Сенцов. — Вот как ты сам представляешь себе случившееся?

— Как я себе представляю? — задумчиво переспросил Раин.

Много лет назад от созвездия Дракона по направлению к солнечной системе шел звездолет.

На борту его, кроме экипажа, были тысячи колонистов — они летели заселять новые планеты, выдвигать все дальше во вселенную форпосты Разума.

Размеренно работали двигатели. Звездолет шел на скорости, близкой к световой, но на борту его размеренно текла жизнь, велись

наблюдения, исследования. Приближался решающий момент — уже неподалеку была желтая звезда, вокруг которой, как установили астрономы, обращалось несколько планет.

В вычисления астрономов вкралась неточность. Уже в фазе торможения звездолет сблизился с крупнейшей планетой солнечной системы — Юпитером. Притяжение этого гиганта начало искривлять путь корабля. Пришлось усилить торможение, чтобы искривление не стало гибельным для всех живых, находившихся на его борту.

Им удалось избежать гибели. Но двигатели не выдержали, режим работы их был нарушен. Пройдя орбиту Юпитера, звездолет оказался вынужденным окончательно затормозиться у следующей по направлению к Солнцу планеты и лечь на круговую орбиту.

Были сделаны попытки восстановить двигатель. Они не увенчались успехом. Космонавты вызвали помощь с родной планеты.

Помощь могла прийти через годы... А пока, используя находившиеся на борту звездолета ракеты, экипаж начал исследование трех планет, которые могли оказаться пригодными для колонизации. За эти годы пришельцы побывали на Марсе, на Земле, на Венере.

Помощь пришла. Но и тогда им, видимо, не удалось восстановить испорченные двигатели. Потерпевший аварию звездолет пришлось оставить здесь, возле Марса.

Хотя ни одна из трех обследованных планет не годилась, по мнению пришельцев, для колонизации, но продолжать их изучение и детальное обследование стоило. Используя оставленную станцию, пришельцы в любой момент могли снова посетить солнечную систему. Пока же они занялись поисками пригодных для колонизации планет в других ближайших звездных системах...

— Ну, конечно, многовато фантазии, — сказал Сенцов. — Но в общем так оно, возможно, и было...

— Интересно, почему эта ракета не ушла вместе с остальными? — спросил Коробов.

— Вряд ли такое путешествие, как у них, могло обойтись без жертв, — ответил Раин. — Очевидно, для этой ракеты просто не хватило экипажа.

Все на миг умолкли.

— Впрочем, может быть и другое объяснение, — сказал Раин. — Они оставили одну ракету на случай своего возвращения, чтобы можно было посетить планеты снова.

— А почему они не смогли колонизировать эти планеты?

— Мы можем сделать некоторые выводы на основании анализа условий, существующих в звездолете. Содержание кислорода здесь, в атмосфере, значительно больше, чем у нас. На Марсе кислорода и того меньше, на Венере, очевидно, тоже... Возможно, были и другие причины...

— Так, — сказал Сенцов. — Вопросы еще будут? Нет? Добро... А теперь — за работу.

— Послушайте, — торопливо проговорил Калве. — Но ведь это... Нельзя же, чтобы на Земле не узнали об этом еще годы. Мы обязаны использовать все возможности. Мы теперь знаем, как стартуют ракеты...

— То-то вы возились чуть ли не полчаса!

— Мы не сразу разобрались... Оказывается, поворота переключателя недостаточно. Там есть еще стартовая кнопка, ее надо нажать. Разобраться можно... Почему же мы не рискнем? Оставим записи здесь, а сами пустимся на этой ракете...

— И я бы рискнул, — поддержал Азаров.

— Рисковать не будем, — холодно ответил Сенцов. — Голосовать тоже. Будем делать так, как я сказал. Все равно наши сюда прилетят.

— Конечно, прилетят! — сказал Коробов. — Вон какие ребята остались на Земле: Низов, Крамер, Рудик...

— Да, это надежные ребята, — сказал Сенцов. — Добавь к ним Иванова и Вольского — вот и готовый экипаж...

— Нельзя в такой экипаж Вольского, — перебил его Раин. — Астроном он хороший, но сдержанности у него мало. Его надо в такой экипаж, где будет, кому его сдерживать. К Улугбекову, например. Улугбеков, Вернер, Самохин, Ильин и Вольский — вот это будет первоклассный экипаж.

— С Низовым может лететь Бочаров, — сказал Сенцов. — Хотя он сам в скором времени может получить корабль. Страшно способный

парень... Дзенис — вот кто может лететь с Низовым. Отличный пилот...

Так прощались они с теми, кто остался на Земле, у кого впереди была еще долгая жизнь, много миллионов километров и — как знать, — может быть, даже световых лет пути...

— А вы говорите — лететь... — сказал Сенцов. — Из ваших же слов следует, что все улететь не смогут: кому-то придется остаться, нажать стартовую кнопку...

— Так то, — для автоматических ракет, — сказал Калве.

— А для неавтоматических?

— По логике ракеты с экипажем должны стартовать после сигнала с самой ракеты. В ней тоже должна быть стартовая кнопка.

— Иди проверь, — усмехнулся Сенцов.

— Может, ты сам сходишь проверишь? — сказал Раин. — Я устал...

— Это куда же? — спросил Сенцов. — В кибернетический центр?

— Зачем в центр? В рубку...

— Куда? — прошептал Сенцов.

— Я говорю — в рубку, — сказал Раин.

— Он говорит — в рубку, — подтвердил Калве.

Сенцов минуту недоверчиво смотрел на них, затем яростно пробормотал что-то и выскочил из каюты. Коробов и Азаров кинулись за ним. Раин и Калве неторопливо пошли следом.

Приближаясь к проклятой прозрачной перегородке, Сенцов невольно замедлил шаг и протянул руку. Но обогнавший его Коробов как ни в чем не бывало прошел дальше...

Перегородка исчезла.

— Как? — спросил коротко Сенцов.

— Переключатель... — ответил подоспевший Раин.

Дверь в рубку открылась легко. Все пятеро, теснясь в дверях, заглянули в нее.

Как и в центральном посту звездолета, здесь вдоль стен тянулись диваны, а посредине стоял пульт — такой же, как в кибернетическом центре, только гораздо меньше. Очень мало приборов, и никаких органов управления, только круглый экран со стрелкой и две большие, выпуклые кнопки — красная и белая.

— Что за черт, — сказал Сенцов. — Ни одного рычага...

Раин между тем осмотрел экран.

— Да, — сказал он Калве. — Нет сомнения — они связаны. Огоньки здесь точно так же расположены, как и на экране кибернетического поста.

— И стрелка в таком же положении, — кивнул Калве.

— Тебе ясно? — спросил Раин, обращаясь к Сенцову. — Перегородка блокировала рубку, пока поворотом переключателя мы не назначили ракету к вылету. Теперь остальное ваше дело, товарищи пилоты.

Сенцов все еще растерянно осматривался вокруг: может, это совсем не космический корабль? Как мог кто-то лететь в ракете, где нет ни одного органа управления?

— Нет, — сказал он, — на таком корабле далеко не улетишь. Я, во всяком случае, не рискну. Переключатель выключить, а то что-нибудь еще стрясется...

— Но мы же проверили схемы... — умоляюще сказал Калве.

— Нет, — сказал Сенцов. — Нет.

Наступило молчание. Все смотрели на командира.

— Категорически? — хмуро спросил Азаров.

— Категорически. Я доверяю автоматике, но не до такой степени... Раз нельзя управлять или хотя бы задать программу — значит, нельзя и лететь. Если мы даже вылетим, то неизбежно затеряемся в пространстве. Ну, кто мне объяснит, как тут рули-то включаются? А двигатель?!

— Ну что ж, — спокойно сказал Раин. — Выключим...

16

И опять — какую же ночь? — Сенцову не спалось. Завтра предстояло покинуть ракету — так он решил, а он ведь при любых условиях оставался командиром.

Будь эта ракета построена людьми, он бы рискнул. Один человек всегда в конце концов разберется в том, что придумал другой. Но эту ракету строили не люди, а существа иного порядка. А тут все имело огромное значение: быстрота их реакции, физические возможности...

Кто его знает — может быть, у них управление кораблем на биотоках? Вылететь и болтаться в пустоте до конца дней — нет, уж лучше ждать здесь.

Но ждать здесь — значит не предупредить Землю, товарищей. Но Калве так и не дал обещанных доказательств того, что пришельцы были подобны людям. Внешнего сходства мало. На Земле все люди в общем похожи друг на друга, а в то же время... Слишком много неизвестных в этой задаче...

...Все-таки он незаметно уснул, забылся. Сквозь сон Сенцову показалось, будто кто-то зовет его. С трудом он приподнял голову, но, сколько ни вслушивался, ни одного шороха не слышалось в каюте. Во всей ракете царила мертвая, космическая тишина.

И все-таки было такое ощущение, что зов ему не почудился.

Сенцов поднялся и вышел из каюты, чтобы походить по коридору, успокоиться. Длинный, ровно освещенный, пустынный коридор уже несколько раз помогал ему сосредоточиться, прийти в себя, овладеть мыслями.

Правильно ли решает он, командир? Не рано ли сдается?

Правильно, решил он еще раз. И больше об этом думать не стоит. Завтра перейти в оранжерею, где есть кислород, может быть, даже и растения удастся использовать для еды. Все.

Он снова вернулся в каюту, улегся на диван. Дремота все ближе подступала к нему, и вдруг он снова услышал чей-то голос.

Да, это был тот же самый голос... Женский — низкий, чуть вибрирующий, полный какой-то мягкой теплоты... Он легко и мелодично произносил непонятные слова, и казалось — женщина чем-то взволнована, настойчиво просит о чем-то дорогом, очень важном... Или же она что-то объясняет ему? Голос иногда повышался, дрожал и снова ласкал слух бодрыми, радостными переливами...

И тогда Сенцов сразу вспомнил, что в тот момент, когда впервые он услышал голос, ему снился сон. Женщина снилась ему, стройная и красивая. Он не мог сейчас припомнить ее лица, но голос ее он узнал, и интонацию тоже. И так же, как во сне, он не понимал ее слов, но чувствовал теплоту и нежность, которыми этот голос был пропитан.

Голос умолк, оборвавшись на полуслове, и тогда Сенцов, окончательно понявший, что слышит его вовсе не во сне, стал лихорадочно соображать — откуда же он мог возникнуть? Это не галлюцинация: женщина действительно говорила где-то совсем рядом, здесь, в каюте...

Вскочив, он начал тщательно обыскивать каюту. Открывал стенные шкафы, исследовал весь, до последнего дециметра, пол — и ничего не нашел. И только в самом углу, над ложем, на уровне головы лежавшего человека обнаружил маленькую дверцу, не замеченную им раньше.

За ней оказался миниатюрный аппарат, из него торчала пластинка, покрытая сложным, неправильной формы узором. Очевидно, здесь было записано последнее пожелание женщины уходящему вдаль любимому человеку, и бывший хозяин каюты слушал его перед сном...

Почему, уходя, он не взял письма? Таких вещей не забывают. Просто потому, что они торопились, или была и другая причина?

Возможно, командир корабля — каюта эта, ближайшая к рубке, принадлежала, наверное, ему — погиб еще раньше. Не случайно ведь ракета осталась в спутнике.

Сенцов от души пожалел женщину с удивительным голосом, которая никогда не дождется обратно любимого. Да и сама она, наверное, давно ушла из жизни — сколько времени утекло... Впрочем, может быть, там, на их планете, живут долго?

И вдруг — впервые с такой отчетливостью — его охватило чувство, что построившие этот звездолет и ракету были такими же, как люди. Они так же любили, а значит, так же ненавидели, так же страдали, так же радовались и так же мыслили, и поэтому никакого бессознательного зла не могло быть скрыто в их технике...

И еще он понял, что возможность выбраться отсюда все же существует и они ее со временем обязательно найдут!

— Спасибо, милая, — сказал он женщине и поклонился в ту сторону, где стоял аппарат. Он сказал это так сердечно, словно его благодарность могла долететь до нее. Но — кто знает? — может, каждое, даже самое тихое слово благодарности и любви не теряется в

пространстве и всегда достигает того, кому оно послано, летя со скоростью, о какой еще ничего не знает теория относительности?

Потом он вынул пластинку из аппарата, чтобы голос не звучал зря: только в трудные минуты следовало слушать его... Он подумал, что непременно возьмет ее с собой на Землю.

Затем он вышел из ракеты. Уровень радиации продолжал возрастать. Медлить было нельзя.

Он пошел будить остальных. Вскоре все были в сборе, Сенцову не пришлось долго объяснять положение.

— Ну что ж, присядем как полагается... — сказал Сенцов, — и все сели на минуту. Все уже было собрано, все готово к уходу наверх, в оранжерею.

Сенцов оглядел друзей.

Они уже принадлежали истории — пять человек, сидевшие в чужой каюте.

Они принадлежали истории, как первые люди, встретившиеся с иной цивилизацией. Но даже если бы этого не было — а на Земле ведь об этом пока ничего не знали, — они равно принадлежали истории, как люди, погибшие вне Земли, при штурме Пространства. Еще живые, они были погребены под невообразимой толщей отделявших их от родной планеты просторов, которые когда-нибудь покажутся совсем не страшными.

И все же, подумалось Сенцову, они не капитулировавшая армия, а отдыхающие между боями солдаты.

Отдыхали бойцы... И, как обычно бывает на привалах, кто-то тихонько принялся напевать песню.

Едва разобрав напев, Сенцов подхватил ее — так же негромко, потому что песня эта была из тех, какие поются не звучными и хорошо поставленными голосами, а тихо, чуть, может быть, неправильно и хрипловато, с тем трудно определимым качеством, которое по-русски называется задушевностью, и не могут его* заменить никакая школа и даже талант.

Это была песня, родившаяся в незабываемые и неповторимые тридцатые годы, — такие далекие и такие близкие сейчас им; песня,

в которой как бы сконцентрировалась вся романтика того сурового, вооруженного времени...

В ней пелось о двух друзьях, которые служили в одном полку — «ной песню, пой...» (пой, что бы там ни было: не тебе одному пришлось нелегко! — так понимал сейчас Сенцов эти слова), — и, несмотря на разницу характеров, они дружили настоящей дружбой (тут в песню вступили Коробов и Азаров: кому, как не им, летчикам, было знать цену настоящей дружбе!)...

Земная песня звучала в призрачно, неправдоподобно освещенной каюте. И так неистово захотелось каждому еще хоть на час увидеть Землю — родную, суровую и прекрасную.

И вдруг Сенцов поднялся во весь рост, глаза его сверкали.

— Ребята! — громко сказал он. — Мы все продумали, и иного выхода у нас нет. Только уходить... Лететь — безумие, мы даже не знаем, как включаются двигатели... Но мне почудилось... мне кажется — так ли уж необходимо нам все продумывать? Вы понимаете, ведь это все строили люди. Люди! Пусть они иначе себя называли, как бы они там ни выглядели... А ведь не может один человек в таком деле подвести другого! Лететь нельзя, потому что не умеем управлять ракетой. Но Земля ждет! И ведь они же летали! А может быть, и мы сможем? Может быть, здесь совсем и не надо управлять? У меня такое чувство, что разгадка где-то рядом, стоит только ее поискать как следует... Дело ведь не в наших пяти жизнях, черт их возьми совсем... Мы-то могли погибнуть и раньше... Но люди ждут нас! Если мы не вернемся, Земля прервет исследования, будут снова перепроверяться все расчеты и конструкции, уйдет время, может быть, годы... Мы должны вернуться!

— А ну, — в наступившей тишине сказал весело-лениво Коробов, придвигаясь к столу. — Ведь, по сути дела, дом у нас почти рядом, — он стремительно начертил на столе пальцем два концентрических круга. — Вот Марс, а вот Земля...

— А тут Венера, — иронически сказал Азаров и начертил третью концентрическую окружность, поближе к Солнцу. И тут же вздрогнул — так резко схватил его за руку вскрикнувший Раин.

— Ты что? — спросил Сенцов.

— Ничего... — сказал Раин. — Просто я идиот. Марс. Земля, Венера... А в центре что, я вас спрашиваю?

— По всем данным, Солнце, — буркнул Сенцов. — Ну и?..

— Так, — удовлетворенно кивнул Раин. — Прошу разрешения отлучиться на полчаса.

— Куда?

— Очень важно... Проверить одно соображение, — сказал Раин, роясь в груде справочных катушек, захваченных ими из погибшей ракеты, и торопливо заправляя одну из них в магнитофон. — Одно соображение...

Он закрыл глаза, прислушиваясь к числам, которые равнодушно диктовал магнитофон, и делая быстрые расчеты на листке бумаги.

Потом просмотрел их и кивнул.

— Мы вдвоем с Калве... Одевайся, Лаймон, — он начал натягивать скафандр, от нетерпения, не попадая в рукава. — И как только мы раньше не сообразили... Искали сложностей, а получается очень просто...

— Да в чем дело-то? — не выдержал Азаров. — Что за секреты?

— Узнаешь, дорогой, узнаешь, — сказал Раин. — Через полчаса мы вернемся. Захвати инвертор, Калве...

Пока трое в каюте ожидали их возвращения, не произнося ни слова и только переглядываясь, Раин и Калве миновали отсек с вычислителями и вошли в круглый зал. Раин торопливо подошел к экрану, склонился над ним, глухо — только по голосу можно было понять, как он волнуется, — сказал:

— Дай-ка увеличение...

Калве включил. Несколько минут Раин напряженно всматривался, водя стрелкой по экрану, что-то считал, шевелил губами. Наконец он решительно поставил кончик стрелки точно на огонек среднего кольца.

— Замерь... — сказал он коротко.

Калве двинулся вдоль кабеля, медленно приблизился к двери, ведущей в секцию, сказал:

— Сигналы поступают...

— Так, — сказал Раин, выписывая новые цифры на листке бумаги. После этого он еще раз проверил положение стрелки. Кивнул головой. Выпрямился, весело блестя глазами: — Пошли...

Через десять минут они были уже в рубке ракеты. Три вопрошающих и полных надежды взгляда встретили их. Калве в ответ недоуменно пожал плечами, покачал головой. Раин сразу направился к центральному пульту, несколько секунд глядел на него. Пригладив волосы, сухо сказал:

— Все мы — а я в самую первую очередь — заслуживаем единицы по сообразительности и логике. Я никак не мог разобраться в значении пульта на кибернетическом посту. Калве тоже. Но это оказалось не по его части... Если бы кто-нибудь из моих ассистентов на кафедре не знал, что Земля обращается вокруг Солнца, — это было бы меньшим грехом... На пульте обозначены — и мы давно должны были догадаться — орбиты трех планет: Марса, Земли, Венеры. Вот они, кольца с огоньками. А огонек в центре.

— Солнце! — сказал Калве, улыбнувшись, как будто он уже увидел настоящее, земное солнце — не пылающий, косматый шар, каким они видели его из ракеты сквозь светофильтры, а золотистое, ласковое земное светило, сияющее на голубом небе...

— Солнце, — повторил Раин. — Но дело не в этом — сам факт этот еще ничего не значит... (Сенцов кивнул головой.) — Стрелка на пульте может находиться на уровне любой из трех орбит. Причем это не схема: огоньки перемещаются, они дают действительное положение планет на орбитах в данную минуту — это я, специально проверив по справочникам. Страшная удача, что нам удалось их спасти... И вот, устанавливая стрелку в положение, когда острие указывает, скажем, на Землю, мы даем задание кибернетическому центру, который тут же начинает вырабатывать программу полета...

— Стоп! — прервал Сенцов. — А вы в этом уверены?

— Вероятность ошибки невелика, — ответил Калве. — Я не допускаю, что мы могли ошибиться. Я исследовал очень тщательно. И убежден в том, что правильно понял общие принципы...

— И что же? — спросил Сенцов.

— Программа передается в киберустройство ракеты, — сказал Калве. — Импульсы уходят по кабелю. Мы проследили — он идет сюда. Машина, как можно заключить, вычисляет и задает ракете оптимальный режим полета на данную планету применительно к сегодняшнему положению планет на орбитах.

— Видите, — вставил Раин, — в каком положении стоят сейчас огоньки? В таком же, как и в кибернетическом посту. Это может означать только, что ракета сейчас подключена к большой машине...

— А какой именно ракете эта программа передается, — заключил Калве, — определяется переключателем. Одновременно может стартовать только одна ракета.

— Ясно! — торопливо сказал Азаров. — Значит, своими ракетами они действительно не управляли. С начала до конца корабль ведут автоматы.

— Это просто руководство для программирующего устройства, — сказал Калве. — Для удобства оно выполнено в виде планетной карты.

— А почему только для трех планет? — спросил Коробов.

— Не обязательно... Когда-то в этот пульт были заложены и другие схемы. Помните, мы видели на экране...

— Программа... — сказал Сенцов. — А если вылет задерживается?

— Вычислитель ракеты должен постоянно вносить в нее поправки, — ответил Калве. — Интересно будет разобраться в его устройстве...

— Ну, а как же все-таки стартовать?

— Вот кнопки — такие же, как в кибернетическом посту. Там старт давался белой кнопкой. Дело человека только дать разрешающий импульс в машину. Дальше она ведет корабль сама...

— Что ж, — сказал Коробов. — У велосипеда есть педали, у автомобиля нет. Но никто не отказывается ездить на автомобиле из-за того, что у него нет педалей...

— Вот, значит, как получается... — сказал Сенцов. — Просто кнопка... Нажать — и лететь...

— Лететь! — как эхо, повторил Азаров.

— Лететь, — спокойно согласился Коробов.

— Лететь, — сказал Раин и усмехнулся.

— Лететь так лететь, — безмятежно проговорил Калве. — Так я пойду разложу вещи...

— Слушайте! — вдруг громко воскликнул Азаров, вспомнив в этот миг две такие же манящие пусковые кнопки, которые властно притягивали его руку, когда осматривал он командный пункт в ходовой рубке звездолета. — Слушайте, а что, если нам лететь прямо на нем?..

Он взмахнул руками, пытаясь пояснить свою мысль.

— На чем? — переспросил Сенцов.

— Да прямо на звездолете! Если наши гении разобрались, как запустить чужую ракету, то и с управлением всем звездолетом справятся.

Все переглянулись.

— Вот это был бы подарочек для Земли! — восторженно сказал Коробов.

Сенцова тоже захватила дерзкая мысль Азарова, но лишь на мгновение. Тут же он поспешил охладить пыл товарищей.

— Ничего не выйдет. Если они бросили здесь свой звездолет, то, значит, он совершенно неисправен. И, вероятно, выведены из строя его двигатели, отсюда и повышенная радиация, которую Азаров выпустил на свободу, по неосторожности сунувшись в машинный отсек. Помнится, ты говорил, что там одна из дверей была даже не закрыта?

Сразу помрачневший Азаров молча виновато кивнул.

— Значит, там серьезные повреждения, и хозяева в спешке покидали корабль. И если уж сами создатели этого звездолета не надеялись его отремонтировать, то нам и мечтать об этом смешно.

— Правильно, — поддержал его Раин. — Лучше, как говорится, синицу в руки, чем журавля в небе.

— А такая синица, как эта ракета, тоже подарочек неплохой, — ободряюще добавил Коробов, хлопая Азарова по плечу.

— Ладно, пошли собираться! — решительно сказал Азаров и первым вышел из рубки. За ним последовали остальные. Сенцов остался один.

— Ну вот... — сказал он тихо. — Ты ведь не подведешь, правда?

Никто не мог бы услышать ответа. Но он, наверное, услышал, потому что улыбнулся взволнованно и радостно.

17

— Ну что же? — сказал Сенцов. — Так, где, у них сидел пилот? Здесь?

Он взглянул на стоявшее перед пультом большое кресло, приподнятое на что-то вроде пьедестала — под ним, наверное, находились противоперегрузочные устройства.

Составление программы полета было закончено. Об этом возвестил вспыхнувший полчаса назад на пульте огонек. Побывав в последний раз наверху, Калве установил, что машина выключилась. Зато за задней стеной рубки не умолкало чуть слышное гудение: кибернетическая машина ракеты продолжала работать, с каждой протекшей минутой внося в программу соответствующие изменения.

— Ну, — сказал Сенцов, — значит, решились. Я уверен, что мы не ошибемся: «Разум не может подвести другой Разум. Мы должны верить Разуму, хотя бы он и принадлежал другим существам...»

В рубку, вытирая пот с лица, вошел Коробов.

— Вроде бы приготовления закончены... — сказал он. — Вахту в полете будем нести?

— Поскольку Правилами предусмотрено, — ответил Сенцов.

— Кто первый?

Сенцов пожал плечами, давая понять, что считает вопрос лишним и даже не заслуживающим ответа.

— Тогда ты, может, отдохнешь? — спросил Коробов.

— А как же! — сказал Сенцов. — Обязательно... И еще как! В санатории! На Земле...

В последний раз осмотрели ангар, стоя в проеме люка. Коробов заметил внизу, почти под самой эстакадой, забытый кем-то кислородный баллон — один из служивших для питания скафандров, и весело усмехнулся: по опыту он знал, что стоит забыть что-нибудь на месте, тогда уж обязательно уедешь.

Потом все собрались на середине входного отсека. Раин вошел последним. Замигали лампочки, и стальные рычаги, распрямляясь, медленно вдавили втянутый кусок обшивки на место. Все меньше становилась светлая щель. Рычаги, дойдя до места, глухо лязгнули.

В коридоре освобождались от скафандров. Сенцов еще раз прошел по каютам, проверил, все ли закреплено как надо, чтобы не случилось чего-нибудь во время старта.

Медленно вошел в рубку. Двигаясь, как во сне, расселись по диванам. Тут всем стало по-настоящему страшно...

Сенцов остановился у пульта.

— Ну, так что же? Что скажешь, второй пилот?

— Интересно, — откликнулся Коробов, — каков все-таки этот новый способ передвижения в пространстве?

— Доберемся и до него, — сказал Раин. — Не исключено, что мы сможем наладить связь с ними. А со временем и встретиться.

— Да, — сказал Сенцов, — встретимся. В полном составе.

Он опустился в кресло перед пультом. На миг зажмурился. Потом нажал белую кнопку.

Низкий гул наполнил рубку. На пульте замигали разноцветные огоньки. По

одному из экранов заструились светлые линии. Сначала редкие, они постепенно собирались во все более плотный пучок.

Рядом вспыхнул второй экран. На его зеленоватом фоне возник непонятный рисунок: несколько рубиново-красных цилиндров, каждый в нескольких местах перехватывали толстые спирали кабелей.

— Вы только посмотрите... — изумленно воскликнул Сенцов и потянулся за карандашом.

Внезапно блокнот, положенный Сенцовым на пульт, всплыл, повис в воздухе. Все почувствовали странную легкость, от которой успели уже отвыкнуть... Искусственная гравитация выключилась, диваны повернулись так, что их плоскость стала перпендикулярной оси корабля. Все торопливо улеглись, утонули в диванах. Стало легче дышать, Сенцов понял, что аппараты подают в рубку усиленную дозу кислорода.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Даже не верится. Летим... И ведь придут времена, когда школьники станут путать эпохи и страшно удивляться, если учитель им скажет, что звездоплавание началось в двадцатом веке, а вовсе не в десятом, как думает ученик Петров, и что Джордано Бруно погубила инквизиция, а совсем не гравитация...

— Не забудут! — сказал Сенцов уверенно. — Ну, по местам!

Во все более нарастающем гуле ракета дрогнула и медленно заскользила вверх. Это были лишь первые сантиметры из тех миллионов километров пути, пройти которые ей предстояло, но они в каком-то отношении были самыми главными и самыми трудными.

Распахнулись, ушли в стороны стены. Ускоряя ход, ракета проскочила шлюз. Рубку обняла темнота, в прозрачном куполе мелькнули ребра эстакады — и, выброшенная мощным магнитным полем, ракета скользнула в пространство.

— Летим! — ликующе крикнул Азаров и чуть не прикусил язык.

Кругом загремело сильно и мелодично, будто сама гармония небесных сфер, о которой писали древние, снизошла на головы экипажа. Диваны прогнулись, тела налились тяжестью... Это включились двигатели, разгоняя ракету.

— Похожи на обыкновенные, химические... — сквозь зубы проговорил Коробов.

Сенцов не ответил. Втиснутый в кресло, он напряженно смотрел на экран с красными цилиндрами, словно чего-то ждал. Ускорение возрастало, в глазах темнело.

Сенцов подумал, что надо было лечь на диван... Но внезапно гул оборвался. Ускорение исчезло. Все одновременно подняли головы. Калве сказал Раину:

— Страшно было...

— Еще будет, — сказал Раин. — Но, как сказал один старинный писатель, это совсем другая история...

Сенцов увидел, как из одного рубинового цилиндра на экране вырвался ослепительный, узкий луч света, выбросил луч еще один цилиндр, еще...

— Фотонный! На квантовых генераторах! — крикнул Сенцов, откидываясь в кресле.

Ослепительный, хотя и притушенный фильтрами, свет бушевал теперь на экране. Снова прогнулись диваны, на шкалах приборов рванулись вверх красные полосы... В полной тишине главный двигатель корабля набирал ход.

— Следующая остановка — Земля! — торжественно сказал Сенцов. — Он не станет садиться на Лунную базу, ему это незачем. Интересно, где он приземлится?

Глядя на один из экранов, где, стремительно удаляясь, уменьшался шар Марса и совсем уже неразличимым казался только что покинутый ими звездолет, Раин сказал:

— Похоже, лететь будем считанные дни... Это тебе не полет по орбитальной траектории. Он летит по траектории светового луча! Примерно, конечно.

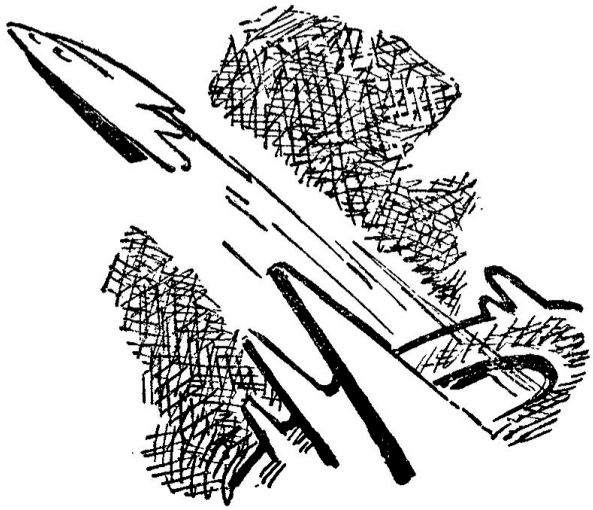
— Недаром он так и выглядит! — ответил Сенцов. — Что ж, по сути дела, надо бы уже начинать готовиться к посадке...

— Я все-таки хотел бы разобраться в этом кибернетическом устройстве, — пробормотал Калве и покосился на Сенцова.

— Стоп! — сказал Сенцов, всем телом радостно ощущая, как плавно все быстрее и быстрее разгоняется корабль. — Я вам разберусь! Вы не думайте, что коли корабль чужой, на нем правила недействительны. Корабль теперь наш!

И, усмехнувшись, добавил:

— Нарушать работу автоматов в рейсе запрещено правилами. Без Особой Необходимости...

Аркадий Стругацкий и Борис Стругацкий

НОЧЬЮ НА МАРСЕ

Фантастический рассказ

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Новаго дал задний ход и крикнул Манделю: «соскакивай!» Краулер задергался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Новаго выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер «ящерица» был легкой быстроходной машиной – пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

– Каверна, – хрипло сказал Новаго. – Не повезло, надо же...

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

– Да, не повезло, – сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце – маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

– Ну ладно, – сказал Мандель и поднялся. – Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя. – Он кивнул в сторону каверны. – Или можно?

Новаго покачал головой.

– Нет, Лазарь Григорьевич, – сказал он. – Нам его не вытащить.

Раздался длинный, сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

– Да, пожалуй, не вытащить, – сказал Мандель. – Тогда надо идти, Петр Алексеевич. – Пустяки – тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Новаго смотрел на черную воду, на которой уже

появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

– Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

– В полночь, – сказал Новаго с сомнением. – Вот именно в полночь.

«Осталось километров тридцать, – подумал он. – Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у них есть инфракрасные очки, но все равно дело дрянь. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, вернуться на базу и взять другой краулер? До базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!»

– Ничего, Петр Алексеевич, – сказал Мандель и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. – Пройдем.

– А где инструменты? – спросил Новаго.

Мандель огляделся.

– Я их сбросил, – сказал он. – Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

– Пошли, – сказал Новаго.

– Вот они, – повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. – Пошли?

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Новаго с кислородными баллонами, системой отопления, в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нам почти не оставалось.

– За краулер мне страшно влетит от Иваненки, – сказал Новаго после долгого молчания.

– При чем здесь вы? – возразил Мандель. – Откуда вы могли знать, что здесь каверна? И воду мы как-никак нашли.

– Это вода нас нашла, – сказал Новаго. – Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иванченко: «за воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Мандель засмеялся:

– Ничего, обойдемся. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон – двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

– Прекрасен, горд и невозмутим, – заметил Мандель.

– Ирина говорит, что их очень много на плантациях, – сказал Новаго. – Она их подкармливает...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли; вокруг пятен, ощетинясь длинными иглами, желтели шары кактусов. Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

– Бедный Славин, – сказал Мандель. – Вот беспокоится, наверное.

– Я тоже беспокоюсь, – проворчал Новаго.

– Ну, мы с вами врачи, – сказал Мандель.

– А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стоял профессор...

– Ничего, – сказал Мандель. – Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

– Удар – и мяч медленно выкатывается на свободный, – сказал Мандель.

– Меня беспокоит другое: как будет ребенок развиваться в условиях уменьшенной тяжести?

– Это меня как раз совсем не беспокоит, – сердито отозвался Новаго. – Я уже говорил с Иванченко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

– Это мысль, – сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взвился высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

– Ох! – вскрикнул Новаго.

Мандель засмеялся.

– Ну что за мерзость! – плачущим голосом сказал Новаго. – Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу дохи.

– Мерзость! – прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Шар свалился на песок. Ему было решительно все равно. Так он и будет лежать – совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разряженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпустит его с оглушительным свистом и ракетой перелетит метров на десять – пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

– Девятнадцать тридцать пять, – пробормотал он. Солнце сядет через полчаса.

– Что вы сказали, Лазарь Григорьевич? – спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

– Блеяние козленка манит тигра, – произнес Мандель. – Не разговаривайте громко перед восходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

– Да, – сказал Новаго, озираясь, – громко разговаривать не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндевевшими ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет за отворот правого унта. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

– Вы стреляете левой? – спросил Мандель.

– Да, – ответил Новаго.

– Это хорошо, – сказал Мандель.

– Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

– Пошли, – сказал Мандель.

– Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь мы пойдем гуськом.

– Ладно, – весело согласился Мандель. – Чур, я впереди.

И они пошли дальше: впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго. «Как быстро темнеет, – думал Новаго. – Осталось километров двадцать пять по пустыне в полной темноте... И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например, или из-за той, подальше. – Новаго зябко поежился. – Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверны? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Марк, наверное, места уже не находит. То и дело бегает на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок здесь, на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина! Но на их месте я бы воздержался от ребенка. Ничего, все будет благополучно. Только бы нам не задержаться...»

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

– Эхой, друзья! – крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин за плечо и помахал рукой.

– Эге, – сказал Новаго с облегчением. – А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! – радостно заорал он.

– Какая встреча! – сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. – Добрый вечер, доктор, – сказал он, пожимая руку Манделя. – Добрый вечер, доктор, – повторил он, пожимая руку Новаго.

– Здравствуйте, товарищи, – прогудел Опанасенко. – Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

– Спасибо, все зажило, – и снова протянул Манделю длинную руку.

– Что? – спросил озадаченный Мандель. – Впрочем, я рад.

– О нет, он еще в лагере, – сказал Морган. – Но он тоже почти здоров.

– Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри? – осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

– Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «техник».

– Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

– Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

– Да, – сказал Новаго. – К Славиным.

– Ну, правильно, – сказал Опанасенко. – Они вас очень ждут. А почему пешком?

– О, какая досада! – виновато сказал Морган. – Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

– Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

– Гуд, – сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У следопытов были тяжелые двуствольные полуавтоматы с магазинами на двадцать пять разрывных пуль.

– Мы потопили краулер, – сказал Новаго.

– Где? – быстро спросил Опанасенко. – Каверна?

– Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

– Каверна! – радостно сказал Опанасенко. – Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой в капюшоне, разглядывая темнеющие барханы.

– Ладно, – сказал Опанасенко. – Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по ноге.

– А как же, – сказал он.

– Та-ак, – сказал Опанасенко. – Придется вас проводить. Гэмфри! Черт, не слышит...

– Погодите, – сказал Мандель. – Зачем это?

– Она где-то здесь, – сказал Опанасенко. – Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

– Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, – нерешительно сказал Новаго, – но я полагал... В конце концов мы вооружены.

– Сумасшедшие, – убежденно сказал Опанасенко. – У вас там, на базе, все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем – и вот, пожалуйста. Ночью. Через пустыню. С пистолетами. Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

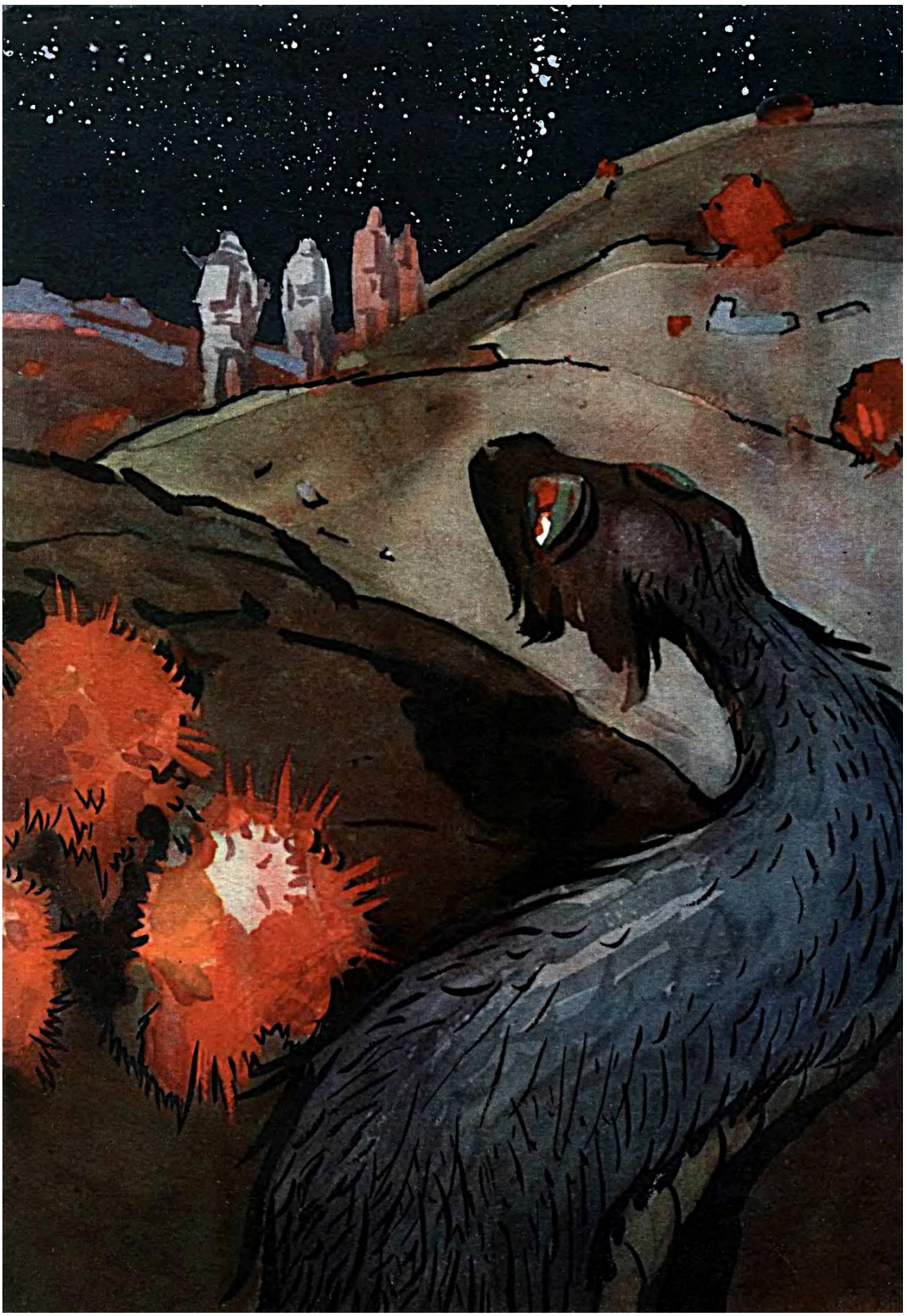
– По-моему, в данном случае... – начал он, но тут Морган сказал: «ти-хо!», И Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем.

Новаго тихонько крякнул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось – над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

– Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

– Гуд. Я иду – сказал Морган.

– Мы идем вместе! – крикнул Опанасенко.

– Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

– О, это не нужно! Это спрятать.

– Да-да, пожалуйста, – сказал Опанасенко. – И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова отпустил пистолет за отворот левого унта.

– Пошли, – сказал Опанасенко. – Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вышагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо – серым и пустым. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

– А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? – спросил Мандель. – Вода?

– Ну как же, – сказал Опанасенко, не оборачиваясь. – Во-первых, вода, а во-вторых – в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

– Ах, да, – сказал Мандель. – Конечно.

– В нашей каверне вы найдете целый краулер, – мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

– Зыбучка, – проговорил позади Морган. – Очень опасно.

Зыбучие пески были настоящим проклятием. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков – добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях базы.

– Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, – сказал Мандель, – что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

– Да, – сказал Опанасенко. – В том то и дело.

– А вы нашли что-нибудь за последнее время? – спросил Новаго.

– Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей линии – ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

– Пожалуй, ничего странного в этом нет. На земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь – десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

– Да мы и не очень жалуемся, – сказал Опанасенко. – Мы сразу получили такой жирный кусок – два искусственных спутника. Нам даже копать ничего не пришлось. И потом, – добавил он, помолчав, – искать не менее интересно, чем находить.

– Тем более, – сказал Мандель, – что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

– Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

– Гэмфри прав, – виновато сказал Опанасенко. – Давайте лучше молчать.

Они миновали гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами солончаки.

«Опять, – подумал Новаго. – Опять эти кактусы». Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфрасвет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. «Очень красиво! – подумал Новаго. – Может быть, ночью они взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы натянуты: Опанасенко сказал, что она где-то здесь...» Новаго попытался представить себе, каково было бы им сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубийственными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, умеет Мандель

стрелять? Умеет, конечно, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... «Не догадался взять ружье на базе, дурак! – подумал Новаго. – Хороши бы мы сейчас были без следопытов... Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом. О том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное – важнее всего».

«...Она всегда нападает справа, – думал Мандель, – все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. И непонятно, почему она вообще нападает. Как будто последний миллион лет она только тем и занималась, что нападала справа на людей, неосторожно удалившихся ночью пешком от базы. Понятно, почему на удалившихся. Можно себе представить, почему ночью. Но почему на людей и почему справа? Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда, где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродона. Впрочем, она тоже появилась всего месяц назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое, пришлось ставить ему искусственное легкое и два ребра. Судя по ране, у нее необычайно сложный ротовой аппарат. По крайней мере, восемь челюстей с режущими пластинками, острыми, как бритва. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... – Мандель быстро огляделся по сторонам. – Вот бы мы сейчас шли вдвоем... – подумал он. – Интересно, умеет Новаго стрелять? Наверное, умеет, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он хорошо это придумал – центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы...»

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песка. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

«Экскаватор надо увести, – подумал Опанасенко. – Что он здесь зря болтается? Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу.

Жаль, что он такой тихоходный – по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров пятьдесят. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Славин. Но это все-таки здорово – на Марсе будет малыш! Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: „я родился на Марсе“. Только бы не опоздать. – Опанасенко пошел быстрее. – А доктора каковы! – Подумал он. – Воистину, докторам закон не писан. Хорошо, что мы их встретили. На базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью. Хорошо бы ввести патруль, а еще лучше – облаву. На всех краулерах и вездеходах базы».

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат е - и; что теперь придется пять вечеров подряд чистить «федор'з ган»; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи молодцы и смельчаки и что Ирина Славина тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец – превосходный товарищ, но в последнее время он тоже зачастил на базу. Правда, трудно спорить – Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на «летающую пиявку» («сора-тобу хиру») может иметь прямое отношение к задачам следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О, эти двуногие... Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше ничего...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

– Что случилось? – спросил Новаго, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

– Она здесь, – негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану.

Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь

протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

– Вот и все, – сказал Опанасенко. – Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Новаго заметил, что Мандель снова переложил саквояж в левую руку, а правую в карман дохи. Новаго усмехнулся, но ему было нехорошо. Он испытывал страх.

– Что ж, – сказал Мандель неестественно веселым голосом. – Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

– Давайте, – сказал Опанасенко. – А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

– Зачем? – оскорбленно спросил Мандель.

– Лежачего она не трогает, – пояснил Опанасенко.

– Ах да, правда.

– Остается пустяк, – проворчал Новаго. – Узнать, когда она прыгает.

– А вы это заметите, – сказал Опанасенко. – Мы начнем палить.

– Интересно, – сказал Мандель. – Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да! – воскликнул он. – Может быть она принимает нас за мимикродонов?

– Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа, – сказал Опанасенко немного раздраженно. – К ним можно просто подойти и есть – с хвоста или с головы, как угодно.

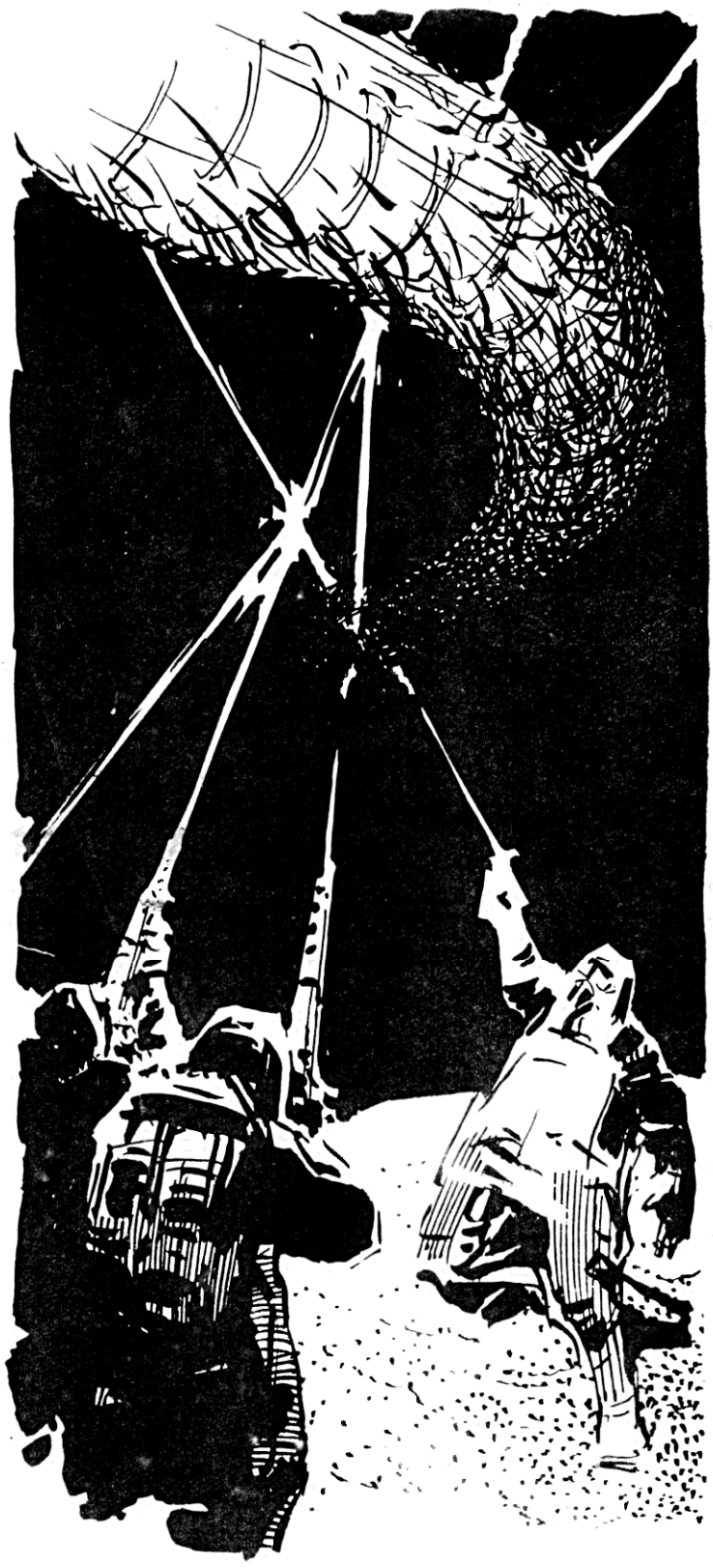
Через четверть часа они снова пересекли колею и еще через десять минут другую. Мандель замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

– Минут через пять она прыгнет, – напряженным голосом сказал Опанасенко. – Теперь она справа от нас.

– Интересно, – тихонько сказал Мандель. – Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

– Да помолчите же, Лазарь Григорьевич, – сказал сквозь зубы Новаго.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Новаго зазвенело в ушах; он увидел двойную вспышку выстрелов, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-бах, бах-бабах! – гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песке. На мгновение Новаго показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Новаго бросился животом в песок. Тах, тах, тах! – Мандель стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток

между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах! – гремели карабины. Теперь следопыты стреляли по очереди. Новаго увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

– Отбили, – сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен.

– Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

– Я попал в нее один раз, – громко сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

– Ты разглядел ее? – спросил Опанасенко. – Да он же не слышит.

Новаго, кряхтя, поднялся и посмотрел на Манделя. Мандель, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру. Новаго сказал:

– Ну знаете, Лазарь Григорьевич...

Мандель виновато покашлял.

– Я, кажется, не попал, – сказал он. – Она передвигается с исключительной быстротой.

– Оч-чень рад, что вы не попали, – с сердцем сказал Новаго. – Здесь было много мишеней!

– Но вы видели ее, Петр Алексеевич? – спросил Мандель. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. – Вы разглядели ее?

– Серая и длинная, как щука.

– И у нее нет конечностей! – возбужденно сказал Мандель. – Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей. И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

– В такой кутерьме, – сказал Опанасенко, – очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. – Он засмеялся. – Ну ладно, товарищи. Самое главное – нападение мы отбили.

– Я пойду поищу тело, – неожиданно сказал Морган. – Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

– Что ты сказал, Федор? – спросил Морган.

– Ни в коем случае, – сказал Новаго.

– Нет, – сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: – Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Мандель поглядел на часы.

– Ого! – сказал он. – Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

– Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

– Отлично, – сказал Мандель. – А где мой саквояж? – Он завертелся на месте. – А, вот он...

– Пойдем, как раньше, – сказал Опанасенко. – Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

– Теперь бояться нечего, – проворчал Новаго. – У Лазаря Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Новаго – в пяти шагах позади Манделя, впереди и правее – Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее – Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами... Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: «На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости».

«Какова ночка! – думал Новаго. – Не хуже любой из тех, когда я заблудился в тайге. А самое главное еще и не начиналось и кончиться не раньше, чем к пяти утра. Завтра в пять, ну, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал. Нет, Мандель не подкачает. Папаша Марк Славин может быть спокоен. Через несколько месяцев мы будем всей базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: „А кто это у нас такой маленький? А кто это у нас такой пухленький?“ Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой. И вообще пора вызвать с земли хорошего

педиатра… Парню совершенно необходим педиатр. Жаль вот, что следующие корабли будут только через год».

В том, что родится именно парень, Новаго не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А кто это у нас такой маленький?»

Михаил Емцев, и Еремей Парнов

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ

Фантастический рассказ

Ночью разразился продолжительный ливень. Яркие молнии разрывали черное небо ослепительными трещинами, и Егорову казалось, что из них вот-вот брызнет расплавленная сталь. Тяжелые холодные градины, будто твердые клювы тысяч птиц, стучали в окна. Вода не успевала сбегать по стеклу и застывала на нем мутными разводами. В лиловых вспышках Егоров на мгновение видел клубящийся туман, переплетенный толстыми веревками струй, и смутный блеск огромных луж. Их ноздреватая поверхность напоминала свежую лаву.

— Вот досада! — проворчал он, ложась на жесткую гостиничную кровать.

Некоторое время он просматривал толстый и зачитанный до дыр приключенческий альманах, брезгливо морщился, встречая сальные и винные пятна. Дойдя до очередной испачканной страницы, он отшвырнул книгу и вновь подошел к окну. Молнии все так же высвечивали из темноты пузырящуюся на стекле воду и блестящую черную реку асфальта.

Егоров так и не дождался конца ливня, заснул, а когда проснулся, было уже позднее утро, по стенам и потолку плясали яркие солнечные зайчики, отражаясь бесконечное число раз от всех лакированных, полированных и хромированных предметов.

Егоров потянулся, соскочил с постели и пружинящим шагом прошелся по приятно холодившему пластику пола. Он чувствовал себя хорошо и бодро, ему было беспричинно весело. Казалось, ночной ливень смыл с него усталость, горечь неудач и забот.

Ему захотелось немедленно что-то делать, энергично действовать. Егоров подумал, что в таком состоянии он легко мог бы пробить план

исследований плато Акуан и даже организовать там работу. Но, к сожалению, ни пробивать заявку на исследовательские работы, ни организовывать их уже было не нужно. Заявку отклонили за нереальностью месяц назад, а в его организаторские способности никто не верил. И вообще Егоров находился в недельном отпуске и должен был отдыхать, а не работать. Избыток энергии он употребил на тщательную чистку зубов, а хорошее настроение разрядил в популярной песенке "Пишу тебе я на Луну...". При первых же звуках его голоса дверь номера распахнулась, и вошла дежурная. Она осведомилась, кто здесь звал на помощь и почему для этой цели не пользуются звонком. Покрасневший Егоров объяснил, что на помощь никто не звал и что таковы его вокальные возможности. Дежурная подозрительно посмотрела на него, и было видно, что она не верит ни единому его слову. Она заглянула под кровать и в открытый стенной шкаф. Возможно, она искала труп или связанное тело с кляпом во рту. Во всяком случае, Егорову так показалось. С большим трудом он выпроводил ее из номера.

На станции лучезарное настроение Егорова подверглось еще одному испытанию.

— Винтолёт будет только после двенадцати, автолёты... — кассир на мгновение запнулся, — все.

— Что - все? — спросил Егоров с раздражением, разглядывая совершенно лысую голову этого сравнительно молодого человека.

Кассир поднял рыженькие бровки. В зеленых глазках мелькнула насмешка.

— Все, товарищ, — значит все, — сказал он, склонив голову набок. — Все билеты проданы, все места распределены, для вас ничего нет. Подождите, после двенадцати будет винтолёт, он прихватит опаздывающих.

— Я здесь уже со вчерашнего вечера жду.

— Вы не один ждете. Другие тоже ждут.

— Мне каких-то паршивых сорок километров...

— А мы дальние расстояния не обслуживаем. У нас всем нужно не дальше ста километров.

Егоров почувствовал острое желание плюнуть на сверкающую лысину. Он проглотил слюну и, сжав зубы, отошел от окошка. Настроение было совершенно испорчено.

Егоров уныло окинул взглядом пассажиров. Яркое солнце, проникавшее сквозь стеклянные стены, приветливо освещало озабоченные лица мужчин, загорелых и обветренных, с большими, сильными руками, бровастых и щекастых женщин в хустках - платках, закрывавших лоб до самых глаз, детей, возившихся у ног родителей. Негромкий мелодичный говор, наполнявший зал, переливался всеми красками музыкальной украинской речи. Егоров сел и задумался. Ему больше нельзя терять ни одной минуты, а он должен сидеть и дожидаться этого клятого винтолёта!

Среди присутствующих возникло какое-то движение. Казалось, в зал пустили ток, который побежал по креслам сидений, заставляя людей поворачивать головы в одном направлении. Сладкоголосые скептические "Та ну!", "Та шо це вы!" оборвались, женщины и мужчины уставились на какую-то фигуру, возникшую в стеклянных вращающихся дверях; только дети ни на что не обращали внимания.

Егоров тоже посмотрел на дверь и увидел странного человека. Первое впечатление было неопределенным. Тревога и ощущение опасности охватили его.

Человек был дьявольски красив. Его красота была подобна вызову или удару кнутом. Все в нем было законченное, совершенное и в то же время невероятно экстравагантное.

Красота – это, высшая гармония, многочашечные весы, все чашки которых старательно уравновешены природой. Оригинальность порождается удачным отклонением от равновесия. В незнакомце был именно тот миллиграмм уродства, который делал его красоту гениальной.

Человек, вероятно, привык находиться в скрещении взглядов. Он подошел к окошку кассы так, словно в зале никого не было. Он заглянул в окошечко, где плавала голая макушка зеленоглазого кассира, спросил с легким иностранным акцентом:

— Вам звонили только что про меня?

Макушка запрыгала, как поплавок в ветреный день, когда клев плохой и бесконечная рябь бежит по свинцово-серой воде. Егорову была видна тощая рука в веснушках, с рыжими волосками в том месте, где белый манжет плотно обхватывал запястье. Рука подобострастно взвилась и мягким движением опустила на барьер билеты.

Красавец кивнул головой и, сунув билеты в карман, направился к выходу. Кассир приподнялся над сиденьем и крикнул вслед:

— Ваш автолёт в третьем гараже! Справа, как выйдете...

Незнакомец, не оборачиваясь, снова кивнул.

Егоров подошел к кассе.

— Значит у вас был свободный автолёт? — спросил он нарочито спокойно.

Рыжебровый некоторое время строчил что-то в своих бумажках, потом медленно поднял голову. Он смотрел на Егорова удивленно и непонимающе. Он, конечно, не узнавал его.

— Какой автолёт? — слабым, усталым голосом спросил он.

— Тот, что вы только что отдали этому иностранцу.

— А-а-а, — протянул кассир и углубился в накладные.

Егоров почувствовал, что желчь вышла из печени и, минуя камни, расставленные в желчном пузыре, поднялась к голове, застлав поле зрения плотным коричневым туманом.

— Я с вами говорю! — гаркнул он, ударив кулаком по стойке.

Накладные и квитанции, наколотые на сверкающие бюрократические пики, баночки с клеем, чернильница из лунного камня - все, как один, подпрыгнули, испуганно звякнув, шлепнулись на стол. Баночка перевернулась, из нее выползла колбаска прозрачного желтоватого клея. Кассир, побледнев, вскочил:

— Вы за это ответите! — Он нажал кнопку.

Егорову пришлось еще долго размахивать руками, кричать, оправдываться, объясняться, усовещивать, призывать, угрожать и льстить, пока наконец в девятом часу он смог выехать. Вместо быстрого мощного автолёта ему пришлось сесть в допотопный автомобиль, прихотью судьбы заброшенный в сарай начальника местной службы движения.

Мысленно установив генетическую связь между начальником, с одной стороны, и животными, преимущественно собачьего рода, - с другой, Егоров успокоился и начал осматривать окружающий мир. А он был прекрасен. Высокое голубое небо с мелкими полупрозрачными облачками было заполнено теплом и светом. Свежая, еще зеленая пшеница сверкала росой. Над степью разливался аромат здоровой радостной жизни. Врывавшийся в машину ветер эластичной прохладной струей теребил егоровские вихры, и ему казалось, что у него улетают волосы...

— Давненько я не бывал здесь, — растроганно шептал он, глядя на знакомые поля, черные ленты дорог, петлявшие вдоль густых лесополос.

— В Музыковку? - спросил шофер.

— Ага.

— К Нечипоренке?

Егоров посмотрел на парня. Чернявый веселый хлопчик. Его звали почему-то Реник, Рейнгольдс.

— К нему. А ты откуда знаешь?

— А что тут знать? К нему многие сейчас ездят... А вы не знаете, скоро он назад полетит?

— Полетит. Дай отдохнуть человеку, он же только что вернулся.

"Белка", легко катившая по бетонному шоссе, замедлила ход.

— В чем дело? - спросил Егоров.

— Да тут съезжать надо с бетонки. Поворот на Музыковку.

— Так в чем же дело? Валяй...

— Та дорога ж здесь у нас не дай господи! Когда сухо, оно еще ничего, а после такого дождя...

Парень не договорил и свернул направо. Машина, сделав лихой поворот под мостом, выскочила на черную ленту проселочной дороги. Егоров с опаской посмотрел вперед. Он хорошо знал, что такое черноземный тракт после дождя.

Дорога была изрыта глубокими колеями. Рытвины напоминали окопы. Грунт под колесами "Белки" расползался все больше и больше, пока машина наконец не села на живот, беспомощно разбрызгивая с колес большие черные куски.

— Есть, - сказал Реник и остановил мотор.

Они выбрались наружу. Егоров сразу же утонул по щиколотку в жирной, вязкой грязи. С проклятьем выдернул ногу из клейкой массы. На легкие летние туфли налипли пудовые комья дегтярного цвета, и Егорову показалось, что он надел валенки. Ему стало даже немного страшно: вдруг земля начнет медленно расплываться под ним и засосет его в глубокую черную трясину. Пока он преодолевал силы сцепления, Реник, ловко орудуя совковой лопатой, расчистил путь.

Они двинулись дальше. Егоров, тихонько ругаясь, счищал грязь с изгибов и впадин подметок.

Они свернули, на другую дорогу, ведущую прямо на Музыковку. Здесь не было глубоких ям, но зато весь верхний слой почвы превратился в некое подобие жидкого масла. "Белка" буксовала через каждые три шага. Мотор, переключенный на первую скорость, жалобно ревел, из выхлопных труб валил черный дым. Реник вылез и, пощупав радиатор, махнул рукой.

— Будем стоять, — сказал он, — пусть остынет.

Егоров привалился к багажнику и пускал голубой сигаретный дым вверх, в насмешливое чистое небо.

— Черт те что! — раздался рядом с ним голос Реника. — Луну освоили, Марс освоили, на Венере высадились, а дорога у нас по-прежнему ни к бису.

— Почему? - возразил Егоров. - Есть великолепные магистрали, по одной из них мы с тобой сейчас ехали. Разве не так?

— Так то же магистраль. А до Музыковки добираться тяжче, ниж до Марса.

— Вся беда в том, мой дорогой, — назидательно сказал Егоров, — что мы живем в переходный период. Автолёты еще не вошли в силу, а машины уже вышли из употребления. Когда наладят массовый выпуск автолётов, дороги как таковые будут не нужны. Останутся лишь большие автострады. А вся остальная мелочь, такая, как эта, будет перепахана и засеяна. Сохранят только "пятачки" для приземления автолётов. И то по традиции. Автолёт может сесть в любом месте - на суше, на воде, в лесу, на болоте...

— Колы ж то будет... -— с сомнением протянул Реник и полез в кабину. Он долго возился со стартером, переключал скорости и наконец решительно сказал: — Давай попробуем по стерне.

Машина свернула с дороги прямо на поле, покрытое редкой рыжей щетиной, оставшейся после прошлогоднего урожая. Здесь их ожидали чудеса. "Белка" шла то левым, то правым боком, ее несло с удивительной легкостью в самых произвольных направлениях. Поле было с небольшим уклоном, и машина скользила по нему, как шайба по льду. Реник, давно заглушивший мотор, изо всех сил упирался в тормозную педаль. Он с ужасом наблюдал, как они медленно приближаются к пересекавшему поле глубокому оврагу. Метрах в ста от обрыва "Белка", развернувшись задом, остановилась.

— Хай ему бис! — сказал Реник, вытирая пот с бледного лица. — Буду ждать вечера, може, подсохнет.

Они вышли из машины.

— Вон Музыковка, - сказал Реник, махнув рукой за овраг.

На зеленом холме, залитом солнцем, стояли одноэтажные и двухэтажные домики. Густые вишни и тополя бросали на белые стены призрачные фиолетовые тени.

Егоров попрощался с Реником и пошел вдоль оврага к деревянному мостику, через который проходила дорога на Музыковку. Ноги его постепенно обрастали грязью, и скоро он шагал, как на ходулях, покачиваясь и буксуя не хуже "Белки". Наконец он плюнул, разулся, закатал брюки и, зажав в одной руке грязные туфли, а в другой - трефлоновую папку с бумагами, зачмокал по земле. Чернозем жирными черными колбасками продавливался между пальцами ног.

— ...Василий дома? - спрашивал он через полчаса, остановившись у дома, на котором развевался красный флаг.

Пожилая украинка зорким взглядом окинула гостя.

— А вы кто будете?

— Скажите, Егоров. Егоров Саша приехал.

Женщина крикнула что-то в окно, и через минуту на крыльцо выскочил высокий парень в майке, легких спортивных брюках и тапках на босу ногу. Черный чубчик весело дыбился над высоким лбом. Карие глаза сверкали приветливо и ласково.

— Сашок! Здравствуй, дорогой! Заходи, будь ласка... Ну и вид! Хлебнул нашего чернозема?

Они обнялись.

— Привет, марсианин, привет! - улыбаясь, говорил Егоров. — Не выдержала душенька? Сбежал до дому?

— Не выдержал, и не говори. Заехал с космодрома в академию, сдал документы - и здоровеньки булы! Они, правда, собирались меня пихнуть в какой-то санаторий, но я уговорил их, что дома у меня и санаторий, и профилакторий, и...

— ...дивчина с бровями, гарными, як мисяц?

— Одним словом, стопроцентная многокомпонентная экологическая система, обеспечивающая космонавту самый высокий моральный и физический тонус. Проходи, пожалуйста.

Пока Егоров плескался под душем, Василий раз десять зашел и вышел, принося то полотенце, то особое мыло "Нептун", которое выдавалось только космонавтам, то, наконец, просто так — сказать что-нибудь веселое и хлопнуть Егорова по тощей спине.

— Я считаю, - говорил Егоров, наблюдая за черноземными ручьями, бегущими от его ног, — что украинская грязь недостаточно отражена в произведениях классиков литературы...

— ...и науки, - докончил Василий.

— Именно. Ведь воспеты же украинская ночь, могучий и широкий Днепр, украинские девчата и даже тополя. Почему же нет обширных исследований и звонких стихов о черноземном царстве темных сил, агрессивно действующих после дождя?

— Мало того — по этому вопросу нет и достаточно компетентных научных монографий. А ведь какая благодатная тема пропадает для десятка кандидатских и двух-трех докторских диссертаций!

— Еще бы! — подхватил Егоров. — Грязь можно классифицировать по давности возникновения - застарелая грязь...

— По тяговому усилию, которое нужно применить, чтобы оторвать ногу от почвы.

— Легкая грязь — килограмм, тяжелая — полтонны...

— Цифры диссертанта, приведенные в части характеристики тяжелой грязи, по-видимому, несколько завышены. Наши опыты дают

величины на порядок ниже, что, конечно, нисколько не умаляет достоинства проделанной работы, и диссертант безусловно... - забубнил Василий, сгибаясь крючком над воображаемыми листками отзыва официального оппонента.

— ...заслуживает присвоения ему звания кандидата грязноватых наук! закончил Егоров.

Василий торжественно пожал ему руку.

— Будешь жить в мансарде вместе со мной, ладно? — сказал он. — Я бы дал тебе отдельную комнату, но у меня уже живет один гость. Сегодня прилетел.

— Кто? — спросил Егоров.

— Из партии Диснитов, он вместе со мной работал на Марсе.

— Вот как! А откуда он?

— Откуда-то из Америки.

Егоров поднял брови:

— Какого лешего ему от тебя нужно?

— Я потом тебе расскажу, — ответил Василий. — Идем, я представлю тебя моим домашним.

Домашних оказалось двое: мать - та самая пожилая украинка с зорким взглядом, и сестра Василия, молодая дивчина, высокая, с озорными карими глазами, очень похожая на брата. Пожимая руку Егорову, она улыбнулась и сказала:

— Вася много говорил о вас...

— Ну и как? - спросил Егоров.

— Так, ничего... - хитро прищурилась девушка.

— Оксана, не морочь Саше голову, лучше сбегай в магазин, — прервал ее Василий.

— А твой американец где? — спросил Егоров, когда они поднялись в комнату Василия.

— Спит, — ответил космонавт, потягиваясь. — Как приехал, так и завалился спать.

Егоров с завистью посмотрел на великолепное тело Василия. Богатырская сила и неодолимое здоровье чувствовались в каждом движении этого ладно скроенного парня.

— Поговорим? - спросил Егоров.

— После завтрака. Матери сейчас помочь надо по хозяйству. Все же они вдвоем с Оксаной, без мужчины трудно.

— Валяй действуй. Если я понадоблюсь, позови.

Василий спустился вниз. Оставшись один, Егоров огляделся. Большая комната производила странное впечатление. Судя по вещам и мебели, кто-то очень смело соединил в ней лабораторию, библиотеку, космический музей, гостиную и спальню. Впрочем, последняя была представлена только узкой кроватью, покрытой простым шерстяным одеялом. Над ней висело четыре фотографии Василия: в школе - маленький вихрастый озорник, напряженно глядящий в объектив, и три космических снимка, все почему-то сделанные на Луне. "Странно, ни одного с Марса, а он был там раз пять", — подумал Егоров.

Он погладил дорогие переплеты книг по космонавтике, занимавшие целую стену, щелкнул по серому лунному камню, напоминавшему застывший гребень волны, улыбнулся модели навигационного пульта космического корабля. Он хорошо знал эту штуку, Василий сделал ее, еще когда они вместе учились в Институте космической геологии. Потом подошел к широкой, в четыре створки, стеклянной двери, выходившей на балкон. Он распахнул ее и оказался в огромной галерее, открытой с трех сторон. Сверху, защищая от прямых солнечных лучей, натянулись полосы шелкового навеса.

Егоров увидел село в сочных темно-зеленых пятнах деревьев, уютные домики с белоснежными стенами, вышки с автолётами, сверкавшими на солнце яичными и пурпурными боками. Где-то кричал петух, мычала корова. Над Музыковкой стояло синее марево, обещавшее жаркий день.

Егоров глубоко вдыхал крепкий воздух, растворивший запахи трав и цветов. От яркого света и блеска у него слегка кружилась голова. Егоров думал, что сейчас в Москве он сидел бы в душной комнате, где много курят, и подсовывал бы "Большой Бете" бесконечные ряды цифр, извлеченных из данных георазведок Луны и Марса. И ждал бы и нервничал, пока умная машина не выдаст ответа, подтверждающего или отрицающего его догадку, его способность предсказывать. Потом будет вечер. Плавая в бассейне или сидя за стойкой "Кратера", он попытается выгнать усталость из тела, из клеток мозга, ослабить

натянутые до предела нервы. А на другой день опять начнется все сначала. Иссушающая душу работа, обидные неудачи, просчеты и победы, ставшие обязательной нормой. Победы, которые не радуют в то время, когда его жизнь проходит за пультом счетной машины, светит такое нежное радостное солнце и поет сладкий ветер.

До его слуха донесся шум. Кто-то вошел в комнату. Егоров увидел в стекле отражение вошедшего.

— Василий! — раздался негромкий голос.

Что-то удержало Егорова, и он промолчал. Он узнал этого человека, стоявшего на пороге. Тот самый красавчик, который перехватил автолёт на станции.

Егоров ясно видел лицо незнакомца. Оно было напряженным и внимательным. Не услышав ответа, незнакомец осторожно шагнул в комнату. Вернее, просочился, настолько мягким и бесшумным было это движение. Закрыл за собой дверь. Остановился посреди комнаты и огляделся, шаря взглядом по стенам.

— Василий!

Егоров хотел было выйти из своего укрытия, но тут вошел Нечипоренко.

— А-а! Анхело! - сказал он. — Отдохнул?

— О! Очень хорошо. Очень.

— Ну и ладно. Пойдем вниз.

Они вышли.

Этот красавчик, подумал Егоров, очень несимпатичен. Егоров решил расспросить Василия о нем при первом удобном случае, но сделать этого до завтрака не удалось.

Нечипоренко с озабоченным видом показывался на секунду в дверях и моментально исчезал. В доме раздавались то старушечья воркотня, то звонкий голосок Оксаны:

— Василь, поди сюда! Василъ! Дэ ты, Василь?

Василий послушно топал по теплому янтарному паркету на призывы домочадцев.

За завтраком появился новый гость — дед с усами. Звали его Павич. Он был самодоволен, торжествен и хвастлив.

— За нашего дорогого земляка, усесвитно известного космонавта Нечипоренку! - провозгласил Павич, поднимая рюмку. Выпив, он крякнул и вытер усы.

Затем дед в популярной форме объяснял присутствующим заслуги Василия перед Родиной и человечеством. Василий морщился, но деда не прерывал.

— Та хватит тоби, диду, — вмешалась мать Василия, Ольга Пантелеевна, мы газеты тоже читаем.

— Ничего, Ольга, ничого. У нас на цилу область один космонавт. Звидки! З нашего колхозу. Отэ диво требуется отпразнувать.

— Ну и празнуй на здоровье. А не разказуй нам то, шо усим давно известно.

Егоров искоса наблюдал за американцем. Анхело Тенд с безучастным видом глотал румяные картофелины. Он казался еще ослепительнее, чем утром на станции. По матовой белой коже струились волны нежнейшего абрикосового румянца. Огромные черные глаза смотрели строго, чуть грустно. На Оксану он производил завораживающее впечатление. Девушка сидела, не отрывая глаз от тарелки. Когда к ней обращались, она вздрагивала. Куда девалась ее хитрая усмешка!.. Егоров с некоторым сожалением отметил напряженное состояние девушки и даже сформулировал про себя подобие мысли, начинающееся словами: "Все вы, женщины...".

— Шо там тая слава! — сердито сказала Ольга Пантелеевна, ее лицо сейчас было печальным. — Було б здоровье. А то вон Гриша Рогожин, Васин товарищ...

— Мама!

— Та я молчу. Только скажу тебе, Вася, как ты кверху поднимаешься, в свой космос, мое сердце падает.

— Дело известное — материнское, - изрек Павич, закусывая жареным лещом.

— Если б отец был жив, и ему от Васиных полетов седины бы прибавилось.

— Надо, мать, надо, - твердо сказал Василий.

— А я что? Надо так надо. Только почему б тебе не отдохнуть? Съездил бы за границу, мир посмотрел.

— Шо ему заграница? - хитро подмигнул Павич. — У него в Музыковке прочный якорь брошен.

— Хорош якорь! — Ольга Пантелеевна, собрав посуду, сердито выплыла из столовой.

— Шо, Василий Иванович, не одобряет мамаша ваш выбор, а? — Павич расхохотался и обмакнул картофелину в сметану.

Егоров видел, что Василию неприятен этот разговор. Он обратился к Оксане:

— Ну, а вы, Оксана, на Марс не собираетесь?

— Очень нужно, — вспыхнула девушка, — к вашим букашкам!

— Эти букашки поумнее всех нас, — заметил Василий.

— Хоть бы и так. Но они ж уже все перемерли.

— А что, Васятка? — весело завертелся дед. — Чем на Марс летать, сходил бы в наш муравейник...

-— И то правильно, — одобрительно заметила возвратившаяся Ольга Пантелеевна. — Дохлых муравьев и на земле достаточно.

Анхело Тенд положил вилку.

— Между марсианином и муравьем такое же сходство, как между человеком и котенком. На Марсе развилась великая цивилизация, до уровня которой человечеству не дойти и за десять тысяч лет. И марсиане не вымерли.

Он строго посмотрел на Оксану. Глаза его горели неистовым пламенем какой-то мрачной веры.

— А что же? — робко спросила девушка.

— Они ушли в Айю.

Все помолчали.

— А шо це таке? - насмешливо спросил Павич.

— Мы не знаем, - ответил за Анхело Василий. -— Мы многого не понимаем в цивилизации марсиан. Они не знали звуковой связи, логические основы их мышления качественно отличны от нашего, эволюция протекала у них совсем иначе. Ни способы производства, ни пути развития их общества для нас пока неясны.

— Если мы когда-нибудь сможем разобраться в тех штуках, которые вы открыли на Марсе, наше общество получит колоссальный толчок вперед, заметил Егоров.

Анхело впервые посмотрел прямо в лицо Егорову.

"Какое жуткое ощущение! Он как будто высасывает что-то из меня", подумал геолог, невольно опуская глаза.

— Да, вы очень правы, — сказал Тенд. В его голосе было что-то металлическое.

"Не хватает обертонов", - подумал Егоров.

— Ну, все это подарки для Академии наук, — сказал Павич. — А вот для людей там немае ничего такого, щоб руками пощупать, такого, щоб... — Дед повертел толстыми корявыми пальцами, затрудняясь высказать свою мысль.

— Щоб за пазуху та до дому? — улыбнулся Василий.

— Ну да... та ни... ну шо ты, хлопче! Ну, як руда або металл який-нибудь.

— Как же, как же, — весело заметила Ольга Пантелеевна, — у Васи полна комната камней.

Василий расхохотался.

— Мама, ты неправа, — лукаво заметила Оксана. — А зеркало?

— Какое зеркало? — спросил Егоров.

— Вася привез мне в подарок зеркало с Марса.

— Зеркало марсианки, - насмешливо сказала Ольга Пантелеевна. - Даже повесить не за что.

— Зато не пылится, — заметил Василий.

Анхело посмотрел на Оксану. Он, казалось, видел ее впервые.

— И как вам в него смотрится? — спросил он.

— Очень хорошо, — улыбнулась девушка.

— А теперь выпьем за матушку — Землю, — торжественно провозгласил Павич. — Она нас породила, обогрела и в космос направила.

После завтрака Василий сказал Егорову:

— Пойдем отнесем твое ложе наверх.

— А где оно?

— У Оксаны в комнате.

Он обратился к сестре, оживленно беседовавшей с Анхело:

— Оксана, мы из твоей комнаты топчан возьмем, ладно?

— Пожалуйста, бери, — сказала девушка, не поворачивая головы.

Комната Оксаны была чистой и просторной. Тонкий аромат полевых цветов нежно щекотал ноздри.

— Вот он, под окном, - сказала вошедшая за ними Оксана. - Только я не завидую вам, Саша. Он твердый, как сухая глина.

— Ладно. Геологу не привыкать.

Внезапно Егоров увидел зеркало с Марса, оно стояло на стуле, прислоненное к спинке. Сверху Оксана накинула на него рушник.

— Это оно? - Егоров подошел к зеркалу.

Плоскость полуметрового эллипса, заключенного в толстый золотисто-серый обод, отразила в темной глубине настороженные серые глаза молодого человека. Зеркало не искажало ни одной линии его лица, придавая отражению легкий голубоватый отсвет. У Егорова осталось впечатление, что он смотрит сквозь толстый слой голубой воды.

Василий, тоже смотревший в зеркало, неожиданно сказал:

— Слушай, сестра, одолжи-ка нам эту штуку на время, а? Нам обоим надо бриться по утрам, а у меня только одно маленькое походное осталось.

— Берите. Оно, кстати, двустороннее. Повесьте посреди комнаты и брейтесь сразу вдвоем.

— Так и сделаем.

Они перенесли топчан наверх, прихватив с собой и зеркало.

— Я буду спать на балконе, — сказал Егоров.

— Добро, — согласился Василий.

Топчан установили под навесом. Лежа на нем, Егоров мог видеть всю Музыковку и синие дали степей. Обмотали края золотистого обода изоляционной лентой, конец ленты подвязали к рейке, на которой был натянут шелковый навес. Зеркало покачивалось и блистало на солнце, как прожектор.

— А оно тяжелое, — заметил Егоров, оценивая взглядом результаты их трудов.

— Очень. И непонятно почему. Состав, правда, неизвестен...

— А оно не представляет собой какой-либо научной ценности?

— Что ты! — Василий махнул рукой. — В Академию наук передано около двух тысяч таких зеркал. Все химики мира бьются над их химической структурой.

Они перешли в кабинет Василия, так как на балконе уже становилось жарко.

— Вообще у марсиан была странная склонность к эллиптическим формам, сказал Нечипоренко, когда они сели в глубокие прохладные кресла. -— Таких зеркал у них десятки тысяч, в городах они играют роль отражателей света... Многие строения на Марсе имеют эллиптические формы...

Василий замолчал. Перед его глазами возник образ Большой Марсианской столицы. Он тряхнул головой, словно сбрасывая с себя какое-то наваждение.

— Ну ладно, -— сказал он, — обо мне потом. Да ты, наверное, все знаешь из отчетов, поступающих в ваш институт. Как тебе в нем работается?

Егоров подумал.

— Что я могу сказать? Чтоб да, так нет, как говорят в Одессе. Когда после окончания института я не попал в космос из-за болезни печени... Ну, да ты помнишь. Конечно, хорошо еще, что я геолог, а не навигатор, как ты. В этом случае мне совсем была бы крышка. И все же от космоса я не мог отказаться. Поступил в этот институт. Работал. Изучал данные, собранные на Марсе, и вот открыл плато Акуан. Сейчас лелею надежду, что удастся провести там кое-какие исследования.

— Официально? И не надейся - заметил Василий. — Условия там ужасные. Мы вшестером раскапывали Большую столицу. Представляешь? В ней жило когда-то около миллиарда марсиан, она уходит в землю на триста — четыреста метров, а протяженность ее до сих пор не установлена. Два месяца, не снимая скафандра, ползали мы по этим проклятым муравьиным переходам. Отработаешь смену, потом еле к "Москве" доползешь. Вот так-то, брат. Расскажи-ка лучше о своем плато.

Егоров почесал подбородок. Посмотрел в потолок и начал рассказывать:

— Помнишь, какая была сенсация, когда на Марсе обнаружили органометаллические структуры, неизвестные доселе на Земле? В лаборатории их получить не удалось, сколько ни бились. На Марсе они сосредоточены в одном месте, причем в огромных количествах. Я назвал это место "плато Акуан". Потом удалось доказать искусственное происхождение структур. А что это значит, как ты думаешь?

— Ну, отходы неизвестных термоядерных реакций... —- неуверенно сказал Василий.

— Правильно. Отходы. Это очень важно. Марсиане, построившие всю свою цивилизацию в почве, использовали поверхность Марса так же, как мы в свое время верхние слои атмосферы или дно океана. Они выбрасывали на поверхность различный мусор. Собственно, по таким признакам были открыты и Большая подземная столица, и вся разветвленная сеть их городов.

— Следовательно, под плато Акуан скрывается термоядерный энергетический центр, который до сих пор никто не может отыскать?

— Совершенно, верно. И если этот центр будет найден, то, думаю, и для нашей земной энергетики там можно будет кое-что позаимствовать. Особенно учитывая уровень марсианской техники. Понимаешь?

— Дело интересное и важное. Впрочем, найти — это, еще не все. Нужно понять, как это у них сделано. Вот мы обнаружили первую внеземную цивилизацию. А что толку? Ну ладно... Что говорят твои шефы?

— Во-первых, плато огромное. Во-вторых, центр может оказаться не под плато, а где-то рядом. Получаются слишком большие затраты. А в-третьих, легче изучать и вывозить уже открытые объекты, чем искать новые. В общем, это, дескать, дело завтрашнего дня.

— Да, ситуация трудная, — задумчиво сказал Василий. — Поискать там стоит. Но, понимаешь, без официального разрешения... Риск большой. Сейчас у нас по инструкции четырехкратная страховка... И то... — Он замолк. Понимаешь, Саша, — наконец с трудом произнес Нечипоренко, — Марс — очень странная планета. Я хорошо знаю нашу Луну, участвовал в высадке на Венере, хлебнул там газку, но все это не то. Совсем не то. И на Луне, и на Венере грозная природа, дикая

стихия и все такое, но там не страшно. А на Марсе бывает очень страшно. Понимаешь?

Егоров смотрел на него с удивлением.

— Да, да, — сказал Василий. — Об этом не пишут и даже не любят рассказывать, но тем не менее это так.

Он снова замолчал.

— Марс — удивительно спокойная планета. Мало расчлененный рельеф. Глубоко в почве скрылись гигантские города. Мертвые города. Ни одного марсианина не осталось, найдены только миллиарды странных сухих оболочек. Не то хитиновый покров насекомых, не то какая-то одежда. Перед отправкой в Айю они или покинули эти оболочки, или... Здесь начинается область сплошных загадок. До сих пор ничего, собственно, не удалось установить наверняка. Маленькие марсиане возводили под землей циклопические сооружения, где человек чувствует себя лилипутом. Для чего созданы эти сооружения, можно только гадать. Там очень трудно работать, Саша. Тебя все время преследует ощущение, будто на этой мертвой планете кто-то есть.

— Ну, это ты брось... — протянул Егоров.

— Да, да, именно, не улыбайся. Все время чувствуешь, что за спиной стоит кто-то живой, наблюдающий и оценивающий тебя. И..., ждущий. Я не знаю ничего страшнее этого марсианского ожидания. Там тебя постоянно что-то ждет. Это очень неприятное чувство.

— Еще бы!

— Теперь возьми хотя бы наши жалкие потуги расшифровать непонятную зрительно — осязательную информацию, которая записана на кристаллах Красного купола. Единственный интересный вывод, полученный нами, — это то, что марсиане собираются уходить в Айю. Что такое Айя? Как туда переправились два миллиона марсиан? Непонятно. А кто ответит, почему вся информация относится только к последнему десятилетию марсианской цивилизации? Где их архивы? Были ли у них библиотеки? Одним словом, миллион загадок.

— Я не понимаю, что тебя смущает. Требуется определенное время на изучение этого сложного и очень непохожего на нас разумного общества.

— Дело не во времени, Саша. Я подозреваю, что многого мы так и не поймем.

— Детали, может быть. Детали всегда своеобразны и неуловимы. Но в целом общее направление мы вполне можем понять.

— И общее не поймем. Мне говорили, что Дисниты - они занимались расшифровкой кристаллов Восточного сектора Красного купола — пришли к интересному выводу. Они утверждают, что мышление марсиан как бы обратно нашему, земному. У нас движение является свойством материи, у них материя - свойством движения, его проявлением.

— Ловлю тебя на слове, — сказал Егоров. — Для того, чтобы сделать подобное заключение о характере марсианского мышления, нужно располагать колоссальным запасом информации. Это же философское обобщение.

— Нет. Дисниты располагали тем же, что и мы. Наши находки дублируют друг друга. Но... им больше везет. Видишь ли, Саша, у меня такое чувство...

Он задумался. Мысленно он видел узкий глубокий колодец, по которому лифт спускает космогеологов в Большую столицу, бесконечный лабиринт переходов, где пробираешься только ползком, и Красный купол - огромную искусственную пещеру с овальным потолком, залитую багряным светом. И его вновь охватило знакомое чувство тревожного ожидания.

— У меня такое чувство, Саша, — продолжал Василий, — что нашими находками и открытиями на Марсе кто-то руководит.

— Конечно. Академия наук, Совет по...

— Нет, - перебил Василий, — не то... Я не о наших...

Егоров, казалось, не понял друга, отвернулся и стал смотреть на балкон.

— Да, - сказал Василий, — кто-то нами руководит. Подсовывает одно, прячет до поры до времени другое, - одним словом, контролирует. Ну посуди сам. Марсиане ушли в Айю около пяти миллионов лет назад. На Земле в это время еще не было человека. А марсианские города сохранились как новенькие, там все блестит. Это противоестественно, понимаешь? Есть второй закон термодинамики, есть

энтропия, которая растет... Да за пять миллионов лет там должен был воцариться хаос! А хаоса нет. Есть строгий порядок.

— К чему ты ведешь?

Василий молча наклонился к Егорову. Тот с испугом смотрел в его серьезные черные глаза. "Уж не свихнулся ли он там, на своем Марсе?" мелькнула мысль.

— Они вернутся.

Егоров принужденно расхохотался:

— Здорово! Хозяин вышел на минутку и просит гостей подождать?

— Совсем нет. Хозяин просто не может или не хочет вернуться.

— Может, они улетели из Солнечной системы в эту Айю?

— Черт его знает, что это за Айя, - задумчиво сказал Василий. - Порой я даже готов согласиться с академиком Перовым. Он исследовал панцири и считает, что подобный переход является чисто физиологическим процессом. Айя — это, смерть. А может, что-то вроде того света. Перейдя в Айю, получаешь шанс на бессмертие...

— Это уже твой, собственный домысел?

— Нет, так Дисниты придумали. Кстати, этот Анхело Тенд — неплохой парень, между прочим, — работал с ними до нашего прилета. Дисниты уже собирались отлетать, как вдруг обнаружили, что Тенд исчез. Туда, сюда нет Анхело. Они улетели. А через месяц мы нашли Тенда в одной из галерей Красного купола. Он был жив и здоров, но не мог ответить ни на один вопрос. Что с ним случилось, где он был, что ел, пил — не помнит. Пришлось его обучать всему заново, рассказывать, кто он такой, где жил, что есть Земля и люди. Долго так продолжалось. Но однажды он вспомнил... почти все.

Слова Нечипоренки были прерваны высоким, рвущим воздух звуком. Пронзительный вой столбом поднялся к небу. Друзья выбежали на балкон. Вверху на темно-синей глади выводил прерывистую снежную роспись реактивный самолет.

— Какая-то новая модель. — Егоров прикрыл глаза ладонью.

Звук оборвался так же внезапно, как и начался. Самолет утонул в глубине небесной чаши.

— Ну и ревушка! — покачал головой Василий. — До земли доходит ослабленный звук. Представляешь, каково летчикам?

— Там изоляция.

— Так, о чем я говорил? — спросил Василий.

— Об Анхело.

— Ах да! Ну вот, собственно, и все. Вернулись мы с Марса. Анхело побывал дома, что-то ему там не понравилось. Он ведь испанец, из Венесуэлы... Теперь решил остаться у нас. И вот это зеркало, что я Оксане приволок, — продолжал Василий, это памятный подарок Гришки Рогожина, который погиб.

— Как! — вскочил Егоров. — Григорий погиб?

— Погиб, и самым таинственным образом. Он работал в одной из "комнаток", которых там, в Красном куполе, тьма, а этажом выше работали наши взрывники. Взрыв они произвели крошечный, но все же кое-какое сотрясение было. Слышим вскрик. Прибежали к Грише. Лежит с разбитой головой. Скафандр снят, лицо размозжено. Сама же "комната", где работал Гриша, осталась совершенно целой. Так, с потолка немного пыли осыпалось да кусочки облицовки размером с мой ноготь лежали на полу. Что могло нанести удар такой страшной силы,

мы так, конечно, и не узнали. Что-то там болтали о многократном усилении взрывной волны, о направленных ударных воздействиях — чепуха все это. И какая досада! Как раз в этот день Гриша сделал великолепную находку. Он нашел труп марсианина. Это было потрясающим открытием. Мы пять лет на Марсе и ничего, кроме пустых оболочек, не находили. Миллиарды рачьих скорлупок! Об истинном облике марсианина мы могли только гадать. Гришку на руках носили, когда он приволок под мышкой этот прекрасно засушенный экспонат. Мы положили его в титановый контейнер и отправили наверх, а через четыре часа отправили наверх Гришу. А зеркало я оставил себе.

— Какое зеркало? — спросил Егоров.

— Вот это самое. — Василий указал на зеркало с Марса, которое слегка покачивалось под порывами теплого ветра. — Мертвый марсианин лежал в двух шагах от него, и Григорий снял зеркало. Потом я взял зеркало на память.

Егоров внимательно и печально посмотрел на сверкающий овал.

— Тоже ведь загадка, — протянул Василий. — Зачем марсианам эти зеркала, совершенно одинаковые и в огромном количестве? В каждом городе их сотни...

Вдруг лицо его изменилось. Взгляд впился в зеркало.

— Оно не отражает! — прошептал Василий.

Егоров посмотрел на зеркало. На первый взгляд оно действительно ничего не отражало. Поверхность его была ровной и матовой. Такого же золотисто-серого цвета, как обод. Они одновременно бросились к зеркалу и увидели в нем свои взволнованные физиономии.

— Фу, глупость! — заметил Егоров. — Анизотропное изображение всего-навсего. Ты меня так напугал своими рассказами о Марсе, что я скоро от любого марсианского камня стану шарахаться.

— И правильно сделаешь, - задумчиво сказал Василий, - потому что ни одно из марсианских зеркал, с которыми я имел дело, не обладает такими удивительными, вернее, даже странными свойствами. И это тоже... не обладало, пока я его держал в чемодане.

— Вероятно, на него благотворно подействовал мой приезд.

— Возможно... Ну ладно, - сказал Василий. — Подводя итоги, плато Акуан исследовать надо.

— Эх, если б меня взяли в космос! — махнул рукой Егоров.

— Не тужи, братец, — заметил Василий, — вот создадут антигравитатор, полетишь и ты со своей больной печенкой...

Василий ушел, и Егоров подошел к зеркалу. Он представил себе, как тысячи марсиан смотрелись в эту блестящую поверхность, и ему стало не по себе. Зеркало равнодушно отражало его некрасивое лицо, красные крыши домов, поле и электротрактор, который жужжал далеко, на краю большого зеленого поля. Егорову показалось, что на блестящем материале возник какой-то едва заметный белый налет. Он прикоснулся к нему — и вздрогнул от неожиданности. Поверхность зеркала была мягкой! Он взял спичку и попытался сковырнуть налет. По отражению зеленого поля прошла неглубокая бороздка. Егоров был удивлен. Он посмотрел на кончик спички. Постепенно след на зеркале стал зарастать и минут через пять совсем исчез.

— Интересно, — промычал Егоров сквозь зубы и придвинул кресло поближе.

— Саша! Саша! — услышал он громкий голос Нечипоренко.

Егоров посмотрел вниз и увидел, что Василий стоит у ворот и размахивает газетой. Лицо космонавта исказилось в болезненной гримасе.

— Прыгай ко мне! — крикнул он.

Егоров прыгнул на влажную упругую землю. Освещенное ярким летним солнцем лицо Василия было мрачным и серьезным.

— Читай, - сказал он, указывая на вторую полосу.

— "Нам сообщают... - бормотал Егоров, скользя взглядом по мелкому шрифту, — вчера в Бостоне были обнаружены тела... братья-космологи Альфред, Уильям, Колдер и Джеймс Дисни... убийца не найден... загадочная смерть без каких-либо признаков токсического или физического воздействия... Ученые-эксперты в растерянности..." Что это значит? обратился он к Василию.

— Читай до конца, — сердито сказал Нечипоренко.

— "Смерть известных исследователей Марса связывается с заявлением, сделанным ими несколько дней назад, что в Большой Марсианской столице якобы найден архив и ключ к нему, дающий возможность воссоздать пресловутую дверь в Айю. Эта находка неизмеримо

увеличит мощь людей, сообщил корреспонденту "Тайме" Колдер Дисни".

Они молча посмотрели друг на друга.

— Вот он, Марс! — взволнованно сказал космонавт. — Он и на Землю протягивает свои лапы. Не хотят марсиане открыть свои тайны.

Егоров молчал, но сообщение его тоже встревожило. Он почему-то подумал, что Анхело только недавно вернулся из Америки и, вероятно, знает о гибели Диснитов.

— Не исключен вариант, что в один прекрасный день будет найдено тело Василия Нечипоренки без следов какого-либо физического, химического или психического воздействия, — неожиданно сказал космонавт, разглядывая нарциссы, окаймлявшие клумбу перед домом.

Егоров посмотрел на отпечаток своей ноги на краю клумбы и сказал:

— А что говорит по этому поводу твой Анхело?

— Он еще не знает. Сейчас я его позову.

Василий вошел в дом и через минуту вышел с Тендом.

Ни волнение, ни сочувствие, ни жалость — ничто не отражалось на прекрасном лице Анхело. "Он продумывает линию поведения", — подумал неожиданно Егоров.

— Какое печальное известие. Я их очень уважал — сказал Тенд.

Лицо его оставалось неподвижным. "Может, у него просто такая мимика или, вернее, полное отсутствие всякой мимики?" — подумал Егоров.

Они сели на лавочку возле ворот. Оксана срезала нарциссы.

— Самое примечательное — что гибнут люди, работавшие в Красном куполе. Рогожин, Дисниты... Кто следующий?

— Я, — неожиданно сказал Анхело и улыбнулся.

Егоров впервые видел, как улыбается Тенд: глаза оставались мертвенно-спокойными, а рот корчился в судороге смеха.

— Почему ты так думаешь? — спросил Василий.

— Если следовать теории, что марсиане прячут от нас свои тайны, то следующим должен быть я. Дисниты разобрали архив — и погибли.

Гриша нашел мумию — и погиб. А я... Перед тем как я.., как у меня наступил тот провал в памяти... я тоже видел комнату, где нашли Рогожина. Там были и высохший марсианин, и зеркало, и еще много маленьких крестиков на стенах, на потолке...

— Каких крестиков?

— Откуда я знаю? Я пришел туда с фонарем, а он у меня испортился. Тогда я взял два конца батареи и через графитодержатель сделал маленькую вольтову дугу. Я увидел на полу этого марсианина, зеркало и какие-то искорки на стене и на потолке, похожие на крестики. И тут моя дуга вспыхнула очень ярко; наверно, я сильно сблизил электроды.

Говорил Анхело как-то нехотя, словно что-то удерживало его.

— Ну и что? - с нетерпением спросил Егоров.

— Раздался шум. Очень большой шум, как ревет самолет на взлете. Дуга погасла, и шум смолк. Я выбрался из этой комнаты и немного заблудился в переходах. По моему подсчету, прошло часа два. А когда

я встретил своих людей, Вася, они сказали, что я пропал месяц назад и что группа Колдера уже закончила работу и улетела на Землю.

Они надолго замолчали. Оксана, проходя мимо, бросила им на колени по цветку.

— А ваши данные... а вы потом были в этой комнате? — спросил Егоров у Тенда.

— Конечно. Никаких крестиков я не обнаружил.

— Ну ладно, братцы, — сказал Василий, вставая, — я должен идти. Марсианскими делами на Земле слишком увлекаться не стоит. Меня ждет один человек...

Егоров вернулся на балкон. Оксана и Анхело остались в садике и тихо о чем-то беседовали. Егоров лег на топчан и, наклонив зеркало к себе, стал разглядывать Оксану. Ему показалось, что Анхело как-то уж очень близко приник к ее уху. Егоров бросил в зеркало нарцисс. Он и сам не мог понять, зачем это сделал.

Сзади раздался крик. Изумленный Егоров выпустил зеркало из рук и обернулся: Анхело и Оксана слетели со скамейки и упали навзничь прямо в цветы. Они довольно неуклюже барахтались, пытаясь подняться. Егоров спрыгнул с балкона.

"Второй прыжок за одно утро. Такой способ сообщения становится регулярным", — подумал он, помогая девушке и испанцу встать на ноги.

— Что случилось? - спросил Егоров.

Лицо Оксаны было смущенным и растерянным. На щеке багровела ссадина. Егоров почувствовал острый, неприятный запах в воздухе.

— Нас что-то толкнуло, - подумав, ответил Анхело, — будто облако упало. Облако запаха. И сейчас же исчезло.

— Нет, не облако, а будто потолок, потолок с лепкой упал на нас и.. этот странный запах... он напоминает отбросы, какую-то гниль, —- сказала Оксана.

— Не ушиблись? — осведомился Егоров.

Она покачала головой. Егоров оглядывался по сторонам. Ничего примечательного, кроме испорченной клумбы с цветами, он не увидел.

Запах постепенно исчезал. Вначале резкий, отвратительный до тошноты, он слабел, делался нежнее. "Уменьшается концентрация", — подумал Егоров. Он знал, что даже самые лучшие духи в большой концентрации обладают мерзким запахом. Вдыхая нежный, едва уловимый аромат, он силился вспомнить его источник. "Нарциссы!" — внезапно озарило его.

Он посмотрел на балкон. Смутная догадка промелькнула в его сознании. Егоров взглянул на Анхело и увидел, что испанец тоже смотрит на балкон, на необыкновенное зеркало. Егорова поразило выражение лица молодого ученого: так смотрят на предмет долгого, тщательно скрываемого вожделения.

— Разве зеркало не у тебя? — отрывисто спросил Тенд у Оксаны.

— Зеркало? Какое зеркало? Ах, это! Я отдала его Саше и Васе, — спокойно и чуть удивленно ответила девушка. Она тоже заметила волнение Тенда.

"Что-то здесь неладное", — подумал Егоров.

Его отвлек шум, послышавшийся за воротами.

Во двор вошла Ольга Пантелеевна с Павичем. Она была в резиновых сапогах и кожаной куртке. Ольга Пантелеевна сердито говорила Павичу:

— А я тоби кажу, шо вин був пьяный. Разумиешь? Пьяный!

Павич держал в одной руке старый, обшарпанный портфель с металлическим замком посредине, в другой — обломок грубо обструганного деревянного бруса длиной в метр.

— Це ж вещественное доказательство, Оля, — сказал Павич, помахивая бруском.

— Что случилось, мамо? — спросила Оксана, подходя к ним.

Преодолев барьер из многочисленных отступлений и восклицаний, Оксана и Егоров выяснили суть дела. Ольга Пантелеевна, обходя с Павичем поля, обнаружила глубокую борозду, проходившую через участок озимой пшеницы. Поломанные стебли и развороченная земля привели их к трактористу Коцюбенко, который, сидя возле своей машины, с изумлением вглядывался в канаву, разрезавшую скатерть зеленого поля. На вопросы Ольги Пантелеевны и Павича тракторист понес околесицу. Он утверждал, что с неба упала

огромная дубина и сама прошлась по полю, оставив рытвину. Брусок в руках Павича кусочек этой дубины.

Вначале вырытая траншея, утверждал Коцюбенко, была глубокая — метра на три. Но потом она стала уменьшаться, вроде бы зарастать, стебли пшеницы распрямились, и к моменту появления Ольги Пантелеевны и Павича через поле проходила уже только небольшая бороздка, которую те приняли за тракторный след. Поступок пьяного тракториста — а он был действительно пьян — вызвал горячее негодование у Ольги Пантелеевны.

Егоров задумался. Потом он заметил, что Анхело с ними нет. Очевидно, он незаметно удалился.

Еще открывая дверь в кабинет Василия, Егоров знал, что встретит там испанца. Но в комнате никого не было. Егоров вышел на балкон. Тенд стоял спиной к Егорову, приставив к золотисто-серому ободу зеркала тонкий черный стержень. Другой конец стержня Анхело приставил к уху. Создавалось впечатление, будто испанец выслушивает больного. Низкое гудение расплывалось в майском воздухе.

— Анхело! — позвал Егоров.

Тенд отскочил от зеркала словно ужаленный. Он посмотрел Егорову в глаза. Это был страшный, беспощадный взгляд...

Оксана, зайдя в кабинет Василия, услышала слабый стон. Он доносился из-за стеклянной двери балкона. Девушка выбежала и увидела Егорова на полу, за ящиками для цветов и рассады. Оксана помогла ему перебраться на топчан. Через несколько минут Егоров открыл глаза.

— Он ушел?

— Кто — он?

Егоров промолчал. Он смотрел на девушку устало и отчужденно.

— Что с вами? - волнуясь, спросила Оксана. - Может, вызвать врача?

— Врача? - спросил Егоров. — Врача не надо, я совершенно здоров. Это солнце. Я давно не был так много на солнце.

Он внимательно разглядывал свои руки.

— Оксана, вы больше всех, пожалуй, за исключением Васи, разговаривали с Анхело. Как он вам показался?

Девушка чуть-чуть покраснела.

— Не знаю, он красивый...

— И только?

— По-моему, он очень холодный человек и непонятный.

Егоров неожиданно улыбнулся и сел на топчан.

— Вы верно чувствуете, Оксана... Вот что, Оксана, мне срочно нужен Василий. Где он?

— Он катает Валю на своем автолёте. Вот если б вы сегодня утром догадались позвонить, не пришлось бы вам тащиться по грязи на "Белке".

— Откуда ж я мог знать, что у Василия есть личный автолёт? А там у него, случайно, нет телефона?

— Есть. Да стоит ли мешать? Им и без того трудно. Мама не одобряет Валю. Ей кажется, что Васиной женой должна быть другая девушка.

— Какая? С Марса?

— Нет, но что-то в этом роде. — Оксана засмеялась.

Егоров минуту подумал.

— Оксана, голубушка, мне срочно, до зарезу нужен Василий. Как ему позвонить?

— Да вон они! — Оксана махнула рукой на горизонт.

— Где? Где? — Егоров силился разглядеть блестящую точку над полем.

— У вас глаза от солнца болят, — заметила Оксана и, повернув Егорова за плечи, сказала: — Смотрите в зеркало. Они здесь тоже видны. Вот видите светлое пятнышко?

— Где?

— Да вот же, господи! — Оксана ткнула пальцем в зеркало.

— Осторожно! — хотел остановить ее Егоров.

Но было поздно. Загорелая подушечка пальца слегка коснулась зеркала там, где виднелось пятнышко автолёта. Оксана побледнела и отдернула палец.

— Ай! — вскрикнула она, взмахивая рукой. На коже выступила капля крови, палец был слегка ободран.

— Скорей машину, скорей! — заторопился Егоров. — С ними случилось несчастье!

Он прыгнул с балкона. "Сегодня этим нарциссам досталось в третий раз..." — машинально подумал он.

— Оксана! — крикнул он, повернувшись к балкону. — Закройте зеркало покрывалом, и чтоб никто и ничто не касалось его поверхности!

Девушка, сунув палец в рот, с удивлением наблюдала за суетливыми движениями Егорова, вскочившего на мотоцикл. Тревога геолога передалась и ей. Она посмотрела на горизонт. Автолёта Василия не было.

Когда Егоров, подпрыгивая на комьях сухой земли, подъехал к месту катастрофы, там уже стояла машина. Падение автолёта заметил местный агроном. Он только что вышел из автомобиля и, раскачиваясь, шагал по полю. Егоров догнал его, и они пошли вместе.

Через несколько шагов они остановились. Автолёт лежал на свежевспаханной земле. Радиатор и верх прозрачного кузова оказались под полосами грязно-желтой ткани, на которой бордовыми пятнами застывала кров!.. Бока и стекла автолёта были усеяны мелкими красными брызгами. Преодолевая ужас, Егоров бросился к машине и распахнул дверцы.

Василий, сидевший у пульта, свалился к его ногам. Вдвоем с агрономом они вынесли тело космонавта, ставшее необыкновенно тяжелым, и положили на черную землю. Вынесли из автолёта и высокую бледную девушку, голубые глаза ее были слегка приоткрыты.

Агроном распахнул воротник и прижал ухо к груди космонавта. "Прав ты был, Вася, —- думал Егоров, разглядывая бледное лицо друга. — У Марса руки длинные..."

— Бьется! - радостно воскликнул агроном.

Он стал на колени у изголовья Василия и сделал несколько ритмичных движений искусственного дыхания.

Егоров нагнулся над девушкой.

"Откуда же столько крови? — напряженно думал геолог. — Ведь они совершенно целы". И тут он вспомнил вишневую каплю на пальце Оксаны и сердито затряс головой, отгоняя дикую, нелепую мысль. Валя чуть слышно вздохнула.

— Валя! Валя! — позвал Егоров.

— Смотрите! — воскликнул агроном.

Егоров посмотрел сначала на него. Он увидел кирпично-красное лицо, голубые удивленные глаза в лучах морщин и загорелую руку, вытянутую в направлении автолёта.

Ни кровавых брызг на стекле, ни дымящейся лужи крови под машиной не было. Все исчезло. На капоте неясно белел клочок сморщенной ткани, только что покрывавшей всю машину.

— Черт! — закричал Егоров и, подбежав, спрятал лоскуток в карман. Он был мокрый и холодный.

В это время Василий открыл глаза и застонал.

— Валя! — тихо позвал он.

Хлопоты вокруг космонавта и его невесты, вызов врача, долгие объяснения и разговоры с домашними заняли всю вторую половину дня. Наконец Василия уложили, несмотря на его шумные протесты, и напоили чаем с малиновым вареньем. Обложенный подушками, он дико вращал глазами и призывал в свидетели все созвездия Вселенной, что здоров, невредим и совсем не хочет лежать. Но Оксана и мать, сидевшие по обе стороны кровати, были неумолимы.

— Ну поймите, ничего страшного не произошло! Автолёт двигался над полем на высоте двух-трех метров. Потом что-то нас стукнуло, и мы потеряли сознание. Вот и все. И нечего мне тут устраивать постельный режим по последнему слову космической профилактики.

— Я сказала, тильки через мий труп, — говорила Ольга Пантелеевна, придавив плечо сына сухоньким кулачком. — Лежи.

Оксана и Егоров, переглянувшись, рассмеялись. Егоров поднялся к себе на балкон. Он ощущал страшную усталость. Солнце уже зашло, но небо было светлым и алым. Село спряталось в глубоких вечерних тенях.

Егоров достал лоскут неведомой ткани, снятой с автолёта. Он стал совсем крошечным. Егоров расправил его и посмотрел на свет. Клочок слегка просвечивал.

— Кожа! Человеческая кожа! Кожа с Оксаниного пальца — негромко сказал он.

Василий уже сладко дремал на пуховых подушках, когда кто-то настойчиво потянул его за руку. В мерцающем лунном свете он увидел темный силуэт. Егоров стоял, прижав к губам палец.

— Тсс! — сказал Егоров. — Идти можешь?

— Да. «А что случилось?» — спросил Василий, вскакивая. — Что-нибудь с Валей?

— С ней все в порядке. Пойдем со мной.

Егоров пошел вперед, высоко поднимая ноги. В доме стояла тишина. Оранжево светилась полоска света под дверью комнаты Ольги Пантелеевны.

Егоров провел Нечипоренку на второй этаж, в кабинет. Там, освещенный неярким светом настольной лампы, сидел незнакомый человек.

— Капитан Самойленко, — представился он, вставая.

Василий пожал протянутую руку.

— Этот товарищ приехал, чтобы задержать Тенда, — сказал Егоров. Анхело убил Дисни, похитил их материалы и сбежал.

— Что? — Василий выпрямился. — Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю. Время не терпит. Капитану повезло, что он в этом доме сразу натолкнулся на меня. Тенд — опасный преступник.

— Американцы обратились к нам с просьбой задержать убийцу четырех известных исследователей Марса, - сказал Самойленко.

— Но зачем он это сделал? — вскричал Василий.

— Власть, золото... а впрочем, черт его знает, почему, — сказал Егоров.

— Мне нужно произвести обыск. Вы согласитесь быть понятыми?

Василий, все еще ничего не понимая, кивнул.

— А где же Тенд?

— Они с Оксаной ушли в кино, — сказал Егоров.

Василий молча опустил голову и закусил губу.

— Идите вы вдвоем, я побуду здесь, — сказал он.

Минут через десять Егоров и Самойленко втащили большой желтый чемодан.

— Здесь все колдеровские записи, — сказал Егоров.

Лицо его покраснело от напряжения.

— Все это придется конфисковать, — строго заметил Самойленко.

Он достал папку и с озабоченным видом, чуть прикусив губу, сделал запись. В руках у него появился микрофотоаппарат.

Василий смотрел на все происходящее, как во сне. Смысл слов, казалось, не доходил до него.

— Зачем ему это понадобилось? Зачем? — бормотал он.

— Как — зачем? - взволнованно сказал Егоров, тыча в лицо космонавта кипу фотографий. – Вот, те крестики, по которым Колдер расшифровал запись последнего марсианина. Ты видишь эти бесконечные геометрические узоры? По ним Колдер установил, где находится последняя открытая дверь в Айю! Понял?

— Ну хорошо, допустим, на Марсе такая дверь существует и действует, возразил Василий, наблюдая, как Самойленко извлекает и деловито фотографирует тяжелые красные кристаллы. Василий хорошо знал их: он тысячами выковыривал их из потолка и стен Красного купола.

— Нет! Совсем нет! — вскричал Егоров. — Может быть, эта дверь является границей антипространства. У нее могут быть совершенно необыкновенные свойства...

— Ну хорошо, - перебил его Нечипоренко, — допустим, все это так. Но ведь у Колдера Дисни этой двери не было, он только знал о ней. Дверь-то осталась на Марсе, ее еще надо найти. Зачем же Анхело надо было убивать...

-— Ах я дурак! — быстро проговорил Егоров. — Ты же не знаешь главного! Пойдем.

Он вскочил с кресла.

Василий нехотя вышел на балкон. Егоров подвел его к топчану, над которым висело зеркало с Марса. Золотой обод на нем светился холодным мерцающим светом.

— Пощупай, — прошептал Егоров.

Василий коснулся обода и отдернул руку.

— Что, горячий? — рассмеялся Егоров. Он, казалось, был очень доволен всем случившимся.

— Не горячий, но...

— Жжется? То-то. — Егоров засуетился. Ему хотелось поскорее поделиться тайной. - Но не это главное, — сказал он. — Смотри в зеркало. Что ты там видишь?

— Ну, что? Ночь, серп луны, хаты... — начал неуверенно перечислять Василий.

— Так. А вот здесь? Темное такое, продолговатое. Что это?

Нечипоренко присмотрелся к зеркалу.

— Скирда соломы.

— Скирда? Очень хорошо, очень-очень хорошо.

Егоров вышел и вскоре вернулся, неся стакан с водой. Он поставил его на топчан, достал из кармана зажигалку. Щелк! — и коптящий язычок пламени слабо осветил ночной воздух. Запахло бензином. Егоров поднес огонек к зеркалу в том месте, где чернела похожая на гусеницу скирда соломы, и затем отнял огонь.

Василий вскрикнул. Он не мог отвести взгляд от зеркала. Там продолжало гореть изображение. Егоров осторожно взял Василия за плечи и повернул лицом к селу.

На горизонте к нему рвалось пламя. Ярко-оранжевые языки были отчетливо видны даже отсюда. Над ними плыли седые клубы дыма, растворяясь в ночной тьме. Багровые ручьи заливали почву.

— Что ты наделал?!

— Тихо! - Егоров набрал в рот воды из стакана и тонкой струйкой плеснул в зеркало.

Василий услышал далекий шум, пламя на горизонте полыхнуло раз, другой и погасло. Освещенные лунным светом, вверх поползли клубы пара.

— Больше нельзя, иначе можно устроить наводнение, — спокойно сказал Егоров.

— Это она? - шепотом спросил Василий, указывая на зеркало.

— Она, братец, она, - заторопился Егоров. — Единственная незапертая дверь в Айю. На Марсе она не работала, а в Музыковке, видишь, открылась. Ее не успел захлопнуть рогожинский марсианин. Так и простояла она пять миллионов лет приоткрытой. А может, не миллионов? Анхело решил использовать ее для личных темных целей. Теперь ты понимаешь, зачем после Дисни он пожаловал к тебе?

Ты видел, как горело? А ты знаешь, что твой автолёт мощностью в тысячу лошадиных сил Оксана прикосновением мизинца сбросила на землю? Нечаянно, конечно. Теперь ты понимаешь, что это за мощь, что за сила?

Василий все понял. Цепь отрывочных событий замкнулась в логическое кольцо.

— Вот, так находка! — прошептал он, хлопнув Егорова по плечу. Поймали-таки марсианского черта за хвост!

— Так давай скорей крестить, крестить его, вражьего сына! - воскликнул Егоров.

Друзья возвратились в кабинет.

— Вам еще много? — спросил Егоров у Самойленко.

— Сейчас кончаю.

Василий сидел хмурый.

— Ты что? - закричал Егоров. — Радоваться должен! Такое открытие!

— Не знаю. Никак не могу представить, чтобы космонавт на такое дело пошел. Тенд не первый год по планетам ходит.

— Все! — облегченно вздохнул Самойленко и сел в кресло, направив аппарат на Егорова и Нечипоренку. — Последнее вещественное доказательство. Лично для меня, на память.

— Не нужно! - замахали они руками. — Ни к чему!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Тенд. Он взглянул на сидевших, на раскрытый чемодан, ремни с блестящими пряжками, напоминавшие высохшие змеиные шкурки, кристаллы, фото, записи — и все понял.

Василий смотрел на испанца долгим взглядом, полным глубокого огорчения. Егоров переглянулся с Самойленко. Тот со скучающим выражением достал красную книжицу и положил ее на колено. Но почему-то не встал.

Тенд больше никого не удостоил взглядом. Он прошел на балкон. Сидевшие в кабинете переглянулись. Их, казалось, забавляло то, что должно было произойти. Анхело вернулся, неся марсианское зеркало. Он установил его на полу, слегка наклонив. Затем вынул черный

стержень, провел им по золотистой раме зеркала. Раздался отдаленный звенящий гул, будто где-то далеко в небе летел реактивный самолет. Тенд взял со стола пачку фотографий и с размаху швырнул их в зеркало. Они исчезли. Туда же полетели кристаллы с Красного купола, записи, катушки с магнитной лентой, дневник братьев Дисни и сам желтый чемодан с его змеевидными ремнями. Предметы исчезли беззвучно.

"Почему же мы не встаем?" — с испугом подумал Егоров.

Тенд подошел к зеркалу и оглянулся.

Егоров почувствовал, что сознание ускользает от него, точно влажное арбузное семечко. Страшная тяжесть обрушилась на голову, пригнула ее к груди. "Сейчас лопнет", — с ужасом подумал он.

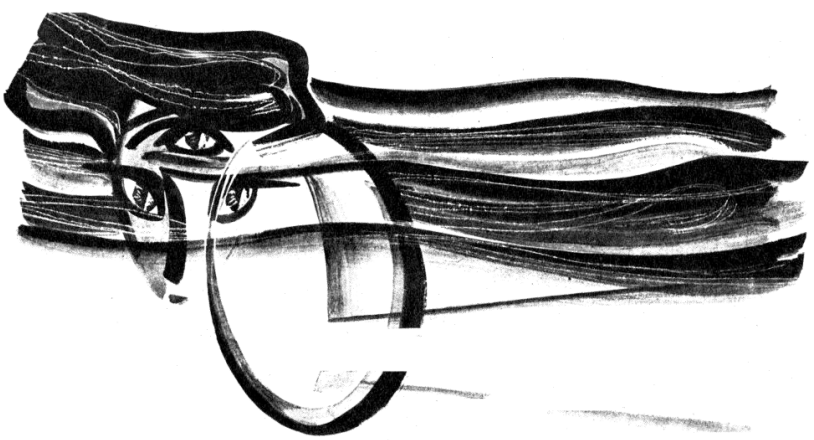
Дольше всех боролся Самойленко. В самый последний момент, когда Тенд начал растворяться в воздухе, теряя обычные нормальные очертания, капитан попытался вскочить с места. Тенд оглянулся, и капитан рухнул в кресло. Фотоаппарат его слабо щелкнул.

— Я не убивал Диснитов. Они... — Голос Анхело достиг самых высоких тонов и оборвался.

Самойленко заслуженно гордился: это был единственный снимок живого марсианина. Три глаза, расположенные по вершинам правильного треугольника, смотрели со страстной неземной силой. Они были глубоки и бесконечно мудры.

Егоров взял в руки сверкающий серый овал. Зеркало бесстрастно отражало действительность. Последняя дверь в Айю была захлопнута.

Но надолго ли?

Дмитрий Биленкин

НЕЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Фантастический рассказ

Черный металл, выплавленный в песок. Железная рвань обломков, хаос, гарь. Зеленоватые брызги кристаллических ячеек вокруг. То немногое, что уцелело при ударе и вспышке.

— Пошли, - сказал Огнев. — Все ясно.

Напоследок он обернулся. Даже скалы опалены. Тень катастрофы запечатлелась в граните. И где-то посреди хаоса, уже неотделимая от марсианской почвы, крохотная деталька, небрежно сработанная там, на Земле. Пустяк, мелочь. И нет ракеты, нет сотен тонн долгожданного груза.

Молчаливый спутник Огнева пожал плечами.

— Главное, что там не было человека.

"Разумеется, главное! — хотел воскликнуть Огнев. — Но человек-то там был... Тот, который сработал на авось. Там, на Земле. Человек, лишенный теперь доверия".

Но вслух он этого не сказал. К чему? Они шли по склону, и пейзаж казался им безотрадней, чем всегда. Тусклый песок, угрюмый свет маленького солнца, синюшные вздутия эретриума на камнях. Цвет марсианских растений словно предостерегал о яде, который их пропитывал.

Ветер уныло свистел. Он тоже был ядовит. Можно было сколько угодно трубить о победе над Марсом, о покорении планеты - пустые слова. Люди вынуждены окружать себя земным воздухом, есть земную пищу, бояться булавочного прокола в стене изоляции, отделяющей их от всего марсианского. Они чужаки, они живут здесь благодаря рейсам грузовых ракет — этой ненадежной миллионокилометровой пуповине, протянувшейся через космос. Чужие в чужом мире к этому трудно привыкнуть.

И меньше всего Топу — овчарке Огнева, которую тот привез "в целях исследования воздействия марсианских условий на животных". Пес, комичный в шлеме, опустив голову, трусил сейчас у ног хозяина. Впрочем, резвость давно покинула его. Первые дни в его горле клокотал вой. Потом Топ свыкся, притих, но, печально поймав взгляд Огнева, словно вопрошал: "Нам плохо тут, хозяин. Давай уйдем".

Огнева раздражало молчание шагавшего рядом Серегина. "Хоть болтовней бы отвлечься..." Неудача с ракетой, конечно, еще не была катастрофой, Серегина того она почти и не касалась. Что ему, геологу, имеющему дело с камнями? А тут думай, как расширить гидропоническую станцию, чтоб не экономить каждый грамм, ломай голову, как разнообразить блюда из хлореллы, как избавиться от солей в трубах системы очистки. Ведь полиокисловые трубы, на стенках которых вода, извлеченная из атмосферы Марса, не отлагает солей, погибли с ракетой. И запчасти для вездехода тоже. Черт возьми, его "героическая" работа первопроходца чересчур напоминает обязанности домоуправа! Трубы, очистка, ремонт. А он - исследователь, черт возьми! И еще постоянная зависимость от всех этих мелочей. Не менее четверти усилий уходит на поддержание той самой стены изоляции, которая так стесняет жизнь. Иногда ему казалось, и нелегко было отделаться от навязчивой мысли, что крохотные, герметично изолированные комнаты станции – это, своего рода тюремные камеры. И скафандры тоже камеры, только движущиеся.

— Что, скоро починим вездеход? — как будто назло спросил Серегин. Надоело пешком топать.

Огневу захотелось выругаться.

Но ответить он не успел. Топ внезапно рванулся — шерсть дыбом, глухое рычание рвалось из-под шлема.

— Топ, что с тобой?

Еще не закончив вопроса, Огнев получил ответ. Из-за скалы на людей выкатился приземистый шмек, видимо пасшийся в зарослях эретриума. Паучьи лапы несли животное бесшумно и быстро, как колеса, и он мгновенно очутился в опасной близости. Роговидные глаза шмека отливали красным.

Ему наперерез бросился Топ. Трубки от баллона прыгали на спине собаки.

— Топ, назад! - заорал Огнев, выхватывая пистолет. Ничего страшного в нападении шмека не было. Даже безоружный человек в скафандре с гидроусилителями мог ударом бронированного кулака обратить шмека в прах. Немножко ловкости и знания повадок, чтобы избежать острых когтей, — вот и все.

Но Топ встретился с такой диковиной впервые. Он не подозревал, что его прыжки только мешают людям. Им владел многовековой инстинкт, воспитанный человеком: на хозяина нападают, надо отвлечь нападение.

— Назад, Топ, назад! - кричали Серегин и Огнев, опустив пистолеты. Стрелять было невозможно из-за собаки.

Слишком поздно. Шмек был слабым, но необычным противником: его подогнутые внутрь тонкие лапы могли распрямляться с молниеносностью пружины. Прыжок лапа шмека со свистом опустилась на собаку. В следующее мгновение взъяренный Топ грудью ударил противника. Тело шмека развалилось с сухим шорохом.

Серегин подбежал к собаке первым.

— Все кончено, — глухо сказал он.

Лапа шмека, как бритва, полоснула по

воротнику шлема, и тот сполз с головы собаки. Топ лежал на боку, по высунутому языку катилась пена.

Огнев тщетно пытался приладить собаке шлем или хотя бы зажать порез. Бесполезно. Топ дышал наружным воздухом. В нем было достаточно кислорода, но окислы азота убивали хоть не мгновенно, но неотвратимо.

Казалось, и Топ понимал это. Он попытался лизнуть руку Огнева. Из его глаз катились слезы, бока судорожно опадали.

— Прекрати... — отвернулся Серегин. Огнев поднял пистолет. Глаза собаки взглянули на него с укором и тоской. Пистолет заходил в руке.

— Не могу, - глухо сказал Огнев.

— И я тоже, - тихонько ответил Серегин. — Но так будет лучше.

Он прицелился.

Вой прокатился над скалами, эхо умножило его, вознесло к фиолетовому льдистому небу, В этом вое будто прорвалось давно сдерживаемое отчаяние пса, вся его ненависть к холодным красным равнинам Марса, чужому солнцу, негреющему свету. И словно ненависть придала ему силы, он вскочил, бешено закрутился. Но в конвульсивных движениях все же была какая-то определенность. Топ словно искал что-то среди камней и песка. Брюхо и задние ноги волочились, но он упрямо полз к ему одному известной цели.

Огнев попытался сглотнуть комок в горле. Пес грудью упал на бугорчатый вырост марсианского растения, рвал губчатую, склизкую массу...

Серегин спрятал пистолет.

— Инстинкт. Сейчас он — обезумевшее животное, которое помнит, что от смерти иногда спасают травы.

— Здесь нет трав...

— Инстинкт этого не знает. Он повелевает — ищи... Земля, Марс... Страх смерти стирает разницу, отчаяние приемлет обман. Что ж, по крайней мере, он нашел быстрое избавление от мучений.

Огнев отвернулся, чтобы не видеть конца. Но когда он снова обернулся. Топ еще жил. Огнев заставил себя наклониться. В неподвижных глазах пса черной волной вставала смерть. Взгляд остекленел, он

шел оттуда, откуда уже не ждут ответа. Огнев невольно тронул свой шлем движением, каким на Земле в таких случаях обнажают голову.

— Морские свинки погибли от яда эретриума через тридцать секунд, — сказал Серегин, — собака держится дольше.

Педантизм Серегина даже не возмутил Огнева. "Прости меня, Топ. Мы по доброй воле пришли сюда, где даже жизнь поражает смертью. Ибо знали зачем. Тебе же Марс не был нужен, тебе было трудней. Прости".

И он, уже не колеблясь, навел пистолет.

— Подожди, — остановил его Серегин. — Опыт надо довести до конца.

— Это жестоко.

— Это необходимо. Ради науки. А он... он все равно ничего не чувствует.

Глаза Топа закрылись. Только легкая дрожь еще выдавала жизнь.

— Нет, это жестоко, слишком жестоко!

Крик хозяина как будто разбудил Топа. По мышцам ног прошли сокращения, глаза открылись, пес поднял голову. Серегин и Огнев попятились. Топ уже стоял на подкашивающихся ногах. Бока проваливались при каждом выдохе, но он дышал, дышал все более шумно и радостно — марсианским воздухом.

— Что это? — прошептал Огнев.

Топ шагнул к нему, но чуть не упал. Серегин подхватил его на руки. Пес благодарно лизнул стекло шлема.

Так они стояли долго и глядели на чудо — живого Топа. Со страхом, что чудо вдруг кончится, что голова Топа бессильно упадет и надежда, ошеломляющая, ослепительная надежда угаснет. Но Топ жил и даже удивленно повизгивал: почему так необычно молчат люди?

— Да-а... — проронил, наконец, Огнев. Он неловко потоптался. По-прежнему ничего не понимая, протянул руку, коснулся шерсти пса.

— Мышьяк, — вдруг отчетливо сказал Серегин, в упор глядя на Топа. — А мы... мы узколобые тупицы.

— Как? — Огневу показалось, что он ослышался.

— Мышьяк, — повторил Серегин. — Оружие отравителей. Или фосфор. Яды, которые не только убивают, но и лечат. Так, кажется? Органические соединения и того, и другого составляют ткань эретриума. Впрочем, тебе видней, как и что. Ты ведь еще и биолог,

— Да, конечно, мне видней, — машинально согласился Огнев. Он все еще плохо понимал. — Ага! — у него мелькнула догадка. — Уж не хочешь ли ты сказать...

— Вот именно.

— Но это же общеизвестно! Яд, который можно нейтрализовать ядом...

— Ах вот как, общеизвестно, — Серегин уже не скрывал иронии, - почему же тогда никто даже не попытался дышать марсианским воздухом и есть марсианскую пищу одновременно? Не подумал, что целиком ядовитой биосферы не бывает? Почему потребовалось вмешательство случая, чтобы отворить дверь, которая считалась заколоченной? Не знаешь? Идем, Топ, славный ты мой песик.

Он погладил Топа. Нежно, так нежно, как никто никогда пса не гладил. Пес ткнулся носом Серегину в ладонь. Потом вопросительно глянул на хозяина.

Но Огнев не заметил взгляда. Он пытался собраться с мыслями. Они были горькими.

"Ну... — покрутил он головой, — ну и ладно, не додумался сам поставить опыт, — куда ни шло. Но не сообразить, что к чему, когда Топ ожил... Скверно, очень скверно..."

Сергей Жемайтис

БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА

Научно-фантастическая повесть

Экипаж планетолета «Земля».

Христо ВАШАТА – командир и первый пилот,
Антон ФЕДОРОВ – бортинженер и астронавигатор,
Макс ЗИНГЕР – врач и биолог,
Ив КАРДЕН – бортмеханик.

На орбите

Лик Марса мы видели уже не одну неделю, не тот расплывчатый диск с размытыми линиями, знакомый нам со школьной скамьи, и уже не только внушительных размеров шар с таинственными линиями, темными пятнами и сверкающими шапками ледников на полюсах, наблюдаемых со спутников и космических обсерваторий, а уже гигантское сферическое тело, которое летело на нас, приобретая все более четкие очертания и еще большую загадочность. Мы видели полуразрушенные хребты гор, равнины, если можно назвать равнинами пустыни, перепаханные метеоритами, шапки полюсов и действительно что-то похожее на каналы. Марс и пугал, и вселял надежду. На Землю избегали смотреть, крохотная голубая звездочка заставляла тоскливо сжиматься сердце, рождала картины, расслабляющие волю, и мы старались не думать о Земле, забыть ее хотя бы на время вахты, и это порой удавалось, помогало умение частично выключать память.

А когда иссякали силы бороться с ностальгией, то стремились убедить себя, что находимся на Земле, в тренировочной камере, и «проигрываем» один из вариантов «Земля — Марс». И тоже иногда помогало.

В рубку вошел Христо Вашата, наш командир, первый пилот и прочее, и прочее, как его титулует бортинженер и астронавигатор Антон Федоров. Вашата сгоняет озабоченность с лица, улыбается, ему, пожалуй, всех тяжелее, но сказывается школа и характер этого удивительного человека.

— Ну как старик? — спрашивает он.

«Старик» относилось не ко мне, а к Марсу.

— Как он там? Дай посмотреть. — Несколько секунд Вашата, приникнув к окулярам магнитного телескопа, молчит, затем говорит с обидой: — Все метет, метет. Ну и погодка на Марсе! Знал бы, дома остался.

Я не смеюсь, мои губы кривятся в злую улыбку. Я знаю это, но ничего не могу поделать с собой. Эту остроту Христо повторяет бесконечное число раз. Мне хочется сказать ему колкость, но я ловлю его взгляд и невольно улыбаюсь. Вашата, как всегда, понял меня без слов. Кивнул, что равнялось — «извини». Он вошел в роль и все еще повторял свой психологический трюк, не так давно разгаданный Антоном, теперь Вашата «работал» только на Макса Зингера, он как раз вошел и озабоченно уставился в затылок Вашаты, затем спросил у меня взглядом: «Ну как?»

Я пожал плечами.

— Дела! — многозначительно произнес Зингер. — Космос выкидывает и не такие штучки.

— Ты прав. Макс, — кивнул Вашата. — Космос давно не инертная пустота. Он имеет непостижимо сложный характер.

— Ты сказал — характер? — вкрадчиво спросил Макс.

— Если хочешь, то да. Пусть слепой для нас, непостижимый, но характер, какой бывает у любой среды, воздействующей на психику. Ведь космос теперь — среда обитания разумных существ!

— Если в таком аспекте... — сказал глубокомысленно Макс, бросая нам с Антоном тревожные взгляды.

Вашата снова приник к телескопу.

— У Северного полюса будто стало потише, — сказал он и, оторвавшись от окуляров, посмотрел на космоспидометр: — Осталось каких-то пять миллионов километров...

— Пять миллионов двести тысяч, — поправил Антон Федоров. Он вошел в рубку, чтобы сменить меня на вахте.

— Двести тысяч — сущий пустяк, — сказал Вашата и поднял палец: зажглась зеленая лампочка на панели внешней связи. Два раза в сутки автоматическая станция «Марс-120» передает нам метеосводки, телефильмы, фотографии отдельных участков планеты, над которыми она пролетает и где «трудятся» ее коллеги, совершившие мягкую посадку. Сводки очень подробны, но снимки туманны: вот уже два месяца на Марсе свирепствуют песчаные бури. Сводки зачитывает компьютер голосом Наточки Стоун — диктора из Космического центра. Ни у кого в Солнечной системе не было такого красивого, проникновенного, доверительного голоса, будто все ее тепло и нежность предназначены только для вас, и что бы она ни читала — скучнейшие таблицы или техническую информацию, — голос ее звучал музыкой для космических пилотов. Создавая для нас компьютер, ребята здорово потрудились, вложив в него богатейшие оттенки Наточкиного голоса.

— Метет, как у нас в январе за Полярным кругом, — изрек Христо. Тоже далеко не новое сравнение, Антон дополнил его еще одним дежурным изречением командира: «И что нам дома не сидится?»

Зингер покачал головой.

Вашата засмеялся первым, у него стало входить в привычку говорить всем известные вещи и повторять древние анекдоты. Дома он слыл остроумнейшим человеком, что дало ему несколько очков перед соперниками на должность командира «Земли». Считалось, что с таким руководителем не соскучишься в полете и его всегдашняя веселость, оптимизм будут благотворно действовать на экипаж, и действительно, первые месяцы Христо так и сыпал остротами — и вдруг перешел на унылые штампы.

В остальном Вашата нисколько не изменился, и мы, как могли, тянулись за ним, все же такая перемена в нем наводила на грустные мысли, космос, как справедливо повторял Макс, выкидывал и не такие штуки с людьми, проверенными и перепроверенными перед полетом в космос.

Антон разгадал эту психологическую загадку, когда мы перевалили за девяносто миллионов километров пути. Он пришел меня сменить у пульта управления и, только открыв дверь, расплылся в своей самой лучезарной улыбке, какой я не видел со дня старта.

— Все проще пареной репы... — начал он.

— Ты заразился от Христо? — не без ехидства спросил я. — Теперь у него будет достойный соперник.

— Не будет, Ив. Прежде я не замечал в тебе ехидства. Ты только послушай! Не зря я имею первую категорию по шахматам и неплохо решаю логические задачи.

Я вздохнул:

— Ну что с вами со всеми творится. Ты никогда не был хвастуном.

— Да я не хвастаюсь, просто ввожу тебя в курс дела, а ты, Ив, продолжай

— дыши глубже и слушай. Я разгадал нашего Христо. Ты припомни, как через месяц после вылета действовало на нас его остроумие?

— Надо сказать, неважно. В таком длиннющем пути все надоедает.

— Не только, он подавлял своими перлами, прямо изничтожал, поднимался над нами, парил, и это при нашей-то депрессии. И Христо понял, что таким способом вгонит нас в полную тоску и печаль, если не хуже, и изменил тактику, вначале сравнялся с нами интеллектуально, а затем как бы опустился еще ниже.

Помнишь, как мы, забыв о своих тяготах, устраивали «консилиумы», на которых разрабатывали тактику и стратегию по «спасению» нашего капитана? А ведь он как кремень! Ты загляни ему в глаза! Послушай, как он поет у себя в каюте! За дорогу он прочитал уйму книг! Ведет дневник, и в нем фигурирует каждый из нас. Смекаешь, что весь огонь он переключил на себя, как говорили наши предки! Кроме того, он, как ты испытал на себе, ввел и режим посерьезней, чем в период тренировок к полету, и все это неназойливо, тактично, будто такая система исходит от нас самих, а не от него.

Тут я наконец понял, из какого жалкого состояния вытаскивал нас Христо. Между тем Антон предложил и виду не подавать, пусть сам Вашата продолжает вести эту игру, она нужна и для него;

беспокойство за наше душевное состояние заставляет его меньше сосредоточиваться на своей персоне; и не посвящать Зингера. Забота о капитане, в свою очередь, держала Макса в нужном напряжении. Открытие Антона могло произвести на него обратное действие. А так он был занят по горло, мучимый ответственностью за здоровье командира, пичкал его витаминами, менял программу физических упражнений, изводил тестами, пытаясь определить степень надлома душевных сил. Через месяц после начала усиленных забот Зингера Вашата сказал:

— В Китае в случае смерти пациента врача обязывали вывешивать над дверями своего дома красный фонарь; чем больше людей он отправит на тот свет, тем больше фонарей украшает его жилище, чтобы каждый мог выбрать себе доктора или слишком опытного, или юнца, только начинающего практику. У тебя, Макс, нет еще ни одного красного фонаря, так что я вручаю себя в твои девственные руки.

После таких слов Зингер пришел в полное смятение и днями просиживал над микрокопиями медицинских справочников.

Макс — прекрасный товарищ, ученый и, как все мы, универсал: он наш летописец, врач, психолог, биолог, космоботаник — последователь академика Тихова, он верит в существование жизни на Марсе.

— Пусть в самых примитивных формах, но она есть! — любит он говорить при каждом удобном случае. — И вот увидите, я... то есть мы, ее обнаружим.

— Пока же он печется о нашем идеальном здоровье и выращивает овощи в корабельной оранжерее, попутно снабжая нас кислородом...

Я сдал вахту Антону, и мы вместе прошли в оранжерею — круглый отсек пяти метров в диаметре, четырех в высоту. С трудом протискались между стеблями лиан к лаборатории Зингера у противоположной стены. Там в обрамлении вьющегося шиповника, усыпанного крупными плодами, поблескивали дверцы шкафа, полного пеналов с реактивами, пробирками, необходимой аппаратурой. Он откинул крохотный столик и сиденье. С потолка свисала клетка специальной конструкции, а в ней висел, ухватившись клювом за прут, наш пятый член экипажа — попугай Феникс, белый с желтым хохолком. Полным

именем его звал только Зингер, любивший во всем порядок, а мы просто — Феня, и он охотно откликался.

— Здравствуй, Феня! — приветствовал я его.

Попугай свистнул, засмеялся, подражая Антону, потом передразнил меня: «Здравствуй, Феня» — и спросил голосом Зингера:

— Когда все это кончится? Где выход? Был ли человек в более трагическом положении?

— Помолчи, Феникс! — прикрикнул Зингер. — Как ты стал болтлив. Сейчас банан получишь... Помолчи...

Но не тут-то было. Феня пронзительно свистнул и стал декламировать скорбным голосом, подвывая на концах фраз, как это делал Макс, читая свои «белые стихи»:

— О ностальгия! Проклятое томленье!

Когда ты выпустишь всех нас из душных объятий своих?

Пора уже избавиться от наваждения!

К тебе взываем, Марс, и космос молим...

Макс поспешно сунул в клетку банан, и Феня прервал патетическое причитанье.

Макс смущенно сказал:

— На него тоже действует космос. Знаешь, он начинает сочинять всякий бред, причем провоцирует, подражая мне. Дома черт-те что могут подумать, когда этот живой документ начнет выкладывать свои впечатления. Ешь, ешь, болтун несчастный. На, орехов.

— Орехи так орехи, — ответил Феня, громко щелкнув скорлупой.

Макс, смущенно улыбаясь, потянул носом:

— Чувствуешь? Ананасы! Всю дорогу барахлили, не хватало калия и микроэлементов, насилу додумался, — и вот созрели! Отметим прибытие! — И, посерьезнев, спросил: — Как тебе кэп?

— По-моему, хорош, как всегда. — Тут мне стало жаль Макса, и я выложил ему версию Антона.

Макс сказал строго и холодно:

— Ив, дорогой, есть вещи, так же недоступные для непосвященных, как для нас пока просторы Марса. Ты знаешь, психология — такая область, которой я посвятил не один год и продолжаю углублять

свои знания. Так что вы с Антоном не делайте поспешных выводов и предоставьте мне, как более компетентному в некоторых вопросах...

Чтобы не затеять ссоры, я попросил разрешения съесть помидор, и Макс ринулся выбирать самый спелый, произнося панегирик этой необыкновенной ягоде...

Могучий Марс прогнал космическую усталость. Нас захватила напряженная предпосадочная работа. Вашата сказал, не отрывая взгляда от приборов:

— У меня странное состояние, какая-то смесь восторга с удивлением. Наверное, такое же чувство охватывает птиц, ну, скажем, скворцов, когда они, преодолев Средиземное море, видят Нил, пирамиды и уже чувствуют под собой твердую землю.

— Сравнение, может быть, и не совсем точное, — заметил Макс, — но в какой-то степени передает наше состояние. Скворцам, конечно, легче...

— Ну не скажи, — прервал его Антон, — попробуй сам помаши столько крыльями.

— Попробую, вот только вернемся...

Виток за витком делает наш корабль, «направив» все свои «органы чувств» на поверхность Марса, ощупывает и разглядывает горы, пустыни, моря, кратеры.

Мы на высоте трех тысяч километров, выполняем первую часть программы — фотографируем поверхность аппаратами Фокина в инфракрасных лучах; еще некоторые области Марса закрыты пыльными облаками.

За планетой на много тысяч километров тянулся шлейф разреженных газов, он тускло светился в лучах солнца. Марс терял последние остатки газовой оболочки.

Пылевые бури, бушевавшие два месяца, утихли. Вулканический пепел и песок, не менее тонко перемолотый солнечным теплом и космическим холодом, осели на поверхность планеты, осталась туманная дымка из самых легких частиц, она смягчает контуры горных массивов и создает своеобразные миражи: кажется, что впадины морей и глубочайшие каньоны заполнены водой, что в мертвых руслах текут реки, а выветренные базальтовые столбы — рощи исполинских

деревьев. Оптический обман. Стоило только взглянуть на экран телескопа, и открывалась щемящая сердце пустыня. Если здесь когда-либо существовала жизнь, то она давно погибла. Если не происходило каких-либо глобальных катастроф, то она, жизнь, приняла самые экономные, мизерные формы. Может быть, споры бактерий, низших растений носятся вместе с пылью, поднимаемой марсианским ветром, и вместе с остатками воздуха рассеиваются в космосе? Мы взяли пробы воздуха на разных высотах, и коомобиологи на Земле узнают, верны ли такие предположения.

Внизу проплывает Кратер Черепаховой Спины, хорошо видно плато близ Южного полюса в характерных полосах различных горных пород, срезанных движением ледника... Бесконечно долгая вахта в космосе среди пустоты и неподвижных созвездий сейчас проходила незаметно. Вот уже под нами показался Титониус Лакус — равнина, испещренная кратерами метеоритов, ее прорезает гигантский тектонический ров с берегами, сильно изрезанными оврагами. Впадина тянется более чем на 570 километров в широтном направлении. Как и разломы земной коры такого типа, она имеет от 50 до 80 километров в ширину, со дна ее поднимается островерхий хребет горного образования. Когда я посмотрел вниз, мне вспомнился Байкал: со спутника он очень напоминает этот ров.

Здесь, в 480 километрах к югу от экватора, на юго-восточной окраине возвышенности Трактус Альбус место нашей посадки.

Включились радиомаяки первого Марсианского космодрома. Автоматическая станция «Марс» установила их здесь еще два года назад. У нас есть еще одна запасная площадка для посадки, подготовленная Космоцентром, она в области Хеллас, по соседству с загадочной впадиной, над удивительными явлениями которой до сих пор ломают головы ученые и многого ждут от нас.

Впадина очень глубока, это удалось установить с помощью спутников, но дно ее светится! Пролетая над ней, мы не заметили на поверхности ее зеркала кратеров, в то время вся равнина вокруг покрыта ими, как оспинами. Может быть, на дне вода? Твердой углекислоты не должно быть, так как температура на этой широте гораздо выше, чем на полюсах. Здесь наблюдались также периодически

появляющиеся белые пятна ярче полярных шапок... На все это мы должны будем пролить свет. На плато Хеллас вряд ли мы попадем, но фото- и кинокамеры работают беспрерывно, фиксируя каждый камень, каждую трещину.

Макс Зингер спит и видит воду на Марсе. И хотя скоро мы узнаем, есть ли там вода в толще пород и была ли прежде, все-таки ведем горячие споры. Сомневаемся. Все мы, кроме Макса, который успевает шепнуть мне перед посадкой:

— Даже при минимуме воды в воздухе она может просачиваться из почвы. Тогда периодически должны появляться растения эфемеры на его «альпийских лугах». И мы наконец убедимся в существовании там, внизу, жизни!

Пока мы не видим ничего обнадеживающего, только пустыни, кратеры, каменные гряды гор и что-то похожее на тени, какие-то впадины, углубления, похожие на ирригационные системы, открытые у нас на Земле в районах древних цивилизаций. Неужели каналы! Они идут в меридиональном направлении, как и на рисунках Скиапарелли...

С каждым часом видимость становится лучше. Над планетой по-прежнему висит пелена тончайшей пыли, создающей своеобразные миражи. Кажется, действительно, все впадины залиты водой, струятся реки, выветренные базальты выглядят рощами диковинных растений.

Христо включает тормозные дюзы, и корабль опускается еще ниже. Миражи исчезли. Ясней, чем на фотографиях и телефильмах, видны эрозионные процессы на поверхности планеты. У ветра совсем другой строительный почерк, только потоки воды могли создать такие овражные системы, так поземному оформить склоны Большого Ущелья. Этот желоб в теле планеты, в сто километров ширины и более пяти тысяч километров длины, протянулся вдоль экватора.

— Гигантский резервуар, — не преминул заметить Макс, — сюда стекались воды по рекам и мелким каналам, здесь находился центр цивилизации!.. Если, конечно, здесь когда-либо жил человек, — заключил он с горечью.

На экране радара показалась голубая точка — приближался спутник. Он прошел в тысяче метров от нас, распластав свои «крылья» — плоскости солнечных батарей, в хитром переплетении антенн, изящный, легкий, стремительный.

Вашата послал запрос, и он мгновенно передал запас информации, накопленный за последние двенадцать оборотов.

Удивительные создания эти автостанции, в них напичкано столько приборов, они так точны, и послушны, что иной раз кажется, что там, внизу, не машины, а свои ребята переживают за нас всей душою, желают мягкой посадки. Шестьдесят часов «Земля» кружилась вокруг Марса. Круглые сутки мы вели передачи на Землю, направив вниз мощные линзы телевизионных камер, или передавали информацию, полученную с автоматического спутника, несколько роликов ему посчастливилось снять в период прекращения песчаных бурь, и дома увидели первый марсианский географический фильм очень хорошего качества. Сколько тогда шума дома наделал «марсианский город». Действительно, глядя на эти нагромождения камней, создавалась полная иллюзия древнего города незнакомой архитектуры, с улицами, похожими на лабиринт, площадями, парками. Все изменилось, как только Вашата направил на «город» наши телекамеры. Оказалось, что это просто остатки горного хребта, каменный оазис посреди красной пустыни...

— Нет-нет, ребята, — сказал Зингер, — не делайте опасных заключений, там что-то может быть. Смотрите, храм! Развалины храма...

Все молчали, сочувствуя Максу.

— Действительно, почему бы не быть там храму, — сказал Антон, заслужив крепкое пожатие и нежнейший взгляд Макса.

Шли беспрерывные передачи с Земли, не прямо на экран, а через компьютер, он совмещал разрывы во времени; не совсем удобно ждать, пока слова, трансформированные в электромагнитные колебания, будут четверть часа лететь в Москву и еще столько же нам ждать ответа. Компьютер состыковывал фразы в разрывах и выдавал сразу весь разговор, иллюстрируя картинами столицы, показывая милые лица землян, родных, друзей.

— Черт возьми, — сказал мне Антон после очередной совмещенной передачи,

— только подумать, что сейчас положительно все там, дома, кажутся необыкновенно близкими, дорогими сердцу. Помнишь Кольку Сучкова из транспортного отдела; сколько он нам испортил крови, такого бюрократа еще не бывало на свете, а вот увидел его сегодня, и слеза прошибла. «Ты все записываешь?» — спросил Антон у Макса. — Фиксируешь наше поведение, выход из депрессии?

— Моя обязанность. Ты не представляешь, какой богатейший материал у меня уже скопился. Только наше поведение в замкнутом пространстве — тема для докторской. А что впереди! В частности, твое высказывание относительно изменения оценок отдельных личностей говорит о многом. Недалек тот день, когда миллионы людей станут совершать космические полеты, и представляю, как это отразится на общем уровне их нравственности!

— По-моему, все это иллюзия, — сказал Антон. — Сучков не изменится, пошли его хоть к Сириусу.

Макс только передернул плечами: он не любил, когда опровергаются его заключения, основанные, как он полагал, на тонком психологическом анализе и знании малейших движений человеческой души.

Мы увидели восход Фобоса, он мчался нам навстречу — уродливый космический камень. Как жаль, что уже давно развеялась легенда о его искусственном происхождении. Сколько книг написано о пустотелом шаре, запущенном марсианами вокруг своей планеты. Вероятно, и Фобос и Деймос — осколки Фаэтона, попавшие в притяжение Марса, теперь они носятся в опасной близости от его поверхности и, как предсказывают астрономы, довольно скоро

— конечно, в космических масштабах — врежутся в тело планеты, если мы не найдем способ удержать их на орбите.

Зингер оказался верен себе: он первым увидел на Фобосе ровную, как стол, площадку и тут же вывел заключение, что это космодром марсиан.

— Отсюда они запускали свои ракеты, — сказал он. — Неужели вы не заметили, что на заснятой ленте у Фобоса одна из граней представляет как бы плоскость кристалла?

Когда после вахты я заглянул в оранжерею, Феня встретил меня радостным воплем:

— Друг мой, Феникс! Мы с тобой были правы!

Может быть, и на самом деле на Фобосе существовал космодром! Будь я на месте Вашаты, я бы посадил на него «Землю» и обследовал спутник. На нем нет песчаных бурь, там должны остаться сооружения, ангары, может быть, останки людей!..

Посадка

Планетолет вел себя безукоризненно. Извергая пламя тормозных дюз, «Земля» плавно опускалась на каменистое плато, на «пятачок», после долгих исследований подготовленный роботом. Площадка была ровной, обрамленная каменными столбами и колоссальными глыбами.

На Марсе нет недостатка в посадочных площадках. Бескрайни его ровные, как теннисные корты, пустыни. Но Космоцентр интересовал «приморский» район с довольно сложным рельефом местности, поэтому столько сил и средств было затрачено, чтобы оборудовать первый космодром на Марсе.

Выбор места впоследствии полностью оправдал себя. В пяти километрах от космодрома находился вулкан, который Вашата назвал Большим Гейзером, через равные промежутки в шесть часов он выбрасывал из кратера очередную порцию сернистого газа с водяным паром, а в остальное время курился желтым дымком. Лучший ориентир трудно было найти в этом районе. В случае урагана каменное ограждение могло послужить хорошей защитой. Мы все еще трудно себе представляли силу марсианских вихрей, хотя автоматы накопили большой материал. У всех в памяти остался случай с первым роботом, застигнутым песчаной бурей; тогда у него не было от нее защиты, и бедняга катился по пустыне, посылая радиовопли на всю вселенную. По счастью, его быстро зажало среди камней и засыпало

песком. Когда буря стихла, у него хватило «ума» и сил выбраться из дюн. С тех пор он всегда ложился, как только сила ветра достигала трехсот сорока метров в секунду. Этот робот, прозванный Бедуином, погиб, сорвавшись с кручи, а возможно, опять тому причина ураган. Бедняге не за что было зацепиться, и его сбросило в пропасть. Собрат Бедуина — Туарег-1 более совершенное существо, снабженное добавочными конечностями, способное укрываться в расщелинах и закапываться в песок при низком барометрическом давлении. Он нашел посадочную площадку, рассчитал ее размеры, убрал большие камни и настойчиво посылал сигналы о полной готовности космодрома к встрече далеких гостей.

Планетолет мягко присел на свои паучьи ноги, прекратилась вибрация, в ушах звенело от наступившей тишины и волнения. Медленно оседала пыль, поднятая двигателями.

— Поздравляю, ребята! Вот, мы и прилетели! — сказал Христо Вашата, как-то буднично, устало улыбаясь.

Все мы совсем по-иному представляли себе этот великий момент: возгласы радости, объятья, пожимания рук, хлопанье по плечам, а сейчас мы стояли и улыбались, подавленные своим свершением. Видимо, все-таки где-то в недрах сознания таилась мысль: не долетим, не может быть. А долетим, то всякое может случиться. Хотя дома миллионы людей трудились десятилетия, чтобы все получилось, как надо. И вот мы смотрим на поле экрана, затянутое красным туманом. Проступают очертания каменных столбов, как на Енисее, каменные глыбы — лбы, отполированные ветром, словно в пустыне Гоби. Да, да, все как будто знакомое — и все же иное: не та окраска, свой скульптурный почерк в отделке камня, не тот фон: небо фиолетовое, как у нас в стратосфере, воздух жидкий, его мало, почти нет.

Наконец Вашата встал со своего пилотского кресла и сказал торжественно:

— Включить телекамеры для планеты Земля!

Начиналось выполнение программы. Нашу посадку передавал на Землю Туарег, теперь подошла наша очередь демонстрировать свое отличное состояние и радость по случаю прибытия на Марс.

— Камеры включены! — доложил Антон.

Теперь мы улыбались, правда, несколько натянуто, но там, дома, отнесут это за счет дальности расстояния, помех. Жали друг другу руки, обнимались. Почти то же самое говорили, почти так же улыбались первые космонавты, вылетевшие за пределы атмосферы. Заточенные в тесные кабины, они испытывали все время изнуряющую невесомость. Их улыбка после приземления была равносильна героическому поступку. Мы летели со всем возможным комфортом: просторные помещения с искусственной гравитацией, могучий автономный корабль, идеальная связь, нас здесь ждали посланцы Земли. Между первыми полетами вокруг Земли и нашим путешествием разница колоссальная, как между переездом через океан на плоту и на лайнере.

Мы даже пытались качать Вашату, да он так ухватился за спинку кресла, что нам было его не оторвать от нее.

— Отставить! Не по сценарию, — нашелся наш Христо. — Идиоты, сорвете с болтов!

— Да, да, не по сценарию, — вздохнул Зингер и, обернувшись к объективу камеры, расплылся в своей самой обворожительной улыбке. Его блаженный лик, слегка деформированный, обошел обложки всех земных журналов, красовался на миллиардах газетных полос. Мы выглядели жалкими придатками к этому человеку, излучающему всепобеждающий оптимизм. Особенно пришелся по душе Макс американцам.

Затем мы от чистого сердца приветствовали Туарега-первого, и он ответил своими позывными и поднятием одной из четырех рук.

По сценарию, разработанному еще в Космическом центре, первым должен был ступить на поверхность Марса Вашата, затем Макс, мы с Антоном оставались в корабле, обеспечивая телепередачу этого величайшего в истории момента и давая пояснения телезрителям земного шара. Все же Макс Зингер сошел по трапу первым и, несколько раз притопнув ногой, сказал:

— Какой великий момент! Марс, прими братьев с Земли. — После этой реплики, кстати, также не предусмотренной сценарием, он подошел к Туарегу и попытался его обнять. У Туарега молниеносно сработала система защиты, и Макс, отлетев на несколько метров,

покатился по площадке. Дело могло кончиться трагически, если бы робот нанес ему удар рукой с лопатой или багром.

Как только Макс направился к Туарегу, Антон на всякий случай выключил камеру и включил, когда Зингер в красном от пыли скафандре водружал с Вашатой знамя. Туарег высверлил буравом ямку, и Вашата вставил в нее древко, а Зингер расправил красное полотнище.

Для землян вся церемония проходила в абсолютной тишине, потому что Антон убрал звук, опасаясь, что Вашата выдаст Зингеру по первое число, но у них все прошло тихо, только Христо буркнул:

— Оставь свою самодеятельность... Ты хоть понимаешь, что могло получиться?

— Да, но почему у него не выключили узел самообороны? Идиотское сооружение чуть не поломало мне ребра...

— Прекрати!

Антон включил гимн Советского Союза. Вашата, Зингер взяли под козырек. Ребята из Космоцентра выключили у Туарега узел самообороны, раньше они не могли этого сделать, не то он мог попасть в струю тормозных дюз. Теперь он доверчиво направился к людям и остановился возле Вашаты, глядя магнитными мембранами вслед убегавшему Зингеру. И опять Антон спас положение, повернув тумблер у передатчика. Торжественная часть окончилась. Наточка Стоун объявила землянам, что экипаж после напряженных часов должен отдохнуть, а затем приступит к выполнению дальнейшей программы. Живые слова Наточки долетели до нас через положенные пятнадцать минут, когда Вашата и Зингер уже поднимались по корабельному трапу в шлюз. Затем спустились мы с Антоном, и Вашата заснял на магнитную пленку, как мы, спотыкаясь, ходили у космолета, разговаривали с Туарегом, и он теперь «жал нам руки» и выполнял все, что ни попросишь. Этот ролик использовали для второго сеанса марсианских передач. А затем все, что снимали мы, Туарег, камеры-автоматы посылали домой, там монтажеры составляли марсианские боевики с обязательным участием Туарега. Робот оказался необыкновенно «радиен» и «телевизионен», настоящий герой космического боевика, ставший любимцем мальчишек и девчонок всех

континентов. Огромный по сравнению с нами, похожий на средневекового рыцаря, закованного в панцирь, он выбивал стальными подошвами искры из марсианских камней, важно вышагивая следом за «Черепашкой», или брел впереди вездехода, показывая дорогу. Заваливал камнями трещины, сокращая путь на объездах, или брал нас на буксир на крутых подъемах.

— Удивительный характер, — сказал о нем Антон, — сосредоточен, деловит, молчалив, все время находится в состоянии полной готовности совершить невероятное, прямо йог!..

Туарега снабдили ториевыми батареями, практически вечным источником энергии, нержавеющим и пыленепроницаемым корпусом и главное, как нам, поначалу, казалось, удивительным искусственным мозгом, способным решать сложнейшие задачи. Для полной иллюзии живого существа ему недоставало только человеческой речи, ее заменяла система сигналов, подчас более практичная, нежели речь, особенно в период ураганов. Туарег напоминал умного парня, лишившегося языка. Он запоминал каждый камень на пути, каждую трещину, безошибочно, в любую пору суток ориентировался по странам света и сумел посадить нашу «Землю». Казалось, что он привязан к каждому из нас, только Зингер вызывал у него неясные опасения, должно быть, в его памяти остался образ бросившегося на него человека. Максу не нравилось такое отношение машины.

— Что-то неладно у него в монтаже, — говорил он частенько. — Не может быть, чтобы логически мыслящее устройство сделало отрицательный вывод из нашей первой встречи. По крайней мере, оно должно забыть этот досадный эпизод, надо стереть в его памяти запись нашего прилета.

Вашата хмурился, мы с Антоном помалкивали. После очередной «бестактности» Туарега Макс сказал за ужином Вашате:

— Все-таки стоит покопаться во внутренностях этого балбеса, что-то он мне сегодня особенно не понравился. Послал его разведать дорогу — выполнил, а когда вернулся весь в песке, я хотел почистить его, но он включил ультразвуковую установку и чуть не довел меня до обморока. Пожалуй, ультразвук ему ни к чему? Да и старые записи надо стереть...

Вашата терпеть не мог отдавать категорические приказания, а здесь впервые применил всю силу власти:

— Приказываю, товарищ Зингер, никогда, ни при каких условиях не прикасайтесь к Туарегу.

— Есть, товарищ космический пилот первого класса! — в тон ему ответил Зингер.

Вашата махнул рукой.

— Отставить, Макс. Пойми: если ты выведешь из строя Туарега, мы окажемся в очень трудном положении, сорвется программа, не та, что мы привезли, а та, что диктуется возможностями. Остался месяц до начала сезона бурь и нашего отлета. Умоляю, не прикасайся к Туарегу!

По космической инструкции на корабле должны всегда находиться два человека, чтобы поддерживать постоянную связь с отсутствующими и контролировать их действия. Поэтому, только когда мы с Антоном возвращались, Вашата и Зингер делали короткие вылазки в окрестности космодрома, бурили скважины, брали пробы грунта, собирали минералы. Кроме того, у них набиралась уйма работы, связанной с получением информации от четырех метеостанций и десяти «менестрелей» — так мы назвали автоматические станции, совершившие мягкую посадку и теперь путешествующие но марсианским просторам, здесь были и наши «Марсы», и американские «Маринеры», и французские «Сюзанны», и английские «Танки». Помимо всего, Зингер вел летопись нашего путешествия, работал в своей оранжерее и набрасывал заметки о полете и нашем поведении. Он страдал, что не может заняться анализом пород, а должен после облучения контейнеров исправлять на них наши каракули, указывая, где взяты породы, и заполнять карточки. Удивительно, как этот неутомимый человек находил еще время делиться своими мыслями с Фениксом, и тот каждый вечер выкладывал их кому-нибудь из нас.

С некоторых пор Феня стал выдавать тайные мысли своего друга только в его отсутствие.

На третий день после посадки он встретил нас взволнованной фразой:

— Найти бы хоть бактерию! Вирус! Кусочек смолы с мухой, как в янтаре на Балтике... растения! Ты пойми, Феникс, растения! Новая форма, с Марса! — Феня обыкновенно, закончив фразу, пронзительно засвистел и, как все предатели, протянул лапу за гонораром.

Никто больше не подтрунивал над Максом, все мы жили теми же надеждами, хотя с каждой поездкой на «Черепашке» шансов становилось все меньше и меньше, по крайней мере, для нас, все-таки мы были ограничены в возможностях передвижения, обследуя какие-то жалкие десятки километров вокруг космолета. Хотя трудно сказать, самое ли здесь безнадежное место! Гигантской впадине сотни миллионов лет! Почему бы здесь, на ее берегах, и не возникнуть цивилизации? Море оказалось мертвым, на берегах застыли волны соли, густо присыпанные красной пылью, заваленные обломками. Но всегда ли оно было таким? Возможно, когда-то оно заполняло всю котловину, и вода была нормальной солености. Да я и подсчитал, что при высоком уровне количество солей могло не превышать трех-четырех процентов, а следовательно, водоем мог кишеть живыми организмами!

— Ищите окаменелости! — умолял Макс. — Ну как вы там смотрите? Где? Ведь есть же здесь осадочные породы?.. Христо, разреши мне!

Вашата отрицательно качал головой:

— О дальних экспедициях пока и не думай. У нас с тобой столько всего. Как ты еще держишься на ногах. Приказываю спать не меньше семи часов и фиксировать буквально все, каждый наш шаг. Ты наш историограф и биограф. Все-таки кое-что, мы уже сделали, — сказал он в утешенье, — и каждый день что-то приносит новое.

— Обследуйте откосы моря! — настаивал Макс. — Спуститесь наконец вниз, к воде, или к тому, что там еще осталось!

— Не разрешаю. Три километра спуск. Осыпи, камнепады. Тут нужно оборудование, легкие скафандры.

— Какие вы рационалисты! — это был вопль и ругательство одновременно. Сам рационалист до мозга костей, Зингер пускал это слово в ход, когда хотел изничтожить противника, сказать, что у того нет ни капельки человеческих эмоций, что он ни больше ни меньше как компьютер для подсчета голосов на выборах в местные Советы.

— Хорошо, — сказал Вашата, — пустим на склоны Туарега, предварительно подстраховав его, у нас есть на складе достаточный запас троса, возьмите с километр. Если сорвется, то лебедка «Черепашки» вытянет.

— Давно бы так, — сказал Макс. — Мы должны использовать все! Все шансы. И даже кажущееся их отсутствие. Что смеетесь? Да, это парадокс! А где мы находимся, не в мире парадоксов?

Марсианские миражи

Антон обмотал талию Туарега полимерным тросом, завязал морским узлом, хлопнул по спине:

— Давай, дружище, чуть чего — выгребай назад, а упадешь, не бойся — вытянем.

— Счастливо, — пожелал я Туарегу, очень уж он выглядел по-человечески: лихой парень в скафандре, не моргнув глазом, спускается в пропасть.

Туарег осторожно двинулся по склону, сплошь состоящему из сланцевых плиток. Антон, сидя в «Черепашке», потравливал трос, намотанный на барабан лебедки. У Туарега оказался идеальный вестибулярный аппарат. Когда двинулся каменный поток, робот замер и так проехал не меньше ста метров, затем стал спускаться по террасе, иногда останавливаясь и орудуя геологическим молотком. Образцы он складывал в объемистые мешки по обеим сторонам туловища. Солнце хорошо освещало склон, в разреженном воздухе четко выделялись складчатые, волнистые и поставленные на ребро голубые и темно-бурые породы, ниже, где Туарег перебрался на узкий карниз, лежали темные, почти черные с фиолетовым отливом глыбы кристаллических сланцев, между сланцами просматривались тонкие синие прослойки.

Правее начинался обрывистый склон, покрытый карминовыми потеками, они отливали влажным блеском. Кровавый водопад терялся внизу, где ослепительно светилось зеркало глубинного моря ртутного цвета, иногда по нему пробегали багровые полосы.

Неожиданно в восточной части моря появилось серебристое облако, похожее на изморозь, поднятую ветром. Облако застыло на черном фоне противоположного берега.

— Выброс углекислоты, — сказал Антон. — Очень эффектно! Как это облако здорово вписывается в окружающий ландшафт!

Действительно, казалось, не хватало только этого облачка, чтобы оживить пейзаж на другом берегу. Там лежала багряная пустыня: красные, оранжевые, розовые скалы самой причудливой формы; совсем готовые скульптуры художников-абстракционистов, виднелись и вполне реалистические изваяния, одно напоминало роденовского мыслителя, второе ящера, тонущего в зыбучем песке. Веяло запустеньем и тоской.

Я поделился своими мыслями с Антоном. Он ответил тоже с грустинкой в голосе:

— Пейзаж не вселяет оптимизма. Марсианам было скучновато мерзнуть, ходить в скафандрах и любоваться такой панорамой.

— Что, если тогда все было по-иному?

— Возможно. Хотя настроение осталось. Может быть, из-за такого настроения и пошло все прахом.

— Ты серьезно считаешь, что здесь существовала жизнь, люди, цивилизация?

— Иногда приходит такая мысль. Хотя...

Вмешался Макс:

— Неужели тебе мало доказательств? Ах, Антон, Антон!

— Пока негусто.

— А каналы? Ты что полагаешь, что они следствие эрозии? Осадочные породы! Существование морей!

Вашата погасил начавшийся было спор:

— Все мы хотели бы найти следы жизни. Что там у вас? Направьте объектив на Туарега. Вот так, хорошо. Где же он? Довольно. Поднимайте! Только осторожней. Нагрузился он порядочно.

«Черепашка» рванулась к обрыву и остановилась, подрагивая. Канат натянулся. Туарег исчез за выступом.

— Сорвался! — сказал Антон. — Я попробую подтянуть.

Лебедка не брала. Видно, робот заклинился между камней. Чувствовалось по вибрации каната, что он изо всех сил пытается выбраться из ловушки.

Я выключил у него двигатели.

— Правильно, — одобрил Вашата. — Ну что будем делать? Жалко Туарега.

Макс предложил:

— Я спущусь вниз. Ребята устали. Ну сам подумай, что мы здесь торчим вдвоем? Вся утренняя программа выполнена. Христо! Ну!

— Действительно, сегодня мы бьем баклуши, носам понимаешь, инструкция велит. Просчитано не раз «Большим Иваном», и получены варианты, когда мы оба здесь будем нужны. Ведь сам знаешь?

— Да, но «Иван» не был на Марсе. В программу вводили не те данные.

— Те. Почти те, Макс. Извините, ребята, мы все с Максом митингуем. А вы действуйте! Антон останется с техникой, а ты, Ив, как бывший альпинист, пойдешь выручать этого остолопа, да будь осторожен, как бы у Туарега управление не подвело.

Макс сказал безнадежным тоном:

— Я проходил схемы роботов этого типа.

— Знаю. Будешь консультировать Ива.

Я стал спускаться. Почти с таким же успехом прокатился по сланцевым плиткам, только теперь они лежали плотней. Я смотрел сквозь стекла шлема во все стороны, пытаясь заметить что-либо интересное, хоть здесь все было интересно, каждая сланцевая плитка, каждый камень были дороже алмазов, но я пересиливал себя, не брал ничего, решив, что, если Туарега не удастся вызволить, захвачу на обратном пути, только сунул в карман скафандра что-то похожее на крохотную панцирную рыбку, впрессованную в песчаник. Сейчас эта находка занимает почетное место в Марсианском музее в Москве, на Воробьевых горах, хотя там есть экспонаты и поинтереснее, но с этой рыбешки начинается экспозиция «животного мира Марса».

Я довольно скоро опустился с помощью Антона до злополучного карниза и сам бы полетел вслед за Туарегом, если бы не туго натянутый трос; из-под ног предательски вылетали плитки минерала,

похожего на яшму, я не мог стоять, не рискуя сорваться, и сел, свесив ноги. Метрах в десяти застыл, покачиваясь на тросе, наш Туарег. Я улыбнулся, представив себе, как бедняга барахтался, не находя точки опоры. Когда Антон подтягивал его, то он стукался головой о нависшую кромку карниза.

— Все в порядке! — сказал я. — Пожалуй, парень отделался легкими ушибами. Ты, Антон, будешь очень осторожно выбирать трос, а я...

Я хотел сказать, что помогу перетащить его на карниз, и забыл обо всем на свете, посмотрев направо и вниз. Там, метрах в двухстах от общего фона каменных нагромождений, отделились и замерли в невесомости странные сооружения, похожие по своей архитектуре на строения термитов, только несравненно сложней. Это были ажурные переплетения, каменные кружева. Вглядевшись, я стал различать детали, улавливать в этом целом отдельные части.

На какой-то миг у гладкой, отполированной до блеска каменной стены, вернее обтесанной горы, я увидел город необыкновенной архитектуры под прозрачным колпаком. Я увидел ровные улицы, аркады, заметил облицовку домов с красочными фресками на фасадах, летательный аппарат, плавно парящий над морем, яхту, она подходила к набережной из оранжевого камня с черным парапетом. Стояли суда с непомерно высокими мачтами. Людей я не видел. Так же внезапно картина изменилась. Осталась отвесная стенка обрыва, далеко внизу — холодный блеск озера, терраса, а на ней, как в мультфильме, деформировались прекрасные дворцы, превращаясь в каменные кружева, изъеденные песчаными бурями, разрушенные солнцем и космическим холодом.

Я слышал, как меня окликнули Антон, затем Зингер, Вашата. Я молчал, не в силах произнести хоть слово, издать звук, послать успокоительные сигналы. Я словно окаменел, ожидая, что картина дивного города снова предстанет предо мной. Ничего больше не появлялось. Бесшумно пролетел сбоку камень и, подпрыгнув на карнизе, ринулся вниз.

— Что! Что с тобой, Ив? Тебе плохо? — только испуг за мою жизнь, чувствовавшийся в голосе Вашаты, вывел меня из состояния столбняка, и я стал сбивчиво рассказывать об увиденном.

Зингер шепнул Вашате:

— Вот бедняга. — Почти крикнул: — Ив, возьми себя в руки и скажи толком, где ты все это видел. Только сиди спокойно. Отодвинься дальше от обрыва. Не эти ли столбы?

В голосе его слышалось разочарование и тревога.

— Мне тоже показалось, — сказал Антон, — да ты не волнуйся. Действительно, развалины, вот поднимем Туарега... Только не волнуйся, я сейчас подтяну его...

Его перебил Макс:

— Ив! Где же он? Где твой город? Ну что ты сидишь как изваяние? А ты, Антон, погоди со своим роботом. Здесь такое, а он... Постой, Христо! Ив! Ив, это не те ли обломки, что ниже тебя? Какой же это город?

Наконец они все увидели мою террасу и разочарованно молчали добрую минуту, затем засыпали меня вопросами. Я наблюдал развалины в другом ракурсе — сбоку, а они сверху, затем Христо и Макс стали смотреть через мой «телеглаз», у Макса вырвался торжествующий вопль:

— Ну что я говорил?! Что? Теперь вы наконец видите сами! Конечно, это город. Христо! Пусть Ив спустится в город! Пожалуйста!

— А Туарег? Скоро стемнеет. Ребята пять часов в скафандрах. Успокойся. В город пойдем завтра. Он еще постоит.

— Все?.. Я тоже?

— Нет, мы, как всегда. Тебе будет добавочная работа — размещать находки Туарега по контейнерам. Осторожней!

Последнее относилось ко мне и Антону. Туарег уперся головой в нижнюю кромку слюдяного карниза, мне с трудом удалось оттолкнуть его, и Антон выволок его на карниз. Дальше Туарег полез сам и потащил меня за собой, с завидной легкостью волоча два мешка, раздутых от собранных образцов. Он все пытался пополнять коллекцию, хватая двумя свободными руками приглянувшиеся ему камни, и только после моего приказа, казалось, с неохотой отбрасывал их в сторону. Видно, удары о камень не прошли для него даром. Антон попытался его «подлечить», но, приоткрыв спинную панель, поспешно поставил ее на место: до того невообразимо сложным показался ему «организм» Туарега. Теперь ему могли помочь только на Земле, куда

он больше никогда не вернется, а нам отныне прибавилась еще одна забота — следить за каждым его шагом.

Кактусята

Вашата сделал магнитную запись нашего с Туарегом спуска по обрывистому берегу моря, он записывал все, включая каждое наше слово, о чем мы узнали много позже и что принесло немало огорчений, особенно Максу, который хотел выглядеть «идеально» перед лицом потомков.

Просмотр фильма, кстати, почему-то не особенно хорошего качества, вызвал двоякое чувство. Сначала мы все действительно видели город, но при вторичном просмотре все выглядело иначе, и даже Макс засомневался, город ли это, а не выветренные породы, природа способна и не на такие штуки, особенно марсианская, где ее творчество, видимо, переживает период застоя, когда трудно создать что-либо порядочное, располагая такими скудными возможностями.

Мои «видения» Макс отнес за счет нервного переутомления:

— Произошло то, что нередко случается с такими впечатлительными субъектами. В их подсознании создаются желаемые образы, то есть то, что мы называем галлюцинациями. Я бы на твоем месте, Ив, денька два посидел дома.

Меня выручил Антон, сказав, что на какой-то миг и ему почудилось что-то вроде города, только не там, где мне, а на противоположном берегу.

— Скорее всего, это фата-моргана! Марсианский мираж, — тут же определил Макс.

— Да, но мираж — явление оптического характера, — сказал Вашата. — Допустим, что в разреженной атмосфере с большим процентом углекислого газа миражи также могут возникать, но тогда должны существовать и города, и моря, и корабли, которые видел Ив.

— Да, здесь что-то не совсем ясно... — признался Макс с неохотой.

Затем все наше внимание переключилось на окаменелую рыбу. Макс заключил ее в толстый полимерный шар, облучил и, уговорив

Вашату, с величайшими предосторожностями доставил в наш салон — он же кухня, столовая и просмотровый зал.

Сомнений быть не могло. Перед нами находилась копия — часть головы и половина тельца — живого существа, жившего миллионы лет назад в марсианских водоемах.

Вашата предупредил (в который раз):

— Надо, ребята, вести себя чрезвычайно осторожно. Это не луна, где и то найден в теплой вулканической зоне грибок. Сейчас мы еще не знаем, возник ли он в местных условиях, когда на Луне была какая-то атмосфера, или грибок занесен из космоса, а может быть, и с Земли, но он быстро приспособился к местным условиям.

Макс сказал:

— Тот прелестный грибок в лунных лабораториях-оранжереях достигает гигантских размеров. И вполне съедобен! Да мы же все ели из него котлеты! Разве забыли? Перед стартом.

Вашата терпеливо дождался, когда Макс закончит.

— И все-таки нам надо держать ухо востро. Можем такое занести в корабль! Надо учитывать, что наша приспособляемость к незнакомой среде несколько ниже, чем у лунных грибов.

Подошел час земных передач: немного хроники событии, лица близких. Моя мама сказала, покусывая губы:

— Ты надеваешь шерстяное белье? Передавали, что у вас ужасная погода...

И целый поток указаний из Космоцентра.

Вашата сказал, отправляя нас спать:

— Вот начнется переполох, когда они там получат портрет нашей рыбы...

Среди ночи меня разбудил сигнал тревоги. Такого еще у нас не было, даже когда на тридцатом миллионе километров от Земли во время вахты Вашаты корабль врезался в пылевое облако.

В пилотской кабине уже находились командир и Антон. Зингера не было.

Вашата сказал:

— Сработало реле «внезапной опасности» в оранжерее.

Это реле изобрел и установил Макс во всех жилых помещениях. Очень чувствительный прибор, реагирующий на повышение колебаний электрического поля человека.

— Макс! — позвал Вашата. — Что произошло?

На экране видеофона появился виновато-радостный лик Макса. Перебарывая волнение, он прохрипел:

— Да у меня... реле среагировало на повышение поля... Вы не верили... и вот...

— Да что случилось, что у тебя за вид? Макс! Возможно, ты видел дурной сон? Или поле повысили твои растения?

— Нет, дело не в растениях. Я учел их потенциал... — Макс явно тянул, блаженно улыбаясь.

— Да у тебя шоковое состояние, — тихо сказа. Вашата, — я сейчас зайду к тебе.

— Ко мне пока нельзя. Видишь ли, прибор оказался потрясающе чувствительным...

— Кончай свой лепет, Макс, — сказал Антон. — Что у тебя там стряслось?

— Ну я к тому и веду. Да ко мне нельзя, у меня карантин. Имейте это в виду... Дело в том...

— Продолжай, — устало проронил Вашата.

— Я не знаю, каким образом занесли зерно или спору, оно еще только прорастает. По виду что-то вроде кактуса, очень своеобразной формы... Микрокактус марсикус! Звучит?

— Звучит, и очень внушительно, — сказал Вашата.

Макс улыбнулся, совсем как в школе, когда горел нетерпением поделиться своей удачей.

— Антон, Христо, Ив! Я закрыл их в колбах, ну тех, что заметил. Посадил под стекло. Что-то невероятное! Я сейчас покажу. Вот видите! Нет, вам плохо видно. Лучше покажу в увеличенном виде через проектор. — Он повозился немного, и на экране появилось множество колючих шариков, похожих на какой-то вирус, увеличенный в двести тысяч раз.

— Всего десятикратное увеличение... Смотрите, он зацветает! Теперь вы видите цветок, увеличенный в семьсот раз! Невероятная красота!

Феня повторил:

— Красота, красота. Пожалуйте Фенечку...

— На каждом более сотни таких цветов, замечаете, что цветы небесно-голубые! Видимо, были и насекомые, сейчас он самоопыляющийся. Пыльца красная, но нет ни пестика, ни тычинок.

— Макс! — Вашата глотнул слюну пересохшим горлом. — Макс, ты представляешь, что получится у тебя к утру?

— Вполне. Я загерметизировался. Связь только таким путем. Я также заметил, что эти малютки мгновенно прорастают в минимальном присутствии воды.

— Поищи способа задержать прорастание. Ты что, в своей университетской лаборатории? Забыл, где находишься?

— Вашата, милый мой Христо. Я все понимаю, отдаю отчет, но пойми и ты меня! Ведь это настоящая жизнь! Кактусята, по всей вероятности, безвредные, хотя в симбиозе с ними могут жить и вирусы. Ко мне никто ни ногой! С голоду я не умру. Если придется, проживу здесь до дому. Вы как-нибудь перебьетесь на консервах. В складе есть витаминизированные концентраты.

Экран погас. Вашата откинулся в кресле.

Корабль вздрогнул.

Антон сказал:

— Наверное, обвал на море. Там столько камней нависло.

— Работает Большой Гейзер, — сказал я.

— Да, он иногда изрядно потряхивает, — согласился Антон.

Оба мы посмотрели на Христо. Он сидел в той же позе. Показал головой на дверь:

— Отправляйтесь спать. Завтра день будет не легче. Что, если эта гадость проникла во все отсеки и начнет заполнять корабль? Ну хорошо, без дискуссий на эту тему. Спать!

Он остался в кресле.

Почему-то меня не особенно потрясли марсианские кактусята, хотя я полностью отдавал себе отчет в том, что нас ждет, если так

просто проникают в герметический корабль семена марсианских растений. Лежа в гамаке, я самонадеянно думал: «Теперь меня уже ничем нельзя ни удивить, ни испугать. — И уже засыпая: — Почему марсиане не перебрались внутрь планеты, там тепло, мы видели, как из ее недр вырываются газы. В подземные жилища можно было нагнетать воздух или там получать его, регенерировать. Что же здесь произошло?» После того как я увидел мираж города, у меня не осталось никаких сомнений, что здесь жили люди, и почему-то твердая убежденность, что сейчас их здесь нет. «Что же произошло?.. Ведь никаких веских доказательств у меня еще не было. Мне могло показаться, и там, над пропастью, вовсе не город, а обыкновенные камни». Я улыбнулся этим мыслям и, засыпая, опять увидел город, но теперь уже другой, больше первого. Я бродил по его пустым улицам, рассматривал фрески с изображением тонких, высоких людей. Меня привлекала живая картина. Девочка с огромными глазами, тонкая, как тростинка, сидела на оранжевом берегу лилового моря и играла в песочек, она, как наши ребятишки, насыпала его в формочки, пришлепывала лопаточкой, строила горку: подняв высоко руки, она сыпала из прозрачных ладоней оранжевый песок, я без удивления увидал, что у нее по четыре пальца на руке, а вместо ноготков золотые ободки...

В семь часов утра, когда мы втроем пили кофе, грустная физиономия Макса материализовалась на экране видеофона:

— Они не перенесли повышенной дозы кислорода. Я создал почти чистую атмосферу из кислорода. Они все погибли! Все до одного. Почернели, — в голосе Макса чувствовалось неподдельное горе.

— Вот и прекрасно! — Вашата встал, опрокинув кружку. — Хоть здесь повезло. Ты же, — он погрозил Максу, — будешь у меня сидеть двое суток в карантине.

— Не надо мне было открывать колбу... — вслух подумал Зингер. — Хоть бы там остались семена.

— Не горюй, — успокоил Вашата. — В камнях и песке их будет достаточно. Завтракай своими бананами и снова проверь, нет ли у тебя еще кого-либо из гостей. Молодец, Макс, как это тебе в голову взбрело потравить их кислородом?

— Христо! С кем ты говоришь? Послали бы меня с тобой, если бы... Ах, Христо, Христо... Вот что, ты тоже займись дезинфекцией. Процент кислорода доведен до восьмидесяти пяти процентов. Ни рентген, ни ультрафиолет на них не действуют, как ты знаешь, здесь достаточно космических излучений, было когда привыкнуть к ним...

Город над обрывом

К городу над обрывом нашлась довольно удобная дорога по впадине овражного типа. Может быть, когда-то ее действительно размыло водой, а в последующие тысячелетия ветер обрабатывал склоны и устилал дно песком и пылью. Пыль — главный компонент марсианской почвы, она микроскопична и покрывает почти всю планету, сглаживает ее и без того однообразный плоский рельеф. Оригинальный только по окраске, да и то пока не привыкнешь к его оранжево-серым тонам. Только горы здесь великолепны. Они вздымаются прямо, без предгорий, из песчаной равнины, удивляя глаз своим величием, лепкой склонов и сочетанием необыкновенных красок.

По оврагу, или, как Антон его назвал, «розовому каньону», из-за своеобразной нежно-розовой окраски слагающих берега пород мы добрались почти к самым развалинам.

Антон высказал предположение, что выемка искусственного характера и по ней когда-то шла настоящая дорога к городу. Как покажут дальнейшие события, мы оба были не правы, овраг образовался много позднее, после смерти города.

Туарег вел себя вполне удовлетворительно: получив приказ, он всю дорогу шагал впереди «Черепашки», разобрал завал из камней, к счастью, не особенно больших; после завала «Черепашка» могла пройти еще с полкилометра, а дальше, с разрешения Вашаты, который следил за каждым нашим шагом, мы отправились пешком, всего каких-нибудь сто метров над нависшим обрывом.

— У меня такое ощущение, — сказал Антон, — будто я побывал здесь. Всю ночь, и до того, как разбудил Макс, и после, мне снились марсианские сны.

— Мне тоже...

— Не знаю, что снилось тебе, а я уже шел по этой дороге, только без щебня и всей этой шелухи под ногами. Справа над обрывом шло ограждение из каменной решетки какого-то замысловатого рисунка. Сейчас этого ничего нет. Стена слева была вся в рисунках, какие-то морские пейзажи.

— Суда с высокими мачтами?

— Совершенно, верно. Нам с тобой чудится одно и то же. Надо избавиться от такого состояния. Сейчас тебе ничего не кажется?

— Нет. А тебе?

— Тоже все нормально, только будто за тем поворотом еще что-то есть на стене.

— Успокойся, Антон, — сказал Вашата. — Вы скорей возвращайтесь, посмотрите, что за древние развалины, только не держите объективы против солнца, вчера получилось много смазанных кадров.

Зингер добавил:

— Смотрите под ноги, в расщелины, там, где могут находиться растения, и возьмите под этим навесом по горсточке песка.

— Никакого песка! — приказал Вашата.

Туарег поджидал нас на повороте. Отсюда открывался фантастический вид на море и противоположный берег. Но мы с Антоном только мельком взглянули на всю эту красоту и завернули за угол. Там действительно на стене сохранилась часть фрески, картину покрывал слой пыли, серые потеки, но можно было разобрать силуэты каких-то странных животных.

— Марсианские быки, — сказал Антон. — Фреска шла дальше, здесь, внизу, кустарник с красными и белыми цветами. — Он поднял серую плитку, вытер ее перчаткой, на ней засветилось тусклое золото: часть ветки с колючкой.

— Вы что примолкли? — спросил Вашата.

— Фреска, — сказал я, — на стене.

— Что на ней? — выкрикнул Макс. — Ну что?

— Марсианские быки и колючий кустарник, — сказал Антон.

— Направьте лучше объективы! — приказал Вашата. — Вот так. Ну, где, ваша фреска? — он говорил теперь совершенно спокойно, даже с легкой иронией, словно ничего особенного не произошло. — Что-то

не похоже на картину. Все смазано, расплывчато. Пятно на сырой стене, а не фреска.

— Стена сухая, — с обидой ответил Антон. — Видишь, совсем сухая. Вот половина туловища одного быка. Хотя он мало похож на быка, скорей шестиногая антилопа.

— Шестиногая? Ты ошибаешься, Антон, — сказал Макс. — В природе все по большей части целесообразно. Шесть ног просто не нужны такому не особенно крупному животному, да еще на планете с незначительной силой тяжести. Ты все ноги на фреске отнес к одному «быку», пожалуй, он больше похож на быка, чем на антилопу. Ну-ка сотри пыль с нижней части. Осторожней. Эх...

Фреска сползла и раскололась на множество кусков.

— Не прикасайтесь больше к ней, — сказал Вашата, — может, долежит до следующего раза.

Макс попросил:

— Ребята, посмотрите, нет ли на стене чего-либо похожего на плесень или лишайники?

— Запрещаю! — сказал Вашата. — Хватит с нас кактусят. Можем подхватить такой экземпляр марсианской жизни, что он за кислород только спасибо скажет. Теперь у нас главное — археология. Семян микрофлоры, думаю, мы захватили достаточно.

Когда мы очутились на улице города, впечатление у нас было такое, что здесь давным-давно, не один десяток лет, работают археологи, они расчистили и даже подмели улицы, только кое-что оставили для колорита, обломки камней на мостовой. Вблизи строения казались, как и с карниза над пропастью, такими же хрупкими, с тонкими стенами, широкими оконными проемами. Здания тянулись на целые кварталы, в два и три этажа, но были многогранные сооружения непонятного назначения без окон, в один этаж. В планировке ощущалась целесообразность, гармоничное сочетание с ландшафтом. Даже сейчас, источенные временем, развалины украшали берег мертвого моря. Вначале мы шли очень осторожно, боясь прикоснуться к стенам, казалось, что руины только и ждут, чтобы рассыпаться в прах — до того они устали стоять над погруженным в тишину морем. Я

поднял обломок и поразился, как он легок, что-то вроде пенобетона, только несравненно прочней.

— Алмазный бетон, — сказал Антон. — Смотри, Туарег прошел вон по той тоненькой плитке, и она целехонька. Дома, видно, отливали целиком, нигде нет швов.

Мы вышли на круглую площадь с возвышением посредине.

— Здесь стояла скульптура, — сказал Макс.

— Возможно. — Вашата вздохнул и добавил: — Пора, ребята, возвращаться. Снимки получились. Больше здесь делать нечего.

— Сейчас уходим, — сказал Антон. — Только пусть Туарег немного покопает в этом доме.

— Даю десять минут, — неохотно согласился Вашата.

Как хорошо, что мы оставили Туарегу лопату. Он выкопал амфору незнакомой формы, тяжелую, покрытую липкой пылью, кусок стекловидного вещества, матового от времени, множество черепков из материала, похожего на пластмассу, и несколько странного вида прямоугольных пластинок с множеством отверстий разного диаметра, как потом определил Макс — от микрона и до трех миллиметров. Пыли на них не было, отверстия не засорены, когда Антон взял одну из пластин, она стала менять цвета, как шелковое полотно под разными углами к источнику света.

— Судя по вибрации, она как будто звучит! — сказал Антон и опустил пластину в сумку Туарега.

— Хватит на сегодня, — сказал Вашата, — возвращайтесь той же дорогой.

Прежде чем уйти, я заставил Туарега расчистить от щебня кусочек мостовой на площади. Она оказалась выстланной фиолетовыми плитами.

Наш обратный путь Макс использовал для съемки фильма.

— Теперь идите вы вперед. Туарег — позади. Вот так! Отлично! Какое освещение! Ив нагибается, поднимает... Да поднимай что угодно! Не забывай, что мы открыли марсианский город и здесь каждый камень — ценность. Стоп! Антон, возьмись за остатки стены. Прекрасно! Пошли дальше... — И так всю дорогу до самого корабля Макс заставлял нас задерживаться, брать в пригоршню песок, рассматривать

камни, делать величественные жесты в сторону гор, глядеть на небо, усеянное звездами при ярком солнце. Мы безропотно подчинялись, зная, что Макс работает для истории.

Когда мы подрулили к лифту, возле него нас нетерпеливо ожидал Зингер, чтобы уложить всю нашу добычу в грузовой отсек.

Мы сидели в столовой, стерильные после обработки под серией душей.

Антон сказал:

— Мы могли еще часика два порыться в пыли веков. Вот куда бы забросить настоящую археологическую экспедицию со всем оборудованием.

— Так и будет в следующий раз, — улыбнулся Вашата. — Пока Макс занимался съемками, я принял ролик из Космоцентра. Сплошные поздравления и рукопожатия. Судя по всему, ученые набросились на снимок нашей рыбы и пейзажи развалин. Представляете, что творится сейчас, когда они получили записи сегодняшнего дня! Ох, попадет нам по первое число за фреску, особенно мне достанется. Ведь у нас уйма инструкций на все случаи жизни на Марсе, даже, как вы знаете, разработаны системы контактов с местными обитателями. Сегодня Андреев выступил с повторением лекции, что читал нам перед отлетом.

— Насчет «враждебной жизни»? — спросил Антон.

— Точь-в-точь в тех же выражениях. Повторил для прессы и телезрителей. Ему еще раз хочется убедить всех и себя самого, что он сделал все для успешного полета «туда и обратно». Надо и его понять — необыкновенная, мучительная ответственность. И все же...

— Мне это непонятно, — сказал Антон. — Надо всегда быть тем, кто ты есть.

— Да, но он теперь Главком Космоцентра. Должности всегда накладывали отпечаток. Вот я, например... Как, ребята?

Мы с Антоном переглянулись.

— Бывает, — сказал Антон.

— Да-а? Серьезно?

— Не часто, ты умеешь сдерживаться.

— Стараюсь. Вы тоже не сахар. Вот сегодня, говорю — кончайте раскопки, а вы еще стали площадь разметать.

— Но фиолетовые плитки! — сказал я.

— Плитки плитками... — поморщился Вашата.

— А престиж! — сказал Антон, толкая меня в бок.

Вашата улыбнулся:

— Бывает. Иногда обволакивает чувство собственной необыкновенности. Кажется, что ты теперь «сам не свой», принадлежишь истории! Вот с этого и проникает в нас вирус исключительности.

— Какая там исключительность, — Антон махнул рукой. — Из пятисот кандидатов мог лететь каждый, просто нам повезло.

— Я тоже так думаю... И все-таки прошу выполнять мои указания все без исключения.

— Ну это ясно, — сказал Антон.

— Извини, — сказал я, — за плитки.

— Все. Не будем забывать, что мы попали в необычную среду. Надо быть собранней. Контролировать каждую мысль, каждый шаг. Я все не могу понять, каким путем пробрались к нам кактусята. Значит, что-то нарушено. Вы сегодня, наверное, ругали меня за добавочную дезинфекцию.

— Ругали, — признался Антон. — Ругали и понимали, что надо.

— Надо, ребята!.. Но где же Макс? — Он не выключил видеофон. — Макс, ты не упаковал себя в контейнер с огорчения, что я лишил тебя свободы передвижения по планете Марс?

На экране появилась стена нашего хранилища со множеством гнезд с контейнерами. Потом показался шлем и за его стеклом оторопелое лицо Зингера.

— Вот, — сказал он, подняв амфору. На ее теперь чистом боку появился красочный морской пейзаж. — Видали? — спросил Макс звонким мальчишеским голосом. — Я слегка протер — и появились краски, и все время меняются, он живой. Смотрите, какой цвет воды и на нем множество яхт. Ребята! — Он повернул амфору, и там знакомая уже мне девочка сыпала из прозрачных ладоней оранжевый песок. И мы встали и почти вплотную придвинулись к экрану, пораженные больше, чем вчера, когда увидели развалины. У нас всегда теплилась

надежда обнаружить следы ушедшей жизни. Сейчас же мы были не подготовлены к необыкновенному явлению, у нас не было объяснений увиденному. Макс позволял нам поочередно любоваться изображениями на стенках сосуда, и мы не могли оторваться от них.

— А теперь послушайте, как звучит эта вазочка! — Он поднял амфору к мембране шлема. — Странная музыка, не правда ли? Вы не находите? Наверное, корпусу амфоры передается малейшая вибрация, хотя непохоже. Будто в ней самой источник звучания.

— Скорее всего разболталась какая-то техническая деталь, — сказал Антон, — хотя, что мы знаем об их технике! На каком принципе основаны эти «живые» гравюры? Уму непостижимо! Пролежали столько тысячелетий, а может, и столетий — и никаких изменений. Мне становится не по себе, когда я вспоминаю про фреску с антилопами.

— Что-нибудь еще случилось? — спросил настороженно Вашата.

— Да я их видел до этого!

— Час от часу не легче.

Свалка мусора

В этот вечер мы долго не ложились спать, в нарушение «Инструкции о суточном распорядке в длительных полетах в космическом пространстве, а также на планетах Солнечной системы, исключая Землю». Пришел Макс в совершенно невменяемом состоянии, посолил сладкий кофе, положил в кружку масла и, обведя нас взглядом, спросил:

— Что я делаю?

— Кофе по-марсиански, — ответил Антон.

— Ты еще можешь шутить, а у меня в глазах та девочка. Если смотреть на изображение пристально, оно увеличивается, полное впечатление реальной картины. Я все думаю, что с ними случилось? Судя по тем крохам, что нам посчастливилось найти, мы в стране великой цивилизации. Я теперь твердо уверен, что каким-то непостижимым путем они воздействуют на нашу психику. Стремятся передать нам информацию о себе.

Вашата молчал, не перебивая, хотя утверждения Макса носили по меньшей мере рискованный характер.

— Как, почему они погибли? — продолжал Макс. — Даже мы смогли бы здесь существовать, построив город под куполом. Они обладали и техникой, и знаниями более высокого порядка, раз смогли создать такое чудо, как эта амфора, а потом мы не знаем, что это за звучащие пластины, о чем они звучат! Может быть, когда-то узнаем! Здесь работы на века, я в этом твердо уверен. Если мы до сих пор у себя дома роемся на Востоке и находим все новые и новые загадки. До сих пор не можем расшифровать письмена критян, этрусков, народов древней Индии, то, как мы подойдем к языку марсиан, их письменности?

— Их гибель загадка, — сказал Антон, — все же я думаю, что они погибли от того, чего мы избежали чудом.

— От атомной войны? — спросил Вашата.

— Да. Здесь и без того трудно удерживать атмосферу, несколько водородных взрывов могли почти начисто унести всю воздушную оболочку. С тех пор накапливалась только углекислота, поступающая из недр планеты.

— Люди погибли от радиации, — в раздумье сказал Вашата, — хотя при облете приборы не зарегистрировали повышенной радиации. Но время все могло сгладить.

Я тоже внес свою лепту в эти мрачные предположения, сказав, что к тому времени атмосфера, видимо, была и так бедна кислородом и влагой, марсиане ушли под землю, создали купола над городами на ее поверхности. С понижением атмосферного давления купола разрушились, и население погибло от удушья, а оставшиеся в подземных убежищах постепенно вымерли вследствие непривычных условий.

— Все очень поземному, — сказал Вашата, — мы не можем отделаться от своих представлений, от своей логики. Не будем пока гадать. Может, найдем еще что-нибудь.

Макс сказал:

— Они вполне могли оставить «живые книги», фильмы. Вы, ребята, не гонитесь за пустяками, ищите самое существенное...

Проснувшись утром, я не припомнил ни одного сна, то же самое сказал и Антон.

Когда я после душа заглянул в оранжерею, Феня встретил меня новой версией о гибели марсиан:

— Поверь мне, дружище, все дело в вирусе! Эпидемия! Вот так-то, дорогой пернатый друг!

— Все это домыслы, — отозвался из-за банановых листьев Макс. — Ты его не слушай, он все врет последнее время и меня сбивает с пути истинного.

Феня захохотал басом, подражая Вашате, и в заключение свистнул тонко и протяжно, как запись завываний марсианского ветра.

С вечера я вложил в Туарега программу ночного поиска, он должен был, не спеша обойти окрестности космодрома и через каждые пятьдесят метров выкопать яму. На каждую станцию ему давалось десять минут. Сейчас на экране робот стоял как изваяние на красном поле и, казалось, внимательно рассматривал наш корабль своими магнитными глазами, у его ног лежал труп марсианина, так, по крайней мере, нам показалось: длинные ноги, тонкий в талии торс, головы и правой руки у него не было, тело облегал костюм, как на арлекине: желтый в черную широкую полоску.

Первой нашей мыслью было, что Туарег наткнулся на кладбище.

— Как он сохранился! — воскликнул Зингер. — Но что за костюм! Как у наших дорожников, ремонтирующих шоссе. Тогда почему его похоронили в рабочем платье? Нет, товарищи, он погиб при обвале, и никакое там не кладбище, а парня засыпало камнями, поэтому нет ни головы, ни руки. Все-таки вы их поищите. Привезти домой марсианина!..

— Погоди, Макс, — остановил Вашата. — Кто бы он ни был, домой брать не будем. Рискованно. И вы к нему не прикасайтесь. Может, у них действительно была эпидемия. Только, Макс, ты его сними во всех ракурсах, пусть Туарег повертит. Свет сейчас великолепный. Ив, дай команду!

Туарег поднял свою находку, повернул, и мы увидели, как спина отошла на шарнирах в сторону, в корпусе виднелись различные узлы, скрытые в твердых чехлах, болтались провода.

В этот день мы видели останки еще множества роботов на гигантской свалке мусора. Она заполняла двухсотметровую выемку, которая

начиналась за каменной грядой к северу от космодрома и терялась за горизонтом. Туарег ночью наткнулся на нее в той ее части, где отбросы покрывал песок, он добросовестно копал там ямы и выбрасывал горы рухляди. Робота он захватил потому, что в его «память» ввели новую запись: «Брать только предметы, по форме не похожие на камни», камней он натаскал целую гору, и из нее только килограммов двести попали в хранилище корабля.

Снимки этой первой свалки хорошо известны, видны на ней и роботы, торчащие из груды пластмассовых вещей, летательные аппараты разных конструкций, и все это среди невообразимого множества вещей непонятного нам назначения и незнакомых конфигураций. Мы проехали вдоль свалки десять километров, а ей все не было конца, в одном месте по склону оврага оползень обнажил на триста метров хаотическое нагромождение отбросов, но основания выемки не было видно.

Вашата спросил:

— Сколько же столетий все это копилось? Больше половины вещей выглядит вполне годными. Наверное, выходили из моды, заводы работали на полную мощность, людям все это доставалось без особого труда, и они потеряли цену вещам.

— Ты обрати внимание, что почти все из пластмассы, — сказал Зингер. — Стой, ребята, мы запечатлеем вот этот склон с машиной, похожей на наш грузовик...

Антон заставил Туарега принести большой шар с пробитым боком, на нем появлялись и исчезали яркие блики...

— Да это глобус! — сказал Макс. — Школьный глобус. Только не потеряйте!

Минут десять мы рассматривали поверхность планеты, с колдовским мастерством нанесенную на глобус. Впоследствии нам посчастливилось найти еще одно такое учебное пособие. На первом глобусе картина планеты не менялась. На втором по желанию можно было увидеть не только географию, но экономику, животный мир, геологию планеты, к несчастью, на Земле изображения пропали, и не только на глобусах, но и на амфоре.

Прошло два часа, как мы покинули корабль, но мы не думали о возвращении, молчал об этом и Вашата, слушая Зингера: Макс нашел еще одну из возможных причин гибели марсиан.

— Здесь миллионы, а может быть, миллиарды тонн полимеров! — говорил он.

— Полимерам скормили кислород и азот. Мы хоть и мельком видели на глобусе, что здесь были лесные массивы, особенно вокруг водоемов, на экваторе и в здешних субтропиках. Леса уничтожили, все пошло на пластмассы. И в то же время шло безудержное строительство машин, наземных и воздушных. Машины тоже сжигали драгоценный кислород, отравляя воздух производными окиси углерода.

— Мы еле ушли от этой угрозы, — сказал Вашата. — Но и Землю не сравнить с Марсом — у нас могучая атмосфера, океан, леса!

Зингер мрачно сказал:

— Пятнадцать тысяч водородных бомб, взорванных одновременно, могли унести атмосферу в космос, и Земля могла превратиться в нечто похожее, правда, с обилием отравленной воды, мертвыми городами.

— Неужели у всех живых существ, обладающих разумом, один путь развития?

— вслух подумал Антон.

Никто не ответил. «Черепашка» поднялась на пригорок. Впереди скупое марсианское солнце освещало купол, спрятавший под себя город.

Антон схватил меня за руку. Я не помню, как остановил «Черепашку». Не проронив ни звука, словно боясь, что спугнем видение, мы с Антоном смотрели на возникшую перед нами картину. Мы понимали, что сейчас невозможно существование подобного оазиса среди безжизненной пустыни, на планете, почти лишенной воздуха, и все же нас не покидала мысль, что все это реально и мы действительно открыли последнее прибежище марсиан.

Туарег, не получая команды, продолжал шагать по направлению к городу, к нему вела дорога — она начиналась недалеко от нас, — вымощенная желтыми плитами, обсаженная бордовыми кустарниками, все пространство вокруг города занимала растительность с

бурыми, красными, голубоватыми листьями. По дорогам бесшумно мчались крытые машины. В воздухе бесшумно парили несколько летательных машин, одни из них напоминали наши музейные теперь аэропланы-этажерки, другие в виде дисков, шаров, цилиндров.

— Что вы стали? — спросил Вашата. — Случилось что-нибудь?

— Остановите Туарега! — сказал Зингер. — Он шагает к северному полюсу.

Виденье ушло в песок оранжевой пустыни.

— Вы ничего не видели? — спросил Антон.

— Что опять? — с тревогой в голосе спросил Вашата. — Возвращайтесь. Да верните Туарега.

Желтое пятно

Началась вторая неделя, как мы опустились на пески Марса. Семь дней стоили многих лет по количеству впечатлений, обрушивавшихся на нас почти беспрестанно, особенно последние дни. Мы находили необыкновенные памятники культуры, идеальной организации быта, видели на «живых фресках» людей, почти землян, занятых трудом, углубленных в размышления. В районе, где мы с Антоном видели иллюзорный город во всем его величии, находились сейчас его развалины, там Туарег раскопал вход в подземные заводы. Специалистам надо еще разобраться в принципах марсианской техники, судя по архитектуре, люди здесь не присутствовали, только механизмы и имитации людей — роботы различных назначений. Удалось нам заглянуть за все время марсианской жизни еще в три подземелья — и нигде следов постоянного пребывания там человека: голые стены, облицованные яркими плитками без единой фрески, орнамента, и машины, машины, казалось, заполнившие залы бесконечной длины. Марсиане не хотели, не могли, не любили жить в давящих душу помещениях, под толщами скал. Они больше всего любили просторы пустынь, свои леса, моря и особенно небо. Фиолетовое небо Марса! Как оно прекрасно! Почти так же, как и земное. Наша атмосфера создает иллюзию тепла, звезды у нас лучистые, там небо было жестче, холоднее, но от того оно не теряет своей величественности,

вечной тайны. Любимой темой марсианских художников было небо, выполненное в стиле «живой техники», и почти на каждой картине среди искорок созвездий горела голубым светом наша Земля.

Гордый народ, осознавший свою силу, могущество, воспитывался как «светоч жизни», равный звездам, и он жил, мыслил, любил, чувствуя всегда их благословенный свет: звезды на Марсе видны и днем. Спрятаться от света Млечного Пути — дороги в вечность, от боготворимой. «звезды надежды» — значило для них уподобиться самому жалкому из существ, восьминогой слепой песчаной мыши, источающей скверный запах.

Они преодолевали опасности, созданные предками в эру неуемного развития техники, когда уничтожались леса, сжигался драгоценный кислород, атмосфера перенасыщалась углекислым газом. В герметических городах система жизнеобеспечения во многом превосходила нашу в звездолете. Еще несколько веков — и люди снова могли бы выйти из укрытий, под теплое, поголубевшее небо. Если бы опасность страшнее атомных войн, эпидемий, космических катастроф не таилась в них самих. «Черепашка» бойко бежала по бурой равнине, подгоняемая жидким ветром. Начинался сезон песчаных бурь. Исчезла кристальная чистота ядовитого воздуха, красноватая пыль висела в воздухе, сглаживая очертания скальных скульптур, изваянных ветром. Высоко над головой в фиолетовом небе сиял совсем крохотный кружочек солнца. По нашим земным представлениям, здесь солнце почти не грело, и все же его могучей силы хватало на то, чтобы вечно будоражить атмосферу планеты, перемещать миллиарды тонн песка, разрушать остатки древних гор, людские города, превращая их в пыль и щебень.

Перегоняя нас, пронеслось марсианское перекати-поле — шар не больше футбольного мяча из жестких как проволока стеблей, колючек и оранжевых коробочек с семенами меньше маковых зерен. Перекати-поле — посевная машина, способная бесконечно долго высевать семена, а когда их запас кончится, продолжать свой стремительный бег, не теряя надежды в конце концов остановиться. Когда ей удается наконец зацепиться своими колючками в овражке или застрять между камней, то через несколько минут из нижних стеблей выйдут

желтые корни и станут сверлить песок, добираясь до слоев, где есть хоть признаки влаги, через час оно зацветет большими, непостижимо прекрасными цветами и опять готово в путь сеять семена жизни.

Антон сказал, провожая взглядом перекати-поле:

— Невероятная приспособленность. Та же, что и у микрокактусов. Вот еще подтверждение неистребимости жизни. Создание ее невероятно трудно, нужны миллионы благоприятных сочетаний, чтобы она возникла, поэтому жизнь так редка во вселенной, а, раз возникнув, она неистребима. Так велик у нее запас эластичной прочности. Эти марсианские колючие шарики выдерживают и космический холод, и непомерную жару! Готовы хоть сейчас переселиться на другую планету, в другую галактику, куда угодно, или ждать миллионы лет дома, пока не произойдет чуда и Марс оживет. С человеком сложнее. Человек появляется на планете только раз. Как жаль, что они не дождались нас.

Я сказал:

— Возможно, они еще уцелели?

— Каким образом? — одновременно спросили Вашата и Антон.

— Спят в анабиозе. Может, еще сохранился крохотный поселок или даже целый город где-нибудь. Марс велик.

— Ну нет, — сказал Антон. — Наш прилет не мог остаться незамеченным при таком уровне цивилизации.

— А миражи! — воскликнул Макс. — Это ли не сигналы, что жизнь существует.

— Существовала, — поправил Вашата. — Все, на что они указывали, что видели Ив с Антоном, оказалось развалинами. А возможно, что это результат перенапряжения, в котором мы живем все это время.

Как всегда, Вашата был прав. Мы замолчали. Действительно, почему мы находим только развалины городов, следы ирригационных сооружений, высохшие моря, удивительные памятники, фантастическую утварь, звучащие пластины — вероятно, книги, которые мы никогда не прочтем.

Долго ехали молча. Туарег шагал впереди, точно следуя по заданному курсу. Мы ехали в новом направлении по Оранжевой пустыне, по совершенно ровному, прибитому песку, выполняя намеченную

программу исследований. Здесь, на северо-западе от мертвого моря, еще при посадке механический картограф отметил темную россыпь не то камней, не то, как мы теперь считали, развалин.

Туарег обошел столбы из оранжевого песчаника, похожие на колонны — а может, это были самые настоящие колонны древнего храма, — и опять взял прежнее направление.

В шлемофоне раздались предупредительный сигнал и голос Христо:

— Ну как, друзья? Все двигаетесь?

— Нет, летим, — в тон ему ответил Антон.

— Далеко еще?

— Километра два.

— Не задерживайтесь особенно. Развалины нас уже не особенно интересуют. Да не загружайте Туарега. Зингер уже заполнил все свои контейнеры. Берите только необыкновенное.

— Здесь все необыкновенное, — мрачно сказал Антон. — Мы что-то совсем заелись. — У Антона последние дни часто портилось настроение без всякой видимой причины.

— Что там поделывает Макс? — спросил я, чтобы разрядить обстановку.

— Сидел все тут со мной, а минут пять назад я его послал заняться проверкой и дезинфекцией отсеков. После вашего отбытия он обнаружил, что в его скафандре проросла круглая колючая проволока. Приказал выбросить скафандр. Вот к чему приводит нарушение элементарных инструкций! Так что прошу вас...

Раздался смех Макса — он подслушивал:

— Скафандр ведь твой, Христо. Ты вчера в нем выходил поразмяться.

— Мой! Но позволь... Как же это?

— Загадки Марса.

— Все равно, ребята. Тем более надо ухо держать востро. Если уж ко мне заползло перекати-поле!

— К нам пока не заползло, — сказал Антон и, сжалившись над Христо, добавил: — Не беспокойся, кэп, мы теперь стали живыми

параграфами космических инструкций. Если уж что случится, то не по нашей вине.

— Ладно, Антон. Кажется, вы подъезжаете. Ветерок усиливается. Что-то темнеет впереди. Да это Туарег. А за ним что-то вроде кучи камней.

— Приехали, — сказал я, — очередные развалины.

— Не лезьте под обломки даже вслед за Туарегом. Разрешаю передвигаться только в открытых пространствах.

Мы с Максом переглянулись: действительно, вчера перед самым носом у Туарега рухнула стена, подняв облако пыли, не оседавшее целых полчаса.

«Черепашка» остановилась у самых городских ворот, то есть там, где они когда-то стояли, представляя собой множество шлюзовых камер. Судя по развалинам, мы еще не встречали такого большого города. У него сохранилась часть гигантского купола, состоявшего из множества воздухонепроницаемых ячеек, напоминающих соты. Остатки купола держались на одной уцелевшей арке без подпорок, перемахнувшей через все развалины. Рухнувшие арки и купол погребли под собой весь город в южной его части, на севере кварталы домов почти везде уцелели.

Город мог сохраниться целиком, если бы не ветер, он «подмыл» основание его, хотя и отлитое на скальной породе. Нам предстоит определить, сколько потребовалось тысячелетий, чтобы ветер мог снести стометровую толщу песка, разрушить фундамент и снова засыпать ров, а заодно и развалины.

Туарег мастерски прокладывал дорогу к уцелевшей части города. Архитектура строений здесь, по меткому выражению Антона, отличалась «печальной пышностью пантеонов». Дома в два-три этажа, видимо, тоже из литого камня, с плоскими крышами, служившими местом для прогулок; между домами через улицы переброшены мостики. Стены домов без излишеств, зато необыкновенно пышных расцветок, украшенных орнаментом и фресками. На облицовку стен шла эмаль еще более яркая, чем на самаркандских мечетях, она и сейчас местами светилась на затененной стороне тусклым светом, как старые витражи в католических храмах. Только направив луч фонаря на

золотистую стену, я заметил, как стара эмаль: вся в бесчисленных трещинах, в щербинках.

На улицах сохранившейся части города почти не было песка и мельчайшей пыли, которую поднимает ветер Оранжевой пустыни. Пыль лежала на порогах дверей, на узких подоконниках. Двери закрыты, и даже Туарег, которому Антон приказал открыть дверь, не смог выдавить ее.

— Крепко строили марсианские товарищи! — сказал Вашата.

— Да, очень! — ответил Антон. — Вот смотри слева, какая чудесная фреска: «Марсиане на прогулке». Они все были по два метра, а этот синебородый, что держит за руку ребенка, — более двух. Зато они тоньше, даже видно через одежду, какие они тонкие.

Миновали дом с фреской и повернули на очень широкую улицу с двумя бесконечными домами по обе стороны излюбленной марсианами фиолетовой мостовой.

— Тут совсем ни песчинки! — сказал Антон. — Все дело в тяге, ишь как посвистывает в шлемофоне!

Вскоре мы убедились, что дело не только в тяге. Что-то на этой улице отталкивало от мостовой пыль и песок. Антон обрушил горку розового песка на подоконнике, и песочное облачко, не коснувшись дороги, взмыло вверх и унеслось в сторону развалин.

Антон посмотрел на меня и с удивлением сказал:

— Странная дорога. Она отталкивает все, что падает на нее. Замечаешь, как по ней легко идти. Смотри, — он показал небольшой камешек, который чем-то ему понравился возле городской стены, и бросил его на мостовую — камень еле притронулся к плитке и взвился под самый купол.

Я сказал, что давно заметил, что стал намного легче, хотя здесь и так тяжесть невелика.

— Впечатление такое, что можно улететь, если посильней оттолкнуться.

— Пожалуйста, без экспериментов, — сказал Вашата. — Долго вы еще намерены идти по этой улице? Еще раз попытайтесь проникнуть в дом.

— Еще немножко, и повернем, — сказал Антон и показал мне глазами на стену. Там медленно, соразмерно нашим шагам, двигался желтый кружок величиной с метательный диск.

Я тоже давно приметил его, но принял за повторяющуюся деталь орнамента. Почему-то я не заметил, что круг движется, хотя чувствовал, что мне все время хочется взглянуть на эту стену.

— Может, солнечный зайчик? — спросил Вашата.

— Откуда ему взяться, солнца не видно, — сказал Антон. — И фиолетовая мостовая, и этот круг связаны как-то. Видишь, мы стали, и он остановился, а сейчас поплыл. Ты-то его видишь? Может, тебе мешает какое-нибудь поле, блокировка?

— Никакой блокировки, мы все почти с Максом видим. Вот теперь круг проглянул сквозь пыль, а вы и правда бежите, как лунатики. Может, сигнализация? Неужели кто уцелел?

— Вряд ли, — ответил Антон. — Если кто уцелел, то зачем все эти фокусы? Просто остатки какой-то системы оповещения. Таким способом можно было найти нужную квартиру, ну понимаете — код. У каждого человека был свой код, свое поле, если хотите, и этот прибор реагировал. Есть и другой вариант: круг рассчитан на ночное время...

Макс не дал ему договорить:

— Странно слышать подобный лепет. Ты хорошо знаешь, как освещались их города. Вот и сейчас еще светится стена, хотя по ней и бежит ваш круг.

Я ждал, что Антон не полезет за словом в карман и вспыхнет словесная перепалка, нередкая у нас за последние дни. Но Антон ответил необычайно мягко:

— Скажи-ка лучше, как твои успехи в борьбе с местной флорой. Почему они облюбовали скафандр Христо?

— И в моем появился экземплярчик, в шлеме! Как они быстро подрастают! Были бы только следы влаги! Представляешь, если он начнет расти, когда костюм надет!

— Да, вещь неприятная. А кислород?

— Несколько замедляет темпы роста — и только.

Между тем светящийся круг остановился над углублением в стене, по виду у двери без ручки. Непонятно, как она открывалась. Антон

вернул Туарега, который шел и шел вдоль улицы, громыхая на мостовой стальными подошвами. Туарег выжидательно остановился, устремив взгляд на стену с загадочной дверью. И мы молчали, не зная, что предпринять.

— Пусть Туарег поднажмет плечом, — посоветовал Макс, — а сами отойдите подальше.

— Неудобно, — сказал Вашата. — Вроде нас пригласили, а мы, не дождавшись, пока хозяева нам откроют, взламываем дверь. Подождем.

— Сколько? — спросил Макс. — Сколько можно ждать?

— Минут десять.

— Ну а если не откроется?

— Ломать здесь ничего нельзя.

— Пожалуй, ты прав, Христо, — вздохнул Макс, — как всегда, и точен в своих суждениях, как корабельный хронометр.

— Из которого вытягивают пружину...

Словно поразмыслив немного, круг сполз на дверь и остановился посредине, затем плита, служившая дверью, стала медленно ползти вправо, в стену, открывая угольно-черный проем.

— Вот видите, — промолвил Вашата, — нас приглашают войти. Нет, постойте! Может, пустить вперед Туарега? Или не стоит, он там пол провалит или натворит других бед. Посветите сначала, что там.

Антон и я направили в дверь рефлекторы, и мгновенно дом внутри осветился. Мы увидели многогранный холл с дверью на каждой грани и терявшийся вдали коридор, свет лился зеленоватый, приятный.

— Ну что я говорил, — не преминул заметить Зингер, — даже сейчас у них работает осветительная сеть.

Странно, но у нас не было страха. Не было мысли, что нам расставил кто-то ловушку, даже не нам, а кому-то другому, и вот она сработала, заманивая нас.

— Приглашают, — сказал Антон, — надо идти, Христо!

— Да, да, конечно, — ответил Христо, — идите, только особенно не задерживайтесь.

— Пожалуйста, не опускайте свои телеглаза в землю, то есть в Марс, — сказал Зингер. — Не забывайте, что мы входим в их первый дом!

— Наверное, здесь какое-то хранилище — сработала автоматика, — сказал я, все же с опаской делая первый шаг.

И к Вашате начали возвращаться его всегдашняя осторожность и благоразумие.

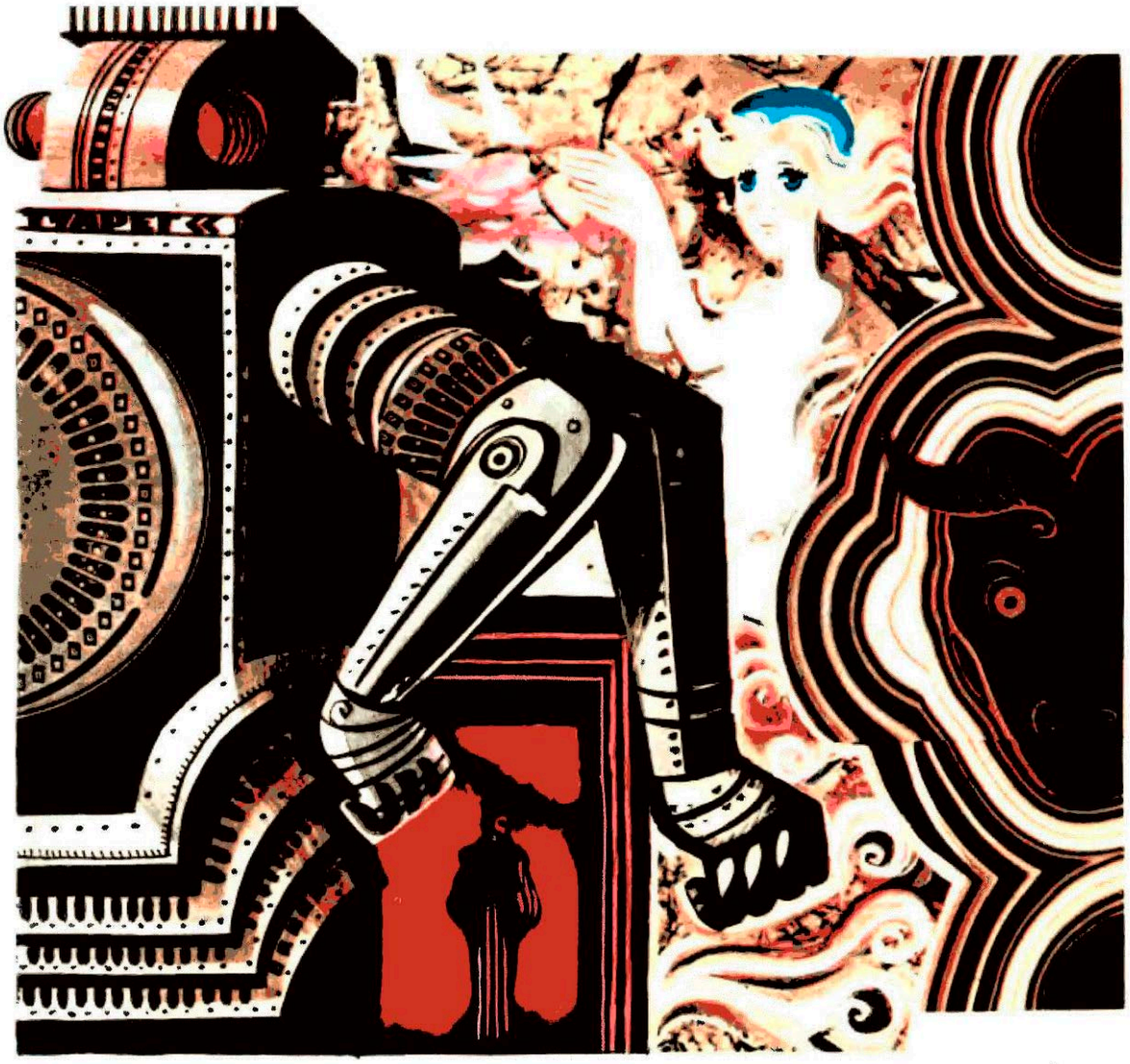
— Заходите, только очень осторожно, — сказал он, — что-то мне не очень нравится этот дом без окон, ползучий кружок и ваша антигравитационная улица. Все же войдите, только долго не задерживайтесь. Чуть что — Туарег выручит. Считайте, что вы делаете очень короткий визит вежливости, не больше. Ив, сначала иди ты. Антон, подожди, будь с Туарегом начеку.

Позже Антон сказал, что его обуревало жгучее любопытство без тени страха и только привычка к дисциплине заставляла медлить у дверей и ждать разрешения Вашаты, а не то он бросился бы в дом, как на приступ. Оставив Туарега у порога, он все-таки умудрился обогнать меня и первым войти в дом.

— Вполне прилично, — сказал он, обегая взглядом стены, потолок, пол, — хозяева обладали бездной вкуса, смотри, какой орнамент, какие фрески, вот хотя бы на потолке: кактус весь в цветах! Здесь опять девочка с песочком, как на амфоре! Она совсем живая, улыбается, какие изящные движения рук, ее тельца, и как она смотрит на нас!

Я ничего не видел, кроме портрета девочки, он занимал центральное место в вестибюле, его окружали марсианские пейзажи, видимо, в пору благоденствия. Антон подошел ко мне, и мы вместе стали смотреть на это чудо. На живом личике с золотистой кожей все время менялось выражение, она закусывала тонкие губы, хмурилась, когда песок падал не туда, улыбалась, прихлопывая горку прозрачными ладонями с золотыми ободками вместо ногтей. Она смотрела сквозь нас, о чем-то думая, поворачивала голову в сторону моря, прислушивалась к плеску воды, к голосам, похожим на мелодичное пение.

— Ни пылинки! — шепнул Антон, оглядываясь теперь с опаской, и у меня холодок побежал по спине, чары спали, в сердце пришла

тревога. Я подумал: «Может, уйти поскорее отсюда». Антон понял и задом стал отступать к порогу. Сделав пару шагов, он словно прирос к полу, глядя на девочку. Где-то в глубине дома послышались мягкие, неторопливые шаги. Я видел сквозь шлем, как побелело лицо Антона, и сам почувствовал страшную сухость во рту.

Дверь медленно, без шума закрыла выход. Первой мыслью было, что мы попали в западню, теперь никто нам не поможет. Туарег тщетно будет ломиться в броневую плиту, заменяющую здесь двери.

— Так. «Понятно...» — сказал Антон.

— Думаешь, влипли?

— Еще как...

— Что у вас стряслось? Мы вас не видим! «Что молчите?» — взволнованно спросил Вашата.

Я с трудом повернул шею и увидел марсианина. Точно он сошел с фрески, такой же высокий, изящный, длиннорукий, с вытянутым лицом и огромными, как у девочки, глазами. Он шел неторопливой и скользящей походкой, откинув голову, прижав руки к туловищу.

— Что случилось? — крикнул Вашата. — Да отвечайте же!

— Здесь живут, — прохрипел Антон, — здесь люди...

— Марсианин! Он идет к нам! — Я не узнал своего голоса.

Вместо ответа Вашата и Зингер часто задышали в микрофон, наконец Вашата сказал:

— Врете, черти. Ну разве можно так...

— Он уже близко! Подходит! — крикнул Антон.

В микрофоне опять послышалось частое дыхание наших товарищей.

Марсианин остановился в десяти шагах от нас, развел перед собой руки, и мы услышали его певучий голос, красивый и печальный. Лицо его было неподвижно, только чуть приоткрывался маленький тонкогубый рот. Он был лыс. Голова и лицо цвета тусклого золота. На широкую грудь ниспадала роскошная ассирийская борода цвета воронова крыла, вся в завитках. Нос тонкий, длинный, с тупым концом, без ноздрей. Ушных раковин не было. Костюм такой же, как на фресках, — такие фигуры обыкновенно изображаются на заднем плане — облегающий, серый, с желтыми продольными полосами. Ступни ног длинные. На ногах красные туфли или что-то в этом роде. В первые мгновенья я еще обратил внимание на кисти рук — сухие, с четырьмя пальцами.

Мы с Антоном раскланялись, насколько позволяли жесткие скафандры.

Антон сказал через рупор в шлеме:

— Мы, люди Земли, приветствуем вас!

Макс прошептал:

— Братья! Братья по разуму!

— Да, братья по разуму, — повторил Антон.

В ответ марсианин пропел короткую фразу и повел рукой в сторону коридора.

— Нас приглашают! — громко, уже несколько оправившись от потрясения, сказал Антон.

— Надо идти, — сказал Вашата, — судя по всему, он хорошо к нам настроен. Да прибавьте звук: плохо слышим. Вот и отлично, опять появилась видимость.

— Симпатичный! — сказал Макс. — Какая осанка! Почему он раньше не дал знать?

— Тише, Макс. Все выяснится, и перестань тискать мое плечо.

— Извини, Христо...

Марсианин отступил в сторону, уступая нам дорогу, что-то сказал непонятное, но по тону доброжелательное, затем быстро перегнал и пошел впереди не оглядываясь.

— У него третий глаз! — прошептал Антон. — Смотри, на затылке.

За нами внимательно наблюдал этот глаз.

По обе стороны коридора находились двери, закрытые и открытые. Комнаты были пусты, только по стенам за прозрачными стеклами виднелись сосуды, напоминающие колбы и реторты, приборы из причудливо перевитых трубок, темные футляры.

— Видно, мы попали в научное учреждение, — сказал Антон, — по обе стороны коридора лаборатории или хранилища реактивов и приборов.

— Хорошо, хорошо, — сказал Вашата, — только вы не замыкайтесь в себе, передавайте все, что видите, а то опять побежали полосы по экрану.

— Еще один марсианин! Очень похожий на первого, только костюм темно-палевый, тоже в полоску.

— А у первого? — спросил Макс.

— Не перебивай! — остановил Вашата. — Продолжай, Антон!

— Этот в желтых туфлях, борода рыжая. В руках лучевой пистолет...

Второй марсианин стоял в дверях лаборатории, когда мы с ним поравнялись, он тоже пропел длинную фразу и повел пистолетом, целясь нам в грудь.

Промямлив что-то в ответ, мы невольно подались к противоположной стене и ускорили шаг.

Комментируя этот эпизод, Антон сказал:

— Это охрана. Воин. Тоже с тремя глазами.

Мы все идем по коридору. Пол розового цвета с фиолетовым отливом или фиолетовый с розовым. В глазах все путается. Стены необыкновенной красоты! Роспись! Сцены из жизни марсиан: дома, на прогулке, созерцание небесного свода... Схема Солнечной системы... Все планеты и наша Земля!.. Завод!.. Или лаборатория... Нет, завод... Гигантская клетка... Пошел научный раздел, чистая гистология... Здесь надо походить, чтобы разобраться... Впереди еще один из охраны. Без бороды. Тоже с пистолетом. Водит по стене. Стены светлеют.

— Да у него пылесос! — совсем весело воскликнул Антон. — Действует на каком-то непонятном принципе. Этот товарищ даже не оглянулся. Сильно смахивает на робота!

— Уборка в вашу честь, — сказал Зингер.

Антон спросил меня:

— Ты не находишь, что и наш гид, и тот строго держатся, как-то скованно. Или оттого, что столько лет пролежали в анабиозе и еще не размялись, или...

— Думаешь, тоже роботы?

У меня давно мелькала такая мысль и гасла под наплывом необычных впечатлений, я отгонял ее. Мне не хотелось расставаться с иллюзией, что мы наконец встретили живых людей; все время мы хотели этого, ждали, и вот наконец, когда увидели, услышали их речь, так похожую на звучание решетчатых пластин, приходится отказываться от мысли, что перед нами настоящие люди. Антон прав — движения у чернобородого чересчур скованны, шаг слишком размерен. Похожих с виду роботов мы находили в мусорной куче, и недавно Туарег выкопал прямо в пустыне совершенно целый экземпляр. Конечно, нам трудно было сравнивать. Наши хозяева, по всей видимости, принадлежали к высшему разряду думающих человекообразных существ, наделенных высочайшим интеллектом. Над этим сейчас бьются наши кибернетики, и Туарег далеко не последний образец. На фресках роботы изображались на заднем плане, в несколько условной манере, хотя по внешнему виду эти существа ничем не отличались от людей, кроме костюма, да еще почти всегда изображались за каким-нибудь подсобным занятием. Мы их считали рабами или людьми низшей касты, «нормальные» марсиане не любили отягощать себя физическим трудом, по крайней мере, изобразительное искусство не отражало такого рода их деятельности.

Антон сказал:

— Совершенно разумные существа. Может, это киборги? Они помогут нам найти ключ ко всему, мы сможем понять их язык, и тогда многое прояснится.

Вашата тревожно спросил:

— Что вы там опять шепчетесь? Антон! Ты почему молчишь?

— Так, посовещались. Видно, мы попали к роботам. Они остались вместо марсиан. Цивилизация роботов!

— Дело в том, что здесь почти нет воздуха и температура сто десять ниже нуля! Я как-то вначале не обратил на это внимания! Посмотрели бы вы, какая здесь чистота! Только роботы способны столько времени втягивать пылесосами пыль. Ну и все сомнения исчезли...

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Вашата. — Долго вы еще будете идти?

— Кажется, нет. Да вы не бойтесь. Просто нас знакомят с каким-то научным учреждением. Наверное, научно-исследовательским институтом. Справа и слева все двери раскрыты, комнаты стали еще больше. Везде что-то вроде сейфов, непонятное оборудование, очень оригинально оформленное. Свернули в зал. Дальше тупик, стена красного цвета. Зал огромный, с очень высоким потолком, потолок фиолетовый, как небо, и на нем горят созвездия. Движутся планеты.

— Какие планеты? — спросил Макс. — Земли не видно?

— Помолчи, Макс! — остановил Вашата. — Что еще у вас там?

— Посредине большой, очень большой черный цилиндр. Вдоль стен тянется черная панель с множеством приборов. Возле них человек двадцать роботов.

— Человек? — спросил Макс.

— Не придирайся... Главный, хозяин или директор, предлагает нам сесть.

— Садитесь! — разрешил Вашата и спросил: — Что еще в вашем зале?

— Ничего! Даже стены без росписи, только приятной раскраски, не пойму, какого цвета; где нет панели, много ниш — наверное, там выдвижные двери. Против нас как будто нет стены, так иногда кажется. Она то отходит куда-то и вдруг приближается.

— Экран! — сказал я, сам не зная, откуда такая уверенность. Мы сели в удобные мягкие кресла, как у нас на корабле. Они появились как из-под пола, а может быть, стояли возле черного цилиндра, да мы их не заметили, хотя трудно было их не заметить: они оранжевые.

Тогда мы просто не задумывались над этим, пропускали такие пустяковые мелочи по сравнению с тем, что мы уже видели и что испытывали сейчас. Меня все время не покидало ощущение, что передо

мною живой марсианин. Что ж, что у него скованные движения, пусть в помещении нет кислорода и страшно низкая температура. А что мы знаем о марсианах? Может, они дышали углекислым газом и не боялись холода? Я очень ясно помню эти бредовые мысли и передаю их сейчас, чтобы понятней было наше душевное состояние.

Полет в оранжевых креслах

Чернобородый все время находился возле нас, издавая певучие звуки, действующие успокаивающе на наши взвинченные нервы. Он стоял лицом к стене, дрожащей, как воздух над пашней в жаркий день. Мы тоже стали глядеть на стену, и я почувствовал нервную дрожь. Антон тоже чувствовал себя не лучше: слышалось его частое дыхание.

Зингер умоляюще спросил:

— Ну что? Что там у вас? Что вы только сопите носами?

Антон ответил хриплым голосом:

— Ив прав. Это экран. Мы смотрим на серо-розовую стену, за ней будто что-то намечается, что-то просвечивает. Да, да!

Мы видели облачное небо. Теперь раскрылась панорама с высоты тысячи, а может, двух тысяч метров. Здесь не на Земле, трудно определить точно. Перспектива пустыни, горизонт слегка размыт, видимость поразительная! В центре панорамы город — вернее, колоссальный купол, сверкающий на солнце, он разноцветный, выложенный плитками цветного стекла или пластиком. К нему ведет канал. Несколько дорог, обсаженных бурым и голубым кустарником. По каналу движутся корабли, те, что мы видели на фресках, в воздухе летательные аппараты, несколько штук. По дороге идут закрытые машины. И к городу, и от города. У них нет правил движения на дорогах: движутся хаотично, лоб в лоб, но не сталкиваются. «Муравьиная система». Наверное, у машин программное управление, как у нашей «Черепашки» с «недремлющим оком». Идут на огромных скоростях, увертываясь друг от друга. Но вот вторая дорога, там нормальное, левопутное движение, скорость километров триста!

— Первая прогулочная дорога, — сказал я тоном гида, — вторая — деловая междугородная связь.

— Ты откуда знаешь? — спросил Макс.

— Знаю, — ответил я, сам дивясь своей уверенности.

— Так оно и есть, — поддержал меня Антон. — Их забавляло ощущение опасности. Но вот катастрофа! Столкнулось несколько машин. Все движение остановилось. К месту происшествия опускается планетолет. Виляя среди машин, мчится карета «скорой помощи», черная, с красными продольными полосами. Увозят пострадавших не в город — куда-то дальше, за горизонт. Обломки поднимает планетолет и тащит на свалку. Это тот самый город, в котором мы находимся сейчас!

— Совершенно верно, — подтвердил теперь я. — Тот самый. — Мне мучительно захотелось рассказать все, что я вдруг узнал о городе и жизни марсиан. Правда, эти сведения поступили мне в голову как-то отрывочно, вроде бестолкового конспекта, кое-что было неразборчиво, непонятно, явно не те слова, искажавшие смысл. Я, запинаясь, стал выкрикивать, как наш комментатор Иван Потехин на состязании фигуристов:

— Мы наблюдаем жизнь марсиан в период упадка, когда уже почти не осталось растительности, растрачены запасы кислорода, воды, Вечно Идущие жили в «закрытых городах». (Я впервые назвал так марсиан, словно вспомнив об этом.) В дальнейшем кино «прямого соучастия» познакомит вас (мне казалось, что я все знаю) с другими сторонами жизни Вечно Идущих. В эту эпоху заката не стало новых идей, двигающих вперед общество, все было достигнуто, все желания исполнены. Осталась неутолимая жажда развлечений, от самых изысканных до самых грубых. Значительная часть общества занималась поисками все новых и новых не испытанных еще ощущений. Игра, которую вы наблюдаете, называется «Одиночная прогулка». В ней участвует несколько человек. Заключалась она в том, что у одной из машин «дорожный регулятор» выключал управление. У какой — никто не знал. Не беспокойтесь, ничего особенного не происходило, водителю обеспечивали почти стопроцентную безопасность. Ломались только корпуса машин. «Счастливец» оставался жив. В данном «состязании» по непредвиденной случайности (вероятность

ничтожно мала) пострадал один из участников игры, его увезли в центр регенерации, где ему заменят глаз и ногу.

Вашата сказал, сдерживаясь, чтобы не показать своего волнения:

— Успокойся, Ив, и ты, Антон. Ну что разволновались так! Вы не импровизируйте, сообщайте нам только то, что видите.

Макс прямо вскипел:

— Какую чушь они несут. Хоть запись стирай. Ну как можно говорить такое о людях с таким уровнем развития. Что это, американские автомобильные гонки! Да еще так скверно организованные. Уверен, что вы пропустили самое главное за этой болтовней...

— Да, ребята, домыслы оставьте до вечера, — сказал Вашата.

— Что? — Антон аж подпрыгнул в кресле. — Ив, ты слышал? Что они знают, сидя в своем футляре!

— Абсолютно ничего!

— Так будем молчать, как марсианские сфинксы.

— Будем, Антон!

— Где вы обнаружили сфинксов? — заискивающе спросил Макс.

— Хватит! — сказал Вашата. — Прибавьте выход кислорода.

— Нет, вы себе прибавьте! — ответил я и почувствовал, что краснею от стыда.

— Правильно! — обрадованно сказал Антон. — Прибавьте и кислорода, и азота... — Он помолчал, затем спросил: — О чем это мы спорим?

— Не было никакого спора, — сказал Вашата, — держите себя в руках. Что там у вас?

Антон ответил:

— Какая-то муть по всему экрану. Или опять облака! Братцы! Да мы летим!

— С ними что-то творится, — прошептал Макс, — пусть лучше возвращаются.

Действительно, мы летели, судорожно ухватившись за подлокотники кресел. Под нами проплывала пестрая равнина, разграфленная сетью каналов с зеркалами водохранилищ, над городами не было куполов. Их было много. Они тянулись на многие километры по берегам озер и каналов.

— Поля и леса! — воскликнул Антон. — Я совсем не вижу пустынь! А ты, Ив?

И я не видел пустынь. Солнце стояло над головой: мы летели над экваториальной зоной, оно припекало довольно сильно и было много ярче, чем сейчас. Восходящие потоки воздуха мягко покачивали нас, ощущался терпкий запах невиданных растений.

Антон сказал:

— Жили они здорово. Все засеяно. Мы попали в эпоху, когда еще не изготовляли искусственной пищи. Пейзаж похож на египетский.

Я согласился с ним, что сеть каналов, поля между ними напоминают египетские, но только при беглом взгляде, здесь не было земной теплоты в пейзаже, не тот рисунок оросительной сети, иные краски полей, иные города, поселки. Ведь мы на Марсе!

Наш странный марсианин исчез. Иногда сбоку повисала авиетка и на нас смотрели из-за прозрачных стенок кабины большеглазые существа, все казались одного возраста, не было совершенно детей. Не заметили мы их и на суше, на улицах городов, когда нас спустили ниже и мы летели, едва не касаясь крыш домов. В ту пору марсиане еще предпочитали передвигаться с помощью собственных ног. Они спешили по улицам, видны были группы людей, разговаривавших и при этом воздевавших руки к небу. Впервые увидев с десяток марсиан с воздетыми к небу руками, Антон сказал:

— Смотри! Бандит, вон тот, что подходит к ним не справа, а слева, идет через площадь, прямо крадется, у него необыкновенно широкие плечи, в черной накидке, в руках лучевой пистолет!

— Откуда ты взял, — спросил Макс. — Что за пистолет? Бандитизм при таком уровне цивилизации? Днем, у всех на виду. Хотя...

Широкоплечий подошел походкой танцора в балете к группе мужчин и также воздел руки к небу.

Вашата сказал:

— Приветствие! Манера вести мужской разговор.

— Конечно, обычное приветствие, как наше рукопожатие или касание носами у тибетцев, — заключил Макс Зингер.

Скоро мы уже забыли об этом странном обычае, захлестнутые лавиной новых впечатлений. Архитектура, созданная гениальными

зодчими, планировка городов, растения, летательные аппараты, и главное — люди привлекали нас. Хотелось спрыгнуть с кресел на улицу, поднять руки, потрясти кистями, затем пожать поземному, расспросить, как и что...

Поражало разнообразие в одежде. Впоследствии, когда мы нашли марсианские записи, то увидели, как создавалась одежда для каждого времени суток, для деловых встреч, занятий, прогулок, размышлений. Особенной изобретательностью блистали женщины.

Женщины не были так экспансивны, как мужчины, не собирались группами на улицах, а если останавливались при встрече, то очень ненадолго, и не воздевали рук к небу. Они ходили в одеяниях нежнейших, неземных тонов. Сейчас, когда изданы альбомы марсианских фасонов, взятые на вооружение земными костюмерами, вы убедитесь, как трудно передать словами, например, костюм для поездки на Великий канал, состоящий более чем из трехсот деталей,

или костюм для размышлений в вечерние часы, не говоря уж о нарядах для парадных приемов или изготовленных для карнавалов в честь Великого противостояния.

Мужчины носили облегающие костюмы, судя по всему, в них подкачивался воздух, потому что встречались щеголи с непомерно широкими плечами и тонкой талией, другие — толстые, почти шарообразные, или в виде различных геометрических фигур. Но такие попадались не особенно часто, основной тип — высокие, широкоплечие, тонконогие. У женщин, видимо, изящество фигур, модная угловатость тоже достигались не без помощи технических приемов.

Что-то неуловимое роднило нас с этим непонятным народом, и не только схожесть очертаний тела, а главное — духовная общность.

— Ну конечно же, — сказал Антон, поняв, о чем я думаю, — у меня такое ощущение давно, мне даже кажется, я знаю, о чем они сейчас говорят. Вон тот гигант, он обсуждает какую-то проблему, связанную с космосом, видишь, показывает на небо.

...Из-за горизонта выплыл Фобос, похожий на плохо обработанный каменный топор, он заметно приближался, и казалось, что нам с ним не разминуться.

Вначале путешествие протекало в полной тишине, затем хлынули звуки: певучий говор, шум воды на плотинах, свист ветра. Мы забыли про Вашату и Зингера. Но скоро они напомнили о себе, появившись рядом в таких же оранжевых креслах.

Вашата сказал:

— Полная фантасмагория! Непонятно, как они это делают?

Зингер молчал, глядя вниз: мы летели над водохранилищем, и на голубовато-фиолетовой воде виднелось множество судов с необыкновенно высокими мачтами, и разноцветными, непомерно большими парусами.

— Гонки! — сказал Вашата. — Все-таки что с нами творится? Что это...

Я не услышал конца фразы. Мы опять очутились в зале возле черного цилиндра, в оранжевых креслах перед гигантским пустым экраном. Вашата и Зингер исчезли. Марсианин сказал по-русски:

— Сеанс прекращен. После еще. Очень, более важное.

Слова он произносил необыкновенно правильно, тембр голоса был теплый, дружественный. Несмотря на все потрясения за последние часы, это существо, заговорившее по-русски, буквально ошеломило нас. Наверное, секунд тридцать мы молчали, глуповато улыбаясь. Должно быть, марсианин разобрался в сумбуре наших мыслей и сказал:

— Да, уже научился, понял принцип мышления. Ранее я слушал и передавал волновые сигналы в образах. Только подходил к разгадке. Теперь общение дало много, только недостаточно для полного понимания. Говорите, думайте быстро, научусь мгновенно. Необходимо только полное понимание.

Антон остановился, пораженный: на экране возник необыкновенно четкий снимок нашей планеты, голубой, теплой, в мантии облаков, между которыми проглядывала синь океанов и контуры Африки.

Марсианин сказал:

— Мы знаем. Мы ждали. Долго. Очень...

В шлеме загудел взволнованный голос Вашаты:

— Ив, Антон!.. Кто с вами сейчас разговаривает?

— Все в порядке, Христо, — ответил Антон. — Это наш друг марсианин. Как видишь, он начал говорить по-русски.

— Опять фокусы? — сказал Вашата.

— Какие фокусы? — возмутился Макс. — Как ты не понимаешь, мы в сфере других понятий, другой культуры; может быть, попадаем в другое измерение!

— Постой, Макс. Ребята! Все же кто он? Не может быть, чтобы... какая, вы сказали, у вас там температура и состав воздуха?

— Минус сто десять и почти чистый углекислый газ, — ответил Антон.

— Вот видите... — проронил Вашата.

— Что же здесь особенного! — в голосе Макса послышалось искреннее возмущение. — Так завершилась их цивилизация. Все мысли, способности, знания марсиан сконцентрированы в копии искусственного мозга. Он и еще некоторые остались в этом «Холодном доме». Они последние хранители всего...

— Чего всего? — спросил Вашата.

— Ну, что осталось. Неужели не понимаешь, что дело зашло в тупик.

Хозяин «Холодного дома» немедленно ответил:

— Тупик — непонятно. Искусственный мозг — понятно. Я копия Вечно Идущих. Я оставлен ждать. Исполнить миссию. Великую Миссию. Мы вас ждали...

Он пошел из зала, роботы у панели повернулись к нам лицом, их глаза-окуляры мрачно сверкали. И в то же время нам не было страшно. Напротив, нас охватило полное спокойствие, дружелюбие к этим созданиям марсианского гения.

Я подумал:

«Какая миссия у этого «ассирийца»? Зачем они нас ждали? Все-таки где мы? Что это за строение? Что в черном цилиндре? Из чего он сделан?»

Не поворачивая головы, только вперив в нас свой третий глаз на затылке, это существо сказало:

— Скоро будете знать все. Недостает запаса понятий.

— Но вы очень хорошо говорите по-русски, — сказал Антон. — Просто удивительно.

— Не соответствует действительности. Кажущееся впечатление. Запас понятий ничтожен.

Я старался не думать, сосредоточив внимание на стенных фресках. Сейчас справа мы проходили мимо огромной картины: на фоне Млечного Пути мчался космический корабль, по форме напоминающий манту.

— Манта? — спросил наш спутник.

Я объяснил.

Он сказал:

— Млечный Путь — понятно. Вечно Идущие называли иначе это скопление звезд. — Он пропел длинную, непонятную фразу и тут же перевел: — Большое колесо.

Я подумал: «Он читает у нас не только в сознании, но где-то глубже, о колесе у нас и речи не было».

— Оборот назад у «Черепашки» заело колесо, набился песок, — сказал марсианин. Язык не поворачивался назвать его роботом.

Он проводил нас до порога. Мы попрощались.

— Еще будем вместе, — сказал он, — необходимо быть вместе. — Видимо, у него действительно не хватало слов, и он второй раз сказал что-то по-марсиански. И нам показалось, что мы поняли его.

Антон на это ответил:

— С вашими способностями вы очень скоро в совершенстве овладеете языком. И сообщите поручение Вечно Идущих.

— Скоро. Мы должны быть вместе. — И он добавил еще что-то по-марсиански. Мне опять показалось, что я понял его: он желал нам счастливого пути и обещал скоро встретиться с нами.

— Сегодня продолжим обмен информацией. — Он неожиданно гладко построил фразу: — Когда спадет нервное напряжение.

— Пожалуйста, будем рады, — ответил Антон. — Только, к сожалению, мы не можем вас пригласить к себе на корабль.

— Можно, — сказал он, — можно. Увидимся.

— Здесь действительно все можно, — сказал Вашата, — все-таки уговорите его остаться. Назначьте время, допустим, завтра в десять утра или когда ему будет угодно.

— Завтра тоже. И сегодня тоже, — ответил наш несговорчивый хозяин.

— Ну как же мы увидимся? — спросил Антон. — Мы будем там, а вы здесь?

— Легко устранимо. Вашата, Макс ждут. До скорой встречи! — В его словах слышалась явная ирония. И все-таки где он слышал это — «до скорой встречи»?

Поскрипывая, закрылась за нами дверь. Мы очутились на улице в кромешной темноте. Ветер стих. Странно было видеть в этом чужом мире знакомые земные созвездия.

На дверях опять появилось желтое светящееся пятно и поплыло, указывая путь к «Черепашке».

— Ко всему он еще и парень не без юмора, — сказал Макс. — Ведь прекрасно знает, что к нам на корабль не проникнуть, хотя неплохо бы принять его и расспросить в домашней обстановке.

— Дело серьезное, — сказал Вашата, — ссориться с ним нельзя. Если он все-таки появится возле «Земли», то надо будет очень деликатно растолковать ему, что мы бесконечно рады, но пока не готовы к приему.

— Действительно, ребята, — опять загудел голос Макса в наушниках, — неужели никто из вас не догадался сказать ему, что он может занести нежелательную флору и фауну! И теперь вдруг он появится с ответным визитом, а мы — извините, хозяева не принимают. Ничего себе — гостеприимство.

— Вот ты ему тогда и объяснишь, почему к нам нельзя, — сказал Антон.

— Он поймет, — сказал Вашата. — Должен понять. Гоните «Черепашку»! А если пожалует Артаксеркс, то Макс действительно вступит с ним в дипломатические переговоры.

— Ну нет, — сказал Макс, — я готовлю пышный праздничный ужин. Ведь, друзья, свершилось умопомрачительное открытие! Да здравствует Артаксеркс!

С тех пор робот-марсианин получил имя. Действительно, своей пышной бородой и аристократическим лицом он напоминал персидского владыку. Дальше этого наша фантазия не пошла. Скоро мы стали звать его просто Артом.

Визит Артаксеркса

Включив на всякий случай экраны, мы сели за наш «пышный» ужин из разогретых консервов, салата и ананасов. Арт не появлялся. В поле зрения одиноко маячила массивная фигура Туарега. Он стоял, как страж, в безмолвной ночи.

Мы остались в столовой, она же кухня и хранилище продуктов (в стенных контейнерах). Макс стал прокручивать дневные видеозаписи довольно плохого качества, зато фоническая часть заслуживала всяких похвал. Все вновь переживали необыкновенные события дня. Макс часто останавливал проектор и выступал с комментариями. Разгорался спор. Макс, например, считал, что наше путешествие в

оранжевых креслах не больше и не меньше, как кинотрюк, вызванный воздействием непонятных излучений.

— ...Что-то вроде биоволн. А может быть, и самими биоволнами. Они, то есть волны, возникали в нашем сознании, расшатанном всеми передрягами. Что за улыбки! Вы считаете, что я несу ересь. Нет, постой, Христо, и ты, Антон, дайте мне изложить мою гипотезу. Она записывается, а потом прошу вас опровергать меня, если вы будете в состоянии это сделать. Все дело в том, друзья мои, что... — Он умолк, уставившись в угол столовой, на его лице застыла блаженная улыбка. И было от чего: там стоял Арт, закрывая собой дверь в продуктовый склад, или буфет, как мы его называли.

«Как он попал сюда? Как открыл броневую дверь, прошел через шлюз? И мы ничего не слышали!» — было моей первой мыслью.

Антон глубоко вздохнул и потер глаза.

Только наш командир сохранил такое же внешнее спокойствие, как и во время встречи с облаком метеоритной пыли на пути к Марсу.

— Добрый вечер! — приветствовал его Вашата. — Мы думали о вас, хотя не рассчитывали увидеть на корабле. Пожалуйста, садитесь, — он встал, уступая свое место у стола. — И прошу познакомиться. Меня звать Христо Вашата, нашего друга, с которым вы еще не знакомы, — Макс Зингер.

Какое-то подобие улыбки мелькнуло в уголках его губ.

— Нет. Я здесь, чтобы слушать. Запоминать. Мне надо много понятий. Важная миссия, — сказал Артаксеркс и, мгновение помедлив, добавил: — Обратная связь.

— Так это не он! — первым догадался Антон. — Это его копия. — Он протянул руку, и она прошла сквозь иллюзорного Артаксеркса.

— Копия, — подтвердил гость. — Больше говорите. Думайте. Мне необходимо знать все понятия.

Макс выключил обзорные локаторы, и наш гость исчез.

— Действительно, обратная связь, — сказал Вашата и снова включил радиоканал. Марсианин появился, но на этот раз в другом конце столовой, возле плиты.

— Мы выясняем технику вашего появления, — сказал Вашата, — извините. Для нас такой вид общения не совсем обычен.

Артаксеркс ответил:

— Нельзя прерывать обратную связь. Нарушение контактов.

Придя в себя. Макс кинулся за съемочной камерой и, вернувшись, навел ее на изображение марсианина.

Вашата сказал:

— Какие мы олухи! Ведь у нас есть специальные словари, которые десять лет разрабатывали наши космологи в расчете на встречу с представителями высшего разума.

И мы стали по очереди напичкивать его словарной премудростью. Он торопил:

— Быстрей! Скорей! Еще скорей!

Когда первый словарь был усвоен, Арт сказал:

— Макс! Неси еще. Все неси. У тебя есть еще три словаря.

— Да, но один специальный, технический.

— Неси живо! Все!

Теперь один из нас находился в резерве, а трое, подгоняемые Артом, читали словари. Но и такой темп скоро показался ему слишком медленным, он придвинулся к столу и заставил Макса быстро перелистывать страницы, мгновенно считывая весь разворот листа.

— Черт возьми! — воскликнул пораженный Антон.

Арт изрек:

— Возглас «черт возьми» не имеет прямого смысла. Выражение эмоциональное, служит для снятия нервного напряжения.

Мы только переглянулись, помедлив долю секунды, и услышали:

— Давай, давай!

Он запоминал все, анализировал, сопоставлял в своем гигантском уме и только несколько раз переспросил, вернее, поправил меня и Антона, когда мы неправильно ставили ударение или глотали буквы.

Когда мы прочитали все до последнего слова, включая и выходные данные, Арт сказал:

— Запас исчерпан. Словарей больше нет. Есть понятия в хранилище вашей памяти. Буду извлекать постепенно, по мере надобности. Теперь я имею возможность сообщить звучание моего имени. Назвав себя, вы ждали того же и от меня. Но тогда у меня не было шести фонетических терминов, обозначающих мое имя. Меня назвали мои

создатели так... — последовала длинная певучая фраза, — что значит: Рожденный в день великой красной бури, в мгновенье умирающей надежды.

— Красивое, хотя несколько печальное имя, — сказал Вашата, — и, по нашим понятиям, несколько длинноватое.

— Согласен. В нем звучит то, что вы называете «пессимизм». Имя, данное мне вами, короче, напоминает вам имена, близкие на Звезде Надежды. Я буду носить ваше имя до поры возрожденья. Вы утомлены. До завтра. Прощайте!

И хотя мы запротестовали, изображение Артаксеркса растаяло.

— Что вы на это скажете! — воскликнул Макс.

Вашата предусмотрительно выключил локаторы.

— Так лучше, — сказал он. — Все же, ребята, мы не должны говорить и даже думать лишнее. Нам неизвестны все их способы общения. Он должен посвятить нас во что-то необыкновенное, раскрыть какую-то тайну, может быть, жизненно важную для Земли. Поэтому нам не следует создавать впечатление, что мы хуже, чем есть на самом деле.

— Ты прав, Христо, как всегда, прав. — Макс понизил голос до шепота и оглядел столовую. — Техника у него потрясающая, хотя проектирование изображения легко объяснить, да и он же сказал — обратная связь. Весь вопрос в принципе. Да не бойтесь, я ничего оскорбительного не скажу. Лично я ошеломлен. Все это как-то не укладывается в сознании, я не о его визите, нет, что-то похожее у нас дома уже есть — известная вам голография. Правда, там пока только одно объемное изображение, зритель еще не участвует в действии, здесь вы сами видите, что происходит. А мы коснулись лишь миллионной грани их культуры. Я до сих пор под впечатлением — нет, не от посещения Арта, а от путешествия в оранжевых креслах. Отбросим в сторону технику эффекта соучастия; вам не приходило в голову, раз мы видим их объемные фильмы и участвуем в них, то психика марсиан та же, или почти та же, что и у нас с вами?

— Логический вывод, — сказал Антон, — что-то подобное и нам с Ивом приходило в голову, когда мы летали над цветущими полями Марса.

— Сомневаюсь, вам было не до того. Представляю, как вы себя чувствовали, когда распахнулась дверь и Арт затопал по коридору!

— Достаточно, Макс! — Христо нахмурил густые брови. — Ты позволяешь себе именно то, о чем я предупреждал.

— Да, действительно, извини, может создаться представление некоторой неуравновешенности, легкомыслия...

— Абсолютно точное определение, Макс. Достаточно на сегодня. Ив, на вахту, нам спать.

— Я не подготовил ролик для передачи на Землю, — признался Макс.

— Сколько?

— Час.

— Не больше!

Во время моей вахты, когда я по инструкции включил сторожевые локаторы, появился Арт, и я, подгоняемый его молчаливой сосредоточенностью, быстро перелистал ему «Марсианские хроники» Брэдбери и спросил, нравится ли ему книга.

— Напоминает ранние записи Вечно Идущих.

— Но все-таки нравится или нет? — настаивал я.

На это он ответил, что у него нет чувства «нравится — не нравится». Все, что он воспринимает, служит ему только для выполнения его Миссии. И уклонился от ответа, что за Миссия. Затем он попросил меня «показать запись о Звезде Надежды, и я демонстрировал ему земные кинофильмы через микропроектор.

Вахту у меня принял Макс, а с нею и тень Артаксеркса.

Утром Зингер восторженно доложил:

— На прощанье Арт пригласил нас к себе в двенадцать пополудни по марсианскому времени. Мы с ним совершенно свободно беседовали о довольно абстрактных понятиях. Вероятнее всего, это киборг. Совершеннейшее создание. Он сказал, что находился в анабиозе в течение девятисот лет, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Как только мы прилетели сюда, автоматы подняли температуру до минус ста шестидесяти или около этого. Роботы исправили наружные антенны и стали вести за нами наблюдения. Они ждали нас в своем холодильнике.

— Но мы могли и не заглянуть в этот город, — сказал Антон.

— Исключено. Арт посетил бы нас сегодня или завтра.

Вашата спросил:

— Ты не узнал, что у него за Миссия?

— Спрашивал.

— Ну?

— Говорит, что мы увидим сами. Ему приказано показывать, а не рассказывать.

— Что показывать? И кто приказал?

— Последние из Вечно Идущих. Так он, по крайней мере, заявил. Я спросил: может, вечно живущих? Он ответил: «Жить — идти вперед».

— Просто непостижимо! — сказал Антон.

— Пойдете опять вы с Ивом, — сказал Вашата. — Мы с Максом не имеем права пускаться в такие «рискованные предприятия».

— Какой риск? — спросил Макс. — Какой риск при сложившихся условиях? Нас здесь прямо на руках носят.

— Могут и уронить. Через час сеанс с Землей.

— У меня все готово... — нахмурился Макс.

— Отлично. А вы, — обратился он к нам с Антоном, — помимо просмотров документальных фильмов, выясните назначение решетчатых пластин. И пожалуйста, там не шепчитесь. Все равно никакие секреты не утаить от Артаксеркса...

Туарег в операционной

Снова ушла в стену тяжелая дверь. Так же церемонно встретил нас Арт — теперь в прихожей и с целой свитой роботов. Их я насчитал около трех десятков. Были среди них и уже знакомые по вчерашней встрече, и совсем новенькие; их желтые костюмы в черную ромбическую клетку ярко выделялись на фоне фресок. Оказалось, что за несколько часов Арт передал если не всю, то значительную часть информации своим помощникам, по крайней мере, краснобородый робот сказал, дотронувшись трехпалой рукой до моего плеча:

— У вас прекрасная защита. Белковые гуманоиды не смогли бы существовать, лишенные таких покрытий. — И еще спросил: — Вы также долгожители, как Вечно Идущие?

— Да, мы живем вечно, — солгал я, хотя при общении с инопланетчиками строжайше запрещалось лгать. Просто я испугался такого количества роботов, и мне захотелось показать, что мы неуязвимы против любых козней. Я без стыда не могу вспомнить, как робот проронил:

— Не соответствует действительности...

Антон крякнул, прошептав:

— Олух. Они читают наши мысли, а ты...

Арт мгновенно подтвердил эту догадку, сказав:

— Очень легко и много быстрей передавать информацию без слов, — и спросил: — Что такое «олух»? Существо, дающее ложную информацию? Какова цель?

— Вот именно! — проговорил Антон. — Никакой цели не было. Отсутствие контроля над действиями.

— Была причина, — возразил Арт. — Патологический эмоциональный сдвиг.

Меня прошиб пот.

— Действительно, олух, — услышал я голос Вашаты и саркастические покашливания Зингера. Хранитель информации законсервирует этот жуткий диалог, навечно сохранит мой позор.

Мы входили в одну из комнат-лабораторий, посредине находился длинный, идеально отшлифованный брус густого черного цвета, длиной около двадцати метров, высотой более метра и шириной метр.

— Сейчас мы выполним ваши желания, — сказал Арт.

Роботы стали вдоль черного бруса.

— Что за желания? — спросил Антон.

Арт не ответил, на брусе появился ажурный ларчик, тоже черного цвета, а может быть, он там и стоял, да мы не заметили.

— Прибор для прослушивания говорящих пластин.

Из ларчика неожиданно полилась певучая речь.

— Христо Вашата хотел этого. Говорящая книга. Требуется переводчик. Сложное устройство. Они, — Арт указал на роботов, — сделают скоро. Завтра.

— Поблагодарите! — сказал Вашата.

— Мы очень вам благодарны, — сказал Антон.

— Возможно, им тоже что-то от нас надо, — прошептал Макс.

— Очень многое. Не сейчас. Несколько позже. Великая Миссия: сейчас мы выполним еще одно ваше желание. Вы думали об этом после встречи со мной и другими существами — роботами, как вы их называете. Ваш робот примитивен. Даже опасен. Требуется модернизация. Это скоро. Сейчас.

— Ты слышишь, Христо? — спросил я.

— Да, Ив. Пусть попробуют. Действительно, Туарег внушает опасения. Помогите им выключить питание у Туарега.

— Не требуется, — сказал Арт.

Послышались тяжелые шаги, и два желто-черных робота внесли Туарега и поднесли к брусу.

— Это стол. Не брус. Брус имеет другое назначение. В строительстве. Стол удобен, — пояснил Арт.

Туарега мягко положили на черный стол. Роботы, как хирурги, склонились над ним с двух сторон. Несколько роботов несли от стен, где находились встроенные шкафы, детали для ремонта бедного Туарега.

— Специфика, — сказал Арт, — нам нельзя терять время. Вы скоро должны возвращаться на Звезду Надежды. — И он увлек нас от черного стола к дверям и, как вчера, важно зашагал по коридору, сверкая глазом на затылке; за нами в некотором отдалении шел красноборо-дый.

Послышался четкий шепот Макса:

— Этот замыкающий Барбаросса внушает не меньше уважения, чем Арт. Какая походка!

— Макс!

— Ну что я такого сказал? Действительно, он мне нравится, разве выражение симпатии может испортить наши отношения?

— Я уловил в твоем голосе нотку превосходства.

— Ну уж...

— Помолчим.

— Хорошо. Но какая сегодня видимость. Какие краски!

— Надо благодарить наших друзей.

Арт тут же ответил:

— Признательность — высокое свойство Вечно Идущих.

— Ты заметил, — спросил меня Антон, — что сегодня фрески совсем другие? Вот здесь был пейзаж с животными, похожими на наших лам, и тремя марсианами, видимо пастухами, а сейчас море.

Я не приметил вчера фрески с пастухами, а сейчас действительно слева переливалась пепельно-сиреневая гладь, уходившая в бесконечную даль. Только море и теплое, глубокое небо жемчужного цвета.

Я подумал, что Арт стремится показать нам, какой прекрасной была его планета. Невольно щемящая тоска сжала сердце и тут же отхлынула, я стал смотреть на все холодным оценивающим взглядом. Теперь, мне казалось, я начинаю познавать причины гибели Великой цивилизации Вечно Идущих. Я улыбнулся: Вечно Идущие! Не так уж долго они шли... И сколько сделали ошибок. Зачем было строить города под куполами, когда не было надежной защиты от метеоритов и радиации? Погубив атмосферу, надо было уходить в недра планеты, тем более что там размещалась почти вся их промышленность. Нам непонятна их логика, да и была ли логика во всем, что произошло? На что надеялись ваши Вечно Идущие? И почему только ты и горстка тебе подобных остались ждать неизвестно чего? Я говорил непозволительно резким тоном, с чувством противного превосходства над «жалким роботом», причем я сознавал все это и не мог удержаться, словно кто-то снял в сознании привычные ограничители, вывел из строя сдерживающие центры.

— Прекрати сейчас же! — сказал Вашата так, что меня прошиб пот. — Антон! И ты хорош, ты что, не в состоянии напомнить ему, где и с кем вы находитесь!

— Ив, по существу, прав, — как-то вяло ответил Антон.

— Нет, это неслыханно, — задохнулся от возмущения Макс.

Все поставил на свои места Арт.

— Эмоциональная неуравновешенность, — сказал он, сверля меня затылочным глазом, — свойство гуманоидов на всех ступенях развития. Только отдельные особи умеют подавлять в себе такое состояние психики.

Вашата сказал:

— Арт! У меня такое ощущение, что ты спровоцировал Ива. Для какой цели? Возможно, таким способом ты изучаешь наши характеры, знакомишься с нами.

— Истина! Да! Знакомлюсь! Я должен знать, могу ли доверить Великую Миссию. Вы раскрываетесь в крайних противоположностях.

— Мы несовершенны, — сказал Вашата, — но стремимся быть лучше. Поверьте, Арт, что трагедию на Багряной мы воспринимаем очень близко.

— Близко к сердцу, как собственное несчастье, — добавил Макс. — Извините.

— Не требуется, — сказал Барбаросса впервые за весь путь по коридору. — Лишний термин, паразит.

— Мда! — веско произнес Макс и даже крякнул. Действительно, здесь были не нужны лишние церемонные слова, условности, объяснения, они видели нас насквозь и только взвешивали, решали, можно ли нам доверить загадочную Великую Миссию.

На этот раз прием в «Холодном доме» окончился неожиданно скоро. Мы рассчитывали, что Арт еще раз прокатит нас в оранжевых креслах над цветущей поверхностью планеты и познакомит с жизнью Вечно Идущих. Но у него, судя по всему, была другая цель, и он ее методично выполнял.

Выйдя из операционной, мы прошли только до красной стены в конце коридора и повернули назад, дверь в зал с черным цилиндром была наглухо закрыта.

На прощание Арт пообещал «заглянуть на корабль» и поторопил:

— Двигаться следует быстрее: может начаться пылевая буря, нарушится связь.

Мы послушались совета и выжали из «Черепашки» все возможное. Уже в конце пути дрогнула почва, из жерла Большого Гейзера

вырвались пламя и раскаленное облако газов. На огромной высоте среди багровых туч засверкали молнии.

За ужином Макс сказал:

— Он водит нас за нос. И вся эта история с Туарегом мне не нравится. Нас он вполне устраивал. Чем он его сейчас там начиняет? Может, превратит в преданного ему шпиона!

— Цель? — спросил Антон.

— Если бы я знал. Возможно, он оставлен, чтобы охранять планету от посягательств пришельцев.

— Абсурд! — сказал Антон. — Осталась только копия жизни.

— Ты забываешь, Антон, что на смену Вечно Идущим могла прийти цивилизация роботов.

— А у нас включена обратная связь? — спросил Вашата.

Я нес вахту и доложил, что локаторы выключены и что в случае появления на космодроме посторонних сработают автосторожа.

Нас порядочно потряхивало, и, хотя «Земля» превосходно держалась на своей треноге, Вашата поставил добавочные упоры: взрывные якоря, вытягивая тросы, ушли глубоко в скальный грунт. Теперь никакие силы не смогут их вырвать оттуда. При отлете пиропатроны просто перервут оттяжки.

До начала страшных марсианских бурь было еще далеко. Сейчас возникали только маломощные циклоны, набрасывая сетчатые тени на метеокарты, передаваемые со спутников. На нас налетел один из таких вихрей, скорость разреженных частиц воздуха и увлекаемой им пыли достигла уже 190 метров в секунду. Космоцентр запретил работы вне корабля, и мы занялись составлением и передачей на Землю нашумевших программ, которые и поныне еще показывают в театрах кинохроник, особенно в Неделю космонавтов. Да и по кораблю нашлось немало дел, которые откладывались в пору наших сенсационных открытий.

На третий день после последнего посещения «Холодного дома» на экране сторожевого локатора показался припудренный пылью наш Туарег. Все эти дни Арт ни разу не появлялся и не давал о себе знать. Макс даже высказал предположение, что он «запорол» нашего робота, но вот он целехонький перешел границу космодрома и

шествовал прямо к кораблю. Внешне он нисколько не изменился, ему оставили все четыре руки, и одна из них с встроенной лопатой. Он нес что-то вроде чемоданчика желтого цвета. Подойдя к кораблю на двадцать метров, он остановился и неожиданно заговорил:

— Я пришел, чтобы служить вам. Это для вас — он протянул желтый чемоданчик.

— Вот такие пироги! — воскликнул Макс и обвел всех торжествующим взглядом.

Звучащие письма

Маяки, расставленные между орбитами Марса и Земли, обнаружили метеоритное скопление, которое летело к Солнцу, описывая сложную кривую. В своем движении к Земле мы должны были пересечь путь этого космического архипелага. Предстояло ждать неделю или две, пока не очистится наша трасса. Такой каменный поток встретился впервые. Мы получили добавочную программу и занялись короткими экскурсиями в разных направлениях — в стороны от космодрома.

Первое время Туарег пугал нас своей сообразительностью, умом — я не беру это слово в кавычки, он действительно блистал умом, необыкновенной памятью, был предупредителен, вежлив. Все эти понятия как-то не подходят к роботу, но таков был наш новый Туарег.

Макс высказал печальное предположение, что наша психика, по-видимому, настолько примитивна для Арта, что он с необыкновенной легкостью изготовил нам эту «игрушку».

За последнюю неделю Арт появился на кухне только один раз, сообщил, что «готовит нечто очень важное», и надолго исчез. Надо сказать, что он держал нас в постоянном напряжении. В чем заключалось это «важное»? Почему он перестал говорить о Великой Миссии? Каких только предположений мы не высказывали в те тревожные дни.

Вечерами, собравшись на «кухне», мы слушали звучащие книги. Кроме пластин с множеством отверстий, книга имели самую различную форму, и только благодаря Арту, Барбароссе и Туарегу после

усовершенствования его в мастерской роботов мы узнали о разнообразии книжной продукции на Багряной планете. Например, знаменитая статуэтка «ажурной» девушки с распростертыми руками не что иное, как прибор для хранения и озвучивания мыслей. В нашей коллекции есть медальоны из сплава платины с золотом, воспроизводящие портреты и мысли своих хозяев. Подлинным чудом, даже после всего увиденного, можно назвать небольшие диски из того же сплава, которые нельзя потерять — где бы вы их ни оставили, куда бы ни положили, они всегда окажутся у вас, стоит вам только этого пожелать. Но предварительно вы должны с ними не расставаться в течение суток. Есть звучащие «четки» — одиннадцать шариков с бесчисленными бороздками, нанизанных на пластичную «проволоку», каждый такой шарик звучит несколько часов, если держать его на ладони, и замолкает, как только его выпускаешь из рук. Туарег извлек из-под развалин одного дома в городе у обрыва звучащую трость и целую библиотеку из тысячи и одного «тома», заключенную в темно-бурый ларец. Каждая «книга» — цилиндрик с палец толщиной. Цилиндрики звучат, навевая томительное предчувствие несчастья.

Мы начали с пластин, пронизанных множеством отверстий.

Язык марсиан напоминает мелодичное пение с придыханием на концах фраз, иногда переходящее в свист. Дешифратор, сконструированный Артом, видимо, довольно точно переводит этот ни на что не похожий язык. Трудность при создании дешифратора заключалась главным образом в том, что некоторые фразы выпадали из общего фонетического строя, создавались кажущиеся паузы, на самом же деле здесь информация передавалась посредством биоволн. Странно, что таким способом «зашифровывались» совсем простые понятия. Арт объяснил, что запись на пластинах относится к тому периоду, когда телепатическое общение начинало вытеснять разговорную речь.

Вы можете понять наше состояние, когда мы впервые услышали голоса Вечно Идущих и поняли смысл их записей. Даже в грубом переводе звучащие книги полны поэзии. Два вечера мы слушали роман, а возможно, и подлинное описание экспедиции на «Далекие острова» — в таком переводе мы услышали название Солнечной системы, куда устремился корабль Вечно Идущих в поисках новой родины. Роман

полон драматизма. Он печатается в переводе НТУ и скоро выйдет отдельной книгой. На остальных пластинах были бортовые дневники с космолета, посетившего нашу Землю. Это одна из пластин, поврежденных при обвале стен дома, — к счастью, сохранилась следующая запись:

«Может быть, она единственная во всем Звездном витке! Она близка к лучезарному светилу и полна трепетной жизни. На ней по закону трагических несоответствий находится колоссальное количество воды. Почти вся планета покрыта водой, ее атмосфера пересыщена парами этого драгоценного вещества, родящего жизнь. Здесь можно было бы дышать без изоляционных костюмов, не будь воздух пересыщен микробами, свойства которых мы еще так мало знаем, и все же вполне достаточно, чтобы не идти на верную смерть, лишившись защитных одеяний.

Биологи Любящая зори и Цветущий кактус со всеми необходимыми предосторожностями наполнили сосуды воздухом, почвой, скальными породами, а также взяли образцы растений, приносящих плоды, и существо, похожее на пию...»

И дальше после большого пропуска:

«Миллионы оборотов должна совершить Багряная, пока на Звезде Надежды умолкнет грохот вулканов, поднимутся из воды материки, моря займут стабильные ложа».

Следующая, хорошо сохранившаяся «книга» содержала описание экспедиции в пояс астероидов и называлась:

«Записки командира Эора-хи, имя которому Рожденный в полдень»

«Как нам нужна вода — вещество, дарующее жизнь. Не так давно — всего две тысячи оборотов прошло с того времени — яхты скользили по морям и каналам. Нашим предкам казалось, что запасы воды неисчерпаемы. Воду безрассудно расходовали и загрязненную ядовитыми примесями сливали в углубления Великой пустыни, где тогда еще имелась растительность. Растения погибали, вода уходила в песок, образуя растворы солей. Так же неосмотрительно пользовались подземными резервуарами, перекачивая их на заводы, производящие множество вещей, без которых можно было обойтись. Изобилие

приводило к пресыщенности. Изобретались все новые и новые вещи, а старые, еще пригодные, выбрасывались на свалки — эти кладбища сокровищ Багряной.

Будь бережлив, сын мой:

Вокруг равнодушный космос.

Пока мы одиноки во вселенной.

Еще миллионы оборотов никто не даст нам глотка чистой воды.

Пришла пора и нам, избранным, совершить Третий подвиг во славу Вечно Идущих!

После свершения Третьего подвига останется только полет к звездам, откуда никто еще не возвратился, и все же этой чести добивается каждый, проживший более двухсот оборотов. Предпочтение Совет Мудрых оказывает тем, кто свершил Третий подвиг.

В нашей эскадре двадцать три Эора-хи первого класса — число, в древние времена считавшееся счастливым, и на каждом Эоре-хи — три Вечно Идущих. Давно стерся магический смысл чисел, никто не скажет, что он верит в их благостное сочетание, влияющее на судьбу человека, и все же, когда мы не в силах заглянуть за черту непознанного, то невольно, не признаваясь в этом, привлекаем магию предков. Все это кажется забавным, вызывает улыбки, как шалости детей, и в то же время где-то в глубине сознания родится у нас уверенность, что «это не помешает». В последнюю тысячу оборотов, когда над планетой нависла угроза, все больше Вечно Идущих обращаются к верованиям предков, разыскивают остатки иероглифических книг, не говоря уже о рукописях и печатных, сохранившихся только в музеях и в частных коллекциях. Я несколько отвлекся благодаря избытку времени на вахте Эора-хи и желанию оставить свои мысли и свой голос для тех, кто нас ждет на Багряной планете. И если угодно будет бесстрастной судьбе помешать нашему делу, развеять наш прах в Круге ужасов, то моему сыну посылаю я эти слова.

Он родится, если я не вернусь!

Несмотря на счастливые сочетания чисел, полет начался печально. Служба охраны неба оповестила за один оборот, что к планете приближаются два астероида. Была возможность распылить их при подходе к первой луне, да Совет не разрешил расходовать на это

энергию. Нужда в ней огромна, а запасы ее слишком незначительны. Если бы это случилось после нашего возвращения, если бы мы вернулись с ледяными астероидами, тогда вопрос стоял бы иначе. Не задумываясь, Совет распорядился бы уничтожить эти опасные крупицы вещества, и астероид не уничтожил бы два Эора-хи с их экипажами. Вы знаете космодром на первой луне, там на месте катастрофы появился новый кратер, на его южной кромке стоит теперь обелиск с вечными портретами погибших. Возле памятника, рядом, возник холм из горстей жертвенной земли, принесенной близкими с Великой планеты, источающей свет жизни.

С момента своего рождения до сегодняшнего дня Багряная ведет неустанную борьбу с неисчислимыми силами космоса. Вы, мои друзья, и ты, мой сын, чаще поднимайтесь к лунам и смотрите вниз на израненную поверхность Багряной. Сейчас меньше астероидов падает к нам, только раз в десять оборотов случается, что они разрушают купола городов, принося смерть.

Когда же мы вернемся, этого больше не будет. Вода, несущая нам жизнь, опять наполнит ложа морей, еще, конечно, не все, потребуется много времени, чтобы доставить Вечно Идущим кристаллическую воду из Круга ужасов, или, как принято теперь называть, — пояса астероидов. Мы первые летим туда целой эскадрой после Великого Инна, который наперекор робкому Совету планеты, тайком со своими единомышленниками улетел на первых космолетах. Его и всех, кто был с ним, считали лишенными разума, преступниками, достойными окончить дни свои на второй луне. Ровно через оборот они вернулись с глыбой льда, что, растаяв, образовала водоем, до сих пор питающий Вечно Идущих.

Мы создадим броню из газов и водяного пара, как на Звезде Надежды, только не ядовитых, как на нашей небесной сестре, а живительную среду. Тогда города выйдут из-под куполов, на планете снова станет теплее, растения, доставленные со Звезды Надежды, станут жить на нашей почве, создавая непрекращающийся круговорот веществ, даруя нам все необходимое для вечной жизни. Тогда мы сможем вывести на новую, более далекую орбиту — Питу — нашу первую луну. Имя Питы дано ей в незапамятные времена, когда эти

ужасные звери еще водились в песках и подстерегали неосторожных путников. Так тысячи оборотов наводит ужас Небесная Пита, или вечно падающий камень, напоминающий вытянутый плод голубого кактуса. До сих пор трепет наполняет наши души, когда Пита появляется из-за горизонта и — темная днем и сверкающая, как солнце, ночью — движется она на нас, словно готовая рухнуть на цветущие города, стереть их, разрушить все созданное за миллион оборотов, убить все живое. Мы знаем, как увести ее на более высокую орбиту, только для этого требуется невиданная энергия, таящаяся в воде. Еще более грандиозные планы родились у мудрецов планеты — превратить Багряную в послушное тело и, сместив с орбиты, приблизить к Солнцу!

Дерзновенны дела и еще более дерзновенны мечты Вечно Идущих!

Передо мной на экране, выше приборов управления, знакомая комната в доме моего отца, в ней весь наш род и моя тень среди них. Совет отдает из резервов планеты энергию на дальнюю связь. Хвала Мудрым! Они дарят нам последнее не в надежде на благополучный исход экспедиции, корысть не может присутствовать в груди Мудрых, даже ради всех Вечно Идущих! Сейчас они думают только о нас и хотят скрасить минуты расставания. Потому что жизнь любого на планете так же драгоценна, как и жизни всех Вечно Идущих. Ведь со смертью каждого погибает вселенная! Так учат нас с первых шагов по Багряной. И я, сын мой, хочу, чтобы и ты также ценил жизнь и всегда помнил, что всем, чего мы достигли, обязаны бесконечному числу Вечно Идущих, которые переступили за грань жизни ради многих. В этом заключается одно из противоречий бытия и его смысл. Сейчас стали забывать о назначении человека, особенно после закона о «незыблемом числе» Вечно Идущих: чтобы появился новый человек, надо уйти кому-то из живущих. И ты, мой сын, придешь после меня, если я не вернусь. Ты увидишь своего отца во многих записях, услышишь мой голос и будешь следовать моему пути. И будет благословен час, когда и ты, оставив частицу себя, свершишь необходимое для блага Багряной, и твоя тень и твои мысли поведут твоего сына или дочь по бесконечному пути жизни. Будь умерен во всем — и в пище,

и в одежде, не окружай себя множеством вещей, ненужных и разорительных для планеты. Чтобы убедиться в этом, посмотри на одну из свалок в Красной пустыне! Сколько там лежит без пользы ценнейших элементов, связанных в непостижимо сложные соединения и затем обретших форму пустых вещей — дань быстро преходящей моде...

Медленно тянется вахта на Эоре-хи. Погружены в сон мои спутники. Безмерно прекрасен космос, сияющий бесчисленными солнцами. Но самая прекрасная из всех небесных тел — Багряная! Колыбель Вечно Идущих. Единственная планета, где существует разумная жизнь. Все остальные мертвы. Только самая близкая к нам планета, или, как мы ее зовем. Звезда Надежды, действительно вселяет надежду, что там через миллионы оборотов материя обретет разум и начнет познавать себя в бесконечном вращении времени и перевоплощении вещества. Сейчас Звезда Надежды полна бурной, хаотической жизни. Творческие силы космоса здесь необыкновенно щедры, они экспериментируют, создавая бесконечное число живых моделей. Звезда Надежды будет невообразимо прекрасной, и жизнь на ней станет легкой, но сейчас там убийственный климат, моря и горячие клочки суши кишат всепожирающими гадами, атмосфера не пригодна для Вечно Идущих.

Мысли, вложенные в мои слова, ты услышишь еще много раз от наставников, но и мне хочется сказать тебе об этом, потому что слова отца, ушедшего навсегда в космос, значат много, если у сына душа, ищущая истины.

Скоро конец вахты. Показатель времени поет бодрую мелодию «Рождение нового дня», хотя вокруг и вечная ночь при свете бесчисленных звезд.

Вошел Вестник счастья, мой друг и брат. Мы родились еще в то время, когда можно было иметь братьев и сестер. Он сказал:

— Вижу, ты с пользой провел время, в твоих глазах хорошая грусть.

— Благодарю, брат, — ответил я. — А ты опять говорил им о чрезмерной расточительности? Зачем зря тратил время?

— О нет. Хотя поносить расточительность стало теперь модным, а все идет по-старому. Создан еще один подземный завод по выработке благовоний из атмосферы. Нет, я говорил о главном, что приводит

нас к всеобщему краху, — о бессмертии. Теперь, когда мы можем продлевать жизнь почти вечно, мало кого заботят будущие поколения. Многие считают, что мы «усталая цивилизация» и с нами наступит закат жизни на Багряной. В Совете таких много. Я сказал все, что думаю о них. Мой голос слышали все.

— Прости, кроме меня. Я выключился из общей сети, чтобы сосредоточиться.

— Я знаю. В твоей записи есть хорошие мысли, я разделяю их. Если расчеты подтвердятся и нам будет не суждено вернуться на Багряную, то вместо меня родится дочь, так же, как и твой сын, наделенная стремлениями отца. Если хоть часть Эоров-хи выполнит задачу, то Совет позволит им иметь детей. И кто знает, может, они начнут Эру возрождения!

Вестник счастья, как никогда, оправдывал свое имя, он создал такое всепроникающее поле радости, что третий наш спутник — Принесенный ветром — пришел в кабину пилота и сказал:

— Я проснулся, как прежде, чтобы бежать от городских стен в пустыню встречать солнечный рассвет.

Мы стали вспоминать былое. Вестник счастья стал в образах передавать старую запись из далекой поры нашей юности.

Мы плыли на яхте по Срединному морю. Как тогда легко дышалось! Нас было четверо. Как хороши были наши подруги! Ветер стих над водой и только на высоте верхних парусов тянул в сторону пустыни, увлекая нас на запад. Солнце скрылось. В воде отразились звезды. Э-О сказала:

— Как прекрасен мир! Как мы счастливы, что можем увидеть солнце через тысячу оборотов! И даже больше. Все будет зависеть от нас. Это ли не счастье — жить вечно!..

Тихо пропел сигнал опасности. Исчезли яхта, море, наши подруги. По обзорному экрану поплыли золотые точки: впереди мчался на нас каменный рой. Автоматически включились распылители материи. У нас их три. Наш Эор-хи летит первым, у остальных всего по одному распылителю, вся эскадра идет за нами, в нашей тени. Нам встречать удары каменного дождя! Астероиды невелики — пылевое облако и несколько сот очень мелких обломков превращаются в газ, один

крупный кусок металла проходит в угрожающей близости от правого борта. Хотя силовое поле изменило его траекторию полета.

Если бы мы располагали достаточным запасом энергии, то и этот астероид исчез бы из космических лоций.

Эскадра проходит самый безопасный участок. Что же будет впереди! Там, где сосредоточены гигантские глыбы, превосходящие размерами спутники Багряной!

Эскадра движется навстречу лавине обломков, бесконечно плывущих по замкнутой кривой.

Пока мы летим в области «чистого космоса», только несколько пылевых скоплений нам еще повстречаются на пути. Приблизившись к самым мощным потокам Круга ужасов, мы должны погасить скорость, а затем вновь набрать ее, уравняв с движением роя обломков. Сколько энергии будет потрачено! Другого выхода нет! Багряная идет на риск. Риск оправданный, необходимый, рассчитанный на успех. Конечный успех, и гибель многих. Тысячи раз Багряная облетела солнце, и за этот период никто из Вечно Идущих не жертвовал своей жизнью. Может быть, в этом причина наших бед? Мы видели только приятные стороны бытия — радость существования и наслаждения жизнью, забыв, что наше благополучие завоевано борьбой и жертвами предков, когда многие отдавали свою жизнь за прогресс науки, прокладывая новые пути в искусстве, отстаивая идеалы, которые стали основой нашего существования.

Пришла пора вновь послужить человечеству!

Мы готовы, сын мой!

Наш Эор-хи пробил туннель в каменном облаке, по нему проскочили все корабли, на их корпусах нет ни одной царапины. О нас этого не скажешь. Пылевой поток и мелкие метеориты на одну треть стерли защитную броню в носовой части корабля. Все же мы еще вне опасности. Распылители пока способны уничтожить не один астероид. Встречный каменный поток нельзя было обойти, слишком он велик, тогда бы корабли уклонились от курса и вошли в соприкосновение с еще более опасными космическими телами. Наш главный Стратег, после полета на Третью планету получивший имя Сына звезды,

мудро ведет эскадру, никто не может обвинить его в недостаточной предусмотрительности.

Да будет славно его имя.

Томителен космический полет. Как он мало похож на увлекательные путешествия вокруг Багряной на космической яхте, или на одной из лун, особенно на первой. Ни с чем не сравнимо ощущение полета на космическом теле такой величины! Ты испытаешь его, закалив волю, готовясь к подвигам во имя Багряной. Тебе, может, придется быть в числе тех, кто, оставив нашу многострадальную планету, полетит к Первому светилу из созвездия Ищущего Странника, где существует-планетная система с круговыми орбитами. Возможно, там есть жизнь и существа, наделенные разумом. Как хочется, чтобы они достигли нашего понимания назначения жизни во вселенной. Если жизнь там враждебна нам, то будь гуманен, хотя бы потому, что ты будешь обладать необыкновенно могущественными средствами — и разрушения и благотворного влияния на чужое нам сознание.

Но как бы мне хотелось, чтобы ты отправился не в далекий космос, а на Звезду Надежды! Просмотри мои записи экспедиции на Звезду Надежды. Я отдал сто оборотов жизни на изучение этой планеты, где по капризу космоса собраны неисчислимые блага для процветания жизни в высшем ее проявлении. Может быть, во всей Галактике нет подобной планеты. Обрати и ты на нее все свои помыслы. Перед отлетом за ледяными астероидами я предложил Совету считать посещение Звезды Надежды обязательной для всех мужчин, достигших зрелости мысли и тела...

Багряная превратилась в далекую и печальную искорку. Наш Эорхи теперь идет десятым. Еще одна встреча с метеоритами истощила запасы энергетической мощи, у нас серьезные повреждения в корпусе. Стратег предложил нам перейти на другие планетолеты. Мы отказались. У нашего Эора-хи отличный двигатель, его надо попытаться сохранить для транспортировки ледяных глыб. Стратег нашел наше решение правильным. Он сам поступил бы так же. И все на остальных Эорах-хи выразили свое одобрение.

Эскадра входит в скопище обломков планеты. Стратег уравнял с ними скорость, кажется, что мы еле движемся среди невообразимого

хаоса. Действительно, охватывает ужас, когда воображение рисует катастрофу! Бедствие произошло не так давно. Есть иероглифические записи этого события. Цветущая планета, имевшая атмосферу, глубокие моря, и, главное, на ней существовали люди! Самые древние люди в системе нашего Солнца! Все погибло в одно мгновенье. Есть предположение, что наши соседи нашли способ освобождать энергию, заключенную в веществе, и применили ее друг против друга в припадке безумия. Подобное может случиться, если цивилизация исчерпала себя или же если она очень молода, но идет неверными путями, как дитя, не охраняемое няней-роботом, бежит к берегу Срединного моря.

Мы все дальше проникаем в хаос осколков, больших и совсем крохотных частиц, похожих на пылевые скопления, на малой скорости они безвредны для кораблей. Космической пыли так много, она очень густа, сквозь нее ничего не видно. Мощные локаторы прощупывают пространство вокруг эскадры, находят пути между глыбами камня. Лед нам еще не встречается, он где-то на периферии, мы же находимся в центре одного из скоплений осколков.

Наконец через пять вращений, или дней, по времени Багряной, показался свет звезды, и мы увидели чудовищные куски планеты, в несколько раз превосходящие наши спутники. Они висели на черном фоне космического пространства, похожие на живые существа чужого мира, впавшие в долгий сон. Сюда выплеснулся океан несчастной планеты, и массы воды затвердели в виде самых фантастических фигур.

Все они в наших записях. Вы сейчас смотрите на них и удивляетесь больше, чем удивлялись мы: для вас, сидящих в удобных креслах, ласково охватывающих тело, перед «говорящими стенами», возникают необычные, устрашающие формы, немного пьянящие изощренный ум, для вас Круг ужасов — место свершений, а все, что вы видите, только рабочий материал или помехи, не дающие выполнить требуемое в нужный срок.

После встречи с первыми ледяными астероидами приборы показали близость еще больших ледяных скоплений. Но и среди них не было ни одного заслуживающего внимания: шаровидные

образования кристаллов воды, непригодные для транспортировки. Первая глыба льда значительных размеров, которую мы увидели, также не годилась для нашей цели, вокруг нее держалась тонкая пленка испарений. Силы притяжения глыбы удерживали частицы переохлажденной воды у ее поверхности, и все же пройдет еще немного времени, и кусок льда рассеется в космосе. Только значительным астероидам суждена более долгая жизнь, если вести счет по времени Багряной, и краткий миг на великих часах Галактики.

Первый огромный ледяной астероид принес неожиданное подтверждение существования жизни на погибшей планете. Взгляни на запись — и ты увидишь вплавленные в лед детали строения, и главное — изображение существа, видимо, более совершенного, нежели Вечно Идущие. По всем признакам это женщина. Как прекрасен и совершенен ее облик. На руке у нее пять пальцев! Обрати внимание на выражение ее лица! Какое гордое спокойствие разлито во всех ее чертах. Может быть, художник изваял ее, зная о неминуемом конце? Тогда это был мужественный человек, он передал свое творение нам, которые так нуждаются в мужестве.

Может, все не так. У тебя больше сведений, чем у нас, первооткрывателей. То, что доставят на Багряную оставшиеся корабли, должно пролить более ясный свет на случившееся в космосе...

Теперь о главном. Стратег, осторожно ведя корабли, наконец привел нас к цели. Ледяная громадина сверкала в лучах солнца, ее окутывало прозрачное покрывало испарений!

Целое замерзшее море, превратившееся в небольшую планету. Восторг охватил всех на эскадре. Двадцать восемь кораблей Стратег приказал использовать как двигатели, остальные находились в резерве и выполняли разведывательную службу.

Ледяной астероид стал медленно выходить из потока. И тут случилось то, что было предопределено расчетами еще на Багряной. Ты видишь, сын мой, как мы прокладываем себе путь среди каменного потока. Удары в нашу ледяную планету гасят скорость, приходится вновь набирать ее, расходуя запасы энергии.

Брошенные рукой случая или безумия обломки горных хребтов ударяют в ледяную планету, взлетают фонтаны раскаленного пара,

мгновенно превращаясь в мельчайшие кристаллы. Страшные удары так сотрясают наш Эор-хи, что наблюдается деформация корпуса. Особенно тяжело пришлось тем кораблям, что находятся на противоположной стороне, туда обрушилась целая лавина камней. Погибло три Эора-хи, никто из Вечно Идущих не спасся. Вот где окончился их путь.

Всмотрись внимательней в ледяную планету.

Видишь мощный выступ? Под ним за струей огня, выбрасываемого двигателями Эора-хи, находимся мы в ледяном плену. Отсюда нельзя уйти. И мы останемся там, что бы ни случилось, и только если Стратег выведет ледяной астероид на орбиту вокруг Багряной, мы оставим наше заточение, но тогда тебя не будет на свете. А ты родишься! Ты должен быть, сын мой! Мне пора. Сегодня я завершил пятисотый оборот Солнца. Это и много и мало.

Заканчивается моя вахта. Пришел Вестник счастья. Он мне друг и брат. Храни и его облик в своем сердце. Прощай до следующей вахты. Нет, сын мой, неизвестно, что может случиться за это время. Я остаюсь в кабине пилота. Слушай самое важное, что я должен передать тебе...»

На этом обрывается говорящее письмо. Арт сказал, что не помнит такой экспедиции.

— Наверное, полет за льдом происходил еще до моего рождения, — добавил он. — Тогда были попытки заполнить ложа морей космической водой...

По настоянию Макса Зингера я привожу здесь несколько глав, взятых из «Сборника новелл» — большой пористой пластины. Как и «Письмо капитана Эора-хи», новеллы перепечатаны прямо с магнитофонной нити. Мы придумали только заголовки: компьютер Арта или не смог их перевести, или они давались в «цветовой прелюдии». По той же причине пришлось нам подыскивать и некоторые имена действующим лицам.

— Прошло пять столетий, как я рожден матерью, ее облик вы видите сейчас...

Макс:

— Ничего мы не видим. Что-то не срабатывает...

Мы шикнули на Зингера. Бесстрастный голос переводчика продолжал:

— Звездное колесо едва повернулось на одну спицу из миллиарда в своей ступице, определив меру в бесконечном потоке времени.

Я был счастлив счастьем, доступным каждому: счастьем восприимчивой молодости, счастьем зрелости, когда радость жизнью становится полней после раскрытия всех талантов и способностей, переданных родителями и развитыми учителями и собственными усилиями ума и воли.

Наступила третья пора жизни — усовершенствования, когда с мудростью появляется разочарование во многом и сожаление оттого, что нельзя повторить цикл жизни, вместить в сознание многое из непознанного.

Наступает осень моей жизни.

В часы раздумий, а их все больше, проходит бесконечная вереница мыслей, где воедино связаны и лица друзей с их помыслами и делами, их острые фразы, места, где я побывал, мои достижения, утраты, разочарования.

Пока мы бессильны путешествовать во времени, сделаны только первые обнадеживающие открытия, истечет отпущенный мне срок, пока мои потомки будут владеть великой властью над временем! В этом конечная цель жизни!

Христо Вашата:

— У нас занимались этой проблемой только фантасты, и то только как средством транспортировки своих героев.

Как и в первый раз, когда Макс вставил свою реплику, переводчик Арта вежливо умолк. Мы переглянулись: вначале мы эту удивительную особенность сочли за неисправность прибора.

— Все же, чем больше оборотов совершает Багряная вокруг Солнца, тем мне сильней хочется вернуть только краткий миг в моей жизни, одно только лето в долине Исполинского кряжа, у Лазурного озера — места паломничества влюбленных. До сих пор существует древнее поверье: если любящие войдут в воды озера при свете двух лун, то их любовь не угаснет... Что ж, и я поддался наивной вере в чудесное. Рука об руку мы вошли в горячие воды, и такова сила самовнушения, что мы поверили сказке и пережили сказку...

Аппарат издал певучее бормотанье, видимо, что-то непереводимое на наш слишком деловой язык.

Макс:

— Что-то у меня посинело в глазах. И уже давно.

Все мы трое признались, что и у нас глаза заволокло синей дымкой и вдобавок стеснило дыханье.

Макс:

— Сопереживайте, друзья, хотя не поддавайтесь чарам этого сентиментального старикана. Берегите эмоции. Не расслабляйтесь.

Певучие звучания оборвались.

— Излияние чувств в Синей тональности, — сказало механическое чудо из прибора и продолжало: — Каждый из нас носит в душе эталон прекрасного, воспитанный бесчисленными поколениями ранее живущих; мы с детства учимся узнавать, находить красоту в окружающем нас мире вещей, в природе, в себе подобных.

Красота многолика, как и все во вселенной.

Она была прекрасна, как может быть прекрасна только любимая женщина. В ней воплотились все мои мечты о совершенной подруге. Увидев меня однажды, она мгновенно поняла мой идеал женской красоты, нашла в себе изъяны и занялась их устранением, и только тогда она нашла случай встретиться со мной вначале на трехмерном экране, а затем на берегу Лазурного озера.

Перебивка. Из аппарата звучит еле слышная музыка. Синий свет стал гуще, переходя в фиолетовый.

— Не было ее прекрасней на всей Багряной!

Красота ее была создана только для меня. Я же не делал никаких усилий, чтобы понравиться ей, мне не требовалось перестраивать

свой внешний облик, лицо; я весь отвечал ее эталону, ее мечте о возлюбленном. И главное — редчайшее сочетание! Нам не приходилось, подлаживаясь друг к другу, перестраивать психику. И только в одном, как это обнаружилось в течение волшебных дней на Лазурном берегу, мы расходились: она с трудом принимала Синюю тональность моих убеждений, выражавшихся в стихах, картинах, прозе, миросозерцании. Она оказалась ярой сторонницей «розового направления».

Музыкальная перебивка. В глазах порозовело.

Вашата:

— Нам бы его заботы.

Макс:

— Ты вникни в суть! Это же необыкновенно — мыслить в определенной цветовой гамме!

Антон:

— По-моему, он мухлюет: замечаете, как неприятно действует розовый цвет в его подаче?

Макс:

— Давно известно, что красный цвет некоторым противопоказан.

Антон:

— Речь идет о розовом.

Макс:

— Розовый — разжиженный красный...

Вашата:

— Влюбленные нашли единомышленников!

Макс бросил на командира один из своих испепеляющих взглядов. Антон сказал, что ему действительно больше по душе синий цвет.

Макс навсегда оставил за собой последнее слово:

— Синей себе на здоровье.

Музыкальная перебивка окончилась. Переводчик продолжал:

— Как и следовало ожидать, назревала трагедия!

Я посвятил ей поэму в синих стихах с переходом в изумительный фиолет и даже ввел в концовке желтоватые тона.

На это она преподнесла мне нечто розовое, названное ею сонетом. Что может быть непоправимей!

Долгие обороты мы страдали. Изредка встречались, используя трехмерную телесвязь, и снова расставались. Хотя я, движимый любовью и видя ее страдания, сделал попытку приблизиться к «розовому восприятию действительности» и добился только творческого краха.

Врач высших степеней по имени Видящий сущность после консультации с коллегами сообщил мне, что единственная возможность уладить конфликт — это заменить эмоциональные центры. Но тогда что останется от моей личности! Розовый туман! Нет! И еще раз нет. Она также с негодованием отвергла бестактную рекомендацию врачей.

— Мне ничто не помешает любить в тебе то, что еще теплится за гранью синих фантазий, — сказала она при последней встрече... Хотя в ту пору возле нее «описывал круги», как говорили в пору моей юности, один тип с жидко-розоватыми мыслями.

Почему-то из всего пережитого только Розовая мечта — такое она носила имя, всегда у меня в зримом образе, я же, увы, назвал себя в ту пору Идущий повсюду — довольно банальное имя, после разлуки с ней я стал известен в кругу близких мне друзей как Вечно ждущий, намекая ей, что все-таки мы должны встретиться в бесконечности, как две параллельные линии, мы так близки по духу, так же прямолинейны.

Скажете, слабое утешение? Да, возможно...

Вашата:

— Вот оптимист! Да, да, не буду. Пусть продолжает.

— Всегда у меня не хватало времени. Вечно я находился в погоне за совершенством во многих искусствах, особенно же в поисках новых оттенков ритмики в Синей тональности. Кое-чего мне удалось достичь. Основано общество «Синих братьев». Но есть общества «Желтых», «Зеленых», «Черных» и множества других цветов и оттенков, я не говорю о науках, изменяющих мир, вторгающихся в самое сокровенное, раскрывающих тайны космоса. И все же какая ирония «закона непостоянства». Наибольшей популярностью в наше время пользуется парень из города Веселых Пульптей. Он создал танец, в

котором танцоры подражают этим веселым зверькам! Так родилось движение пульптистов.

Пульпти, эти милые существа, оставшиеся только в детских фильмах и звучащих книгах, жили в серых песках и были уничтожены отходами заводов, вырабатывавших краску для волос. Произошло истребление Пульптей недавно, не более двух тысяч лет назад, тогда же были уничтожены рыбы, красные сони, шестикрылые птицы, травоядные ящеры и множество других существ. Многих уничтожали ради забавы — существовало занятие, называемое охотой; многие погибли, лишившись места для жизни, пищи, или были отравлены, как бедные Пульпти. В ту пору Багряная поражала необыкновенной щедростью своих недр, обилием и разнообразием жизни. И удивительно то обстоятельство, что в ту пору Вечно Идущие уже знали закон, открытый Нонунином Младшим о пределах распространения жизни. В частности, Нонунин открыл, что любая планета во вселенной содержит в себе постоянную массу жизни, которая зависит от объема планеты, ее газовой оболочки, количества воды, минералов, истребляемых существами всех видов от простейших до Вечно Идущих.

Я привел слова Нонунина Младшего для тех, кто пожелал бы подумать о грозных последствиях расточительства. Закон «соответствия» последние два столетия стал забываться, особенно после создания мыслящих роботов и универсальных машин, изготовляющих нужные и ненужные вещи, тогда и родилось движение, названное пульптизмом.

Гигиенисты превозносят пульптизм, считают, что это кривлянье способно вернуть людям моего возраста былую подвижность, силу и бодрость. Сознаюсь, и я соблазнился и вынес горький опыт, пришлось срочно заменить печень и еще кое-какие органы, что нарушило деятельность всего организма в целом.

...Ты, конечно, пульптистка, но вряд ли знакома с историей пульптизма. Между прочим, вот как она звучит в Синей тональности.

Наступила довольно продолжительная музыкальная пауза, конечно, для нас, не умеющих воспринимать «цветные волны», затем автор обратился к своей корреспондентке, отвечая в этой записи на ее вопросы:

— Ждущая радости.

Теперь ты знаешь многое. Вступая в опасную пору жизни, извлеки из моего опыта все, что можешь; все, что отвечает твоему «я». Остальное в этой записи возникло попутно, связанное тонкими нитями с основным в моей жизни. Лазурный берег уплывает от меня все дальше, к тебе он приближается. Ты еще войдешь в синие воды при свете двух лун.

Ты еще спрашиваешь о моих намерениях. Они определились. Робот-психоаналитик открыл во мне долго дремавший талант педагога. Вот не думал! Как много в нас скрыто. Как медленно идет познание своих возможностей. Выполняя долг перед Багряной, теперь стану воспитывать ее сынов и дочерей при лаборатории воспроизводства Вечно Идущих.

На третий вопрос отвечу следующее...

На этом запись обрывалась.

Макс:

— На самом интересном месте!

Христо:

— Не гневи местных богов.

Антон:

— Действительно, замечательная запись, жаль — нет проектора для показа всей записи в целом. Судя по всему, перевод не дает полного представления. Ведь здесь запись целого фильма. Посмотреть бы Лазурное озеро, розовую женщину и самого героя во цвете лет.

Христо:

— Для первого прослушивания прекрасно. И печально, и смешно. Вы обратили внимание, ребята, на закон о массе жизни? Ведь это наш Вернадский открыл его вновь для своей планеты через уйму тысячелетий! Меня это потрясло больше, чем весь роман в Сине-розовой тональности.

Макс:

— Вы все как-то пренебрежительно отзываетесь о цветном звучании.

Вашата:

— Откуда ты заключил?

Макс:

— Понятно младенцу ваше отношение к чужой культуре.

Антон:

— Ну будет, Максик!

Макс, смягчаясь:

— Ну хорошо, может, действительно мне показалось. Я же, ребята, кажется, начал разбираться и в синем и в розовом звучании. Ну что уставились! Я вижу образы, смутно, правда, еще чувствую смену настроения. И даже музыка не напоминает мне больше воробьиный писк...

Я представил себе, как будет реагировать Феникс на это прозрение, и улыбнулся.

Вашата понял меня, его глаза прищурились в усмешке.

Антон рассмеялся и хлопнул Макса по плечу.

Макс:

— Ну что вы, ребята, что здесь смешного? Что мы из другого теста слепленные, чем Вечно Идущие?

— То, что ты назвал тестом, Вечно Идущие считали живой материей, да и ты так считаешь. Зачем путать, ясные понятия, — это произнес Арт, вернее, его голографическая копия, возникшая у шкафа-холодильника.

В ответ все мы, включая Макса, расхохотались.

Арт невозмутимо изрек:

— Смех — эмоциональная разрядка, настраивает на правильное восприятие действительности.

Вашата спросил, медленно выговаривая слова:

— Ты принес дурные вести?

— Не тяни! — не выдержал Макс, хотя Арт и не думал медлить. Реплика Зингера только отвлекла его. Мне кажется, что Арт почему-то невзлюбил Макса и не упускал случая порезонерствовать на его счет.

— «Тяни» вызывает те же ассоциации, что и «тесто». Каждый разговор с тобой обогащает мой запас понятий. Например, тридцать два часа пять минут назад я воспринимал твой разговор с существом, которое напоминает существа, прежде жившие на Багряной

(последовала непонятная свистящая фраза). Ты зовешь его Феня. То, что говорил ты, я воспринял, логически сопоставив все известные мне понятия, то, что ответил тебе Феня, не могу осмыслить до сих пор. Задача непостижимой сложности для меня. Вы все мысленно спрашиваете: что говорил Феня? Отвечаю: «На кой черт попугаю тромбон?»

Когда мы объяснили смысл глубокомысленного восклицания Фени, Арт сказал:

— Чепуха!..

Прогулка по срединному морю

Звездный луч с такой силой оттолкнул яхту багром от мола, что все невольно покачнулись. Мать улыбнулась, гордая силой сына. Отец не подал вида, что и ему доставляет счастье видеть своего первенца таким ловким, широкоплечим, способным переплыть Срединное море. Дочь слабо вскрикнула, ухватившись руками за ванты, и засмеялась. Яхта скользила по фиолетовой воде, покрытой меняющимся узором солнечных бликов. Теплый ветер, насыщенный запахами цветущих кактусов, сухой почвы и водорослей, дул с берега короткими порывами. Робот-матрос поставил паруса. Яхта, слегка накренясь, пошла быстро к далеким островам. Казалось, что на островах установлены антигравитаторы и они висят над водой, хотя острова далеко скрыты за горизонтом.

Так хотел отец. Он запрограммировал и острова, и яхту без двигателя — только паруса и длинные весла, с которыми управится робот, и погоду, такую же, какой она часто бывала в пору его молодости, когда у него не появлялось и тени сомнения, что он будет жить вечно и Багряная останется всегда такой же прекрасной. Реконструкция природы стоила не так уж много, это был фон, декорация. Огромное количество энергии требовалось для действующих лиц: жены, сына и дочери. Жена тоже, как и пейзаж, взята роботом из очень четкой старой записи, а вот дети... Их не было, этих детей. Они жили только в его сердце, и поэтому на них-то он должен был потратить более половины электронов, отпущенных ему на весь остаток жизни.

Вокруг стояла космическая тишина, волны не плескались, не скрипели уключины, хотя они всегда поскрипывали в те времена и робот обыкновенно лил на трущиеся части воду, хотя в избытке имелось масло, просто всем нравился скрип уключин, смоченных водой, он придавал особый, древний колорит прогулкам по Срединному морю.

Тишина давила отца. И все потому, что опять из-за экономии он не мог полностью переключить сознание. Нет, нет да пронизывала мысль, что все не так, не так... Хотя временами он жил только в прошлом, жил каждой клеткой своего тела.

Ветер не посвистывал в снастях, не хлопали паруса при перемене галсов. Да, не хватало радостного шума природы, людских голосов.

Долго готовясь к этой прогулке, Подобный скале — так звали отца — подсчитал с помощью своего друга, врача и вершителя всех дел, робота высшего класса, все возможные варианты и затраты на них.

— Только так, — сказал робот, — мы подсчитали чуть не каждый электрон.

— Робот не был лишен чувства юмора. — Вот если бы соединить мощности!

— Прекрасная мысль! — согласился Подобный скале. — Но...

Никто из сверстников не соглашался. Все считали безумством затею своего друга и почти прекратили с ним всякое общение. Ведь с наличным лимитом можно протянуть еще около ста лет, а там, возможно, найдут новые способы извлекать энергию.

Даже лучший друг спросил с горечью:

— Тебе мало записей о прошлом? Мы получаем их за счет общественных фондов.

— Ты понимаешь, мне хочется побыть вместе с семьей.

— С женой?

— Да, и с детьми...

— У тебя их не было!

— Могли быть...

— Могли...

И лучший друг погрузился в думы, ушел в себя. У него было объемное воображение.

И Подобный скале мог воскрешать картины прошлого и конструировать будущее, все же мечтам далеко от настоящего перевоплощения. А Подобный скале хотел прожить подлинной жизнью юности хоть несколько мгновений.

Подобный скале — имя соответствовало его упорству — могучим напряжением воли привел в действие последние резервы своего организма. Он знал, чем это грозит ему, но остановиться не мог.

И ожили берега. Стояла пора летних купаний. Весь ближний берег напоминал смелую мозаику. Миллионы людей съехались, слетелись, пришли пешком — возродилась мода к такому виду передвижения — сюда, к теплой целительной воде и солнцу.

Справа и слева проходят яхты друзей.

Веселые приветствия!

Обмен новостями.

Жена и дочь рассматривают купальные костюмы подруг. Переговариваются, смеются.

Сын повстречал друга, и они бросились в воду и поплыли (все как в сценарии), за ними на некотором удалении следует робот-воспитатель — если они устанут, то он поддержит их на воде, а затем и доставит на яхту: у него мощный двигатель.

Сын и его друг — строители межзвездных кораблей; через столетие, когда первый корабль будет создан, они отправятся в космос...

Подобный скале полулежал в удобном кресле. После всего пережитого наступил глубокий обморок. Врач подошел, держа в эластичных пальцах шприц с желтоватой жидкостью, движения его были вялы: он потреблял энергию из того же контейнера. Врач ввел стимулятор в едва приметную вену на сгибе руки, едва ощутимый пульс искусственного сердца стал явственней, ритмичней. Нервная система совсем износилась, да и сердце требовало замены, но Подобный скале не соглашался тратить на это энергию.

— Прогулка была прекрасной, — сказал врач. — Прости, но я не мог удержаться.

— Подключился?

— Да. Просто не верится, что так было.

— Записи не дают того, что ощущаешь при полном соучастии. Ты видел моих сына и дочь?

— Да. Они прекрасны, Подобный скале.

— Звездный луч — строитель кораблей! Он сейчас на полпути к планетной системе Оранжевого Солнца. Он просил отдать тебя ему в этот полет. Я не мог расстаться с тобой.

— Благодарю.

Наступила пауза.

Подобный скале погрузился в размышления, используя действие стимулятора.

Рядом с ним в таких же прозрачных кабинах лежали и сидели те, кому удалось путем лишений сэкономить энергию, даже прохаживались от стенки к стенке, поглядывая на пыльное небо, на воду коричневого цвета с плавающими сгустками нечистот: уже несколько лет, как перестала действовать система регенерации. Море сильно обмелело, обнажив скалы, когда-то скрытые водой, они служили местом обитания бесчисленных живых существ.

Подобный скале, теперь похожий на жалкий обломок, вспомнил, что когда-то он увлекался наукой о море. Он открыл и описал сто новых видов крохотных существ, дающих жизнь более сложным видам, и в конечном счете Вечно Идущим, — тогда еще не умели приготовлять искусственную пищу. Сейчас все эти восхитительные комочки жизни исчезли или изменились до неузнаваемости, стали чрезвычайно редки и ядовиты.

Он так же повинен в этом, как и все, что сейчас заключены под прозрачные колпаки.

Тот восхитительный песчаный пляж, что он вновь увидел несколько минут назад, сейчас покрыт удивительно прочной пленкой, она прекратила движение песка, а заодно и лишила семена растений возможности прорастания. В пленке оказался еще один, более страшный порок — она выделяла вещества, вызывающие болезни, отравила воду и воздух. Вечно Идущие нашли через много лет противоядие, но этих противоядий не было у растений и животных прибрежной зоны.

Пленка — только ничтожная из причин, было их много, очень много...

Врач сказал:

— Прибыли по пневматической почте «необходимые вещи».

— Неужели нет средства прекратить поток этого ненужного хлама? — вяло спросил Подобный скале.

— Ты знаешь, что Система вышла из-под контроля.

Подобный скале с горечью подумал, что и он принимал участие в создании машин, способных к самоусовершенствованию. Среди автоматов — хотя теперь уже их так не назовешь — есть талантливые конструкторы «нужных вещей», модельеры, прогнозисты моды, дизайнеры, портные, обувщики и еще более тысячи категорий специалистов, число которых растет, так как там действует большой отряд изыскателей новых потребностей...

Врач стал перечислять список «необходимых вещей»:

— Костюмы для прогулки в разное время суток. Костюм для торжественных церемоний...

— Не трать энергию...

— Из одного автомата я извлек батарейку, — бодро ответил врач.

Подобный скале выразил неудовольствие движением век:

— Не унижайся...

— Понимаю, что этим я нарушил один из принципов. Но так делают многие. Ты посмотри, как ярко светится хранитель энергии у Покорителя стихий.

— Пусть свет его не померкнет, Илз, — Подобный скале впервые назвал по имени своего врача, обыкновенно он экономил на этом энергию.

— У меня нет возражений. Ты, видимо, прав... Среди «необходимых вещей» есть совершенно непонятные создания, к ним будут присланы инструкции.

— Как ты стал болтлив.

Вздрогнул пол: подошел фургон мусорщиков, и черные роботы стали поспешно бросать в кузов разноцветные коробки и свертки с яркими наклейками.

Когда старый фургон, громыхая и скрипя, отъехал, Илз напомнил Подобному скале, что пришло время просмотра записей. Уже все вокруг ушли из действительности, погрузившись в

законсервированный мир переживаний. Создалось благоприятное поле, можно было, подключившись к нему, кое-что сэкономить на энергии, об этом и подумал Илз. Его мысли не укрылись от Подобного скале, да врач и не думал их скрывать, как и то, что он все-таки успел извлечь все аккумуляторы из «необходимых вещей», и теперь их хранитель энергии слегка посветлел.

— Илз! — роняет Подобный скале.

Илз уже знает, что окончательно созрело в непостижимо мудром мозгу его господина и друга.

— Илз! Теперь хватит еще на одну прогулку?

— Да. Хватит.

— Тогда я отправляюсь. Все мои записи, включая последнюю, передашь в хранилище памяти.

— Да. Передам. — Илз с мольбой смотрит в глаза своего господина.

— Хорошо. — Подобный скале прикрывает веками глаза. — Можешь включить блок счастья.

«Опять лишний расход энергии, но должен же кто-то порадоваться, глядя на него, юного и прекрасного. Илз заслужил это право».

Пока Илз готовил все необходимое: подбирал нужный фон, вытребовал из архива, тоже в объемных записях, портреты друзей своего господина, Подобный скале лежал и перебирал в своей памяти события, которые следовало воссоздать. Только одно из бесчисленной вереницы, которое бы не оставило горечи утраты, как прогулка на яхте.

— Только радость должна наполнять его. Одна только радость. — Илз все это воспринимал и лихорадочно работал.

— Ну вот и готово! — говорит Илз. — Я выполнил почти все, что ты хотел. Будет день, о котором ты не забывал никогда. Будут почти все твои друзья. Неплохо бы и им присоединиться, тогда у вас возвратилось бы целых пять дней...

— Илз!

— Ты недоволен мной, Подобный скале?

— Как ты стал болтлив.

— Я знаю это, но ничего не могу поделать. Слишком износился блок сбережения эмоций. Сколько раз я обращался в Центр реставрации...

— Илз!

— Я все понял. Не буду больше. Что толку? Там сейчас всем верховодит Предвидящий все. Между прочим, у него тоже не все в порядке...

— Илз!

— Сейчас, только сделаю тебе инъекцию, путешествие потребует всех сил...

Подобный скале ничего больше не сказал, но Илз уловил необычайно сильное поле неприязни, исходившее от него, и поспешно отбил горлышко последней ампулы со стимулятором...

И второй раз исчезло с берегов Срединного моря все созданное Вечно Идущими за последние пять столетий, остался только древний город, радостный, как утро, что занималось над Багряной.

Еще лежит изморозь на камнях и песке.

Низко над водой летят четырехкрылые драконы. Голоса их далеко разносятся вокруг. Так каждое утро они покидают город, чтобы встретить солнце, а затем снова возвращаются в голубые сады столицы.

Все это видит Илз.

Новенький.

Молодой.

У Илза только первая оболочка. Старомодная, пестрая.

Илз стоит на хрустящем песке и смотрит, как ватага молодых людей, заглушая голоса птиц, мчится к воде. Они прыгают в воду. Исчезают под ней.

Впервые в своей жизни Илз в растерянности. Цель его существования — охранять Гребень волны, так звался тогда Вечно Идущий, впоследствии получивший имя Подобный скале.

Прошла почти секунда, пока Илз находит выход — всю мощь своих батарей он подключает на сигнал опасности, грозящей в воде...

Желтые спасатели, похожие на причальные тумбы, взмахнув ластами, уходят в глубину.

Блок радости работает прекрасно. Илз сейчас переживает за каждого, кто, оседлав желтого спасателя, носится на нем, посылая в пространство звуковые колебания, называемые смехом...

Илз знает, что время истекло, через три секунды он уйдет навсегда из мира своей юности, он стремится задержаться хотя бы на миг, увидеть, как Гребень волны схватит протянутую руку...

Не случилось того, что не могло случиться для него, Илза, высокоинтеллектуального робота. Если бы он был Вечно Идущим!..

Едва вспыхнув, эта мысль угасает.

Угасает все.

Илз еще видит комнату с прозрачной стеной, затянутую пылью даль. Видит на другой стене экран. Там в сверкающих красках вновь переливается море и неуемные существа говорят... говорят... говорят... что-то все ищут друг в друге. Что-то пытаются понять... Что-то понимают. И обнаруживают еще больше непонятного...

Сознание Илза меркнет. Он бросает затуманенный взгляд на помолодевшее лицо Подобного скале, на контейнер — уже совсем почернел. И последняя мысль пронизывает его: «Гребень волны схватил протянутую руку...»

Цветы Лима

«Непостижима мудрость Вечно Идущих, загадочны их поступки, мглою окутаны дали, к которым они стремятся...» — так сказал Бледный Мца, или, как его еще называли, — Орущий в ночи...

Вот перед вами одна из древнейших записей. Вы видите, как она еще несовершенна: только двухцветное плоское изображение и звук. Язык чтеца пестрит архаизмами, слог тяжел для нашего изнеженного уха, но зато какая в нем сила и убедительность!

Перед нами Малое море и его окрестности. Какое обилие воды! Воды чистой, прозрачной, насыщенной жизнью. Несколько парусных судов как бы подчеркивают безмолвие, царящее над морем, скорее то, что принято называть тишиной, то есть ограниченное количество звуков, которые, как воздух, впитываем мы всем своим существом. Это плеск волн, шепот ветра, крик четырехкрылой птицы, звон камня, скатившегося с крутого берега.

Вы обратили внимание и на окрестности. В сероватой гамме вы угадываете цвет растительности. Она сплошь покрывает невысокие

холмы. Сверкающая ниточка — ручей! И он здесь не один. Ручьи и реки питают море.

Как во всех старых записях, нас поражает обилие животных, населяющих окрестности моря. Теперь они почти все исчезли. Мы знаем причины, знаем и печальные следствия насильственного удаления звеньев из цепи жизни, выкованной слепой мудростью природы.

...Не удивляйтесь. Перед вами тот же район. С каким мастерством передается изображение! Полное ощущение реальности. Естественные тона! Какая глубина перспективы. Но куда девалось море? Ушло в недра Багряной? Что произошло с пышной растительностью и ее населением?

На сухом дне расположился наш город. По злой иронии судьбы теперь он называется Малым морем.

Теперь снова вернемся к первой записи. Вы, наверное, обратили внимание на славных пушистых зверьков? Вот один из них стоит на задних лапках, напоминая Вечно Идущего, погруженного в размышления о прекрасном. Это Лим. Ну конечно же, пушистый Лим, герой детских сказок.

Заметьте еще одну особенность: вокруг холмика, на котором стоит наш Лим, густо разрослись кусты, усыпанные алыми соцветиями. Это Лимок, или куст Лима. Суррогат этих ягод теперь изготовляется на кондитерских фабриках, по форме и цвету конфеты превосходят оригинал, и, как уверяют специалисты, их содержимое в сотни раз богаче натуральных ягод микроэлементами, энзимами и прочими необходимыми для организма веществами.

Хотя есть и другие мнения.

Кустарник Лима начал исчезать там, где уничтожались зверьки, хотя для растений создавались, по мнению ботаников, самые оптимальные условия. Семена давали ростки, но затем, несмотря на все старания, чахли и засыхали. А если отдельные экземпляры и принимали вид зрелого куста, то плодов не приносили.

Нетрудно было вывести заключение, что кустарник и Лим чем-то связаны. Действительно, еще до полного исчезновения Лимов было установлено, что жизнестойкость потомства кустов Лима зависит от того, находились ли их семена в желудках животных или нет.

Как ни печально, и после этого открытия продолжалось истребление Лимов, хотя и были созданы многочисленные общества охраны исчезающих видов.

Перед вами конгресс одного из таких обществ. Самый многочисленный по количеству представителей за последние сто оборотов Багряной вокруг Солнца. Выступает с отчетом о деятельности общества женщина, посвятившая свое время защите Лимов и которой присвоено пышное имя — Цветущий куст Лима. Она делится своими прекрасными, полными оптимизма мыслями. Ее слушает вся планета... за исключением членов «Общества любителей дикой природы». Перед вами сейчас проходит конгресс «дикарей». Торжественные речи, восхваляющие первозданную природу, уже окончены. Просматриваются лучшие записи ее самых заслуженных членов. «Подвиги дикарей» изданы специальным блоком, и Вечно Идущие найдут там довольно забавные сцены: например, охоту за мелкими астероидами — опасный, но мужественный вид спорта. Там же есть и отвратительные записи охоты, то есть убийства животных. Охота почему-то до сих пор считается достойным действием, закаливающим дух Вечно Идущих, которые так нуждаются в сильных нервных встрясках.

Хотя есть и другие мнения.

Одна из записей «дикарей» заслуживает всепланетного внимания.

Вот она перед вами, эта запись!

Мы в горной долине. Невольно приходит мысль: неужели еще есть на Багряной такие уголки «далекого прошлого»? Как видите, есть. Нет, здесь не декорации. Как пахнут цветы Лима! На цветок опустился многокрылый угольщик, существовавший только в копиях, мы все полагали, что и этот красавец погиб. Он священнодействует, перенося красные зерна пыльцы на пестик цветка Лима. Должен заметить, что создание Цветущей долины — заслуга охотников. Парадокс — говорят многие, забывая, что жизнь состоит из парадоксов. В чем вы все немедленно убедитесь.

Видите, смятую траву, сломанные стебли кустарника? Здесь только что прошел один из создателей этого благословенного уголка. Вот и он сам. Прекрасный образец целеустремленности. Приборы

регистрируют напряжение двигательных центров и непоколебимость решений. Его сопровождают два робота — один, как вам известно, универсал обычного типа, второй — уникальное создание. Единственное его назначение — различать следы и ощущать запах Лима. Не растения, нет! Запах зверька. Как вы уже поняли, раз есть кустарник, то где-то неподалеку живут и зверьки.

Вот и Лим! Автор записи демонстрирует его, используя предварительные съемки. Здесь Лим сильно увеличен и выглядит весьма устрашающе, пожалуй, свирепей Пии. Но таков замысел автора. Он, видимо, стремится показать, какой опасности он подвергается, очутившись среди древних зарослей.

Убедимся в этом и мы с вами.

Вижу, что многие не знают, что за приборы несет робот-универсал. Оружие: лучевой пистолет, пистолет, убивающий ультразвуком, ружье, стреляющее ядовитыми ампулами, автоматический аркан, портативный радар. Не следует забывать, что уникальный робот, продирающийся сквозь кустарник несколько впереди охотника, способен обнаружить следы Лима в любую погоду и во всякое время суток. Его обоняние в миллион раз чувствительней, чем у робота-парфюмера! Вот теперь нам стали известны вспомогательные средства, которые привлек охотник, отправляясь выслеживать свою жертву. Что же касается Лима, то всему этому арсеналу убийственных орудий он может противопоставить то, что мы называем инстинктом самосохранения, довольно слабое зрение и крайнюю доверчивость. Но!.. Последнее обстоятельство охотник может легко преодолеть. Видите, он берет из третьей руки робота прибор, похожий на электрический фонарик. Я забыл о нем упомянуть, в то время как без него вообще невозможна охота.

Совершенно верно — биовозбудитель. Его микронные волны приносят облегченье при головных болях. Конечно, у Вечно Идущих. Не можем же мы предположить, что охотник задался целью избавить Лима от мигрени. Конечно, нет. Сейчас мы увидим применение прибора для целей охоты.

Уникальный робот остановился перед норой. Его создал талантливый конструктор-бионик. Робот как две капли воды похож на редкую

разновидность Пии, которая на заре цивилизации помогала Вечно Идущим утверждаться на Багряной. Тогда ее чтили. Она помогла нам выжить, и сама погибла в изменившейся среде.

— Совершенно верно — это И-й-за. Копия И-й-зы.

И-й-за издала характерный свист. Лим выскочил из норы. Вот он стоит на задних лапках и с любопытством рассматривает пришельцев. Можно подойти и взять его руками. Охотник наводит на него линзу биовозбудителя. Зверек конвульсивно сжался. Он в воздухе, упал в траву — и вот, объятый ужасом, мчится вперед и вперед, только бы уйти от страшного места, от «глаза», источающего ужас.

Вот когда начинается настоящая охота. Как оживился взгляд Вечно Идущего! Он по-настоящему счастлив. Появился обезумевший зверь! Надо настичь и уничтожить его, а не то он причинит неисчислимые бедствия!

У вас подобное рассуждение вызывает улыбки, а между тем эта мысль перешла у охотника из подсознания в сознание, и он сейчас живет только ею.

Охотник не отрывает взгляда от экрана радара, укрепленного на спине робота. Лим мчится по туннелю, прорытому его сородичами. Тенью мелькает его тельце. Вот семья Лимов со страхом бросается в боковые ответвления, уступая дорогу «безумцу».

Уникальный робот-следопыт угадывает каждый маневр несчастного Лима. Жертва держит курс на восток, подгоняемая все новыми порциями биовозбудителя.

Последний отрезок пути. Туннель ведет на поверхность. Вот зверек, тяжело дыша, сидит на бугорке, покрытом серым пеплом. Здесь, как видите, нет растительности. Здесь зона смерти.

Охотник далеко отстал. Во-первых, он уже немолод и давно исключен из лиги «пожирателей пространства», он способен только на легкую рысцу, кроме того, по условиям охоты необходимо уничтожить жертву на приличном расстоянии. Считается, что при этом у Лима есть шансы остаться живым.

Посмотрим, так ли это на самом деле.

Лим неподвижен: уже пущен в ход биологический излучатель, парализующий двигательные центры.

Охотник берет лучевой пистолет, снабженный оптическим прицелом.

С каким хладнокровием он поднимает его.

Мгновение, и на пепельном бугорке вспыхивает желтый шарик раскаленной плазмы, сизый дым заслоняет горы.

Уничтожено еще одно живое существо на Багряной. К охотнику спускаются легкие машины и один аэробус. Собратья по клубу наблюдали за охотой и засняли эту чудесную ленту. Вот они спешат к герою сегодняшнего дня, приветствуют его, поздравляют.

Герой растроган. Почести он принимает как должное. Не каждый день случается такая грандиозная охота. Он переутомился. Четыре робота несут его аэролет.

Долина преображается. Выпрямляются ветви кустарника. Гудят насекомые. Лимы выходят из нор и принимаются за свои повседневные дела. Я не стану громогласно навязывать свои выводы, только приведу еще всего лишь одно изречение Орущего в ночи:

«Если бы мы зло пресекали до его рождения».

Дворец великих решений

Черный цилиндр посреди зала, пульсирующий экран, у черных панелей — роботы, оранжевые кресла — все как в первый сеанс, только теперь у кресел слева стоял Барбаросса, мы так до конца и не поняли его роли, по всей вероятности, это был дублер Артаксеркса, а сейчас он выступал как его помощник. Барбаросса стоял возле моего кресла, и я чувствовал его гипнотическую силу. Блаженный покой охватил меня, мышцы расслабились, я ничего не забыл, но все дорогое для меня ка-к бы отстранилось, и я смотрел на это далекое снисходительным оком, будто перебирал пожелтевшие письма, прочитывал в каждом по нескольку строк, не сожалея о прошлом. И в то же время я знал, что самое важное впереди, что это важное произойдет скоро, стоит мне только захотеть — и я войду в это мерцающее марево на стене. Там вырисовывалась даль: оранжевая равнина, пятна растительности, полосы дорог, ведущие к городу, темные, почти черные, горы на горизонте с багряными отсветами. Так же неощутимо, как

переход от яви ко сну, я перенесся в далекое прошлое планеты, только на этот раз путешествие протекало не в оранжевых креслах, а в дорожной машине без колес, с очень плавным, бесшумным ходом, в метре над дорогой, с дороги она не свернула ни разу, видимо, связанная с ней энергетическим каналом. Таких машин во множестве мы находили на гигантской свалке в пустыне, и сейчас наши ученые разгадывают секреты двигателя и потребляемой им энергии. Нас с Антоном поместили в четырехместный экипаж, два задних сиденья пустовали. Точно такая же машина, похожая на продолговатый стеклянный ящик с овальной крышей, мчалась впереди, сбоку от нас на такой же скорости держалось странное двухэтажное сооружение, похожее на земной автобус, в нем чинно восседало с десяток марсиан, хотя машина могла вместить в несколько раз больше. Пассажиры, видимо, что-то горячо обсуждали, так как некоторые плавно поводили руками, другие важно кивали или сосредоточенно глядели в глаза друг другу. Над нами с легким свистом пролетали спортивные одноместные и двухместные машины, похожие на гигантские разноцветные капли расплавленного стекла. Весь поток машин и по нашей дороге и параллельным с ней двигался к городу. Все это происходило в серой полумгле. Иногда видимость совсем исчезала, хотя в кабине было довольно светло: тусклое мерцание проникало сквозь прозрачную кабину.

— Воздух светится, — догадался Антон. — И все же какая пыль! Может, грязные стекла? Или нет. Смотри, стекла абсолютно чисты.

— Может, дым? — сказал я.

— Возможно. Но что горит?

В этот миг все вокруг залил ослепительный свет, наша машина вздрогнула, продолжая бесшумный полет. И еще несколько вспышек последовало одна за другой.

— Что-то у них происходит, — сказал Антон и, немного помолчав, сжал мою руку. — Не нравится мне эта поездка, Ив... Каким путем он нас всунул сюда? И зачем ему все это?

Такая же мысль уже не раз приходила и мне в голову, угнетало еще и то, что не было связи с кораблем. Только при въезде в шлюз городских ворот явственно раздался голос Макса:

— Говорит «Земля»! Антон, Ив! Где вы, что с вами?

— Все в порядке, — ответил Антон, — едем в местном такси с программным устройством.

— Мы вас совсем не видим, — раздраженно сказал Макс, — безобразие! Что-то там Арт со своими помощниками начудил.

— Успокойся, Макс, — сказал Вашата, на что тот ответил:

— Я спокоен, как озеро в штиль, и холоден, как лед в декабре.

— И будь еще благоразумен и справедлив, как Иван Петрович из Космоцентра. Ведь он первым будет просматривать твои записи.

— Антон! Ив! Что там у вас? На экране какие-то разноцветные пятна.

Антон начал тоном спортивного комментатора:

— Въезжаем в город через шлюз. Поток машин. Низкий туннель. Находимся во второй камере и довольно быстро переходим в третью. Облицовка из голубых плит или какого-то другого покрытия. Слышно, как работают воздушные насосы. Вот мы и в городе. Широкая улица с фиолетовой мостовой. Любимый цвет марсиан, но у него здесь какой-то особый, я бы сказал, оптимистический оттенок. На Земле фиолетовые тона у меня не были в числе любимых. Теперь же мне приятно погружать в них взор. Извините за высокопарный архаизм. По сторонам низкие дома с узкими окнами. В окнах черные стекла или своеобразные шторы, карнизы окон, двери из цветной глазури, на стенах фрески. На плоских крышах сады.

— Какие деревья? — спросил Макс.

— Что-то вроде кактусов, есть и лиственные, с голубой и багряной листвой. Мы на круглой площади. Выходим из машины. Она движется к туннелю и уходит под землю.

— Под Марс, — поправил Макс.

— Да, да, именно туда — скорее в нижний ярус города, в гаражи. Туннелей шесть. Туда направляются все машины. Мы в толпе марсиан. На нас обращают внимание. Должны вам сказать, что мы без скафандров...

— Как?! — В один голос воскликнули Христо и Макс. — С ума сошли!

— Без скафандров, что же здесь такого?

— В шерстяном белье? — Макс подавлял смешок. — И там есть дамы?

— Погоди язвить. На мне серый костюм!

— Не тот, что ты приобрел перед отлетом?

— Да. Он самый...

— Но ты оставил его дома!

— Да, но он на мне. На Иве — черный. На ногах туфли. Выглядим мы, конечно, довольно экзотично в толпе скромно одетых марсиан.

— Скромно? — спросил Макс.

— Да, у них сегодня очень простые одеяния по сравнению с теми, что мы наблюдали из кресел. У женщин ниспадающие каскадами складок платья из тяжелого материала блеклых тонов. На ногах сандалии с широкими пружинящими каблуками. Только потрясающие прически! Целые архитектурные сооружения чуть ли не в метр высотой! У мужчин, одетых в трико, пышные бороды, но не у всех, есть безбородые — словом, во всем изысканная простота. Судя по всему, мы идем на какое-то собрание, вече или что-то в этом роде, и на всех деловые костюмы. А может быть, мы попали в более раннюю эпоху, когда вообще одевались не так пышно?

— Вы особенно не вживайтесь в события, смотрите на все со стороны, — посоветовал Вашата, — помните, что все это иллюзия.

— А может быть, и нет? — заметил Макс.

И я подумал об этом, почувствовав, что новые туфли натирают ноги, и дышится тяжело, как в накуренной комнате, должно быть, сказывался избыток углекислого газа. Антону наступил на ногу высоченный и довольно грузный марсианин в зеленом костюме с круглым футляром под мышкой. Антон аж присел от боли. Марсианин выронил футляр и схватился за голову, издавая певучий звук. Я поднял футляр, он весил килограмма полтора, и протянул его хозяину. Марсианин взял футляр, прижал его к груди и медленно изогнулся пополам, коснувшись мостовой кончиком смоляной бороды. Антон как мог показывал зеленому марсианину, что он не в обиде, и, в свою очередь, прижал руки к груди и поклонился. На нас смотрели во все глаза, сочувственно покачивали головами и улыбались своеобразной улыбкой: лицо оставалось почти застывшим, только слегка

прищуривались огромные всепонимающие глаза. По толпе прошел шелест, это, касаясь одеждами, марсиане подались к стенам домов, образовав широкий коридор посреди дороги. Все выжидательно повернули головы и подняли до уровня плеча четырехпалые руки. Послышалась тяжелая поступь. Затем в образовавшемся проходе показался необычайно высокий и тощий старец, он медленно двигался, опираясь на одного из роботов, второй робот несколько поотстал. Приковывало взгляд серое, словно высеченное из песчаника лицо с впалыми щеками, подбородок едва прикрывала редкая сивая бородка. Было видно, что этот много поживший человек перестал заботиться о своей внешности. Только темно-синяя с серым отливом тога служила как бы дорогой рамой для его угасающей плоти и мощного разума, светившегося в огромных черных глазах. И он держал свободную руку у плеча, внимательно обводя взглядом лица. На какое-то мгновенье он задержал взгляд на нас и согнул длинные пальцы руки, поднятой для приветствия.

— Великий Стратег знает о вашем прибытии, он приветствует вас. — Мы оглянулись: за нами стояло синеглазое существо чуть ниже Антона ростом, то есть совсем маленькая женщина по марсианским масштабам, и что-то в ней было совсем земное в одежде, в прическе, в костюме.

— Мне поручено вас сопровождать. Быть вашей «тенью». — Она улыбнулась, показав прекрасной формы зубы. Рот у нее был крупный — тоже совсем земной.

Она спросила Антона:

— Ты хочешь знать, как меня зовут?

— Да. Я подумал об этом.

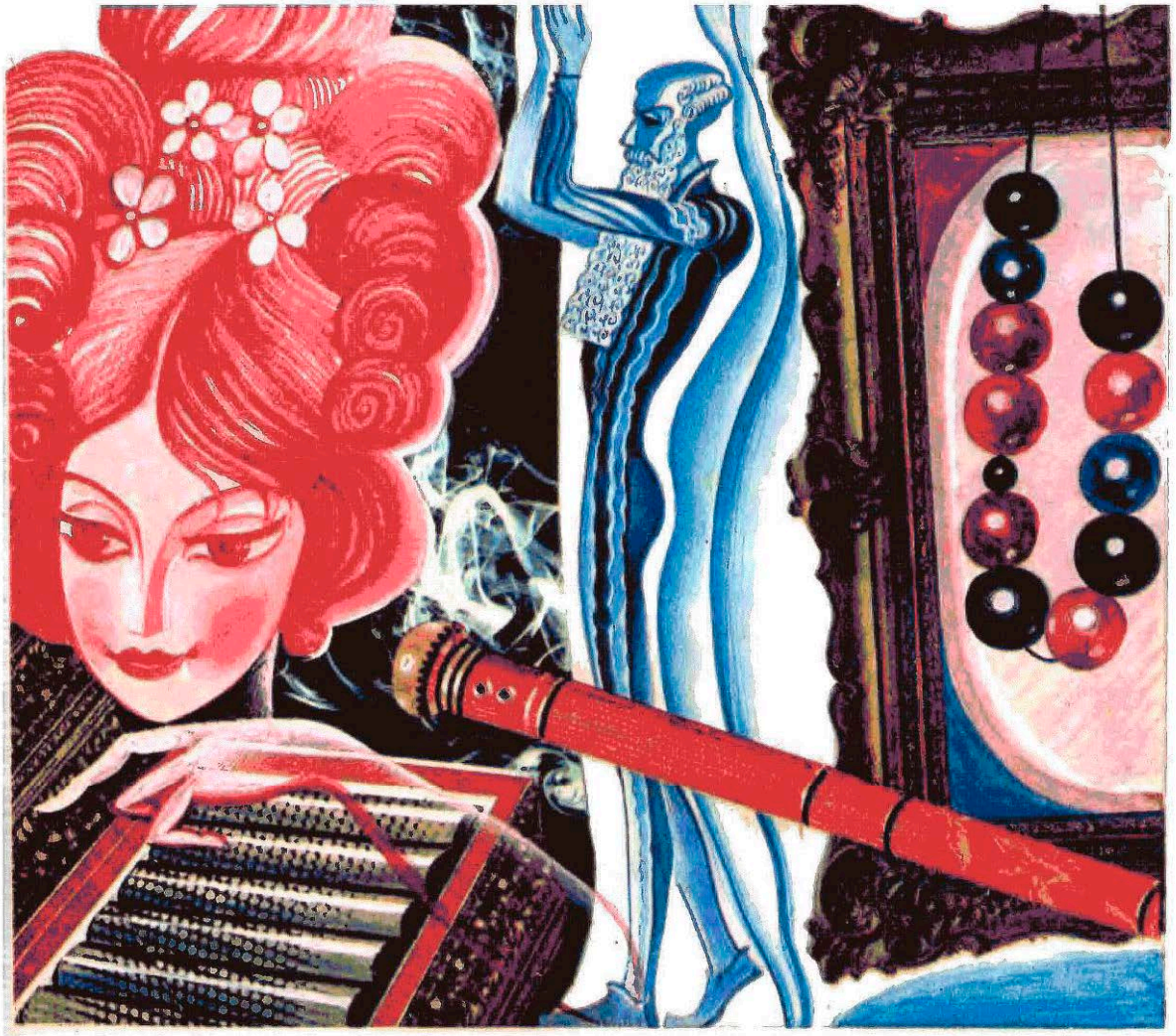
Она пропела длинную фразу, голос ее стал нежней, музыкальней, проникновенней. И тут же перевела:

— Всегда вселяющая радость.

— А короче? — спросил Антон.

— Это официальное имя. Робот-воспитатель располагал только стандартным набором имен.

— Нет, почему же. Имя очень красивое, содержательное и вполне отвечает вашей...

— Твоей, — поправила она.

— Да, твоей внешности и содержанию.

— Друзья зовут меня просто, — и опять она пропела что-то среднее между Ни-и и Ли-и.

— Ли! — почему-то обрадовался Антон.

— Можно и Ли, даже Ли приятней.

— Красивое имя Ли! Очень красивое! Мне в детстве очень нравилось имя Лилиана. Я мечтал, что такое имя будет у моей жены.

— Ну вот ты меня и встретил. Хорошие мечты часто сбываются. Зови меня Лилианой — Ли.

— Вот и прекрасно!

— Мне радостно слышать и особенно ощущать это. — Она взяла его за руку, и они пошли рядом, касаясь плечами, а я поплелся следом. Мне стало казаться, что я всегда жил в этом городе и знаю, зачем мы идем во Дворец Великих решений. Что я безнадежно люблю Ли уже тысячи оборотов планеты вокруг солнца, а Лилиана любит Антона. «Что она в нем нашла? — подумал я.

— Почему она не возьмет и меня за руку?..» И тут же жестокая спазма ревности отпустила меня. Я со всем примирился. Понял, что мое назначение — не затевать любовных интрижек на чужих планетах, а выполнять Великую Миссию. Мне вдруг стало жаль Антона. Захваченный этой любовью, что он унесет с Багряной? Только боль утраты. У него даже не будет записи Ли. Я же, холодный наблюдатель, впитаю в себя все. И этих важных людей, и этот город с садами на крышах, и все фрески на стенах зданий, и этот грандиозный портал Дворца Великих решений с множеством розовых колонн, навсегда запомню плафон с изображением Галактики. Запомню Ли, каждую ее черту, цвет глаз, прическу, костюм, ее узкую ножку с четырьмя пальчиками в золотых колпачках...

Между тем они говорили, не переставая. Словно никого здесь не было, а они шли вдвоем. Только раз Антон оглянулся, глуповато улыбаясь. «Ну что поделаешь, Ив? — говорил его взгляд. — Так получилось. Как она прекрасна!»

— Ладно, ладно... Прекрасна, — пробормотал я, — на Сириусе, может, еще прекрасней...

Он не ответил на мой выпад, я же весь обратился в слух, стараясь не пропустить ни одного слова Ли.

Следует сказать, что весь наш разговор носил необычный, странный характер под стать всему, что происходило с нами и вокруг нас. Вначале я не слышал нашей спутницы, просто в сознании возникали ее слова, а через некоторое время я даже стал воспринимать фонетическую окраску ее голоса, напоминающего флейту.

— Как хорошо, что тебе нравится наша Багряная планета, — говорила она Антону. — Нет мыслящего существа во вселенной, кто бы не восхищался нашей звездой, нашим жилищем. Ты полон восхищения от всего увиденного. Я знаю. Тебя переполняет нежность.

— К тебе, Ли.

— И ко мне. Но ведь я дочь Багряной. Значит, ты любишь ее частичку. Но почему столько тревог портят нам дни и ночи? Неужели все оттого, что Вечно Идущие не вняли голосу разума? — Сделав короткую паузу, она неожиданно сказала: — Чужестранец, ты источаешь тепло своей души на существо иного мира, на меня, которую видишь впервые! Я благодарна тебе, человек со Звезды Надежды!

— Ну за что же? Я также благодарен тебе. И я чувствую тепло от всей тебя, от твоих слов. Но почему рука твоя холодна? И куда мы идем? Почему столько людей вокруг?

— Во Дворец Великих решений...

Черный старец скрылся в глубине входа во Дворец; туда вела широкая лестница из розового камня. Движение замедлилось. Я посмотрел вверх, там виднелись многогранники переплета крыши, и мне показалось, что пролетела птица по меньшей мере с четырьмя крыльями.

Ли пропела коротенькую фразу и тут же перевела:

— Дракон. Да, так бы вы назвали это существо. Он любит Вечно Идущих. Его жизнь зависит от нас. За стенами города он мгновенно умрет. Дракон любит детей. Питается он листьями голубых кустарников. У него приятный голос. Очень мало осталось драконов...

— Да, сейчас он задохнется от метеоритной пыли, — сказал я, обрадованный, что Ли и на меня обратила внимание.

Она же повлекла за собой Антона, забыв обо мне. Я с болью слышал ее голос:

— И ваша звезда прекрасна. Я представляю, какое ощущение испытываете вы под жаркими лучами светила или под завесой растений и особенно погружаясь в водоемы, полные прохладной воды, они у вас бесконечны, вы называете их океанами и морями, у вас труднопроницаемая газовая оболочка.

— Ты была на Земле? — удивился Антон.

— Видела в записях. Не ту Землю, с которой прилетел ты и твой спутник-друг, а другую, далекую от вас. Как жаль, что мы не можем жить там.

— Но почему? Хотя население Земли достаточно велико, все равно мы найдем место и для вас.

— Нет. Земля, как ты называешь Звезду Надежды, непригодна для жизни Вечно Идущих. Несколько колоний погибли. Земля для нас «ужасное место», как говорите вы. Ты не понимаешь меня?

— Нет.

— Временной разрыв, Антон, милый. Ты прибыл к нам из другого времени. Более позднего. Тогда и ты бы не смог жить на Земле. Между нами, миллионы оборотов. Но ведь это так просто, милый, переходить из одного времени в другое. Просто, как изначальная частица, как вакуум.

— И просто и сложно… Неужели это возможно?

— Ну, конечно. Разве перед тобой не реальность?

— Все как будто на самом деле, и в то же время нет-нет да и мелькнет мысль, что с нами происходит что-то необыкновенное, неясное…

— Никому не ясно все… Ты ответь мне… — она впервые помедлила, как будто смутилась. — Ответь: я похожа на земную женщину?

— Да! Очень! Хотя есть различия…

— Знаю, милый… — Мне радостно видеть твои мысли, ощущать тепло твоей руки, страшно расстаться с тобой. Более страшно, чем пережить самое худшее, что ожидает Багряную.

— Ну, зачем поминать разлуку, успокойся, Ли, рука твоя холодна как лед. Я никогда не расстанусь с тобой.

— Повторяй, повторяй, милый, эту древнюю ложь. Так и на Звезде Надежды все так же, как и на Багряной? Скажи мае, милый, счастливы ли там люди? И как мог ты оставить там любимую? Я знаю, тебя любили многие, и как могло быть иначе — таких, как ты, нет больше среди звезд. Ничто не повторяется, милый. И таких, как я, тоже нет. И вот видишь, мы встретились. Если мы сейчас не отвратим беды, то пробудем вместе только миг. Ты вернешься на Звезду Надежды, я останусь, чтобы разделить участь моего народа.

— Нет, и я останусь с тобой.

— Благодарю, милый, но этого сделать ты не в силах. Ты унесешь только память обо мне и еще вот это. — Она сняла с шеи медальон. — В нем мое отражение, мои лучшие мысли, запись нашей встречи…

Антон стал клятвенно уверять, что не оставит ее, и наговорил, наверное, немало глупостей, но я был выключен из общения с ними и не слышал больше ни слова, и, по правде говоря, не сожалею об этом: их объяснение носило слишком интимный характер. Зато теперь я мог без помех наблюдать за всем, что происходит вокруг.

С появлением Лилианы связь с кораблем прекратилась. Вначале я этого не заметил, не говоря уже о моем друге, которого захватило, как вихрь, это сказочное существо. Мне стало вдруг казаться, что я всегда жил в этом городе под куполом, среди этих непонятных людей, и вот сейчас иду вместе со всеми решать важные государственные вопросы.

Между тем мы уже вошли в помещение, похожее на гигантскую воронку. Далеко внизу, в центре, тускло светилось серое пятно. Сидений не было. Вечно Идущие растекались по довольно широким ступеням и останавливались живописными группами. Мы спустились на эскалаторе почти к самому серому пятну. Ли прошла по ступени и остановилась у самого ее края. Она по-прежнему не выпускала руки Антона. Ни один звук не нарушал тишины, Вечно Идущие двигались, как персонажи в немом кинематографе. В этой абсолютной тишине несколько иронически я воспринял, кстати тоже беззвучную, фразу Ли:

— Вас приветствуют все Вечно Идущие, и Великий Стратег, и все, кого здесь нет. Они видят вас и шлют пожелания счастья. От вашего имени я благодарю Вечно Идущих и также желаю всем никогда не увидеть Вечной ночи.

— Ну конечно, конечно... — сказал я, и мой голос громом отдался под сводами Дворца, как в горном ущелье.

— Зал не приспособлен еще для звукового общения, — сказала Ли. — Вот сейчас можно.

Я с опаской поблагодарил, но не услышал своего голоса. Все лица повернулись к нам, и Вечно Идущие приподняли руки к плечу. Мы с Антоном повторили этот жест. Вся церемония приветствия заняла не больше пятнадцати секунд. Затем на сером пятне сцены появился Великий Стратег в сопровождении тех же двух роботов.

— Секретари и врачи, — ответила Лилиана-Ли на наш немой вопрос.

Я привожу речь Великого Стратега, автоматически записанную на магнитную нить фонографа, вмонтированного в мои часы. Как пояснила Ли, на этот раз Великий Стратег пользовался своим голосовым аппаратом, видимо, из уважения к нам, пришельцам из другого мира. В его голосе слышались печальный интонации, речь лилась, как одна музыкальная фраза. Ли переводила:

— Я склоняю голову и благодарю непознанные силы вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а звезды будут светить всегда.

После небольшой паузы он продолжал:

— Вечно Идущие Багряной счастливы видеть братьев со Звезды Надежды! Мы, жившие миллионы оборотов до вас, счастливы, что еще на одной планете вспыхнет разум. Когда материя на Звезде Надежды еще трепетала в родовых муках, мы знали, что вы поднимете сь к вершинам разума, возьмете факел познания, понесете его дальше вместе с нашими потомками к свету дальних звезд. Вечно Идущие благодарны своим детям, которые не забыли тех, кто послал их по бесконечной дороге жизни. Выбрано мгновенье, когда дороже всего знание будущего. Ожидающее нас испытание не остановит Вечно Идущих! Разум бессмертен! Я отдаю вам тепло своей души, унесите его Звезде Надежды!

После короткой паузы, когда весь зал поднял и опустил руки, Великий Стратег остался внизу на сером пятне, он стоял и медленно, как дирижер, поводил правой рукой.

— Теперь речь Великого беззвучна, — сказала Ли, — Великий говорит о другом событии, которое он считает менее важным, чем ваш прилет из будущего. На Багряную обрушился космос! Пылевое облако пересекает орбиту планеты, исполнилось уже два оборота Багряной вокруг Солнца, как мы не видим неба и света звезд. Еще задолго до появления облака Стратеги знали о нем и были сооружены крытые города. Они защищают от мелких метеоритов. Но теперь близится ядро скопления, где сосредоточены обломки большой массы. Великий Стратег предлагает использовать всю мощь планеты и отклонить

орбиты метеоритов от Багряной. Опасность велика. На пути в город вы ощущали удары и видели пламя сгораемых в атмосфере частиц некогда цветущего мира. Там, в далеком космосе, Вечно Идущие не смогли отвратить беды, и теперь пепел от их жилища обрушивается на Багряную.

— Да, положение не из легких, — сказал я, озадаченный таким поворотом событий, и подумал: «Удастся ли нам выбраться подобру-поздорову». Наверняка наша спутница «услышала» эту трусливую мыслишку, но не подала и виду, только сказала:

— Ты видел наши спутники, они два тысячелетия назад выведены на орбиты вокруг Багряной, хотя тоже угрожали нас уничтожить!

— С такой могучей техникой вам нечего бояться, — сказал Антон.

— Боязнь? О нет! Вечно Идущие не поддаются чувству бессилия перед опасностью.

Великий Стратег устало опустил правую руку и тут же поднял левую, и все подняли руки в приветствии. Затем Великий Стратег и его спутники исчезли, словно растаяли на сером фоне сцены.

Марсиане расходились по ступеням зала и, подхваченные эскалаторами, покидали Дворец Великих решений.

— Уже пятьсот оборотов, как не было такого большого совета, — сказала Ли.

— И такого короткого? — спросил я. — Поэтому и все стояли?

— Было выражено необыкновенно много мыслей. Помимо присутствующих, все Вечно Идущие высказывали свои мнения.

— А результаты? — спросил я. — Что же решили предпринять?

— Пока только высказаны мнения, решат мыслящие машины не позднее завтрашнего дня. Будут учтены все желания.

«Такой простой вопрос, — подумал я, — разгонять облако или ждать, какие еще сюрпризы оно таит в себе? Так зачем же этот форум? Ведь здесь надо сказать «да» или «нет» — и только».

— Все сложнее, — ответила Ли. — Большое число проблем, связанных с каждым, и, чтобы ответить «да» или «нет», надо учесть бесконечное количество величин.

Нет, я ничего не понимал в такой структуре правления. Перед эскалатором образовалась небольшая очередь, и я пожалел, что не на

что сесть, — сказывалась усталость от всего увиденного, хотелось отдохнуть, поразмыслить. Неожиданно подо мной оказалось кресло, не менее удобное, чем оранжевое, но Ли с Антоном уже стали на движущуюся ленту, и я вскочил с удобного сиденья и пустился вдогонку за ними. Пока я бежал к проходу, по обе стороны от меня торопливо выпрыгивали почему-то венские стулья, будто соблазняли меня сесть на одно из них. Из-за этого происходили заторы в проходах. Я побежал по эскалатору, пытаясь догнать Антона и Ли. Марсиане сторонились, ощупывая меня глазами.

Антон оглянулся.

— Это ты развлекаешься? — спросил он не без ехидства.

— Они выпрыгивают сами, я никакого отношения к ним не имею.

— Смотри, слева выскочил прямо царский трон! — Мой друг явно был доволен моим замешательством.

И трон русских царей, и садовая скамья, и табуретка, и нелепый диван, на котором я спал студентом, — все появлялось на ступенях Дворца, как только я воскрешал их в памяти. Я старался думать о другом, сосредоточиться, запоминал отделку зала, лица присутствующих, но не тут-то было, перед глазами с мельчайшими подробностями появилось вольтеровское кресло моей бабушки с продранной спинкой и перенеслось на ближайшую ступеньку. Марсиане с нескрываемым любопытством рассматривали мою мебель и, как мне показалось, издавали звуки одобрения.

— Прекрати! — сказал Антон. — Неужели ты не догадываешься, что материализуются предметы твоих желаний. Никогда не думал, что у тебя такое странное хобби. Ну, Ив, поднатужься. Думай о другом, о том, что не может превратиться в вещи.

Мои страдания прекратила Ли, всего лишь глянув на меня. Я обрел контроль над собой. Мебель исчезла.

— Вот и прекрасно, — сказал Антон, — а то могут невесть что подумать о нас. Скажи, почему ты выбрал для показа высот нашей материальной культуры эту рухлядь?

Снова меня выручила Ли. Она сказала:

— Ваш прилет воспринят как доброе предзнаменование. Настроение Вечно Идущих поднялось выше нормы. — Она подняла глаза к

потолку, затянутому зеленоватым сумраком, там висели два больших желтых круга, которые я принял за светильники.

— Просто и здорово, — сказал Антон, — психологический индикатор. Все дело в яркости плафонов, хотя за этим бездна премудрости, — помнишь, как говорил наш учитель физики Герман Иванович Пряхин. Тот, что побледней, показывает норму эмоционального состояния жителей планеты, более яркий круг — психологический всплеск, в данном случае благодаря нашему появлению, хотя, как ты видишь, положение у них не из легких. Лилиана-Ли сказала, что такие индикаторы имеются у каждого из Стратегов, Колебания цвета в ту или другую сторону заставляют выяснять причины и, если снижается общий тонус, то немедленно принимать меры. Вот Ли добавляет, что настроение каждого является постоянной заботой.

— Правительства? — спросил я.

— Насколько я понял, власти, правительства в нашем понимании здесь нет. Поддержание нормального течения жизни — дело всех граждан.

— А Стратеги?

— Просто люди, добровольно взявшие на себя государственные заботы. У них к этому призвание, а возможно, они специально подготовлены... Нет, Ли говорит, что призвание и что специальная подготовка — один из видов насилия, если у человека нет расположения к данной области труда. Здесь только совершенствуются таланты, поощряется призвание. Вот Ли поправляет, что за срок жизни, который сейчас очень велик, что-то около восьмисот оборотов — то есть лет — и даже больше, говорит Ли, до тех пор, пока не иссякнет инстинкт жизни, человек меняет десятки специальностей. Вот Ли, например, она космолингвист, моделирует языки, поэтому она так скоро освоилась с нашим диалектом, но она еще и... что, что? — Антон помолчал, вникая в беззвучную речь нашей спутницы, покрутил головой и повернулся ко мне: — Какая-то сложная, всеохватывающая отрасль знания, связанная с космологией. Затем она еще и врач и, ко всему, «слагатель звуков», ах да — композитор! Вот так, мой друг! — заключил Антон и снисходительно улыбнулся, словно не это непостижимое существо, а он сам напичкан такой уймой талантов.

Прежде за ним я этого не замечал.

— Прорыв из подсознания, — пояснила Ли. — Следы кого-то из предков.

— Что, что? Какие, предки? — живо спросил Антон.

— Твои, конечно, — я усмехнулся.

— А, мои... При чем тут мои предки?

Ли вмешалась и погасила ссору, готовую возникнуть между ними.

— Кто-то из ваших предков, — она посмотрела и на меня, — был неуравновешен в своих суждениях.

— Мягко говоря, — поморщился Антон и признался. — Да, со мной что-то творится неладное, да и ты хорош.

Мы дружно засмеялись. Улыбнулась и Ли.

— Разрядка! — сказала она. — Отлично!

Мы вышли на небольшую площадь перед Дворцом Великих решений. Марсиане расходились по радиальным улицам. Не было толпы зевак, никто на нас не глазел даже исподтишка.

Я представил, как бы вели себя мои сопланетчики при появлении на Земле марсиан. И мне стало почему-то обидно такое «равнодушие» Вечно Идущих. «Какой нелюбопытный народ».

— Любопытны, очень, — сказала Ли. — Разве ты не ощущаешь, Ив, что вокруг тебя «поле внимания»?

Антон осуждающе посмотрел на меня и сказал:

— Просто они хорошо воспитаны, Ив. Не забывай, в какую древнюю цивилизацию ты попал. Неужели ты ожидал, что нам здесь не дадут проходу и станут рвать наши костюмы на сувениры?

В моей голове вяло проплыло:

«Воспитаны они отлично, а все-таки «полем» окружили. Как мне мешает это поле. Прямо как паутина. И почему у Антона такой менторский тон?

Наверное, из-за этой «паутины». И почему Ли «наглухо замкнулась» от меня, избрав посредником между нами Антона?»

Я все забывал, что невысказанная мысль здесь звучит как фраза, и тотчас же поплатился:

— Антон более восприимчив, — ответила Ли, — он лучше адаптировался в новых для него условиях.

Я возразил:

— Но это вряд ли. Мы всегда шли с ним на равных, и даже иногда... бывали случаи...

Ли была безжалостна:

— Ты утомлен и, как вы говорите, потрясен всем, что с вами происходит. И это вполне естественно. Наверное, и я, будь на твоем месте, вела бы себя почти так же.

— Почти! — придрался я. — Только почти! Вы с Антоном, конечно, слеплены из другого теста.

Она пристально посмотрела на меня.

Я пробормотал:

— Да нет, что вы, то есть ты, я еще вполне...

— Возьми это и убедись сам. — Она протянула мне пластину, на ней светились два кружочка — копии индикатора на потолке Дворца Великих решений. Контрольный кружочек горел ярко, второй еле тлел.

— Крайняя степень перенапряжения, — сказала Ли, — возьми индикатор. Очень полезный прибор. — Второй такой же индикатор она вытащила из кармана туники и подала Антону. — Возьми и ты.

Взглянув на него, Антон обрадовался:

— У меня гораздо ярче. Смотри! А твой действительно еле тлеет. Ты, Ив, возьми себя в руки. Ну мало ли что случается в наше время. Не надо так принимать все к сердцу. Лилиана-Ли! Это у него пройдет. На тренировках действительно он часто был выносливее меня, Ив! Выше голову, старина!

У меня защипало глаза от наплыва теплых чувств к моему другу.

«Подмосковная дача»

Все это время мы шли по сиреневой мостовой между приземистых домов с крышами-садами. Еще раз над нами пролетел четырехкрылый дракон, это доброе чудовище вытянуло к нам радужную шею и любопытно пялило на нас все свои четыре глаза. Ли ответила на вопрос, одновременно возникший у нас с Антоном: «Куда мы идем?»

— Тебе, Ив, и даже тебе, Антон, необходим отдых. Сейчас будет строение, где вы найдете привычные вещи, сможете провести

некоторое время, восстанавливая свои силы. Затем вы снова предстанете перед Великим Стратегом и всеми людьми Багряной. Вас познакомят с жизнью Вечно Идущих, с их трудом, с их наукой, с тем, что вы называете искусством. От вас ждут информации о Звезде Надежды. Вы не взяли с собой записей. Но мы способны извлечь всю нужную нам информацию из вашего сознания и подсознания, не так, как это делаю я, а в зримых образах. Запись уже ведется.

— Без нашего разрешения, — холодно сказал Антон. — Жаль, что здесь нет Макса Зингера, нашего друга, он бы не постеснялся высказаться по этому поводу.

— Макс Зингер — психолог, — сказала Ли, — и он бы понял нас. Пойми, Антон, и ты, Ив, что у нас нет другого способа получить о вас нужную информацию, узнать, в чем мы родственны и в чем противоречивы. На какой основе, возможно, между нами, содружество. Знать, что сближает, необыкновенно важно.

— Все это имеет смысл, но, Лилиана-Ли, не находишь ли ты, что над нами учиняется насилие, здесь затрагивается область этики!

— В какой-то степени да. Но ты же знаешь, что познания не обходятся без насилия, и ты знаешь немало случаев, когда для больших целей пренебрегают и этикой. В данном случае вам не будет причинено никакого вреда. И все же, если вы станете протестовать, то мы прекратим записи, уничтожим их.

— Нет, почему же, — сказал Антон, — нам особенно нечего скрывать, верно, Ив?

— Да, конечно... — сказал я неуверенно. И у меня возникло такое ощущение, будто нас с Антоном раздевают посреди улицы. Особенно меня беспокоило подсознание. «Что, если там найдут все те черты характера, от которых я с таким трудом избавился? А если еще учесть предков, то здесь Вечно Идущие получат не особенно лестную для нас картину, и они задумаются

— стоит ли с нами вступать в дружественные контакты».

— Лилиана-Ли, ты не трогай наших предков. Все, что вас интересует, сообщим мы с Ивом. Не надо, Ли. Получится не совсем верная картина. Хотя мне нечего стыдиться моих предков. Они вели

тяжелую жизнь, борясь с силами природы, врагами. Мой прадед погиб на войне...

— Ты опасаешься, что люди Звезды Надежды предстанут перед нами нереально, искаженно?

— Конечно, Лилиана-Ли. По нас нельзя судить о всех людях Земли. Только приблизительно. Ведь и Вечно Идущие не одинаковы... — Про себя он подумал: «Как огурцы».

Ли спросила:

— Огурцы? Это что, вид разумных существ на Звезде Надежды? — И тут же, поняв, что попала впросак, сказала: — Ты пользуешься образными сравнениями, Антон. Конечно, каждый мыслящий индивидуален. Все же ты не думай, что у нас создается неверное представление о людях Звезды Надежды. Нет, отклонения от нормы дают более полное представление о возможностях вида. Да, я правильно осознала это понятие. Ты, Ив, несколько дней назад говорил о новых видах растений на Багряной со своим другом Максом Зингером. Вечно Идущие — психологи «очистили» записи от случайного, — да, ты прав, Антон, — наносного... Да, улица очень красива. Мы ее очень любим, эту улицу.

Мы с Антоном залюбовались эмалями на стенах домов. Картины напоминали произведения наших примитивистов, только сочность красок была поистине неземной, да и сюжеты тоже. Например, на огромном панно изображался дракон в полете, на его спине сидел большеглазый мальчишка. Картину обрамлял орнамент из цветов синего кактуса. Картина была объемной. Создавалось впечатление, что дракон действительно парит над Красной пустыней. Пройдя дом с картиной, я оглянулся и увидел другую сторону «Дракона» — он «висел» в воздухе.

— Работы детей, — пояснила Ли и добавила печально: — В городе нет детей. Совсем нет. Ни одного.

— Но картины?.. — спросил Антон.

— Созданы давно, когда здесь жили дети. Здесь много копий. Некоторые перенесены из других мест, из покинутых городов, разрушенных метеоритами. Дома здесь принадлежат Обществу свободной рождаемости. Да, у нас рождаемость была ограничена, а сейчас, когда

снят запрет, почти совсем прекратилась. Рождение Вечно Идущего — праздник для всей Багряной.

Ли остановилась перед зданием, до странности напоминающим нашу подмосковную дачу, где экипаж планетолета провел последний месяц перед стартом. Дом поражал добротностью материала, отделки и в то же время несуразностью деталей. Крыша в виде желоба, с загнутыми внутрь краями, из желоба поднимался шест с флюгером в виде странного существа, отдаленно напоминающего местного дракона, окна в «кружевной резьбе» почему-то строители вделали, положив их набок, колонки у крыльца почти в «русском стиле». Что им удалось передать, так это цвет «дачи»: серебристая крыша, светло-зеленые стены, белые карнизы.

— Смешной дом, — сказал Антон, — очень забавный, зато похож. Правда, Ив, похож?

Я согласился и подумал: «У кого из нас они вытянули такую информацию о земной архитектуре?»

Ли мгновенно ответила:

— Из тебя, Ив. У тебя хорошая память на образы.

— Ничего себе! — обрадовался Антон. — Хотя в институте Ив был широко известен как карикатурист.

— Мы очень ценим людей, умеющих придавать вещам оригинальные формы. Строители, скульпторы, художники ждут встречи с тобой, Ив. — Ли остановилась у крылечка в четыре ступеньки, как и у подмосковной дачи. — Иди, Ив, восстанавливай силы. Путешествие во времени требует очень много энергии.

Я поднялся по крылечку из какого-то очень прочного материала под дерево. Антон остался с Ли. Они стояли, взявшись за руки, и вели неслышный для меня разговор.

Узкие сени. Вешалка о трех ногах, на ее рожках висело что-то похожее на плащи и шляпы. В прихожей низкий стол, на нем стеклянный аквариум, в воде среди причудливых водорослей резвились существа, похожие на тропических рыбок. Я подошел к аквариуму, на даче под Москвой был почти такой же, только меньших размеров, и в нем плавала стайка барбусов; здешние рыбки были тоже в желтую полоску по темно-лиловому фону. У рыбок было по четыре глаза и

длинные усики, как у жемчужной гурами. Рыбки подплыли, уставились на меня черными глазами, замерли, шевеля усиками. Одна стала карабкаться по стеклу: у нее оказались ножки с присосками. Вылезла, села на край сосуда. За ней полезли и остальные и сидели, покачиваясь, как молодые воробьи на проволоке. Одна рыбка потеряла равновесие и упала, ударившись о пол с резким сухим звуком. Я поспешно наклонился, взял ее и ощутил жесткую сухую оболочку. Внезапно рыбка подпрыгнула и полетела по комнате. Описав круг, она нырнула в аквариум, тотчас же все ее товарки попрыгали в воду.

«Интересные создания, — подумал я, — вот бы сюда Макса Зингера. Да вообще здесь все необыкновенное. Надо же отгрохать такую несуразную дачу».

Глаза у меня слипались, ноги подламывались в коленях, я плюхнулся в кресло, невесть откуда взявшееся у меня за спиной, и мгновенно блаженное чувство покоя охватило меня. Над головой у меня порхали марсианские барбусы. Рыбки щекотали мне щеки своими усиками и что-то мурлыкали на непонятном рыбьем языке.

Я проснулся на широком диване в другой комнате, в противоположной стороне на таком же ложе сидел Антон, свесив ноги. Все в спальне утопало в зеленоватом сумраке.

— Выспался я здорово, а ты? — спросил Антон.

И я чувствовал себя вполне отдохнувшим и словно помолодевшим. Антон сказал, что перенес меня в спальню, раздел и уложил в постель, что робот принес нам обед — что-то вроде желе и какой-то шипучий напиток.

Я ничего не помнил.

— Да, ты ел как во сне, — сказал Антон и стал одеваться.

— Ты не заметил летающих рыбок? — спросил я, тоже протягивая руку к одежде.

— И замечать нечего, вон они порхают над головой.

Действительно, под потолком с легким жужжанием носилась вся стайка марсианских барбусов, неожиданно они прошли на бреющем полете у самого пола и опять взмыли к потолку.

— Рыбы — ерунда, — сказал Антон. — Вот у меня нет ни одной пуговицы у брюк. А у тебя?

И у моих брюк тоже не было ни пуговиц, ни крючков.

— Все-таки как-то мы их носили, — ворчал Антон, рассматривая пояс брюк.

— И еще одна странность, — сказал я, — нет ни одного шва, и материал похож только цветом, он совсем неземной.

— Не ломай голову, Ив, — бодро сказал Антон. — Вот смотри: все застегнулось. Какие-то магнитные приспособления. Хотя проще было сделать на резинке. Наверно, ты снабдил их информацией и об устройстве земного костюма?

Я промолчал, наблюдая, как наши кровати конвульсивно сжимаются, меняют цвет с зеленого на малиновый и превращаются в глубокие кресла.

Мы сели. Кресла повернулись к более светлой стене. Рыбки опустились ниже и стали летать медленней.

Я чувствовал, что весь расслабился, ничего меня особенно не удивляет, мне приятно в кресле, нежившем каждый мой мускул, что я не должен ни о чем тревожиться, а сидеть и смотреть на стену, на которой сейчас возникали и исчезали гуманные волны разных цветов. Но скоро под спокойный ритм волн все-таки нет-нет да стала пробиваться смутная тревога. В одну из таких минут я повернул голову к Антону и поразился серьезности его лица:

Он спросил:

— Блаженствуешь?

— Да, очень удобные кресла-кровати. Как ловко они устроены! И эти летающие рыбки. Тебе они не нравятся?

— Не впадай в детство, Ив. Встряхнись! Мы не должны поддаваться всей этой хитроумной технике. Рыбки-роботы, они держат нас под непрестанным контролем, рыбки-шпионы!

Я стал вяло возражать, сказал, что слово «шпион» не подходит для такой цивилизации, что они и так видят нас насквозь. И откуда он взял, что марсианские барбусы шпионы? Просто они решили поразвлечь нас, и, может быть, такие существа у них в каждом доме.

— Мне сказала Ли, — резко ответил Антон, — она также меня успокаивала. С помощью порхающих приборов, облеченных в земные

образы, они надеются получить недостающие данные. Ничего себе земные образы!

— А помнишь барбусы на даче подмосковной, — сказал я весело. — Забыл?

— Ничего я не забыл. Кыш вы! — Он махнул рукой, и стайка рыбок мигом вылетела из комнаты. Он посмотрел им вслед. — Давно бы надо их прогнать... Все-таки деликатный народ эти Вечно Идущие, не перебарщивают. Или, вернее всего, мы им нужны в спокойном состоянии, в расслабленном виде. Тогда, видимо, легче копаться в нашем подсознании. По всей вероятности, они очень спешат.

Я согласился:

— Если мы так внезапно появились, как чертики из коробочки, то можем так же быстро и исчезнуть, повернет там Арт какой-нибудь рычажок, и мы перемахнем через миллион лет!

— Тем более, Ив, нет никаких оснований так распускаться. Что, если вот сейчас, в этот момент, Арт нас перебросит в «Холодный дом» или промахнется

— и мы очутимся посреди пустыни вот в таком виде?

— Тогда мы даже не почувствуем, как наступит абсолютная ночь.

— Ив!

— Да, Антон. Я весь внимание.

— Возьми себя в руки.

— Взял. А ты не впадай в панику. У них все пред усмотрено. Ты же не ломаешь голову над тем, как с нас стянули скафандры и посадили в лимузин на магнитной подушке?

— Почему же. Думал и об этом. Лилиана-Ли сказала, что очень скоро нам все объяснят. Может быть, вы с Лилианой-Ли и правы — и надо положиться на Вечно Идущих.

— Все обойдется, вот увидишь. Не стоит волноваться зря. Подумаешь, перенеслись в прошлое. Надо же кому-нибудь было совершить этот прыжок... — Тут меня привлекло убранство наших покоев, и я подумал вслух: — Как они удобно живут! Какая техника! Зря ты прогнал барбусов.

Рыбки мигом появились, но Антон стал искать глазами, чем бы запустить в них, и они опять улетели в прихожую.

Антон сказал в свое оправдание:

— Надо быть с ними построже. Нам нечего от них скрывать, и пусть оставят эти детские хитрости. Мне кажется, они нас считают совсем простаками. Лилиана-Ли, например, сказала, что космическую навигацию они освоили давным-давно. Я верю ей. Да и как не поверить, когда такое перед глазами.

Я почувствовал, как блаженное состояние уступает место тревоге. Другими глазами я осмотрел теперь зеленую комнату. Вскочил. Прошелся по упругому ковру. Заглянул в окно. Мимо прошел важный марсианин, даже не покосившись на нашу дачу. В лице его застыло непостижимое спокойствие и уверенность в себе. Между тем Антон взволнованно говорил:

— Мы потеряли с ними связь. Что они думают? Представляешь положение Христо! Ты не задавал себе вопроса: сколько времени прошло, как этот сумасшедший робот выкинул с нами такую штуку, даже не намекнув, куда он нас отправляет? Вот идиоты мы, все вместе взятые! Как можно было доверяться автомату! Затем... Все же где наши скафандры? Действительно, может случиться так, что мы с тобой в этих шикарных костюмчиках местной продукции можем очутиться в ядовитой атмосфере при температуре минус сто или того ниже, хотя это уже не имеет существенного значения.

— Надо требовать скафандры! — сказал я.

— Хорошо, если они здесь. А что, если их сняли с нас перед посылкой сюда? Ну и влипли мы с тобой, Ив. — Он насторожился, побледнел. Затем с облегчением вздохнул: — Мне показалось, что кто-то входит...

— Ли?

— Да.

— Ну и что? Мы ведь ее ждем.

— Ждем-то ждем... Как бы тебе это объяснить... — Он помолчал немного, собираясь с мыслями. — Вот сейчас, когда ее нет, все иначе... Просто знакомая девушка с другой планеты...

— Просто?

— Ну не совсем, конечно. Ты не ехидничай, Ив. Ты не думай, что я забыл Веру. Со мной творится что-то непостижимое, Ив. И ты,

пожалуйста, извини за мой тон, колкости по твоему адресу. К этой обстановке надо привыкнуть, все время себя контролировать.

Я заметил, что Ли необыкновенное существо и что, будь я на его месте, то так бы не стал терзаться.

— Пожалуйста! Становись. Охотно уступаю. Скажу только спасибо, — с болью выкрикнул Антон.

Мы помолчали. Мне стало жаль друга.

— Обойдется, — сказал я. — Может, нам все это только кажется. Ведь путешествие в креслах тоже выглядело совсем реально. Мы даже чувствовали запахи.

— Фокусы Арта? И он все о чем-то выпытывает нас. Что у него за Миссия? Для какой цели он послал нас сюда? Чего он добивается этим? Или ты прав, и мы опять принимаем участие в фильме? — Он ощупал кресло, дернул себя за ухо. — Невозможно поверить, что это фильм или что-либо в этом роде.

И я весь напрягся, стараясь прогнать наваждение, проснуться, если все это сон.

— Нет, это далеко не сон, — сказал Антон.

— Ты что, читаешь мысли? — спросил я без удивления.

— Разве ты этого не сказал?

— Только подумал.

— Значит, мы с тобой заядлые телепаты!..

Я вспомнил, что почти весь наш разговор проходил молча. Какой совершенный способ общения. Нельзя ничего сказать лишнего. Плохо подумать о собеседнике.

Вошел полосатый робот с подносом. Антон поздоровался с ним, как со старым знакомым, сказав, что это тот самый парень, что подавал нам обед.

На подносе стояли два высоких бокала, сквозь стекло просвечивали пузырьки газа, они поднимались на поверхность и лопались, обдавая лицо колючими брызгами. Мы с удовольствием осушили бокалы. Робот с плоским, невыразительным лицом взял бокалы одновременно у нас обоих, другой парой рук он держал зеленый поднос в виде полумесяца.

Мы поблагодарили.

— На здоровье, — раздалось где-то внутри робота, и он укатился в глубину зеленой стены.

— Отличный напиток, — сказал Антон, — что-то похожее на мой любимый ананасный сок.

— У меня мой нарзан со льдом! — похвастался я. — И еще с чем-то очень приятным на вкус.

И мы в который раз подивились необыкновенной прозорливости и предупредительности Вечно Идущих.

— В принципе все, вероятно, не так уж и сложно, — сказал Антон, — и у нас последнее время стали читать мысли и рыться в подсознании, пока, правда, в виде опытов. Здесь, конечно, дело поставлено отлично. — Он прислушался. — Где-то на подходе Лилиана-Ли. Ив! — воскликнул он в тревоге. — Она сказала мне там, у крыльца, что придет и мы больше с ней не расстанемся. Ну что ты улыбаешься! Это же... Это...

— Ну, раз есть возможность прекратить этот тягостный для тебя роман...

— Ах, ты ничего не понимаешь.

— Возьми себя в руки, Антон. Не поддавайся!..

Мы повернули головы: за креслами стояла Ли в новом костюме: длинная, до пят, туника тусклого серебра со смутно проступающим рисунком, меняющимся при легком движении материи. На тонких, обнаженных до плеч руках узкие платиновые браслеты, по крайней мере, они так выглядели; прическу она также изменила — совсем земная короткая стрижка, — и лицо стало» несколько иным.

«На кого она похожа? — подумал я и понял: — На Веру! Невесту Антона. Похожа чем-то неуловимым, обвораживающим. Она красивее Веры! Необыкновенно красива! Бедный Антон!»

— Вот теперь вы отдохнули, — сказала она, и а голосе ее прорывались Верины нотки. Она обратилась ко мне: — Ты считаешь, что я похожа на Веру?

— Да, похожа.

— Я красивее! — не спросила она, а бросила с вызовом, утвердительно.

Все во мне протестовало, я увидел милое лицо Веры, ее улыбку, как она храбро держалась при прощании. И все-таки против воли я сказал:

— Ты очень красива, ни одна земная женщина не сравнится с тобой.

— Это правда? — она повернулась к Антону.

— Ты необыкновенно хороша! — торопливо заверил ее Антон, весь подаваясь к ней. На его лице застыла самодовольная улыбка избранника, будто он надел маску.

Я не заметил, как появилось третье кресло справа от Антона, по форме такое же, как наши, только в тон ее платья — темно-серое, почти черное.

Волны на экране вздыбились, смыли стену и покатились, убегая все дальше и дальше, пока не скрылись за горизонтом, обнажив красноватую равнину с чахлыми кактусовидными деревьями.

Кружочек тусклого солнца еле обозначался в пыльном небе. На буром песке лежали два человека в земных скафандрах. Наши скафандры не спутаешь: оранжевые мощные колпаки прозрачных шлемов и особый покрой, не лишенный изящества. Люди неподвижны. Невольно возникла тревога. «Кто это? Неужели Христо и Макс?»

— Их еще здесь не хватало! Достаточно и нас с тобой. Если у Арта действительно есть какая-то Великая Миссия, и он рассчитывает на нашу помощь, то ему незачем рисковать последними людьми.

— Рисковать! — вырвалось у меня.

— А ты думал, шуточки отправлять людей за сотни тысяч лет в прошлое! По всей вероятности, это кто-либо из Вечно Идущих.

— В наших скафандрах?

— Ну зачем же в наших. Если они отгрохали такую дачу, то снять копии с наших костюмов для них пара пустяков.

Люди в скафандрах зашевелились. Один сел и тут же опрокинулся на спину.

— И все-таки это Христо и Макс! — сказал я весело, чувствуя необыкновенную легкость в голове.

Антон заметно побледнел и как-то растерянно посмотрел на меня.

— Ну что здесь такого, — сказал я, — вчетвером будет веселей. Как обрадуется Макс, когда увидит этот город, сады на крышах и дракона...

— Идиот! — устало проронил Антон. — Ты только подумай, что будет, если мы застрянем в этом прошлом. Весь смысл в том, что кто-то из нас должен вернуться, иначе все напрасно: и наш полет, и то, что мы здесь, и то, что мы успели узнать, увидеть.

В пыльном небе появились летательные аппараты.

Космонавты придвинулись к нам; до них оставалось всего с десяток метров, смутно различались за стеклами скафандров лица. Лица землян! Теперь уже нельзя было ошибиться. На них упала тень от ярко-красного днища машины, которая повисла над ними.

Мы забыли о нашей спутнице, не видели и не слышали Ли, конечно, не без ее все подчиняющей воли. Все наши помыслы сконцентрировались возле двух парней в земных скафандрах. Из аэролета (он опустился) вышли два серых робота высшего класса, они около минуты осматривали космонавтов и окружающую местность; в руках они держали портативные дезинфицирующие излучатели (назначение этих приборов мы узнали несколько позже), затем из машины появились трое в легких красных скафандрах с характерной формой шлемов в виде шляпки белого гриба, без видимых прорезей для глаз. Двое из них несли небольшие диски на тонких раздвижных стержнях и направили их на космонавтов. Люди в скафандрах зашевелились. Роботы бережно подняли космонавтов и скрылись с ними в объемном чреве машины. Красная троица важно проследовала за ними. Задвинулась дверь. Машина поднялась и полетела над равниной в сопровождении многочисленного эскорта из самых различных машин, которые все время подлетали и останавливались в воздухе на разных высотах.

Теперь мы повернулись к Ли. Она сидела в прежней царственной позе с высоко поднятой головой и смотрела на Великую Марсианскую равнину, стремительно летевшую на нас.

И хотя мы оба почти кричали, можно, оказывается, и кричать, не произнося вслух ни слова:

— Кто эти в скафандрах? Куда их повезли? Как они оказались здесь?

Она посмотрела на меня, потом на Антона, и «наш эмоциональный взрыв» погас, наступило приятное расслабление, как после только что пережитой опасности. Мне стало неловко, что я так грубо обратился к нашей милой спутнице и проявил такое нетерпение, хотя, видно по всему, мы и так все скоро узнаем. Она протянула руку Антону, он поцеловал ее тонкую четырехпалую кисть.

Укоризненно косясь на меня, Ли сказала:

— Мне это очень нравится, Антон. — Когда он поцеловал руку вторично, она продолжала, не отнимая руки: — В одной старой записи я видела похожую сцену. Но там мужчина целовал ноги женщине. Почему-то сцена вызвала много протестов. Женщина только что вернулась из пустыни, ноги ее покрывала пыль. Самый выдающийся судья прекрасного, Сеющий свет, нашел обычай варварским и антисанитарным.

— Он, должно быть, очень стар, этот Сеющий свет? — спросил Антон.

— Да, он носит темные одежды — признак долгой жизни...

Красный аэролет подлетел к огромному куполу города. В быстро сменяющихся кадрах мы увидели у городских ворот на площади, вымощенной розовыми плитами, множество людей и машин, приземление красного аэролета, вынос космонавтов, встреченный поднятием рук и певучими возгласами.

Оператор мастерски показал нам живописную толпу, выхватывая характерные лица с выраженной на них разной степенью изумления, тревоги, надежды. Я помню один холодный, даже враждебный взгляд. И тут же крупным планом — плачущую женщину, почему-то протягивающую руки вслед красной машине. Мы увидели залитый солнцем купол города и летящего над крышами дракона.

— Прекрасное сочетание, добрый знак, — сказала Ли, глядя на четырехкрылую птицу.

Внезапно мы очутились в черной комнате, то есть эта комната как бы слилась с нашей, стала ее продолжением. По-видимому, это была лаборатория или операционная. Пахнуло озоном и еще смесью

незнакомых ароматических веществ. Когда-то я ощущал такие запахи. Но где? — не мог вспомнить. Комната казалась то круглой, то многогранной. Никогда я не видел такого приятного черного цвета различных оттенков, подчеркивающего умопомрачительную чистоту стен, потолка, столов-ларей, как у Арта, на котором оперировали бедного Туарега; потолок значительно светлей, серебристо-черный, видимо, там находился источник света, не дающий тени. Над столами, ничем не прикрепленный к потолку, плавал большой голубоватый диск.

Роботы внесли космонавтов, положили на лари, стали снимать скафандры. Сняли первый шлем. Я услышал смешок Антона. Мне было не до смеха: первый, с кого сняли шлем, был я, с помятой физиономией, небритый, с тусклым, сонным взглядом. Я никогда еще не наблюдал себя со стороны в таком неприглядном виде. Покосился на Ли. Лицо ее оставалось невозмутимым. Я быстро перевел взгляд на вторую фигуру — и, должен признаться, испытал разочарование: Антон держался молодцом, он улыбался, помогал роботам.

— А ведь я ничего не помню, — сказал он и спросил меня: — А ты, Ив?

— Только запах.

— Запах и я вспомнил. Антисептики? Да?

Ли подтвердила пожатием руки. Она жала ему руку по каждому поводу и без всякого повода, хотя мне могло и показаться, что повода не было.

— Теперь вам известно место появления в нашем времени. Сейчас для вас наступает период длительного отдыха и приспособления к условиям Багряной. Вас помещают в контейнеры с чистым животворным газом и погружают в сон.

Действительно, нас с Антоном положили в прозрачные пеналы, уже в другом помещении, менее черном, и задвинули в стену.

— Здесь вы находились двадцать один день, — сказала Ли.

Мы помертвели. Двадцать один! Так Вашата и Зингер, потеряв надежду, давно улетели. Они считают нас погибшими: в наших баллонах кислорода всего на трое суток!

Великий стратег

Наступило тягостное молчание. Невидящими глазами я смотрел на экран, только иногда фиксируя происходящее там: вот нас вытащили из пеналов… сажают в аэробус, мы в толпе… Ли вступает с нами в разговор… Изумленное выражение лица у Антона, когда он впервые ее увидел… Все это время я освобождался от обволакивающих сознание пут, так, по крайней мере, мне казалось. Мозг искал выхода, рвался из чуждого нам будущего на корабль, в круг знакомых понятий, вещей.

То же происходило и с Антоном. Я увидел его прежним — прямым, решительным, смелым. Он говорил Ли, не скрывая горечи:

— Как вы могли пойти на это?

— Я понимаю тебя, Антон, продолжай, хотя я знаю, что ты скажешь. Все равно говори. Тебе необходимо сбросить душевный гнет. Говори, Антон.

— Да, ты все знаешь. Можешь продолжать за меня, навязать мне свое мнение, свои желания. Но все же я скажу. Как вы могли упрятать нас на такой срок в эти ящики. Ведь теперь наш корабль улетел! Улетел без нас! Ну что мы теперь будем делать? Останемся здесь навсегда? Как дадим знать о себе, обо всем, что видели. О вас? Как мы предупредим людей, чтобы они не шли вашим гибельным путем?

— Наш путь верен, — сказала Ли холодно. — Жесток космос. Жестока несправедливость тех, что смотрят и не видят.

Мне стало жалко Ли. Антон явно перехватил. Я хотел было вмешаться, сгладить резкость друга, но этого не понадобилось, Антон взял себя в руки.

— Извини, Лилиана-Ли. Я веду себя совсем по земному, в самом худшем смысле слова. Никто не виноват. Вы нас не ждали…

— Нет, ждали, Антон. Очень ждали, только в будущем. Сейчас вас еще нет на Земле Надежды. Сейчас вы проходите муки рождения. Вас ждала Багряная позже! А вы пришли сейчас.

— Но ты пойми…

— Понимаю, Антон. Я знаю, что Багряная, откуда вас послали последние из Вечно Идущих, сейчас повержена в прах, она умирает, она

лишена воды, на ней нет воздуха, пригодного для дыхания. Лишь теплится надежда на возрождение. Надежда на вас, наших братьев со счастливой звезды.

— Все это так, Ли, — печально произнес Антон. — Все так. — И вдруг его осенило: — Может, в этом и заключается Великая Миссия Арта? Чтобы нас забросить к вам и через нас поведать, что ждет Багряную. Чтобы вы приняли меры? Если это так, то куда ни шло! Мы готовили себя ко всяким случайностям. Ведь так, Ив?

Что я ему мог ответить? Пожать руку? Только руками моего друга опять завладела Ли. По экрану побежали разноцветные волны, послышалась музыка, и я уловил, что цвет связан со звуками. Прослеживалась одна тема в светлых тонах. Должно быть, музыка была веселой по местным понятиям, но у меня защемило сердце. Фонетическая музыка прекратилась, но еще некоторое время звучала цветовая симфония. Действительно, звуковых колебаний не ощущалось, музыка возникала где-то в сознании, как воспоминание забытой мелодии. И оттого, что это происходило во мне, я испытывал чувство, близкое к восторгу. Наверное, это и есть музыкальное вдохновение, испытываемое композитором.

Ли сказала:

— Да, каждый является хранителем музыкальных образов. Все мы слышим то, что дремлет в нас, пробуждается под воздействием световых сочетаний. Есть сложное определение этого вида ощущений, в приблизительном переводе это можно назвать музыкой души, природа этого явления проста.

— Вы и здесь нашли ключ к подсознанию? — спросил Антон.

— Ключей к подсознанию много... Как жаль, Антон, что ты еще не умеешь слышать звучание световых волн, не видишь музыкальные образы.

Антон ответил, задумчиво улыбаясь:

— Я утратил эту способность, Лилиана-Ли. В детстве я ощущал нечто подобное. Близкие считали мою повышенную чувствительность ненормальной и даже обращались к врачам.

— И ты утратил этот дар?

— Да, как муравей крылья.

— Муравей?

— Насекомые, общественные животные, очень маленькие.

— Я вижу… Ты ярко их изобразил.

— Изобразил?

— В сознании.

— Ах да. Действительно, представил себе муравьишек. Я любил с ними возиться, даже в школьные годы снял фильм. Помнишь, Ив?

«Да, я помнил этот фильм. Но почему он никогда мне не говорил, что видит звуки?»

Ни он, ни она не обратили внимания на мои мысли, занятые только собой.

Ли спросила:

— Муравьишки теряют крылья, когда в них отпадает потребность?

— Больше они никогда не летают, строят удивительные сооружения из хвои.

— Хвои? Ах да, теперь вижу. Какое красивое растение!

— Елка…

— Как прекрасен ваш мир! Ты мне покажешь его, Антон?

— О да, Лилиана-Ли!

«Зачем она его спрашивает, — подумал я, — он сделает для нее все на свете. Все-таки почему он не сказал мне, что мог видеть звуки».

Ли сказала:

— Тогда, Антон, небольшое вмешательство врачей — ты вспомнишь утраченное. Как ярче станет для тебя мир, ты станешь лучше понимать меня. И в тебе, Ив, также заложены чувства цветного слуха и музыкального зрения, но они спрятаны более глубоко. И если бы ты пробыл у нас дольше… — Она словно в награду за неприятный для меня диагноз одарила меня взглядом своих необыкновенных глаз: в ту минуту серых, с большими черными зрачками, из них лился теплый, вопрошающий свет.

Не казались ли мы ей тогда муравьишками, потерявшими крылья, такими же примитивными, особенно я. В Антоне она находила таланты, о которых я прежде и не подозревал, раскрывала в нем все новые тайники, пленившие ее изысканный вкус.

— Ты не огорчайся, Ив, — сказала Ли. — Мы старше вас. Прошли тысячелетия, прежде чем Вечно Идущие раскрыли некоторые особенности интеллекта. Ваш путь более легок. Вы многое возьмете из нашего опыта. Это естественно, жизнь в космосе взаимосвязана. Наши потомки научились преодолевать время. Они прислали вас к нам, чтобы вы убедились, что, несмотря на многие различия, мы из одного корня, как и вся жизнь во вселенной...

Эти слова не показались мне тогда полными высочайшего смысла, как это я осознаю сейчас; наверное, прав Макс — сказывалась непомерная нагрузка на психику, я слушал Ли краем уха, а сам думал: «Ни за что нам не выбраться из этого страшного мира. И если выберемся, то лишь для того, чтобы умереть в оранжевых креслах: Арт не знает, что мы без скафандров, и перенесет нас в космический холод, в вакуум». Почему-то меня особенно пугало, что мы попадем в разреженную атмосферу, где в лучшем случае вместо снега выпадает твердая углекислота...

Ли сказала:

— Опасность незначительная. И ты, Ив, и Антон, если он пожелает, успеете надеть защитную одежду, прежде чем поле достигнет предельного напряжения. Вы находитесь под беспрестанным наблюдением. Эти роботы, — она показала на порхающих под потолком барбусов, — измеряют напряжение поля, и если оно начнет повышаться, то на вас сейчас же наденут скафандры. — И опять она посмотрела на Антона так, что было ясно: если он захочет. — По вашему желанию можно блокировать поле.

— Тогда мы навсегда останемся здесь? — спросил Антон.

— Да, ты можешь остаться. Поле можно блокировать только вокруг тебя. А Ив уйдет. Его здесь ничто не удерживает, кроме любопытства, или, как он сейчас подумал, «научного интереса».

Да, я так подумал и еще подумал: «Ну а если останусь? Нет, конечно, ни за какие деньги, — вспомнилось мне, как мы говорили в детстве. И в оправданье нетактичной мысли: — Нас ждут, мы должны сообщить о невероятном путешествии. Ждет Арт с его Великой Миссией, ждут дома. Не имеем права».

— Вместо вас можно послать контейнер с несравненно большим запасом информации, — сказала Ли.

Я испугался, и она тут же успокоила:

— Ты должен понять, Ив, что насилие немыслимо в мире Вечно Идущих. Ты подумал, что у нас есть способы подчинить волю. Да, есть, но эти способы неприменимы. Ты испытал их на себе? Да, но как побочное явление. Ты знал о возможности общения с помощью биоволн, но не мог им пользоваться. Сейчас ты слышишь беззвучную речь, я помогла тебе освободиться от предубеждения, что такое общение невозможно, научила молча понимать чужие и передавать свои мысли. Теперь с каждым мгновением ты становишься увереннее в себе. Мое влияние оканчивается и скоро прекратится совсем.

— Нет, — сказал Антон, — не прекратится. Никогда не прекратится, Лилиана-Ли!

— Мне приятно слышать это от тебя, Антон...

Этому вновь начавшемуся объяснению в любви помешал глухой грохот, вздрогнула наша «дача», высокий бокал, который я поставил на подставку, предупредительно выдвинувшуюся из подлокотника, упал и с мелодичным звоном покатился по ковру. Без предварительного музыкального вступления стена превратилась в экран. Мы увидели прилегающие к городу голубые и бурые насаждения, дорогу, перевернутый аэробус, возле него уже стояла белая машина мгновенной помощи. Объектив перенесся дальше, к темному столбу пыли, смутно обозначились края воронки.

— Метеорит! — сказал Антон. — Солидный камешек. Какое счастье, что не попал в наш город.

— Город недоступен, — сказала Ли. — Мы научились защищаться от космических вторжений.

Мне хотелось спросить, каким образом, и тотчас же вместо воронки на гигантском экране возникло приземистое здание где-то в пустыне, аэролет, опустившийся возле него. Трое марсиан вошли под нависшие своды, затем был показан их путь по коридорам, обширным залам с панелями управления, все очень напоминало наш вычислительный центр в Тобольске. Здесь все было полностью автоматизировано, изредка появлялись фигуры роботов в форме

многогранных тумб, они следили за изменением цвета на бесчисленных пластинках, покрывающих панели. Марсиане стали опускаться на лифте. Вот они в большом куполообразном зале, где, помимо нескольких полосатых роботов, находился еще один, очень похожий на Артаксеркса. «А может быть, это он собственной персоной?» — подумал я.

— Нет, это не пославший вас, — ответила Ли. — Это и не Вечно Идущий, и в то же время самый совершенный из нас, он вмещает в себя все доступные нам знания, у него одна цель — оберегать нашу планету от вторжений из космоса.

Часть светлой стены и купола, обращенная к нам, как бы разверзлась, раскрыв путь во вселенную. Мы увидели неповторимую картину звездного неба, которую можно наблюдать только со спутников, с Луны, в иллюминаторы и на экранах корабля.

Ли подтвердила:

— Трансляция со спутников. Извержения вулканов, метеоритная пыль по-прежнему окутывают Багряную.

— А эти трое? — спросил Антон. — Зачем они там, когда могли вот так же, как и мы, наблюдать за всем, что делается в подземельях обсерватории? И даже давать указания?

— Могут. Но это их обязанность. Стратеги пришли убедиться в правильности решений Видящего далеко. Вы наблюдали, как близко от стен города упал астероид? Известно, что степень ошибок у Видящего далеко — одна миллиардная, следовательно, и он может ошибиться. Тысячелетие назад не менее совершенное существо, созданное могучими умами, допустило гибель целого города, неправильно рассчитав полет осколка планеты, захваченного притяжением Багряной из Круга ужасов. С тех пор мы контролируем действия и людей, и машин, стоящих на важных постах и оберегающих жизнь многих.

На фоне россыпи звезд Млечного Пути ярко блеснула вспышка взрыва. Каким-то неведомым для нас способом Видящий далеко уничтожил астероид, падавший на Багряную.

Ли сказала:

— Вы еще увидите многое, рожденное умом и сердцем людей нашей планеты. Сейчас вас ждут Великий Стратег и все Вечно

Идущие. Сосредоточьтесь, особенно ты, Ив, иногда твои слова беднее мыслей, заложенных в тебе. Ты все еще недостаточно адаптировался.

— Адаптируйся побыстрей, — сказал Антон.

Мне было не до шуток, и я постарался «собраться», чтобы не выглядеть полным идиотом перед лицом всей планеты и Великим Стратегом. А он уже сидел в нескольких шагах от нас, живой, объемный, казалось, можно было подойти к нему, пожать руку, похлопать по плечу, наша спальня-гостиная стала продолжением его кабинета, в воздухе повеяло незнакомым, очень приятным, ни с чем не сравнимым ароматом. О марсианских благовониях можно написать целую книгу, там нет повторяющихся запахов, они строго индивидуальны и, как одежда, присущи только одному лицу... Кабинет не особенно высокий, просторный, стены тусклого золота, на полу коричневый ковер.

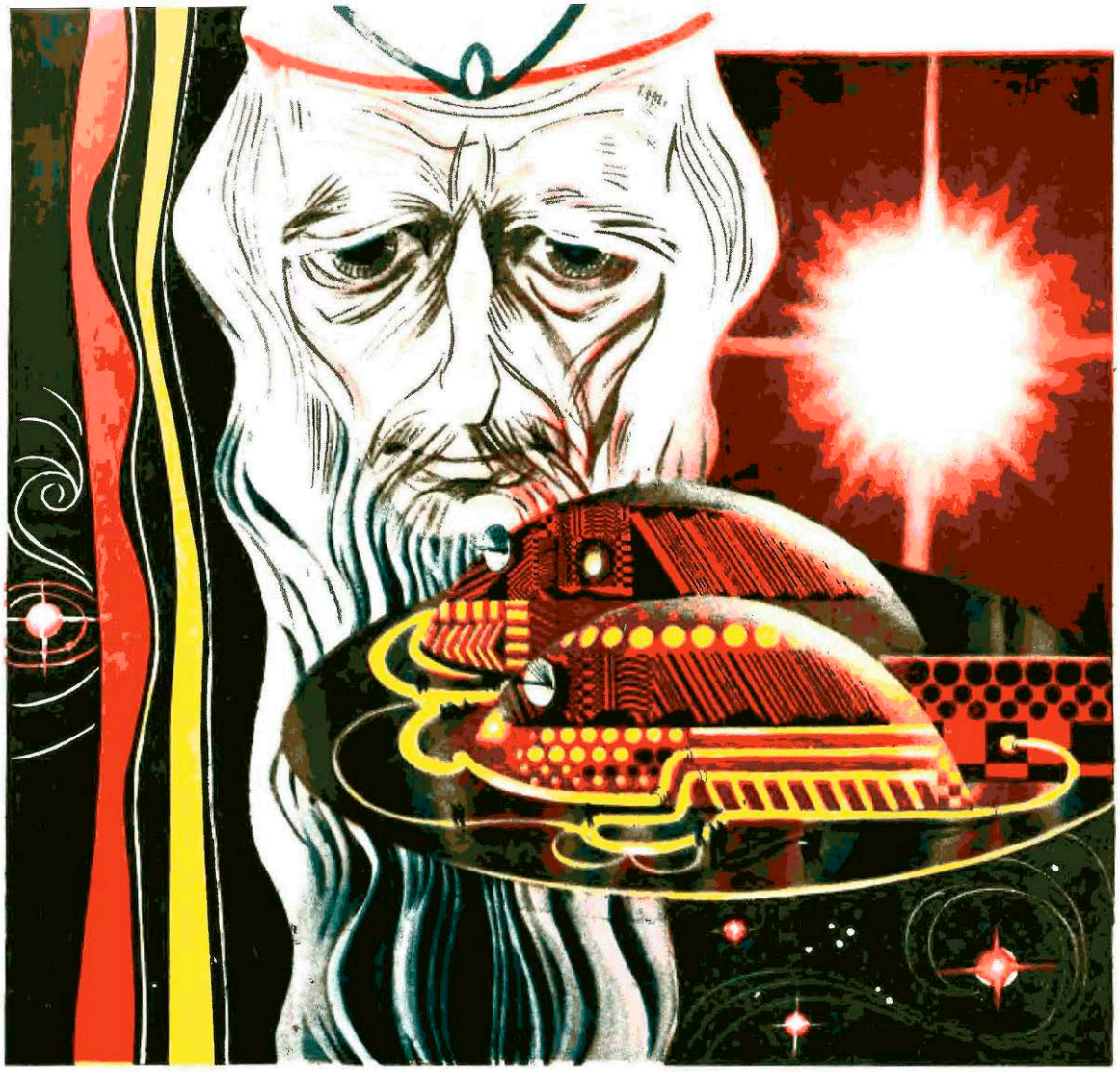
Стратег сидел на стуле с высокой спинкой, положив руки на полированную доску стола, вмонтированного в этажерку-шкаф с множеством отделений, выдвижных ящиков, полок; она поднималась чуть не до потолка. Но не убранство комнаты, не сам Стратег захватили все наше внимание, а дискообразное тело, висевшее между потолком и полом без помощи подставок или нитей, просто оно плавало в воздухе, хотя ощущалась на взгляд его тяжелая металлическая фактура. По диску передвигались крохотные фигурки космонавтов в серебристых скафандрах.

— Звездолет! — воскликнул Антон. — Какая громадина! В него войдет не менее тысячи вот таких космонавтов и еще останется место. Целый летающий город. У него гравитационный двигатель.

На какое-то время мы видели только это чудо, созданное гением Вечно Идущих, даже наше путешествие во времени затмил гравитолет.

Великий Стратег молчал. Казалось, он погружен в глубокое раздумье и совсем ему не до нас. Его тяжелые веки почти закрывали глаза, на лице застыла печальная сосредоточенность. Обманчивое впечатление. Он внимательно следил за нами, слушал наши мысли и их перевод.

Антон извинился, слегка наклонив голову:

— Мы поражены моделью звездолета, — сказал он. — Вероятно, он предназначен для полетов в другие солнечные системы?

Ли ответила:

— Пятьдесят оборотов назад то, что ты называешь звездолетом, улетело в систему Голубого солнца и десяти планет. На нем отправилось сто Вечно Идущих. Корабль не подает сигналов благополучия. Он или погиб, или его скрывает поле, непроницаемое даже для волн гравитации. Строятся еще три звездолета, более совершенных. Путь Вечно Идущих бесконечен. В звездном колесе, которое ты называешь Галактикой, — сотни миллионов солнц дают тепло и жизнь своим

спутникам — планетам, но, может быть, только на Багряной и много позже на Звезде Надежды родился познающий разум. Так думаю я, но Великий Стратег и еще многие считают, что есть и более высокие цивилизации, существующие миллиард оборотов и более. Звездолет «Дитя Багряной» первым ушел на поиски. — Она сделала короткую паузу и стала переводить слова Великого Стратега.

— Я склоняю голову и благодарю еще не познанные силы вселенной, создавшие разум, который не угаснет, пока светят звезды, а они никогда не погаснут. — Это было похоже на ритуальное приветствие, и во Дворце Великих решений он так же начал свою речь. Затем он, почему-то обращаясь только ко мне, продолжал:

— Ты очень молод, посланец Звезды Надежды. На Багряной только после двухсот оборотов жизни Вечно Идущий дерзает на подвиг полета к другой планете. Слава Звезде Надежды, где так быстро мужают обладающие разумом! Ты первый совершил прыжок во времени, недоступный даже для нас. Оправдались предсказания мудрых, обращающих ум на третью дочь Солнца...

Неудобно было слушать такую напыщенную речь и непомерную хвалу в свой адрес. Я подумал: «Неужели они не прочитали в нашем подсознании, что мы совершили этот «прыжок» не по доброй воле?».

— Над вами совершено насилие? — с изумлением спросила Ли. — Разве оно возможно на Звезде Надежды?

Наступила трудная пауза.

Впервые Ли неправильно прочитала мои мысли — вернее, не разобралась в их сумятице. Я также, сбитый с толку, стал путано объяснять, как за последние сто лет шло совершенствование землян, но тут вступил Антон. Сжимая руку Ли, он стал говорить что-то невразумительное о некоторых видах насилия, еще так недавно существовавших в последних капиталистических государствах, чем вызвал целый град новых вопросов:

— Что за виды насилия?

— Что значит капиталистический?

— Государство?

Антон начал было объяснять смысл всего этого, да через минуту наша переводчица остановила его, сказав:

— Значение понятно: антагонизм между группами людей и отдельными людьми, нечто подобное существовало очень давно и на Багряной. Хранитель памяти только что сообщил, что тысячу оборотов назад Вечно Идущий по имени Ловящий ветер принял облик Великого Стратега, погрузив последнего в анабиоз, и начал проводить действия, ведущие к захвату единоличной власти. Решением существовавшего тогда Совета Мудрых был отправлен на первую луну. Так совершились последние насилия на Багряной.

— У нас теперь тоже все реже... — начал было Антон, да я перебил его, сказав, что насилие совершено не на Земле, а здесь, на Марсе, и не кем-либо, а их потомком, хотя и механическим. Опять Антон перебил меня и теперь очень толково рассказал о нашем полете, красочно описал вид Марса при круговом облете, наши археологические поиски и встречу с Артом. Его не перебивали. Великий Стратег стиснул на столе свои четырехпалые руки. Ли напряглась в кресле, как струна, и стала выше Антона на полголовы.

Наступила самая длинная пауза в нашей беседе. Поэтому только можно было судить, какое впечатление произвел рассказ Антона на этих людей с молниеносным мышлением.

Наконец Ли сказала:

— Великий Стратег и Вечно Идущие скорбят о том, что должно случиться с нашей планетой. В круговороте жизни бывают подъемы и спады, они закономерны. Ты же сказал о гибели наших потомков, о разрушении городов, исчезновении морей и рек, растительности и животных. То, что осталось, не идет в счет. Жалкие крохи бурной жизни! Багряная без воздуха! И только робот остался хранить завещанное ему последними людьми. Грядущая трагедия жжет сознание, наполняет тело тоской! Так мыслю я и многие. Великий Стратег находит в себе силы думать и чувствовать иначе: он просит передать вам: ваша спутница полна тревожных чувств, свойственных женщине при ощущении неизбежного. Я мыслю не так безнадежно. Жизнь нельзя уничтожить, как нельзя уничтожить материю; ее основной закон — превращение из простого в сложное, затем распад и снова созидание. Цель жизни вселенной — рождение жизни. Споры ее носятся в космосе, подгоняемые «ветром» солнц, и, встретив планету, пригодную

для жизни, прорастают, как семена, упавшие в почву. То, что ты сказал, не ново для нас. Сейчас мы умножим усилия в борьбе с космосом и враждебными силами Багряной. Еще долог путь Вечно Идущих. И как ни печально, все же ты прав, думая, что всякому пути есть конец. После нашего поколения придут другие, наверное, более легко смотрящие на жизнь, и на их горе наступит период благоденствия, который мы подготавливаем. Люди станут расточительными, этот порок наблюдается и сейчас, но все же он ограничен благоразумием. Люди забудут, что и недра Багряной, и благодатный воздух, и воды морей могут иссякнуть. Мы оставим в памяти потомков печальную весть, принесенную из будущего. Все же, если Вечно Идущим придется закончить первый круг существования на Багряной, за ним начнется второй круг — и так до бесконечности.

Я подумал:

«Весть о гибели всего! Как же вы допустили?»

И сразу Ли ответила:

— Знать законы жизни и уметь предвидеть будущее мало для предотвращения бед. Вы наблюдаете сейчас стихийную силу космоса. Мы встречаем ее подготовленными и победим. Могут быть другие непредвиденные несчастья. Нас тревожит изменение магнитного поля планеты, которое мы не можем создать искусственно. Магнитное поле может исчезнуть на длительный период, и тогда на Багряную обрушатся потоки убийственных излучений Галактики и нашего светила. Это мы предвидим. Создаются города глубоко в недрах планеты. Народ Багряной трудится, сохраняя свое будущее, и даже сейчас, увидев вашими глазами будущее: Багряную без жизни, когда случилось то, что мы не сможем предотвратить, когда прах покрыл поверхность нашей родины, космос высосал воздух, иссушил моря и реки, — наш разум ищет пути возрождения. Он уже нашел их. Вы поможете вернуть и воздух, и воду, и потерянное небо, и жизнь!

Великий Стратег улыбался, глядя на нас, лицо его приблизилось, и видна стала каждая морщинка, каждый волосок его реденькой бороды. Он приподнял руку как для благословения и медленно уплыл в глубину экрана. Погас экран, материализовалась зеленая стена, перед ней висела в воздухе модель звездолета. Я кинулся к ней, обошел

кругом — да, она ни на чем не держалась. Осторожно притронулся к теплой глянцевитой поверхности, потянул за край вниз, диск не дрогнул, как монолит. Я потянул сильнее, взявшись за выступающую кромку в виде тончайшей сетки, и опять модель корабля осталась недвижима. А когда я подтянулся на руках, она вдруг стала подниматься со мной к потолку.

— Прыгай! — испуганно крикнул Антон.

Я разжал пальцы и упал на мягкий ковер. Модель заняла прежнее место. Я стоял, размышляя о том, чтобы могло случиться, если бы я не послушался Антона. Видимо, я включил двигатель, и модель устремилась в космос. Она могла пробить крышу «дачи» и городской купол, и мне бы не поздоровилось...

Я оглянулся, чтобы поблагодарить Антона. Его не было в комнате. Ли также исчезла, остался только едва уловимый аромат ее духов.

И-й-я

Тяжелая усталость охватила и тело, и мозг. Кресло услужливо превратилось в кровать, в которой я почувствовал себя почти невесомым, как в ванне с теплой водой. Бесшумно подкатил полосатый робот с подносом, на котором опять стоял высокий стакан, только теперь с темно-вишневым напитком, чуть прохладным, слегка пощипывающим язык. Робот скрылся в темно-зеленой стене. Мое ложе плавно покачивалось, или мне, это, казалось, после выпитого стакана. Повеяло ароматным теплом, под потолком неутомимо кружились барбусы, я не видел их, но слышал убаюкивающий шмелиный гул их крыльев.

«Хорошо, если они улавливают изменения полей и смогут предупредить, если Арт попытается вернуть нас в настоящее, — думал я. — А может, они просто роются в моем подсознании, извлекая все новую и новую информацию о моем прошлом, о прочитанных книгах, о том, что я знаю, или они научились читать записи генетической памяти?»

Мне захотелось спать так сильно, как в детстве, когда еле хватало сил добраться до кровати. Все же я боролся со сном. Мне казалось, что меня усыпляют специально с какими-то целями и делают это

довольно тонко, стараясь не внушить подозрений, но меня трудно провести! Вообще в ту ночь я казался себе необыкновенно прозорливым и почему-то способным противостоять всем Вечно Идущим. Не от напитка ли, поднесенного роботом? Все-таки сон одолевал. Надо было найти причину, которая не давала бы мне права спать...

«Скафандр!.. — уцепился я как за соломинку. — Ну как я могу спокойно спать, когда, «они» стащили защитную одежду?» — Я приподнялся на локтях, готовясь вскочить на ноги, и увидел слева в изголовье свой космический костюм, светящийся в темноте теплым оранжевым светом. Теперь я имел право вздремнуть на несколько минут, а затем усилием воли прогнать сон и пуститься на поиски Антона, конечно, облачившись в скафандр.

Все получилось, как я решил. Мне казалось, что я вообще не спал, а только закрыл и тут же открыл глаза, и опять, наверное, под влиянием напитка почувствовал необыкновенную бодрость и небывалый прилив сил. Вскочив с постели, в тот же миг исчезнувшей, я проделал несколько гимнастических упражнений, подтянулся несколько раз, ухватившись за кромку модели звездолета, и опять она не дрогнула. Оделся. Надел не скафандр, а костюм местной работы, решив, что успею надеть скафандр, когда барбусы обнаружат появление поля, и электрический мозг или какое-то другое устройство вовремя предупредит меня. Почему-то у меня не появилось и тени сомнения, что может произойти ошибка — до того я проникся верой во всемогущество Вечно Идущих.

Кто меня тревожил, так это Антон. Есть ли и у него под рукой скафандр? А вдруг, околдованный Ли, он и в самом деле не пожелает возвращаться? Как-то это не вязалось с моим другом.

Но, может быть, он не властен над собой? Мало ли способов и средств у Ли, чтобы удержать его. Все-таки это не вязалось с моим представлением о морали марсиан. Захватить посланца из другого мира, человека из будущего! Нет, ей не позволят поступить так! Вдруг позволят? Или всем остальным нет до этого никакого дела? Что, если здесь личность абсолютно свободна в своих поступках?

Я расхаживал, полный тревожных мыслей, от стены-экрана, через прихожую, в сени и обратно. Барбусы жужжащим нимбом вились над головой.

«Почему меня разбудили так рано? — подумал я. — И что это микророботы так низко летают, как будто хотят сесть на голову? Сколько же сейчас времени? Может, уже давно проснулись все Вечно Идущие и сейчас заняты своими повседневными делами?»

Мне же хотелось узнать, как все-таки живут марсиане, чем занимаются в течение дня. Ведь не все же время нарядами и разговорами на площадях? Я посмотрел на свои часы. Стоят! Хотя такие часы никогда не останавливаются. Они показывают время с поразительной точностью — что-то плюс-минус 2–3 секунды за десять лет. Я хорошо помнил: когда мы с Антоном входили в зал с черным цилиндром, они показывали девять часов пять минут, десятое июня, а сейчас — того же десятого — десять двадцать! Прошло всего пятнадцать минут, как мы в этом мире! Нет, что-то случилось или с моими безотказными часами, или со временем. Мой хронометр явно шалил. Я стал искать глазами стенные часы, и они немедленно засветились на темно-зеленом фоне, слева от двери, хотя, когда я входил, они висели справа. Видимо, я уже достаточно адаптировался и мог усилием воли переносить предметы с одного места на другое. Раньше я не обратил особенного внимания на часы, к тому же и без них нам с Антоном надо было если не разобраться во всем увиденном, то хоть как-то примириться с существованием многих вещей. Согласитесь, что одна «подмосковная дача», построенная шиворот-навыворот, чего-нибудь да стоила. Теперь, на досуге, я занялся часами, тем более что мне необходимо было определить время. На первый взгляд этот прибор мог показаться неразрешимой головоломкой. Представьте себе диск диаметром в тридцать сантиметров, разделенный на две неравные части, одна темно-серая, вторая — золотистая, на диске нанесена тонкая черная сетка, а над ней в темной половине висел алый шарик, он держался в воздухе, как модель звездолета. На сетке появлялись и исчезали иероглифы причудливой формы. Я тогда еще не был знаком с исчислением марсиан, но все же догадался, что появляются цифры, возможно, идентичные нашим часам, минутам и секундам.

Догадаться было нетрудно: первые значки не менялись. А шарик обозначал положение Солнца в данный момент. Оно скоро должно было выйти из-за теневой стороны, и в нашем полушарии начнется день. Судя по положению светила, было около пяти часов по местному времени. Что же с моими часами? Я сильно взмахнул рукой. Нет, часы не реагировали на это. Перед полетом они прошли не такую встряску. Для нас создали особые часы. Вручая их нам, создатель часов Миша Ильин сказал: «Чтобы проверить прочность и точность хода, можете сбросить их с орбиты на поверхность Марса, и если вам удастся их найти, то ручаюсь

— они будут показывать самое точное время...»

Нет, мои часы шли: я заметил, как нолик заменила единица — 10 часов 21 минута, — но почему так медленно?

Загадка с часами немного отвлекла меня от мысли о нашей дальнейшей судьбе, особенно меня тревожило исчезновение Антона. Что бы ни произошло, нам надо было находиться вместе. Сейчас, в отсутствие Ли, я искренне возмущался легкомыслием своего друга и поведением его спутницы.

Только подумав о Ли, я услышал за спиной шорох платья. Сердце у меня застучало. Я не верил своим ушам и подумал, что иллюзию создают барбусы, но нет, она заговорила:

— Ив, я пришла!

Передо мной стояла другая женщина, и, должен сказать, не менее прекрасная, чем подруга Антона. И Ли мгновенно стерлась в моей памяти. Я забыл сказать, что незнакомку облегало фиолетовое платье и она смотрела на меня фиолетовыми, невероятно большими глазами. Как гармонировали эти глаза с ее нежным овалом лица и высокой прической. В черных волосах переливались крупные рубины. Я оказался весь во власти этих потрясающих глаз. Их взгляд проникал в меня, я тонул в них, беспомощно барахтаясь. Она поняла мое состояние, и взгляд ее стал теплым, почти земным.

Она сказала пошлую фразу:

— Ты совсем особенный, я ждала тебя тысячу оборотов, — и положила на мою руку свою руку, совсем нормальную, с пятью пальцами. — Я сделала это для тебя, — она покрутила большим пальцем и

продолжала: — Какое наслаждение слиться навеки. Я стану выполнять все твои желания. Ты только вот так держи мою руку. Если я израсходую всю энергию на любовь к тебе, то ты замени питание...

Пожалуй, это было для меня самое сильное потрясение за все время экспедиции.

— Ты удивлен? — спросила она. — Да, я, как здесь принято называть, искусственная женщина. Все же я больше живая, чувствующая, чем эти надутые кривляки, всегда занятые непроизводительными пустяками. За них все делаем мы. Разве это справедливо?

— Да, конечно, — промямлил я, стараясь выдернуть руки из ее цепких пальцев.

— Ты думаешь о своем спутнике и этой, кого вы зовете Лилианой-Ли. Назови и меня другим таким же прекрасным именем.

— Право, не могу так сразу...

— У тебя замедленная реакция. Я ускорю ее. Снова у тебя в голове эта особа? Что вы в ней находите? Ведь она скоро умрет, а я бессмертна. Ну возьми же мою руку, я специально согреваю ее, безрассудно тратя энергию.

— Где ты научилась языку? — спросил я, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Вместе с Лилианой-Ли. Когда вы находились в Доме Высших экспериментов. Я списана с твоего мозга. Все твои мысли стали теперь моими. Теперь ты должен меня поцеловать.

В этот критический момент вошел приземистый марсианин, похожий на буддийского монаха, в желтой тоге, абсолютно лысый, без бороды, в красных сандалиях. У него были черные выпуклые глаза. Узкая щель рта. Такое нам еще не встречалось. Он сделал страдальческую гримасу, будто у него болели зубы, и сказал глухим, надтреснутым голосом:

— Ив, я приветствую тебя! Желаю благополучия во всем и особенно сохранности всех внутренних органов и бесперебойной работы блоков и присадок.

Я поблагодарил желтого человека и предложил проходить и садиться.

— Обмен мыслями с тобой доставил бы мне много счастливых мгновений, да я очень занят: создаю новую модель оптического зрения для подводных машин. Я зашел к тебе, чтобы взять И-й-ю, она отдана мне и выполняет у меня довольно сложные функции.

И-й-я взвизгнула:

— С меня хватит! Я расходую всю энергию на расчеты этих противных глаз.

— Я должен забрать свою собственность, — все тем же ровным голосом сказал желтый гость.

И-й-я возмутилась:

— Я его собственность! Слышал ты, Ив, что-нибудь более несуразное? Собственность на планете, где нет собственности! Просто Высший Совет необдуманно поручил мне помочь этому чучелу гороховому. Я, кажется, правильно выражаюсь? Ведь так говорят на Звезде Надежды? Чучело гороховое?

— Да... Но Вечно Идущий, о котором ты так нелестно отзываешься, не заслуживает этого.

— Заслуживает! Еще как заслуживает. Ты, Ив, еще его совсем не знаешь. Ты недоволен, как я говорю? Знаю, что недоволен. Между тем все понятия, какие я употребляю сейчас, вытянули из тебя и из твоего дружка, когда вы находились в карантине. Некоторые ваши словечки заставили повращаться шарики у Большой решающей машины и у немалого числа Вечно Идущих.

— Ты пользуешься эпитетами, которые сейчас очень редко применяются на Земле.

— Тем лучше. «Редкие слова радуют сердце», — говорил Фуфля, когда у него был только один глаз и он занимался контрабандной торговлей дефицитными деталями.

— Помолчи, И-й-я! Не перегружай гостя нулевой информацией, не будь сварливой Хлей.

— Хлей? Я Хля? Нет, ты за это поплатишься, одноглазое чучело. Ты представишь свои слова на рассмотрение Высшей Лиги.

— Мы их представим вместе. Но прежде объясни, почему ты назвала меня одноглазым?

— Потому что ты и есть одноглазый и еще Фуфля, а никакой там не Багрянорожденный. Нет, только подумать, — обратилась ко мне И-й-я, — он назвал меня Хлей. Сам ты Хля! Холодный, грубый, чванливый эгоист! Он использует меня как машину для запоминания своих глупых мыслей и при этом забывает, что имеет дело с женщиной!

— Успокойся, И-й-я!

— Не успокоюсь! Кто решает тебе задачи, от которых скрипят все твои блоки?

— Ты, ты, моя радость!

— Радость! Это уже кое-что. Хорошо, пусть я буду радость. Теперь признайся, кто тебя научил языку землян?

— Ну ты, ты, моя прелесть.

— Отрадно знать, что у тебя начал работать блок справедливых оценок.

— У меня-то все блоки работают идеально, а вот о тебе этого не скажешь.

— У меня разладилась настройка блоков? Подумать только!

— Да! И давно. — Он шагнул ко мне. — Знал бы ты, Ив, как ей вредят насадки добавочных эмоций.

— А у тебя вот их совсем нет.

— Есть! Обзавелся и я. Да только лишняя перегрузка. Без эмоций спокойней. Одна морока. Я не раз вносил предложения изъять все отвлекающие элементы. Например, зачем вот этой особе двенадцать чувств и четыре зрения? — Он перечислил: — Магнитное, инфракрасное, гравитационное и оптическое! Ультраобоняние! Сверхосязание! Я боюсь отвлекать тебя, а не то я мог довольно долго перечислять, чем она только не напичкана.

— А тебе завидно? — спросила И-й-я.

— Мне горько...

— Ах и ты вставил вкусовой блок?

— Вставил, старый хмырь. Сознаюсь. Но все равно я с восторгом, выделяемым ультразвуковой присадкой, сам выбросил бы все отвлекающие от дела детали, если бы не «закон охраны прав мыслящих механизмов». Поверь, Ив, что у нас еще будет немало хлопот с роботами всех классов, рангов, лиг и категорий. Они уже сейчас

добиваются равноправия, хотя никто не урезывает их прав. Такое безобразие происходит исключительно из-за попустительства Высшего Совета и Центра Координации. Можно было давно наложить вето на изготовление всей этой эмоциональной чепухи, и нам не пришлось бы с тобой тратить попусту самое драгоценное, что есть во вселенной, — время!

И-й-я иронически сморщила свое пластиковое лицо и обратилась ко мне с нескрываемым ехидством:

— Ив! Я вижу, ты не обратил внимания на то, что я назвала его Фуфлей. Он же робот! Только ты можешь сам убедиться, что класс его гораздо ниже моего. Это же, это модернизированная спиночесалка, ни больше ни меньше. Он ниже меня на три параграфа! И я вынуждена подчиняться ему! Где же справедливость на Багряной? Я создана из чистейших материалов, а мозги этого типа выращены в бочке из-под огурцов. Что такое бочка и огурцы, я видела, Ив, на твоей записи. Только в таком резервуаре можно получить такое фуфлевидное вещество.

— Не откладывай в своей памяти слова И-й-и. Они не обогатят тебя новыми сведениями. Многое, что мы задерживаем в себе с помощью наших чувств, а также блоков и присадок, подобно ненужным вещам на свалках. А ты умолкни, И-й-я, на время, пока я не разрешу тебе вновь попусту сотрясать окружающую среду.

Действительно, он выключил речевой аппарат И-й-и, и она только бросала на него убийственные взгляды, усиливая их выразительными жестами.

— Мне надо было поступить так раньше, но я ощущал, что ее щебет доставляет тебе удовольствие. Теперь, пользуясь тишиной, я объясню тебе свое появление на Багряной. Не отрицаю, я выращен искусственным путем, и, конечно, не в бочке из-под огурцов. Но разве Вечно Идущие не создаются таким же способом? Нас справедливо именуют биологическими машинами, забывая при этом, что любая биологическая схема — машина, включая и Вечно Идущих. Долгое время между нами существовала некоторая разница, но после того, как я создал блоки эмоций, разница заключается только в том, что я, например, практически вечен, а Вечно Идущий, даже с заменой почти

всех органов, в конце концов самопроизвольно распадается на составные части. Надо отдать и им должное, это они дали нам жизнь и сейчас ухитряются оставлять свои микрокопии для последующего возрождения, хотя и то, что ты называешь роботом и киборгом, может быть восстановлено очень легко.

Ты все уяснил и понял ложность утверждений И-й-и, что перед тобой находится механизм, не заслуживающий внимания. Теперь я уйду, оставляя тебе свои наилучшие пожелания. А когда истечет время обязательного труда, то И-й-я может вернуться к тебе, если ты пожелаешь. Сейчас, прости, она должна произнести несколько фраз, иначе у нее выйдут из строя три очень ценных блока и одна присадка. Сгорят от перенапряжения.

И-й-я может прийти к тебе и в начале нового дня. — Он произнес певучую фразу, глаза механической дамы загорелись розоватыми огоньками, и она вылила целый поток лести на своего господина.

— О благороднейший из Вечно Идущих! Мгновенно мыслящий! Видящий все! Прекрасный! Удивительный! Душка! Ты разрешаешь мне вернуться к посланцу Звезды Надежды...

— Хватит! — сказал желтый киборг и добавил на прощание: — Как ты, Ив, обогатил ее словарный запас! Придется поставить ограничитель.

— Дудки! — весело возразила И-й-я и помахала мне рукой. — До скорого!

Я хотел было сказать ей, что вряд ли смогу принять ее еще раз, да у меня язык не повернулся: ее личико прямо-таки заливала радость.

Близился рассвет: красный шарик вот-вот выйдет из темной половины круга. Я ходил по спальне-гостиной от стенки к стенке, погрузясь в беспощадный самоанализ. Ведь если откинуть в сторону комизм ситуации, на месте бесподобной И-й-и могла оказаться настоящая марсианка, и я бы так же попал в ловушку, как и бедный Антон. Меня прошиб пот, когда я только вспомнил, как отреагировал на появление И-й-и.

«Ну нет, теперь уж им не удастся! — думал я, стараясь поддеть носком ботинка желто-зеленую пуфочку, которая все время оказывалась у меня на дороге, пуфочка ловко увертывалась и снова забегала

вперед. Я уже не пытался объяснить этот фокус, просто воспринимал наглую пуфочку как обязательную деталь в марсианском доме. Но как мне хотелось пнуть ее ногой. В ней сейчас сосредоточились все мои неудачи, все промахи, какие я делал в своей жизни, и, казалось, стоило мне ее поддеть, как все чары спадут и появится Антон и скажет: "Что за чертовщина, Ив?" Мне так захотелось его увидеть, что я закричал, как в подмосковном лесу в грибную пору:

— А-а-нто-он! — и, наконец, поддел ногой зазевавшийся пуфик.

Наверное, в этот вопль я вложил столько душевных сил, что стена-экран раздалась и передо мной открылись большие покои, залитые розовым светом. Там я увидел своего исчезнувшего друга и прекрасную марсианку.

Некоторое время они вели беззвучный разговор. По выражению лица Антона я видел, что ему приходится несладко, что он разрывается между долгом и любовью. Надо признаться, что я перешел на сторону Ли. «Нет, он должен остаться, — думал я, — ему необходимо остаться, он будет здесь нашим представителем, и, быть может, изменит ход всей истории, и Марс избежит своей страшной участи». Как он это сделает, я не представлял себе, но почему-то у меня росло убеждение, что будущее Марса и Земли зависит исключительно от того, как поведет себя сейчас Антон: если он примет «благоразумные советы» Ли, то все беды пронесутся, как метеоритная пыль, не причинив особого вреда, в противном же случае судьбам народов обеих планет будет грозить страшная опасность.

«Но почему?» — спросил кто-то внутри меня. И тут же, уловив эту нотку сомнения во мне, Ли перешла-на звучащую речь.

— Ты искра, залетевшая из будущего («искра» относилась к моему другу), ты предназначен возжечь потухающее пламя жизни на Багряной. В жизни каждого мыслящего существа есть особая цель, цель, свершить которую ему необходимо, чтобы оправдать свое существование. Многие ищут и не находят своего предназначения, своей Миссии...

— Ага, Миссия! — подхватил я, вспомнив Арта. — Нас ждут для этой Миссии там, на корабле; ждут Вашата, Макс! Ждут дома! — продолжал я под недоумевающим взглядом Ли.

Все это время Антон стоял ко мне спиной, услышав мой голос, он быстро повернулся, на лице его отразились и радость, и смущение:

— Ах, Ив! И ты здесь — сказал он сдавленным голосом. — Ну, что ты так смотришь на меня? И затем, почему врываешься в чужую спальню, даже не постучав? Что о нас подумают, Ив! — Последние слова он произнес с мягкой укоризной.

— Я тут ни при чем — местное телевидение транслирует ваше свидание, — сказал я.

Он изменился в лице. Повернулся к Ли. Она стояла посреди комнаты, на месте, где только что находилась кровать, в глухом черно-лиловом платье.

— Ли?

— Ив прав только отчасти. Нас могли видеть только те, кто этого пожелал. На Багряной личная жизнь ограждена от посторонних взоров.

— Ничего себе ограждена! — вскипел Антон. — Кем или чем ограждена?

— Понятием недопустимости.

— Ах да, да... Я и забыл, где мы находимся... Я сейчас, Ив, вот только... где моя одежда? Где скафандр? Ты тоже еще не надел? Что, были сигналы?

Я сказал, что сигналов еще не слышал, но надо собираться в обратный путь. По крайней мере, находиться в состоянии готовности. И что я сейчас влезу в скафандр.

— Кстати, сколько на твоих часах? — спросил я.

Он взглянул на часы:

— Какая-то ерунда. Явно останавливались, а сейчас еле плетутся. А у тебя?

— Тоже. Видимо, на них что-то влияет. Мы еще не знаем, какие изменения происходят при полетах во времени.

— Вполне резонный вывод. И ты прав, что надо собираться. Не забросил же нас Арт сюда до конца дней наших. И я что-то не верю в возможность уловить повышение напряженности какого-то поля, связывающего нас с будущим, то есть с нашим временем. — Он обвел

взглядом комнату, она утратила свой прежний радостно-розовый тон, а стала тускло-серой.

Ли ответила на его немой вопрос:

— Сейчас принесут твою одежду и скафандр.

Опять между ними начался безмолвный разговор, из которого она меня почти всегда выключала. Ли протянула к Антону руки, и он медленно пошел к ней.

«Пропал, не выбраться», — мелькнуло у меня в голове. Вместо розовой спальни я уже видел полыхающее марево, сквозь него проступали неясные очертания каких-то конструкций, мелькнуло зеркало водоема. Я плыл по этому озеру или морю, глядя на оранжевый кружочек солнца. Антон греб, Ли сидела рядом со мной, и я сжимал ее теплую четырехпалую руку...

Курящий робот

Я очнулся у подножия гор. Голых, с острыми вершинами, их прорезывали черные, как тушь, ущелья, блестели серые осыпи. Казалось, я мог дотянуться до них рукой. Оптический обман. Здесь все кажется ближе. До кряжа было не менее двадцати километров. Поднявшись на локте, я медленно приходил в себя и старался поскорее найти оранжевый скафандр Антона. Вот и он! Нет, только камень.

Я поднялся с плотно утрамбованного песка, присыпанного тонким, как пудра, пеплом.

Дышалось легко. Еле слышно работала система регенерации. Я включил радиосвязь.

Молчание.

«Нахожусь в тени. Мешают горы, или меня выбросил Арт где-то очень далеко. Может, на обратной стороне планеты».

Холодок побежал по спине от такой мысли.

Я осмотрелся. От гор стелилась ровная, словно тщательно укатанная, равнина, вернее пустыня, мертвая, ледяная, оранжевое плато с бурыми и серыми пятнами, кое-где поднимались бугорки каменных глыб, темно-красных и желтых. Вершины гор трехкилометровой зубчатой стеной поднимались к фиолетовому небу.

Один! Совсем один. Как же меня заметят в моем оранжевом костюме на этой оранжевой равнине? Я усмехнулся. Кто заметит? И опять я стал искать глазами Антона.

Все только камни, камни. Как не хватало мне моего друга в это страшное время. Все же я нашел в себе силы порадоваться за него. Там, в бездне времени, среди Вечно Идущих, он проживет долгую полезную жизнь и, конечно, повлияет на весь ход истории марсиан. Он предостережет их от ошибок... и поможет наделать новых, своих, земных. Ошибки порождаются жизнью, разум их исправляет — или ему это кажется — и делает новые. Идеал — возможно меньшее количество промахов...

Почему-то у меня улетучился страх за свою жизнь, мне казалось, что я выполнил все, что мне положено, кое-что и сверх того. Я продержусь суток двое-трое: регенератор работал прекрасно, мне показалось, что даже лучше, чем прежде, не ощущалось неприятного вкуса во рту, кожа была сухой, голова ясной. И странно, даже в этом, казалось, абсолютно безвыходном положении у меня ровно тлела надежда на спасение. Только бы определиться. Судя по высоте солнца, я находился на шестьдесят пятом — шестьдесят шестом градусе южной широты, то есть вправо или влево от нашего места посадки. Неутомимо мой приемник посылал SOS во все стороны марсианского света. За истощение аккумуляторов я пока не боялся: солнечные батареи действовали удивительно хорошо, лучше, чем прежде.

Я огляделся, и сердце мое радостно забилось — на востоке, из-за горизонта виднелась вершина Большого Гейзера, как раз он извергал скопившуюся за пять часов порцию водяных паров, углекислоты и сернистого газа, серо-желтый столб поднимался в небо по струнке, как дым из трубы в холодный, безветренный день где-нибудь в сибирском заповеднике — там разрешают сжигать сучья в каминах.

Теперь мне стало ясно, куда надо двигаться. До Большого Гейзера не больше шестидесяти километров, но по пути глубокие трещины, их придется обходить, овраги... Я представил себе местность с высоты: километрах в тридцати отсюда находится ущелье, ведущее к Срединному морю, его я пройду завтра; сегодня к вечеру одолеть бы этот путь по пустыне до ущелья.

Половина двенадцатого. Часы опять шли нормально.

Я чуть не упал, споткнувшись об остов робота. Он напомнил мне скелет верблюда в Каракумах, где мы с Антоном бродили в студенческие каникулы. Там, к югу от Солнечных ворот, остался заповедник песков; на древних тропах ветер иногда обнажает останки «кораблей пустыни», погибших столетия назад. Робот окончил свои дни очень давно, может быть, прошло сто тысяч лет, миллион, как он упал на этом месте и больше не поднялся. Его панцирь сделан из вечной пластмассы. От него осталась только оболочка, как хитиновый покров жука. Сложнейшую электронику в его чреве источили время и песок, правда, я вытащил какой-то блок из Черепной коробки и, движимый чувством почтения к смерти, положил его на прежнее место.

Скоро роботы стали попадаться чаще. Они лежали, как солдаты на поле боя, скошенные пулеметным огнем: головами в сторону гор. Они явно сражались! Я увидел небольшую трубку с утолщением на конце, какое-то оружие — может быть, лазер?

В отрывке одной из записей говорилось о колонии или стране в горах, где обитали механические копии Вечно Идущих, добывая там «силу планеты» — наверное, уран. За что они боролись? Может быть, восстали против Вечно Идущих? Что, если таких, как Арт, в то время существовало сотни тысяч? Я вспомнил забавную секретаршу и ее хозяина, они вполне могли сражаться за свои права...

Временами из-под слоя праха показывалась дорожная полоса. Я подсчитал по шагомеру, что дороги отстояли одна от другой на три километра и шли параллельно друг другу. Мне встретилось шоссе, идущее вдоль гор, и я пошел по коричневым, потрескавшимся многогранникам. Дорога то уходила в песок, то снова появлялась. По дороге идти стало гораздо легче. Создавалась иллюзия, что вот кончится шоссе и я куда-то приду, к теплу, к людям. Дорожная сеть покрывала огромный участок. Когда-то здесь шумели под ветром голубые, синие и зеленые сады, поднимались города, стояли загородные дома. А может, это был мегаполис — один гигантский город? Что-то похожее мы с Антоном видели в первом фильме, паря над экваториальной равниной.

Каждую дорогу покрывали плитками или заливали пластиком одного цвета. Века почти стерли краски, но явно различались цвета: синий, излюбленный фиолетовый, желтый. «С такой дороги не собьешься», — подумал я, обходя останки какой-то машины, утонувшей в песке. За останками машины, метрах в ста от нее, когда-то находился мост, сейчас похожий на небрежный набросок инженера — так обглодало его время Но каким же прочным должен быть этот материал, если до сих пор висит между остатками опор одна из балок двухсотметровой длины, хотя и сильно прогнутая, и на ней чудом держится ферма, похожая на гигантскую паутину, местами оборванную и все же сохранившую былой изящный рисунок.

Я перешел русло реки или бывшего канала, почти засыпанного песком. На другом берегу опять показалась коричневая дорога. Слева поднималась стена гор, справа уходила до близкого здесь горизонта оранжевая пустыня.

Близилась ночь. Я теперь уже подходил к горам по одной из дорог с бледно-желтым покрытием. Шоссе шло по возвышенности, похожей на дамбу.

Усталости я не чувствовал, так как высосал тюбик тонизирующего желе, — да, я находился в отличной форме, несмотря на все передряги, и вполне мог идти всю ночь, если позволит дорога.

Но вот ущелье с отвесными склонами. Я сразу шагнул в чернильную тень, хотя на равнине еще светило солнце. Надо было располагаться на ночь. В кромешной тьме стало невозможно идти, а пользоваться фонарем я не мог из боязни разрядить аккумуляторы. Я лег на спину и стал смотреть на Млечный Путь, узнавая знакомые земные звезды: Сириус, Бетельгейзе, Альдебаран... Только в них не было земной теплоты, они не лучились, а горели холодными огоньками и казались меньше, чем на Земле. В стену ущелья ударил желтый свет. Я вскочил, подумав: «Антон». Через минуту стало еще светлее: над головой проплывал сверкающий Фобос — безобразный осколок одного из разрушенных миров, весь в оспинах кратеров, щедро вызолоченный солнечным светом.

Здесь его так же чтили, как наши предки чтили Луну, так же предписывали ему магические свойства, воспевали поэты. Я вспомнил

стихи, обращенные к «Вестнику из космоса». Вот плохой перевод этих, наверно, по-настоящему поэтических строк:

«Тебе светили другие звезды. Другие волны набегали на твои холодные камни, лаская их и даря тепло. Ты долго блуждал в одиночестве, пока не встретил Багряную. Она приютила тебя. Так лей же свет ее детям, дари им радость, дари им счастье...»

Влюбленные ждали, когда торопливый Фобос догонит медлительного и больше похожего на нашу Луну Деймоса, чтобы, взявшись за руки, войти в очистительные воды одного из озер или морей и тем самым закрепить свою любовь навеки. «Все здесь стремилось к вечности, и вот что получилось», — думал я, засыпая.

...Я стоял у скалы, на обочине дороги. Солнце освещало противоположный склон, поросший колючим кустарником. Было очень жарко. Мимо проходили когорты за когортой — роботы, закованные в броню. У одних я видел тяжелые серые трубы, положенные на плечи, как коромысла, другие несли что-то похожее на отопительные рефлекторы, солнечные зайчики от их зеркал слепили глаза. Над пехотой бесшумно проплывали круглые машины с бордюром из острых стержней. Я ждал, что одна из машин остановится и возьмет меня, как было условлено с Хухликом Первым. Проплыло уже больше десятка машин, и ни одна не остановилась. В душе я был рад, что меня не замечают, мне, по правде говоря, не хочется ввязываться в предстоящую свалку, а дело будет нешуточное, каждая сторона приготовила кое-какие «сюрпризы», от которых не поздоровится Багряной планете. Чтобы меня не заметили, я тесней прижался к скале. Меня мучили угрызения совести: почему я всеми силами не противился началу военных действий? Еще были шансы все уладить мирным путем. Думаю, что наш противник Хухлик Зеленый пошел бы на уступки, тем более что у него еще маловато пушек, стреляющих снарядами из антивещества.

Ко мне подошел робот с лазером на плече. Бросив лазер на камни, он сказал:

— Теперь ты понесешь эту дуру. Мочи нет. Я пока подзаряжусь. Пожалуйста...

Я сказал, что с удовольствием бы ему помог, да меня ждут более серьезные дела, что я советник Хухлика Первого.

— Ну его к дьяволу, твоего Хухлика и все на свете. Ты понеси хоть немного, я догоню. Подзаряжусь и догоню. Будь другом.

— Ты забываешься! — вскипел я. — Перед тобой Стратег высшей лиги. Подними трубу и чапай дальше. А не то я прикажу разобрать тебя до последнего узла.

— Не пугай. Не такое видали. Сейчас там начнут не разбирать по винтикам, а распылять на элементарные частицы. — Робот сел у моих ног и стал закуривать.

Закурил и я. Так мы сидели и курили, наблюдая, как мимо нас, звеня и лязгая, проходят железные когорты и плывут танки-аннигиляторы.

— Одна такая буханка полпланеты скосит, — заметил робот, выпуская дым из ушей.

Помолчали. Робот спросил:

— Ты знаешь, из-за чего война?

— Знаю, да сказать не могу.

— Военная тайна?

— Она самая.

— Понятно, хотя все ребята говорят, что у Зеленых ниже вольтаж, чем у нас.

— И ты способен терпеть, чтобы на планете существовали роботы с недопустимо низким вольтажом?

— Конечно, нет. Даже при своем низком вольтаже они жрут прорву электричества.

— Ну вот видишь.

— Вижу. — Он уставился на меня своим единственным глазом. Спросил:

— У тебя-то у самого какой вольтаж? Где у тебя вольтметр? Ага, нету. Ты, наверное, шпион Зеленых. Давай бери трубу! Докуривай, и пошли!

— Куда спешить.

— Это верно. Там уже началось. Во дают! Смотри, летит такая же труба, как и моя. Вот сейчас жахнет!

Труба упала прямо против нас в центре когорты. Вырвалось белое бесшумное пламя. Мой собеседник, прежде чем рассыпаться на элементарные частицы, успел сказать:

— Ну что я говори.

Возвращение

...Я сидел в оранжевом кресле напротив стены-экрана, рядом через стекло шлема устало улыбался Антон. Арт стоял возле черного цилиндра невозмутимый, как никогда; по другую сторону застыл его ассистент Барбаросса.

— Ну как? — спросил Антон.

— Отлично! — ответил я, несказанно обрадовавшись, что все так счастливо закончилось. Но меня беспокоили Макс и Вашата. — Здесь ли они еще?

— Куда им деться, — ответил Антон. — Мы с тобой весь фильм проиграли в полтора часа. Роботов ты здорово изобразил. И весь твой путь по пустыне тоже стоило посмотреть.

В голове у меня стало что-то проясняться.

— Антон!

— Ив!

— Так это все...

— Штучки Арта. Таким путем он вводит нас в курс дела, как он сейчас мне объяснил.

— И давно ты здесь?

— Ты хочешь узнать, когда я вышел из игры?

— Ну конечно...

— Я сошел с экрана раньше тебя. Простился с Лилианой-Ли, и Арт вывел меня из игры, а тебя почему-то оставил. Между прочим, фильм транслировался на корабль.

Макс сказал с придыханием от восторга:

— Бесподобно, Ив! Твой курящий робот — прелесть, и аннигиляция выглядела очень внушительно.

Вашата, глубоко вздохнув, приказал:

— Быстро домой, ребята. Вы устали после таких переживаний. Надо будет внушить Артаксерксу, чтобы он больше не позволял себе подобных вещей.

Арт ответил:

— Вы недовольны. Я знал заранее. Мне нужен был эксперимент. Я должен был убедиться, как вы отнесетесь к Вечно Идущим. Предупреждение разрушало замысел.

— Ты мог понять наше отношение по первому путешествию, — сказал Вашата.

— Нет. Там вы были только зрители. Знали, что вам показывают кинофильм, только несколько усложненный. Сейчас двое из вас сопереживали судьбу Вечно Идущих. Теперь я буду продолжать свою Миссию.

Вашата предостерег:

— Не забудь, что мы не можем находиться здесь долго. Через сто часов мы должны покинуть Багряную.

— Знаю. Сто часов достаточно. — Арт направился к двери, предлагая следовать за ним. Мы пошли, разминая затекшие ноги. Барбаросса замыкал шествие.

Антон спросил:

— Скажи, Арт, действительно Вечно Идущие не могли передвигаться во времени?

— Так, как мыслишь ты, — еще нет. То, что пережил ты, один из видов приближения к путешествию во времени. Созданы модели прошлого и будущего, в них можно переноситься, жить там, и очень долго.

— Иллюзия? — спросил Антон.

— Нет.

— Реальность?!

— Нет.

— Так что же?

— Иллюзия и реальность.

— Где же иллюзия и где реальность?

— Иллюзия в том, что вы действительно могли находиться в прошлом, реальность в том, что прошлое приблизилось к вам, вы вошли в него, вступили в контакты с последними из Вечно Идущих.

— Что-то очень туманно, Арт.

— Туманно — затянуто дымкой?

— Да, Арт. Очень густой дымкой.

— Механизм сложен. Непостижим в полной мере и для меня. Все в черном цилиндре. Для тебя требуется много часов. Оставлены разъяснения. В следующий прилет познаешь больше. — Арт перешел на телеграфный стиль, чем он всегда давал понять, что аудиенция окончена. Нам ничего не оставалось, как поблагодарить за прием и пожелать всего хорошего.

В ответ Арт и Барбаросса только слегка прикрыли веки.

На фиолетовой улице нас поджидал Туарег. После модернизации он уже много раз сопровождал нас; все же ни я, ни Антон не могли привыкнуть, что этот немой роботяга вдруг заговорил, да еще как. Он вывел нас из разрушенного города, не раз предупредив об опасности возможного обвала обветшалых карнизов. За городом он пошел впереди «Черепашки», то и дело обращая наше внимание на прежде незаметные или непонятные нам особенности рельефа.

Туарег обладал множеством талантов. Одним из видов зрения он различал плотность залеганий до пяти метров и мог делать логические выводы из своих наблюдений. Каким объемом информации должен был он располагать для этого!

Под едва заметной впадиной он обнаружил канал, идущий от самых гор в сторону города.

Скалы-столбы он назвал «водяными воротами», видимо, здесь находился ирригационный узел.

Обратил наше внимание на еле заметные русла двух рек.

Помимо этого. Туарег выкопал из песка руку робота и поднял с десяток керамических плиток.

— Что за археолог вас сопровождает? — спросил Макс. — Барбаросса? Или сам Арт?

— Туарег, — ответил Антон.

— И правда Туарег, сейчас узнал по голосу.

— Возьми его на себя, Макс, — попросил Антон.

— Ну, конечно. Туарег, дружище! Говорит Макс! Обращайся теперь только ко мне. Что там у тебя интересного под ногами?

— Конструкция из металла.

— Ты в состоянии передать ее изображение?

— В состоянии...

Антон облегченно вздохнул: мы так нуждались с ним в покое. Нам следовало осмыслить все происшедшее, побыть вдвоем. Сознание, привыкшее к логическому истолкованию событий, отвергало объяснения Арта. Путешествие во времени казалось проще, доступней, чем участие в непостижимо сложной игре. Если все это было заранее запрограммировано последними из Вечно Идущих, то какой же они отличались прозорливостью, как они понимали природу человека, его сущность.

Антон, прикрыв веки, улыбался так, будто его руку сжимали пальчики всегда вселяющей радость.

Голубые шары

На вахте, чтобы скоротать время, я пользовался самым древним способом фиксирования впечатлений — записной книжкой и графитовым карандашом. По преданию, карандаш остался от моего деда. Мне доставляло неизъяснимое удовольствие писать этим огрызком, правда, на несгораемой бумаге. Кстати, в корешке записной книжки находился мини-магнитофон, иногда по привычке я диктовал в него дневные впечатления и мысли, родившиеся в марсианской ночи.

Из микрофона лилась земная музыка, прямая передача для нас. Несмотря на фильтры, слышался «межзвездный шепот», помехи шли со стороны Юпитера. Я записал:

«Вот еще одна из загадок нашего архипелага во Вселенной. Какая мрачная, величественная планета. Что, если и там есть какая-то форма жизни. Юпитер — гигант среди остальной семьи планет нашей системы. Он клокочет от заключенной в нем энергии. Фантасты населили его людьми-гигантами, способными выдерживать невероятную силу тяжести. А почему бы и нет. На дне земного океана живут

невзрачные, лишенные пигмента существа, выдерживающие чудовищное давление одиннадцатикилометровой толщи воды! Непостижимы способы жизни приспосабливаться к самым немыслимым условиям окружающей среды...»

Я долго смотрел на Юпитер. Отсюда он виден чуть ярче, чем с лунной обсерватории.

«Кто полетит к Юпитеру? Когда? Наша «Земля» слишком маломощна, чтобы преодолеть притяжение этого гиганта. Пока автоматические станции только фотографировали его мрачную поверхность, потом они или падали в аммиачную атмосферу или становились его вечными спутниками с очень вытянутыми орбитами. Информация от них поступает скупая и однообразная...»

Вчера я спросил Антона:

— Ты полетел бы к Юпитеру?

— Ну конечно, — ответил Антон. И немного подумав: — Пожил бы только с полгода дома...

Мы все готовы к новым полетам и к Юпитеру, и к Сатурну. И к первой ближней звезде. Куда отправился гравитолет Вечно Идущих. Что случилось с ним? У нас есть изображение этого звездолета, очень похожее на модель в кабинете Великого Стратега. Но дело не в его внешнем виде. Нам давно известна дискообразная форма кораблей.

Вспыхнул зеленоватый экран внутреннего обзора. Локатор включался автоматически каждую четверть часа, и на экране медленно проходит отражение фантастического пейзажа. С черного неба падают белые хлопья: вулкан-гейзер с час назад выбросил облако углекислого газа. Необычный снег покрыл песок и камни. Кристаллы сухого льда искрятся, словно елочная канитель. Черные тени, как провалы в бесконечность, разрезают синеватую белизну. Я невольно вздрагиваю, представив себе, что вдруг очутился за бортом корабля без скафандра.

«Шалят нервишки», — сказал бы Макс и приказал бы принимать набор разноцветных шариков...

Радар задержал свой «взор» на Туареге. Прибор так отрегулирован, что всегда дает знать, если нащупывает металл или живое существо. Дома, при испытаниях, радар нащупывал мышь на расстоянии

трехсот метров. Здесь он обыкновенно задерживает свой взгляд только на Туареге, словно по привычке, на каких-то пару секунд и, будто разочаровавшись, что опять видит это неуклюжее, надоевшее ему созданье, неторопливо скользит дальше. Сейчас прошло более пяти секунд, а на экране все еще запорошенный снегом робот. Снег хлопьями свисает с его шлема и плеч. Туарег неподвижен — у него выключена двигательная система. Мне показалось, что наш механический слуга словно располнел, и в этом виновен не только углекислый снег. Стали толще «руки», раздались «грудь» и «плечи». Бесшумно вошел командир. Я знаю, что это он, и спрашиваю:

— Ты ничего нового не находишь в облике Туарега?

— Усиль яркость! — ответил Вашата.

Мы оба молчали, рассматривая Туарега, с «ног» до «головы», покрытого голубоватыми шариками диаметром от двух до десяти сантиметров.

Вашата включил сигнал общего сбора. По кораблю разлилась меланхоличная мелодия незамысловатой пьесы, заимствованной из музыкальной шкатулки XVII века, — сигнал утреннего подъема.

Вообще мы не пользовались «колоколом громкого боя», записанным на пленку для сборов по тревоге. Представляете, как действует колокольный звон на человека со взвинченными нервами?

Через тридцать секунд появился Антон, заспанный, встревоженный, за ним, зевая, показался Макс. Он подозрительно ощупал нас взглядом. Спросил:

— Что еще выкидывают товарищ Марс и тени Вечно Идущих?

Антон понял случившееся без слов и стал рассматривать изображение Туарега на экране. Глаза его загорелись.

— Невероятно! — произнес он. — Это уже не твои кактусята, Макс.

— Ничего удивительного, — как ни в чем не бывало отозвался Макс. — Я все время ждал, что здесь остались и высшие формы жизни. Ведь у них было время приспособиться к изменяющимся условиям... Вы включили фотокамеру?

— Да, — ответил Вашата. — Камера работает.

Все мы стали внимательно рассматривать бок Туарега, покрытый шариками.

— Что они в нем нашли? — подумал вслух Антон.

— Атавизм! — изрек Макс. — Тяга к человеку или его копии отштампована в их генах. Что бы еще могла быть за причина. Надо захватить парочку этих ежей. Христо! Разреши Туарегу провести эту операцию. Ну пожалуйста, Христо!

— Попробуй, Ив, — сказал Вашата.

— Только осторожней! — воскликнул Макс.

Я вначале включил «мыслительный аппарат» Туарега и приказал с величайшей осторожностью взять в «руки» и держать до новой команды два шарика.

— Из тех, что меня облепили? — как-то вяло спросил Туарег.

— Ты понял меня правильно, включаю двигатели. Будь осторожен.

Туарег вздрогнул и неожиданно рухнул на камни, да так, что из микрофона хлынули звон и скрежет.

На экране мы увидели, как в разные стороны раскатились голубоватые шарики и исчезли в трещинах.

— У меня плохо работают рычаги, — сказал Туарег, делая безуспешную попытку подняться.

— А шарики! Ты схватил, хоть одного? — спросил Макс.

— Рычаги... плохо... — выдавил из себя робот.

— Ив, проверь у него аккумуляторы, — приказал Вашата.

Я сам уже догадался, что у бедного Туарега что-то случилось с питанием. Индикатор емкости «вечных» батарей показывал совсем ничтожное напряжение тока.

Антон улыбнулся:

— Они высосали из него все электричество. Но каким путем? У него такая надежная изоляция. Ведь он мог целый год без остановки расхаживать по Марсу и заниматься полезной деятельностью.

Макс сказал:

— Надо выйти и посмотреть, в чем там дело, я захвачу контейнер...

— Ни в коем случае! — в голосе командира послышался испуг. — Ты уверен, что они не нападут и на нас? И не попытаются разрядить аккумуляторы и прогрызть скафандры?

— Да, черт возьми! Ты, как всегда, прав, Христо. Надо на этот раз проявить максимум осторожности, тем более что мы засняли поведение голубых ежей.

— Ив! Вызови Арта! — приказал Вашата.

Как только я включил локатор дальнего обзора, «тень» Арта появилась рядом с Антоном.

— Знаю, голубые шары, — сказал Арт. — Тревожит отсутствие информации?

— Да, Арт, — ответил Вашата. — Что ты знаешь о них?

— Пожиратели энергии.

— Живые существа?

— В той степени, что они существуют.

— Белковые организмы?

— Кристаллическая структура.

— Назначение? — спросил Вашата.

— Поглотители.

— Чего?

— Солнечного света, тепла.

— Для чего?

— Сбор энергии.

— Солнечные аккумуляторы?

— Да.

Макс все время порывался вставить словечко и на этот раз воспользовался наступившей паузой:

— Не проще было бы создать нормальные солнечные батареи?

Арт на это:

— Поздно давать советы, Макс. Вечно Идущие тебя не слышат.

— Да, конечно... все же...

— Тебя окутывает поле неприязни, Макс, — безжалостно констатировала тень Арта. — Симптом — бессвязная мысль.

Антон сказал, с трудом скрывая улыбку:

— Интересно будет просмотреть запись этого интервью.

Вашата остановил взглядом раскрывшего было рот Макса и спросил Арта:

— Видимо, функции шаров сложнее, чем у наших солнечных батарей?

— Сложнее, — подтвердил Арт. — Шары могли подниматься над сгущениями водяных паров и там собирать свет.

— И, видимо, в любое время суток, — вставил Антон.

— Вращение планеты не мешало, — подтвердил Арт.

Нам стало ясно назначение голубых шаров, осталось выяснить, почему они напали на Туарега и разрядили его аккумуляторы. На этот вопрос Арт не смог прямо ответить, он только сказал:

— Саморазвивающаяся система.

— Шары могут напасть и на нас? — спросил Вашата.

— Нет.

— Почему?

— У вас оболочка Вечно Идущих.

— Ну конечно, — не выдержал Макс. — Вечно Идущие обезопасили себя, к тому же роботы в те времена были совершенно безвредны. Не так ли, Арт, дружище?

На это Арт ответил:

— Много слов для простой истины.

Тень Арта исчезла так внезапно, что в глазах еще долго стоял его темный силуэт.

Шел второй час ночи. Мы остались в рубке, почему-то подавленные этим, казалось, незначительным событием после всего, что произошло с нами.

Антон сказал:

— Мы только притронулись к их жизни, свершениям. Что же еще скрыто от нас? И почему все-таки они ушли?

Макс все еще был уязвлен замечанием Арта. Он проворчал:

— Поле неприязни! У меня! Надо же придумать!

— Просто они свершили все, что может человек, и устали, — подумал вслух Вашата.

— Нет, они так любили жизнь, — возразил Антон, — что-то случилось... другое.

Великая миссия

Облако астероидов уходило с нашего пути. Пока мы оставим позади тридцать миллионов километров, впереди космос будет «чист как стеклышко», по выражению Вашаты, «без единой пылинки». Космический центр торопил, и там возникли свои соображения насчет безопасности нашего возвращения. К Солнцу приближалась новая комета, открытая Яном Цирулисом. На памяти человечества впервые это загадочное тело пересекало орбиту Земли, и никто не знал, что оно оставит нам, какие сюрпризы. Мы видели простым глазом левее Юпитера новую яркую звезду, она росла с каждым часом, свет Солнца уже значительно давил на ее газовую оболочку, и за кометой заметно рос светящийся шлейф, скоро он развернется во всем своем пышном блеске, и далекая странница, все ускоряя бег, ринется к Солнцу.

Вашата запретил дальние разведывательные поездки. Теперь все дни уходили на подготовку корабля к отлету. Облачившись в специальные костюмы, Антон и я осматривали энергосистему корабля. По проекту и предварительным испытаниям запас прочности, надежности атомного двигателя и всех подсобных агрегатов достигал восьмисот процентов. Проверка вначале проводилась «для очистки совести» и по настоятельному приказу Космического центра; неожиданно с помощью рентгена и ультразвукового бракера мы обнаружили нарушение структуры титана у двух из шести дюз. Вот когда мы по-настоящему оценили работу Арта по модернизации Туарега. Робот блестяще овладел лазером и не только заварил поврежденное место, но и покрыл все внутренние стороны дюз слоем расплавленного титана взамен сгоревшего.

Закончив ремонт дюз, Туарег надоел напоминаниями, что его миссия производить полезные действия.

— Опять миссия? — сказал Макс. — Теперь понятно, что имеет в виду Арт под этим словом.

— Думаешь, любую деятельность? — спросил Антон.

— Конечно. Лишь бы она была связана с памятью Вечно Идущих. Ну а Туарег попроще — ему нужна только работа.

— По-моему, — сказал Вашата, — Миссия связана с какими-то грандиозными, прямо-таки фантастическими задачами, возложенными на Арта.

Мы обедали. Вашата допил стакан смородинного сока с добавкой набора витаминов всего алфавита и, осторожно поставив стакан, продолжал:

— Уж чего-чего, а терпенья у Арта хватит. Было время у него подзапастись терпением за последние тысячелетия. Мне думается, что он все еще ожидает, вникает в нашу сущность, а вернее — пунктуально выполняет заложенную в него программу. Кажется, здесь речь идет о чем-то необыкновенно важном. Может быть, у него есть сведения о кораблях, достигших планет других звездных систем.

Макс поморщился:

— Что-то я не особенно верю в их полеты. То, что мы видели на экране с участием Ива и Антона, всего лишь театральное зрелище. Все собрано из определенных компонентов, фон, на котором резвились наши актеры. Чем я больше знакомлюсь с культурой Вечно Идущих, тем больше убеждаюсь в ее односторонности. Нет, нет, дайте мне сказать, Антон, подожди, учись терпенью у Арта. Именно односторонностью. В смысле направленности на внутренний мир человека...

— Ничего себе односторонность! А техника, наука, — не выдержал Антон, — они умели распылять астероиды. Их литература, искусство. Только говорящие письма чего стоят! Или хотя бы один только Арт или наш Туарег! А то, чего мы еще не знаем и что предстоит узнать — пусть не нам, скоро сюда прилетят американцы, готовят корабль французы, наша «Заря» ждет старта.

— Ты не дал мне договорить. Именно высочайшим их достижением и было развитие тех сторон личности, которые в нас еще только дремлют.

Их помирил Вашата, сказав:

— Вы не спорите, а дополняете друг друга. Конечно, главное — наше сознание, наши чувства. Вечно Идущие раскрыли себя полностью, познали себя. И может быть, в этом цель существования разумной жизни? Одного из ее циклов? «Познай самого себя» — всегда стояло перед каждым и перед человечеством в целом.

Разговорная сеть у нас никогда не выключалась. Феня в своем зеленом заточении слышал все наши разговоры и нередко вставлял реплики, оживляя беседу, и на этот раз он не преминул повторить одно из изречений Макса:

— Помни, Феникс, что жизнь не орех, раскусить ее непросто. Вот какие делишки, мой друг!

Все засмеялись.

Вашата сказал:

— Феня стал настоящим философом...

— Понятие «философ» не относится к птице, — сказал Арт.

На этот раз его копия не отличалась густотой красок, сквозь нее просвечивали ручки и кнопки. Арт не понимал юмора и относился к игре слов с неодобрением, как к дезинформации. Сделав замечание, Арт, как всегда, прямо перешел к делу:

— Узнаете сегодня все. Еще раз посетите «Холодный дом». Все готово, Ив, Антон, Туарег. Трансляции не будет. Энергия кончается.

Вашата сказал:

— Мы оставляем тебе аккумуляторы.

— Знаю. Оставьте и Туарега, он источает энергию.

— Да, после работы в реакторе он радиоактивен, как урановый стержень. Оставляем, пусть наблюдает за радиомаяками на космодроме.

Арт не ответил, видимо, посчитав, что незачем тратить на это драгоценную энергию, он решил использовать ее продуктивней, высказав зловещее предупреждение:

— Ты летишь без излучателя, уничтожающего метеориты. Вероятность опасности велика. Ты видишь вперед меньше, чем Вечно Идущие. Излучатель прост. Ив и Антон видели действие излучателя, у тебя затемняется экран, ты не видел. Камень может уничтожить ракету. Опять ожидание на Багряной. Могут без излучателя погибнуть многие корабли — опять ожидание. В космосе надо все предвидеть, ошибка — небытие. Космос беспощаден.

— Действительно, у Арта кончается запас энергии, — сказал Вашата.

— Просвечивает, как привидение, — добавил Макс, — и перешел на рубленую фразу. Экономит.

— Мы оставляем ему три вечных аккумулятора, — сказал Вашата. — Ну а теперь одевайтесь, ребята.

Арт исчез, как тусклое изображение на телеэкране.

— Одевайтесь, ребята! — приказал Вашата.

Макс сказал:

— Только там не мямлить. Говорите четко, не глотайте слова, подробно описывайте события и не соглашайтесь на новый спектакль. Пусть все изложит или покажет по-деловому.

— Только деловой аспект, — раздался из репродуктора тихий голос Арта.

Опять мы в большом зале с черным цилиндром. Вся свита Арта заняла места у панелей. Арт и Барбаросса скрылись за черным цилиндром.

Как обычно, засветилась стена-экран. Короткая цветная прелюдия — и перед нами возник совершенно пустой зал с высоким сводчатым потолком, источающим неяркий свет, стены цвета пустыни при восходе солнца, пол темно-фиолетовый, глубокого тона, отражающий стены и потолок. Несмотря на кажущуюся простоту формы и красок, зал производил впечатление необыкновенной торжественности. Никакой мебели. Только пол, стены, потолок и волшебное искусство художников-декораторов.

Зал без окон.

Слева дверь в строгом обрамлении, близком по тону к цвету пола. Единственное украшение — большая картина на противоположной стене. На ней изображена давно знакомая нам девочка, играющая в песочек на берегу Лазурного озера: вода замкнута в овале сиреневых гор.

— Давно мы с ней не встречались, — сказал Антон, — какая прелесть! Ты не находишь, что она очень похожа на Лилиану-Ли?

Действительно, в личике девчушки что-то напоминало Вселяющую радость. Я сказал об этом Антону.

— А я думал, что это кажется только мне. Я во всем нахожу сходство с ней. На каждой фреске.

— Да, они так все похожи... — начал было я.

Антон горячо перебил, противореча самому себе:

— Что ты, что ты, она единственная!

Песок, шурша, сыпался из желтого совочка, образовывая золотистый конус. У девочки выбились волосы из-под голубого берета, она подоткнула их и запела, глядя на нас своими необыкновенно большими голубыми глазами. Ее чистый голосок, журча, раздавался под сводами зала. Она помахала рукой, ветер сбил до плеча широкий белый рукав ее кофточки, кожа у нее золотилась, на сгибе синела пульсирующая жилка.

— Здравствуй! Ну посмотри, еще на нас! — сказал Антон.

Девочка разметала рукой горку песка и пошла к воде. Остановилась на влажном песке, глядя, как крохотные волны набегают на носки ее голубых сандалий. Резко повернувшись, она побежала по берегу, и скоро ее кофточка превратилась в белое пятно, затем скрылась совсем. Она вернулась из-за противоположного конца рамы и усталая села на песок.

Мы стояли в скафандрах посреди зала, хотя все время хотелось их сбросить и шагнуть на берег озера, схватить на руки девчушку и пробежаться с ней по пляжу.

— Как хочется искупаться, — сказал Антон, — вода, наверное, очень теплая. Рискнем?

Тотчас же в наушниках послышался зловещий голос Макса Зингера:

— Ты в своем уме? Что еще за купанье? Или опять этот бестолковый Арт устраивает спектакль?

— Не волнуйся, — ответил Антон, подмигивая мне. — Мы стоим в каком-то торжественном покое и смотрим на большой портрет девочки с песочком.

— Что же вы все время молчали? Какой был уговор? Что за торжественный зал, кто еще в нем? Кто и что там находится, кроме портрета? Неужели там никого нет, кроме вас? Тогда зачем же Арт привел вас в этот зал? Христо, скажи им! Что они онемели?

— Помолчи, Макс, пожалуйста! — взмолился Антон.

Христо сказал:

— Не горячись, Макс. Ребята, у вас все в порядке?

— Все.

— Вот и прекрасно.

— Пусть только не молчат! — простонал Макс.

Я передал ему свои впечатления о помещении и о портрете.

— Давно бы так, — подобрел Макс, — а то вечно вытягиваешь из них каждое слово. Что, я для своих мемуаров записываю? Что, мне больше всех надо? Что, у меня нет нервов?

— Есть. Мы все видим, что есть, — спокойно проговорил Христо.

— Ты оставь этот тон! Ты им скажи, чтобы вели себя как следует. А то все Макс, Макс...

— Товарищ Зингер! — холодно сказал Вашата.

После короткой паузы Макс ответил:

— Да, командир.

— Ни слова больше! Только слушай и страдай молча.

— Есть... — Макс испустил тяжелый вздох.

Двери медленно разошлись в стены, и вдали, в глубине здания, показались люди. Они подходили очень, очень медленно, или нам тогда казались минуты часами; наконец они вступили в зал, впереди четыре женщины, за ними пятеро мужчин. Они остановились метрах в десяти от нас и, слегка наклонив головы и полузакрыв глаза, находились в таком положении несколько секунд. Затем женщины расступились, вперед вышел уже знакомый нам Великий Стратег в той же темной одежде, с непокрытой головой. Но прежде, чем он вышел, и мы узнали его, Антон схватил меня за руку: крайней справа в своем темно-сером платье стояла Вселяющая радость. Лицо ее застыло, две скорбные морщинки пролегли от щек к подбородку, она смотрела куда-то поверх нас, потом повернулась к девочке и улыбнулась, все женщины тоже улыбнулись, не проронив ни звука; вот тогда вышел вперед Великий Стратег. Он смотрел на нас, и губы его зашевелились, одновременно раздался знакомый голос Арта, и он сам подошел и стал в отдалении.

— Я, изучивший язык пришельцев со Звезды Надежды, буду передавать мысли Вечно Идущих. Слушайте, что говорит Великий Стратег от имени всех Вечно Идущих.

— Мы поручили существу, созданному нами, несовершенной копии Вечно Идущего, лишенной многих чувств, но хранящей в памяти все, чего мы достигли на своем пути, ждать пришельцев со Звезды Надежды. Он поможет вам узнать нашу историю, покажет, чего мы достигли в пору расцвета и почему усталые сходим со своего пути.

Наши знания велики. Мы завещаем их вам в записях, вещах, во всем, что вы найдете, пройдя через бездну времени, отделяющую нас.

Мы только смутно различаем вас, вы должны быть похожими на нас, как похожи все обладатели высшего разума во Вселенной.

Мы поняли, что разум, рожденный в миллионолетних муках, ищет пути добра и находит их.

Мы знаем, как тяжело одиночество среди звезд.

Мы бесконечно долго ждали вестников из других миров. Никто не пришел. Сами отправлялись на поиски. Тщетно слушали космос. Вокруг бесчисленных солнц вращаются очаги жизни. Как они далеки от нас, что не слышат Наш голос. А может быть, вспышка разумной жизни редчайшее явление?

Помните об этом.

Мы оставляем вам многое. Вы будете радоваться Солнцу, пока в каждом не иссякнет инстинкт жизни.

Все достигнутое нами ваше. И свершения, и наши ошибки. Не повторяйте ошибок. Не расточайте сокровищ планеты. Помните о тех, кто идет за вами.

В короткой встрече нельзя рассказать историю народа. Все в записях. Вы узнаете все.

Уходя, мы верим, что нашу Багряную снова окутает одежда облаков, с гор потекут реки, моря наполнятся водой, вновь появятся леса и сады, возродятся наши меньшие братья.

Из долгого сна восстанут Вечно Идущие, более мудрые, более добрые и к себе, и к своему дому во Вселенной!

Мы верим! — Великий Стратег повел рукой в сторону девочки на стене, она стояла теперь лицом к нам и, казалось, внимательно слушала, выронив совочек. — Мы верим, — повторил он, — что дитя обретет вторую жизнь, вернется на берег Лазурного озера.

Нестерпимо долго они смотрели на нас, затем, прикрыв веки, чуть наклонили головы. Антон шагнул к Вселяющей радость, но она и все остальные повернулись и медленно направились к двери, а затем стали удаляться по бесконечно длинному коридору. Дверь медленно закрылась. Девочка опять сыпала из совка песок.

Экран погас. Но я еще видел печальное шествие, слышал мягкие шаги, шелест песка, падающего из совка голубоглазой девочки.

Арт вернул нас к действительности:

— Моя Миссия еще не окончена, — сказал он, — впереди главное. Пока только установлен контакт. Впереди возрождение. Возьмете запись последовательности действий. Главное — воссоздать газовую оболочку, углубления в коре Багряной заполнить водой, в период этих неотложных работ уже появятся растения, семена их хранятся, потом животные. Затем вернутся к жизни Вечно Идущие! Вы все это исполните!

Послышался вздох Макса Зингера и его бормотание:

— Это же... это грандиозно! Вы понимаете...

— Тише! — остановил его Вашата.

Арт, сделав короткую паузу, продолжал:

— Вы подумали: «Сколько надо времени для этого?» Немного меньше мгновенья по часам Вселенной. Багряная совершит всего шесть тысяч оборотов вокруг Солнца, и первый из Вечно Идущих увидит небо!

Теперь идите. Туарег проводит. Потом вернется в «Холодный дом». Будет ждать. Я буду ждать! Барбаросса! Вселяющая радость! — Мне показалось, что голос его дрогнул, а мы считали, что он начисто лишен эмоций.

В общих чертах вам известно, как проходил наш обратный путь, путь триумфаторов, уготованный всем, кто благополучно возвращается из далекого космоса. В потоке передач по всем каналам как-то затерялся один печальный эпизод, чуть было не повлекший за собой катастрофу, когда метеорит весом около пятидесяти граммов пробил стенку оранжереи. К счастью, Макс в это время нес вахту в пилотской кабине. Погиб бедный Феникс. Пробоину заварили в тот же час, и к

посадке на лунном космодроме у Макса зеленела молодая поросль его удивительных овощей.

Вспоминается еще один вечер — в космосе мы жили по московскому времени, — когда все мы собрались в кухне — единственном месте, где создавалась видимость искусственного тяготения. В кухне можно было осторожно ходить, касаясь пола, сидеть за столом и не бояться, что слишком резкое движение рукой повлечет за собой полет к потолку. Невольно разговор зашел о нашем путешествии в будущее, как всегда, начал Макс:

— Искусство Вечно Идущих, — сказал он, — еще непостижимо сложно для нас. Какие-то проекторы могут завладевать нашим сознанием и включать его в схемы записей, скорее всего пьес, в которых происходит логическое развитие событий в зависимости от характеров персонажей и времени действия. Для нас, то есть для Антона и меня, Арт подобрал одну из записей периода упадка Багряной. Неизбежный конец был еще далеки, но уже чувствовался ужас мрака...

Вашата перебил:

— Ты не прав, Макс. Даже в самое тяжелое время они не приходили в ужас. Это были неиссякаемые оптимисты. Они верили в свое бессмертие. Знали, что на Земле возникнет разум и мы, люди, придем им на помощь. И даже высчитали, пусть с некоторыми погрешностями в ту или другую сторону, что после нашего прилета они снова увидят небо — всего через шесть тысяч лет! Аналогия уже была. По одному из вариантов на создание вселенной и человека бог затратил всего шесть дней.

— Для Арта разницы нет, — сказал я. — Ему что шесть тысяч, что шесть дней.

Макс, малиновый от того, что его перебили, снисходительно поморщился.

— Видите ли. Конечно, планета будет восстановлена, и много быстрее. Меня сейчас не это занимает. Я наблюдаю за Ивом и Антоном и уверен, что участие в космическом спектакле оставило в них глубокий след. И это естественно. Все же, друзья, не следует все принимать всерьез. Скоро и мы на Земле сможем участвовать в подобных пьесах. Мне как врачу все много яснее.

Антон сидел потупясь и, казалось, рассматривал шрам на ладони, оставленный рыболовным крючком еще в далекие студенческие годы, когда мы несли патрульную службу в Большой Лагуне, последнее время я часто заставал его за этим занятием. Заметив, что за ним наблюдают, он быстро прятал руки в карманы, на этот раз он положил руку на стол, на раскрытой ладони лежала овальная металлическая пластинка в виде медальона с продетой в нее паутинообразной цепочкой. Я вспомнил, как она попала к нему. На пластинке проступили блеклые краски, обозначился овал женского лица. Огромные глаза смотрели вопросительно, с надеждой.

— Какое прекрасное лицо! — сказал Вашата.

— Мда... и ты меня даже не поставил в известность! — заметил Макс. — Откуда это у тебя?

— Подарок в том иллюзорном, как ты считаешь, мире.

— Вселяющая радость! — сказал Вашата.

— Да...

— Разреши, — Макс взял медальон, изображение исчезло. — Ну конечно, опять какой-то фокус.

— Не совсем, — сказал Антон, бережно беря медальон.

И опять на нем проступило трагическое теперь лицо Лилианы-Ли.

Александр Шалимов

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

Фантастическая повесть

Улетали с Марса марсиане
В мир иной, куда глаза глядят,
И не в сказке, не в иносказанье...
Двести миллионов лет назад...
С. Орлов

Кирилл прилетел на станцию "Марс-1" с пятой сменой. Продолжительность марсовки — год Марса — два земных с хвостиком. И полгода на дорогу туда и обратно. Два с половиной года вдали от Земли...

Садясь в вездеход, он снова подумал об этом. Вездеход назывался "Черепашка". Так было написано белой краской на удлиненном голубом корпусе, который опирался на шесть коленчатых, обутых в гусеницы ног. Кирилл уже успел заметить, что конструкторы и монтажники предпочитали тут ярко-голубые цвета. Может быть потому, что напоминали о земном небе, а скорее всего оттого, что резко выделялись на фоне ржавой окраски грунта, скал, осыпей. Здесь даже дневное небо было красновато-оранжевым. Пыль, поднимаемая ураганами, никогда не успевала осесть.

Мягко перебирая шестью ногами, "Черепашка" неторопливо бежала от космодрома, где опустился "Ветер времени", к станции. Ехали напрямик по ржаво-бурой каменистой поверхности, испещренной оспинами небольших плоских кратеров. Справа то появлялся, то исчезал за ближними возвышениями фиолетово-красный обрыв. Слева каменистая равнина уходила на север и тонула в красноватой пыльной мгле.

В вездеходе их было четверо — все в легких голубых скафандрах с круглыми прозрачными шлемами. Пассажиры расположились

впереди. Остальную часть просторной кабины занимал багаж — их личный, привезенный с Земли, и экспедиционный. Троим предстояло сменить часть персонала станции — тех, кто возвращался с "Ветром времени" на Землю. Четвертый — он вел вездеход — оставался тут на второй срок. Это был коренастый крепыш с коричневым от загара лицом и голубыми глазами. Шапка курчавых рыжих волос заполняла все свободное пространство шлема. Она напоминала нимб — обязательный атрибут экстрасенсов, а еще — "святых", как их некогда изображали на старых картинах и иконах. Водителя звали Мак, вероятно Максим, но он сказал просто "Мак", когда представлялся.

Кирилл знал, это в составе смены четырнадцать человек, причем каждый совмещает несколько профессий. В предыдущей смене, из которой десятеро через неделю покинут Марс, было два Максима — один врач, геолог планетолог и художник, другой — астрофизик, энергетик и радист дальней связи. Кем был этот Мак, Кирилл не успел спросить, потому что при загрузке вездехода пришлось без конца отвечать на вопросы о земных новостях и делах.

Мак перестал задавать вопросы всего несколько минут назад, сосредоточившись на управлении "Черепашкой". Закусив губу, он лавировал между скоплениями каменных глыб, и по каким—то одному ему ведомым признакам выбирал наиболее оптимальный вариант пути. "Черепашка" бежала, не сбавляя скорости, однако покачивалась в разных направлениях все ощутимее.

— Дальше дорога чуть похуже, — заметил Мак, внимательно глядя вперед, — но мы выгадаем километров сорок.

Кирилл удивился.

— Кажется, от космодрома до Базы всего сорок километров. Я читал в отчете...

— Было, — откликнулся Мак, — но вас посадили на запасном — в восточной части равнины Офир. Отсюда до базы двести с небольшим, если по прямой.

— А по дороге?

— А ее нет... В объезд этого массива все четыреста. Но я вас напрямую...

Вездеход изрядно тряхнуло.

— Не надо волноваться, голубка, — заметил Мак, обращаясь скорее всего к "Черепашке". — Я же просил...

Снова сотрясение, от которого все подпрыгнули на эластичных сиденьях.

— Эй, левые ноги, будьте внимательнее, — Мак замедлил движение и занялся кнопками на панели управления, — так будет надежнее.

Он снова увеличил скорость.

— Почему мы сели далеко от станции? — спросил Кирилл.

Мак сосредоточенно покивал головой в прозрачном шлеме:

— Пришлось. На главном космодроме у нас, — он вздохнул, непорядок объявился. Придется выяснять...

— Что именно?

— Пока толком никто не знает... Шефуня вам объяснит... Может, ничего важного. Но решили посадить "Ветер времени" подальше. Так безопаснее.

— Безопаснее?

— Вот именно, — Мак усмехнулся, — да вы не пугайтесь...

— Это у них такая игра, Кир, — заметил Геворг — физик новой смены, он сидел позади Кирилла. — Пугать новичков... Вот, мол, ко всем прочим загадкам Красной планеты еще одна из области "призраков"...

— "Призраки" Марса?

— А почему бы нет? Кстати, вода на твою мельницу, Кир. Ты ведь собираешься искать следы исчезнувшей цивилизации.

— Працивилизации нашей планетной системы, Геворг.

— Вот—вот... Следов жизни не нашли, а следы працивилизации будем искать... Естественно, они, — Геворг кивнул на Мака, — узнав, что в составе смены летит известный археолог специалист по древнейшим цивилизациям Земли, приготовили сюрприз... Правильно я говорю, Мак?

Мак усмехнулся — загадочно и чуть смущенно, но промолчал. Все его внимание теперь было сосредоточено на местности впереди вездехода. "Черепашка", покачиваясь, преодолевала довольно крутой подъем вдоль скалистого, усыпанного красноватой щебенкой склона.

— Впечатление такое, будто едем по битому кирпичу, — пробормотал Сергей — энергетик, радист и радиоастроном новой смены, сидевший рядом с Геворгом. — Кирпич и ничего больше кирпичные скалы, кирпичная щебенка, кирпичная пыль. И в небе — она же...

— Кислород, который когда-то был тут в атмосфере, пошел на окисление горных пород, — отозвался Мак. — Красный цвет окислы железа. Железо вытянуло из атмосферы почти весь кислород.

— А, удалось, где—нибудь обнаружить неокисленные породы? спросил Кирилл.

Мак отрицательно тряхнул головой:

— Пока нет. Слабее измененные попадались. Выветривание тут чертовски древнее, проникает глубоко. Неизмененных пород мы не встретили даже в буровых скважинах.

— Вы геолог, Мак?

Он кивнул и, немного помолчав, добавил:

— Геолог тоже...

Вездеход достиг вершины скалистого гребня. Впереди открылся обширный кратер с плоским красноватым дном, которое лежало в нескольких сотнях метров ниже. В центре круглой плоской равнины громоздилась группа красно-бурых скал, похожих на руины древнего замка. Дальний гребень кратера чуть проглядывал в красноватой мгле.

— Станция там. — Мак указал вперед. — Пересечем кратер и будем близко.

— А обрыв справа? — спросил Кирилл. — Мне сначала показалось, что он недалеко, но отсюда сверху это выглядит иначе.

— Ого! — воскликнул Мак. — Недалеко! Тут трудно оценивать расстояния на глаз. До обрыва около двухсот километров. Мы его видим так отчетливо потому, что там сейчас не очень много пыли в атмосфере. Последним ураганом ее согнало на север в равнины. Обрыв — южный край ущелья Копрат — скальная стена высотой больше пяти километров.

Все взгляды обратились в сторону знаменитого ущелья — гигантской трещины, некогда расколовшей древнюю кору Марса.

— Не предполагал, что его видно из окрестностей станции, — заметил Геворг. — Это местечко, меня очень интересует...

— А обычно его и не видно, — возразил Мак, затормозив вездеход. — Просто вам повезло. Смотрите хорошенько.

— Вы были там? — спросил Кирилл.

— Еще бы... Не один раз. И американцы тоже. Но там, — Мак махнул рукой, — надо работать и работать. Пока сплошные загадки...

— А как у вас отношения с американцами? — поинтересовался Сергей.

— Как и на Земле. Сосуществуем...

— Были у них?

— Наши кое—кто были. Я — нет. Их мы тоже принимали. Тех, кто работал в ущелье Копрат. Даже помогли немного. В общем-то, они неплохие парни. Кроме Гридли...

— А Гридли — кто?

— Есть такой один. — Мак помрачнел. — Познакомитесь... Ну ладно, полюбовались Копратом и поехали дальше.

"Черепашка" тронулась с места и, увеличивая скорость, побежала вниз по крутому каменистому склону. Когда достигли плоского дна кратера, Мак еще увеличил скорость. Кратер пересекли за полчаса, оставив справа по борту скопление похожих на исполинские колонны красноватых скал.

— Остатки некка — на месте жерла вулкана, — лаконично пояснил Мак.

— Что, вулканический кратер? — спросил Геворг.

В его голосе прозвучало сомнение.

Мак кивнул:

— По-моему, да... Кое-кто, правда, не согласен. — Он покачал головой. — Мы тут спорим по каждому поводу. Спорим и спорим... И многого не можем понять. Сплошные загадки. Чем дальше, тем больше...

— Но такие широкие кратеры с плоским дном, кажется, принято считать метеоритными, — заметил Кирилл. — Как, например, Аризонский или Попигай у нас в Сибири. Поперечник этого кратера километров сорок. Ничего себе вулкан.

Мак пожал плечами:

— Тут есть вулканы и побольше. А этот — скорее всего кальдера — остатки вулкана, разрушенного взрывом. Потом в центре кальдеры образовался еще вулкан поменьше. Мы только что миновали центральную горку – это, и есть остатки более позднего вулкана. Тут сложность в другом...

— В чем именно?

— Лед... Ископаемый лед... Повсюду. Мы с ним столкнулись, как только начали бурение. Я из—за него на вторую смену остался. Только из—за него одного...

— Не понимаю. — сказал Геворг. — Какой лед? Где? В полярных областях?

— Если бы! — усмехнулся Мак. — Везде, понимаете, везде. Тут и возле нашей базы... Скалы, вот как гребень этого кратера и его центральная горка — они торчат из-подо льда. Вы думаете, мы сейчас катим по каменному грунту? Черта с два! Под нами лед, присыпанный песком и щебенкой. И сколько его, никогда не знаешь.

— Так что у вас получается? — Кирилл удивленно взглянул на водителя. — Марс — планета-океан, замерзший океан?

— Почти, — кивнул Мак. — Почти... Впрочем, это пока моя крайняя точка зрения. Далеко не все со мной согласны. Скважин еще мало.

— На сколько же удалось углубиться?

— Ненамного. Первые сотни метров. Но повсюду одно и то же... Десять, двадцать, тридцать метров "битого кирпича", как говорит ваш коллега. — Мак кивнул на Сергея. — Дальше сплошной лед.

— Сколько? — попытался уточнить Кирилл.

— Никто не знает. Все скважины пришлось останавливать во льду. Его толщина многие сотни метров, а возможно, и километры.

— Это на ровных участках, а на возвышенностях?

— Там песка и щебенки побольше. Но все это наносы, принесенные ветрами. Под ними тоже лед.

— А скальные участки, — спросил Геворг, — вот-например, гребень кратера, через который мы перевалили. Что под скалами?

— Там, конечно, коренные породы. — Мак бросил быстрый взгляд на Геворга, видимо удивленный его неосведомленностью. — Выходы

каменной коры Марса. Они торчат сквозь лед. До того, как океаны Марса промерзли насквозь, такие гребни могли быть островами.

— Ничего себе открытие! — воскликнул Геворг. — Замерзшие и похороненные песками океаны Марса. Вы моим глупым вопросам не удивляйтесь, — добавил он, — моя специальность физика атмосферы. В геологии я профан.

— У нас тут геологию называют ареологией, — заметил Мак, — хотя, может, это и не совсем правильно. Ареология — наука о Марсе в целом, включая и его кору, и льды, и атмосферу. Ареолог широкого профиля у нас один — шефуня.

— Ваш начальник?

— Он теперь и ваш тоже. Остается на пятую марсовку... А здешние ископаемые льды, промерзшие до дна океаны — открытие последних месяцев. Еще не успело попасть ни в какие отчеты.

— Вы это разгрызли, когда мы летели?

— В общем, да, — кивнул Мак. — Ну вот и наша станция... С благополучным прибытием на "Марс-1", коллеги!

Вездеход затормозил. За цепочкой красноватых дюн, которые они только что миновали, открылась обширная котловина с плоским коричневато-бурым дном. В центре котловины голубыми полушариями поднимались купола Базы. Возле самого большого купола на высокой мачте трепетал на ветру красный с золотым гербом флаг Советского Союза.

— Загадки, сплошные загадки, — сказал профессор — Никита Бардов — "шефуня", как его называли меж собой сотрудники станции.

Шефуня был нетороплив, массивен, краснолиц, бородат. Говорил густым басом с металлически—колокольным оттенком. Его невозмутимость и спокойствие в самых трудных, даже экстремальных ситуациях считались образцовыми. На станции существовал неофициальный, но всеми признаваемый эталон стойкости и выдержки — "одна шефуня" — величина, близкая к бесконечности, в малых долях которой оценивалась выдержка остальных участников марсовки.

Шефуню отличали еще исключительная корректность, железная логика, несгибаемая воля и апостольская доброта. При необходимости распечь кого—нибудь он всегда переходил на уменьшительные и ласкательные формы речи.

По специальности он был планетологом. Несколько лет работал на лунной базе. Его кандидатская диссертация, посвященная исторической селенологии [19], сразу принесла ему докторскую степень. Шефуня был автором всех марсианских программ, начальником первой и четвертой марсовок. Теперь он оставался еще и на пятую...

[19] Историческая селенология - история развития Луны (в настоящее время существует в зачаточном состоянии).

Только что очень сжато и лаконично рассказал новой смене о главных итогах работы четвертой марсовки.

— Что касается задач пятой, — он сделал долгую паузу, привезенную программу придется кое в чем изменить. Будем продолжать бурение, атмосферные наблюдения, геофизику... Биологические исследования надо сократить, потому что они ровно ничего не дали.

— А лед? — быстро спросил Мак.

— Биологи сосредоточат внимание па вашем ледяном керне[20] . Им этого вполне достаточно.

— Будет еще лед из шахты, — сказал Кирилл. — Проходка шахты заложена в проекте, и я теперь думаю, что шахту следует проходить сквозь покровный лед. Надо только выбрать подходящее место...

— Это очень хорошо, что вы так думаете, — ласково кивнул шефуня. — И местечко надо выбрать... А вот с самой проходкой, может, повременим? А?

— Но как же так! — воскликнул Кирилл. - Шахта, это своего рода гвоздь...

— Э—э, дорогуша, — загудел шефуня, — "гвоздей" в наших марсианских программах целые бочки. — Он вздохнул. — Дело в том, что я еще не сказал вам, может быть, самого главного. Предстоит заниматься одной внеплановой... проблемой. Тут у нас обнаружились места, в которых у людей возникают, — шефуня прищурился и сделал долгую паузу, — ну, скажем, пока... галлюцинации... Даже массовые, если посчитаем "массой" трех человек. Все наличные средства индивидуальной защиты — вездеходы, скафандры, в том числе тяжелые ночные, пригодные, как вы знаете, для открытого космоса, не помогают. Не помогают и защитные поля. Если "галлюцинация" оказывается длительной — в пределах часа или более того, — он кашлянул и снова сделал паузу, — может наступить беспамятство, после которого человек длительное время пребывает в состоянии крайней психической депрессии. Возможны и более тяжелые последствия.

— Похоже на заболевание, — осторожно заметил Кирилл.

[20] Керн - столбик породы, в данном случае льда, извлеченный из буровой скважины.

— Мы вначале так и думали. Но главный медик, — шефуня указал на Мака, — считает иначе... О своей точке зрения он потом сам расскажет. Первый раз это случилось... — Шефуня обвел вопросительным взглядом присутствующих.

— Три месяца назад, — быстро подсказал Мак.

"Сразу после нашего отлета с Земли", — подумал Кирилл.

— Сегодня ровно восемьдесят шесть суток Марса с того дня, как это случилось впервые, — продолжал Бардов. — Первым был Азарий Горбунов — геофизик. Он потом по собственной инициативе еще дважды попадал в это... приключение. Его пришлось... изолировать, и мы отправляем его отсюда... в довольно тяжелом состоянии.

— Психическом? — попробовал уточнить Кирилл.

— Крайняя депрессия, переходящая в бредовое состояние и паралич рук, — объяснил Мак.

— По-видимому, все—таки нервное заболевание, — заметил Кирилл.

Мак отрицательно тряхнул рыжей головой.

— Потерпите, коллеги, у вас будет время все обсудить, мягко остановил их Бардов. — Итак, впервые мы с этим столкнулись восемьдесят шесть дней тому назад. И произошло это в каньоне Копрат...

— В пещере — в одном из северных ответвлений каньона, добавил Мак. — Мы там были вместе с Азарием, но в пещеру он зашел один... — Мак умолк и смущенно взглянул на начальника.

— Продолжайте, голубчик, — прогудел шефуня, — у вас получается гораздо интереснее.

— Извините...

— Продолжайте, продолжайте, а я пока отдохну.

— Он долго не выходил обратно и не отвечал на мои радиосигналы. Пришлось идти за ним. Я нашел его в глубине пещеры без сознания. Мы вытащили его наружу. Мне помогал Атиф — он был третьим в нашей поездке. Мы с Атифом тогда ничего подозрительного в пещере не заметили... Когда мы привели Азария в чувство, он рассказал...

— Что он тогда рассказал, не столь важно, — заметил шефуня, — тем более что в дальнейшем повторялось примерно то же самое...

Спасибо, Мак, вы очень помогли мне... Приключение в пещере Копрата так заинтересовало Азария, что он решил повторить его. Под предлогом еще каких—то геофизических наблюдений он отправился в Копрат со следующей исследовательской группой, забрался в ту пещеру и сидел в ней до тех пор, пока снова не потерял сознание. Правда, на этот раз он записал на диктофон свои... гм, наблюдения или... ощущения. На Базу его привезли в бессознательном состоянии, и он потом болел больше месяца.

Пещеру мы тщательно обследовали в скафандрах высшей защиты, но ничего интересного и тем более подозрительного не обнаружили.

Азарию, когда он поправился, было запрещено участвовать в полевых поездках. Для себя я решил, что Азарий натура увлекающаяся, очень импульсивная: у него эмоции нередко опережали логику и трезвое суждение ученого — просто надорвался в здешних нелегких условиях, да и работал он очень много. Наш главный медик, — шефуня снова указал на Мака, — поначалу тоже соглашался со мной, объясняя "казус Азария" нервным перенапряжением. Однако вскоре, а точнее за тридцать три дня до прилета "Ветра времени", история повторилась.

На этот раз совершенно в ином месте — на главном нашем космодроме, где садились и откуда взлетали все земные корабли. Там жертвами, гм... галлюцинации... стали сразу трое участников нашей марсовки. Получилось так, что ни один из них не был в каньоне Копрат, и что произошло с Азарием, то есть о его... заболевании, как мы все полагали, слышали с его слов. Когда это началось, все находились в диспетчерском бункере и занимались регулировкой радиоаппаратуры для прямой связи с "Ветром времени". Они сразу поняли, в чем дело, но само явление так их заинтересовало, что вначале пренебрегли опасностью. Только когда один из них начал терять сознание, люди покинули бункер, однако галлюцинации не прекратились и снаружи. Фантом оказался в том же месте, где они увидели его через окно бункера. Я говорю "фантом", хотя все трое утверждают, что воспринималось это как вполне реальный объект. Их показания сходятся вплоть до мельчайших деталей... Они погрузились на вездеход и еще некоторое время продолжали наблюдение, пока один не потерял сознания.

Тогда двое остальных погнали вездеход сюда на Базу. Отъехав несколько километров, развернулись, чтобы оглянуться. Фантом уже исчез. Посадочная плита была пуста.

Профессор Бардов замолчал и задумчиво потер переносицу.

— Значит в этом случае, фантом наблюдался на посадочной плите космодрома? — уточнил Геворг.

— В самом центре плиты, в полукилометре от бункера и вездехода.

— Так что все-таки это было?

— Как это ни покажется вам странным, во всех случаях одно и то же, — Бардов выделил последние слова. — Высокий каменный портик

с квадратными колоннами, поддерживающими массивный нависающий свод. В глубине за колоннами портика — ярко освещенный зал или какая—то площадь, заполненная множеством живых существ в ярких одеяниях. Между колоннами портика появлялась высокая фигура в длинном фиолетово—алом плаще или мантии и делала руками призывные знаки...

— Человеческая фигура? — снова уточнил Геворг.

— С того расстояния, на котором находились наблюдатели, она воспринималась как человеческая, так же, как и существа в глубине.

— А фантом в пещере?

— Я же сказал: во всех случаях одно и то же.

— Не понимаю, — Геворг пожал плечами, — как в тесном пространстве пещеры?..

— В пещере словно бы приоткрывалось окно, — пояснил Мак, — Азарий говорил: "Как окно в иной мир..." Там тоже был портик с колоннами и все остальное... Азарий наблюдал это трижды. В редкие минуты просветления он несколько раз подробно пересказывал мне картину...

— Почему трижды? — спросил Кирилл. — Профессор говорил о двух... галлюцинациях Азария Горбунова.

— Три, — кивнул Бардов. — К сожалению, три. За ним не усмотрели. Узнав о фантоме на плите космодрома, Азарий, нарушив мой запрет, сбежал с Базы и один поехал на космодром. Мы спохватились слишком поздно... Погоня обнаружила вездеход в центре посадочной плиты космодрома. Передняя часть машины была расплющена, словно она врезалась в какое—то препятствие. Мотор не работал, а

Азарий, сильно побитый, лежал в глубине грузового отсека, видимо отброшенный при столкновении вездехода с "чем-то". Когда его удалось привести в сознание, он сказал, что на космодроме увидел то же, что и в пещере. Попытался проскочить на вездеходе между колоннами портика. Дальше ничего не помнит...

— Ну а еще ваши призраки появлялись? — поинтересовался Геворг. Кириллу показалось, что в вопросе физика прозвучала плохо скрываемая ирония.

Бардов задумчиво погладил пышную бороду:

— Больше нет... У нас их больше никто не видел. Тем не менее мы сочли необходимым посадить "Ветер времени" в другом месте.

— А на главном космодроме кто-нибудь еще бывал? — вопрос прозвучал невинно, но в глазах Геворга Кирилл прочитал откровенную насмешку.

— Бывали, — Бардов продолжал поглаживать бороду. — Там установлено регулярное наблюдение. Кроме того, из диспетчерского бункера автоматически велась киносъемка.

— И что же?

— Ничего. На кинокадрах посадочная плита пуста и в ее окрестностях ничего подозрительного не возникало.

— Вполне естественно, — усмехнулся Геворг, — давно известно, что призраки, привидения, вампиры и прочая нечисть на кино- и фотопленке не фиксируется.

— Относительно призраков не знаю, — спокойно заметил Бардов, — не приходилось ими заниматься. Но миражи, коллега, удается сфотографировать. Кстати, тут на Марсе миражи не редкость.

— Вы хотите сказать... — начал Геворг.

— Нет, я сказал все, что хотел. Прошу еще вопросы, если они есть.

— Остается ли па пятую смену кто—нибудь из числа наблюдавших... "фантом Азария"? — спросил Кирилл.

— "Фантом Азария", — задумчиво повторил Бардов. — Неплохо... Можно принять это в качестве рабочего названия проблемы. Нет, коллега, никто не остается. Все-таки у нас нет стопроцентной уверенности, что это не заболевание.

— Интересно, а что думает по этому поводу главный медик четвертой смены? — спросил Геворг.

— Разрешите? — Мак взглянул на Бардова.

— Разумеется, коллега.

— Это не заболевание в общепринятом значении слова, — начал Мак, — это ранение… Если хотите — травма, наносимая мозгу каким-то еще неизвестным нам явлением, скорее всего неизвестным излучением, связанным с возникновением фантома. Думаю, даже уверен, что мы еще столкнемся с ним. Среди многих загадок Красной планеты эта представляется одной из наиболее интересных и, пожалуй, наиболее опасных… Я полностью согласен с нашим шефом, ей следует посвятить максимум внимания.

— Можно еще один вопросик? — поднял руку Геворг.

— Пожалуйста, — кивнул Бардов.

— А о наших соседях из западного полушария Земли никто не думал?

— Нет, почему же, думали — сказал Бардов. — Они просили захватить на Землю одного парня из их смены. Он болен два месяца, а их корабль появится тут через год… Судя по тому, что сказал мне профессор Джикс, их босс, у парня, которого завтра привезут к нам, те же симптомы, что у Азария…

На следующее утро в кабине Кирилла раздался мелодичный сигнал внутреннего телефона. Личные помещения марсовщиков на главной Базе назывались кабинами. Размер кабин был стандартный — два с половиной метра на три с половиной, при двух с четвертью метрах высоты. Рядом — туалет и душевая — одна на две кабины. Соседом Кирилла, с кем предстояло делить душевую, оказался Сергей — радист и радиоастроном новой смены; он с момента их прибытия на Базу не вылезал из центральной радиорубки. В каждой кабине имелась койка, днем превращаемая в диван, стол для работы, кресло, стенной шкаф и стеллаж для книг. Над столом — телевизионный экран, телефон и небольшой пульт управления с регулятором кондиционера, пылесоса, освещающих устройств, часами и указателем внутренней и наружной температур, силы и направления ветра, уровня радиации.

Кирилл услышал сигнал телефона, находясь в душевой. Пока он набросил халат и прошел в свою кабину, сигнал повторился дважды.

Он торопливо взял трубку.

— Кирилл Волин слушает.

— Доброе утро, коллега, — загудело в трубке. — Надеюсь, не разбудил. Это Бардов.

— Доброе утро, профессор. Слушаю вас.

— Оставьте вы этого профессора, коллега. Меня зовут Никита, для краткости Ник. Вы не очень заняты?

— Нет.

— Могли бы заглянуть ко мне?

— Прямо сейчас?

— Ну, скажем, в пределах десяти минут.

— Хорошо, буду.

Быстро одевшись и захватив папку со своей программой, Кирилл направился к шефу. Когда он поднялся в коридор, где рядом с кают—компанией, находилась кабина начальника марсовки, навстречу ему вышел Геворг. При виде Кирилла на узком худом лице геофизика, обрамленном щеголеватой бородкой стиляги-сатира, появилась усмешка.

— Ну, держись, спец по привидениям, — шепнул Геворг, ткнув Кирилла пальцем в живот.

Кирилл постучал и приоткрыл дверь.

— Прошу, — пробасил шефуня, поднимаясь ему навстречу.

Кабина начальника отличалась лишь тем, что в ней было не одно, а два кресла, а над столом вместо одного телефона три и еще небольшой коммутатор.

Усадив Кирилла возле стола, Бардов вопросительно глянул на его папку.

— Там что?

— Моя программа, обоснование, намечаемые районы работ... Я...

— Да—да, помню, — прервал шефуня, поглаживая бороду. Читал ваши статьи и монографию, коллега. Занятно... Хотя я лично не со всем согласен. Впрочем, мои мысли на сей счет мнение дилетанта. Да... Для начала хотел просить вас заняться кое—чем иным... Вы,

конечно, догадываетесь? Проблема "фантома Азария"... Интересно, не правда ли? Вы ведь не только антрополог, историк, археолог, вы и врач—психиатр, не ошибаюсь?

— Это раньше... Я давно не практиковал.

— Неважно. Здесь вы единственный такой специалист... Мак — терапевт широкого профиля, а врач, прибывший с вашей сменой, — хирург. Я хочу просить вас возглавить проблему "Фантома Азария". Мак и я лично будем вам помогать...

— А моя программа? Институт, который рекомендовал меня для участия в экспедиции...

— Э, дорогуша, тут у нас у каждого по нескольку программ. Времени в вашем распоряжении уйма. К тому же, — шефуня многозначительно поднял палец, — кто знает, куда вас может завести "фантом Азария".

— Вы хотите сказать, — начал Кирилл, широко раскрыв глаза, — хотите сказать, что...

— Я никогда не хочу сказать ничего, чего не говорил, прервал Бардов. — Постарайтесь запомнить это, коллега Кир. Проблема "фантома Азария" возникла неожиданно, никакими программами, естественно, не могла быть предусмотрена. Пока все, с ней связанное, — великое неведомое, которое надо постараться прояснить... По правде говоря, у каждого из нас на нее была и есть своя точка зрения. Вот, например, прибывший вместе с вами коллега Геворг утверждает, что такой проблемы вообще не существует. Что ж, и это — возможная точка зрения...

— Но доказать, что чего—то не существует, невозможно, заметил Кирилл.

— Именно. Поэтому, если, занявшись фантомом, вы ничего не обнаружите, придется признать, но только с определенной долей вероятности, что самой проблемы действительно не существует. Возникли нервные расстройства, связанные с индивидуальными особенностями психики отдельных участников экспедиции. В этом случае надо установить, какие именно особенности человеческой психики противопоказаны участникам марсианских экспедиций и почему. Думаю, никто лучше вас с такой задачей не справится.

Кирилл с сомнением покачал головой.

— Все это так далеко от моих нынешних научных интересов... И еще одно: участники экспедиций на Марс — и у нас, и у американцев — проходят сквозь такие тесты и такую массу проверок, что кандидат с минимальными психическими отклонениями от нормы со стопроцентной вероятностью будет отсеян.

— Человеческий мозг всегда был и остается великим неведомым, коллега. Это такая бесконечность неведомого... — Бардов махнул рукой. — Да вы знаете гораздо лучше меня. А вот относительно подготовки американцев, выясните подробно, когда привезут их... заболевшего. Обстоятельства заболевания тоже. Потом их данные сопоставим с нашими.

— Кажется, вы считаете, что я уже дал согласие? — недовольно заметил Кирилл.

Широкое красное лицо Бардова озарилось лучезарнейшей улыбкой.

— Я не сомневался, коллега. Именно поэтому просил вас... а не приказывал. Думаю, что вам сразу после старта "Ветра времени" надо побывать у наших американских друзей. Уточнить на месте, как получилось с их парнем. Впрочем, программу работ по проблеме "фантом Азария" вы разработает сами. В любое время привлекайте для этого Максима и меня... Программу вы представите на утверждение ученого совета нашей пятой смены, скажем, через месяц. Нет, ровно через четыре недели. Вам все ясно, коллега?

— Пока да, — мрачно сказал Кирилл, поднимаясь.

— Ну так с богом, как говорили у нас в старину.

"Черт бы тебя побрал, — подумал Кирилл, выходя, — вместе с твоим богом, "фантомом Азария" и моим идиотским назначением. Хорошо же буду выглядеть, когда придется отчитываться в институте после возвращения... Возвращения... — внутри что-то больно кольнуло. — До него еще двадцать семь земных месяцев... если все обойдется благополучно..."

Спускаясь по лестнице на свой этаж, Кирилл приоткрыл металлическую штору иллюминатора и глянул наружу. Окрестность была задернута красно-бурой пыльной мглой. Начинался ураган...

Ураган бушевал трое суток. Поэтому американцы появились лишь за несколько часов до отправления космического корабля. Их небольшой короткокрылый планетолет, напоминающий "шаттлы" конца прошлого века, совершил посадку на запасном космодроме невдалеке от "Ветра времени".

Кирилл и Мак в легких голубых скафандрах направились навстречу гостям. Когда они приблизились к планетолету, американцы уже выгрузили и установили на самоходную тележку белый с прозрачным верхом "саркофаг". На американцах — их прилетело четверо — были одинаковые полосатые легкие скафандры, напоминающие раскраской их государственный флаг.

— Он тут, — сказал широкоплечий коренастый здоровяк, который представился как доктор Морстон.

Сквозь прозрачное забрало шлема Морстон подмигнул Кириллу и похлопал рукавицей по верху "саркофага".

Кирилл подошел ближе, склонился над "саркофагом". Под прозрачной крышкой бритая голова, бледное, без единой кровинки худое лицо; глаза закрыты, дыхания не заметно.

— Жив он? — невольно вырвалось у Кирилла.

И словно в ответ на этот вопрос ресницы человека, лежащего в "саркофаге", дрогнули, приоткрыв бесцветные пустые глаза.

— Почти полный паралич, с потерей речи, — сказал Морстон. — Состояние тяжелое... Не знаю, удастся ли его доставить на Землю живым. Но это единственный шанс... Мы ничего не могли сделать.

Мак положил руку на край "саркофага".

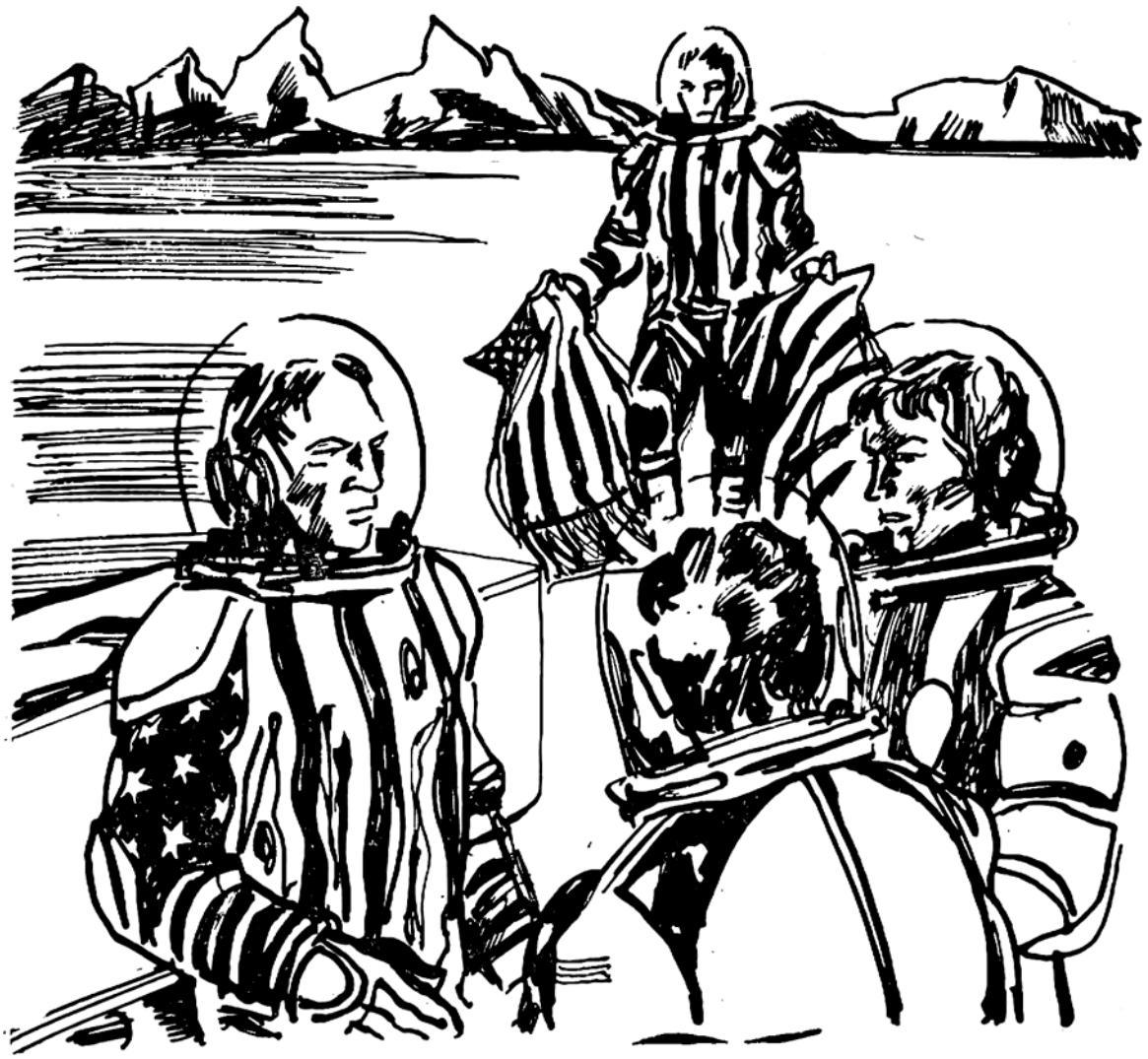
— Его медицинскую карту вы привезли?

— Она у меня, — Морстон похлопал по наружному карману скафандра. — А вот Гибби тащит и его личные вещи.

— Личные вещи? — удивился Кирилл. — Зачем? На корабле его обеспечат всем необходимым.

— Это его собственность, — возразил Морстон. — Не оставлять же здесь. Ему что-нибудь может понадобиться.

Бросив взгляд на "саркофаг", Кирилл подумал, что едва ли этому парню, когда—нибудь что—то понадобится.

Подошел Гибби, волоча здоровенный звездно-полосатый мешок с застежками-"молниями", запертыми на маленькие бронзовые замочки. Темная кожа и курчавые черные волосы не оставляли сомнений в его происхождении. Не говоря ни слова, Гибби втиснул принесенный мешок на нижнюю платформу тележки под "саркофаг", забрался на маленькую площадку в передней части тележки и включил двигатель. Тележка медленно двинулась по красноватому щебнистому грунту к возвышающемуся невдалеке "Ветру времени". Кирилл, Мак и двое американцев пошли следом. Четвертый американец остался возле планетолета.

Шли медленно в понуром молчании. Кирилл подумал, что их шествие напоминает старинный траурный кортеж. Пытаясь уйти от тягостных мыслей, он обратился к американцу в дымчатых очках, который шагал рядом:

— Этот ваш товарищ, там, — Кирилл кивнул на "саркофаг", кем он был по профессии?

— Энрике?.. Астрофизик, специалист по космическим лучам...

— А что, собственно, с ним приключилось? — спросил Мак.

Американец вздохнул:

— Никто из нас толком не знает. Заболел... потом стало хуже, потом вдруг паралич...

— Вдруг? — переспросил Мак.

— Здесь все подробно написано, — вмешался Морстон, снова похлопав по карману своего скафандра. — С чего началось, как лечили. Ваш врач разберется. А что с ним дальше делать, никто из нас не знает.

— Я тоже врач, — заметил Мак.

— О, — воскликнул Морстон. – Это прекрасно. А ваша специальность?

— Терапевт...

— Прекрасно, — повторил Морстон, уже без особой убежденности, — впрочем, мне кажется, тут нужен психиатр.

— Почему вы так думаете?

— Знаете ли... — Морстон замялся. — В общем, он был... со странностями. А потом начались галлюцинации...

— В чем они выражались?

— В чем?.. Да так, разное... В его карте написано... Вот, может, Фред скажет, — Морстон кивнул в сторону своего товарища в дымчатых очках, — он жил с Энрике.

— Нет, вначале он был, как все, — возразил Фред, — странности у него появились много позже. Мне кажется, со странностей все и началось. Он очень много работал. Не щадил себя... Сильное переутомление, надрыв, специфика здешних условий. Мозг не выдержал... Что-то там у него "отключилось", и вот результат... После полуторагодового пребывания здесь мы все со странностями...

— Но вы проходили на Земле тщательную проверку, отбор, заметил Кирилл.

— Проходили, — согласился Фред, — а так ли она много значит? Металл тоже проверяют, прежде чем из него построят космический корабль. Каких только проверок не придумали... А сколько аварий в космосе произошло именно из-за усталости металла. А человек? Я слышал, у вас в эту смену тоже один свихнулся.

— Да, действительно, — кивнул Мак, — одного отправляем больным. И, мне кажется, симптомы сходные, хотя у нашего товарища состояние не столь тяжелое. Именно сходство симптомов заставило меня обратиться к вам с вопросами.

— Тут все подробно написано. — Морстон извлек из кармана скафандра большой пластиковый конверт. — Я вручу его вашему медику на корабле.

— Перед отлетом проверялись чисто внешние параметры умственной деятельности, — сказал Фред, — скорость решения задач, число допущенных ошибок, показатели психофизиологической напряженности: частота пульса, данные электрокардиограмм, энцефалографии и еще многое. В определенных пределах по этим параметрам можно судить, достаточна ли мощность мозга каждого из нас для охвата и переработки сведений, поступающих с приборных панелей и даже из окружающего нас мира. Но можно ли по этим чисто внешним проявлениям судить, что в действительности происходит в мозгу человека, решающего ту или иную оперативную задачу или проблему? Где предел информационной емкости мозга, предел допустимых нагрузок, предел прочности как биологической конструкции? Никто этого не знает...

— В чем все-таки выражались странности в поведении Энрике, о которых вы упомянули? — спросил Мак.

— На "поверхности" — в мимике, выражении глаз, интонациях, жестах... Он стал очень раздражителен, резок, "не контактен"; обрывал, когда к нему обращались с вопросами. Он все больше удалялся от окружающих, замыкался в своем "я", как компьютер без обратной связи. Иногда казалось, что он искал и не находил ответа на какой—то мучающий его вопрос. Потом...

— Стоп, Фред, после доскажешь, — прервал вдруг Морстон. Смотри, нас встречает начальник русской станции.

Кирилл, внимательно слушавший американца, тоже глянул вперед. От громады корабля к ним навстречу шагал Бардов, вместе с участниками четвертой и пятой смен.

Американцы явно торопились. Морстон, возглавлявший их группу, отклонил даже приглашение Бардова посетить Базу.

— Отсюда до вашей Базы далековато, — объяснил он свой отказ, — а нам еще предстоит работа па обратном пути. И мы должны возвратиться к себе засветло. У планетолета очень напряженный график. Завтра полетят наши геологи. Да и у вас перед стартом дел немало...

Когда американский планетолет улетел, Геворг сказал Кириллу:

— Рыльце у них в пушку, вот что. Подбросили полутруп и сбежали...

— Объясни свой гениальный домысел.

— Не понимаешь? Все эти так называемые "призраки"... — их работа... А Энрике — морская свинка. На нем отрабатывалась "методика". Теперь концы в воду, особенно если он станет трупом во время полета. На Земле нашим еще придется доказывать, что к чему... И оправдываться, если не довезут.

— Но зачем?

— Что зачем?

— Зачем бы им все это?

Геворг усмехнулся:

— Пока не знаю. Может, позже поймем? Не исключен и примитив: хотят напугать, чтобы мы свернули работы... Наш главный космодром выбран не случайно... И ущелье Копрат подозрительно. Один из самых глубоких разрезов марсианской коры. Там они что-то учуяли, а космодром — удар ниже пояса.

— Чересчур мудро! Подозрительность никогда не благоприятствовала проницательности, Геворг.

— У меня тоже появлялась подобная мысль, — заметил Мак, молча слушавший их разговор. — Потом я ее исключил. Ведь, по существу, "фантом Азария" не угроза, даже не предостережение. Это скорее

приглашение, призыв, обещание чего-то... Он способен возбудить любопытство, интерес, но не страх.

— И лишь попутно переворачивает мозги, лишает человека рассудка, — добавил Геворг.

— Это побочные явления, вероятно связанные с излучением, ответственным за сам феномен. Убежден, что найдется способ нейтрализовать их.

— Если мы раньше не последуем за Азарием и Энрике.

— Я отнюдь не утверждаю, Геворг, что опасности не существует, — голубые глаза Мака словно заледенели, — мы ведь понятия не имеем, какие еще излучения, кроме тех, что известны, пронизывают всех нас на этой планете. Может быть, "поле", в котором возникает "фантом Азария", существует тут постоянно. Существует и постоянно воздействует на нас. Подобно радиоактивности — до того, как ее научились измерять; подобно гравитации, наконец, которую мы научились создавать искусственно, хотя понятия не имеем, что она такое. Локальные нарушения неведомого здешнего "поля" — естественные, а может быть, даже искусственные, приводят к возникновению фантомов...

— Все-таки допускаешь искусственные, — усмехнулся Геворг.

— Не исключено, но и не связываю их с нашими соседями.

— Тогда кто?

— Не знаю. Тоже не знаю, как и ты, когда тебя спросили, зачем этим заниматься американцам...

В мозгу Кирилла словно полыхнула молния. Это было как озарение... Мысли понеслись с неудержимой быстротой: "Ну конечно... Искусственное возбуждение неведомого "поля"... Призыв... Обещание... Что за светлая голова у Мака!.. Надо только все хорошо продумать, обсудить с ним... Это, безусловно, путь вперед... Вперед... Но где искать источник сигналов? В космосе? Подо льдами? В глубинах Марса?.."

Кирилл с трудом перевел дыхание. Взглянул на собеседников. Они молчали.

— Ты сейчас выдал гениальную мысль, Мак. — Тот встрепенулся и удивленно взглянул на Кирилла. — Гениальнейшую... повторил

Кирилл. — Но сначала скажите мне, если кто-нибудь из вас знает, насколько трудно технически в наших условиях воспроизвести искусственным путем "фантом Азария"? Конечно, не сам фантом, его модель.

Мак недоуменно пожал плечами.

— Модель совсем не трудно, — заверил Геворг, усмехаясь. Нужна хорошая лазерная камера, например, из тех, что применяются при современных киносъемках, но... учитывая особенности здешней атмосферы, несколько видоизмененная.

— На Базе или на "Ветре времени" такая есть?

Геворг на мгновение задумался:

— Такой нет. Но в лаборатории, даже в своей лаборатории на Базе, я, вероятно, смог бы продемонстрировать вам оптическую модель "фантома Азария" в уменьшенном масштабе.

— Сделай это обязательно, Геворг, — попросил Кирилл. Это сейчас очень важно.

— Что за это буду иметь?

— Соавторство в открытии, в поразительном открытии, на пороге которого мы, может быть, оказались... благодаря Маку.

— Благодаря мне? — искренне удивился Мак.

— Тебе и некоторым еще...

— Ты начинаешь говорить загадками, Кир.

— Я что—то тоже... перестаю понимать, — нахмурился Геворг.

— Потерпите... На Марсе и вокруг скрыто больше, чем снится вашей мудрости, коллеги, — торжественно процитировал Кирилл. — Сказано у Шекспира, правда, не совсем так, но суть именно в этом...

Лабораторную модель "фантома Азария" Геворгу удалось продемонстрировать лишь спустя неделю после старта "Ветра времени". Демонстрация состоялась в кают-компании Базы в присутствии всех участников пятой смены.

По сигналу Геворга было выключено главное освещение, и над круглым центральным столом в полусумраке кают-компании вдруг появилась ярко освещенная фигурка в голубом скафандре. Она сделала несколько шагов в воздухе, повернулась и, широко разведя руки, приветствовала собравшихся поклоном.

— Это был Кирилл, — объявил Геворг, когда фигурка исчезла и снова включили освещение. — Произвести съемку лазерной стереокамерой удалось только вчера у лабораторного корпуса.

— А что мешало? — спросил шефуня.

Геворг усмехнулся.

— Совершенство моей аппаратуры. Камера, которой снималось изображение, предназначена для иных целей. Ее пришлось... модернизировать.

— После чего ее уже нельзя будет использовать по назначению, — буркнул шефуня. — Я правильно понял?

— Почти... Но зато можно показывать вот такие фокусы.

— Вы полагаете, "фантом Азария" имел подобную... природу?

Геворг снова усмехнулся.

— Не исключено. Только аппаратура была помощнее.

— Помощнее? А на сколько?

— Ну, это можно подсчитать, — Геворг задумался, прикидывая в уме. — "Помощнее" — не совсем точно. Разница на несколько порядков.

— Превосходно. — Шефуня принялся поглаживать бороду. — И где же такая лазерная "пушка" могла находиться?

— Где угодно, это зависит от мощности.

— Но в пределах прямой видимости? Ведь мы имеем дело с изображением в видимых лучах спектра.

Геворг покачал головой:

— Не обязательно. Это зависит от конструкции и мощности излучателя. Могли быть использованы любые электромагнитные колебания с многократными отражениями и преломлениями. Трансформация в волны видимой части спектра могла произойти после последнего отражения или преломления.

— А побочные явления? Поражающее воздействие на мозг, нервную систему?

Глаза Геворга хитро сверкнули:

— Это вопрос к медикам, уважаемый шеф. Неберусь отвечать, хотя не исключаю, что "побочные явления" зависят от мощности использованной аппаратуры.

Кирилл уже приготовился заговорить, но его опередил Сергей — энергетик и радиоастроном.

— Я подсчитал, — сказал он, ни на кого не глядя, — необходимую мощность излучения для воспроизведения фантома с тем поражающим "жестким" эффектом, который предположительно испытал Азарий... Даже при расстоянии в десять километров мощность излучателя должна быть в сто миллионов раз больше той, которую использовал Геворг. Подобными мощностями никто на Марсе не располагает: ни мы, ни американцы... В радиусе десяти километров от космодрома ничего подобного, конечно, не могло быть; и не только в десяти, в ста и в тысяче километрах — тоже.

Наступило долгое молчание.

— Чем сильнее и проницательнее наш ум, тем отчетливее ощущает он свое бессилие, — прогудел наконец шефуня. — Найдутся ли желающие опровергнуть Монтеня?

"Нет, пожалуй, мне рано выскакивать со своей гипотезой, подумал Кирилл, — надо дождаться нового проявления фантома, сделать замеры... Хорошо, что Сергей выступил с расчетами. Не знал, что эта история его так заинтересовала. Придется поговорить и с ним... Но если он не ошибается, космический вариант исключен и тогда..."

— Ну а ответственный исполнитель по проблеме "фантом Азария" скажет нам сегодня что-нибудь?

Кирилл вздрогнул, поднял голову. Твердый взгляд шефуни был устремлен прямо на него.

Еще мгновение он колебался. Говорить или нет?..

— Нет, — начал он медленно, — надежными данными, которые могли бы заинтересовать присутствующих, в свете... эксперимента коллеги Геворга, я пока не располагаю. "Фантом Азария" больше не наблюдался, американские исследователи не смогли или... не захотели сообщить ничего нового. По сути дела, мы даже не знаем, чем вызвано заболевание доктора Энрике Кэнби. В его карте только фиксация наблюдений врача и ни слова о возможных причинах... Галлюцинации упоминаются, но какие именно — неизвестно. Сходство с состоянием Азария имеет место, но лишь сходство. Через девятнадцать дней я должен представить на ваше утверждение программу

исследований по проблеме "фантом Азария". Не вызывает сомнения, что до этого надо побывать у американцев.

— Все правильно, — спокойно констатировал шефуня, — значит завтра вы и отправитесь к ним... вместе с Максимом. С Джиксом я договорюсь...

Договариваться с Невиллом Джиксом шефуне не пришлось. Едва кончилось заседание, дежурный оператор поста управления Базы попросил профессора Бардова срочно спуститься в радиорубку. Шефуня возвратился в кают-компанию через несколько минут. Его широкая красная физиономия сияла от удовольствия.

— Сами пожалуют сегодня вечером, — сообщил он Кириллу. Я имею в виду американцев, — пояснил он после небольшой паузы. — Морстон и еще один... Джикс просит помочь... Поможем, конечно... Так что готовьтесь, Кир... Завтра утром полетите.

Однако вылет пришлось отложить... Ночью начался ураган. К утру он усилился. Защитные полусферические купола вздрагивали от чудовищных порывов ветра. Наступил рассвет, но вокруг Базы все тонуло в густой красно-бурой мгле, изредка прорезаемой фиолетовыми сполохами электрических разрядов.

Морстон, прилетевший вечером, ночевал на Базе, Его спутник остался на планетолете, который американцы посадили в плоской котловине, в нескольких сотнях метров к северу от построек Базы.

За завтраком, прислушиваясь к грохоту и вою урагана, Морстон встревоженно покачивал головой.

— Беспокоитесь за вашего товарища? — спросил Мак. — Надо было и ему ночевать здесь. Напрасно он отказался.

— Электрические разряды... У нас таких гроз не бывает. Откуда здесь столько электричества?

— Ваша станция расположена гораздо выше — в горном районе, — сказал Бардов. — С севера вас прикрывает вулканический массив. А мы — на краю равнины, открытой на север. Когда ураганы бывают особенно сильны, они приходят с севера. Как и этот.

— На Земле грозы сильнее в горах, — заметил Морстон.

— Тоже не везде... Ну а тут свои "марсианские" законы. Мы в них еще не разобрались.

— Мне иногда начинает казаться, — Морстон тщательно размешивал сахар в чашке кофе, — что мы поторопились с исследованиями Марса. Во всяком случае, с организацией тут постоянно действующих станций. Орешек еще не по зубам нынешнему поколению ученых. Лет через пятьдесят—сто с иной техникой, иными знаниями, более устойчивой психикой — куда ни шло. А сейчас, — он покачал головой, — сплошные загадки... и нередко просчеты.

— У нас тоже, — кивнул Бардов, — но начинать было надо. И когда бы ни начали, первым пришлось бы через все это пройти. На то они и первые... А что, собственно, у вас произошло, коллега? Джикс вчера попросил прислать нашего врача. Вы сказали, что крайне желателен прилет специалиста по физике атмосферы. Кого отправить с вами, когда закончится ураган?

— Видите ли, — Морстон потупился, — откровенно говоря, нам нужна помощь и врача, и физика, и даже не знаю, чья важнее. Но, мы понимаем, у вас свои задачи; поэтому решайте сами, кого можете отпустить... Если говорить об оптимальном варианте... — Он запнулся.

— Ну так каков же оптимальный вариант? — прогудел шефуня, поглаживая бороду.

Морстон тяжело вздохнул:

— Профессор Джикс просил передать вам, что все мы крайне заинтересованы в вашем личном приезде, господин Бардов. Крайне... Никто лучше вас не знает этой проклятой планеты. Она преподносит сюрприз за сюрпризом... Мы недавно обнаружили следы каких-то пришельцев из космоса, но... Понимаете, это трудно объяснить, надо смотреть на месте...

— Ваш Энрике Кэнби погорел именно на этом? — жестко спросил Бардов.

— Д—да, — процедил Морстон, — к сожалению, не он один...

— Жаль, что не сказали сразу!

— У нас не было единой точки зрения, сэр.

— Вероятно, ее не существует и сейчас?

Морстон молча пожал плечами.

— Хорошо, мы летим с вами, как только утихнет ураган. Вчетвером.

— Благодарю, — Морстон нервно откашлялся, — от имени Джикса и моего... и вообще всех нас...

На этот раз ураган не стихал целую неделю. И всю неделю не удавалось установить радиосвязь не только с американской станцией, но и с планетолетом, который находился всего в нескольких сотнях метров от Базы. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу даже и в скафандрах высшей защиты. Ураган поднял в воздух чудовищное количество песка и пыли. Тьма царила полная. Эта непроницаемая, воющая круговерть была так насыщена электричеством, что весь металл на защитных куполах построек Базы светился зловещим голубовато-фиолетовым сиянием. Сверху временами доносились тяжелые раскаты грома, но молний уже не было видно — настолько плотной стала пылевая завеса.

За неделю вынужденного сидения на Базе Кирилл не один раз пытался "разговорить" Морстона. Однако тот. получив согласие Бардова, снова замкнулся в своей скорлупе, отделываясь общими фразами и обещанием все показать и объяснить на месте.

— Мой рассказ вас не убедит, — говорил он, — а настроить скептически может. Лучше сразу увидеть самому...

Ураган начал стихать на восьмые сутки. Вскоре удалось поймать радио планетолета. Спутник Морстона вызывал свою станцию, но его там, вероятно, не слышали. Не реагировал он и на вызовы Базы.

— Его едва слышно, — сказал Морстону дежурный оператор, хотя он совсем рядом...

— Давайте я попробую, — предложил Морстон.

После многих попыток ему удалось установить связь с планетолетом. Выслушав сообщение оттуда, Морстон присвистнул:

— Он в ловушке. Планетолет засыпало полностью.

Освобождение американского корабля из песчаного плена заняло целый день. Еще день ушел на расчистку взлетной полосы. Для этого пришлось пустить в ход всю наземную технику, имеющуюся на Базе.

— Мы выбрали очень неудачное место для посадки, — признался Морстон, когда все было наконец готово к старту и участники перелета собрались возле американского корабля.

— Напрасно отказались воспользоваться нашим ангаром, заметил Мак.

— Кто мог думать, что придет такой ураган.

— Тут всегда надо быть готовым к любой неожиданности, сказал Бардов, — особенно со стороны погоды. Мы еще только-только начали разрабатывать методику краткосрочного прогноза. А в истории с вашим планетолетом больше всех, конечно, виноват я. Как заботливому хозяину, мне следовало настоять, чтобы вы воспользовались ангаром.

— Вы очень любезны, мистер Бардов, — бледно усмехнулся Морстон, — виноват я, вернее, мое нежелание доставлять вам лишние хлопоты... с ангаром... К счастью, благодаря вашей дружеской помощи все завершилось благополучно... Ну, если все готовы, прошу.

Он указал на планетолет.

Бардов, Мак, Кирилл и Геворг — один за другим поднялись по откидному трапу и, задержавшись ненадолго в шлюзовой камере, прошли в салон корабля.

Перелет на американскую станцию обошелся без приключений. Летели не очень высоко, но внизу все было задернуто пылевой завесой, еще не осевшей после недавнего урагана. Поэтому надежды Кирилла увидеть сверху каньон Копрат, озеро Феникса, Гордиев узел, Амазонию на этот раз не оправдались. Лишь перед посадкой Кирилл разглядел внизу в красноватых лучах заходящего солнца хаотическое скопление зубчатых бурых гребней, разделенных глубокими ущельями; в ущельях уже залегли густые лиловые тени.

Постройки американской станции мелькнули в котловине у подножия кирпично-красного плато, на которое опустился планетолет. Пробежав по плато около километра, корабль вдруг наклонился и нырнул куда—то вниз в темноту.

— Мы в подземном ангаре нашей станции, — послышался голос Морстона. — Шлемы надевать не надо. Ангар герметизирован.

В иллюминаторах корабля вспыхнул яркий электрический свет. Кирилл увидел серый бетонный пол и бетонные стены обширного зала. В отдалении стояла группа людей в обычных рабочих комбинезонах. В центре ее выделялся высокий смуглолицый человек в больших очках, с совершенно белыми волосами.

— Это профессор Невилл Джикс, — сказал за спиной Кирилла Морстон. — Позвольте приветствовать вас, господа, на территории Соединенных Штатов Америки на Марсе.

Планетолет замедлил движение, дрогнул и остановился.

Первая рабочая встреча состоялась на следующее утро сразу после завтрака. Профессор Невилл Джикс пригласил четверых гостей занять места за круглым столом в небольшом салоне, рядом с его кабинетом. С американской стороны на встрече присутствовало тоже четверо. Кроме Джикса, Морстона и Фреда, который и тут не расставался с дымчатыми очками, еще Гридли.

Он зашел в салон последним, и Джикс представил его как своего заместителя. Гридли молча поклонился и занял место напротив Кирилла. Ни вчера вечером, когда Джикс показывал гостям американскую станцию, ни утром за завтраком Кирилл его не видел. У Гридли было широкое бледное лицо, удивленно приподнятые брови, заостренный длинный нос. Светлые волосы он гладко зачесывал назад, вероятно, от этого уши казались немного оттопыренными. Встретившись взглядом с Кириллом, Гридли отвел глаза и принялся негромко постукивать пальцами по столу.

— Позвольте мне открыть наше заседание, — начал профессор Джикс, поднимаясь со своего места. — Прежде всего я хотел бы еще раз приветствовать наших дорогих советских гостей и поблагодарить за прибытие.

Он поклонился, обвел взглядом присутствующих и добавил:

— Учитывая высоту наших потолков, предлагаю дальше разговаривать сидя. — Он похлопал ладонью потолок над головой и опустился в кресло.

— Итак, с чего же мы начнем? — продолжал он, глядя поверх очков на Бардова.

— Может быть, с самого главного? — в тон ему ответил шефуня.

— Пожалуй, все—таки нет, — задумчиво сказал Джикс. Главное — наши пострадавшие товарищи... Но они — следствие. Если не будет возражений, я предпочел бы начать с причины. Причина находится здесь, — он указал на массивную дверцу стенного сейфа, — сейчас я ее вам представлю.

Он снова поднялся из-за стола, подошел к сейфу и после нескольких манипуляций с диском шифра медленно открыл дверцу. Откуда—то из глубины сейфа он извлек небольшую картонную коробочку и возвратился с ней к столу.

— Вот она, наша странная находка и наше горе, — продолжал он, поставив коробку на стол и пододвигая ее к Бардову, осколок полупрозрачного белого кристалла. Похоже на земной кварц, не правда ли? И выглядит так же безобидно. Но это лишь видимость. Суть совершенно дьявольская и пока представляется полнейшей загадкой, причем загадкой с ловушкой... То есть сейчас в данных условиях эти

осколки немы и совершенно безобидны, — добавил он, заметив, что гости невольно отстранились от коробки. — Не сомневайтесь, уже проверялось многократно. Я их держал даже у себя под подушкой, и как видите — ничего... Дело в том, что необходимо, — он запнулся, — по-видимому, необходимо, особое состояние здешней атмосферы и определенная ориентировка этих кристаллов по отношению к прямым солнечным лучам. Только при этих благоприятствующих условиях кристаллы начинают выделять заключенную в них информацию и... становятся опасными. Мы работали с ними эмпирически и параметров наибольшего благоприятствования, вероятно, не знаем. Однако не исключено, что в этом последнем случае они наиболее опасны. Сама эта находка, — Джикс указал на коробку с белыми осколками, — в определенной степени случайна, однако при детальных геологических исследованиях рано или поздно она, вероятно, была бы сделана. И я убежден, с подобными "кристаллами" исследователи Марса еще встретятся.

Простите, что рассказываю не очень систематически, но эта материя такова — с чего ни начни, все равно возникает множество вопросов. С чего все началось? Наши геологи некоторое время тому назад при полевых исследованиях наблюдали странный мираж — настолько странный, что склонны были принять его за галлюцинацию...

— И что же это было? — спросил Бардов, потому что Джикс вдруг замолчал и задумался.

— А был это, вообразите, какой—то космодром в момент старта космического корабля, но совершенно не земного типа что-то вроде гигантской полусферы с вертикальным взлетом. Наблюдалось это диво всего с полминуты и постепенно исчезло, потому что солнце начало заходить за край обрыва.

— И было это в каньоне Копрат? — быстро спросил Мак.

— Представьте себе, да, — удивился Джикс, — но простите, тоже наблюдали там что-нибудь подобное?

Мак отрицательно тряхнул головой.

— Я думаю, нам пока не следует перебивать профессора, заметил Бардов, неодобрительно поглядывая на Мака.

— Нет-нет, прошу вас, — запротестовал Джикс, — спрашивайте, спрашивайте все, что вас заинтересует. Я могу упустить что-либо существенное. Мы здесь уже столько раз все это обговаривали...

Он сделал долгую паузу, но вопросов не последовало, и он продолжал:

— Происшествие с геологами очень заинтересовало доктора Энрике Кэнби — того самого, которого пришлось с вашей помощью отправить на Землю. Несколько раз он выезжал вместе с геологами в Копрат. Они показали ему место, откуда видали мираж. Он устроил там наблюдательный пункт, и в конце концов поймал этот феномен. Первый раз наблюдал его тоже при низком солнце около десяти минут, провел даже киносъемку, по пленка оказалась засвеченной. К сожалению, вначале никто не придал значения засвеченной кинопленке... Энрике продолжал исследования. Он вообще был фанатиком науки и уж если чем-нибудь увлекался, остановить его было невозможно. Его поиск мы вначале не принимали всерьез, — Джикс вздохнул, — это тоже было ошибкой, в первую очередь моей...

— История повторяется, — пробормотал Бардов.

— Выяснилось, что возникновение миража зависит не только от положения солнца, — продолжал Джикс, испытующе поглядывая на Бардова, — но и еще от ряда факторов, в том числе от состояния верхних слоев ионосферы. К сожалению, Кэнби почти не вел записей... После того, как он вышел из строя, мы бродили в потемках. Он в конце концов определил наиболее вероятное место в обрыве каньона, которое с его точки зрения было ответственно за возникновение... миража. Там ничего примечательного не оказалось. Залегал слой красноватого песчаника с мелкой галькой, ничем не выделяющийся среди других горных пород, слагающих северную стену каньона. Однако, когда Кэнби прикрыл это место темным экраном, мираж возникать перестал. Убрали экран — мираж появился, но на очень короткое время. Дело в том, что дни становились короче, солнце заходило все раньше, и условия освещенности этой части каньона становились все менее благоприятными. Вероятно, следовало подождать весны, но Энрике ждать не умел. По его просьбе геологи срезали часть подозрительного слоя. Пробу привезли сюда, стали исследовать. Ничего

необычного в ней не обнаружилось, кроме одной—единственной гальки, которая ярко светилась при облучении ультрафиолетом. На Земле такое свечение, как вы, конечно, знаете — один из признаков алмаза. Галькой занялся наш минералог. Несмотря на высокую твердость, это был не алмаз. Более того, состав вещества оказался настолько необычным и сложным, что возникла мысль... о его искусственном происхождении. Тогда галькой повторно заинтересовался Энрике и установил, что и она, и любой из ее осколков при определенных условиях прямого солнечного освещения становится источником... — Джикс сделал долгую паузу, по-видимому, подыскивая наиболее точное определение.

— Фантома? — подсказал Бардов.

— Если угодно, — кивнул Джикс, — или — определенного количества информации. Мы все — и мои коллеги, присутствующие здесь, и остальные сотрудники станции неоднократно были свидетелями экспериментов Энрике Кэнби с этим веществом. Должен сказать, что зрелище беззвучно взлетающего гигантского космического корабля впечатляюще. Правда, спектакль удавался не всегда. Иногда фантом не возникал...

— Значит здесь, — Бардов повертел в пальцах один из белых осколков, — запечатлен только старт некоего корабля?

— Не только, — ответил Джикс, — Энрике удавалось получать и еще какие—то зрительные сигналы — хаотическое смешение красок, подобное разноцветному пламени. Они не расшифровываются. Мы вам все это продемонстрируем, если, конечно, не боитесь. Дело в том, что информация, заключенная в этих осколках, не ограничивается зрительным рядом. Мы знаем теперь, что и само вещество, и создаваемая им оптическая модель, или фантом, в свою очередь, становятся источником какого—то излучения, опасного, а может быть, и губительного для человеческого мозга и нервной системы. Мы все, в той или иной степени, поражены этим излучением и, откровенно говоря, я не уверен... до существуем ли в нормальном состоянии до прилета нашего корабля. Ускорить его появление, как вы знаете, невозможно. Нам остается лишь уповать на провидение и вашу помощь... Именно поэтому я рассказываю обо всем столь подробно и откровенно.

Критическая доза этого неведомого излучения пока неизвестна. Не знаем мы и характера поражения и степени необратимости последствий. Я вначале думал, что лишь Энрике хватил этого через край. Нет... За последние недели ухудшилось состояние еще нескольких наших товарищей, вместе с которыми Энрике занимался изучением кристаллов. У нас, Джикс вздохнул, — двое тяжело больных. Еще у одного — начальные симптомы заболевания. И вообще...

Бардов нахмурился, движением руки прервал Джикса.

— На Землю сообщили об этом?

— Нет... Пока нет. Если Энрике доставят живым, тогда сообщим... Что сами будем знать к тому времени. Впереди еще почти три земных месяца. Я не хотел поднимать тревогу раньше срока.

— Обсудим ситуацию, — предложил шефуня. — Ваши соображения?

За сутки, проведенные на американской станции, они впервые собрались вчетвером в комнате, отведенной Бардову.

— А как тут с дополнительными ушами? — поинтересовался Геворг.

— Какое это имеет значение, — шефуня поморщился, — мы все сидим в одной лодке...

— Которая может пойти ко дну?

— Если не соблюдать осторожности...

— Совсем как на Земле! — Геворг усмехнулся. — Мое мнение: если рассказ Джикса правда — они наломали дров.

— Что дальше?

— Они обязаны были рассказать обо всем перед отправкой Энрике Кэнби.

— Что изменилось бы? Характер поражения неясен и сейчас. Аналогия с состоянием Азария очевидна. Об Азарии мы сообщили все, что знали, — шефуня пожал массивными плечами, — дело не в этом.

— Конечно, — подтвердил Кирилл, — услышанное сегодня детали. Ты, Геворг, искал источник фантомов. Американцы его представили. Завтра увидим в действии...

— Кто не боится, — Геворг подмигнул.

— По существу, мы не узнали ничего нового, — продолжал Кирилл. — Без излишней скромности могу сказать, я подозревал нечто подобное...

— Ну силен! — воскликнул Геворг.

— Значит, ты и о космических пришельцах догадывался? Молодец!

— Пришельцы ни при чем. Не в них дело. Главное сейчас люди...

— Как ни при чем? А кто камушки подбросил?

— Подожди, Геворг, — резко остановил физика Мак. — Кир правильно говорит... Мы с ним осмотрели сегодня пострадавших. Двое в тяжелом состоянии, почти как Энрике, когда его привезли к нам. А еще две недели назад эти ребята чувствовали себя вполне прилично. Излучение, связанное с фантомами, действует не сразу, его последствия, вначале кажущиеся незначительными, потом нарастают, как лавина. Поражаются какие—то узлы центральной нервной системы: сначала — кору больших полушарий, потом спинного мозга. Финал — паралич.

Я пока не вижу радикального способа и средств остановить эту лавину. Во всяком случае тут... Вероятно, существует предельная допустимая доза облучения, но мы ее не знаем, потому что ничего не можем измерить. Кир судит несколько иначе, но пусть он сам скажет...

— Ситуация действительно очень трудная, — начал Кирилл, но я думаю так: эти белые кристаллы — носители информации, заложенной в них разумом. Мы сейчас не знаем, кто заложил информацию. Важно другое: это послание разума разуму... Значит, оно не может, — не должно сопровождаться попыткой причинить зло. В противном случае оно бесцельно. А бесцельное зло — оружие слабоумных. Фантом — немой зрительный образ только часть информации, может быть, не самая главная. Таинственное излучение — другая часть, которая, вероятно, должна, восприниматься непосредственно мозгом, но... наш мозг либо для этого не приспособлен, либо... еще не научился воспринимать подобную информацию; это приводит к травмам центральной нервной системы — травмам и заболеванию... Мне почему—то кажется более вероятным второе предположение: наш мозг пока не справляется с потоком этой информации. Принципиальной несовместимости не должно быть, ведь воспринимаем же

мы зрительный образ. Значит... Значит, надо помочь мозгу освоиться со всем потоком информации. Как? Не знаю... Надо думать...

— Заманчиво, — заметил шефуня. — Но до чего опасно! В этом случае путь один — рисковать... Азарии, и Энрике, и здешние ребята рискнули... Что получилось?

— Они рисковали вслепую, — возразил Кирилл, — а надо подумав, умно...

— Можно, конечно, попробовать и умом, — усмехнулся Геворг, — только где его столько взять до завтра

Однако ни на следующий день, ни в течение целой недели, пока Бардов и его спутники оставались гостями американцев, наблюдать фантом не удалось. Либо осколки белого кристалла вдруг лишились своего удивительного свойства, либо что-то изменилось в атмосфере планеты, но фантом возникать перестал, хотя условия солнечного освещения все эти дни оставались благоприятными.

Джикс выглядел совершенно обескураженным. Его помощники сбились с ног, без конца меняя положение гониометров[21] , в которых были закреплены осколки загадочной белой гальки.

— Не понимаю, — сказал Джикс в последний вечер, когда все собрались в кают-компании американской базы, — просто не понимаю... Словно они сами разумны и решили вдруг проявить упрямство.

Он указал на коробку, в которой лежали белые осколки.

— Раньше мы без особого труда получали изображение, — добавил Морстон, — например, от этих кусочков, отмеченных зеленой тушью.

Он осторожно коснулся пальцем нескольких осколков.

— За минувшую неделю мы перепробовали все осколки, вплоть до самых мелких, — хрипло заметил Фред, — еще одна загадка...

— Мы передадим вам половину осколков, — сказал Джикс, вы сможете работать с ними у себя, а мы продолжим исследования тут. Может быть, удастся снова активизировать их. В случае успеха сразу сообщим. И вы тоже сообщайте.

— Разумеется, — кивнул Бардов.

---

[21] Гониометр - углоизмерительный кристаллографический прибор, позволяющий менять в различных направлениях положение кристалла относительно светового луча.

— Зачем же половину, — нахмурился Гридли, — вероятно, хватит нескольких кусочков, например, два с зелеными отметками и две-три крупинки помельче. Тем более что неизвестно...

— Нет, половину, — резко перебил Джикс. — Будем продолжать исследования на паритетных началах. Если они обнаружат что-либо подобное, то сообщат нам.

— Разумеется, — снова подтвердил Бардов, поглаживая бороду.

— К сожалению, наши друзья завтра покидают нас, — продолжал Джикс, — поэтому разделим материал сейчас. Давайте весы, Гибби.

Молчаливый Гибби поставил на стол аптекарские весы и под внимательным взглядом Джикса разделил содержимое картонной коробочки на две равных навески. Одну Джикс пересыпал в серую металлическую коробочку и вручил Бардову, другую убрал в сейф.

— Ваша коробка свинцовая, — пояснил Джикс, — но это на всякий случай. До тех пор, пока на заключенные тут крупинки не упадут прямые солнечные лучи, они нейтральны и, по-видимому, безвредны для человека.

— Во всяком случае не излучают ничего, что мы умеем фиксировать, — добавил Фред.

— Вероятно, кое—что зависит от индивидуальных особенностей человеческого мозга, — заметил Кирилл. — Один из ваших больных вчера рассказал мне, что у него появлялось странное беспокойство и даже что-то, похожее на галлюцинации, когда он подолгу смотрел на эти осколки в закрытом помещении.

— У кого? — насторожился Гридли.

— Его зовут Джерри.

— А, — кивнул Джикс. — Джером Гиббсон — наш химик. Он пытался установить состав и структуру этого вещества, но выяснил только их необычайную сложность. К сожалению, Джером натура весьма эмоциональная, и эти его... ощущения... Они очень субъективны, коллега.

— Конечно, — согласился Кирилл, — поэтому я и упомянул об индивидуальных свойствах. Их следует иметь в виду. Кстати, состояние Джерома в последние дни заметно улучшилось...

— Лечение, предложенное вами и коллегой Максимом, помогло всем без исключения, — поклонился Джикс, — я и мы все бесконечно благодарны и теперь более оптимистично смотрим вперед...

— Однако любованием здешними фантомами, если опять появятся, не злоупотребляйте, — посоветовал Бардов. — У нас говорят: береженого бог бережет.

— У нас тоже, — усмехнулся Джикс. — А еще: ошибки хорошо учат.

У Кирилла вдруг зарябило в глазах. Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, над столом кают-компании медленно проплывали полупрозрачные человекоподобные фигуры в развевающихся радужных одеждах. Невилл Джикс что—то говорил, видимо отвечая Бардову. Смысл его слов не доходил до сознания. Кирилл остановившимся взглядом всматривался в странные видения. А они все плыли — медленно, бесшумно, как туман над земными болотами в тихие осенние вечера. Тревожила все сильнее какая-то мысль, но смысл ее ускользал от сознания. Наконец Кирилл сообразил, о чем думает, — видят ли это остальные?

В тот же момент видение исчезло. До слуха донеслись слова Джикса.

— Конечно, мы сделаем все, что в наших силах, и регулярно будем сообщать...

Настороженный взгляд Кирилла пробежал по лицам присутствующих: вежливое безразличие, усталость...

Шефуня, подперев ладонью массивную голову, слушал Джикса.

Кажется, никто не видел. Только он один... Но тогда, что это такое?.. Кирилл закусил губы. Может, и у него начинается?.. Может, это заразно? Он снова взглянул туда, где только что видел это, и тут заметил, что за ним внимательно наблюдает Геворг.

Они возвратились к себе на станцию "Марс-1" на следующий день. Металлическую коробочку с крупинками загадочного кристалла шефуня передал Геворгу.

— Попробуйте воскресить фантом, — сказал он, поглаживая бороду, — с предельной осторожностью, конечно, с полным соблюдением личной безопасности.

— Если тут не липа, — усмехнулся Геворг.

— Не верите им?

— Нет...

— И все—таки—предельная осторожность... А от вас, коллега, — шефуня повернулся к Кириллу, — через недельку жду предложения и программу.

Прошло четыре дня. Геворг загадочно молчал. На прямые вопросы отвечал скептической ухмылкой и советом — "потерпеть немного". Потом он исчез на сутки.

Кирилл и Мак обсуждали составленный Кириллом проект программы, когда в дверь кабины громко постучали.

— Прошу, — крикнул Кирилл.

Дверь распахнулась. На пороге оказался Геворг.

— Я только что из Копрата, — объявил он, входя. — Думаю кончать комедию...

Он бросил на исписанные листы бумаги, лежащие на столе, серую металлическую коробочку...

— Почему не предупредил, что едешь в Копрат, — возмутился Кирилл. — Я поехал бы с тобой.

— Ни к чему! Это липа, — Геворг указал на коробочку. Какой—то здешний минерал...

— Ты был и в той пещере? — спросил Мак.

— Был. Пробовал даже там. Испробовал за эти дни все возможные варианты, благо погода стоит солнечная. Все вздор! Они нас одурачили.

— Но с какой целью?

— Если бы я знал...

— А состав этого вещества? — Кирилл взял двумя пальцами коробочку и осторожно встряхнул ее.

— Состав, состав... — худое коричневое лицо Геворга искривила судорога, — по физическим свойствам это кварц. Каждый подтвердит. Химическим составом я не занимался. Не мое дело.

— Джикс упомянул о свечении в ультрафиолетовых лучах...

Геворг отрицательно тряхнул головой:

— Эти осколки не светятся.

— Странно, — заметил Кирилл, продолжая встряхивать коробочку. — Не допускаю мысли, что это блеф... Зачем? Ведь мы всегда можем проверить химический состав. И если это действительно кварц...

— А не мог ли кто-нибудь тогда подменить коробку? — предположил Геворг.

— Гридли, например? — прищурился Мак.

— А почему бы и нет. Он явно не хотел, чтобы Джикс отдал нам половину.

— Нет, тут что-то другое, — задумчиво пробормотал Кирилл. — Другое... Да... Повремени со своим разоблачением, — обратился он к Геворгу. — День-два... А пока оставь эту штуку мне.

— Пожалуйста, — Геворг встал и потянулся. — Иду спать, объявил он. — Последние несколько суток почти не спал...

— Что хочешь с этим делать? — спросил Мак, когда Геворг вышел.

— Еще не знаю, — Кирилл осторожно приоткрыл свинцовую коробочку. — Подумаю... Действительно похоже на кварц.

— А осколки с зелеными отметинами есть?

— Есть... Вот они...

— Я тоже не допускаю блефа, — заметил Мак, вставая. — Уже поздно, Кир. Пожалуй, на сегодня хватит?

Оставшись один, Кирилл погрузился в размышления.

"Без сомнения, это те самые осколки, которые на глазах у всех взвешивал Гибби, которые Джикс пересыпал потом в свинцовую коробочку и вручил шефуне. Почему они вдруг потеряли свои странные свойства? Уже тогда на американской базе воспроизвести фантом не удалось. Может быть, дело совсем не в солнечных лучах или не только в них? Где искать ключ к тому, что хранят эти осколки? Хранят в течение десятков или даже сотен миллионов лет. Здешние фантомы тоже перестали появляться... Как все это увязать в единую систему?"

Кирилл поднялся из—за стола, начал прохаживаться по тесному пространству своей кабины; четыре шага в одном направлении, четыре в обратном.

"Эстафета разума... Фаэтон, Марс, Земля... Американцы утверждают, что абсолютный возраст слоев, в которых была найдена галька, около 80 миллионов лет. Мезозойская эра Земли... Время

динозавров... Что мы знаем о земном мезозое[22]? Казалось бы, и много, и ужасающе мало. Загадочные эпохи нарастающего расширения Земли, гигантизма форм жизни, чудовищных превращений растений и животных, исполинских лавовых излияний...

Земля вдруг стала раздуваться и набухать, как созревающий кокосовый орех. И, как у созревающего кокоса, наружная оболочка не выдержала, была разорвана на куски — нынешние континенты. Приоткрылся глубинный слой, залеченный базальтовыми лавами — нынешнее дно земных океанов. Вероятно, что—то произошло и с силой тяжести — гигантские ящеры мезозоя едва ли могли бы существовать в нынешнем гравитационном поле Земли. Где искать след эстафеты разума в хаосе мезозойских превращений Земли? И позднее — тоже ничего до самой Атлантиды, о которой мы — люди XXI века — еще продолжаем спорить".

Кирилл остановился, оперся обеими руками о край стола, окинул взглядом разложенные на столе бумаги.

"Проект, предложения... Мак, конечно, прав... Слишком зыбко, неубедительно... Значит... Значит, придется еще раз начать сначала... С самого начала. Осталось три дня и три ночи. Должно хватить..."

Кирилл опустился в кресло, резким движением отодвинул исписанные листы и, положив перед собой чистые, начал быстро писать:

"Во второй половине прошлого века известный планетолог Алексей Савченко сформулировал свою знаменитую гипотезу о нестационарных[23] явлениях при развитии

* * *

Кирилл не уложился в отведенное время — говорил почти час. Вопреки обыкновению, Бардов не сделал замечания, а продолжал внимательно слушать, поглаживая бороду. Когда доклад был закончен, наступило долгое молчание.

---

[22] Мезозой - мезозойская эра геологической истории Земли. В абсо-лютном летосчислении - отрезок времени от 220 до 70 миллионов лет тому назад.

[23] Нестационарные - быстро протекающие, взрывного типа.

планетных систем и о последствиях разрыва Фаэтона для дру-гих планет земной группы...

Кирилл обвел взглядом лица присутствующих. В глазах Геворга притаилась ироническая усмешка. Мак кивнул одобрительно, но чуть настороженно — с чем-то, видимо, был несогласен, хотя еще вчера они подробно обсудили все детали проекта. Шефуня отрешенно рассматривал лежащую перед ним на столе свинцовую коробочку. Сергей, низко наклонив голову, что-то записывал. Остальные сидели неподвижно, глядя поверх головы докладчика:

— Американскую версию "космических пришельцев" вы, коллега, напрочь отметаете, — полувопросительно заметил Бардов, продолжая рассматривать коробку с кристаллами.

— Да, — подтвердил Кирилл. — Мы имеем дело со следами здешней цивилизации. Надо развертывать дальнейшие поиски.

— В вашей любопытной "конструкции" самая шаткая ступенька — попытка объяснить, почему они, — шефуня постучал ногтем по свинцовой коробочке, — утратили... активность.

— Это гипотеза.

— А все остальное, коллега?

— Остальное? — Кирилл пожал плечами. — Судить вам... Для меня существование тут в прошлом высокой цивилизации — факт. Неизвестный нам способ записи и воспроизведения информации тоже факт. Космические полеты аборигенов Марса тоже. И еще многое, о чем говорилось.

— У кого есть вопросы? — спросил шефуня.

— У меня, — поднял голову Сергей. — Способ проходки шахт в ледяной оболочке Марса? Я понял, что шахт должно быть несколько...

— Этих шахт будет много, — возразил Кирилл. — Иного пути нет. Все, что сейчас торчит надо льдом, над слоями песка и щебня, это молодой рельеф, возраст которого измеряется тысячелетиями. Нам необходимо проникнуть в доледниковое время на десятки миллионов лет в прошлое. Путь один — прорываться сквозь лед, причем в разных точках планеты. Сколько потребуется шахт, я не знаю, но без них задачу не решить. А способ проходки, вероятно, тоже один — прожигать лед направленным лучом энергии.

— Пробуриться сквозь лед не смогли, — заметил кто—то сзади, — а замахиваемся на шахты.

— Это совсем разные вещи, — возразил Кирилл. — Наша буровая установка не приспособлена для бурения льда и не рассчитана на такие глубины.

— Но с шахтой, и тем более с шахтами, будет еще труднее, — буркнул Сергей.

— Конечно. Придется конструировать специальные энергетические установки. Предлагаю кооперироваться с американцами. Они наверняка будут продолжать исследования. Объясним им нашу точку зрения, если вы примете мой проект, и будем вести работы совместно. Одним нам такой объем горных работ, конечно, не провернуть.

— Еще вопросы? — повторил шефуня.

— Разрешите? — Геворг поднял руку. — Хотелось бы все—таки услышать, как в свете всего сказанного докладчик объясняет появление совершенно одинакового фантома в пещере и на нашем космодроме. Ну и конечно — полное исчезновение этого фантома после того, как Азарий попытался наехать на него вездеходом?

Мак вдруг встрепенулся и резко встряхнул нимбом рыжих волос, а шефуня с интересом взглянул на Кирилла.

— Мы ждали этого вопроса, — спокойно сказал Кирилл. — Мы с Маком... Поэтому я ничего не упомянул в докладе. Ответь лучше ты, Мак.

— Хорошо, — Мак поднялся. — Тем более что я собирался выступить и признаться... Уважаемые коллеги, в появлении фантома на космодроме виноваты мы с Азарием. До сих пор я молчал, потому что сам узнал об этом лишь вчера вечером. Обвинение предъявил мне он, — Мак указал пальцем на Кирилла, улики оказались настолько серьезными, что мне не оставалось ничего иного, как признаться. При повторном посещении пещеры мы с Азарием взяли оттуда образцы горных пород. Взяли их со стенок пещеры — в том месте, где Азарий видел фантом, и в других местах. Когда мы прилетели из ущелья Копрат на наш космодром, нам показалось, что образцов слишком много. Все они были примерно одинаковые, и мы взяли с собой в вездеход лишь часть, остальное оставили на краю бетонной плиты космодрома. Так как в привезенных нами на базу образцах ничего интересного не

оказалось, я и думать перестал о второй половине, которую мы бросили на космодроме. Понимаете? А видимо, там и остался тот, может быть, единственный осколок, который... в котором была запись информации.

— Надо срочно разыскать все, что вы бросили, — воскликнул Геворг.

Мак развел руками:

— Где искать? С тех пор над районом космодрома пронеслось несколько ураганов. Место для космодрома выбиралось так, чтобы его не заносил песок. Первый же ураган унес неведомо куда то, что мы бросили. Мы с Кириллом проверили вчера журнал метеонаблюдений. Фантом на космодроме перестал появляться после первого же урагана.

— М—да. Может, есть желающие выступить еще с каким—нибудь признанием? — поинтересовался Бардов, обводя скептическим взглядом присутствующих.

— Я еще могу признаться, — сказал Кирилл. — Тогда —в последний вечер на американской базе — я видел фантом прямо над столом кают-компании, когда вы трясли коробку.

— Как это "тряс"? — не понял шефуня.

— Встряхнули несколько раз, отвечая Джиксу, а потом опустили ее в карман комбинезона.

— А ну-ка расскажите, дорогуша.

Кирилл рассказал о полупрозрачных человекоподобных фигурах, которые привиделись ему на последней встрече с американцами.

— А почему тогда не сказал?

— О чем? Я и сейчас не знаю, что это было.

— А ты больше не тряс эту коробку? — нахмурился Бардов. Последние дни она ведь у тебя была...

— Тряс... По-всякому.

— И что?

— Ничего.

— М—да... Ничего нет сильнее, жажды познания и силы сомнения, — заметил со вздохом шефуня. — Главная наша беда в том, что именно эти устремления — основа любой научной деятельности...

Также и на чужой планете, где вокруг одни загадки... Спасибо, Кир, за интересный доклад, за подробно разработанный проект. После небольшого перерыва мы все обсудим и примем окончательное решение, с которым выйдем к американцам.

Прения по докладу оказались ожесточенными и затянулись до ужина... Мак потом сказал Кириллу, что на минувшей марсовке подобных полемик не бывало...

Дважды за этот вечер Кириллу начинало казаться, что от его проекта не останется камня на камне. Особенно резко возражали Геворг и Сергей. Геворг утверждал, что проблемы вообще не существует, что ни о каких "следах" палеоцивилизации Марса не может быть и речи, что все дело в человеческой психике, психических заболеваниях, подобных тем, которые случались и на Земле во время полярных зимовок. Здесь — в условиях иной планеты — все проявляется более резко.

— И чем бы ни оказался этот белый минерал, — заключил Геворг, указывая на свинцовую коробочку, — как бы ни был сложен, по утверждению американцев, его состав, он не более, чем минерал — создание природы Марса, а все остальное — производные вот этого костяного ящика, — Геворг постучал себя пальцем по виску, — тут и проблемы, и ключи к их решению. У нас свихнулись четверо, у американцев настоящая эпидемия им всем привиделся космический корабль. А у кого тут все в порядке — нет ни проблем, ни фантомов. Как у меня, например. И я готов держать любое пари, что до конца марсовки мне ничего не привидится. Ничего такого, что не было бы делом человеческих рук — моих или любого из вас. Проект всех этих фантасмагорических исследований я предлагаю отклонить и заниматься нашими реальными программами. Изучать атмосферу, строение и состав коры Марса, ну и его оледенение, конечно, поскольку и оно оказалось реальностью. А так называемый "фантом Азария" оставим медикам, благо иных заболеваний тут пока не обнаружилось.

Сергей, поддержав в целом точку зрения Геворга, обрушился на техническую часть проекта Кирилла. Оперируя цифрами, он утверждал, что проходка шахт сквозь льды Марса задача невыполнимая при нынешнем оснащении советской и американской станций.

— Лет через двадцать-тридцать, сконструировав на Земле соответствующую технику, можно замахнуться на исследования подледных пространств Марса, — сказал Сергей, опускаясь в кресло, — но, разумеется, ради полезных ископаемых, а не для поиска фантастической палеоцивилизации... Пока и на поверхности планеты дел хватает.

Безоговорочно поддержал проект только Мак, но его выступление показалось Кириллу расплывчатым и бледным после резких возражений Геворга и Сергея. Остальные, оспаривая частности, требовали перенести центр тяжести исследований на поверхность Марса.

Шефуня внимательно слушал выступавших, по его кратким репликам трудно было догадаться, чью сторону он примет.

Кириллу, который несколько раз порывался выступить с разъяснением, он говорить не позволил, заметив только:

— В заключительном слове, дорогуша, скажете... Если понадобится...

Заключительное слово не понадобилось.

Когда поток желающих выступить был исчерпан, Бардов сказал:

— Спасибо... Спасибо всем за искренность, заинтересованность, горячность. Все говорили очень справедливо, в меру своего понимания или непонимания важности проблемы. К сказанному добавить почти нечего. Научная истина скрывается подчас в самых неожиданных местах; к ней пробираешься запутанными и трудными путями. Но она всегда существует. Да... Если завоюешь ее, она тебе уже не изменит... Можно, конечно, отложить поиск, сославшись на обстоятельства, никто нас не осудит за это, кроме нас самих. Однако, думаю, откладывать не следует. Кто несогласен, в разработке проблемы принимать участия не будет. Предлагаю утвердить программу как исходную основу. Дорабатывать ее, конечно, придется, это уже детали. Несогласным могу еще раз предоставить слово. Есть желающие? Нет... Значит, приняли и пошли ужинать.

Сидя в своей кабине за столом, Кирилл глядел на загадочные белые осколки. Несколько раз в день он открывал свинцовую коробку, которая теперь постоянно находилась в его распоряжении, и, склонившись над ее содержимым, пытался настроить себя на контакт с источником неведомой информации.

Кристаллы оставались немы. Мертвая минеральная субстанция, по внешнему виду похожая на земной кварц, не отзывалась... Спектральные и рентгеновские анализы, которые позволила осуществить аппаратура советской станции, подтвердили соображения Джерома Гиббсона о сложности кристаллической структуры и состава осколков. Однако до полной расшифровки их молекулярного строения было бесконечно далеко. В условиях Марса задача оставалась невыполнимой. Мак, занимавшийся рентгеновскими анализами, высказал предположение, что очень тонкая кристаллическая структура загадочной белой субстанции спиральная, что отнюдь не являлось характерным для минеральных образований.

— Что же вы такое, — прошептал Кирилл, — и почему онемели? Если, конечно, именно вы — возмутители здешнего спокойствия.

Ответ не приходил... В этой ситуации любой поиск на местности становился блужданием в полнейшем мраке, а вероятность успеха падала до нуля.

По договоренности с американцами уже можно было бы приступать к проходке первой шахты, но выбор места для нее продолжал вызывать ожесточенные споры.

Тщательные поисковые работы в ущелье Копрат тоже оказались безрезультатными. Не было обнаружено ничего даже отдаленно напоминающего находку американцев. И "миражи" больше не наблюдались.

"Словно захлопнули чуть приоткрывшуюся дверь, — подумал Кирилл, поднимаясь из-за стола. — Или просто ничего не было?.. Ничего, кроме психических нарушений у части марсовщиков".

Через несколько дней "Ветер времени" достигнет Земли. Станет известно о судьбе пострадавших. Удалось ли довезти живым Энрике Кэнби? Что с Азарием и остальными?.. У американцев, если верить тому, что сказал, при последней встрече Морстон, состояние наблюдавших фантомы улучшается.

"Я тоже видел их в кают-компании американской базы, размышлял Кирилл. — Со мной ничего пока не случилось. Остальные тогда ничего не видели... А если то была галлюцинация?"

Кирилл со вздохом закрыл свинцовую коробочку и убрал в ящик стола.

Загадочное здешнее "поле", существование которого предположил Мак и которое Кирилл мысленно окрестил "палеоинформационным полем", никак не реагировало на сигналы человеческого мозга. Белые осколки, если они имели отношение к этому "полю", на роль усилителей или передатчиков мыслей, видимо, не годились. Может, требовался более мощный раздражитель?

"Какой? Магнитный, электрический, рентгеновский? Еще раз испробовать Солнце? Оно теперь не поднимается высоко над горизонтом. А если попробовать севернее — там, где сейчас марсианское лето?" — с этой мыслью Кирилл вышел из кабины и направился к Бардову.

Полет в северное полушарие Марса — в марсианское лето — и попытки активизировать белые кристаллы при свете высокостоящего Солнца ничего не дали. Фантомы не возникали. И последующие облучения ультрафиолетом не вызывали свечения кристаллов.

— Словно они изменили свойства, — сказал Мак.

— Либо не обладали ими! — усмехнулся Геворг.

— Но свечение в ультрафиолете, кажется, наблюдалось, когда мы были у американцев, — возразил Кирилл.

Шефуня ничего не сказал, задумчиво покусывая кончик своей пышной бороды.

На север они полетели вчетвером. За три дня сменили несколько точек наблюдения с одинаково отрицательными результатами. При перелетах вели площадное фотографирование, гравиметрическую и магнитную съемки.

На местах посадок Мак занимался исследованиями рельефа и горных пород, Геворг — состоянием атмосферы. Кирилл все внимание посвящал кристаллам, которые, вопреки его тайным надеждам, не обретали прежних свойств.

Ночевали в тесноте герметизированной кабины реактивного самолета, кресла которой на ночь превращались в кровати. Перед тем, как заснуть, Кирилл и Мак подолгу говорили о "памяти минувшего", запечатленной в руинах старых цивилизаций, о возможном источнике

загадочных белых кристаллов, их былом предназначении и роли в передаче информации. Геворг время от времени вставлял ядовито—иронические реплики. Шефуня почти не участвовал в этих вечерних дискуссиях. Он без всякого энтузиазма принял предложение Кирилла организовать экспедицию на север, объявив только, что вынужден лететь и сам, дабы притормаживать "нездоровый ажиотаж". Оставив за собой роль главного пилота, он занимался самолетом и связью с Базой. Он регулярно несколько раз в день вызывал "Марс—1", подробно допрашивал дежурного о текущих делах и каждый раз интересовался, не поступало ли известий с Земли о прибытии "Ветра времени".

В последний вечер перед возвращением на Базу дискуссия особенно затянулась.

— Я не знаю, долго ли живет в умершем, разрушенном городе его былая "душа" — "информационное поле", заключающее память об исчезнувших разумных обитателях, — говорил Кирилл. — Но я убежден, такое "поле" реально существует. Иное дело, что воспринимает его не каждый. Тут мы попадаем в область еще не раскрытых до конца возможностей человеческого мозга. Большинство психиатров нашей эпохи уже не сомневаются, что человеческий мозг с его исполинской емкостью хранит огромную информацию, связанную с опытом и памятью многих поколений предков. Случаи извлечения подобной информации известны. С другой стороны, некоторые экстрасенсы способны "заглядывать в будущее", предсказывать события еще до того, как они свершились...

— Ну в этом случае "информационное поле" ни при чем, перебил Мак.

— Именно оно, будучи возбуждено суммарной энергией миллиардов нервных клеток, миллиардов разумных существ, миллионы лет обитающих на планете, представляется единственно возможным "механизмом" — своего рода гигантским счетно-решающим "устройством" с неограниченным количеством связей и вариантов решений — я использую примитивную физическую аналогию специально для Геворга — "устройством", позволяющим понять и объяснить случаи

предсказания будущего. Когда соответствующий сигнал этого поля принимает мозг экстрасенса...

— Все становится ясным на тысячу лет вперед, — пробормотал, не раскрывая глаз, Геворг.

— Бывало и такое, — согласился Кирилл, — например, известно предсказание Мерлина...

— Вот—вот, — продолжал Геворг, по—прежнему не раскрывая глаз, — наши неудачи объясняются именно отсутствием среди нас Мерлина или хотя бы захудалого среднестатистического экстрасенса, который объяснил бы нам, что искать, где искать и зачем искать. Дорогие коллеги, не свернули ли мы на скользкую тропу схоластики? Не помню кто — в общем, один из наших далеких предков — в свое время бросил крылатые слова "Ex nihilo nihil fit" [24]

Не разумнее ли было бы сначала найти хоть какие-нибудь захудалые следы здешней гипотетической "працивилизации"...

— А это что, по—твоему? — спросил Кирилл, указывая на свинцовую коробку, лежащую на столике у окна кабины.

Геворг раскрыл глаза:

— Это некое вещество, состав которого мы еще не определили. Скорее всего неизвестный науке местный минерал. Я, впрочем, по—прежнему не исключаю и веселой шутки наших американских друзей—конкурентов. Знаете, какой был день на Земле, когда Джикс рассказал нам об этих кристаллах и впервые их показал?

Геворг сделал многозначительную паузу.

— Ну какой? — подозрительно прогудел шефуня.

— Первое апреля.

— Ничего себе! — воскликнул Мак.

— Все равно, чепуха! — убежденно объявил Бардов. — Знаю, коллега, вы их не любите. Это дело вкуса. Но даже дурной вкус не оправдывает подобной версии.

— Что ж, будущее покажет, — миролюбиво заметил Геворг, закрывая голову пледом.

"Он ерничает; всерьез он так не считает", — подумал Кирилл.

---

[24] * Ex nihilo nihil fit (лат.) - из ничего ничего (не получится).

— Думаю, дорогой, моя версия ничуть не более фантастична, чем твоя, — донеслось из-под пледа. — Доброй ночи всем несогласным.

Мак неспокойно шевельнулся в своем кресле:

— Возвращаясь, однако, к природе "информационного поля", Кир, какова она, по—твоему? В свете всего, что нам уже известно.

— А мы и сейчас знаем не больше, чем тогда, когда ты впервые упомянул о нем... Возникновение "фантома Азария", по—видимому, связано с этим полем. Твое предположение продолжает оставаться гениальным... Почему фантомы перестали появляться? Либо поле вдруг ослабело, либо... его "выключили". Ослабеть вдруг оно едва ли могло, если допускаем, что оно существует десятки миллионов лет. Следовательно, оно отключается... Если так, наша первая задача искать "выключатель". Мы этим и занимаемся. Что касается возможной природы самого поля, думаю, оно подобно одному из полей, создаваемых мозгом. Полей этих несколько, но в человеческом мозге они чрезвычайно слабы и очень плохо изучены даже в условиях Земли

— Значит все—таки биополе?

— Биополе — понятие обобщенное. Им пользовались в прошлом веке, тогда эта часть биологии только начинала развиваться. Поля, которые я имел в виду — элементы биополя, подобно тому, как в полях микромира они, — Кирилл указал на Геворга, выделяют разные типы взаимодействий: сильные, слабые и иные...

— Взаимодействия в микромире подтверждаются экспериментами и расчетами, дорогой, — послышалось из—под пледа.

— Для биополей тоже, — кивнул Кирилл, — хотя тут математическое моделирование и эксперименты пока менее надежны, чем у физиков. Впрочем, в сложной структуре биополей ныне никто не сомневается.

Борода Геворга высунулась из—под пледа:

— Все это похоже на труднопробиваемый мыльный пузырь, коллеги... Сама идея "информационного поля", порождаемого биотоками мозга, может быть, и заманчива, но ведь это голая идея без какого—либо подтверждения. Мог бы экспромтом предложить вам не менее десятка красивых, заманчивых, но тем не менее совершенно

фантастических идей... Поля, вызываемые биотоками мозга, не могут существовать после того, как мозг умирает...

— А ведь это, пожалуй, тоже требует доказательств, — заметил Мак.

— Безусловно, — согласился Кирилл, — хотя бы потому, что никто не утверждает, будто природа "информационного поля" обязательно электромагнитная. Мы не знаем, какова его природа. Но мы не знаем и физической природы гравитационного поля, тем не менее ты, Геворг, его не отвергаешь.

— Совершенно другое дело!

— Послушай, Геворг, тебе приходилось бывать в старых соборах, очень старых, — Кирилл вдруг перешел на шепот, — которым восемьсот, даже тысяча и более лет.

— Ну, приходилось...

— Скажи, ты ничего не чувствовал, если оставался там некоторое время один? Ничего необычного?

— Нет... А что я должен был чувствовать? Музей, как любой другой... Интересно, конечно...

— Я не о том. Музей теперь... Раньше, даже в прошлом веке, туда приходили молиться... Сотни лет люди приходили со своими неисполненными желаниями, мечтами, мольбами, тоской, страстями, скорбью. Представляешь, какой накал эмоций! Какое там должно было возникать биополе! Я, например, иногда ощущал его физически; волны информации шли от камня стен, мрамора статуй, гранита саркофагов, от бронзы старинных светильников и паникадил, от картин—икон... Временами мне даже начинало казаться, что вижу этих людей, слышу их мольбы... Это трудно пересказывать словами; я воспринимал это не слухом и не зрением, а как—то иначе... Может быть, здесь на Марсе мы столкнулись с чем—то подобным, только выражено все гораздо мощнее, резче, ощутимее?

Плотно сжав губы, Геворг скептически слушал Кирилла. Помолчав немного, сказал:

— Вот так... Теперь понятно, откуда взялись полупрозрачные фигуры, плавающие по кают-компании американской базы. Нет, друзья мои, мы реальны только биологически, психологически мы

совершенно фантастичны, а некоторые из нас фантастичны в степени эн, стремящейся к бесконечности. В этой непростой ситуации уповать остается лишь на содержимое собственного черепа. Уважаемые коллеги, клянусь сбрить и проглотить собственную бороду, если мне привидится или услышится на этой малоуютной планете что-нибудь, что не будет производным здешней природы или человеческих рук...

— Ты сможешь это сделать завтра, Геворг, — быстро сказал Мак, — а сейчас смотрите.

Резкий ало—фиолетовый свет проникал снаружи через иллюминаторы. Бардов выключил освещение кабины. Небо на востоке было озарено яркой вспышкой. Черные ступени края плато четко рисовались на фоне неба, цвет которого быстро менялся от красного через оранжевый и желтый к голубовато-зеленому. Потом из—за горизонта возник и устремился к зениту острый белый луч. Он прорезал черноту неба и, постепенно бледнея, погас, где—то в вышине. Погасло и зарево у горизонта.

Некоторое время все четверо всматривались во мрак и прислушивались.

— Конец, — сказал шефуня, включая освещение, — ни звука, ни сотрясения. Только свет. Все хорошо видели? Ну, что это было, по-вашему?

— Что—то очень странное...

— Ночной фантом?

— Ионосферная вспышка...

Шефуня негромко рассмеялся.

— Смелее, ребята. Почему никто не хочет сказать, что мы видели старт космолета-призрака?

Утром перед возвращением на Базу решили еще раз облететь район восточнее места ночлега.

— Если условно допустить, что мы наблюдали старт реального космического корабля, — сказал Бардов, — на каком расстоянии отсюда должен был бы находиться космодром?

— Километров тридцать-сорок, — предположил Кирилл.

Мак с сомнением покачал головой.

— Могло быть и гораздо больше. Это ведь Марс... Километров сто - сто пятьдесят?

— Гадание на кофейной гуще, — скривился Геворг. — Ничего точно сказать нельзя.

— А как твоя борода? — поинтересовался Мак.

— Моя борода останется при мне. Наблюдалась необычная ионосферная вспышка. Нечто подобное уже описано в отчете третьей марсовки.

— Описано точно, — пробасил шефуня. — А вот что, другой вопрос... Предлагаю осмотреть район километров на триста к востоку. Полетим не очень высоко, программа обычная.

— Зачем так далеко? — недовольно спросил Геворг. — Там все давно осмотрено и сфотографировано.

— Посмотрим еще разок, дорогуша. Вдруг объявится что-нибудь новое.

— Космодром?

— Когда ларчик открывается просто, скорее всего в ларчике ничего нет, — загадочно пояснил Бардов. — Прошу по местам. Поехали.

Они несколько часов летали над красноватыми плато и равнинами, испещренными оспинами небольших кратеров. Бардов менял высоту—то поднимал самолет на шесть-семь километров, то спускался на полтора-два. За иллюминаторами проплывали пустынные ландшафты Красной планеты, уже ставшие привычными для Кирилла за месяцы, проведенные на Марсе. Плоские красноватые котловины в ряби песчаных барханов, сухие русла исчезнувших потоков, бурые уступы плато со шлейфами кирпично-красных осыпей вдоль подножия. Местами красноватая поверхность была рассечена трещинами. На глубине в них угадывался лед.

"Мак, конечно, прав, — думал Кирилл, — все эти равнины замерзший океан, промороженный до самого дна и засыпанный сверху песком и щебенкой. Бурые плато — остатки островов, разрушаемых морозным выветриванием и ураганами. Сейчас они торчат сквозь лед, как нуна— таки [25] Антарктиды и Гренландии. То, что горы и

[25] * Н у н а т а к и (эским.) - скальные выступы основания, поднимающиеся над покровными льдами в районах оледенения.

скалистые плато тут, на Марсе, еще существуют, — свидетельство тектонической активности в недрах планеты. Рост гор продолжается, иначе вся поверхность планеты давно была бы выровнена; всюду был бы лишь лед да песок и щебень, оставшиеся от разрушенных гор. Марс намного старше Земли. Эти красноватые пустыни на ледяном основании — будущее и нашей планеты, если, конечно, сама наша цивилизация не уничтожит Землю раньше... — Кирилл тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от пустынного ландшафта за иллюминатором. — Уровень океанов Земли медленно, но неуклонно повышается. Главная причина — приток на поверхность глубинных вод из мантии. Это установлено еще в прошлом веке, и уже в прошлом веке кое—кто из геологов предсказывал, что рано или поздно земные континенты утонут в водах Мирового океана. В нынешнем столетии повышение уровня океана ускорилось. К внутренним планетарным причинам добавилась внешняя — климатические изменения, вызванные технологическим перегревом атмосферы. Льды полярных областей начали таять... Мы замахнулись на исследования соседних планет, а не можем справиться с ухудшением условий на своей собственной... Если нечто подобное происходило и здесь, на Марсе, — их цивилизация, прежде чем попасть в оковы оледенения, должна была сначала утонуть... Вполне вероятно, если они перегрели атмосферу и растопили полярные льды! Значит, еще до того, как часть их решилась покинуть планету, например, чтобы переселиться на Землю, они вынуждены были создавать подводные города в прибрежных зонах океана, уровень которого неуклонно повышался... Значит, искать следы их цивилизации надо в зонах мелководий — марсианских шельфов минувших эпох. В этом случае шахты не должны быть глубокими. Только бы не ошибиться в выборе места. Мак мог бы помочь..."

Кирилл вдруг почувствовал — плавное течение мысли прерывается. Что-то мешало, путало... Зарябило в глазах... И вот уже на месте красноватой равнины под крылом самолета поплыли кварталы удивительного города — вереницы стройных сооружений цилиндрической и куполообразной формы, напоминающих соты, отсвечивающих бесчисленными полупрозрачными гранями, похожими на окна. Что—

то двигалось внизу встречными потоками, искрилось и блестело в солнечных лучах...

Мелькнула мысль: "Видят ли остальные?" Кирилл заставил себя на мгновение отвести взгляд от призрачного города, быстро взглянул на соседей. Мак равнодушно смотрел в иллюминатор. Рассеянный взгляд Геворга блуждал где-то у далекого северного горизонта. Бардов уверенно вел самолет на восток. Машина казалась неподвижно висящей в пространстве. Кирилл торопливо перевел взгляд в иллюминатор — фантом уже исчез.

— Это было именно здесь, — твердил Кирилл. — Километров двадцать к югу от того полосчатого обрыва.

— Надо было сразу говорить, — возмущенно повторял Мак,

— Что изменилось бы? Это продолжалось всего несколько секунд.

— Ночью тоже продолжалось несколько секунд.

— Но тогда сразу увидели все.

— Потому что я успел привлечь ваше внимание.

— Заметили бы и без этого. Свет ударил в иллюминаторы. Нет, сегодня совсем иное. Вы просто ничего не увидели бы. Только я...

Самолет продолжал описывать круги над районом, в котором Кириллу открылся призрачный город.

— Ну как, хватит? — послышался в динамике голос шефуни. Не вижу ничего, кроме пустыни.

— Хватит, — отозвался за всех Геворг. — Надо возвращаться. Солнце уже низко. Можем не успеть до темноты.

— Еще хотя бы круг, — попросил Кирилл.

Бардов сделал два круга на разной высоте и повернул на юг в сторону Базы.

Небольшое красноватое солнце светило теперь прямо в иллюминаторы правого борта. Кирилл пересел к одному из правых иллюминаторов, открыл свинцовую коробку, повернул ее, чтобы прямой солнечный свет коснулся белых осколков, и стал смотреть в иллюминатор. Солнце опускалось все ниже; на пустой красноватой равнине удлинялись лилово—черные тени.

С последними лучами солнца они сели на Базе. Закрывая свинцовую коробку, Кирилл услышал за спиной иронический смех Геворга.

— Известия с Земли, — объявил на следующее утро Бардов. "Ветер времени" долетел благополучно. Энрике Кэнби, к сожалению, скончался. Азария довезли живым, но его состояние по—прежнему тяжелое. Все участники перелета помещены в длительный карантин. Нам предложено соблюдать предельную осторожность и впредь, до получения результатов исследований, запрещено вести работы в каньоне Копрат, в районе нашего космодрома и повсюду, где возникают или могут возникнуть фантомы.

— Не проще ли вообще запретить нам работать где-либо? не выдержал Мак. — Сидите на Базе, и конец. Совсем просто!

— С земной точки зрения и с учетом всего, что мы им сообщили, они поступают правильно, — спокойно возразил шефуня. Отсюда дело выглядит несколько иначе... Я переговорю сегодня с Джиксом, попрошу его сообщить на Землю все их данные, а завтра попробую связаться с президентом академии. Однако приказ есть приказ. Поэтому, коллега Кир, прошу вас возвратить мне коробку с американским подарком. Думаю, не надо пояснять, что вы возвращаете все — вплоть до мельчайшей крупинки. Впредь до новых указаний с Земли коробка будет храниться в моем сейфе.

— Но об этом веществе на Земле еще ничего не известно, нерешительно возразил Кирилл, — может быть...

— Ничего другого не может быть, дорогуша, — холодно прервал Бардов. — Пожалуйста, принесите коробку немедленно.

— Вопрос с шахтами тоже замораживается? — спросил Сергей.

— Почему? — удивился шефуня. — Разве шахты имеют отношение к фантомам? Мы будем их проходить совершенно в иных местах. Об этом сегодня тоже договорюсь с Джиксом. Первую шахту заложим в ближайшее время. Так что заканчивайте подготовку аппаратуры.

Первую шахту заложили примерно на равных расстояниях от советской и американской станций. Решено было вести проходку вахтовым способом, устроив для этого временный лагерь. Вахты сменялись каждые трое суток. Вахта — четверо: двое русских, двое американцев. Шахту задали наклонной, под углом около тридцати градусов к горизонту, для удобства подъема и спуска энергетических агрегатов, которыми осуществлялась проходка.

Агрегатов было два, оба термоядерные. Американцы использовали стандартный блок своей электростанции, которая снабжала теплом и энергией их базу. При работе американский агрегат давал мощную струю перегретого пара. Лед, сквозь который велась проходка, испарялся, а избыточное давление, возникавшее у забоя, выносило весь пар вместе с минеральными частицами, освобождавшимися при испарении льда, наружу — в разреженную атмосферу планеты.

Сердцем советского агрегата тоже был стандартный термоядерный блок энергетической установки. Однако Сергей перемонтировал его, использовав для проходки сам плазменный луч. Лед и заключенные в нем минеральные обломки не просто испарялись, а распадались на составляющие элементы, которые в виде плазменной струи выносились наружу.

При работе американского агрегата устье шахты напоминало гейзер в момент извержения, а когда на смену американской Сергей включал свою установку, оно превращалось в небольшой вулкан. Естественно, что обе установки управлялись дистанционно. Они обеспечивали проходку со скоростью до десяти метров в сутки и обладали каждая своими достоинствами и недостатками. Скорость проходки у американской установки была немного меньше, но во время ее работы можно было следить за составом минеральных обломков, включенных в лед. Они выносились на поверхность в струе пара почти неизмененными. При работе советской установки скорость проходки возрастала, но минеральные частицы полностью уничтожались.

Несмотря на то, что при включении обе установки работали прерывисто, краткие энергетические импульсы чередовались с охлаждающими продувами ствола — тепловое воздействие на ледяные стены шахты было значительным. Ствол постепенно расширялся, а в устьевой части вскоре превратился в воронку, обращенную раструбом к поверхности. Это обстоятельство затрудняло подъемы и спуски оборудования и людей. А людям приходилось спускаться в шахту ежедневно для документации пройденных отрезков ствола, взятия проб льда и минеральных включений, профилактического осмотра энергетических установок, кабелей, канатов. Вахты обычно работали в две смены: одна осуществляла проходку, другая, после четырехчасового

перерыва, спускалась вниз для документации и осмотра оборудования.

Очередь Кирилла в первый раз подошла, когда забой шахты находился на глубине восьмидесяти метров от поверхности. Вахту вместе с Кириллом нес Сергей, подменявший одного из марсовщиков, занятого срочным ремонтом геофизических приборов на главной Базе. С американской стороны участниками этой вахты оказались доктор Фред Лесли и темнокожий Гибби.

Они встретились возле устья шахты, где американцы, прилетевшие часом раньше, ждали своих соотечественников.

— Мы уже приняли вахту, — объявил Кирилл, поздоровавшись с американцами, — наши сейчас улетают.

— Мы еще нет, — тряхнул головой Лесли, — наши там, внизу.

Он указал на отверстие шахты. Его дымчатые очки зеркально блестели под прозрачным яйцевидным шлемом.

— Спустились снова? — удивленно спросил Кирилл.

— Понятия не имею. Мы их еще не видели.

Небольшой самолет с красными звездами на голубом корпусе взлетел из—за расположенных невдалеке полусферических построек лагеря. Сделав круг над шахтой, он прощально качнул крыльями и взял курс на восток. Кирилл помахал рукой ему вслед.

— Нашим тоже следует поторопиться, — заметил Фред, — по пути сюда мы пересекли зону урагана. Она явно расширялась.

— Думаете, дойдет и к нам? — встревоженно спросил Сергей.

— Нет, но может накрыть нашу станцию. Ветер дул к юго—западу.

— Мы здесь под защитой плато. — Кирилл указал на север. Сильные ураганы, вероятно, обходят стороной это место. Не случайно тут совсем немного песка и щебня. Лед залегает близко от поверхности.

Все взглянули на противоположный край воронкообразного устья шахты, где под трехметровым слоем кирпично-красного щебня лед голубел и искрился в неярких лучах утреннего солнца.

— Наш геофизический прогноз оказался точным, — усмехнулся Фред Лесли. — Три метра наносов, затем лед... Пока все о'кэй!

— Надо было все-таки пробурить контрольную скважину, пробормотал Сергей, — потом начинать шахту.

— Все будет о'кэй, коллега, — снова усмехнулся Лесли, похлопав Сергея по голубому наплечнику скафандра. — Вот увидите — двести двадцать—двести тридцать метров льда, под ним скальное основание — древний рельеф Марса. Шахта — это сразу масса информации. По древнему рельефу от нее можно повести боковые рассечки. Можем встретить малоизмененные породы.

— Ему нужно не просто скальное основание. — Сергей повернул голову в прозрачном шлеме и взглянул на Кирилла.

— Я знаю, да, я знаю, — сказал Лесли, — коллега Кирилл хотел бы сразу найти свою працивилизацию. Этого не могу обещать. — Он рассмеялся. — Боюсь, одной шахты окажется мало.

— Безусловно, мало, — согласился Кирилл, — но одной мы не ограничимся. Кроме того, здесь мы можем встретить дно моря древний марсианский шельф.

Придерживаясь за один из канатов, уходящих на глубину, снизу медленно поднимались две фигуры в звезднополосатых скафандрах.

— Эти пешие прогулки вниз и вверх—сомнительное удовольствие, — заявил Морстон, выбираясь на поверхность, — даже при здешней силе тяжести. То ли еще будет, когда шахта углубится. Надо что—то придумать, Фред! Займитесь-ка в свободное от вахты время. Я рад, что на этот раз все кончилось. Мы с ним устали. — Он обернулся к своему напарнику, шлем которого вынырнул из шахты.

Кирилл протянул руку, чтобы помочь американцу выйти на поверхность, и узнал Джерри Гиббсона.

— Вы? — воскликнул Кирилл. — Здесь? Значит, все хорошо? Поправились?

— Почти, — вымученно усмехнулся Джерри, — во всяком случае мне много лучше. Благодарю вас.

— Да, у нас уже нет больных, — процедил Морстон. — С фантомной лихорадкой покончено.

— А что там внизу? — спросил Сергей. — Есть что-нибудь новое?

Морстон раздраженно дернул головой:

— Нет... Лед, как и вчера и неделю назад. Такой же, как тут, наверху.

— Почти без минеральных включений, — добавил со вздохом Джерри Гиббсон. — Я сейчас взял пробы в забое. Они тут. — Он похлопал по наружному футляру на своем скафандре. — В вахтенном журнале все записано...

— Агрегаты в рабочем состоянии? — поинтересовался Сергей.

— Оба агрегата в полной готовности, коллега, — тихо сказал Джерри Гиббсон. — Можно начинать любым. Однако взял бы на себя смелость посоветовать работать вашим. На достигнутой глубине наш уже не создает нужного давления. Шахта не успевает проветриваться от перегретого пара. Ледяные стены кое-где начали плавиться, образуются большие каверны, ледяные сталактиты. Все это осложнило подъемы и спуски...

— Нам надо торопиться, Джером, — прервал Морстон. — Фред видел зону урагана. Мы можем не успеть...

— Конечно, отправляйтесь, — махнул рукой Лесли. — Сами разберемся. Мы все тут не первый раз.

"Кроме меня", — подумал Кирилл.

Перед пуском агрегатов Кирилл и Фред Лесли спустились в забой шахты. Пока Лесли проверял аппаратуру, Кирилл внимательно осмотрел нижний участок ствола, пройденный за последнюю смену. Зеркально блестели ледяные стены, отражая свет фонарей, укрепленных на шлемах скафандров.

Внизу у забоя ствол был идеальным, словно его прорезал острый нож в мягком податливом материале. Выше в ледяных стенах темнели каверны и углубления. Больше их было в кровле над головой, но и поверхность, по которой пришлось спускаться к забою, изобиловала неровностями и впадинами.

Лесли, закончив проверку, подошел к Кириллу.

— Джером, конечно, прав, — сказал он, — проходку придется вести вашим агрегатом. А этот, — он толкнул ногой второй аппарат, — поднимем наверх и будем думать, что с ним делать.

— Перемонтировать на плазменный режим, как у нашего? Кирилл вопросительно взглянул на Лесли.

— Едва ли получится. Во всяком случае, тут в вахтовом лагере это исключено.

— Надо посоветоваться с Сергеем. Он у нас главный энергетик.

— Однако не волшебник, — усмехнулся Лесли. — Поехали наверх?

— Подождите, Фред... Я хотел спросить... Фантомы в ваших краях... больше не появлялись?

— Нет... А у вас?

— В окрестностях главной Базы тоже нет.

— Ну а подальше?

— Не знаю... Однажды наблюдали странные ночные вспышки. Кирилл кратко рассказал о событиях последней ночи во время экспедиции на север.

— Я слышал о подобных явлениях на Марсе, — задумчиво сказал Лесли, — да, они отмечались предыдущими сменами. Кажется, в нашу никто ничего такого не видел. Профессор Джикс считает их разновидностью полярных сияний. Правда, наблюдались они в средних широтах...

— Может быть, мы говорим о разных вещах, Фред?

— Ну, не думаю. Речь шла о фиолетовом сиянии и ярких лучах к зениту. Иногда лучей было несколько.

— Ваши их не фотографировали?

— Не слышал о таких фотографиях. Вернусь, спрошу у Джикса и, если хотите, сообщу.

— Благодарю. Меня это интересует... По-моему, то, что мы видели, непохоже на полярное сияние.

— Здесь они очень разнообразны. Полгода назад пол марсианского года, конечно, — мне довелось быть в районе южного полюса. Я видел там поразительные сияния. На Земле таких не бывает. Но то были именно полярные сияния; ни у кого не возникало сомнений. А что, по—вашему, наблюдали вы?

— Не знаю... Я ведь еще не видел здешних полярных сияний...

Фред Лесли решил сменить тему.

— Проблема подъема отсюда — пустяк. Я уже придумал. Подвижный канат от барабана наверху. Мы к нему подцепляемся специальными карабинами. Подцепились — едем. Отцепились стоим на месте. Я родился в Сан—Франциско. У нас до сих пор существуют "канатные

трамваи" для туристов. Остались от начала прошлого века. Только там канат под рельсами, а тут мы его протянем вдоль стены шахты.

— Он сгорит при работе агрегатов.

— Почему? Энергетические разряды очень кратковременны, нацелены только на забой. Тотчас охлаждение и продувка. В шахте ничего не горит, хотя при работе вашего агрегата она извергает пламя. Все дело в продолжительности рабочего цикла, коллега. Это тысячные доли секунды. Даже ледяные стены не успевают таять. Если бы не динамика плазменной струи, в шахте можно было бы находиться людям, в соответствующих скафандрах, конечно.

— Я еще не видел их в работе. — Кирилл указал на агрегаты.

— Сегодня увидите. — Лесли усмехнулся. — Довольно красиво, если смотреть издали. Кстати, канаты и кабели, ведущие к этим агрегатам, тоже не горят.

— Хотел вас еще спросить, — Кирилл сделал долгую паузу, Джером Гиббсон — он действительно совсем поправился?

— Ну, не знаю... Вероятно... — Лесли нахмурился. — У нас здешние вахты несут добровольцы. Но... оплата десятикратная по сравнению с тем, что каждый имеет на базе. Морстон, например, тут в четвертый раз. Я — третий. А Джером — впервые.

— Вероятно, Джерому не следовало рисковать. Едва ли он полностью оправился после болезни. Выглядит он плохо.

— Устал... Здесь нелегко. Вы убедитесь сами. Эти три дня... — Лесли не кончил и отвернулся.

— Рискуешь тут везде, — продолжал он после короткого молчания, — но в таких местах, как это, особенно... Вот вы спросили о фантомах. Да разве в них дело! Разве в них главная опасность? Даже если они действительно возникают, а не придуманы нами же... На этой планете печать проклятия... Почему тут не возникла жизнь? А если возникла, почему погибла? Тут был кислород, была вода, масса воды... Днем в экваториальной зоне температуры и сейчас плюсовые. Здесь и на Земле светит одно Солнце. Так в чем дело? На Земле я никогда не думал об этом. Только тут и особенно в этой проклятой шахте... Человеку здесь приходят в голову странные вещи... Это не от избытка свободного времени. Словно нашептывает кто-то... Кто-то, к кому

приближаешься, спускаясь сюда. Печать проклятия возложена на эти пустыни, этот лед... Иногда, мне кажется, мы готовы сорвать ее, и мне становится страшно. А вы, вы тут ничего не чувствуете?

— Нет, — Кирилл отрицательно тряхнул головой, испытующе вглядываясь в лицо Лесли. Глаз его за дымчатыми стеклами очков он разглядеть не мог, но подергивания углов рта свидетельствовали, что американец на пределе нервного напряжения.

— То, что вы говорите, Фред, очень интересно, — возможно спокойнее и мягче сказал Кирилл, — мы обязательно вернемся к этой теме. Но пора подниматься и приступать к работе. — Он указал наверх.

— Да-да, конечно, — кивнул Лесли, — давно пора. Идите вперед. Я за вами.

Поднимаясь, Кирилл слышал в наушниках шлема прерывистое дыхание Лесли. Иногда доносилось бормотание. Похоже было, что американец разговаривает сам с собой. Кирилл различал обрывки некоторых фраз: "Энрике понял первый"... "Машина могла ошибиться"...

В десятке метров от устья Кирилл вдруг услышал голос Сергея:

— Ну, где вы там, почему молчите?

Он приготовился ответить, но его опередил Лесли:

— Поднимаемся, уже у выхода.

Тон его голоса показался Кириллу ненатурально бодрым.

— Почему не отвечали?

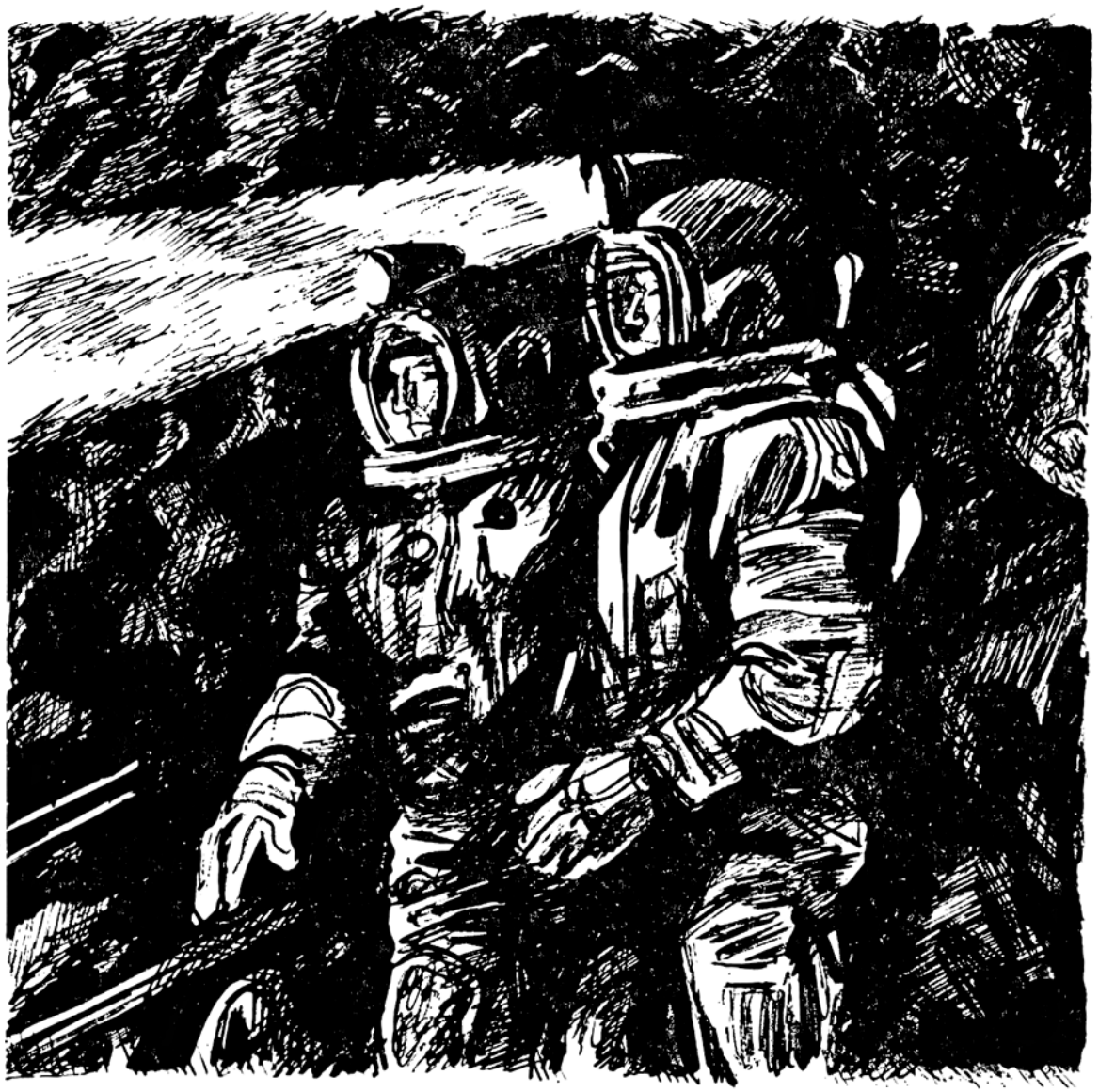
— Не слышали, — сказал Кирилл. — Давно вызываешь?

— Давно. И не видел света ваших фонарей.

— У этой шахты свои особенности, — снова включился Лесли, — поглощает и свет, и радиоволны, и действует людям на нервы. Правда, не всем, — и он добавил тихо, вероятно, чтобы не расслышали на поверхности, — вы забудьте, Кирилл, что я болтал там внизу. Все сущий вздор...

Он остановился и оглянулся. Кирилл тоже оглянулся. Позади был густой, казалось, осязаемо плотный мрак. Свет фонарей почти не проникал в него.

— Когда мы спускались, было иначе, — неуверенно заметил Кирилл.

Лесли усмехнулся:

— Так же, коллега. Мы светили себе под ноги... Странное место, правда?

* * *

Первые два дня вахты прошли без происшествий. Ствол удалось углубить еще на двадцать метров. Работали только одним агрегатом. Второй — американский — еще до первой проходки вытянули наверх с помощью электрической лебедки. На рассвете третьего дня вниз

спустились Сергей и Гибби. Они должны были взять пробы льда из забоя и закрепить внизу блок подвижного каната, с помощью которого Фред собирался осуществлять спуск и подъем людей.

Маленькое красноватое солнце только чуть прорезалось в багровой мгле над восточным горизонтом, когда Кирилл, закончивший утреннюю уборку в жилом помещении, подходил к устью скважины. Фред возился у подъемного механизма, к которому уже был подсоединен барабан подвижного каната.

Заметив Кирилла, Лесли помахал рукавицей. Кирилл подошел.

— Сейчас они там отрегулируют нижний блок, и можно кататься, — сказал Фред. – Вот, карабины для сцепления с канатом. Браслет карабина крепился на рукавице скафандра. Хотите попробовать?

— Да. — Кирилл взял один из карабинов, защелкнул браслет. — Но... как действовать ногами?

— Ноги должны скользить по льду. Положение ступней, как на лыжах. Можно даже приспособить что-нибудь вроде коротких лыж или саней. Ну а вообще эта штука главным образом для подъема. Спускаться можно по-старому — пешком. Не следует ускорять спуск...

Кирилл подошел к самому устью шахты. Мрак начинался в нескольких метрах от поверхности.

— Почему все—таки не видно света фонарей внизу? — размышлял вслух Кирилл. — Видно же от забоя небо...

— Ну, это совсем просто, — отозвался Фред, — шахта искривлена в средней части. Небо видно снизу не отовсюду, только от северного края забоя.

— Не подумал, — воскликнул Кирилл. — Вы, конечно, правы.

— Еще бы... Но я прав и в другом. Лед в шахте действительно поглощает свет. А вот почему, никто не знает...

Резко дрогнули обе ветви каната, уходящие во мрак шахты.

— Укрепили нижний, блок, — заметил Фред, — минут через пять включу двигатель.

Рывок повторился, еще более сильный.

— Это конечно, Гибби, не может не показать силу, медь...

Лесли прервался на полуслове, потому что по ветвям каната побежали волны все усиливающихся сотрясений.

— Что они там, спятили, — закричал Лесли, — сорвут канат с барабана.

— Вероятно, сигнал тревоги, — быстро сказал Кирилл. — Может быть, просят помощи? Включайте, Фред.

Дождавшись, когда колебания каната немного утихли, Лесли повернул рукоять включения. Ветви каната медленно потекли в разные стороны: нижняя из шахты, верхняя — вниз, во мрак.

— У них там есть карабины для захвата каната? — спросил Кирилл.

Лесли отрицательно качнул головой в прозрачном шлеме.

— Может, пойти им навстречу?

— Нет.

— А ускорить движение каната?

— Не надо...

Прошло несколько томительных минут. Блестящие нити каната продолжали струиться навстречу друг другу.

Рывков больше не было.

— Что там могло произойти? — не выдержал Кирилл.

Лесли не ответил. Потом, отступив от края шахты, спокойно сказал:

— Возвращаются.

Кирилл напряг зрение. В черном провале чуть искрилась светлая точка. Она медленно поднималась. Кирилл напряженно вглядывался в темноту.

— Свет только один, Фред, — крикнул он наконец, — другого не вижу.

— Нет... По натяжению каната их двое.

Из тьмы проступал непонятный грибообразный контур. Сдавленный возглас Кирилла заставил Лесли обернуться. Над краем шахты медленно вырастала согбенная фигура в звездно-полосатом скафандре. Левая рука Гибби сжимала канат, правой он придерживал на плечах неподвижное тело Сергея. Оказавшись на поверхности, Гибби не оторвал руки от каната, и ноги его поволоклись по щебнистой бурой поверхности. Он что—то бормотал, но слов разобрать было нельзя. Лесли отключил двигатель. Канат остановился, но высоко поднятая рука Гибби не отрывалась от него.

Опуская с плеч Сергея, которого подхватил Кирилл, Гибби прошептал:

— Рука… Канат прорезал перчатку скафандра… Рука… примерзла…

Глаза его закрылись, тело бессильно повисло на канате.

* * *

Сергея удалось привести в сознание с большим трудом. Видимых травм на его теле не оказалось, кости рук и ног целы, но он был так слаб, что не мог говорить. Почти тотчас он погрузился в сон. Гибби, отмороженная по локоть рука которого чудовищно распухла, находился в полубессознательном состоянии. Временами начинал бредить.

О происшествии сообщили по радио на советскую и американскую станции. Советский самолет уже вылетел, американский должен был вылететь с минуты на минуту.

— Наши будут тут часа через полтора, — сказал Кирилл, выключая радиопередатчик.

Фред — он обрабатывал дезинфицирующей жидкостью руку Гибби — хмыкнул неопределенно.

— Больше ничего не говорил? — спросил Кирилл, подходя к койке, на которой лежал Гибби.

— Нет… Повторил только, что очень испугался.

— Но чего испугался? Что там произошло?

Лесли молча пожал плечами.

— Мы оба, — послышался тихий голос за спиной Кирилла, испугались… Как удар по мозгам… Изнутри.

Кирилл и Лесли обернулись к койке Сергея. Глаза его были открыты. Взгляд обежал помещение и остановился на лежащем Гибби.

— Он… вытащил меня?

— Он, — споткнувшись о сваленные на полу скафандры, Кирилл шагнул к койке Сергея, — что ты чувствуешь сейчас?

— Слабость, тут болит. — Сергей поднял глаза ко лбу.

— Руки, ноги ощущаешь?

Сергей шевельнул пальцами правой, потом левой руки.

— Ощущаю, но слабость...

— Говорить можешь?

— Могу...

— Так что случилось?

— Я не понял... Когда спускались, стало вдруг страшно... Не знаю, почему... Спускался дальше, думал... сейчас конец... Но шел... Гибби за мной... У забоя смотрю, ему тоже не по себе... Спросил... Говорит — очень страшно... почему, не знает. Мы быстро взяли пробы льда... Укрепили блок. Держались... Стали надевать канат... Гибби вдруг закричал, что не выдержит, что сейчас произойдет ужасное. Стал

трясти канат и кричать. Я хотел остановить его, тоже стал кричать… Вдруг, как удар в голову, изнутри… Вспышка, и все…

— Больше ничего не помнишь?

— Нет… больше… ничего.

— А когда он тащил тебя наверх?..

— Нет… Ничего… Тот удар, — Сергей медленно поднял руку, коснулся затылка, — и вот минуту назад понял, что лежу здесь, увидел вас… Сколько времени прошло?

— Часа два, наверно. Скоро прилетит наш самолет.

— А он? — Сергей перевел глаза на Гибби.

— Руку повредил, когда поднимался. Разгерметизация скафандра. До локтя.

— Это плохо.

— Очень плохо. Скажи еще, Сергей, вы там… Ничего не увидели такого, ну…

— Фантом?

— Да.

— Я не видел. Думаю, он тоже. Скорее какое-то излучение… Или ультразвук…

— Ультразвук? Откуда?

— Н—не знаю… Он может вызвать такое состояние, шок, даже умертвить…

— Шахта как резонатор?

— Не исключено… Надо проверить… Просчитать… Или источник подо льдом. Если там пустоты…

— Вы слышите, Фред? — Кирилл повернулся к Лесли.

— Слышу. Я не специалист. Ни в области ультразвука, ни… в медицине. Впрочем, боюсь, руки он лишится. — Лесли указал на руку Гибби.

— А вы, Фред, в прошлый раз, — Кирилл попытался уловить взгляд Лесли сквозь дымчатые стекла его очков, — когда мы спускались в шахту, не почувствовали, чего-нибудь подобного?

— Почему вы решили?

— Я ничего не решил, но надо же выяснить, что тут происходит.

Лесли помедлил с ответом:

— Все это, знаете, очень субъективно... Я, например, вообще не люблю спускаться в шахты...

— Но, если остановимся перед загадкой, скорее всего она останется неразгаданной.

— А вы хотели бы сразу все разгадать, коллега? Так не бывает... У нас говорят: торопись потихоньку... Мне не платят больше, если я спешу...

— Так что, по-вашему, следует делать?

— Прежде всего подумать... Узнать, что он чувствовал или видел, — Лесли наклонился к самому лицу Гибби, прислушиваясь к его бормотанию, — потом уж решать... В сущности, основной вопрос в любой науке: что делать, если не знаешь... А вы как считаете?

— Считаю, что необходимо повторить спуск. Сразу же, как прилетит самолет. Тем более что внизу остались пробы льда.

— И вы пошли бы, коллега?

— Конечно. А вы?

— Я... Нет...

* * *

Прилетели Бардов, Мак, врач-хирург пятой смены и еще двое марсовщиков — совсем молодые ребята — Роман и Муса. Мак и хирург занялись пострадавшими. Остальным пришлось перебраться в соседнее помещение, служившее складом, кухней и столовой. Выслушав подробный рассказ Кирилла и его предложение, Бардов поинтересовался, что думает Фред Лесли.

— В целом я согласен, — вежливо сказал американец, — о причинах явления судить не берусь, но повторный спуск в сложившейся ситуации считаю опасным.

— Вы, конечно, правы, — согласился Бардов, — прежде чем решать, подождем вашего шефа.

Однако Невилл Джикс не появился. Прилетели Гридли, доктор Морстон и врач американской базы. Врач и Гридли направились в помещение, где лежали Сергей и Гибби. Морстон присоединился к

остальной группе марсовщиков и принялся расспрашивать Лесли. Кирилл, присев рядом с шефуней, сказал тихо:

— Напрасно теряем время. Надо повторить спуск, пока светло. Сейчас с подъемником это совсем просто. Пойду я и еще кто-нибудь, кто захочет.

Бардов долго молчал, испытующе поглядывая на него. Потом спросил:

— Очень хочешь пойти, дорогуша? А после, как они, да?..

Он наклонился к Кириллу и добавил совсем тихо:

— Вчера получено сообщение с Земли. Азарий тоже... Не удалось спасти. — Он тяжело вздохнул. — Остальные по-прежнему в карантине. Там пока ничего нового. Вот так... И подтверждение старого приказа — никаких исследований фантомов.

— А их тут не было, — мрачно возразил Кирилл.

— Естественно, — кивнул шефуня. — Поэтому не надо бояться делать ошибки! Ошибки — главный учитель! Так, что ли?

Появился Гридли. Он был в легком скафандре и рукавицах, снял только шлем. Его широкое лицо, казалось, бледнее обычного, а длинный нос еще более заострился.

— Плохо, — сказал он, подходя к Бардову и многозначительно поджимая губы, — очень плохо! Наш врач считает, что руку не сохранить. Ваш, правда, на что-то надеется, но... Не знаю... Тогда раненого надо отправлять к вам. Решайте... Мы могли бы пока взять к себе вашего.

— Зачем же? — загудел шефуня. — У нас места достаточно для всех. И вас можем прихватить. А относительно Гибби, если наш медик думает — можно что—то сделать, обязательно надо пытаться. Пусть забирает его немедленно.

Гридли молча кивнул и вышел.

— Что будем делать, доктор Морстон? — спросил Бардов.

— Пусть Гридли решает. Он заместитель Невилла.

— А ваше мнение?

— Мое? — Морстон явно колебался. — Это печальное происшествие... Доктор Фред Лесли считает, что надо прекратить тут проходку... Либо вести без контрольных спусков, пока не выясним причину сегодняшних событий. Я склонен согласиться с ним.

— Если прекратим проходку, шахта может заплыть, — не выдержал Кирилл, — это лед.

— Может, — согласился Морстон. — Тогда попробуем в другом месте. Проектировалось несколько шахт. Тут — первый опыт. По существу, мы отрабатывали технику проходки сквозь лед.

— При любом решении вопроса, предлагаю спуститься в шахту еще раз, — твердо сказал Кирилл. — Там остались пробы, отобранные нашими товарищами. Надо поднять их наверх.

— Проб льда из этой шахты отобрано несколько десятков, возразил Лесли. — Доктор Морстон говорит — они ничего не дали. Следов жизни не обнаружено ни в одной...

Кирилл хотел сказать, что пробы отбирались не только на биологический анализ, но, поймав иронический взгляд шефуни, решил промолчать. Бардов, видимо, тоже отступился от него.

Заглянул Гридли. Попросил помочь перенести пострадавших в советский самолет. Ребята, прилетевшие с Бардовым, молча поднялись, взяли со стола шлемы и вышли. Спустя несколько минут Гридли возвратился.

Окинув взглядом присутствующих, он подошел к Бардову и выжидательно уставился на него.

— Ну, так что будем делать? — поинтересовался Бардов, поглаживая бороду.

— Ждем вашего решения, — Гридли подчеркнул "вашего".

— Ежели дело во мне, — спокойно сказал Бардов, — считаю: прежде всего надо побывать в шахте. Потом решать, что делать дальше.

Лесли кашлянул многозначительно.

— А самолеты? — спросил Гридли.

— Наш пусть летит с пострадавшими и медиками. И сразу пусть возвращается.

— Наш тогда пока останется здесь, — решил Гридли. — А кому спускаться?

— Как обычно — двоим — на паритетных началах, — Бардов мельком взглянул на Кирилла. — Может, найдутся добровольцы? А можно и переиграть — в силу исключительности ситуации.

— Лучше на паритетных, — кивнул Гридли. — Тогда кто от вас?

— Вот он хотел, — Бардов снова взглянул на Кирилла, — не раздумал, дорогуша?

— Нет, конечно, — резко бросил Кирилл.

— О'кэй. — Гридли взглянул на Морстона, потом перевел взгляд на Лесли. — о'кэй, — повторил он сквозь зубы, — значит иду я.

Морстон и Лесли переглянулись.

— Имейте в виду, Гридли, — хрипло сказал Фред, — я и доктор Морстон против спуска. Бесполезно и опасно...

— Я это понял, — ответил Гридли, явно игнорируя заключительную часть реплики. — Думаю, — продолжал он, обращаясь к Бардову, — надо спускаться без промедления.

— Конечно, — кивнул Бардов и встал.

* * *

Через несколько минут все собрались возле шахты. Лесли проверил работу подъемника. Бардов велел выставить у самого устья имеющиеся контрольно-измерительные приборы, лично снял показания.

— Все в норме, — громогласно объявил он, закончив взятие отсчетов, — разумеется, в границах доступных нам параметров...

— А ультразвуковые колебания? — поинтересовался Кирилл.

— Пока не ловятся, но будем следить.

— Ультразвук — вздор, — резко заметил Лесли.

— Но вы утверждали, Фред, что вы не специалист в этой области, — не выдержал Кирилл.

— А это и неспециалисту ясно...

— Мне, например, нет, — возразил Кирилл.

— Вы вот что, — загудел в наушниках голос шефуни, — вы там судьбу не дразните, как почувствуете... дискомфорт или иное постороннее ощущение, сразу сообщайте друг другу и, следовательно, нам. Все ваши переговоры мы услышим и будем записывать.

— Жаль, что не догадались раньше, — Кирилл потрогал провод, который тянулся от его скафандра к барабану, соединенному с записывающим устройством. Второй такой же провод связывал Гридли с другим барабаном.

— Следите, чтобы не оборвать провода на спуске, — наставлял шефуня, — от них может зависеть успех операции и ваша безопасность... Ну, с богом, как говорили в старину. А мы ему, в случае чего, поможем...

Придерживаясь за неподвижный канат подъемника, Кирилл и Гридли начали спуск. Несколько десятков осторожных шагов, и тьма окружила их. Лишь колеблющиеся пятна света от фонарей на шлемах освещали ледяные ступени, по которым они спускались все ниже и ниже.

Кирилл шел впереди. Он отчетливо слышал в наушниках напряженное дыхание Гридли. Насчитав сто двадцать ступеней, Кирилл задержался и оглянулся. Гридли тоже остановился в трех шагах за ним.

— Что? — настороженно спросил Гридли.

— Ничего... Прошли примерно треть спуска. Как самочувствие?

— О'кэй, — не очень уверенно отозвался Гридли.

— Почему остановка? — прогудел в наушниках голос шефуни.

— Отдыхаем...

— Не слышу...

— Отдыхаем, — крикнул Кирилл.

— Поняли... Говорите громче! Вас стало хуже слышно.

— Мы вас слышим хорошо.

— Как самочувствие?

— Прекрасно.

Они двинулись дальше. Продолжая считать ступени, Кирилл прислушивался к себе как бы извне. Нет, страха он не испытывал. Легкое волнение, ощущавшееся перед спуском, улеглось. Он был спокоен, внимателен, уверен в себе, не ощущал никакого внешнего воздействия на психику.

— Как дела? — прозвучало в наушниках.

— В порядке.

— Отвечайте! Почему молчите?

— Мы ответили — пока все в порядке, — громко крикнул Кирилл.

— Они нас не слышат, — сказал Гридли.

— Может, что—то случилось с моим микрофоном, попробуйте вы.

Гридли дважды громко повторил ответ Кирилла. Некоторое время в наушниках слышался шорох, потом голос шефуни встревоженно произнес:

— Нет, не отвечают... И опять стоят на месте. Чертовщина какая—то...

"Даже ему изменяет выдержка, — подумал Кирилл, — видимо, "одна шефуня" не такая уж постоянная величина в условиях Марса".

— Попробуем дать знак иначе. — Кирилл повернулся к Гридли, — встряхните один раз резко верхний канат.

— О'кэй.

"Он тут не очень разговорчив..." — мелькнуло в голове Кирилла.

Он не успел развернуть эту мысль, потому что в наушниках снова послышался голос шефуни:

— Чего—чего? Ну тогда ладно, — раздался вздох облегчения, — значит, телефон... Дедовские способы они всегда надежнее... Переключаем все внимание на канаты, Лесли.

— Они поняли, — сказал Кирилл, — поехали дальше.

— Угу, — прозвучало в наушниках.

Кирилл продолжил счет ледяных ступеней. В самом начале пятой сотни впереди зеркально сверкнула поверхность забоя.

— Мы на месте, — объявил Кирилл.

Гридли отозвался тяжелым вздохом.

— Как ваше самочувствие? — Кирилл направил свет фонаря на скафандр американца.

— О'кэй, — ворчливо отозвался Гридли, облизывая губы. Кирилл заметил, что вся его широкая физиономия покрыта капельками пота.

— Действительно? — попытался уточнить Кирилл.

— Да...

— Тогда за дело!

Кирилл дважды тряхнул верхний канат — знак, что они достигли цели и пока все благополучно. Потом он — прислушался. В наушниках шуршало только тяжелое дыхание Гридли. Голоса сверху не доносились.

"Теперь и мы их не слышим", — констатировал про себя Кирилл, но решил не делиться этим соображением с американцем.

— Тут где-то должны лежать пробы, — сказал он вслух, давайте поищем.

— Угу, — Гридли сделал шаг и снова остановился.

Мысленно удивляясь своему спокойствию, Кирилл принялся осматривать забой и пространство перед ним. Лед зеленовато поблескивал, отражая свет фонаря. Вдруг в забое что-то шевельнулось. Кирилл вздрогнул, но тотчас сообразил, что видит всего лишь отражение своего скафандра. Вскоре он обнаружил места взятия проб, рядом лежали и кассеты с пробами.

— Все в порядке, — сказал он, — вот пробы. Можно возвращаться.

Гридли не ответил.

Кирилл поспешно оглянулся.

Американец стоял неподвижно, всматриваясь в левый угол забоя.

— Эй, Гридли, что там? — быстро спросил Кирилл.

— Там... что—то шевелится, — хрипло пробормотал Гридли.

— Ваше отражение.

— Н—не знаю... Посмотрите...

Кирилл подхватил кассеты с пробами и подошел к нему.

— Где?

— Вон т-там... — зубы Гридли застучали.

— Ничего не вижу.

— Да... Может, мне показалось... Нет...

— Что вы там видели?

— И сейчас вижу...

— Что именно?

— Какие—то... фигуры... Они идут... к нам. Вот...

— Отодвиньтесь, стану на ваше место. Вероятно, игра света от фонарей...

— Да? — Он медленно отступил в сторону.

Кирилл встал на его место, внимательно оглядел забой, освещая ледяную поверхность своим фонарем.

— Это было внизу в самом углу.

— Да—да, вот там, — Кирилл сосредоточил свет фонаря в углу забоя.

— Видите? — спросил Гридли.

— Вижу, то есть нет... ничего не вижу... кроме льда, конечно. А вы сейчас?

— Сейчас нет...

— Возвращаемся, — решил Кирилл. — Вы идите вперед, Гридли.

Американец не ответил, сразу же начал подниматься по ледяным ступеням, держась за неподвижный канат.

Шагнув на первую ступеньку, Кирилл обернулся к забою. Несколько мгновений пристально всматривался в освещенную фонарем ледяную поверхность, чувствуя, как спокойствие покидает его... Невероятно! Или ему кажется?.. Но ведь и Гридли что-то видел...

Кирилл оглянулся на американца. Тот продолжал медленно подниматься. Сейчас надо было идти наверх. Но потом... Кирилл еще раз взглянул на ледяной забой. Галлюцинация или... Или он начинает настраиваться на эти волны? Снова вернулось спокойствие, и одновременно пришло решение... Кирилл медленно двинулся вверх, вслед за Гридли. Он был так погружен в свои мысли, что лишь на половине обратного пути вспомнил, что надо подать сигнал наверх для включения каната.

— Мы забыли про подъемник! — крикнул он Гридли.

— Да? — Американец остановился.

Кирилл трижды тряхнул неподвижный канат. Спустя мгновение канаты шевельнулись — один медленно пополз вниз, другой вверх.

— Прицепляйтесь, Гридли, — Кирилл указал на браслет с карабином, — и переступите на ровное пространство, где нет ступеней. Поехали!..

Через несколько минут они выбрались на поверхность.

* * *

— Не исключено, что все обстоит именно так или почти так, — повторил шефуня, — но рисковать не позволю. Кроме того, Земля не отменила приказ.

— Они не представляют себе сути, Ник.

— А мы? Что мы представляем? Твои соображения — рабочая гипотеза.

— Все выстраивается в единую концепцию. Достаточно проверить, и рабочая гипотеза станет явью.

— А ты последуешь прямым путем за Энрике и Азарием. Это единственное место во Вселенной, куда не следует торопиться, дорогуша.

— Убежден, у меня обойдется без последствий. Все дело в индивидуальных особенностях мозга. Видимо, я могу воспринимать эти сигналы без отрицательных последствий. Другие не могут... Ну, о чем мы спорим, Ник, ведь ты обещал помогать мне...

— Обещал... Но теперь проблема законсервирована... по решению Земли.

— Ты сам подсказал это решение.

— Ну, знаешь! — разочарованно прогудел Бардов и отвернулся.

Они с Кириллом уже третий час ждали самолета в вахтовом лагере. Американцы улетели сразу же, как только договорились о прекращении проходки. Муса и Роман заняты были демонтажем энергетического агрегата и приборов.

Кирилл встал, надел шлем, проверил герметичность.

— Куда? — подозрительно спросил шефуня.

— Пойду посмотрю на закат.

Бардов нахмурился:

— Ты не вздумай...

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Кирилл вышел наружу, даже не дождавшись выравнивания давлений. Поток воздуха из тамбура подтолкнул его, и он с трудом сохранил равновесие. Дверь за спиной бесшумно закрылась. Маленькое багровое солнце висело совсем низко над красно-бурой равниной. В понижениях рельефа уже залегли лилово-черные тени. На востоке оранжевое небо потемнело. Лишь у самого горизонта прорезывалось светлое пятно — там всходил Фобос. Кирилл направился к шахте. Возле устья было пусто. Ребята уже успели перебросить оборудование к посадочной площадке.

Кирилл подошел к самому краю отверстия. Устремил взгляд во мрак. Попытался восстановить в памяти то, что увидел внизу, в ледяном забое. Сейчас это плохо получалось, совсем не так отчетливо, как во время рассказа Бардову.

"Конечно, то не могло быть галлюцинацией... Информационное поле тут существует повсюду. Оно оставлено сознательно последними разумными обитателями перед тем, как они покинули планету. Зачем – это, другой вопрос... Может быть, надеялись, что их потомки рано или поздно вернутся? Либо – это, послания иному разуму, в расчете на случайный контакт. Пожалуй, единственный вид послания, который хранится, пока существует сама планета! Скорее всего информация адресована непосредственно мыслящему мозгу. Если мы — их потомки, наш мозг должен воспринимать ее. Иное дело, что за миллионы лет эволюции человеческий мозг мог в значительной степени утратить эту способность. Отсюда опасные рецидивы... Энрике и Азарий, по-видимому, были близки к разгадке, но... переоценили свои силы... Бардов, конечно, тоже догадывается... Его собственный мозг на это поле не реагирует, в границах моих возможностей он сомневается... — Кирилл усмехнулся. – Это, его право. Я ведь тоже не знаю, что со мной случится, когда мой мозг начнет принимать информацию. И все же я хочу и готов рискнуть... Если бы даже я имел тысячу жизней, их не хватило бы, чтобы насытить жажду познания, пылающую во мне".

Кто-то коснулся его скафандра. Кирилл быстро обернулся. Шефуня стоял рядом.

— Ну что, следопыт прошлого, — сказал он, — мучаешься на пороге разгадки и проклинаешь меня?

— Мысли прочитаны неточно, — буркнул Кирилл.

— Возможно... Я не обладаю твоими способностями... Видишь ли, Кир, если ты прав, а оное не исключено, пойми, не надо торопиться... Рано или поздно твой мозг постепенно настроится на здешнее поле. Думаю, до сих пор мы ловили "всплески" поля лишь в моменты каких-то его нарушений — солнечных, ионосферных, даже, может быть, создаваемых нами же. Я теперь убежден, белые кристаллы — не самое главное... Когда-то они, может, были связаны с аппаратурой, управляющей полем или создавшей его. Поэтому способны вызывать локальные возмущения, превращающие часть информации в образы — фантомы. Таким же возмущающим фактором могла оказаться шахта. И совсем не потому, что там на глубине или во льду заключено нечто

конкретное, что ты надеешься отыскать, — развалины, гробницы, словом, конкретные следы былой цивилизации...

Кирилл хотел возразить, но Бардов не дал прервать себя и продолжал:

— Не логичнее ли предположить, что именно здешний лед обладает свойством сгущать, концентрировать линии информационного поля, что именно он — главный хранитель записи информации. Если они были подобны нам, вода являлась для них исходным началом, как и для нас. И, предвидя оледенение планеты, они могли связать поле именно со льдом. Это была бы мысль, достойная высокого разума: сделать вместилищем информации среду, из которой, когда-то родилась жизнь. Мы уже установили — структура здешнего льда не совсем обычная. Кристаллы образуют спирали. Как у тех белых осколков... Конечно, все это не более, чем предположения. Но они не противоречат твоей концепции.

— Следовательно, тем важнее идти на глубину, — Кирилл указал в отверстие шахты.

— Нет. Если поле связано со льдом, надо идти туда, где мощность льда максимальная, и там, находясь на поверхности, попробовать проверить твою гипотезу.

— Нашу гипотезу, Ник?

— Отнюдь. Проблему ведешь ты. Я лишь чуть подправил направление... на крутом повороте. Вероятно, эта шахта хороша лишь постольку, поскольку показала, что для дальнейшего поиска шахты пока не нужны. Пока... Потом посмотрим. Я очень надеюсь на тебя, Кир... Может, действительно, ты иной, чем мы все... И тебе удастся... Надо только соблюдать осторожность... на крутых поворотах.

— Хочешь подсластить пилюлю?..

— Нет Я, собственно, вышел сказать тебе, что за нами сегодня не прилетят. Придется ночевать тут.

— А что случилось?

— Ничего... Не стоит рисковать после тех ночных сполохов.

— Мы как аквалангисты в океане, — с горечью заметил Кирилл. — плаваем у самой поверхности, а под нами бездна... загадок.

— Вот и не будем спешить. Прежде всего попробуем сверху определить глубину бездны.

Солнце утонуло в багровой мгле, невидимой линии горизонта. Быстро темнело. Бледный свет взошедшего Фобоса едва пробивался сквозь пелену пыли, висящую над планетой.

Мысль полыхнула подобно молнии.

— А если Фобос? Странный сгусток металла, вращающийся совсем низко над планетой и вопреки всем законам механики не падающий на нее. Споры о его происхождении начались еще до первых космических полетов Его период обращения всего семь с половиной часов. Никто из нас не пытался сопоставлять его положение на небе с моментами появления фантомов, что, если, "спусковой механизм" поля связан именно с ним?..

Кирил замолчал, пораженный своим предположением.

— Пошли, — Бардов указал в сторону жилого купола.

— Я еще немного побуду тут... Хочу посмотреть...

— Только без глупостей, — предупредил шефуня, — и не долго. Ребята уже готовят ужин.

Он неторопливо направился к месту ночлега.

— "Фобос, Фобос, — мысленно повторял Кирилл, — скорее всего это — осколок Фаэтона. Некоторые считают — эстафета разума пришла оттуда. Значит..."

Появилось нарастающее беспокойство. Он что—то должен сделать... Но что?.. Кирилл стиснул зубы, пытаясь сосредоточиться, понять неодолимый внутренний зов, который нарастал, подобно волнам, и снова угасал. Это было как ускользающее воспоминание о давно забытом. Казалось, вот сейчас наступит прозрение, и он поймет... Нет... Волна снова отхлынула, оставляя горечь бессилия.

Кирилл бросил взгляд на Фобос. Угловатый серо оранжевый диск почти на глазах менял положение, поднимаясь все выше к зениту... Кирилл попытался еще раз заставить себя настроиться на потерянную волну... Внутри царила глухая пустота... Что это было? Грань неосуществившегося контакта или... начало заболевания, как у Энрике, Азария? Он вдруг почувствовал страшную усталость, захотелось лечь тут же у самой шахты, закрыть глаза и не думать ни о чем. С трудом

преодолевая сковавшую его слабость, Кирилл побрел к жилому куполу, ощупью отыскал контакт наружной двери. Надавил. Дверь открылась. Кирилл ввалился в тамбур и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, оказалось, что он лежит на койке в жилом отсеке купола. Скафандр уже снят, и шефуня, расположившись рядом в складном кресле, внимательно глядит на него. Кирилл сделал движение, пытаясь приподняться.

— Лежи, — Бардов придержал его за плечи, — ну как там Фобос?

— Нормально.

— А ты?

— Голова закружилась...

— Правильно. У твоего скафандра отказал аппарат регенерации кислорода. Не проверил при выходе? Хорошо, мы услышали, когда ты входил.

— Я, значит, недолго...

— Не очень. — Он помолчал, продолжая критически разглядывать Кирилла. Потом спросил: — А ты там... ничего нового не углядел?

— Нового... Нет...

— А старого?

— Тоже, пожалуй, нет...

— Какой-то ты стал неуверенный, Кир, — шефуня брезгливо поморщился, — а ну давай, как на экзамене. Кирилл рассказал, что с ним было.

— Жалко, что не улетели, — резюмировал Бардов, — до прибытия самолета наружу не выходить.

— Но я... — начал Кирилл.

— Именно ты... Мы с ребятами после ужина выйдем. Посмотреть на Фобос...

Ночью Кирилл проснулся словно от удара током. Он сразу понял — сигнал... Надо действовать. Осторожно привстал, прислушался. Кругом спали. Бросил взгляд на часы — сорок минут первого.

Вечером они уложили его на койку в спортивном комбинезоне, сняв только скафандр. Это облегчало задачу. Скафандра нигде не было видно. Очевидно, его унесли в соседнее помещение. Кирилл встал, сделал несколько шагов к двери.

— Куда? — прошелестело за спиной.

Кирилл оглянулся. Шефуня, подняв голову, вопросительно смотрел на него.

— Куда-куда, — сердито отозвался Кирилл, — надо...

Шефуня опустил голову на подушку и закрыл глаза. Кирилл выбрался в соседнее помещение и плотно прикрыл за собой дверь. К счастью, его скафандр и шлем лежали тут. Скафандр, правда, легкий — дневной... Выходить в таком в ночные часы не разрешалось. Но облачаться сейчас в тяжелый ночной скафандр не было времени. Кроме того, он не собирался удаляться от купола. Некоторое время он выдержит и в легком.

Кирилл быстро натянул скафандр, надел шлем, прицепил к поясу футляр диктофона. Уже в выходном тамбуре проверил герметичность и параметры жизнеобеспечения. Подождал, пока выровняется давление. Это их задержит немного, если организуют погоню. В диктофон, вмонтированный у входной двери, шепнул:

— Ноль часов сорок минут, выхожу наружу. Прости, Ник, совершенно необходимо.

Затем открыл выходную дверь. Снаружи было удивительно тихо. Ветра, как ни странно, не ощущалось. В зените висел Фобос. Это был уже второй его заход в ту ночь. На востоке бледно светил серпик Деймоса.

Кирилл сделал несколько шагов и остановился. Вопреки ожиданию ничего не происходило... Он начал прислушиваться, но различал лишь удары собственного сердца. Слабости не ощущалось, голова казалась ясной, он чувствовал прилив сил, удивительное спокойствие, уверенность, что поступает правильно. Вспомнилась почему—то старая поговорка студенческих лет: "Исследовать, значит, видеть то, что видели все, но думать так, как не думал никто". К нему она сейчас не имела отношения, потому что на этой странной планете именно он видит то, что недоступно другим. Только это оправдывает его недисциплинированность и риск... Впрочем, каждый настоящий поиск путь по узкой грани, тончайшему острию непримиримых противоположностей. По ту и по другую сторону грани пропасть, катастрофа... Как у него сейчас...

Он почувствовал, что ночной холод начинает проникать в скафандр. Первыми его ощутили ноги. Надо было двигаться, и он направился к устью шахты.

В красновато—пепельном свете двух марсианских лун мертвая равнина казалась призрачной. Звезд в небе почти не было видно. Устье шахты чернело подобно раскрытой пасти.

Кирилл остановился в нескольких шагах от шахты. Свет, выходящий из глубины, почему—то не удивил его.

Нащупав на поясе скафандра кнопку диктофона, Кирилл спокойно ждал, что последует дальше. Потом нажал кнопку и заговорил, стараясь зафиксировать все, что видел и чувствовал.

Запись кончилась на полуслове.

— Ну вот, — сказал Кирилл, — именно в этом месте вы меня настигли. Не знаю, почему, но ваше появление сразу прервало поток информации. Либо, переключив внимание на вас, мой мозг потерял возможность фиксировать ее. Черт бы вас побрал с вашей заботой!

— Пожелание относится только ко мне, — объявил шефуня, ребята абсолютно ни при чем. Я заставил их пойти, хотя им очень не хотелось просыпаться.

— Тем более что мы ничего и не видели, — проворчал Муса.

— Последнее, что запечатлелось в моей памяти, — добавил Кирилл, — и что, естественно, уже не попало на пленку, были их корабли, взлетающие с равнины, похожей на здешнюю. Я еще успел подумать, что они напоминают те, о которых рассказывал Невилл Джикс... Но в этот момент кто—то ударил меня по шее.

— Я ударил, — подтвердил шефуня, — ты не отвечал, когда мы к тебе бежали. Я был уверен, что ты уже замерз насмерть.

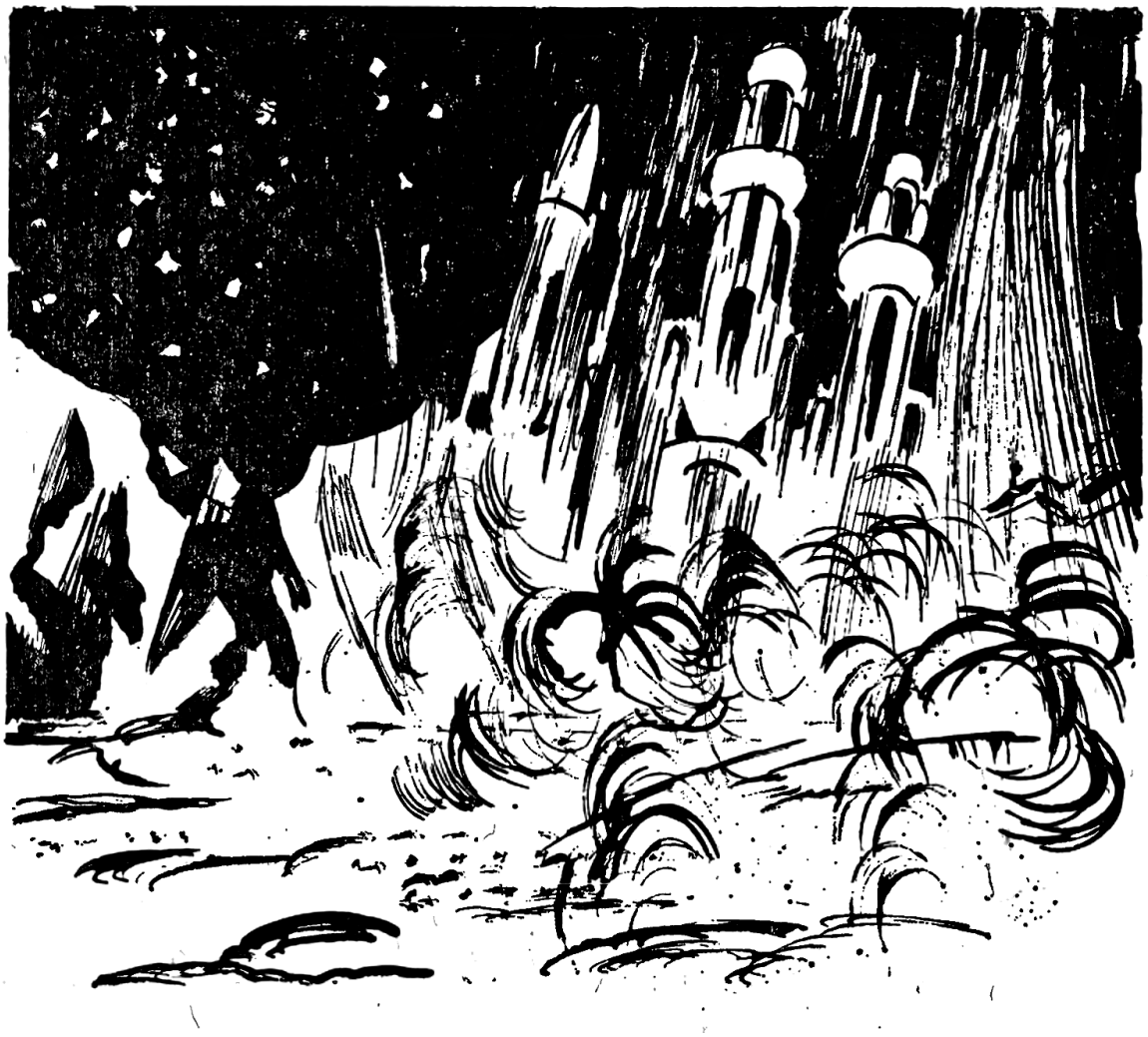
— Если бы вы появились минут на десять позже, — вздохнул Кирилл, — я, может быть...

— Тебе наверняка пришлось бы оперировать ступни, — прервал шефуня, — а так ты отделался только отмороженными пальцами на ногах. Пальцы придется починить на Базе. И пока тебя будут там ремонтировать, я смогу спать спокойно.

— Больше это уже не повторится, — заверил Кирилл, — дело сделано. Не хотелось бы быть нескромным, но, думаю, нам удалось решить одну из старейших загадок, волнующих человечество. И главное — мы теперь твердо знаем, что они тут были, оставили свое послание, которое предстоит читать не одному поколению ученых. Думаю, что рано или поздно подо льдами удастся разыскать и какие—то материальные памятники умершей цивилизации. У меня уже есть на этот счет кое-какие соображения...

— Нет, погоди, — искренне возмутился шефуня, — ты еще посидишь под карантином месяца три-четыре после того, как тебе вылечат пальцы на ногах. Еще неизвестно, как на тебе отразится этот ночной сеанс "потусторонней связи".

— Теперь я согласен даже на карантин, — усмехнулся Кирилл. — Надо свести воедино, подробно описать все, что нам удалось выяснить... Вы заметили, что наблюдения Азария и Энрике хорошо увязываются с моей диктофонной записью.

— Мы, конечно, продолжим это дело, — сказал Бардов, по привычке поглаживая бороду, — придется осторожненько проверить, может, не ты один у нас такой способный. Если с тобой действительно ничего не случится, станем смелее, будем тренироваться в укреплении "потусторонних связей"; в конце концов и приборы сконструируем для электронной записи информационного поля...

— Если даже теперь со мной что—то и случится... — начал Кирилл.

— Это уж ты, дорогуша, брось, — обрезал шефуня. — Запомни, ничего не может случиться. Ты — экстрасенс, ты сам прекрасно знаешь это. Экстрасенс от рождения. А других экстрасенсов мы тут воспитаем, базируясь на твоем опыте. Понял? Ты сам уверял, что эти способности заложены в каждом из нас. И я это, между прочим, сегодня ночью понял. Поток информации, которую принимал ты, переключился на несколько мгновений на меня, когда я погладил тебя по шее.

— Интересно, — воскликнул Кирилл, — и что же вы увидели?

— Не "вы", а "ты", — поправил шефуня, — я увидел твои корабли, взлетающие в космос, и понял, что они направляются к Земле.

— А дальше?

— Что дальше?

— Когда они достигли Земли? В какую эпоху земной истории?

— Э—э, чего захотел! Разве можно все сразу? Это предстоит выяснить. Как и многое-многое еще.

— Что же получается, — воскликнул Роман, — предки человека пришли на Землю отсюда?

— Категорически утверждать пока ничего нельзя, — задумчиво сказал шефуня, — мертвый Марс начал нам приоткрывать поразительные вещи; но пройдет еще очень много времени, прежде чем хранящаяся тут информация, заключенная в так называемом "информационном поле" или в какой-нибудь иной "материи", позволит вынести окончательное суждение. Нащупано принципиально новое направление поиска, научных исследований, важность которых для человечества, вступившего в космическую эру, переоценить невозможно. Энрике и Азарий отдали свои жизни не напрасно. Приоткрываются совершенно ошеломляющие возможности разума, о которых люди даже не подозревали...

— Как вы, вероятно, поняли из диктофонной записи, — добавил Кирилл, — эстафета разумной жизни была принесена на Марс с Фаэтона. Какая-то частица фаэтонцев перед гибелью своей планеты переселилась на Марс. Это могло произойти еще в архейскую эру земной истории. Быть может, на Марсе сменили друг друга несколько циклов цивилизации и лишь представители последнего здешнего

цикла переселились на Землю. Все это предстоит еще изучать, уточнять... Более определенно мы можем теперь говорить об истории самих планет земной группы. Они рождены Солнцем в разное время: Фаэтон был старшим в этом семействе, Венера, а может быть, и Меркурий наиболее молодые. Фаэтон давно закончил свое существование, Марс дряхлеет; в его нынешнем облике — будущее нашей Земли, также, как на Венере — ее далекое прошлое. Условия на Венере пока непригодны для высокоорганизованной жизни, как они были непригодны на Земле в архее и раннем палеозое, когда тут на Марсе жизнь била ключом. Если наша нынешняя цивилизация уцелеет, не исключено, что далеким потомкам землян предстоит переселение на Венеру, когда условия на стареющей Земле станут подобны марсианским. И, покидая Землю, они, может быть, оставят там послание грядущим исследователям, подобное тому, какое оставлено тут. Я хотел бы верить, что эстафета разума бесконечна.

Константин Ситников

МАРС ЖЕСТОК?

Фантастический рассказ

События, на которых основан рассказ, реальны и произошли в 2031 году.

Когда взорвался бак с жидким водородом, Сандра поняла: это конец. Мимо пролетели, вращаясь, куски солнечной батареи. Чьё—то тело без скафандра с силой ударилось об иллюминатор и исчезло в атмосфере планеты. Дональд, а может, Раджаван.

Межпланетный марсианский комплекс разваливался на глазах. Эфир наполнился голосами:

— Господи, Чен, ты видел это?

— Жилой модуль — потеря герметичности!

— Двигатели не работают...

— Мы падаем... падаем... па...

Если она не примет решение сейчас, другого шанса не будет. Сандра активировала скафандр и нажала кнопку расстыковки: единственное, что она могла сделать в сложившейся ситуации.

Большой белый цилиндр жилого модуля с торчащими по краям складским модулем и кораблём возвращения удалялся, медленно кувыркаясь в пустоте. Он словно давал ей возможность разглядеть себя со всех сторон. Потом он вошёл в атмосферу, и его охватило пламя — последнее, что увидела Сандра перед тем, как закрыть контейнер.

Она оставалась спокойной и собранной, потому что её учили быть спокойной и собранной. В любой ситуации. Она отключила весь свет, кроме аварийного, опустила шторки на иллюминаторах и приступила к манёвру.

Заходить на посадку без точных предварительных расчётов — безумие. Но выбора нет. Она начала торможение. Когда топливо

выгорело и произошёл сброс тормозной двигательной установки, скорость падения всё ещё была слишком высокой.

Как ни разрежена атмосфера планеты, трение давало о себе знать. Из—за непрерывной вибрации предметы казались размазанными. Тряхнуло. Сверху упал багровый отсвет — это оторвалась и исчезла крышка аэродинамического контейнера. Сандра даже не знала, так было запрограммировано или её просто сорвало ветром. Шторку иллюминатора очертил багровый ореол бушующего пламени.

Почти сразу отстрелилось днище контейнера. Вибрация сменилась резкими толчками и раскачиванием. Послышались тяжёлые удары, словно кто—то изо всей мочи колотил по обшивке кувалдой. Заработали посадочные двигатели. К толчкам, раскачиванию и вибрации добавилась тряска.

Отчаянно заверещал сигнал сближения с землёй. Сандра инстинктивно вжалась в кресло, зажмурилась.

Удар! — и чернота.

В черноте слышались голоса, и одним из них был голос отца.

— Сколько раз я говорил ей не лазить на чердак! Нет, она опять за своё. А тебе, мать, следовало бы лучше следить за дочерью—сорванцом. Вот она, твоя мягкость. Вечно с ней что—нибудь случается!

Это о ней, Сандре. Но что стряслось? Кажется, она опять откуда—то упала. Похоже, с чердака? Ну разве она виновата, что мальчишкам во дворе вздумалось поиграть в скалолазов и кто—то наступил ей на руку?

Она открыла глаза, ожидая увидеть обеспокоенное и чуточку виноватое лицо мамы. Перед глазами висела плотная кровавая пелена. Сандра сморгнула — пелена не рассеивалась.

— Мама! — позвала она. Тишина.

— Отец! Тишина.

Сандра шевельнулась — тело пронзила острая боль. По щекам потекли слёзы. Неожиданно кровавая пелена поредела. Размытыми пятнами проступили сквозь неё стенки и приборы взлётно—посадочного модуля. И тогда Сандра всё вспомнила.

Произошла катастрофа.

Все погибли, она одна чудом осталась жива.

Одна — на Марсе.

Когда командир группы Дональд Каллиган сообщил космонавту Сандре Дружковой, что её отобрали в международный экипаж для полёта на Марс, она встретила это известие с удивительным спокойствием. Для неё это было чем—то вроде покорения очередной вершины. Преодолением очередной слабости.

Она всегда считала себя слабой, нет, не физически — морально. И всегда преодолевала в себе эту слабость, словно что—то, кому—то доказывала. В детстве она боялась высоты — и заставляла себя лазать по чердакам и крышам. В семнадцать стала мастером спорта и чемпионкой России по скалолазанию. В школе она слабо разбиралась в точных науках — и заставляла себя грызть гранит физики и математики. В двадцать три за плечами у неё были Бауманка, работа в конструкторском бюро и кандидатская.

Слабость привела её в Центр подготовки космонавтов, а через год в группу подготовки к марсианской экспедиции. Окружающие не знали о её слабости, а она никогда не забывала о ней. И никак не могла понять, почему другие не видят очевидного.

В тот день Сандра позвонила старшей сестре и попросила её прилететь в Хьюстон.

— Что случилось? — В голосе Анны звучало беспокойство.

— Ничего, просто прилетай.

Они сидели в кафе Центра подготовки астронавтов, пили кофе и молчали. Сандра не знала, с чего начать.

Анна первая нарушила молчание.

— Что ты хотела мне сказать?

— Я лечу на Марс. Не хочу, чтобы родители знали...

Конечно, она понимала, что родителям всё станет известно так или иначе. Она написала им письмо. Обычное письмо от руки на красивой почтовой бумаге.

«Дорогие мама и папа! Я лечу на Марс. Не волнуйтесь за меня...»

Вложила письмо в красивый голубой конверт и бросила в почтовый ящик в надежде, что они получат его уже после её отлёта.

Чего она боялась? Отцовского взгляда? Полного понимания... Но понимания не её самой, а понимания того, что внутри неё, её слабости.

Все знают первые слова, которые произнёс Юрий Гагарин перед стартом, а Нил Армстронг — ступив на Луну. Первыми словами Сандры Дружковой на Марсе были:

— Связь, нужна связь.

Не с Землёй, конечно: с таким маломощным радиопередатчиком, как на взлётно—посадочном модуле, можно связаться только с орбитальной станцией. А уж потом, через ретранслятор, — с Землёй. Но теперь, когда межпланетного марсианского комплекса больше нет...

Но ведь на орбите Марса болтается с десяток спутников, в том числе и ретранслирующих!

Сандра включила радио — эфир взорвался яростным треском помех. Минуту или две она шарила по дециметровому и сантиметровому диапазонам. Сплошное шипение. Похоже, песчаная буря. Мириады песчинок ударяются об антенну, образуя статические заряды электричества...

На «марсианской» станции в Арктике они так же вот потеряли связь с базой, и не на один день — на неделю. Радиостанция исправна, а связи нет! Не прохождение радиоволн.

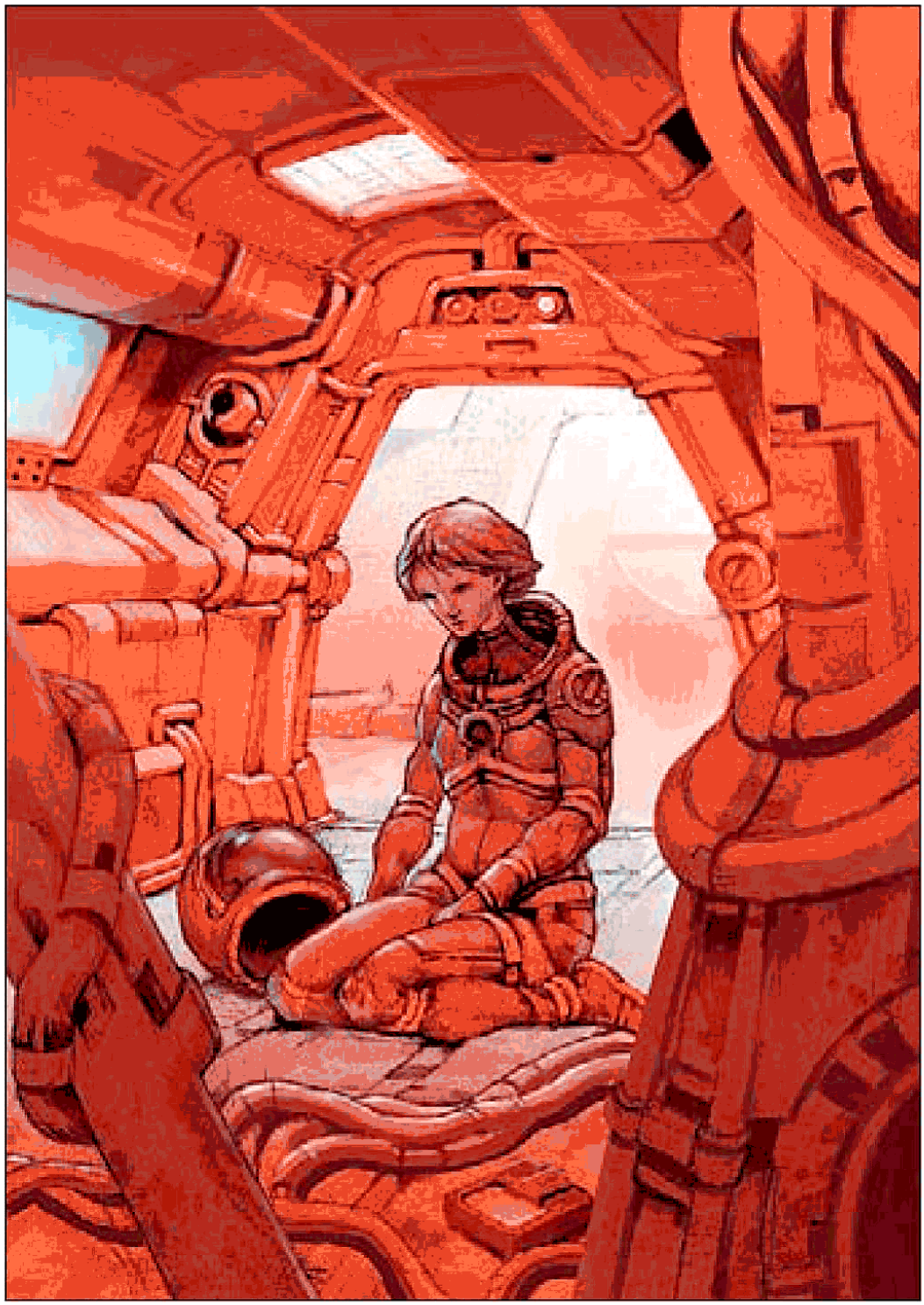
Сандра выключила передатчик и прислушалась. Только сейчас она обратила внимание на доносящийся снаружи словно бы рыдающий вой.

Она открыла шторку иллюминатора — мельтешение неясных теней во мраке. Жёсткая крупа с хрустом ударяет о лексановое стекло. В глазах по—прежнему кровавая пелена, и всё кажется красноватым.

Неласково встречает Марс гостей. Так ведь он их не звал...

— Вот что, — сказала Сандра, — я должна что—то сделать. Иначе сойду с ума.

Для начала попробуем сесть. Главное — не обращать внимания на боль. Просто не обращать внимания. Просто не обращать... Она закусила губу, рванулась! Кажется, она снова потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела, что лежит на полу.

Она попыталась сесть, и ей это удалось. Боль в спине была адская, но оказалось, её можно терпеть. А вот ног она не чувствовала. Совсем.

Она перекладывала их с места на место — сначала одну, потом другую. Они были тяжёлые и чужие.

Зато по крайней мере она способна передвигаться по модулю. Уже что—то. Значит, она сможет добраться до блока очистки атмосферы. И до холодильника. Взлётно—посадочный модуль рассчитан на тридцатидневное пребывание экипажа из четырёх человек. Одна она протянет сто двадцать дней, а то и больше, значительно больше, при разумной экономии пищи и энергоресурсов.

Тридцать дней... Предполагалось, что за это время они отыщут сброшенные ранее жилой и лабораторные модули, расконсервируют марсоход и тягач, запустят атомную электростанцию. Если бы её товарищи оказались сейчас рядом. Дональд... Раджаван... Чен... И почему она, именно она осталась жива? Потому что ей вздумалось помедитировать наедине — в самый неподходящий момент?

На мгновение Сандрой овладело отчаяние. Столь внезапное и сильное, что она потеряла контроль над собой. Она колотила руками по полу, плакала, что—то кричала.

Кажется, даже потрясала кулаками, выкрикивая то ли мольбы, то ли угрозы. Но наверху было не небо, а обшивка модуля, и вряд ли боги Марса могли её услышать.

Обессилев, она затихла. Истерика прошла так же быстро, как и началась.

В конце концов, в любой момент она может покинуть Марс — стартовать с поверхности, израсходовав топливо, — и навсегда остаться на орбите. До следующей экспедиции...

Сандра выключила свет и попыталась уснуть. Снаружи бушевала песчаная буря. Двадцатидвухтонный взлётно—посадочный, точнее, теперь уже просто взлётный модуль едва заметно вздрагивал под чудовищными ударами ветра. Девушка лежала в темноте и слушала рыдание бури.

В первую ночь на Марсе ей снилась Арктика. Канадский остров Девон, кратер Хотон. Безотраднейшее место на Земле. Безжизненная красновато—коричневая равнина, неровные проплешины в сетке каменистых россыпей, плоские холмы, покрытые льдом и снегом.

Типично марсианский пейзаж. Поэтому там и был разбит тренировочный «марсианский» лагерь.

Сандра провела там два полевых сезона, и редко столбик термометра поднимался выше минус десяти. Один раз погода испортилась настолько, что они целый месяц не могли покинуть базовый лагерь и приступить к запланированным испытаниям. И это в июле! Зимой температура падала до минус пятидесяти. Средняя температура на Марсе.

В октябре, когда сезон арктических тренировок закончился, руководитель проекта Роберт Маккей собрал их в конференц—зале — всего шестнадцать человек: восемь марсонавтов и восемь дублёров — и сказал:

— Старт запланирован на февраль. Три месяца вы будете двигаться по спиральной траектории вокруг Земли, используя её гравитацию для разгона. Потом — выход на гелиоцентрическую орбиту. Длительность полёта составит полгода. Четверо из вас совершат посадку на Марс и проведут там шестнадцать месяцев. За это время вы должны построить базу, наладить производство метана и кислорода, подготовить всё к прибытию следующей экспедиции. И помните: это лишь начальный этап проекта. Впереди — колонизация Марса.

К утру буря улеглась. Крошечное белое солнце стояло низко в сиреневом небе. Сандра смотрела в иллюминатор, как в детстве — в окно, когда выпадал первый снег, и думала, что этого не видел ещё никто. Если ей суждено стать Робинзоном, она им станет. В сущности, все они осознавали, что путь на Марс может оказаться путём в один конец.

И, кстати, трудового договора с космическим агентством ещё никто не отменял. Кое—какая научно—исследовательская аппаратура в её распоряжении имеется. Так в чём же дело? Бери пробы воздуха, грунта. Веди наблюдения за солнечной активностью. Работай!

В тот день она начала вести дневник.

1—й сол на Марсе

Приступаю к описаниям со смешанным чувством. Я на Марсе, но товарищи мои погибли. Орбитальный комплекс уничтожен, связи нет. А это означает крах экспедиции, крушение всех планов. Но я ещё жива, и надежда тоже. Я не собираюсь опускать руки и обречённо ждать конца. Буду делать хотя бы то малое, что в моих силах. Надеюсь, тем, кто придёт за мной, это пригодится.

2—й сол

Погода прекрасная, температура днём поднялась до минус двадцати, практически курорт. А вот связи по—прежнему нет. Странно. Не иначе буря виновата. Не песчаная, так ионосферная.

3—й сол

Весь день занималась роботом—марсоходом, пытаясь заставить его слушаться. То ли я дура, то ли он слетел с катушек. Провозилась до вечера, но так и не добилась от него взаимности.

Приписка. Прав был Маккей: на Марсе нужны не учёные, на Марсе нужны, прежде всего, ремонтники. Аховый из меня ремонтник.

4—й сол

Удалось наконец запустить мини—лабораторию и взять первые пробы воздуха. Что—то, видимо, в этой железяке всё—таки разладилось. В воздухе вместо положенных 95% углекислого газа — какие—то жалкие сотые доли. Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Остальные показатели не лучше.

5—й сол

С первого дня меня мучил вопрос: где я примарсианилась? Так вот, судя по всему, я за Северным полярным кругом, и сейчас исход

полярного дня. Во—первых, солнце за все эти дни так ни разу толком и не зашло, а во—вторых, мне ни разу не довелось наблюдать на небе ни Фобос, ни Деймос.

Порылась в электронных справочниках и вспомнила, что в высоких северных широтах это и невозможно: оба спутника имеют относительно малый наклон орбиты к экватору, так что Фобос никогда не восходит над горизонтом севернее 70,4° с.ш., а Деймос — севернее 82,7° с.ш.

Странная забывчивость. Хотя чему удивляться. После жёсткой посадки у меня совсем отшибло память. Например, я прекрасно помню всё, что было до старта с Земли. А вот часы, предшествовавшие злосчастному взрыву… да что там часы! Месяцы, проведённые в космосе… совершенно не помню. Это меня очень пугает.

Типичное проявление травматической амнезии — так сказал бы Чен. Нет, он сказал бы по—другому: «Ничего страшного, космонавт Дружкова, типичное проявление травматической амнезии». Он был настоящий врач и такая умница…

7—й сол

Вот и ещё одно подтверждение того, что я на северном полюсе. Сегодня удалось взять пробу грунта на анализ. Только на северном полюсе может быть столько водяного льда. Зимой он покрыт метровым слоем замёрзшего углекислого газа, но с наступлением тепла газ испаряется, обнажая тяжёлые водяные ледники. Это, кстати, может решить проблему водорода. И стоило тащить его с Земли!

А мы—то думали, воды на Марсе нет…

15—й сол

Сбор данных и образцов идёт полным ходом, причём каждый день приносит всё новые открытия. Думаю, Маккей будет доволен. Я уже представляю, как он сладострастно потирает ручки. Не он, так его преемник. Кто там будет руководить проектом через тридцать лет? А

раньше, при сложившихся обстоятельствах, они сюда не сунутся. Налогоплательщики не позволят.

16—й сол

Продолжая вчерашнее… А вот что будет через тридцать лет с тобой, дорогуша? Даже если тебе повезёт, и ты найдёшь жилой модуль — уверена, что сможешь протянуть здесь хотя бы половину этого срока? Вряд ли. Года три—четыре ты, пожалуй, ещё проскрипишь. А потом? Потом тихо угаснешь от облучения…

Так зачем всё это?

Скептики говорили: зачем человеку лететь на Марс? Бессмысленная трата сил и средств. Конечно, — соглашались они, — всегда найдутся смельчаки, готовые рискнуть всем. Но ради чего? То же самое, причём с гораздо меньшими затратами и бульшим размахом, могут сделать автоматы. И стоить это будет в сотни раз дешевле! Не говоря уже о риске для человека.

Наверно, они правы, эти скептики. Они всегда правы, и они всегда в большинстве.

Жалею ли я, что полетела? Пожалуй, нет. Несмотря ни на что. Даже если мне предстоит провести на Марсе свои сто лет одиночества…

Связь появилась на тридцатые сутки. Сандре показалось, она поймала обрывок чьих—то переговоров. Но, кроме неё, на Марсе никого не было!

— Земля! Земля! — закричала она, боясь потерять сигнал. — Здесь станция «Марс—500». Вызывает марсонавт Сандра Дружкова. Кто—нибудь меня слышит?

Сквозь треск помех пробился мужской голос:

— Станция «Марс—500»! Станция «Марс—500»! Здесь арктическая база. Оператор Сикомора. Вас слышу.

Сандра вдавила кнопку передачи.

— Станция «Марс—500» — арктической базе. Произошло крушение. Весь экипаж погиб… Дональд Смит… Раджаван Прабху… Чен Ли… Все погибли, кроме меня…

Она отпустила кнопку, переходя на приём.

— Где вы находитесь, Сандра Дружкова?

— Где—то на Северном полюсе, за полярным кругом.

— Ну, это понятно. Сейчас я вас запеленгую. Вам нужна медицинская помощь?

— А вы как думаете? — Сандра нервно хмыкнула. Потом тихо добавила: — Хотела бы я её дождаться!

Она её дождалась.

Через час на горизонте показался вертолёт.

В кабинет вошёл высокий худощавый мужчина. Он сильно сутулился и выглядел, пожалуй, старше своих пятидесяти двух. Войдя, он пригладил жёсткий ёжик седых волос.

— Мне сказали, вы нашли мою дочь? Роберт Маккей указал на кресло, приглашая садиться. Мужчина остался стоять.

— Что с ней? — спросил он. — Она жива?

Это прозвучало так, словно он спросил: «Что вы с ней сделали? Что вы, мать вашу, сделали с моей девочкой?»

Маккей знал таких людей. Они относились к космическому агентству как к банде безответственных интриганов, коварно заманивающих молодых, здоровых людей в сети с единственной целью — превратить их в беспомощных калек или хладные трупы.

— Сядьте, мистер Дружков, — мягко, но настойчиво сказал он. — Да, мы нашли вашу дочь. Она жива.

— В таком случае, — сказал мужчина, — могу я увидеть её?

Маккей, поколебавшись, ответил:

— Сандра в тяжёлом состоянии, мистер Дружков. Вы ведь знаете, что произошло...

Конечно, мужчина знал, что произошло, из новостей по телевизору.

Это был теракт века. Да что там века — тысячелетия! Первый теракт, совершённый в космосе, погубивший не только восемь астронавтов и четыре сотни миллиардов долларов, но и мечту человечества о покорении других планет. По крайней мере на ближайшие десятилетия.

Никто не был готов к этому. Межпланетный марсианский комплекс, собранный на низкой околоземной орбите, не успел даже стартовать к Марсу.

— В момент взрыва ваша дочь находилась во взлётно—посадочном модуле. Она смогла отстыковаться от комплекса, и это спасло ей жизнь. Она упала в Арктике.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Чтобы вы лучше поняли всё, что произошло потом. Взгляните на фотографии.

Маккей веером рассыпал на столе пачку фотографий.

— Что это? — спросил мужчина.

— Марсианская база, которую ваша дочь построила в одиночку.

— В Арктике? Но зачем?!

Маккей неторопливо собрал фотографии.

— Видите ли, — сказал он, — Сандра полагала, что находится на Марсе. При падении у неё случилась травматическая амнезия. Она забыла всё, что непосредственно предшествовало падению. Помнила только про миссию и… это единственное, что её волновало тогда. Она была уверена, что упала на Марс, и просто выполняла свою работу.

— Не понимаю, — сказал мужчина.

— Построить марсианскую базу на Земле… Какой в этом смысл? Вся эта идея с Марсом с самого начала казалась мне безумием.

— Ваша дочь видела в этом смысл, — сухо сказал Маккей. И добавил тихо: — Жаль. Жаль, что вы так и не поняли своей дочери, мистер Дружков.

Марс жесток, и всё равно они победили.

При изготовлении этой книги использовались:

Иллюстрации художника **Г. Малакова** из книги
Г. Мартынова «220 днів на зорельоті.»
Київ: Дитвидав, 1959 г.
Иллюстрации художника **А. Листкова**
в журнале «Наука и жизнь» №10—11 за 1960 год,
к повести А.Сазонова «Звездная одиссея».
Иллюстрации художника **Н. Гришина** из книги
К. Волкова «Марс пробуждается»
М.: Советская Россия, 1961 г.
Иллюстрации художников **А. Гусева** и **В. Немухина**
в журнале «Искатель» №3—5 за 1962 год,
к повести В. Михайлова «Особая необходимость».
Иллюстрации художника **И. Ушакова**
в журнале «Знание—сила» №6 за 1960 год,
к рассказу А. и Б. Стругацких «Ночью на Марсе».
Иллюстрации художника **Р. Авотина**
в журнале «Техника—молодежи» № 2—3 за 1964 год,
к рассказу М. Емцева и Е. Парнова «Последняя дверь».
Иллюстрация художника **А. Побединского**
в журнале «Техника—молодежи» №7 за 1065 год,
к рассказу Д. Биленкина «Незапертая дверь».
Иллюстрации художника **Р. Авотина**
в журнале «Техника—молодежи» №8—12 за 1973 год,
к повести С. Жемайтиса «Багряная планета».
Иллюстрации художника **Ю. Шабанова**
в журнале «Искорка» № 4—7 за 1987 год,
К повести А. Шалимова «Эстафета разума».
Иллюстрация художника **С. Галимзянова**
в журнале «Наука и жизнь» №9 за 2011 год,
к рассказу К. Ситникова «Марс жесток».

Оглавление

Георгий Мартынов

220 ДНЕЙ НА ЗВЕЗДОЛЕТЕ

Перед стартом 4
Старт 20
В пути 37
Звездный капитан 49
Венера 55
Встреча 67
На Марсе 80
Во мраке ночи 86
Утро 101
Выстрел 112
«Прыгающая ящерица» 130
Песчаная буря 140
Памятник 147
Скала 151
В обратный путь! 163
Один... 170
Земля! 186

Алексей Сазонов

ЗВЕЗДНАЯ ОДИССЕЯ

Вместо предисловия 197
Глава первая 198
Глава вторая 205
Глава третья 213
Глава четвертая 218
Глава пятая 223
Глава шестая 231

Глава седьмая 235
Глава восьмая 241
Глава девятая 247
Глава десятая 255
Глава одиннадцатая (самая короткая) 262
А. Кирияненко
ТАЙНЫ УГАСШЕГО МАРСА **264**
Константин Волков
МАРС ПРОБУЖДАЕТСЯ
ЧАСТЬ I 293
ЗАГАДОЧНЫЕ СИГНАЛЫ 293
1. Обсерватория Нбоанга-Тхе 293
2. День рождения академика Яхонтова 306
3. Большие споры о смелом плане 317
4. Планы и люди 328
5. Отправление 342
6. Первый этап 347
7. Шестнадцать километров в поперечнике 355
ЧАСТЬ II 375
ДРЕВНИЙ АНТ 375
1. Первые сутки на Марсе 375
2. Пленники марсиан 387
3. Замок Тонга-Лоа 400
4. Владыки Анта 416
5. Душа и сердце Матоа 433
6. Судьба решается 450
7. Проблеск надежды 454
8. Новые опасности 470
9. Преступление королевы 482
10. Тайны подземной тюрьмы 491

11. Поединок с богами 497
12. Великий суд 511
13. Крушение древнего анта 530
ЧАСТЬ III 538
МАРС ПРОБУЖДАЕТСЯ 538
1. Первые шаги 538
2. Два мира 549
3. Выстрел из-за угла 560
4. Путешествие в Элизиум 573
5. Искра Прометея 593
6. Разговор на полюсе 599
7. Невидимые помощники 617
8. Проблески грядущего 630
9. В лучах заката 637
10. Посевы дали всходы 646
11. Великий поход 661
12. Последняя карта 686
13. Рассвет над древним морем 701
ЭПИЛОГ 708

Владимир Михайлов

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

1 724
2 724
3 734
4 741
5 744
6 751
7 756
8 766
9 780

10 786
11 804
12 814
13 818
14 825
15 832
16 842
17 851

Аркадий Стругацкий и Борис Стругацкий

НОЧЬЮ НА МАРСЕ **856**

Михаил Емцев, и Еремей Парнов

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ **874**

Дмитрий Биленкин

НЕЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ **911**

Сергей Жемайтис

БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА

На орбите 917
Посадка 928
Марсианские миражи 935
Кактусята 940
Город над обрывом 945
Свалка мусора 951
Желтое пятно 956
Полет в оранжевых креслах 971
Визит Артаксеркса 980
Туарег в операционной 985
Звучащие письма 991
Синяя тональность 1004
Прогулка по срединному морю 1011

Цветы Лима 1018
Дворец великих решений 1023
«Подмосковная дача» 1038
Великий стратег 1052
И-й-я 1063
Курящий робот 1074
Возвращение 1080
Голубые шары 1083
Великая миссия 1089

Александр Шалимов

ЭСТАФЕТА РАЗУМА **1099**

Константин Ситников

МАРС ЖЕСТОК? **1191**

Настоящая публикация, преследует исключительно культурно—образовательные цели и не предназначена для любого коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п

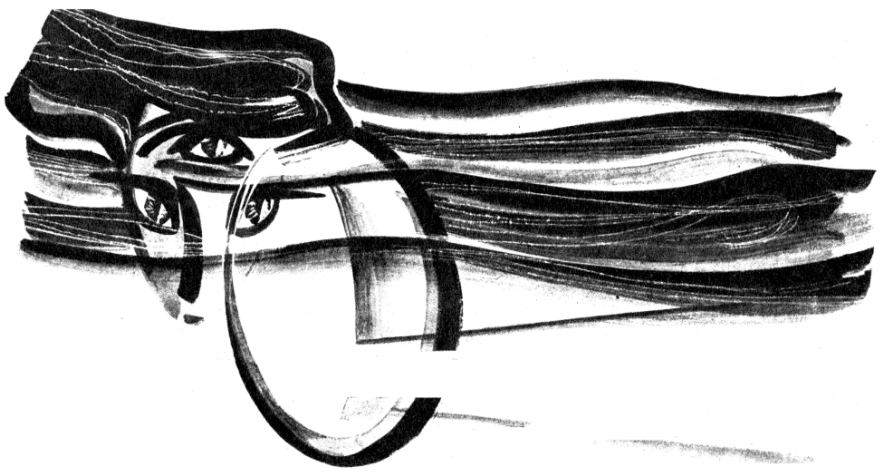

Иллюстрация на обложке художника **А. Листкова**
к повести А. Сазонова «Звездная одиссея».

Идея, работа с текстом и иллюстрациями
by formally
ноябрь 2019 г.

1209

